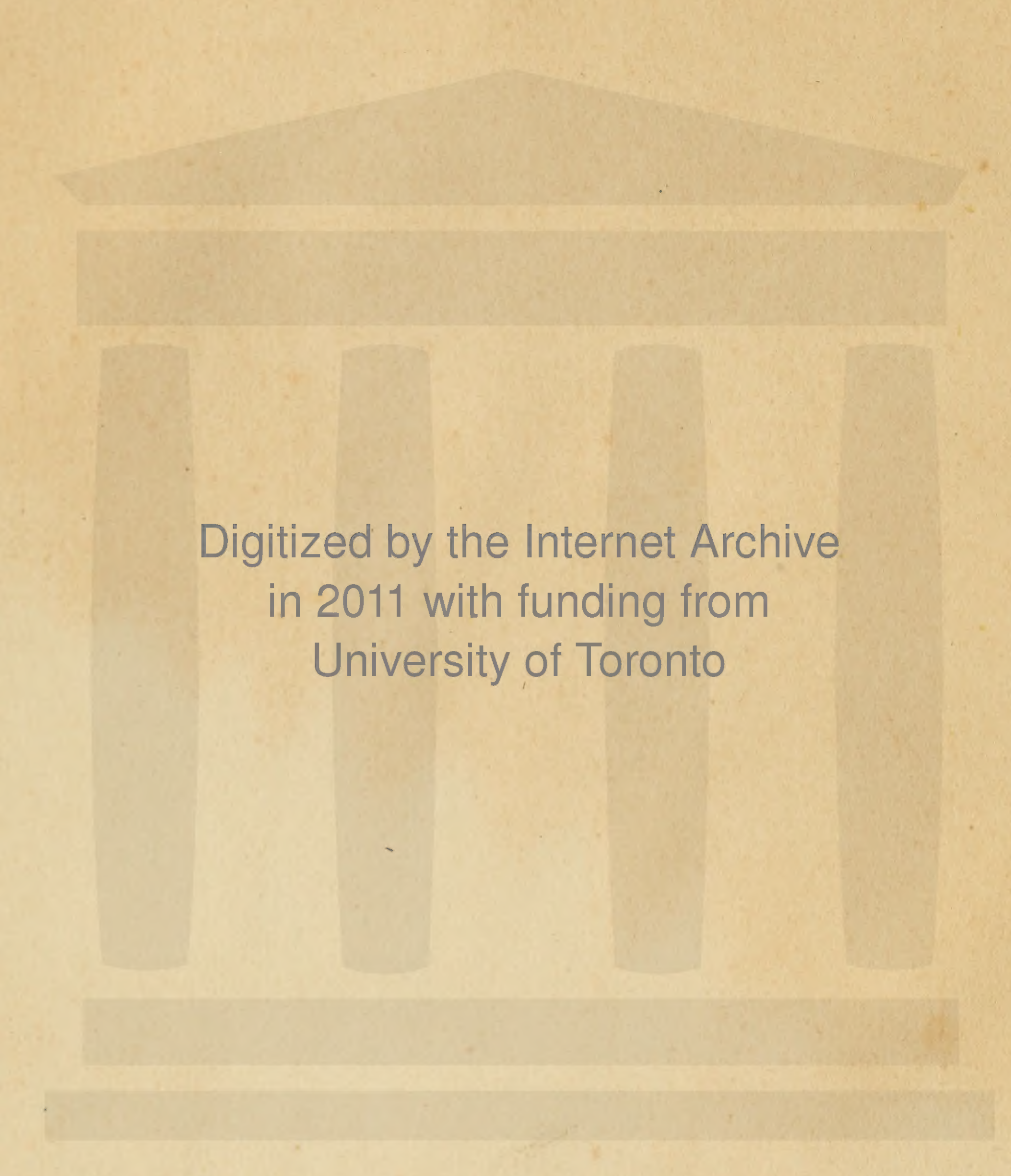

The Institute of
LIBR
Toronto, On

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

П. М. СТРОЕВА.

Сѐ же на оувѣдѣніе и на памѧть благовѣрнымъ человѣкѡмъ.

Антоній, *Путеш. въ Царьградъ.*

Нива смерти жизнью свѣжей
Равнодушно заросла,
И все глуше и все рѣже
Вѣсть про старыя дѣла.

Кн. Вяземскій.

Николая Барсукова,

Члена Археографической Коммиссіи, Помощника Начальника Архива и Библіотеки Святѣйшаго Сѵнода и Члена-Корреспондента Общества Любителей Древней Письменности.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1878.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

П. М. СТРОЕВА.

Сє же на оувѣдѣнїє и на памѧть благовѣрнымъ человѣкѡмъ.

Антоній, *Путеш. въ Царьградъ.*

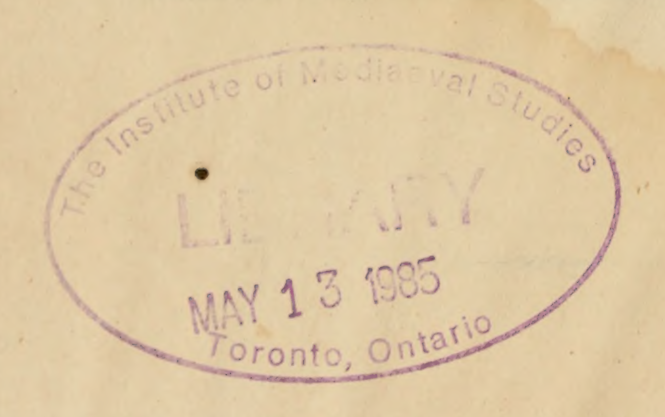
Нива смерти жизнью свѣжей
Равнодушно заросла,
И все глуше и все рѣже
Вѣсть про старыя дѣла.

Кн. Вяземскій.

Николая Барсукова,

Члена Археографической Коммиссіи, Помощника Начальника Архива и Библіотеки Святѣйшаго Сѵнода и Члена-Корреспондента Общества Любителей Древней Письменности.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1878.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

Главнымъ источникомъ, изъ котораго мы почерпали свѣдѣнія о *Жизни и Трудахъ Павла Михайловича Строева*, были бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго Археографа. Бумаги эти, заключающіяся въ девяти томахъ in-f⁰ и двухъ in-4⁰, самъ Павелъ Михаиловичь называлъ своею *канцеляріею*.

Для удобства ссылокъ, всѣ эти томы мы раздѣлили слѣдующимъ образомъ, удержавъ при этомъ заглавія, данныя самимъ П. М. Строевымъ:

1) *Археографическая Экспедиція*, томы I (1828—1830), II (1831—1832) и III (1833—1835).

2) *Археографическое Коммиссіонерство*, томы I (1836—1838), II (1839—1841) и III (1842—1845).

3) *Бумаги входящія и исходящія*, томы I (1846—1851), II (1852—1856), III (1857—1866) и IV (1867—1875). Два послѣдніе тома заключаются въ одномъ переплетѣ *).

4) *Письма отъ разныхъ особъ*, томы I (1815—1830) и II (1831—1851).

Бесѣды съ знаменитымъ Археографомъ, которыми я въ теченіе восьмилѣтняго знакомства съ нимъ никогда не пропускалъ

---

*) Ссылки на эти томы мы обозначали для сокращенія: *А. Э.*, *Арх. Ком.*, *Вход.* и *Исход.*

случая пользоваться, послужили мнѣ живымъ коментаріемъ къ моему главному источнику.

Наслѣдники Павла Михайловича, зная то глубокое уваженіе, которое я всегда питалъ къ нему, довѣрили мнѣ эти томы, и я считаю сердечнымъ долгомъ выразить при этомъ случаѣ вдовѣ его, многоуважаемой Олимпіадѣ Петровнѣ Строевой, и ея почтеннымъ сыновьямъ мою глубочайшую признательность.

Кромѣ бумагъ, принадлежащихъ фамиліи Строевыхъ, я пользовался архивомъ С.-Петербургской Археографической Коммиссіи, которой П. М. Строевъ былъ основателемъ, и перепискою И. П. Сахарова, нынѣ хранящеюся у П. И. Савваитова.

Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеяхъ, а также и въ Библіотекѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ мною тщательно пересмотрѣны: неизданная переписка Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова съ А. Ѳ. Малиновскимъ, бумаги В. М. Ундольскаго и протоколы Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Изъ этихъ-то рукописныхъ источниковъ, а равно и изъ нѣкоторыхъ печатныхъ, я старался выяснить себѣ образъ человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго,—человѣка, посвятившаго долгую жизнь суровому подвигу служенія одному предмету, благородная страсть къ которому, возгорѣвшись въ ранней молодости, теплилась въ немъ до могилы.

По своимъ дарованіямъ, П. М. Строевъ могъ бы, конечно, играть видную роль на болѣе блестящемъ поприщѣ; но «вся красная міра сего» принесъ онъ въ жертву скромной области Русской Археографіи, и ея ради лучшіе годы жизни провелъ онъ въ монастырскихъ и соборныхъ хранилищахъ древней письменности, въ архивахъ, въ кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда, по словамъ самого Строева, «груды древнихъ книгъ и свитковъ снесены были для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истреблять ихъ удобнѣе и скорѣе».

Но «не жалѣйте о томъ», говоритъ славный историкъ Ранке, «кто занимается этимъ, повидимому, сухимъ трудомъ и черезъ то лишаетъ себя житейскихъ наслажденій.... Правда, эти бумаги мертвы, но въ нихъ тлѣетъ остатокъ жизни. Смотрите пристальнѣе: изъ нихъ возрождается жизнь столѣтій».

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить благодарность лицамъ, которыя содѣйствовали труду моему сообщеніемъ рукописей и книгъ: Е. В. Барсову, П. И. Бартеневу, А. Ѳ. Бычкову, Барону Ѳ. А. Бюлеру, А. Е. Викторову, Г. Ѳ. Карпову, Д. Ѳ. Кобеко, Л. Н. Майкову, П. И. Савваитову, С. М. Соловьеву, А. И. Тимоѳееву, Г. Д. Филимонову, Г. Ѳ. Штендману и П. П. Яковлеву.

Николай Барсуковъ.

29-го іюня 1878 года,
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Се же на оучѣнїе и на памѧть благовѣрнымъ человѣкѡмъ.

Антоній, Архіепископъ Новгородскій (*Путешествіе въ Царьградъ въ 1200 году*).

Нива смерти жизнью свѣжей
Равнодушно заросла,
И все глуше и все рѣже
Вѣсть про старыя дѣла.

Кн. Вяземскій.

I.

Въ послѣдніе дни царствованія Великой Екатерины и почти одновременно съ рожденіемъ Великаго Князя Николая Павловича, будущаго Вѣнценоснаго Покровителя Русской Археографіи, именно 27-го іюля 1796 года, родился въ Москвѣ, въ приходѣ церкви Св. Георгія въ Грузинахъ, Павелъ Михаиловичъ Строевъ.

Отецъ его, Михаилъ Александровичъ Строевъ, женатый первымъ бракомъ на дочери гвардіи поручика Варварѣ Николаевнѣ Мельгуновой, по отзывамъ знавшихъ его, былъ человѣкъ практически умный, достаточно образованный и цѣнившій образованіе, что доказывается его заботами объ образованіи сыновей. Павелъ Михайловичъ былъ старшимъ его сыномъ, и вотъ что писалъ къ нему, много лѣтъ спустя, Графъ Ѳ. А. Толстой: „Скажу въ утѣшеніе вашего батюшки, что его Богъ благословилъ такими дѣтками, которыми онъ очень можетъ похвастать“ (*Письма* I, № 225). О нравственныхъ качествахъ М. А. Строева, внуку его, А. П. Строеву, пришлось уже въ шестидесятыхъ годахъ слышать лестный отзывъ князя Ивана Александровича Лобанова-Ростовскаго. На восьмомъ году жизни Павелъ Михай-

ловичъ лишился матери и первое время росъ подъ надзоромъ бабушки своей со отцовой стороны. Когда же Михаилъ Александровичъ вступилъ во второй бракъ, то его мать удалилась въ Алексѣевскій монастырь. Сыновья Михаила Алекандровича отъ перваго брака, особенно старшіе Павелъ и Александръ, рано оставили родительскій домъ, поступивъ въ пансіонъ Виллерса. Это раннее отсутствіе теплой, семейной обстановки, можетъ быть, сказалось впослѣдствіи въ неровностяхъ характера, которыя поражали знавшихъ Павла Михаиловича и скрывали отъ многихъ въ сущности доброе сердце его.

По обычаю того времени, Павелъ Строевъ, имѣя только девять лѣтъ, былъ уже записанъ въ Московское губернское правленіе губернскимъ регистраторомъ (31 янв. 1805 года); а между тѣмъ воспитаніе будущаго археографа шло своимъ чередомъ. Павелъ и Александръ Строевы, связанные между собою тѣсною дружбою, проходили учебные годы вмѣстѣ, хотя старшій постоянно опережалъ младшаго и по успѣхамъ и по развитію. Павелъ Михаиловичъ любилъ впослѣдствіи приводить въ доказательство своего ранняго развитія то, что, девяти лѣтъ отъ роду, онъ читалъ реляціи объ Аустерлицкомъ сраженіи, и слѣдилъ за ходомъ войны по картѣ. Какъ велось дѣло воспитанія въ пансіонѣ Виллерса мы не знаемъ. Извѣстно только, что впослѣдствіи Павелъ Михаиловичъ съ большою похвалою отзывался о частныхъ пансіонахъ, бывшихъ въ Москвѣ въ началѣ XIX вѣка, и закрытіе ихъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ ставилъ въ упрекъ учебной администраціи, отдавая этимъ пансіонамъ преимущество передъ тогдашними казенными заведеніями. По воспоминаніямъ Павла Михайловича, наставниками въ пансіонѣ Виллерса были почти исключительно эмигранты. Изъ пансіона оба брата перешли въ Московскій университетскій благородный пансіонъ. Заведеніе это временъ знаменитаго Прокоповича-Антонскаго достаточно извѣстно по воспоминаніямъ его воспитанниковъ и по монографіи Н. В. Сушкова. Присоединимъ, съ своей стороны, что Павелъ Михайловичъ до конца жизни сохранилъ глубоко признательное воспоминаніе и о самомъ пансіонѣ, и объ его директорѣ. По его отзывамъ, единственно правильныя педагогическія начала для воспитанія Русскаго юношества были примѣняемы въ этомъ учебномъ заведеніи, которому онъ не зналъ цѣны. Любимымъ воспоминаніемъ, которое Павелъ Михайловичъ не уставалъ передавать, было то, что въ двадцатыхъ уже годахъ, на какомъ-то литературномъ обѣдѣ, гдѣ присутствовалъ цвѣтъ Московскаго ученаго міра, Прокоповичъ-Антонскій, оглядѣвъ присутствующихъ, въ числѣ коихъ былъ и Павелъ Михайловичъ, сказалъ: „*А вѣдь это все наши*". Принадлежатъ къ числу этихъ *нашихъ* Прокоповича-Антон-

скаго Павелъ Михайловичъ вмѣнялъ себѣ не въ меньшую честь, какъ и быть членомъ тѣхъ ученыхъ учрежденій, къ коимъ онъ впослѣдствіи принадлежалъ.

Объ учебныхъ годахъ Павла Михайловича, о ходѣ его занятій, объ успѣхахъ въ той, или другой наукѣ не сохринилось преданій. Всегда скромный, хотя и знавшій себѣ цѣну, Павелъ Михайловичъ мало говорилъ о своихъ успѣхахъ, чаще можно было слышать отъ него что либо относившееся до другихъ, или объ общемъ характерѣ заведенія. Въ числѣ его совоспитанниковъ, или, вѣрнѣе, наставниковъ, такъ какъ они были уже старшіе студенты университета, и преподавали, или лучше сказать, туторствовали надъ младшими, были И. И. Давыдовъ и С. А. Масловъ. Въ Пансіонѣ Павелъ Михайловичъ засталъ уже оканчивающаго курсъ А. С. Норова, и разсказывалъ что, играя вмѣстѣ съ другими воспитанниками на дворѣ заведенія, часто видалъ въ окнѣ квартиры директора Прокоповича-Антонскаго, Жуковскаго, уже давно окончившаго курсъ, но жившаго у директора и, съ свойственнымъ ему благодушіемъ, слѣдившаго за играми молодежи. Смотрите, это Жуковскій! говорили воспитанники, указывая на бывшаго однокашника. Еще въ Университетскомъ пансіонѣ опредѣлились направленіе и характеръ послѣдующихъ ученыхъ занятій Павла Михайловича и сказалась его любовь къ Русской исторіи и древностямъ. Въ 1811-мъ году пятнадцатилѣтній юноша на свои карманныя деньги пріобрѣтаетъ многотомную Исторію Россійскую князя Щербатова и принимается за ея изученіе. По его разсказу, это сочиненіе, купленное имъ на Московской толкучкѣ, послужило, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ его библіотеки, которую нашъ будущій ученый мало по малу собиралъ на свои небогатыя средства. За кн. Щербатовымъ слѣдуютъ разрозненные томы Древней Россійской Вивліоѳики Новикова, купленные у того же букиниста и едва не конфискованные у молодаго человѣка, такъ какъ они оказались снесенными на толкучку изъ какой-то домашней библіотеки. Удѣляя деньги на библіотеку изъ своихъ скудныхъ средствъ, Павелъ Михайловичъ долженъ былъ также точно удѣлять время для самостоятельныхъ работъ своихъ, начавшихся еще въ Университетскомъ пансіонѣ: въ будни,—отъ учебныхъ занятій, а въ праздникъ,—отъ обязанностей семейнаго этикета, строго тогда соблюдавшагося въ дворянскихъ семействахъ. Павелъ Михайловичъ, какъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ, каждый праздникъ, вмѣстѣ съ братомъ, отправлялся съ утра въ Алексѣевскій монастырь къ бабушкѣ, за тѣмъ, на Арбатъ къ дѣдушкѣ Н. Н. Мельгунову, а въ заключеніе, со всѣмъ семействомъ, ко второму тестю своего отца, Ѳ. К. Соколову, на семейный обѣдъ,

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ эти семейные авторитеты были въ живыхъ, т. е. до половины двадцатыхъ годовъ *).

Въ августѣ 1812 года шестнадцатилѣтній Строевъ подаетъ въ правленіе Императорскаго Московскаго университета прошеніе о принятіи его въ число своекоштныхъ студентовъ. Экзаменовавшіе его профессора М. Г. Гавриловъ и С. М. Ивашковскій поставили ему удовлетворительныя отмѣтки. „Фамилія Строевыхъ", говорилъ С. П. Шевыревъ, „какъ бы срослась съ Московскимъ университетомъ, такъ какъ три поколѣнія этой фамиліи преемственно проходили чрезъ него". (*Записка* А. П. Строева, л. 2 об., 3).

Между тѣмъ, на Москву надвигалась туча Наполеоновскаго нашествія, а потому и дѣятельность университета пріостановилась. 31-го августа 1812 года, все семейство Строевыхъ спѣшило укрыться изъ Москвы въ Рязань; а наканунѣ вечеромъ Павелъ Михайловичъ съ братомъ и дядькою, возвращаясь на Покровку съ Арбата, куда они ходили проститься съ дѣдушкою Мельгуновымъ, остававшемся въ Москвѣ, попали въ средину огромнаго обоза съ ранеными и едва не были раздавлены. Въ Рязани Строевы прожили до начала 1813 года.

17-го августа того же года, открылись наконецъ лекціи въ университетѣ и студентъ Строевъ началъ слушать «разныхъ профессоровъ наиболѣе Словеснаго отдѣленія». Хотя мы и здѣсь лишены возможности, по недостатку свѣдѣній, слѣдить за ходомъ учебныхъ занятій нашего студента, но, судя по его послѣдующей дѣятельности, утвердительно можно сказать, что сѣмя университетской науки пало на благодарную почву и что вліяніе тогдашнихъ знаменитостей университета замѣтно отражалось на даровитомъ юношѣ. Строго научные, критическіе пріемы Павла Михайловича заимствованы имъ у Тимковскаго и Каченовскаго; а его точный, сжатый, энергичный и въ то же время образный стиль носитъ на себѣ явные слѣды вліянія Мерзлякова.

Но всѣхъ болѣе и съ глубокимъ чувствомъ благодарности поминалъ Строевъ Тимковскаго, съ гордостію называлъ себя ученикомъ его.

Павелъ Михайловичъ сѣлъ на студентскую скамью до того свѣдущимъ въ Русской исторіи, что уже въ декабрѣ того же 1813 года онъ представилъ въ цензуру свою *Краткую Россійскую Исторію*. „Въ пользу Россійскаго юношества", посвященную Обществу Исторіи Древностей Россійскихъ. Книга эта выпущена въ свѣтъ въ 1814 году. Вскорѣ потребовалось второе изданіе этого учебника. Въ предисловіи

*) Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ Записки, составленной А. П. Строевымъ.

къ новому изданію, вышедшему въ 1819 году, сказано: „Благосклонное принятіе публикою перваго изданія Краткой Россійской Исторіи, усугубило во мнѣ желаніе усовершенствовать сей начальный опытъ трудовъ моихъ на поприщѣ словесности“ (стр. V). Не одно поколѣніе училось по этому учебнику и, по отзыву И. И. Срезневскаго, учебникъ этотъ „заслужилъ вниманіе знатоковъ и педагоговъ, и, какъ рѣдкое въ этомъ родѣ явленіе того времени, въ самомъ дѣлѣ былъ достоинъ вниманія“ (*Зап. Имп. Ак. Наукъ* Т. VI, кн. 1. Спб. 1864 г. стр. 113). Только въ тридцатыхъ годахъ Строевскій учебникъ былъ смѣненъ учебниками Погодина и Устрялова. Этотъ начальный трудъ Строева замѣченъ былъ и въ нашихъ западныхъ окраинахъ. Въ 1824 году Виленскій книгопродавецъ Фридрихъ Морицъ обратился къ Строеву съ предложеніемъ перепечатать его сочиненіе съ присовокупленіемъ Россійско-Польскаго Лексикона (*Письма* I, № 87); а помощникъ директора Виленской гимназіи Петръ Островскій въ томъ же году увѣдомлялъ Строева, что вслѣдствіе „безпрерывно возрастающей охоты польскаго юношества къ Россійскому языку“, онъ издалъ Россійскую Исторію „по руководству вашего высокоблагородія, принаровивъ оное къ польскому юношеству“ (ibid. № 88). Еще будучи студентомъ, Строевъ принялъ участіе и въ журналистикѣ. Для помѣщенія своихъ статей Строевъ избралъ С.-Петербургскій журналъ *Сынъ Отечества*, издаваемый Гречемъ. Февраля 5-го, 1814 года онъ напечаталъ въ этомъ журналѣ свою первую статью, въ которой сообщаетъ свѣдѣнія *О художникѣ Парамшинѣ*. Извѣстно, что иконами „Парамшина дѣла“ великіе князья Московскіе, начиная съ Іоанна Іоанновича, благословляли дѣтей своихъ (№ 6, стр. 239—243). Вслѣдъ за симъ, въ томъ же году и въ томъ же журналѣ, Строевъ помѣстилъ извлеченіе изъ предварительнаго разсужденія къ составленной имъ книгѣ: *Историческій, генеалогическій словарь, показывающій: рожденіе, бракосочетаніе, дѣянія и кончину Россійскихъ императоровъ, царей и великихъ и удѣльныхъ князей, ихъ супругъ, дщерей, и вообще всѣхъ владѣтельныхъ лицъ, о которыхъ исторія сохранила какія либо извѣстія*.

Извлеченіе это Строевъ помѣстилъ въ *Сынъ Отечества* подъ заглавіемъ: *О родословіи владѣтельныхъ князей Русскихъ*. Впослѣдствіи увидимъ, что этимъ трудомъ авторъ впервые обратилъ на себя вниманіе государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцова. Такъ какъ книгѣ этой не суждено было явиться въ свѣтъ, а между тѣмъ это былъ первый опытъ молодаго Строева на поприщѣ княжескаго родословія, на которомъ онъ прославилъ свое имя, а потому мы считаемъ умѣстнымъ воспроизвести здѣсь этотъ отрывокъ, выпущенный съ

слѣдующимъ эпиграфомъ, взятымъ Строевымъ изъ Цицерона: Laborem nobis Attici nostri levavit labor; sic familiarum originem subtexuit, ut ex eo clarorum virorum propagines possimus cognoscere *). Вотъ самый текстъ отрывка: „Ни одно государство въ свѣтѣ не было раздѣлено на столько малыхъ владѣній или княжествъ, какъ Россія. Каждое изъ нихъ имѣло собственнаго своего государя, управлялось своими законами и другое, сосѣдственное съ нимъ, княжество почитало за непріязненное, чужое. Сначала удѣльные князья признавали надъ собою власть великаго князя и Россія составляла одно государственное тѣло; но въ послѣдствіи времени такая зависимость совершенно прекратилась. Слабость великаго княжества Кіевскаго, увеличенная безпрестанными междоусобіями и набѣгами хищныхъ Половцевъ, доставляла многимъ удѣльнымъ князьямъ удобный случай отдѣлиться отъ онаго. При Андреѣ Юрьевичѣ Боголюбскомъ произошло два великихъ княженія, потомъ три, а наконецъ, каждый, нѣсколько сильный князь принималъ титулъ Великаго Князя **). Потомство Рюрика, основателя государства, изъ трехъ только человѣкъ при Святославѣ Игоревичѣ состоявшее, по смерти сына его Владиміра, превратилось въ величайшій разсадникъ княжескихъ поколѣній, изъ которыхъ каждое, раздѣлившись на многочисленныя отрасли, составило новый источникъ поколѣній пока напослѣдокъ ма́ленькіе князья, будучи лишены своихъ удѣловъ, вступили въ царскую службу, и чрезъ то дѣлались простыми дворянами. Кто не изумится, узнавши, что число владѣтельныхъ князей, въ теченіе пяти или шести вѣковъ лѣтописями упоминаемыхъ, простирается до тысячи? Но сколько было маленькихъ княжествъ, коихъ исторія намъ неизвѣстна? Сколько было князей, коихъ и именъ даже не знаемъ? Сколько промежутковъ въ родословіи, коихъ мы наполнить не можемъ?

Изъ сего легко видѣть можно, сколь великую пользу родословіе князей приноситъ исторіи. Оно поясняетъ происшествія, иногда открываетъ причины несогласій и междоусобныхъ войнъ, въ продолженіе трехъ вѣковъ (съ XI—XIV) раздиравшихъ Россію. Но сего мало— скажемъ: что̀ была бы исторія русская безъ родословія? Безчисленное множество князей, кои имѣли особые удѣлы, участвовали въ важныхъ событіяхъ вели безпрестанныя войны, дѣлаютъ ее сбивчивою, а оди-

*) «Трудъ нашего Аттика облегчилъ для насъ трудъ: онъ такъ представилъ происхожденіе родовъ, что изъ него мы можемъ знать родословіе знаменитыхъ мужей».

**) Князья Тверскіе, Рязанскіе и другіе назывались великими.

накія ихъ имена затрудняютъ читателя. Одно родословіе служитъ аріадниною нитью въ лабиринтѣ междоусобій.

Необходимость родословія скоро оказалась ощутительною. Писатели и сборщики временниковъ видѣли уже, что читатели ихъ могутъ сбиваться во множествѣ князей, ими упоминаемыхъ, и положили, такъ сказать, начало родословію. Въ большихъ сборникахъ, напримѣръ: въ Никоновской, такъ называемой, древней лѣтописи, въ Степенной книгѣ, часто находимы обстоятельныя извѣстія о происхожденіи многихъ князей, и родословіе ихъ чрезъ шесть, семь и болѣе степеней. Но распространенію родословія способствовало наиболѣе, такъ называемое, мѣстничество. Было время, когда военныя и гражданскія должности и чины получались посредствомъ древности рода, а личныя заслуги почитались недостаточными. Кто былъ въ состояніи вывести родъ свой далѣе другаго, тотъ получалъ первенство, и таковые люди назывались людьми родословными. Сіе заставляло каждаго дворянина имѣть свое родословіе, которое служило бы доказательствомъ его требованій на преимущества, доставляемыя мѣстничествомъ, что и подало поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Начали составлять ложныя родословія: выводить князей, никогда не существовавшихъ *), смѣшивать между собою поколѣнія; богатство, случай тому способствовали. Отъ сего происходили споры. Родословія приносились иногда ко Двору и подтверждались царями. Доказательствомъ сему служить можетъ различіе между родословными книгами, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и Михаилѣ Ѳеодоровичѣ или Алексѣѣ Михаиловичѣ писанными.

Систематическимъ или ученымъ родословіемъ начали заниматься у насъ въ прошломъ столѣтіи. Первыя родословныя таблицы составлены княземъ Щербатовымъ. Сей трудолюбивый мужъ оказалъ родословію не малыя услуги, но слѣпая привязанность къ родословнымъ книгамъ, множество положеній и догадокъ, иногда самыхъ смѣлыхъ,— привели его таблицы въ большую запутанность, такъ что онъ не можетъ часто согласить съ ними происшествій и хронологіи **). Одина-

*) Извѣстно, что весьма многіе изъ россійскихъ дворянъ происходятъ отъ владѣтельныхъ князей, почему родословіе дворянъ имѣетъ тѣснѣйшую связь съ родословіемъ князей. Въ критическихъ примѣчаніяхъ къ Словарю показаны многіе примѣры сего смѣшенія и запутанности.

**) Вотъ два примѣра забывчивости сего Исторіографа. Въ 1147 году, когда Кіевляне убили несчастнаго Игоря Олеговича, нѣкто Михаилъ защищалъ его. Кн. Щербатовъ почитаетъ сего послѣдняго сыномъ Вячеслава Владиміровича (т. II стр. 172) между тѣмъ, какъ, по его же Исторіи, Михаилъ Вячеславичъ умеръ 1129 г. (тамъ же, стр. 121).—Описанное въ т. IV част. I стр. 22—24 про-

кія имена князей затрудняли его также; кто разсмотритъ его таблицу Черниговскихъ князей, тотъ въ этомъ удоствѣрится. Но будемъ справедливы! Князь Щербатовъ достоинъ нашего уваженія. Онъ пролагалъ первую стезю и могъ ли избѣгнуть погрѣшностей?

Гораздо исправнѣйшія родословныя росписи составлены г. Штриттеромъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, наприм. князей Черниговскихъ, составлены съ величайшимъ разсмотрѣніемъ и носятъ на себѣ, такъ сказать, отпечатокъ трудолюбія сочинителя. Но къ сожалѣнію, сіе относится не ко всѣмъ росписямъ: приложенныя къ III части его Исторіи совсѣмъ другаго рода. Совершенное послѣдованіе Бархатной книгѣ, недостатокъ критики и несоотвѣтственность лѣтоисчисленія заставляютъ меня думать, что сіи росписи составлены не самимъ историкомъ, но кѣмъ либо другимъ послѣ его смерти.

Теперь слѣдовало бы упомянуть о книгѣ: *Описаніе службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ*, которая, по тѣсной связи княжескихъ поколѣній съ дворянскими, относится также къ сему предмету. Но сія книга ни что иное есть, какъ переписка родословныхъ книгъ (я говорю только въ отношеніи къ владѣтельнымъ князьямъ), безъ всякаго разсмотрѣнія и критики.

Вотъ все, что сдѣлано для родословія владѣтельныхъ князей русскихъ! — Замѣтить должно, что надъ нимъ трудились одни только историки, которые видѣли, что родословныя таблицы для исторіи ихъ необходимы. Они не могли исполнить двухъ, столь важныхъ дѣлъ. Съ тщаніемъ занимаясь однимъ, они упускали изъ виду другое, и, упражняясь въ другомъ, забывали первое. Никто еще не трудился собственно надъ родословными изысканіями; никто еще сего труда на себя не принялъ. Сколько князей убито на сраженіяхъ при Калкѣ и на Дону, всѣхъ происхожденіе намъ неизвѣстно!

Источниковъ для родословія имѣемъ мы довольно. Они суть слѣдующіе: общіе и частные временники или лѣтописи, разныя постановленія, договоры, граматы, духовныя завѣщанія князей; въ особенности же родословныя книги.

Теперь скажутъ, что таковой трудъ не важенъ, и что для составленія родословныхъ таблицъ не требуется большаго искусства, но мнѣніе сіе несправедливо. Множество одноименныхъ князей, иногда безъ означенія ихъ отчествъ, названіе ихъ по удѣламъ, коихъ они вовсе не имѣли, и многими владѣли ихъ предки, недостаточныя и

шествіе повторяется снова на стр. 343 и 344... Въ критическихъ примѣчаніяхъ къ Словарю покажется еще нѣсколько примѣровъ.

часто ложныя извѣстія, умышленныя поддѣлки: все сіе затрудняетъ и служитъ имъ камнемъ преткновенія.

Разсмотримъ каждый источникъ въ особенности.

Родословныя книги, при всей ихъ невѣрности, составляютъ главнѣйшій, прочія же служатъ только побочными источниками. Вооруженный глубокою проницательностію и строгою критикою, родословъ сличеніемъ нѣсколькихъ книгъ, въ разное время писанныхъ, можетъ отдѣлить вѣрное отъ подложнаго. Таковыхъ книгъ находится весьма много, но до сихъ поръ напечатана только одна, извѣстная подъ именемъ *Бархатной*. Впрочемъ, нѣтъ нужды, и даже излишне было бы каждую родословную книгу издавать порознь: лучше поручить искусному въ семъ дѣлѣ человѣку заняться сличеніемъ оныхъ и составленіемъ полныхъ родословій владѣтельныхъ князей.

Чтожъ касается до побочныхъ источниковъ, то и они весьма важны Погрѣшности, вкравшіяся въ родословныя книги, могутъ быть исправлены по лѣтописямъ; поддѣлки сдѣлаются очевидными. Особенно же заслуживаютъ вниманіе родослова вышепомянутыя малыя родословія, въ сборникахъ попадающіяся *). Кромѣ сего, ко многимъ рукописнымъ лѣтописямъ приложены исчисленія князей, различными удѣлами владѣвшихъ; показаны поколѣнія и т. п. Искусный родословъ ничего не упуститъ изъ виду, и мѣста, обыкновеннымъ читателямъ лѣтописей неважными казавшіяся, послужатъ ему къ важнымъ открытіямъ и дополненію промежутковъ, въ родословіи встрѣчающихся.

Желательно было бы родословіе владѣтельныхъ князей видѣть въ совершеннѣйшемъ видѣ. Тогда исторія получила бы знатное вспомоществованіе; ученые и антикваріи не затруднялись бы именемъ какого нибудь князя, находящимся на мѣстахъ, упоминаемыхъ въ граматахъ или въ неотысканныхъ рукописяхъ письменныхъ памятниковъ позднѣйшихъ вѣковъ, не относили бы ко временамъ древнѣйшимъ, по одному имени малоизвѣстнаго князя. Стоило бы только взглянуть на родословную роспись, и всѣ бы сомнѣнія исчезли". (*Сынъ Отеч.* 1814).

Здѣсь кончается эта любопытная статья, дающая ясное представленіе о критическомъ взглядѣ и пріемахъ нашего будущаго родослова.

О томъ же предметѣ Строевъ напечаталъ въ *Сынъ Отечества* другую статью подъ заглавіемъ: *Родословный чертежъ поколѣній вла-*

*) Таковыя родословныя извѣстія весьма много способствовали мнѣ къ исправленію родословныхъ росписей. Въ крит. примѣч. къ Словарю моему, многіе тому примѣры.

дѣтельныхъ князей русскихъ. Въ этой статьѣ онъ, между прочимъ, воздаетъ должную справедливость Татищеву, о которомъ кричали: „Татищевъ не достоинъ никакого вѣроятія, а его повѣствованіе бредъ. Зачѣмъ быть неблагодарными“! говоритъ Строевъ. „Онъ первый принялся за Русскую исторію, а развѣ легко положить основаніе“? Отдавая справедливость Татищеву, Строевъ дѣлаетъ слѣдующее справедливое замѣчаніе о Шлецерѣ. „Покойный А. Л. Шлецеръ, мужъ, оказавшій незабвенныя услуги исторіи нашего отечества, безпрестанно бранитъ Татищева, обвиняетъ Новикова въ поддѣлкѣ древнихъ грамотъ, между тѣмъ какъ самъ не могъ отличить истиннаго происшествія отъ вставленной басни“. (*Сынъ Отечества* 1815 г. № LI, стр. 218, 219). Потомъ Строевъ напечаталъ въ *Сынѣ Отечества* подробный разборъ вышедшей въ 1814 году въ Харьковѣ первой части *Исторіи Донскаго войска.* Разборъ этотъ Гречъ напечаталъ съ нѣкоторыми выпусками, что не понравилось Строеву и онъ въ своемъ *Современномъ Наблюдателѣ* написалъ: „Въ критикѣ на Исторію о Донскомъ войскѣ, изданной г. Поповымъ, Издатель *Сына Отечества* выпустилъ нѣсколько страницъ безъ предварительнаго о томъ со мною сношенія. Знаемъ, что онъ скажетъ, что это *обрѣзано* было цензурою; но это только одна отговорка. Сказанное въ началѣ критики о комедіи *Прасковья Борисовна Правдухина* и о множествѣ вышедшихъ въ прошломъ году одъ, никакая цензура отрѣзать не можетъ“ (№ 7, стр. 147, 148). И дѣйствительно, вотъ что по этому поводу писалъ Гречъ къ Строеву: „Теперь дѣло прошлое, но могу увѣрить васъ, что всѣ мѣста, исключенныя изъ критики вашей на исторію о Донскомъ войскѣ вымараны были цензурою, которая находилась тогда въ параксизмѣ строгости. Вы напрасно на меня жаловались въ семъ случаѣ“ (*Письма*, I, № 4).

Кажется, студентъ Строевъ собпрался продолжать переводъ Шлецерова Нестора, начатаго еще въ 1800 году Языковымъ. По крайней мѣрѣ Гречъ (отъ 12-го іюля 1815 года) писалъ Строеву: „Не считаю нужнымъ напечатать письма вашего въ *Сынѣ Отечества*; ибо могу васъ увѣдомить, что пріятель мой Д. И. Языковъ перевелъ уже остальныя части Шлецеровой книги и онѣ печатаются на счетъ Кабинета“ (*Письма*, I, № 1).

Наконецъ, въ мартѣ 1815 года, Строевъ выступилъ и съ своимъ собственнымъ журналомъ *Современный Наблюдатель Россійской Словесности.* „Новый журналъ! Критическій! Издатель студентъ! Новая мода! Безъ обертки! Брань на Хераскова! Бичъ журналистовъ, романовъ!“ закричали со всѣхъ сторонъ при первомъ появленіи *Наблюдателя.* Журналъ открывался Письмомъ издателя въ Казань, въ которомъ,

между прочимъ, читаемъ: „Ты удивляешься, любезный другъ, что я сдѣлался журналистомъ. Опасенія твои въ разсужденіи моей чести не совсѣмъ справедливы. У насъ смотрятъ на журналиста съ двухъ сторонъ, совершенно противныхъ: или почитаютъ его человѣкомъ необыкновеннымъ, или презираютъ какъ маленькое твореніе. Въ тотъ самый день, когда вышелъ газетный листокъ, съ объявленіемъ о моемъ *Наблюдатель*, прихожу я, по обыкновенію, въ университетъ; ты знаешь, что я тамъ студентомъ—толпа товарищей, изъ коихъ нѣкоторые прежде не хотѣли даже говорить со мною, меня окружаютъ. Они смотрѣли на меня какъ на диво: имъ кажется, что въ званіи журналиста скрывается нѣчто великое. Идучи оттуда, захожу я въ Левантъ. Лишь только я отворилъ дверь, всѣ тутъ сидѣвшіе обратили на меня свои взоры.

Молодой человѣкъ, въ модномъ фракѣ темносиняго цвѣта, подходитъ ко мнѣ, спрашиваетъ о цѣли моего журнала; заводитъ разговоръ о словесности, и мимоходомъ читаетъ мнѣ нѣсколько своихъ бездѣлокъ. „Были ли вы вчера въ театрѣ?—спросилъ меня пожилой человѣкъ. — Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ я ему.—Очень жаль, что вы не были; піеса прекрасная — и началъ витійствовать о русскихъ трагедіяхъ. Изъ нѣсколькихъ его словъ уже замѣтилъ я, что онъ старый любитель Мельпомены, и нѣкогда самъ былъ ея питомцемъ. Удалился я въ другую комнату. Но вообрази, я и тутъ не остался въ покоѣ. Напротивъ меня сидѣли молодой офицеръ, нѣмецкій артистъ и щеголеватой господчикъ. „Безъ сомнѣнія, вы станете также заниматься политикою“ — сказалъ мнѣ Марсовъ служитель. „Изящныя искусства войдутъ, конечно, въ планъ вашего журнала“, прибавилъ артистъ; и, легенькіе стишки, подхватилъ петиметръ. Теперь скажи, любезный другъ, отъ чего происходитъ это? Бывало, прежде я смиренно просиживалъ по нѣскольку часовъ въ темномъ углу, одинъ съ своею трубкою. Помнишь, какъ ты разсказывалъ намъ критическое свое положеніе въ домѣ Б. Ты былъ туда рекомендованъ; хозяйка заводила съ тобою разговоръ; ты отвѣчалъ только *да* или *нѣтъ*. Недостатокъ предмета въ разговору заставилъ тебя скоро откланяться. Но такого происшествія со мной случиться не можетъ. Кто же меня отъ того ограждаетъ? Журналъ... Вчера познакомился я съ молодымъ графомъ С. и съ полковникомъ Н. Первый изъ нихъ долго былъ въ чужихъ краяхъ, и хотя не имѣетъ натуральнаго ума, однакожъ онъ философствуетъ о свободѣ, о политическомъ равновѣсіи европейскихъ государствъ и тому подобномъ. Другой, престарѣлый воинъ. Что же заставило ихъ искать моего знакомства? — Журналъ. Графъ выдаетъ завтрашній день глубокомысленное разсужденіе о правахъ Пруссіи на

Саксонію; а полковникъ написалъ громкую оду на взятіе Парижа и отдалъ ее въ печать. Они хотятъ, чтобы я похвалилъ ихъ сочиненія въ моемъ *Наблюдатель.* Первый обѣщалъ мнѣ хорошую рекомендацію къ своему дядѣ, который занимаетъ важную государственную должность; а полковникъ клялся, что въ двѣ недѣли выучитъ меня славно драться на сабляхъ. Теперь скажи же мнѣ, любезный другъ, не имѣю ли я предъ тобою значительныхъ выгодъ. Ты долженъ добиваться знакомства съ посредственнымъ чиновникомъ, чтобы получить какое нибудь мѣсто. Напротивъ того, я имѣю знакомство съ министромъ; моимъ фехтмейстеромъ заслуженный полковникъ; я не боюсь недостатка матеріи въ разговорѣ съ знатною дамою, и всѣмъ этимъ обязанъ—журналу" (№ 1, 3—8). Письмо это писано къ Дермидону Петровичу Самсонову, о которомъ Павелъ Михайловичъ, будучи уже въ глубокой старости, отзывался мнѣ съ искреннимъ чувствомъ и глубокимъ уваженіемъ, называя его своимъ другомъ, и считалъ себя ему много обязаннымъ въ своемъ развитіи. Къ сожалѣнію, въ Строевскихъ бумагахъ не сохранилось о немъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, кромѣ нѣскольскихъ писемъ его, имѣющихъ совершенно приватный характеръ. Только изъ нижеслѣдующаго письма къ Строеву изъ Казани, отъ 16-го іюня 1816 года, подписаннаго буквами М. Ю., мы можемъ составить нѣкоторое понятіе о Самсоновѣ: „Нашъ Казанскій чудакъ съ половины апрѣля живетъ въ деревнѣ здѣшняго помѣщика, а своего благодѣтеля, Мусина Пушкина. Онъ теперь занимается съ дѣтьми Пушкина, очень часто бесѣдуетъ съ древними, мараетъ бумагу и хочетъ что-то вскорѣ напечатать; удивляетъ, какъ самъ онъ пишетъ, странностью своихъ сужденій любви достойную и умную супругу г. Пушкина; ходитъ нерѣдко въ поле и восхищается прекраснымъ мѣстоположеніемъ деревни, въ коей живетъ. Вотъ все, что мы знаемъ о Самсоновѣ. Съ слѣдующею почтою напишу къ нему бранливое письмо за то, что лѣнится писать къ вамъ, къ тѣмъ людямъ, о коихъ самъ же всегда отзывается съ почтеніемъ и съ удовольствіемъ вспоминаетъ о дружбѣ и пріязни, каковымъ пользовался въ бытность свою въ Москвѣ. Впрочемъ я надѣюсь, что вы, зная его, извините" (*Письма*, I, № 7). Вслѣдъ за вступительнымъ письмомъ въ Казань, въ *Наблюдатель* напечатаны знаменитыя письма Издателя къ дѣвицѣ Д. *О Россіадѣ, поэмѣ г. Хераскова* (№№ 1, 3). Письма эти обратили на себя всеобщее вниманіе и возбудили негодованіе многихъ и въ особенности адмирала Шишкова, который писалъ по поводу ихъ въ Москву слѣдующее: „Въ вашей московской словесности, также какъ и въ здѣшней, часто встрѣчаю глупое самолюбіе и невѣжество ребятъ, которыхъ бы не худо было, для ихъ же добра,

высѣчь розгами. На этихъ дняхъ попался мнѣ журналъ, въ которомъ какой-то студентъ судитъ и бранитъ безъ милости Хераскова. Вотъ нравы, которымъ поучаютъ юношей! Вмѣсто, чтобъ скромными сочиненіями стараться напередъ снискать себѣ имя, онъ съ такою же дерзостію, съ какимъ и невѣжествомъ, ругаетъ мертваго старика, со всѣхъ сторонъ почтеннаго! Хочетъ показать свой умъ и свои знанія, но вмѣсто сего показываетъ свою глупость, невѣжество и худой нравъ. Признаюсь, что я не могу ничего подобнаго прочитать безъ крайпяго сожалѣнія о худомъ воспитаніи молодыхъ нынѣшнихъ людей. Кажется, какъ будто всѣ училища превратились въ школы развратовъ, и кто оттуда ни выдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути и голова у него набита пустотою, а сердце самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоразумію". Это любопытное письмо помѣщено въ изданной послѣ смерти адмирала книжкѣ, подъ заглавіемъ: *Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ адмирала Шишкова.* Спб. 1841 г. Бѣлинскій, разбирая эту книжку, по поводу приведеннаго письма дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Говорить правду о Херасковѣ значитъ показать свою глупость, невѣжество, худой нравъ, пустую голову и самолюбивое сердце, и училище, въ которомъ учился злодѣй, есть истинная школа развратовъ! Но всего интереснѣе тутъ то обстоятельство, что новое время и нынѣшніе молодые люди въ письмѣ г. Шишкова относятся теперь уже къ старому времени и довольно пожилымъ людямъ: журналъ, въ которомъ покойный Шишковъ нашелъ возмутившую его душу статью о Херасковѣ, есть не иное что, какъ *Современный Наблюдатель Россійской Словесности*, сама же статья принадлежала издателю журнала, нынѣшнему почтенному археологу и археографу, Павлу Михайловичу Строеву, который, будучи оскорбленъ грубымъ незнаніемъ Хераскова, смѣшавшаго въ своей *Россіадѣ* Іоанна III съ Іоанномъ IV или Грознымъ, напалъ на него въ умной, энергической статьѣ; а между тѣмъ Мерзляковъ, въ своемъ *Амфіонѣ*, издававшемся въ томъ же 1815 году, напалъ на *Россіаду* съ эстетической стороны, и также навлекъ на себя бездну неудовольствій". (*Сочин. В. Бѣлинскаго*, V, М. 1860, стр. 356, 357). Разбирая переводъ кн. И. М. Долгорукаго романа Коцебу *Филиберъ*, по поводу содержанія его Строевъ замѣтилъ: „Прежде отъ романовъ развращались одни люди взрослые; нынѣ хотятъ даже развращать самое юношество: невинность не можетъ уже болѣе служить щитомъ противъ искушеній разврата".... Читая переводъ кн. Ивана Михайловича Долгорукаго, продолжаетъ Строевъ „кажется, что читаешь по французски: составъ рѣчи, выраженія, обороты—все французское". Этотъ отзывъ навлекъ на критика гнѣвъ ав-

тора *Бытія моего сердца*, какъ о томъ сообщилъ мнѣ впослѣдствіи самъ Павелъ Михайловичъ.

Возставая, такимъ образомъ, противъ Хераскова, князя Долгорукаго и другихъ, *Наблюдатель* относился съ должнымъ уваженіемъ къ корифеямъ нашей литературы Карамзину и Дмитріеву. Такъ, выходъ въ свѣтъ сочиненій сихъ послѣднихъ онъ привѣтствовалъ слѣдующимъ образомъ: „Прошедшій годъ (1814) останется достопамятнымъ не только въ исторіи политической, но и въ исторіи ученой. Я говорю не о множествѣ торжественныхъ одъ и гимновъ, коихъ никто не читаетъ; не о біографіяхъ знаменитыхъ полководцевъ, кои не столько приносятъ имъ славы, сколько ихъ унижаютъ; не о драматическихъ сочиненіяхъ, кои умерли вмѣстѣ съ первымъ своимъ представленіемъ, не о кабалистикахъ, ворожеяхъ и сонникахъ, коими потчивали насъ книгопродавцы. Я говорю о произведеніяхъ, коихъ слава и достоинство зависятъ не отъ минутныхъ обстоятельствъ, но отъ красотъ единственныхъ; кои будутъ возбуждать удивленіе во всѣхъ народахъ и во всѣ времена; кои ускоряютъ ходъ просвѣщенія, наукъ и художествъ: словомъ, о такихъ произведеніяхъ, коихъ сочинители пріобрѣли себѣ вѣнецъ неувядаемый и право на признательность потомства. Прошедшій годъ обогатилъ нашу словесность новыми изданіями сочиненій И. И. Дмитріева и Н. М. Карамзина, обогатилъ вмѣстѣ исторію народныхъ добродѣтелей. Кому не извѣстенъ благородный поступокъ И. И. Дмитріева, который, узнавъ о великой потерѣ, понесенной здѣшнимъ книгопродавцемъ Свѣшниковымъ отъ нашествія Французовъ, предоставилъ ему изданіе своихъ сочиненій.... Похвала симъ знаменитымъ писателямъ была бы излишнею: кто изъ Русскихъ не читалъ ихъ сочиненій?“ (№ 2, стр. 47 — 50). Такъ какъ разсмотрѣніе журналовъ и библіографія составляли существенную часть программы *Наблюдателя*, то, естественно, онъ не поладилъ съ другими своими собратами. Едва только появился въ свѣтъ *Современный Наблюдатель Россійской Словесности* какъ *Вѣстникъ Европы* уже объявилъ свѣту, что журналъ этотъ издается „недоучившимся студентомъ“; а вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ ему слѣдующую рекомендацію: „*Современный Наблюдатель Россійской Словесности* — есть не иное что какъ вывѣска характеровъ нашего времени. Поверхностныя нахватанныя познанія, недостатокъ опытности, холодное какое-то самолюбіе, совершенное отсутствіе всякаго чувства и безмѣрная дерзость. Въ *Вѣстникѣ Европы* сказано, что онъ издается недоучившимся студентомъ. Это было видно! Одинъ изъ университета спѣшитъ съ лорнетомъ или въ очкахъ на бульваръ, бѣгаетъ на немъ розинею, толкаетъ встрѣчнаго и поперечнаго, не снимаетъ шляпы

предъ профессоромъ, у котораго еще вчера сидѣлъ въ классѣ, и дерзкою улыбкою даетъ ему чувствовать, что онъ вышелъ изъ-подъ ферулы. Нельзя сказать, чтобъ издатель *Современнаго Наблюдателя* не имѣлъ нѣкоторыхъ познаній и ума; но и то и другое шло у него не въ прокъ. Онъ судилъ и рядилъ обо всѣхъ, а самъ, кромѣ начальнаго разбора *Россіады*, *Филибера* и *Путешествія въ Индію*, не могъ написать ничего" (*Вѣстн. Евр.* 1815 г., № 17, стр. 135, 136). За *Наблюдателя* вступился, однако, *Сынъ Отечества*, предварительно заявивъ, что пристрастіе отнюдь не водитъ перомъ *Сына Отечества*, которому-де тоже доставалось отъ *Наблюдателя*. Въ *Сынѣ Отечества* сказано, между прочимъ: „Есть люди хорошіе, добрые, умные, которые чрезвычайною пылкостью души, необыкновеннымъ чистосердечіемъ и рѣшительнымъ тономъ въ изложеніи мнѣній своихъ, пріобрѣтаютъ худую славу дерзкихъ, неосновательныхъ, насмѣшниковъ, оскорбителей и т. п., между тѣмъ какъ вся погрѣшность ихъ состояла въ томъ, что они слишкомъ откровенно обнаруживали свои мнѣнія и не смотрѣли на обстоятельства, время и мѣсто. То же бываетъ и съ книгами, особенно журналами. Такъ, напримѣръ, мы увѣрены, что бо̀льшая часть читателей нашихъ разумѣетъ подъ названіемъ *Современнаго Наблюдателя Россійской Словесности* журналъ, наполненный дерзостью, оскорбленіями, личностями, показывающій незрѣлость и невѣжество своего издателя. Сіе происходитъ отъ того, что многіе, оскорбленные искренними его замѣчаніями, не щадили словъ на униженіе своего противника. Извѣщая публику о начатіи сего журнала (въ 16 кн. *Сына Отеч.* 1815), мы сказали, что надѣемся имѣть въ немъ хорошее изданіе. Нынѣ получили мы 18 нумеровъ его, и не жалѣемъ о своихъ словахъ. Правда, что тонъ издателя рѣшителенъ и рѣзокъ, что мнѣнія его не всѣ равно основательны, что проглядываетъ и пристрастіе, отъ котораго при всѣмъ желаніи нашемъ трудно освободиться, что встрѣчаются неисправности, ошибки; но видѣнъ также умъ, вкусъ, таланты и познанія, особенно въ Россійской исторіи, которыхъ нельзя не пожелать многимъ записнымъ литераторамъ. Скажемъ рѣшительно, что сужденія о семъ журналѣ въ 13-й книжкѣ *Вѣстника Европы* (въ довольно извѣстной статьѣ: *Нѣчто о журналахъ*) были слишкомъ рѣзки, несправедливы, и показывали личное неудовольствіе сочинителя той статьи на издателя *Современнаго Наблюдателя Россійской Словесности*. Если онъ студентъ недоучившійся, то мы поздравляемъ его учителей: доучившіеся ихъ студенты должны быть люди отмѣнно умные и ученые. Вотъ наше безпристрастное мнѣніе о семъ журналѣ, который, къ радости многихъ, уже прекратился". (*Сынъ Отеч.* 1815 № 17, стр. 120). Дѣйствительно, 31-го іюня 1815 года,

Строевскій *Наблюдатель* уже окончилъ свое кратковременное существованіе. Прощаясь съ нимъ, мы не можемъ не обратить вниманія на помѣщенное во второй его части сочиненіе Строева (№ 13 и 14): *Нѣчто о Миѳологіи Славянъ Россійскихъ и въ особенности о богинѣ Золотой бабѣ.* Въ одномъ изъ примѣчаній (стр. 52), авторъ высказываетъ слѣдующій взглядъ на *Слово о Полку Игоревѣ*: „Нѣкоторые находили въ этой пѣснѣ духъ Оссіяна; но сіе несправедливо: она писана въ духѣ библейской, или, лучше сказать, восточной словесности". Изъ другихъ статей укажемъ на подробный разборъ Библіографіи Сопикова (№ 15). Въ послѣднемъ 18-мъ нумерѣ *Наблюдателя* (31 іюня 1815) Строевъ говоритъ читателямъ: „Оканчивая послѣднюю книжку *Современнаго Наблюдателя*, поставляю себѣ обязанностью изъявить господамъ подписавшимся искреннѣйшую мою благодарность за ихъ снисхожденіе во время выдачи сего журнала. Занимаясь одинъ составленіемъ онаго, и встрѣчая на каждомъ шагу чрезвычайныя затрудненія, мнѣ никакъ не возможно было выдавать нумера *въ настоящее* ихъ время. Вышедшіе восемнадцать нумеровъ *Современнаго Наблюдателя* не должно почитать за нѣчто цѣлое: это ничто иное есть, какъ *зачатое* зданіе, оставленное при первомъ своемъ основаніи. Главное мое намѣреніе при началѣ сего журнала было то, чтобы онъ по окончаніи своемъ представлялъ вѣрную картину успѣховъ словесности его времени. Въ немъ, кромѣ разбора книгъ, хотѣлъ я помѣщать жизнеописанія отличнѣйшихъ нашихъ писателей по порядку хронологическому, извлеченія изъ лучшихъ иностранныхъ классическихъ сочиненій, и вообще соединить *теорію* съ *практикою*; но, что дѣлать, надежды мои остались тщетными". Вскорѣ послѣ прекращенія *Наблюдателя*, именно въ концѣ іюля 1815 года, Строевъ получилъ письмо отъ Греча, имѣвшее рѣшительное вліяніе на всю судьбу нашего студента: „По личному порученію графа Н. П. Румянцова, прошу васъ увѣдомить меня",—писалъ Гречъ,—„кончено ли вами сочиненіе *О родословіи Россійскихъ князей*, котораго отрывокъ помѣщенъ былъ въ *Сынѣ Отечества* 1814 года, и намѣрены ли вы издать оное? Его сіятельство, любитель всего касающагося до Россійской исторіи, желаетъ, сколько я примѣчаю, способствовать изданію сей книги. Извините меня, что я пишу, не означая ни имени вашего, ни отечества, по незнанію ихъ. Прошу васъ увѣдомить меня о чинѣ и адресѣ вашемъ для сообщенія о томъ его сіятельству" (*Письма*, I, № 1).

О ближайшихъ послѣдствіяхъ этого достопамятнаго въ жизни Строева письма мы узнаемъ изъ слѣдующей его собственноручной записки: „Въ исходѣ 1815 года, сдѣлавшись извѣстенъ по историческимъ статьямъ въ журналѣ *Сынъ Отечества* покойному Государствен-

ному Канцлеру, я былъ приглашенъ его сіятельствомъ къ занятію должности Главнаго смотрителя въ Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Обрадованный слишкомъ лестнымъ, для девятнадцатилѣтняго юноши, призывомъ, я оставилъ университетъ, не окончивъ курса". (*Вх. и Исх.* I, 183).

II.

Громкая воинская слава героя Задунайскаго не соблазнила сыновей его. *Non solum armis* было девизомъ старшаго изъ нихъ, нашего государственнаго канцлера графа Николая Петровича Румянцова. Любовь къ наукамъ, а не оружіе — создала безсмертную славу его имени. Графъ Николай Петровичъ и младшій братъ его, графъ Сергій, представляли послѣдніе образчики того вельможнаго боярства, которое почти исчезло уже при Карамзинѣ. „Люблю ихъ душевно", говоритъ Карамзинъ о братьяхъ Румянцовыхъ, „это остатки стараго, лучшаго міра! Нынѣшніе вельможи, буде ихъ можно такъ назвать, не имѣютъ въ себѣ ничего піитическаго, ни историческаго. Кто изъ нихъ могъ бы запѣть; O Richard, o mon Roi? Нѣтъ ни чувства, ни голоса" (*Письма* Карамзина къ Дмитріеву. Спб. 1866). Къ сожалѣнію, графъ Николай Петровичъ слишкомъ поздно пристрастился къ Русскимъ древностямъ. „Жаль", говорилъ онъ, „что мой жаркій и неутомимый духъ дѣйствуетъ такъ поздно; но повсюду не давая покоя, не безъ пользы же моя къ древностямъ отечественнымъ алчность" (Ельпидифоръ Барсовъ, *Госуд. канцл. гр. Н. П. Румянц.* Древн. и Нов. Россія 1877, № 5, стр. 6). Румянцовъ, по справедливому замѣчанію А. Ѳ. Малиновскаго, „оставилъ вельможамъ нашимъ возвышенный образецъ патріотизма: служить государству и по увольненіи отъ службы" (*Собр. Госуд. Грам. и Догов.* М. 1828, IV, стр. IV). Дѣятельность его на поприщѣ Русскихъ древностей есть дальнѣйшее развитіе той археологической школы, которая обязана своимъ существованіемъ Екатеринѣ Великой. Назначая исторіографа Миллера начальникомъ Московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Императрица поручила ему составить Собраніе русской дипломатики, по примѣру изданій Дюмона. Миллеръ, уже преклонный въ лѣтахъ, не могъ сдѣлать многаго для выполненія этой задачи, но онъ приготовилъ учениковъ. Чувствуя приближеніе своей смерти, почтенный ста-

рецъ очень боялся, чтобы Московскій архивъ не попалъ въ руки чиновника, какимъ былъ Собакинъ, его предшественникъ, и, желая упрочить свою школу, онъ просилъ Государыню, чтобы на его мѣсто назначены были ученики его: Бантышъ-Каменскій, Стриттеръ и Соколовскій. Представленіе было уважено. Такимъ образомъ, школа Миллера была обезпечена въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи, и ученики его продолжали неустанно работать надъ исторіей Русской дипломатики.

Въ 1807 году, во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ становится графъ Николай Петровичъ Румянцовъ и воспринимаетъ мысль Екатерины составить и издать Собраніе русской дипломатики по образцу Дюмона. 13-го декабря 1810 года, онъ поручилъ начальнику Московскаго архива, Н. Н. Бантышъ Каменскому, составить планъ для предпринимаемаго изданія; въ томъ же мѣсяцѣ планъ былъ готовъ, а 3-го мая 1811 года при Московскомъ архивѣ иностранной коллегіи образовалась, наконецъ, Коммисія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. При жизни Бантышъ-Каменскаго, въ 1813 году, была издана первая часть Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, и онъ, представляя Государственному канцлеру заготовленные имъ матеріалы для изданія второй и третьей частей, писалъ ему: „Безсмертную вы сдѣлали Отечеству услугу, даровавъ свѣтъ толико лѣтъ лежавшимъ въ пыли и забвеніи безцѣннымъ Россійскимъ Древностямъ. Хвала, честь и слава отъ благодарнаго Отечества въ роды родовъ за сіе возсылаема будетъ вашему имени“. Чувствуя приближеніе смерти, Бантышъ-Каменскій завѣщалъ Графу назначить на свое мѣсто сотрудника своего Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго; а въ помощь ему кандидата Калайдовича (Е. Барсовъ, стр. 7, 8). Коммисія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ помѣщалась въ Архивѣ иностранной коллегіи, и составляла съ нимъ одно цѣлое. „Въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Москвы, пишетъ Вигель въ своихъ Запискахъ, въ глухомъ и кривомъ переулкѣ, за Покровкой, старинное каменное зданіе возвышается на пригоркѣ, коего отлогость, мѣстами усѣянная кустарникомъ, служитъ ему дворомъ. Темные подвалы нижняго его этажа, узкія окна, стѣны чрезмѣрной толщины и низкіе своды верхняго жилья показываютъ, что оно было жилищемъ одного изъ древнихъ бояръ, которые во время Петра Великаго держались еще обычаевъ старины. Для храненія древнихъ хартій, копій съ договоровъ, ничего нельзя было пріискать приличнѣе сего стариннаго каменнаго шкапа, съ желѣзными дверьми, ставнями и кровлею. Все строеніе было наполнено, завалено кипами старыхъ дѣлъ... При Павлѣ строгости военной дисциплины побѣдили неодолимое отвра-

щеніе молодыхъ русскихъ къ подъяческой службѣ. До того времени московская молодежь едва ли знала о существованіи Московскаго архива. Вдругъ нарушается тишина сего мирнаго убѣжища. Одна волна недорослей, франтовъ, гонитъ въ архивъ другую. Самая ранняя заря жизни встрѣчалась въ немъ съ позднимъ ея вечеромъ... Манерные, раздушенные Евреиновы и Курботовы писали вмѣстѣ съ Большаковыми и Щученковыми. Подлѣ князя Гагарина и графа Мусина-Пушкина вы бы увидѣли Тархова въ старомъ фризовомъ сюртукѣ". (*Воспомин.* М. 1864, I, 172, 173). Вотъ въ эту-то „мрачную храмину" (по выраженію Вигеля), въ которой хранились, однако, „цѣлебные останки нашей древней письменности", въ февралѣ 1816 года, по вызову Государственнаго канцлера, вступилъ молодой Строевъ и занялъ должность Главнаго смотрителя въ Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Едва Строевъ занялъ эту должность, какъ получилъ, чрезъ Малиновскаго, порученіе Государственнаго канцлера—составить для него историческую записку о Маріи Голтяевой. (*Письма* I, № 5). Скоро и хорошо исполнилъ Строевъ это первое порученіе, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее письмо Графа къ Малиновскому (отъ 4-го апрѣля 1816 г.): „Премного благодаренъ вашему превосходительству, равно какъ и г. Строеву, за доставленную мнѣ записку о Маріи Голтяевой. Я точно тѣмъ же ходомъ дошелъ и прежде до сей истины, предположивъ, что дочь ея, безъ сомнѣнія, была неименованная супруга кн. Ярослава Владиміровича, и послѣ, къ крайнему своему удовольствію, нашелъ въ одной только лѣтописи полное тому подтвержденіе. Пожалуйте, скажите отъ меня г. Строеву, при свидѣтельствованіи ему моего поклона, что догадка наша утверждается слѣдующимъ: въ Воскресенской лѣтописи, стр. 16, между прочимъ написано: „А княжъ Володиміровы дѣти: Иванъ бездѣтенъ да Семенъ, а третій сынъ Андрей, а лежитъ во Архангеле, у кн. Андрея въ головахъ Углецкаго, а была за нимъ Иванова дочь Дмитріевича, да Ярославъ, а понялъ дочерь Ѳедорову Ѳедоровича Голтяева". Г. Строевъ трудами своими доказываетъ отличную способность къ объясненію историческихъ древностей нашихъ, что побуждаетъ меня просить его, чтобы онъ въ таковыхъ трудахъ, дѣлающихъ честь ему, не ослабѣвалъ". Съ своей стороны, и Малиновскій показываетъ свое расположеніе къ Строеву, и когда, въ августѣ этого же года, полученъ былъ указъ о зачисленіи его къ архиву (*Арх. Ком.* III, 350), Малиновскій поздравилъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Любите меня и будьте такой усердный къ службѣ всегда, какъ теперь; а что только зависитъ отъ меня, я радъ и готовъ къ удовольствію вашему сдѣлать" (*Письма*, I, № 9).

Отнынѣ Строевъ, по справедливому замѣчанію И. И. Срезневскаго, выступилъ на „тернистый, менѣе видный, но болѣе полезный путь изслѣдованій, отысканія и разработки памятниковъ, и остался на немъ навсегда. Заслуги его въ этомъ пути незабвенны: трудами своими онъ въ числѣ не многихъ содѣйствовалъ дѣйствительнымъ успѣхамъ Русской исторической науки“ (*Зап. И. А. Н.* VI, 1, стр. 113).

На отвѣтственности Главнаго смотрителя Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ лежало: повѣрка и переправка вновь описей и окончательное приготовленіе матеріаловъ къ печатанію, равно какъ и составленіе по алфавиту росписей историческихъ и географическихъ наименованій. Такимъ образомъ, Строевъ принялъ участіе въ изданіи второй и третьей частей Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, которое продолжалось нѣсколько лѣтъ.

Въ числѣ сослуживцевъ Строева по Коммисіи былъ Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичь, имя котораго обыкновенно такъ тѣсно соединяютъ съ именемъ П. М. Строева, что считаемъ долгомъ сказать здѣсь нѣсколько словъ и о немъ. Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичь родился въ Ельцѣ въ 1792 году, слѣдовательно, былъ четырьмя годами старше Строева, и въ 1810 году окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата словесныхъ наукъ. Онъ, такъ же какъ и Строевъ, будучи еще студентомъ, самостоятельно занимался литературою и въ 1808 году издалъ *Плоды трудовъ моихъ, или сочиненія и переводы.* По окончаніи университетскаго курса, первымъ дѣломъ для молодаго кандидата, по показанію П. А. Безсонова, была поѣздка къ Троицѣ и въ Виѳанію, чтобы взять благословеніе у митрополита Платона и состязаться съ нимъ о первыхъ страницахъ Несторовой лѣтописи. Въ то время когда Строевъ обучался въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ, Калайдовичь училъ въ Пансіонѣ Россійской исторіи и географіи. Въ 1811 году, слѣдовательно, на другой годъ по выходѣ изъ университета, Калайдовичь былъ избранъ въ члены Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при чемъ ему поручено было издать *Достопамятности*, за которыми засталъ его приснопамятный 1812 годъ. Въ іюлѣ этого года Калайдовичь писалъ къ С. Н. Глинкѣ: „какъ ангелъ-утѣшитель, явился царелюбивой Москвѣ Александръ Благословенный. Молебное пѣніе за спасеніе престола и отечества, колѣнопреклоненія, великодушные порывы пожертвованій, приносимыхъ въ жертву отечеству дворянствомъ доблестнымъ и купечествомъ именитымъ,—все это воспламенило меня до сладостной готовности умереть за Царя и Отечество“. Дѣйствительно, Калайдовичь переименовался изъ кандидатовъ въ подпоручики и поступилъ въ ополченіе.

Когда Наполеоновскія полчища были прогнаны изъ отечества, Калайдовичь опять поступилъ на службу при университетѣ. (Безсоновъ, *К. Ѳ. Калайдовичь*, стр. 6, 9, 11, 12, 24).

Начальникъ Московскаго архива иностранной коллегіи Н. Н. Бантышъ-Каменскій передъ самою своею смертью (1814 г.) писалъ Государственному канцлеру, что такъ какъ при печатаніи трактатовъ „требуется человѣкъ знающій крѣпко литературу и Россійскую исторію, то рекомендую на сіе мѣсто кандидата Калайдовича“ (*Записки К. Ѳ. Калайдовича*, въ *Лѣтоп. Русск. Литерат. и Древн.* 1859 г., кн. IV, стр. 86). Рекомендація эта и была уважена и, какъ мы увидимъ ниже, Калайдовичь былъ принятъ въ коммисію въ качествѣ „сторонняго контръ-корректора“. Въ 1814 году Калайдовичь занимался, между прочимъ, Суздальскимъ краемъ, и въ концѣ этого года ѣздилъ во Владиміръ, но тамъ вышелъ съ нимъ какой-то „особенный случай“, слухи о которомъ быстро распространились, и Калайдовичу угрожало „оффиціальное наказаніе“. Въ чемъ, однако, заключался этотъ „особенный случай“ остается не разъясненнымъ. Знаемъ только, что 1-го февраля 1815 года отецъ Калайдовича объявилъ своего сына сумасшедшимъ и до половины іюля продержалъ его въ домѣ умалишенныхъ; а затѣмъ отправилъ его въ Николо-Пѣсношскій монастырь, гдѣ онъ и прожилъ съ 16-го іюля 1815 года по 16-е іюля 1816 года (Безсоновъ, стр. 42, 50). Такимъ образомъ, мы прослѣдили жизнь Калайдовича до того времени, когда имя его въ первый разъ упоминается въ Строевскихъ бумагахъ, т. е. до того письма Греча къ Строеву, отъ 24-го ноября 1815 года, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Полоумный Калайдовичь не хотѣлъ увѣдомить меня о вашемъ адресѣ, узнавъ особенно, что графъ Румянцовъ поручилъ мнѣ о васъ освѣдомиться“ (*Письма*, I, № 4). Какъ относился Строевъ къ Калайдовичу, во время постигшаго его несчастія, можно судить изъ нижеслѣдующаго письма послѣдняго изъ своего таинственнаго заключенія, отъ 23-го іюня 1816 года: „Любезный другъ Павелъ Михайловичъ! При внезапной ко мнѣ перемѣнѣ обманчиваго счастія вы одни изъ не многихъ сохранили чувства прежняго добраго ко мнѣ расположенія, которое никогда не истребится изъ благодарнаго моего сердца“. (*Письма*, I, № 8). Относясь къ Калайдовичу съ христіанскимъ чувствомъ сострадательнымъ, Строевъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ гражданское мужество во всеуслышаніе оцѣнивать заслуги несчастнаго. Такъ, разбирая въ *Сынѣ Отечества* 1815 года изданія Общества Исторіи и Древностей (*Труды и Достопамятности*), Строевъ по поводу статьи Калайдовича: *Розысканіе о пришествіи Рюрика въ Ладогу*, напечаталъ слѣдующее: „Г. Шлецеръ, не помню гдѣ-то, сказалъ о Байерѣ: сочине-

нія сего мужа будутъ всегда украшать Академическія комментаріи; тоже сказать можно о г. Калайдовичѣ: сочиненія его по справедливости служатъ лучшимъ украшеніемъ Записокъ общества. Онъ есть издатель *Русскихъ Достопамятностей*, хотя не знаю почему, въ предисловіи къ онымъ о семъ не упомянуто. Сей молодой авторъ имѣетъ чрезвычайныя познанія въ Россійскихъ Древностяхъ. Жаль, что обстоятельства заставили его на *нѣкоторое время* оставить пріятныя для него упражненія" (№ 52, стр. 255, 256). Калайдовичь, узнавъ объ этомъ отзывѣ, просилъ Строева прислать ему въ Пѣсношь ту книгу *Сына Отечества*, гдѣ онъ напечатанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приписалъ слѣдующее: „Позвольте также спросить, въ какомъ вы къ оному собранію отношеніи и истребило ли оно обо мнѣ память, или иногда еще вспоминаетъ прежнее усердіе, хотя бывшее нѣсколько не по разуму" (*Письма*, I, № 8)? Живя въ Пѣсноши, Калайдовичь изучалъ исторію, топографію и внутреннее состояніе Пѣсношскаго монастыря (Безсоновъ, стр. 50) и безъ церемоній обращался къ Строеву съ слѣдующими не очень легкими порученіями:

„1) Справиться въ каталогахъ Синодальной библіотеки, въ коей, въ *Описаніи святыхъ и добродѣтельныхъ мужей*, помѣщено житіе преподобнаго Меѳодія, основателя монастыря Пѣсношскаго. Поищите сего же житія въ большихъ Макарьевскихъ Минеяхъ Четьихъ... Спросите у Ѳерапонтова, не нашелъ ли онъ жизни сего Пѣсношскаго чудотворца, или не знаетъ ли чего о ней? 2) Доставьте мнѣ выписку анекдота, помѣщеннаго, помнится, въ *Вѣстникѣ Европы* г-на Карамзина, о происхожденіи названія рѣки *Яхромы*. Сообщите краткую хронологическую записку о князѣ Георгіѣ Васильевичѣ, коего на Пѣсношѣ хранится кадило, данное въ 1469 г. Справьтесь съ 1-го частію Россійскихъ грамотъ и договоровъ, нѣтъ ли какихъ либо даяній княжескихъ въ Пѣсношскій Николаевскій монастырь, а особливо въ духовныхъ грамотахъ. 3) Поищите въ лѣтописяхъ, а особливо у князя Щербатова въ *Исторіи*, т. V, ч. 1, стр. 2 и въ *Древней Росс. Вивліофикѣ*, изд. 2, въ т. XVII на стр. 192 и 194 извѣстія о началѣ Симонова монастыря, о князѣ Вассіанѣ, сосланномъ въ 1526 году въ Волокъ Ламскій отъ царя (sic) Василія Іоанновича за споръ касательно незаконнаго царскаго брака съ кн. Глинскою. Нѣтъ ли какихъ либо свѣдѣній о Коломенскомъ епископѣ Вассіанѣ Топорковѣ, удалившемся отъ паствы на Пѣсношь въ 1512 году и давшемъ совѣтъ Іоанну Грозному управлять деспотически государствомъ. 4) Справьтесь со всѣми находящимися у васъ лѣтописями, нѣтъ ли въ нихъ какого свѣдѣнія о началѣ въ 1361 году Николаевскаго Пѣсношскаго монастыря. Особенно потрудитесь заглянуть для сего въ Временникъ русскій и лѣтопись, наз-

ванную Никоновскою. А о посѣщеніяхъ царскихъ Пѣсноши, нѣтъ ли чего въ Царственномъ Лѣтописцѣ и Дворцовыхъ запискахъ царя Алексѣя Михаиловича, напечатанныхъ въ Москвѣ, а временъ царей Ѳеодора, Іоанна и Петра Алексѣевича въ Запискахъ о жизни сего императора, изданныхъ въ 11-ти частяхъ г. Туманскимъ. И наконецъ 5) Справьтесь съ Синодальнымъ каталогомъ, въ коемъ на концѣ помѣщены духовныя грамоты, нѣтъ ли какихъ относительно монастыря Пѣсношскаго? Также и въ Архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ о томъ потрудитесь развѣдать. Если что либо въ вышеозначенныхъ источникахъ найдете для меня нужное, то, именемъ дружбы, умоляю все сіе сохраните въ удовлетворительныхъ выпискахъ и въ непродолжительномъ времени мнѣ пришлите. Чувства моей бладарности будутъ неизъяснимы" (*Письма*, I, № 8). Описаніе Пѣсношскаго монастыря, для котораго требовались всѣ эти справки, вышло въ свѣтъ уже по смерти Калайдовича, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Историческое и топографическое описаніе мужскаго общежительнаго монастыря Св. Чудотворца Николая, что на Пѣсношѣ, съ присовокупленіемъ уставовъ и чиноположенія.* М. 1837 (съ рисунками). Въ заключеніе, должны сказать, что ходатаемъ предъ старикомъ Калайдовичемъ объ освобожденіи его сына изъ монастыря является нашъ почтенный Д. Н. Бантышъ-Каменскій, котораго К. Ѳ. Калайдовичъ называетъ „цѣлителемъ души своей". Въ іюлѣ 1816 г. Константинъ Федоровичъ получилъ отъ своего отца письмо, въ которомъ тотъ пишетъ: „Прошедшаго года, іюля 16-го дня, прибылъ ты въ монастырь, почему сего года, іюля 16-го дня, и долженъ ты оный оставить. Помолись Господу Богу Іисусу Христу и Пречистой Его Матери, также угодникамъ Божіимъ—Святителю Николаю и преподобному Меѳодію, и поблaдари отца Пахомія за его отеческое попеченіе, взявъ на путь его благословеніе, испроси отъ него монастырскую подводу и пріѣзжай ко мнѣ". Возвратясь въ Москву, Калайдовичь снялъ послушническую одежду и остригъ отрощенные въ монастырѣ волосы. Въ слѣдующемъ 1817 г. Калайдовичь былъ приглашенъ Государственнымъ канцлеромъ участвовать въ изданіи II части Собранія грамотъ, а въ 1819 году утвержденъ былъ въ должности „контръ-корректора" (Безсоновъ, стр. 51, 52, 55).

Но возвратимся къ Строеву. Въ 1817 году, Государственный канцлеръ возложилъ на Павла Михайловича важное порученіе: осмотрѣть и описать монастырскія библіотеки Московской епархіи. Положено было начать съ обители св. Іосифа Волоколамскаго. Предъ выѣздомъ, Строевъ получилъ отъ А. Ѳ. Малиновскаго въ руководство слѣдующее наставленіе для осмотра монастырской библіотеки знамени-

таго Іосифова монастыря: 1) Всѣ находящіяся въ тамошней библіотекѣ старинныя рукописи разобрать, и приведя ихъ въ порядокъ по долямъ листа наклеить печатные номера. 2) Сдѣлать подробную опись всѣхъ рукописей, взявъ въ образецъ Маттеевъ каталогъ греческихъ манускриптовъ, хранящихся въ Сѵнодальномъ и Типографскомъ книгохранилищахъ. 3) Изъ всѣхъ оныхъ рукописей дѣлать извлеченія. 4) Осмотрѣть монастырскій архивъ и со всего, что найдется любопытнаго, снять вѣрныя копіи. Впрочемъ предоставляя на собственное ваше замѣчаніе и смѣтливость все то, чего напередъ предвидѣть невозможно (*Арх. Ком.*, III, 355).

Іюня 9-го 1817 года, Строевъ выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ Калайдовичемъ, который, воспользовавшись каникулярнымъ временемъ, *самъ* отпросился сопутствовать своему товарищу до Волоколамскаго монастыря. Рано утромъ слѣдующаго дня, наши молодые ученые прибыли въ Новый Іерусалимъ, гдѣ „по особенному благорасположенію О. Ризничаго Петра, не только получили свободный входъ въ ризницу и библіотеку, но и полную свободу пересмотрѣть всѣ хранящіяся тамъ рукописи и сдѣлать изъ нихъ извлеченія, сколько то время позволитъ". Такъ доносилъ Строевъ Малиновскому, отъ 12-го іюня 1817 года, присовокупляя, что „по сему самому провели они нѣсколько часовъ въ библіотекѣ и могутъ утвердительно сказать, совершенно оную осмотрѣли; въ ней кромѣ печатныхъ книгъ, числомъ до нѣсколькихъ сотъ, рукописей весьма мало, большая часть изъ нихъ суть книги служебныя. Изъ всѣхъ сихъ рукописей сдѣланы краткія извлеченія и записано все, что только почему либо казалось любопытнымъ". Далѣе Строевъ поздравляетъ Малиновскаго „съ открытіемъ весьма важнымъ для исторіи древней литературы нашей! Сей любопытный и драгоцѣнный памятникъ есть рукописный *Сборникъ*, писанный въ 1073 году для князя Святослава Ярославича. Г. Калайдовичь сдѣлалъ оному полное описаніе". Изъ Воскресенска, путешественники отправились въ сосѣдній монастырь св. Саввы Сторожевскаго. „Тамъ они", по объясненію Строева, „нашли пріязнь и доброе въ ихъ пользу расположеніе отца Казначея Мелхиседека, но настоящаго своего желанія, къ сожалѣнію, никакъ удовлетворить не могли, по той причинѣ, что ключи отъ ризницы и библіотеки увезены тамошнимъ намѣстникомъ въ Москву, откуда онъ еще не скоро возвратится. Между тѣмъ, судя по библіотечному каталогу, Саввинскій монастырь совсѣмъ не богатъ рукописями; но, можетъ быть, многія книги не вписаны въ каталогъ и остаются поверженными въ кипахъ старинныхъ бумагъ и столпцовъ, коихъ, по увѣренію отца казначея, тамъ весьма еще много". Утромъ 12-го

числа Строевъ и Калайдовичь прибыли, наконецъ, въ Іосифовъ монастырь и „тотчасъ по пріѣздѣ увидѣли палату, въ коей помѣщены древнія книги. Перебирая нѣкоторыя изъ нихъ, попалось уже много любопытнаго; напримѣръ, переводъ Дамаскина екзархомъ Іоанномъ съ предисловіемъ сего послѣдняго, гораздо яснѣйшимъ, нежели каково оное въ экземплярѣ Сунодальнаго книгохранилища; новыя дополнительныя статьи къ законамъ ц. Іоанна Васильевича; сборникъ многихъ доселѣ неизвѣстныхъ грамотъ разнаго рода и т. п.“. Показаны были также риза и набедренникъ св. Іосифа, въ семъ монастырѣ хранящіеся. Вышитыя на набедренникѣ подобія буквъ, по мнѣнію Строева, не суть настоящія буквы, а просто какія-то въ симметріи идущія фигуры; вытканныя же на ризѣ слова онъ считаетъ за Китайскія, тѣмъ болѣе, что синяя шелковая матерія (по монастырскому каталогу таусинный атласъ), изъ коей сдѣланъ самый верхъ ризы, есть настоящая Китайская.

Іюня 12-го Калайдовичь разстался съ Строевымъ и проѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ іеромонахомъ Іоакимомъ. Эту поѣздку до Москвы Калайдовичь описалъ въ двухъ слѣдующихъ письмахъ къ Строеву, одно изъ сельца Михалева (отъ 15-го іюня), а другое изъ Москвы (отъ 21-го іюня): „Любезнѣйшій другъ Павелъ Михайловичъ! Вручитель письма О. Іоакимъ, котораго пріятнѣйшимъ сопутствованіемъ я не могу довольно нахвалиться, можетъ васъ увѣдомить о подробностяхъ нашего странствованія; а я съ своей стороны упомяну, что мы, посѣтивъ нашего пріятеля г. Благова и почтеннѣйшаго генералъ маіора Михаила Михайловича Веревкина, прибыли на Пѣсношь, гдѣ, принесши благодареніе Богу и помолясь о вашемъ здоровьи, рѣшились возвратиться, я въ Москву, а О. Іоакимъ въ Іосифовъ. Теперь пишу къ вамъ изъ дома генерала Веревкина; я намѣренъ обозрѣть съ нимъ остатки городища, близь его сельца лежащаго, и осмотрѣть надгробные старинные камни. Разставшись съ О. Іоакимомъ въ домѣ генерала Веревкина, я на другой день вечеромъ возвратился въ Пѣсношь; провелъ тамъ воскресенье и въ понедѣльникъ вмѣстѣ съ О. Настоятелемъ отправился по тракту къ Москвѣ въ село Новоспасское (въ 12-ти верстахъ отъ Дмитрова), коимъ владѣетъ Пв. Вас. Головинъ. Тутъ провелъ остатокъ дня, переночевалъ и въ ночь пустился въ дорогу; въ среду на разсвѣтѣ 20-го іюня прибылъ я въ первопрестольный градъ Русскаго царства. О помѣщикѣ Новоспасскомъ на слова: доброта его, ласковой пріемъ и набожность извѣстны всѣмъ. его знающимъ. Ризница его церкви богата мощами и рѣдкими иконами, собранными еще его прапрадѣдомъ. Въ библіотекѣ Головина нашелъ я два списка Разрядовъ, изъ коихъ одинъ древнѣе

архивскаго, ибо относится къ 1478 году, а архивскій 1492 г.; неизвѣстное доселѣ путешествіе при ц. Михаилѣ гостя Василія въ Ерусалимъ и Египетъ. Разряды того же числа представлялъ его превосходительству, которые онъ съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ. Вслѣдъ за симъ представилъ выписки и замѣчанія, учиненныя нами въ Воскресенскомъ, Саввинѣ, Іосифовѣ и особенно мною въ Дмитровскомъ Борисоглѣбскомъ монастыряхъ, гдѣ найденъ мною камень съ надписью 1467 г.“ (*Письма*, I, № 12).

Между тѣмъ, Строевъ, оставшись одинъ въ Волоколамскомъ монастырѣ, немедленно приступилъ къ разбору и описанію библіотеки, состоявшей по преимуществу „изъ большихъ и древнихъ сборниковъ“. Вотъ что доносилъ Строевъ Малиновскому, отъ 16-го іюня 1817 года: „Книги разсортировалъ я по долямъ и, взявъ въ образецъ Маттеевъ каталогъ синодальныхъ греческихъ рукописей, принялся за составленіе подробнаго онымъ списка. На первый случай посылаю вашему превосходительству описаніе пергаминнаго Евангелія. Кромѣ сего найдены мною Похвала Когану Владиміру, коей единственный экземпляръ въ той самой рукописи, откуда взята была пѣснь Игорева; поученіе, доселѣ неизвѣстное, Туровскаго епископа Кирилла, жившаго въ началѣ XII в. Съ крайнимъ прискорбіемъ долженъ, объяснить вашему превосходительству, что въ предпринятомъ нами дѣлѣ предстоитъ главнѣйшее затрудненіе—недостатокъ писца. Гг. учители отказались начисто. Если я стану бумаги переписывать, особенно выписки дѣлать изъ книгъ самъ, то ваше превосходительство легко представить можете сколько у меня пропадетъ по пустому времени и могущаго произойти отъ того потери здоровья, которое я выше всего въ свѣтѣ цѣню“. Затѣмъ, Строевъ проситъ Малиновскаго отправить съ нимъ кого либо изъ служащихъ въ архивѣ, и что, въ противномъ случаѣ, при всемъ рвеніи въ пользу графа Николая Петровича, онъ принужденъ будетъ отказаться отъ обязанности, которая не смотря на любовь его къ историческимъ занятіямъ, становится тягостною по причинѣ необъятности предстоящаго труда и малозначительности къ оному пособій“. Въ заключеніе Строевъ говоритъ: „Въ письмѣ моемъ къ вашему превосходительству я сего не объяснилъ для того, чтобы графъ Николай Петровичъ не принялъ меня за лѣнивца, но клянусь вамъ, что я до сихъ поръ сижу по цѣлымъ днямъ дома и безпрестанно пишу. При томъ же ваше превосходительство и сами приказали мнѣ до Графа некасающіяся матеріи объяснять въ особыхъ приложеніяхъ (*Неизд. переп. Госуд. Канцлера*). Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь упоминаемое въ письмѣ Строева описаніе Евангелія, замѣчательнаго по своей глубокой древности: „Евангеліе расположено

по днямъ и начинается съ 1-й главы Іоанна, читаемой въ праздникъ св. Пасхи. Писано въ листъ на пергаминѣ, уставомъ, одинаковомъ съ книгою Дамаскина въ Синодальной библіотекѣ и найденнымъ нами въ Воскресенскомъ монастырѣ *Сборникомъ*. На первомъ листѣ фигурная заставка и таковыя же начальныя буквы каждаго зачала. Всѣхъ листовъ 152, но конца недостаетъ. Судя по древности почерка, наружному виду и слѣдующимъ отличіямъ отъ нынѣшнихъ Евангелій, должно полагать, что оно принадлежитъ если не къ XI, то навѣрно къ XII вѣку.

Разности:

Ев. Матѳея. Азъ же глю вамъ яко весь іже възрить на женоу *с похотью*, оуже *любы створи* снею въ срцы своемъ.

Тамъ же: Рече Гь къ пришедъшимъ кнемоу Июдѣемъ горе вамъ *книгъчиꙗ* и фарисѣи и *оупокрити*.

Ев. Марка. Не разоумѣꙗтели вьсяко, ꙗже извъноу въходить въ члвка неможеть сего ѡсквернити ꙗко не въходить ꙗмоу въ срдце нъ въ чрѣво и сквозѣ заходъ исходить.

Ев. Матѳея. Пять же бѣ ѿ нихъ боуи и пять моудръ.

Тамъ же: *Моудящу* женихоу въздрѣмашася вся.

Тамъ же: Блаженъ рабъ тъ ꙗгоже пришьдъ Гь свои обрящетъ такѡ творяща; аминь глю вамъ ꙗко надъ всѣмъ ымѣніемъ своимъ поставить и ащели рчетъ злыи рабъ въ срдцы своꙗмъ: *моудить* гнъ мои прити ї начьнеть любити подроугы своꙗ и пр. Кромѣ сего гдѣ въ печатномъ Евангеліи стоитъ *нѣкій* здѣсь *ꙗтеръ* или ꙗтери; часъ вездѣ *година*; елей—*олей*; ради—*дѣля*; пѣтелъ—*куръ*. Во многихъ мѣстахъ вмѣсто: Рече Господь ко пришедшимъ поставлено *вѣровавшимъ* Іудеомъ. Чего нынѣ совсѣмъ нѣтъ" (*Неизд. переп. Госуд. Канцлера*).

Малиновскій „удивлялся счастливымъ открытіямъ Строева". Объ этомъ увѣдомилъ послѣдняго Калайдовичь, поздравлявшій съ своей стороны, съ открытіемъ *Когана*: „ради Бога спишите его до отъѣзда въ Москву". Далѣе Калайдовичь пишетъ: „Замѣчанія ваши на Евангеліе весьма важны, только не знаю къ которому вѣку должно отнести сіе Евангеліе; исключая словъ *мудящу—мудить*, всѣ выраженія, вами отмѣченныя, найдены и въ Евангеліи синодальномъ 1144 года. Поученіе Кирилла Туровскаго кажется мнѣ извѣстно... Всѣ отцы и братія архивскія вамъ кланяются и ожидаютъ съ нетерпѣніемъ того часа, въ который увидятъ васъ увѣшаннаго лаврами отъ Кліо по прошествіи труднаго и долговременнаго поприща... Титулъ *главнаго смотрителя* дозволенъ, хотя на все сіе взиралъ неравнодушнымъ окомъ извѣстный общій нашъ пріятель переучившійся *профессоръ*. Вообразите сколь будетъ жестокое для него испытаніе надъ своимъ

сердцемъ въ то время, когда вы окончите описаніе знаменитой Іосифовской библіотеки, въ коей, можетъ, найдете еще много драгоцѣннаго... Что вы пишете о чаѣ? Это для меня нерѣдкость. Мы и сами на Пѣсношѣ пивали его послѣ утрени, до обѣдни, передъ обѣдомъ по полудни и наконецъ на сонъ грядущимъ, что все съ итогами составитъ болѣе 30 чашекъ. Скажите о чемъ либо поновѣе — неизвѣстнѣе; напримѣръ, о пѣсни Игоревой и ему подобномъ. Богъ да укрѣпитъ васъ, да утѣшитъ, да поможетъ въ трудѣ вашемъ... Отъ меня скажите поклонъ вашему Ивану съ желаніемъ, чтобы онъ не боялся карканья монастырскихъ вороновъ" (*Письма*, I, № 12). Малиновскій не могъ не быть доволенъ трудами Строева въ Волоколамской библіотекѣ. Отъ 21-го іюня, онъ писалъ къ нему: „Очень благопріятны оба извѣщенія ваши о богатствѣ матеріаловъ, найденныхъ вами въ Іосифовскомъ монастырѣ. Принятую вами методу разсортировывать рукописи по долямъ и описывать ихъ по образцу Маттея, апробую. Вмѣстѣ съ вами сожалѣю о недостаткѣ въ переписчикахъ, и когда пріѣдете въ Москву, то это дѣло наладимъ. Будучи въ Волоколамскѣ, повидайтесь съ учителемъ тамошняго народнаго училища Васильемъ Ивановичемъ Драницынымъ, и сказавъ ему мой поклонъ, попросите его, не имѣетъ ли въ виду писца для васъ изъ тамошнихъ жителей" (*Письма*, I, № 13).

Открытіе Святославова Изборника „принято было нашимъ генераломъ съ особеннымъ восторгомъ", писалъ Калайдовичъ къ Строеву. Малиновскій поручилъ Калайдовичу немедленно увѣдомить о столь важномъ открытіи государственнаго канцлера графа Румянцова, который, съ своей стороны, и поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ преосвященнаго Евгенія: „Позвольте мнѣ похвалиться предъ вами драгоцѣнною находкою для любителей россійскихъ древностей. Между забытыми бумагами Воскресенскаго монастыря отысканъ сборникъ, содержащій разныя выписки изъ Святаго Писанія, составленный въ 1073 году повелѣніемъ в. кн. Святослава Ярославича. Онъ писанъ въ большой листъ, на весьма тонкомъ и бѣломъ пергаминтѣ въ два столбца прекраснымъ уставнымъ письмомъ, украшенъ живописью; въ одномъ изъ украшеній изображена княгиня Святославова и пятеро ихъ дѣтей. Послѣсловіе сей книги написано по подобію стиховъ и по сему самому есть уже драгоцѣнный памятникъ древней нашей словесности. Правописаніе сей рукописи и тѣмъ отличается, что буква щ, встрѣчаясь очень рѣдко, большею частію замѣняется буквами ш и т. *Сію важную находку сдѣлали гг. Строевъ* и *Калайдовичъ*, которыхъ я посылалъ отыскивать рукописей въ Воскресенскомъ, Звенигородскомъ и Іосифа Волоколамскаго монастыря" (*Переписка митр.*

Евгенія съ гр. Румянц. Воронежъ, 1868. 1, 6, 7). Митрополитъ Евгеній отвѣчалъ, что Сборникъ Воскресенскій теперь будетъ у насъ „третьимъ подлинникомъ словенской словесности XI вѣка, послѣ Остромирова Евангелія 1056 года и Сборника кн. Щербатова 1076 года. Но употребленіе въ старинныхъ рукописяхъ буквъ шт вмѣсто щ не есть новое открытіе, а давно извѣстное“ (ibid, 7). Славу открытія этой драгоцѣнности обыкновенно приписываютъ одному Калайдовичу; но это, какъ мы видѣли, несправедливо и самъ Государственный канцлеръ раздѣлялъ эту славу между Калайдовичемъ и Строевымъ. Не смотря на всѣми признанную важность для науки Изборника Святославова, онъ до сихъ поръ, къ стыду нашему, оставался неизданнымъ и только теперь Общество Любителей Древней Письменности по вызову членовъ своихъ Г. Ѳ. Карпова и Т. С. Морозова приступаетъ къ его изданію способомъ фото-литографическимъ.

О трудахъ и открытіяхъ Строева въ обители св. Іосифа Волоколамскаго Малиновскій доводилъ до свѣдѣнія Государственнаго канцлера, который благодарилъ Малиновскаго „за пріятное извѣстіе“ о успѣхахъ Строева и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ ему (отъ 30-го іюня 1817 года): „Вы, выбравъ—Строева виновникомъ счастливой удачи и я вамъ и ему свидѣтельствую мою признательность, обѣихъ васъ прося начатое дѣло окончить; я признаюсь вамъ, что нѣсколько тѣмъ опечаленъ, что по письму г. Строева вижу, что онъ собирается возвратиться, не рано-ли? Естьли воротится не окончивъ дѣла, прошу васъ его уговорить вторично съѣздить и пожалуйте ему въ подмогу писчиковъ и не одного. Отысканныя уже бумаги очень любопытны, но самое мое сильное желаніе состоитъ въ отысканіи древняго харатейнаго списка Несторова или же Новгородскаго лѣтописца. Не упускайте пожалуйста изъ виду разбирательство тѣхъ старинныхъ бумагъ и столпцовъ, коихъ, по словамъ О. Казначея Саввинскаго монастыря, въ сей святой обители много, и дайте выразумѣть Отцу Казначею или тамошнему Намѣстнику, что я готовъ признательность свою имъ явить. Разспросите порядочно у гг. Строева и Калайдовича, что найденной ими переводъ Дамаскина того же Екзарха Іоанна въ Іосифовомъ монастырѣ древнѣе ли сей экземпляръ того, который отысканъ уже былъ въ Патріаршей библіотекѣ. Кажется, гг. Строевъ и Калайдовичь могутъ воспользоваться отысканными въ томъ же монастырѣ новыми дополнительными статьями законовъ царя Іоанна и помѣстить ихъ въ томъ изданіи, которое они заготовили, испрося на то согласія преосвященнаго Августина“ (*Неизд. переп. Госуд. Канцлера*).

Между тѣмъ, Калайдовичь, будучи однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, всячески старался

чтобы открываемые Строевымъ памятники обнародывались бы въ изданіяхъ этого Общества. Такъ, Калайдовичь долго, но впрочемъ безуспѣшно, хлопоталъ о томъ, чтобы Общество выписало къ себѣ въ Москву *Похвалу Когану Владиміру*. По его настоянію, предсѣдатель Общества Пл. Петр. Бекетовъ даже сносился по этому предмету офиціальнымъ порядкомъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ Строевъ къ Малиновскому, отъ 15-го іюля 1817 г.: „На сихъ дняхъ Отецъ Казначей Өеофилъ получилъ отношеніе отъ предсѣдателя Историческаго Общества г. Бекетова съ требованіемъ книги подъ № 15, заключающей въ себѣ Похвалу Когану Владиміру. Сдѣлано ли сіе г. Бекетовымъ по сношенію съ вашимъ превосходительствомъ или нѣтъ—это мнѣ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ О. Казначей, будучи преданъ его сіятельству и въ полной мѣрѣ стараясь удовлетворить его любопытству, принялъ сіе съ негодованіемъ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: вотъ я думаю, вы еще не увѣдомили объ находкѣ сей и Графа, а книгу уже отъ насъ требуютъ. Потомъ объяснилъ, что самъ не снесясь съ Преосвященнымъ, книгъ Обществу отпускать не смѣетъ, ибо указа, сему послѣднему даннаго между здѣшними бумагами не отыскалось; замѣтилъ также, что такія требованія Преосвященному не нравятся и онъ можетъ остановить начатое нами для его сіятельства дѣло. Главная причина, что Отецъ Казначей не хочетъ пересылать рукописей, есть та, что надобно много хлопотать по отвозу ихъ въ городъ, который отсюда въ 18 верстахъ, отдачѣ на почту, увязкѣ и т. п. и сопряженные съ тѣмъ расходы. Вашему превосходительству извѣстно какъ духовныя особы исполняютъ по указамъ Св. Синода; лучше всего могутъ сдѣлать деньги, о чемъ и надѣюсь говорить съ вашимъ превосходительствомъ въ Москвѣ“ (*Неиздан. переп. Государств. Канцлера*). Всѣ эти переговоры на счетъ открытыхъ Строевымъ рукописныхъ сокровищъ очень не понравились графу Румянцову. Въ письмѣ къ Малиновскому, отъ 12-го авг. 1817 г. онъ пишетъ: „Вы меня премного одолжить изволите ежели отклоните П. П. Бекетова отъ намѣренія требовать изъ Волоколамской библіотеки Похвалу Когану Владиміру, и я въ полной надеждѣ пребываю, будучи извѣстенъ, коль много отличается правотою Платонъ Петровичъ, что мы въ домогательствѣ своемъ получимъ успѣхъ. Чего желаетъ онъ? Чего желаю я? Сдѣлать сіе сочиненіе печатью извѣстнымъ, а есть ли въ томъ какая справедливость, чтобъ у меня, такъ сказать, изъ рукъ вырывали, не допуская до исполненія меня того, что я въ благой свей мысли и на пользу общую неутомимымъ трудомъ и нѣкоторою издержкою собирать буду? Я долго таилъ найденныя рукописи г. Калайдовичемъ; но недавно и именно въ томъ опасеніи, что онъ тѣ же

извѣстія самъ передаетъ своимъ знакомымъ, поставилъ себѣ въ долгъ дать знать о найденномъ древнемъ Сборникѣ преосвященному Евгенію, Н. М. Карамзину и г. Кругу; но впередъ отъ подобныхъ сообщеній готовъ воздержаться, ежели вы мнѣ доставить изволите полное увѣреніе, что ни г. Калайдовичь, ни г. Строевъ не будутъ никому ни письменныхъ, ни словесныхъ не дѣлать о отысканныхъ манускриптахъ для меня, постороннимъ особамъ увѣдомленія. Гг. Калайдовичь и Строевъ сами въ такомъ молчаніи свою выгоду найти могутъ: не трудно имъ предузнать, что по справедливости и чувству благодарности я имъ предоставлю быть издателями таковыхъ древней нашей словесности рѣдкостей. Вы меня премного одолжить изволите, ежели на сіе склоните обѣихъ ихъ, но прошу все сіе исполнить съ обыкновенною вашею деликатностію и точно отстраня все то, что-бы могло ихъ заставить думать, что я противу ихъ огорченъ" (*Неиздан. переписк. Госуд. Канцлера*). Вслѣдствіе этого письма Малиновскій просто-на-просто предписалъ Строеву „*никакой любопытной бумаги никому не передавать, кромѣ Государственнаго Канцлера*. „Его сіятельству", прибавляетъ Малиновскій, прискорбна преждевременная публикація *Похвалы Когану* и прочихъ піэсъ, для него отысканныхъ" (*Письма*, I, № 20). А Калайдовичь уже самъ писалъ Строеву: „О Похвалѣ Когану я прошу теперь даже употреблять всѣ старанія, чтобы она переслана не была къ намъ; ибо хотя я имѣю съ оной вашъ списокъ, но никакъ не рѣшусь уже употребить въ дѣло по одному отзыву о семъ извѣстнаго вамъ лица, который какъ ко мнѣ, такъ равно и къ вамъ относится, и о коемъ я, подобно вамъ, умолчу на бумагѣ до изустнаго изъясненія" (*Письма*, I, № 21). Успокоился и Бекетовъ. По крайней мѣрѣ въ письмѣ Канцлера къ Малиновскому, отъ 17-го сент. 1817 г., читаемъ: „За первый долгъ себѣ вмѣняю просить васъ свидѣтельствовать отъ меня П. П. Бекетову, что содержаніе его благороднаго къ вамъ письма умножаетъ мое къ нему почтеніе, что я такъ далекъ почитать себя въ правѣ препятствовать ему сдѣлать краткое описаніе Сборника 1073 г. и украсивъ оную библіографическими замѣчаніями внесть оную статью въ *Труды* ученаго его Общества, что даже самъ его покорно прошу таковое полезное намѣреніе исполнить, а себѣ только предоставляю полное изданіе того же Сборника. Вы меня премного одолжить изволите, ежели гг. Строеву и Калайдовичу скажете отъ меня, что я очень охотно готовъ платить за ихъ трудъ то воздаяніе, которое они отъ г. Бекетова получаютъ т. е. по 20 р. за каждый печатный листъ" (*Неизд. переписка Государств. Канцлера*).

Между тѣмъ работы Строева въ обители св. Іосифа Волоколамскаго шли своимъ чередомъ. Въ помощь ему былъ командированъ чи-

новникъ Московскаго Архива Иностранной Коллегіи Горлицынъ. 15-го іюля 1817 г. Строевъ отправилъ къ Малиновскому, составленный имъ Каталогъ рукописей въ листъ, при чемъ писалъ: „Я обще съ г. Горлицынымъ окончили опись болѣе 130 рукописей, а какъ онѣ всѣ суть книги церковныя: Евангелія, Апостолы, Псалтири, Минеи, Часословы и т. п., то, къ сожалѣнію, ничего важнаго, ниже любопытнаго не отыскалось. Сіе крайне безплодное поле, на слѣдующей недѣлѣ будетъ нами пройдено и потомъ откроется богатая нива: 106 толстыхъ сборниковъ, обѣщающихъ богатую историческую жатву“ (*Неизд. переп. Госуд. Канцлера*). Вскорѣ, однако, Горлицынъ, по вызову Малиновскаго, отправился въ Москву — откуда послалъ письмо къ Строеву, въ которомъ высказывалъ надежду, что теперь работа у него пошла занимательнѣе, и далѣе изъясняется таинственными полунамеками. Напримѣръ: „Я сознаюсь, что духовныя пьесы превосходнѣе историческихъ; но досадно, что Маттеизмъ, подвергши тягостному искушенію, наконецъ обратилъ въ ничто трудолюбіе какого-то царевича. Приготовьтесь выслушать роковую вѣсть о участи трехнедѣльныхъ коптеній нашихъ! Ариѳметическій знакъ (×) ознаменовываетъ бо́льшую часть оныхъ, и служитъ знакомъ не умноженія, но уничтоженія. Это слухъ, но, къ сожалѣнію, кажется вѣрный“ (*Пис.* I, № 15). Изъ послѣднихъ строкъ можно заключить, что на Строева сдѣлано было какое-то нападеніе. По крайней мѣрѣ, иначе нельзя объяснить намека Горлицына на извѣстный терминъ *поставить крестъ.* Письмо Калайдовича отъ 19-го іюля какъ бы подтверждаетъ эту догадку. Онъ пишетъ Строеву: „Поступокъ О. Г. крайне для меня прискорбенъ, но что же теперь дѣлать? Поправьте мою неосторожность, любезный другъ, и вѣрьте, что я ему больше ничего писать не буду“. Далѣе Калайдовичъ говоритъ о текущихъ новостяхъ: „Громы военные молчатъ и вмѣстѣ съ ними политики, за то въ Церкви все еще продолжается война съ масонами; извѣстный вамъ Архимандритъ ведетъ сильную наступательную брань, а петербургскіе враги для охраненія своего спокойствія упорно защищаются. Все это похоже на дѣтскія игрушки“ (*Письма*, I, № 16).

Изъ донесенія самого Строева отъ 6-го августа, мы узнаемъ, что въ это время онъ ѣздилъ на короткое время въ Москву, и можетъ быть, для объясненій по поводу вышесказаннаго. На обратномъ пути въ Іосифову обитель, Строевъ заѣзжалъ въ Саввинскій монастырь, гдѣ „къ крайнему удивленію своему, услышалъ отъ ризничаго, что тамъ есть цѣлая палата рукописныхъ книгъ, тетрадей и столпцевъ, на разсмотрѣніе коихъ для его сіятельства г. Государственнаго Канцлера онъ-де получилъ отъ намѣстника своего разрѣшеніе. Хотя я убѣ-

дительно и просилъ ризничаго показать мнѣ всѣ сіи рукописи или, по крайней мѣрѣ, дозволилъ бы взглянуть на нихъ, однакоже онъ, не знаю, по какимъ причинамъ, мнѣ въ семъ отказалъ, *прося*, между тѣмъ, чтобы я, по возвращеніи моемъ изъ Іосифова къ нему заѣхалъ и оную груду по возможности разобралъ. Зная изъ опытовъ, что со святыми отцами должно поступать какъ можно тише и ничего не требовать образомъ усильнымъ, я на сей случай оставилъ свое притязаніе. Отецъ ризничій Мелхиседекъ человѣкъ простой и не ученый, но, какъ видно, очень добрый. Если угодно будетъ вашему превосходительству, то я, окончивъ въ будущемъ мѣсяцѣ опись здѣшней библіотеки, отправлюсь въ Саввинъ и, посвятивъ тамъ недѣльку или болѣе, на просторѣ, могу заняться разборомъ тамошняго книгохранилища. Нынѣшній день отправляюсь я на башню для осмотра здѣшняго архива. Если удастся мнѣ сдѣлать какую либо находку, въ такомъ случаѣ не премину извѣстить ваше превосходительство" (*Бумаги Московскаго Публичнаго Музея*). Объ этой *башнѣ* въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ Строевъ вспоминалъ впослѣдствіи. Вотъ что говорилъ онъ о ней въ 1823 году: „Въ одной обители благочестія, къ которой, въ исходѣ XVII вѣка, было приписано болѣе пятнадцати другихъ монастырей и которая владѣла тогда 17,000 крестьянъ, соляными варницами и богатыми рыбными ловлями, старый ея архивъ помѣщался въ башнѣ, гдѣ въ окнахъ не было рамъ. Снѣгъ покрывалъ на полъ-аршина кучу книгъ и столпцевъ, наваленныхъ безъ разбора, и я рылся въ ней, какъ въ развалинахъ Геркулана. Этому шесть лѣтъ: слѣдовательно, снѣгъ шесть разъ покрывалъ сіи рукописи и столько же на нихъ таялъ; теперь, вѣроятно, осталась одна ржавая гниль. Судите-жь, сколько погибло тутъ матеріаловъ для исторіи монастыря, исторіи церковной, древней статистики, законовѣдѣнія и проч.". Кромѣ того въ одномъ изъ писемъ Строева изъ Іосифова монастыря мы находимъ слѣдующее любопытное извѣстіе: „Въ нижней церкви во имя чудотворца Іосифа покоится Кассіанъ, духовникъ царя Іоанна IV, Ѳеодосій архіепископъ Новгородскій, и двое князей Волоцкихъ. Замѣчательно, что бо́льшая часть сей церкви была наполнена гробницами князей, кои Высокопреосвященный Платонъ приказалъ употребить на монастырскія подѣлки" (*Неизд. переп. Государств. Канцлера*). Самое послѣднее донесеніе Строева изъ Волоколамскаго монастыря, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, кои мы имѣли въ своихъ рукахъ, относится къ 13-му августа 1817 года, при которомъ онъ препровождаетъ Малиновскому *Краткую Записку о примѣчанія достойныхъ піесахъ*, имъ найденныхъ въ этомъ монастырѣ, и при этомъ замѣчаетъ, что „большая часть оныхъ не столько важны по внутреннему достоин-

ству своему, сколько по отдаленности времени, къ коему онѣ принадлежатъ и при томъ, всѣ сочиненія русскія. Жатва наша ограничивалась единственно сочиненіями духовными. Статей историческихъ до сихъ поръ мнѣ еще совсѣмъ не попадалось, не смотря на то, что число книгъ, доселѣ разобранныхъ, простирается уже до 450-ти" (*Бумаги Московск. Публ. Музея*). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этой записки. Знаемъ только, что Малиновскій отдалъ ее на разсмотрѣніе Калайдовичу, который по поводу ея писалъ Строеву (отъ 30 августа): „Сердечно сожалѣю о томъ, что вы не нашли еще ничего такого, на что бы должно было обратить особенное вниманіе. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ, будете щастливѣе въ Воскресенскомъ или въ Саввинскомъ... Но не смотря на безплодіе Осиповскихъ рукописей, записочка нѣкоторыхъ піэсъ, при вчерашнемъ вашемъ письмѣ приложенная, довольна любопытна; и вы бы, кажется, сдѣлали доброе дѣло, если бы для графа Николая Петровича оныя приказали списать повѣрнѣе. А если будетъ милость, то для одного только моего любопытства молитву Константина Философа" (*Письма*, I, № 21). По поводу присланной записки, Малиновскій, отъ 27-го августа, писалъ Строеву: „...Поручаю вамъ: 1) Всѣ любопытныя статьи въ запискѣ, приложенной ко мнѣ, списать; 2) По окончаніи реестра вопросите св. отцовъ Іосифскаго монастыря, нѣтъ ли у нихъ въ особомъ отдѣлѣ между завалящимися и въ ризницѣ отдѣльно хранящимися старыми книгами, еще какихъ либо рукописей, до половины изорванныхъ и мало уважаемыхъ ими; 3) Въ Саввинской монастырь непремѣнно заѣзжайте, и займитесь тамъ точно тѣми же предметами, которые по инструкціи, данной вамъ, предназначены отъ меня для Волоколамской экспедиціи. Я почти увѣренъ, что вамъ суждено рѣшить надпись тамошняго колокола. Если усмотрите, что дѣла много въ Саввинѣ монастырѣ, то увѣдомьте, я пришлю къ вамъ на подмогу г. Горлицына (*Письма*, I, № 20).

Такимъ образомъ, Строевъ покончилъ свои дѣла въ Волоколамскомъ монастырѣ. Составленный имъ каталогъ, подъ заглавіемъ: „*Подробное описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Волоколамскаго монастыря*" былъ представленъ Малиновскимъ Государственному Канцлеру, который остался чрезвычайно доволенъ этимъ трудомъ, что видно изъ слѣдующихъ строкъ его къ Малиновскому (отъ 2 сент.): „Я премного одолженъ г. Строевымъ. Пожалуйста поблагодарите его отъ имени моего за весь трудъ, который онъ для меня несетъ. Трудъ сей окончательно обратится на пользу общую и честь ему принесетъ" (*Неизд. переп. Госуд. Канцлера*). Строевъ былъ увѣдомленъ объ этомъ черезъ Калайдовича, который,

отъ 31-го января 1818 г., писалъ къ нему: „Нахожу пріятнѣйшимъ удовольствіемъ поздравить васъ съ благосклоннымъ принятіемъ Іосифовскаго каталога Государственнымъ Канцлеромъ. Его сіятельство, изъявляя совершенную вамъ за сіе благодарность, обѣщается сдѣлать вамъ достойный за трудъ подарокъ и поручилъ Его Превосходительству просить васъ подобнымъ образомъ, или еще подробнѣе, описать рукописи Воскресенской библіотеки изъявляя волю Его Превосходительства, совѣтую не упускать благопріятнаго случая сдѣлать удовольствіе Графу и прошу до времени помолчать о подаркѣ“ (*Письма*, I, № 25). По замѣчанію В. М. Ундольскаго, этотъ Строевскій каталогъ есть „*первое* ученое описаніе по современнымъ требованіямъ библіографіи“ (*Библ. Розыск.* М. 1846, стр. 14). Извлеченія изъ этого каталога напечатаны Анастасевичемъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* за 1823 годъ, кн. 33, 35; а черновой подлинникъ его хранится въ библіотекѣ графа А. С. Уварова, въ селѣ Порѣчьѣ. Въ Румянцовскомъ же музеѣ хранятся только выписки изъ Волоколамскихъ рукописей, дѣланныхъ Строевымъ для Государственнаго Канцлера (*Опис. Румянц. Музеума.* Спб. 1842, стр. 37—39).

По окончаніи „Волоколамской экспедиціи“, Строевъ получилъ отъ А. Ѳ. Малиновскаго слѣдующее предписаніе отъ 14-го января 1818 года: „По волѣ Его Сіятельства г. Государственнаго Канцлера, имѣете вы отправиться въ Звенигородскій Саввы Сторожевскаго монастырь для разбора и описанія находящихся въ немъ библіотеки и архива. Особенно же должны вы обращать вниманіе ваше 1) на историческіе и дипломатическіе акты и, какъ возможно, стараться объ отысканіи извѣстій, кои могли бы объяснить на тамошнемъ колоколѣ надпись доселѣ неразобранную. 2) Всѣ снятыя копіи обязаны вы препровождать ко мнѣ при письмахъ вашихъ къ Его Сіятельству Канцлеру, равно и обо всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ и щастливыхъ находкахъ увѣдомлять меня еженедѣльно, и отнюдь не сообщать ихъ никому другому. 3) Можете также обратить ваше вниманіе на тамошнюю ризницу весьма богатую всякими утварями и собственноручными письмами царя Алексѣя Михайловича и обо всемъ любопытства достойномъ сообщать ваши замѣчанія. Когда всѣ занятія ваши въ Саввинѣ монастырѣ будутъ окончены, имѣете вы съѣздить въ Новый Іерусалимъ и заняться описью хранящихся въ немъ манускриптовъ.... А какъ тамошняя библіотека нарочито изобилуетъ печатными книгами, то и ихъ не должны вы оставить безъ вниманія. Равнымъ образомъ, если будете имѣть возможность собрать какія либо особенныя извѣстія о патріархѣ Никонѣ, то подробное о томъ свѣдѣніе поручаю вамъ доставить мнѣ“ (*Арх. Ком.*, III, 356, 358). Мы уже видѣли, что Строевъ проѣздомъ

въ Волоколамскъ два раза заѣзжалъ въ Саввинскій монастырь: въ первый разъ, въ іюнѣ 1817 года, когда не засталъ намѣстника, уѣхавшаго на неопредѣленное время въ Москву и взявшаго съ собою ключи; а потомъ—въ августѣ того же года, и хотя на этотъ разъ ризничій Мельхиседекъ и сообщилъ ему о „палатѣ съ рукописями", но ничего не показалъ, отговариваясь тѣмъ, что самъ описываетъ рукописи для Государственнаго Канцлера. Графъ Румянцовъ узнавъ объ этомъ, писалъ къ Малиновскому, отъ 2-го сентября 1817 года: „Я очень тронутъ добрымъ расположеніемъ ризничаго Саввинскаго монастыря. Кажется бы, было пристойно даже и теперь подарить его отъ имени моего какой либо вещію рублей въ сто. Я, такъ сказать, жадничаю получить роспись того, что найдется въ Саввинскомъ монастырѣ; но васъ и г. Строева покорно прошу ни до чьего свѣдѣнія и ни подъ какимъ видомъ не доводить того, что тамъ отыщется и пожалуйте потребуйте сего настоятельно и отъ г. Строева" (*Неиздан. переп. Госуд. Канцлера*). Строевъ нашелъ бумаги въ Саввинскомъ монастырѣ въ великомъ безпорядкѣ. Къ тому же оказалось, что все это или приходо-расходныя книги, или же дѣла по монастырскимъ вотчинамъ, солянымъ промысламъ на Волгѣ и рыбнымъ ловлямъ, не восходящія древностію своею далѣе шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія. Нѣсколько сундуковъ съ подобными же актами найдены въ нижнихъ покояхъ дворца царя Алексѣя. Болѣе древніе акты Саввинскаго монастыря давно уже исчезли. Письма царя Алексѣя, по мнѣнію Строева, погибли при нашествіи Французовъ (Е. Барсовъ, стр. 11). Къ концу января, Строевъ уже кончилъ свои занятія въ Саввинскомъ монастырѣ и Калайдовичъ, отъ 31-го января писалъ къ нему: „Высокоблагородный и почтеннѣйшій господинъ начальникъ, секретарь и писарь Саввинской и Воскресенской экспедицій!... Сожалѣю, что розысканія ваши въ Звенигородской обители совершенно безплодны. Порадоваться должно только находкѣ вашей *Опредѣленія Соборнаго 1503 г.* Жаль, что вы, бывши въ Саввинѣ не сняли вѣрнѣйшимъ образомъ извѣстной на колоколѣ надписи. Вы вѣрно знаете, что списки оной Миллеровъ, Бакмейстеровъ и мой никуда не годятся" (*Письма*, I, № 25).

Въ составъ Строевскаго *Описанія* библіотеки Саввина монастыря вошло только семнадцать рукописей. Эта малочисленность рукописей привела Востокова въ недоумѣніе и онъ преполагалъ, что Строевъ описалъ только такія рукописи, „кои признаны заслуживающими примѣчанія" (*Описан. Рум. Муз.*, стр. 278); но Ундольскій возразилъ: „Здѣсь не точно сказано, что описаны замѣчательнѣйшія рукописи: напротивъ, онѣ описаны всѣ" (*Библіограф. розыск.*, стр. 14).

Графъ Румянцовъ, по представленіи ему *Описанія* Саввинской библіо-

теки, написалъ Строеву письмо, отъ 3-го марта 1818 года, которое свидѣтельствуетъ какъ высоко цѣнилъ онъ *въ это время* труды Строева: „Пріимите хотя позднее, но искреннее свидѣтельство той благодарности, съ каковою я получилъ каталоги рукописей Волоколамскаго и Саввы Сторожевскаго монастырей, и за тѣ письма, коими меня удостоили при сихъ присылкахъ. Вы въ полной мѣрѣ, милостивый государь мой, оправдать изволили ту довѣренность, съ каковою я къ вамъ обратился, когда пожелалъ, чтобъ библіотеки сихъ монастырей приведены были въ извѣстность систематическимъ описаніемъ подъ руководствомъ почтеннаго Алексѣя Ѳедоровича. Вы сіи каталоги составили такъ искусно, что я желаю привесть ихъ изданіемъ въ печать всѣмъ въ извѣстность, о чемъ къ вамъ впредь писать буду. Благодарю васъ за присланную жизнь Іова патріарха и разные любопытные списки съ нѣкоторыхъ рукописей; я просилъ Алексѣя Ѳедоровича, чтобы всѣ понесенныя на то издержки вамъ отъ меня возвращены были. Продолжайте меня одолжать; вы самимъ этимъ ознаменуете себя, какъ особу съ отличными свѣдѣніями и способностью къ изысканію Россійскихъ древностей и будьте увѣрены, что я съ удовольствіемъ искать буду случая вамъ служить и доказывать то почтеніе“ и пр. (*Письма*, I, 28). Это лестное письмо застало Строева уже въ Воскресенскомъ монастырѣ, куда онъ переѣхалъ въ концѣ января или началѣ февраля 1818 года.

Мы уже знаемъ, что первое посѣщеніе Строевымъ Новаго-Іерусалима, ознаменовалось знаменитымъ открытіемъ Святославова *Изборника* 1073 года. Теперь Строевъ принялся за отысканіе и описаніе другихъ находящихся въ этой обители письменныхъ сокровищъ. Изъ донесеній его оказывается, что большая часть здѣшнихъ рукописей писана на пергаментѣ, старѣе XIV вѣка и за подписью патріарха Никона, съ заклинаніями о сбереженіи книгъ, одинаковыми на всѣхъ его рукописяхъ: „Сію книгу положилъ въ домъ Святаго Живоноснаго Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, Новаго Іерусалима, смиренный Никонъ, Божіею милостію Патріархъ. А кто восхощетъ ю усвоити, якоже Ахаръ сынъ Харміевъ, или утаить, якоже Ананія и Сапфира, да отъиметъ отъ него Господь Богъ святую свою милость, и затворитъ двери святыхъ щедротъ своихъ, и да пріидетъ на него неблагословеніе и клятва и казнь Божія душевная и тѣлесная въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчная мука. А кто сіе писаніе какимъ злымъ умышленіемъ испишетъ отъ книги сея, да испишетъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя“. Такихъ рукописей съ такимъ страшнымъ заклинаніемъ Строевъ нашелъ пятьдесятъ шесть (Сахаровъ. *Описаніе Русскихъ Библіотекъ*). „Отецъ намѣстникъ сказы-

валъ мнѣ“,—извѣщалъ Строевъ Малиновскаго,—„что библіотека ихъ прежде сего лѣтъ за сорокъ, была гораздо обильнѣе книгами; нѣкоторыя изъ нихъ взяты въ Синодъ и остались у графа Мусина-Пушкина; между сими вспоминаетъ онъ одно Евангеліе и нѣсколько Хронографовъ и Лѣтописей. Другія рукописи нарочно сожжены епископомъ Сильвестромъ (1785—1788), который почиталъ ихъ совсѣмъ ненужною дрянью. Еслибы архимандритъ Аполлосъ не остановилъ сего варварскаго всесожженія, то, по словамъ намѣстника, вся библіотека подверглась бы одинаковой участи“ (Е. Барсовъ, стр. 11). Не смотря даже на все это, Строеву посчастливилось открыть въ Новомъ Іерусалимѣ много достопримѣчательнаго, о чемъ свидѣтельствуетъ составленное имъ *Описаніе Россійскихъ рукописей въ библіотекѣ монастыря Воскресенскаго, именуемаго Новый Іерусалимъ. Описаніе* это Сахаровъ напечаталъ въ своемъ, весьма рѣдкомъ нынѣ, изданіи: *Русскіе Древніе Памятники. Вып. 1. Спб. 1842 г.* Къ сожалѣнію, издатель даже не упомянулъ, что *Описаніе* это составлено Строевымъ. Разсматривая въ Московскомъ публичномъ музеѣ, хранящіяся тамъ бумаги Ундольскаго, я нашелъ между ними лоскутокъ бумаги, исписанный рукою Строева, слѣдующаго содержанія: „Каталогъ Сахарова Воскресенская Библіотека *чистая* передѣлка моего каталога, который. вѣроятно, попался ему изъ Румянцовскаго музеума; я свѣрялъ и удостовѣрился въ этомъ. Слѣдовательно, знаменитый библіографъ *выдаетъ чужой трудъ за собственный*“. Какъ бы то ни было, но именно Сахарову обязаны мы тѣмъ что, Строевское *Описаніе* Воскресенской библіотеки увидѣло свѣтъ Божій. Изъ этого *Описанія* мы видимъ, что Воскресенскія рукописи (числомъ 140) начинаются съ XIII вѣка и оканчиваются XVIII. Собраніе сочиненій Святыхъ Отцовъ замѣчательно и по содержанію предметовъ и по разновременности переводовъ. Изъ русскихъ сочиненій и переводовъ мы здѣсь находимъ: Гермогена патріарха, Григорія мниха, Димитрія Зоографа, Закхея, Исаія Копинскаго, Исаія Сербскаго монаха, Іакова монаха, Кассіана Гозвинскаго, Кирилла епископа Туровскаго, Корнилія игумена, Максима Грека, Медвѣдева Симеона, Никанора архимандрита Воскресенскаго, князя Симеона Шаховскаго. Изъ рукописей обращаютъ на себя вниманіе: Дѣянія собора 1667 года; о установленіи митрополіи и патріаршества въ Россіи; исторія о построеніи Ново-Іерусалимскаго монастыря; о принесеніи въ Москву ризы Господней; описаніе Псковскаго Печерскаго монастыря; двѣ родословныя книги; возраженія патріарха Никона; признаніе Сильвестра Медвѣдева въ своихъ заблужденіяхъ. Изъ житій русскихъ святыхъ здѣсь находятся: Зосимы и Савватія Соловецкихъ, Гурія и Варсонофія.

Игнатія епископа Ростовскаго, Авраамія архимандрита Ростовскаго, Исидора юродиваго, слово о князѣ Володимірѣ, сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ. Кромѣ того, здѣсь находимъ: Синодики XVII и XVIII в., Космографіи XVII в., сочиненія Аристотеля—переводъ, сдѣланный въ 1677 году и пр.

Въ Воскресенскомъ монастырѣ Строевъ сдѣлалъ другое весьма важное открытіе, послужившее поводомъ къ изданію *Софійскаго Временника.* Мы говоримъ о найденномъ имъ *Всемірномъ Хронографѣ*, къ которому присоединенъ Сборникъ, составленный изъ Временника Нестора и его продолжателей, доходящій до 1534 года.

Въ апрѣлѣ 1818 года Строевъ окончилъ свои занятія въ Новомъ Іерусалимѣ и, по обычаю, представилъ составленное имъ *Описаніе* Государственному Канцлеру. И этимъ трудомъ Строева Его Сіятельство остался совершенно доволенъ и писалъ ему, отъ 21-го апрѣля 1818 года: „Я уже свидѣтельствовалъ вамъ то удовольствіе, съ каковымъ получилъ прелюбопытные каталоги, составленные вами тѣмъ рукописямъ, которыя хранятся въ Волоколамскомъ, Звенигородскомъ и Воскресенскомъ монастыряхъ, и пребываю въ надеждѣ получить столь же совершенный каталогъ рукописямъ Троицкой лавры. Позвольте мнѣ однакожь здѣсь повторить благодарность свою и просить васъ, милостивый государь мой, принять благосклонно препровождаемую при семъ письмѣ золотую табакерку въ память того удовольствія, которое мнѣ принесть изволили составленіемъ сихъ каталоговъ, и да будетъ она предъ вами залогомъ того почтенія, съ каковымъ честь имѣю быть“ (*Письма*, I, № 29).

Поѣздки Строева по монастырямъ на время прекратились и возобновились не ранѣе 1820 г. Въ этомъ же году самъ Канцлеръ предпринялъ путешествіе по Калужской, Рязанской и Тамбовской губерніямъ, для обзора находящихся въ нихъ деревень своихъ, и просилъ Малиновскаго дозволить Строеву выѣхать къ нему на встрѣчу въ Тверь. (*Переписка митр. Кіевскаго Евгенія съ Госуд. Канцлеромъ.* Воронежъ, 1868. Вып. I, стр. 33 и *Неизд. переп. Госуд. Канцл.*) Вотъ въ это-то время и возобновилась археографическая дѣятельность Строева. Іюня 9-го, онъ получилъ отъ Малиновскаго предписаніе: „По волѣ Государственнаго Канцлера имѣете вы отправиться въ Боровскій Пафнутіевъ монастырь и по пріѣздѣ въ оный немедленно приступить къ составленію подробной росписи тамошняго хранилища манускриптовъ и разбору стариннаго монастырскаго архива. Изъ Боровска отправитесь вы въ Серпуховъ и равнымъ образомъ займетесь разборомъ и подробною описью библіотекъ и архивовъ тамошнихъ монастырей Высоцкаго и Владычняго... Въ проѣздъ вашъ

до означенныхъ городовъ и во время нахожденія въ оныхъ должны вы навѣдываться: не имѣется ли у кого въ *частныхъ рукахъ* какихъ либо рукописей или древностей (*Арх. Ком.*, III, 360). Получивъ это предписаніе, Строевъ вмѣстѣ съ Государственнымъ Канцлеромъ отправился въ Боровскъ и тамъ „подъ кровомъ св. Пафнутія, прожилъ около трехъ недѣль" (*Вх. и Исх.* IV, л. 117 об.). 24-го іюня 1820 года, онъ подалъ Графу слѣдующую записку: „По приказанію вашего сіятельства, я составилъ подробную роспись манускриптовъ библіотеки Пафнутіева монастыря, которая теперь переписывается набѣло. Оные манускрипты состоятъ изъ книгъ церковнаго обихода и сборниковъ духовнаго содержанія; къ сожалѣнію, нѣтъ ни лѣтописцевъ, ни хронографовъ.

Монастырскій архивъ содержитъ въ себѣ вотчинныя дѣла конца XVII и первой половины XVIII стол. и находится въ величайшемъ безпорядкѣ. Я рылся въ немъ цѣлый день, но тщетно.

Камень, о которомъ г. Калайдовичъ подалъ вашему сіятельству записку, лежитъ на Городищѣ у острога. Боровскіе жители имѣютъ къ нему особенное почтеніе: проходя мимо кланяются до земли, иногда служатъ и панихиды. По увѣренію ихъ, подъ симъ камнемъ погребены двѣ княжны, сожженыя Татарами (другіе говорятъ Литвою) за вѣру христіанскую. Но это несправедливо.

Находящаяся вокругъ его надпись хотя и весьма поизгладилась. однакоже я съ немалымъ трудомъ прочелъ слѣдующее:

„Лѣта ҂зрпд (1675) погребены на семъ мѣстѣ: сентября въ аі день, боярина князя Петра Семеновича Урусова жена ево княгиня Евдокея Прокофьевна; да ноября во в день, бояриня жена Морозова бояроня Ѳедосья Прокофьевна, а во инокахъ инока схимница Ѳеодòра; а дщери околничего Прокофья Ѳедоровича Соковнина".

„А сію цку положили на сестрахъ своихъ родныхъ бояринъ Ѳедоръ Прокофьевичъ да околничей Алексѣй Прокофьевичь Соковнины".

На стѣнѣ церкви Ирины мученицы въ Пафнутіевѣ монастырѣ, построенной, какъ сказываютъ, царицею Ириною Ѳеодоровною, нашелъ я слѣдующую надпись:

„Лѣта ҂зрз (1599) году апрѣля въ ѕ день преставися рабъ Божій, великаго Государя Царя и великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Росіи дятка, Околничей Луппъ зовомый, Андрей Петровичь Клешнинъ, во иноцѣхъ Левкей схимникъ".

Сей околничій Клешнинъ, вмѣстѣ съ бояриномъ Шуйскимъ, посыланъ былъ въ Угличь для слѣдствія объ убіеніи Царевича Димитрія.

Монастырской ризницы я не могъ видѣть, потому что она запечатана архимандритомъ, котораго я уже не засталъ въ Боровскѣ.

Въ библіотекѣ Серпуховскаго Высоцкаго монастыря нашлось только четыре рукописныя книги: 1-е, Евангеліе напрестольное XVI в.; 2-е, отрывокъ воскреснаго толковаго Евангелія XV в.; 3-е, житіе основателя обители Афанасія, и 4-е лѣтописецъ, въ прошедшемъ столѣтіи, собранный изъ разныхъ книгъ тамошнимъ архимандритомъ Иннокентіемъ. Архива монастырскаго не имѣется и въ ризницѣ также нѣтъ вещей примѣчанія достойныхъ.

Въ женскомъ Владычномъ монастырѣ рукописей никакихъ не оказалось."

Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно 28-го октября 1824 года, графъ Румянцовъ писалъ Малиновскому: „Я получилъ не древнія, однако прелюбопытныя рукописи изъ Боровска, которыя, между нами будь сказано — мы оба съ г. Строевымъ проглядѣли, хотя посѣщали Боровскъ единственно для отысканія тамъ бумагъ" (*Неизд. переп. Госуд. Канцлера*).

Боровскою экспедиціею опять пріостановились на время археографическія путешествія Строева. Хотя составленныя имъ *Описанія* монастырскихъ библіотекъ и не изданы въ свѣтъ, но, по счастію, сохранились черновые ихъ подлинники, которыя Строевъ въ 1844 году пожертвовалъ въ библіотеку И. Н. Царскаго съ слѣдующею надписью: „Первые опыты моихъ библіографическихъ трудовъ предоставляю почтенному собирателю старины И. Н. Царскому, да хранитъ въ своей драгоцѣнной библіотекѣ" (*Рукоп. Царск.* М. 1848, стр. 162, 163). Въ настоящее время эти описанія вмѣстѣ съ рукописями Царскаго хранятся въ библіотекѣ графа А. С. Уварова, въ селѣ Порѣчьѣ.

Обзоръ дѣятельности Строева въ монастырскихъ библіотекахъ заключимъ собственными его словами, сказанными въ 1823 году: „Сколь много наша исторія пріобрѣла и можетъ пріобрѣсть отъ разбора монастырскихъ библіотекъ, служатъ доказательствомъ и мои поѣздки, совершенныя въ 1817, 1818 и 1820 годахъ, по волѣ Государственнаго Канцлера, въ разные монастыри Московской и Калужской епархіи. Тогда открытъ Сборникъ Великаго Князя Святослава (1073 года), одинъ изъ драгоцѣнныхъ и весьма рѣдкихъ памятниковъ древней славяно-русской словесности; найдены, потерянные до того, законы Вел. Кн. Іоанна Васильевича; сдѣлались извѣстны: сочиненія Туровскаго епископа Кирилла, трудъ царевича Іоанна Іоанновича, постановленія Московскихъ соборовъ 1503, 1547 и 1554 годовъ, и множество разныхъ актовъ, относительно политической и церковной исторіи XV и XVI вѣковъ, изъ коихъ нѣкоторые приведены въ *Исторіи* Карамзина, а всѣ прочіе сданы въ библіотеку Государственнаго Канцлера".

Подобные труды Строева не могли не обратить на себя вниманія Карамзина, сооружавшаго въ то время соборный храмъ *Исторіи Государства Россійскаго*.

Въ старомъ *Московскомъ Вѣстникѣ* Погодина, я нашелъ драгоцѣнное свидѣтельство самого Строева объ его сношеніяхъ съ Исторіографомъ: „Въ маѣ 1818 года, окончивъ разборъ и опись разныхъ монастырскихъ книгохранилищъ Московской епархіи, по волѣ покойнаго Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцова, я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ. Съ кипою историческихъ документовъ, мною найденныхъ, и съ замѣчаніями на нѣкоторыя мѣста *Исторіи Государства Россійскаго* (только что вышедшей), я предсталъ безсмертному творцу ея, коимъ былъ обласканъ еще до переселенія его изъ Москвы. Какъ юноша робкій, малоопытный, я не постигалъ всего величія души геніальной: думалъ, что указывать ошибки значитъ то же, что оскорблять личность, а потому недоумѣвалъ: какимъ образомъ предъявить мои находки и замѣчанія. Къ счастію, великій мужъ самъ вывелъ меня изъ замѣшательства, спросивъ: что у васъ въ этой связкѣ? Я отвѣтствовалъ, что привезъ новые матеріалы, мною найденные. Взоръ его тотчасъ оказалъ мнѣ внимательное любопытство; онъ терпѣливо просмотрѣлъ бумаги; я, ободренный неожиданнымъ снисхожденіемъ, началъ высказывать мои замѣчанія на *Исторію*. Тогда вниманіе Исторіографа усугубилось: онъ возражалъ, входилъ въ подробности, соглашался, писалъ карандашомъ на бѣлой страницѣ одной изъ моихъ тетрадей и въ заключеніе благодарилъ за одолженіе, просилъ оставить принесенное на нѣсколько дней и вспомнить: не имѣю ли еще какихъ замѣчаній? Никогда не изгладится изъ моей памяти сія ласковая, усладительная бесѣда великаго историка со мною, юношею, едва вступившемъ на поприще археографіи. Чѣмъ же сіе кончилось? Чрезъ нѣсколько дней Исторіографъ прислалъ за мною: возвратилъ бумаги, оставивъ нѣкоторыя для списанія; многое, съ моихъ словъ, вытребовалъ изъ Архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ и исправилъ мѣста, мною критикованныя... Бывая потомъ въ С.-Петербургѣ, я всегда являлся къ исторіографу съ *гостинцемъ*: съ новыми документами, выписками или замѣчаніями“ (*Московск. Вѣстн.* 1828, №№ 21, 22, стр. 389—391). Это достопамятное свиданіе Строева было въ маѣ 1818 г., а въ августѣ онъ получилъ первое и послѣднее письмо отъ Исторіографа изъ Царскаго Села: „Сердечно благодарю васъ, милостивый государь мой, Павелъ Михаиловичъ, за ваше обязательное письмо и за двѣ любопытныя для меня выписки. Съ такою же благодарностью возвращаю вамъ и Лѣтопись Сибирскую вмѣстѣ съ прочими бумагами, а другую лѣтопись возвращу скоро. Буду ждать выписки *о Иванѣ Варягѣ*. Нельзя ли вамъ

взглянуть на большую Московскую пушку и сообщить мнѣ ея надпись? Хронографы — разныхъ сочинителей: отвѣчаю вамъ за *три*, въ которыхъ извѣстія и порядокъ различны. Хронографъ не могъ быть источникомъ для Новгородской лѣтописи, которая писана прежде его. *Всякое замѣчаніе ваше для меня любопытно*; за все скажу вамъ спасибо—а всего болѣе за ваше доброе расположеніе къ вашему покорнѣйшему Н. Карамзину.

P. S. Мы будемъ жить въ Петербургѣ, у Аничкова моста, на Фонтанкѣ, въ д. Муравьевой. Крайне меня обяжете, если доставите мнѣ Наказъ Берсеневу и Тютину, также и выписку изъ Воскресенской Лѣтописи о царѣ Иванѣ Васильевичѣ, буде есть въ ней что нибудь любопытное, особенное о семъ чудакѣ".

Повторяю, это единственное письмо Карамзина къ Строеву. Такую скудость письменныхъ сношеній съ Исторіографомъ, самъ Строевъ объяснялъ впослѣдствіи Погодину слѣдующимъ образомъ: „Писемъ Карамзина оказалось у меня только *одно*, болѣе и быть не могло. Малиновскій не любилъ, чтобы мы, архивскіе, сносились съ Исторіографомъ помимо его; только К. Ѳ. Калайдовичь, какъ человѣкъ самолюбивый, держался самостоятельности" (*Вх. и Исх.* IV, 418).

III.

Путешествуя по обителямъ и описывая ихъ книгохранилища, Строевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, трудился и надъ изданіемъ *Древнихъ Памятниковъ*. До поѣздки въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь, онъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ, по порученію Государственнаго Канцлера, подготовлялъ къ изданію Судебникъ царя Іоанна IV Грознаго. Въ обители св. Іосифа Волоколамскаго, въ 1817 году, Строевъ открылъ Законы в. кн. Іоанна III-го, о которыхъ до тѣхъ поръ знали только по Запискамъ барона Герберштейна, помѣстившаго ихъ въ своихъ Rerum Moscoviticarum Commentarii въ латинскомъ переводѣ. Самъ Карамзинъ былъ знакомъ съ этимъ важнымъ юридическимъ памятникомъ только по этому переводу. Когда Строевъ представилъ Малиновскому найденную имъ рукопись этихъ Законовъ, писанную на плотной лощеной бумагѣ, полууставомъ начала XVI вѣка, то онъ усом-

нился „въ достоинствѣ той рукописи“ и о своемъ сомнѣніи сообщилъ Государственному Канцлеру, который, не рѣшаясь дѣлать самъ рѣшительнаго приговора о найденной рукописи, обратился къ Карамзину съ вопросомъ объ ея достоинствѣ. Получивъ отъ Карамзина отвѣтъ благопріятный, Графъ не замедлилъ увѣдомить объ этомъ Малиновскаго слѣдующимъ письмомъ, отъ 29-го октября 1817 года: „Усмотрѣвъ изъ письма (вашего), что вы нѣкоторое имѣете сумнѣніе въ достоинствѣ той рукописи, въ которой хранятся Законы в. кн. Ивана Васильевича, и самъ не въ правѣ будучи класть таковое рѣшеніе, я обратился къ почтенному нашему Исторіографу и съ удовольствіемъ вамъ доношу, что много цѣня содержаніе сей рукописи, онъ ее отрывками собирается помѣстить въ своей *Исторіи*, слѣдовательно и мнѣ остается просить ваше превосходительство поручить гг. Калайдовичу и Строеву добавить сею важною статьею новое изданіе ихъ Судебника царя Ивана“ (*Неизд. переп. Государств. Канцлера*). Графъ Румянцовъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за изданіемъ Судебника и въ 1818 году писалъ къ Строеву: „Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій скажетъ вамъ съ какимъ удовольствіемъ я выжидаю появленія Законовъ в. кн. Ивана Васильевича и Судебника царя внука его, которыми вы заниматься изволите“ (*Письма*, I, № 28). Между тѣмъ, въ обители св. Саввы Звенигородскаго, Строевъ открылъ въ 1818 году весьма важный документъ, а именно *Соборное Опредѣленіе* 1503 года о невзиманіи съ священно-служителей мзды за хиротонію, о вдовыхъ попахъ и діаконахъ и о запрещеніи монахамъ и монахинямъ жить въ однихъ монастыряхъ. Строевъ находилъ полезнымъ это *Соборное Опредѣленіе* приложить къ „Законамъ в. кн. Іоанна III-го“ и писалъ объ этомъ Калайдовичу; но Калайдовичь отвѣчалъ (отъ 31-го января 1818), что „къ сожалѣнію, оное не можетъ быть присоединено къ нашему изданію, какъ положеніе церковное и предосудительное духовенству. Впрочемъ, продолжаетъ онъ, его превосходительство обѣщалъ о семъ списаться съ Графомъ“ (*Письма*, I, № 25). Государственный же Канцлеръ раздѣлялъ мнѣніе Строева, которому писалъ: „Я бы чрезвычайно обрадованъ былъ, еслибъ А. Ѳ. Малиновскій выходилъ у Преосвященнаго Августина дозволеніе издать въ печать въ добавокъ къ *Законамъ Опредѣленіе бывшаго въ Москвѣ собора въ 1503 году*“. (*Письма*, I, № 28); но Малиновскому не удалось „выходить“ у Преосвященнаго этого дозволенія и Соборное Опредѣленіе 1503 года было обнародовано не ранѣе 1836 года (*Акты Археогр. Экспедиц.* Спб. 1836, I, №№ 382, 383).

Наконецъ, въ началѣ 1819 года, вышли въ свѣтъ: *Законы Великаго Князя Іоанна Василіевича* и *Судебникъ Царя и Великаго Кня-*

зя Іоанна Висиліевича, съ дополнительными указами, изданные Константиномъ Калайдовичемъ и Павломъ Строевымъ. М. Въ типографіи Семена Селивановскаао, 1819, 4°. Издатели снабдили свой трудъ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ заключается краткая исторія русскаго законодательства. Въ печатаніи *Законовъ* и *Судебника* издатели. какъ сами они свидѣтельствуютъ, наблюдали возможную точность: „смѣло можемъ ручаться, что не только одно слово или рѣченіе, но ниже самая буква, не проронены противъ подлинниковъ" (стр. XXIX). Еще прежде выхода въ свѣтъ этого изданія, Государственный Канцлеръ писалъ Малиновскому (отъ 18-го ноября 1817 г.): „Пятьсотъ экземпляровъ (Судебника) я прошу гг. Строева и Калайдовича принять себѣ, какъ слабый знакъ моего личнаго къ нимъ уваженія, и вызываю ихъ, по окончаніи сего труда, приступить къ подобному изданію иныхъ какихъ древностей нашихъ и меня допустить себѣ въ помощь" (*Неизд. переп. Государств. Канцлера*). Государственный Канцлеръ, не будучи увѣренъ, что Калайдовичь и Строевъ останутся довольны подобнымъ вознагражденіемъ, вторично писалъ объ этомъ къ Малиновскому (отъ 7-го дек. 1817): „Я точно не могу судить изъ письма вашего, что предложенныя мною кондиціи показалися ли гг. Строеву и Калайдовичу достаточнымъ за трудъ ихъ вознагражденіемъ. Я въ этомъ случаѣ такъ поступилъ, какъ поступаютъ въ Парижѣ съ г. Газе" (*Неизд. переп. Государственн. Канцлера.*). Очевидно, ни Строевъ, ни Калайдовичь не могли быть довольны подобнымъ вознагражденіемъ; ибо и самъ Графъ впослѣдствіи выражалъ Малиновскому сожалѣніе, что изданія его и въ особенности Судебникъ совсѣмъ не раскупаются (*Неизд. переп. Госуд. канцл.*), а по этому, вѣроятно, онъ и счелъ нужнымъ, сверхъ условленнаго вознагражденія экземплярами, выдать Строеву и Калайдовичу по двѣсти рублей въ подарокъ (Е. Барсовъ, стр. 19).

Что же касается до достоинства изданія, то, по словамъ И. И. Срезневскаго: „Это первое изъ хорошихъ и одно изъ лучшихъ изданій памятниковъ русскаго законодательства. Не утратило оно и теперь цѣны. Только уже съ 1840 года можно стало при работахъ замѣнять это изданіе другимъ, болѣе удовлетворительнымъ, и то приготовленномъ въ основномъ видѣ тѣмъ же Строевымъ: разумѣю изданіе Судебниковъ въ 1-мъ томѣ *Актовъ Историческихъ*, изданныхъ Археографическою Коммисіею" (*Зап. Имп. Акад. Наукъ* Т. VI, кн. 1, Спб. 1864, стр. 114 и Т. XXIX, кн. 1. 1877, стр. 73—74).

Въ концѣ того же 1819 года вышла въ свѣтъ вторая часть *Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*, въ изданіи которой Строевъ принималъ также дѣятельное участіе, въ качествѣ Главнаго

смотрителя, и „въ воздаяніе ревностной службы, трудовъ и особеннаго тщанія“, оказанныхъ при изданіи этой части *Собранія*, Строевъ „Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны третьей степени“.

Такимъ образомъ, Строевъ почтенными трудами своими вполнѣ оправдалъ и впредь оправдывалъ лестный отзывъ, сдѣланный о немъ Государственнымъ Канцлеромъ при самомъ вступленіи его на службу въ Коммисію Печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ: „Строевъ доказываетъ отличную способность къ объясненію историческихъ древностей нашихъ“ (*Неизд. переп. Госуд. Канцлера*). Эта „отличная способность“ Строева въ полномъ блескѣ проявилась въ другомъ трудѣ его, къ описанію котораго мы теперь и приступаемъ, хотя трудъ этотъ и не былъ оцѣненъ по достоинству самимъ Государственнымъ Канцлеромъ.

Мы уже знаемъ, что въ 1818 году Строевъ открылъ въ библіотекѣ Новаго Іерусалима *Всемірный Хронографъ*, къ которому присоединенъ Сборникъ, составленный изъ Временника Несторова и его продолжателей, доходящій до 1534 года. Открытіе лѣтописи столь важной, при небольшомъ числѣ въ то время изданныхъ лѣтописей, внушило Государственному Канцлеру счастливую мысль напечатать ее. 22-го іюня 1819 года, онъ обратился къ Строеву съ слѣдующимъ письмомъ: „Вы меня премного одолжите, ежели, пользуясь совѣтами, наставленіями и подъ совершеннымъ руководствомъ Алексѣя Ѳедоровича, издать изволите Новгородскую Софійскую лѣтопись со списка Воскресенскаго монастыря, сличая сей списокъ съ тѣмъ, который хранится въ библіотекѣ гр. Толстаго; я надѣюсь, что онъ не откажется васъ то того допустить, и, при свидѣтельствованіи ему моего почтенія, попросите его моимъ именемъ о томъ; что же касается до академическаго списка, то нѣтъ надобности за нимъ гоняться; онъ неисправенъ и только первую часть содержитъ и его же передать въ Москву не соглашаются (*Письма*, I, 33). Черезъ два мѣсяца послѣ этого письма, первая часть Софійскаго Временника, состоящая изъ двадцати семи страницъ предисловія и четырехсотъ пятидесяти страницъ текста, въ большую 4-ку, уже была представлена въ цензуру, а 4-го сентября 1819 года получено цензорское одобреніе. Въ слѣдующемъ, 1820-мъ году, 10-го мая, получила цензорское одобреніе и вторая часть, въ размѣрахъ своихъ неуступающая первой. Такой быстрый ходъ дѣла даетъ намъ право заключить, что Строевъ приступилъ къ своему труду гораздо ранѣе канцлерова приглашенія. Во всякомъ случаѣ, нельзя не изумляться чрезвычайной дѣятельности Строева. Странно, однако, что именно въ это время произошла ка-

кая-то необъяснимая для насъ перемѣна въ отношеніи къ Строеву самого Графа Румянцова. Такъ, въ письмѣ, отъ 8-го октября 1820 года, графъ писалъ къ Малиновскому: „Надѣюсь, что г. Строевъ скоро доведетъ до окончанія начатый имъ трудъ, и васъ покорно прошу за тѣмъ надзирать. *Я не думаю, чтобы, по собственной склонности, онъ дѣятеленъ былъ*“ (*Неизд. переп. Госуд. Канцл.*). А вотъ другой случай: во второй части Софійскаго Временника, подъ 1475 годомъ (стр. 145), помѣщено *Путешествіе Аѳанасія Тверитина въ Индію*. Для сличенія имѣвшагося въ распоряженіи Строева списка этого Путешествія съ Троицкимъ спискомъ, необходимо было съѣздить въ Лавру. Когда Малиновскій довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Графа, тотъ, въ письмѣ къ Малиновскому отъ 23-го дек. 1820 года, объявилъ: „Съ радостію соглашаюсь, чтобы вы на мой коштъ отправить изволили г. Строева въ Троицкую лавру для свода и повѣрки тамъ находящагося манускрипта о путешествіи въ Индію Аѳанасія Тверитина“ (*Неизд. переп. Госуд. Канцл.*). Но вслѣдъ за тѣмъ, именно 24-го декабря, слѣдовательно, на другой день, Государственный Канцлеръ пишетъ другое письмо, въ которомъ совершенно неожиданно встрѣчаемъ слѣдующее: „хотя я далъ согласіе на поѣздку г. Строева въ Троицкую Лавру, позвольте въ совершенной дружеской откровенности сдѣлать замѣчаніе. Ежели единственно его посылаете для повѣрки извѣстнаго Путешествія въ Индію, кажется гораздо бы было лучше и полезнѣе, чтобы Ваше Превосходительство испросили у Преосвященнаго Митрополита, дабы онъ потребовалъ изъ Лавры къ себѣ въ Москву сей манускриптъ, тогда бы вы сами сличеніе и повѣрку между двумя рукописями сдѣлать могли; но ежели никакъ онъ не согласится, то признаюсь вамъ, что и тутъ бы желалъ, чтобы не одинъ г. Строевъ отправился и не за однимъ только дѣломъ, а вмѣстѣ съ нимъ г. Калайдовичъ, дабы порядочно и по примѣру мною уже отъ нихъ полученныхъ каталоговъ сдѣлали опись всѣмъ древнимъ рукописямъ, хранящимся въ библіотекѣ Троицкой лавры. Я сего лаврскаго каталога только и ожидаю, чтобы пріобща къ прочимъ монастырскимъ издать въ печать; но составленіе описи манускриптовъ Троицкаго монастыря не поручайте однако-жъ одному г. Строеву. Трудъ тогда только совершенъ будетъ, когда въ немъ участіе возметъ г. Калайдовичъ“ (ibid). Подобное же мы читаемъ еще въ другомъ письмѣ Графа, отъ 27-го февраля 1821 года: „Признаюсь вамъ, что жалѣть буду, ежели безъ содѣйствія г. Калайдовича будетъ составляться опись Троицкой лавры манускриптамъ. Опись манускриптовъ не реестръ имъ, который требуетъ одной только точности; для описи нужны пространныя познанія, навыкъ и

особенная догадка,—простымъ словомъ и не очень благороднымъ можно бы это обозначить—особеннымъ чутьемъ. И такъ, ежели г. Строевъ не предпринялъ путешествія, кажется, лучше его отложить до того времени, когда ничто не помѣшаетъ присоединить къ нему г. Калайдовича. Что же касается до *Путешествія въ Индію*, не угодно ли вамъ будетъ списаться съ Н. М. (Карамзинымъ) и постараться получить отъ него нужныя объясненія" (ibid). Позволимъ себѣ напомнить читателямъ слѣдующія слова Государственнаго Канцлера, изъ письма къ тому же Строеву въ 1818 году, когда тотъ представлялъ ему *Описанія монастырскихъ библіотекъ*. „Вы въ полной мѣрѣ оправдать изволили ту довѣренность, съ каковою я къ вамъ обратился, когда пожелалъ, чтобы библіотеки монастырей приведены были въ извѣстность систематическимъ описаніемъ. Вы сіи каталоги составили такъ искусно, что я желаю привесть ихъ изданіемъ въ печать всѣмъ въ извѣстность. Продолжайте меня одолжать; *вы самымъ этимъ ознаменуете себя, какъ особу съ отличными свѣдѣніями и способностію къ изысканію въ Россійскихъ древностяхъ*. Пребываю въ надеждѣ получить отъ васъ столь же *совершенный каталогъ рукописямъ Троицкой лавры*" *). Благосклонность Государственнаго Канцлера къ Строеву простиралась до того, что онъ въ одномъ письмѣ просилъ Малиновскаго сказать Строеву: „я на сихъ дняхъ познакомился съ отцомъ его. Надѣюсь, что онъ будетъ доволенъ моимъ пріемомъ, а такъ я его принялъ, скажите, воздавая за сына" (Е. Барсовъ, стр. 17).

Чѣмъ же объяснить перемѣну въ отношеніяхъ Государственнаго Канцлера къ Строеву? Что̀ такое случилось въ теченіи 1819 — 1820 годовъ, такъ какъ именно съ этого времени примѣчается со стороны Графа не только холодность къ Строеву, но даже оскорбительное недовѣріе. Отвѣчать на это очень трудно, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, но разумѣется, дѣло не обошлось безъ постороннихъ вліяній.

Послѣ этого невольнаго, но необходимаго отступленія, обратимся къ *Софійскому Временнику*. Для удобства пользованія такими громадными книгами, какъ Софійскій Временникъ, необходимы были указатели, къ составленію коихъ и приступилъ Строевъ съ своею обычною энергіею. Графъ Румянцовъ былъ очень доволенъ этимъ предпріятіемъ, но только просилъ Малиновскаго не торопить Строева этимъ трудомъ, требующимъ крайней осмотрительности и осторожности. Когда же Строевъ, окончивъ работу, попросилъ вознагражденія въ размѣрѣ 755 рублей ассигн., то Графъ пришелъ въ ужасъ

*) Стр. 37, 39.

отъ этой суммы и писалъ Малиновскому (отъ 18-го мая 1822): „Я совсѣмъ цѣнить не умѣю возмездія, которое заслуживаетъ трудъ г. Строева за прибавленные къ Софійской лѣтописи реестры; но требуемая сумма мнѣ кажется такъ значительна, что должно меня отклонить при будущихъ изданіяхъ желать по примѣру сему росписи" (*Неизд. переп. Госуд. Канцл.*).

Къ концу 1822 года, изданіе *Софійскаго Временника* было совершенно окончено, но выпускъ его въ свѣтъ былъ на нѣкоторое время, по распоряженію Государственнаго Канцлера, пріостановленъ и вотъ по какому обстоятельству:

Шлецеръ, занимаясь изслѣдованіемъ Временника Нестора, нашелъ, что нѣкоторыя извѣстія, въ немъ встрѣчающіяся, навѣрно выписаны изъ Византійскихъ Хроникъ; но сколько ни старался, не могъ разрѣшить вопроса: кто именно изъ Византійцевъ служилъ руководствомъ и источникомъ Русскому лѣтописцу? Сперва, онъ предположилъ трехъ: Синкела, безъименнаго автора *Пасхальной Хроники и* Кедрина; потомъ ограничился послѣднимъ. Между тѣмъ въ самомъ Несторѣ ясно указывается Византійскій источникъ, коимъ онъ пользовался. Такъ,описаніе нравовъ древнихъ народовъ начинается словами: „глаголетъ бо *Георгій* въ лѣтописаніи" и за тѣмъ слѣдуетъ довольно большая выписка. Между тѣмъ, Строевъ, въ 1819 году, занимаясь описаніемъ библіотеки графа Ѳ. А. Толстаго, встрѣтился съ древнимъ славянскимъ переводомъ одного лѣтописца, подъ заглавіемъ: „*Временникъ въ простѣ отъ различныхъ хронографовъ и сказатель, собранъ же и сложенъ Георгіемъ грѣшнымъ монахомъ*". При тщательномъ осмотрѣ, сей грѣшный Георгій (Ἁμαρτωλός) оказался тотъ самый, изъ коего почерпалъ свои свѣдѣнія нашъ Несторъ. Строевъ имѣлъ намѣреніе тогда же оповѣстить ученыхъ объ этой находкѣ; но судьбѣ угодно было осудить Георгія грѣшнаго еще на нѣкоторый періодъ забвенія. Выбравъ изъ *Временника* Георгія мѣста, заимствованныя изъ него Несторомъ, Строевъ напечаталъ ихъ въ видѣ прибавленія къ первой части *Временника Софійскаго*; но введенный въ заблужденіе Шлецеромъ, Строевъ почиталъ тогда Георгія грѣшнаго (Ἁμαρτωλός) лѣтописью Кедрина, который, какъ извѣстно, тоже назывался Георгіемъ (*Записки Акад*. т. I, 137, 138).

Когда Государственный Канцлеръ получилъ отпечатанные экземпляры *Софійскаго Временника* и увидѣлъ вышеупомянутыя прибавленія, то писалъ Малиновскому (отъ 28-го ноября 1822 года):

„Я радуюсь, что Строевъ довелъ до окончанія изданіе *Софійской Лѣтописи*, но пожалуйте не допускайте до раздачи ни одного экземпляра, не повѣря ошибаюсь ли я или нѣтъ, когда заключаю, что

г. Строевъ сдѣлалъ большую ошибку, которая подвергнетъ насъ всѣхъ осужденію людей ученыхъ. Онъ въ прибавленіи беретъ Кедрина и Георгія грѣшнаго за одну и ту же особу, а я почитаю, что это два писателя совсѣмъ разные. Послѣдній извѣстенъ подъ именемъ Георгія Гамартола, и изъ него-то вѣроятно слово въ слово выбиралъ нѣкоторыя строки Несторъ и вносилъ въ свою лѣтопись. Ежели Строевъ не правъ, то непремѣнно надобно будетъ этотъ листъ совсѣмъ истребить и съ точностію въ новомъ листѣ опредѣлить изъ котораго писателя Византійскаго Несторъ дѣлалъ выписки, а ежели точно сего опредѣлить нельзя, то пройти молчаніемъ“ (*Неизд. переп. Государ. Канцл.*).

Слѣдствіе по этому вопросу поручено было произвести Калайдовичу и вотъ представленная имъ докладная записка, отъ 9-го дек. 1822 года: „По приказанію Вашего Превосходительства я сличалъ прибавленія къ 1-й части *Софійскаго Временника*, взятыя изъ лѣтописи гр. Толстова, приписанной Георгію Кедрину, съ хроникою сего писателя (М. 1820). Изъ сего розысканія открылось слѣдующее: 1) Такъ какъ въ русскомъ переводѣ Кедрина помѣщены только происшествія со времени Рождества Христова, то извѣстія о нравахъ и обычаяхъ нѣкоторыхъ народовъ въ немъ не находятся. По выпискамъ же Шлецера видно, что сіе мѣсто *Софійскаго Временника* весьма сходно съ словами Кедрина. 2) Чудеса Аполонна Тіанскаго при *Софійскомъ Временникѣ* столь сходны съ описаніемъ оныхъ Кедрина (ч. I, л. 39, 40), что нельзя не признать того и другаго сочиненія однимъ и тѣмъ же. 3) Извѣстія о явленіи кометы и теченіи звѣздъ имѣютъ сходство съ приведенными Кедринымъ (ч. I л. 112, 114, 115), но показаны въ трехъ мѣстахъ, а не въ одномъ, какъ въ *Временникѣ Софійскомъ*. 4) Описаніе чудовищъ согласны, только уродъ безъ глазъ и рукъ, по словамъ Кедрина, родился въ Даоніи (ч. I, л. 137); а по выпискѣ при *Софійскомъ Временникѣ*, въ Константинѣ градѣ. Объ уродахъ во Ѳракіи я не нашелъ у Кедрина. 5) О нападеніи Аскольда и Дира на Византію (которыхъ и именъ нѣтъ въ извѣстныхъ греческихъ лѣтописяхъ) Кедринъ говоритъ мимоходомъ (ч. II, л. 45) и совершенно умалчиваетъ о чудесной гибели судовъ русскихъ. 6) Походъ Игоревъ на Царьградъ Кедринымъ совсѣмъ не такъ описанъ (ч. II, л. 89, 90) какъ въ прибавленіи къ *Временнику*. И такъ, изъ сего сравненія и изъ другихъ мѣстъ, то кратко, то подробно описанныхъ противъ Кедрина, открывается, что рукопись гр. Толстова подъ названіемъ *Временникъ* есть совершенно другое сочиненіе, изъ коего Кедринъ, можетъ быть, только заимствовалъ.

Какому собственно Византійскому писателю оно принадлежитъ,

безъ сравненія означить не смѣю. Можетъ быть, это Георгій монахъ Синкелъ, котораго послѣдній продолжатель Левъ Граматикъ довелъ лѣтопись до 949 года и переводъ *Временника* Георгіева въ рукописи гр. Толстова простирается до сего времени. Можетъ быть, это Георгій Гамартолъ, котораго однакожъ лѣтопись мнѣ не извѣстна. Какъ бы то ни было историческая осторожность требовала мѣста, приведенныя въ *Софійскомъ Временникѣ*, сличить съ подобными у Кедрина, или вовсе ихъ оставить" (ibid). Спросили и подсудимаго Строева, который 12-го дек. 1822 г. показалъ: „Сильная простуда поставила меня въ невозможность выходить со двора, а потому я лишаюсь удовольствія лично быть у Вашего Превосходительства и не могъ до сихъ поръ составить подробную записку о порученномъ Государственнымъ Канцлеромъ дѣлѣ. Сообщаю только то, что я успѣлъ сдѣлать въ пятницу. 1) Препровождаю къ Вашему Превосходительству купленный мною для Архивской библіотеки экземпляръ славянскаго перевода Кедрина, хотя при семъ переводѣ не сказано съ какого подлинника онъ сдѣланъ. При томъ вся сія лѣтопись не можетъ быть Кедриновою, ибо продолжается до половины XV вѣка, а Кедринъ умеръ въ половинѣ XI-го, однакоже я нашелъ въ ней два отрывка, кои совершенно сходны съ приведенными Несторомъ и показанными у Шлецера въ греческомъ подлинникѣ. Я ихъ замѣтилъ бумажками. Теперь предоставляю на собственное разсужденіе Вашего Превосходительства можетъ ли оставаться такое сомнѣніе относительно того, что Несторъ заимствовалъ у Кедрина, если даже не будемъ вѣрить показанію Шлецера. 2) Господинъ Снѣгиревъ сказывалъ мнѣ, что въ университетской библіотекѣ находится полное собраніе Византійскихъ писателей. Къ уничтоженію всякихъ сомнѣній подлежитъ только испросить у господина ректора тотъ томъ оныхъ, въ коемъ содержится лѣтопись Кедрина, и сличить ее съ переводомъ *Временника* Греческаго мниха Георгія, хранящемся въ библіотекѣ гр. Толстова. Я сдѣлалъ бы сіе если бы не принужденъ былъ сидѣть дома. Я увѣренъ напередъ, что такое сличеніе оправдаетъ меня совершенно. Я сдѣлалъ бы даже сіе въ то время, когда издавалъ прибавленіе къ первому тому *Софійскаго Временника*, если бы предварительно зналъ, что въ университетской библіотекѣ находятся Византійскіе писатели. Теперь 3) Государственному Канцлеру предлежитъ трудъ, присылкою лѣтописца Георгія Гамартола, доказать, что Несторъ изъ него, а не изъ Кедрина заимствовалъ. Я же, съ моей стороны, основываясь на приведенномъ мною выше, не могу рѣшиться сдѣлать какую либо перемѣну въ изданномъ мною *Временникѣ Софійскомъ*" (ibid). Государственный Канцлеръ произнесъ по этому дѣлу приговоръ, въ силу котораго Строевъ долженъ былъ

уничтожить драгоцѣнныя прибавленія къ 1-й части *Софійскаго Временника.* По свидѣтельству Строева, только десять экземпляровъ *Временника* вышли съ тѣмъ прибавленіемъ (*Зап. Ак.*, стр. 138). Такимъ образомъ, *Софійскій Временникъ* вышелъ въ свѣтъ только въ 1823 году.

Во всякомъ случаѣ слава открытія Византійскаго источника Нестора, знаменитаго Георгія Гамартола, осталась за Строевымъ. Записка его объ этомъ предметѣ, обнародованная черезъ четыре года послѣ изданія *Софійскаго Временника* (*Сѣверн. Арх.* Булгарина, ч. 21, № 11, стр. 217) сдѣлалась достояніемъ науки (*Записки Акад. Наукъ*. Спб. 1864. Т. VI, кн. 1, стр. 122) и много лѣтъ спустя (13 окт. 1855 г.), Ундольскій писалъ ему: „Вы первый изъ Русскихъ подали обстоятельное изслѣдованіе объ Амартолѣ“.

Не смотря на то, что тягостный подвигъ Строева надъ сводомъ, сличеніемъ, разборомъ и словосоставленіемъ разныхъ лѣтописцевъ, совсѣмъ не былъ оцѣненъ Государственнымъ Канцлеромъ, Строевское изданіе *Софійскаго Временника* до сихъ поръ считается образцовымъ.

Посмертный приговоръ объ этомъ трудѣ Строева члены Археографической Коммисіи слышали изъ устъ самого И. И. Срезневскаго (въ засѣданіи 30-го января 1876), который, обозрѣвая заслуги Строева, обратилъ особенное вниманіе на изданіе *Софійскаго Временника*, какъ на „образецъ Археографическаго труда, занимающаго и по нынѣ одно изъ почетныхъ и видныхъ мѣстъ въ ряду изданій Русскихъ памятниковъ; въ свое же время, т. е. слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, если бы въ такой же ученой обстановкѣ и съ такими же пріемами былъ изданъ въ Германіи какой либо изъ памятниковъ ея исторіи, онъ несомнѣнно обратилъ бы на себя всеобщее и вполнѣ заслуженное вниманіе, и имъ также бы гордились и относились къ нему съ такимъ же глубокимъ уваженіемъ, съ какимъ относятся, напримѣръ, къ изданіямъ Пертца (Monumenta Germaniae). Позднѣйшее переизданіе *Софійскаго Временника*, сдѣланное покойнымъ Я. И. Бередниковымъ, не исключаетъ необходимости имѣть подъ рукою также и изданіе Строева. Нельзя забыть и предисловія къ Строевскому изданію этой лѣтописи, гдѣ молодой, еще двадцати четырехъ лѣтній изслѣдователь высказалъ свой взглядъ на Русскія лѣтописи вообще, оказавшійся впослѣдствіи совершенно вѣрнымъ и вмѣстѣ необходимымъ при оцѣнкѣ данныхъ, занесенныхъ въ лѣтописи“.

Строевъ въ этомъ предисловіи, которое составляетъ цѣлый ученый трактатъ о лѣтописяхъ, показалъ ходъ нашего бытописанія: какимъ образомъ частныя записки монаховъ и неизвѣстныхъ бытописателей сливались по временамъ воедино: какимъ образомъ трудолюби-

вые компиляторы сборниковъ или большихъ лѣтописей производили трудъ свой; какимъ образомъ другіе для собственной „удобности“ дѣлали изъ нихъ извлеченія, сокращали или дополняли изъ другихъ источниковъ; какъ сіи послѣднія сокращенія вошли въ послѣдствіи въ новые сборники, съ ошибками, повтореніями и анахронизмами и какимъ образомъ изъ достовѣрныхъ и ни мало не сбивчивыхъ записокъ первыхъ бытописателей образовался хаосъ грубаго компиляторства нашихъ такъ называемыхъ полныхъ лѣтописей. Этотъ вопросъ, впервые поставленный Строевымъ послужилъ темою для докторской диссертаціи профессору К. Н. Бестужеву-Рюмину, который на первыхъ же страницахъ своего замѣчательнаго труда *О составѣ Русскихъ Лѣтописей* (Спб. 1868. 8°), заявилъ: „Еще въ 1820 году знаменитый нашъ Археографъ П. М. Строевъ, тогда еще молодой человѣкъ, издавая *Софійскій Временникъ*, высказалъ, что наши лѣтописи въ сущности не что иное какъ сборники; прошло послѣ того около пятидесяти лѣтъ и мысль эта, тогда многимъ казавшаяся смѣлою, сдѣлалась достояніемъ науки“.

Между тѣмъ, печатаніе *Собранія Грамотъ* шло своимъ чередомъ, и, въ 1822 году, вышла въ свѣтъ третья часть этого Собранія. Отпечатанный экземпляръ Малиновскій отправилъ къ Государственному Канцлеру. Вотъ что по этому поводу писалъ Карамзинъ къ Малиновскому, отъ 10-го августа 1822 года: „Канцлеръ обѣщалъ мнѣ III-й томъ грамотъ, но еще не прислалъ; онъ велѣлъ исключить сказанное вами объ немъ въ предисловіи. Я замѣтилъ одну маловажную ошибку въ текстѣ грамотъ, пробѣжавъ ихъ пять или шесть на-скоро въ кабинетѣ у Графа“ (*Письма* Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому, М. 1860, стр. 65, 66). О предисловіи написалъ къ Малиновскому и самъ Канцлеръ: „Къ нѣкоторой моей особенной печали не токмо нѣтъ приличія, но даже никакой возможности нѣтъ для меня подносить Государю Императору, Императрицамъ и Императорскому Дому экземпляры съ такимъ предисловіемъ, въ концѣ котораго вы противу всякаго моего ожиданія, уступая единственно лестному вашему дружеству, помѣстить изволили обо мнѣ непомѣрную и при такомъ изданіи совсѣмъ несовмѣстную хвалу“ (*Неизд. переп. Госуд. Канцлера*). Малиновскій же, получивъ это письмо, сдѣлалъ Строеву строгое предписаніе перепечатать послѣдній листъ предисловія. „Графу“, писалъ по этому поводу Строевъ къ Калайдовичу, „не полюбились приторныя похвалы наши, и все велерѣчивое наше краснобайство предано теперь въ хаосъ забвенія“. При этомъ Строевъ выражаетъ надежду, что третья часть будетъ вскорѣ поднесена Графомъ Государю и эту третью часть называетъ *„плодомъ двухъ-лѣтнихъ нашихъ трудовъ“*

(Безсоновъ. *Калайдовичь*, стр. 61). И дѣйствительно, надежда не обманула Строева. 2-го августа Государственный Канцлеръ уже былъ осчастливленъ слѣдующимъ рескриптомъ Императора Александра I-го:

„Графъ Николай Петровичь! Получивъ третью часть *Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*, Я увидѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ новый опытъ неусыпнаго попеченія, прилагаемаго вами къ совершенію изданія сей полезной книги. Успѣхъ въ дѣлѣ семъ Я долженъ приписать ревностному содѣйствію вашему и отличному усердію, коимъ все продолженіе службы вашей и прежде ознаменовано было. Вмѣняя себѣ въ пріятную обязанность возобновить вамъ искреннюю мою признательность, Я поручаю вамъ объявить благоволеніе Мое трудившимся при изданіи сей книги“ (Безсоновъ, 170, 171). И въ формулярномъ спискѣ Строева подъ 22-мъ августомъ 1822 года, мы читаемъ слѣдующія строки: „За труды при изданіи 3-й части *Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*, объявлено ему чрезъ Государственнаго Канцлера Высочайшее благоволеніе“.

Этимъ трудомъ завершилось служеніе Строева въ Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. 17-го августа 1822 года, онъ обратился къ Государственному Канцлеру съ слѣдующимъ письмомъ: „Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь! Въ 1815 году удостоился я особенной чести, бывъ призванъ Вашимъ Сіятельствомъ къ занятію должности Главнаго Смотрителя въ Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Съ того времени я участвовалъ въ изданіи 2-й и 3-й частей Собранія оныхъ; описалъ по волѣ Вашего Сіятельства болѣе тысячи рукописей, въ разныхъ монастыряхъ находящихся; издалъ *Законы* Великаго князя Іоанна Васильевича; привелъ къ окончанію печатаніе *Временника Софійскаго* и по временамъ удостоивался другихъ значательныхъ порученій. Милостивые и одобрительные отзывы Вашего Сіятельства, словесно и письменно мнѣ неоднократно изъявленные; и орденскій знакъ Святыя Анны, грудь мою украшающій, суть достаточныя свидѣтельства, что всѣ дѣланныя мнѣ порученія были исполняемы съ точностію, какая только отъ силъ моихъ и способностей зависѣла. Но неумѣренная страсть къ занятіямъ ученымъ мало по малу разстроила крѣпкое до того сложеніе моего тѣла. Отъ напряженнаго чтенія древнихъ рукописей зрѣніе мое начало притупляться примѣтно; всегдашнія трудныя упражненія причинили ослабленіе груди, а сидячая жизнь, при всей молодости лѣтъ моихъ, подвергла частымъ имороидальнымъ припадкамъ. Въ *1820* году двухмѣсячное пребываніе въ Малороссіи, разсѣянность и движеніе подкрѣпило было значительно мои тѣлесныя силы; но послѣдовавшія за тѣмъ безпрерывныя занятія снова разстроили мое здоровье. Не

знаю, позволитъ ли позднее уже время нынѣшняго лѣта провести хотя недѣли двѣ, или три, внѣ столицы. По сей причинѣ я нахожусь внѣ всякой возможности продолжать службу въ настоящемъ моемъ званіи и участвовать въ изданіи 4-й части *Собранія Государственныхъ Грамотъ*; *особенно же когда, по волѣ Вашего Сіятельства, возложено на меня одного составленіе алфавитныхъ росписей, къ ней принадлежащихъ*. Сочиняя подобныя росписи къ *Временнику Софійскому*, я почувствовалъ всю тяжесть сего дѣла и при всемъ усердіи къ скорѣйшему ихъ окончанію, употребилъ на то болѣе десяти мѣсяцевъ. На собственное благоразсужденіе ваше, Сіятельнѣйшій Графъ! предоставляю, сколько потребно времени и какихъ трудовъ на подобное предпріятіе для четырехъ частей Грамотъ, которыя числомъ печатныхъ листовъ въ шесть разъ превосходятъ *Временникъ Софійскій*! Разстроенное здоровье мое не вынесетъ сего труда утомительнаго и, могу сказать, гибельнаго. Находясь въ такихъ лѣтахъ, отъ удачнаго употребленія которыхъ зависитъ будущее благосостояніе жизни; при состояніи слишкомъ незначительномъ и при здоровьи, разстроенномъ отъ неумѣреннаго трудолюбія, самая необходимость заставляетъ меня обратить надлежащее вниманіе на улучшеніе перваго и возможное сбереженіе послѣдняго. Благоволите, Сіятельнѣйшій Графъ! изъявить милостивое согласіе ваше на увольненіе меня отъ должности Главнаго Смотрителя, которую разстроенное здоровье мое болѣе занимать мнѣ не позволяетъ. *При всегдашнемъ отличномъ ко мнѣ расположеніи Алексѣя Ѳедоровича, я нахожусь въ полной увѣренности, что Его Превосходительство дозволитъ мнѣ великодушно остаться при Архивѣ безъ должности и жалованья* на нѣкоторое время; пока благопріятный случай расположитъ жребіемъ будущей моей жизни и службы. Да не подумаете, Сіятельнѣйшій Графъ! чтобы симъ откровеннымъ представленіемъ невозможности дальнѣйшаго отправленія занимаемой мною должности я имѣлъ въ виду испрошеніе какой либо новой милости отъ Вашего Сіятельства. Исполнять приказанія начальства и не просить ничего было всегдашнимъ правиломъ моей службы. Съ февраля мѣсяца 1816 г. по настоящее время, я получалъ казеннаго жалованья по 600 р. ежегодно. За разныя особенныя порученія имѣлъ щастіе получить отъ Вашего Сіятельства въ разныя времена до 3000 р., всего около 7,000 р. Разложивъ сію сумму на семь лѣтъ службы моей при Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, выдетъ не болѣе 1,000 р. ежегодно. Простите великодушно, Сіятельнѣйшій Графъ! если я симъ неумѣстнымъ расчетомъ осмѣлился обременять милостивое ваше вниманіе. Намѣреніе мое состоитъ единственно въ томъ, чтобы представить Вашему Сіятельству всегдашнюю мою умѣ-

ренность и что не какіе-либо виды наградъ или прибытка, но единая страсть къ Отечественной Исторіи и желаніе заслужить лестное для всякаго покровительство Вашего Сіятельства, были главными побудительными причинами семи лѣтней службы моей подъ высокимъ вашимъ начальствомъ. Могу-ли не скорбѣть, прерывая любимыя мои занятія? Оставляя званіе Главнаго Смотрителя въ Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, я лишаюсь щастія быть подчиненнымъ особѣ Вашего Сіятельства; но могу-ли исключить себя изъ числа вами благодѣтельствуемыхъ? Да не прекратится чрезъ сіе, Сіятельнѣйшій Графъ! милостивое и великодушное ваше мнѣ покровительство! Съ моей стороны, гдѣ бы я ни былъ, ревностнѣйшее исполненіе воли и приказаній Вашего Сіятельства будетъ всегдашнею и священнѣйшею моею обязанностію" (*Арх. Ком.*, III, 362—364).

Само собою разумѣется, что Малиновскому было жаль разставаться съ такимъ подчиненнымъ, какъ Строевъ, и при прощаніи онъ писалъ ему: „...Естьли вы рѣшитесь перемѣнить службу, то желаю вамъ имѣть такого начальника, который бы вамъ столько доброжелательствовалъ какъ *я*; желаю и того, чтобъ не изгладился на васъ отпечатокъ того направленія къ службѣ, которое даю каждому изъ подчиненныхъ моихъ". (*Письма*, I, № 56) и Строевъ до конца жизни своей сохранялъ объ Алексѣѣ Өедоровичѣ почтительное воспоминаніе.

IV.

Совершая археографическія путешествія по обителямъ, издавая древніе памятники, исполняя порученія Государственнаго Канцлера, Карамзина, Малиновскаго и другихъ, Строевъ умѣлъ удѣлять время и на другіе труды, обозрѣнію которыхъ за это время, т. е. съ 1815 г. по 1822 г., мы намѣрены посвятить настоящую главу.

Исторія Сибири занимала пытливый умъ Строева. „Сія Россійская Мексика и Остъ-Индія", писалъ онъ впослѣдствіи, „щедро надѣляющая наше отечество минералами, дорогими мѣхами и предметами китайской торговли, необыкновенно важна въ политическомъ и финансовомъ отношеніяхъ. Пріобрѣтеніе сего неизмѣримаго края стоило мало издержекъ, еще менѣе крови. Ироизмъ промышленности отодвинулъ Востокъ Россіи" (*Моск. Телегр.*, 1825, № 21, стр. 45—47).

Въ 1817 году Строевъ представилъ въ цензурный комитетъ трудъ свой подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Критическій розыскъ къ объясненію и поправленію бытосказаній и хронологіи въ начальной Исторіи Сибирскаго царства*. Но этотъ трудъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, доставилъ Строеву много непріятностей. Такъ какъ въ этомъ сочиненіи, авторъ пользовался источниками Московскаго Архива Иностранной Коллегіи, то цензоръ И. А. Геймъ, прежде одобренія, отправилъ сочиненіе это на разсмотрѣніе начальника Строева А. Ѳ. Малиновскаго. Приговоръ послѣдняго былъ самый неожиданный. Малиновскій писалъ Гейму, что присланная ему рукопись не можетъ быть пропущена: во 1) потому, что безъ позволенія „высшаго дипломатическаго начальства никто не можетъ заимствовать подлинныхъ документовъ изъ Архива, даже ссылаться на нихъ, а г. Строевъ не удостоился получить этого разрѣшенія, и во 2) потому, что мнимо-критическій розыскъ Строева болѣе всего опирается на грубыхъ, обидныхъ и съ настоящею критикою несовмѣстныхъ выраженіяхъ противъ покойнаго г. Миллера, которому отеческая исторія наша обязана столь многими открытіями и котораго обширныя занятія, всему ученому свѣту извѣстныя, должны охранены быть отъ забіячлевыхъ нападковъ недозрѣлаго юношества“ (*Бумаги Московск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д.*). Не можемъ не сказать здѣсь, что Строевъ не менѣе Малиновскаго зналъ цѣну Миллеру. „При имени Миллера“, говорилъ этотъ *забіячлевый и недозрѣлый юноша*, „сего знаменитаго изыскателя древностей, чувство признательности невольно наполняетъ душу русскаго историка. Если сей ученый мало занимался сочиненіями прагматическими, то одно извлеченіе изъ недоступныхъ хранилищъ и сбереженіе великаго числа матеріаловъ ставятъ его заслуги выше хвалы и несравненно важнѣе той, какую онъ оказалъ-бы, написавъ десятки томовъ исторіи“.

Когда все это происходило, авторъ находился въ обители Св. Іосифа Волоколамскаго и, конечно, къ этому непріятному обстоятельству относятся слѣдующія строки къ нему Калайдовича, отъ 9-го августа 1817 года: „Алексѣй Ѳедоровичь много мнѣ говорилъ на щетъ вашей рукописи о Сибири; но не должно предавать бумагѣ“ (*Письма*, I, № 17).

Отзывъ Малиновскаго, разумѣется, нисколько не охладилъ въ Строевѣ охоты изучать исторію Сибири. Въ письмѣ къ нему Государственнаго Канцлера, отъ 7-го декабря 1819 г., мы читаемъ: „Намѣреніе ваше издать *Сибирскій Лѣтописецъ*, съ коего я имѣю списокъ, конечно, похвально, и я увѣренъ, что примѣчаніями своими ему придадите новый вѣсъ; но позвольте вамъ повѣрить два извѣстныхъ мнѣ обстоятельства: 1-е, М. М. Сперанскій точно занимается

сочиненіемъ о Сибири; 2-е, одинъ изъ моихъ пріятелей*) пишетъ ко мнѣ, что ему удалось собрать именно въ Соликамскѣ много любопытныхъ историческихъ свѣдѣній, и какой-то краткій лѣтописецъ, и что все сіе нынѣшнимъ лѣтомъ издать собирается; не сочтете ли вы, дабы изданіе ваше имѣло свою полноту, выждать появленіе сихъ двухъ сочиненій; побесѣдуйте объ этомъ съ почтеннымъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ". Въ этомъ же письмѣ Графъ благодаритъ Строева „за дополненіе Путешествія въ Китай въ 1567 году" (*Письма*, I, № 34).

Строевъ и впослѣдствіи не оставлялъ своихъ занятій любимымъ предметамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ собранные имъ *Матеріалы для Исторіи Сибири.* Собраніе же это въ 1840 году, онъ подарилъ И. Н. Царскому съ слѣдующей надписью: „Сію книгу, мною въ разное время собранную, предоставляю почтенному собирателю старины И. Н. Царскому, да сохраняетъ въ своей драгоцѣнной библіотекѣ. Много предполагалъ еще вписать сюда, но списано только" (*Рукописи Слав. и Россійск. Царскаго.* М. 1848, стр. 226, 227).

Въ это же время Строевъ писалъ и критическія статьи, которыя помѣщались исключительно на страницахъ *Сына Отечества.* Такъ, въ № 52-мъ 1815 года помѣщенъ разборъ его *Записокъ и Трудовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* (ч. I, М. 1815), а также и *Русскихъ Достопамятностей* (ч. I, М. 1815). Въ этомъ разборѣ Строевъ очень рѣзко отнесся къ разсужденію Каченовскаго *О судебныхъ поединкахъ*; такъ что издатель *Сына Отечества*, Н. И. Гречь, принужденъ былъ сдѣлать слѣдующую оговорку: „Не видавъ разсматриваемой книги, и потому не можемъ судить, справедливо-ли мнѣніе г. рецензента. Безпристрастіе не позволило ему исключить или перемѣнить сіе замѣчаніе, но онъ никакъ не ручается въ его безошибочности, и проситъ г. рецензента подтвердить мнѣніе свое доводами, будучи увѣренъ, что и г. Каченовскому гораздо пріятнѣе будетъ видѣть подробное разсмотрѣніе сей статьи, нежели сдѣланное мимоходомъ рѣзкое замѣчаніе. Критическая статья, относящаяся къ исторіи Россійской, не есть какой нибудь переводъ какого нибудь романа". (стр. 253, 254). Но написавъ это, Гречь счелъ нужнымъ оправдаться и предъ Строевымъ, которому писалъ (отъ 30-го ноябр. 1816): „Надѣюсь, что вы не взыщите съ меня за замѣчаніе мое на вашу статью о Каченовскомъ. Это этикетъ: Каченовскій тоже сдѣлалъ въ отношеніи ко мнѣ: напечаталъ брань, а потомъ будто защищаетъ.— Урѣзки въ вашей пьесѣ сдѣланы цензурою. Какъ она справедлива и безпристрастна, вы можете видѣть изъ Якобинскаго *Духа Журналовъ*,

---

*) Историкъ Бергъ.

издаваемаго цензоромъ Яценковымъ. Тамъ явно ругаютъ правительство, а я не смѣю напечатать замѣчаній о глупыхъ французскихъ книгахъ, потому-де, что мы въ союзѣ съ Франціей" (*Письма*, I, № 6).

Строевъ не могъ не отозваться и на другую статью Каченовскаго, именно *О Славянскомъ языкѣ вообще и въ особенности о церковномъ*. Въ этой статьѣ, помѣщенной въ *Вѣстникѣ Европы* 1816 г. (№№ 19 и 20), доказывается, что древній коренной Славянскій языкъ намъ неизвѣстенъ и что нынѣшній церковный нашъ языкъ есть старинное Сербское нарѣчіе. Строевъ прислалъ Гречу замѣчанія свои на эту статью, но такъ какъ въ *Вѣстникѣ Европы* обращали большое вниманіе на метрическія свидѣтельства авторовъ и не разъ тамъ попрекали Строева лѣтами и тѣмъ, что онъ не кончилъ курса въ университетѣ, то Гречь, на всякій случай, прежде напечатанія Строевскихъ замѣчаній, заявилъ слѣдующее: „Поставляемъ долгомъ замѣтить, что мы отнюдь не присвоиваемъ себѣ права и обязанности разбирать выписки изъ метрическихъ книгъ о времени и мѣстѣ рожденія и послужные списки объ ученіи, службѣ и чинахъ тѣхъ особъ, которыя разсудятъ сообщать намъ свои замѣчанія... Мы увѣрены, что истинно умный и ученый человѣкъ, каковымъ мы всегда почитали г. Каченовскаго, не будетъ негодовать на наше безпристрастіе" (*С. О.* 1816, № 47, стр. 90). Къ сожалѣнію, дѣло ограничилось только этимъ предупрежденіемъ. Замѣчанія Строева, какъ кажется, такъ и не были напечатаны. О сущности этихъ замѣчаній, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе изъ слѣдующаго письма Греча къ Строеву, отъ 30-го ноября 1816 г. „Изъ 47-й книжки вы увидите, что я поднялъ перчатку г. Каченовскаго. Только я долженъ многое посмягчить въ вашей статьѣ: историческихъ вашихъ доводовъ довольно. Впрочемъ долженъ я вамъ сказать, что я съ вашимъ мнѣніемъ не согласенъ, *будто въ IX вѣкѣ церковный нынѣшній языкъ былъ общимъ всѣхъ славянскихъ поколѣній*. Откуда же взялись тысячи польскихъ и русскихъ словъ, которыхъ не находимъ въ Библіи и которыя встрѣчаются между тѣмъ въ старинныхъ польскихъ и русскихъ книгахъ? Очень можетъ быть, что Сербы, Болгары, Моравы и прочіе южные Славене говорили языкомъ близкимъ къ библейскому, но сѣверные, конечно, имѣли свое нарѣчіе, иначе языкъ Нестора, писавшаго лѣтъ чрезъ 150 послѣ перевода Библіи, языкъ монаха не былъ бы столь отличенъ отъ библейскаго. Извините, что я заѣхалъ въ чужое поле, но это меня очень интересуетъ. Константину Ѳеодоровичу (Калайдовичу) прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе" (*Письма*, I, № 10).

Но самымъ замѣчательнымъ критическимъ трудомъ П. М. Строева была рецензія его на книгу Успенскаго *Опытъ повѣствованія о Древ-*

ностяхъ Русскихъ (Харьковъ, 1818 г. 8°), напечатанная также въ *Сынѣ Отечества*. Строевъ обвиняетъ автора *Опыта*, что онъ безъ всякаго разбора собиралъ все попадавшееся ему подъ руку; при чемъ „драгоцѣнныя извѣстія Нестора не отличалъ отъ извѣстій баснословнаго *Синопсиса*, и вымышленныя сказки отъ справедливыхъ сказаній новѣйшихъ исторіо-испытателей". По словамъ рецензента, IV глава *Опыта* составлена хорошо, и это потому, что вся она заимствована изъ IV-й же главы *прекраснѣйшей исторіи медицины Рихтера*. Но что другія главы, какъ, напримѣръ, о Славянской миѳологіи, о законоположеніи, напротивъ того, вышли „вялыми", отъ того, что сочинитель не имѣлъ предъ собою „хорошо очищенныхъ и отработанныхъ матеріаловъ, а принужденъ былъ пользоваться одними заблужденіями своихъ руководителей". Рецензентъ также упрекалъ автора *Опыта* за излишнее довѣріе къ Татищеву: „Можно ли, не скрѣпя сердца, читать, какъ въ древности, за неумѣніемъ грамотѣ, подписываніе актовъ замѣняли тѣмъ, что, намаравъ всю ладонь чернилами, прикладывали къ написанному свои руки. Таковыя два письма, говоритъ авторъ *Опыта*, самъ Татищевъ видѣлъ". Рецензентъ ссылается на всѣхъ, имѣвшихъ случай обращаться съ древними судебными бумагами, и спрашиваетъ ихъ: „видали ли они хотя одинъ актъ съ такимъ истинно *рѣдкимъ* рукоприкладствомъ?" Далѣе рецензентъ уличаетъ автора въ неправильномъ объясненіи таинственныхъ *Норицъ* Нестора. Успенскій утверждаетъ, что „сіи Норицы названы у Нестора испорченно, вмѣсто *Нагорцы*"... На это рецензентъ весьма основательно замѣчаетъ: „Несторъ вѣрно больше нашего долженъ былъ знать о своемъ отечествѣ, а мы, вмѣсто того, чтобы *объяснять* его, не понимая словъ его, возглашаемъ: *это ошибка!* это *испорчено!*" Строевъ обвиняетъ Успенскаго и „за то, что онъ принялъ отъ Татищева на вѣру мнѣніе о существованіи у насъ гнуснаго права droit des seigneurs (*княжее*), столь обыкновенное въ другихъ странахъ Европы." Въ заключеніе рецензентъ говоритъ, что книга Успенскаго можетъ принести важную пользу: „Она будетъ черновыми записками (brouillons) для настоящихъ *Древностей Русскихъ*". Сперва казалось, что этимъ и кончилось дѣло. По словамъ Строева, „рецензія не возбудила споровъ между журналистами; публика забыла и ее и твореніе; провинціальная Кліо также хранила молчаніе. Но вдругъ возшумѣла буря съ юга — отголоски ея отдались въ древней столицѣ. Г. Собиратель ополчился на своего рецензента *)... Рецензентъ, съ своей стороны, не умедлилъ также приготовиться „къ отпору". Нужно замѣтить, что Строевъ предпослалъ разбору *Опыта* слѣдую-

*) Въ *Украинскомъ Вѣстникѣ*, 1818 г. Сент., стр. 377—389.

щее общее разсужденіе: „Для совершеннаго историческаго сочиненія, недовольно одного простаго труда перечитать всѣ имѣющіеся о немъ матеріалы и скомкать ихъ безъ всякаго разбора. Историкъ и вообще занимающійся древностями долженъ имѣть проницательный взглядъ, тонкій, здравою критикою вооруженный умъ, искусство постигать и соображать вещи по малѣйшимъ о нихъ намекамъ. Онъ долженъ быть чуждъ всякой воображательной системы, основанной на однѣхъ вѣроятностяхъ... Слѣпо слѣдовать своимъ предшественникамъ была бы наиважнѣйшая его слабость!“

Это разсужденіе очень не понравилось Успенскому, который находилъ, что эти правила обязательны для историка, а не для археолога. На это Строевъ замѣтилъ: „И историкъ, и археологъ равно испытатели древности. Первый описываетъ бытія; послѣдній представляетъ обыкновенія, образъ жизни, просвѣщеніе. Слѣдовательно, главныя обязанности у нихъ одинаковы.“ По поводу обвиненія въ заимствованіи IV-й главы *Опыта* изъ *Исторіи медицины* Рихтера, Успенскій упрекаетъ рецензента въ несправедливости, объясняя, что не вся, а только часть главы заимствована имъ изъ *Исторіи Медицины*. Строевъ принесъ повинную голову въ томъ, что онъ точно ошибся *въ счетѣ страницъ*. Далѣе, Успенскій, приводя слова рецензента, относительно рукоприкладства, спрашиваетъ его: „на кого вы ссылаетесь? Кажется, на приказныхъ служителей или старинныхъ подьячихъ? Но они ни историки, ни антикваріи“! „Этимъ неумѣстнымъ восклицаніемъ, замѣчаетъ рецензентъ, авторъ думалъ сдѣлать счастливую выходку на рецензента, и тѣмъ выманить улыбку читателя. Разумѣется, еслибъ можно было воскресить хотя одного стариннаго подьячаго, то онъ несравненно лучше наставилъ бы насъ въ семъ дѣлѣ, нежели сотни мнимыхъ антикваріевъ и профессоровъ исторіи. Но рецензентъ, ссылаясь на людей, имѣвшихъ случай обращаться съ древними судебными бумагами, разумѣлъ достопочтенныхъ гг. архиваріусовъ и хранителей манускриптовъ, любопытныхъ путешественниковъ, ученыхъ изыскателей древности, палеографовъ“.

По поводу древнаго порядка судопроизводства, Строевъ сообщаетъ о немъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: „Въ древности, т. е. до XV вѣка, очень мало было у насъ *грамотѣевъ* и мы не имѣемъ даже признаковъ, чтобы въ тѣ времена судъ производился письменно. Всякаго рода тяжбы рѣшались тогда словесно; не было ни формъ, ни обрядовъ, ни аппеляцій. Писали только такіе акты, кои обезпечивали принадлежность собственности... Кромѣ грамоты Мстиславовой всѣ они писаны на лоскутахъ пергамина, безъ всякихъ подписей или рукоприкладствъ, съ привѣсью свинцовыхъ печатей; въ концѣ озна-

чаются только имена бывшихъ при томъ послуховъ или свидѣтелей, а иногда и духовныхъ отцовъ. По тому же малому числу грамотныхъ, подлога быть не могло, и сіи неподписные акты оставались ненарушимыми. Нѣсколько десятковъ ихъ, а можетъ быть и сотенъ, хранятся въ Государственномъ Старыхъ Дѣлъ Архивѣ и по монастырскимъ архивамъ сѣверной Россіи. Въ Харьковѣ ихъ нѣтъ, ибо это городъ новый, и потому г. Собирателю неудавалось съ ними *обращаться*. Не имѣя возможности заставить его путешествовать на Сѣверъ, чтобы посмотрѣть на сіи акты, рецензентъ раскрываетъ предъ нимъ четвертую часть *Записокъ Путешествія* г. академика Лепехина... Когда число умѣвшихъ писать увеличилось и могли выходить подлоги и, слѣдственно, споры, тогда обыкновеніе подписывать или прилагать руки сдѣлались необходимымъ. Въ концѣ XV вѣка великій князь Іоаннъ Васильевичъ, въ законахъ своихъ, уже предписываетъ сіе съ строгостію, а въ XVI вѣкѣ, безъ рукоприкладства, судебные акты считались уже недѣйствительными. Что же касается до выраженія: *руку приложить*, то оно есть ни иное что, какъ *фигуральное* (орудіе вмѣсто вещи—какой тропъ по риторикѣ?)

Снимать *пятна* съ бытописаній отечественныхъ, продолжаетъ Строевъ, „гдѣ они есть, и пояснять ихъ есть священнѣйшая обязанность всякаго патріота-историка; напротивъ того, умышленно стараться находить ихъ тамъ, гдѣ ихъ и быть не можетъ, и тѣмъ безславить свое отечество, есть преступленіе болѣе нежели уголовное. Татищеву вздумалось внести въ свою исторію, Богъ знаетъ откуда заимствованное имъ, мѣсто: „Ольга отрѣши *Княжее* и уложила брать отъ жениха по черной кунѣ, какъ князю, такъ и боярину отъ его подданнаго", и изъ непонятнаго слова *княжее* вывести самое странное заключеніе. Вмѣсто того, чтобы отвергнуть такія выдумки, г. Собиратель постарался еще подкрѣпить ихъ учеными замѣчаніями, а когда рецензентъ уличалъ его въ заблужденіи, онъ не оставилъ привести въ свидѣтельство Елагина и еще какого-то новѣйшаго автора".

Успенскій въ *Опытѣ* своемъ (стр. 144), между прочимъ, написалъ: „Ставить на могилахъ кресты обыкновеніе современно Христіанской вѣрѣ и прежде было оно, какъ кажется, еще въ большемъ уваженіи, нежели нынѣ, какъ то видѣть можно изъ случившагося въ 1092 году въ Россіи мороваго повѣтрія, „отъ Филипова дня до мясопущъ, въ которое время въ одномъ Кіевѣ продано до 7,000 таковыхъ *крестовъ*." Рецензентъ назвалъ такое замѣчаніе слишкомъ *особеннымъ*. Собиратель въ отвѣтѣ своемъ, давъ на него „окрикъ", прибавилъ: „Позвольте же узнать, что значитъ сія особенность"? Рецензентъ ему отвѣчаетъ: „Въ *подлинникѣ* Кенигсбергскаго

списка Нестора, который онъ самъ видѣлъ въ Спб. Академіи Наукъ, написано: „...якоже глаголаху продающіи *кърсты*, яко продахомъ *кърстовъ*, яко отъ Филипова дня до мясопущъ, седмь тысящъ". Издатель *кърсты* поправилъ въ *кресты*; а *кръстъ* значитъ не *крестъ*, а гробъ. Тѣло Св. Владиміра, по успеніи, положено было въ *кърсту марморяну*. „Неужели", спрашиваетъ рецензентъ, г. Собиратель и здѣсь будетъ разумѣть, что Св. князя положили въ крестъ могильный???"

Въ противоположность Строеву, сохранявшему спокойствіе и благопристойность въ спорахъ, вовсе не касаясь личности противника, Успенскій называетъ своего рецензента *бумагомарателемъ*; *человѣкомъ со стороны познаній въ Отечественной Исторіи ничѣмъ себя не отличившимъ*; *не выѣзжавшимъ изъ столицы и не читавшимъ ничего Россійскаго*; рецензію его именуетъ *скомканною*, а умъ его *всеобъемлющимъ*.... Строевъ напомнилъ Успенскому, что для того, „чтобы писать на щетъ чьей-либо личности, надобно знать хоть какія-нибудь обстоятельства его жизни, занятій, званія. Но могъ ли г. Собиратель вѣдать ихъ, когда рецензентъ скрылъ даже свое имя. Какъ мужу любящему истину, ему надлежало бы сперва узнать своего противника, вызвавъ его изъ неизвѣстности. Тогда рецензентъ, по долгу учтивости, не преминулъ бы *отрекомендовать* себя въ благосклонность г. Собирателю и рукою не трепетною подписалъ бы свою фамилію: *Строевъ*" (*Сынъ Отеч.* 1818, №№ 31 и 48).

Этою рецензіею заключилась дѣятельность Строева въ *Сынѣ Отечества* и Гречь въ 1821 г. писалъ ему: „Хотя мы по наружности забыли другъ друга, но я васъ въ сердцѣ своемъ всегда помню и люблю" (*Письма*, I, № 43). Строевъ былъ слишкомъ занятъ, чтобы брать на себя журнальную работу, и уклонялся отъ всѣхъ дѣлаемыхъ ему на этотъ счетъ предложеній. Такъ, напримѣръ, издатель *Отечественныхъ Записокъ*, Павелъ Свиньинъ расширившій съ 1820 года объемъ своего журнала, желая заручиться сотрудничествомъ Строева, обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ (отъ 20 мая 1820 года): „...Весьма желаю знать мнѣніе ваше о моемъ предпріятіи, только прошу быть искреннимъ. Надѣюсь также, что вы не забыли обѣщанія вашего сообщить для журнала моего *Нѣкій вояжъ Россіянина* съ замѣчаніями вашими — я ожидаю его съ нетерпѣніемъ. Но еслибъ захотѣли вы чувствительнѣйше одолжить меня и украсить мое изданіе, то я бы сталъ убѣдительнѣйше просить васъ потрудиться доставить мнѣ хотя поверхностное описаніе Углича и его достопамятностей. Никто лучше васъ оныхъ не знаетъ... Вѣрю, что вы очень заняты, но, зная вашу легкость управлять пе-

ромъ—не могу повѣрить, чтобъ вамъ не было времени пожертвовать нѣсколькими часами для *Отечественныхъ Записокъ* и тѣмъ сдержать ваше обѣщаніе, неоднократно повторяемое и съ нетерпѣніемъ ожидаемое" (*Письма*, I, 35, 42). Не смотря на это, мы не находимъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* ни одной статьи Строева.

V.

Въ 1823-мъ году, 12-го апрѣля, въ чрезвычайномъ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, П. М. Строевъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены этого Общества. Павлу Михайловичу, по собственному его признанію, казалось страннымъ ограничиваться одними посѣщеніями засѣданій. Онъ жаждалъ дѣятельности, которой, однако, мѣшалъ тѣсный кругъ занятій Общества. И вотъ нашъ новый членъ обдумалъ и представилъ Обществу обширный планъ его дальнѣйшей дѣятельности, открывавшій истинные пути къ осуществленію главной задачи Общества, то есть „привести въ ясность Россійскую Исторію" (Уставъ, § 5).

Строевъ, до поѣздки въ монастырскія библіотеки и описанія ихъ, думалъ, подобно другимъ, что, кромѣ уже извѣстнаго, мало новаго можно отыскать въ нихъ. Но когда онъ непосредственно ознакомился съ монастырскими книгохранилищами и описалъ болѣе *двухъ тысячъ* рукописей, то увидѣлъ, что все бывшее извѣстнымъ составляло лишь „небольшую частицу огромнаго цѣлаго", что „великія сокровища, кои можно изнести изъ древнихъ библіотекъ духовныхъ, сихъ не разработанныхъ рудниковъ нашей исторіи, своимъ многочисліемъ и важностію содержанія", далеко превзошли бы самыя смѣлыя надежды. Тогда-то родилась въ Строевѣ мысль „о необходимости изысканій"; а послѣдующія занятія, состоявшія въ изданіи разныхъ рукописей, показали ему на опытѣ и удостовѣрили совершенно: что, безъ „исторической экспедиціи", безъ разбора библіотекъ и „снесенія во едино многихъ списковъ" нельзя и помышлять объ „изданіяхъ критическихъ". — Чрезъ два мѣсяца по вступленіи въ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, именно въ засѣданіи 14-го іюня 1823 года, Строевъ произнесъ свою достопамятную рѣчь, въ которой блистательно развилъ свои мысли *о средствахъ удобнѣйшихъ къ открытію*

памятниковъ Отечественной Исторіи и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обработывать ихъ. Вотъ текстъ этой замѣчательной рѣчи:

Почтеннѣйшіе Сочлены!

Ваше единогласное избраніе меня въ члены Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ составляетъ пріятную епоху моей жизни. Будучи призванъ раздѣлять ваши полезные труды, безъ всякаго съ моей стороны домогательства, я нахожу въ семъ великодушномъ вашемъ призваніи сильное увѣреніе: что прежнія мои занятія Отечественными Древностями были не совсѣмъ безполезны; что они возбудили ко мнѣ вниманіе мужей просвѣщенныхъ, истинныхъ любителей исторіи: и могу ли не радоваться, удостоясь столь благосклоннаго одобренія?

Облеченный въ званіе Дѣйствительнаго Члена и получивъ приглашеніе къ настоящему засѣданію, *для совѣщаній о будущихъ занятіяхъ Общества*, я вмѣняю себѣ въ обязанность: принести вамъ, Почтеннѣйшіе Сочлены, душевное благодареніе за честь, которой я удостоился. За симъ, на основаніи § 58-го Устава Общества, прошу благосклоннаго дозволенія вашего представить мое мнѣніе о предметахъ настоящаго совѣщанія, и побесѣдовать съ вами: *О средствахъ удобнѣйшихъ и скорѣйшихъ къ открытію памятниковъ Отечественной Исторіи и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обработывать оные.*

Нѣтъ сомнѣнія, Почтеннѣйшіе Сочлены, что трудъ частнаго человѣка, на поприщѣ наукъ и учености, каковъ бы онъ ни былъ, лишь бы съ благимъ намѣреніемъ совершался, есть дѣло, должной похвалы достойное. Всякій сочинитель, изслѣдователь или издатель, можетъ назначить своимъ занятіямъ предѣлы произвольные; можетъ обработывать свой предметъ вполнѣ или раздѣльно; можетъ даже заниматься мелочью и частностями — и въ етомъ никто не въ правѣ порицать его. Но если Академія, историческія и всякаго рода ученыя общества, суть собранія любителей просвѣщенія, одушевленныхъ желаніемъ усовершить всѣ роды человѣческихъ знаній, или одно изъ нихъ собственно; если побудительныя причины ихъ состава можно уподобить побужденіямъ обществъ торговыхъ, то есть, чтобы общими усиліями, взаимнымъ соединеніемъ средствъ и знаній (сихъ *капиталовъ ума*), произвесть большія дѣйствія и успѣхи: то, неоспоримо, цѣль ихъ должна быть самая высокая, кругъ упражненій несравненно обширнѣйшій (противъ частныхъ людей) и изданія, плоды трудовъ, возможно-совершенныя. Иначе, для чего соединяться многимъ, чтобы дѣлать то, что̀ каждый, самъ по себѣ, могъ бы произвести одинъ и способами обыкновенными? *Или дѣлать и дѣлать цѣлое и совершен-*

ное, или такъ оставить и не начинать *): вотъ слова мудрой Законодательницы и — по моему мнѣнію — девизъ обществъ ученыхъ.

С.-Петербургская Академія Наукъ никогда не могла бы толико содѣйствовать отечественной Статистикѣ, Исторіи, Ботаникѣ, Минералогіи и другимъ отраслямъ знаній, если бы издавала одни Коментаріи и отличныхъ способностей своихъ членовъ не употребила на обозрѣніе обширныхъ областей нашей Имперіи. Позднее потомство (быть можетъ) и не узнало бы о существованіи Академіи Россійской, когда бы сіе ученое сословіе ограничилось составленіемъ скорозабываемыхъ журналовъ или одними переводами съ языковъ иноземныхъ. не занимаясь великимъ трудомъ Словаря, который будетъ навсегда памятникомъ его дѣятельности. Прехожу молчаніемъ ученыя общества другихъ государствъ Европейскихъ.

Такимъ образомъ, Почтеннѣйшіе Сочлены, и цѣль нашего *Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* будетъ маловажна и дѣйствія слишкомъ слабы и ограниченны, если, по двѣнадцатилѣтнемъ бездѣйствіи, оно сново займется печатаніемъ двухъ или трехъ списковъ лѣтописи, изданіемъ немногихъ достопамятностей и обнародованіемъ своихъ протоколловъ. Но, мнѣ возразятъ: такова цѣль, предположенная его основателями. Въ § 2-мъ Устава сказано: „главнѣйшія упражненія Общества будутъ состоять въ критическомъ разборѣ древнихъ Русскихъ Лѣтописей; въ сличеніи ихъ списковъ, какіе Обществу достать будетъ можно **); въ исправленіи погрѣшностей, вкравшихся по нерадѣнію, невѣжеству или затѣйливости переписчиковъ. Когда Лѣтописи будутъ исправлены и подлинный смыслъ ихъ по возможности отысканъ, тогда Общество постарается о скорѣйшемъ и вѣрнѣйшемъ ихъ изданіи". — Не говорю о томъ, что, при нынѣшнемъ познаніи Русскихъ Лѣтописей и небольшомъ числѣ ихъ, доселѣ извѣстныхъ, заниматься критическимъ обработываніемъ значитъ: начинать съ конца, а не съ начала; или заботиться объ украшеніи зданія, не имѣя матеріаловъ къ его основѣ. Развѣ, спрошу я, нельзя сдѣлать перемѣнъ въ Уставѣ и изъ тѣсной среды (прежнихъ занятій) выдти на преобширное поле изысканій и соорудить памятникъ, достойный нашего бытія?—Не спорю, что въ епоху основанія Общества, когда отечественная Кліо младенчествовала, пособія были незначительны, а равнодушіе къ дѣламъ предковъ превышало вѣроятіе: тогда (конечно) и сихъ предпріятій было достаточно. Но въ настоящее время, когда историческими произведеніями мы становимся на

*) См. Указъ, 1764, марта 12.

**) Оно можетъ имѣть ихъ всѣ, или большую часть, по силѣ § 4 Устава.

ряду съ просвѣщенными народами; когда геній Карамзина оживилъ тлѣющія хартіи; когда патріотъ и покровитель всего отечественнаго, графъ Румянцовъ, издалъ на свое иждивеніе, не менѣе рукописей сколько было выдано ихъ съ 1767 года *); когда охота заниматься Русскими Древностями оказывается во всѣхъ состояніяхъ: теперь (повторю) предпріятія Общества Историческаго должны быть несравненно обширнѣйшія и цѣль гораздо важнѣйшая.

Кругъ нашихъ дѣйствій, Почтеннѣйшіе Сочлены, будетъ слишкомъ тѣсенъ, если мы (по прежнему) ограничимъ ихъ Сунодальною библіотекою, или хотя всѣми Московскими книгохранилищами, и станемъ издавать только то, что́ найдется случайно или отчасти уже извѣстно. Не выходя изъ сего (произвольнаго) очертанія, Общество никогда не будетъ въ состояніи достигнуть той цѣли, какую предположило себѣ въ § 5-мъ Устава: *привести въ ясность Россійскую Исторію*. Нѣтъ, для столь великаго преднамѣренія, потребны иныя средства, бо̀льшія усилія и изысканія несравненно важнѣйшія. Не довольно Москвы, для поприща нашей дѣятельности: пусть цѣлая Россія превратится въ одну библіотеку, намъ доступную. Не сотнями извѣстныхъ рукописей мы должны ограничить свои занятія; но безчисленнымъ множествомъ ихъ: въ монастырскихъ и соборныхъ хранилищахъ, никѣмъ не хранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ; въ архивахъ, кои нещадно опустошаетъ время и нерадивое невѣжество; въ кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда груды древнихъ книгъ и свитковъ (кажется) снесены для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истреблять ихъ удобнѣе и скорѣе. Общество Исторіи должно: *извлечь, привести въ извѣстность и, если не само обработать, то доставить другимъ средства, обработывать письменные памятники нашей Исторіи и древней Словесности*, разсѣянные на обширномъ пространствѣ отъ Бѣлаго моря до степей Украинскихъ и отъ границъ Литвы до хребта Уральскаго. Время, способы и дѣятельность могутъ раздвинуть сіи предѣлы; но для настоящаго и сего довольно. Вотъ наше поприще и труды, намъ предстоящіе! Ихъ достойно оцѣнитъ признательное потомство; ибо сужденіе современниковъ не всегда основательно и чуждо пристрастія.

Но спросятъ меня, Почтеннѣйшіе Сочлены: какъ и какими средствами привести въ исполненіе сіи трудныя, по видимому гигантскія, предпріятія?—*Благимъ намѣреніемъ, постоянствомъ и трудами*,—вотъ мой отвѣтъ. Великія предпріятія совершаются не вдругъ, для нихъ необходимо

*) 1767 годъ, первая епоха изданія древнихъ нашихъ рукописей.

время; а если прибавить дѣятельность и трудолюбіе: то исполненіе не только возможно, но и не столь затруднительно, какимъ оно показалось съ перваго взгляда. Порядокъ—душа всякаго дѣла: потому и труды наши должно раздѣлить на части. Пусть они совершаются постепенно, безъ лишняго спѣха, съ единою цѣлію любви къ отечеству и единымъ желаніемъ совершенства нашей исторіи. Да будетъ отдаленъ отъ нихъ ложный блескъ наружности, да подкрѣпляетъ ихъ постоянное терпѣніе и да не подражаемъ тѣмъ изъ ученыхъ обществъ, коихъ дѣйствія, труды и успѣхи являются въ громкихъ провозглашеніяхъ газетъ, а не въ твореніяхъ, ими изданныхъ.

И такъ, Почтеннѣйшіе Сочлены, *первою*, *основною* частію обязанностей, предстоящихъ Обществу Историческому, должно быть: *извлеченіе и приведеніе въ извѣстность* всѣхъ (буде возможно) памятниковъ нашихъ древнихъ письменъ. Для сего необходимо образовать експедицію, которая бы обозрѣла, разобрала и съ возможною точностію описала всѣ, монастырскія, соборныя, духовно-училищныя и проч., собранія рукописей, на пространствѣ, выше сего мною означенномъ. И частныя книгохранилища могутъ войти въ составъ розысканій, если владѣльцы пожелаютъ отворить оныя. Но, какъ невозможно совершить все вдругъ и однимъ пріемомъ: пусть експедиція будетъ раздѣлена на *три* части или поѣздки. По окончаніи каждой, подробные отчеты путешествующаго покажутъ важность и плоды предпріятія. Первымъ, такъ сказать, *пробнымъ*, предметомъ експедиціи можетъ быть библіотека Софійскаго Собора, въ Новгородѣ, которая (какъ мнѣ извѣстно) заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи рукописей и богата памятниками древности всякаго рода *). По обработаніи сего книгохранилища, експедиція объѣдетъ губерніи: Новгородскую, С.-Петербургскую, Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, часть Пермской и, чрезъ Костромскую, Ярославскую и Тверскую, возвратится въ Москву. Сія, первая или *Сѣверная,* поѣздка будетъ важнѣйшая и самая любопытная: ибо древнія рукописи нигдѣ не уцѣлѣли въ такомъ множествѣ, какъ въ сей части Россіи, богатой обителями и книгохранилищами; гдѣ мечь, пожары и опустошеніе иноплеменниковъ являлись рѣже, нежели въ южныхъ областяхъ, кои, въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, представляли взору пустыни безлюдныя. Съ другой стороны и Старообрядцы, сіи попечители древности, занесли съ собою (въ дальній Сѣверъ) великое число всякихъ рукописей и, частымъ переписываніемъ упрочили ихъ тѣмъ странамъ.—Поприщемъ второй, или *Сред-*

*) Наши ученые не имѣютъ свѣдѣній о сей библіотекѣ и Карамзинъ (въ своей *Исторіи*) не ссылается ни на одну изъ тамошнихъ рукописей.

ней, поѣздки будутъ губерніи: Московская, Владимірская, Нижегородская, часть Казанской и Симбирской, сѣверные уѣзды Пензенской и Тамбовской, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская и Псковская.—Третья, или *Западная*, обнимаетъ: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую, три Малороссійскія, Курскую и Орловскую.— На первую поѣздку необходимо болѣе двухъ лѣтъ, вторая совершится въ два года и на третью достаточно года. Такимъ образомъ, въ теченіи четырехъ или пяти лѣтъ, всѣ книгохранилища духовнаго вѣдомства, въ Европейской Россіи, будутъ разобраны и описаны; древности, въ нихъ содержащіяся, сдѣлаются извѣстны и многія сотни, а, быть можетъ, тысячи, рукописей избѣгнутъ неминуемой и (вѣроятно) близкой гибели *). Если Почтеннѣйшіе Сочлены, сіе предначертаніе будетъ вами одобрено, я не замедлю представить обстоятельный планъ исторической експедиціи и покажу нужныя къ тому издержки: онѣ не превзойдутъ семи тысячъ рублей ежегодно. Сумма слишкомъ не важная въ сравненіи предпріятія и тѣхъ великихъ успѣховъ, кои всѣ отрасли историческихъ знаній отъ сего получить могутъ!

Поелику, Почтеннѣйшіе Сочлены, доказательства практики убѣждаютъ сильнѣе предположеній теоріи: то для большаго подтвержденія важности и пользы предлагаемой мною исторической експедиціи, я упомяну о Миллеровомъ десятилѣтнимъ путешествіи по Сибири. Что было бы съ временами лже-Димитріевъ и смутнаго правленія Бояръ, въ Междоцарствіе (съ симъ столь любопытнымъ періодомъ нашей Исторіи), еслибъ Миллеръ, одинъ Миллеръ не возстановилъ ихъ актами, кои онъ отрылъ въ пыли городовыхъ архивовъ Сибирскихъ **)? Пожары и нерадѣніе (конечно) истребили бы сіи важныя хранилища документовъ и, безъ поѣздокъ Миллера, мы не имѣли бы исторіи первыхъ двухъ десятилѣтій XVII вѣка. Такъ погибла бы исторія цѣлой Сибири и множество дѣеписательныхъ достопамятностей, когда бы Миллеръ не путешествовалъ. Но, какихъ эпохъ, въ нашемъ дѣеписаніи, мы не возможемъ объяснить и дополнить, когда историческая експедиція окончитъ свое дѣло?

По совершеніи сей експедиціи, когда рукописямъ библіотекъ духовнаго вѣдомства, составлены будутъ подробные каталоги, должно,

---

*) Путешествующій, составивъ обстоятельную опись монастырскаго или инаго книгохранилища, оставитъ тамъ извлеченіе изъ нее. Симъ краткимъ каталогомъ, ризничіе или библіотекари, могутъ руководствоваться при сдачѣ рукописей одинъ другому.

**) Сіи акты, истребленные въ Великой Россіи, по волѣ Правительства, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, уцѣлѣли только въ отдаленной Сибири, куда не достигло тогда преслѣдованіе. См. *Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ* ч. II.

Почтеннѣйшіе Сочлены, приступить ко *второй* части преднамѣреній, то есть, къ обнародованію сихъ каталоговъ. Нѣтъ надобности каждый изъ нихъ печатать отдѣльно: ето увеличитъ издержки безъ существенной пользы. Ихъ можно слить въ *Общую роспись*, *систематически расположенную*, *которая*, *при возможной краткости*, *представляла бы самое полное и вѣрнѣйшее описаніе всѣхъ*, *гдѣ-либо существующихъ памятниковъ нашей Исторіи и Литтературы*, отъ временъ древнѣйшихъ до XVIII вѣка. Образецъ сей росписи, какой (кажется) нѣтъ нигдѣ въ просвѣщенной Европѣ, я представлю въ свое время.

И поверхностнаго взгляда на вышедшія доселѣ историческія сочиненія, особливо на печатныя изданія Лѣтописей и другихъ манускриптовъ, слишкомъ достаточно, чтобы судить безъ ошибки: отъ чего большая часть ихъ, преимущественно послѣднихъ, очень далеки отъ надлежащаго совершенства? Творцы первыхъ жалуются на недостатокъ матеріаловъ; въ несовершенствѣ послѣднихъ мы винимъ издателей и—не совсѣмъ справедливо. Нѣтъ ничего труднѣе (а притомъ безполезнѣе), какъ издавать Лѣтописи, и вообще древнія сочиненія, по одному, двумъ или немногимъ спискамъ: они какъ (извѣстно) всегда неисправны, *отъ нерадѣнія*, *невѣжества и затѣйливости переписчиковъ* *). Вѣрнѣйшее средство возстановлять искаженный текстъ древняго автора состоитъ въ сличеніи сколь возможно болѣе списковъ. Такъ поступали иностранные критики, при изданіи Библіи, Классиковъ, Лѣтописцевъ среднихъ вѣковъ, и проч. Такого свода воедино, хотя полусотни списковъ Нестора съ его продолжателями, домогался Шлецеръ и другіе иноземцы, ревностно занимавшіеся нашею Исторіею. Эту мысль повторяли и повторяютъ многіе изъ соотечественниковъ; но никто не рѣшается приступить къ самому дѣлу. Отъ чего ето, Почтеннѣйшіе Сочлены? Не отъ того ли (единственно), что нѣтъ стольскихъ рукописей: не въ Россіи, но въ ученомъ свѣтѣ, то есть въ тѣхъ библіотекахъ, кои находятся въ столицахъ и другихъ (немногихъ) мѣстахъ, всѣмъ извѣстныхъ и иногда посѣщаемыхъ? Но книгохранилища и архивы монастырскіе? Сіи сокровища тлѣнія пребываютъ въ мракѣ Киммерійскомъ, и кто радѣетъ о разогнаніи его? Смѣло могу утверждать, что при нынѣшнемъ, малоизвѣстномъ для насъ, состояніи сихъ хранилищъ древностей, всѣ изданія Лѣтописей, будучи произведены по немногимъ, уже знаемымъ и, большею частію, плохимъ спискамъ, принесутъ очень мало пользы. Въ послѣдующее время, когда случайно найдутся лучшіе списки, ихъ (конечно) предадутъ тисненію и не одинъ разъ; потомъ дойдетъ дѣло до изданій сводныхъ

*) Уставъ Общества § 2.

(до селѣ неудачныхъ, едва ли возможныхъ) и, по прошествіи многихъ дѣсятилѣтій, а, быть можетъ, цѣлаго вѣка, развѣ наши правнуки увидятъ изданія критически очищенныя. Не лучше ли предупредить сію проволочку и, отвратя издержки и безполезный трудъ, какой будущіе испытатели исторіи должны употребить на печатаніе и перепечатываніе разныхъ списковъ, упрочить имъ время на другія занятія, несравненно полезнѣйшія? — Комужь, какъ не Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ предстоитъ совершеніе столь великихъ и для нашего Дѣеписанія благодѣтельныхъ предпріятій? Отъ его рѣшительности зависитъ подвинуть оное на цѣлое столѣтіе!

И такъ, если неразработанное состояніе древнихъ библіотекъ Духовнаго вѣдомства, столь много затрудняетъ успѣхи нашей Исторіи и древней Словесности, полагая толико важныя препоны изданію ихъ памятниковъ: то, судите сами, Почтеннѣйшіе Сочлены какой свѣтъ разольется на всѣ части историческихъ знаній и какія удобства и пособія представятся къ обработыванію ихъ, когда, по совершеніи ученой експедиціи, Общество издастъ *Систематическую Роспись*, о которой я говорилъ выше. Тогда, и не болѣе какъ чрезъ шесть лѣтъ, будетъ подлежать *послѣдняя*, *самая важная*, часть нашихъ занятій: наступитъ время изданій и критики. Тогда, имѣя въ виду сотни списковъ Лѣтописей, мы будемъ избирать лучшіе и напечатаемъ, не два или три изъ нихъ (случайно попавшіеся и плохіе), но цѣлое *Собраніе Лѣтописцевъ и Писателей Русской Исторіи* *), обработанное критически. Тогда не одинъ журналъ съ *древними анекдотами* **), намъ окажется возможнымъ предпринять; но отъ нашей воли будетъ зависѣть составленіе многочисленныхъ томовъ: *Пособій для древней Литтературы*, *Дипломатики*, *Исторіи политической и церковной*, *Законовѣдѣнія*, и проч. Тогда (а не прежде) составится и Славяно-Русская Палеографія, еще не существующая. Но сами, Почтеннѣйшіе Сочлены, предвидите, какой переворотъ послѣдуетъ во всемъ, относительно нашей Исторіи, когда отечественная Кліо, изъ жалкаго бѣдняка, содѣлается обладательницею несмѣтныхъ сокровищь. *Общая систематическая Роспись* (по изданіи ея въ свѣтъ) будетъ надежнымъ руководствомъ всѣхъ, занинимающихся Русскою Исторіею: она содѣлается необходимымъ зерцаломъ историковъ, критиковъ, библіотекарей, и доставитъ собою ключь къ обширному книгохранилищу цѣлой Россіи, гдѣ (безъ

*) Срав. Шлецера, *Нест. Russ Annalen*, ч. I, стр. 81, Карамзина, *Истор. Госуд. Россійскаго*, т. I, стр. XXXIV, *Временникъ Софійскій*, часть I, стр. XV въ прим.

**) Уставъ Общества § 60.

сего) тысячи книгъ, несомнѣнно, погибнутъ отъ нерадѣнія и невѣжества. Передъ судомъ строгаго, но правдиваго, потомства, оная *Роспись*, для нашего Общества, будетъ тоже, что путешествія Академиковъ для Академіи Наукъ или Словарь для Академіи Россійской. Если оно уничтожится, не сдѣлавъ инаго, кромѣ сей *Росписи*: она одна будетъ всегдашній памятникъ его дѣятельности и полезныхъ трудовъ; памятникъ не блестящій, но прочный—фаросъ Русской Исторіи.

Если бы кто—не изъ васъ, Почтеннѣйшіе Сочлены (ибо предполагать етаго я не осмѣливаюсь), но изъ профановъ Археографіи—захотѣлъ сказать мнѣ: „ваше предложеніе справедливо и *Общая Роспись* дѣло полезное; но стоитъ ли, для сего, снаряжать експедицію и не удобнѣе ли, истребовавъ изъ монастырскихъ книгохранилищь каталоги, составить ее изъ нихъ?—*Буди рука твоя на устѣхъ*, отвѣчаю я съ Сірахомъ: тебѣ неизвѣстны древнія рукописи, ты не бывалъ въ монастырскихъ библіотекахъ, ты не знакомъ съ ихъ хранителями. Археографія не есть дѣло, извѣстное всякому: какъ наука, она имѣетъ свои правила и требуетъ познаній многихъ, разнообразныхъ. Въ другихъ государствахъ Европы были знаменитые Археографы; но у насъ кто (доселѣ) разбиралъ рукописи и ихъ описывалъ? Когда наши ученые не обработали сего предмета и еще не представлено образцовъ обработыванія: то можно ли требовать, чтобы монастырскіе книгохранители, благочестивые, но неученые иноки, не имѣя понятія о способѣ описывать Древности, сдѣлались вдругъ Монфоконами и Маттеями?

Снова повторю, Почтеннѣйшіе Сочлены, что занятія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ будутъ слишкомъ ограничены, слабы и неудачны, если не составится експедиція, для разбора и описанія библіотекъ монастырскихъ *). Только симъ способомъ оно можетъ: *извлечь, привести въ извѣстность и, если не само обработать, то доставить другимъ средства обработывать письменные памятники нашей Исторіи и древней Литтературы*. Безъ сего, предварительнаго, предпріятія, невозможно достигнуть и великой цѣли, предположенной въ нашемъ Уставѣ: *привести въ ясность Россійскую Исторію* **).

Съ другой стороны, историческая експедиція можетъ наиболѣе

*) Для сего самаго (т. е. для удобнѣйшаго обработыванія нашей Исторіи) Великій Петръ и Великая Екатерина Высочайшими указами 1722, 80 и 91 годовъ, повелѣли всѣ, историческаго содержанія, рукописи собрать изъ духовныхъ библіотекъ въ одно мѣсто. Неизвѣстно, почему сіе осталось безъ должнаго исполненія. Впрочемъ я имѣю доказательства, основанныя на опытѣ, что сборъ во едино, безъ предварительнаго обзора на мѣстѣ, никогда не будетъ удовлетворителенъ; причины сего здѣсь неумѣстны.

**) Устава Общества § 5.

содѣйствовать составленію, предположеннаго Обществомъ, собранія рукописей, монетъ и другихъ древностей. Ограничась Каммеръ-коллежскимъ валомъ *) и не дѣйствуя во всѣ концы Россіи, Обществу подлежатъ два способа пріобрѣтать такія достопамятности: *дароприношеніемъ* Членовъ и частныхъ лицъ и *покупкою* у продавцевъ Московскихъ. Очевидно, Почтеннѣйшіе Сочлены, что первый изъ нихъ крайне ограниченъ. Хотя много особъ благонамѣренныхъ и готовыхъ къ пожертвованіямъ, но не у всѣхъ найдутся Лѣтописи или древнія вещи; другимъ (обладающимъ ими), неизвѣстно существованіе Общества; иные, по скромности или незнанію, почитаютъ ихъ маловажными для приношеній. Такимъ образомъ, пожертвованія всегда текли не слишкомъ обильно. Вторымъ средствомъ мы не скоро составимъ наше собраніе: можно издержать много, но пріобрѣсть малое; ибо, съ тѣхъ поръ, какъ вельможи и частные любители древностей стали покупать рукописи, монеты и проч., цѣнность сихъ вещей весьма возвысилась и Московскіе торговцы, пріобрѣтая ихъ часто изъ третьихъ и болѣе рукъ, помышляютъ о барышѣ неимовѣрномъ **). Но, если Общество сдѣлаетъ путешествующаго *подвижнымъ коммиссіонеромъ*, предоставивъ ему тысячи двѣ рублей: на покупку всякаго рода древностей то, пріобрѣтая сіи вещи въ мѣстахъ отдаленныхъ, изъ первыхъ рукъ, отъ владѣльцевъ, а не торгашей (я увѣренъ), ему будетъ возможно, на сію сумму доставить Обществу тысячъ на пятнадцать и болѣе, по цѣнамъ Московскимъ. Такимъ образомъ, Общество вознаградитъ и тѣ издержки, кои должно употребить на отправленіе исторической експедиціи.

Предлагаемый мно́ю планъ, удобнѣйшаго обработыванія нашей Исторіи и древней Словесности, Почтеннѣйшіе Сочлены, не есть порывъ минутный воображенія: ето плодъ многолѣтнихъ трудовъ, опыта и соображеній. Если, Почтеннѣйшіе Сочлены, мои предначертанія, удостоятся вашего одобрѣнія, будутъ приведены въ дѣйствіе и успѣхъ оправдаетъ надежды, то не мнѣ принадлежитъ честь столь великаго подвига. Виновникъ сего Государственный Канцлеръ Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, неутомимый изыскатель древностей, непрерывно обогащающій сокровищницу отечественныя Кліо драгоцѣнными пріобрѣтеніями. Безъ его указаній на хранилища хартій, безъ его воли, поощренія и порученныхъ мнѣ изданій: я не имѣлъ бы до-

---

*) Устава § 3.

**) Напримѣръ, экземпляръ весьма рѣдкаго Часослова, изд. въ Краковѣ, 1491, былъ купленъ на Ростовской ярмаркѣ за 7 руб ; потомъ, переходя изъ рукъ въ руки, достался графу Ѳ. А. Толстову за 350 р. асс.

ступа къ многочисленнымъ памятникамъ нашихъ древностей, еще менѣе способовъ дѣлать открытія, и никогда не пріобрѣлъ бы необходимыхъ знаній о предметѣ, о которомъ (теперь) имѣлъ честь, Почтеннѣйшіе Сочлены, бѣсѣдовать съ вами".

Къ сожалѣнію, эта рѣчь, по собственному свидѣтельству Строева, не произвела ожидаемаго дѣйствія: одни отозвались, что къ исполненію предложеннаго плана надобны большія средства, другіе признали многое въ этомъ планѣ за химеры, а нѣкоторые даже оскорбились, что молодой человѣкъ, при самомъ вступленіи въ Общество, съ дерзостью разыгрываетъ роль учителя. Въ протоколѣ засѣданія Общества очень глухо упомянуто было о предложеніи Строева и послѣдній долженъ былъ уже самъ напечатать свою рѣчь въ журналѣ *Сѣверный Архивъ*, откуда лѣтъ черезъ шесть она была перепечатана въ *Трудахъ Общества* (IV, 277).

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что и въ средѣ самаго Общества многіе изъ его членовъ вмѣстѣ съ своимъ почтеннымъ предсѣдателемъ генералъ-маіоромъ А. А. Писаревымъ, отнеслись съ большимъ вниманіемъ къ предположеніямъ Строева и не затруднились открыто заявить объ этомъ Обществу, которое тогда же доставило Строеву возможность обозрѣть Софійское книгохранилище въ Новгородѣ, одного изъ самыхъ богатыхъ въ Имперіи. Вотъ что писалъ къ Строеву А. А. Писаревъ въ письмѣ, отъ 9 іюля: „Пишу я къ Антону Антоновичу [Прокоповичу-Антонскому] и требую его единственнаго только согласія на выдачу означенной вами суммы денегъ; если онъ согласится, то и всѣ члены, я увѣренъ, не поперечатъ намъ въ этомъ... Вы потрудитесь сами вручить это мое письмо Антону Антоновичу и вынудьте отъ него согласіе безъ проволочки времени. Радъ душевно вамъ помочь въ семъ успѣхѣ многотрудномъ для васъ и славномъ для Общества" (*Письма*, I, № 58). Склонивъ въ свою пользу своего бывшаго наставника, Строевъ въ августѣ 1823 года поѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь испросилъ благословеніе у Новгородскаго и С.-Петербургскаго митрополита Серафима осмотрѣть Софійскую библіотеку. По пути въ Новгородъ заѣзжалъ въ Царское Село къ Карамзину за совѣтами; но Карамзинъ писалъ А. А. Писареву (отъ 5 октября): „Г. Строевъ конечно не имѣетъ нужды въ моихъ совѣтахъ, чтобы наилучшимъ образомъ исполнить ваше порученіе. Я просилъ его увѣдомить меня, если онъ найдетъ что нибудь неизвѣстное, любопытное и важное въ Софійской библіотекѣ, а найти можетъ; ибо она весьма богата рукописями. Искренно хвалю ваше доброе намѣреніе" (*Труды и Лѣтоп. Общ. И. Д. Р.* М. 1827, ч. III, кн. II, стр. 39).

29-го августа 1823 года, Строевъ пріѣхалъ въ Новгородъ и оставался

тамъ до 5-го сентября. Не смотря на весьма значительныя затрудненія на мѣстѣ, Строевъ осмотрѣлъ Софійскую библіотеку и представилъ Обществу по этому предмету замѣчательную записку, которая впервые знакомитъ насъ съ этимъ знаменитымъ книгохранилищемъ. По объясненію Строева, „Библіотека Новгородскаго Софійскаго Собора заключаетъ въ себѣ 1189 рукописныхъ и до 3000 разнаго рода книгъ печатныхъ. Собраніе рукописей состоитъ: изъ манускриптовъ, собственно принадлежавшихъ Софійскому Собору; изъ доставленныхъ туда въ 1780 году изъ обители Св. Кирилла въ Бѣлозерскѣ, изъ Череповецкаго и другихъ. Кирилловскія рукописи особенно примѣчательны. Наибольшая часть рукописей суть книги служебныя, Св. Писанія и переводы Св. Отцевъ Греческой Церкви. Древнѣйшія изъ нихъ относятся къ XII вѣку, позднѣйшія писаны въ концѣ XVI; есть много харатейныхъ или пергаминныхъ съ годами и съ любопытными послѣсловіями. Не знаю, по какой причинѣ древніе и старинные списки богослужебныхъ, священныхъ и каноническихъ книгъ доселѣ мало у насъ уважаются; въ отношеніи литтературномъ ихъ даже за ничто почитаютъ. Ни одинъ изъ нашихъ литтераторовъ и писателей исторіи языка нашего не обращалъ на нихъ и малѣйшаго вниманія, никто не сличалъ ихъ между собою и не вникалъ въ тѣ многочисленныя измѣненія, какимъ въ теченіи семи сотъ лѣтъ (отъ XI до XVIII вѣка) подверглось славянорусское наше нарѣчіе: въ перемѣнѣ значеній словъ, въ грамматическихъ формахъ и самой фразеологіи. Мы имѣемъ нѣсколько исторій нашей литтературы отъ временъ древнѣйшихъ до нынѣшнихъ; въ книжныхъ лавкахъ продаются славянскія грамматики; между тѣмъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ скрыть нашего невѣжества въ разсужденіи коренныхъ правилъ сего богатаго и многовѣтвистаго языка; не знаемъ когда переведена Библія, богослужебныя книги, установленія церкви и многочисленныя творенія Св. Отцевъ, коими преисполнены наши рукописи; не знаемъ, чѣмъ разнятся книги XI и XII столѣтій отъ XIII и XIV и послѣдующихъ и имѣя печатную Библію въ прошедшемъ столѣтіи вновь исправленную, съ гордостію воображаемъ себѣ, что языкъ оной есть точно книжный языкъ временъ Владиміра и Ярослава! Списки богослужебныхъ книгъ и твореній Св. Отцевъ суть единственные источники для настоящихъ правилъ славяно-русскаго нарѣчія и исторіи литтературы онаго, по крайней мѣрѣ временъ древнѣйшихъ. Безъ внимательнаго ихъ изслѣдованія, мы никогда не выйдемъ изъ неопредѣленнаго круга догадокъ или ученаго теоретическаго химеризма. Изъ стараго каталога Софійской Библіотеки, сочиненнаго предъ симъ лѣтъ за 40, видно, что въ ней было нѣсколько лѣтописей, кои въ

разныя времена доставлены въ Синодъ или къ бывшему г. Оберъ-Прокурору онаго Графу Мусину Пушкину. Теперь нѣтъ тамъ полныхъ русскихъ лѣтописей или большихъ сборниковъ; но осталось много отрывковъ и нѣсколько хронографовъ, изъ коихъ при одномъ я видѣлъ списокъ Псковской лѣтописи. При семъ случаѣ я не могу не замѣтить того страннаго предразсудка, который у насъ существуетъ доселѣ. Вообще уважаемъ мы однѣ такъ называемыя *полныя* лѣтописи, или огромные сборники, какъ, напримѣръ, *Никоновскій* и другіе подобные ему списки. Что-жъ касается до тѣхъ, кои не такъ далеко продолжаются, или заключаютъ въ себѣ только немногіе годы; до тѣхъ отрывковъ, въ коихъ между многими происшествіями, кратко описанными, поподаются часто самыя любопытныя подробности, пропущенныя въ большихъ сборникахъ, то они въ глазахъ нашихъ кажутся не стоющими вниманія единственно потому, что не имѣютъ полноты и суть отрывки, иногда слишкомъ небольшіе. Въ предисловіи къ *Софійскому Временнику* я показалъ ходъ нашего бытописанія: Какимъ образомъ *изъ достовѣрныхъ и ни мало не сбивчивыхъ записокъ первыхъ бытописателей* образовался хаосъ грубаго компиляторства нашихъ такъ называемыхъ полныхъ Лѣтописей. Но гдѣ-жъ сіи *первоначальныя вѣрныя бытописанія*? Тамъ же, гдѣ находились они нѣсколько вѣковъ прежде. Въ рукописяхъ, никѣмъ не уважаемыхъ, кои покрытыя пылью наполняютъ монастырскія книгохранилища, доступныхъ одному невѣжеству и грызущимъ животнымъ. Но что я говорю; развѣ не видимъ мы ихъ и въ тѣхъ библіотекахъ, кои по благоразумію начальствъ или доброхотству владѣтелей открыты для терпѣливаго таланта и ума наблюдательнаго? Не въ сихъ ли небольшихъ лѣтописцахъ и отрывкахъ должно отыскивать исторической истины, которая въ большихъ сборникахъ потемнѣна, а часто и совершенно скрыта невѣжествомъ и малоуміемъ ихъ собирателей. — Я увѣренъ, что въ будущія, еще слишкомъ отдаленныя времена, когда исторія наша пойдетъ шагами скорыми и по стезѣ вѣрной, опытные ея испытатели не оставятъ обратить вниманіе на сіи повидимому скудные, но въ существѣ своемъ богатые источники. Сводъ во едино сихъ отдѣльныхъ лѣтописцевъ и небольшихъ отрывковъ, сводъ не поверхностный, но обстоятельный и ученый, есть, Почтеннѣйшіе Сочлены, трудъ слишкомъ немаловажный, можно сказать, исполинскій, и едва ли не полезнѣйшій отдѣльныхъ изданій лѣтописей. Вамъ, Почтеннѣйшіе Сочлены, и всѣмъ хорошо знающимъ наши рукописи, безъ всякаго сомнѣнія извѣстны такъ называемые *Цвѣтники* или *Сборники*. Это суть компиляціи небольшихъ сочиненій духовныхъ, отрывковъ изъ Св. Отцевъ, документовъ историческихъ и дипломатиче-

скихъ, твореній древнихъ нашихъ іерарховъ и иноковъ, часто своеручныхъ и подлинныхъ и вообще всякаго рода небольшихъ произведеній. Древніе предки наши по рѣдкости книгъ и, вѣроятно, немалому затрудненію въ ихъ добываніи, имѣли обыкновеніе выписывать изъ нихъ все то, что казалось имъ поучительнымъ, любопытнымъ или годнымъ для случая; сіи выписки, вносимыя въ однѣ и тѣ же тетради, сшивались вмѣстѣ, переплетались и такимъ образомъ сами собою образовали новыя книги. Сіи то сборныя книги называются *Цвѣтниками* или *Сборничками*. Кромѣ выписокъ изъ разныхъ сочиненій, собиратели ихъ записывали часто и собственныя свои наблюденія, что случалось имъ видѣть или слышать; вплетали въ свои сборнички тетради, полученныя ими отъ другихъ, а иногда и самые подлинные акты. Сихъ-то *Цвѣтниковъ* въ библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго Собора, какъ и во всякой другой обширной библіотекѣ, находится очень довольно. Занимавшіеся описью рукописей знаютъ, что дабы совершенно познать содержаніе и интересъ сихъ компиляцій должно непремѣнно если не прочесть отъ доски до доски, то по крайней мѣрѣ пересмотрѣть каждый листъ со вниманіемъ. По сему, Почтеннѣйшіе Сочлены, и не могу я обстоятельно изложить содержанія сихъ *Цвѣтниковъ* и оцѣнить ихъ достоинство въ отношеніи къ нашей исторіи политической и литтературной. При поверхностномъ осмотрѣ попадались мнѣ статьи довольно интересныя; я даже видѣлъ цѣлыя два тома посланій патріарха Іова, посланіе какого-то митрополита Антонія и т. п. Наступленіе осенняго времени и происшедшая оттого невозможность работать въ главѣ Собора, гдѣ помѣщается библіотека, дороговизна жизненныхъ потребностей и недостаточность денежнаго пособія—сихъ необходимыхъ подпоръ всякаго дѣла, которыя въ свѣтскомъ значеніи, остроумный Римскій сатирикъ поставлялъ выше самой добродѣтели, все сіе заставило меня ограничиться поверхностнымъ осмотромъ и прекратить оный прежде времени и не дало мнѣ возможности сдѣлать изъ рукописей какія либо извлеченія. Въ теплое время года, при достаточномъ пособіи и въ сотовариществѣ изряднаго писца, осмотръ одной изъ важнѣйшихъ, древнѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ библіотекъ въ Россіи могъ бы совершенъ быть мною съ надлежащимъ успѣхомъ, подобно прежнимъ поѣздкамъ моимъ въ разные монастыри Московской и Калужской губерній по волѣ Государственнаго Канцлера. Но теперешнее посѣщеніе мое Новгородской Софійской Библіотеки не было совершенно безполезно Оно еще болѣе утвердило меня въ истинѣ тѣхъ предложеній, кои представлялъ я вамъ, въ послѣднее собраніе нашего Общества. Оно оправдало мысль, что при самомъ поверхностномъ осмотрѣ монастыр-

скихъ и соборныхъ библіотекъ исторія наша много отъ сего получаетъ и что безъ сего предварительнаго труда и безъ приведенія въ извѣстность всѣхъ памятниковъ нашей письменности не возможно довести до надлежащаго совершенства ни политической исторіи нашей ни исторіи литтературы Славяно Россійской. Въ заключеніе сего позвольте представить вамъ мнѣніе объ извѣстномъ моемъ планѣ обработыванія нашей Исторіи, одного изъ ученнѣйшихъ и опытнѣйшихъ знатоковъ оной Высокопреосвященнаго Митрополита Евгенія, который по полученіи рѣчи, говоренной мною въ послѣднемъ собраніи нашего Общества, написалъ къ одному изъ знакомыхъ своихъ слѣдующее: „Благодарю еще болѣе за любопытную рѣчь г. Строева. Мысль его прекрасная. Жаль, если ее не примутъ. Трудно выбрать людей для разсылки, а исполнить было бы не трудно. Дѣйствительно надобно прежде узнать, что есть древняго въ Россіи, а потомъ уже выбирать, что издать". Ожидаю также отзыва почтеннѣйшаго Исторіографа нашей Имперіи, которому я также доставилъ копію моей рѣчи. Тогда съ благопріятнымъ мнѣніемъ двухъ законодателей въ дѣлѣ нашей Исторіи, съ запасомъ опытности, усугубленной послѣднею Новгородскою поѣздкою, намѣренъ я представить проектъ мой г. Министру Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія" (*Арх. Ком.* III, 367—370).

Въ Петербургѣ, разумѣется, пошли толки и о произнесенной Строевымъ въ Обществѣ рѣчи и о послѣдней поѣздкѣ его въ Новгородъ. Были и порицатели задуманнаго предпріятія, но нашлись и горячіе защитники. Вотъ что писалъ по этому поводу В. Д. Сухоруковъ Строеву, отъ 23-го октября 1823 года, изъ С.-Петербурга: „Я какъ пламенный послѣдователь благороднаго и великаго предпріятія вашего, предложеннаго Историческому Обществу, даю разумѣть вездѣ, гдѣ имѣю случай, сколь часто полезнѣйшія намѣренія останавливаются въ самомъ началѣ своемъ единственно по недоброжелательству другихъ. Для подкрѣпленія себя я спрашивалъ васъ о успѣхахъ Новгородской поѣздки и объ отзывѣ Евгенія для того, что многіе на неудачѣ сей поѣздки хотятъ основать и заключенія о будущемъ. Теперь напечатана ваша *Рѣчь* и уже прочтена здѣшнею публикою: молва безпрерывно распространяется и, какъ слѣдуетъ, съ похвалою вамъ; но дабы заставить молчать тѣхъ, кои *выставляютъ Новгородскую поѣздку, не зная ея подробностей*, то не угодно ли вамъ объявить публикѣ чрезъ журналъ о подробностяхъ оной. Мнѣ хочется заставить молчать всѣхъ недоброжелателей" (*Письма*, I, № 64).

Но Строевъ былъ слишкомъ убѣжденъ въ полезности и необходимости своего предпріятія, чтобы тратить золотое время на препира-

тельства съ своими недоброжелателями и исполненіе своей благотворной мысли „предоставилъ времени и благопріятству случая“.

VI.

Вниманіе П. М. Строева давно уже устремлено было на другой важный пробѣлъ въ нашей исторіи, это — отсутствіе точныхъ свѣдѣній о Донскомъ казачествѣ. Павлу Михайловичу представился случай оказать свои услуги и по этому предмету. Нужно замѣтить, что въ 1819 году, по ходатайству войсковаго атамана А. К. Денисова, съ Высочайшаго соизволенія, учрежденъ былъ на Дону *Комитетъ о устройствѣ войска Донскаго.* Первоначально, главною задачею Комитета было приведеніе въ гласность сколько у кого въ довольствіи состояло земли. Необходимыя для сего статистическія свѣдѣнія собирались особыми лицами, получившими университетское образованіе, а для наблюденія за съемкою земель, Высочайше повелѣно отправить въ распоряженіе Комитета генерала Ив. Ѳ. Богдановича. Въ январѣ 1821 года войсковой атаманъ Денисовъ былъ уволенъ отъ должности и предсѣдателемъ Комитета, на его мѣсто, назначенъ былъ генералъ-адъютантъ А. И. Чернышовъ. Вотъ въ это-то время въ Комитетѣ возникла мысль, кромѣ статистическаго описанія, составить Исторію Донскихъ Казаковъ и, въ томъ же 1821 году, было возложено на В. Д. Сухорукова собраніе матеріаловъ для исторіи и самое составленіе какъ историческаго, такъ и статистическаго описанія Земли войска Донскаго. Въ помощники ему назначены Кушнаревъ, Кучеровъ и Посновъ. Но матеріаловъ для такого труда на мѣстѣ было мало, потому что Войсковой Архивъ въ 1744 году уничтоженъ былъ пожаромъ. По осмотрѣ и извлеченіи сохранившихся свѣдѣній изъ Донскихъ архивовъ, Комитетъ, въ началѣ 1822 года, представилъ труды свои въ Петербургъ, куда выѣхалъ и генералъ-адъютантъ Чернышовъ и состоящій при немъ Сухоруковъ. Здѣсь на Сухорукова возложено было исполненіе порученій по собственной канцеляріи генералъ-адъютанта Чернышова; но при этомъ Сухоруковъ не оставлялъ занятій и по составленію историческаго и статистическаго описанія Земли Войска Донскаго. Въ мартѣ 1822 года онъ представилъ генералу Богдановичу планъ этого описанія. Самый предметъ занятій по исторіи и статистикѣ доставилъ Сухорукову случай вскорѣ сдѣлаться из-

вѣстнымъ Карамзину, который и указалъ на богатый запасъ матеріаловъ для Донской Исторіи, хранящійся въ Московскомъ Архивѣ Иностранной Коллегіи (*Историч. Описаніе Земли Войска Донскаго.* Новочеркасскъ, 1869, I, стр. I—VI). По желанію генералъ-адъютанта Чернышова и съ согласія графа Нессельроде, для извлеченія изъ дѣлъ Архива Иностранной Коллегіи свѣдѣній о Донскихъ Казакахъ, былъ приглашенъ Строевъ, который въ то время хоть и оставилъ уже службу въ Коммисіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, но оставался, причисленнымъ къ Архиву. Въ помощь Строеву былъ назначенъ войска Донскаго хорунжій Матвѣй Гордѣевичъ Кучеровъ. По первоначальному плану предположено было дѣлаемыя въ Москвѣ выписки препровождать въ С.-Петербургъ къ Сухорукову, который долженъ былъ въ то же время составлять исторію. Строеву же предоставлялось пересмотрѣть сей трудъ, поправить и, если нужно, пополнить. Къ этому дѣлу издавна лежало сердце Строева. Исторія Донскихъ Казаковъ и исторія Сибири были предметами давнихъ его изысканій. Еще въ 1814 году, когда Алексѣй Поповъ выпустилъ, въ Харьковѣ, первую часть своего труда *Исторія о Донскихъ Казакахъ*, Строевъ напечаталъ въ августовской книжкѣ *Сына Отечества* довольно подробный разборъ этого сочиненія; а въ 1816 году въ томъ же *Сынѣ Отечества* сдѣлалъ объявленіе о подпискѣ на составленную имъ *Исторію Донскаго Войска*, при чемъ въ слѣдующихъ словахъ изложилъ ея содержаніе:

„Исторія Донскаго войска, составляющаго значительную и важную часть Россійской конницы, войска, состоящаго не въ нѣсколькихъ тысячахъ людей отовсюду набранныхъ, но изъ особаго народа, имѣющаго собственное свое управленіе, собственный, такъ сказать, языкъ, свои нравы, обыкновенія, образъ войны ему одному свойственный, наконецъ, войска, оказавшаго Россіи блистательныя услуги, особенно же въ достопамятный періодъ войны отечественной, по справедливости заслуживаетъ особеннаго вниманія и любопытства.

Многіе русскіе историки писали о Донскихъ казакахъ, но извѣстія ихъ не полны и безъ связи. Цѣлой Донской Исторіи, мы еще не имѣемъ. Желая, сколько возможно, поправить сей недостатокъ и удовлетворить любопытству просвѣщенной публики, старался я собирать всѣ извѣстія, какія только находились въ писателяхъ отечественныхъ и иностранныхъ. Нынѣ, приведя ихъ въ систематическій порядокъ, рѣшился выдать полную Исторію Донскихъ казаковъ. Сочиненіе сіе раздѣлилъ я на два отдѣленія или части, изъ коихъ первое простираться будетъ отъ основанія казацкихъ обществъ до царствованія Императора Петра I или до начала XVIII столѣтія; второе вмѣститъ

въ себѣ Исторію Донскихъ казаковъ съ сей эпохи до нашихъ временъ. Въ концѣ каждаго отдѣленія приложатся грамоты и другія бумаги, въ подтвержденіе или свидѣтельство приводимыя.

Дабы дать нѣкоторое понятіе о семъ сочиненіи, не безполезно будетъ представить здѣсь содержаніе каждой главы.

Первое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ слѣдующее: Глава I. Древность казаковъ. Ихъ имя. Раздѣленіе на разныя племена. Гл. II. Приступъ къ Исторіи Донскихъ козаковъ. Первое ихъ появленіе. Образъ жизни; жалобы на нихъ; усмиряются войсками Царя Іоанна Васильевича. Ермакъ — казаки Терскіе, Гребенскіе, Волжскіе. Гл. III. Ермакъ уходитъ къ Уральскимъ горамъ: походы его въ Сибирь, завоеваніе Сибири, смерть Ермака. Гл. IV. Состояніе Донскихъ казаковъ въ царствованіе Іоанна Васильевича. Гл. V. Состояніе каза, ковъ при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. — Безпрестанные набѣги ихъ на Азовъ; общія замѣчанія о ихъ самовольствѣ. Гл. VI. Состояніе Донскихъ казаковъ при Царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ; построеніе крѣпости Царева-Борисова; неудовольствіе казаковъ на Царя. Гл. VII. Происшествія на Дону при Лжедимитріи Отрепьевѣ, при Царѣ Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ; большая часть самозванцевъ является у Донскихъ и Волжскихъ казаковъ; атаманъ Иванъ Заруцкій. Гл. VIII. Взглядъ на поведеніе козаковъ во все продолженіе смутныхъ обстоятельствъ Россіи. Гл. IX. Состояніе казаковъ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: безпрестанные ихъ грабежи. Заруцкій, Маринка и сынъ ея пойманы и казнены. Взятіе казаками Азова. Гл. X. Дѣйствія казаковъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Стенька Разинъ. Общія о казакахъ замѣчанія.

Второе отдѣленіе составляютъ: Гл. XI. Состояніе казаковъ при Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ: побіеніе ихъ подъ Азовомъ, Булавинъ и его безпокойства. Перемѣны во внутреннемъ устройствѣ казаковъ. Казаки въ совершенномъ подданствѣ Россіи. Гл. XII. Состояніе казаковъ при Императрицѣ Екатеринѣ I и Императорѣ Петрѣ II. Гл. XIII. Состояніе казаковъ при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; Некрасовцы; общія замѣчанія. Гл. XIV. Состояніе казаковъ при Императрицѣ Екатеринѣ II: ихъ возмущенія, перемѣны во внутреннемъ ихъ управленіи, общія замѣчанія. Гл. XV. Состояніе казаковъ при Императорѣ Павлѣ I: возвращеніе прежнихъ правъ ихъ. Гл. XVI. Преобразованіе Донскаго войска при Императорѣ Александрѣ I: служба казаковъ въ разныхъ походахъ, знаменитыя дѣла ихъ въ войну отечественную, Всемилостивѣйшая имъ граммата, заключеніе.

Изданіе сіе украсится портретами Ермака и графа М. И. Платова, многими ландкартами, рисунками и виньетками.

Подписка принимается у самого издателя, живущаго въ Москвѣ, на Покровкѣ, въ приходѣ Воскресенія въ Барашахъ, въ домѣ надворнаго совѣтника Строева".

Къ сожалѣнію, намъ совершенно неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого сочиненія. И вотъ черезъ семь лѣтъ Строеву пришлось вернуться къ своему любимому предмету. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію хода настоящихъ занятій Строева поэтому предмету, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о Василіи Димитріевичѣ Сухоруковѣ. Краткія свѣдѣнія о немъ мы находимъ въ статьѣ А. А. Карасева, напечатанной въ *Русской Старинѣ* 1871 года (февраль, стр. 236—240). Тамъ сказано, что къ числу „героевъ мучениковъ, Донской народъ до сихъ поръ причисляетъ В. Д. Сухорукова, память о которомъ сохранилась на всемъ протяженіи Донской Области: имя его до сихъ поръ съ благоговѣніемъ произносятъ въ Донскихъ палатахъ и хижинахъ. Эта личность, обязанная своею извѣстностію единственно своему свѣтлому уму, прекрасному образованію и постоянному труду, испытала много горя, въ которомъ и сошла въ могилу". При этомъ г. Карасевъ заявляетъ, что составляемая имъ біографія Сухорукова не могла быть напечатана по какимъ-то „грустнымъ причинамъ". Сохранившіяся въ бумагахъ Павла Михайловича Строева письма къ нему Сухорукова даютъ намъ возможность прослѣдить ходъ занятій Строева по Исторіи Войска Донскаго. Изъ этихъ же писемъ мы почерпаемъ свѣдѣнія и о самомъ Сухоруковѣ.

Въ сентябрѣ 1823 года, Строевъ вернулся въ Москву изъ своей поѣздки въ Новгородъ для обозрѣнія библіотеки Св. Софіи и тотчасъ же приступилъ къ разборкѣ архивныхъ дѣлъ о Донскихъ казакахъ. Сухоруковъ, узнавъ объ этомъ отъ Кучерова, писалъ Строеву (отъ 18-го сентября 1823), что это извѣстіе всѣхъ „совершенно оживило: теперь мы шагнемъ исполински впередъ" (*Письма*, I, № 59).

Новый трудъ, взятый на себя Строевымъ былъ немаловажный. Необходимо было тщательно пересмотрѣть всѣ дипломатическія сношенія съ султанами Турецкими, ханами Крымскими и мурзами Ногайскими, отъ временъ древнѣйшихъ до начала XVIII вѣка, и все имѣющее связь съ исторіею Донскихъ казаковъ должно было быть выписано съ надлежащею подробностію. Трудность работы увеличивалась тѣмъ, что въ Архивѣ Иностранной Коллегіи дѣла собственно Донскихъ казаковъ не были въ то время разобраны и приведены въ хронологическій порядокъ; такъ что Строеву, кромѣ того, нужно было еще заниматься приведеніемъ всего этого въ порядокъ. Извѣстно, что

Донскіе казаки имѣли сношенія и съ Калмыками и съ дворомъ Персидскимъ; слѣдовательно, дѣла и по этимъ сношеніямъ должны были войти въ составъ занятій Строева. Въ силу инструкцій генералъ-адъютанта Чернышова, всѣ сдѣланныя Строевымъ выписки, извлеченія и замѣчанія „должны имѣть надлежащую полноту, подробность и возможную связь" и должны доставляться въ Петербургъ къ Сухорукову два раза въ мѣсяцъ. Кромѣ того, Строевъ былъ стѣсненъ еще срокомъ: вся работа должна быть окончена „не позже генваря будущаго 1824 года".

Павелъ Михайловичъ принялся за дѣло съ обычною энергіею: въ сентябрѣ того же 1823 года онъ доставилъ Сухорукову: Выписки изъ книги № 1 Турецкихъ Дѣлъ. Здѣсь мы находимъ: Наказъ, данный Третьяку Губину, посыланному въ 1521 году къ Турецкому Султану. По поводу этого наказа Строевъ высказалъ свою догадку о существованіи этаповъ для препровожденія пословъ. Сухоруковъ, поблагодаривъ его за присланное, между прочимъ писалъ, отъ 26-го сентября: „Вы доставили мнѣ прямое наслажденіе сообщеніемъ составленныхъ вами выписокъ. Занятія Донскою Исторіею сдѣлались сильнѣйшею страстію моею и потому всякая новость, до предмета сего касающаяся, питаетъ мою душу. Сколько насказалъ я вамъ благодарности, читая ваши выписки, въ такомъ прекрасномъ порядкѣ сдѣланныя! Я разбиралъ со вниманіемъ Наказъ, данный Третьяку Губину. — Нельзя не согласиться съ основательнымъ мнѣніемъ вашимъ, объ учрежденіи этаповъ для препровожденія пословъ.— Но.. ужасъ, какъ жаль, что нельзя рѣшительно остановиться на этой догадкѣ, по неизвѣстности было ли принято и исполнено самое предложеніе. Изъ отписки Коробова, привезенной въ Москву, іюня 19-го 1515 г., я вижу, что его провожала до Азова многочисленная свита, состояшая изъ военныхъ людей и съ артиллеріею: объясните мнѣ, пожалуйте, собственно для моего любопытства, сколько имянно какихъ людей провожали посла сего..... Еще прошу васъ покорнѣйше меня увѣдомить: не предпринималъ ли султанъ какихъ мѣръ къ усмиренію своихъ Азовскихъ казаковъ, вслѣдствіе жалобъ нашихъ пословъ Коробова и Морозова, ибо изъ дѣлъ Крымскихъ извѣстно, что въ 1509 г., по таковымъ же жалобамъ, посыланы были нарочитыя войска изъ Кафы и Крыма, чтобы *побить* Азовскихъ казаковъ; есть ли и въ настоящемъ случаѣ тоже сдѣлано, тогда весьма естественно, что Азовскіе казаки могли удалиться въ *поле* и послѣ искать покровительство Россіи, о чемъ также есть нѣкоторые намеки въ дѣлахъ Крымскихъ. Генералъ Богдановичь свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе; по его просьбѣ, завтра, я представлю къ нему

ваши выписки. — Все Казачье подворье вамъ низко кланяется“ ... (*Письма*, I, 60).

24-го и 26-го сентября Строевъ послалъ въ Петербургъ новыя выписки: изъ № 2 и 3 Турецкихъ Дѣлъ, изъ столбцовъ Ногайскикъ и Донскихъ и, при этомъ случаѣ, просилъ о назначенiи ему мѣсячнаго жалованiя. Сухоруковъ увѣрялъ Строева, что желанiе его будетъ исполнено, но съ тѣмъ, чтобы онъ посвятилъ все свое время исключительно на Донскую Исторiю (*Письма*, I, № 61). При слѣдующемъ письмѣ Сухоруковъ приложилъ особую записку, въ которой изложилъ нѣсколько вопросовъ, возбужденныхъ присланными Строевымъ выписками и при этомъ проситъ не принять „въ смѣшномъ видѣ сихъ недоразумѣнiй. Етимъ только подтверждается справедливое *ваше* замѣчанiе, что тому, кто хочетъ писать Исторiю, необходимо нужно самому смотрѣть всѣ дѣла, а не однѣми выписками довольствоваться“... (*Письма*, I, № 62).

Между тѣмъ, 30-го сентября и 4-го октября, Строевъ порадовалъ Казачье подворье въ Петербургѣ новыми выписками изъ Турецкихъ Дѣлъ 1613—1614 гг., которыя, по словамъ Сухорукова, составляютъ величайшую драгоцѣнность для Донской Исторiи: ими объясняется весьма многое изъ темнаго перiода Россiйскихъ мятежей, яснѣе становится характеристика казаковъ и вообще исторiя является въ обновленномъ видѣ. — Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Строевъ не довольствовался доставленiемъ однихъ только выписокъ, но сопровождалъ ихъ своими руководительными замѣчанiями, которыя Сухоруковъ принималъ съ благодарностiю и просилъ Строева „наставлять“ его „въ предлежащемъ дѣлѣ, для него новомъ и превосходящемъ его силы“ (*Письма*, I, № 62), при чемъ называлъ Строева своимъ „руководителемъ во тьмѣ архивской“ (*ibid.* № 63).

По поводу присланныхъ Строевымъ, отъ 7-го октября, выписокъ изъ Турецкихъ Дѣлъ 1615 года и изъ столпцовъ Донскихъ, 1677 и 1688 гг., Сухоруковъ написалъ къ нему длинное письмо, отъ 19-го октября, которое начинается радостнымъ восклицанiемъ: „Наконецъ рѣшена участь Черкасскаго городка! Я твердо былъ увѣренъ, что онъ основанъ былъ Черкасами и не прежде исхода XVI-го или начала XVII-го столѣтiя, въ чемъ лично увѣрялъ г. Карамзина еще въ прошедшемъ году, основываясь въ то время единственно на мѣстныхъ свѣдѣнiяхъ и нѣкоторыхъ напечатанныхъ актахъ; теперь же кто смѣетъ противорѣчить?“ „По краткости выписокъ вашихъ изъ Турецкихъ столпцовъ 1615 года, пишетъ далѣе Сухоруковъ,—я имѣю нужду въ объясненiи: какимъ образомъ посланникъ Мансуровъ проѣхалъ въ Азовъ, тогда какъ казаки воевали съ Азовцами, ибо въ нѣсколькихъ

статьяхъ, заимствованныхъ вами изъ № 3-го, говорится только то, что посланникъ *ѣдитъ* на Донъ, а Казаки не хотятъ заключить миръ съ Азовцами. 4-й же нумеръ начинается тѣмъ, что посланникъ уже въ Азовѣ, а казаки по прежнему въ ссорѣ; слѣдовательно, въ дополненіе къ этому, я представляю себѣ, что посланникъ пришедъ въ нижніе юрты, склонялъ казаковъ на миръ, но они имѣли какія нибудь, и ему представляли, причины своей устойчивости; что потому или уговорили его, или самъ онъ рѣшился, итти въ Азовъ.... Еще болѣе занимаетъ меня весьма важное обстоятельство, помѣщенное въ самомъ концѣ выписокъ вашихъ изъ столпца 1615 года, именно: когда посланникъ былъ въ Кафѣ (на возвратномъ пути), ему Русскіе плѣнники сказывали (іюля 10-го) о намѣреніи Кафинцовъ и Азовцовъ убить его; но Паша уговаривалъ бунтовщиковъ тѣмъ, что лучше запереть посланника въ городѣ и держать дотолѣ, „пока Турецкая рать изъ Царяграда пойдетъ въ Азовъ, поставитъ на Мертвомъ Донцѣ городъ, запретъ протокъ оной, и казаковъ на Дону побъетъ всѣхъ". По словамъ симъ я понимаю, что о походѣ къ Азову въ Константинополѣ уже рѣшено было.—Но здѣсь вы объ немъ говорите только мимоходомъ нѣсколько словъ"...—Далѣе Сухоруковъ, указывая на то, что „въ выпискахъ изъ столпцовъ Турецкихъ 1613 и 1614 гг. 1) Иванъ Опухтинъ въ сказкѣ своей Посольскому Приказу говорилъ: „что казаки вынесли въ кругъ Государево знамя, которое къ нимъ прислано съ атаманомъ Игн. Бедрищевымъ", замѣчаетъ что „это есть *первое* знамя, которое казаки получили отъ Россійскаго Государя". Сколь важно было бы имѣть грамоту, при которой оно прислано!.... 2) Въ грамотѣ, сентября 1614 г., сказано: „а станицамъ, которыхъ пошлете, велѣли бы есте пріѣзжати въ Посольскій Приказъ, а не въ Розрядъ". Слѣдовательно, прежде того казаки вѣдомы были въ Розрядѣ?.... Богъ да хранитъ ваше здоровье, полезное для всего Великаго Войска Донскаго: я трепеталъ, читая въ письмѣ вашемъ о приключившейся вамъ болѣзни. Мы всѣ, соборне, будемъ молиться, да избавитъ впредъ отъ всякихъ недуговъ" (*Письма*, I, 63).

Въ этомъ письмѣ Сухоруковъ, между прочимъ, замѣтилъ Строеву, что присланныя имъ выписки кажутся ему „краткими или неполными". Но это замѣчаніе было преждевременно и не далѣе какъ въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 23-го октября, Сухорукову пришлось принести Строеву повинную „и просить его снисхожденія въ томъ, что, не дождавшись выписокъ 1616 года, и послѣдующихъ, почелъ, что прежнія выписки 1615 г. вмѣщаютъ всѣ свѣдѣнія до 1618 г. и потому назвалъ ихъ краткими. Простите, ради Бога!" Въ этомъ же письмѣ говорится далѣе: „Мы не имѣемъ Отечественной Исторіи со

вступленія на престолъ династіи Романовыхъ; но въ Донской Исторіи часто должно будетъ обращаться къ происшествіямъ Россіи и иногда бросать взглядъ на отношенія ея къ сосѣднимъ народамъ, а особливо Туркамъ, Крымцамъ, Ногайцамъ и Полякамъ... На этомъ пунктѣ я встрѣчу камень претькновенія по неимѣнію Россійской Исторіи. — И такъ, не представится ли удобнымъ, при составленіи вами выписокъ Донскихъ, помѣщать въ оныхъ *кратчайшія извлеченія* изъ тѣхъ же дѣлъ относительно политическаго состоянія Россіи и другихъ народовъ?“ (*Письма*, I, № 64).

„Неугомонное любопытство“ Сухорукова, наконецъ, надоѣло Строеву и онъ выразилъ свое неудовольствіе Кучерову, который съ своей стороны не замедлилъ письменно „разбранить“ за это своего земляка, послѣ чего Сухоруковъ прислалъ къ Строеву слѣдующее оправдательное письмо (отъ 26-го окт.): „Поясненій испрашивалъ я у васъ не потому, чтобы находилъ недостатки въ вашихъ выпискахъ; но дѣйствительно иногда останавливаясь на какомъ либо происшествіи, или словѣ, и теряясь въ догадкахъ, лучше хотѣлъ имѣть ваше разрѣшеніе, нежели блуждать въ собственныхъ заключеніяхъ, часто одностороннихъ; словомъ, я хотѣлъ учиться у васъ и потому спрашивалъ: чтожъ тутъ дурнаго и обиднаго?—Скажите, какъ поступили бы вы, естьли бы случай поставилъ васъ въ мое положеніе? Пусть мои вопросы, по значенію своему, мелочны и ничтожны; но они оставили во мнѣ недоразумѣніе, такъ я не долженъ ли былъ спроситься, чтобы уже понять вещь въ надлежащемъ ея видѣ? — Вотъ истинныя причины, которыя заставили меня просить у васъ нѣкоторыхъ поясненій и—увѣряю по совѣсти—другаго ничего тутъ не было, тѣмъ менѣе неумѣстной недовѣрчивости. — Человѣкъ, котораго уму и знаніямъ я удивлялся пять лѣтъ и всегда чтилъ ихъ съ душевнымъ уваженіемъ, можетъ ли быть мною оскорбляемъ *намѣренно*? Не одна настоящая услуга ваша, впрочемъ весьма важная, обязываетъ меня дорожить вашимъ расположеніемъ, еще болѣе стараюсь заслужить оное потому, что уважаю въ васъ ученаго мужа, котораго знакомство можетъ быть для меня поучительно..... Умоляю васъ, не отнимайте отъ меня свободы и впередъ прибѣгать къ вамъ съ подобными вопросами, иначе вы лишите меня возможности обнять предметъ мой съ должною основательностью; ибо сколько бы ни были подробны и удовлетворительны ваши выписки, но, единственно по новости для меня дѣла сего, всегда найдутся такія мѣста, для объясненія коихъ я буду имѣть нужду въ вашихъ совѣтахъ“. Далѣе Сухоруковъ снова обращается къ своему предмету: „Въ Царской грамотѣ къ Донскимъ казакамъ 2-го авг. 1617 г. упоминается „Никольскій монастырь“, ко-

торому казаки просили возвратить отнятую землю: монастырь сей для насъ совершенная новость и мы вовсе не знаемъ, въ которомъ мѣстѣ онъ стоялъ. Не встрѣтится ли въ послѣдующихъ занятіяхъ вашихъ какихъ либо объясненій по сему предмету?.... Доставили ко мнѣ", продолжаетъ Сухоруковъ, „вашу почту отъ 17-го числа съ выписками изъ Турецкихъ Дѣлъ 1617—1618 гг., Пріобщеніемъ къ онымъ выпискамъ краткаго изложенія о предметахъ сношеній Двора нашего съ Константинопольскимъ вы предупредили мое желаніе: по истинѣ вы умѣете обязывать" (*Письма*, I, № 65).

О ходѣ занятій Строева по Исторіи Войска Донскаго доведено было до свѣдѣнія генералъ-адьютанта Чернышова. Онъ осмотрѣлъ все сдѣланное и остался чрезвычайно доволенъ. Большая часть выписокъ сдѣлана была собственною рукою Строева и это дало Чернышову „идею" объ усердіи Строева.

Сухоруковъ, желая еще болѣе сблизить Строева съ Чернышовымъ, совѣтовалъ ему присылать отчеты о своихъ занятіяхъ прямо на имя генерала.

Трудъ Строева далеко еще не былъ оконченъ, когда по дѣламъ Комитета объ устройствѣ войска Донскаго открылась необходимость имѣть всѣ акты, могущіе объяснить дарованное казакамъ право на исключительный рыбный промыселъ въ водахъ Дона, въ его рукавахъ и въ заливѣ Азовскаго моря. Дѣло въ томъ, что пока на берегахъ Азовскаго моря не было никакихъ Русскихъ поселеній, казаки были единственными обладателями рыбныхъ ловель, отнятыхъ ими у Азовцевъ силою оружія. Но по завоеваніи Азова, 1696 года, оставленный въ этомъ городѣ Русскій гарнизонъ первый началъ присвоивать себѣ нѣкоторыя мѣста около устья Дона и отъ того возникла тяжба между имъ и Казаками; впослѣдствіи все, что только селилось на берегахъ морскихъ, оспаривало у Казаковъ право ихъ и такимъ образомъ заводилось много новыхъ дѣлъ. Генералъ-адьютантъ Чернышовъ, приготовляясь къ докладу по настоящему предмету, поручилъ Строеву сдѣлать извлеченіе изъ *Дѣлъ Новыхъ*, съ 1690 года, всѣхъ актовъ, въ которыхъ что либо говорится о рыбныхъ ловляхъ Казаковъ, или поселенныхъ Русскихъ войскъ въ Азовѣ. (*Письма*, I, № 66).

Объ этомъ новомъ порученіи, возложенномъ на Строева, сохранилось только слѣдующее свѣдѣніе въ письмѣ Сухорукова (отъ 13-го ноября): „Мы всѣ будемъ вамъ признательны за пріисканіе актовъ о привиллегіяхъ на рыбныя ловли. Статья эта такъ же принадлежитъ къ Исторіи; но, по случаю скораго разсмотрѣнія дѣла сего, нельзя ждать намъ до того времени, пока вы по хронологическому порядку дойдете

до XVIII вѣка; потому-то Генералъ и рѣшился нарушить въ семъ случаѣ вашъ порядокъ".

Между тѣмъ, недоброжелатели Строева старались поссорить его съ Сухоруковымъ и вообще разстроить отношенія его къ Донскому Комитету. По этому поводу Строевъ написалъ было рѣзкое письмо къ Сухорукову, но послѣдній, дорожа Строевымъ и вполнѣ сознавая его необходимость для Комитета, самъ поспѣшилъ предупредить его на счетъ козней недоброжелателей въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я слышу, что нѣкоторые *партизаны* стараются разстроить васъ въ отношеніи къ нашимъ занятіямъ и трубятъ клевету на щетъ мой, а васъ называютъ *работникомъ* и пр. Чтобы видѣть цѣль *ихъ*, основанную единственно на недоброжелательствѣ къ вамъ, довольно припомнить сколько употребляли *они* усилій, еще по бытности моей въ Москвѣ, чтобы удалить ваше вліяніе по занятію Донскою Исторіею; но, не успѣвши во мнѣ, думаютъ разстроить васъ самихъ..... Успокойте же меня на щетъ сей. Съ моей стороны благоразуміе требовало бы молчать объ этомъ дѣлѣ, зная твердо, что вы его понимаете въ надлежащемъ видѣ; но я такъ взбѣшенъ, что не могъ удержать себя отъ откровеннаго объясненія" (*Письма*, I, 66). Прямодушіе Сухорукова тронуло Строева и онъ написалъ къ нему „ласковое письмо", очень обрадовавшее Сухорукова: „Я радъ безъ ума", писалъ онъ къ Строеву (отъ 9-го ноября), „что вы возвращаете мнѣ свободу спрашиваться у васъ о томъ, что буду недоразумѣвать. Уваженіе мое къ вамъ такъ велико и твердо, что его не могло ни мало поколебать даже и письмо ваше отъ 28-го октября; въ отношеніи къ нему я придержусь пословицѣ: кто прошедшее вспомянетъ, тому глазъ вонъ" (*Письма*, I, № 67).

Само собою разумѣется, всѣ эти передряги не останавливали занятій Строева. Въ письмѣ отъ 13-го ноября, Сухоруковъ благодаритъ его за совѣтъ написать при его содѣйствіи Картину политическаго и внутренняго состоянія Россіи при вступленіи на престолъ царя Михаила, которая придала бы много цѣны Донской Исторіи. (*Письма*, I, № 69). Потомъ Строевъ предлагалъ Сухорукову представить Императору Александру I-му всѣ грамоты, данныя Донскимъ Казакамъ. По послѣднему предложенію Сухоруковъ обѣщалъ испросить разрѣшеніе генералъ-адъютанта Чернышова. Въ письмѣ отъ 30-го ноября Сухоруковъ выражаетъ „радость," по поводу полученія отъ Строева выписокъ изъ Турецкихъ Дѣлъ 1630 года, находя ихъ весьма важными. „Это золотая руда для Донской Исторіи, писалъ Сухоруковъ. Теперь для меня понятнѣе становится и буйность Казаковъ отъ угнетеній Годунова и Булавинскій бунтъ, чрезъ 100 лѣтъ послѣ того совер-

шившійся..... Не менѣе изволили обязать меня указаніемъ мѣста, въ которомъ могу освѣдомиться о древнемъ Никольскомъ монастырѣ“ (*Письма*, I, № 71).

Приближался однако, 1824-й годъ, въ январѣ мѣсяцѣ котораго Строевъ долженъ былъ, по условію, окончить возложенное на него порученіе. Но обширность предмета далеко не соотвѣтствовала назначенному сроку, въ чемъ убѣдили и генералъ-адъютанта Чернышова. По крайней мѣрѣ, Сухоруковъ, въ письмѣ отъ 21-го декабря 1823 г., писалъ Строеву: „Занятія ваши Его Превосходительство Александръ Ивановичь понимаетъ въ надлежащемъ видѣ: онѣ доселѣ шли весьма успѣшно, но по обширности предмета не могутъ быть окончены къ назначенному времени, поэтому Его Превосходительство совершенно согласенъ на отсрочку. Finis coronat opus—насъ учили въ школахъ—и доброе дѣло безъ награды не остается, прибавлю я“ (*Письма*, I, № 73). Въ этомъ же письмѣ Сухоруковъ увѣдомляетъ Строева о появленіи въ литературномъ мірѣ *Полярной Звѣзды*...

Вслѣдъ за тѣмъ, поздравляя Строева съ новымъ 1824-мъ годомъ, Сухоруковъ благодаритъ его за выписки 1637—1644, которыя „любопытнѣе всѣхъ доселѣ читанныхъ“, при этомъ Сухоруковъ прибавляетъ: „можетъ быть я увлекаюсь здѣсь любовію къ родинѣ, ибо это періодъ славы казаковъ; но тѣмъ сильнѣе моя признательность къ вамъ за ваше великодушное участіе въ нашемъ дѣлѣ и за труды ваши“ (*Письма* I, № 74).

Первое письмо, присланное Сухоруковымъ Строеву въ новомъ 1824 году, заключало въ себѣ печальное извѣстіе о смерти, въ январѣ того года, супруги генералъ-адъютанта Чернышова *): „Генералъ, сраженный нещастіемъ своимъ, лежитъ въ постелѣ... и мы еще не смѣемъ занимать его никакими бумагами“. Въ этомъ же письмѣ Сухоруковъ пишетъ Павлу Михайловичу: „Доставленныя вами выписки имѣли столько же силы къ моему утѣшенію, какъ бы ласки обожаемой прелестницы; сравненіе неловкое, но простительное молодому повѣсѣ“ (*Письма*, I, № 75).

Новый годъ открывалъ Строеву двери къ новой жизни: съ января 1824 года онъ сталъ женихомъ Олимпіады Петровны Ставровской, племянницы извѣстнаго С. А. Селивановскаго, друга митрополита Кіевскаго Евгенія. Уже 22-го января Сухоруковъ писалъ Строеву: „Съ нетерпѣніемъ жду извѣстія, когда дозволено мнѣ будетъ рѣшительно поздравить васъ съ совершеніемъ преднамѣреній вашихъ по связямъ сердечнымъ; да направитъ Вышній начинанія ваши къ бла-

---

*) Елизавета Александровна, рожденная княжна Бѣлозерская-Бѣлосельская.

гопріятному концу“ (*Письма*, I, 75); а въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 29-го февраля, поторопился поздравить Строева со вступленіемъ въ бракъ, даже не имѣя о томъ точныхъ извѣстій. Въ этомъ письмѣ Сухоруковъ пишетъ, между прочимъ: „Ваше письмо отъ 11-го февраля поставило меня въ недоумѣніе, впрочемъ, весьма пріятное; я по обыкновенію своему блуждалъ въ догадкахъ: *стеченіе обстоятельствъ для васъ совершенно новыхъ, 24-го января день незабвенный въ вашей жизни*— все это радовало меня, заставляя вѣрить, что вы уже пріобрѣли подругу сердца и самъ-другъ проходите поприще жизни... И такъ, не имѣя ни отъ кого извѣстія, рискую на удачу привѣтствовать васъ съ воспріятіемъ прелестнѣйшихъ узъ брака; да благословитъ Богъ путь новой жизни вашей, якоже благословилъ Исаака и Ревекку и умножитъ во благахъ животъ вашъ . .. Стыдно будетъ, если я не въ попадъ поздравилъ васъ“ (*Письма*, I, № 78). И дѣйствительно, поздравленіе было „не въ попадъ“: счастливое для Строева событіе совершилось лишь въ октябрѣ 1824 года.

Положеніе жениха нисколько не мѣшало Строеву подвизаться въ Московскомъ Архивѣ Иностранной Коллегіи и извлекать оттуда драгоцѣнныя свѣдѣнія. Благодаря этимъ свѣдѣніямъ, пишетъ Сухоруковъ „Исторія нашего обладанія Азовомъ дѣлается ясною и довольно полною; кажется можно ее совершенно очистить и отъ басень“ (*Письма*, I, № 79).

Въ апрѣлѣ 1824 года, Строевъ сталъ хлопотать о дозволеніи ему пріѣхать въ С.-Петербургъ. „На дняхъ я побываю у Полѣнова“, писалъ къ нему Сухоруковъ, „и попрошу, чтобы разрѣшеніе о пріѣздѣ въ Петербургъ было послано къ вамъ поспѣшнѣе“ (*Письма*, I, 81). Но въ это время между Строевымъ и Сухоруковымъ возникли опять какія-то неудовольствія, о которыхъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма Сухорукова: „Письмо ваше отъ 28-го апрѣля, наполненное незаслуженными мнѣ укоризнами, дошло до меня. Я имѣю слишкомъ обильный запасъ истиннаго къ вамъ уваженія, чтобы не принимать укоризнъ сихъ къ сердцу. Впрочемъ, дабы въ слѣдствіе сихъ словъ не могла втѣснится въ понятіе ваше другая—еще худшая — мысль, что у меня мѣдный лобъ, то имѣю честь объяснить вамъ, что я подобныхъ оскорбленій никакъ не заслужилъ и что вы весьма несправедливы, дѣлая мнѣ оныя; вы щитаете труды ваши невознагражденными, а я спрашиваю: какое ваше желаніе, или требованіе оставилъ я невыполненнымъ? Вы потребовали жалованья, оно тотчасъ было вамъ назначено; если же вы не получили его сполна своевременно, то сіе произошло единственно отъ ненамѣреннаго упущенія Кучерова, которое я принялъ мѣры немедленно исправить; но не имѣя

могущества повелѣвать, по *щучьему велѣнью*, естественно не могъ тотчасъ перевести изъ Черкаска въ Москву деньги" (*Письма*, I, 82). Письмо это отправлено было Сухоруковымъ 9-го мая, а вслѣдъ за тѣмъ онъ получилъ письмо Строева (отъ 5-го мая), въ которомъ тотъ сознается, что посланное имъ письмо, отъ 28-го апрѣля, было слѣдствіемъ его „мнительнаго и недовѣрчиваго характера" (*Письма*, I, № 83). Во всякомъ случаѣ Сухоруковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда Строева въ Петербургъ, чтобы лично изъявить ему „высокія чувства признательности, коими исполнена душа его за чрезвычайные труды, предпринятые къ ихъ пользѣ" (*Письма*, I, 82).

24-го мая 1824 года П. М. Строевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился на Казачьемъ подворьѣ, въ Стремянной, у жившихъ тамъ казачьихъ офицеровъ. Къ удивленію его оказалось, что Сухоруковъ даже и не принимался еще за писаніе Исторіи. „Я думалъ, „писалъ Кучеровъ къ Строеву, изъ Москвы, отъ 12-го іюня, „что Исторія наша представится вамъ по крайней мѣрѣ уже вчернѣ отдѣланною. А не тутъ то было!" (*Письма*, I, 86). Чтобы скорѣе подвинуть дѣло, предложено было Строеву взять обратно въ Москву всѣ *выписки* и самому написать Исторію, за что и обѣщано было вознагражденіе, но Строевъ, по разнымъ „уважительнымъ причинамъ," отказался отъ этой работы. Тогда генералъ-адъютантъ Чернышовъ поручилъ Павлу Михайловичу передать графу Нессельроде, письмо слѣдующаго содержанія:

„Въ слѣдствіе разрѣшенія Вашего Сіятельства, титулярный совѣтникъ Строевъ, занимавшійся въ Московскомъ Архивѣ Иностранной Коллегіи выписками матеріаловъ для Донской Исторіи, явился ко мнѣ въ С.-Петербургъ 24-го минувшаго мая и представилъ всѣ объясненія, какія мнѣ были нужны. По сему, не имѣя надобности удерживать далѣе при себѣ Строева, я возвращаю его къ Вашему Сіятельству съ искреннѣйшею благодарностью за данное дозволеніе занять его упомянутымъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь представить вниманію Вашего Сіятельства труды титулярнаго совѣтника Строева въ исполненіи сдѣланнаго ему порученія, которое совершилъ онъ съ отличнѣйшею рачительностью и такою точностію, какой только желать можно. Краткость времени, въ которое нужно было окончить всѣ выписки для Донской Исторіи, требовала усилій чрезмѣрныхъ, и въ семъ случаѣ г. Строевъ явилъ примѣръ похвальнѣйшаго трудолюбія, упредивъ окончаніемъ сего дѣла даже самое мое ожиданіе. По сему, считаю себя обязаннымъ воздать справедливость усердію сего чиновника, я всепокорнѣйше прошу Ваше Сіятельство обратить на него начальничье ваше вниманіе, исходатайствовавъ ему прилич-

ную награду. Уваженіе сей просьбы приму личнымъ для себя одолженіемъ“ (*Арх. Ком.* III, 377).

П. М. Строевъ всегда вспоминалъ съ большимъ удовольствіемъ о пріемѣ, который ему тогда сдѣлалъ графъ Нессельроде. Вскорѣ послѣ этого Строевъ оставилъ С.-Петербургъ и во второй половинѣ іюня уже „покоился въ Москвѣ, почти отъ годичныхъ тяжелыхъ трудовъ“. И дѣйствительно было отъ чего отдохнуть. По свидѣтельству Строева, выписки изъ дѣлъ Иностраннаго Архива заняли болѣе трехъ тысячъ листовъ. Не много спустя и товарищъ Строева, М. Г. Кучеровъ, возвратился въ Новочеркаскъ. „Наша коммисійка *закрылась*,“ говорилъ Строевъ, который, впрочемъ, не прекращалъ и за симъ своихъ давнишнихъ занятій Донскою Исторіею. Такъ, Сухоруковъ, въ письмѣ отъ 10-го ноября того же 1824 года писалъ Строеву: „Вы меня крайне обязать изволили составленіемъ таблицъ: о жалованьѣ Донскому войску и объ атаманахъ; это весьма много облегчитъ мою работу и будетъ служить мнѣ указателемъ для многихъ изысканій. Весьма важно для Донской исторіи, сообщенное вами краткое извѣстіе о жалованьѣ Царя Шуйскаго нашимъ предкамъ: это весьма много поясняетъ дѣйствія казаковъ при Самозванцахъ... Пріемлю смѣлость просить васъ о принятіи на себя труда, сдѣлать выписки изъ найденныхъ вами новыхъ столпцовъ о бунтѣ Разина“ (*Письма*, I, № 90). Въ другомъ письмѣ (отъ 27-го марта, 1825 г.) Сухоруковъ пишетъ: „Хлопоты по изданію *Русской Старины* отнимали у меня послѣдніе досуги... Это одно было причиною тому, что я остался предъ вами болваномъ, не отвѣчавъ на то почтеннѣйшее письмо ваше, при которомъ присланы были ко мнѣ выписки изъ Донскихъ дѣлъ“... (*Письма*, I, № 94). Наконецъ и въ письмѣ отъ 16-го марта, Сухоруковъ опять благодаритъ Строева за выписки изъ Донскихъ столпцовъ 1678—1680 гг., а на вопросъ Строева какъ идетъ *Исторія*? Сухоруковъ отвѣчалъ: „Къ сожалѣнію, не могу похвалиться предъ вами большимъ успѣхомъ. Меня ужасно торопятъ и требуютъ Исторію почти по заказу, на срокъ... Слыша строгія приказанія о поспѣшности, я принужденъ былъ бросить все написанное въ подробномъ планѣ и теперь... хочу составить исторію вдвое или втрое короче... Откровенно скажу, что теперь неумолкно браню себя, для чего не принялъ я вашего предложенія помочь мнѣ въ составленіи Исторіи. Ахъ какъ я золъ на мою команду!“ Въ заключеніе письма Сухоруковъ пишетъ, что онъ очень обрадовался узнавъ о намѣреніи Строева пріѣхать въ Петербургъ (*Письма*, I, № 96).

Въ концѣ поста 1825 года Строевъ дѣйствительно ѣздилъ въ С.-Петербургъ и прожилъ тамъ всю Свѣтлую недѣлю и еще слѣдую-

щія двѣ три недѣли. Видѣлся, конечно, съ Сухоруковымъ, и опять замѣтилъ, что дѣло объ *Исторіи Донской* все еще не подвинулось впередъ и было только предметомъ разговора.

Возвратясь въ Москву, Строевъ принялся за библіотеку графа Ѳ. А. Толстаго, которая съ 1825 года была „вполнѣ поручена ему". Дѣятельность Строева въ этой знаменитой библіотекѣ составитъ предметъ особой главы. А теперь, на прощаніе съ почтенными Донцами, потрудившимися для Исторіи своей родины, скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ. По свидѣтельству А. А. Карасева, В. Д. Сухоруковъ, „поставленный въ необходимость разойтись во взглядахъ съ генераломъ Чернышовымъ, сильнымъ человѣкомъ того времени, палъ навсегда, отягченный жестокими преслѣдованіями" (*Русск. Стар.* 1871, февраля, стр. 236, 237). Въ августѣ 1826 года мы его находимъ въ Новочеркасскѣ, откуда онъ писалъ Строеву: „Въ перепискѣ съ вами я совершенный ростовщикъ: мѣняя пустыя мои письма на ваши наставительныя. Каждое ваше письмо просвѣщаетъ меня... Продолжайте просвѣщать меня, хотя я за сіе ничѣмъ другимъ не могу заплатить, кромѣ дурной моей Донской Исторіей" (*Письма*, I, № 135). За симъ, письменныя сношенія Сухорукова съ Строевымъ почти прекращаются. Строевъ свидѣтельствуетъ, что Сухоруковъ „отличался на войнѣ съ Персами и Турками и Паскевичемъ Ериванскимъ былъ покровительствуемъ; по замиреніи, переведенъ былъ въ Финляндію, гдѣ оставался до 1831 года". Въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года Строевъ имѣлъ свиданіе съ Сухоруковымъ. Огромный грузъ Архивскихъ выписокъ, надъ которыми столько потрудился Строевъ, перевезенъ былъ изъ С.-Петербурга въ Новочеркасскій Войсковой Архивъ. Изъ этихъ-то матеріаловъ, по объясненію Строева, „Броневскій составилъ *Исторію Войска Донскаго*, напечатанную въ 1834 году".

Трудъ Броневскаго задѣлъ и Сухорукова. Въ 1835 году, послѣ долгаго молчанія, онъ прислалъ съ Кавказа свое послѣднее письмо къ Строеву, въ которомъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Вы первый раскрыли мнѣ исторію моей родины, заставили полюбить изысканія о ней; теперь ето сдѣлалось уже потребностью моей души, я прилѣпился къ етому дѣлу всѣмъ существомъ моимъ. Не откажите, сообщить мнѣ тѣ дополнительныя извлеченія изъ Московскаго Архива, кои сдѣланы вами въ 1826 году; равнымъ образомъ и тѣ новыя открытія, какія сдѣланы вами при разборѣ монастырскихъ книгохранилищъ. Такого рода услугу я буду цѣнить какъ отраду жизни. Имѣли ль вы терпѣніе прочитать что̀ написалъ Броневскій о Донскихъ Казакахъ? Видно теперь всѣхъ родовъ литтература обратилась

въ спекуляцію—и можно ли такими пакостями потчивать публику? Здравствуетъ ли ваша супруга? Умножилось ли потомство ваше? ибо ето считаю я Божіимъ благословеніемъ“... (*Письма*, II, 257).

Въ томъ же году отозвался, наконецъ и Кучеровъ и все по поводу того же труда Броневскаго. Въ письмѣ, отъ 19-го апрѣля 1835 года, Кучеровъ писалъ къ Строеву: „Хотя десятилѣтіе на Святой Руси почитается такою давностію, которая предаетъ забвенію многое изъ человѣческихъ дѣйствій и во многомъ многихъ лишаетъ права собственности; но какъ она на пріятельскія связи не распространяется, ибо на ето нѣтъ статьи и въ Сводѣ законовъ, то не взирая на то, что уже десять лѣтъ ни отъ васъ не имѣлъ я ни вѣсти, ни граматы, ни самъ не молвилъ вамъ ни единаго слова хотя и безпрестанно слѣдилъ васъ, по газетамъ, въ знаменитой экспедиціи вашей—я рѣшился возобновить права мои на васъ, какъ на товарища и руководителя моего. Опираясь на ето право... я привѣтствую васъ съ береговъ Тихаго Дона Ивановича, васъ, сущаго на величественныхъ водахъ Невскихъ. Относительно меня совершенно удовлетворительное свѣдѣніе сообщитъ вамъ податель сего письма, мой землякъ Василій Михайловичъ Пудавовъ... Ето тотъ самый „*Скалозубъ*“, котораго статья противъ Броневскаго напечатана была въ прошломъ году въ *Сынѣ Отечества*. Онъ страстный почитатель отечественной старины и ревнитель о славѣ родины нашей, которую такъ черно описалъ г. Броневскій. Для себя прошу только одного: вспоминайте иногда того, который одинъ годъ жизни своей, проведенный въ вашемъ сообществѣ, почитаетъ наилучшимъ въ своей молодости... Г. Пудавовъ разскажетъ вамъ, гдѣ теперь В. Д. Сухоруковъ и что подѣлываетъ; да дастъ ему Богъ силу и крѣпость постыдить помрачителя славы нашей г. Броневскаго“ (*Письма*, II, 262).

Послѣ этой переписки, несчастный Сухоруковъ жилъ не долго. По свидѣтельству г. Карасева, Сухоруковъ умеръ въ началѣ сороковыхъ годовъ чуть не въ нищетѣ и въ томъ же чинѣ, въ которомъ попалъ въ опалу“ (*Русск. Старина*, 1871, февраль, стр. 237).

Въ 1869 году увидѣли, наконецъ, свѣтъ труды Сухорукова и его товарищей. Въ этомъ году Войсковой Статистическій Комитетъ издалъ въ Новочеркасскѣ *Историческое Описаніе Земли Войска Донскаго*. Въ предисловіи, между прочимъ, сказано: „Въ рукахъ Сухорукова сосредоточилось богатое собраніе историческихъ матеріаловъ. Достаточно указать на однѣ цифры актовъ, чтобы судить о важности этихъ матеріаловъ“. И вотъ что было собрано въ одномъ только Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ:

1) Изъ дѣлъ Двора Турецкаго съ 1514 — 1700 годъ—184 акта.

2) Двора Крымскаго съ 1485—1742 г.—386 актовъ.

3) Ногайскихъ съ 1593—1776 г.—153 акта.

4) Двора Персидскаго съ 1588—1674 г. 31—актъ.

5) Дѣлъ Донскихъ съ 1571—1721 г.—779 актовъ.

6) Дѣлъ Малороссійскихъ съ 1671—1708 г.—11 актовъ.

Издатели поясняютъ, что изъ богатаго собранія Сухоруковскаго сохранилась только часть выписокъ, которыя и напечатаны въ примѣчаніяхъ къ *Описанію*. Остальное исчезло *безслѣдно*!

VII.

Мы уже видѣли, что П. М. Строевъ, съ конца мая и до половины іюня 1824 года, прожилъ въ Петербургѣ. Въ это-то время неутомимый труженикъ сдѣлалъ Карамзину предложеніе составить Алфавитный Указатель или ключь къ *Исторіи Государства Россійскаго*. Исторіографъ согласился на это предложеніе и при этомъ онъ прежде всего попросилъ о слѣдующемъ: „Пожалуйте, замѣчайте ошибки; вамъ онѣ будутъ виднѣе, нежели мнѣ“. Строевъ такъ и сдѣлалъ: „все, что казалось неточнымъ, онъ писалъ въ тетрадь, предполагая въ послѣдствіи привести эти замѣчанія въ порядокъ и представить ихъ великому мужу, который, своимъ снисхожденіемъ и ласкою, умѣлъ привязать его къ себѣ всею душею“ (*Моск. Вѣстн.* 1828, №№ 21, 22, стр. 389 — 391). Все время, остававшееся свободнымъ отъ другихъ занятій, Строевъ посвящалъ этому по-истинѣ египетскому труду, который былъ имъ почти оконченъ еще до начала Археографической Экспедиціи, въ 1828 году. „Помню“, писалъ ко мнѣ, въ 1870 году, покойный М. А. Максимовичь, „когда бывало не зайдешь къ П. М. Строеву, жившему въ домѣ Селивановскаго на Дмитровкѣ, вѣчно застаешь его надъ *Ключемъ* къ *Исторіи* Карамзина“. Объ этихъ занятіяхъ самъ Строевъ писалъ въ послѣдствіи слѣдующее: „Сей тяжелый, чрезмѣрно-утомительный трудъ, сія мелкая, но неоцѣненно важная критика, сводящая во едино раздѣльныя мнѣнія и сужденія историка, обнаруживающая обширность или тѣсные предѣлы его знаній, подстерегающая его ошибки и промахи и вмѣстѣ выясняющая блескъ его генія—сей трудъ и сія критика едва было не истощили мое терпѣніе въ теченіи трехгодичныхъ безпрерывныхъ занятій ими“ (*Арх. Экспед.* I, 18 — 20). Достойно примѣчанія, что въ то время, когда

Строевъ уже оканчивалъ свой трудъ, у него явились два конкурента и одинъ изъ нихъ, нѣкто Габбе, писалъ Павлу Михайловичу изъ Богуславля, отъ 4-го іюня 1826 года: „Не имѣя чести быть лично съ вами знакомымъ, но умѣя, со всѣми любителями Русской Исторіи и Словесности, цѣнить общеполезные ваши труды и глубокія свѣдѣнія, я чувствую себя въ правѣ обратиться къ вамъ съ просьбою прямо, безъ посредниковъ. Года четыре тому назадъ принялся я за работу, совершенно механическую, за составленіе алфавитной росписи предметовъ къ *Исторіи Государства Россійскаго*; я не торопился работою, которая меня утомляла, но въ концѣ прошедшаго года, узналъ я, что и вы занимаетесь симъ дѣломъ... Состязаться съ вами было бы съ моей стороны вовсе неблагоразумно; но потерять трудъ, которымъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ испытывалъ я мое терпѣніе, было бы весьма неутѣшительно. Нѣтъ ли возможности присоединить мое стараніе къ вашему искусству?“ (*Письма*, I, 129). Но это соединеніе, само собою разумѣется, оказалось невозможнымъ, въ чемъ убѣдился и самъ Габбе, послѣ прочтенія „пріятныхъ строкъ“, которыми Строевъ убѣдилъ своего конкурента, что „трудъ его былъ напрасенъ“ (*Письма*, I, № 143). Другой соперникъ былъ Ахматовъ, о трудѣ котораго Анастасіевичь, на спросъ Строева, писалъ, отъ 28-го октября 1827 года, слѣдующее: „Мнѣ помнится, я имѣлъ случай лично вамъ разсказать объ немъ, но если вы при вашихъ занятіяхъ и поѣздкахъ забыли, то охотно повторю. Ето не что иное, какъ Карамзинъ, разбитый по азбучному порядку со всѣми его правдами и неправдами. Обстоятельства же онаго: г. Ахматовъ, оставивъ таможню, посвятилъ себя этому труду, не бывъ однако даже лично знакомъ съ Карамзинымъ. Онъ во 1-хъ) на преогромныхъ листахъ началъ выбирать родословіе князей, сколько могъ найти въ текстѣ и примѣчаніяхъ, ничего не измѣняя противъ напечатаннаго. Сіи самыя имена сталъ вносить въ тетради, въ особую для каждаго, и прибавлять все сказанное объ нихъ Исторіографомъ въ своемъ сочиненіи. Такимъ же образомъ онъ поступаетъ и съ названіями мѣстъ, городовъ, рѣкъ и т. п. Ето его *географія*, для коей составилъ множество ландкартъ по одному печатному контуру Россіи въ нынѣшнихъ предѣлахъ, означая красками каждое особое княженіе, по мѣрѣ измѣненія онаго въ своихъ предѣлахъ, разумѣется назначая сіи предѣлы *произвольно*... Такъ онъ поступаетъ и съ означеніемъ разныхъ военныхъ походовъ, раздѣловъ и т. п. На все это онъ уже перебралъ отъ казны до 60 т. р. и недавно лишь Высочайше велѣно разсмотрѣть сей трудъ его Академіи Наукъ, но что она сдѣлала мнѣ еще неизвѣстно... Я не видалъ и вашего труда; но судя лишь потому, что ето просто азбучный указатель или реестръ,

считаю оный драгоцѣнным ключемъ къ творенію Карамзина, коимъ безъ онаго нельзя доселѣ пользоваться въ полной мѣрѣ, и потому ревностно присовокупляю и мое желаніе къ общему: скорѣе увидѣть и имѣть ваше изданіе. Я самъ принимался за сію египетскую работу, понѣмчившись такъ сказать по связямъ моимъ съ Нѣмцами; но охотно уступилъ вамъ сію пальму, какъ скоро узналъ, что вы мой соперникъ" (*Письма*, I, 165).

Трудъ Ахматова былъ, однако, изданъ только въ 1845 году, подъ заглавіемъ: *Атласъ Географическій, Историческій и Хронологическій Россійскаго Государства*, составленный на основаніи *Исторіи Н. М. Карамзина* и пр., въ большой листъ.

Но не такъ былъ счастливъ Строевъ, касательно денежнаго вознагражденія. Въ теченіе трехъ лѣтъ, онъ трудился надъ своимъ *Ключемъ*, не получая и копейки за свой трудъ. Не нашелъ даже издателя! Окончивъ, въ январѣ 1828 года, свой *Ключъ*, Строевъ показывалъ его Пушкину, который вполнѣ оцѣнилъ важность этого труда и тотчасъ же отписалъ въ Петербургъ, къ князю П. А. Вяземскому, что „Строевъ написалъ table des matières *Исторіи* Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее надобно напечатать; поговори Блудову объ этомъ" (*Русск. Арх.* 1874, I, стр. 439). Ходатайство это было безуспѣшно, точно также какъ и ходатайство Графа Ѳ. А. Толстого, который, по этому поводу, писалъ Строеву (отъ 25-го авг. 1828 г.): „Хотѣлъ добиться отъ Ливена толку, на счетъ *Ключа* твоего, но добился не въ пользу твою: онъ рѣшительно отказался, въ нынѣшнее военное время, безпокоить Государя побочными расходами; и такъ, надо дожидаться миру, авось велитъ Богъ скоро его дождаться, ибо военныя дѣла, благодаря Бога, идутъ какъ нельзя лутче" (*Письма*, I, № 219). Долго пришлось этому циклопскому труду Строева пролежать въ его портфелѣ; только въ 1836 году, онъ узрѣлъ, наконецъ, свѣтъ Божій и, по замѣчанію Пушкина, „облегчилъ до невѣроятной степени изученіе Русской исторіи" (*Соврем.* 1836 г., IV, стр. 306).

Нельзя не изумляться неутомимой дѣятельности П. М. Строева. У него одна работа шла за другою. Скудость вознагражденія за образцовое исполненіе и даже непріятности, не ослабляли энергіи Павла Михайловича, поставившаго себѣ девизомъ жизни: „наука для науки".

Въ 1824 году, К. Ѳ. Рылѣевъ печаталъ въ Москвѣ свои *Думы*, въ типографіи своего хорошаго знакомаго С. А. Селивановскаго. Желая снабдить это сочиненіе историческими примѣчаніями, Рылѣевъ обратился къ Строеву съ просьбою взять на себя сей трудъ. Строевъ согласился, но, при полученіи вознагражденія, у него произошло не-

пріятное столкновеніе съ однимъ изъ Московскихъ друзей Рылѣева, завѣдывавшихъ изданіемъ, а именно, съ Петромъ Александровичемъ Мухановымъ *). Дѣло вотъ въ чемъ: когда Строевъ, по окончаніи печатанія *Думъ*, пріѣхалъ къ Муханову за полученіемъ „мзды своея", Мухановъ его не принялъ. На письменный запросъ о причинѣ отказа, Мухановъ написалъ Строеву слѣдующее странное письмо, отъ 29-го декабря 1824 года: „Потому, Милостивый Государь, васъ не принялъ, что я не имѣю привычки принимать безъ портокъ людей мало знакомыхъ и надѣюсь, что вы извините меня единственно въ уваженіе желанія моего быть вѣжливымъ и учтивымъ. Касательно слѣдующихъ вамъ денегъ, я весьма сожалѣю, что до сихъ поръ не имѣю ихъ, чтобы доставить къ вамъ, и теперь не могу сего же сдѣлать; но причина тому неисправность пріятеля моего Рылѣева, которому я писалъ въ тотъ же день, въ который вы мнѣ объявили сумму въ мзду за трудъ вашъ. Надѣюсь, что въ непродолжительномъ времени буду въ возможности доставить вамъ оную. А теперь, сознаюсь, мнѣ весьма желательно было бы знать, что неисправный платежъ 100 р. не можетъ быть причиной взаимнаго неудовольствія между нами? Тѣмъ болѣе, что кромѣ уваженія, которое я имѣю къ вамъ, какъ къ человѣку извѣстному своей ученостью, мнѣ было весьма пріятно съ вами познакомиться и не думаю, чтобы *Думы* могли быть причиною непріятностей" (*Письма*, I, 92). Само собою разумѣется, что письмо это произвело непріятное впечатлѣніе на Строева и онъ, тщетно ожидая удовлетворенія, рѣшился, чрезъ посредство В. Д. Сухорукова, обратиться къ самому Рылѣеву. „Я вчера былъ нарочно у Рылѣева", писалъ Сухоруковъ Строеву, отъ 27-го января 1825 года, вручилъ ему лично вашу хартію и требовалъ отвѣта. Онъ обѣщалъ съ нынѣшнею же почтою писать къ вамъ и увѣрилъ меня, что дѣло, о которомъ вы изволите къ нему писать, онъ устроилъ уже какъ слѣдуетъ, поручивъ Князю Оболенскому, какъ самое изданіе Думъ, такъ и хозяйственныя по оному распоряженія. Рылѣевъ весьма винитъ Муханова за сдѣланныя вамъ непріятности" (*Письма*, I, № 94). Дѣйствительно, П. М. Строевъ вскорѣ получилъ отъ Рылѣева слѣдующее письмо: „Весьма сожалѣю, что П. А. Мухановъ васъ растревожилъ; поступки его дѣйствительно заслуживаютъ порицанія и вы въ правѣ на него негодовать, тѣмъ болѣе, что хорошо не знаете его; но по праву пріязни съ Мухановымъ и по личному моему уваженію къ вамъ, долженъ вамъ съ откровенностью сказать, что оскорбительныя личности на счетъ

---

*) Братъ покойнаго Предсѣдателя Археографической Коммисіи Павла Александровича Муханова.

Муханова, которыми наполнено письмо ваше, обидны и мнѣ. По той короткости, которую вы не могли не замѣтить между мною и имъ, вамъ вовсе не слѣдовало бы такъ поспѣшно объявлять мнѣ, и еще письменно, своего мнѣнія на счетъ его поступковъ. Мухановъ истинно добрый и благородный человѣкъ—и вѣроятнѣе, какое нибудь обоюдное недоразумѣніе было всему причиною. Вотъ мое мнѣніе: увѣренъ, что имѣю дѣло съ благороднымъ человѣкомъ и для того пишу откровенно, чтобы ничего не осталось на сердцѣ. Я былъ бы мерзавецъ, еслибъ могъ хладнокровно прочитать письмо ваше. Я думаю, что вы уже видѣлись съ Княземъ Евгеніемъ Петровичемъ Оболенскимъ: я поручилъ ему, по случаю отъѣзда Муханова, принять на себя изданіе *Думъ* и *Войнаровскаго*. Въ немъ вы найдете человѣка съ отличными свойствами души и съ прекрасными правилами: онъ васъ и безъ меня удовлетворилъ вѣроятно, если вы обращались къ нему. Теперь я также пишу и къ князю Нѣкоторыя примѣчанія ваши я уже имѣю здѣсь и душевно благодарю васъ за нихъ. Вы совершенно оправдали выборъ нашъ. Прошу васъ покорнѣйше сдѣлать и ко вновь присланнымъ мною *Думамъ* такія-же примѣчанія, если цензура была милостива ко мнѣ. Прошу сказать мое истинное почтеніе г. Селивановскому. Онъ у меня изъ головы не выходитъ. Истинно почтенный человѣкъ! За откровенность прошу не гнѣваться. Это мой порокъ" (*Письма*, I, № 95).

Этимъ и ограничивались всѣ сношенія нашего Археографа съ несчастными Декабристами, а надъ ними..... „Се уже сѣкира при древѣ лежитъ!"

Злополучный 1825 годъ начался для П. М. Строева обновленіемъ сношеній его съ Государственнымъ Канцлеромъ. Графъ Румянцовъ, не смотря на перемѣну, которую мы замѣтили въ его отношеніяхъ къ Строеву, еще въ 1821 году писалъ Малиновскому: „Пожалуйте, дайте мнѣ знать, коли совершенно окончится изданіе Софійской Лѣтописи, я бы охотно новый подобный трудъ возложилъ на г. Строева" (*Неизд. переп. Госуд. Канцл.*); но Строевъ, какъ сказано нами выше, по окончаніи своего знаменитаго изданія Софійскаго Временника, вышелъ изъ Коммисіи Печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ и въ теченіи 1823 и 1824 годовъ, занятъ былъ сначала проектомъ Археографическаго Путешествія, а потомъ Исторіею земли Войска Донскаго. Покончивъ же дѣла свои съ Донскими казаками, Строевъ самъ обратился къ Государственному Канцлеру съ замѣчательнымъ предложеніемъ, которое онъ изложилъ въ слѣдующемъ письмѣ къ нему отъ 4-го января 1825 года: „Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь! Наступившій новый годъ даетъ мнѣ случай, при усерд-

нѣйшемъ поздравленіи, принести Вашему Сіятельству искреннѣйшее желаніе: да продлитъ Всевышній на долго дни жизни вашей, столь драгоцѣнные для блага Отечества и успѣховъ его Исторіи. Въ послѣдній пріѣздъ вашъ въ Москву, Сіятельнѣйшій Графъ, вы изволили изъявить желаніе удостоить меня какимъ либо ученымъ препорученіемъ. Тогда я не былъ увѣренъ въ постоянности моего здѣсь пребыванія и намѣревался перемѣнить родъ службы; но теперь, получивъ прочную осѣдлость, снова посвящаю себя историческимъ занятіямъ, кои люблю до страсти. Всегдашнее милостивое ко мнѣ расположеніе ваше, Сіятельнѣйшій Графъ, осмѣливаетъ меня обременять благосклонное вниманіе Вашего Сіятельства предположеніемъ, коимъ надѣюсь доставить Отечественной Исторіи не малую пользу. Безъ благодѣтельнаго поощренія вашего, Сіятельнѣйшій Графъ, и нѣкоторыхъ необходимыхъ пособій, я не въ состояніи привести его въ полное дѣйствіе. Ничто не споспѣшествуетъ столько успѣхамъ наукъ и никакія пособія не могутъ столь много облегчить ихъ хода, какъ *Словари* ученые. Сіи хранилища разнородныхъ знаній, по ихъ обилію и удобству въ расположеніи, доступны всякому: онѣ пополняютъ недостатки свѣдѣній генія всеобъемлющаго и обогащаютъ умъ малознательный. Историческія науки имѣютъ въ нихъ особенную надобность, которая даже ничѣмъ неотвратима. Сколь велики неудобства, встрѣчаемыя въ историческихъ изслѣдованіяхъ, самыхъ ничтожныхъ, при недостаткѣ справочныхъ сочиненій, могутъ въ полной мѣрѣ чувствовать историки и археологи. Въ другихъ государствахъ Европы много твореній сего рода; но у насъ нѣтъ еще ни Словаря Историческаго, ни древней Географіи, ни пособій къ уразумѣнію языка письменныхъ памятниковъ. Ученый, при малѣйшей справкѣ, вмѣсто того, чтобы заглянуть въ Словарь, какъ въ другихъ государствахъ, долженъ у насъ весьма часто рыться цѣлые дни и въ множествѣ томовъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, я собиралъ матеріалы для *Историческо-Родословнаго Словаря Россійскихъ владѣтельныхъ Князей.* Отрывки изъ предварительнаго къ нему вступленія напечатаны въ *Сынѣ Отечества* 1814 и 1815 годовъ. Я имѣю письмо, въ коемъ Ваше Сіятельство изволили тогда изъявлять милостивое желаніе содѣйствовать изданію сего Словаря. Собранные мною матеріалы обильны, но не приведены въ надлежащій видъ и порядокъ; ибо отъ многихъ другихъ изданій, коими я потомъ занимался, они необходимо должны были лежать подъ спудомъ. Между тѣмъ, наша Исторія совершенствовалась безпрерывно: произошли разныя перемѣны и открытія, вышло много твореній, изданій коихъ ученые большею частію обязаны щедрости Вашего Сіятельства. Все сіе произвело важные недостатки въ собран

ныхъ мною матеріалахъ и для изданія моего Словаря въ надлежащемъ видѣ необходимо перечтеніе всѣхъ печатныхъ лѣтописей, разныхъ историческихъ сочиненій и многихъ рукописей. Улучась временемъ, я приступилъ къ продолженію сего, нѣкогда оставленнаго мною труда; но при первомъ началѣ нечувствительно родилась во мнѣ мысль увеличить планъ моего сочиненія: „Если должно перечесть множество книгъ для дополненія одного Родословія, то почему вмѣстѣ и разомъ не обнять и другіе, не менѣе важные, предметы нашей Исторіи? Я вознамѣрился составить слѣдующіе три Словаря и расположилъ трудъ мой слѣдующимъ образомъ:

1) *Словарь Историческій.* Въ немъ помѣщены будутъ полныя и по возможности подробныя извѣстія о всѣхъ Великихъ и удѣльныхъ Князьяхъ, Царяхъ, Іерархахъ и другихъ Чиноначальникахъ Церкви, знаменитыхъ полководцахъ, герояхъ и всѣхъ примѣчательныхъ лицахъ, о коихъ упоминаетъ Исторія съ 862-го г. по исходъ XVII-го столѣтія. Къ концу приложатся родословныя таблицы владѣтельныхъ князей и многія критическія примѣчанія, объясняющія нѣкоторыя малоизвѣстныя и запутанныя поколѣнія. По обилію собранныхъ уже матеріаловъ, сей Словарь можетъ быть изготовленъ къ напечатанію въ началѣ 1826 года.

2) *Словарь Географическо-Топографическій*, или подробное указаніе всѣхъ удѣловъ, на кои нѣкогда раздѣлялась Россія, съ обстоятельнымъ изложеніемъ происходившихъ въ нихъ измѣненій въ географическомъ отношеніи (съ 862 г. по исходъ XVII-го вѣка); краткая исторія городовъ и мѣстъ; свѣдѣнія о водахъ, горахъ, селеніяхъ и другихъ топографическихъ мѣстностяхъ, примѣчательныхъ въ Исторіи, или упоминаемыхъ лѣтописями. Сей Словарь будетъ заключать въ себѣ, по возможности, полную систему древней Географіи нашего Отечества и, быть можетъ, снабдится нужными картами. Онъ изготовится къ началу 1828 года.

3) *Словарь Толковый*, для уразумѣнія языка лѣтописей и другихъ письменныхъ памятниковъ древней нашей Словесности, по образцу славнаго Дюканжева Glossarium media et infima Latinitatis. Въ семъ Словарѣ объяснены будутъ всѣ слова и выраженія, нынѣ вышедшія изъ употребленія, забытыя или пріемлемыя въ иномъ знаменованіи; названія древняго чиноначалія и государственнаго управленія въ отношеніяхъ политическомъ, военномъ и гражданскомъ; терминологія: церковная, судебная и дипломатическая; техническія реченія древняго хозяйства, ремеслъ, знаній, наукъ и искусствъ; однимъ словомъ, все, что для читателей памятниковъ древней нашей письменности можетъ быть невразумительно, сбивчиво или неопредѣленно. Множе-

ство матеріаловъ къ сему Словарю накопилось у меня въ нѣсколько лѣтъ, когда я, занимаясь изданіемъ разныхъ рукописей или прочитывая историческо-археологическія сочиненія, записывалъ попадавшіяся въ нихъ примѣчательныя слова и выраженія. Сей Толковый Словарь, требующій многаго чтенія, пересмотра и справокъ, слѣдственно и времени, можетъ быть изготовленъ не прежде исхода 1829 года. Такимъ образомъ, въ теченіе пяти лѣтъ, я надѣюсь, Сіятельнѣйшій Графъ! представить ученымъ изслѣдователямъ нашей Исторіи и любознательнымъ читателямъ древнихъ Славяно-Рускихъ памятниковъ три не маловажныя пособія: ими облегчатся труды первыхъ и прояснятся понятія послѣднихъ. Сколько разъ видѣлъ я ученыхъ, прибѣгающихъ для справокъ къ Кенигсбергскому списку Нестора или къ изданному мною *Временнику Софійскому* предпочтительно предъ другими лѣтописями, единственно отъ того, что къ нимъ пріобщены Азбучные Указатели. Какое-жъ удобство и пособіе могутъ доставить ученымъ и неученымъ обстоятельные словари, о коихъ я имѣлъ честь излагать предъ симъ Вашему Сіятельству. Я даже увѣренъ, что сіи *справочныя сочиненія*, яко первыя сего рода пособія въ нашей литтературѣ, кромѣ ученой славы могутъ доставить и денежныя выгоды; но для совершенія ихъ нужно время, а на напечатаніе иждивеніе. Чтобы трудиться дѣятельно и успѣшно, необходима бодрость духа; а сего не можетъ быть безъ надлежащаго обезпеченія въ домашнемъ довольствѣ. Мнѣ нельзя *совершенно* предаться сему долговременному и многосложному труду; ибо ограниченное мое состояніе требуетъ другихъ работъ, кои могли бы приносить болѣе выгодъ для настоящаго времени къ необходимому продовольствію моего семейства. Сіятельнѣйшій Графъ! ваша любовь къ наукамъ и вельможная щедрость суть вѣрныя опоры ученыхъ преднамѣреній. Цѣль труда моего—усовершенствованіе историческихъ знаній. Я нуждаюсь довольно въ маловажномъ пособіи въ отношеніи къ огромности предпріятія моего, и притомъ на одинъ означенный выше періодъ времени: если трудъ мой продолжится болѣе пяти лѣтъ, окончу его безмездно. Излишне считаю упоминать, что подлинники моихъ Словарей, яко совершенные пособіемъ Вашего Сіятельства, будутъ тогда зависѣть единственно отъ вашей воли и назначенія: моя награда въ повременномъ обезпеченіи и ученой славѣ. Сіятельнѣйшій Графъ! Если предположенія мои основательны и могутъ принести дѣйствительную пользу, подкрѣпите ихъ милостивымъ вашимъ пособіемъ. Если же какія препоны возбранятъ приводить ихъ въ исполненіе, да проститъ великая душа ваша мое докучливое дерзновеніе“.

Счетъ

Издержкамъ на сочиненіе трехъ Словарей: *Историческаго*, *Географическаго* и *Слово-толковательнаго*.

Составителю по 150 р. въ мѣсяцъ, итого въ пять лѣтъ	9,000 р.
На писца по 100 р. въ годъ	500 „
На покупку разныхъ необходимыхъ книгъ, картъ и другихъ пособій	500 „
Итого .	10,000 р.

(*Арх. Ком.*, III, 379—381). Къ сожалѣнію, это предпріятіе, не смотря на его явную необходимость, не нашло себѣ поддержки въ графѣ Румянцовѣ, который уклонился выдать денежное пособіе на изданіе словарей по причинѣ, изложенной въ слѣдующемъ письмѣ его къ Строеву, отъ 20-го января того же 1825 года: „Благодарю васъ за письмо, каковымъ меня удостоить изволили 4-го Января, и за сдѣланное привѣтствіе по случаю новаго года. Примите и отъ меня поздравленіе подобное и пожеланіе вамъ и всему семейству вашему здравія и благополучія. Воздавая справедливость тому рвенію и усердію, съ коимъ готовы вы предпринять составленіе трехъ словарей, довольно нужныхъ, не могу однакоже на себя снять на то нужныхъ издержекъ. Приступая теперь къ сочиненію и изданію Каталога Русскихъ манускриптовъ, хранящихся въ Патріаршей библіотекѣ *), я долженъ посвятить на то сумму значительную, и слѣдовательно, до окончанія сего предпріятія воздержаться совершенно отъ новыхъ важныхъ расходовъ по печатанію книгъ“ (*Письма*, I, № 39).

Отъ неудавшагося труда Строева по словарямъ, кромѣ напечатаннаго въ *Сынѣ Отечества* (1814 — 1815), уцѣлѣло нѣсколько тетрадокъ, которыя онъ чрезъ князя П. А. Ширинскаго-Шихматова пожертвовалъ Академіи Наукъ. Трудно допустить, чтобъ графъ Румянцовъ не раздѣлялъ мнѣнія о необходимости задуманныхъ Строевымъ словарей. Нашъ знаменитый меценатъ, дѣйствительно, долженъ былъ воздерживаться отъ издержекъ на новыя предпріятія, въ виду того, что многія изъ собственныхъ его ученыхъ предположеній оста-

*) Составленіе Каталога Патріаршей библіотеки было поручено, согласно желанію Государственнаго Канцлера и по указу Св. Синода, отъ 28-го октября 1824 г., Калайдовичу; но это дѣло было прервано при самомъ началѣ (Безсоновъ, *К. Ѳ. Калайдовичъ*, стр. 80, 81, 82, 183).

вались еще не вполнѣ исполненными. Напримѣръ, *Изданіе древнихъ Россійскихъ путешествій.* Еще въ 1821 году онъ писалъ Малиновскому: „Когда Софійская лѣтопись готова будетъ вся, то пожалуйте займите г. Строева изданіемъ Древнихъ Россійскихъ Путешествій предпочтительно всякому иному труду“ (*Неизд. переп. Госуд. Канцл.*). Странно, однако, что по окончаніи Софійской Лѣтописи дѣло это не было поручено Строеву и онъ, уже послѣ смерти Канцлера, какъ бы въ исполненіе его мысли, совершенно независимо, напечаталъ въ *Ураніи*, издаваемой въ 1826 году Погодинымъ „для любительницъ и и любителей Русской Словесности“, отрывки изъ любопытнаго сочиненія принца Бухау *), пріѣзжавшаго въ 1578 году въ Москву въ качествѣ Имперскаго посла къ царю Іоанну. Точно также и въ *Русскомъ Зрителѣ* Калайдовича на 1828 годъ, Строевъ помѣстилъ *Странствованіе къ Святымъ мѣстамъ Іеродіакона Зосимы*, которое снабдилъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Инокъ Зосима, діаконъ Троицко-Сергіевой лавры, находился въ Кіевѣ и потомъ, какъ говоритъ самъ, желая видѣть Святыя мѣста на Востокѣ, *съ купцы и вельможами великими* отправился въ Царьградъ. Отсюда онъ ѣздилъ въ монастыри Аѳонской горы, посѣтилъ городъ Солунь и, въ 1420 году, на Страстной недѣлѣ, прибылъ въ Іерусалимъ. Нашъ странствователь хвалится, что никто лучше его не видалъ Святаго града и тамошнихъ окрестностей; опровергаетъ неосновательные разсказы, слышанные имъ, безъ сомнѣнія, у себя дома. Въ нѣкоторыя Палестинскія мѣста онъ сопровождалъ Іерусалимскаго Патріарха Ѳеофила. Упоминая о Царьградскомъ женскомъ монастырѣ Липеси (τοῦ λίβος), іеродіаконъ Зосима сказываетъ между прочимъ: „тутъ лежитъ Царица Русская Анчя (Анна), дочь Московскаго великаго князя Василія Дмитріевича, внука великаго князя Александра Литовскаго, зовемаго Витовта“. Далѣе: „Вся сподобихся видѣти (въ Царьградѣ) якоже преже бѣхъ коли съ княжною, въ царство благочестиваго царя Киръ Мануила, и въ то время вѣнча сына своего старѣйшаго, Калуяна, на царство Греческое, состарѣвшуся ему“. Изъ сего справедливо заключить можно, что онъ находился въ свитѣ княжны Анны Василіевны, когда она въ 1411 или 1414 году прибыла въ Царьградъ, для бракосочетанія съ сыномъ императора Мануила, Іоанномъ Палеологомъ. Это извѣстіе весьма важно; ибо относительно сей родственной связи Государя Московскаго съ Императорскимъ Византійскимъ домомъ и времени оной извѣстія нашихъ Лѣтописцевъ и историковъ темны и сбивчивы“ (*Русскій Зритель*, М. 1828, II, 181—205). Путешествіе инока Зосимы Строевъ напечаталъ по списку графа

*) Moscovitae ortus et progessus. Gubenae. 1679, in 16°.

Толстаго. Въ 1839 году оно перепечатано было Сахаровымъ по тремъ спискамъ: крестьянина Тѣшилова, купца Сафонова и графа Толстаго. При этомъ Сахаровъ воспользовался и вышеприведеннымъ замѣчаніемъ Строева (*Путешествія Русскихъ людей по Святой землѣ*. Часть вторая. Спб. 1839, 8°, стр. 31—62).

Въ 1825 году, П. М. Строевъ, послѣ долгаго перерыва, возобновилъ свою дѣятельность и по Императорскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ засѣданіи Общества 6-го января онъ прочелъ свой проектъ объ *изданіи Хронографовъ*. „Къ числу источниковъ, или матеріальныхъ пособій нашей Исторіи", объяснялъ Строевъ, „принадлежатъ такъ называемые *Хронографы*. Шлецеръ, Карамзинъ и другіе находили нужнымъ изданіе хотя одного изъ нихъ. Нѣсколько лѣтъ занимаясь памятниками Славяно-Русской литтературы, я имѣлъ случай разсмотрѣть и Хронографы, коихъ видѣлъ до пятидесяти списковъ. Открылось, что Хронографовъ два рода. Одинъ переведенъ съ еллинскаго на новый греческій Монемвасійскимъ митрополитомъ Дороѳеемъ, а съ онаго на славянскій въ 1665 году. По повелѣнію царя Алексія, сей Хронографъ предполагали напечатать; изготовленный къ тому списокъ хранится по нынѣ въ Духовно-Тѵпографской Библіотекѣ. Другой, неизвѣстнаго сочинителя, имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Книга, глаголемая Гранографъ, яже суть отъ сотворенія, рекше начало письменномъ Царьскихъ родовъ, отъ многихъ лѣтописецъ: прежде отъ Бытій о сотвореніи міра, отъ книгъ Моисеевыхъ, и отъ Іисуса Навина, и отъ судей Іудейскихъ, и отъ четырехъ Царствъ; таже и о Ассирійскихъ Царяхъ, и о Македоніи, и о Римскихъ Царѣхъ, Еллинъ же и благочестивыхъ, и отъ Русскихъ Лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ.* Нѣтъ сомнѣнія, что сей Хронографъ переводный съ греческаго или латинскаго. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ замѣчено, что въ началѣ XVI вѣка перевели съ латинскаго лѣтописецъ Исидора епископа Испаленскаго: быть можетъ, это нашъ Хронографъ. Въ Маттеевомъ каталогѣ Синодальной Библіотеки показано нѣсколько Греческихъ Хронографовъ, безъименныхъ сочинителей: нѣтъ ли въ числѣ ихъ нашего подлинника? Славянскій переводчикъ сего втораго Хронографа размѣстилъ въ приличныхъ мѣстахъ сокращенныя извѣстія о событіяхъ сербскихъ, болгарскихъ и русскихъ, взявъ ихъ изъ извѣстныхъ ему лѣтописей. Многочисленные писцы и дополнители, оставляя сіи извѣстія въ ихъ настоящемъ видѣ, расплодили и продолжили отечественныя. Прибавленія переводчика оканчиваются тѣмъ же 1453 годомъ, а извѣстія дополнителей идутъ гораздо далѣе: въ большей части списковъ до половины XVI вѣка, въ нѣкоторые вставленъ такъ называемый Новый Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ происшествія 1584 —

1613 годовъ; другіе доведены до исхода XVII вѣка. Мнѣ попадались и такіе списки, въ коихъ Россійскія происшествія описаны столь пространно, что, въ отношеніи къ величинѣ книги, занимаютъ бо́льшую ея половину. Тутъ то обильныя пособія для Отечественной Исторіи!

„Такимъ образомъ сіи многочисленныя вставки дополнителей и переписчиковъ втораго Хронографа весьма важны. Общество окажетъ не малую услугу отечественной Исторіи, если совершитъ изданіе, о которомъ имѣю честь представить здѣсь краткое предначертаніе. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: „Я уже сказалъ, что всѣ списки Хронографовъ дѣлятся на два разряда: оба они переводные, подлинникъ одного извѣстенъ, другой, конечно, отыщется, и потому ядро Хронографовъ, т. е. оригинальное повѣствованіе о всемірныхъ происшествіяхъ, какъ чуждое нашей исторіи, должно оставить. Довольно окомъ ученымъ обозрѣть сіи сочиненія. Потомъ, выбравъ изъ втораго Хронографа дополненіе его переводчика, напечатать. Наконецъ, всѣ извѣстія объ отечественныхъ событіяхъ свести воедино и, удержавъ порядокъ хронологическій, также напечатать.

„Все сіе составитъ весьма полезную и любопытную книгу. Она раздѣлится на три отдѣла: 1-е) *Общій взглядъ на Хронографы*: ихъ дѣленіе на два рода, степень достоинства каждаго изъ подлинниковъ, изысканія о времени и языкѣ переводовъ; 2-е) *Дополненія переводчика* втораго Хронографа, отдѣльно; 3-е) важнѣйшее, *Сводъ*, въ хронологическомъ порядкѣ, *отечественныхъ извѣстій*, внесенныхъ въ Хронографы втораго разряда, съ указаніемъ источниковъ, откуда они заимствованы, съ отмѣткою новыхъ или малоизвѣстныхъ, и критическими на все сіе объясненіями. Въ концѣ Азбучная роспись собственныхъ именъ и географическихъ наименованій облегчитъ пріискиваніе.

„Ежели Общество признаетъ нужнымъ такое изданіе и одобритъ представляемый здѣсь планъ: я охотно принимаю на себя сей трудъ, тѣмъ болѣе, что имѣю уже начатки онаго“ (*Труды и Лѣтописи Общ. Ист. и Др. Росс.*, ч. IV, кн. I. М. 1828, стр. 116—121).

Въ протоколѣ засѣданія, о прочитанномъ проектѣ отмѣчено только: „положено разсмотрѣть“ (*Тр.* и *Лѣт. Общ.* Ч. III, кн. 2. М. 1827, стр. 92); въ сущности же проектъ былъ отвергнутъ, по крайней мѣрѣ въ Дневникѣ Снегирева читаемъ объ этомъ слѣдующее: „Антонскій и Каченовскій дѣлали свои возраженія, Строевъ отвѣчалъ имъ колкостями, между прочимъ сказалъ: развѣ Общество ничего не хочетъ дѣлать?“ (Ивановскаго: *Ив. М. Снегиревъ.* Спб. 1871, стр. 127). Предложеніе Строева, отвергнутое Обществомъ въ 1825 году, всетаки осуществилось, но только сорокъ четыре года спустя: почтенный Московскій ученый Андрей Николаевичъ Поповъ издалъ въ Москвѣ

въ 1869 году *Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ Хронографы Русской редакціи*. Къ сожалѣнію, эта многоцѣнная книга г. Попова не снабжена „Азбучною росписью собственныхъ именъ и географическихъ наименованій, на необходимость которой указывалъ Строевъ въ своемъ проектѣ 1825 года. Но возвратимся къ дѣятельности Строева по Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества 9-го іюня 1825 года, Предсѣдатель А. А. Писаревъ поручилъ Строеву разобрать два рукописные лѣтописца Синодальной Библіотеки, присланные въ Общество Высокопреосвященнымъ Филаретомъ Московскимъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи, 16-го октября, Строевъ представилъ отчетъ о разсмотрѣнныхъ лѣтописцахъ, при чемъ объяснилъ слѣдующее: „Обѣ означенныя рукописи находились нѣкогда въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Одна изъ нихъ, по каталогу Синодальной Библіотеки подъ № 789, въ четвертку, писана полууставомъ, переходящимъ въ скоропись XVI вѣка. Въ сей книгѣ содержится Несторова Лѣтопись съ продолжателями по 1528 годъ; а въ присоединенной къ концу ея тетради выписка изъ родословной книги. Другая рукопись, по томужь каталогу подъ № 486-мъ, въ четвертку, писанная полуустовамъ тоже XVI вѣка, содержитъ: на первыхъ 114 листахъ выписку изъ лѣтописей: отъ начала государства до 1533, а съ листа 115 обстоятельное описаніе первыхъ двадцати лѣтъ (1534—1554) государствованія царя Іоанна Василіевича.

„Лѣтописецъ подъ № 789 имѣетъ началомъ весьма хорошій, полный списокъ Нестора, съ договорами князей Олега, Игоря и Святослава, и безъ всякихъ позднѣйшихъ вставокъ и искаженій. Въ теченіи XII вѣка онъ нѣсколько кратокъ; съ побоища при Калкѣ подробнѣе, а въ XIV и XV вѣкахъ весьма обстоятеленъ. Нельзя не пожалѣть, что начало сего лѣтописца не зналъ Щлецеръ. Карамзинъ также несовершенно имъ воспользовался. Князь же Щербатовъ называетъ сей Лѣтописецъ *гораздо исправнымъ*.

„Сокращенный Лѣтописецъ, занимающій первые 114 листовъ рукописи подъ № 486-мъ, не иное что, какъ выписка изъ большой лѣтописи или сборника. Такихъ извлеченій я видѣлъ довольно въ разныхъ книгохранилищахъ. Впрочемъ, въ нихъ встрѣчаются извѣстія любопытныя. Сіи двѣ Кирилло-Бѣлозерскія рукописи извѣстны ученому свѣту по изданіямъ: *Лѣтописецъ, служащій продолженіемъ Несторову* (М. 1784, въ 4-ку) и *Царственная Книга* (Спб. 1769, въ 4-ку). При внимательномъ обзорѣ сихъ изданій нельзя не удивляться, сколь нерадиво и въ прямомъ смыслѣ невѣжественно поступали у насъ въ прошедшемъ столѣтіи при печатаніи историческихъ памятниковъ.

Святѣйшій Синодъ, на основаніи Высочайшаго указа 1780 года, напечаталъ нѣсколько лѣтописцевъ изъ Библіотекъ Синодальной и Московской Духовной Типографіи. Такъ названные Новгородскій и Архангелогородскій (М. 1781, въ 4-ку) изданы сносно; но разсматриваемыя мною Кирилло Бѣлозерскія рукописи достались въ руки довольно невѣжественныя. Издатель скрылъ свое имя, вѣроятно, сознаваясь въ неспособности къ трудамъ подобнаго рода. Я разумѣю издателя *Лѣтописца, служащаго продолженіемъ Несторову.*

1) Въ предисловіи къ означенному *Лѣтописцу, продолжающему Нестора*, сказано, что печатаніе производилось по *одной* рукописи (тогда въ Типографской Библіотекѣ подъ № 48); а по моимъ розысканіямъ вышло, что къ тому служили обѣ, доставленныя намъ, рукописи... Издатель принялъ ихъ за одну книгу въ двухъ томахъ; но въ нихъ нѣтъ ничего общаго. Быть можетъ, эта вина столь же искуснаго надзирателя Типографской Библіотеки, въ то время, или прежде дѣлавшаго ей опись, на неисправность коей жалуется Князь Щербатовъ; но невѣжество библіотекаря извиняетъ ли нерадѣніе издателя? Нынѣ сіи Кирилло Бѣлозерскіе лѣтописцы справедливо стоятъ въ Синодальной Библіотекѣ подъ двумя номерами, какъ произведенія отдѣльныя.

2) Лѣтописецъ подъ № 789-мъ начинается дѣлежемъ міра между сыновьями Ноевыми: это начало Нестора и находится во всѣхъ Сборникахъ и служитъ имъ основаніемъ. Издатель, видя тоже въ напечатанныхъ Академіею Наукъ Лѣтописяхъ Никоновской и Кенигсбергской, или Радзивиловской, разсудилъ за благо первые 120 листовъ своей рукописи, содержащіе произшествія до 1206 года, коимъ прерывается Кенигсбергская, оставить и начать съ слѣдующаго 1207 года, назвавъ сіе продолженіемъ Нестора. — Но въ Кенигсбергской Лѣтописи не одинъ Несторъ; ибо отецъ нашего бытописанія отошелъ въ горняя въ началѣ XII вѣка, слѣдовательно не могъ описывать произшествій цѣлаго столѣтія послѣ своей кончины.

3) Въ сокращенномъ Лѣтописцѣ рукописи подъ № 486-мъ находятся извѣстія, коихъ нѣтъ въ Лѣтописцѣ № 789. Это заставило издателя тихомолкомъ перенести ихъ въ свое изданіе и размѣстить по хронологіи. Но не всѣ онѣ удостоены сей чести: нѣкоторыя непонравились издателю и оставлены въ забвеніи. Странный образецъ хищенія въ области Кліо!

4) За пятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, Князь Щербатовъ издалъ *Царственную Книгу*. Въ рукописи подъ № 486-мъ таже Лѣтопись, но съ разнословіями. Издателю не было до сего дѣла: „что нѣсколько

схоже, того и не нужно"—вотъ его правило, новое въ исторической критикѣ.

Такимъ образомъ, въ изданномъ 1784 года *Лѣтописцѣ служащемъ продолженіемъ Несторову*, ученый свѣтъ имѣетъ двѣ изуродованныя Кирилло-Бѣлозерскія рукописи, нынѣ въ Синодальной Библіотекѣ подъ № 789 и 486-мъ, безъ начала, безъ конца и съ разными превращеніями. Ими пользовался Князь Щербатовъ и въ одну заглядывалъ Карамзинъ. Procul este profani!...

Чтожь дѣлать съ этими книгами?—Рукопись подъ № 789, въ коей содержится Лѣтопись Нестора напечатать вполнѣ, безъ всякихъ отъятій и вставокъ, съ буквальною точностію. За тѣмъ не совсѣмъ безполезно помѣстить краткій Лѣтописецъ, занимающій первые 114 листовъ рукописи подъ № 486. Чтожь касается до подробной Лѣтописи первыхъ двухъ десятилѣтій правленія Царя Іоанна, то сличивъ ее съ напечатанною Княземъ Щербатовымъ Царственною Книгою, варіанты присоединить къ концу изданія. Невѣжественные издатели, подобные трудившемуся надъ вышедшимъ въ 1784 году изъ Синодальной Типографіи *Лѣтописцемъ, служащемъ продолженіемъ Несторову*, не должны касаться дѣла, имъ совершенно неизвѣстнаго: оно требуетъ довольныхъ свѣдѣній, способности, своего рода пріемовъ и навыка. Только сей недостатокъ качествъ, необходимыхъ въ ученомъ издателѣ историческихъ памятниковъ, виною, что всѣ, изданные въ прошломъ столѣтіи Лѣтописцы мало годны".

Въ заключеніе, П. М. Строевъ, обратясь къ Предсѣдателю Общества сказалъ: „не могу не замѣтить, что сіе дѣло и намъ не совсѣмъ чуждо. Съ 1823 года, епохи возстановленія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Вашего Превосходительства, мы не могли еще избрать Лѣтописей, кои можно было бы напечатать; а по § 2-му Высочайше утвержденнаго Устава ето главное наше дѣло. Не благоугодно ли будетъ обратить хотя начатокъ трудовъ Общества на изданіе сихъ двухъ Кирилло Бѣлозерскихъ рукописей. Мы можемъ усовершить наше предпріятіе, прибѣгнувъ къ другимъ пособіямъ. Книгохранилище ревностнаго споборателя Отечественной Кліо, Графа Ѳ. А. Толстова, для насъ удободоступно: оно представитъ намъ нѣсколько лѣтописей, кои можно употребить къ сличенію. Совершивъ сіе дѣло, мы представимъ ученому свѣту почти первое сводное изданіе Лѣтописей: трудъ достойный бытія нашего Общества, коего столь долго, и, къ сожалѣнію, тщетно ожидаютъ любознательные современники. Я увѣренъ, что и Святѣйшій Сvнодъ, ревнуя общей пользѣ, не откажетъ намъ въ правѣ сего изданія и благословитъ наше начинаніе" (*Тр. и Лѣтоп. Общ. Исторіи и*

Древн. Россійск. ч. III, кн. 2, 1827, стр. 130). Относительно Святѣйшаго Сунода, Строевъ не ошибся. Въ засѣданіи Общества, 26-го марта 1826 года, было читано отношеніе Архіепископа Московскаго Филарета, въ которомъ Высокопреосвященный извѣщалъ Общество „о согласіи Святѣйшаго Сунода предоставить оному Обществу изданіе двухъ Кирилло-Бѣлозерскихъ рукописей“ (ibid, стр. 165). Затѣмъ въ засѣданіи 17-го мая 1826 году Строевъ читалъ о *Лѣтосчисленіи въ Несторѣ Лѣтописцѣ* и представилъ образецъ сводиаго изданія шести списковъ Кирилло-Бѣлозерскаго Лѣтописца, что̀ и одобрено было Обществомъ (стр. 176). Но и этому предпріятію не суждено было осуществиться; впрочемъ, на этотъ разъ не по винѣ Общества. Въ засѣданіи 14-го мая 1829 года „было разсуждаемо о принятіи мѣръ къ предначертанному изданію Кирилло-Бѣлозерскаго Лѣтописца, порученнаго Строеву, который, за Археографическимъ путешествіемъ по Россіи, отказался отъ исполненія сего порученія, и возвратилъ обѣ рукописи Обществу“ (*Тр. и Лѣт.* М. 1837, стр. 134).

Въ заключеніе этой главы мы должны сказать нѣсколько словъ о журнальной дѣятельности П. М. Строева. Мы уже видѣли, что съ 1814 до 1822 года Строевъ помѣщалъ свои статьи только на страницахъ *Сына Отечества*. Въ описываемое же время, т. е. съ 1823 до 1827 года мы встрѣчаемся съ его статьями почти исключительно въ *Сѣверномъ Архивѣ*, который съ 1822 по 1824 годъ издавался Булгаринымъ; а съ 1825 по 1828 годъ Булгаринымъ и Гречемъ.

Письменныя сношенія Булгарина съ Строевымъ начались въ мартѣ 1824 года. Отъ 29-го числа этого мѣсяца Булгаринъ писалъ къ Строеву: „Не знаю, что дѣлать, сижу пригорюнившись и пою раздумывая объ васъ: *чѣмъ тебѣ я огорчила*. Отъ вашего выѣзду изъ Питера ни одной грамотки не пустили ко мнѣ. За что гнѣвъ и немилость? Я люблю васъ душевно и почитаю искренно. Вамъ я обязанъ прекрасною статьею, но въ милліонъ разъ болѣе знакомствомъ В. Д. Сухорукова, съ которымъ я искренно подружился. Что это за человѣкъ!—Что за душа! Что за умъ! Ангелъ, и полно. — Пожалуйста..... не забывайте меня и украсьте Архивецъ вашими жемчужинами, сирѣчь статьями. Тряхните карманомъ.—У васъ вѣрно богатый запасъ и подѣлиться право не грѣхъ“ (*Письма*, I, № 80). Въ слѣдующемъ 1825 году Строевъ „тряхнулъ карманомъ“, напечатавъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* статью *Объ изданіи выписокъ изъ Хронографовъ* (ч. 14 № 7, стр. 298), содержащую въ себѣ то самое, что онъ читалъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ 1826 году въ томъ же журналѣ Строевъ помѣстилъ другую замѣчательную статью о *Византійскомъ источникѣ Нестора* (ч. 21, № 11, стр. 217), о

которой мы уже имѣли случай упоминать, когда говорили объ изданіи *Софійскаго Временника*; а теперь замѣтимъ только, что это произведеніе Строева до такой степени замѣчательно, что Императорская Академія Наукъ, чрезъ сорокъ почти лѣтъ, по предложенію досточтимаго Академика И. И. Срезневскаго, признала полезнымъ перепечатать его въ своихъ изданіяхъ (*Зап. Имп. Акад. Наукъ* VI, кн. I. Спб. 1864., стр. 137—141). И такъ, *Сѣверный Архивъ* въ прямомъ смыслѣ украшался статьми, или, какъ ихъ самъ Булгаринъ называлъ, *жемчужинами* Строева. Кромѣ того въ изданіи Булгарина, Строевъ помѣстилъ: 1) Коротенькій церемоніалъ брачнаго сочетанія Царевича Алексѣя Петровича съ Принцессою Вольфенбютельскою въ городѣ Торгау (1826 г., ч. 24, № 23 и 24, стр. 161). 2) Двѣ весьма важныя грамоты, хранящіяся въ Сійскомъ монастырѣ — одну отъ Царя Бориса къ игумену Іонѣ объ унятіи старца Филарета (Боярина Өедора Никитича Романова), чтобы онъ не позволялъ себѣ своеволія; вмѣстѣ съ тѣмъ приказывалось, чтобы разговоры Филарета записывались и присылались къ Царю. Другая грамота Владислава Жигимонтовича Вологодскимъ и Двинскимъ таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ, о не взиминіи пошлинъ съ двухъ дощанниковъ Сійскаго монастыря, которые ходятъ съ Холмогоръ съ солью, 1610 года (1827 г., ч. 25, № 1, стр. 25); 3) Два собственноручныхъ письма Петра I къ Петру Андреевичу Толстому: одно 1706 года, съ повелѣніемъ оставаться Толстому при прежнихъ дѣлахъ; другое 1708 года съ увѣреніемъ, что враги не могутъ помрачить истины, что Царь не забудетъ добра, и что онъ можетъ быть спокоенъ (1827., ч. 26 № 8, стр. 335). Кромѣ того, Строевъ помѣстилъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* еще четыре жалованныя грамоты: 1) 1620 года, Царя Михаила стольнику Василью Ивановичу Стрешневу, за его службу въ Устюгѣ Великомъ и на Москвѣ при Царѣ Шуйскомъ; 2) 1620 года, жильцу Ивану Прокофьевичу Бестужеву за его службу во время осады Москвы Владиславомъ; 3) Грамоту Патріарха Филарета вдовѣ Оринѣ Рагозиной на помѣстье ея мужа съ обязанностію сыну ея Петру нести патріаршую службу, и 4) 1695 года, царей Іоанна и Петра стольнику Петру Дмитріевичу Давыдову за его службу во время нашествія на Малороссійскіе города Турокъ и Крымцевъ (1827, ч. 28, № 12, стр. 3). Въ началѣ 1827 года, Строевъ отправилъ въ *Сѣверный Архивъ* нѣсколько статей, которыя, однако, не пришлись по вкусу редактора. По поводу этихъ статей Булгаринъ въ мартѣ того же года написалъ къ Строеву слѣдующее письмо: „Во всѣхъ сношеніяхъ, искренность должна руководствовать людей честныхъ и правдивыхъ: это знакъ уваженія взаимнаго. По совѣсти долженъ вамъ сказать, что прислан-

ныя вами статьи, по моему мнѣнію не, имѣютъ той важности, какую вамъ угодно было дать въ примѣчаніяхъ къ онымъ. О челобитной полковника Дейдута—вы говорите: „актъ интересный для будущаго жизнеописателя сподвижниковъ Петра Великаго". — Помилуйте! Что за сподвижникъ Дейдутъ? Какое сродство имѣетъ бродяжническая его жизнь съ Русской Исторіей? — Статистика Владимірскаго намѣстничества отъ 1792 до 1796 г. не имѣетъ никакой занимательности. У меня цѣлые ящики набиты этими старыми шпаргалами, присланными подъячими изъ разныхъ мѣстъ. Печатать этого я не хотѣлъ и не стану. Хорошо было бы, еслибъ эта *древняя* статистика напечатана была съ *новою* съ *нынѣшнею*, но говорить читателямъ: что любопытно бы сравнить эту старь съ новыми извѣстіями—значитъ просто насмѣхаться надъ ихъ добродушіемъ. Наше дѣло сравнивать, а не читателей. Вотъ вамъ, почтенный, мое и Н. И. Греча сужденія о присланныхъ статьяхъ; мы душевно увѣрены, что вы о нихъ также думаете, ибо знаемъ вашъ умъ и познанія. Какъ вы заняты службою и дѣлами, то неугодно ли перемѣнить условія сотрудничества. Мы вамъ предлагаемъ 40 р. за печатный листъ оригинальный, или за историческія извлеченія, примѣчанія, критику и т. п. Этого не даетъ ни одинъ книгопродавецъ, а между тѣмъ мы не можемъ поступать иначе. Наши мѣсячные сотрудники, во всемъ смыслѣ слова, наполняютъ журналъ: за двѣ же или за одну статейку въ годъ, мы не можемъ платить 1200 р. Разсудите сами и отвѣчайте искренно и безъ гнѣва: мы васъ всегда любимъ и уважаемъ и потому говоримъ правду матку.... Деньги щетъ любятъ. Статьи имѣемъ честь препроводить обратно. Надѣюсь, я и Н. И. Гречь, что искреннее объясненіе не разстроитъ нашего добраго согласія. Деньги счетъ любятъ" (*Письма*, I, 124).

Послѣ этого „правдиваго" письма, Строевъ прекратилъ всякія сношенія съ *Сѣвернымъ Архивомъ*.

VIII.

31-го марта 1825 года, Павелъ Михайловичъ Строевъ, по приглашенію Графа Ѳедора Адреевича Толстаго, принялъ на себя „званіе и обязанности смотрителя за его библіотекою".

Приступая къ описанію дѣятельности Строева по этой должности, мы считаемъ долгомъ почтить память Сановника и Мецената и за-

свидѣтельствовать, что по имѣющимся у насъ источникамъ образъ Графа Ѳедора Андреевича рисуется въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ, въ противоположность тому какъ представленъ онъ въ Запискахъ роднаго племянника Графа, извѣстнаго художника Графа Ѳ. П. Толстаго (*Рус. Стар.* 1873 г. VII, 48, 49).

Графъ Ѳедоръ Андреевичь по прямой линіи происходилъ отъ извѣстнаго сподвижника Петра Великаго Графа Петра Андреевича Толстаго, который въ царствованіе Петра II-го лишенъ былъ чиновъ, знаковъ отличія и деревень, и сосланъ на вѣчное заточеніе въ Соловецкій монастырь, гдѣ и скончался 17-го февраля 1729 года.

Графъ Ѳедоръ Андреевичь родился 16-го декабря 1758 года. Службу свою началъ въ гвардіи и еще въ царствованіе Екатерины Великой вышелъ въ отставку капитаномъ. Женатъ онъ былъ на единственной дочери богатаго купца старовѣра Степанидѣ Алексѣевнѣ Дурасовой. Московскій домъ Графа Ѳедора Андреевича былъ чрезвычайно богато убранъ и наполненъ бронзою и фарфоромъ. Его парадные обѣды и балы были лучшіе въ Москвѣ (*Русск. Стар.* 1873, стр. 48, 49). Къ сожалѣнію, ничего не извѣстно, когда и по какому случаю развилась въ Графѣ страсть къ Русскимъ Древностямъ, одухотворившая его жизнь. Можемъ только догадываться, что къ возрожденію этой благородной страсти въ душѣ Графа способствовали: фамильныя историческія преданія, Вѣкъ Екатерины Великой и, наконецъ, связь его чрезъ женитьбу съ старовѣрами, этими, по счастливому выраженію П. М. Строева, „попечителями нашихъ древностей". Какъ бы то ни было, Графъ Ѳедоръ Андреевичь въ теченіи многихъ лѣтъ, отъ избытковъ достоянія, пріобрѣталъ письменные памятники Славянорусской Литтературы и Библіотека его заняла свое мѣсто между богатѣйшими Московскими библіотеками. Она уцѣлѣла при великомъ пожарѣ Москвы, въ который погибли богатыя собранія рукописей Графа А. И. Мусина-Пушкина, профессора Баузе и Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Послѣ 1812 года книгохранилище Графа Толстаго получило значительное приращеніе покупкою около двухъ сотъ книгъ, находившихся въ многочисленной нѣкогда библіотекѣ князя Д. М. Голицына, въ его подмосковномъ селѣ Архангельскомъ; потомъ поступили рукописи П. П. Бекетова. Но всего болѣе содѣйствовали умноженію книгохранилища „предпріимчивые торговцы: подстрекаемые желаніемъ выгоды, они привозили письменные памятники отъ всѣхъ краевъ Россіи" (*Обстоятельное Описаніе,* стр. IV—VI). Графъ Ѳедоръ Андреевичь, „исторгая письменныя сокровища изъ рукъ невѣжества", не желалъ таить ихъ отъ ученыхъ. Еще въ 1813 году у него завязалось знакомство съ Калайдовичемъ (*Безсоновъ,*

стр. 26), а въ 1818 году Графъ пригласилъ его и Строева описать свою библіотеку. Отъ 4-го марта того же 1818 года Калайдовичь писалъ къ Графу Румянцову: „На сихъ дняхъ съ помощію г. Строева началъ описаніе славной библіотеки Графа Ѳ. А. Толстаго, которая много обѣщаетъ важнаго“ (*Безсоновъ*, стр. 82). Въ свою очередь, графъ Румянцовъ просилъ Строева увѣдомить: скоро ли будетъ оконченъ каталогъ рукописей Графа Толстаго: „Я очень любопытенъ имѣть свѣдѣніе о его библіотекѣ, и надѣюсь также, что если случится вамъ при описи сей, или другимъ случаемъ что либо открыть важное изъ древнихъ нашихъ рукописей, то меня безъ отлагательства увѣдомить изволите“.... (*Письма*, I, № 30). Описаніе и печатаніе каталога продолжалось безъ малаго семь лѣтъ. Еще прежде выхода въ свѣтъ этого *перваго* въ нашей Литтературѣ Описанія рукописей, оно подвергалось разнымъ нареканіямъ, которыя смущали Графа Толстаго, такъ что Калайдовичь еще въ 1822 долженъ былъ объяснять ему: „Если историкъ объявляетъ требованія, чтобы въ нашемъ Каталогѣ показаны были всѣ отличія, находящіяся въ Хронографахъ и сдѣланы изъ оныхъ выписки, то такое же на сіе имѣютъ право и ораторъ, и стихотворецъ, и медикъ, и математикъ. Славный Линде справедливо порицалъ Сопикова за выписки въ его Библіографіи, ибо это можно допустить только въ исторіи словесности. Нашимъ руководствомъ служитъ извѣстнѣйшій Каталогъ Маттея Греческимъ рукописямъ Синодальной Библіотеки.... При составленіи Каталога мы пользуемся прочными правилами, которыя удержавъ до конца изданія, можемъ быть увѣрены въ безсиліи нареканія“ (Безсоновъ, *К. Ѳ. Калайдовичь*, стр. 130).

Нареканія эти главнѣйшимъ образомъ шли отъ Государственнаго Канцлера, который въ это время *только* собирался описывать свои рукописи и совѣтовался объ этомъ съ Академикомъ Кругомъ, и послѣдній, по свидѣтельству Куника, указалъ Канцлеру на Востокова. Само собою разумѣется, Графу Румянцову было очень непріятно читать слѣдующія строки Кіевскаго Митрополита Евгенія, отъ 20-го января и 8-го февраля 1824 года: „Графа Толстаго каталогъ уже конченъ и прославитъ нашу древнюю словесность, какъ сочинителей и хозяина библіотеки. Иностранцы давно имѣютъ у себя такіе каталоги. Востокова, не смотря на его отговорки, нужно побуждать къ скорѣйшему изданію хотя какихъ-нибудь правилъ Славяно-русской Палеографіи и къ описанію рукописей Вашего Сіятельства. Примѣръ Графа Толстаго достоинъ подражанія“. На это Государственный Канцлеръ съ видимою досадою отвѣчалъ Митрополиту (отъ 23-го февраля): „Востоковъ составляетъ описаніе моихъ рукописей. Онъ уже находитъ, что

я богаче рукописями на пергаментѣ, нежели Графъ Толстой. Каталогъ же его трудовъ будетъ лучше обработанъ, нежели каталогъ Графа Толстаго; при томъ надобно вамъ сказать, что онъ ничто иное, какъ подражаніе, нѣсколько уже лѣтъ составленному по моему приказанію и плану, каталогу рукописей, хранящихся по монастырямъ около Москвы. Напечатаніе же сего каталога затѣмъ я пріостановилъ, что до сихъ поръ не могу я добиться, чтобы для пополненія его г. Калайдовичь съѣздилъ въ Троицкую лавру и описалъ тамошнія рукописи" (*Переписка*, III, 100, 101). Но Митрополитъ Евгеній стоялъ на своемъ и отъ 23-го ноября 1824 года писалъ Румянцову: „Каталогъ Графа Толстаго много просвѣтилъ насъ, того же ожидаемъ мы и отъ Каталога Вашего Сіятельства" (*ibid*, 116).

Предпріятіе Графа Толстаго до такой степени тревожило Канцлера, что онъ, предъ самымъ выходомъ въ свѣтъ *Описанія рукописей* поручилъ Малиновскому „развѣдать подъ рукою, что Графъ Толстой воздалъ Калайдовичу и Строеву за ученую редакцію Каталога его рукописей" (*Неизд. Переп. Государств. Канцл.*). Графъ Румянцовъ такъ и не имѣлъ утѣшенія видѣть въ печати Описаніе своихъ собственныхъ рукописей, которое, какъ извѣстно, вышло въ свѣтъ далеко послѣ его кончины, именно въ 1842 году. Каталогъ же Графа Толстаго выпущенъ былъ еще при жизни Государственнаго Канцлера, въ самомъ началѣ 1825 года, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Обстоятельное Описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ тайнаго совѣтника, сенатора Двора Его Императорскаго Величества дѣйствительнаго камергера и кавалера графа Ѳедора Андреевича Толстова. Издали К. Калайдовичь и П. Строевъ. Москва, въ типографіи Селивановскаго, 1825. 8*^{0}.

Издатели, слѣдуя Монфокону и Маттею, распредѣлили въ своемъ каталогѣ рукописи по форматамъ, находя всякій другой болѣе систематическій порядокъ „совершенно не возможнымъ" (стр. VII, VIII). Для удобства же пользованія приложили *Указатель собственныхъ именъ, географическихъ названій, ученыхъ предметовъ.*

Въ предисловіи издатели объяснили, что они „не дерзаютъ мыслить, чтобы ихъ трудъ—*первый* въ неизвѣстной у насъ наукѣ описанія рукописей—могъ быть на должной степени совершенства: имъ извѣстно, что знанія библіографическія, какъ и всѣ другія, совершенствуются временемъ и опытностію" (стр. LXII, LXIII). Затѣмъ отдана была справедливая похвала „безкорыстной любви къ просвѣщенію", которая одушевляетъ почтеннаго собирателя библіотеки. По объясненію издателей, Графу Толстому „неизвѣстна жалкая склонность библіотафовъ, сберегающихъ литтературныя достопамятности, кажется, съ тѣмъ,

чтобы первый нещастный случай могъ истребить ихъ удобнѣе. Единственно отъ сего сколько драгоцѣнныхъ библіотекъ погибло безъ всякой пользы для просвѣщенія? Хранилище нашего Патріота доступно всѣмъ изыскателямъ древности. Россійскій Исторіографъ извлекъ изъ него многіе матеріалы для безсмертнаго своего творенія; и другіе ученые имъ пользовались. Но какія богатства Славянской литературы сберегаются еще для будущихъ изыскателей?" (стр. LXII, LXIV).

Этотъ новый трудъ Строева, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣченъ былъ весьма непріязненно Графомъ Румянцовымъ, который по поводу его писалъ Востокову (отъ 1-го мая 1825 г.): „Окончивъ чтеніе изданнаго Каталога манускриптовъ, принадлежащихъ Графу Толстому, я сознаю охотно, что сей трудъ г. Строева принесетъ пользу. Но трудъ сей, не думаю, чтобы въ полной мѣрѣ удовлетворилъ то нетерпѣніе приличное, съ каковымъ его ожидали знатоки въ древностяхъ нашихъ. Начертанія почти всѣ поверхностны и настоящихъ замѣчаній не содержатъ" (*Переписка А. Х. Востокова*, изд. Срезневскимъ, Спб. 1873 года, стр. 203); Графъ Румянцовъ, перечитывая Каталогъ, нашелъ въ описаніи одной рукописи (Отд. I, № 292, ст. 3, стр. 138) опечатку, изъ за которой поднялъ настоящую бурю въ стаканѣ воды. Дѣло вотъ въ чемъ: въ упомянутой рукописи XVI вѣка напечатано: „Повѣсть откровенія преподобнаго отца нашего *Архіепископа*, пустынножителя и паломонаря всеславнаго и честнаго храма Архангела Михаила, иже въ Хонѣхъ". Выраженіе *Архіепископа паломонаря* изумило Румянцова и онъ чрезъ Малиновскаго требуетъ отъ Калайдовича объясненія. Калайдовичь отвѣчаетъ, что въ Каталогѣ по ошибкѣ напечатано *Архіепископа* вмѣсто *Архиппа*. Тѣмъ дѣло должно было бы и кончиться; но Румянцовъ этимъ неудовольствовался и обращается къ своему *la loi et les prophetes*—Востокову съ просьбою сказать ему „искренно и строго" объ его „возраженіи"; а Востоковъ, вмѣсто того, чтобы отвѣтить Графу простою справкою съ Мѣсяцословомъ, гдѣ подъ 6 сентябремъ значится: „Преподобнаго *Архиппа* въ Хонѣхъ", отвѣчаетъ цѣлою диссертаціею, гдѣ безпокоитъ и Болландистовъ, и Ассеманія, и Дюканжа, и все это для того, чтобы доказать, что въ Каталогъ Графа Толстаго вкралась опечатка: *Архіепископъ* вмѣсто *Архиппа* (*Переписка А. Х. Востокова*, стр. 219—222, 225, 226). Мало того, Графъ Румянцовъ благодаритъ Востокова за то, что онъ „пространно учеными свѣдѣніями" рѣшилъ то недоумѣніе, въ которое ввели его „сочинители Каталога рукописей Графа Толстаго". Хотя отвѣтственность за эту опечатку равномѣрно падала на обоихъ издателей, но Графъ Румянцовъ обрушиваетъ свое напрасное негодованіе на одномъ Строевѣ, который, какъ ему „кажется, часто

обличаетъ больше самонадѣянность на себя, нежели какія либо ученыя свѣдѣнія“ (стр. 228). Самъ же Графъ Ѳ. А. Толстой отнесся къ этой бурѣ, поднятой Графомъ Румянцовымъ и благоразумно и благодушно. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу къ Строеву: „Не худобъ вы сдѣлали кабы взяли когда нибудь трудъ пересмотрѣть (Каталогъ) хорошенько: найдя ошибки можно, въ какомъ нибудь журналѣ, объяснить ихъ; ето не будетъ намъ стыдно, ибо пословица говоритъ, что первую пѣсенку зардѣвшись пѣть, а мы поемъ первую, которая можетъ послужить пользою для другихъ, пожелающихъ слѣдовать намъ“ (*Письма*, I, № 106).

Нападки Графа Румянцова, разумѣется, не могли помѣшать правильной оцѣнкѣ труда Калайдовича и Строева. Мы уже знаемъ какъ отозвался о немъ Высокопреосвященный Евгеній. Теперь выслушаемъ мнѣніе объ этомъ трудѣ извѣстнаго Виленскаго Профессора Лобойки: „Каталогъ сей, къ совершенству котораго затѣйливыя мои желанія ничего придумать не могутъ, почитаю я *камнемъ краеугольнымъ въ основаніе полной Исторіи Славено-Россійской Литтературы.* При семъ пособіи мы не станемъ болѣе предлагать ее въ *видѣ вступленія въ Россійскую*... Графа Толстаго Виленскій Университетъ намѣренъ по поводу Каталога вашего избрать почетнымъ членомъ. П. М. Строевъ и вы поддерживаете все зданіе нашей Словено-Филологіи“ (*Безсоновъ*, стр. 123). А вотъ еще письмо нашего соотечественника, жившаго на чужбинѣ, достопочтеннаго Протоіерея нашей миссіи въ Лондонѣ Іакова Смирнова къ Графу Ив. Ст. Лавалю (отъ 17 октября 1825 г.): „Нѣсколько времяни предъ симъ я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 4/16 августа и при немъ пріятнѣйшій для меня подарокъ два экземпляра Описанія Славяно-Россійскихъ манускриптовъ, принадлежащихъ Его Сіятельству Графу Федору Андрѣевичу Толстому... Случилось, что въ тотъ самый день по утру, въ который получены сіи книги, я увидѣлъ въ *Сѣверной Пчелѣ* объявленіе о напечатаніи сего *Описанія* и мое любопытство и желаніе видѣть оное столь были тронуты, что я рѣшился было при первомъ случаѣ писать къ моимъ пріятелямъ въ С.-Петербургъ, чтобы мнѣ оный прислали. Извольте же представить, сколь мнѣ было пріятно, въ тотъ же самый день, вовсе неожиданно, и какъ будто чрезъ посредство волшебнаго жезла, получить совершенное удовольствіе моему желанію... Въ семъ *Описаніи* находится премного весьма любопытныхъ рукописей, за собраніе и за сохраненіе коихъ Россія крайнѣ одолжена Графу Федору Андреевичу, и надѣюсь, что съ позволенія Его Сіятельства многое будетъ издано въ свѣтъ для пользы Общества; ибо сколько бы манускрипты не были

любопытны, но доколь содержаніе ихъ не обезпечено типографіею, до тѣхъ подъ подвержено тысячѣ разныхъ случайностей и опасностей. Желательно, очень желательно, чтобы по примѣру сдѣшней земли составилось у насъ Общество достаточныхъ и благорасположенныхъ любителей наукъ и отечества, кои захотѣли бы пожертвовать нѣкоторою суммою для изданія въ печать тѣхъ древнихъ рукописей, кои окажутся того достойными". Изъ подаренныхъ Протоіерею двухъ экземпляровъ, одинъ онъ предполагалъ отдать въ библіотеку Британскаго Музеума, „чтобы любопытные и знающіе нашъ языкъ могли видѣть, сколь Россія богата разными источниками для учености и исторіи и коль усердныхъ имѣетъ сыновъ для собранія и сохраненія сихъ драгоцѣнностей" (*Письма*, I, № 114).

Мысль, возбужденная трудомъ Калайдовича и Строева и выраженная въ 1825 году въ вышеприведенномъ письмѣ какъ *благочестивое желаніе*, осуществилась пятьдесятъ два года спустя, когда *нѣсколько достаточныхъ и благорасположенныхъ любителей наукъ* и *отечества* соединились и образовали въ С.-Петербургѣ *Общество Любителей Древней Письменности*, которое уже открыло свою дѣятельность „на благое просвѣщеніе".

Весною 1825 года Строевъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, куда переселился и Графъ Толстой, изъ Москвы, съ Большой Дмитровки, гдѣ въ собственномъ домѣ Графа помѣщалась и Библіотека его. Мы уже видѣли, что въ Петербургѣ Строевъ получилъ отъ Графа предложеніе принять на себя „званіе и обязанности смотрителя за его библіотекою". Строевъ охотно принялъ это предложеніе и обязался: составить подробное описаніе старопечатныхъ славянскихъ и русскихъ книгъ; издавать повременно *Извлеченія* изъ важнѣйшихъ и примѣчательнѣйшихъ рукописей, на подобіе Французскаго изданія Notices et extraits des manuscripts de la Bibliotheque du Roi; показывать библіотеку любопытнымъ посѣтителямъ, отвѣтствовать на запросы и требованія людей ученыхъ. Съ своей стороны Графъ Толстой обязался платить Строеву ежемѣсячно по 150 рублей ассигн. Обо всемъ этомъ Павелъ Михайловичъ довелъ до всеобщаго свѣдѣнія, чрезъ *Сѣверную Пчелу* (№ 41).

Отношенія Калайдовича къ Строеву всегда были двусмысленны и не искренны, но послѣднее порученіе, возложенное Графомъ Толстымъ на Строева, окончательно раздражило Калайдовича и онъ откровенно писалъ Графу Толстому слѣдующее: „Письмо Вашего Сіятельства, отъ 4-го марта 1825 года, столь несогласное съ объявленіемъ, появившимся въ *Сѣверной Пчелѣ*, поставило меня въ величайшее недоумѣніе и всѣхъ тѣхъ, которые знали пятнадцатилѣтнее мое знаком-

ство съ Вашимъ Сіятельствомъ и то живѣйшее участіе, какое я принималъ въ судьбѣ вашей Славяно-Россійской библіотеки. Но Ваше Сіятельство допустили, какъ я полагалъ прежде, насильственно завладѣть моими трудами... Послѣднее письмо Вашего Сіятельства показало мнѣ, что это согласно съ вашимъ желаніемъ. Не смотря на оскорбленіе мнѣ нанесенное, я всегда уважая вашу особу, и по нынѣ стараюсь дѣйствовать съ истиннымъ къ вамъ благорасположеніемъ" (*Безсоновъ*, стр. 132). Графъ послалъ отвѣтъ на это письмо черезъ Строева и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ послѣднему: „Прискорбно мнѣ слышать, что г. Калайдовичь на меня и на васъ остается въ неудовольствіи на свой счетъ; но, кажется, мы оба передъ нимъ не согрѣшили. Я хотябъ и желалъ просить его заняться тѣмъ, чѣмъ вы теперь будете заниматься; но во первыхъ заочно не ловко ето дѣлать, во вторыхъ я знаю, что онъ столько обремененъ дѣлами, что едвали успѣетъ моимъ заниматься и въ такое время кончить какъ вы взялись. Вотъ мои предъ нимъ оправданія, но и вы кажется не болѣе моего предъ нимъ согрѣшили; но совсѣмъ тѣмъ однакоже мнѣ очень непріятно, что онъ на меня сердится; я право не привыкъ никого огорчать, особенно тѣхъ людей, которые для меня трудились; пожалуйте скажите ему ето" ... (*Письма*, I, № 99). Въ другомъ письмѣ Графъ пишетъ Строеву: „Когда-бъ вы примирились съ Калайдовичемъ, то большое-бъ удовольствіе мнѣ сдѣлали; кажется дѣлить вамъ нечего, а по вашимъ занятіямъ вы одинъ другому полезны быть можете" (*Письма*, I, № 101). Желаніе благодушнаго Графа исполнилось только впослѣдствіи, когда Калайдовичь переживалъ послѣдній и несчастный періодъ своей жизни; но объ этомъ скажемъ въ свое время.

П. М. Строевъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ издалъ *Первое прибавленіе къ Описанію Славяно-Россійскихъ рукописей*. Здѣсь описано пятнадцать вновь пріобрѣтенныхъ рукописныхъ книгъ. Графъ Румянцовъ поручилъ Калайдовичу купить для него экземпляръ этой брошюры, но Калайдовичь отвѣчалъ, что требуемаго *Прибавленія* нѣтъ ни въ одной изъ Московскихъ книжныхъ лавокъ, нѣтъ и въ Конторѣ Графа Толстаго и что г. Свиньинъ, проѣзжая чрезъ Москву на Кавказъ, сказывалъ, что „всѣ пятнадцать рукописей, въ ономъ *Прибавленіи* описанныя, принадлежатъ ему и онъ отнюдь не уступалъ ихъ владѣтелю Библіотеки (*Безсоновъ*, стр. 190). Графъ Толстой, узнавъ объ этомъ заявленіи Свиньина, писалъ къ Строеву: „На счетъ отношенія Свиньина обо мнѣ я весьма равнодушенъ, онъ очернить меня не въ состояніи; я очень жалѣю, что связался съ нимъ" (*Письма*, I, № 114). Въ этомъ курьезномъ

дѣлѣ принялъ участіе и П. И. Кеппенъ. Онъ совѣтовалъ Графу Толстому возвратить Свиньину манускрипты, но Графъ отвѣчалъ, что не помнитъ какіе именно манускрипты получилъ отъ Свиньина. Завязалась переписка между Кеппеномъ и Строевымъ. Въ концѣ концовъ самъ Свиньинъ сталъ осаждать Графа Толстаго требованіями возвратить манускрипты. По поводу этихъ требованій Графъ писалъ къ Строеву: „Съ мѣднымъ лбомъ я очень желаю развязаться, онъ мнѣ какъ горькая рѣдька надоѣлъ; одинъ хронографъ я ему возвратилъ, а протчіи по прибытіи вашемъ возвращу, жаль только, что онѣ помѣщены въ нашемъ Каталогѣ, но дѣлать нечего, развязаться съ нимъ нужно“ (*Письма*, I, № 117). Свиньинъ не оставлялъ въ покоѣ и Строева, къ которому писалъ: „Сдѣлайте одолженіе доставьте мнѣ рукописи сколь можно скорѣе, ибо всякому позволительно желать и располагать своею собственностію и со мною въ первый разъ еще случилось выдержать подобное неудовольствіе и обиду; но благодарю Бога, что выдержалъ безъ дальнихъ непріятностей“ (*Письма*, I, № 118).

Въ началѣ мая 1825 года, Строевъ, покончивъ съ изданіемъ *Перваго Прибавленія къ Описанію рукописей* Графа Толстаго, возвратился въ Москву, но по разнымъ обстоятельствамъ не могъ вступить тотчасъ же въ отправленіе своей новой должности. Графъ Толстой, въ письмѣ къ Строеву отъ 18 мая 1825 года, поспѣшилъ выразить сожалѣніе, что онъ „по сіе время не могъ вступить въ дѣло свое“ и просилъ „заняться хорошенько Каталогомъ печатныхъ книгъ и выразить важность нѣкоторыхъ изъ нихъ“ (*Письма*, I, № 99).

Нужно замѣтить, что въ Библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго, кромѣ рукописей и старопечатныхъ книгъ, хранилось также значительное количество книгъ и рукописей на иностранныхъ языкахъ. „Хотя въ условіи нашемъ“, писалъ Графъ Строеву, „на счетъ иностранныхъ книгъ ничего не сказано, но вы бывъ библіотекаремъ, надѣюсь не отречетесь въ семъ случаѣ мнѣ вспомоществовать; я имѣю хорошую оказію продать Латынскую и прочихъ языковъ мою библіотеку, для чего нужно порядочный каталогъ. Для сего прошу васъ пріискать человѣка. Въ Москвѣ разноязычнаго народу много, съ помощію небольшихъ денегъ можно найти человѣка, который объяснитъ намъ только званіе книгъ, а болѣе кажется и не нужно“ (*Письма*, №№ 99, 101). Строевъ рекомендовалъ для этого дѣла своего стараго пріятеля Януарія Осиповича Ярцова, который и занялся иностраннымъ отдѣленіемъ Графской Библіотеки, главная часть котораго находилась въ Петербургѣ.

Я. О. Ярцовъ подвизался нѣкогда на дипломатическомъ поприщѣ и участвовалъ въ качествѣ драгомана въ Персидскомъ посольствѣ Ермо-

лова. Онъ съ давняго времени принималъ участіе въ ученыхъ трудахъ своего пріятеля. Библіотека Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ владѣетъ экземпляромъ *Софійскаго Временника*, въ которомъ Ярцовъ объяснилъ по Русски всѣ восточныя слова, приводимыя *въ Путешествіи по Индіи* (Полѣновъ. *Библіогр. Обозр. Русск. Лѣтоп.*. Спб. 1850 г., стр. 101); а въ *Ключѣ* Строева къ Исторіи Карамзина, онъ вызывался просмотрѣть всю „Азіатщину" (*Письма*, I, № 161). Въ описываемое время, Ярцовъ служилъ въ Азіатскомъ Департаментѣ и занимался Абулгазіемъ. „Ты съ Каталогами", писалъ онъ Строеву, „а я съ порфироноснымъ и порфиророднымъ Татариномъ Абулгазы явимся прежде въ министерской передней просвѣщенія, а тамъ... на поприщѣ славы. Не правда ли утѣшительный и внезапный переходъ" (*Письма*, I, № 163).

Переписка между двумя друзьями началась только съ 1-го августа 1827 года и продолжалась до самой кончины Ярцова.

„Не смотря подписи, угадай отъ кого?" такъ начинаетъ Ярцовъ свое первое письмо къ Строеву, въ которомъ сообщаетъ, между прочимъ, о своемъ приступѣ къ занятіямъ въ Петербургской библіотекѣ Графа Толстаго: „...У Толстова долженъ былъ сдѣлать всѣмъ книгамъ новыя карточки. Библіотеки каталогъ мнѣ хочется разположить, какъ думаешь, по столѣтіямъ. Я написалъ небольшой взглядъ на его древнія книги и разхвалилъ. Давай Богъ успѣховъ продажѣ; а впрочемъ и въ самомъ дѣлѣ онъ имѣетъ много рѣдкостей, которыя еще умножились отъ Норова и Перовскаго. До сихъ поръ за труды ни копѣйки. Надѣйся и терпи и умри" (*Письма*, I, № 161). Самъ же Графъ Толстой такъ отзывался о своемъ новомъ библіотекарѣ: „Г. Ярцовъ составилъ только каталогъ печатныхъ книгъ, а до рукописей по сіе время еще не касался; онъ человѣкъ съ достоинствомъ, но кажется имѣетъ грѣшокъ" (*Письма*, I, № 162).

Но Графъ Ѳедоръ Андреевичь, главнымъ образомъ, интересовался Московской библіотекой и былъ очень доволенъ, когда получилъ, наконецъ, увѣдомленіе отъ Строева, что онъ нашелъ ту библіотеку въ хорошемъ порядкѣ и началъ ею заниматься. „Замокъ къ дверямъ и ключи получивъ, будете уже настоящимъ хозяиномъ библіотеки", писалъ Графъ Строеву въ іюнѣ 1825 года, при чемъ выражалъ надежду, что Строевъ представитъ публикѣ печатныя книги его библіотеки въ таковомъ же видѣ, какъ и рукописныя: „Метода, вами принятая, кажется очень хороша; но вы въ Москвѣ еще съ кѣмъ-нибудь, на сей счетъ, можете посовѣтоваться" (*Письма*, I, № 101). Графъ не могъ не обратить вниманія на появившуюся въ *Московскомъ Телеграфѣ* статью Полеваго о своей библіотекѣ, и по этому поводу писалъ Строеву: "Видно г. Полевой и по сей части довольно свѣдущъ, онъ весма хо-

рошо ее описалъ, въ концѣ замѣчанія онъ нѣсколько васъ критикуетъ; я не могу судить, справедливо это или нѣтъ, ваше дѣло, или признаться, или сдѣлать возраженіе на ето“ (*ibid*).

Въ іюнѣ 1825 года, Графъ Ѳ. А. Толстой предпринялъ путешествіе въ Финляндію для свиданія съ единственною своею дочерью, Графинею Аграфеною Ѳедоровной, бывшей замужемъ за Графомъ А. А. Закревскимъ, который въ то время былъ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Графъ дѣлился съ Строевымъ своими путевыми впечатлѣніями. Нижеслѣдующее письмо его къ Строеву написано совершенно въ духѣ древнихъ *Хоженій*: „9-го іюня я пріѣхалъ въ Торнео съ зятемъ, дочерью, и со всею ихъ свитою; 11-го, черезъ рѣку Торнео, отправились на Швецкой берегъ, откуда 80 верстъ Швецкою границею ѣхали до мѣста, гдѣ надо было опять рѣкою около часа ѣхать до горы Авессакъ, откуда на солнце смотрятъ; водою вояжъ былъ очень пріятенъ, мы на нѣсколькихъ небольшихъ лодкахъ съ пріятностію его совершили; по взбираться на превысокую гору слишкомъ двѣ версты, безо всякой тропинки, по преужаснымъ каменьямъ, было особенно для меня черезвычайно затруднительно и я даже отчаявался путь сей совершить, но превозмогши всѣ трудности, хотя не много послѣ другихъ, совершилъ его благополучно и за трудъ сей довольно вознагражденъ, ибо наслаждался такимъ пріятнымъ зрѣлищемъ, котораго достаточно описать не въ состояніи; но думаю, что вы о семъ читали какихъ-нибудь путешественниковъ, подробно зрѣлище сіе описавшихъ; скажу только, что я въ половинѣ 12 часа видѣлъ солнце коснувшееся горизонта и черезъ нѣсколько секундъ опять восходящее, ето чрезвычайно пріятно было видѣть, я весь свой трудъ забылъ и наслаждался симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ съ неописаннымъ удовольствіемъ. Вотъ вамъ самое краткое описаніе путешествія моего“ (*Письма*, I, № 101).

По возвращеніи въ Петербургъ, Графъ собирался отправиться въ Москву, но поѣздка эта не состоялась. Въ письмѣ къ Строеву, отъ 14-го сентября 1825 года, Графъ пишетъ: „Судьба планъ мой къ несчастію уничтожила и нынѣшній годъ въ Москвѣ мнѣ не бывать. Притчина сему самая основательная: я до сихъ поръ не имѣю отпуска; а время настало самое негодное, недѣли двѣ почти безпрерывные дожжи, дорога, говорятъ, совсѣмъ негодная, то я не имѣя крайней нужды, и разсудилъ остаться до будущаго года здѣсь“ (*Письма*, I, № 106).

Между тѣмъ, „ученый свѣтъ“, по словамъ *Сѣверной Пчелы* (1825 г. № 39), съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія *Извлеченій* изъ рукописей Графа Толстаго, по примѣру извѣстныхъ Парижскихъ: Extraits et

notices des manuscripts; но, къ сожалѣнію, ожиданія эти были тщетны; хотя Графъ Ѳедоръ Андреевичь и писалъ Строеву: „выписки дѣлать интересныя для публики, чтобъ по крайней мѣрѣ могли расходиться: я барышей не желаю, а хотябъ убытка за напечатаніе избавиться“. За Строевымъ дѣло не стояло; онъ уже приготовилъ для 1-й части: Выписки изъ Волынской Лѣтописи Ѳеодосія Софроновича и трехъ Сибирскихъ лѣтописей. Въ концѣ предполагалъ приложить библіографическія извѣстія о нѣкоторыхъ важныхъ рукописяхъ, какъ-то: о Діоптрѣ, о Кормчей и т. п.; для 2-й — выписки изъ Хронографовъ; для 3-й — изъ дипломатическихъ, историческихъ, топографическихъ, статистическихъ и другихъ бумагъ“ (Кеппенъ. *Библіографическіе листы*, № 31, стр. 455).

Выписки эти такъ и не выходили въ свѣтъ.

Главною специіальностію Строева было описаніе рукописей и старопечатныхъ книгъ. Кто самъ не занимался этимъ дѣломъ, тотъ не можетъ себѣ и представить всѣхъ трудностей, сопряженныхъ съ подобными занятіями, часто мелочными и въ высшей степени копотливыми. Какъ бы ни была ничтожна рукопись, какъ бы ни была избита книга, но ее все же нужно перелистать, просмотрѣть, а нерѣдко и сличить съ другими экземплярами. Эти работы требуютъ закаленнаго терпѣнія и твердой мужественной воли. Среди подобныхъ трудовъ, ободрительно было для П. М. Строева то участіе, какое принималъ въ его занятіяхъ Кіевскій Митрополитъ Евгеній. Какъ только узналъ Преосвященный, что Строевъ занимается составленіемъ Описанія старопечатныхъ книгъ, то просилъ графа Толстаго присылать ему „листочки отпечатанные“, какъ прежде пересылались къ нему „о рукописяхъ листки“ (*Письма*, I, № 99). Объ этомъ участіи Митрополита свидѣтельствовалъ Строеву самъ Графъ Ѳедоръ Андреевичь: „Сейчасъ отвезъ всѣ ваши документы къ Евгенію, который въ литературныя мои дѣла съ большимъ удовольствіемъ входитъ и совѣтами меня снабжаетъ: онъ также, какъ и я, оправдаетъ вашу мысль, дубликаты стараться промѣнивать...“ (*Письма*, I, № 111).

Заботясь о приведеніи своей библіотеки въ порядокъ, Графъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень хлопоталъ объ экономіи: „Признаться надо“, писалъ онъ Строеву, „что деньги нынѣ такъ трудны, что весьма нужно ихъ поберегать; на счотъ же продажи, какъ вы думаете, я надежды никакой не имѣю. Каталогъ рукописей моихъ есть сему хорошее доказательство... На счотъ новыхъ переплетовъ также надо постараться подешевле, я думаю можно какихъ-нибудь человѣка два переплетчиковъ, хотя неважныхъ, взять къ себѣ въ домъ; надѣюсь, что это будетъ подешевле...“ (*ibid*).

Въ то самое время, когда П. М. Строевъ неустанно трудился въ би-

бліотекѣ Графа Толстаго, П. И. Кеппенъ издавалъ свои *Библіографическіе листы* и по самому характеру своего изданія необходимо долженъ былъ поддерживать самыя живыя сношенія съ Павломъ Михайловичемъ. Отъ 6-го ноября 1825 года, Графъ Толстой писалъ къ Строеву: „я хотя и позволяю ему (Кеппену), съ своей стороны, въ *Листкахъ* его напечатать по его желанію, но однако же, безъ вашего на сіе отзыва, рѣшительнаго ничего не сказалъ; по моему мнѣнію, кажется, ето не послужитъ намъ ни мало во вредъ. И такъ ожидаю на сіе вашего рѣшенія...“ (*Письма*, I, № 112). При этомъ Графъ препроводилъ и самое письмо къ нему Кеппена, въ которомъ тотъ выражалъ желаніе напечатать въ своихъ *Листахъ* краткое извѣстіе о трудахъ Строева по Графской Библіотекѣ, разумѣется, съ согласія Строева. Въ письмѣ, между прочимъ, сказано: „Не лишайте *Листовъ* моихъ сего украшенія, которое, надѣюсь, вамъ никакого ущерба не принесетъ“ (*Письма*, I, № 113). Эта просьба была уважена и въ № 31-мъ *Библіографическихъ Листовъ* появилась статья *О первопечатныхъ и другихъ рѣдкихъ книгахъ*, въ которой приводится выписка изъ составленной Строевымъ Описи печатныхъ книгъ Московской Библіотеки Графа Толстаго (стр. 450—454).

Полезное изданіе Кеппена подверглось, однако, гоненію со стороны Магницкаго и Кеппенъ въ томъ же письмѣ пишетъ Графу: „Въ продолженіи будущаго года (1826) обстоятельства никакъ не дозволяютъ мнѣ продолжать изданіе *Библіографическихъ Листовъ*, съ которыми впрочемъ разстаюсь не охотно“ (*ibid*, № 113). За Кеппена заступился Государственный Канцлеръ графъ Румянцовъ, который, 3-го іюля 1825 года, писалъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія Шишкову: „Позвольте мнѣ, Милостивый Государь мой, обратиться къ вамъ съ покорною просьбою. Защитите пожалуйте преполезные *Библіографическіе Листы*, издаваемые г. Кеппеномъ, отъ того гоненія, которое поднялъ на нихъ г. Магницкій. Ежели онъ въ своемъ представленіи успѣетъ, какому же осужденію подвергнемся мы непремѣнно за границею, когда ученые свѣдаютъ, что у насъ сочиненіе г. Дубровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ подъ запрещеніемъ единственно потому, что сей ученый и почтенный мужъ, повѣствуетъ обстоятельства жизни ихъ не такъ, какъ описаны онѣ въ нашей Минеи-четьи. Охраните насъ отъ такого стыда“ (*Переписка, А. Х. Востокова*, стр. 231).

Но возвратимся къ П. М. Строеву. Въ концѣ 1825 года ему встрѣтилась надобность съѣздить въ Петербургъ для личныхъ переговоровъ съ Графомъ Толстымъ. На просьбу его похлопотать о „помѣщеніи“ для него, Графъ отвѣчалъ отъ 7-го декабря 1825 года: „Пріѣзду вашему я очень буду радъ. На счетъ помѣщенія твоего я никакъ

удовлетворенія сдѣлать не могу, какъ бы не желалъ самъ етого, сколко вы ни умѣреннаго требуете помѣщенія, но едвали собственно на мою персону столко останется, ибо скоро ожидаю зятя и дочери, которые всѣ мои комнаты займутъ; а я постараюсь пріискивать для васъ по близости комнату" (*Письма*, I, № 117). Только въ началѣ января слѣдующаго 1826 года Строевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился на Казачьемъ подворьѣ у извѣстныхъ уже намъ пріятелей своихъ. На этотъ разъ Павелъ Михайловичъ прожилъ въ Петербургѣ четыре недѣли и, по собственному его свидѣтельству, „большихъ хлопотъ стоило ему отклонить разныя стороннія вліянія на Графа, преодолѣть его разчетливость и уберечь Каталогъ отъ неминуемой порчи". По возвращеніи въ Москву, Строевъ получилъ слѣдующее письмо отъ Барона Г. А. Розенкампфа (отъ 4-го февраля 1826): „Не успѣлъ я, а больше не могъ, за нездоровіемъ, случившимся въ день вашего отъѣзда отъ сюда, доставить обѣщанное письмо къ Архіепископу Московскому, для врученія ему касательно допущенія васъ въ Синодальную библіотеку. Теперь спѣшу вслѣдъ за вами, вознаградить мое упущеніе и припомнить вамъ о себѣ и о моей прозбѣ принять трудъ сдѣлать розысканіе въ оной библіотекѣ о первомъ изданіи нашей Кормчей. Естли нельзя будетъ найти самаго дѣла, кому и какъ поручено было сіе изданіе, то по крайней мѣрѣ можетъ быть вы будете счастливѣй найти тотъ списокъ, съ котораго оно напечатано, и собрать сохраняющіяся еще преданія въ устахъ любителей Кормчей объ обстоятельствахъ упомянутаго изданія. Вы сами изволите знать, что кто ищетъ одного предмета, часто находитъ гораздо болѣе, нежели ожидаетъ. Имѣя дѣло съ ученымъ любителемъ и писателемъ Отечественной Исторіи, я не считаю нужнымъ распространяться о семъ болѣе" (*Письма* I, № 119). Въ этомъ же письмѣ Баронъ пишетъ, что ожидаетъ „драгоцѣнной присылки Кормчихъ Графа Ѳ. А. Толстаго". О результатахъ изысканій Строева въ Синодальной Библіотекѣ намъ не извѣстно, ящикъ же съ Кормчими изъ Графской Библіотеки, онъ поспѣшилъ отправить въ Петербургъ по оказіи, и за эту поспѣшность получилъ отъ графа Толстаго дружескій нагоняй: „Вы не хорошо, мой любезный, сдѣлали, что такія драгоцѣнности съ мужикомъ отправили, однакоже Богъ ихъ сохранилъ, онѣ доставлены, всѣ въ цѣлости. На сихъ дняхъ, пересмотря ихъ нѣсколько, самъ къ Розенкранфу (sic) отвезу. Я очень доволенъ буду, ежели онъ извлечетъ изъ нихъ полезное для публики. Также доволенъ, что и г. Машковъ дѣлаетъ изъ библіотеки нашей выписки" (*Письма*, I, 123).— Здѣсь кстати замѣтить, что Строевъ и Калайдовичь были совершенно правы, когда сказали про Графа Ѳ. А. Толстаго: „ему не извѣстна

жалкая склонность библіотафовъ, сберегающихъ литтературныя достопамятности, кажется, съ тѣмъ, чтобы первый несчастный случай могъ истребить ихъ удобнѣе. Хранилище нашего Патріота доступно всѣмъ изыскателямъ древности. Россійскій Исторіографъ извлекъ изъ него многіе матеріалы для своего безсмертнаго твеpенія; и другіе ученые имъ пользовались" (*Обст. опис. рукоп.*, стр. LXIII, LXIV). Въ этомъ заключается большая заслуга Графа Өедора Андреевича. Онъ самъ писалъ Строеву: „Чѣмъ болѣе будутъ пользоваться моею библіотекою, тѣмъ болѣе мнѣ будетъ удовольствія, ибо вамъ извѣстно, что единственная моя цѣль въ томъ и состоитъ, чтобы обществу быть полезнымъ"... (*Письма*, I, 123).

Между тѣмъ, ученые труды П. М. Строева были замѣчены и Императорскою Академіею Наукъ. Такъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до приснопамятнаго для Академіи дня 29-го декабря 1826 года, когда праздновалась столѣтняя годовщина ея существованія, Кеппенъ писалъ Строеву: „Пришлите мнѣ два экземпляра списка изданныхъ вами сочиненій. Другой я отдамъ Кругу. Нынѣ онъ имѣетъ случай предложить васъ въ члены корреспонденты" (*Письма*, I, № 138). Въ мартѣ 1827 года, Строевъ получилъ отъ Непремѣннаго Секретаря Академіи Наукъ слѣдующее оффиціальное извѣщеніе: „Императорская Академія Наукъ въ торжественномъ собраніи своемъ 29-го декабря минувшаго 1826 года, бывшемъ по случаю столѣтняго ея юбилея, въ присутствіи Его Величества Государя Императора и всей Августѣйшей Его Фамиліи избрала васъ единогласно въ число своихъ корреспондентовъ" (*Письма*, I, № 149).

Павелъ Михайловичъ весьма цѣнилъ это избраніе и до конца своей жизни сохранилъ благодарное чувство къ высшему въ Имперіи ученому сословію.

Графъ Ө. А. Толстой былъ искренно расположенъ къ Строеву, но нашлись люди, которые силились разстроить установившіяся между ними добрыя отношенія. Они шептали Графу, что Строевъ весьма рѣдко посѣщаетъ его библіотеку, что Описаніе идетъ слишкомъ медленно „и прочыя безумныя глаголы". Но козни этихъ шептуновъ могли только на время смутить прямодушнаго Графа, который подъ вліяніемъ ихъ наговоровъ писалъ Строеву (отъ 4-го января 1827 года): „На счетъ занятія твоего моею библіотекою, по совѣсти долженъ признаться, я доволенъ быть не могу, ибо успѣху очень мало вижу; полагаю, по письму твоему, что на сей разъ болѣзнь тебѣ препятствовала заниматься, о чемъ очень сожалѣю; но по выздоровленіи усердно прошу, любезный другъ, заняться библіотекой поприлежнѣе. До меня слухи доходятъ, что ты и до болѣзни весьма рѣдко библіотеку по-

сѣщаешъ; я бы не желалъ слухамъ вѣрить, но, не видя никакова успѣха, долженъ нѣсколько усомниться. Не сердись на меня, любезный другъ, за такую мою укоризну и прими ето знакомъ моей искренности и тѣмъ, что я не желаю питать къ тебѣ тайнаго неудовольствія и прямо объясняюсь“ (*Письма*, I, 145).

Павелъ Михайловичь поспѣшилъ разсѣять сомнѣнія и недоразумѣнія Графа Толстаго. Оказалось, что Графская библіотека не отапливалась зимою и по этой физической причинѣ Строевъ и не могъ посѣщать ее ежедневно. Графъ принялъ должныя мѣры къ устраненію этого неудобства и писалъ Строеву: „На счетъ моего неудовольствія въ медленности занятій вашихъ, прошу не безпокоится: причина, васъ отвлекающая исправно заниматься, отнынѣ уничтожается, я съ сею же почтою писалъ, чтобъ вамъ была теплая комната отведена, тогда я надѣюсь дѣла ваши успѣшнѣе пойдутъ. Для прибытія вашего сюда квартира вамъ готова будетъ. Прошу васъ на счетъ моего неудовольствія быть покойнымъ“ (*Письма*, I, № 148). Миръ и согласіе окончательно утвердились при личномъ свиданіи, въ февралѣ 1827 года, когда Строевъ на короткое время пріѣзжалъ въ Петербургъ и останавливался у Графа, съ которымъ, по собственному его выраженію, „объяснились и кончили“.

На поздравленіе Строева съ Свѣтлымъ Праздникомъ, Графъ отвѣчалъ, отъ 8-го апрѣля 1827 года: „Праздникомъ я вполнѣ пользуюсь, ибо качели противу самыхъ моихъ оконъ“. Въ этомъ же письмѣ онъ сообщилъ слѣдующій списокъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ имъ, по отъѣздѣ Строева изъ Петербурга:

„1) Длинный оригиналной свитокъ рядной Графа Бориса Петровича Шереметева, въ которой такія вещи написаны, что и описывать стыдно, напримѣръ: порты, штаны, и тому подобное. 2) Секретное письмо Екатерины II на счотъ Новикова и Тургенева; 3) двѣ бумаги съ подписью Петра III, одна изъ нихъ весьма интересна тѣмъ, что писана къ г. Криксъ Комисару Глебову на счотъ продовольствія корпуса, отправленнаго съ графомъ Чернышевымъ Прусскому королю на помощъ, ето очень рѣдкая; 4) пять оригинальныхъ плановъ печатныхъ: а) города Москвы въ 1610 г. б) изображеніе войны, бывшей въ 1674 году у Козаковъ съ Поляками, в) оригинальный планъ сраженія подъ Полтавою въ 1709 году, г) наиважнѣйшій планъ взятія города Смоленска Поляками въ 1634 году; 5) Географическое описаніе на Библію, Священнаго Писанія Палестины и пр.“ (*Письма*, I, № 151).

Въ срединѣ 1827 года П. М. Строевъ выпустилъ въ свѣтъ второе прибавленіе къ описанію рукописей Графа Толстаго, съ слѣдующимъ заглавнымъ листомъ: *Второе прибавленіе къ Описанію Славяно-Рос-*

сійскихъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Тайнаго Совѣтника и проч. Графа Ѳедора Андреевича Толстова. Издалъ Павелъ Строевъ, Императорской Академіи Наукъ Корреспондентъ, разныхъ ученыхъ Обществъ Членъ и Кавалеръ. Москва. Въ типографіи Селивановскаго. 1827. 8°.

Въ предисловіи издатель, между прочимъ, объясняетъ: „Здѣсь представляются просвѣщеннымъ читателямъ новые плоды патріотическаго любостяжанія знаменитаго Собирателя памятниковъ Славяно-Россійскихъ письменъ и Исторіи (числомъ 192). Предоставляя умоспособностямъ каждаго цѣнить ихъ достоинство, я не могу отказаться отъ права: указать нѣкоторыя, болѣе другихъ примѣчательные. Особенное вниманіе заслуживаютъ: восемь Всемірныхъ Хронографовъ, четыре списка Сибирскихъ лѣтописей, десять Русскихъ лѣтописцовъ, Морозовская лѣтопись, списокъ Гванини, Исторія монаха Авраама Палицына, Исторія дьяка Грибоѣдова. Юристъ-Археологъ не пропуститъ безъ вниманія хорошаго списка Судебника. Многочисленные списки книгъ Св. Писанія и церковнаго Круга, житія святыхъ, чудотворенія иконъ, а особливо сочиненія Отцевъ Греческой церкви, какъ неистощимыя пособія для нашей Церковной исторіи, Славянской литтературы и филологіи, присоединяясь къ прежнимъ огромнымъ запасамъ, безъ сомнѣнія, еще долго будутъ ожидать ученыхъ и трудолюбивыхъ дѣлателей. Нельзя не замѣтить списка богословія и философіи Дамаскина; а переводъ Аристотелевой діалектики и двѣ риторики принадлежатъ къ Исторіи нашей Педагогіи". Предисловіе заключено такъ: „Здѣсь небезполезно повторить сказанное прежде, что книгохранилище Патріота-Собирателя доступно всѣмъ любителямъ Русской Археологіи" (стр. III—IX).

Графъ Толстой, получивъ отпечатанный экземпляръ *Втораго Прибавленія* къ описанію своихъ рукописей, писалъ Строеву (отъ 6-го іюля 1827): „Увѣдомленіе къ читателямъ составлено очень хорошо, за что васъ много благодарю. Также очень доволенъ и тѣмъ, что вы занимаетесь каталогомъ печатныхъ книгъ въ лутчемъ видѣ: сіе хотя и займетъ болѣе время, но за то надѣюсь, что каталогъ нашъ будетъ интересенъ". Въ томъ же письмѣ Графъ сообщаетъ Строеву и о своихъ собственныхъ занятіяхъ: „Я теперь весьма занимаюсь описаніемъ находящихся здѣсь у меня печатныхъ книгъ: есть довольно интересныхъ. Я нынѣ съ большимъ раченіемъ занимаюсь собираніемъ печатныхъ до времени Екатерины: ваше дѣло будетъ выбрать изъ нихъ достойныя, для внесенія въ Каталогъ" (*Письма*, I, № 159).

Въ душѣ Графа Ѳ. А. Толстаго таилась истинная страсть къ со-

биранію Русскихъ Древностей, которая превозмогала свойственную ему разчетливость. Подъ бременемъ значительныхъ расходовъ, онъ писалъ къ Строеву: „Съ окончаніемъ *Втораго Прибавленія* не пора ли намъ перестать продолжать рукописи собирать, а то конца не будетъ". Но въ слѣдующемъ же письмѣ его читаемъ: „Я не знаю какъ намъ быть съ рукописями, которыхъ по отъѣздѣ вашемъ у меня понакопилось и есть довольно интересныя; видно приниматься будемъ со временемъ и за *Третіе Прибавленіе*, а мнѣ бы хотѣлось вторымъ кончить, но видно слѣдовать пословицѣ: взямшись за гужь не говори, что не дюжь. Ежели и вы будете очень интересныя, какъ рукописи, такъ и печатныя книги, находить, то прошу не упускать" (*Письма*, I, № 159). И Строевъ, дѣйствительно, не пропускалъ случаевъ къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Такъ, узнавъ, что въ Москвѣ продается *Апостолъ*, печатанный при Димитріи Самозванцѣ, тотчасъ-же увѣдомилъ объ этомъ Графа, который, разумѣется, согласился на покупку, но только „по дешевле", объясняя, что финансы его находятся „не въ самомъ цвѣтущемъ положеніи". Опасаясь, однако, пропустить случай пріобрѣсти рѣдкую книгу, Графъ спѣшитъ оговориться: „Ежели, меньше просимой цѣны не уступятъ, то купить надо; только нельзя ли будетъ требуемую сумму разсрочить на три мѣсяца" (*Письма*, I, № 157).

Графъ Ѳедоръ Андреевичь не переставалъ дѣлать пріобрѣтенія и въ Петербургѣ. Въ письмѣ къ Строеву, отъ 21-го іюня 1827 г., онъ пишетъ: „Я къ тебѣ доставлю: Списокъ всѣмъ лейбъ-конпанцамъ при Елисаветѣ Петровнѣ, который, вѣроятно, нѣкогда принадлежалъ самой Императрицѣ. Его взялъ у меня на нѣкоторое время Гречь; а также Списокъ въ 1732 году Семеновскаго полка всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, получившимъ раціоны, въ полученіи которыхъ всѣ подписывались своею рукою, начиная съ самой Императрицы, которая въ полученіи 243-хъ рублей подписалась: „получила полковникъ Анна". Есть нѣкоторые офицеры, вмѣсто которыхъ, за неумѣніемъ грамоты, подписывались другіе" (*Письма*, I, № 157). Въ другомъ письмѣ Графъ сообщаетъ Строеву, что онъ распространилъ свои пріобрѣтенія до царствованія Екатерины и что онъ не отказывается распространить пріобрѣтенія и далѣе. „Я знаю", пишетъ Графъ, въ томъ же письмѣ, „что въ Москвѣ, съ небольшимъ трудомъ, можно очень интересныхъ набрать, особливо ежели ты скажешь о семъ у Ильинскихъ воротъ продавцамъ, они тебѣ кучу натаскаютъ, и вѣрно очень дешево; только не надо имъ показывать большой охоты" (*Письма*, I, № 60).

Страсть къ пріобрѣтенію Древностей рѣшительно не давала покоя Графу Ѳедору Андреевичу: „Я другую недѣлю" (пишетъ онъ Строеву),

„торговалъ интересную книгу, *Литургію*, въ 4-ку, печатанную въ 1555 году въ Венеціи, и очень сбережена; давалъ за нее 200 р., но наконецъ не получилъ ее, а купилъ Лаптевъ за 250 р.; ежели ты присовѣтуешь мнѣ ее добиваться, то я постараюсь ее достать“ (*Письма*, I, № 200). Строевъ, разумѣется, совѣтывалъ „добиваться“; но съ Лаптевымъ трудно было справиться и Графъ горько жалуется Строеву на его вѣроломство: „Окаянный Лаптевъ обнадежилъ было меня уступкою перекупленной книги; но не сдержалъ своего слова; притчина етому горю финансы и надежда, что уступятъ подешевле“. „Не давно и еще одна книга ускользнула, пишетъ Графъ въ другомъ письмѣ, „именно *Марсова книга*, въ 1713 году печатанная. Я давалъ за нее 50 рублей; а Булгаковъ купилъ за 75 руб. И этой мнѣ очень жаль, а все виноваты финансы“ (*Письма*, I, № 204). Потерпѣвъ такія неудачи, Графъ какъ бы въ утѣшеніе себѣ опять повторяетъ: „Правду сказать, уже старость и охоты нѣсколько поубавила; кончивъ послѣднее наше дѣло, думаю и забаставать“. (Ibid). Это „послѣднее дѣло“, о которомъ говоритъ Графъ, было Описаніе старопечатныхъ книгъ, составляемое Строевымъ. Графъ не торопилъ окончаніемъ этаго Описанія, потому что, пишетъ онъ „я объявилъ здѣшнимъ продавцамъ о желаніи моемъ покупать старопечатанныя книги, и мнѣ ихъ уже довольную кучу натаскали. Изъ приложеннаго при семъ Каталога, кое какъ моимъ *антикваріемъ* Петровымъ составленнаго, ты увидишь сколько ихъ у меня уже находится. Такимъ образомъ, Каталогъ нашъ умножится и принесетъ публикѣ пользу, не менѣе, можетъ быть, рукописныхъ, къ чему единственно все мое желаніе стремится“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Графъ выражаетъ надежду, что къ печатному Каталогу будетъ также составлено предувѣдомленіе и увѣренность, что оно „будетъ также хорошо написано, какъ увѣдомленіе ко *Второму Прибавленію рукописей*“. Письмо это Графъ оканчиваетъ пожеланіемъ Строеву: „хорошаго пути въ деревню“ (*Письма*, I, № 160). Лѣтомъ 1827 года Павелъ Михайловичь, дѣйствительно, ѣздилъ въ свою Саратовскую деревню Новинки, но на самое короткое время. Такъ что Ярцовъ изумился скорому возвращенію его и писалъ по этому поводу къ Строеву: „Сверхъ всякаго чаянія узнавъ вчерась у Графа, что ты возвратился уже изъ Саратова, но и усомнился. Скажи по правдѣ: ѣздилъ ли ты въ свою деревню? Ибо невозможно такой вояжъ сдѣлать въ столь короткое время и никто изъ солидныхъ ученыхъ недѣлывалъ подобнаго“ (*Письма*, I, № 163).

Графъ Ѳ. А. Толстой, какъ мы уже видѣли, не любилъ скрывать пріобрѣтаемыхъ имъ книжныхъ сокровищъ и требовалъ отъ Строева почаще оповѣщать о нихъ въ журналахъ. Въ одномъ изъ писемъ къ

Павлу Михайловичу, Графъ пишетъ: „Я давно уже ни въ одномъ журналѣ не вижу ничего помѣщеннаго изъ *нашей* Библіотеки, а ты мнѣ это обѣщалъ. Вотъ уже въ *Вѣстникѣ Европы* показались статьи изъ Кремлевскаго Архива, мы подобными моглибъ снабжать журналы, хотя это и клонится нѣкоторымъ образомъ къ моему самолюбію, но между тѣмъ можемъ и публикѣ принесть нѣкоторое удовольствіе“ (*Письма*, I, № 162). Разумѣется, Строеву не доставало времени заниматься подобными оповѣщеніями. Впрочемъ, въ *Московскомъ Телеграфѣ* (1825 года), мы находимъ его *Статистико-финансовую картину Сибири*, написанную на основаніи рукописи, хранившейся въ Библіотекѣ Графа Толстаго, подъ слѣдующемъ заглавіемъ: *Выписка, по указу государя царя Петра Алексѣевича, учиненная въ Сибирскомъ Приказѣ, о доходахъ и расходахъ во всѣхъ Сибирскихъ городахъ, съ 1698 по 1702 годъ.* Рукопись эта досталась Графу Толстому изъ Архангельской Библіотеки Князя Д. М. Голицына (*Обст. Опис. Слав. Рос. Рукописей*, I, 238). Въ упомянутой *Картинѣ Сибири*, П. М. Строевъ излагаетъ слѣдующія замѣчательныя мысли о значеніи статистики для исторіи: „Исторію называютъ зерцаломъ бытія и дѣятельности народовъ; но исторія безъ статистики невѣрное зеркало. Внѣшній видъ народовъ обманчивъ; заключать по немъ объ ихъ благоденствіи, силѣ или упадкѣ, значитъ налощенную поверхность тѣлъ принимать за свойство ихъ толщи. Статистическая исторія, то есть изображеніе народныхъ силъ, достатка, промысловъ, торговли, при извѣстныхъ эпохахъ: вотъ, *кажется*, собственно Исторія Государствъ. Бытописаніе, въ образѣ такъ называемой Политической Исторіи, есть частью одностороннее, частью невѣрное повѣствованіе нѣкоторыхъ общихъ событій, смѣсь біографій владѣтелей, полководцевъ и другихъ лицъ, вторгшихся въ область преданій. Мы знаемъ множество громкихъ именъ, читаемъ сказочные подвиги, внимаемъ кликамъ побѣды; но извѣстія о внутреннемъ состояніи государствъ, процвѣтавшихъ и падшихъ, вообще недостаточны и сбивчивы. Статистика освѣщаетъ исторію. Сибирь, сія Россійская Мексика и Остъ Индія, щедро надѣляющая наше Отечество минералами, дорогими мѣхами и предметами Китайской торговли, необыкновенно важна въ политическомъ и финансовомъ отношеніяхъ. Пріобрѣтеніе сего неизмѣримаго края стоило мало издержекъ, еще менѣе крови. Ироизмъ промышленности отодвинулъ Востокъ Россіи. Оффиціальныя извѣстія о финансахъ Сибири, въ 1698—1700 годахъ, изображая внутреннее состояніе сего примѣчательнаго края, источники доходовъ Правительства и промышленность народную, могутъ ли быть не важны“ (*Моск. Телегр.* 1825 № 21, стр. 45—47).

Графъ Ѳедоръ Андреевичъ особенное дорожилъ своимъ собраніемъ

Петровскихъ газетъ и календарей, и пересмотромъ которыхъ онъ очень торопилъ Строева. „Смѣло могу сказать, писалъ Графъ, что такого собранія ни у кого нѣтъ". Онъ неоднократно просилъ Павла Михайловича, чтобъ онъ со вниманіемъ пересмотрѣлъ собраніе ихъ и достойное вниманія „всучилъ бы какому нибудь журналисту, для помѣщенія въ журналъ, тогда бъ не было, какъ говоритъ пословица, шильце въ мѣшечкѣ". Кстати въ то самое время неугомонный Полторацкій возбудилъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1827 года полемику по библіографическому вопросу о томъ, въ которомъ году прошедшаго столѣтія начались издаваться *С.-Петербургскія Вѣдомости*? Графъ Толстой, прочитавъ статью Полторацкаго, въ которой, между прочимъ, выражалась надежда, что трудолюбивый П. И. Кеппенъ не откажется содѣйствовать къ разрѣшенію возбужденнаго вопроса, написалъ Строеву: „Въ 8-мъ номерѣ *Телеграфа*, читалъ я споръ журналистовъ, насчотъ издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ Вѣдомостей; етотъ споръ, кажется, ты бы всѣхъ скорѣе могъ рѣшить, ибо у тебя находится выписка изъ имѣющихся у меня Вѣдомостей отъ 1703 до 1727 года" (*Письма*, I, № 157). Между тѣмъ, въ *Русскомъ Инвалидѣ* тогда же появились выписки изъ указанныхъ Графомъ газетъ. Самъ же Графъ Өедоръ Андреевичъ въ письмѣ къ Строеву, такъ объясняетъ появленіе въ свѣтъ этихъ выписокъ: „Въ нѣсколькихъ номерахъ *Инвалида* вы вѣрно читали выписки изъ моихъ газетъ, при Петрѣ I печатанныхъ, о которыхъ въ журналахъ были споры, и конечно думаете, что онѣ напечатаны съ моего позволенія; отнюдь нѣтъ. Вотъ какъ это случилось: Свиньинъ давно уже рекомендовалъ мнѣ одного антикварія г. Русова, который нѣсколько разъ и ходилъ ко мнѣ смотрѣть мои книги, наконецъ просилъ позволенія изъ газетъ сдѣлать нѣкоторыя выписки; такъ какъ библіотека моя на тотъ только счетъ и существуетъ, чтобъ кому угодно ею пользовались, я позволилъ ему это сдѣлать, полагая, что онъ выписываетъ единственно для себя; но черезъ нѣсколько дней, къ удивленію моему, вижу въ *Инвалидѣ* ихъ напечатанныя. Г. Русовъ, кажется, не очень честно поступилъ, ежелибъ онъ меня попросилъ, то вѣроятно чтобъ я ему позволилъ напечатать, а безъ позволенія хозяйскаго ето не дѣлается; съ тѣхъ поръ онъ ко мнѣ не показывается" (*Письма*, I, № 160). Это тотъ самый Русовъ, который вскорѣ послѣ того выступилъ на полемическое поприще въ качествѣ защитника Карамзина и написалъ брошюрку *О критикѣ Арцыбашева*, въ которой задѣлъ и Строева; но объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

По выходѣ въ свѣтъ, въ 1827 году, *Втораго Прибавленія къ Описанію рукописей*, Графъ Ө. А. Толстой представилъ этотъ трудъ П. М.

Строева знаменитому Сперанскому, который по этому поводу написалъ Графу слѣдующее письмо, отъ 8-го сентября: „Приношу Вашему Сіятельству истинную благодарность за присланное *Второе Прибавленіе Славяно-Россійскихъ рукописей*; съ удовольствіемъ просмотрѣвъ его, я нашелъ въ немъ нѣкоторыя рукописи весьма полезныя и нужныя для сличенія и справокъ по изготовляемому во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи изданію Россійскихъ узаконеній. Зная, сколь пріятно Вашему Сіятельству имѣть случай являть содѣйствіе ваше на пользу общую, обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою сообщить изъ рукописей, въ послѣднемъ прибавленіи означенныхъ, тѣ, кои отмѣчены въ реестрѣ, при семъ прилагаемомъ; по сличенію ихъ съ рукописями, въ Архивѣ Отдѣленія хранящимися, я буду имѣть честь немедленно и въ самомъ скоромъ времени возвратить ихъ съ благодарностью" (*Письма*, I, 162).

Графъ Θедоръ Андреевичь, препроводивъ къ Строеву копію съ этого письма, писалъ ему отъ 6-го октября 1827 года, слѣдующее: „Сперанскій замѣтилъ нѣсколько книгъ, нужныхъ ему для составленія законовъ. Требованіе сіе выполнить надо. Я нашелъ у себя шесть книгъ, по мнѣнію моему, ему нужныхъ, и отправилъ къ нему ихъ; послѣ чего онъ, увидясь со мною во Дворцѣ, очень благодарилъ за присылку сихъ книгъ... Между прочимъ сказалъ мнѣ, что по извлеченіи нужныхъ статей для составленія законовъ, изъ моей библіотеки, онъ непреминетъ довести сіе до свѣдѣнія Государя. Ето для меня очень будетъ пріятно: бывъ полезнымъ для Исторіографа, нынѣ могу услугу показать и для составленія законовъ; а вы знаете, что всѣ мои труды и издержки иной цѣли не имѣютъ, какъ быть обществу полезнымъ."

Присланныя, за тѣмъ, Строевымъ рукописи отправлены были также къ Сперанскому и на сей разъ черезъ Ярцова. За эту новую присылку Графъ получилъ отъ Сперанскаго при встрѣчѣ съ нимъ, опять во Дворцѣ, „пріятный отзывъ" и написалъ по этому поводу къ Строеву, между прочимъ слѣдующее: „Сперанскій отмѣнно благодарилъ меня за книги и сказалъ, что онъ изъ нихъ надѣется извлечь болѣе, нежели изо всѣхъ библіотекъ извлекалъ. Ето мнѣ очень пріятно. Дай Богъ, чтобъ библіотека наша послужила болѣе, сколько можно, публикѣ; тогдабъ труды наши достаточно вознаградились. Теперь многіе ожидаютъ *Выписокъ*, тобою обѣщанныхъ: когда онѣ покажутся въ свѣтъ, то мы и болѣе восторжествуемъ, а по выходѣ Каталога печатныхъ книгъ еще болѣе прославимся" (*Письма*, I, № 166).

Вскорѣ послѣ того, И. Л. Яковлевъ „отъ имени всей Канцеляріи Втораго Отдѣленія" просилъ Строева сообщить „статьи губнымъ старостамъ" (*Письма*, I, № 175). Графъ Толстой, разумѣется, не воспре-

пятствовалъ удовлетворить эту просьбу и Строевъ получилъ по этому поводу благодарственное письмо отъ извѣстнаго Куницына *), который, въ описываемое время, по вызову Сперанскаго, трудился надъ составленіемъ Полнаго Собранія Законовъ. Возвращая Строеву Губныя грамоты, Куницынъ писалъ ему слѣдующее: „Весьма сожалительно и даже странно, что столь важное узаконеніе дошло до насъ только въ отрывкахъ, да и сіи бренные останки только щедрая рука знаменитаго Любителя Отечественныхъ Древностей могла спасти отъ конечнаго истребленія. Признаюсь вамъ, что нѣкоторыя изъ книгъ Его Сіятельства, бывшія въ Архивѣ Канцеляріи, желательно было мнѣ удержать еще на нѣкоторое время для моего собственнаго употребленія, но изчерпавши изъ нихъ все что нужно для приготовляемаго изданія узаконеній, я не смѣлъ ихъ долѣе удерживать, потому наиболѣе, что настоящія занятія рѣдко даютъ мнѣ возможность помышлять о собственныхъ ученыхъ прихотяхъ. Въ другой разъ, когда Богъ продлитъ жизнь, и служба сдѣлается льготнѣе, я прибѣгну къ Его Сіятельству съ моею частною покорнѣйшею просьбою о доставленіи мнѣ нѣкоторыхъ рукописей, тогда же буду просить и васъ замолвить за меня слово у Его Сіятельства“ (*Письма*, I, № 180).

Слухъ о знаменитой Библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго дошелъ и до келлій суроваго инока Юрьевскаго Архимандрита Фотія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ два письма его духовной дщери Графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской къ Графу Толстому: „Освѣдомилась я, что въ библіотекѣ Вашего Сіятельства, обогащенной рѣдкими древностями, между прочими находится рукопись 1648 года подъ названіемъ *Лавсаикъ*, или житіе Святыхъ Отецъ, трудовъ и подвиговъ Устюжевской Железнопольской Благовѣщенской церкви священника Тарасія Терентьева. Желаніе Отца моего духовнаго и мое собственное имѣть съ упомянутой рукописи списокъ въ книгохранительницѣ Новгородскаго Юрьева Общежительнаго Монастыря, побудило меня почтеннѣйше и убѣдительнѣйше Вашего Сіятельства просить почтить меня вашею довѣренностію снабженіемъ оной рукописи на нѣсколько времени для списыванія съ оной копіи, а по списаніи я обязуюсь оригиналъ немедленно къ вамъ съ благодарностью возвратить. Ласкаю

*) Того самаго Куницына, котораго поминалъ Пушкинъ въ своей предсмертной Лицейской Годовщинѣ (1836 года):

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ,
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ Царственныхъ Гостей.

себя надеждою, что Ваше Сіятельство, какъ истинный сынъ Церкви, не откажете мнѣ въ сей моей просьбѣ и дадите средство украсить церковную библіотеку Св. Обители Юрьева монастыря симъ драгоцѣннымъ памятникомъ, сколько для сердца, столько и для души полезнымъ въ семъ родѣ священныхъ нашихъ книгъ" (*Письма*, I, 209). Въ другомъ письмѣ Графиня пишетъ: „По порученію Отца моего духовнаго Архимандрита Фотія, при семъ препровождаю къ Вашему Сіятельству оригинальную книгу, весьма полезную, какъ Отецъ пишетъ, для живописцевъ и иконописцевъ, есть ли ея въ свѣтъ издать. Я какъ не знающая ни того ни другова искуства, не могу судить о ея достоинствѣ. Но вотъ уже ознаменуется мѣра ея достоинства, естьли вы сопричислите оригиналъ сей книги къ книгамъ знаменитой вашей библіотеки, доставивъ съ оной списокъ Отцу моему духовному; и естьли у Вашего Сіятельства на сіе не имѣется спищиковъ, то я охотно и съ удовольствіемъ обязанность сію приму на себя по полученіи отъ васъ извѣщенія" (*Письма*, I, 210).

Въ началѣ 1828 года П. М. Строевъ опять ѣздилъ въ Петербургъ. Предъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы, онъ получилъ отъ Ярцова письмо, изъ котораго узналъ, что Графъ Ѳ. А. Толстой поднесъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ триста книгъ изъ своего собранія. Ярцовъ предполагалъ, что за это поднесеніе и за службу, Графу дадутъ звѣзду; но „крещенская пушка, разсѣявъ пустыя ожиданія, прогнала ихъ до пасхальныхъ яицъ". Въ заключеніе, Ярцовъ, упрашивая своего пріятеля пріѣхать въ Петербургъ, пишетъ ему, между прочимъ, слѣдующее: „Пріѣзжай сюда, услышишь много новаго: и миръ заключаютъ, и войну начинаютъ; и какіе-то *обѣщаютъ* перевороты въ управленіи государственномъ. Говорятъ, что будто бы и у насъ будетъ гражданскій штабъ, что начальникъ его будетъ Графъ Кочубей и др., но не всякому слуху вѣрь" (*Письма*, I, 170).

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Строевъ остановился у Ярцова, жившаго „противъ самой Владимірской колокольни", въ домѣ Гурдовой. Пробывъ на сей разъ въ столицѣ слишкомъ мѣсяцъ, онъ возобновилъ свои хлопоты объ Археографическомъ Путешествіи, которыя и увѣнчались полнымъ успѣхомъ; но объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ своемъ мѣстѣ. Графа же Ѳедора Андреевича, Строевъ засталъ „страдающимъ чахоткою въ карманѣ", вслѣдствіе чего „дѣла ихъ мало клеились".

Въ Петербургѣ П. М. Строевъ получилъ отъ К. Ѳ. Калайдовича замѣчательное письмо, которое въ свѣтломъ видѣ рисуетъ намъ нравственный образъ Павла Михайловича. Въ это время Калайдовича постигло новое великое несчастіе и онъ, также какъ и въ 1816 году, когда отецъ за-

ключилъ его въ Пѣсношскую обитель, обратился за словомъ утѣшенія и поддержки къ товарищу своей юности, который, подъ холодною наружностію, подъ суровыми внѣшними формами, таилъ сострадательное сердце и не былъ злопамятенъ. Дѣло вотъ въ чемъ: Не задолго до 1828 года, Калайдовичь получилъ мѣсто смотрителя Еврейскаго Глѣбовскаго подворья съ казенною квартирою и здѣсь, по свидѣтельству его біографа П. А. Безсонова, въ распоряженіяхъ своихъ показалъ признаки помѣшательства: такъ, напримѣръ, надѣвши всѣ свои кресты, заставлялъ провинившихся въ чемъ либо Евреевъ прикладываться къ нимъ. Въ бумагахъ Калайдовича сохранилось свидѣтельство Московской Медицинской Конторы, отъ 14-го февраля 1828 года, изъ котораго видно, что Калайдовичь подалъ Конторѣ жалобу на то, что „въ бытность его коммиссіонеромъ казеннаго Глѣбовскаго подворья за искорененіе тамъ злоупотребленія, учрежденіе порядка и доставленіе значительнаго дохода въ пользу Глазной Больницы, члены оной, удаливъ его отъ должности, разнесли слухъ по Москвѣ, что будто онъ лишился ума; а потому проситъ защитить его отъ сихъ неосновательныхъ поступковъ, въ особенности же докторовъ М. и Э., освидѣтельствовавъ при томъ на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи". Контора отклонила отъ себя исполненіе этого прошенія и предложила обратиться къ высшему начальству (*Безсоновъ*, стр. 85). Въ это-то время несчастный Калайдовичь обратился къ Строеву, бывшему тогда, какъ мы уже сказали, въ Петербургѣ, съ слѣдующимъ письмомъ (отъ 18-го февраля 1828 г.): „Вы вѣрно слышали о тѣхъ жестокихъ, безчеловѣчныхъ гоненіяхъ, которыя переношу я за имя Русское, за безтрепетное искорененіе Еврейскихъ синагогъ, за здержаніе контрабанды. Вы Русскій душею и тѣломъ, вы патріотъ, вы хорошо меня поймете, что такого рода дѣла привлекаютъ гоненія. Повидайтесь съ Его Превосходительствомъ А. А. Писаревымъ и Статсъ-Секретаремъ Его Императорскаго Величества Блудовымъ" (*Письма*, I, № 174).

По возвращеніи въ Москву, Строевъ получилъ отъ Калайдовича другое письмо (отъ 10-го марта), въ которомъ онъ приглашаетъ его въ свидѣтели „по двумъ важнымъ къ нему отношеніямъ: *первое* въ подозрѣваемомъ въ немъ членами Глазной Больницы, гг. военнымъ генералъ-губернаторомъ, гражданскимъ губернаторомъ и оберъ-полиціймейстеромъ разстройствѣ въ здравомысліи и *второе* въ разтратѣ якобы имъ приношенія купца Царскаго, имъ же, Калайдовичемъ, собраннаго и отъ его имени, 10-го января текущаго года, представленнаго въ даръ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. Любя правду, пишетъ далѣе Калайдовичь, вы, безъ сомнѣнія, не отречетесь подать мнѣ помощь въ тяжкихъ страданіяхъ душевныхъ, когда того потре-

буетъ Московскій Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ“ (*Письма*, I, № 178). Вслѣдъ за этимъ письмомъ Строевъ получилъ отъ А. Ѳ. Малиновскаго, слѣдующее предписаніе (отъ 15-го марта 1828 г.): „По предписанію Высшаго начальства Московскому Полиціймейстеру г. Полковнику и Кавалеру Ровинскому, приказано опечатать всѣ находящіяся у архивскаго чиновника титулярнаго совѣтника Калайдовича бумаги; а поелику онъ избралъ васъ своимъ депутатомъ, то извольте нынѣшній день въ шесть часовъ вечера явиться въ занимаемую имъ на Глѣбовскомъ подворьѣ квартиру, быть при опечатаніи имѣющихся у него книгъ и бумагъ и къ онымъ свою печать приложить. А какъ у него много есть рукописей и книгъ, взятыхъ изъ Архивской Библіотеки, то поручено находиться при семъ библіотекарю г. коллежскому совѣтнику и кавалеру Азанчевскому и также печать свою приложить“ (*Арх. Ком.*, III, 386).

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого печальнаго событія, именно 23-го марта, Калайдовичь написалъ къ Строеву, изъ Дома Инвалидовъ въ Преображенскомъ, слѣдующее трогательное письмо: „Посѣтите меня въ день Страданія Христа Спасителя нашего, меня, пострадавшаго за Истину отъ Евреевъ. Умоляю васъ и Петра Семеновича Наумова. Я слышалъ о вашемъ патріотическомъ подвигѣ, который вы показали *15 марта*, въ тотъ день, когда меня взяли обманомъ и лестію“ (*Письма*, I, № 179).

Въ концѣ 1829 года, П. М. Погодинъ писалъ Строеву, что „Калайдовича сумасшествіе прошло и осталась такая слабость, такая ипохондрія, что нельзя смотрѣть на него безъ горести. Онъ въ нуждѣ. Вотъ чѣмъ награждаются труды неусыпные“. (*Письма*, I, 224).

19-го апрѣля 1832 года, окончилась мученическая жизнь Калайдовича. Онъ погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ (*Безсоновъ*, стр. 89).

Послѣ смерти Калайдовича, Строевъ купилъ у вдовы его сто тридцать девять рукописныхъ книгъ, принадлежащихъ покойному, и заплатилъ за нихъ шестьсотъ десять рублей ассигн. Росписка въ этомъ, данная братомъ Калайдовича, Иваномъ Ѳедоровичемъ, сохраняется въ бумагахъ Павла Михаиловича (III, 141).

Лѣтомъ 1828 года Графъ Ѳ. А. Толстой пріѣхалъ въ Москву и остановился въ Дмитровскомъ своемъ домѣ. „Нашъ Графъ“, писалъ Строеву П. Г. Бутковъ (отъ 12-го іюля), „забавляется теперь въ Москвѣ, и, вѣрно, каждое утро окружаемъ бываетъ антикваріями“. Въ томъ же письмѣ Бутковъ совѣтуетъ Строеву прочесть для смѣху, помѣщенное въ *Славянинѣ* Воейкова, „забавное извѣстіе“ о путеше-

ствіи по Сѣверу Павла Свиньина. Чтобы познакомить нынѣшнихъ читателей съ этимъ дѣйствительно забавнымъ произведеніемъ остроумнаго Воейкова, мы приведемъ изъ него нѣсколько отрывковъ: „Въ частномъ письмѣ изъ Холмогоръ увѣдомляютъ о пріѣздѣ къ нимъ одного живописнаго путешественника по Россіи, который извѣстенъ свѣту, въ особенности строгою справедливостью своихъ описаній. Въ кратковременное его здѣсь пребываніе, онъ успѣлъ отыскать много достопамятныхъ вещей, которыя пріобрѣлъ для своего отечественнаго музея. А именно: оригинальныя коты бабушки безсмертнаго Ломоносова, овчинный тулупъ, которымъ одѣвался двоюродный братъ великаго поэта, возвращаясь мокрый съ рыбной ловли. Извѣстно, что близь Каргополя находится прославленный баснописцемъ Крыловымъ мостъ:

Онъ, кажется, и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ по немъ пройти не смѣетъ;
До половины не дойдетъ,
Провалится и въ воду упадетъ.

Нашъ путешественникъ объѣхалъ его изъ предосторожности.... Въ Петрозаводскѣ мѣщанинъ Антонъ Коршунъ доставилъ нѣсколько самыхъ пріятныхъ часовъ нашему путешественнику. Коршунъ придумалъ средство вмѣсто теса покрывать крыши дождевыми каплями. У этого же Коршуна въ огородѣ ростутъ такіе огромные кочаны капусты, что недавно подъ однимъ листомъ цѣлый пѣхотный полкъ отъ дождя укрылся. Между Пинегою и Онегою осматриванъ наблюдателемъ нашимъ серебренный курганъ. Въ немъ зарыты несмѣтныя богатства, ибо доказано, что здѣсь погребены: Рюрикъ, Олегъ Вѣщій и Игорь, супругъ св. Ольги“ и пр. въ этомъ родѣ (*Славян.* часть VII, стр. 32—36).

Воспользовавшись пребываніемъ Графа Толстаго въ Москвѣ, Строевъ „кое какъ сладилъ“ съ нимъ на счетъ своего Каталога Старопечатнымъ книгамъ, который и началъ онъ печатать тотчасъ по отъѣздѣ Графа изъ Москвы. Отпечатанные листы Строевъ посылалъ къ Графу въ Петербургъ. „Благодарю тебя за стараніе“, писалъ Графъ Строеву, отъ 14-го октября, „о составленіи моего Каталога, который, кажется, очень хорошо идетъ; желательно, чтобъ онъ доставилъ публикѣ столко-же удовольствія, какъ и рукописный; кажется, надѣяться сего можно. За замѣчанія Анастасевича, за ошибку, кажется, сердится нечего, да опечатку въ годѣ я самъ замѣтилъ; а протчія его замѣчанія, думаю, сдѣланы безъ всякого намѣренія; отнынѣ я ему и посылать твоихъ тетратокъ не буду. Я увѣренъ, что ты самъ, выдавая

въ публику твою работу, не пожелаешь подвергаться критикѣ, а сдѣлаешь все, какъ слѣдуетъ, къ чести нашей библіотеки. Пожалуста, любезный другъ, пришли мнѣ хотя одинъ полной экземпляръ всего, что напечатано: мнѣ нужно доставить его къ Евгенію, который пѣняетъ мнѣ, что я не доставляю къ нему листковъ, какъ бывало прежде. На счетъ продажи нашихъ Каталоговъ, какъ нѣкогда мы мечтали, кажется, и помышлять нечего; останемся при славѣ, хорошо кабы и ею удовлетворены были"... Въ томъ же письмѣ Графъ Толстой, сообщая Строеву о возвращеніи Государя съ театра военныхъ дѣйствій въ Петербургъ, говоритъ, что „описать тебѣ невозможно восхищенія публики" (*Письма*, I, № 202). Пріѣздъ Государя состоялся 14-го октября 1828 года. Замѣтимъ одинаковость явленій: въ то время, какъ и нынѣ, мы воевали съ Турками.

Нѣсколько ранѣе приведеннаго письма, именно отъ 8-го августа, Графъ просилъ Строева прислать ему, „ни мало не мѣшкавъ", манифестъ 1711 года о войнѣ съ Турками, который очень желалъ имѣть М. М. Сперанскій, „а мнѣ всегда пріятно сдѣлать ему удовольствіе" (*Письма,* I, № 192).

15-го декабря 1828 года, у П. М. Строева было уже готово предисловіе къ *Описанію Старопечатныхъ книгъ*; а вслѣдъ затѣмъ, Графъ Толстой, въ виду предстоящаго путешествія Строева по Россіи, въ послѣдній день истекающаго 1828 года, писалъ Павлу Михайловичу: „Сдѣлайте одолженіе, библіотеку сдайте какъ можно акуратнѣе; я боюсь, чтобъ она безъ васъ не потерпѣла чего" (*Письма*, I, № 207). Въ началѣ 1829 года Строевъ по дѣламъ Археографической Экспедиціи пріѣхалъ въ Петербургъ и тамъ представилъ Графу Ѳедору Андреевичу правила для управленія его Московскою библіотекою. Правила эти, утвержденныя Графомъ 11-го февраля 1829 года и составленныя Строевымъ только на время своего отсутствія изъ Москвы, заключались въ слѣдующемъ:

1) Званіе Библіотекаря Вашего Сіятельства остается при мнѣ и во время моего отсутствія изъ Москвы для археографическаго по Россіи путешествія.

2) Братъ мой родный, Николай Михайловичь, будетъ завѣдывать библіотекою, т. е. хранить книги и исполнять приказанія Вашего Сіятельства, относительно высылки ихъ куда-либо, пріема новыхъ, снятія списковъ, и т. под.

3) Всѣ вновь поступаемыя въ библіотеку рукописи и старопечатныя книги будутъ хранимы братомъ моимъ особо до того времени, когда я (по временамъ) буду пріѣзжать въ Москву: тогда все опи-

шется мною надлежащимъ образомъ и описи составятъ Прибавленія къ изданнымъ уже каталогамъ.

4) Во время моего отсутствія, съ 1-го марта, Ваше Сіятельство благоволите приказать конторѣ вашей: выдавать женѣ моей по 50 рублей ассигнаціи, ежемѣсячно; братъ же мой по соглашенію будетъ получать отъ нее".

Результаты занятій П. М. Строева по библіотекѣ Графа Толстаго выразились въ монументальномъ трудѣ его, вышедшемъ въ свѣтъ въ томъ же 1829 году, но уже въ то время, когда самъ авторъ подвизался на далекомъ сѣверѣ на пользу Русской Археографіи. Сей многолѣтній трудъ Строева вышелъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Обстоятельное Описаніе старопечатныхъ книгъ Славянскихъ и Россійскихъ, хранящихся въ Библіотекѣ Тайнаго Совѣтника, Сенатора, Двора Его Императорскаго Величества Дѣйствительнаго Каммергера и Кавалера, Графа Өедора Андреевича Толстова. Издалъ Павелъ Строевъ, Императорской Академіи Наукъ корреспондентъ и путешествующій археографъ, членъ разныхъ ученыхъ Обществъ и Кавалеръ. М. Въ Типографіи С. Селивановскаго. 1829.* Въ обширномъ Предисловіи, Строевъ, между прочимъ, объясняетъ: „...Не для успѣховъ одной библіографіи я трудился. Исторія Церкви и Славянской Литературы, Археографія, Филологія, могутъ заимствовать весьма многое изъ сего Описанія. Предисловія и Послѣсловія авторовъ, издателей и типографовъ, въ большей части старопечатныхъ книгъ, весьма любопытны: всѣ таковые приведены здѣсь вполнѣ или отрывками. Сколько историческихъ свѣдѣній пополнятъ сіи выписки и не просвѣтятъ ли онѣ многой темноты и сбивчивости? Необходимо замѣтить, что критическій обзоръ Предисловій и Послѣсловій въ старинныхъ книгахъ славянскихъ, нынѣ забытыхъ и даже препебрегаемыхъ, принесетъ не малую пользу разнымъ отраслямъ Отечественной исторіи. Напримѣръ: вопросите любаго историка и читателя исторіи: кто началъ исправлять Богослужебныя книги? Общій отвѣтъ будетъ: патріархъ *Никонъ*. Но перечитывая Предисловія и Послѣсловія старинныхъ изданій, мы видимъ противное. Гораздо до *Никона* занимались симъ въ Львовѣ и Кіевѣ; особенно важны труды митрополита *Петра Могилы* (стр. XXI и XXII).

Графъ Толстой, вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ *Описанія*, писалъ Строеву, отъ 25-го августа 1829 года: „На сихъ дняхъ я Каталогъ свой Министру вручилъ для доставленія Государю... По сіе время, кажется, Каталогъ нашъ имѣетъ хорошую репутацію и многіе имѣть его желаютъ" (*Письма*, I, № 212).

Съ окончаніемъ Каталога, окончилась и библіографическая дѣя-

тельность П. М. Строева, собственно по библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго. Съ того времени и самъ Графъ сталъ помышлять о продажѣ своей библіотеки. „Ежелибъ", писалъ онъ Строеву (отъ 12-го октября того же 1829), казнѣ вздумалось купить мою библіотеку, то я бы охотно и уступилъ, разумѣется, за порядочную цѣну, а въ чужіе краи продавать не хочется" (*Письма*, I, № 221).

Предположенія Графа Ѳедора Андреевича осуществились, и скорѣе чѣмъ онъ ожидалъ. Въ слѣдующемъ же 1830 году, началъ онъ свои переговоры по этому предмету съ Императорской Публичною библіотекою. Переговоры эти увѣнчались успѣхомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее письмо Графа къ Строеву, отъ 12-го іюня 1830 года: „Библіотека благополучно въ Петербургъ привезена и съ помощію моихъ антикваріевъ, Ильина и Петрова, была по комнатамъ, по каталогу, въ порядокъ разставлена; потомъ, по предписанію г. Аленина, господиномъ Крыловымъ *) старопечатныя, а господиномъ Востоковымъ рукописи, по каталогу приняты и за исключеніемъ недостающихъ (пять рукописей и одна печатная книга) они мнѣ дали квитанцію, которую я, тогожъ числа, препроводилъ къ г. Аленину и отъ него уже получилъ вчерась полную квитанцію. Въ недостающихъ шести книгахъ я далъ ему подписку, что и сіи недостающія, по возвращеніи твоемъ изъ вояжу, не медля доставлю; но однакожъ не увѣренъ въ исполненіи моего обѣщанія. Изъ шести недостающихъ двѣ находятся у Свиньина, а двѣ я отъ него кое какъ выхлопоталъ, и такъ остается недоимки на насъ шесть книгъ, которымъ при семъ препровождаю реестръ: хорошо, когда бъ и сіи могли быть отысканы, тогда-бъ мы были совершенно чисты. Я очень доволенъ, что библіотека наша въ хорошихъ рукахъ, и продана довольно хорошо, ещебъ лутче было, когдабъ деньги пришли въ руки; но къ сожалѣнію, ни одной копейки ко мнѣ не дошло, а сдѣланъ переводъ, за долги, въ Опекунскій Совѣтъ, и стало по пословицѣ, что по усу текло, а въ ротъ не попало" (*Письма*, I, № 243).

Наше Отечественное Книгохранилище гордится Толстовскимъ Собраніемъ, а Русская Наука навсегда сохранитъ благодарную память о Павлѣ Михайловичѣ Строевѣ, который, по счастливому выраженію С. П. Шевырева, „отворилъ намъ двери въ тайны рукописныхъ древностей до Петровской Руси".

Прежде чѣмъ приступить къ Описанію археографическаго путешествія П. М. Строева по Русскому Царству, скажемъ нѣсколько словъ

---

*) Нашъ славный баснописецъ.

о двухъ Обществахъ Любителей Россійской Словесности, почтившихъ Строева избраніемъ въ свои дѣйствительные члены.

7-го сентября 1827 года, въ экстраординарномъ Собраніи Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ, П. М. Строевъ единогласно былъ избранъ въ Дѣйствительные Члены этого Общества, о чемъ онъ получилъ оффиціальное извѣщеніе отъ Секретаря Общества, извѣстнаго писателя Загоскина (*Письма*, I, № 164).

Общесто это, основанное до Французовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ имѣло своимъ Предсѣдателемъ знаменитаго воспитателя многихъ дворянскихъ поколѣній, а въ числѣ ихъ и Строевыхъ, Антона Антоновича Прокоповича Антонскаго. Блистательнымъ періодомъ процвѣтанія Общества было время съ 1816 по 1826 годъ, когда засѣданія его имѣли торжественный характеръ и привлекали вниманіе Москвы. Общество собиралось въ залѣ Университетскаго Благороднаго Пансіона (Шевыревъ, *Истор. Импер. Моск. Университета. М.* 1855, стр. 458). Послѣ Антонскаго, при преемникѣ его Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ, избранномъ въ 1827 году, Общество быстро стало клониться къ упадку. Въ это время оно болѣе занималось оффиціальною перепиской начальства по поводу разныхъ незначительныхъ формальностей, подтвержденій, требованій и т. п., о которыхъ въ прежнее время почти не было и рѣчи (Лонгиновъ, *Общество Любит. Россійск. Слов. Русск. Вѣстникъ*. 1858, XV, стр. 605—609). Кокошкинъ заботился только о наружномъ блескѣ собраній и сдѣлалъ изъ нихъ сущій спектакль для публики (Дмитріевъ, *Мелочи изъ запаса моей памяти.* М- 1869, стр. 171).

П. М. Строевъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены именно въ эти печальные дни паденія Общества.

Послѣ Кокошкина въ Предсѣдатели избранъ былъ Загоскинъ, который, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, началъ свое предсѣдательство тѣмъ, что „сѣлъ, крякнулъ, потрепалъ себя по брюху", и обратился къ членамъ съ слѣдующею рѣчью: „Фу, батюшки! Обѣдалъ у Акулова! Такъ накормилъ, проклятый, что дышать не могу: всего расперло! Ну! что же намъ подѣлать?" Очевидно, справедливо замѣчаетъ Дмитріевъ, что Общество перестало видѣть въ предсѣдателѣ „лице важное и уважительное". Загоскинъ предсѣдательствовалъ не долго. Въ преемники ему избрали А. А. Писарева, *какъ* Попечителя Университета. Очевидно, Общество, стало уже нуждаться въ правительственной поддержкѣ. При Писаревѣ пошли одни *парады*. Въ послѣдній годъ существованія Общества (1830) было даже одно торжественное засѣданіе съ музыкой, съ арфою, съ пѣніемъ и чтеніемъ

актера Мочалова съ каѳедры. Кончилось тѣмъ, что на свѣчи и на угощеніе истратили всѣ деньги, и казначей Общества остался безъ гроша! Собранія Общества съ того времени прекратилась и оно какъ бы замерло (*Мелочи*, стр. 170, 171). Въ такомъ состояніи Общество пробыло до 1858 года, когда оно снова было призвано къ жизни и проявило свое существованіе *Толковымъ Словаремъ*, *Собраніемъ Древнихъ Русскихъ пѣсенъ* и другими цѣнными изданіями.

За десять лѣтъ до избранія въ Члены Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности, а именно въ 1817 году, П. М. Строевъ былъ почтенъ таковымъ же избраніемъ отъ Общества Любителей Отечественной Словесности при Казанскомъ Университетѣ. Въ декабрѣ 1827 года, Строевъ получилъ отъ секретаря этого Общества Григорія Суровцова циркулярное письмо, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Общество съ предложенія Предсѣдателя опредѣлило просить всѣхъ гг. Членовъ: не угодно ли кому будетъ изъ нихъ, на основаніи устава, принять на себя трудъ заняться сочиненіемъ: а) похвальныхъ словъ бывшимъ членамъ онаго Г. Р. Державину, В. В. Капнисту, В. А. Озерову и Н. М. Карамзину съ тѣмъ, чтобы въ оныхъ обращено было особенное вниманіе на литературную ихъ славу; b) разсмотрѣніемъ лирической поэзіи, и преимущественно въ Псалмахъ Давидовыхъ; с) продолженіемъ сослововъ, начатыхъ покойнымъ членомъ Лубкинымъ; d) Критическимъ разборомъ Грамматики Дубровскаго; е) сравненіемъ духовныхъ одъ Ломоносова и Державина (*Письма*, I, № 167).

Строевъ отвѣтилъ, что онъ беретъ на себя составленіе „Похвальнаго Слова незабвенному нашему Исторіографу“ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ выслать ему дипломъ на званіе Члена этого Общества, который до сихъ поръ еще не былъ высланъ ему. Суровцовъ въ письмѣ къ Строеву отъ 19-го января 1828 года, объясняя причину невысылки диплома, разсказываетъ, между прочимъ, всю печальную исторію Общества Любителей Отечественной Словесности, на которомъ тяготѣло попечительство Магницкаго: „Съ 1819 года, писалъ Суровцовъ, университетъ нашъ потерялъ очень многое, и думаю, что вамъ это уже извѣстно. Конечно, извѣстно вамъ и лицо, которое было того причиною. Съ перемѣною всего прежняго, оно не захотѣло, чтобы и Общество имѣло свое существованіе и даже проговаривало, что Общество обязано бытіемъ своимъ, или лучше сказать, неуничтоженіемъ тому что я забылъ его. Съ сего времени были остановлены всѣ наши дѣйствія и сношенія съ иногородными членами. Президентъ Яковкинъ выбылъ не только изъ университета, но изъ Казани; а Секретарь Кондыревъ въ 1823 году умеръ. Такимъ образомъ въ продолженіе семи лѣтъ

Общество наше печатаемо было въ *Адресъ Календарь* въ томъ видѣ, какъ напечатано было въ 1819 году. По удаленіи препятствующей причины, испрошено было въ 1826 году у Министра позволеніе возобновить Обществу свои дѣйствія; при семъ случаѣ я поступилъ въ Члены и Секретари онаго... Но при разборѣ дѣлъ, нашелъ такой безпорядокъ, что еще и до сихъ поръ совершенно не знаю, кто были Члены онаго. Къ сожалѣнію, долженъ сказать вамъ, что Общество наше какъ послѣ тяжкой болѣзни весьма медленно оправляется. Наличные члены, потому ли, что отвыкли или болѣе потому, что оправляются, дѣйствуютъ усердно, но неуспѣшно, а иногородные мало берутъ участіе, и даже вновь избранные не удостоили и отвѣтами" (*Письма*, I, 171).

Предъ самымъ отправленіемъ въ Археографическое путешествіе, П. М. Строевъ имѣлъ ожесточенную полемику съ знаменитымъ издателемъ *Московскаго Телеграфа* Н. А. Полевымъ и съ защитниками Карамзина. Ареною полемическихъ стычекъ былъ, издаваемый Погодинымъ *Московскій Вѣстникъ*. Мы имѣемъ данныя, что доселѣ, то есть до 1828 года, Строевъ съ Полевымъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ. Такъ, не далѣе какъ еще въ 1824 году, Полевой по предложенію Строева былъ избранъ въ Члены Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (*Труды и Лѣтописи*, ч. III, кн. 2, М. 1827, стр. 83), а въ 1827 году, когда Кругъ намѣренъ былъ предложить Полеваго въ корреспонденты Академіи, Строевъ, по просьбѣ Кеппена, доставилъ о немъ „краткія біографическія и библіографическія извѣстія" (*Письма* I, № 138). Ниже мы предложимъ письмо, въ которомъ самъ Полевой свидѣтельствуетъ о дружбѣ, бывшей между нимъ и Строевымъ. Поводомъ къ ссорѣ двухъ пріятелей послужило, какъ кажется, слѣдующее обстоятельство: Въ началѣ 1828 года, Строевъ обѣщалъ Полевому помѣстить въ его *Московскомъ Телеграфѣ* разборъ, изданной Ѳедоромъ Аделунгомъ книги *Баронъ Мейербергъ и Путешествіе его по Россіи. Спб. 1827. 8°*. Составляя этотъ разборъ, Строевъ не разъ бесѣдовалъ съ Полевымъ, сообщая ему свои замѣчанія на эту книгу. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній по своему свойству только и могли быть сдѣланы Строевымъ при его безпрерывныхъ занятіяхъ отечественными древностями. Не окончивъ работы, Строевъ уѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ Археографической Экспедиціи, а также для свиданія съ Графомъ Ѳ. А. Толстымъ. Въ отсутствіе Строева, вышелъ третій нумеръ *Телеграфа* 1828 и онъ не безъ изумленія прочелъ на стр. 410 этого нумера разборъ книги Аделунга, въ которомъ бо́льшая часть сдѣланныхъ имъ при личныхъ бесѣдахъ замѣчаній на эту книгу пущены были въ дѣло отъ лица самаго изда-

теля, къ тому же „не полно, другое пропущено, иное искажено" (*Моск. Вѣстн.* 1828, № 17, стр. 103). По этому случаю Строевъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* слѣдующую аллегорію: „Въ 1810 году одинъ старожилъ литтераторъ, умирая, завѣщалъ мнѣ рукопись своего *Дневника*, въ которомъ разсказываетъ, что въ 1778 году онъ зналъ въ Москвѣ одного самозванца ученаго, который, когда ему приходила охота писать что нибудь дѣльное, мастерски умѣлъ заманивать къ себѣ какого нибудь знатока, и въ видѣ разговора выспрашивалъ что̀ ему нужно; а въ то же время, его cousin, сидя за ширмами, записывалъ слышанное" (№ 15, стр. 316).

Послѣ того Полевой, принаравливаясь къ военнымъ событіямъ того времени, напечаталъ въ своемъ *Телеграфѣ* 1828 года двѣ дипломатическія статьи: а) *Нота о Турецкихъ и Персидскихъ дѣлахъ, поданная въ 1728 году Императрицѣ Екатеринѣ I* какимъ-то „знаменитымъ Россійскимъ дипломатомъ" и б) *Письмо Турецкаго Визиря къ Графу П. А. Румянцову* отъ 1-го іюня 1778 года съ отвѣтомъ на оное Графа Румянцова. Въ этомъ письмѣ Визирь убѣждаетъ Графа прекратить кровопролитіе, склонить Императрицу къ миру и Графъ изъявляетъ готовность на то и другое. Строевъ, пораженный такими хронологическими несообразностями, напечаталъ свое письмо къ Погодину, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ: „Нашедъ такія диковинки въ какихъ нибудь *Запискахъ*, посвященныхъ диковинкамъ, я насмѣялся бы досыта и бросилъ книжку; но, когда прочиталъ ихъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*, признаюсь откровенно, то меня поразилъ какой-то грустный сплинъ. Что значатъ, думалъ я, всѣ наши знанія, вся наша мудрость? Давно ли мы читали въ вашемъ *Вѣстникѣ*, что *Московскій Телеграфъ* есть украшеніе нашей литтературы? И сей великій журналистъ, великій критикъ, великій etc. (увы!) сдѣлался жертвою мистификаціи какого нибудь юноши дипломата. Какимъ образомъ знаменитый Россійскій Дипломатъ, въ *1728 году*, представилъ ноту Императрицѣ Екатеринѣ I, когда Ея Величество *6-го мая 1727 года* преселилась отъ се̂я жизни въ вѣчность?

Не менѣе сомнѣній рождаетъ и переписка Визиря съ Графомъ Румянцовымъ. Когда я приступалъ къ чтенію письма перваго, мое воображеніе само собою настроилось на тонъ того *восточнаго словоизвитія*, въ духѣ котораго писались и теперь пишутся отзывы Азіатскихъ дипломатовъ и начальниковъ. Это было естественно; ибо по роду моей службы и занятій, я перечиталъ ихъ очень довольно. Могъ ли я не удивиться, когда вмѣсто восточныхъ выраженій, оборотовъ фигурности, мнѣ представились: Европейскій слогъ, фразы на манеръ Французскихъ, тонъ не паши Турецкаго, но какого нибудь витязя

въ родѣ Баярда? О прекращеніи какого кровопролитія переписывался Визирь съ Румянцовымъ въ *1778 году*, когда еще *10-го іюля 1774 года* заключенъ былъ славный Кучукъ-Кайнарджискій миръ, послѣ котораго дружелюбное согласіе Россіи съ Оттоманскою Портою не нарушалось болѣе тринадцати лѣтъ? (*Моск. Вѣстн.* 1828. № 13, стр. 72—82).

Письмо это было сигналомъ къ открытой войнѣ. Полевой, задѣтый за живое, написалъ „A Monsieur Monsieur de Stroiff *), ругательное письмо (отъ 17-го іюля 1828 г.), въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Чрезмѣрно удивляюсь, что желаніе *оправдать себя въ глазахъ начальства* заставило васъ написать ругательную статью на человѣка, который въ теченіи пяти или шести лѣтъ старался доказать вамъ свое доброе расположеніе и дружбу. Вамъ угодно вразумлять меня въ тайны исторической хронологіи: буду благодаренъ за такую услугу, умѣя въ то же время награждать презрѣніемъ всякую литтературную и домашнюю сплетню, и сожалѣть о людяхъ робкаго, ничтожнаго характера, которые за одинъ ласковый взглядъ своего милостивца ни пощадятъ ни друга ни пріятеля“ (*Письма*, I, № 186). На это письмо Строевъ спокойно отвѣтилъ: „Юпитеръ, ты сердишся, слѣдовательно не правъ!“ Между тѣмъ, полемика по поводу вышеозначенныхъ дипломатическихъ статей продолжалась и дошла до крайностей съ обѣихъ сторонъ. Полевой, какъ извѣстно, имѣлъ въ Москвѣ водочный заводъ и Строевъ, желая уколоть этимъ своего противника, пишетъ: „Въ *Московскомъ Телеграфѣ* рекомендуются разныя статьи изъ Edinburgh Review. Не понимаю, почему наши журналисты не воспользовались доселѣ совѣтомъ Издателя *Телеграфа* и не перевели хотя одной изъ нихъ, напримѣръ: *О пивныхъ кабакахъ въ Англіи*? (*Моск. Вѣстн.* 1828 № 13, стр. 79). Полевой отвѣчаетъ на это въ *Телеграфѣ*: „Исполняя желаніе г. Строева, какъ только будетъ у меня болѣе досужнаго времени, *я переведу* изъ Edinburgh Review статью о *Пивныхъ кабакахъ въ Англіи* и напечатаю въ *Телеграфѣ* съ посвященіемъ П. М. Строеву“ (*Моск. Телегр.* 1828, № 11). „Здѣсь не ошибка ли отъ поспѣшности“, замѣчаетъ Строевъ, „кажется, вмѣсто словъ *я переведу* и *напечатаю*, правильнѣе: я попрошу, прикажу, поручу, найму перевесть и напечатаю (*Моск. Вѣстн.* 1828 № 11, стр. 315).

Въ сильной враждѣ съ Полевымъ былъ и авторъ *Сумасшедшаго Дома*, извѣстный А. Ѳ. Воейковъ. Онъ, въ письмѣ отъ 4-го сентября 1828 года, благодарилъ Строева за помѣщенную въ его *Славянинѣ*

*) Такъ надписалъ Полевой адресъ приводимаго письма.

статью противъ Полевова, въ слѣдующихъ энергичныхъ выраженіяхъ: „Съ живѣйшимъ удовольствіемъ напечаталъ я острое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, справедливое обличеніе шарлатана Полеваго въ моемъ *Славянинѣ*. Горжусь честію, которую вы мнѣ оказали, и употреблю всѣ силы на поддержаніе вашего ко мнѣ благорасположенія. Весьма бы много вы меня обязали, еслибъ взяли на себя трудъ переслать, хотя грубые, необработанные матеріалы, содержащіе въ себѣ дальнѣйшія улики и доводы о невѣжествѣ кичливаго сорока - алтынника. Зная ваши многотрудныя занятія, не смѣю требовать, чтобы вы ихъ обдѣлывали и даже приводили въ порядокъ. Какъ и гдѣ, какая нелѣпость его вамъ бросится въ глаза, ловите ее и пересылайте ко мнѣ. Я набилъ уже руку, стягая худощаваго Греча и широкую спину Булгарина хлыстомъ критики. Мудрено ли отдубасить Полевова, который и по законамъ не освобожденъ отъ тѣлеснаго наказанія“ (*Письма*, I, 196).

Полемизируя съ Полевымъ, П. М. Строевъ почти одновременно велъ полемику и съ защитниками Карамзина. Дѣло въ томъ, что въ томъ же 1828 году, М. П. Погодинъ отвелъ на страницахъ своего *Московскаго Вѣстника* почетное мѣсто замѣчаніямъ Арцыбашева на *Исторію Государства Россійскаго* Карамзина. Строевъ, весьма уважавшій ученые труды Арцыбашева, по поводу его замѣчаній написалъ Погодину слѣдующее: „Книжка вашего журнала (№№ 19 и 20) съ умными и убѣдительными замѣчаніями на *Исторію Государства Россійскаго* г. Арцыбашева, гдѣ также упомянуто, что г. профессоръ Каченовскій приготовляетъ печатать свои, возбудила мой всегдашній порывъ къ истинѣ: я вспомнилъ о своей *тетради* и принялся было приводить ее въ порядокъ, для помѣщенія въ вашемъ же *Вѣстникѣ*.—Какъ жаль, думалъ я, что безсмертный теперь не съ смертными. Какимъ удовольствіемъ исполнилась бы великая душа его, при появленіи вдругъ столькихъ замѣчаній на его колоссальный трудъ: когда онъ, съ такимъ вниманіемъ и любопытствомъ, принималъ нѣкогда поправки малоопытнаго юноши. Заботы и занятія, меня обременявшія, скоро отвлекли мое вниманіе и отъ моей *тетради*, и отъ замѣчаній г. Арцыбашева“ (*Моск. Вѣстн.* 1828, №№ 21, 22). По поводу этихъ строкъ, кажется, Сомовъ объявилъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*, что „Г. Строевъ выступилъ также на полемическое поприще, и сталъ подъ тяжелый стягъ бойцовъ, заратившихся на *Исторію Государства Россійскаго*“ (*Моск. Телегр.* 1829, ч. XXV, стр. 237). Вслѣдъ затѣмъ, выступилъ также на защиту Карамзина извѣстный уже намъ Руссовъ съ своею брошюрою: *О критикѣ г. Арцыбашева на Исторію Государства Россійскаго. Изъ сочиненій С. Руссова. Спб. 1829*; но авторъ не уго-

дилъ даже и своимъ соратникамъ, и вотъ что сказано было по поводу его брошюры въ томъ же *Московскомъ Телеграфѣ*: „Главная бѣда г. Руссова въ томъ, что всѣ его сочиненія удивительно не логически составляются, и излагаются тяжелымъ, неправильнымъ языкомъ. Къ чему онъ доказываетъ ошибки въ прежнихъ сочиненіяхъ г-на Арцыбашева и Строева? Развѣ этимъ оправдывается Карамзинъ?“ (стр. 407).

Между тѣмъ, *Замѣчанія Арцыбашева*, по свидѣтельству Погодина, „составляли въ Москвѣ общій предметъ разговора даже и не между литтераторами“ (*Моск. Вѣстн.* 1828). По поводу этихъ *Замѣчаній* Князь П. А. Вяземскій напечаталъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* (1828, № 19) ѣдкую сатиру, подъ заглавіемъ *Быль*:

«Былъ древній храмъ готическаго зданья,
Обитель совъ, унынья и молчанья.
Узрѣлъ его художникъ молодой,
Постигъ умомъ обилье средствъ въ немъ скрытыхъ,
Сломалъ рядъ стѣнъ, ужь временно подрытыхъ,
И чародѣй, испытанной рукой,
На грудѣ, изъ ихъ развалинъ, новый
Чертогъ воздвигъ. Величье, простота,
Искусство, вкусъ, красивость, чистота
Дивятъ глаза, и зодчій. . . но суровый
Законъ судьбы свершился и надъ нимъ.
Такъ рѣшено: на всѣхъ неугодимъ!
И зодчій нашъ, причастный вѣчной славы,
Не избѣжалъ хулителей трудовъ.
Враги нашлись; но гдѣ-жь? Въ семействѣ совъ!
Изъ теплыхъ гнѣздъ изгнанники, въ дубравы
Они съ стыдомъ пустились, и въ дуплахъ
Въ досадѣ злой, въ остервененьи дикомъ,
Совиный ихъ ночной ареопагъ
Трудъ зодчаго позорилъ дерзкимъ крикомъ».

Къ этой сатирѣ Князь Вяземскій приложилъ слѣдующее, не менѣе ѣдкое, примѣчаніе: „Сія быль написана лѣтъ за десять и лежала забытая въ моихъ бумагахъ: 19 и 20 № *Московскаго Вѣстника* привелъ мнѣ ее на память, и даетъ ей нынѣ цѣну новости и умѣстной случайности. Критика, подобная критикѣ г. Арцыбашева, *Московскій Вѣстникъ*, который съ колѣнопреклоненіемъ принимаетъ ее и молитъ, какъ даянія достойнаго себя; торжественное извѣстіе, сообщенное *Московскимъ Вѣстникомъ*, что наконецъ и г-нъ Каченовскій собрался съ силами и готовится идти по слѣдамъ г-на Арцыбашева, г-нъ Арцыбашевъ, критикующій слогъ и языкъ Карамзина: *Московскій Вѣстникъ*, сознающійся, что критика г-на Арцыбашева написана съ

„выходками, лично относящимися къ Карамзину“, но не смотря на то, открывающій ей радушныя объятья, союзъ смѣшенія и заговоръ сихъ именъ въ виду имени, заслугъ и славы Карамзина, все это явленіе болѣе смѣшное, нежели прискорбное для нашей литтературной чести. Тутъ нѣтъ повода къ разсужденіямъ, къ изслѣдованіямъ, къ отвѣтамъ систематическимъ: тутъ одинъ поводъ къ осмѣянію“ (*Моск. Телегр.* 1828, № 19).

Эта сатира съ примѣчаніемъ задѣла М. П. Строева и онъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* напечаталъ слѣдующее: „Какъ?—Великій Историкъ стремился къ одной великой цѣли: Истинѣ; внимательно и съ ласкою выслушивалъ замѣчанія на свой трудъ, коего не признавалъ чуждымъ ошибокъ, охотно выправлялъ его, по дѣльнымъ указаніямъ, платя за сіе благодарностію. А защитники? Они выходятъ изъ себя отъ нѣсколькихъ удачныхъ поправокъ, формируютъ *Ареопагъ совъ* изъ ученыхъ, коимъ великій мужъ не приминулъ бы явить знаки своей признательности! Если ученый изслѣдователь, двацать пять лѣтъ посвятившій на тяжелый трудъ критическаго свода лѣтописей (каковъ г. Арцыбашевъ)—*сова*; если трудолюбивый профессоръ, въ двадцать лѣтъ своей службы, развернувшій не одинъ археологическій талантъ (каковъ г. Каченовскій) также *сова*; и журналистъ, руководимый любовію къ истинѣ и не причастный удѣламъ партій (какимъ почитаю васъ, т. е. Погодина), не болѣе *совы* — и все это отъ нѣсколькихъ замѣчаній, помѣщенныхъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* на *Исторію Государства Россійскаго*,—то къ какому разряду птицъ причислить меня, который, съ юношескихъ лѣтъ, критиковалъ ее, предъ самымъ творцомъ, въ его кабинетѣ?. . . . Не устрашайтесь, г. Журналистъ, терній на пути вашемъ къ истинѣ! Продолжайте любить ее, какъ любилъ великій мужъ, котораго тѣнь, безъ сомнѣнія, помаваетъ мнѣ въ знакъ одобренія. Помѣстите въ своемъ изданіи всѣ замѣчанія г. Арцыбашева; убѣдите г. Каченовскаго напечатать свои и не отрипьте моихъ, когда, изъ Мезени, Соловковъ, Чердыни или Кунгура, я удосужусь ихъ вамъ доставить“ (*Моск. Вѣстн.* 1828, №№ XXI, XXII, стр. 391—395).

IX.

Приступаемъ теперь къ описанію того предпріятія П. М. Строева, которое онъ самъ признавалъ „важнѣйшимъ изъ своихъ предпріятій“, и много лѣтъ спустя, а именно въ 1858 году, просилъ А. А. Куника

„выставить Археографическую Експедицію, *мною* предложенную и *мною* доведенную до зависѣвшихъ отъ меня результатовъ, въ истинномъ ея видѣ со всѣми не маловажными послѣдствіями, которыхъ безъ нея, конечно, еще долго не было бы и въ виду“ (*Вх. и Исх.* III, 36—38).

Преданіе гласитъ, что Великая Княгиня Марія Павловна, прочитавъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* Рѣчь П. М. Строева о необходимости Археографическаго Путешествія по Россіи, такъ ею заинтересовалась, что выразила полное сочувствіе къ осуществленію этой благой мысли. Участіе просвѣщенной, любознательной Великой Княгини, конечно, должно было одушевлять П. М. Строева и вотъ онъ, отъ 18-го марта 1828 года, пишетъ къ Президенту Императорской Академіи Наукъ С. С. Уварову слѣдующее письмо: „Кому неизвѣстны подвиги Императорской Академіи Наукъ и то великое вліяніе, какое, отъ эпохи своего основанія до настоящаго времени, она имѣла на ходъ и успѣхи учености въ нашемъ любезномъ Отечествѣ? Изъ сихъ подвиговъ, путешествія гг. Академиковъ, въ разные годы и по разнымъ областямъ совершенные, составляютъ вѣнецъ ея славы. Говоря словами Вашего Превосходительства (въ рѣчи 29-го декабря 1827) „мы обязаны симъ путешествіямъ всѣмъ, что знаемъ о Географіи, Статистикѣ и Естественномъ положеніи Россіи“. Не касаясь Гмелиновъ, Палласа, Лепехина и др. Естествоиспытателей, я, какъ Археологъ, обращаюсь къ Миллеру, сему дѣятельному мужу, цѣлые десять лѣтъ истощавшему дѣеписательныя богатства Архивовъ Сибирскихъ. Безъ его поѣздокъ по Зауральскимъ странамъ, сколь многіе епохи нашей Исторіи остались бы на всегда темными и даже потерянными. Имя Миллера будетъ повторяемо съ признательностію до тѣхъ поръ, пока у насъ будутъ Историки и Исторія! „*Академія Наукъ въ особенности обязана обратиться къ продолженію оныхъ ученыхъ путешествій*“.—Истина, выраженная устами Вашего Превосходительства (въ той же рѣчи 29-го декабря), въ которой ученый міръ былъ давно толико увѣренъ. Сіи слова, какъ искроносное електричество, оживили и мою всегдашнюю мысль: *о необходимости Археографическаго путешествія по Сѣверной и Средней Россіи*. Сія мысль, родившаяся во мнѣ при обозрѣніи разныхъ монастырскихъ книгохранилищъ, по волѣ покойнаго Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова, утвердилась многочисленною практикою Археографіи и созрѣла отъ двѣнадцати лѣтняго опыта и трудовъ по разнымъ частямъ Отечественнаго Дѣеписанія. Въ 1823 году, я раскрылъ подробности моей мысли въ Рѣчи, говоренной мною въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Сія рѣчь напечатана въ періодическомъ изданіи *Сѣверный Архивъ* (1823, № 19). Общество, нуждаясь въ денеж-

ныхъ пособіяхъ, не имѣло возможности приступить къ исполненію моего предложенія; но оно доставило мнѣ средства обозрѣть, хотя поверхностно, богатое книгохранилище Софійскаго Собора въ Новгородѣ. Сей обзоръ, впрочемъ кратковременный, еще болѣе убѣдилъ меня въ необходимости археографически путешествовать по Россіи. Въ исходѣ 1825 года, освободясь отъ одного ученаго труда, долго меня занимавшаго, я обратился съ симъ же предложеніемъ къ Государственному Канцлеру, моему Покровителю и Образователю на поприщѣ Отечественныхъ Древностей. Великій мужъ, нещадившій иждивенія на все полезное, былъ готовъ содѣйствовать моему предпріятію, когда никого нещадящая рука смерти положила предѣлъ патріотической его жизни. Я осиротѣлъ, занялся другимъ, не менѣе обширнымъ дѣломъ, и исполненіе безпрерывно-зрѣющей мысли предоставилъ времени и благопріятству случая. Теперь я снова свободенъ и время, кажется, благопріятное! Ваше Превосходительство, мощный начальникъ Академіи Наукъ, направляющій ходъ ея дѣйствій на все славное и полезное для Отечества, болѣе другихъ увѣренный въ необходимости продолженія ученыхъ путешествій по Россіи, безъ труда постигнете безкорыстное усердіе корреспондента оной Академіи—званіе, коимъ два года имѣю счастіе гордиться. Вниманіе къ моему предначертанію и дѣятельное покровительство, какихъ смѣю ожидать отъ Вельможи, являющаго собою образецъ ревностныхъ любителей учености; отъ Мецената, къ которому отечественная Кліо обращаетъ свои надежды: сіе вниманіе и покровительство дадутъ Вашему Превосходительству случай прибавить новый перлъ къ вѣнцу Академіи, конечно и безъ сего драгоцѣнному: я разумѣю перлъ предпріятія, не исполненіе; ибо не имѣю дерзости хвалиться заранѣе. Поелику важность, польза и то особенное вліяніе, какое археографическія поѣздки должны имѣть на успѣшнѣйшее совершенствованіе нашего Дѣеписанія, изложены мною подробно въ Рѣчи, говоренной въ Обществѣ Исторіи (14 іюня 1823), то повторять снова одно и то же мнѣ кажется безполезно. Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить милостиваго вниманія Вашего Превосходительства на мысль, меня неоставляющую: да приведетъ ее въ исполненіе небольшой удѣлъ тѣхъ великихъ средствъ, коими Академія Наукъ толико надѣлена Щедрою Десницею нашего Мудраго Монарха. Руководимый единымъ усердіемъ къ совершенствованію нашей Исторіи, обратившимся во мнѣ въ страсть, я совершенно чуждъ побужденій егоизма и корысти. Раздѣлять подвиги Академіи, стать въ ряду знаменитыхъ ея членовъ-путешественниковъ: вотъ моя награда, вотъ мечта моего честолюбія! Простите великодушно, Ваше Превосходительство, если симъ моимъ предложеніемъ я отвлекъ васъ отъ занятій всегда

важныхъ и благодѣтельныхъ для отечественной учености" (*А. Э.* I, 1—3). При этомъ письмѣ Строевъ представляетъ Уварову проектъ плана Археографическаго путешествія, въ которомъ излагаются предстоящія обязанности Археографа и его будущія отношенія къ Академіи:

§ 1. Цѣль Археографическаго путешествія по Россіи есть обстоятельное познаніе *всѣхъ* (буде возможно) письменныхъ памятниковъ и пособій Отечественной Исторіи, Дипломатики, древней Статистики, прежняго Законовѣденія и прочихъ, кои находятся въ монастырскихъ, соборныхъ, духовно-училищныхъ и другихъ библіотекахъ; въ старыхъ архивахъ городовъ, судебныхъ мѣстъ и проч.

§ 2. Поелику историческіе, дипломатическіе и прочіе акты наиболѣе уцѣлѣли въ тѣхъ мѣстахъ, кои рѣже другихъ подвергались частымъ въ прежнія времена нашествіямъ враговъ и сопряженному съ тѣмъ опустошенію и пожарамъ, то поприщемъ путешествующаго Археографа должна быть преимущественно Сѣверовосточная часть Европейской Россіи, богатая обителями и ихъ книгохранилищами. Онъ объѣдетъ также среднія губерніи и нѣкоторыя изъ западныхъ, но не коснется южнаго края, гдѣ еще въ прошломъ столѣтіи были однѣ безлюдныя степи, или, какъ называли въ старину, *поле*. Черта сего поля есть южный предѣлъ Археографическаго путешествія.

§ 3. Археографическое путешествіе, для удобности, раздѣлится на части или *поѣздки*, такъ, чтобы каждая изъ нихъ составляла нѣчто отдѣльное, имѣющее свой кругъ, характеръ, систему. Число сихъ поѣздокъ можно назначить произвольное; но по естественному и историческому положенію областей Россійскихъ, ихъ должно быть три: *Сѣверная*, *Средняя* и *Западная*.

§ 4. Поприщемъ первой поѣздки будутъ губерніи: Санктпетербургская, Псковская, Новгородская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Пермская и Вятская. Поприщемъ второй: Костромская, Ярославская, Тверская, Московская, Владимірская, часть Нижегородской, Казанской и Симбирской, сѣверные уѣзды Пензенской и Тамбовской, Рязанская, Тульская и Калужская. Поприщемъ третьей: Смоленская, Витебская, Могилевская, Минская, Волынская, три Малороссійскія, Курская и Орловская.

§ 5. На совершеніе сихъ поѣздокъ полагается достаточнымъ: на первую три года, на вторую два, на третью одинъ годъ; но, быть можетъ, нѣсколько болѣе или менѣе, смотря по богатству изысканій. Въ *шесть* или *семь* лѣтъ Експедиція совершитъ всѣ свои дѣйствія.

§ 6. Порядокъ губерній и поѣздокъ, показанный въ § 4-мъ, таковъ, если Археографическое путешествіе начнется изъ Санктъ-Петербурга и по Сѣверо - Восточному краю. Но если Експедиція выѣ-

детъ изъ Москвы, то, разумѣется, должно предпринять прежде поѣздку Среднюю, потомъ Сѣверо-Восточную, наконецъ Западную. Оба порядка удобны, но первый предпочтительнѣе, по обилію предметовъ Археографіи.

§ 7. Частныя подробности каждой поѣздки (откуда начать, чрезъ какія мѣста слѣдовать, гдѣ и когда быть и проч.) должны быть предоставлены полной волѣ путешествующаго: все сіе зависитъ отъ удобствъ мѣстныхъ, временъ года, путей сообщенія; а потому предварительные маршруты могутъ скорѣе замедлить, нежели ускорить дѣйствія Археографической Експедиціи.

§ 8. Главная обязанность путешествующаго Археографа: посѣтить всѣ книгохранилища монастырскія, соборныя и другія сего рода; старые архивы городовъ, судебныхъ мѣстъ и проч. Слово *всѣ* предполагается въ сколь возможно обширномъ значеніи: ибо посѣщать хранилища древностей по выбору или по предварительному отзыву начальственныхъ лицъ значитъ не вполнѣ достигнуть предполагаемой цѣли. О причинахъ сего сказано мною индѣ. Археографъ не оставитъ безъ должнаго вниманія и частныя собранія древностей, если владѣльцы ихъ пожелаютъ его обзора.

§ 9. Въ каждомъ изъ книгохранилищъ монастырскихъ и иныхъ духовнаго вѣдомства, Археографъ обязанъ составить обстоятельный каталогъ всѣхъ (безъ исключенія) находящихся тамъ рукописныхъ книгъ, грамотъ и другихъ актовъ. Образцомъ сихъ каталоговъ можетъ служить, изданное въ 1825 году, *Описаніе Словяно-Россійскихъ рукописей библіотеки графа Ѳ. А. Толстова*: оно составлено по руководству лучшихъ иностранныхъ Археографовъ.

§ 10. Для обезпеченія навсегда сохранности рукописей, грамотъ и проч., и для руководства аскетиковъ-библіотекарей, при сдачѣ ихъ одинъ другому и будущемъ требованіи куда либо самыхъ подлинниковъ, копій или выписокъ: Археографъ оставитъ въ каждомъ книгохранилищѣ краткое, но достаточное извлеченіе изъ сдѣланнаго имъ каталога, съ подписью его по листамъ, а на книгахъ и грамотахъ наклеитъ печатные ярлыки съ нумерами *).

§ 11. При обзорѣ старыхъ архивовъ городовъ, монастырей, судебныхъ мѣстъ и проч., Археографа будетъ руководствовать собственное его стремленіе къ повсемѣстному открытію пособій, относящихся къ предмету его путешествія; ибо въ семъ отношеніи не можно сдѣлать положительныхъ правилъ и ревностное трудолюбіе откроетъ ему

*) Такъ сдѣлано мною въ тѣхъ монастырскихъ библіотекахъ, кои, по волѣ покойнаго Государственнаго Канцлера, я описалъ въ 1817, 18 и 20 годахъ.

болѣе, нежели всякія предварительныя наставленія. Сибирскіе городовые Архивы доставили богатую историческую жатву при дѣятельности ученаго Миллера.

§ 12. Со всѣхъ актовъ, статей и небольшихъ сочиненій неизвѣстныхъ и почему либо примѣчательныхъ, должно снять вѣрные списки; а въ случаѣ двухъ или нѣсколькихъ экземпляровъ одного и того же, сдѣлать сводъ, указавъ варіанты. Относительно большихъ рукописей, оригинальныхъ и любопытство заслуживающихъ, можно ограничиться извлеченіями или критическимъ обзоромъ. Сіи списки и извлеченія будутъ имѣть однообразіе наружной формы, дабы, по окончаніи Експедиціи, можно было составить изъ нихъ одно собраніе, систематически расположенное въ портфеляхъ.

§ 13. Съ древнихъ рукописей, кои могутъ служить пособіями къ составленію Славянской Палеографіи, и автографій особъ исторически знаменитыхъ необходимо снимать fac-simile. Церковная утварь и другія принадлежности Богослуженія, равно остатки язычества и древняго домашняго быта, если они заслуживаютъ любопытство, не ускользнутъ отъ вниманія Археографа.

§ 14. Кромѣ сего Археографъ станетъ вести обстоятельныя путевыя записки о томъ, что онъ видѣлъ и замѣтилъ примѣчательнаго, какъ относительно главнаго предмета путешествія, такъ и всего, что способно содѣйствовать расширенію историческихъ и древле-статистическихъ свѣдѣній о нашемъ Отечествѣ. Топографія лѣтописцовъ, древняя этнологія, старинныя художества, критическія изслѣдованія, все можетъ имѣть здѣсь свое мѣсто. Сіи записки будутъ изданы въ свѣтъ: или вполнѣ, по окончаніи всего путешествія, или по частямъ, за каждою поѣздкою.

§ 15. Каталоги книгохранилищъ духовнаго вѣдомства, о коихъ сказано въ § 9, по окончаніи всего путешествія и возвращеніи Археографа на мѣсто всегдашняго его пребыванія, будутъ имъ приведены въ одну *Общую роспись всѣхъ рукописныхъ пособій Отечественной Исторіи и древней Словесности.* Сія роспись, ключь къ библіотекамъ цѣлой Россіи, будетъ въ порядкѣ систематическомъ, возможно пространна и составитъ нѣсколько томовъ. Образецъ ея приложенъ къ концу сего проэкта.

§ 16. Дабы не затруднять излишне путешествующаго Археографа и, отнимая время, не отвлекать его отъ цѣли и предметовъ его обязанности, Императорская Академія Наукъ устранитъ всѣ малополезныя формы чинообрядія и подробной отчетности объ успѣхахъ Экспедиціи въ самое время ея совершенія. Довольно краткихъ, мѣсячныхъ донесеній, чтобы имѣть въ виду ея мѣстонахожденіе и главные успѣ-

хи. Всѣ каталоги, извлеченія, копіи, путевыя записки, будутъ находиться у Археографа до окончанія каждой поѣздки. Тогда, въ надлежащемъ видѣ и порядкѣ, все сіе представится Академіи. Извѣстно, сколь недодѣланное состояніе частей, при ранней гласности, вредитъ цѣлому предпріятію.

§ 17. Академія Наукъ, для приращенія своей библіотеки и коллекцій можетъ уполномочить Археографа: пріобрѣтать для нее рукописи, рѣдкія печатныя книги, монеты и всякаго рода древности; поелику въ мѣстахъ отдаленныхъ и отъ самихъ владѣльцовъ, можно все сіе доставать за несравненно меньшую цѣну, нежели покупая въ столицахъ, у продавцевъ рѣдкостей, къ коимъ онѣ доходятъ иногда черезъ многія руки.

§ 18. Въ помощь Археографу Академія Наукъ доставитъ двухъ прилежныхъ писцовъ, способныхъ копировать древнія рукописи. Для снятія fac-simile и изображеній древнихъ вещей необходимъ искусный художникъ. Также потребны два или три добраго поведенія инвалида, для прислуги и сохраненія принадлежностей Экспедиціи.

§ 19. Чтобы устранить всѣ препятствія, кои могли бы встрѣтить Археографа, при обозрѣніи имъ монастырскихъ и другихъ библіотекъ и Архивовъ, Академія Наукъ испроситъ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, дабы всѣ хранилища древностей были доступны для Археографической Экспедиціи, а городскія и земскія начальства вспомогали ей въ разсужденіи покойнаго квартированія въ городахъ и переѣздовъ изъ мѣста въ мѣсто.

§ 20. Академія Наукъ исходатайствуетъ также, чтобы на все время путешествія, Археографъ былъ откомандированъ отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ вѣдомствѣ коего онъ состоитъ) въ полное и совершенное ея вѣдѣніе. По окончаніи дѣла онъ паки возвратится къ мѣсту нынѣшней его службы.

§ 21. Мѣра издержекъ, необходимыхъ на содержаніе Археографа, художника, писцовъ и инвалидовъ, на прогоны, путевые и непредвидѣнные расходы зависитъ отъ соображеній и назначенія самой Академіи.

§ 22. Всѣ каталоги, извлеченія, копіи, путевыя записки и проч. какъ пріобрѣтенія Археографическаго путешествія по Россіи, совершеннаго волею, средствами и иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ, суть безусловная и полная ея собственность. Археографъ вмѣнитъ себѣ во мзду и то, что порывъ его усердія къ совершенствованію Отечественнаго Дѣеписанія будетъ приведенъ въ исполненіе и оправдаетъ справедливыя надежды.

§ 23. Императорская Академія Наукъ имѣетъ полное право прибавить или отмѣнить что либо въ семъ предначертаніи (*А. Э.* I, 4—14).

Какъ письмо, такъ и проектъ, П. М. Строевъ счелъ полезнымъ представить С. С. Уварову чрезъ Графа Ѳ. А. Толстаго, который поспѣшилъ увѣдомить Строева, что онъ самъ отвезъ пакетъ къ Уварову и что послѣдній, съ своей стороны, находитъ его дѣло очень полезнымъ. „Но", пишетъ далѣе Толстой, „рѣшить сего (Уваровъ) не можетъ безъ Конференціи, для чего и отправилъ бумаги твои туда. Будемъ ожидать, чѣмъ Госпожа Конференція рѣшитъ ето. Послѣ окончанія письма сего случайно я видѣлся съ Уваровымъ, отъ котораго узналъ, что прокламація твоя Конференціею препоручена професору Кругу, хорошо тебѣ и мнѣ знакомому. Я постараюсь съ нимъ повидаться и въ пользу твою поговорить съ нимъ" (*Письма*, I, № 181).

21-го мая 1828 года, Ф. И. Кругъ предъявилъ Конференціи свое донесеніе, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Надобно считать священною обязанностію — какъ можно скорѣе спасать отъ погибели то, что еще можно спасти. Честь перваго ученаго заведенія неизбѣжно этого требуетъ. Потребная для этой цѣли сумма, въ сравненіи съ важностію цѣли, не можетъ быть значительна для Академіи. Я предлагаю всѣмъ Гг. сочленамъ усерднѣйше просить объ этомъ Г. Президента". О планѣ путешествія Кругъ отозвался весьма лестно для Строева: „Я нахожу, что онъ начертанъ съ знаніемъ дѣла и разсудительно, какъ и должно было ожидать отъ Автора, судя по его прежнимъ занятіямъ и давней опытности. Уже нѣсколько лѣтъ назадъ я узналъ и оцѣнилъ труды его чрезъ посредство покойнаго Канцлера. Въ послѣдствіи я и лично съ нимъ познакомился. Въ доказательство моего уваженія къ его занятіямъ и разнообразнымъ заслугамъ въ Наукѣ, я предложилъ избрать его въ члены-кореспонденты Академіи въ день ея юбилея. Мое одобрительное мнѣніе о немъ вообще не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; но здѣсь я долженъ еще въ частности объяснить:

1) Что я считаю г. Строева самымъ способнымъ для предполагаемаго путешествія.

2) Что я совершенно увѣренъ въ искренней правдивости его словъ, въ письмѣ Г. Президенту: „я совершенно чуждъ побужденій эгоизма и корысти".

3) Что я не считаю нужнымъ стѣснять его подробною инструкціею, что̀ могло быть нужнымъ для кого нибудь другаго, и что на его ревность и прилежаніе и на его честь вполнѣ можно положиться.

4) Что Академія можетъ безъ всякаго опасенія оказать ему до-

вѣріе, уполномочивъ его покупать за выгодную цѣну рукописи, рѣдкія книги и другія древности.

5) Что путешествія, которыя въ три разные годы совершилъ г. Строевъ на иждивеніе Канцлера, и во время которыхъ онъ открылъ столько интересныхъ, прежде неизвѣстныхъ или считавшихся потерянными рукописей, служатъ въ моихъ глазахъ ручательствомъ, что нынѣшнее путешествіе, предпринимаемое въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, будетъ имѣть самые счастливые результаты. Донесеніе это было бы раньше представлено Конференціи, если бы я не ожидалъ въ это время ближайшихъ свѣдѣній о рукописяхъ одного раскольничьяго монастыря въ Олонецкой губерніи на рѣкѣ Выгѣ (Выгскій монастырь), — рукописяхъ, на покупку которыхъ два брата Князья Мышецкіе истощили все свое имѣніе; также о средствахъ найти въ этомъ монастырѣ пріемъ и содѣйствіе, чего достигнуть тамъ, какъ и въ другомъ монастырѣ на рѣкѣ Лексѣ, имѣющемъ такое же собраніе книгъ, говорятъ, не легко для людей, не принадлежащихъ къ расколу. Къ сожалѣнію, я не успѣлъ еще получить этихъ свѣдѣній, но не хотѣлъ откладывать долѣе моего отзыва о предпріятіи, которое кажется мнѣ вполнѣ достойнымъ одобренія".

Общее собраніе Академіи, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Круга, что предполагаемое путешествіе есть, такъ сказать, „священная обязанность, отъ которой первое ученое заведеніе Имперіи не можетъ уклониться, не подвергаясь справедливымъ упрекамъ въ равнодушіи", рѣшило: отправить Строева въ археографическое путешествіе, ассигновавъ на этотъ предметъ десять тысячъ рублей асс. (Куникъ. *Содѣйствіе Круга Канцлеру Графу Румянцову въ пользу Русской исторіи. Журн. Мин. Народн. Просв.* 1850. № 1, стр. 27—30).

Почти одновременно съ офиціальнымъ извѣстіемъ о благопріятномъ рѣшеніи Академіи, П. М. Строевъ былъ обрадованъ слѣдующими строками Графа Толстаго (отъ 4-го августа 1828): „Я пріѣхалъ въ Питербургъ благополучно и при самомъ пріѣздѣ узналъ отъ зятя моего *), что путешествіе твое, для отыскиванія древнихъ рукописей, Государемъ утверждено и на оное тебѣ полагается десять тысячъ рублей" (*Письма*, I, № 191). Въ другомъ письмѣ (отъ 8-го августа) Графъ сообщилъ Строеву, что М. М. Сперанскій очень доволенъ его „вояжемъ за рукописями" и надѣется самъ „воспользоваться ими" (*Письма*, I, № 192). Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Графъ Ѳедоръ Андреевичъ принялъ близко къ сердцу предпріятіе Строева, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и нижеслѣдующее его письмо:

*) Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. А. Закревскаго.

„Препровождаю при семъ тебѣ, любезный Павелъ Михаиловичь, двѣ бумаги: писменную, полагаю, что ты уже имѣешь по начальству; а печатнаго циркуляра ко всѣмъ губернаторамъ вѣрно у тебя еще нѣтъ, онъ вчерашній день отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ во все государство отправленъ. Чтобы дѣлу сему болѣе важности придать Арсеній Андреевичъ, въ концѣ предписанія, требуетъ ото всѣхъ отвѣта въ ихъ распоряженіяхъ; ето на губернаторовъ сдѣлаетъ нѣкоторое вліяніе. Кажется, дѣло твое очень хорошо слажено, остается тебѣ оправдать себя въ толь важномъ препорученіи, которому много есть завидующихъ; есть лица, которые не ожидаютъ болшого успѣха отъ твоего путешествія, у меня за ето болшіе выходятъ споры. Я полагаю, что тебѣ за инструкціей немедленно надо, въ делижансѣ, пріѣхать къ намъ и хорошенько во всемъ распорядиться" (*Письма*, I, № 193).

Желая привлечь къ участію въ своемъ предпріятіи также и Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, П. М. Строевъ въ торжественномъ засѣданіи Общества, въ день Преподобнаго Нестора, 27-го октября 1828 года, произнесъ нижеслѣдующую Рѣчь:

„Почтеннѣйшіе Сочлены! Въ 1823 году я удостоился лестной чести засѣдать съ вами. Началомъ дѣйствій моихъ, какъ Члена Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, было тогда (іюня 13) изложеніе: *средствъ удобнѣйшихъ къ открытію памятниковъ нашей Исторіи и способа успѣшнѣйшаго обработывать оные.*

Началомъ и основаніемъ сего дѣла я полагалъ снаряженіе учено-исторической экспедиціи, которая, въ теченіи шести или семилѣтняго времени, должна объѣхать и обозрѣть всѣ библіотеки духовнаго вѣдомства, старые архивы городовъ и другія хранилища древностей, отъ береговъ Бѣлаго моря до степей Новороссійскихъ и отъ хребта Уральскаго до Литвы и Польши.

Вы, Почтеннѣйшіе Сочлены, не затрудились тогда признать мои предположенія заслуживающими должное вниманіе; но не въ вашей волѣ было привести ихъ въ исполненіе. Недостатокъ денежнаго пособія, сей главной пружины великихъ и малыхъ дѣлъ человѣческихъ, которую шутливый Сатирикъ Римскій ставитъ выше самой доблести, было камнемъ преткновенія благороднаго и дѣятельнаго стремленія вашего на пользу всего Отечественнаго. Но въ душѣ моей глубоко врѣзано чувство признательности и за тѣ средства, кои ревностному и доблестями преисполненному Предсѣдателю нашему благоугодно было доставить мнѣ, для обозрѣнія Софійскаго книгохранилища въ Новгородѣ, одного изъ самыхъ богатыхъ въ Имперіи. Только десятидневное тамъ пребываніе и весьма значительныя затрудненія были един-

ственною причиною, что я не могъ всего обозрѣть, но сдѣлалъ, что могъ, и симъ обозрѣніенъ пополнилъ прежнія мои заключенія и идеи объ успѣшнѣйшемъ совершенствованіи нашей Исторіи.

Въ генварѣ сего года, дописавъ послѣднія страницы моихъ алфавитовъ къ *Исторіи Государства Россійскаго*, я воскликнулъ: *кончено*; но воображеніе мое, еще полное живыхъ впечатлѣній генія Карамзина и немаловажныхъ его погрѣшностей, внезапно поразило меня мыслію: *пора начинать изысканія*. Съ новымъ опытомъ, съ новыми знаніями и пополненіемъ всегдашней моей идеи археографическихъ обозрѣній, я принялся за проектъ, въ 1823 году представленный вамъ, Почтеннѣйшіе Сочлены, и благопріятство случая увѣнчало мои надежды совершеннымъ успѣхомъ.

Я обратился къ Императорской Академіи Наукъ, которая еще при торжествѣ столѣтняго своего юбилея (въ 1826 г.) почтила меня званіемъ ея корреспондента. Его Превосходительство Г. Президентъ Академіи, не только благосклонно внялъ моему предложенію, но постигая въ полной мѣрѣ необходимость изысканій, для должнаго совершенства нашего дѣеписанія, указалъ мнѣ путь и способы къ исполненію моихъ преднамѣреній. Скажу короче: въ исходѣ минувшаго марта представленъ мною Академіи Наукъ проектъ Археографическаго путешествія по Россіи, а 14 іюля объявлено Комитету гг. министровъ, что Государь Императоръ Высочайше соизволяетъ на оное.

Такимъ образомъ Высочайшимъ соизволеніемъ Государя Императора и благороднымъ пожертвованіемъ Императорской Академіи Наукъ доставлены мнѣ средства археографически путешествовать по Россіи. Теперь мнѣ предлежитъ трудиться, предсѣвать и пожинать обильно. Экспедиція уже собрана и въ февралѣ будущаго 1829 года начнутся ея дѣйствія съ Сѣверныхъ губерній Европейской Россіи. Первая часть путешествія продолжится два или два съ половиною года.

Но, Почтеннѣйшіе Сочлены, при начинаніи столь великихъ надеждъ исполненнаго дѣла, ужели пребудетъ празднымъ зрителемъ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, сіе ученое сословіе, столь много содѣйствовавшее успѣхамъ Отечественнаго Дѣеписанія и среди коего раздались первые звуки моихъ предложеній объ Археографическомъ путешествіи. Уже ли оно откажетъ, хотя въ лептѣ, для приращенія сокровищницы Россійскія Кліо?

Въ пятомъ десятилѣтіи прошедшаго вѣка совершилось Археографическое путешествіе знаменитаго Миллера по странамъ Зауральскимъ. Ровно чрезъ восемьдесятъ лѣтъ начинается настоящее отправленіе отъ Императорской Академіи Наукъ и кто рѣшится угадывать

чрезъ сколько десятилѣтій послѣ сего предпринято будетъ опять что-либо подобное? И такъ, не должно-ли воспользоваться настоящимъ случаемъ сколь возможно полнѣе?

Изученіе Отечественной Исторіи, при нынѣшнихъ ея средствахъ и источникахъ, сопряжено съ великою трудностію, желаніе работать на ея поприщѣ, кромѣ великаго терпѣнія и труда, сопряженное съ необходимымъ благопріятствомъ случая, неохотно отверзающаго входъ въ хранилища древностей, и не только безкорыстное, но требующее даже изрядныхъ издержекъ, не можетъ легко воспламенить генія юныхъ талантовъ; напротивъ, оно способно подавить его или отклонить къ другимъ занятіямъ, гораздо выгоднѣйшимъ. При такомъ положеніи дѣлъ нашей Археологіи питомцы Отечественной Кліо ужели не заслуживаютъ ревностнаго старанія усилить и развернуть зародышъ историческаго таланта, нечаянно запавшій въ юную душу и безъ заботливаго одобренія долженствующій несомнѣнно погибнуть въ самыхъ малыхъ отпрыскахъ.

Если все сіе такъ, то при настоящемъ отправленіи отъ Императорской Академіи Наукъ Археографической Экспедиціи, Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, кажется, очень кстати и благовременно можетъ оказать ревностное соучастіе въ великомъ дѣлѣ Исторіи, слѣдующимъ образомъ: Почему Совѣту Императорскаго Московскаго Университета, изъ числа многочисленныхъ студентовъ, не избрать одного, въ коемъ прозябаетъ уже зерно таланта Отечественной Исторіи, и быть можетъ, довольно полное, а Обществу Историческому не согрѣть, не воспитать и не возрастить онаго? Такой питомецъ, будучи присоединенъ къ Археографической Экспедиціи, подъ моимъ руководствомъ, посѣщая многочисленныя хранилища древностей и тщательно изучая и разбирая памятники, кои, въ другое время, ему не удастся и видѣть, даже при умѣренномъ стараніи и трудахъ, можетъ познать очень многое. По окончаніи первой части путешествія, сего студента странствователя можетъ смѣнить другой, а послѣ второй части, третій. Такимъ образомъ въ шесть или семь лѣтъ Археографическаго путешествія, изъ сихъ трехъ питомцевъ ужели не выйдетъ хотя одного, довольно опытнаго археографа, нумисмата, историка и проч.? И какою ничтожною суммою можно сего достигнуть.

Почтеннѣйшіе Сочлены! Предложеніе мое безкорыстно, случай благопріятенъ, польза, кажется, очевидна. Судите, но не осуждайте". (*Э. А.* I, 18—20).

При этомъ Строевъ составилъ и проектъ „присоединенія къ Археографической Экспедиціи одного изъ студентовъ Императорскаго

Московскаго Университета“, который и представляется здѣсь въ его подлинномъ видѣ:

§ 1. Единственная цѣль присоединенія къ Археографической Экспедиціи, снаряжаемой Императорскою Академіею Наукъ, одного изъ студентовъ Императорскаго Московскаго Университета и, чрезъ каждые два года, смѣны его другимъ и третьимъ, есть: развитіе и усовершенствованіе историко-археологическихъ талантовъ, уже проявившихся, и чрезъ то приготовленіе трехъ молодыхъ антикваріевъ (а быть можетъ) историковъ, практическою работою надъ письменными памятниками Отечественной Исторіи, кои разбросаны по обширному пространству Имперіи. Симъ способомъ образованные питомцы могутъ особенно содѣйствовать исполненію преднамѣреній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое (какъ извѣстно) нуждается въ практически-ученыхъ издателяхъ.

§ 2. Выборъ и назначеніе студентовъ, для настоящаго присоединенія къ Экпедиціи и будущихъ смѣнъ, неоспоримо принадлежитъ Совѣту Императорскаго Московскаго Университета; но нельзя не замѣтить, что при семъ выборѣ главнѣйшее вниманіе должно быть обращено на нравственное качество. Въ юношѣ, только что кончившемъ курсъ разныхъ наукъ, невозможно предполагать черезъ-чуръ многочисленнаго историческаго знанія, а постоянное прилежаніе, любознательность и друхъ-лѣтняя практика весьма удобно превратятъ сей недостатокъ въ обиліе и богатство опытныхъ свѣдѣній.

§ 3. Присоединяемый къ Экспедиціи студентъ долженъ находиться въ совершенномъ и непосредственномъ подначальствѣ путешествующаго Археографа. Онъ обязанъ исполнять безпрекословно всѣ дѣлаемыя ему порученія и отъ трудовъ не отказываться. Какъ члену Археографической Экспедиціи, дабы прочимъ не было дурнаго примѣра своеволія, разрушающаго всякое благое дѣло, ему нельзя отлучаться куда либо безъ согласія начальника оной, ни также имѣть право сноситься самимъ собою съ какими либо лицами. Да одушевляетъ его мысль, что онъ посланъ для единственной цѣли: изучить Отечественныя древности въ ихъ памятникахъ и черезъ два года возвратиться къ обработыванію ихъ съ изряднымъ запасомъ знаній и опыта. Всякая заносчивость, мечтательные планы и горделивое пренебреженіе должны быть устранены совершенно.

§ 4. Съ своей стороны, Начальникъ Археографической Экспедиціи принимаетъ на себя обязанность: всѣми возможными и отъ него зависящими средствами раскрыть, упрочить и направить какъ должно, юные историко-археологическіе таланты. Онъ вмѣнитъ себѣ въ священный долгъ: передать питомцамъ Отечественной Кліо всѣ нужныя

знанія и пріобрѣтенія прежней и будущей своей опытности. Образъ занятія сихъ питомцевъ будетъ направленъ къ цѣли, о коей сказано выше, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ успѣшному дѣйствію Экспедиціи. Излишняя праздность способна только истреблять зародыши, развиваемые его наставленіями и практикою. Онъ покажетъ своему спутнику все, что будетъ имѣть случай видѣть самъ и никогда не затруднится въ исполненіи просьбы собственной его любознательности, если не возникнетъ какихъ либо значущихъ и не отъ него зависящихъ препонъ. Студентъ можетъ вести журналъ своихъ наблюденій и Начальникъ Экспедиціи всячески порадѣетъ о полнотѣ онаго, но само собою разумѣется, что изданіе онаго въ свѣтъ (вполнѣ и отрывками) отъ него самого или посредствомъ Общества Историческаго, безъ предварительнаго согласія Императорской Академіи Наукъ, какъ единственной виновницы Археографической Экспедиціи, и до выхода въ свѣтъ записокъ Начальника оной, есть дѣло предосудительное и съ цѣлію прикомандированія студентовъ ни мало не сходное.

§ 5. Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета, при отправленіи каждаго изъ студентовъ, благоволитъ снабжать ихъ приличною инструкціею, со внесеніемъ всего вышеписаннаго. Начальникъ Археографической Экпедиціи считаетъ необходимымъ домогаться еще слѣдующаго: если (отъ чего Боже избави) присоединенный къ нему студентъ, своею заносчивостію, неповиновеніемъ, буйствомъ или развратнымъ поведеніемъ будетъ причинять безпорядокъ, безславіе и помѣшательство въ дѣйствіяхъ Археографической Экспедиціи, да предоставится ему полное право (упроченное Академіею Наукъ въ разсужденіи другихъ его спутниковъ): немедленно возвратить таковаго въ Москву, къ начальству Университета, на собственныхъ своихъ прогонахъ, безъ всякой въ послѣдствіи аппеляціи или отчета. Замѣнить возвращеннаго студента другимъ, или прекратить совершенно сіе дѣло, будетъ неотъемлемая и полная воля Императорскаго Московскаго Университета.

§ 6. Поелику обязанность образованія молодыхъ археологовъ, Начальникъ Археографической Экспедиціи пріемлетъ на себя безкорыстно, а нахожденіе ихъ при оной сопряжено съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ ея и издержками: по сей причинѣ начальство Императорскаго Московскаго Университета или Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ (полагаю) не затруднится ежегоднымъ ассигнованіемъ небольшой суммы (1108 р. госуд. асс.), по приложенному ниже исчисленію.

Исчисленіе

издержекъ на содержаніе одного изъ студентовъ Императорскаго Московскаго Университета при Археографической Экспедиціи.

Прогоновъ на одну лошадь на 8000 верстъ. . . .	400 р.
На содержаніе по 1 р. 50 к. на день	548 „
На одежду (которая въ дорогѣ скорѣе носится). . .	100 „
На мелкія издержки по 5 р. въ мѣсяцъ	60 „
Итого. .	1108 р.

Деньги сіи Начальникъ Экспедиціи получитъ за годъ впередъ. Онъ довольствуетъ студента пищею, но деньги на одежду и мелкіе расходы выдаетъ ему самому по мѣрѣ надобности" (*А. Э.* I, 21, 22).

Такимъ образомъ, П. М. Строевъ, еще въ 1828 году пытался осуществить ту самую мысль, которая осуществлена только теперь, ровно черезъ пятьдесятъ лѣтъ, учрежденіемъ въ С.-Петербургѣ, по почину Н. В. Калачова, Археологическаго Института, для приготовленія спеціалистовъ архивнаго дѣла.

Не смотря на очевидную важность предложенія Строева, старѣйшій изъ Русскихъ Университетовъ, Московскій, не отозвался на него даже ни единымъ словомъ (*А. Э.* I, 55), тогда какъ Дерптскій Университетъ спѣшитъ воспользоватьси снаряжаемою отъ Академіи Экспедиціею и, по предложенію Профессора Ледебура, проситъ присоединить къ ней молодаго Дерптскаго ботаника, который, по объясненію П. Н. Фуса, сопровождая путешествующаго археографа, будетъ заниматься собираніемъ растеній. Разумѣется, прибавляетъ Фусъ въ письмѣ къ Строеву, „онъ самъ себя будетъ содержать и не причинитъ вамъ никакихъ издержекъ, а желаетъ только находиться подъ вашею защитою" (*А. Э.* I, 51). „На предложеніе Профессора Ледебура", Строевъ отвѣчалъ, что онъ „совершенно согласенъ и молодой ботаникъ можетъ присоединиться къ Археографической Експедиціи. Онъ не только не отяготитъ насъ, напротивъ того, будетъ весьма полезенъ, практикуя насъ въ Нѣмецкомъ языкѣ и научая ботанизировать. Мы ожидаемъ его въ Архангельскѣ" (*А. Э.* I, 56).

Выборъ спутниковъ Конференція Академіи Наукъ предоставила въ полное распоряженіе Строева и по этому поводу Фусъ писалъ ему: „избравъ васъ для исполненія предпріятія столь важнаго,

отъ коего Академія въ правѣ *ожидать для науки приращенія, а для себя новой славы*, она дала вамъ доказательство полнаго къ вамъ довѣрія какъ въ разсужденіи ученыхъ вашихъ знаній такъ и въ отношеніи опытности вашей въ трудахъ и изысканіяхъ сего рода“ (*А. Э.* I, 17).

П. М. Строевъ выбралъ себѣ въ спутники двухъ чиновниковъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: коллежскаго секретаря Николая Лебедева и коллежскаго протоколиста Игнатія Городскаго; послѣдній былъ извѣстенъ и Государственному Канцлеру Графу Н. П. Румянцову. Съ этими лицами, Строевъ въ самый день Рождества Христова 1828 года заключилъ слѣдующее условіе. 1) Къ совершенію Археографическаго Путешествія по Россіи мнѣ необходимы спутники, способные копировать древнія рукописи и содѣйствовать при описаніи ихъ; также для сниманія fac simile почерковъ и изображеній примѣчательныхъ древностей. 2) На все время Археографическаго Путешествія (которое продолжится 6-ть или 7-мь лѣтъ) оставляя въ Москвѣ драгоцѣннѣйшее моему сердцу (жену и дѣтей) и посвящая здоровье, время и труды успѣшнѣйшему совершенію мнѣ порученнаго, я имѣю полное право требовать отъ моихъ спутниковъ, чтобы они были равно трудолюбивы, дѣятельны, скоры на дѣло и невнимательны къ зову разсѣянія. 3) Concordia res parvae crescunt да будетъ девизомъ Археографической Експедиціи. Какъ начальникъ оной я потщусь привязать къ себѣ моихъ спутниковъ въ духѣ любви и преданности. Строгая подчиненность необходима при совершеніи всякаго дѣла и уваженіе, оказываемое старшему отъ младшихъ, благодѣтельно для самихъ ихъ. Презрѣніе обязанностей, духъ строптивый, неповиновеніе, всегда приносили плоды горькіе. 4) Експедицію ожидаютъ не забавы и разсѣяніе; но труды, трудности и недостатки всякаго рода. Посему спутники мои должны одушевиться терпѣніемъ и готовностію переносить все тяжкое и непріятное; да не овладѣетъ ими нерѣшительность, малодушіе, ропотъ. Чего недостигало непремѣнное постоянство и какихъ препонъ не побѣждалъ трудъ, все преодолѣвающій? 5) Дружелюбное согласіе и человѣколюбіе будутъ руководствовать членовъ Археографической Експедиціи въ отношеніи къ товарищу, постигнутому (отъ чего да сохранитъ Господь Богъ) болѣзнію тѣлесною или душевною. Въ мѣстахъ, гдѣ найдется врачь и врачебныя пособія, я не пощажу ничего къ оказанію страждущему возможныхъ пособій. 6) Издержки путевыя, помѣщеніе на квартирахъ и продовольствіе столомъ лежатъ на моей отвѣтственности. Для содѣйствія въ сихъ не маловажныхъ заботахъ спутники будутъ избирать изъ себя одного чрезъ каждые полгода. Въ ихъ волѣ назначить и всегдашняго постоян-

наго депутата економіи. 7) По дороговизнѣ рессорныхъ екипажей путешествіе будетъ совершаемо въ обыкновенныхъ Русскихъ повозкахъ; а зимою въ саняхъ съ кибиткою. Въ городахъ, селеніяхъ, подмонастырныхъ слободахъ и самыхъ обителяхъ ожидаютъ Експедицію квартиры покойныя и напротивъ. Кто путешествовалъ по Россіи, особливо малыми дорогами, тому слишкомъ извѣстно, что и за большія издержки часто не добудешь многаго. 8) Въ пути почти непрерывномъ, въ мѣстахъ отдаленныхъ и скудныхъ, нельзя требовать изобильнаго стола и должно иногда довольствоваться тѣмъ, что есть; но въ городахъ и большихъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ продуктахъ, довольство и даже нѣкоторая роскошь позволительны странникамъ, дотолѣ постившимся. По ограниченности суммы, ввѣряемой мнѣ Императорской Академіей Наукъ, на всѣ издержки Археографической Експедиціи, я не могу ежедневно угощать моихъ спутниковъ чаемъ, кофеемъ и другими напитками; но на сей предметъ можетъ быть добровольная складка, въ которой и я не откажусь участвовать изъ моего жалованья. 9) Для возможной легкости и подвижности Експедиціи спутники мои благоволятъ ограничиться сколь возможно меньшимъ скарбомъ. Укладистый чемоданъ (коимъ каждый долженъ запастися) можетъ вмѣстить многое; но сундуки, ящики и т. п., равно тюфяки и перины, не могутъ быть приняты. Одна или двѣ подушки и навлока изъ кожи или тика, на квартирахъ набиваемая сѣномъ—вотъ ложе довольно покойное для странниковъ. 10) Я предлагаю каждому спутнику 600 р. ассигнаціями ежегодно. Сіе жалованье будетъ выдаваемо помѣсячно. Если-же отъ экономическаго употребленія суммы будетъ по прошествіи года остатокъ, а постоянное терпѣніе, дѣятельность и трудолюбіе востребуютъ большаго возмездія, я не премину удѣлить спутникамъ моимъ часть сего излишка. 11) Я не хочу стѣснять моихъ спутниковъ назначеніемъ числа лѣтъ, сколько они долженствуютъ раздѣлять со мною труды и трудности; ибо добрая воля важнѣе всякаго рода побужденій. Во всякомъ мѣстѣ и во всякое время каждый можетъ оставить Експедицію, получивъ жалованье по расчету; но ничего болѣе. 12) Въ заключеніе привожу изъ письма г. Фуса отъ 16 октября слѣдующее: „По совершеніи всего предпріятія съ желаемымъ успѣхомъ Академія не преминетъ наградить особенно всѣхъ принявшихъ участіе въ Експедиціи соразмѣрно трудамъ ихъ“. Сіи условія утверждены Академіею 29-го января 1829 года (*Ар. Эк.* I, 23, 24).

За тѣмъ, въ началѣ 1829 года, П. М. Строевъ отправился по дѣламъ Археографической Экспедиціи въ С.-Петербургъ и предъ отъѣздомъ написалъ Я. О. Ярцову, чтобы онъ приготовилъ тамъ для него „комнатку“. Ярцовъ не замедлилъ откликнуться на просьбу друга: „Любезнѣйшій

Археографъ, въ исполненіе пріятной для меня твоей просьбы приготовилъ я комнатку совершенно какъ бы созданную для разсмотрѣнія инструкціи для твоего путешествія. Слуга, мною принанятой, почти изъ ученыхъ, и я приказалъ ему протапливать библіографическими дровами и различныя наклеить билетики и нумера для полнаго угожденія любезному другу. Виды изъ оной комнатки чудеснѣйшіе: всѣ шпицы Петербурга будутъ привѣтствовать первое твое пробужденіе; заставятъ перенестись къ готическимъ колокольнямъ монастырей и предаться мечтамъ желаннаго путешествія. Квартира на Сѣнной въ д. Дидло". (*Письма*, I, 211).

П. М. Строевъ находилъ, что „даруемыя ему средства на путешествіе крайне недостаточны" во всѣхъ отношеніяхъ и писалъ объ этомъ еще изъ Москвы къ Графу Ѳ. А. Толстому, который отвѣчалъ ему слѣдующее: „Ты не считаешь доволною назначенную тебѣ сумму на путешествіе; но здѣсь разчитываютъ иначе и припомнили мнѣ, что требованіе твое на таковое путешествіе отъ Общества не болѣе семи тысячь простиралось, а теперь полагаешь и десяти мало; но ето не мое дѣло. Мнѣ только очень желательно, чтобъ ты вполнѣ оправдалъ твою обязанность; на что я и надѣюсь".

Прибывъ въ Петербургъ, Строевъ 11-го января, 1829 года представилъ Андрею Карловичу Шторху, который за отсутствіемъ С. С. Уварова исправлялъ должность Президента Академіи, слѣдующее донесеніе:

"Истина неоспоримая: что всякое предпріятіе, сколько нибудь важное, тогда только можетъ достигнуть предположеннаго конца и желаемаго успѣха, когда необходимыя къ оному средства и пособія будутъ означены точно, вполнѣ и опредѣлительно.

Археографическое путешествіе по Европейской Россіи, порученное мнѣ Императорской Академіею Наукъ, признано Комитетомъ гг. Министровъ *весьма полезнымъ*, а Академія ожидаетъ отъ онаго *важныхъ приращеній наукъ и для себя новой славы*. Изъ сего слѣдуетъ само собою, что для совершенія столь полезнаго и важнаго предпріятія съ возможно-совершеннымъ успѣхомъ необходимо: чтобы всѣ безполезныя препятствія были устранены, а содѣйствующія средства и пособія опредѣлить *вполнѣ и съ точностію*. Обыкновенная формула циркуляровъ: *оказывать въ необходимыхъ случаяхъ законное пособіе* для сего недостаточна.

Руководимый сею истиною и въ безпредѣльномъ желаніи оправдать довѣренность Императорской Академіи Наукъ, которою дорожу несказанно, я принимаю смѣлость безпокоить милостивое вниманіе Вашего Превосходительства слѣдующимъ:

Въ проэктѣ Археографическаго путешествія, представленномъ мною Академіи, на коемъ Комитету Гг. Министровъ (14-го іюля минувшаго 1828 года) благоугодно было основать свои постановленія, между прочимъ сказано въ § 19: „чтобъ устранить всѣ препятствія, кои могли бы встрѣтить Археографа, при обозрѣніи имъ монастырскихъ и другихъ библіотекъ и архивовъ, Академія Наукъ испроситъ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, дабы всѣ хранилища древностей были доступны для Археографической Експедиціи, а городскіе и земскіе начальства вспомогали ей въ разсужденіи покойнаго квартированія въ городахъ и переѣздовъ изъ мѣста въ мѣсто. Въ § 21-мъ: „Мѣра издержекъ, необходимыхъ на содержаніе Археографа, художника, писцовъ и инвалидовъ; на прогоны, путевые и непредвидѣнные расходы, зависитъ отъ соображеній и назначенія самой Академіи“. Винюсь откровенно, что, составляя оный проэктъ, я былъ одушевленъ *главнымъ*: старался въ возможной полнотѣ представить необходимость археографическихъ изысканій, для усовершенствованія Отечественной Исторіи, и тѣ великія слѣдствія, кои произойдутъ отъ подробнаго обзора древнихъ библіотекъ и архивовъ въ Имперіи; исчислилъ также немаловажныя обязанности, лежащіе на мнѣ, въ званіи путешествующаго Археографа. Но, говоря о средствахъ и пособіяхъ, зависящихъ собственно отъ воли Правительства и безъ коихъ совершеніе археографическаго путешествія невозможно, я имѣлъ неосторожность выразиться неопредѣленно: и теперь могу ли не скорбѣть, помышляя о безконечныхъ препятствіяхъ и трудностяхъ, ожидающихъ меня въ пути и при производствѣ работы единственно отъ *неполноты и малой опредѣленности* постановленій, сдѣланныхъ объ Експедиціи и сообразно съ тѣмъ разосланныхъ циркуляровъ?

Такимъ образомъ крайняя необходимость заставляетъ меня прибѣгнуть подъ благотворный покровъ Вашего Превосходительства и, войдя въ нѣкоторыя подробности, всепокорнѣйше просить: объ исходатайствованіи отъ Высшаго Правительства средствъ и пособій, облегчительныхъ для дѣйствій Археографической Експедиціи и способныхъ устранить тѣ препятствія и трудности, кои для нея несказанно вредны, но никому нетягостны и ни къ чему неполезны.

1) Експедиція состоитъ изъ Археографа, трехъ его помощниковъ и двухъ человѣкъ прислуги. Для переѣздовъ шестерымъ, съ ихъ скарбомъ и учеными принадлежностями, необходимо лѣтомъ и зимою 9, а весною и осенью до 12 лошадей. Въ качествѣ частнаго путешествія, Експедиціи должно будетъ употреблять ежегодно болѣе 1000 руб. для полученія подороженъ, т. е. *слишкомъ десятую* часть

суммы, ассигнуемой Академіею на *всѣ вообще издержки.* Археографическое путешествіе предпринято для успѣховъ Отечественной Исторіи, а не для приращенія сбора съ подороженъ: слѣдовательно Експедиція имѣетъ полное право на *подорожныя безпошлинныя.* Нужно ли распространяться: какія затрудненія и проволочки испытываютъ ѣздоки на почтовыхъ *по своей надобности на многихъ лошадяхъ и малаго чина?* Словомъ, при настоящемъ распоряженіи Експедиціи предлежитъ ѣздить только на вольныхъ; а на сіе недостаточно и 8000 р. ежегодно!

2) Подорожныя дѣйствительны на однихъ большихъ трактахъ, гдѣ почтовыхъ лошадей достаточно; но по дорогамъ уѣзднымъ, гдѣ на станціяхъ по одной тройкѣ или парѣ и тамъ гдѣ совсѣмъ нѣтъ почты: какимъ образомъ совершать переѣзды Експедиціи, обязанной посѣтить уединенные монастыри, мѣста глухія и селенія нынѣ ничтожные, но нѣкогда примѣчательные и потому важныя для Исторіи? Вольнымъ наймомъ? — Но кто ѣзжалъ по областямъ отдаленнымъ отъ столицъ и дорогами проселочными, тому слишкомъ извѣстно, что въ иномъ селеніи должно прожить нѣсколько сутокъ, дабы достать тройкуклячь за платежъ весьма значительный; а одичалость жителей и ихъ корыстолюбіе въ подобныхъ случаяхъ способны представить неимовѣрныя затрудненія, безъ должнаго содѣйствія земской полиціи *). Для чегожъ непояснить сей послѣдней, что *оказываніе законнаго пособія* (о коемъ ей даны циркулярныя предписанія) состоитъ особенно въ томъ: чтобы въ сторонѣ отъ почтовыхъ трактовъ Археографическая Експедиція ненуждалась въ потребномъ числѣ обывательскихъ лошадей, *за указныe прогоны* и безъ замедленія? Иначе проживая въ каждомъ селеніи за прісканіемъ подводъ и теряя время на пустые хлопоты, тягостные для Экспедиціи и никому неполезные, можно ли ожидать отъ нее предположенныхъ успѣховъ?

3) Во многихъ ли уѣздныхъ городахъ (не говорю посадахъ и селеніяхъ) существуютъ гостинницы, гдѣ, хотя за дорогую плату, кочующіе странники, могутъ найти изрядный пріютъ и успокоеніе отъ всегдашнихъ трудовъ и безпокойства? Кому неизвѣстно, что въ наибольшей части ихъ находятся только весьма худые постоялые дворы (для чернаго народа), гдѣ должно забыть опрятность, необходимую для здоровья, и имѣть слишкомъ твердые мозговыя фибры, чтобы выносить смрадъ и угаръ; а объ удобствахъ для занятій, требующихъ полной силы духа и умоспособностей свѣтлыхъ, и упоминать

*) Сіе и все прочее я знаю очень достаточно по прежнимъ собственнымъ опытамъ.

нечего. По существующему обыкновенію, богатые городскіе жители не отдаютъ въ наймы порожнихъ покоевъ въ ихъ домахъ; а бѣднѣйшіе не упускаютъ случая, изрѣдка представляющагося, для непомѣрной наживы отъ путешественника, загнаннаго къ нимъ необходимостью. Что же дѣлать Археографу съ его спутниками въ подобныхъ случаяхъ? Квартировать à la belle etoile, угарать и выносить смрадъ, или, ненаходя лучшаго пріюта и не сдѣлавъ должныхъ изысканій, спѣшить изъ мѣста въ мѣсто, дабы (по пословицѣ) *попадать изъ огня въ поломя.* Не будетъ ли *слишкомъ законнымъ пособіемъ*: предписать гг. полицмейстерамъ, городничимъ и начальникамъ мѣстечекъ и посадовъ, чтобы они, какъ хозяева своихъ мѣстъ, принимали дѣятельное посредничество между жителями и Археографическою Експедиціею, и тѣмъ доставляли ей *за умѣренную плату* возможность помѣщенія сколько нибудь покойнаго, безвреднаго здоровью и удобнаго для занятій? А какъ старые городскіе архивы находятся при уѣздныхъ судахъ, городническихъ правленіяхъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ, то при осмотрѣ ихъ Археографомъ и его спутниками, для дѣланія изъ бумагъ извлеченій, необходимо отводить изрядную комнату въ самомъ строеніи, гдѣ помѣщается архивъ, или вблизи онаго: ибо брать бумаги на квартиру неудобно и противно закону.

4) При монастыряхъ, часто посѣщаемыхъ богомольцами или лежащихъ на большихъ дорогахъ, находятся изрядные гостиные дворы и въ нѣкоторыхъ подмонастырныхъ слободахъ можно находить пристанище за деньги; но большая часть обителей благочестія уединенны отъ жилищъ или при двухъ—трехъ избахъ, занимаемыхъ штатными служителями и негодныхъ для сторонняго помѣщенія. Какъ же Экспедиціи производить свои дѣйствія, если Духовное Правительство не предпишетъ: отводить внутри монастырей порядочный покой для ученыхъ занятій и, при неимѣніи гостинницы, другой удобный для квартированія? Нужно ли замѣчать, что Археографъ и его спутники, помѣщаясь въ стѣнахъ монастырскихъ, обязаны наблюдать всякое приличіе, дабы не безпокоить и не вводить въ соблазнъ благочестивыхъ отшельниковъ? Описывая, по волѣ покойнаго Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова, библіотеки разныхъ монастырей въ 1817, 18 и 20 годахъ я вездѣ квартировалъ въ кельяхъ; для избѣжанія соблазна довольствовался постною пищею и, разставаясь съ иноками, всегда бывалъ напутствуемъ ихъ радушнымъ благословеніемъ.

5) По мѣрѣ трудовъ Археографической Экспедиціи, описи книгохранилищъ, извлеченія и всякаго рода бумаги, равно рукописи и другія древности (пріобрѣтаемые покупкою), приращаясь безпрерывно, будутъ увеличивать скарбъ ея и потребуется лишняя повозка, чтобы

возить его за собою, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; и можно ли ручаться, чтобы въ столь немалое время, при дурныхъ дорогахъ на Сѣверѣ и частыхъ переправахъ черезъ рѣки, озера и болота, все осталось въ цѣлости и безъ поврежденія? Чѣмъ же обезпечить сей ученый скарбъ отъ растраты? Одно средство: по временамъ пересылать его въ Императорскую Академію Наукъ, гдѣ на Г. Адъюнктѣ Россійской Исторіи лежитъ обязанность хранить пересланное до пріѣзда въ С.-Петербургъ Археографа, который въ то время дастъ всему надлежащій видъ и порядокъ. Но сія пересылка, равно отчетность Академіи объ успѣхахъ Экспедиціи и немалочисленныя сношенія на письмѣ съ начальниками губерній и городовъ, духовными властьми и земскою полиціею, потребуютъ большихъ издержекъ на платежъ вѣсовыхъ, для чего недостаточно въ годъ и 500 руб., т. е. двадцатой доли всей ассигнуемой суммы. Ужели небольшое приращеніе почтоваго сбора важнѣе для Имперіи многочисленныхъ богатствъ Исторіи, кои способно доставить Археографическое путешествіе? Для сего необходимо исходатайствовать позволеніе, чтобы (по примѣру ученыхъ Россійскихъ Обществъ) почтовые мѣста принимали отъ Археографа посылки въ Императорскую Академію Наукъ и конверты по сношеніямъ его съ начальственными лицами, безъ взиманія вѣсовыхъ; для запечатыванія;жъ сихъ пакетовъ имѣть ему печать съ государственнымъ гербомъ и надписью: *П. Археографической Експедиціи.* А чтобы онъ и его спутники не отправляли частныхъ писемъ подъ видомъ дѣловой корреспонденціи, равно не употребляли во зло и другихъ, даруемыхъ имъ преимуществъ, можно предъ началомъ путешествія привести ихъ къ узаконенной присягѣ.

6) Чиновники учебныхъ заведеній въ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ суть безспорно просвѣщеннѣйшіе изъ жителей и болѣе прочихъ способны понимать цѣль и намѣреніе Археографической Експедиціи; они могутъ даже знать многое, что для нее нужно. По сей причинѣ высшее начальство да поставитъ имъ въ обязанность: отвѣтствовать на запросы Археографа и удовлетворять его законныя требованія! Наконецъ:

7) Для избѣжанія важныхъ затрудненій, сумму десять тысячь рублей, опредѣленную Императорскою Академіею Наукъ на годовыя издержки Експедиціи, Археографъ долженъ получить впередъ; а потомъ при наступленіи каждаго изъ будущихъ лѣтъ, необходимо доставлять ее къ нему (въ опредѣленное мѣсто) чрезъ почту не позже половины января. Но имѣя при себѣ столь значительныя деньги, можно справедливо опасаться быть окраденнымъ или какимъ либо образомъ потерпѣть утрату. Для сего необходимо предписаніе всѣмъ

уѣзднымъ казначействамъ, чтобы во время нахожденія Експедиціи въ городахъ, принимаемы были отъ Археографа представляемыя имъ суммы и хранимы въ казенномъ сундукѣ, въ особомъ ящикѣ за его печатью; а по востребованіи выдавались вполнѣ или частями. Такъ поступаютъ коммисіонеры и другія лица, имѣющіе при себѣ казенныя суммы..

Изъ всего вышеписаннаго Ваше Превосходительство, безъ сомнѣнія, изволите усмотрѣть, что для успѣшнѣйшаго и возможно полнаго совершенія Археографическаго путешествія (безъ чего и предпринимать его нѣтъ большой пользы) необходимо обезпечить Експедицію въ безостановочномъ и удобномъ совершеніи переѣздовъ и приличномъ помѣщеніи въ мѣстахъ, гдѣ должны совершаться ея дѣйствія; устранивъ совершенно вліяніе негостепріимнаго корыстолюбія и препятствій не кому неполезныхъ. Къ достиженію сей благотворной цѣли необходимы открытые листы. Именно открытые листы, а не циркулярные предписанія: ибо сіи послѣдніе легко приходятъ въ забвеніе, отъ долговременнаго неприбытія лица, къ коему они относятся; а можно ли вдругъ явиться вездѣ? Изъ наличныхъ бумагъ они поступаютъ въ архивы, укрываются изъ виду при смѣнѣ чиновниковъ и даже затериваются. Еще не болѣе пяти мѣсяцовъ, со времени разсылки отъ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Духовнаго Правительства циркуляровъ объ Археографической Експедиціи, а я имѣлъ же случай удостовѣриться на опытѣ, какъ забываются отъ времени сего рода бумаги. Чего-жъ ожидать по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ?

I. *Отъ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ*, въ такой силѣ: a) чтобы старые архивы городовъ и судебныхъ мѣстъ, гдѣ можно *найти историческіе акты и свѣдѣнія, были открыты Археографической* Експедиціи; а для занятій ея тѣми бумагами въ самыхъ строеніяхъ, гдѣ помѣщаются архивы, или вблизи ихъ отводился изрядный покой, опрятный и зимою достаточно натопляемый. b) Гдѣ начальники губерній и городовъ, по требованію Археографа, выдаютъ подорожныя на число лошадей, нужное Археографической Експедиціи, безъ взиманія подорожной пошлины, и съ прописаніемъ, что оная совершаетъ свои дѣйствія по Высочайшему соизволенію Государя Императора. c) На трактахъ, гдѣ недостаточно или совсѣмъ нѣтъ почтовыхъ лошадей, земская полиція имѣетъ содѣйствовать полученію обывательскихъ *за указанные прогоны* и безъ промедленія, слишкомъ вреднаго дѣйствіямъ Экспедиціи. d) Гдѣ полицеймейстеры, городничіе и правители мѣстечекъ и посадовъ обязаны употреблять дѣятельнѣйшее посредничество между жителями, имѣющими порожніе покои, и Археографомъ и его спутниками, для помѣщенія ихъ, сколько

нибудь покойно, удобно, безвредно здоровью и *за умѣренную плату.* Посему они свидѣтельствуютъ своею подписью росписки хозяевъ въ расходной книгѣ Археографа о полученіи ими денегъ за квартиру.

II. *Отъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода*: a) чтобы синодальныя, монастырскія, соборныя, духовно-училищныя и проч. библіотеки и архивы старыхъ лѣтъ были доступны Археографической Експедиціи. b) Въ зданіяхъ, гдѣ они помѣщаются, или вблизи оныхъ, отводить покой, удобный для ученыхъ занятій, зимою достаточно-сухой и неугарный. c) Въ монастыряхъ, гдѣ есть гостинницы для богомольцевъ, Експедицію помѣщать въ нихъ; а гдѣ нѣтъ таковыхъ, отдѣлять приличную келью, съ отопленіемъ зимою; за что Археографъ, бѣднымъ обителямъ, неприминетъ дѣлать соразмѣрные вклады.

III. *Отъ Г. Главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ*: чтобы посылки и конверты за печатью Археографической Експедиціи были принимаемы въ почтамтахъ, губернскихъ конторахъ и уѣздныхъ експедиціяхъ, безъ взиманія вѣсовыхъ и отправлялись по адресу.

IV. *Отъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія*: чтобы начальства и чиновники городскихъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ отвѣтствовали Археографу на его запросы и содѣйствовали ему въ изслѣдованіяхъ о мѣстныхъ древностяхъ.

V. *Отъ Г. Министра Финансовъ*: чтобы казначейства, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, во время нахожденія тамъ Експедиціи, принимали отъ Археографа представляемыя имъ суммы, хранили ихъ въ казенномъ сундукѣ (въ особомъ ящикѣ за его печатью) и по востребованію отъ него выдавали ихъ обратно, вполнѣ или частями.

VI. Предписаніе (отъ кого и кому слѣдуетъ) въ Архангельскъ, чтобы съ наступленіемъ весенней навигаціи Експедиція была перевезена оттуда къ Соловецкому острову, *на казенномъ* благонадежномъ суднѣ, и въ назначенный Археографомъ срокъ оно, или другое подобное, прибыло къ острову для обратнаго перевоза.

Отъ обезпеченнаго такими средствами и пособіями Археографическаго путешествія по Россіи Императорская Академія Наукъ имѣетъ несомнѣнное право ожидать *важныхъ приращеній Отечественной Исторіи и для себя новой славы*; ибо Археографу и его спутникамъ, удостовѣреннымъ въ удобствѣ переѣздовъ и изрядномъ помѣщеніи для отдыха отъ безпрерывныхъ трудовъ ихъ ожидающихъ и отъ того всегда здравымъ тѣлесно и духомъ, предстанетъ одно главное: *исчерпать полною мѣрою безчисленные источники дѣеписательныхъ матеріаловъ*, заключающіеся въ древнихъ библіотекахъ и архивахъ. И самый конецъ предпріятія будетъ гораздо ближе. Но если Археогра-

фическая Експедиція пустится странствовать по обширнымъ областямъ Имперіи съ единымъ средствомъ десяти тысячь рублей для ежегодныхъ расходовъ и уповая на *законное въ необходимыхъ случаяхъ пособіе* (неопредѣленное въ подробностяхъ, слѣдовательно и невѣрное), оставаясь вездѣ жертвою корыстолюбія и негостепріимнаго предразсудка: то какого преуспѣянія можно надѣется отъ людей, лишенныхъ пристанища и всегда въ бореніи съ недостатками? Не охладѣетъ-ли въ подобныхъ случаяхъ самое пламенное усердіе къ пользѣ наукѣ и мужество не менѣе твердое?

Милостивый Государь! Археографическая Експедиція обязана своимъ началомъ великодушному старанію Вашего Превосходительства; Императорская Академія Наукъ благоволила доставить мнѣ надежныхъ спутниковъ и сумму, при економическомъ расходованіи (кажется) достаточную на ежегодныя издержки: недостаетъ только средствъ, облегчительныхъ для ея дѣйствій.—Благоизвольте Ваше Превосходительство, исходатайствовать ихъ отъ Высшаго Правительства: и тогда Археографическая Экспедиція вступитъ въ путь, для трудовъ, преуспѣванія и обильной жатвы!

Могу ли умалчать, что ученыя експедиціи Гг. Академиковъ, совершенныя въ благополучное Царствованіе Императрицы Екатерины II-й и изнесшія толикія сокровища наукъ изъ пространныхъ областей нашего Отечества, пользовались полнымъ обезпеченіемъ и покровомъ Высшаго Правительства. Безъ сего какой подвигъ возможенъ?

Прилагаю къ концу примѣрной расчетъ суммы, опредѣленной Императорскою Академіею Наукъ на ежегодные расходы Археографической Експедиціи. Изъ онаго Ваше Превосходительство усмотрѣть изволите, что и при испрашиваемыхъ мною пособіяхъ Правительства, необходима большая бережливость, чтобы оной въ полной мѣрѣ было достаточно. Но если платить подорожную пошлину, вѣсовыя деньги на почтѣ, совершать переѣзды вольнымъ наймомъ, удовлетворять неограниченно корыстолюбію нѣкоторыхъ лицъ и проч. — даже усугубленнаго количества оной будетъ не достаточно.

Въ заключеніе многопредметнаго представленія моего о средствахъ и пособіяхъ, необходимыхъ къ возможно успѣшнѣйшему совершенію Археографическаго путешествія и полученію отъ онаго полныхъ успѣховъ, осмѣливаюсь испрашивать еще слѣдующее: поелику выдачу условленнаго мною съ спутниками жалованья я обязался начать съ 1-го числа текущаго января; нѣкоторыя принадлежности къ Експедиціи пріобрѣтены на мое иждевеніе, а другія заказаны и самый пріѣздъ мой сюда (сопряженный съ издержками) имѣетъ единствен-

ною цѣлію возможную успѣшность оной: то да благоволитъ Императорская Академія Наукъ началомъ Археографическаго путешествія постановить 1-е января наступившаго года и въ счисленіи лѣтъ онаго; равно относительно доставленія мнѣ ежегодно суммы на издержки, руководствоваться симъ правиломъ„ (*А. Э.* I, 25—31).

Вмѣстѣ съ этою запискою, П. М. Строевъ представилъ также Шторху, слѣдующій примѣрный расчетъ суммы десяти тысячъ рублей, опредѣленной Императорскою Академіею Наукъ, ежегодно, на издержки Археографическаго путешествія по Европейской Россіи:

I.	*Жалованье*:	
	Археографу.	1,500 р.
	Двумъ его помощникамъ (по условію). .	1,200 „
	Писцу.	400 „
	Двумъ прислужникамъ	150 „
II.	*Подъемъ*:	
	Покупка и починка повозокъ, обзаведеніе и ремонтъ хозяйственныхъ принадлежностей, ученыя, письменныя и рисовальныя пособія.	600 „
III.	Прогоны.	3,000 „
IV.	Квартиры и продовольствіе.	3,150 „
	Итого . .	10,100 „

Назначеніе жалованья Археографу, Строевъ мотивировалъ такимъ образомъ:

„Отправляясь путешествовать, я оставляю званіе библіотекаря у Графа Ѳ. А. Толстаго, въ качествѣ коего получалъ отъ Его Сіятельства ежегодно 1200 ассигнаціями. Справедливость требуетъ вознаградить сей ущербъ равною суммою, дабы семейство мое, состоящее изъ пяти человѣкъ, имѣло въ мое отсутствіе достаточное продовольствіе; иначе оно будетъ нуждаться. Къ сему я присоединяю 300 себѣ на платье, которое въ дорогѣ скоро носится, и на разныя мелочи“ (*А. Е.* I, 32).

Начальство Академіи исходатайствовало П. М. Строеву открытые листы отъ гг. Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Народнаго Просвѣщенія; но Святѣйшій Синодъ во всемъ просимомъ у него для Экспедиціи отказалъ рѣшительно (*А. Е.*, I, 33, 34, 45, 52, 53).

Въ то самое время, когда Строевъ хлопоталъ въ Петербургѣ о лучшемъ устройствѣ Археографической Экспедиціи, знаменитый Академикъ Френъ возложилъ на него такія порученія, для исполненія

которыхъ въ сущности потребовалось бы снаряженіе другой Экспедиціи. Предметы, на которые Френъ „покорнѣйше просилъ" Строева обратить вниманіе во время своего путешествія по Россіи, были: „1) Древнія Арабскія монеты, равно и монеты со временъ владѣнія Монголовъ въ Россіи. Первыя суть монеты Калифовъ и единоплеменныхъ династій Азіи, обыкновенно величиною съ полтину и гораздо тоньше; вторыя суть монеты Золотой Орды, почти всѣ величиною въ серебрянный гривенникъ, но не такъ толсты. 2) Древнія надписи, особенно въ память князей. Онѣ находятся въ надгробныхъ камняхъ, скалахъ, воротахъ, башняхъ, храмахъ, мостахъ, баняхъ и пр. При семъ желательно, чтобъ съ сихъ надписей доставлены были факсимиле, или бъ сдѣланъ былъ съ нихъ отпечатокъ олифою, или, ежели по обстоятельствамъ сего сдѣлать не возможно, доставить съ оныхъ самые вѣрнѣйшіе рисунки, ибо списать сіи надписи нынѣшними Арабскими буквами, или переводить ихъ, какъ обыкновенно дѣлали наши путешественники, совершенно безполезно. Народныя преданія, относящіяся къ памятникамъ съ надписями, не менѣе важны. Что касается до самыхъ развалинъ, то благоволите снять съ нихъ виды, особенно когда онѣ чѣмъ либо замѣчательны, и ежели вамъ встрѣтятся небольшіе камни съ надписями, то постарайтесь ихъ при случаѣ прислать въ Академію. 3) Другія восточныя древности, найденныя въ могилахъ и развалинахъ, какъ напримѣръ: талисманы, печати, металическія зеркала, лампады, вазы, шлемы и т. п. преимущественно когда онѣ съ надписями. 4) Восточныя рукописи особенно историческаго и географическаго содержанія, и ярлыки со времени Золотой Орды. Послѣдніе весьма важны для удобнѣйшаго изслѣдованія языка и письма тогдашняго времени, и объясненія различныхъ статей исторіи и образа правленія. Даже простые каталоги рукописей, находящихся у муллъ и другихъ особъ, будутъ для меня весьма интересны. 5) Собраніе словъ изъ нарѣчія Западныхъ Татаръ, народныя ихъ пѣсни, равно и Чувашъ языческихъ (хотя вѣроятно таковыхъ не встрѣтится на вашемъ пути) все что возможно только собрать касательно ихъ языка, нравовъ и обычаевъ, и преимущественно собственныя ихъ имена" (*Арх. Експ.* I, 49, 50).

Въ концѣ февраля, П. М. Строевъ возвратился въ Москву и, вовсе не зная объ отказѣ Святѣйшаго Синода, покойно писалъ Фусу (отъ 24-го февраля 1829 г.): „Благополучно добрался я до древней Столицы, свидѣлся съ моимъ семействомъ и теперь занимаюсь устройствомъ и покупкою вещей, необходимыхъ къ долгому странствованію. Въ концѣ 2-й недѣли наступающаго поста надѣюсь непремѣнно пуститься на Сѣверъ, если не остановитъ меня неполученіе еще двухъ

открытыхъ листовъ: Святѣйшаго Синода и Министра Финансовъ (*А. Е.* I, 48). Но когда Фусъ, при письмѣ отъ 5-го марта, прислалъ ему „засвидѣтельствованную копію“ съ опредѣленія Святѣйшаго Синода, то Строевъ по этому поводу писалъ ему (отъ 12-го марта): „Отказъ Святѣйшаго Синода о дачѣ открытаго листа весьма огорчилъ меня и обезкуражилъ; я теперь совершенно во власти отцевъ настоятелей: привѣтливые и просвѣщенные сдѣлаютъ все и по собственной доброй волѣ, но грубое невѣжество? — Какъ объяснить Синодальные доводы: библіотеки и архивы монастырскіе предписано отворить мнѣ и нужныя выписки дѣлать позволено; а въ предписаніи отводить приличный покой для дѣланія сихъ выписокъ—отказано. Гдѣ-жъ и какъ я долженъ заниматься? Страннное дѣло по истинѣ. Уже съ недѣлю я наготовѣ и ожидалъ только письма вашего; теперь все кончено. Послѣ завтра Експедиція оставитъ Москву и направитъ путь къ берегамъ Бѣлаго моря: въ исходѣ текущаго марта я надѣюсь быть въ Архангельскѣ. Оттуда пришлю въ Академію подробное представленіе относительно отказа Святѣйшаго Синода; а заняться симъ здѣсь и отсрочить выѣздъ на нѣсколько дней боюсь по причинѣ наступающей весенней распутицы. Быть можетъ, къ тому времени испытаю многія непріятности на самомъ дѣлѣ и онѣ послужатъ мнѣ примѣрами“ (*А. Е.*, I, 56).

X.

15-го марта 1829 года, Археографическая Экспедиція выѣхала изъ Москвы.

„Пространство той части Имперіи“, говоритъ П. А. Плетневъ, „гдѣ, по плану Археографическаго путешествія, труженники Науки должны были произвести ученыя розысканія, представляетъ собою не только обширный край, но по большей части и малонаселенную мѣстность, въ которой сама природа обрекла жителей на печальное одиночество и всегдашнія лишенія. Продолжительная и суровая зима, однообразная картина скудной растительности; почва, тяжело воздѣлываемая и не вполнѣ вознаграждающая труды земледѣльцевъ; дороги, тянущіяся по болотамъ, лѣсамъ, или едва сглаженнымъ неровностямъ; длинные и безмолвные переѣзды, бѣдные пріюты ночлеговъ, все могло приводить въ уныніе путниковъ, и все надобно было оживлять только надеждами на предстоящую дѣятельность ума и знанія“ (*Изв. Имп. Ак. Наукъ*, III, стр. 330).

Вотъ та суровая картина, которая развертывалась предъ нашими путешественниками, но не устрашила она дѣятельнаго Археографа, надѣленнаго „волею крѣпкою въ трудѣ".

Такъ какъ путь зимній былъ не надеженъ, то П. М. Строевъ рѣшился, нигдѣ не останавливаясь, ѣхать прямо въ Архангельскъ. Наканунѣ Благовѣщенія они пріѣхали въ этотъ городъ при двадцати пяти градусномъ морозѣ. „Не могу описать", доносилъ Строевъ Академіи, „всѣхъ безпокойствъ совершенно испорченной дороги до города Вельска и потомъ глубокихъ снѣговъ, увеличенныхъ бывшею за два дня предъ тѣмъ мятелью. Я надѣялся, зимнимъ путемъ, побывать во многихъ мѣстахъ, но черезъ десять дней погода перемѣнилась и дорога совсѣмъ сходитъ. Теперь идетъ здѣсь дождь" (*А. Э.* I, 63). Не смотря на бездорожье, Строевъ совершилъ поѣздку въ Онегу, а оттуда „моремъ по льду", въ построенный патріархомъ Никономъ, на островѣ Кіи, Крестный монастырь.

9-го апрѣля, Строевъ, по весьма дурной дорогѣ, вернулся въ Архангельскъ. „Въ 18-ти дневное пребываніе мое въ Архангельской губерніи", доносилъ онъ Академіи, „хотя не сдѣлалъ слишкомъ важной находки; но мѣстныхъ свѣдѣній имѣю довольно и положилъ уже нѣкоторое основаніе тому многочисленному собранію историческихъ документовъ, о коемъ сказано въ проэктѣ Археографическаго путешествія" (*А. Э.* I, 63).

По возвращеніи въ Архангельскъ, П. М. Строевъ постоянно работалъ въ библіотекѣ тамошней семинаріи, въ монастырѣ Архангельскомъ; осмотрѣлъ архивы: Главнаго командира надъ портомъ, Удѣльной конторы, Таможни и Казенной Палаты. Оказалось, что всѣ рукописи библіотеки Семинарской, изъ которыхъ Строевымъ сдѣлано „довольно выписокъ", поступили туда изъ бывшей въ Колмогорахъ библіотеки при Архіерейскомъ домѣ; большая часть ихъ принадлежала архіепископу Аѳанасію, „мужу, въ свое время ученому, благочестивому и ревнителю намѣреній Петра Великаго". Изъ библіотеки Архангельскаго монастыря Строевъ извлекъ пять древнихъ грамотъ (1583—1636 гг.). Старый архивъ бывшей въ Архангельскѣ Воеводской канцеляріи сгорѣлъ еще въ 1779 году, а остальные архивы города Архангельска заведены уже въ новѣйшее время. Такъ, Таможенный—съ 1724 года, Портовой—съ 1733 года, присутственныхъ мѣстъ — съ открытія губерніи. Въ архивѣ Удѣльной конторы, Строевъ разсматривалъ Писцовыя книги Важскихъ дворцовыхъ волостей. „Вообще", пишетъ онъ въ своемъ донесеніи, „я собралъ здѣсь матеріаловъ болѣе, нежели сколько могъ предполагать: ето несказанно бодритъ духъ мой къ будущимъ изысканіемъ въ мѣстахъ, несравненно богатѣйшихъ

историческими документами. Число листовъ въ портфеляхъ Археографической Експедиціи простирается уже до двухъ сотъ". Въ этомъ же донесеніи, Строевъ напоминаетъ Академіи о предложеніи Дерптскаго Университета присоединить къ экспедиціи молодаго ботаника. Архангельскіе врачи и аптекарь увѣрили Строева, что Архангельская флора „довольно богата" (*А. Э.* I, 87, 88).

Бездорожье не позволило Строеву посѣтить: Колу, Кемь, Мезень, Сумы и Пустозерскъ; а между тѣмъ, мѣста эти очень важны въ Археографическомъ отношеніи. По объясненію Строева, *Кола*, въ древнія времена принадлежа Великому Новгороду, а по паденіи его вошедъ въ общій составъ сѣверныхъ областей царства Россійскаго была всегда главнымъ мѣстомъ управленія Терскаго берега и Лопарей. Извѣстно оффиціально, что лѣтъ за 80-ть до Экспедиціи, архивъ бывшей тамъ Воеводской канцеляріи, находился „въ изрядномъ состояніи", и, если онъ таковъ нынѣ, пишетъ Строевъ, „то безъ всякого сомнѣнія, можно найти въ немъ свѣдѣнія любопытныя, кои способны объяснить многія событія Терскаго и Лапландскаго края, темныя въ нашей исторіи. У Лопарскихъ старшинъ нѣтъ ли старыхъ грамотъ на предоставленныя имъ рыбныя ловли, угодьи и т. п.? *Пустозерскъ*, бывшій острогъ, въ Мезенскомъ уѣздѣ, важенъ въ исторіи Самоѣдскаго края. Архивъ бывшей тамъ нѣкогда Воеводской канцеляріи, по догадкамъ Строева, долженъ находиться въ городѣ Мезени. Одинъ изъ чиновниковъ, служившій въ семъ послѣднемъ, сказывалъ ему, что у Самоѣдскихъ старшинъ случалось ему видѣть царскія жалованныя грамоты съ вислыми восковыми печатьми. Въ архивахъ города *Кеми* и посада *Сумскаго* (нѣкогда Острога) Строевъ предполагалъ найдти также акты, важные въ историческомъ отношеніи" (*А. Е.* I, 68, 69).

Генералъ-губернаторомъ Архангельскимъ, Вологодскимъ и Олонецкимъ былъ въ то время Степанъ Ивановичъ Миницкій, которому, въ 1824 году, Иванъ Лаптевъ посвятилъ свой *Опытъ къ старинной Русской Дипломатикѣ*. Вотъ къ нему то и обратился Строевъ „съ всепокорнѣйшею просьбою" о предписаніи гражданскимъ начальствамъ помянутыхъ выше городовъ и посадовъ, чтобы старинныя бумаги тамошнихъ архивовъ были доставлены въ Архангельскъ по почтѣ. Письмо свое Строевъ заключаетъ такъ: „Ваше Превосходительство, какъ великодушный ревнитель общаго блага и просвѣщенія, благоизволили обнадежить меня лично, что ввѣренная мнѣ Археографическая Експедиція, находясь въ губерніяхъ, вами завѣдываемыхъ, будетъ подкрѣпляема всѣми средствами и пособіями, необходимыми для успѣховъ ея во всѣй полнотѣ и точности. Изложивъ

всепокорнѣйшую мою просьбу, мнѣ остается ожидать милостиваго покровительства вашего, или, въ случаѣ невозможности удовлетворить оной, благосклоннаго отвѣта, для донесенія моему начальству: дабы препоны, къ посѣщенію сѣверныхъ мѣстъ здѣшней губерніи, поставленныя мнѣ природою, не были нѣкогда отнесены къ нерадѣнію съ моей стороны" (*А. Э.* I, 68, 69).

Генералъ-Губернаторъ сдѣлалъ все что могъ къ удовлетворенію просьбы Строева, тѣмъ не менѣе, судя по первому извѣщенію, дѣло не обѣщало желаемаго успѣха. Архангельское Губернское Правленіе отношеніемъ увѣдомило Начальника Археографической Экспедиціи, что „за згореніемъ въ городѣ Колѣ, въ 1823 году, всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и состоявшихъ при оныхъ архивовъ и за истребленіемъ въ городѣ Колѣ въ 1809 г. всѣхъ дѣлъ и самыхъ архивовъ нашествіемъ непріятеля, требуемыхъ г. Строевымъ старинныхъ бумагъ тамошнихъ архивовъ, получить невозможно". Относительно архивовъ другихъ городовъ, сдѣлано было распоряженіе о высылкѣ въ Археографическую Экспедицію, хранящихся старинныхъ бумагъ (*А. Э.* I, 75, 76), въ ожиданіи коихъ, Строевъ, въ половинѣ мая, предпринялъ поѣздку въ Николаевскій Корельскій монастырь. Такъ какъ путь въ этотъ монастырь, стоящій на Никольскомъ устьѣ Двины, самый удобный водою, то Строевъ обратился къ Генералъ-Губернатору съ просьбою „пожаловать ему небольшое судно" (*А. Е.* I, 79). Земскій судъ извѣстилъ Строева, что, по предписанію Генералъ-Губернатора, для поѣздки его въ Корельскій монастырь, ему будетъ присланъ карбасъ, который и дѣйствительно прибылъ, 17-го маія, на Боровскую пристань съ пятью гребцами. „Не зная доселѣ значенія слова *карбасъ*", писалъ Строевъ Генералъ-Губернатору, „я не могъ предполагать, чтобы меня снабдили слишкомъ небольшою лодкою, на которой, кромѣ гребцовъ, могутъ помѣститься человѣка три, четыре; но ученыхъ принадлежностей Експедиціи и жизненныхъ запасовъ, коими всякій путешественникъ въ здѣшней губерніи долженъ снабжать себя на изрядное время (если не желаетъ терпѣть голода), положить нѣтъ никакой возможности" (*А. Е.* I, 82). Дали-ли Строеву болѣе просторную лодку, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, онъ съѣздилъ въ Никольскій монастырь и возвратился оттуда въ Архангельскъ 21-го мая. „Путь былъ водою", пишетъ Строевъ Фусу (отъ 24-го маія), „погода сильная, и небольшая простуда меня еще безпокоитъ. Вообще до сихъ поръ мало было красныхъ дней: холодъ, вѣтры, мрачность, дождь, почти безпрерывно. Природа здѣшняго маія, точно какъ октябрьская нашей Москвы" (*А. Э.* I, 87). О самомъ монастырѣ говорится слѣдующее: „Сей древній разсадникъ христіанства на Чуд-

скомъ Сѣверѣ, основанный въ XIV столѣтіи, а быть можетъ ранѣе, имѣлъ нѣкогда многія отчины, слѣдовательно и богатые архивы, кои теперь въ весьма разстроченномъ состояніи". Далѣе Строевъ замѣчаетъ, что „съ учрежденія Духовныхъ Штатовъ и Коллегіи Економіи нерадѣніе о старинныхъ актахъ и рукописяхъ вездѣ заступило мѣсто прежней заботливости иноковъ о сбереженіи ихъ. Хвала одному изъ предпослѣднихъ Владыкъ Архангельскихъ, что скудные остатки старины въ монастыряхъ и церквахъ здѣшней епархіи приведены въ нѣкоторый порядокъ и быть можетъ, еще не скоро подвергнутся конечному истребленію"! (*А. Е.* I, 87 об.).

Въ Архангельскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ 1852 года мнѣ удалось найти краткія свѣдѣнія объ этомъ Архивѣ Николаевскаго Корельскаго монастыря. Неизвѣстный Авторъ *Историко-Статистическаго Описанія* этаго монастыря, между прочимъ, пишетъ:

„Весь Архивъ еще не разобранъ и не пересмотрѣнъ. Другіе, можетъ быть, и не менѣе интересные документы, относившіеся до начала ли того монастыря, или до просвѣщенія всего Поморскаго края христіанскою вѣрою, или до другихъ важныхъ перемѣнъ въ Новгородскомъ Княженіи бывшихъ, или до самаго Московскаго Великаго Княжества, а потомъ и всего Царства Русскаго,—по устнымъ сказаніямъ, а частію историческимъ свѣдѣніямъ, едва ли не взяты изъ монастыря изыскателями древностей гг. Свиньинымъ и Строевымъ, обозрѣвавшими и разбиравшими Архивъ сего монастыря по даннымъ имъ дозволеніямъ, не сопровождавшимися, однако же, никакою отчетностью, ни со стороны епархіальнаго начальства, ни тѣмъ болѣе со стороны монастыря, въ коемъ, по недостатку братіи въ тѣ годы, совершенно некому было и присмотрѣть за дѣйствіемъ тѣхъ любителей древностей" (№ 11, стр. 88). Не знаемъ, что взято Свиньинымъ, но Строевъ извлекъ изъ этаго Архива всего только шесть грамотъ (1578—1635).

Изъ Архангельска Строевъ писалъ къ Графу Ѳ. А. Толстому, отъ котораго получилъ слѣдующее отвѣтное письмо:

...„Пожалуйста не полѣнись обстоятельно описывать, какія ты будешь пріобрѣтать рѣдкости... Крайне сожалѣю, что вы теперь находитесь въ скудномъ и непросвѣщенномъ краю; но у васъ въ виду много и изобилныхъ и просвѣщенныхъ губерній предстоитъ. Дай Богъ только, чтобъ вояжь вашъ оправдался и чтобъ мы могли заткнуть глотку ничего полезнаго отъ оного не ожидающимъ; въ чемъ я и увѣренъ совершенно. Въ скоромъ времени прибудетъ въ Архангельскъ новой губернаторъ, Г. Филимоновъ, вашъ братъ литераторъ, которой тебя знаетъ и далъ мнѣ слово, сколько можно, во всемъ вамъ спо-

моществовать, въ чемъ я ни мало и не сомнѣваюсь... Его очень во всѣхъ частяхъ хвалятъ... Усердно прошу стараться для моей библіотеки добывать рѣдкости; а не худо будетъ что нибудь, съ помощію обоихъ губернаторовъ и даромъ пріобрѣсти, они оба обѣщали чѣмъ нибудь меня снабдить. Очень бы ты меня одолжилъ, кабы и для минцъ-кабинета какія рѣдкія монеты пріобрѣлъ. Свиньинъ какъто умѣлъ много добраго даромъ пріобрѣтать: на ето надобна большая уловка, которой можетъ быть въ тебѣ и недостаетъ".

Въ заключеніе письма Графъ желаетъ Строеву „быть здоровымъ и повеселиться въ Соловкахъ, гдѣ, помнится, нѣкогда веселился прадѣдъ покорнаго вамъ слуги" (*Письма*, I, 26). Но какъ сейчасъ увидимъ, Строеву не удалось побывать въ Соловкахъ.

Еще въ апрѣлѣ, до открытія навигаціи, онъ написалъ изъ Архангельска къ Соловецкому Архимандриту Досиѳею слѣдующее письмо:

„Богомъ хранимая обитель Святыхъ Зосимы и Савватія, настоятельствуемая вами, Высокопреподобный отецъ Архимандритъ, имѣетъ многочисленное древнее книгохранилище и архивъ, до сего времени не разсмотрѣнные никѣмъ изъ ученыхъ археографовъ. По сей причинѣ Императорская Академія Наукъ предназначила Археографической Експедиціи начать свои дѣйствія съ сего, еще нечерпаннаго кладезя древностей. Прибывъ въ Архангельскъ въ половинѣ минувшаго марта, я произвожу изысканія въ библіотекѣ семинарской и по окрестнымъ монастырямъ, дожидаясь съ нетерпѣніемъ открытія навигаціи, дабы отправиться въ вашу Святую Обитель. Для точнаго и во всей силѣ исполненія обязанностей, возложенныхъ на Археографическую Експедицію, ей необходимо пробыть въ Соловецкой обители цѣлое лѣто нынѣшняго 1829 года и трудиться безпрерывно и съ великими усиліями. Но что возмогутъ одни наши усилія, безъ благодѣтельнаго содѣйствія вашего, Высокопреподобный Отецъ Архимандритъ, и гостепріимной попечительности о странникахъ, долгомъ службы и любовію къ Отечественной Исторіи увлеченныхъ изъ среды ихъ семействъ въ страну дальнюю, скудную предметами житейскихъ потребностей. Для помѣщенія нашего необходимо по крайней мѣрѣ два изрядные покоя и третій для ученыхъ занятій. Продовольствіе насъ пищею равнымъ образомъ зависитъ отъ учрежденія вашей Святой Обители; ибо на островѣ, гдѣ нѣтъ торжища, ни средствъ хозяйственныхъ, какимъ образомъ намъ довольствовать себя самимъ собою? Излишне было бы упоминать, что всякое даяніе благо и все предлагаемое на потребу будетъ принято нами съ благодареніемъ. Издержки Святой Обители на наше помѣщеніе, снабженіе необходимыми вещами и продовольствіе пищею, въ теченіе цѣлаго лѣта, будутъ вознаграждены

мною вполнѣ и съ лихвою.—Опасаясь нежданнымъ пріѣздомъ моимъ обезпокоить васъ, Высокопреподобный Отецъ Архимандритъ, среди занятій вашихъ объ устройствѣ и благолѣпіи ввѣренной вамъ обители благочестія, я поставляю себѣ въ обязанность предварительно извѣстить васъ о семъ, дабы можно было принять нужныя мѣры къ помѣщенію и продовольствію, состоящей подъ моимъ начальствомъ Експедиціи. Я увѣренъ, что Ваше Высокопреподобіе, какъ истинный сынъ Церкви и Отечества, не приминете поревновать предпріятію, отъ котораго Правительство ожидаетъ несомнѣнныхъ успѣховъ для Исторіи Россійской. Въ семъ предположеніи я покорнѣйше прошу васъ: почтить меня отвѣтомъ вашимъ, сколь возможно безъ промедленія, дабы я могъ распорядить здѣшнія свои дѣйствія и назначить благовременный пріѣздъ въ вашу благословенную обитель" (*А. Е.* I, 64, 65). Письмо это, отправленное изъ Архангельска 12-го или 13-го апрѣля, было получено въ Соловецкомъ монастырѣ только 6-го мая. На это письмо Архимандритъ отвѣчалъ (мая 12) самымъ радушнымъ образомъ:

„Во ожиданіи вашего пріѣзда въ Соловецкую обитель, о чемъ я предварительно извѣщенъ и прилагаю всевозможное стараніе приготовить для васъ съ спутниками удобную квартиру для жительства и занятій вашихъ; для продовольствія же вашего пищею здѣсь какъ въ рыбной, равно и въ мясной провизіи недостатку не будетъ, притомъ не заизлишне васъ считаю предварить, что въ разсужденіи столовыхъ и прочихъ напитковъ и пива, ихъ здѣсь въ монастырѣ не имѣется, и есть-ли для васъ они нужны, то и совѣтую вамъ оными запастись въ Архангельскѣ; въ прочемъ со всѣмъ моимъ усердіемъ готовъ вамъ во всемъ содѣйствовать" (*А. Е.* I, 108).

Къ срединѣ мая, занятія Археографической Экспедиціи въ Архангельскѣ и его окрестностяхъ приходили къ концу; къ тому же времени открылась и навигація. Экспедиціи необходимо было сколь возможно ускорить отплытіе къ Соловецкому острову, дабы воспользоваться вполнѣ лѣтнимъ временемъ, единственно удобнымъ къ безопасному плаванію по Бѣлому морю.

Еще съ 14-го мая, П. М. Строевъ началъ вести переговоры съ Конторою Главнаго Командира надъ портомъ, о снабженіи Археографической Экспедиціи, на основаніи предписанія Начальника Морскаго Штаба, *казеннымъ благонадежнымъ судномъ* для переѣзда изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь и для обратной переправы, въ срокъ, какой Начальникомъ Экспедиціи будетъ назначенъ „сообразно количеству Археографической работы" (*А. Э.* I, 80). Между тѣмъ, въ это же самое время отправлялась изъ Архангельска, по Высочайшему повелѣнію, Экспедиція, состоящая подъ начальствомъ Лейтенанта Рейнике,

для описи глубинъ Бѣлаго моря. Контора Главнаго Командира Архангельскаго порта отвѣчала Строеву (24-го мая), что Археографическая Експедиція можетъ отправиться на судахъ отряда Лейтенанта Рейнике, который выйдетъ въ море 1-го или 2-го наступающаго іюня и что для обратнаго отвоза Археографической Экспедиціи отрядъ этотъ можетъ зайти въ Соловки въ два срока: въ исходѣ іюля и за половину августа (*А. Э.* I, 92). Строевъ по этому поводу вошелъ въ сношеніе съ Лейтенантомъ Рейнике, но когда переговоры ихъ по этому поводу не увѣнчались успѣхомъ (*А. Э.* I, 92, 93), то Портовая Контора увѣдомила объ этомъ Генералъ-Губернатора, который находилъ весьма удобнымъ, чтобы экспедиція, прибывъ въ Соловецкій монастырь на отрядѣ г. Рейнике, для возвратнаго пути выпросила бы у Отца Архимандрита Соловецкаго, или наняла, карбасъ и переѣхала на немъ въ городъ Кемь, откуда во всѣ мѣста, водою и сухопутно, ѣхать возможно. На этотъ отзывъ Генералъ-Губернатора, Строевъ въ письмѣ къ нему (отъ 30-го мая) замѣтилъ, „что переѣздъ изъ Соловковъ въ Кемь на наемномъ карбасѣ есть подвигъ, составляющій завидный удѣлъ отважныхъ мореходовъ, а не людей, цѣлую жизнь проведшихъ въ ученомъ кабинетѣ. Кромѣ сего, Кемь не въ планѣ путешествія Экспедиціи. Такимъ образомъ“, заключаетъ Строевъ, „на сей разъ, я нахожусь въ прискорбной необходимости отказаться отъ поѣздки въ Соловецкій монастырь“ (*А. Е.* I, 100, 101).

На это письмо Генералъ-Губернаторъ отвѣчалъ Строеву довольно гнѣвно (отъ 5 іюня): „мѣстному начальству нѣтъ никакой надобности ни въ расчетахъ вашихъ во времени, ни въ планахъ вашихъ; ибо то и другое къ обязанности мѣстнаго начальства не относится, а я съ своей стороны полагая, что вы точный исполнитель порученнаго на васъ дѣла, предлагалъ вамъ, что можно вамъ туда отправиться на адмиралтейскомъ суднѣ, изъ Соловецкаго же монастыря во всякое время въ нѣсколько токмо часовъ можно переѣхать въ городъ Кемь и оттуда возвратиться въ Архангельскъ почтовымъ трактомъ, или могли бы вы пріѣхать сюда съ Соловецкимъ Архимандритомъ на монастырскомъ суднѣ, которое хотя не военное, но также для плаванія благонадежно; но ежели вы не воспользовались сими моими предложеніями, то сіе и остается на собственной вашей, а никого другаго отвѣтственности“ (*А. Э.* I, 109, 110).

При этомъ Генералъ-Губернаторъ препроводилъ Строеву открытое предписаніе и подорожную, которыя, однако, найдены Строевымъ написанными „не въ силу открытаго листа г. Министра Внутреннихъ дѣлъ“. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Генералъ-Губернатора, Строевъ не пропустилъ случая замѣтить ему, что путешествіе въ Соло-

вецкій монастырь „предписано ему совершить на *казенномъ благонадежномъ суднѣ*, а не на какомъ либо иномъ суднѣ, что при всей неограниченной довѣренности своей къ милостивымъ совѣтамъ Его Превосходительства, онъ не дерзнулъ рѣшиться на поступокъ, противный волѣ своего начальства, и отложилъ поѣздку до другой весны по силѣ § 7-го данной ему инструкціи и что, наконецъ, о семъ донесено имъ Императорской Академіи Наукъ съ приложеніемъ копій съ сношеній по сему предмету" (*А. Э.* 113, 114).

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Архангельска, П. М. Строевъ нашелъ случайно въ Архивѣ тамошней Консисторіи сундукъ съ древними документами, о коемъ, какъ писалъ онъ Фусу, „и сама Консисторія не вѣдала. Сіи документы были собраны лѣтъ за 20-ть предъ симъ изо всѣхъ монастырей и церквей для сочиненія чего-то, и потомъ будучи заброшены подверглись нѣсколько гнилости". По представленію Строева Консисторія „предположила улучшить будущую участь манускриптовъ" (*А. Э.* I, 103).

11-го іюня 1829 года, Археографическая Экспедиція оставила Архангельскъ и направилась къ Вологдѣ. По пути, Строевъ съ порученною ему Экспедиціею посѣтилъ Холмогоры, гдѣ провелъ около двухъ недѣль и занимался разборомъ Архива тамошняго Собора. Здѣсь, между прочимъ, онъ нашелъ хорошій списокъ Псковскаго Лѣтописца и извлекъ двѣ грамоты (1504 и 1698 г.). Изъ Холмогоръ ѣздилъ въ Пинегу и далѣе въ монастыри Красногорскій и Веркольскій; но, какъ самъ свидѣтельствуетъ, „не нашелъ тамъ многаго". Отъ Красногорскаго Архива портфели Археографа обогатились одною грамотою 1547 года, „Архивъ стариннаго города *Кевроля*", доноситъ Строевъ Академіи, „по упраздненіи его, перенесенный въ Пинегу, сгнилъ тамъ въ ветхомъ сараѣ и, какъ мнѣ сказывали, послѣдніе остатки его незадолго предъ симъ брошены въ воду".

26-го іюня, Археографическая Экспедиція „прикочевала" къ Антоніеву Сійскому монастырю „и съ тѣхъ поръ", пишетъ, Строевъ, „пребываетъ между отшельниками". Многочисленное книгохранилище сей, нѣкогда знаменитой, обители дало Экспедиціи „обильную жатву". Здѣсь найдено прекрасное Евангеліе на пергаминѣ 1339 года, а также, не извѣстное до того времени, Путешествіе въ Царьградъ Архіепископа Новгородскаго Антонія, въ началѣ XIII вѣка (*А. Е. I*, 122). Этотъ замѣчательный памятникъ нашей древности изданъ только въ наши дни Археографическою Коммиссіею, подъ заглавіемъ: *Путешествіе Новгородскаго Архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Саввaитова. Спб. 1872.* „Мои портфели тучнѣютъ непрерывно", писалъ Строевъ

въ Академію; но при этомъ съ горечью прибавляетъ: „о затрудненіяхъ и препятствіяхъ, кои я испытываю и, безъ всякаго сомнѣнія, буду испытывать во все время путешествія, почитаю не нужнымъ упоминать до времени“ (*А. Е.* I, 122).

18-го іюля, Археографическая Экспедиція была уже въ Шенкурскѣ. Здѣсь Строевъ осмотрѣлъ остатки архивовъ соборнаго и монастырей Троицкаго и упраздненнаго Богословскаго. Въ Шенкурскѣ Археографу удалось сдѣлать примѣчательныя пріобрѣтенія: 1) Греческую рукопись творенія Григорія Богослова, на пергаминѣ, XIV в., нѣкогда принадлежавшую Аѳонскому монастырю τοῦ Βατοπεδοῦ; 2) Номоканонъ на Грузинскомъ языкѣ, написанный въ 1350 году, также въ Аѳонѣ и на пергаминѣ; 3) Переводъ осьми книгъ Библіи съ Вульгаты, на Литовско-Русское нарѣчіе доктора Франца Скорины, напечатанный въ Прагѣ 1518 года. За все это было заплачено 325 рубл. По свидѣтельству Строева, „охотники до старины Славянской платили обыкновенно 25 рублей и болѣе за каждую изъ книгъ Скорининой Библіи; слѣдовательно, двѣ пергаменныя рукописи въ 125 и 150-ти рубляхъ, что безъ сомнѣнія очень сходно“ (*А. Е.* I, 134).

Препровождая названныя рукописи въ Академію, П. М. Строевъ просилъ Непремѣннаго Секретаря представить ихъ Собранію Академиковъ и сообщить ихъ заключеніе, „дабы я могъ“, прибавляетъ Строевъ, „сообщить въ Дерптъ Профессору Клоссіусу, который предъ отправленіемъ въ путь Археографической Экспедиціи, просилъ меня сообщать ему свѣдѣнія о всѣхъ иностранныхъ рукописяхъ, кои я гдѣ-либо встрѣчу“ (*А. Е.* I, 134 об.). Отвѣтъ Академіи былъ самый не ожиданный. Вотъ что писалъ Строеву Академикъ Кругъ: „Такъ какъ назначенная въ нашемъ уставѣ на умноженіе библіотеки сумма вся израсходована, то по необходимости должны мы ограничиться покупкою только такихъ твореній, кои относятся къ наукамъ, обработываемымъ Академіею. Къ нимъ не принадлежитъ Богословіе, ни также Законовѣдѣніе, а потому и сдѣлано постановленіе: большую часть богословскихъ и юридическихъ книгъ нашей библіотеки подарить такому университету, въ коемъ имѣются каѳедры сихъ наукъ. Такимъ образомъ Греческая рукопись Григорія Назіанзина была бы весьма важна для библіотеки, уже заключающей въ себѣ творенія многихъ церковныхъ Отцевъ, какова, напримѣръ, Патріаршая въ Москвѣ; равномѣрно и Грузинская Кормчая могла бы занять почетное мѣсто въ библіотекѣ Канцлера или Законодательной Коммиссіи; но къ нашей они имѣютъ малое отношеніе. По сему ограничтесь впередъ покупкою только такихъ предметовъ, кои въ ближайшемъ отношеніи къ Отечественной Исторіи“ (*А. Е.* I, 166, 167).

О Шенкурскомъ пріобѣтеніи Строевъ увѣдомилъ и Графа Ѳ. А. Толстаго, который по этому поводу писалъ ему: „Купленныя нынѣ тобою рукописи Грузинская и Греческая и Скорина, не извѣстно мнѣ для кого я бы очень желалъ, чтобъ онѣ мнѣ принадлежали“ (*Письма*, I, № 219). Въ отвѣтъ на это Строевъ послалъ Графу Толстому копію съ переписки своей съ Академіею по поводу пріобрѣтенныхъ рукописей. Тогда Графъ Толстой началъ домогаться о пріобрѣтеніи этихъ рукописей въ свою библіотеку. Изъ нижеслѣдующаго письма Графа къ Строеву мы узнаемъ объ окончательной участи Шенкурскаго пріобрѣтенія:

„Хотѣлось отъ Академіи добиться, не уступитъ ли мнѣ присланныхъ тобою, не нужныхъ имъ книгъ; особенно хотѣлось получить Скорину; но, къ несчастію, не имѣлъ успѣха. Академія, въ полномъ присутствіи, разсматривала переписку твою съ професорами: по многимъ о семъ толкамъ и спорамъ, къ несчастію, рѣшила, по большинству голосовъ, на томъ, чтобъ книги оставить въ Академіи, а мнѣ не отдавать; на моей сторонѣ было только трое, въ числѣ которыхъ Кругъ. Процесъ сей хотя мною и проигранъ, но нѣтъ худа безъ добра, я изъ него вывожу для себя большую ползу, а именно: непродолжительномъ времени ты получишь отъ Академіи предписаніе, подобныхъ нынѣ присланнымъ въ Академію не присылать, а добыбывать ихъ въ мою библіотеку. Надѣюсь, что ты, по дружбѣ своей ко мнѣ, предписаніемъ симъ воспользуешся“ (*Письма*, I, № 221).

Полную ученую оцѣнку пріобрѣтенія Строева сдѣлалъ извѣстный изслѣдователь Кормчихъ Баронъ Г. А. Розенкампфъ. „Съ великимъ нетерпѣніемъ ожидалъ случая“, писалъ онъ къ Строеву, „увидѣть найденный вами „алмазъ“ и особенно потому, что изъ всѣхъ Христіянскихъ народовъ, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи, но не принадлежащихъ къ Славянскому племени, Грузинскій народъ одинъ имѣетъ свою церковь во всѣхъ отношеніяхъ совершенно сходную съ Грекороссійскою, кромѣ языка, отправляя на природномъ Грузинскомъ богослуженіе и имѣя на семъ же языкѣ весь кругъ церковныхъ книгъ, слѣдовательно и каноны. Наконецъ сей случай— видѣть вашъ списокъ Грузинской Кормчей недавно мнѣ представился. Разсмотрѣвъ оный списокъ, съ помощью одного ученаго Грузинца, тѣмъ съ большею удобностью, что мнѣ не задолго предъ симъ случилось видѣть у Грузинскаго царевича Теймураза прекрасный бумажный списокъ Грузинской Кормчей, очень сходный въ вашимъ харатейнымъ, спѣшу поздравить васъ съ пріобрѣтеніемъ сего единственственнаго сокровища сего рода въ Россіи во многомъ превосходящаго новѣйшій списокъ, находящійся у царевича Теймураза... Ибо не

смотря на то, что въ вашемъ спискѣ не достаетъ первыхъ и послѣднихъ листовъ, важность онаго наипаче состоитъ въ томъ, что вашъ списокъ, сколько до нынѣ извѣстно, есть единственный харатейный въ Россіи, списанный въ Афонской горѣ 1350 года, по переводу съ Греческаго Св. Евѳимія, одного изъ первыхъ просвѣтителей Грузіи въ 4-мъ вѣкѣ, и основателей Иверской обители въ помянутой горѣ" (*Письма*, I, 23). Іюля 24-го Археографическая Экспедиція прибыла въ городъ Вельскъ, а 26-го въ Верховажье. Города Шенкурскъ и Вельскъ, съ ихъ уѣздами, составляли нѣкогда область Вагу, принадлежавшую сперва Новгородцамъ, потомъ Великимъ Князьямъ Московскимъ, Годунову и наконецъ Дворцовому вѣдомству. Воеводы жили въ Шенкурскѣ; тамъ же находился и архивъ воеводства, безъ сомнѣнія, важный для исторіи „Россійскаго Сѣвера". Въ 1780 году, при открытіи Вологодскаго намѣстничества, его перевезли въ Вологду для сдачи въ Казенную Палату. Въ Верховажьѣ, Строевъ познакомился съ тамошнимъ мѣщаниномъ Матвѣемъ Николаевымъ Мясниковымъ и нашелъ въ немъ охотника до древностей здѣшняго края. По свидѣтельству Строева, Академикъ Шегренъ лично зналъ этого „почтеннаго и весьма бѣднаго старика" (*А. Е.* I, 192). Мясниковъ сообщилъ Строеву, что въ 1818 году, архиваріусъ казенной палаты Казаковъ показывалъ ему описи, хранящагося въ Палатѣ, Важскаго Архива. Вотъ по этому-то указанію Строевъ и началъ разыскивать слѣды этого Архива. Сначала онъ отнесся въ Вологодскую Казенную Палату, и получилъ въ отвѣтъ: что въ Палатѣ находится только часть описей, а дѣла, безъ сомнѣнія, поступили въ вѣдомство бывшаго Намѣсническаго правленія; при чемъ указано на сообщеніе того Правленія Палатѣ отъ 12-го августа 1780 года (*А. Е.* I, 176, 177). Изъ этого сообщенія Строевъ заключилъ, что Важскій Архивъ, въ которомъ погребена исторія нѣкогда цвѣтущей и богатой области Ваги, почіетъ гдѣ-либо въ Вологодскихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего обратился къ Вологодскому Гражданскому Губернатору Н. П. Брусилову съ письмомъ, въ которомъ просилъ поручить кому-либо изслѣдовать: существуютъ ли еще дѣла древняго Важскаго Архива или время и неблагопріятныя обстоятельства истребили ихъ безъ остатка? Письмо свое къ Губернатору Строевъ заключаетъ такъ: „Ревностное соучастіе Вашего Превосходительства преисполнитъ меня и всѣхъ историіоиспытателей не лицемѣрною признательностію" (*А. Е.*, I, 281). Брусиловъ отвѣтилъ Строеву, что по достовѣрной справкѣ въ архивѣ Губернскаго Правленія „оныхъ дѣлъ не оказалось" (*А. Е.*, I, 281).

Въ это время Вологодскую губернію ревизовали два Сенатора Кор-

ниловъ и Мертенсъ. Строевъ рѣшился воспользоваться и этимъ случаемъ для отысканія Важскаго Архива. „Быть можетъ", писалъ онъ Сенаторамъ, „при совершающейся ревизіи Вологодскихъ присутственныхъ мѣстъ, откроются гдѣ либо остатки древняго архива Вожскаго воеводства, то неблагоугодно ли будетъ приказать канцеляріи вашей увѣдомить о семъ меня. Благотворный покровъ вашъ, въ семъ случаѣ, доставитъ мнѣ возможность исполнить вполнѣ обязанности на меня возложенныя" (*А. Э.*, I, 282, 283). Но и эта просьба Строева осталась, кажется, безъ послѣдствій.

Поиски Строева въ архивѣ Успенскаго Верховажскаго собора были счастливѣе. Тамъ онъ пріобрѣлъ пятнадцать грамотъ (1629—1696).

29-го іюля 1829 года, Археографическая Экспедиція прибыла въ Вологду. Здѣсь наши путешественники нашли „милостивый пріемъ и гостепріимное покровительство" со стороны Вологодскаго Епископа Стефана. Въ его Архіерейскомъ Домѣ съ древнимъ садомъ, нашла себѣ пріютъ Археографическая Экспедиція. Дорожа временемъ, Строевъ немедленно же обратился къ Преосвященному съ слѣдующимъ письмомъ: „Обозрѣвъ книгохранилища и архивы Архангельской губерніи и епархіи, я прибылъ сюда со ввѣренной мнѣ Експедиціею и намѣреваюсь отправиться по тракту къ Усть-Сысольску; а по возвращеніи оттуда займусь хранилищами древностей Вологды и ея окрестностей. Въ семъ предположеніи, я вмѣняю себѣ въ обязанность покорнѣйше просить Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко: о напутствованіи меня милостивымъ и назидательнымъ Вашимъ благословеніемъ и снабженіи открытымъ листомъ къ настоятелямъ монастырей и священнослужителямъ соборовъ и церквей, управляемой Вашимъ Преосвященствомъ Епархіи" (*А. Э.*, I, 132). На другой же день, Строевъ получилъ открытый листъ, въ которомъ Преосвященный „рекомендовалъ Вологодскому Семинарскому Правленію, и всѣмъ уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ, равно всѣмъ соборнымъ протоіереямъ, монастырскимъ настоятелямъ и настоятельницамъ и всѣмъ вообще градскихъ и сельскихъ церквей священнослужителямъ, чиновника Строева допускать къ просмотру и извлеченію изъ хранящихся въ соборныхъ, монастырскихъ и церковныхъ библіотекахъ всякаго рода манускриптовъ и книгъ" (*А. Э.*, I, 138).

Въ день Преображенія, П. М. Строевъ оставилъ Вологду и предпринялъ путешествіе „въ гористый востокъ" Вологодской губерніи и только 18-го сентября вернулся обратно въ Вологду, сдѣлавшуюся резиденціей Археографической Экспедиціи. Вотъ что писалъ Строевъ объ этомъ шестинедѣльномъ странствованіи своемъ П. Н. Фусу: „я былъ въ Тотьмѣ, Устюгѣ, Сольвычегодскѣ, Яренскѣ, до Устьвыма, гдѣ нѣ-

когда пребывали Владыки Пермскіе; осмотрѣлъ архивы присутственныхъ мѣстъ тѣхъ городовъ, остатки книгохранилища бывшей Устюжской каѳедры и восемь монастырей. Намѣреніе мое было, посѣщеніемъ остальныхъ обителей въ Кадниковскомъ и Грязовецкомъ уѣздахъ окончить совершенно обозрѣніе здѣшней губерніи и епархіи; но почти непрерывные дожди и происшедшая отъ сего непроѣздность дорогъ пригнали меня, противъ воли, въ Вологду: ожидать наступленія замороза. Здѣсь я успѣлъ уже перебрать остатки Епархіальнаго Архива и принимаюсь за библіотеку Семинаріи. Чтожъ касается до хранилищъ старины въ городахъ и монастыряхъ, мною посѣщенныхъ, изъ коихъ большая часть весьма древни, то невозможно представить вполнѣ, сколько онѣ потерпѣли отъ невѣжественнаго нерадѣнія. Однакожъ, мнѣ удалось застать въ нихъ, и даже сберечь, довольно интересныхъ актовъ, между коими четыре, касающіеся временъ междуцарствія и самозванцевъ, весьма важны. Вообще, въ археографическихъ портфеляхъ содержится уже до 500-тъ листовъ разнаго рода копій" (*А. Э.*, I, 172).

На возвратномъ пути въ Вологду, въ городѣ Тотьмѣ, Строевъ получилъ письмо отъ Академика Гамеля, слѣдующаго содержанія: „Хотя не имѣю я удовольствія быть лично съ вами знакомымъ, но въ засѣданіяхъ конференціи Академіи Наукъ, отъ которой имѣлъ я честь быть избраннымъ академикомъ по части Технологіи, я узналъ, что вы ревностно занимаетесь возложеннымъ отъ Академіи на васъ порученіемъ. Составляя нынѣ описаніе отечественныхъ фабрикъ, стараюсь я притомъ показать, кѣмъ именно изъ иностранцевъ первоначально перенесены къ намъ разныя искуства, каковыя свѣдѣнія могутъ быть черпаемы только изъ старыхъ бумагъ, скрытыхъ въ разныхъ архивахъ. Какъ вы нынѣ находитесь въ Архангельскѣ, черезъ который портъ большая часть иностранцевъ въ прежнія времена къ намъ прибыла, то прошу васъ покорно при вашихъ изысканіяхъ, обращать вниманіе и на все то, что относится до начальнаго заведенія фабрикъ въ Россіи иностранными мастерами, а равно и на то, что касается до прежней иностранной торговли Россіи, производившейся черезъ Архангельскій портъ. Много обязанъ бы я былъ вамъ, если бы вы сообщали мнѣ таковыя свѣдѣнія по мѣрѣ того, какъ оныя собирать будете, и если нельзя достать полныхъ списковъ съ бумагъ, то прошу васъ, по крайней мѣрѣ, дѣлать изъ оныхъ выписки. Любопытно даже было бы имѣть имена всѣхъ къ Архангельскому порту прибывшихъ иностранцевъ, и знать, кто изъ нихъ остался въ Архангельскѣ по дѣламъ торговли, а также кто поѣхалъ далѣе куда либо внутрь Россіи, для того же, или для учрежденія фабрикъ и

другихъ заведеній“ (*А. Э.*, I, 151, 152). При этомъ письмѣ Гамель приложилъ записку, доставленную ему Кругомъ, и содержащую слѣдующія *Замѣчанія* Шегрена: „Особенное вниманіе заслуживаютъ архивы монастырей *Сійскаго* и *Николаевскаго Корельскаго*. Въ *Городецкомъ приходѣ* есть, какъ сказываютъ, такъ называемой *городокъ Чуди* съ кургановъ (кажется, въ Холмогорскомъ уѣздѣ къ р. Онегѣ). Во всѣхъ приходахъ при церквахъ, по предписанію покойнаго Епископа Неофита, должны существовать такъ называемыя *Памятныя книги*. Въ монастыряхъ и городахъ тоже. Кромѣ архивъ присудственныхъ мѣстъ, въ городахъ, иногда и въ волостныхъ правленіяхъ, бываютъ по крайней мѣрѣ, старинныя писцовыя или переписныя книги. Вообще, въ архивахъ необходимо самому рыться, чтобы удостовѣриться о существованіи древнихъ документовъ. Весьма часто приказные и архиваріусы сами не знаютъ, что у нихъ есть, или не хотятъ знать. Даже архивальныя росписи не всегда вѣрны. Подробность оныхъ болѣе относится къ такъ называемымъ *дѣламъ* съ тѣхъ временъ, въ которые заведены присутственныя мѣста по нынѣшнему образу правленія. До старинныхъ свитокъ архиваріусамъ обыкновенно дѣла нѣтъ, весьма не многіе сами умѣютъ такіе разобрать. Въ *Шенкурскѣ* у Протоіерея рукописный Грузинскій переводъ Кормчей книги. Съ благонамѣреніемъ Докторъ *Шегренъ*“ (*А. Э.*, I, 153).

На это письмо, Строевъ, отъ 15-го сентября, отвѣчалъ Гамелю: „Археографическая Экспедиція оставила Архангельскъ еще въ началѣ іюня. Крайне сожалѣю, что, находясь тамъ, я не зналъ о полезномъ трудѣ, коимъ вы изволите теперь заниматься; въ двухъ-мѣсячное пребываніе въ Архангельскѣ, безъ сомнѣнія, можно было бы доставить вамъ довольно любопытныхъ свѣдѣній изъ архива таможенной конторы, главнаго командира надъ портомъ. Огромныя описи ихъ, впрочемъ недостаточныя, долго находились въ моей квартирѣ. Мнѣ остается увѣрить васъ, что, разбирая архивы другихъ губернскихъ городовъ, я не премину имѣть въ виду требованія ваши... За замѣчаніе же почтеннѣйшаго путешественника Шегрена, перенесшаго на себѣ то, что я теперь испытываю, премного благодаренъ“ (*А. Е.* I, 155, 174). Дѣйствительно, П. М. Строеву для достиженія своей высокой цѣли приходилось бороться съ немалыми затрудненіями. „Очень сожалѣю, любезный другъ“, писалъ къ нему Графъ Ѳ. А. Толстой, „что путешествіе твое, по столь важной цѣли, стало затруднительно; ето доказываетъ младенчество наше по сей части, авось лѣтъ десятковъ черезъ пять—шесть и мы возмужаемъ. Я на сей разъ, на твой счетъ, скажу двѣ пословицы: терпи казакъ, ата-

манъ будешъ, и стерпится такъ слюбится; авось когда нибудь, сіи пословицы и надъ тобою совершатся“ (*Письма*, I, № 221).

Путешествіе П. М. Строева интересовало всѣхъ тогдашнихъ ученыхъ. Академикъ Кругъ также обратился къ нашему Путешествующему Археографу съ слѣдующимъ запросомъ: „Въ мѣстахъ, гдѣ вы теперь находитесь, возможно развѣдать точнѣе о положеніи пороговъ, упоминаемыхъ въ таможенной грамотѣ царя Θедора Іоановича 1598 года: *на рѣкѣ же Онѣгѣ у Петра Святого на порогѣ да на рѣкѣ на Свидѣ у Николы Чудотворца на Порогѣ.* Каково нынѣшнее ихъ положеніе? Тамошніе жители именуются ли еще Порожане; и что такое Подпорожане? *Держати Порожаномъ и подпорожаномъ кабаки и бичевы по старинѣ.* Равнымъ образомъ, что такіе: *бѣлки Шуванскіе*, о коихъ упоминалось въ той же грамотѣ“? (*А. Э.* I, 166, 167). На эти вопросы, Строевъ (26-го сентября) отвѣчалъ: „Что касается до *пороговъ*, упоминаемыхъ въ таможенной грамотѣ 1598, я имѣю честь сообщить вамъ на сей разъ слѣдующее: Сія грамота, помѣщенная во II-й части *Собранія Госуд. гр. и догов.* (коего нѣтъ при мнѣ и здѣсь найдти негдѣ), сколько могу припоминать, дана Каргопольцамъ, кои по нынѣ еще занимаются скорнячествомъ бѣлки, идущей къ нимъ съ Пинеги, Печоры и Зырянскаго края; а потому требуемыя вами свѣдѣнія я могу (и никакъ не премину) сообщать изъ Каргополя.— Слова: *Порожане* и *подпорожане* явно означаютъ жителей окрестностей пороговъ, по обоимъ берегамъ рѣки и ниже оныхъ. Такимъ образомъ, фраза: *держати порожаномъ и подпорожаномъ кабаки и бичевы по старинѣ*, значитъ: жителямъ припорожныхъ мѣстъ и ниже пороговъ оставляется старинное ихъ право торговать крѣпкими напитками и проводить барки (чрезъ пороги) бичевою — разумѣется за плату. При семъ обязанностію и въ особенное себѣ удовольствіе вмѣняю донести вамъ, что Археографическая Експедиція, обязанная своимъ существованіемъ единственно вашему покровительству, успѣваетъ въ своихъ подвигахъ. Да укрѣпитъ Всевышній наше мужество и трудолюбіе; а поприще, предметы и препоны многіе и многіе“ (*А. Е.* I, 174).

Избравъ Вологду резиденціею Археографической Экспедиціи, П. М. Строевъ завелъ письменныя сношенія съ мѣстными любителями старины. Слѣды этихъ сношеній мы находимъ въ бумагахъ Павла Михайловича. Такъ, изъ *Тотьмы*, нѣкто Максимъ Савинъ прислалъ Строеву копію съ грамоты царя Θеодора Іоанновича и сообщилъ, что у него есть грамота, подписанная Патріархомъ Филаретомъ въ 1620 году, замѣтивъ при этомъ, что „хотя содержаніе этой грамоты нисколько не интересно для Исторіи; но видѣть печать и почеркъ пись-

ма Филарета Никитича, толико знаменитаго въ Отечественной нашей исторіи, для тѣхъ, кои не видали, довольно лестно и любопытно" (*А. Е.* I, 179, 180). Изъ Верховажья Строеву сообщалъ историческія свѣдѣнія уже знакомый намъ Мясниковъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Строева „дать ему пріятнѣйшій случай въ достопамятной Археографической Експедиціи нѣсколько потрудиться" и Строевъ исполнилъ желаніе старика (*А. Е.* I, 192). За тѣмъ, самъ Строевъ, узнавъ, что у Сольвычегодскаго городничаго Соколова хранится *Историческое Описаніе города Сольвычегодскаго*, составленное тамошнимъ гражданиномъ Алексѣемъ Соскинымъ, обратился къ Соколову съ просьбою доставить въ Экспедицію вѣрный списокъ съ этаго Описанія. Просьба эта была уважена (*А. Е.* I, 163, 183).

Среди „трудовъ и трудностей", сопряженныхъ съ археографическимъ путешествіемъ, Строевъ не забывалъ учрежденія, которое впервые открыло ему поприще Археографіи, и просилъ своего бывшаго начальника А. Ѳ. Малиновскаго благосклонно принять „приношенія отъ портфелей Археографической Експедиціи". При этомъ онъ препроводилъ въ Московскій Главный Архивъ Иностранной Коллегіи точныя копіи съ двухъ грамотъ: *одна*, царя Василія Іоанновича Шуйскаго, 1607 г., о взятіи Тулы и сидѣвшихъ тамъ соумышленниковъ лжецаревича Петра, съ приложеніемъ допроса сего Самозванца; *другая* бояръ князя Трубецкаго и князя Пожарскаго 1612 года, изъ лагеря подъ Москвою, объ успѣхахъ надъ Поляками. „Оба сіи акта", писалъ Строевъ, „сколько припомню, напечатаны въ *Собраніи Государственныхъ Грамотъ*. Упоминаетъ ли о нихъ покойный Исторіографъ въ 12-мъ томѣ—не знаю; ибо я не видалъ еще сего тома и здѣсь получить его не отъ кого".

Обѣ названныя грамоты, Строевъ просилъ пріобщить къ богатому собранію документовъ, собранныхъ Миллеромъ (*А. Е.* I, 175). А. Ѳ. Малиновскій, благодаря Строева за приносимый имъ даръ Архиву, увѣдомилъ его, что Исторіографу были совсѣмъ неизвѣстны, присланныя имъ грамоты (*А. Е.* I, 199).

Изъ письма Строева къ Фусу, отъ 31-го октября, мы узнаемъ, что въ Вологдѣ онъ „продолжалъ дѣлать изысканія въ библіотекахъ Семинарской, Архіерейскаго дома и въ Архивѣ Казенной Палаты, и что „плоды сего труда составляютъ: довольно извѣстій, способныхъ пояснить мрачную исторію Сѣверо-Востока Европейской Россіи (въ XIV—XVI вѣкахъ) и множество матеріаловъ для древней Славянской библіографіи и церковнаго бытописанія" (*А. Е.* I, 192).

Живя въ Вологдѣ въ Архіерейскомъ Домѣ, П. М. Строевъ находился въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Консисторіею, которая помѣщалась

въ томъ же домѣ; а въ Консисторіи этой хранилось огромное собраніе старопечатныхъ книгъ, которое и послужило ему главнѣйшимъ пособіемъ при составленіи *Описанія Старопечатныхъ Книгъ Славянскихъ, служащее дополненіемъ къ описаніямъ библіотекъ Графа Ѳ. А. Толстова и купца И. Н. Царскаго*, изданнаго въ 1841 году.

Приступая, въ началѣ ноября 1829 года, къ занятіямъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, Строевъ написалъ слѣдующее письмо къ настоятелю этого монастыря, Архимандриту Евтихіану: „Настоятельствуемая вами, Высокопреподобный Отецъ Архимандритъ! благочестивая обитель Св. Димитрія Прилуцкаго, въ числѣ даровъ всещедраго и премилосердаго Бога, надѣлена многочисленною библіотекою и хранилищемъ старины, свидѣтельствующими явно объ исконномъ процвѣтаніи зданія рукъ преподобнаго угодника Божія. Для точнаго и въ полной силѣ исполненія возложенныхъ на меня обязанностей, въ отношеніи къ книгохранилищу и архиву вашего монастыря, необходимо мнѣ и моимъ спутникамъ трудиться немаловременно, безпрерывно и съ усиліями тяжкими. Но одни наши усилія и трудолюбивая ревность могутъ ли когда ли доставить хотя поверхностный успѣхъ въ дѣлѣ, зависящемъ совершенно отъ благосклоннаго пріема, радушнаго содѣйствія и обязательнаго покровительства вашего, Высокопреподобный Отецъ Архимандритъ! какъ хозяина благочестивой обители и ея хранилищь старины, который полновластенъ ускорить или возбранить входъ въ оныя? Возвышенный образъ вашихъ мыслей и любовь къ наукамъ убѣждаютъ меня, что Ваше Высокопреподобіе, какъ истый сынъ Церкви и Отечества, не преминете поревновать предпріятію, отъ котораго попечительное Правительство справедливо ожидаетъ не малыхъ успѣховъ для Отечественной Исторіи. Въ сей увѣренности я принимаю смѣлость, покорнѣйше просить васъ, Высокопреподобный Отецъ Архимандритъ! удостоить меня благосклоннымъ увѣдомленіемъ: какой образъ и способъ занятій моихъ въ библіотекѣ и старинномъ архивѣ вашего монастыря вы изволите почитать удобнымъ, наиболѣе содѣйствующимъ успѣху порученнаго мнѣ дѣла и наименѣе васъ обременяющимъ? Когда позволите мнѣ начать занятія?—И нѣтъ ли какихъ либо затрудненій и препятствій, неизбѣжныхъ во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ слабаго человѣчества“?... (*А. Е.* I, 190).

Архимандритъ Евтихіанъ, не смотря на то, что самъ жилъ „истинно барски“ и давалъ ужины, на одномъ изъ которыхъ былъ вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Стефаномъ и одинъ изъ сотрудниковъ Строева (*Письма*, I, 220), отвелъ для занятій Археографической Экспедиціи до такой степени „сырой покой“, что оба сотрудника Строева, просту-

дились и принуждены были подать просительныя письма объ увольненіи (*А. Е.* I, 204 об.). Натурально, это поставило Строева въ затруднительное положеніе, которому и безъ того „надлежало преодолѣвать множество затрудненій и неудобствъ крайне тягостныхъ“ (*А. Э.* I, 192).

Такимъ образомъ, въ Прилуцкомъ монастырѣ Археографическая Экспедиція встрѣтила пріемъ самый негостепріимный и изъ богатаго Монастырскаго Архива могла извлечь только тридцать одну грамоту (1546—1694).

Во время пребыванія въ Вологдѣ, Строевъ получилъ интересное письмо отъ М. П. Погодина, который думалъ, что Археографъ нашъ все еще находится у Бѣлаго моря:

„Какъ я обрадовался вашему письму. Такъ давно не получалъ я извѣстій объ васъ! Ну, слава Богу, у васъ богатая жатва. Искренно поздравляю васъ и приношу вамъ вмѣстѣ со всѣми сынами (только не Сыномъ) Отечества и друзьями наукъ благодарность за ваши достославные труды. Да подкрѣпитъ Богъ вамъ силы, а мы будемъ молиться.—Прошу васъ покорно увѣдомить меня подробнѣе о вашихъ драгоцѣнныхъ находкахъ.—Когда будете вы въ *Соловкахъ*? Отъ нихъ ожидать должно многаго... Тамъ былъ и Сильвестръ, и Филиппъ, и Василій Лукичь Долгорукій!... Я просилъ у васъ извѣстій о рыбной ловлѣ и рыбацкой жизни въ Сѣверномъ краю... Мнѣ хочется написать жизнь Ломоносова простонароднымъ языкомъ для черни.... Вчера получилъ я изъ Архангельска нѣсколько прекраснѣйшихъ извѣстій. Не знаю отъ кого. Прошу еще у васъ, или у вашего любезнаго спутника, дайте мнѣ общія черты Архангельскихъ осени, зимы, весны и лѣта, тамошней природы, особенно около Холмогоръ. Мнѣ хочется написать книгу для народа, коему у насъ нечего читать... Препоручите кому нибудь въ Холмогорахъ развѣдать, сколько дѣтей было у отца Ломоносова, достаточно-ли онъ жилъ и т. п. Теперь въ Архангельскѣ живетъ еще племянница Ломоносова Матрена Евсеева, вдова, дочь его сестры Марьи, бывшая замужемъ за крестьяниномъ Куростровскимъ-Лопатинымъ... Еще есть внука его.

Теперь скажу вамъ о себѣ: Министръ въ вознагражденіе за убытки, причиненные мнѣ его вызовомъ, прислалъ мнѣ своихъ 2 т. р.; я въ первый разъ отказался, а во второй—пожертвовалъ ихъ на печатаніе общеполезныхъ книгъ (и уже вышла одна *Болгаре* Венелина). Теперь я остался по прежнему въ Москвѣ, взялъ къ себѣ нѣсколько пансіонеровъ, требую себѣ жалованья изъ Университета, которому два года служу за ординарнаго профессора, и не получаю ни копейки,—одинъ изъ всего вѣдомства.—Издалъ въ нынѣшнемъ году одну сказку и дѣт-

скую книгу. Теперь собираюсь издавать послѣдній годъ *Вѣстника* по прежнему плану, въ 24-хъ книжкахъ и прошу вашего участія... Вы богаты теперь, а публикѣ весьма пріятно будетъ услышать о вашихъ подвигахъ.—Подкрѣпите меня. У насъ въ Литературѣ дѣлаются теперь чудеса, о которыхъ вѣроятно вы знаете изъ газетъ: Исторія народа Русскаго въ 12-ти томахъ, по Адріанопольскій миръ, котораго нѣтъ еще въ газетахъ; Исторія Петра Великаго, плодъ шестилѣтнихъ путешествій г. Свиньина. Одинъ шутникъ говоритъ, что скоро выйдетъ: Исторія столпотворенія Вавилонскаго — угадайте чья? Смѣшеніе языковъ отдѣлано превосходно.—Если вы не читаете ничего текущаго, то увѣдомьте меня: на досугѣ я опишу вамъ подробности обо всѣхъ нашихъ явленіяхъ.... Я рѣшился прошибать стѣну лбомъ; если не прошибу и упаду, то помяните объ мнѣ не лихомъ и скажите: „онъ хотѣлъ дѣлать дѣло, да его не подкрѣпили".—Право бываетъ иногда грустно, хотя я и не мизантропъ.—Шевыревъ въ Римѣ, Петръ Кирѣевскій въ Минхенѣ, Иванъ ѣдетъ въ Парижъ, Веневитиновъ въ Петербургѣ.... Я перечелъ письмо и удивился самъ своей Іереміадѣ. Веселѣе за работу. Авось. (*Письма*, I, 224).

Не считаю себя въ правѣ умолчать и о замѣчательномъ письмѣ Барона Розенкампфа, полученномъ Строевымъ также въ Вологдѣ. Въ этомъ письмѣ почтенный баронъ дѣлаетъ оцѣнку путешествія Строева: „Премного благодарю вамъ за пріятнѣйшій вашъ отзывъ изъ классической земли Вологды и за извѣщеніе о вашихъ трудахъ, и объ успѣхахъ вашей Археографической Экспедиціи. Для нашей Отечественной Исторіи ничего не полѣзнѣе. По совершеніи оной вы конечно доставите ученому свѣту подробныя и самыя любопытныя извѣстія о всемъ, что вамъ встрѣтится на семъ славномъ пути, но предварительное ваше увѣдомленіе я принимаю какъ особенный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Къ искреннему желанію моему, чтобъ вы благополучно совершили ваше путешествіе, присовокупляю усердную просьбу увѣдомлять меня о встрѣчающихся вамъ Кормчихъ. Избранная вами точка обозрѣнія Русскаго еще дѣвственнаго Сѣвера такъ мнѣ понравилась, и столько приноситъ чести избравшему ее, что остается лишь пожелать будущему исторіографу стать на оную же точку и умѣть пользоваться вашими трудами" (*Письма*, I, 226).

Между тѣмъ, истекалъ 1829, а съ нимъ и первый годъ бытія Археографической Экспедиціи. „Поелику Святѣйшій Сунодъ", писалъ въ это время Строевъ Фусу, „не соизволилъ на выдачу Археографической Экспедиціи открытаго листа, безъ котораго въ монастырскихъ библіотекахъ работать неудобно, а индѣ почти не возможно; то для устраненія сихъ вредныхъ препятствій и проч., я почитаю необходи-

мымъ пріѣхать въ С.-Петербургъ. Да и и общій законъ о государственныхъ чиновникахъ дозволяетъ каждому ежегодно пользоваться двадцати осьми дневнымъ отпускомъ: почему-жъ странствующему Археографу не употребить сего права для пользы Експедиціи и своей собственной, тѣсно съ оною связанной. Я полагаю отправиться отсюда въ исходѣ декабря, при наступленіи всюду торжествуемыхъ праздниковъ и пробыть въ С.-Петербургѣ до исхода-жъ генваря 1830 года. Тогда устроивъ лучшій ходъ дѣлъ Экспедиціи и тѣмъ укрѣпя духъ изыскательности, возвращусь въ Вологду и снова начну дальнее странствованіе" (*А. Е.* I, 192, 193).

Отпускъ, разумѣется, былъ разрѣшенъ и 31-го декабря 1829 года Строевъ былъ уже въ Петербургѣ; а между тѣмъ, на торжественномъ собраніи Академіи, 29-го декабря, читалось, между прочимъ, и объ успѣхахъ Археографической Экспедиціи. Свѣдѣнія для сего хотя и сообщилъ Академіи самъ Строевъ, однако весьма не охотно; онъ указывалъ даже на § 16 данной ему инструкціи, въ которомъ прямо сказано, что „ранняя отчетность вредитъ успѣхамъ *совершающагося* предпріятія". Но Академія отступила отъ этого пункта въ видахъ скорѣйшаго удовлетворенія любопытства публики, принимавшей живое „участіе въ семъ истинно національномъ предпріятіи" (*А. Е.* I, 178, 201).

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя доставлены были Строевымъ въ Академію: „Отъ Онежской губы до верхней Пинеги, отъ Архангельска до Вологды, отъ Тотьмы до предѣловъ Зырянскихъ: вотъ не малое поприще, на коемъ Археографическая Експедиція дѣйствовала въ восемь мѣсяцевъ перваго года своего бытія. Архивы Архангельска, Вологды и десяти городовъ уѣздныхъ осмотрѣны *по возможности*; хранилища книгъ и старины двухъ семинарій и болѣе тридцати монастырей и соборовъ подверглись обзору обстоятельному. Все, уцѣлѣвшее отъ времени и беззаботнаго невѣжества, не ускользало (кажется) моего вниманія.

Мои портфели (или, правильнѣе, начатки ихъ) содержатъ уже довольное число списковъ, выписокъ и замѣчаній. Исчисляю кратко: I. Матеріалы лѣтописные и древле-статистическіе объ Архангельскѣ, Поморіи, Вагѣ, Устюгѣ, Сольвычегодскѣ, Зырянахъ, Сибири; 140 листовъ. II. Историческіе отрывки и извлеченія, неотносящіеся къ областямъ въ семъ году посѣщеннымъ; 110 листовъ. III. Списки съ разныхъ грамотъ, царскихъ указовъ, постановленій объ устройствѣ гражданственномъ и духовномъ и проч.; 96 листовъ. IV. Матэріалы къ исторіи Россійской церкви, іерархіи, монастырей; 166 листовъ. V. Свѣдѣнія древне-литературныя, біографическія (писателей), архео-

графическія и т. п.; 90 листовъ. VI. Начатки обстоятельной библіографіи Славянской до 150 листовъ. Всего болѣе 700 листовъ.

Почитаю не безполезнымъ войти въ нѣкоторыя подробности пояснительныя: а) Сказанія лѣтописцевъ (доселѣ извѣстныхъ) о Сѣверо-Востокѣ Европейской Россіи—нѣкогда обширномъ гнѣздѣ Финновъ—не даютъ точнаго и вѣрнаго понятія о постепенномъ водвореніи тамъ Россіянъ, Христіанства и гражданскаго общежитія. Это безсвязные отрывки о походахъ (правильнѣе—набѣгахъ) туда Новгородцевъ, Москвитянъ, Вятчанъ съ разныхъ сторонъ и въ разныя эпохи, одна отъ другой не мало отдаленныя. Вотъ и причина, отъ чего наши Историки, пользовавшіеся симъ *однимъ* источникомъ, равно безсвязны, темны и невѣрны въ мѣстностяхъ и въ этнографіи. Такіе недостатки сказаній дали мнѣ поводъ стараться объ отысканіи, если не *лѣтописныхъ*, то хотя *иныхъ* (*бумажныхъ*) *пособій*, дабы сколько нибудь разрѣдить мракъ въ исторіи того края. Архивы монастырей, современныхъ тамъ Христіанству и началу гражданственности, обѣщали навѣрно нѣкоторые матеріалы: трудъ мой былъ не совсѣмъ тщетенъ. Радуюсь, что по осмотрѣ остальныхъ областей той же системы исторіи и этнографіи, я могу представить дѣеписателямъ новыя точки взгляда, изслѣдованія критическія и пособія еще неизвѣстныя. b) Собраніе списковъ съ грамотъ, постановленій и проч., кои мнѣ удалось *застать* въ архивахъ, довольно значительно. Двѣ уставныя грамоты (1551 и 52 годовъ), данныя тотчасъ послѣ Судебника и Стоглава *), свѣтятъ ярко на тогдашній составъ внутренняго управленія и не даютъ мѣста многимъ несообразностямъ, допущеннымъ въ исторію нашего законодательства новѣйшими умниками. Нѣсколько актовъ временъ самозванства и *боярскаго* періода, предъ воцареніемъ дома Романовыхъ, не менѣе важны и любопытны. Изъ нихъ окружная грамота царя Василія Шуйскаго (1607 г.), при коей приложенъ допросъ лже-царевича Петра (извѣстнаго подъ именемъ Илѣйки), объясняетъ вполнѣ темный *намекъ* лѣтописцевъ о семъ самозванцѣ. Есть акты отъ лица Пожарскаго, Заруцкаго и др. с) И нѣкоторые историческіе отрывки (также неизвѣстные) равно любопытны и *просвѣтительны*. Напримѣръ: Паломникъ Новгородскаго Архіепископа Антонія въ Царьградъ (въ началѣ XIII вѣка), записка *дукса* Ивана Хворостинина о современныхъ происшествіяхъ (при царѣ Василіѣ Шуйскомъ); картина разстройства Россіи въ

---

*) Уставныя грамоты царя Іоанна Васильевича почитались потерянными. Только въ 1815 г. одна изъ нихъ напечатана въ *Русскихъ Достопамятностяхъ*, изд. Московскимъ Обществомъ Исторіи. Мною найденныя старѣе оной и совершенно другаго рода.

Междуцарствіе (изъ одного Хронографа) и др. d) Свѣдѣній относительно исторіи церковной и іерархической изобильно. Матеріалы древле-литературные и біографическіе (авторовъ) могутъ весьма во многомъ пополнить и исправить важный трудъ Его Высокопреосвященства Кіевскаго митрополита Евгенія, названный: *Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ* (Спб. 1827, въ 8-ку, 2 части). Начатки библіографическіе указываютъ мнѣ возможность издать, нѣкогда полный Словарь библіографіи Славянской, коего не достаетъ нашей литературѣ. e) Кромѣ сего найдено въ разныхъ книгохранилищахъ и *поставлено на видъ* будущимъ антикваріямъ: очень хорошій списокъ лѣтописи Псковской, два лѣтописца Двинскіе, два Сибирскіе, записки (бывшей) Холмогорской архіепископіи, нѣсколько Степенныхъ, Хронографовъ, Кормчихъ и проч. Упомяну о Евангеліи (на пергаминѣ) 1339 года, какъ пособіи для Славянской Палеографіи и Филологіи. Замѣчу и два огромные Пролога (въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ), также пергаменные XIV вѣка, заслуживающіе тщательнаго осмотра. Описаніе другихъ примѣчательныхъ рукописей (пергаминныхъ и бумажныхъ) представитъ въ свое время *Общая Роспись*, о коей сказано въ § 9 проэкта Археографическаго Путешествія. f) Наконецъ, можно ли умолчать о наблюденіи мѣстностей особенно любопытномъ и поучительномъ? Двиняне, Онежане, Пинежцы, Важане мало измѣнились отъ времени и нововведеній: ихъ характеръ *свободы*, волостное управленіе, образъ селитьбы, пути сообщенія, нравы, самое нарѣчіе, полное архаизмовъ, и выговоръ невольно увлекаютъ мысль въ плѣнительный міръ *самобытія* Новгородцевъ. Скажу болѣе: Двина и Поморіе суть *земля классическая* для историка русскаго. Только тамъ можно постигать *вполнѣ* народный духъ нашихъ предковъ и физіогномію естественную и государственную древней Россіи. Самыя Новгородскія и другія Сѣверныя лѣтописи дѣлаются вразумительнѣе во многомъ. Надѣюсь, что выводы полугодоваго пребыванія моего на берегахъ Двины, Онеги, Пинеги, Ваги, Вычегды, Сухоны будутъ не безполезны для поясненія многихъ сказаній древности и приданія *истиннаго колорита* нѣкоторымъ періодамъ отечественнаго бытописанія. Наши историки—сидни столичные довольствуются изъ лѣтописей и дипломовъ (еще отчасти невразумительныхъ) одними событіями (facta), но черты прежнихъ нравовъ, народнаго характера, образа дѣйствій внутреннихъ и внѣшнихъ, физіогноміи театра происшествій и общежитія—все это (для нихъ) вещи стороннія, малопостижныя. По сему удивительно-ли, когда въ исторіяхъ Россійскихъ, вмѣсто ясной картины постепеннаго преобразованія прежнихъ Россіянъ и Россіи въ нынѣшній ихъ видъ, часто находимъ смѣсь фантасти-

ческихъ разсказовъ, преувеличенія, чего-то полуримскаго, а еще чаще празднословія! Познаніе мѣстностей, особенно *дѣвственнаго* Сѣвера, приложенное къ преданіямъ и документамъ старины, способно озарить наше Дѣеписаніе живымъ свѣтомъ *истины*. Сюда, опытные наблюдатели!

Таковъ главный очеркъ успѣховъ восьмимѣсячнаго моего странничества. Я сдѣлалъ *все, что могъ*; даже болѣе, нежели дерзалъ предполагать при составленіи проекта Археографической Экспедиціи. Готовность моя продолжать поиски въ настоящемъ 1830 году — неизмѣнна; но *средства* въ полной волѣ Императорской Академіи Наукъ. Ожидаю рѣшительнаго мановенія.

Между тѣмъ, разсматривая мои дѣйствія (по обыкновенію) *строго*, должно имѣть въ виду и сіе обстоятельство: я совершалъ ихъ не въ роскошномъ кабинетѣ, полномъ удобствъ жизни и учености, но на пространствѣ двухъ Сѣверныхъ губерній, *испытуя костьми* измѣненія стихій, дорогъ и тяжкихъ пріютовъ, часто при пособіи одной памяти *) и очень нерѣдко въ бореніи съ невѣжествомъ, лѣнью и *подозрительностію*, столь обыкновенною въ областяхъ дальнихъ. Замѣчу мимоходомъ: что *доступъ* къ иному хранилищу старины былъ для меня многократно труднѣе и продолжительнѣе, нежели разборъ скрывавшихся тамъ документовъ.

Но я былъ бы слишкомъ неблагодаренъ, когда не умѣлъ бы чувствовать вполнѣ и цѣнить милостивый пріемъ и гостепріимное покровительство Его Преосвященства Стефана, епископа Вологодскаго, много благотворившаго Археографической Експедиціи. Остается желать, чтобы въ будущія странствованія мнѣ послужило счастіе удостоиться отъ другихъ Преосвященныхъ Владыкъ хотя въ половину того обязательнаго радушія, коимъ мы наслаждались въ домѣ Софійскомъ. И другія особы духовныя и свѣтскія содѣйствовали Експедиціи.

Справедливость требуетъ воздать должную похвалу трудамъ и усердію моихъ спутниковъ, хотя мужество ихъ уступило наконецъ приведеннымъ выше трудностямъ. Въ началѣ зимы, когда изрядное помѣщеніе въ Вологдѣ должно было перемѣнить на довольно сырой покой при одномъ окрестномъ монастырѣ, они подали мнѣ проспительныя письма объ увольненіи" (*А. Е.* I, 201—205).

---

*) По сѣвернымъ дорогамъ трудно таскать съ собою нужное число книгъ и, по неволѣ, должно ограничиваться сколь возможно малымъ скарбомъ.

XI.

Новый, 1830 годъ, П. М. Строевъ встрѣтилъ въ Петербургѣ и былъ очень хорошо принятъ Академіею Наукъ. Это былое самое удачливое время для нашего Археографа. Главною заботою его въ это время было пріисканіе себѣ спутника, на мѣсто выбывшихъ Городскаго и Лебедева, и объ огражденіи Археографической Экспедиціи „отъ прихоти отцевъ настоятелей и духовныхъ начальствъ" (*А. Е.* I, 223). По справедливому мнѣнію Строева, только достаточное жалованье могло укрѣпить за нимъ сопутствованіе „въ тяжеломъ, многотрудномъ и безвыгодномъ путешествіи, каково археографическое"; а потому онъ просилъ Академію позволить ему вмѣсто двухъ спутниковъ, имѣть одного, но съ платою ему по 1200 р. въ годъ (*А. Е.* I, 221). Вскорѣ, счастливый случай указалъ Строеву на Якова Ивановича Бередникова и мы считаемъ долгомъ, хотя вкратцѣ, напомнить нынѣшнимъ читателямъ объ этомъ великомъ труженикѣ и замѣчательномъ человѣкѣ, который почти случайно выступилъ на тернистый путь Археографіи.

Я. И. Бередниковъ происходилъ изъ купеческаго сословія и родился въ С. Петербургѣ 7-го октября 1793 года. Дѣтство свое провелъ онъ въ Тихвинѣ, постоянномъ мѣстопребываніи его родителей. Первое обученіе Бередникова началось съ церковной печати и наставницами его были двѣ сестры, содержательницы небольшой мѣстной школы. За тѣмъ, онъ поступилъ въ Духовное училище при Тихвинскомъ монастырѣ. Въ Архимандритѣ этого монастыря Отцѣ Герасимѣ, Бередниковъ нашелъ поощрителя къ дальнѣйшимъ своимъ занятіямъ науками. Когда ему было 16 лѣтъ, родственники успѣли было отклонить его отъ намѣренія продолжать начатое ученіе, представляя ему, въ какой бѣдности онъ принужденъ будетъ проводить жизнь за своими книгами, необезпеченный собственнымъ состояніемъ. Отецъ Бередникова не раздѣлялъ, однако, взгляда своихъ родственниковъ и желалъ, чтобы сынъ его продолжалъ ученіе. Онъ убѣдилъ его, что не рѣдко самые богатые купцы, отъ непредвидѣнныхъ неудачъ, становятся нищими, и что, съ другой стороны, иногда даже легкій трудъ доставляетъ значительныя деньги сочинителямъ, и въ примѣръ послѣдняго разсказалъ сыну объ Озеровѣ, которому дали за одно небольшое сочиненіе пять тысячъ рублей. Эти доводы подѣйствовали на юношу и съ той минуты участь его была рѣшена. Яковъ Ивановичь отвезенъ былъ въ С. Петербургъ,

гдѣ и поступилъ въ гимназію. Изъ гимназическихъ преподавателей всѣхъ болѣе одушевлялъ его Н. И. Язвицкій, который, по рекомендаціи Сперанскаго, имѣлъ счастіе читать лекціи Русской Словесности Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Бередниковъ былъ представленъ Державину, которому онъ прочиталъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній. Державинъ посовѣтовалъ напечатать ихъ въ *Вѣстникѣ Европы.* Въ исходѣ 1811 года, Бередниковъ, по причинѣ растроеннаго здоровья, принужденъ былъ, не кончивъ гимназическаго курса, уѣхать изъ С. Петербурга въ Тихвинъ. За тѣмъ, почувствовавши облегченіе, онъ отправился въ Москву съ намѣреніемъ слушать университетскія лекціи. Къ сожалѣнію, Бередниковъ прибылъ въ Москву незадолго до вступленія туда Французовъ и ему, по занятіи столицы непріятелемъ, пришлось возвратиться въ Тихвинъ. Но духовная жажда не давала покоя будущему Археографу. Онъ отправился въ Казань, гдѣ съ 12-го іюня 1813 года по 8-е іюля 1815 года съ полнымъ усердіемъ любознательнаго слушателя посѣщалъ университетскія лекціи. Внезапная кончина матери заставила Бередннкова поспѣшить на родину, къ отцу, гдѣ онъ пробылъ, однако, недолго и за тѣмъ снова уѣхалъ въ Москву и съ 6-го сентября 1815 по 27 марта 1819 года, неутомимо занимался изученіемъ Руской Исторіи, въ чемъ ему много способствовали лекціи Каченовскаго. Бередниковъ всегда отзывался о трудахъ Каченовскаго съ уваженіемъ и признательностію. Недостатокъ въ средствахъ Бередниковъ восполнялъ уроками, которые привели его въ семейство Сенатора Нарышкина. Здѣсь онъ занимался какъ гувернеръ и вмѣстѣ какъ учитель дѣтей, преподавая имъ Словесность, Исторію и Географію. Воспоминаніе объ этомъ времени приводило Бередникова въ самое пріятное расположеніе духа, особенно когда онъ говорилъ объ Очаковѣ, подмосковномъ мѣстопребываніи семейства Нарышкиныхъ. Послѣ того Бередниковъ поступилъ въ гражданскую службу, которую проходилъ въ разныхъ мѣстахъ: въ Новгородской Казенной Палатѣ, въ Канцеляріи Дежурнаго Генерала Главнаго Штаба, въ Инспекторскомъ Департаментѣ и въ Канцеляріи Новороссійскаго Генералъ-Губернатора. Наконецъ, не видя исхода въ канцелярскихъ занятіяхъ, Бередниковъ рѣшился покинуть на всегда гражданскую службу и съ 21-го февраля 1827 года поселился въ церковномъ городѣ Тихвинѣ. Занятія его въ Тихвинскомъ Монастырскомъ Архивѣ послужили преддверіемъ къ будущимъ его археографическимъ трудамъ.

Мы уже знаемъ, что въ началѣ 1830 года П. М. Строевъ былъ въ Петербургѣ. Постоянно занятый своею мыслію, онъ при всякомъ случаѣ навѣдывался, кто-бы способенъ былъ ему сопутствовать. На

одномъ вечерѣ, сынъ Новгородскаго вице-губернатора Де-Роберти указалъ ему на Бередникова. По просьбѣ Павла Михайловича, молодой Де Роберти написалъ Бередникову слѣдующее письмо: „Вчера я познакомился въ одномъ домѣ съ извѣстнымъ Строевымъ, путешествующимъ по Россіи для обогащенія новыми открытіями нашей Исторіи. Заговоря съ нимъ о Софійской библіотекѣ, я упомянулъ о бывшемъ у меня желаніи, по прочтеніи проекта его путешествія, порыться въ Библіотекѣ. При семъ скучаѣ я упомянулъ и объ васъ. Онъ, сдѣлавъ мнѣ касательно васъ нѣсколько вопросовъ, прибавилъ: „Мнѣ нуженъ сотрудникъ; пожалуйста напишите къ нему объ этомъ. Жалованья онъ будетъ получать 1200 р. въ годъ; столъ, чай и вообще все содержаніе будетъ у насъ общее, слѣдственно изъ жалованья на сей предметъ не издержитъ онъ ничего. Во все время, пока онъ будетъ ѣздить со мною, будетъ считаться въ коронной службѣ. По окончаніи путешествія, мнѣ весьма пріятно будетъ ходатайствовать о награжденіи его. Въ Петербургѣ я пробуду еще двѣ недѣли, потомъ ѣду въ Москву, гдѣ проживу до марта мѣсяца, и оттуда буду продолжать путешествіе, начавъ оное съ Бѣлозерска. Пусть онъ спишется со мною объ этомъ предметѣ, если захочетъ быть моимъ спутникомъ". Прочитавъ это письмо, Бередниковъ поспѣшилъ въ Петербургъ для свиданія съ своимъ будущимъ начальникомъ (Плетневъ. *Записка объ Академикѣ Я. И. Бередниковѣ. Изв. Имп. Ак. Н.* Т. III, стр. 321—330). Дѣло между ними скоро уладилось и П. М. Строевъ, отъ 7-го февраля 1830 года, уже доносилъ Академіи, что къ нему явился коллежскій регистраторъ Яковъ Бередниковъ съ просьбою принять его въ Археографическую Експедицію, при чемъ присовокупилъ, что „сей чиновникъ, до сего времени, не былъ извѣстенъ ему" (*А. Е.* I, 225). Просьба Бередникова была исполнена и 20-го февраля онъ уже вступилъ въ Экспедицію Археографическаго Путешествія по Россіи (*А. Е.* I, 229). По свидѣтельству біографовъ Бередникова, „постоянные четырехлѣтніе труды, подъ начальствомъ знаменитаго археографа, и частыя бесѣды съ нимъ о Русской Исторіи и нашихъ письменныхъ памятникахъ имѣли на Бередникова рѣшительное вліяніе" (***Мѣсяцословъ*** на 1856).

Пріѣздъ П. М. Строева въ Петербургъ главнѣйшимъ образомъ обусловливался необходимостью ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Сунодомъ о дарованіи Археографической Экспедиціи открытаго листа, безъ котораго, по словамъ нашего Археографа, „въ монастырскихъ библіотекахъ работать неудобно, а индѣ почти невозможно" (*А. Э.* I, 192 об.). Въ какой мѣрѣ удалось это дѣло, видимъ изъ слѣдующаго увѣдомленія П. Н. Фуса: „Святѣйшій Сунодъ для облегченія

Экспедиціи полагаетъ сдѣлать отъ себя частныя предписанія преосвященнымъ и прочимъ подвѣдомымъ ему мѣстамъ о удовлетвореніи чиновниковъ Експедиціи приличными квартирами, гдѣ только будетъ возможно, для чего г. Оберъ-Прокуроръ и проситъ увѣдомленія, по какимъ именно губерніямъ имѣетъ быть поѣздка Експедиціи въ нынѣшнемъ году" (*А. Э.* I, 260). Хотя это опредѣленіе Святѣйшаго Синода, по отзыву Строева, было изложено „въ выраженіяхъ столь неопредѣленныхъ, что рѣшительно отъ воли не только ихъ преосвященствъ, но и каждаго настоятеля монастыря, зависѣла участь работъ Экспедиціи", тѣмъ не менѣе, онъ былъ благодаренъ и за это. „Какъ не порадоваться", писалъ онъ Фусу, „что Святѣйшій Синодъ убѣдился, наконецъ, предписать хотя что либо въ нашу пользу! На сей, 1830 годъ, необходимы предписанія епархіальнымъ владыкамъ: Новгородскому, Ярославскому и Костромскому" (*А. Э.* I, 263).

Покончивъ такимъ образомъ свои дѣла въ Петербургѣ, П. М Строевъ, въ концѣ февраля, уѣхалъ въ Москву, гдѣ, по предписанію Академіи, остался „ожидать разрѣшенія Комитета Гг. Министровъ, относительно продолженія археографическаго путешествія" (*А. Э.* I, 227). Бередникову же Строевъ разрѣшилъ для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ и для дорожныхъ сборовъ, отправиться въ Тихвинъ и тамъ ждать предписанія объ отправленіи „въ Археографическій путь".

Изъ Москвы, Строевъ писалъ къ Фусу, отъ 8-го марта: „Мнѣ весьма желалось бы знать, хотя что нибудь о будущей судьбѣ Археографической Експедиціи. Теперь я совершенно связанъ и нахожусь въ затруднительномъ положеніи: не могу предположить никакого плана, ибо не знаю, скоро ли Комитетъ Министровъ подпишетъ мнѣ приговоръ; а дорога уже очень испортилась" (*А. Е.* I, 232).

Ожидаемое разрѣшеніе пришло какъ разъ въ самую распутицу: 26-го марта Строевъ получилъ отъ Фуса увѣдомленіе, что „дѣло его въ Комитетѣ Министровъ рѣшено къ совершенному его и Академіи удовольствію" (*А. Э.* I, 237). Въ виду распутицы, Бередниковъ совѣтовалъ Строеву провести Свѣтлую недѣлю въ Москвѣ. „Въ нашемъ Новгородскомъ краю", писалъ онъ изъ Тихвина, отъ 29-го марта, „дороги особенно по малымъ трактамъ, въ весеннюю распутицу, не проѣздны — до половины апрѣля". Далѣе Бередниковъ, удостовѣряя Строева въ томъ, что онъ, во время путешествія, не приминетъ въ точности выполнять всѣ обязанности, съ службою при Археографической Експедиціи соединенныя, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „Постараюсь равномѣрно, всѣми силами, оправдывая нравственный характеръ мой, приверженностью моею къ вамъ и къ *историческому*

дѣлу, заслужить со стороны вашей довѣренность и благорасположеніе толико мнѣ лестныя. Благородный характеръ вашъ и просвѣщенный умъ даютъ мнѣ право, въ полной мѣрѣ сего надѣяться". Въ заключеніе, Бередниковъ просилъ адресовать предписанія, прямо на его имя, не относясь ни къ какой посредствующей уѣздной власти, такъ какъ „въ Тихвинѣ *всѣ* знаютъ его" (*А. Е.* I, № 141).

П. М. Строевъ рѣшился дождаться просухи, чтобы отправиться сперва въ Вологду, а потомъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Онъ приказалъ Бередникову „изготовиться къ поѣздкѣ въ эту обитель и, когда явится изъ Петербурга мѣщанинъ Петровъ, отправиться туда немедленно вмѣстѣ съ нимъ" (*А. Е.* I, 248). При этомъ Строевъ послалъ Бередникову нижеслѣдующее письмо къ Кирилло-Бѣлозерскому Архимандриту Гедеону: „Настоятельствуемая вами, Высокопреподобный Отецъ Архимандритъ, благочестивая обитель Св. Кирилла Бѣлозерскаго имѣетъ многочисленную библіотеку и хранилище старины, свидѣтельствующія о всегдашнемъ ея процвѣтаніи. Изъ данной мнѣ инструкціи, Ваше Высокопреподобіе изволите усмотрѣть, что для точнаго и въ полной мѣрѣ исполненія обязанностей, возложенныхъ на Археографическую Експедицію, необходимо трудиться не маловременно, безпрерывно и съ великимъ усиліемъ. Но что возмогутъ мои и спутниковъ моихъ усилія, безъ благодѣтельнаго и гостепріимнаго радушія отцевъ настоятелей и властей, коимъ ввѣрены памятники старины нашего великаго Отечества? Я совершенно увѣренъ, что Ваше Высокопреподобіе, какъ истинный патріотъ и сынъ Церкви, не применете поревновать предпріятію, отъ котораго попечительное правительство ожидаетъ несомнѣнныхъ успѣховъ для всѣхъ отраслей исторіи. Податель сего, мой помощникъ г. *Бередниковъ*. Самъ я прибуду въ вашу обитель въ началѣ маія изъ Вологды. Облегчите и успокойте, Высокопреподобнѣйшій Отецъ Архимандритъ, будущее пребываніе наше среди благочестивой братіи преподобнаго Кирилла. Я же съ моей стороны не примину вознаградить ваши попеченія и издержки приличнымъ вкладомъ, какъ дѣлано мною во всѣхъ монастыряхъ, гдѣ я уже гостилъ и пользовался хранилищемъ древностей" (*А. Э.* I, 246—247). Бередниковъ поспѣшилъ отвѣтить Строеву (отъ 5-го апрѣля): „1) Какъ скоро мѣщанинъ Петровъ, принятый вами въ вѣдомство Експедиціи, явится ко мнѣ, я отправлюсь съ нимъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. 2) Отецъ архимандритъ Гедеонъ уволенъ на покой, но находится на жительствѣ въ томъ же монастырѣ. Письмо ваше къ нему, въ случаѣ нужды, передастся преемнику его" (*А. Е.* I, 251).

Упоминаемый здѣсь мѣщанинъ Петровъ, по свидѣтельству Строева,

жилъ у Графа Ѳ. А. Толстаго и занимался „антикварствомъ". По своему состоянію, онъ былъ человѣкъ замѣчательный и довольно знающій, но вступленіе его, по приглашенію Строева, на службу въ Археографическую Експедицію не состоялось и, кажется, по той причинѣ, что онъ по какому-то дѣлу судился въ Надворномъ Судѣ (*Письма*, I, № 242).

26-го апрѣля, Бередниковъ пріѣхалъ въ Кирилловъ. „Снѣжная, дождливая погода", доносилъ онъ Строеву, „постоянно сопутствовавшая мнѣ отъ Устюжна до Кириллова, была причиною, что я замедлилъ въ пути. Письмо ваше, врученное мною Отцу Архимандриту Гедеону, передано имъ нынѣшнему настоятелю Архимандриту Иннокентію, который изъявилъ рѣдкое радушіе содѣйствовать Экспедиціи квартирою и столомъ" (*А. Э.* I, 259).

Самъ же Начальникъ Экспедиціи въ концѣ апрѣля оставилъ Москву и поѣхалъ въ Вологду, „для довершенія неоконченныхъ дѣлъ Экспедиціи". По собственному его свидѣтельству, до Вологды онъ „дотащился по весьма грязной и безпокойной дорогѣ; брошенная имъ за двѣ станціи отсюда повозка едва вычинилась отъ постигшаго ея разрушенія" (*А. Э.* I, 263).

Въ Вологдѣ П. М. Строевъ „рылся въ архивахъ", недосмотрѣнныхъ имъ въ прошломъ году (*А. Э.* I, 165). Здѣсь одинъ изъ мѣстныхъ нумизматовъ подарилъ ему монету Великаго Новгорода. „Если она", писалъ Строевъ Кругу, „имѣетъ важность и цѣнность въ ученыхъ глазахъ вашихъ, то весьма изволите обязать меня помѣщеніемъ ея въ богатый вашъ Минцъ-Кабинетъ. На дняхъ мнѣ доставили нѣсколько монетъ, вырытыхъ въ древней Чарондѣ, на озерѣ Вожскомъ; но ето неважныя копѣйки XVII вѣка и большею частію поврежденныя". Въ томъ же письмѣ Строевъ сообщаетъ Кругу, что „Археографическія работы нынѣшняго года, не смотря на краткость времени, по возобновленіи ихъ, плодоносны и весьма важны" (*А. Э.* I, 274).

Путешествіемъ по монастырямъ Кадниковскаго и Грязовецкаго уѣздовъ, П. М. Строевъ завершилъ Археографическое обозрѣніе Вологодской губерніи. Въ *Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* 1867 г. № 17, Н. И. Суворовъ помѣстилъ статью *О пребываніяхъ въ Вологдѣ царственныхъ особъ и другихъ замѣчательныхъ лицъ историческихъ*. Въ этой статьѣ, авторъ, говоря о пребываніи въ Вологдѣ П. М. Строева, произноситъ строгій приговоръ о результатѣ его изысканій и находокъ въ Вологодской губерніи. Павелъ Михайловичъ, находясь уже въ глубокой старости, прочелъ эту статью и 26-го августа 1868 года, писалъ Суворову: „Если бы, какимъ чудомъ, мы могли свидѣться лично, я поразсказалъ бы вамъ много интереснаго о Вологодскомъ краѣ въ 1829

и 1830 годахъ, когда я по немъ странствовалъ. Не смотря на то, что Археографическая Експедиція странствовала по Высочайшему повелѣнію, а незабвенный Преосвященный Стефанъ всячески ей покровительствовалъ, даже три мѣсяца покоилъ и питалъ ее въ своемъ домѣ, препятствій и недоброжелательства было слишкомъ много. И теперь еще мерещатся мнѣ упрямые Евтихіаны, Августины, отцы Жаворонковы, и проч., съ коими предстояло хлопотать и терять дорогое время. Зная все подробно, вы, безъ сомнѣнія, посмягчили бы приговоръ вашъ о результатѣ моихъ изысканій и находокъ, далеко не вполнѣ обнародованныхъ: что можно было, повѣрьте и сдѣлано; ктомужъ мѣстныя спеціальности не входили въ планъ археографическаго путешествія и исключались изъ данной мнѣ инструкціи; два бывшіе при мнѣ чиновника были просто писцы, и обозрѣвалъ я одинъ" (*Вход.* и *Исход.* IV, 145 об. 146).

На это Суворовъ отвѣчалъ (отъ 17-го сентября 1868 г.): „Письмо ваше напомнило и мнѣ многое изъ моей еще не очень старой старины. Всѣ упомянутыя вами лица, съ которыми довелось вамъ имѣть дѣло и сражаться, во время странствованій вашихъ по Вологодской епархіи, мнѣ болѣе или менѣе извѣстны. Отецъ Жаворонковъ былъ моимъ начальникомъ и наставникомъ. Упрямый Евтихіанъ памятенъ мнѣ по семинаріи... Удивляюсь только, что оба эти свѣтила своего времени оказались относительно васъ гасильниками просвѣщенія. Помню и Августина: ну, этому и простительно было его упрямство, потому что онъ, кажется, весьма недалекъ былъ по образованію. Пишете, что вами былъ найденъ архивъ *Коряжемскаго* монастыря и спасенъ: совершенно не знаю, гдѣ теперь этотъ спасенный архивъ. Мнѣ случайно попалась здѣсь копія съ описи этого монастыря со всѣми его вотчинами и угодьями, писанная въ 1760 году, по случаю бывшаго тогда межеванія земель въ государствѣ" (*Вх.* и *Исх.*, IV, № 148).

Предъ отправленіемъ изъ Вологды въ обитель Св. Кирилла Бѣлозерскаго, Археографъ нашъ, отъ 14-го мая 1830 г. предписалъ, находящемуся тамъ своему помощнику: „постараться сколь возможно до его пріѣзда расположить Его Высокопреподобіе къ пользамъ Археографической Експедиціи" (*А. К.* I, 265). 3-го іюня, Строевъ былъ уже въ Кирилловѣ, издревле славившемся своими рукописями, которыя, по указамъ царей, пересылались даже въ Москву. „Я переѣхалъ сюда", писалъ Строевъ Фусу, „и наконецъ, успѣлъ разобрать и исчерпать достопримѣчательности здѣшнихъ не малочисленныхъ хранилищъ старины". С. П. Шевыревъ, посѣтивъ, въ 1847 году, Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, видѣлъ въ тамошней библіотекѣ много грамотъ,

разсмотрѣнныхъ Археографическою Экспедиціею, на которыхъ сохранились еще надписи карандашемъ: *важная*, *замѣчательная*, *переписать*“ (*Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь*. М. 1850. II, стр. 30). И дѣйствительно, въ Кирилловѣ портфели Археографической Экспедиціи обогатились ста сорока одною грамотою, начиная съ 1435 и кончая 1690 годомъ. Собраніе старопечатныхъ книгъ Кирилловской библіотеки изобиловало хорошими экземплярами. Тамъ Строевъ увидѣлъ въ первый разъ довольно хорошій экземпляръ Псалтири учебной, напечатанной первоначально въ Москвѣ 1568 года, in 4° (*Русск. Архивъ*, 1865, стр. 513).

Въ концѣ іюня П. М. Строевъ разстался съ Архимандритомъ Иннокентіемъ. Изъ Вологды онъ послалъ къ нему списокъ настоятелей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ его: не могутъ ли быть проданы старинныя книги и рукописи, находящіяся въ библіотекѣ Кирилловской обители и по опредѣленію бывшей въ 1803 году Коммиссіи назначенныя въ продажу? (*А. Е.* I, 276).

Отвѣтное письмо Архимандрита Иннокентія любопытно и по своей орѳографіи: „Симъ чувствительнѣйше васъ благодарю за ваше великое одолженіе, что доставили мнѣ списокъ настоятелей ввѣреннаго мнѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ самообстоятельномъ порядкѣ и положеніи. Касательно же продажи старыхъ книгъ и рукописей: нынѣ за продолженіемъ времени и по разнымъ обстоятельствамъ безъ дозволенія вышняго духовнаго начальства никакъ проданы быть не могутъ при томъ не безъ извѣстно вашему благородію, что оныя въ семъ монастыре судя по ихъ древности и значительности для удержанія первоцвѣтущаго Его Состоянія Немаловажны и для нужнейшихъ обстоятельствъ не безполезны“ (*А. Е.* I, 284—285). Почтенный Настоятель, отстаивая неприкосновенность монастырскаго книгохранилища, подарилъ Строеву изъ своего собственнаго собранія девять книгъ, *Исторіи Россійской Іерархіи* съ рукописными дополненіями Преосвященнаго Амвросія, при чемъ узналъ, что всѣ бумаги покойнаго епископа, по его завѣщанію, отправлены къ Кіевскому митрополиту Евгенію. Доводя до свѣдѣнія Митрополита объ этомъ пріобрѣтеніи, Строевъ писалъ къ нему отъ 16-го января: „Такъ какъ въ Кіевѣ Исторія Іерархіи печатается вторично, то я охотно доставилъ бы оныя книги, если Ваше Высокопреосвященство пожалуете меня печатнымъ экземпляромъ новаго изданія“ (*А. Е.* II, 2). По поводу новаго изданія *Іерархіи* Амвросія, Строевъ въ томъ же письмѣ писалъ Митрополиту, что „въ Архивѣ Вологодской Казенной Палаты и въ Великоустюжскомъ уѣздномъ судѣ онъ видѣлъ огромныя книги и связки копій съ множества актовъ всѣхъ сѣверныхъ монастырей, посту-

пившія туда во времена Императрицы Екатерины по уничтоженіи економическихъ управленій. Въ другихъ губернскихъ мѣстахъ должно встрѣтиться тоже. Архивы Иностранной Коллегіи и Старыхъ Дѣлъ въ Москвѣ могутъ доставить матеріаловъ для Исторіи Іерархіи едва-ли не болѣе того, сколько осталось ихъ въ архивахъ монастырей мало берегомыхъ въ настоящее время. Въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ хранятся всѣ дѣла бывшей Коллегіи Економіи. Если бы Св. Синоду угодно было для полноты іерархической исторіи дать мнѣ позволеніе указывать на встрѣчающіеся матеріалы, о коихъ чрезъ разсылку обыкновенныхъ циркуляровъ никогда не возможно получить надлежащаго свѣдѣнія, я не отказался бы отъ сего. Равнымъ образомъ, буде Императорская Академія Наукъ позволитъ, я могу уступить Редакціи Исторіи Іерархіи цѣлую портфель съ документами сего рода, мною собранными, въ томъ числѣ собраніе списковъ настоятелей тѣхъ монастырей, въ архивахъ коихъ я рылся; составленіе ихъ было сопряжено съ великимъ трудомъ" (*А. Е.* I, 2). На это письмо Митрополитъ Кіевскій отвѣчалъ Строеву слѣдующее: „Отъ покойнаго Преосвященнато Амвросія Пензенскаго, по отставкѣ его, всѣ документы, доставленные ему изъ Синода для дополненія и поправки Исторіи Россійской Іерархіи, потребованы обратно въ Синодъ и онъ прислалъ ихъ, а такъ же и поправленный съ нихъ печатный екземпляръ той книги. Первую часть я взялъ на себя пересмотрѣть и исправить и напечаталъ въ Кіевѣ 1827 года. Она вся уже разошлась. Посему въ нынѣшнемъ году я, исправивъ ее еще къ 3-му изданію, отослалъ въ Синодъ и просилъ напечатать ее въ Москвѣ. Изданія прочихъ частей я на себя не принималъ и не знаю кто возмется издать ихъ. А я замѣтилъ, что въ нихъ такъ же много достанется поправлять. Я думаю, что доставшіяся вамъ 9 книгъ покойнаго дополненій и поправокъ всѣ внесены въ екземпляръ, возвращенный имъ въ Синодъ. Для сличенія и для пріобщенія къ оному совѣтовалъ бы я вамъ представить ихъ Оберъ Прокурору Синодальному. Покойный завѣщалъ всѣ свои бумаги отослать ко мнѣ: но присланы не многія и тѣ мало относящіяся къ Исторіи Россійской Іерархіи, а больше Епархіальныя. Переплетши ихъ, я отдалъ въ библіотеку Кіево-Софійскаго Собора. Вы нашли въ Архивѣ Вологодской Казенной Палаты акты монастырскіе, отобранные послѣ Духовныхъ Штатовъ 1764 года, тоже найдете и во всѣхъ казенныхъ палатахъ. Въ Кіевѣ наставленъ такими коробами цѣлый погребъ, гдѣ они уже гніютъ, такъ что безъ кашля и прикоснуться къ нимъ не можно. Когда доѣдете до Кіева, то много еще застанете въ нихъ любопытнаго о здѣшнихъ странахъ. Желаю видѣть васъ поскорѣе въ нашихъ странахъ" (*А. Е.* II, 23, 24).

Уѣзжая изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря обратно въ Вологду Строевъ предписалъ (отъ 24-го іюня 1830 г.) Бередникову отправиться въ Бѣлозерскъ и по осмотрѣ въ тамошнихъ архивахъ старинныхъ бумагъ, съѣздить въ Кирилловъ Новоезерскій и бывшій Троицкій Усть-Шехонскій монастыри. Равнымъ образомъ, по дорогѣ въ Бѣлозерскъ, заѣхать въ упраздненныя обители. Возвратясь въ Кирилловъ, немедленно слѣдовать оттуда въ Череповецъ и тамъ осмотрѣть хранилища старины, при соборѣ, судебныхъ мѣстахъ, и пр. Изъ Череповца, Строевъ разрѣшалъ Бередникову посѣтить бывшій Выксинскій монастырь и другія близкія пустыни. „По исполненіи вышеписаннаго", заключаетъ Строевъ свое предписаніе, „должно вамъ присоединиться ко мнѣ въ Вологдѣ, гдѣ я буду квартировать въ Архіерейскомъ домѣ" (*А. Е.* 272, 273). Результатъ этой поѣздки Бередникова былъ слѣдующій: изъ Бѣлозерскаго уѣзднаго суда онъ извлекъ сорокъ девять грамотъ (1612 — 1699), а изъ Воскресенскаго Череповецкаго Собора двѣ (1512 и 1674 г.)

На этотъ разъ Строевъ пробылъ въ Вологдѣ до двадцатыхъ чиселъ іюля. Въ это время онъ встрѣтился тамъ съ знаменитымъ математикомъ нашимъ В. Я. Буняковскимъ, который, по пріѣздѣ въ Петербургъ, сообщилъ П. Н. Фусу, что Строевъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря намѣренъ прочесть отчетъ о дѣйствіяхъ Экспедиціи въ 1830 году. „Мнѣ пріятно", писалъ по этому поводу къ Строеву Фусъ, „васъ увѣдомить, что Академія, безъ сомнѣнія, приметъ таковое предложеніе ваше съ удовольствіемъ, ибо что можетъ быть пріятнѣе для отечественной публики какъ отчетъ объ успѣхахъ истинно національнаго предпріятія. А. К. Шторхъ и Ф. И. Кругъ, коимъ я говорилъ о семъ вашемъ намѣреніи, одобряютъ оное" (*А. Е.* I, 317). На это письмо Строевъ отвѣчалъ: „Викторъ Яковлевичъ измѣнилъ тайнѣ; но если намѣреніе мое заслужило предварительное одобреніе мужей ученнѣйшихъ и мною неограниченно уважаемыхъ, я весьма обязанъ ему за сіе вѣроломство" (*А. Е.* I, 321).

Въ концѣ іюля или въ началѣ августа 1830 года, П. М. Строевъ, окончивъ археографическіе поиски въ Вологодской губерніи, перенесъ дѣйствія Археографической Экспедиціи въ Костромскую. Онъ спѣшилъ полнѣе воспользоваться стоявшею тогда хорошею погодою. „Остатокъ лѣта коротокъ", писалъ онъ изъ Костромы къ Фусу, отъ 11-го августа, „а неудобства и грязь сѣверной осени мнѣ слишкомъ извѣстны изъ прошлогодняго путешествія: необходимо воспользоваться вполнѣ хорошею погодою, какой здѣсь давно не запомнятъ" (*А. Е.* I, 291). И дѣйствительно Строевъ и его спутникъ Я. И. Бередниковъ успѣли побывать въ Галичѣ, Буѣ, Чухломѣ, Солигаличѣ, Судиславѣ

и Макарьевѣ на Унжѣ (*А. Е.* I, 321). Еще въ Костромѣ Павелъ Михайловичь узналъ отъ одного инока Песочнаго монастыря, что въ Галичскомъ Паисіевскомъ монастырѣ хранится „довольно книгъ и столбцовъ“; и потому по пріѣздѣ въ Галичь, 19-го августа, онъ отправился въ этотъ монастырь и просилъ архимандрита Макарія сдѣлать „доступнымъ для археографическихъ изысканій“ архивъ Паисіевскаго монастыря, но не получивъ желаемаго разрѣшенія, обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ ссылался на показанія Песочнаго инока. Архимандритъ Макарій отвѣчалъ (отъ 20-го августа): „Въ Паисіиномъ Галицкомъ монастырѣ никакихъ старинныхъ книгъ и столбцовъ, о чемъ сами вы лично въ бытность въ монастырѣ и нашей ризницѣ были извѣщены, не имѣется; для удостовѣренія въ семъ благоволите, ежели найдете нужнымъ, снова прибыть въ монастырь нашъ и при васъ пусть тотъ инокъ тѣ старинные документы и свитки, о какихъ онъ вамъ сказывалъ, укажетъ“ (*А. Е.* I, 308).

Къ удовольствію Строева, въ это время Ректоромъ Костромской Семинаріи былъ Архимандритъ Богоявленскій Аѳанасій Дроздовъ, извѣстный въ послѣдствіи Архіепископъ Астраханскій († 1870), оказавшійся просвѣщеннымъ ревнителемъ и цѣнителемъ трудовъ Археографической Экспедиціи; къ нему то обратился Павелъ Михайловичь съ жалобою на Паисіевскаго Архимандрита. По поводу этой жалобы Аѳанасій писалъ къ Макарію: „Извѣстный вашему высокопреподобію археологъ Павелъ Михайловичь Строевъ, пріѣхавши изъ Галича и отъ васъ, съ крайнимъ прискорбіемъ разсказывалъ мнѣ, что ваше высокопреподобіе не изволили открыть ему книгохранительницы монастырской. Болѣзную и я не менѣе его, потому съ одной стороны, что всѣмъ сердцемъ желаю видѣть благословенные успѣхи сего столь благонамѣреннаго дѣла, а съ другой потому, что мнѣ извѣстно, что монастырь вашъ не скуденъ бумажными сокровищами. О. игуменъ Песошенскій сказывалъ мнѣ, что большая часть рукописей отъ сырости комнаты повредились, а иные и вовсе истлѣли; но по дѣламъ консисторскимъ извѣстно мнѣ, что нѣкоторыя рукописи совершенно сохранились и копіи съ нихъ находятся при дѣлѣ; да и изъ полуистлѣвшихъ опытная рука можетъ извлекать если не нетлѣнное, то по крайней мѣрѣ нѣчто болѣе, нежели тлѣнное, т. е. такія извѣстія, которыя будутъ достояніемъ нѣсколькихъ вѣковъ. Теперь отправляется туда помощникъ Павла Михайловича, Яковъ Ивановичъ Бередниковъ; покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе принять его, какъ меня, который столько доволенъ вашею любовію, и дозволить порыться въ вашемъ архивѣ. Извѣстіе о неудачномъ оборотѣ дѣлъ вашихъ возбудило живѣйшую горесть во всѣхъ истинно любя-

щихъ васъ. Утѣшаемся надеждою на Промыслъ Божій" (*А. Е.* I, 315, 316). Строевъ послалъ это письмо къ Бередникову, предписавъ ему, отъ 1-го сентября, отправиться въ Паисіевскій монастырь и „употребить возможное усиліе проникнуть въ тамошнее хранилище старины". Къ сожалѣнію, письмо это не застало Бередникова въ Галичѣ и черезъ почту возвращено Строеву въ Кострому (*А. Е.* I, 314).

Изъ донесенія П. М. Строева Фусу, отъ 11-го августа 1830 года, мы почерпаемъ слѣдующія свѣдѣнія объ успѣхахъ работъ Археографической Экспедиціи за три лѣтніе мѣсяца 1830 года (май, іюнь и іюль): „Археографическіе поиски нынѣшняго года весьма плодоносны. Начну съ законовъ. Исторія Русскаго права (до исхода XVII в.), въ настоящемъ ея видѣ, весьма сбивчива, неполна и основывается болѣе на догадкахъ, нежели на бытіяхъ и документахъ; много разглагольствія, но основаніе шатко. Самъ Карамзинъ, не имѣвъ въ виду юридическихъ памятниковъ древности и старины Русской, долженъ былъ часто прибѣгать къ разсказамъ иностранцевъ, бывавшихъ по временамъ въ Москвѣ, кои описывая нравы и обычаи нашихъ предковъ, касались и законодательства. Обнародованіе нижеслѣдующихъ актовъ, нынѣ впервые найденныхъ, не должно-ли порадовать ученыхъ юристовъ, при скудныхъ пособіяхъ, доселѣ имъ извѣстныхъ? Исчисляю безъ подробной оцѣнки: 1) уставная грамота великаго князя Іоанна Васильевича Бѣлозерцамъ 1488 года; 2) таможенный и откупный уставъ 1497; 3) уставная грамота Дмитровскаго князя Юрія Ивановича 1509; 4) двѣ губныя грамоты Бѣлозерцамъ 1539 и 1549 годовъ; 5) окружный наказъ Всероссійскаго митрополита Макарія послѣ Стоглавнаго Собора 1551 года; 6) таможенная Бѣлозерская грамота, 1551 года и 7) уставная грамота царя Ѳеодора Іоанновича Чарондцамъ 1592. Много и еще документовъ важности не столь *рѣзкой*, но не менѣе любопытныхъ: *совокупность* ихъ дастъ разнообразные и свѣтлые выводы. Лѣтописей въ нынѣшнихъ поѣздкахъ, еще не встрѣтилось: ихъ не одинъ разъ собирали изъ монастырей въ Москву и въ С.-Петербургъ. Но историческихъ отрывковъ, актовъ, грамотъ весьма довольно. Древнѣе прочихъ посланіе Царьградскаго патріарха Луки великому князю Андрею Боголюбскому; оно и не менѣе любопытно. Имѣю также списки съ разныхъ актовъ (доселѣ неизвѣстныхъ), кои относятся къ отступничеству митрополита Исидора и *такъ называемой* Жидовской ереси—двумъ особенно важнымъ событіямъ, волновавшимъ, въ XV вѣкѣ, Русь духовную и государственную. Другіе документы поясняютъ періодъ Самозванцевъ и Междоцарствія.

Къ составленію Славяно-Русской Дипломатики, Палеографіи, Археологіи, имѣю достаточные матеріалы. Не умолчу и о любопытныхъ

находкахъ библіографическихъ. Теперь очевидно, что книгопечатаніе, введенное въ Москвѣ царемъ Іоанномъ, не было прекращаемо тамъ по напечатаніи *Апостола* 1563 года и удаленіи первыхъ типографовъ въ Польшу; противное утверждали всѣ наши библіографы". (*А. Е.*, I, 291, 292).

Изъ Костромы, П. М. Строевъ намѣревался ѣхать по Волгѣ до Юрьевца Повольскаго, но внезапно появившаяся въ тѣхъ мѣстахъ холера удержала его. Болѣзнь быстро усиливалась и Строевъ находилъ „неблагоразумнымъ оставаться долѣе въ мѣстахъ, постигнутыхъ общественнымъ бѣдствіемъ". Сентября 11-го Экспедиція переѣхала въ Ярославль, куда нашъ путешествующій Археографъ явился какъ бы вѣстникомъ страшной болѣзни: по порученію Костромскаго губернатора, онъ доставилъ начальнику Ярославской губерніи пакетъ съ офиціальными бумагами о появленіи холеры (*А. Е.* I, 318). „Общее уныніе", доносилъ Строевъ Академіи изъ Ярославля, отъ 16-го сентября, „при томительномъ чувствѣ неизвѣстности недуга быстро поражающаго, привело насъ въ безпокойство: мы желали продолжать прерванныя занятія, но не имѣли вольнаго духа. Можно было опасаться, что карантинныя учрежденія скоро стѣснятъ и наши поѣздки по Приволжскому краю" (*А. Е* I, 321). По этимъ причинамъ, Строевъ рѣшился перенести дѣйствія Экспедиціи ближе къ Москвѣ, въ томъ предположеніи, что туда „по принятымъ отъ Правительства мѣрамъ, безъ сомнѣнія, не проникнетъ зараза" (*ibid*). 15-го сентября Строевъ пріѣхалъ въ Москву и уже совсѣмъ собрался было отправиться въ Троицко-Сергіеву Лавру, но, по Высочайшему повелѣнію, Москва была оцѣплена и выѣздъ изъ нея, равно какъ и въѣздъ, были запрещены совершенно. „Такимъ образомъ", писалъ Строевъ въ Академію изъ Москвы, отъ 25-го октября, „мы сострадаемъ здѣсь общественному бѣдствію. Холера похищаетъ ежедневно по сотнѣ и болѣе жертвъ и больницы наполнены пораженными ею; врядъ-ли скоро отъ нея отдѣлаемся. Слишкомъ двѣ недѣли и я былъ нездоровъ желчью и разстройствомъ желудка; но, при пособіи медика, теперь здоровъ и тружусь надъ собранными въ нынѣшнемъ году матеріалами". (*А. Е.* I, 327).

Въ это печальное время полнаго бездѣйствія Археографической Экспедиціи, въ Петербургѣ совершалось колоссальное дѣло. Тамъ сводились во-едино всѣ наши законы, разсѣянные дотолѣ въ рукописныхъ архивныхъ сборникахъ или въ отдѣльныхъ книгахъ, изданныхъ весьма неисправно и безъ всякой системы. Главный руководитель этихъ монументальныхъ кодификаціонныхъ работъ, знаменитый Сперанскій, не могъ не интересоваться результатами архивныхъ по-

исковъ Археографической Экспедиціи. И вотъ, онъ обратился къ сослуживцу своему Владиміру Михайловичу Строеву (брату Павла Михайловича) съ слѣдующею просьбою: „Напомните братцу, что въ прежнее время онъ помогалъ мнѣ; надѣюсь, что и теперь тоже будетъ. Я хочу составить собраніе древнихъ нашихъ законовъ и хочу отнестись къ вашему братцу съ просьбою, чтобы онъ поименовалъ мнѣ всѣ древніе памятники нашего законодательства. Но теперь мнѣ желательно было бы узнать подробнѣе о томъ, что имъ открыто въ послѣднюю поѣздку и когда онъ будетъ въ Петербургѣ. Вести переписку не удобно и я отложу до его пріѣзда дальнѣйшее исполненіе по сему предмету“.

Владиміръ Михайловичь увѣдомилъ объ этомъ брата письмомъ, отъ 28-го сентября 1830 года приписавъ отъ себя: „меня всегда радовали успѣхи всякой науки и всѣхъ ученыхъ, но тѣмъ болѣе мнѣ было пріятно сіе извѣстіе, что удача принадлежитъ человѣку, столь близкому ко мнѣ. Здѣсь всѣ меня поздравляли, особенно же Михаилъ Михаиловичь... Я думаю на Покровкѣ очень трусятъ отъ холеры“ (*А. Е.* I, 329, 330).

Павелъ Михайловичь Строевъ, тотчасъ по полученіи этого письма, отписалъ въ Академію:

„М. М. Сперанскій любопытствуетъ знать когда, я пріѣду въ С.-Петербургъ. По Высочайшему повелѣнію во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи предпринимаютъ изданіе Собранія Древнихъ Русскихъ Законовъ; а потому Его Высокопревосходительству желательно войти со мною въ сношеніе по сему предмету. Дѣйствительно, Археографическая Експедиція открыла столько неизвѣстныхъ доселѣ памятниковъ Отечественнаго Права, что Императорской Академіи Наукъ весьма удобно вспомоществовать сему важному государственноиу предпріятію“ (*А. Е.* I, 328). Вмѣстѣ съ тѣмъ Строевъ написалъ и Сперанскому: „Изъ письма брата моего я узналъ, что Вашему Высокопревосходительству угодно имѣть подробное свѣдѣніе о находкахъ по части Древняго Русскаго Законодательства, кои мнѣ посчастливилось сдѣлать въ полтора года Археографическаго Путешествія. Вниманіе Вашего Высокопревосходительства къ посильнымъ трудамъ моимъ несказанно для меня лестно. Императорская Академія Наукъ позволила мнѣ пріѣхать въ С.-Петербургъ въ половинѣ декабря; можно надѣяться, что и холера, нынѣ насъ ужасающая, тому не воспрепятствуетъ. Тогда я вмѣню себѣ въ особенную честь представить Вашему Высокопревосходительству мои находки и готовъ всевозможно служить въ пользу, истинно па-

тріотическаго и государственнаго изданія, Вашимъ Высокопревосходительствомъ предпріемлемаго" (*А. Е.* I, 328).

Надежды Строева относительно болѣзни оправдались. Къ Николину дню уже оффиціально признано было, что холера въ Москвѣ прекратилась. „Въ день тезоименитства Отца Отечества", писалъ Павелъ Михайловичъ въ Академію, отъ 9-го декабря, „снято оцѣпленіе здѣшнихъ заставъ: выѣздъ свободенъ во всѣ стороны, кромѣ сѣвера. По справкѣ съ Карантиннымъ Комитетомъ, я узналъ, что ѣдущіе въ С.-Петербургъ должны высидѣть въ карантинѣ, здѣсь двѣ недѣли, и потомъ раза два на дорогѣ. Столько-то попечительное Правительство оградило васъ отъ насъ холериковъ! Сіи обстоятельства побудили меня войти въ совѣщаніе съ О. Х. Гамелемъ, который равномѣрно желалъ бы участвовать въ наступающемъ торжествѣ Академіи: мы рѣшились потерпѣть до половины января. Между тѣмъ, я продолжаю дѣятельно работать и изготовилъ четыре изрядные тома списковъ съ грамотъ и разныхъ юридико-дипломатическихъ актовъ, для представленія Императорской Академіи Наукъ, а потомъ для сообщенія во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Въ это же самое время отозвался Павлу Михайловичу и Графъ Ѳ. А. Толстой, письмомъ отъ 8-го декабря, свидѣтельствующимъ о томъ, что Графъ умѣлъ цѣнить дѣятелей подобныхъ Строеву: „Сердечно радуюсь, что Богъ тебя ото всѣхъ золъ холеры избавилъ: здоровье твое весьма нужно для публики, особенно для любителей словесности, въ числѣ коихъ и азъ многогрѣшный о здоровьѣ твоемъ возсылаю ко Всевышнему молитву. Съ болшимъ удоволствіемъ ожидаю твоего къ намъ прибытія; надѣюсь, что ты ко мнѣ что нибудь привезешь, въ путешествіи твоемъ для меня купленнаго" (*Письма*, I, 244).

Вопреки всѣхъ предположеній, наступившій 1831 годъ встрѣченъ былъ Строевымъ въ Москвѣ. „Я еще здѣсь", писалъ Павелъ Михайловичъ въ Академію отъ 16-го января, „доѣзжавшіе до Шошенскаго карантина на границахъ Московской губерніи и обратившіеся вспять разсказываютъ много непріятнаго о тамошнемъ многолюдствѣ, недостаткахъ всякаго рода и неимовѣрной дороговизнѣ. Здѣсь вообще надѣются, что, при исчезнувшей почти болѣзни, карантинныя строгости вскорѣ будутъ ослаблены. Я рѣшился пождать еще недѣлю и, если не будетъ перемѣны, пущусь къ вамъ чрезъ Ярославль. Между тѣмъ, я не перестаю работать. Третьего дня г. Академикъ Гамель посѣтилъ меня и смотрѣлъ археографическія коллекціи. Многое пригодилось и для предметовъ, имъ обработываемыхъ" (*А. Э.* II, 1).

Во время Московскаго холернаго сидѣнія, Строевъ изготовилъ

для Сперанскаго три большіе тома историко-юридическихъ актовъ, которые онъ надѣялся представить лично, не ранѣе половины февраля, потому что „строгіе карантины между столицами отнимали всякую возможность пуститься самому на берега Невы, а въ Почтамтѣ еще не принимали посылокъ“. По объясненію Павла Михайловича, означенные акты (числомъ болѣе четырехсотъ) относятся къ XV—XVII столѣтіямъ; наибольшая часть ихъ не были извѣстны и весьма многіе особенно любопытны и важны для Исторіи Отечественнаго Права“ (*А. Э.* II, 3).

Между тѣмъ, Бередниковъ, пользуясь отпускомъ, жилъ въ Тихвинѣ. Строевъ, предполагая ѣхать въ Петербургъ черезъ Ярославль, думалъ побывать также въ Тихвинѣ, и предписалъ Бередникову дожидаться тамъ его прибытія. Трудно было ожидать, что Бередниковъ, „устрашившись ли трудныхъ работъ, неразлучныхъ съ археографіею“ (*А. Э.* II, 12), или по другимъ какимъ причинамъ, въ отвѣтъ на это прислалъ Строеву отзывъ, въ которомъ, ссылаясь на глазную болѣзнь, „всепокорнѣйше просилъ его взять на себя трудъ представить Академіи Наукъ объ увольненіи его изъ Археографической Експедиціи“ (*А. Э.* II, 5). Такимъ образомъ, Павлу Михайловичу опять предстояло пріискивать себѣ спутника, и задача эта была вовсе не изъ легкихъ, потому что „трудности археографическихъ поисковъ какъ-то мало привлекаютъ желающихъ участвовать въ нихъ“ (*А. Э.* II, 11). Строевъ, посылая Кругу списки съ трехъ договоровъ Олега, Игоря и Святослава, извлеченные изъ „одной доселѣ неизвѣстной лѣтописи“, не безъ основанія жаловался на „непостоянство своихъ спутниковъ“ (*А. Э.* II, 12).

Въ самомъ концѣ марта, Археографъ нашъ пріѣхалъ, наконецъ, въ С.-Петербургъ и уже отсюда написалъ письмо Бередникову, которое измѣнило намѣреніе его оставить экспедицію. По крайней мѣрѣ, въ отвѣтномъ письмѣ Бередникова, отъ 8-го апрѣля, читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Цѣня по достоинству милостивое ваше ко мнѣ расположеніе, и желая доказать вамъ совершенную мою признательность, я спѣшу изъявить готовность продолжать службу при Археографической Експедиціи, подъ начальствомъ вашимъ, *при направленіи, какое вы обѣщаетесь дать Експедиціи*, тѣмъ болѣе, что болѣзнь моя, усилившаяся въ зимнее время, отъ вліянія весенняго воздуха, примѣтно ослабѣваетъ. Чувствительно благодарю васъ за предложеніе служить при Коммисіи для изданія памятниковъ древняго нашего законодательства. Что лучше, рѣшу въ Петербургѣ; надѣюсь непремѣнно тамъ быть на Страстной недѣлѣ. Впрочемъ, если вамъ угодно будетъ имѣть меня своимъ сотрудникомъ, то я ничего не предпочту

службѣ при Экспедиціи, зная пословицу: отъ добра добра не ищутъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что вы осчастливите меня вашимъ посѣщеніемъ въ Тихвинѣ" (*А. Э.* II, 21).

Такимъ образомъ, вопросъ о сотрудникѣ уладился. Не задолго до возвращенія Строева въ Москву разрѣшился, наконецъ, и вопросъ о квартирахъ для Экспедиціи въ посѣщаемыхъ ею монастыряхъ. 26-го апрѣля, 1831 года П. Н. Фусъ прислалъ Строеву давно желанное предписаніе Святѣйшаго Сѵнода „объ отведеніи Археографической Экспедиціи въ монастыряхъ, гдѣ дозволитъ возможность, квартиръ" (*А. Е.* II, 25). Опираясь на этотъ важный для Экспедиціи документъ, Строевъ, по прибытіи въ Москву, написалъ, отъ 12-го мая, слѣдующее письмо Московскому Митрополиту Филарету: „По Высочайшему соизволенію, Императорская Академія Наукъ въ минувшемъ 1829 г. отправила меня въ археографическое путешествіе по Россіи. Распоряженія о семъ Св. Синода извѣстны Вашему Высокопреосвященству. Отправляясь въ Троицко-Сергіеву Лавру и другіе монастыри Московской епархіи, я вмѣняю себѣ въ обязанность всепокорнѣйше просить Васъ, Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь! благословить меня на сіе дѣло и пожаловать милостивое предписаніе ваше настоятелямъ Лавры, Академіи, монастырей, дабы я могъ имѣть свободный доступъ въ тамошнія хранилища старины и удобное по возможности въ обителяхъ помѣщеніе" (*А. Е.* II. 38).

На этомъ письмѣ Высокопреосвященный положилъ такую резолюцію: „Консисторіи дать открытое предписаніе къ настоятелямъ монастырей и церквей Московской епархіи, чтобы при соблюденіи существующихъ постановленій и предписаній объ осторожномъ храненіи древностей и о приличномъ обращеніи съ древностями священными, доставляемо было г. Начальнику Археографической экспедиціи въ семъ 1831 году всякое законное удобство и споспѣшествованіе къ освидѣтельствованію и описанію древнихъ вещей и къ дѣланію списковъ съ рукописей и при томъ доставляемо было ему помѣщеніе въ монастырскихъ зданіяхъ по возможности, приличію и удобности" (*А. Е.* II, 41).

Съ открытымъ листомъ Московской Консисторіи, Строевъ выѣхалъ, 21-го мая 1831 года, изъ Москвы для обозрѣнія монастырей Московской епархіи, продолжавшагося съ небольшими промежутками до начала августа (*А. Е.* II, 44, 53, 56). Къ сожалѣнію, свѣдѣній о результатахъ этого обозрѣнія не сохранилось въ бумагахъ Павла Михайловича.

Между тѣмъ, во время этой послѣдней поѣздки обнаружилось одно обстоятельство, вызвавшее новую размолвку между Бередниковымъ и

Строевымъ. Дѣло въ томъ, что за послѣдніе три года (1829 — 31) Бередниковъ помѣстилъ въ *Сынѣ Отечества* нѣсколько статей, содержащихъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующіе акты: 1) Духовное завѣщаніе четвертой супруги царя Іоанна Васильевича Грознаго. 2) Письмо ея къ боярину Салтыкову. 3) Еще нѣкоторые матеріалы для біографіи сей царицы. 4) Мировая запись Новгородскаго Аркажскаго монастыря игумена Нафанаила съ боярскимъ сыномъ Харламовымъ, и 5) Два дипломатическіе акты XV столѣтія. Послѣдніе два акта были замѣчены Президентомъ Академіи С. С. Уваровымъ и онъ по поводу ихъ далъ слѣдующій ордеръ Непремѣнному Секретарю Академіи П. Н. Фусу: „Въ журналѣ: *Сынъ Отечества* 16-го маія, № 20, встрѣтилъ я подъ статьею Русской Исторіи: *Два Дипломатическіе Акта XVI столѣтія*, за подписью Я. Бередниковъ. Нахожденіе чиновника сего имени при Археографѣ Строевѣ даетъ мнѣ поводъ полагать, что это одно и тоже лице, столь усердно сообщающее въ Редакцію сказаннаго журнала подобныя статьи, ибо сіе не въ первый разъ мною замѣчено. Въ слѣдствіе чего рекомендую вашему высокородію, немедленно узнать по какому праву г. Бередниковъ распоряжается на счетъ матеріаловъ, добываемыхъ вѣроятно во время путешествія его съ г. Строевымъ и слѣдовательно отнюдь ему не принадлежащихъ и о послѣдствіи мнѣ донести; а между тѣмъ также безъ отлагательства отнестись къ г. Строеву, чтобы онъ строго запретилъ находящимся при немъ лицамъ имѣть лишніе экземпляры изъ списываемыхъ ими бумагъ, а собственныя Экспедиціи хранилъ бы подъ личнымъ надзоромъ своимъ, и вообще принялъ мѣры къ прекращенію подобной корреспонденціи г. Бередникова и всякаго другаго подъ настоящимъ или вымышленнымъ именемъ съ посторонними журналистами“ (*А. Е.* II, 47). Получивъ отъ Фуса копію съ этого ордера, Строевъ потребовалъ отъ Бередникова объясненія. Послѣдній оправдывался какъ могъ. „Еслибы бумаги принадлежали Экспедиціи Археографическаго Путешествія“, писалъ онъ въ своемъ объяснительномъ рапортѣ, „то я никакъ не осмѣлился, и даже не имѣлъ бы возможности, самъ собою гдѣ либо печатать оныя. Всѣ вышеупомянутые акты списаны мною частнымъ образомъ съ бумагъ Тихвинскихъ монастырскихъ архивовъ до вступленія моего въ должность при Археографической Експедиціи, изъ коихъ нѣкоторыя напечатаны мною въ *Сынѣ Отечества* въ качествѣ любителя историческихъ свѣдѣній, никогда не принадлежали Экспедиціи, и не могли быть заимствованы изъ бумагъ ея, какъ то вамъ совершенно извѣстно“ (*А. Е.* II, 50, 51). Хотя Строевъ, препровождая къ Фусу объяснительный рапортъ Бередникова, и заявилъ отъ себя, что показанія

послѣдняго заслуживаютъ должнаго вѣроятія и что „всѣ принадлежащіе Археографической Экспедиціи бумаги находятся у него лично, за печатью Експедиціи и никому изъ бывшихъ при немъ чиновниковъ не были ввѣряемы для храненія", тѣмъ не менѣе въ душѣ Путешествующаго Археографа осталось про себя подозрѣніе къ своему спутнику и онъ подъ предлогомъ „точнѣйшаго исполненія предписанія Президента Академіи", относительно неимѣнія корреспонденцій съ журналистами, прямо объявилъ Бередникову, что онъ не можетъ уже принимать по прежнему участіе въ археографическихъ поискахъ въ званіи помощника его" (*А. Е.* II, 60). 19-го іюня 1831 года, Бередниковъ подалъ прошеніе объ увольненіи, въ которомъ выразился такъ: „Усилившаяся глазная болѣзнь препятствуетъ мнѣ исправлять должность при Археографической Експедиціи. Почему всепокорнѣйше прошу ваше высокоблагородіе распорядиться къ увольненію меня отъ оной" (*А. Е.* II, 52). Представляя этотъ рапортъ Академіи, Строевъ съ грустью присовокупилъ: „Сей годъ, кажется, я буду странствовать одинъ" (*А. Е.* II, 53 об.). Между тѣмъ, Бередникову вовсе не хотѣлось разставаться съ Археографическою Экспедиціею и онъ отправился устраивать свои дѣла въ Петербургъ. Тамъ онъ нашелъ себѣ покровительство въ лицѣ, бывшаго своего гимназическаго товарища, Непремѣннаго Секретаря Академіи П. Н. Фуса и, можетъ быть, не безъ его внушенія, писалъ къ Строеву отъ 5-го августа: „По пріѣздѣ моемъ сюда, я достовѣрно узналъ, что поданное вамъ мною объясненіе принято съ уваженіемъ, и я, по оному совершенно оправданъ. Сожалѣя, что таковое обстоятельство, можетъ быть, нанесло вамъ непредвидѣнную мною непріятность, я по завѣренію нѣкоторыхъ почтенныхъ лицъ, смѣю увѣрить васъ, что поводомъ къ предложенію г. Президента было отнюдь не постороннее вліяніе, а одно прочтеніе имъ статьи моей и что Академія смотритъ на Археографическую Экспедицію съ самой лучшей стороны. Неблагоугодно ли вамъ, по минованіи непріятнаго для меня событія, вновь позволить мнѣ продолжать службу подъ начальствомъ вашимъ при Экспедиціи? Смѣю увѣрить васъ, что я усугублю труды, рвеніе и прилежность мою и постараюсь въ полной мѣрѣ заслужить ваше благорасположеніе. Причинъ къ непріятностямъ, подобнымъ нынѣшней, и всякаго рода, впредь существовать не можетъ: я удержусь писать и печатать. Если вамъ угодно принять мое предложеніе: то всепокорнѣйше прошу дать мнѣ знать о томъ чрезъ П. Н. Фуса. По полученіи отвѣта, я немедленно отправился бы, для соединенія съ вами, куда вы назначите; *жена* моя поѣдетъ въ Тихвинъ. Надѣюсь, что мы могли бы вскорѣ и соединиться съ вами". Въ томъ же письмѣ Бередниковъ сообщаетъ

Строеву, что „холера въ Петербургѣ едва существуетъ; за то на всемъ Сѣверѣ она сильно свирѣпствуетъ. Во многихъ мѣстахъ были волненія черни, соединенныя съ отмѣннымъ варварствомъ. Даже проѣздъ по дорогамъ былъ не для всѣхъ безопасенъ" (*А. Е.* II, 57—58). Вслѣдъ за симъ письмомъ, именно 8-го августа самъ Фусъ писалъ къ Строеву: „Заключая изъ преждеслышанныхъ мною отзывовъ вашихъ объ усердіи, знаніяхъ и способностяхъ г. Бередникова, что вы неохотно лишаетесь его и что вамъ не легко будетъ замѣнить его, покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня частнымъ образомъ, желаете ли вы принять его опять въ сотрудники по Експедиціи? Въ такомъ случаѣ для удовлетворенія его желанія и для обезпеченія вамъ, Конференція съ согласія г. Президента оффиціально разрѣшитъ васъ принять г. Бередникова въ Экспедицію на прежнемъ основаніи, предоставляя вамъ, буде сочтете нужнымъ, взять съ помощника вашего подписку въ томъ, что онъ обязуется въ журналахъ, безъ вѣдома вашего, не публиковать ничего до Экспедиціи и трудовъ ея относящагося" (*А. Е.* II, 60). Въ отвѣтъ на это, Строевъ, отъ 17-го августа писалъ къ Фусу: „Говоря чистосердечно, для меня страненъ и малонадеженъ непостоянный характеръ г. Бередникова; но, вмѣнивъ себя въ долгъ исполнять вамъ угодное, я на сей разъ не откажусь отъ пріятной мнѣ обязанности. Г. Бередниковъ можетъ присоединиться къ Експедиціи въ Ярославлѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: необходимо взять съ него *подписку*, по образцу у сего прилагаемому, и препроводить ко мнѣ для пріобщенія къ дѣламъ. Не безполезно было бы *супругѣ* г. Бередникова остаться гдѣ либо на постоянномъ жительствѣ подобно моему семейству" (*А. Е.* II, 61).

Взятую отъ Бередникова подписку Фусъ препроводилъ къ Строеву 3-го сентября, при чемъ объяснялъ слѣдующее: „Письмо мое къ вамъ, отъ 8-го августа, писано въ томъ предположеніи, что г-нъ Бередниковъ не подалъ вамъ никакого повода къ неудовольствію и что вы, единственно для охраненія себя, сочли нужнымъ принять такія мѣры предосторожности, которыя теперь, по взятіи съ г. Бередникова сей подписки, кажутся излишними. Выборъ помощниковъ вашихъ предоставленъ совершенно вамъ самимъ, и стѣснять васъ ходатайствомъ моимъ въ чью либо пользу было бы, съ моей стороны, неумѣстно. Успѣхи вашей Экспедиціи должны радовать каждаго соотечественника и если г. Бередниковъ оправдалъ ожиданія ваши о немъ и общее мнѣніе знающихъ его лицъ, то содѣйствіе его вамъ должно несомнѣнно принести пользу, а посему я искренне желаю, чтобы и прочія качества его (которыхъ я не знаю) были таковы, чтобъ не подавали повода къ какому либо неудовольствію" (*А. Е* II, 70).

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь подлинный текстъ данной Бередниковымъ подписки, составленной самимъ Строевымъ: „Я нижеподписавшійся, вступая снова въ Экспедицію Археографическаго Путешествія по Россіи, обязуюсь во все время продолженія оной наблюдать строгую подчиненность къ г-ну Начальнику Коллежскому Ассесору и Кавалеру Строеву *); исполнять вполнѣ условія, утвержденныя Императорскою Академіею Наукъ 14-го января 1829, въ сохраненіи коихъ дана мною подписка въ февралѣ 1830 года, и, на основаніи предписанія Его Превосходительства г. Президента Академіи, не имѣть никакихъ сношеній съ издателями журналовъ". (*А. Е.* II, 62, 71).

Теперь возвратимся къ прерванному разсказу о путешествіи Строева по Московской епархіи.

Московскій Владыко предъ отправленіемъ Путешествующаго Археографа въ Троицко-Сергіеву Лавру, снабдилъ его слѣдующимъ письмомъ къ своему Намѣстнику Архимандриту Антонію (отъ 30-го іюня, 1831 года): „Начальнику Археографической Экспедиціи, отъ котораго сіе получите, доставьте возможную удобность осмотрѣть Лаврскій архивъ и древности, и для сего дайте ему помѣщеніе въ самой Лаврѣ. Если онъ пожелаетъ видѣть рукописи въ Академической библіотекѣ,—способствуйте ему и въ томъ. Желаю, чтобъ онъ у васъ гостилъ съ миромъ и удовольствіемъ" (*Письма М. М. Филарета къ Намѣстнику Архим. Антонію.* Ч. 1. М. 1877, стр. 14). Въ Лаврѣ Строевъ прожилъ слишкомъ пять недѣль (*А. Е.* II, 56), пользуясь „милостивымъ покровительствомъ Митрополита Филарета"; при чемъ достойный намѣстникъ его архимандритъ Антоній, „премного облегчилъ труды Археографа въ тамошнихъ хранилищахъ древности" (*А. Е.* II, 68 об.). Книгохранилища Духовной Академіи и Лаврское доставили Строеву богатые матеріалы, особенно для исторіи нашего законодательства въ XIV — XVI вѣковъ. Изъ одной Лаврской библіотеки Строевъ извлекъ сто двадцать грамотъ, начиная съ 1363 и кончая 1689 годомъ. Достопочтенный Намѣстникъ Лавры былъ такъ милостивъ къ Строеву, что даже дозволилъ ему взять съ собою въ Москву рукопись, содаржащую въ себѣ списки съ Троицко-Сергіевскихъ грамотъ. Много времени спустя, именно 7-го декабря того же 1831 года, Строевъ писалъ къ Антонію: „Простите великодушно вину мою, что замедлилъ возвращеніемъ въ святую обитель рукописи, мною отъ васъ полученной. Я не могъ довольно насладиться чтеніемъ памятниковъ древней знаменитости Лавры, драгоцѣнныхъ

*) Въ скобкахъ Бередниковъ прибавилъ отъ себя «каковой я и прежде нарушать не осмѣливался».

въ историческомъ и юридическомъ отношеніяхъ" (*А. Э.* II, 113). Намѣстникъ отвѣчалъ на это: „Сердечно радъ, что наши рукописи принесли вамъ удовольствіе. Вы вѣрно изъ етой руды здѣлаете полезную монету".

Необходимость сколь возможно полнѣе воспользоваться остаткомъ лѣтняго сухаго времени торопила Строева въ Ярославль и онъ, пробывъ короткое время въ Москвѣ, 24-го августа пустился въ путь по Ярославской дорогѣ. Проѣзжая утромъ 25-го августа черезъ Сергіеву Лавру, Строевъ оставилъ намѣстнику ея Антонію слѣдующую записку: „Ужасная грязь и безпорядокъ дорожнаго костюма воспретили мнѣ имѣть удовольствіе засвидѣтельствовать вамъ усерднѣйшее почтеніе въ проѣздъ мой чрезъ Лавру, утромъ 25-го августа. Притомъ вы были озабочены пребываніемъ Его Высокопреосвященства" (*А. Е.* II, 66).

Начиная свои занятія въ Ярославской епархіи, Строевъ просилъ Архіепископа Ростовскаго Авраама „благословить его на это дѣло и снабдить милостивымъ предписаніемъ настоятелямъ монастырей и другимъ духовнымъ начальствамъ, дабы имѣть свободный доступъ въ хранилища старины и удобное по возможности въ обителяхъ помѣщеніе" (*А. Е.* II, 64).

Какъ ни спѣшилъ Строевъ, но осень съ своими непрерывными дождями опередила его. Продолжать разъѣзды по губерніи оказалось невозможнымъ и Строевъ, пользуясь досугомъ, составилъ донесеніе Академіи объ успѣхахъ Археографической Експедиціи за время пріостановки „отъ злой холеры" до 5-го сентября 1831 года. Донесеніе Строева начинается съ обозрѣнія собранныхъ матеріаловъ *Смутнаго Времени* (1605—1613). Всего собрано 29-ти документовъ, которые перечислены были Строевымъ въ статьѣ, помѣщенной въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1831 года, № 14, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „*Смутное время*, какъ въ старину называли, или несчастный періодъ отечественнаго бытописанія, послѣ Царя Бориса до воцаренія Дома Романовыхъ (1605—1613), сколько во всѣхъ отношеніяхъ важно и любопытно, столько еще темно и не отчетно въ подробностяхъ. Причина сего, и единственная—недостатокъ матеріаловъ. Лѣтописецъ того времени крайне скуденъ, пожаръ 1626 года довершилъ въ Московскихъ Приказахъ опустошеніе отъ прежнихъ; самое Правительство временъ Михаиловыхъ не щадило памятниковъ государственнаго волненія, едва успокоеннаго его благоразуміемъ. Грамоты, наказы, отписки и прочіе акты тогдашней внутренней дипломатики весьма рѣдки. Тѣми изъ нихъ, кои уже находились въ рукахъ нашихъ историковъ, мы обязаны трудолюбію Академика Миллера, который въ десятилѣтнее свое путешествіе по Сибири *засталъ* ихъ въ тамошнихъ архивахъ.

Всѣ сіи акты вошли въ составъ второй части извѣстнаго *Собранія Государственныхъ Грамотъ.* Берхъ издалъ также нѣсколько документовъ сего періода. Къ сожалѣнію, какъ сіи, такъ и нѣкоторые изъ Миллеровыхъ, обезображены довольнымъ числомъ ошибокъ отъ неискуснаго спятія списковъ. Нынѣ, не говоря о писцахъ, не многіе археологи въ состояніи читать *правильно* крючковатую скоропись столбцевъ XVII вѣка. Въ полтора года Археографическаго путешествія мнѣ удалось пріобрѣсти около полусотни письменныхъ памятниковъ *Смутнаго времени,* еще неизданныхъ и неизвѣстныхъ Карамзину, ни другимъ Исторіоиспытателямъ. Сіе собраніе и теперь могло бы составить весьма любопытную книгу; но я надѣюсь пріумножить его въ наступающемъ странствованіи и издамъ все вмѣстѣ. Смуты и неустройства пресѣклись не тотчасъ по признаніи юнаго Михаила Самодержцемъ Россіи. До совершеннаго примиренія съ Шведами и Польшею, толпы разноплеменныхъ враговъ и козачей сволочи упитывались кровію и достояніемъ нашихъ несчастныхъ предковъ. По сей причинѣ сюдажъ должно отнести слишкомъ тридцать актовъ (1614—1618 годовъ), объясняющихъ неустройства въ Новгородскомъ краѣ, на Бѣлоозерѣ, въ Каргополѣ, Вологдѣ, Пошехоньѣ и проч."

По донесенію Строева, собраніе Археографической Экспедиціи, во время путешествія по Московской эпархіи, обогатилось, между прочимъ, пріобрѣтеніемъ трехъ примѣчательныхъ актовъ: „Двѣ жалованныя грамоты бояръ князей Трубецкаго и Заруцкаго (1611 г.) и пространное посланіе Троицко-Сергіевскаго Архимандрита Діонисія къ князьямъ Трубецкому и Пожарскому о примиреніи (1612 г.). Въ это же время Строевымъ найденъ Наказъ архіепископу Гурію, при отправленіи его (въ 1555 г.) пастыремъ въ новоучрежденную епархію Казанскую, который знакомитъ насъ съ намѣреніями и образомъ дѣйствій Московскаго Правительства по отношенію къ Магометанамъ, только что покореннымъ Москвою. По этому поводу, Строевъ ставитъ слѣдующій любопытный вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ Магометанамъ: „Въ XV и XVI столѣтіяхъ, наши Самодержцы, по видамъ политическимъ, покровительствовали изгнанниковъ Казанскихъ и Крымскихъ. Бывшимъ царямъ и царевичамъ жалованы были въ *кормленіе* города и волости: враги христіанъ управляли православными, сіи имъ покорствовали и Лѣтописцы не упоминаютъ о возстаніяхъ или ропотѣ. Обстоятельство странное, не изъяснимое безъ познанія сего образа управленія, о коемъ новѣйшіе историки ничего не знаютъ. Я имѣю списки жалованныхъ грамотъ Бѣлопесоцкому монастырю отъ Магмедъ-Аминя, Абдылъ-Летифа и Шигъ-Алея (1498,

1512 и 1532), царей Казанскихъ, кормившихся Коширою. Сіи грамоты слишкомъ любопытны въ означенномъ отношеніи".

За тѣмъ Строевъ въ своемъ донесеніи переходитъ къ другимъ памятникамъ историко-юридическимъ, пріобрѣтеннымъ Экспедиціею: „Грамоты уставныя, губныя, таможенныя, столь важныя въ исторіи нашего права, Татищевъ провозгласилъ потерянными и тоже повторяли очень долго. Только въ послѣдніе 15 лѣтъ успѣли найдти и напечатать ихъ съ полдесятка. Мои поиски были удачнѣе. Но всѣ сіи, равно и мною въ прошлогоднемъ путешествіи найденныя грамоты, относятся къ цѣлымъ областямъ или городамъ; о существованіи же таковыхъ отдѣльно для селъ и деревень не было доселѣ ни извѣстія, ни намека. И такъ это новинка для ученыхъ правовѣдцевъ. Сихъ актовъ, разныхъ годовъ XVI столѣтія (1506—1601) я списалъ одиннадцать. Разнообразіе увеличиваетъ ихъ цѣнность. Также любопытна грамота 1537 года на бобровые гоны въ рѣкахъ Клязмѣ, Судогдѣ и Колокшѣ. Грамота царицы Леониды (супруги царевича Іоанна Іоанновича) въ Устюжну Желѣзопольскую, ей принадлежавшую, 1583 г., замѣчательна во многомъ. Разные акты поясняютъ наше разумѣніе Судебника, еще недостаточно понимаемаго. Относительно постановленія Церкви замѣчателенъ актъ учрежденія въ Москвѣ Поповской избы, родъ консисторіи, и осьми сороковыхъ старостъ и десятскихъ, 1594 г.; подтвержденіе сего въ 1604 году; соборный наказъ Троицко-Сергіева монастыря Архимандриту Митрофану 1584 г., весьма примѣчательный; разныя грамоты Россійскихъ іерарховъ, и проч. Исторія нашей церкви ждетъ еще ревностныхъ дѣлателей.

„Однимъ словомъ", заключаетъ Строевъ, „общность собранныхъ мною прежде и нынѣ матеріаловъ для исторіи нашего законодательства, удѣльнаго и единодержавнаго управленія и устройства земли и народа, въ XIV — XVII — *весьма объятна.* Сколько будетъ выводовъ: a priori, a posteriori! Надѣюсь, что будущіе исторіописатели скажутъ мнѣ не одно спасибо.

Портфели матеріаловъ къ Исторіи Литературы и Библіографіи Славяно-Россійской (старинной) также не безъ приращенія. Прибавлено и нѣсколько автографій духовныхъ лицъ XVI вѣка. Въ Библіотекѣ Духовной Академіи, въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, я видѣлъ нѣсколько лѣтописцевъ, кои, кажется, не были еще въ рукахъ историковъ. Одинъ огромностію уподобляется Никоновскому.

Во всѣхъ монастыряхъ, мною посѣщенныхъ, я старался изъ бумагъ архивскихъ составлять хронологическіе списки ихъ настоятелей. Равнымъ образомъ, всѣми встрѣчающимися фактами исправляю и дополняю таковыя же указанія епархіальныхъ владыкъ, помѣщен-

ныхъ въ первой части *Исторіи Россійской Іерархіи*, съ анахронизмами и ошибками. Все сіе со временемъ можетъ составить особую книгу, о необходимости коей при историческихъ изслѣдованіяхъ упоминалъ уже Шлецеръ. Великъ мракъ хронологіи нашихъ лѣтописей".

Строевъ, оканчивая свое донесеніе пріятнымъ воспоминаніемъ милостиваго покровительства, коимъ онъ имѣлъ честь удостоиться отъ Его Высокопреосвященства Филарета, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, присовокупляетъ слѣдующее: „Достойный намѣстникъ Троицко-Сергіевой Лавры, архимандритъ Антоній, премного облегчилъ труды мои въ тамошнихъ хранилищахъ древности, довольно многочисленныхъ. Онѣ не менѣе важны Кирилло-Бѣлозерскаго, гдѣ въ прошедшемъ году я столько работалъ подъ радушнымъ покровомъ Настоятеля архимандрита Иннокентія. Благодарность поборникамъ археографическихъ поисковъ исходитъ изъ глубины моего сердца.

Предстоятъ новые труды. Дай Богъ, чтобы не измѣнили силы, здоровье и терпѣніе!" (*А. Е.* II, 67, 68).

Наканунѣ Воздвиженія прибылъ въ Ярославль Бередниковъ; а 20-го сентября получилъ отъ Строева предписаніе отправиться въ города: Романовъ, Рыбинскъ, Мологу, Пошехонье, Мышкинъ и Угличь; по окончаніи же осмотра тамошнихъ книгохранилищъ и архивовъ, пріѣхать въ Ростовъ, гдѣ долженъ былъ ожидать своего начальника (*А. Е* II, 86).

Между тѣмъ, Строевъ еще въ бытность свою въ Толгскомъ монастырѣ (около Ярославля) подвергся простудѣ отъ холодной квартиры, которую ему тамъ отвели. Получивъ облегченіе, онъ, въ началѣ октября, переѣхалъ въ Ростовъ и, поселившись въ Яковлевскомъ монастырѣ, продолжалъ свои археографическія поѣздки, но вскорѣ опять простудился. „Вы не можете представить", писалъ Павелъ Михайловичь Фусу, уже изъ Москвы, „какъ убійственны осеннія посѣщенія холодныхъ палатокъ, обыкновенно занимаемыхъ архивами" (*А. Е.* II, 106). Нужно сказать, что еще 8-го октября Строевъ писалъ къ Бередникову: „простуднолихорадочные припадки сдѣлали меня на время неспособнымъ къ перенесенію трудностей, сопряженныхъ съ археографическою работою, я рѣшился отправиться въ Москву", куда приказалъ слѣдовать и Бередникову. При этомъ Строевъ предписывалъ своему спутнику слѣдующее: „Передъ выѣздомъ изъ Ростова посѣтите окологородные монастыри, Аврааміевъ, Петровскій, Бѣлогостицкій, Варницкій, и смѣтьте: много ли тамъ старины и какого она рода? Сіе необходимо для соображенія дѣйствій Експедиціи въ 1832 году, дабы можно было еще быть въ Ростовѣ" (*А. Е.* II, 103).

Такимъ образомъ, П. М. Строевъ оканчивалъ 1831 годъ опять въ Москвѣ. За мѣсяцъ до наступленія торжественнаго для Императорской Академіи Наукъ дня 29-го декабря, въ который она обыкновенно празднуетъ годовщину своего основанія, Строевъ получилъ отъ Непремѣннаго Секретаря Академіи письмо, въ которомъ объясняетъ слѣдующее: „Конференція поручила мнѣ отнестись къ вамъ съ просьбою: не возмете ли вы на себя труда заготовить къ нынѣшнему публичному собранію краткій отчетъ объ успѣхахъ и находкахъ Археографической Экспедиціи. Она полагаетъ, что сей предметъ есть одинъ изъ занимательнѣйшихъ для отечественной публики и находитъ сіе чтеніе тѣмъ болѣе удобнымъ что уже въ прошедшемъ году было оно обѣщано" (*А. Е.* II, 108). Это предложеніе застало Строева за „хлопотливыми занятіями" по обработыванію матеріаловъ, собранныхъ имъ прошлымъ лѣтомъ. „Мнѣ не было возможности", писалъ онъ въ Академію (отъ 9-го декабря), „успѣть составить подробный отчетъ о дѣйствіяхъ Ахеографичеекой Экспедиціи въ такомъ видѣ, чтобы годился для чтенія въ торжественномъ собраніи Академіи. По множеству найденныхъ документовъ и выписокъ мнѣ несравненно удобнѣе представить ихъ Конференціи въ натурѣ, нежели изложить письменно въ приличной системѣ". Однако, для внесенія въ годичный отчетъ Академіи хотя краткаго извѣстія объ успѣхахъ Археографической Экспедиціи въ 1831 году, Павелъ Михайловичь отправилъ П. Н. Фусу слѣдующую записку: „По возобновленіи дѣйствій экспедиціи, послѣ холернаго времени, поприщемъ ея были губерніи Ярославская и Московская. Матеріаловъ для разныхъ частей Отечественной Исторіи собрано весьма довольно. Вмѣстѣ съ пріобрѣтенными въ первые два года Археографическаго путешествія по Сѣверу, они способны освѣтить ярко государственный и народный бытъ Россіи въ XIV — XVII столѣтіяхъ и a posteriori въ XIII-мъ. Нѣкоторыя частныя извѣстія относятся и ко временамъ предыдущимъ. Можно утверждать не безъ основанія, что многія событія и обстоятельства онаго періода представятся въ видѣ полнѣйшемъ и съ иныхъ точекъ, равно и побудительныя причины ихъ будутъ признаны совсѣмъ не тѣ, какъ до нынѣ утверждено общимъ мнѣніемъ. Власть великихъ и удѣльныхъ князей, ихъ соотношенія, степень силы и вліянія іерарховъ и духовенства, права разныхъ сословій, государственное и земское управленіе, система поборовъ и повинностей, ходъ торговли, происхожденіе и измѣненіе отчиннаго и крѣпостнаго права: все сіе можетъ выясниться довольно отчетливо и полно актами юридико - историческими, коихъ четыре толстые тома составляютъ часть достоянія Археографической Экспедиціи. Должны же когда нибудь исчезнуть сами собою тѣ грубыя не-

сообразности, преувеличенія, торжественныя и плаксивыя прикрасы, кои порождены изобрѣтательнымъ воображеніемъ новѣйшихъ исторіописателей за недостаткомъ старанія отыскивать документовъ старины.

Кромѣ сего шесть портфелей вмѣщаютъ въ себѣ достаточные матеріалы для Исторіи литературы Славено-Россійской до начала прошедшаго столѣтія. Дѣеписаніе господствующей Церкви, ересей, ее возмущавшихъ, помѣстныхъ соборовъ, постепеннаго просвѣщенія, въ связи самой тѣсной съ нею и успѣхи ихъ могутъ быть только взаимны. И здѣсь предстоитъ подвигъ изпрямить столько мнѣній неясныхъ, превратныхъ, догадочныхъ, равно происшедшихъ отъ причины выше сказанной.

Не упоминаю о пособіяхъ для составленія Дипломатики, Палеографіи, Библіографіи и проч., кои въ 1831 году получили не малое приращеніе. Собраніе старинныхъ судебныхъ актовъ всякаго рода, весьма важное для исторіи правъ законодательства и расправы, есть первое у насъ въ своемъ родѣ" (*А. Е.* II, 115, 116).

Въ концѣ 1831 года, возобновились сношенія Строева съ Преосвященнымъ Вологодскимъ Епископомъ Стефаномъ. Мы не считаемъ себя въ правѣ умолчать объ этихъ сношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что главный интересъ ихъ сосредоточивался на занятіяхъ Археографической Экспедиціи.

Въ декабрѣ, пріѣхалъ въ Москву Вологодскій священникъ Александръ Вороновъ за полученіемъ Св. Мура. Этотъ священникъ доставилъ Строеву отъ Преосвященнаго Стефана письмо, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Посылаю вамъ тетрадь рукописную, желая отъ всего сердца, чтобы вы сыскали въ ней пріятную для неутомимаго духа вашего пищу. Священникъ, писавшій тетрадь оную, въ іюлѣ мѣсяцѣ отъ холеры скончался. У насъ и зима хороша и морозы не худы. Вологда теперь богата Поляками. Девять генераловъ Польскихъ, ето не шутка, я полагаю, что и въ Москвѣ нѣтъ ихъ столько, но говорятъ, что ихъ будетъ до 20-ти. Перемѣнъ въ Вологдѣ никакихъ нѣтъ" (*А. Е.* II, 117). На другой же день по полученіи письма съ рукописью, Строевъ отвѣчалъ (отъ 10-го декабря) Преосвященному: „Обязательное посланіе Вашего Преосвященства и отрывокъ Историческаго сочиненія о городѣ Устюгѣ Священника Димитрія я имѣлъ честь получить. Радуюсь ими, какъ продолженіемъ милостиваго покровительства, коимъ Ваше Преосвященство толико обязали Археографическую Експедицію въ бытность нашу въ Вологодскомъ домѣ вашемъ. Я не съумѣю выразить вполнѣ чувства признательности, во мнѣ преобладающаго! Еще будучи въ Устюгѣ я зналъ,

что священникъ Димитрій занимался исторіею сего города; но тогда не могъ съ нимъ познакомиться. Изъ присланнаго Вашимъ Преосвященствомъ отрывка видно, что авторъ былъ человѣкъ начитанный, но не знакомъ съ историческою критикою. Слѣдующее для меня весьма интересно: изъ разныхъ мѣстъ рукописи видно, что у автора находилось нѣсколько Лѣтописцевъ Устюжскихъ и разные историческіе документы; тоже сказывали мнѣ въ Устюгѣ. Безъ сомнѣнія, теперь все сіе остается у наслѣдниковъ безъ пользы; а деньги, конечно, могутъ быть имъ полезнѣе бумажнаго старья. Я охотно пріобрѣлъ бы сіи бумаги за приличную плату. Не знаю, какой бы употребить къ сему путь: развѣ не адресоваться ли къ Отцу Економу, по старому его благорасположенію? Сколько былъ бы я счастливъ, еслибъ Богъ благословилъ мнѣ еше видѣть Ваше Преосвященство въ вождѣленномъ здравіи и облобызать десницу вашу добротворящую" (*А. Е.* II, 118). Преосвященный, отъ 19-го марта 1832 года, извѣстилъ Строева, что „Устюжское бумажное старье" уже въ его рукахъ и что, по полученіи адреса, не преминетъ по первой почтѣ прислать къ нему (*А. Е.* II, 167). Обрадованный этимъ извѣстіемъ, Строевъ отвѣтилъ Преосвященному: „Къ великой радости я получилъ милостивое письмо Вашего Преосвященства, коимъ изволите извѣщать меня о полученіи Устюжской старины. Археографическая Експедиція, при помощи Божіей, не коснитъ въ своихъ успѣхахъ". Въ заключеніе письма, Строевъ проситъ Преосвященнаго „засвидѣтельствовать усердный поклонъ всѣмъ Вологодскимъ знакомцамъ, коимъ еще памятенъ кочующій Археографъ" (*А. Е.* II, 169). Наконецъ, тюкъ съ давно желанною Устюжскою стариною прибылъ въ Москву при слѣдующемъ письмѣ Преосвященнаго (отъ 4-го апрѣля). „Бумаги, доставленныя мнѣ изъ Устюга, при семъ къ вамъ препровождаю. Особа, доставившая мнѣ оныя, сказывала мнѣ, что между тѣми бумагами есть какія-то посвятительныя отъ покойнаго Священника Петелина письма; но я тѣхъ бумагъ не разсматривалъ да и времени не имѣлъ разсматривать, а по сему ежели какое либо письмо ваше высокоблагородіе сыщете, то прошу покорнѣйше оныя уничтожить. Я ничего не хочу на себя принимать. Все мое удовольствіе состоитъ въ томъ, что мнѣ удалось доставленіемъ бумагъ сихъ услужить вамъ" (*А. Е.* II, 189).

Каково же было разочарованіе Строева, когда онъ увидѣлъ, что вся эта Устюжская старина заключала въ себѣ только три экземпляра сочиненія Священника Петелина о Устюгѣ, да и тѣ неполные. „Хотя я преисполненъ чувствомъ благодарности за милостивое и обязательное снисхожденіе Вашего Преосвященства" (писалъ Строевъ Епи-

скопу Стефану) „къ покорнѣйшей моей просьбѣ и не осмѣливаюсь болѣе утруждать васъ, Милостивый архипастырь; но по обыкновенной откровенности моей, долженъ признаться, что тогдашнее желаніе пріобрѣсти покупкою относилось къ Лѣтописцамъ и другимъ стариннымъ документамъ, служившимъ Священнику Петелину матеріалами для его труда, а не къ самому труду, неоконченному и слабо обработанному“ (*А. Е.* II, 192—193).

XII.

Въ наступавшемъ 1832 году, предполагалось направить Экспедицію въ губерніи Тверскую, Псковскую и Новгородскую. Въ этихъ видахъ Строевъ, еще въ первыхъ числахъ декабря стараго года, отправилъ своего спутника Бередникова въ Тихвинъ и Устюжну, а самъ, нѣсколько времени спустя, отправился въ Петербургъ съ четырьмя томами историко-юридическихъ актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею, для представленія ихъ въ Академію. Значеніе источниковъ заключающихся въ этихъ томахъ, объяснено самимъ Строевымъ, который въ статьяхъ подъ заглавіемъ: *Пріобрѣтенія Отечественной Исторіи*, напечатанныхъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1832 года, говоритъ слѣдующее: „Изъ взаимнаго сличенія договоровъ Владѣтельныхъ Русскихъ Князей, ихъ жалованныхъ грамотъ и другихъ актовъ, видно, что въ XIV и XV столѣтіяхъ образъ земскаго управленія, права и повинности, были вездѣ почти одинакіе. Даже при усилившейся и наконецъ превозмогшей власти Великихъ Князей Московскихъ порядокъ внутренній измѣнялся весьма незамѣтно. Постепенность государственныхъ учрежденій и развитіе силъ колосса Россіи не довольно выражены въ нашихъ Историкахъ. Руководимые однѣми лѣтописями и мало разумѣя памятники законодательства, они не были въ состояніи обработать предметъ сей. Къ числу важнѣйшихъ пособій историческаго законовѣдѣнія принадлежатъ Уставныя грамоты. Древнѣйшая изъ доселѣ найденныхъ—послѣ 1397 года. Въ XVI вѣкѣ онѣ представляются трехъ родовъ: *уставныя* (собственно), *губныя* и *таможенныя*. Изъ нихъ то образовался *Судебникъ* царя Іоанна и *Уложеніе* 1648 года. Прибавимъ *тарханныя* или *несудимыя* грамоты и тѣ, кои извѣстны подъ общимъ названіемъ *жалованныхъ*, разнообразныя и многочисленныя. Дополни-

тельные указы къ Судебнику въ сей же категоріи. Области, города, волости, даже селенія имѣли свои уставныя грамоты; ими руководствовались въ судѣ, расправѣ, поборахъ. Уложеніе 1648 и Пошлинный Уставъ 1654, подчинивъ все системѣ единообразной, лишили ихъ силы закона и внѣдрили навсегда въ архивы. Нынѣ сіи грамоты весьма рѣдки. Татищевъ съ трудомъ имѣлъ одну. Изданіемъ двухъ уставныхъ и одной губной мы обязаны Высокопреосвященному Евгенію, Митрополиту Кіевскому и Галицкому. Еще двѣ полныя и одна въ отрывкахъ отысканы Карамзинымъ. Пять таможенныхъ (1571—98) напечатаны въ извѣстномъ *Собраніи Грамотъ и Договоровъ*. Археографическая Экспедиція успѣла собрать двадцать семь грамотъ уставныхъ, губныхъ и таможенныхъ (1488—1621). Здѣсь-то вѣковые оттѣнки государственнаго и народнаго быта, происхожденіе и измѣненіе правъ, корень обычаевъ еще свѣжихъ. Жалованныхъ грамотъ всякаго рода (XV—XVII столѣтій) отъ великихъ и удѣльныхъ князей, царей, княгинь и царицъ, монастырямъ, духовнымъ и свѣтскимъ людямъ разныхъ сословій, я имѣю довольно. Онѣ необходимы для Исторіи Русскихъ правъ. Особенно важны тарханныя или несудимыя грамоты, корень крѣпостнаго права. Дополнительныхъ указовъ къ Судебнику Царя Іоанна въ моемъ собраніи *четырнадцать* (1555—1561). Мнѣ удалось также найти списокъ начала XVII вѣка, извѣстныхъ узаконеній 1597, 1601 и 1606 о правѣ *перехода* крестьянъ, кои Карамзинъ (X, 209 пр. 349, 352; XI, 86 пр. 120, 371) несправедливо почиталъ подложными. Нельзя не указать и на шесть уставныхъ грамотъ (1555—1590) отъ властей Троицкаго Сергіева монастыря въ ихъ отчины. Наказы посельскимъ старцамъ иныхъ монастырей, въ XVII вѣкѣ, равно любопытны. Ученому юристу я указалъ бы между прочимъ на огромныя книги монастырскихъ привиллегій, списанныхъ воедино по волѣ Правительства въ то время, когда онѣ имѣли всю законную силу. Сіи сборники и множество подлинныхъ актовъ, нынѣ въ прахѣ и тлѣніи, озаренные свѣтильникомъ критики, могутъ дать совершенно иной видъ весьма многому въ нашемъ, мало обработанномъ, Дѣеписаніи. Прейти ли молчаніемъ не малочисленное собраніе разныхъ судебныхъ актовъ XV, XVI и XVII столѣтій? Безъ нихъ несовершенно разумѣніе законодательства того времени. Сихъ актовъ до четырехъ сотъ. Какое многообразіе наименованій: 1) судные списки, правыя грамоты, третейскіе приговоры; 2) разъѣзжія, разводныя, отдѣльныя, межевыя, дѣлежныя грамоты и записи; 3) купчія, мѣновыя, поступныя, выкупныя, вкладныя записи; 4) заемныя, закладныя кабалы и отписи; 5) мировыя, рядныя записи; 6) отпускныя, похоронныя памяти; 7) заповѣдныя записи; 8) оброчныя грамоты, по-

ручныя, подрядныя записи; 9) платежныя отписи всѣхъ родовъ; 10) проѣзжія, погонныя, береженныя, безсудныя, посыльныя, зазывныя грамоты; 11) крестоприводныя записи; 12) духовныя и изустныя памяти; 13) выборы, разводы, разметы; 14) наказы, явки, челобитья, слѣдствія, и проч.—Сколькожъ тутъ пособій для узнанія подробностей стариннаго судопроизводства".

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ источники, касающіеся Исторіи Государства, Строевъ переходитъ къ источникамъ для Исторіи Церкви:

„Бытія Россійской Церкви, ереси, ее смущавшія, повременное измѣненіе Каноническаго Права, образъ Владычня суда и управленія, всѣ сіи предметы ожидаютъ трудолюбивыхъ дѣлателей. Писатели общей нашей Исторіи касались ихъ слегка, отдѣльныхъ же сочиненій почти не было. Трудъ Митрополита Платона есть не иное что, какъ наборъ, довольно поверхностный, общихъ мѣстъ лѣтописей о церковныхъ событіяхъ, безъ должнаго отработанія. Сочиненіе барона Розенкампфа покамѣсть единственное въ нашемъ каноническомъ правовѣдѣніи. Кое-какія книжки болѣе затемнили, нежели выяснили, преданія Лѣтописей. Но намъ должно-жъ имѣть Исторію своей Церкви, свои Acta conciliorum, свой Corpus juris canonici! Ходъ Исторіи всегда таковъ: а) собирать, b) изслѣдовать, с) розыскивать, d) прагматизировать. Есть пріятная надежда, что первому и второму дано будетъ вскорѣ прочное начало. Археографическая Экспедиція и въ семъ дѣлѣ можетъ предъявить указанія немалочисленныя и нѣсколько пріобрѣтеній. Заключу слѣдующимъ: наша церковная исторія, въ обширномъ смыслѣ, преуспѣетъ только по подробномъ изслѣдованіи древнихъ архивовъ въ архіерейскихъ домахъ, консисторіяхъ и монастыряхъ — *безполезныхъ* со времени Штатовъ (1764). Архивъ Коллегіи Економіи и дѣла бывшихъ экономическихъ управленій, нынѣ въ архивахъ казенныхъ палатъ, въ сей же категоріи. Но, говоря мимоходомъ, оное изслѣдованіе можетъ дать плоды только подъ руками искусными: приступъ профановъ нерѣдко сопровждало истребленіе".

Таковы сокровища, собранныя Путешествующимъ Археографомъ въ теченіи трехъ лѣтъ великаго труда и всевозможныхъ лишеній. Таково содержаніе четырехъ томовъ, привезенныхъ Строевымъ въ Петербургъ. Въ началѣ 1832 года, С. С. Уваровъ рѣшился представить ихъ Императору Николаю I-му. Великій Государь оставилъ всѣ четыре тома у себя на нѣсколько мѣсяцевъ и прочиталъ ихъ „отъ доски до доски". Объ этомъ достопамятномъ дѣяніи Императора, С. С. Уваровъ, въ томъ же 1832 году, торжественно засвидѣтельствовалъ предъ лицемъ Московскаго Университета. Обозрѣвая Университетъ въ качествѣ товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, онъ ска-

залъ собравшимся вокругъ него профессорамъ, въ присутствіи и Пушкина, слѣдующее: „Государь любитъ и хорошо знаетъ Отечественную Исторію; нельзя любить Отечества, не знавши его. Государь четыре тома, собранныхъ Строевымъ документовъ, прочелъ самъ отъ доски до доски“ (Дневникъ Снегирева, напечат. въ книгѣ Ивановскаго *Біографическій Очеркъ И. М. Снегирева*. Спб. 1871, стр. 112. Также—*Вѣстникъ Европы* 1878 г. № 1, стр. 29).

Какое значеніе имѣли въ глазахъ Императора Николая собранные Строевымъ матеріалы, можно видѣть изъ приснопамятныхъ словъ, сказанныхъ Имъ 19-го января 1833 года, въ засѣданіи Государственнаго Совѣта: „Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ“ (Баронъ Корфъ: *Жизнь Гр. Сперанскаго. Спб. 1861*, II, 300).

Въ то самое время когда четыре Строевскіе тома находились въ кабинетѣ Государя, С. С. Уваровъ въ общемъ собраніи Императорской Академіи Наукъ, 21-го марта 1832, читалъ записку, въ которой обратилъ особенное вниманіе на одинъ изъ актовъ, находящихся въ одномъ изъ этихъ томовъ, именно на „*Чинъ вѣнчанія на царство Василія Іоанновича Шуйскаго, 1606 іюня 1-го.* „Еслибы открытія г. Строева“, говорится въ запискѣ Уварова, „ограничивались однимъ симъ безцѣннымъ остаткомъ древности, то и тогда конечно труды его и пожертвованія Академіи, были бы уже достаточно вознаграждены въ глазахъ каждаго знатока Отечественной Исторіи и Словесности“. О рѣчи же Казанскаго Митрополита Гермогена, произнесенной при совершеніи обряда „вѣнчанія на царство“, Уваровъ отозвался такъ: „Въ кругу любителей просвѣщенія нѣтъ нужды объяснять сколь важенъ во всѣхъ отношеніяхъ сей памятникъ—и сколь, между прочимъ, должны насъ изумить. . . чистота, правильность и красота языка нашего въ то время, когда Отечество, едва освобожденное отъ ига Татаръ, являло печальнѣйшую картину завоеванія, междоусобныхъ раздоровъ и всѣхъ бѣдствій, сопровождавшихъ униженіе Русскаго народа—въ то время, когда во Франціи духовное краснорѣчіе облекалось въ форму отвратительную, совершенно варварскую, въ тотъ самый годъ, въ которомъ родился Корнель; когда въ Германіи не было кромѣ Лутера, ни краснорѣчія ни словесности,—въ Англіи, Шекспиръ, какъ ранная звѣзда, одинъ сіялъ на горизонтѣ. — Предоставляемъ любителямъ всего отечественнаго обратить вниманіе на сей феноменъ Исторіи и Словесности нашей и изслѣдовать: какимъ образомъ могъ нашъ языкъ перейти отъ гибкихъ, правильныхъ, ясныхъ, истинно Русскихъ формъ духовнаго нашего краснорѣчія въ началѣ XVII вѣка, до однообразной надутости Ѳеофана и его современниковъ?—и какъ

наконецъ Ломоносовъ вторично открылъ источникъ жизни въ мертвой пустынѣ Русскаго слова?“ (*Записка*. Спб. 1832 стр. 3, 4). Ту же записку Уваровъ, въ бытность свою въ Москвѣ, прочелъ и въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 10-го сентября 1832 года (*Дневникъ* Снегирева, стр. 117, 118). Когда записка эта была напечатана, Уваровъ препроводилъ экземпляръ ея къ Строеву, при чемъ писалъ ему: „Въ первомъ общемъ собраніи Императорской Академіи Наукъ я обратилъ между прочимъ вниманіе членовъ и посѣтителей на одинъ изъ полезнѣйшихъ плодовъ вашей дѣятельности: на отысканную рѣчь Митрополита при коронованіи Василія Ивановича Шуйскаго, прочитавъ оную съ краткимъ отъ меня примѣчаніемъ на счетъ отличительнаго ея достоинства. По желанію нѣкоторыхъ особъ сія рѣчь нынѣ тиснута въ немногихъ экземплярахъ, изъ нихъ одинъ прилагаю, увѣдомляя васъ притомъ, что оный актъ, какъ при чтеніи, такъ и по напечатаніи, принятъ съ всеобщемъ удовольствіемъ и благодарностью, которую и передаю по принадлежности вамъ“ (*А. Е.* II, 179).

Отпечатанная записка Уварова быстро разошлась по рукамъ любителей духовнаго краснорѣчія, и, по желанію многихъ, была оттиснута во второй разъ. По приказанію Уварова, нѣсколько экземпляровъ втораго изданія было отправлено къ Строеву „для раздачи Московскимъ любителямъ“ (*А. Е.* II, 219).

П. М. Строевъ прожилъ въ Петербургѣ мѣсяца полтора и все хлопоталъ по устройству дѣлъ своей Экспедиціи. Такъ, онъ просилъ, между прочимъ Министра Юстиціи дать открытое предписаніе губернскимъ прокурорамъ и уѣзднымъ стряпчимъ, „дабы они указывали остатки старыхъ архивовъ, обыкновенно внѣ гласности, кои не рѣдко скрываютъ отъ свѣдѣнія Археографической Експедиціи“ (*А. Е.* II, 133). Въ Февраля 1832 года, Строевъ получилъ просимый листъ, за подписью Министра Юстиціи Д. В. Дашкова.

Тѣмъ временемъ, Я. И. Бередниковъ, пользуясь своимъ пребываніемъ въ Тихвинѣ, производилъ тамъ археографическіе поиски, о которыхъ сообщалъ Строеву слѣдующее: „Архивъ Богородицаго Тихвинскаго монастыря какъ обиліемъ матеріаловъ, простирающихся до начала XVII столѣтія, такъ и важностію многихъ хранящихся въ немъ актовъ, весьма замѣчателенъ. Открыты здѣсь новые акты, касающіеся древняго каноническаго и гражданскаго права; отысканы нѣкоторыя любопытныя бумаги о свирѣпствовавшей въ Сѣверной Россіи, въ правленіе царя Алексѣя Михайловича, моровой язвѣ, и объ обширной торговлѣ Новгорода и пригородовъ съ Швеціею въ XVII вѣкѣ. Преданія драгоцѣнныя! Тогда были въ Стокгольмѣ Русскіе: факторія, торговый

дворъ и церковь—остатки ли древнихъ торговыхъ сношеній Новгородцевъ съ просвѣщеннымъ Западомъ, или плоды возникшихъ въ началѣ XVII столѣтія тѣсныхъ сношеній Новгорода съ Стокгольмомъ. Примѣчательно, что грамоты, о принятіи въ Сѣверной Россіи карантинныхъ мѣръ, при свирѣпствовавшей въ XVII столѣтіи заразѣ, писаны въ Тихвинъ, изъ Калязина монастыря, отъ имени царевича Алексѣя Алексѣевича. О составленіи списка настоятелей прилагаю должное раченіе". Бередниковъ свидѣтельствуетъ, что успѣшнымъ исполненіемъ даннаго ему порученія онъ обязанъ „покровительству и ревностному споспѣшествованію пользамъ Археографической Експедиціи Отца Архимандрита Тихвинскаго монастыря Иларіона, находящагося въ категоріи тѣхъ почтенныхъ мужей духовнаго сана, кои, прежде сего, въ разныхъ мѣстахъ оказали Експедиціи посильныя услуги" (*А. Е.* II, 146, 147).

Въ концѣ февраля 1832 года, П. М. Строевъ вернулся въ Москву и уже оттуда послалъ приказаніе Бередникову немедленно слѣдовать чрезъ Устюжну и Боровичи до Валдая съ тѣмъ, чтобы въ этомъ мѣстѣ присоединиться къ нему (*А. Е.* II, 149). Однако непредвидѣнныя обстоятельства заставили Строева отсрочить выѣздъ изъ Москвы и измѣнить такимъ образомъ пунктъ соединенія съ Бередниковымъ. „По сей причинѣ, писалъ онъ Бередникову (отъ 14-го марта), исполнивъ предписанное вамъ отъ меня въ городахъ Устюжнѣ и Боровичахъ, имѣете вы заняться тѣмъ же въ Валдаѣ и Крестцахъ, не торопясь излишне". Послѣ того Бередниковъ долженъ былъ ѣхать въ Новгородъ, куда и самъ Строевъ намѣревался ѣхать прямо изъ Москвы. Эти непредвидѣнныя обстоятельства, весьма вѣроятно, заключались въ томъ, что, именно въ это время, Строевъ набрелъ на остатки архива Пушкарскаго Приказа, сваленные „въ сыромъ углу Московскаго Арсенала безпорядочною и сорною громадою бумагъ" (*А. Е.* II, 191). По поводу этой находки, Павелъ Михайловичъ писалъ къ Уварову: „Приказъ Пушкарскій былъ нѣкогда то же, что Военное Министерство въ обширномъ смыслѣ. Мы имѣемъ весьма слабое понятіе о военныхъ постановленіяхъ при царяхъ (въ XVI и XVII столѣтіяхъ) и въ изданномъ Собраніи Законовъ не многое относится къ военному законодательству. Но на все были уставы, учрежденія, указы. Въ такомъ случаѣ разборъ бумагъ Пушкарскаго Приказа, послѣ 1812 г., сваленныхъ грудою въ здѣшнемъ арсеналѣ, безъ сомнѣнія, доставитъ не мало любопытныхъ актовъ" (*А. Е.* II, 157).

Но чтобы получить доступъ во вновь открытый Пушкарскій архивъ, нужно было просить разрѣшеніе Военнаго Министра. Вслѣдствіе просьбы Уварова, генералъ отъ кавалеріи Графъ Чернышовъ

предложилъ директору Артиллерійскаго Департамента генералу отъ артиллеріи Игнатьеву: „учинить немедленно распоряженіе о допущеніи Строева къ разборкѣ бумагъ Пушкарскаго Приказа" (*А. Е.* II, 171). Послѣ того Строевъ обратился, съ своей стороны, въ Московское Артиллерійское Депо съ слѣдующимъ отношеніемъ: „Намѣреваясь заняться грудою старинныхъ бумагъ, лежащихъ въ Московскомъ Арсеналѣ и членомъ сего Депо г. Полковникомъ и Кавалеромъ Пребстингомъ мнѣ вчера указанныхъ, я нахожу необходимымъ, чтобы оная груда была предварительно разобрана по форматамъ бумагъ, а именно: a) листовыя тетради, b) четвертныя, c) столпцы и d) отрывки; каковую работу можетъ произвести весьма удобно всякой, кому сіе поручено будетъ. Побуждаясь многими причинами, особенно тѣмъ, что не могу остаться въ Москвѣ долѣе половины мая, ускорить разборъ оныхъ бумагъ, я покорнѣйше прошу Московское Артиллерійское Депо сдѣлать необходимое распоряженіе къ вышеписанной разсортировкѣ бумагъ (къ 18-му сего апрѣля) и о послѣдующемъ меня увѣдомить" (*А. Е.* II, 185). Отвѣтъ Депо замѣчателенъ по своему правописанію: „Поотношенію Вашего Высокоблагородія Сего Апрѣля Отъ 6-го, за № 111, отдепо Члѣну Господину Полковнику Пребстингу предписано. Находящіяся въ Московскомъ Арсеналѣ бумаги Старыхъ делъ Архива, разобрать предназначеннымъ вами порядкомъ Къ 18 числу Сего Мц҃а; Очемъ Оное васъ Симъ увѣдомляетъ" (*А. Э.* II, 185).

При разборѣ бумагъ Пушкарскаго Приказа, находившихся, по выраженію Строева, „въ отвратительномъ безпорядкѣ", открыто нѣсколько столпцовъ, относящихся къ разнымъ древнимъ постройкамъ въ Москвѣ. Здѣсь же оказалось нѣсколько свѣдѣній о фабрикахъ и заводахъ въ Россіи, о чемъ Строевъ не замедлилъ сообщить Гамелю (*А. Э.* II, 200).

Одновременно съ разборомъ бумагъ стараго Пушкарскаго Приказа, Строевъ началъ свои работы въ Патріаршей библіотекѣ. По поводу этой библіотеки Строевъ писалъ Фусу: „Хотя Карамзинъ и другіе ученые кое что позаимствовали изъ нея, но и мнѣ посчастливилось уже сдѣлать изрядныя находки. Рукописей въ ней болѣе девятисотъ, а потому и работы довольно" (*А. Е.* II, 168). Въ это же самое время, Строевъ успѣлъ подробно осмотрѣть и рукописныя книги библіотеки Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, „коихъ прежде не имѣлъ случая видѣть" (*ibid*) и по желанію А. Ѳ. Малиновскаго, составилъ два реестра архивскихъ рукописей (*А. Е.* II, 175).

Между тѣмъ, съ наступленіемъ мая мѣсяца, времени наиболѣе удобнаго для возобновленія археографическихъ поѣздокъ, нашъ путешествующій Археографъ началъ приготовляться къ отъѣзду въ Ве-

ликій Новгородъ. Тѣмъ временемъ мы успѣемъ упомянуть о послѣднихъ сношеніяхъ его съ ученымъ міромъ. Начнемъ съ нашего стараго знакомаго почтеннаго Графа Ѳедора Андреевича Толстаго. Сношенія Строева съ Графомъ не прекращались и послѣ продажи библіотеки послѣдняго. Бывая въ Петербургѣ, Строевъ постоянно посѣщалъ Графа Ѳедора Андреевича и все время велъ съ нимъ переписку, исключая 1831 года, когда въ Петербургѣ свирѣпствовала холера. Графъ оставался все тѣмъ-же страстнымъ библіоманомъ. Строевъ свидѣтельствуетъ, что во время послѣдняго своего пребыванія въ Петербургѣ доставилъ Графу „кой какую старину, большею частію даромъ". Какъ бы въ благодарность за это Графъ Толстой присылаетъ женѣ Строева „кусокъ матеріи" при письмѣ, въ которомъ читаемъ: „Препровождается при семъ для любезной моей кумушки, кусокъ матеріи, который я отнялъ у дочери моей *); она, какъ не послѣдняя модница, выбрала его для себя, по сему можешь судить, что эта матерія послѣдней моды; желаю кумушкѣ съ удовольствіемъ его износить". Въ другомъ письмѣ Графъ пишетъ: „Пожалуйста любезный, увѣдомь меня, изъ Новгорода, какъ адресовать на твое имя писма мои: неровно случится попросить тебя о какомъ нибудь манускрипцѣ; прошу имѣть въ памяти, что я ими занимаюсь". (*Письма*, II, № 248, 249).

Мы уже видѣли какъ отнесся Дерптскій Университетъ къ дѣлу Археографической Экспедиціи при самомъ ея учрежденіи. Тамошній Профессоръ, почтенный Клоссіусъ, продолжалъ и въ послѣдующее время съ любовію слѣдить за дѣйствіями Экспедиціи и Строевъ считалъ долгомъ, отъ времени до времени, сообщать ему о своихъ находкахъ. Клоссіусъ, въ одномъ изъ писемъ поблагодаривъ Строева „за ласковое воспоминаніе о немъ среди многихъ различныхъ и тягостныхъ трудовъ своихъ", сообщилъ ему любопытное извѣстіе, найденное имъ въ періодическомъ изданіи Гадебуша: *Lifl. Yahrbucher* 4. Riga 1783 года § 349, о библіотекѣ Князя Меншикова. По этому извѣстію, библіотека Ижорскаго князя состояла изъ тринадцати тысячъ томовъ, въ числѣ коихъ находились до трехъ тысячъ „самыхъ рѣдкихъ изъ Константинополя и другихъ мѣстъ вывезенныхъ книгъ, которыя по Высочайшему повелѣнію отправлены въ Михайловскій монастырь, близь Москвы. „Признаюсь", пишетъ Клоссіусъ, „мнѣ не извѣстенъ тамъ монастырь сего имени, замѣчу только, что въ грамотѣ объ избраніи Михаила Ѳедоровича, такъ названъ Чудовъ монастырь. Едва осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить васъ, въ случаѣ ежели бы вамъ

*) Графиня Аграфена Ѳедоровна Закревская.

удалось опять найдти какое нибудь латинское или греческое сочиненіе, благоволить меня увѣдомить о томъ" (*Письма*, II, № 194). Передъ самымъ отъѣздомъ въ Новгородъ у Строева начались весьма частыя и оживленныя сношенія съ Н. Г. Устряловымъ, по поводу предпринятаго послѣднимъ изданія сочиненій Князя Курбскаго. Документы, сохранившіеся въ бумагахъ Павла Михаиловича, свидѣтельствуютъ, что онъ принималъ не малое участіе въ семъ изданіи Устрялова и что при этомъ случаѣ впервые былъ употребленъ въ дѣло его *Библіологическій Словарь*. Переписка начинается съ письма Устрялова отъ 20-го мая 1832 года, въ которомъ онъ пишетъ Строеву: „С. С. Уваровъ, принимая особенное, для меня весьма лестное, участіе въ изданіи сочиненій Кн. Курбскаго и желая доставить мнѣ всѣ возможныя средства къ исполненію сего предпріятія, поручилъ покорнѣйше просить васъ доставить или ему или прямо мнѣ хорошій списокъ Курбскаго, который, какъ онъ полагаетъ, вы имѣете; сверхъ того, сообщить все, что только можетъ пояснить сочиненія и жизнь Курбскаго, въ особенности если попадутся вамъ какія либо старинныя грамоты. Исполняя симъ волю Его Превосходительства, съ своей стороны имѣю честь присовокупить, что я имѣю слѣдующіе списки Курбскаго: 1) Противень съ стариннаго списка, доставленный мнѣ Бороздинымъ, который, сколько помню, вы у меня видѣли; 2) Эрмитажный съ замѣчаніями Екатерины II, новый, поправленный; 3) Румянцовскій—довольно изрядный, но также новый; 4) Софійскій, временъ Алексѣя Михайловича изъ библіотеки Духовной Академіи — весьма хорошій. Сверхъ того въ Степенной книгѣ Макарія—рукописной временъ Алексѣя Михаиловича—я нашелъ посланіе Іоанна IV къ Курбскому и отвѣты его; изъ сего вы видите, что списковъ у меня довольно; по крайней мѣрѣ можно добраться до смысла автора; но мнѣ хотѣлось бы издать его наилучшимъ образомъ—для сего нуженъ списокъ старый и вѣрный, который служилъ бы основаніемъ: такой списокъ вы вѣрно имѣете въ виду и не откажетесь удовлетворить желанію Его Превосходительства. Еще долженъ я сказать, что Сергѣй Семеновичь меня весьма торопитъ". На это письмо Строевъ отвѣчалъ: „Намѣреніе издать сочиненія кн. Курбскаго достойно нынѣшняго времени и, безъ сомнѣнія, наитіе цензуры будетъ самое малое. Вы не дурно сдѣлали, что отнеслись ко мнѣ: я могу указать вамъ почти современный прекрасный списокъ всѣхъ сочиненій Курбскаго и сообщить другія указанія изъ моихъ портфелей Исторіи Литературы. Въ суботу я отправляюсь въ Новгородъ и по прибытіи тотчасъ могу удовлетворить васъ. Между тѣмъ должно вамъ замѣтить, что предписаніемъ Академическаго начальства я и мои помощ-

ники обязаны строго не сообщать никакихъ пріобрѣтеній Археографической Експедиціи никому изъ стороннихъ людей. По сей причинѣ потрудитесь испросить отъ Его Превосходительства Сергія Семеновича *официальное* позволеніе". Въ концѣ письма Строевъ прибавляетъ: „На дняхъ я вымѣнялъ у книгопродавца Ширяева ваши *Сказанія* о Самозванцахъ и прочелъ почти цѣлаго Бера; возму сію любопытную книгу съ собою въ Новгородъ. Подарите меня экземпляромъ Боплана" (*А. Е.* II, 222). Письмо это привело въ восторгъ Устрялова и онъ писалъ Строеву: „Вѣчная вамъ благодарность! Вы вѣрно никогда не любовались столько археологическими находками, сколько я вашимъ письмомъ. Ради нашей бѣдной Исторіи, не откажите помочь мнѣ въ изданіи Курбскаго. Я въ тотъ же день какъ получилъ отъ васъ письмо, поскакалъ къ С. С. Уварову и разсказалъ ему о вашемъ затрудненіи; онъ велѣлъ секретарю написать къ вамъ... Главное дѣло въ спискѣ, боюсь только не разумѣете ли вы списокъ покойнаго Суллакадзія: тутъ ничего не возмешь. Я былъ у вдовы его съ К. М. Бороздинымъ и предлагалъ ей значительную сумму — но не успѣлъ уговорить; хочетъ, чтобы купили всѣ ея книги и при томъ за 25 т. р.! Однимъ словомъ, сладить съ ней нѣтъ никакой надежды. Не менѣе драгоцѣнны будутъ свѣдѣнія, которыя вы обѣщаете сообщить изъ вашихъ портфелей. Составить свѣдѣнія біографическія о всѣхъ лицахъ, и въ особенности указать степень достовѣрности Курбскаго безъ вашей помощи нельзя: тутъ нужны матерьалы. Изданіе Курбскаго будетъ великолѣпное: приложу портретъ Грознаго и, если достану, почеркъ Іоанна и Курбскаго. Будьте увѣрены, что съ своей стороны я употреблю всѣ средства, чтобы оправдать ваше доброе ко мнѣ расположеніе. Требуйте отъ меня чего угодно: все, что могу, исполню немедленно. Переводчикъ Боплана, братъ мой, посылаетъ вамъ луковичную гусятину — къ сожалѣнію не въ ящикѣ изъ *краснаго мрамора*. Говорятъ, что такихъ ящиковъ у насъ въ Россіи нѣтъ, да и въ Польшѣ ихъ не видно. Жаль, что вы не хотѣли сказать слова два о моихъ *Сказаніяхъ*: кому было лучше подарить ихъ если не вамъ? Посылаю хотя Боплана для разсѣянія вашего въ монастырскихъ библіотекахъ" (*А. Е.* II, 225, 226). Вслѣдъ за симъ Строевъ получилъ официальную бумагу отъ Уварова, въ которой онъ разрѣшаетъ ему прислать въ Петербургъ хорошій списокъ Курбскаго, а равно и имѣющіеся въ портфеляхъ Експедиціи документы и свѣдѣнія (*А. Е.* II, 228). За тѣмъ, Строевъ отправилъ на имя Уварова „нужныя г. Устрялову свидѣнія о писаніяхъ кн. Курбскаго, а къ самому Устрялову написалъ слѣдующее замѣчательное письмо, уже изъ Новгорода: „Поспѣшаю удовлетворить ваше желаніе чѣмъ могу;

что̀ и впередъ встрѣчу, все къ услугамъ вашимъ. Предпріятіе ваше столь важно, что невозможно быть къ нему равнодушнымъ. Дай Богъ чтобы и удалось совершить его какъ слѣдуетъ. Приступимъ къ дѣлу:

1) Самый лучшій и почти современный списокъ едва не всѣхъ писаній Князя Курбскаго находится въ Сvнодальной библіотекѣ, въ Москвѣ, подъ № 136 (по новому ея каталогу), in f°, на 266-ти листахъ, скорописью. Туда онъ поступилъ изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и Карамзинъ имъ пользовался. Прилагая при семъ обстоятельную рецензію сей важной рукописи, изъ моихъ портфелей литературы Славяно-Россійской. Такъ я рецензирую всѣ ея памятники, дабы современемъ издать Словарь *Историко-Литературный*. Вамъ необходимо добыть оную рукопись, иначе лучше повременить предпріятіемъ, такъ она важна. Его Превосходительству Сергію Семеновичу, безъ сомнѣнія, возможно убѣдить г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора Князя П. С. Мещерскаго, чтобы ее вытребовали изъ Москвы въ Синодъ; а тамъ вамъ не трудно будетъ ею пользоваться. Не худо сдѣлаете если предварительно попросите о семъ (даже отъ имени моего) дѣйствительнаго статскаго совѣтника С. Д. Нечаева, живущаго вмѣстѣ съ княземъ (за Аничковымъ мостомъ въ домѣ Комиссіи Духовныхъ училищъ). Они дѣлаютъ иногда такія требованія безъ труда и, я полагаю, не будетъ здѣсь большаго препятствія. 2) Списокъ сказанія о жестокостяхъ царя Іоанна Васильевича есть еще той же библіотеки въ № 483 (по новому каталогу), in 4° л. 835—851, также бывшій у Карамзина; но его требовать не для чего. Вамъ стоитъ списать такое же (кажется) сказаніе въ бывшей библіотекѣ Графа Толстаго (нынѣ въ Императорской Публичной) отд. IV № 39, л. 1—30, и послать въ Москву къ г. Погодину, который безъ труда свѣритъ сіе съ оною Синодальною рукописью № 483. 3) Въ Степенной Книгѣ, подаренной въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ г. Каблуковымъ, находится подъ 7072 годомъ (ст. 17, гр. 17) первое посланіе Курбскаго и отвѣтъ на него Царскій. Списокъ хорошій. Если Его Превосходительство Сергій Семеновичъ отнесется къ Управляющему Архивомъ Сенатору А. Ѳ. Малиновскому, вы будете имѣть вѣрную копію; въ этомъ смѣло васъ увѣряю. 4) Кромѣ сихъ указаній, въ непродолжительномъ времени, надѣюсь доставить вамъ списокъ посланія князя Курбскаго въ Псково-Печерскій монастырь, коего нѣтъ въ вышепоказанныхъ рукописяхъ. 5) Напрасно вы хлопочете слишкомъ около г-жи Сулакадзи. Еще при жизни покойника я разсматривалъ книжныя его сокровища, кои Графъ Толстой намѣревался тогда купить. Не припомню тамъ списка Курбскаго, но поддѣлки и приправки, впрочемъ весьма неискусныя, на большей части рукопи-

сей и теперь еще мнѣ памятны. Тогда не трудно было морочить. 6) Принимаясь комментировать Князя Курбскаго, вамъ необходимо прочитать весьма дѣльныя замѣчанія г. Арцыбашева въ *Вѣстникѣ Европы* 1821 № 12, 18 и въ другихъ мѣстахъ. На зло нѣкоторымъ журнальнымъ крикунамъ, г. Арцыбашевъ одинъ изъ первыхъ Археологовъ нашего времени. 7) Относительно переводовъ, какъ доселѣ называли, Князя Курбскаго, замѣчу, что онъ не переводилъ, а только перелагалъ, выправлялъ переведенное другими съ Греческаго и Латинскаго; самъ же не зналъ сихъ языковъ, да и другихъ, кромѣ Польскаго. Образъ сего переложенія онъ объясняетъ въ ст. 11 Синодальной рукописи № 136 (см. мою Рецензію). Тамъ онъ говоритъ, что племянника своего, князя Михаила Оболенскаго, посылалъ нарочно въ Краковъ, на три года, для изученія Латыни. Нѣсколько и другихъ свѣдѣній о князѣ Курбскомъ можно выбрать изъ разныхъ мѣстъ его посланій. Разумѣется, что оныхъ переводовъ или переложеній издавать не для чего. 8) Желаніе ваше пріобщить факсимиле почерка царя Іоанна и князя Курбскаго (будьте великодушны къ моей откровенности!) показываетъ еще малую опытность вашу въ нашей старинной письменности. Эти вещи возможны только Сулакадзію и Свиньину. Чтожъ касается до изображенія царя Іоанна Васильевича, то у Одерборна (или въ иной иностранной книгѣ того времени), помнится, есть оное; а прилагать копію съ какого либо живописнаго портрета, который выдаютъ за современный, какихъ и быть не могло, по религіознымъ понятіямъ того времени, едва ли не безполезно? Развѣ для газетнаго объявленія: съ этимъ я согласенъ, желая вамъ отъ чистаго сердца и славы и денежныхъ выгодъ. 9) Особенно не торопитесь изданіемъ и старайтесь сколько возможно о вѣрности текста и варіантахъ. Это важнѣе самыхъ примѣчаній, которыя, говоря мимоходомъ, должны быть и пояснительныя и критическія. Не увлекайтесь Сказаніями Курбскаго (грѣхъ Карамзина!) и повѣряйте его ангеловъ и пришлецовъ тьмы кромѣшной Лѣтописцами и иными актами (напримѣръ: Запись митрополита Филиппа 1566 въ Собр. Госуд. Грам. ч. II). Жаль, что недосугъ мѣшаетъ мнѣ бесѣдовать съ вами о подробностяхъ; но не буду ли свободнѣе въ послѣдствіи?

Вотъ вамъ и мое мнѣніе, и мои указанія, и мои совѣты; впрочемъ, какъ говорили наши предки, вольному воля. Только снова повторяю: безъ синодальной рукописи № 136 вамъ не сладить съ Курбскимъ при всемъ рвеніи вашемъ" (*А. Е.* II, 231, 232).

Рецензію Синодальнаго списка сочиненій Курбскаго Устряловъ получилъ чрезъ С. С. Уварова. Благодаря за эту посылку, Устряловъ писалъ Строеву: „Это такой подарокъ, какого я могъ ожидать

только отъ вашей любви къ Русской Исторіи. Нечаевъ далъ мнѣ слово выписать Синодальный Списокъ. Мнѣ дѣйствительно необходимъ такой списокъ, какой вы указали. Онъ весьма сходенъ, судя по оглавленію и расположенію статей съ спискомъ К. М. Бороздина: только послѣдній новъ съ пропусками отъ невѣжества писца; а другіе не замѣняютъ его. Я досталъ еще копію списка Казанскаго Общества Любителей Древностей, свѣренный и подписанный Арцыбашевымъ. Въ Духовной Академіи я нашелъ Степенную книгу Селлія, въ коей есть переписка Царя съ Курбскимъ; находка чрезвычайно важная, ибо этотъ списокъ очень исправенъ. Списокъ Толстаго я знаю: никуда не годится. Не опасайтесь моей опрометчивости. Я знаю, сколь должно быть осторожнымъ въ текстѣ. Это главное. А ваши добрые и весьма полезные для меня совѣты еще болѣе заставляютъ быть осмотрительнымъ. У Арцыбашева дѣйствительно много хорошаго; но съ чего онъ взялъ, будто Король подарилъ Курбскому Ковно, вмѣсто Ковель? Вы меня журите за портретъ, и по дѣломъ. Только я не могу съ нимъ разстаться; для публики нашей нуженъ. Притомъ же А. Н. Оленинъ сообщилъ мнѣ *превосходный*, не живописный, а изъ рукописи, въ коей собраны портреты отъ Іоанна до Алексѣя: послѣдній онъ награвировалъ для своихъ Рязанскихъ Древностей“ (*А. Е.* II, 236, 237). На это письмо Строевъ отвѣтилъ лишь 12-го декабря 1832 года: „Безпрерывныя заботы, хлопоты и хлопотишки“, писалъ онъ, „были причиною, что я почти забылъ о данномъ вамъ обѣщаніи: доставить посланіе Курбскаго въ Псковопечерскій монастырь. Оно готово. Можете ли повременить до святокъ, когда я явлюсь въ Петербургѣ. Отъ Синодальнаго ризничаго я узналъ, что Сборникъ сочиненій Курбскаго уже давно отсюда отправленъ. Радуюсь душевно и полагаю работа ваше уже на готовѣ. Въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ 1821 г., поступилъ въ числѣ другихъ рукописей полный списокъ Курбскаго, похожій на Синодальный. Сей списокъ во времена умоpазстройства К. Ѳ. Калайдовича исчезъ. На дняхъ мнѣ посчастливилось открыть слѣды его. Начальство хлопочетъ о возвращеніи. Если онъ поступитъ снова въ Архивъ, я постараюсь выпросить и привезти его съ собою. Простите. Будьте здоровы и преуспѣвайте въ трудахъ на славу родимой Кліо“ (*А. Е.* II, 348). Устряловъ не замедлилъ благодарить и за это письмо. „Благодарю васъ отъ всей души и отъ всего сердца за письмо ваше и воспоминаніе обо мнѣ“, писалъ онъ Строеву, отъ 17-го декабря. „Я горю нетерпѣніемъ узнать посланіе Курбскаго. Вы не совсѣмъ угадали: работа моя не только на готовѣ, но уже готова. Вы вѣрно пожурите меня за поспѣшность; но позвольте сказать въ свое оправ-

даніе: три мѣсяца, каждый Божій день, я работалъ по шести часовъ въ Коммиссіи Духовной, свѣряя списанный хорошій списокъ съ Патріаршимъ, не спалъ цѣлыя ночи и никогда не проводилъ такого лѣта. Какъ я обязанъ вамъ за Патріаршій списокъ. Безъ него рѣшительно нельзя было приступить къ дѣлу. Думаю, что вамъ понравится моя работа: я съ своей стороны не могу ею налюбоваться. Добро, зѣло добро, реку съ Курбскимъ; если бы вы доставили кой что и кромѣ сего—именно для критическихъ замѣчаній" (*А. Е.* II, 349, 350).

Въ это же время искалъ доступа къ портфелямъ Археографической Экспедиціи другой ученый, именно г. Гагемейстеръ *), авторъ сочиненія *О финансовой системѣ древней Россіи*, удостоеннаго отъ Академіи Демидовской преміи; но съ условіемъ дополнить сочиненіе новѣйшими открытіями. Гагемейстеръ получилъ отъ Уварова каталогъ открытыхъ Строевымъ рукописей; но самими рукописями Уваровъ дозволилъ ему пользоваться не иначе какъ съ дозволенія Строева. Вслѣдствіе сего Гагемейстеръ упросилъ своего сослуживца по Второму Отдѣленію В. М. Строева, написать объ этомъ своему брату. О дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла не сохранилось никакихъ свѣдѣній въ бумагахъ Павла Михаиловича.

Въ то самое время, когда Строевъ трудился неутомимо въ Московскихъ библіотекахъ и архивахъ, его помощникъ Бередниковъ успѣшно совершалъ археографическіе поиски въ предѣлахъ Новгородской губерніи. Свѣдѣнія объ этихъ поискахъ сохранились въ донесеніяхъ Бередникова. Живя въ Устюжнѣ съ 22-го февраля, онъ осмотрѣлъ старые архивы: соборный, нѣсколькихъ приходскихъ церквей и Магистрата, при чемъ найдено: I) двѣ любопытныя *несудимыя* грамоты: царя Василія Шуйскаго Устюжскимъ, Воздвиженской и Димитрія Селунскаго церквей, причетникамъ, 1606 декабря 30-го и Царя Михаила, Димитрія Селунскаго церкви, 1619 г. сентября 21-го, изъ коихъ видно, что бѣлое Духовенство пользовалось вотчинами на общемъ правѣ. II) Двѣ весьма важныя *Уставныя* грамоты Царя Михаила, 1614 г. іюня 5, съ прописаніемъ *судныхъ* грамотъ царя Іоанна, данныхъ Устюжанамъ. III) *уставная* грамота Царя Ѳеодора Іоанновича о перевозахъ и мытахъ, 1596 г. декабря 13-го (*А. Е.* II, 186). Кромѣ того Бередниковъ осмотрѣлъ Архивъ Устюжинскаго уѣзднаго суда, въ которомъ также нашлось нѣсколько примѣчательныхъ въ юридическомъ отношеніи актовъ XVII вѣка (*А. Е.* II, 195). Въ Тихвинскомъ Успенскомъ монастырѣ Бередниковъ пріобрѣлъ боль-

*) Нынѣ Статсъ-Секретарь и Сенаторъ.

шую коллекцію документовъ, принадлежащихъ къ исторіи Стрѣлецкихъ бунтовъ, и кажется, *полное дѣло* объ отчужденіи отъ Константинопольскаго Патріаршаго престола, и присоединеніи къ Московскому, Кіевской Митрополіи (1683 — 1686). „Дѣло сіе, писалъ онъ Строеву, „любопытно многими, неизвѣстными обстоятельствами“ (*А. Е.* II, 186, 187).

Изъ Устюжны Бередниковъ отправился въ Боровичи, но въ здѣшнихъ архивахъ (Духова монастыря, приходскихъ церквей и присутственныхъ мѣстъ) никакихъ старыхъ бумагъ не оказалось. То же самое и въ Валдаѣ, куда онъ прибылъ 16-го апрѣля. Стоявшій на озерѣ ледъ мѣшалъ поѣздкѣ Бередникова въ окрестный съ Валдаемъ Иверскій монастырь; при первой же возможности Бередниковъ отправился въ эту обитель и нашелъ тамъ любопытную переписку Патріарха Никона съ Иверскими настоятелями. Архивъ Иверскій, по свидѣтельству Бередникова, количествомъ столпцовъ не уступитъ Архивамъ Кирилловскому и Тихвинскому. Библіотека же „въ археографическомъ отношеніи не значительна“. Не найдя и въ Крестцахъ хранилищъ старины, Бередниковъ поспѣшилъ въ Великій Новгородъ, куда и прибылъ 8-го мая. Между тѣмъ, Строевъ извѣстилъ Бередникова, что онъ не можетъ прибыть въ Новгородъ прежде исхода мая и при этомъ предписывалъ ему заняться *разборомъ столпцовъ* въ архивахъ Новгородскихъ монастырей или присутственныхъ мѣстъ, гдѣ будетъ удобнѣе, „не касаясь до его пріѣзда Софійскаго книгохранилища“. Строевъ совѣтовалъ своему помощнику взглянуть также на всѣ вообще Новгородскія хранилища старины, дабы сообщить ему предварительныя свѣдѣнія о числѣ ихъ, древности бумагъ, и проч. (*А. Е.* II, 200 об.). Не смотря на запретъ Начальника не *касаться* Софійскаго книгохранилища, Бередниковъ не удержался отъ искушенія „*взглянуть*“ на сію святыню и сообщилъ, что въ Книгохранилищѣ, кромѣ старопечатныхъ, находится, примѣрно, до 1400 рукописей.

Такъ какъ другихъ хранилищъ Новгородскихъ, ни церковныхъ, ни присутственныхъ мѣстъ *) не оказалось, то Бередниковъ счелъ полезнымъ начать свои „археографическіе поиски“ съ монастырей Хутынскаго, Деревяницкаго и Антоніева (*А. Е.* II, 204 об.).

На бѣду Бередникова, въ № 16-мъ *Сына Отечества* 1832 года, опять появилась статья за его подписью, подъ заглавіемъ: *Краткое извѣстіе о Тихвинскомъ Введенскомъ женскомъ монастырѣ.* Читатель припомнитъ о данной Бередниковымъ подпискѣ, не имѣть никакихъ сношеній съ журналистами во все время Археографическаго путе-

*) Архивы Новгородскихъ присутственныхъ мѣстъ сгорѣли въ 1811 году.

шествія, а потому пойметъ его отчаяніе. Онъ послалъ Строеву оправдательное письмо, въ которомъ объяснилъ, что вновь помѣщенная статья писана имъ еще до его вступленія въ Археографическую Экспедицію. „Я чувствую“, пишетъ, между прочимъ, Бередниковъ, „что надо мною ходитъ какая-та зловѣщая звѣзда. При всей ревности моей къ службѣ, непріятные случаи рождаются, какъ гидры подъ палицей Геркулеса. Скорблю,—и чувствую, что здоровье мое разрушается. Сугубо сокрушаюсь, зная, пріятенъ-ли и для васъ, котораго я душевно уважаю, этотъ новый, несчастный казусъ. Стоило бы только предувѣдомить Греча? Можетъ быть, онъ этой пагубной для меня статьи и не печаталъ бы! При семъ необходимымъ долгомъ поставляю завѣрить васъ, что за симъ никакихъ уже бумагъ моихъ въ портфеляхъ Греча не находится“ (*А. Е.* II, 214, 215).

Тревога Бередникова оказалась напрасною. На этотъ разъ, статья его прошла не замѣченною.

28-го мая 1832 года, П. М. Строевъ выѣхалъ, наконецъ, изъ Москвы и направился въ Великій Новгородъ къ Св. Софіи. Онъ прожилъ въ Новгородѣ до 28-го іюля, „непрерывно работая“ въ Софійской библіотекѣ, которую успѣлъ пересмотрѣть во всей подробности. (*А Е.* II, 238). Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о важныхъ находкахъ, сдѣланныхъ въ это время Строевымъ въ обильной древними рукописями Софійской библіотекѣ. Объ этомъ найдутся вѣроятно свѣдѣнія въ *Библіологическомъ Словарѣ* Строева, изданіе котораго нынѣ дѣятельно совершается Академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ. Съ внутреннимъ же составомъ Библіотеки, Строевъ познакомилъ насъ еще въ 1823 году *). Кромѣ того, Библіотека Св. Софіи славилась своимъ собраніемъ старопечатныхъ книгъ, которое послужило пособіемъ для Строева при *Описаніи старопечатныхъ книгъ Славянскихъ, служащемъ дополненіемъ къ Описаніямъ библіотекъ Графа Ѳ. А. Толстова и купца Царскаго* (*М.* 1841).

Во время пребыванія въ Новгородѣ, П. М. Строевъ былъ обрадованъ монаршею милостію, первымъ вѣстникомъ которой былъ тотъ же неизмѣнный доброжелатель Павла Михайловича, Графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой: „Наконецъ имѣю удовольствіе поздравить тебя кавалеромъ Святыя Анны 2-й степени: я ожидалъ не болѣе третьей. Вчерась нарочно пріѣхалъ ко мнѣ Сергѣй Семеновичь Уваровъ, поздравить съ новымъ кавалеромъ, и я такъ етому обрадовался, что чуть не задушилъ его поцалуями; и въ самомъ дѣлѣ ето довольно важно, въ твоемъ чинѣ не многіе етотъ орденъ получаютъ. На-

*) Стр. 75—78.

дѣюсь, что ты не замедлишь благодарностью Сергѣю Семеновичу“ (*Письма*, II, 250). По поводу полученной награды, Строевъ прежде всего обратился съ благодарственнымъ письмомъ (отъ 15-го іюля) къ Академику Кругу, въ которомъ писалъ слѣдующее: „Я имѣлъ удовольствіе получить партикулярное извѣщеніе о пожалованіи меня кавалеромъ Св. Анны 2-й степени. Относя столь лестную награду не столько трудамъ и успѣхамъ моимъ, сколько обязательному предстательству вашему за меня предъ Его Превосходительствомъ г. Президентомъ Академіи, я поспѣшаю принесеніемъ вамъ нелицемѣрной моей благодарности. Вы виновникъ бытія Археографической Експедиціи, и вы неизмѣнный ея покровитель! Безъ особеннаго покровительства и великодушной снисходительности я изнемогъ бы подъ бременемъ дѣла, мною предпринятаго“ (*А. Е.* II, 238).

Вслѣдъ за тѣмъ, именно письмомъ отъ 25-го іюля, Строевъ благодарилъ и Уварова: „Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* я имѣлъ честь прочитать радостное для меня извѣстіи о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи мнѣ ордена Св. Анны 2-й степени. При совершенной увѣренности, что сею, весьма лестною, наградою я обязанъ не трудамъ моимъ, но великодушному покровительству, коимъ Ваше Превосходительство ущедряете Археографическую Экспедицію, мнѣ остается просить благосклоннаго позволенія принести Вашему Превосходительству нелицемѣрную благодарность за монаршую милость, мнѣ исходатайствованную.—Да не лишусь и на будущее время снисходительнаго вниманія вашего къ посильнымъ трудамъ моимъ“ (*А. Е.* II, 241).

Во время археографическихъ поисковъ въ Новгородскихъ монастыряхъ, Строевъ неминуемо долженъ былъ имѣть личныя сношенія съ знаменитымъ Юрьевскимъ архимандритомъ Фотіемъ, но, къ сожалѣнію, въ бумагахъ его не сохранилось по этому предмету никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ. Желая хоть сколько нибудь восполнить этотъ досадный пробѣлъ, я позволю себѣ обратиться къ моимъ личному воспоминаніямъ о Павлѣ Михайловичѣ. 27-го іюля 1875, бывъ въ Москвѣ, проѣздомъ въ деревню, я, по обычаю, явился на поклонъ къ знаменитому, но уже престарѣлому Археографу, котораго засталъ за чтеніемъ *Русской Старины* Семевскаго. На вопросъ мой: какую статью читаете? Онъ отвѣтилъ: „Объ архимандритѣ Фотіѣ“. Вы знали его лично? „И очень. Его теперь клеймятъ; но я сохраняю о немъ благодарное воспоминаніе. Будучи въ 1832 году въ Новгородѣ, я бывалъ у него часто и по долгу бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ не только внѣшнимъ образомъ содѣйствовалъ Археографической Експедиціи, но и вполнѣ сознавалъ ту пользу, которую она можетъ принести Русскому

просвѣщенію. При посѣщеніяхъ моихъ, онъ всегда просилъ сообщать ему о находкахъ и объяснять ихъ значеніе“.

Изъ Новгорода Строевъ отправился 28-го іюля во Псковъ; но тамошніе архивы представили „весьма не многое для археографическаго дѣла“ (*А. Е.* II, 249). Поиски Бередникова не были счастливѣе. Онъ доносилъ Строеву, что „страна Псковская письменными памятниками старины до невѣроятности скудна“. Только въ Великихъ Лукахъ удалось ему открыть „малый остатокъ архива воеводскаго, но и въ немъ примѣчательнаго оказалось немного“ (*А. Е.* II, 274). Къ этимъ неудачамъ Экспедиціи, присоединились затрудненія денежныя. Еще въ началѣ іюля, Строевъ, находясь въ Новгородѣ, извѣщалъ Фуса, что полученная имъ, въ началѣ 1832 года, сумма 6000 р. ас. должна израсходоваться въ августѣ; по этому онъ просилъ Академію о своевременномъ отпускѣ ему остальныхъ четырехъ тысячъ (*А. Е.* II, 235). За тѣмъ, Строевъ, сдѣлавъ „аккуратный расчетъ остающейся у него суммы и предстоящимъ издержкамъ до сентября мѣсяца, обратился къ Фусу съ другимъ письмомъ, отъ 16-го іюля, въ которомъ просилъ выслать въ Псковъ 500 руб. въ счетъ означенныхъ 4000 руб. (*А. Е.* II, 239). Но оба эти письма остались безъ отвѣта. Между тѣмъ, у Строева, по пріѣздѣ его во Псковъ, осталось денегъ „не болѣе какъ на полторы недѣли“ (*А. Е.* II, 249). Въ виду такой крайности, Строевъ отправилъ Фусу третье письмо, отъ 5-го августа: „Я вынуждаюсь необходимостію (писалъ онъ) въ *третій* разъ покорнѣйше просить васъ, Милостивый Государь, о немедленной высылкѣ сюда пяти или шести сотъ рублей изъ четырехтысячной суммы, слѣдующей мнѣ на сей годъ. Въ случаѣ же дальнѣйшей неприсылки денегъ, мнѣ нѣтъ возможности содержать Експедицію, ни начать разъѣзды по губерніи“ (*А. Е.* II, 249). Въ то же время Строевъ писалъ и къ Кругу, прося его „милостиваго посредничества“ (*А. Е.* II, 250).

Въ ожиданіи отвѣта отъ Фуса, Строевъ, въ видахъ обезпеченія Экспедиціи возможными удобствами въ предстоявшемъ путешествіи по Тверской епархіи, отъ 8-го августа, отправилъ слѣдующее письмо къ Тверскому Архіепископу Григорію (впослѣдствіи Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій): „Въ началѣ будущаго сентября, я надѣюсь прибыть въ Тверь. Къ тому времени Ваше Высокопреосвященство изволите возвратиться въ С. Петербургъ, а потому, лишаясь пріятнѣйшаго случая облобызать архипастырскую десницу вашу, я вмѣняю себѣ въ обязанность всепокорнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство: удостоить меня заочнымъ благословеніемъ запятій моихъ въ Тверской епархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ не лишить милостивыхъ распо-

ряженій Вашихъ о доставленіи Археографической Експедиціи свободнаго доступа въ хранилища старины Тверской епархіи и по возможности удобнаго въ обителяхъ тамошнихъ квартированія" (*А. Е.* II, 251).

Между тѣмъ отъ Фуса не получалось отвѣта и на послѣднее третье письмо къ нему, и Строевъ, потерявъ надежду дождаться этого отвѣта, уѣхалъ въ Новгородъ и оттуда, въ день своихъ имянинъ, 30-го августа, написалъ четвертое письмо Фусу: „Письмами моими № 142, 145 и 156 я имѣлъ честь покорнѣйше просить васъ объ исходатайствованіи мнѣ отпуска, остальныхъ на сей 1832 годъ, четырехъ тысячъ рублей и о присылкѣ изъ нихъ нѣкоторой части во Псковъ; но до сего времени ни денегъ, ни какого либо отвѣта, получить не удостоился. Не умѣя отгадывать причинъ таковаго молчанія, мнѣ остается желать, чтобъ судьба избавила васъ навсегда отъ слишкомъ непріятнаго и страннаго положенія, въ какое я нынѣ поставленъ обстоятельствами, для меня непостижимыми. Издержавъ все, что было мнѣ отпущено Академіею, и еще призанявъ, я съ трудомъ переѣхалъ сюда изъ Пскова и расположился въ гостинницѣ *на счетъ*, имѣя не болѣе десяти рублей въ карманѣ. Здѣсь принужденъ я дожидаться конца непріятнаго положенія Экспедиціи, о которомъ не могъ и воображать доселѣ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ, слишкомъ стѣснительныхъ непріятностей, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь! всю вышеписанную сумму сполна переслать ко мнѣ сюда въ непродолжительномъ времени" (*А. Е.* II, 267). Вмѣстѣ съ тѣмъ Строевъ обратился съ жалобами на свое положеніе и съ просьбою о помощи къ Академику Кругу: „Три раза я писалъ г. Конференцъ Секретарю о четырехъ тысячахъ рублей; но былъ столько несчастливъ, что ниже строки въ отвѣтъ получить не удостоился. Между тѣмъ, положеніе Експедиціи самое непріятное. Для меня непостижимо таинственное молчаніе г. Фуса, ни тѣ причины, по коимъ я доведенъ до положенія слишкомъ огорчительнаго. Что жъ остается мнѣ дѣлать, какъ не прибѣгнуть къ Вашему Превосходительству со всепокорнѣйшею просьбою: снабдить меня заимообразно нѣкоторою суммою, дабы я могъ существовать и дѣйствовать" (*А. Е.* II, 268).

Вскорѣ, Строевъ написалъ другое письмо къ Кругу (отъ 7-го сентября) слѣдующаго содержанія: „Странное положеніе, въ какое я приведенъ совсѣмъ неожиданно, заставляетъ меня снова безпокоить Ваше Превосходительство всепокорнѣйшею просьбою: о присылкѣ денегъ. Я ожидалъ бы терпѣливо конца своей участи, еслибы не слѣдующія обстоятельства: 1) Археографическую работу здѣсь я окончилъ еще до отъѣзда въ Псковъ; слѣдовательно, проживаю безполезно. 2) До

наступленія глубокой осени, предлежитъ обозрѣніе цѣлой Тверской губерніи. Когда же успѣть сіе? — Въ три недѣли тщетнаго ожиданія денегъ, я могъ бы уже сдѣлать многое. 3) Еще изъ Псковской губерніи, г. Бередниковъ отправился въ нѣкоторые монастыри на границахъ Тверской, съ тѣмъ, чтобы 6-го сентября соединиться со мною въ городѣ Торжкѣ. Нуждаясь въ деньгахъ, я могъ снабдить его только самою малою суммою. Теперь онъ триста верстъ отъ меня, безъ денегъ, слѣдовательно въ положеніи самомъ непріятномъ. Но какія жъ причины заставили Императорскую Академію Наукъ, отправленную отъ нея ученую Експедицію подвергнуть безденежью и происходящимъ отъ того непріятностямъ? Ето покамѣсть загадка. На четыре *оффиціальныя* отношенія мои къ г. Конференцъ Секретарю нѣтъ никакого отвѣта. Подобное небреженіе внѣ приличій и законности. Я сомнѣваюсь, чтобы могла такъ поступить какая либо изъ государственныхъ канцелярій въ Россіи: на оффиціальную бумагу долженъ быть отвѣтъ съ первою почтою. Что мнѣ дѣлать при дальнѣйщемъ продолженіи таинственной участи Археографической Експедиціи? Не оставьте, Ваше Превосходительство, вашимъ назидательнымъ руководствомъ" (*А. Е.* II, 269).

Случилось то, что весьма нерѣдко повторяется при подобныхъ критическихъ обстоятельствахъ. Только что отправилъ Строевъ это послѣднее письмо къ Кругу, какъ отъ Фуса получено было разомъ *пять* бумагъ. „Таинственное молчаніе" г. Конференцъ Секретаря объясняется въ письмѣ его къ Строеву, отъ 3-го сентября слѣдующимъ образомъ: „Вчера получилъ я письмо ваше изъ Новгорода, содержаніе коего меня поразило и хотя я нисколько не заслуживаю дѣлаемыхъ вами мнѣ упрековъ, но не менѣе того я ими не обижаюсь, ибо они совершенно оправдываются тѣмъ непріятнымъ положеніемъ, въ которое вовлекла васъ непостижимая неисправность почтъ. Усмотрѣвъ нынѣ, изъ письма вашего, стѣсненное положеніе ваше въ Новгородѣ, спѣшу доставить вамъ 500 р. ас., которые вѣроятно будутъ достаточны для проѣзда въ Тверь, гдѣ вы найдете 4000 р." (*А. Е.* II, 276).

Строевъ вздохнулъ свободнѣе. „Тяжкое положеніе Археографической Экспедиціи миновалось!" Вечеромъ того же дня какъ получено было письмо Фуса, т. е. 8-го сентября, Строевъ отправился въ Тверскую губернію. Въ Торжкѣ Строевъ надѣялся найдти Бередникова, который, по его расчету, долженъ былъ прибыть туда изъ Осташкова къ 10-му числу (*А. Е.* II, 284). Не найдя, однако, Бередникова въ Торжкѣ, Строевъ поѣхалъ прямо въ Тверь и оттуда, отъ 11-го сентября, предписывалъ своему спутнику „немедленно отпра-

виться въ Тверь, въ гостинницу Гальяни, для принятія отъ него дальнѣйшихъ наставленій“ (*А. Е.* II, 286 об.). Едва устроившись въ Твери, Строевъ долженъ былъ, во исполненіе порученія Академіи Наукъ, отправиться въ Старую Рязань, для изслѣдованія и описанія найденныхъ тамъ памятниковъ древности.

Еще въ Новгородѣ, въ числѣ вышепомянутыхъ *пяти* бумагъ, полученныхъ Строевымъ отъ Конференцъ Секретаря Академіи Наукъ, была нижеслѣдующая копія съ отношенія Министра Народнаго Просвѣщенія къ Президенту Императорской Академіи Наукъ, отъ 28-го іюля 1832 года: „Министръ Внутреннихъ Дѣлъ довелъ до свѣдѣнія Государя Императора, что Рязанской губерніи, Спасскаго уѣзда, помѣщичьимъ крестьяниномъ села Старой Рязани, гдѣ существовалъ столичный городъ знаменитаго древняго Княженія Рязанскаго, при копаніи земли, найдены три гроба, сдѣланныхъ изъ бѣлаго камня, изъ коихъ два были въ выкладенномъ изъ кирпича сводѣ. Къ сему Министръ Внутреннихъ Дѣлъ присовокупилъ: по изъясненію мѣстнаго начальства, что какъ, по преданіямъ исторіи, каменные гробы употреблялись для владѣтельныхъ князей, то въ предположеніи не покоятся ли прахи Князей Рязанскихъ, или первенствующихъ духовныхъ лицъ въ обрѣтенныхъ нынѣ гробахъ, а также не сохраняется ли въ нихъ какихъ либо древнихъ сокровищъ или рѣдкостей, учрежденъ при нихъ полицейскій караулъ и положена на крыши печать.

По случаю сему Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ, чтобы отъ Академіи Наукъ и отъ Академіи Художествъ отправлены были на мѣсто нарочные профессоры для должнаго изслѣдованія и описанія сихъ памятниковъ древности.

Вслѣдствіе таковой Высочайшей воли, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, по усмотрѣнію вашему, немедленно командировать одного изъ гг. академиковъ для исполненія сего порученія“ (*А. Е.* II, 271).

Исполненіе этой Высочайшей воли, Академія Наукъ возложила на нашего путешествующаго Археографа. Фусъ, увѣдомляя объ этомъ Строева, присовокупилъ: „Со стороны Императорской Академіи Художествъ назначенъ въ Старую Рязань, для срисованія и описанія художникъ 14-го класса Солнцевъ, котораго пріѣзда туда вы должны дождаться и безъ него не приступать къ открытію гробовъ, которые предварительно должны быть срисованы со всею точностію, въ томъ самомъ видѣ и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были найдены“ (*А. Е.* II, 279). Строевъ, педантически строгій въ исполненіи всякаго рода порученій, потребовалъ обстоятельнаго и яснаго наставленія по возложенному

на него дѣлу: „Покорнѣйше прошу васъ“, писалъ онъ Фусу, отъ 8-го сентября, „исходатайствовать мнѣ отъ Императорской Академіи Наукъ инструкціи и не оставить меня въ невѣденіи: въ какомъ отношеніи будетъ ко мнѣ рисовальщикъ XIV класса Солнцевъ, отправляемый Академіею Художествъ вмѣсто Профессора, предназначеннаго Высочайшимъ Его Императорскаго Величества повелѣніемъ?“ (*А. Е.* II, 284 об.). Фусъ, по порученію Конференціи, отвѣчалъ Строеву: „Довѣренность, которую Академія къ вамъ имѣетъ, и которая побудила ее возложить на васъ сіе порученіе, можетъ служить для васъ ручательствомъ, что она напередъ одобряетъ всѣ мѣры, которыя вы имѣете принять для выполненія сего порученія, руководствуясь опытностью, пріобрѣтенною вами въ изслѣдованіяхъ сего рода. Что касается до отношенія вашего съ художникомъ Солнцевымъ, то Конференція не можетъ дать вамъ по сему предмету никакого точнаго поясненія, поелику объявленное обоимъ Академіямъ Высочайшее повелѣніе приводится въ исполненіе со стороны каждой независимо. А какъ цѣль сего Высочайшаго повелѣнія ясно изображена, то вы и г. Солнцевъ удобно можете условиться между собою о соотвѣтственнѣйшемъ способѣ исполненія онаго“ (*А. Е.* II, 310). Съ этимъ Строевъ и отправился въ Рязань, поручивъ Бередникову, во время своего отсутствія, съѣздить въ города: Старицу, Зубцовъ и Ржеву для осмотра въ археографическомъ отношеніи тамошнихъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ и монастырей (*А. Е.* II, 293).

Строевъ пріѣхалъ въ Рязань 23-го сентября, и въ тотъ же день обратился къ тамошнему Губернатору С. В. Перфильеву съ слѣдующимъ отношеніемъ: „По Высочайшему соизволенію, Императорская Академія Наукъ поручила мнѣ археологическое изслѣдованіе каменныхъ гробницъ, найденныхъ въ Старой Рязани. Прибывъ сюда сего утра, я готовъ отправиться на мѣсто. По сей причинѣ покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство о необходимыхъ распоряженіяхъ по сему предмету, равно и о сообщеніи мнѣ: на кого возложено Вашимъ Превосходительствомъ открытіе оныхъ гробницъ“ (*А. Е.* II, 297). Губернаторъ тотчасъ-же отвѣтилъ Строеву: „Для содѣйствія вамъ въ исполненіи возложенной на васъ коммисіи, командировалъ я состоящаго при мнѣ чиновника по особымъ порученіямъ, титулярнаго совѣтника Фортинскаго, поручивъ ему находиться вообще съ вами въ селѣ Старой Рязани, причемъ г. чиновнику Фортинскому я вмѣнилъ въ обязанность участвовать, если вы потребуете, какъ въ изслѣдованіи, такъ и въ описаніи гробницъ, вообще съ депутатомъ отъ здѣшняго Архіепископа; къ чему, какъ мнѣ извѣстно, Его Преосвя-

щенствомъ *) предположено употребить города Спасска благочиннаго соборнаго протоіерея Василія" (*А. Е.* II, 298).

Сентября 24-го 1832 года, Строевъ пріѣхалъ въ городъ Спасскъ и на другой день произвелъ изслѣдованіе по порученному ему дѣлу. Между тѣмъ, Солнцевъ, прибывъ въ Старую Рязань въ половинѣ сентября, успѣлъ уже снять наружный и внутренній виды двухъ гробницъ, поврежденныхъ „при найденіи" ихъ крестьянами. Только третья оставалась въ цѣлости; открывъ ее, увидѣли остовъ духовной особы съ остатками одежды и обуви. Всѣ три гробницы высѣчены изъ цѣльныхъ камней, равно и крыши, кои однакоже отъ сырости распались на части. Видъ, профиль и окружное мѣстоположеніе гробницъ сняты были г. Солнцевымъ съ надлежащею точностью.

Разсматривая окружность гробницъ, Строевъ нашелъ, что онѣ находятся „подлѣ стѣны (по обрытіи оказавшейся въ 2 аршина толщиною) нѣкогда огромнаго церковнаго зданія, неизвѣстно когда и какимъ случаемъ разрушеннаго". Возводить эпоху сего разрушенія ко временамъ Батыя, Строевъ находилъ едвали основательнымъ. „Развалины покрыты дерномъ и образуютъ пригорки на пространствѣ нѣсколько десятковъ саженъ; мѣстами ясно направленіе стѣнъ". По преданію, на этомъ мѣстѣ былъ соборъ—чему и Строевъ охотно вѣрилъ и даже предполагалъ, „что подальше на западъ отъ найденныхъ гробницъ скрываются другія подобныя" (*А. Е.* II, 307).

Возвратясь 26-го сентября въ Рязань, Археографъ нашъ представилъ губернатору о необходимости разрыть открытыя развалины. „Обнаженіе всѣхъ пригорковъ отъ земли", писалъ онъ губернатору, „окажетъ вполнѣ объемъ, размѣръ и внутреннее расположеніе храма, безъ сомнѣнія, древняго. Личное присутствіе Вашего Превосходительства въ Спасскѣ", продолжаетъ Строевъ, „куда (какъ сказываютъ) вамъ угодно отправиться на дняхъ, много облегчитъ сіе дѣло" (*А. Е.* II, 300). Губернаторъ, „по нѣкоторомъ затрудненіи", согласился съ мнѣніемъ Строева и назначилъ чиновника особыхъ порученій Вердеревскаго для содѣйствія въ семъ дѣлѣ Солнцеву, остававшемуся въ городѣ Спасскѣ (*А. Е.* II, 298). Съ своей стороны, Строевъ снабдилъ Солнцева подробнымъ *наставленіемъ*, какъ поступать, „буде разрѣшеніе совершится" (*А. Е.* II, 308).—Пользуясь отъѣздомъ Вердеревскаго въ Спасскъ, Строевъ послалъ съ нимъ къ Солнцеву слѣдующее *предписаніе*: „Вчера, я имѣлъ честь представить г. Гражданскому Губернатору о необхо-

*) Въ то время Рязанскую каѳедру занималъ Архіепископъ Евгеній, ровесникъ по лѣтамъ Императора Александра I. Онъ скончался въ глубокой старости, на покоѣ, въ Донскомъ монастырѣ, 27-го іюля 1871 года.

димости обнаженія отъ земли пригорковъ, образующихъ основаніе церковнаго зданія, гдѣ найдены гробницы. Его Превосходительство увѣдомилъ меня, что, соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ, командировалъ въ Старую-Рязань чиновника особыхъ порученій г. Вердеревскаго, для дѣйствія вмѣстѣ съ вами. По сему, въ дополненіе къ словесному моему вамъ *наставленію*, почитаю необходимымъ присовокупить слѣдующее: 1. Когда земля съ пригорковъ будетъ снята и основаніе всего зданія окажется вполнѣ, положите все сіе на бумагу. Тогда можно будетъ безошибочно сказать, внутри или внѣ церкви находились раскрытыя нами гробницы, а потому и заключить о санѣ лицъ, въ нихъ погребенныхъ. 2. Буде въ развалинахъ окажутся еще подобныя гробницы, поступите съ ними по прежнему, съ согласія лицъ, бывшихъ при первомъ вскрытіи. 3. Если въ мусорѣ или землѣ попадутся монеты, металлическія вещицы и т. п., собравъ все вмѣстѣ и запечатавъ обще съ г. Вердеревскимъ, представьте г. Гражданскому Губернатору для храненія. 4. По окончаніи разрытія необходимо вамъ скрѣпить подписью (обще съ г. Вердеревскимъ) счетъ возмездія рабочимъ людямъ, по коимъ я произведу уплату. 5. Такъ какъ я отъѣзжаю въ Тверь, для продолженія прерванныхъ занятій Археографической Экспедиціи, то не оставьте увѣдомлять меня о ходѣ вашихъ занятій еженедѣльно по почтѣ; въ случаѣ же какого либо необыкновеннаго открытія дайте знать съ эштафетою, дабы я могъ снова сюда пріѣхать“ (*А. Е.* II, 303).

Возвращаясь въ Тверь, Строевъ заѣхалъ въ Москву и оттуда писалъ А. К. Шторху, между прочимъ, слѣдующее: „Когда г. Солнцевъ произведетъ разрытіе и окончитъ рисунки, можно будетъ составить розыскъ о времени запустѣнія Старой Рязани и о важности находимыхъ тамъ древностей“. При этомъ Строевъ послалъ для Академическаго Минцъ Кабинета арабскую монету, одну изъ 30-ти найденныхъ въ селѣ Дегтярномъ, Спасскаго уѣзда, объяснивъ, что другая подобная находится въ Рязанской гимназіи, третья въ Рязани у титулярнаго совѣтника Фортинскаго (*А. Е.* II, 308). Въ началѣ октября, Строевъ возвратился въ Тверь и тамъ, октября 13-го, получилъ отъ Солнцева донесеніе, въ которомъ читаемъ: „Поспѣшаю увѣдомить васъ, милостивый государь, что командированный отъ Его Превосходительства господина Рязанскаго Гражданскаго Губернатора чиновникъ особыхъ порученій г. Вердеревскій, прибывъ 29-го числа въ Старую Рязань, немедленно истребовалъ изъ окружныхъ селеній 48 человѣкъ рабочихъ людей, посредствомъ коихъ, согласно вашему предложенію, произведено разрытіе поверхностной земли, покрывающей найденныя близь села Городища три каменныя гробницы, по направ-

ленію, оказавшейся близъ оныхъ, стѣны. При таковомъ разрытіи оказалось разрушенное основаніе древняго церковнаго каменнаго зданія, изъ внутри оштукатуреннаго, которое мною въ тоже время положено на планъ. По мѣстамъ показавшіеся уголья и обгорѣлые кирпичи заставляютъ предполагать, что зданіе сіе разрушено пожаромъ; а по самому положенію мѣста, окруженному небольшими возвышеніями, мнѣ кажется, можно заключить, что близь онаго нѣкогда существовало кладбище. Найденныя же прежде сего гробницы, оказались стоящими подлѣ наружной стѣны онаго зданія, не подалеку отъ олтаря. Впрочемъ при самомъ тщательномъ изысканіи никакихъ надписей или металлическихъ вещей, изъ коихъ бы возможно было сдѣлать заключеніе относительно древности сего зданія и гробницъ, или достоинства и времени погребенія лежащихъ въ оныхъ человѣческихъ остововъ, не отыскано, кромѣ небольшаго куска листовой красной мѣди.

О всемъ вышесказанномъ извѣщая Ваше Высокоблагородіе, долгомъ поставляю присовокупить, что занятія мои въ Старой Рязани приведены къ окончанію, и вслѣдствіе вновь полученнаго мною предписанія Его Высокопревосходительства, господина Президента Императорской Академіи Художествъ, съ изъясненіемъ Высочайшаго повелѣнія, сего же числа отправляюсь отсюда въ Москву, для продолженія порученныхъ мнѣ занятій по мастерской Оружейной Палатѣ".

Къ донесенію приложенъ былъ планъ вновь открытаго зданія. (*А. Е.* II, 317).

Донесеніе это, конечно, не удовлетворило Строева и онъ, отъ 22-го октября, написалъ на имя Рязанскаго губернатора письмо слѣдующаго содержанія: „По представленію моему о необходимости разрытія развалинъ церковнаго зданія въ селѣ Старой Рязани, Вашему Превосходительству угодно было поручить сіе чиновнику особыхъ порученій г. Вердеревскому. Полторы недѣли предъ симъ я получилъ отъ художника Солнцева рисунокъ продольной стѣны и части олтаря, отрытыхъ г. Вердеревскимъ; но продолжается-ли работа и чѣмъ кончено—мнѣ неизвѣстно. Обязанный представить Императорской Академіи Наукъ окончательный отчетъ, осмѣливаюсь обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою: о приказаніи сообщить мнѣ окончательныя свѣдѣнія, равно и счетъ платежа рабочимъ людямъ, буде оный необходимъ" (*А. Е.* II, 329). Губернаторъ отвѣтилъ, что чиновникъ особыхъ порученій Вердеревскій былъ командированъ имъ для полицейскаго только содѣйствія художнику Солнцеву и что, по донесенію Вердеревскаго, г. Солнцевъ, по открытіи разрушившагося основанія нѣкотораго церковнаго зданія, снялъ оное на планъ, и за симъ, „не счелъ болѣе нужнымъ продолжать дальнѣйшее раз-

рытіе, не полагая извлечь изъ того ничего достопримѣчательнаго и соотвѣтствующаго значительнымъ издержкамъ, какихъ стоило бы производство сихъ работъ. Вслѣдствіе чего разрытіе прекращено и рабочіе люди въ то же время, по удовлетвореніи ихъ г. Солнцевымъ слѣдующими деньгами, распущены по домамъ; а прежде открытыя гробницы, по сношенію съ Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Рязанскимъ Евгеніемъ, преданы землѣ" *). (*А. Е.* II, 337).

По возвращеніи въ Тверь, Строевъ узналъ, отъ Бередникова, что у нѣкоторыхъ жителей города Ржева онъ видѣлъ изрядныя собранія старинныхъ Русскихъ монетъ, а особливо мѣдныхъ пулъ. Будучи уполномоченъ Императорскою Академіею Наукъ пріобрѣтать покупкою всякія древности, Строевъ, отъ 19-го октября, обратился къ Ржевскому Городничему съ просьбою увѣдомить его: не пожелаетъ-ли кто изъ Ржевскихъ жителей продать ему монеты, и въ случаѣ согласія прислать списокъ монетъ, съ означеніемъ цѣны (*А. Е.* II, 323 об.). Ржевскіе нумизматы оказались, однако, далеко неподатливыми. По крайней мѣрѣ, по извѣщенію Городничаго, у одного купеческаго сына Михаила Васильева Ваулина-Чупятова, оказалось небольшое собраніе монетъ; Строеву присланъ былъ и списокъ ихъ, но владѣлецъ не соглашался продать своего собранія „ни по какой цѣнѣ" (*А. Е.* II, 341 об.).

Между тѣмъ, обзоръ архивовъ Тверской губерніи продолжался. По порученію Строева, Бередниковъ ѣздилъ въ Красный-Холмъ, Колязинъ, Кашинъ и Бѣжецкъ; изъ послѣдняго города ему разрѣшено было посѣтить тѣ мѣста Новгородской губерніи, которыя еще не осмотрѣны (*А. Е.* II, 330).

Поиски Бередникова въ названныхъ городахъ были далеко не безуспѣшны, даже вопреки его собственнымъ ожиданіямъ. Въ этомъ отношеніи онъ менѣе всего надѣялся на Бѣжецкъ и на Красный-Холмъ, въ которыхъ онъ вовсе не предполагалъ найти „много пищи своему антикварскому трудолюбію" (*ibid.* 343 об.). Но въ Краснохолмскомъ Антоніевомъ монастырѣ онъ нашелъ: жалованную грамоту Бѣжецкаго верьха Николаевскому Антоніеву монастырю, 1616 іюля 15-го; таможенную грамоту, о сборѣ въ оный монастырь таможенныхъ пошлинъ съ ярмарки въ монастырскомъ селѣ, Спасъ на

*) Такъ происходило все это дѣло о Рязанскихъ раскопкахъ. Между тѣмъ, г. Солнцевъ, въ своихъ Запискахъ, напечатанныхъ въ Русской Старинѣ 1876 года, разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ въ такомъ тонѣ, какъ будто-бы онъ одинъ занимался раскопками въ Старой-Рязани. О Строевѣ не упомянуто имъ даже ни единымъ словомъ.

Холму, 1641 января 13-го; наказную память Дмитрію Хлопову, о сыскѣ въ Казанскомъ уѣздѣ бѣглыхъ людей, 1683 года, августа; а въ Бѣжецкомъ Магистратѣ открыты слѣдующіе акты: грамота царя Михаила Бѣжецкаго верьха Городецкимъ старостамъ и посадскимъ людямъ, о кормахъ и посулахъ для воеводъ и приказныхъ людей и присылкѣ книгъ, сколько на оные вышло мірскихъ сборныхъ денегъ, 1615 февраля 14-го; грамота его же тѣмъ же посадскимъ людямъ, о недачѣ воеводамъ и гонцамъ кормовъ, 1615 декабря 17-го; грамота царевича Алексѣя Бѣжецкому таможенному головѣ Богдану Трофимову съ товарищи, о пріемѣ въ таможенный доходъ двухъ долей серебрянными и трети мѣдными деньгами, 1656 іюля 28-го; память Бѣжецкаго Верьха земскимъ бурмистрамъ, о посылкѣ на житье въ подмосковные города Запорожскихъ войскъ полковника Крысы съ 75-ю товарищами, 1702 марта 14-го.

Въ Кашинскомъ Срѣтенскомъ монастырѣ, Бередниковымъ найдено: несудимая грамота Тверскаго великаго князя Бориса Александровича Кашинскому Срѣтенскому дѣвичю монастырю (безъ года); двѣ несудимыя же грамоты Дмитровскаго князя Юрія Ивановича тому же монастырю 1509 декабря 3-го и 1514 марта; послушная грамота царя Іоанна IV крестьянамъ Кашинскаго уѣзда села Размесова съ деревнями, о пожалованіи ихъ Кашинскому Срѣтенскому монастырю, по душѣ князя Юрія Ивановича; береженая грамота боярина князя Михаила Васильевича Шуйскаго Кашинскому воеводѣ Дурову, объ охраненіи отъ обидъ и насильствъ крестьянъ Срѣтенскаго монастыря, 1609 сентября. За тѣмъ, въ прочихъ архивахъ монастырей и присутственныхъ мѣстъ Тверской епархіи и губерніи, по донесенію Бередникова, никакихъ примѣчательныхъ бумагъ не нашлось. „Златныхъ библіотекъ“ также не встрѣчено (*А. Е.* II, 346).

Покончивъ путешествіе по Тверской губерніи, Бередниковъ поселился, на время, въ своемъ родномъ Тихвинѣ и оттуда, 16-го декабря, послалъ Строеву, находившемуся въ то время уже въ Москвѣ, два реестра примѣчательнѣйшихъ рукописей, находящихся въ Библіотекахъ Тверской Семинаріи и Колязинѣ монастырѣ (*А. Е.* II, 351—356).

Между тѣмъ, наступало время публичнаго засѣданія Академіи Наукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ время обычнаго путешествія Строева въ Петербургъ. На сей разъ онъ поручалъ отправиться туда-же и Бередникову, которому, отъ 24-го декабря, далъ слѣдующее предписаніе:

„Имѣете вы отправиться изъ Тихвина въ С.-Петербургъ, куда и я на сихъ дняхъ выѣзжаю. Если время позволитъ, не безполезно было

бы обозрѣть архивы монастырей и городскихъ присутственныхъ мѣстъ, на пути лежащіе“ (*А. Е.* II, 359 об.).

Предусмотрительный Секретарь Академіи Наукъ еще въ сентябрѣ, просилъ Строева увѣдомить, для доклада Конференціи, можно-ли въ нынѣшнемъ году ожидать присутствія его на публичномъ годовомъ собраніи (29-го декабря) и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминалъ Павлу Михайловичу о данномъ имъ обѣщаніи прочесть отчетъ о дѣйствіяхъ Археографической Экспедиціи (*А. Е.* II, 276 об.). На это Строевъ, отъ 5-го ноября, отвѣчалъ: „Къ составленію обстоятельнаго отчета для чтенія въ торжественномъ собраніи Академіи, при всемъ желаніи моемъ, не могу приступить. Сей отчетъ, по предположенному мною плану, долженъ заключать въ себѣ *полный разборъ матеріаловъ Отечественной Исторіи*, а для сего необходимо осмотрѣть окончательно нѣкоторыя главныя книгохранилища, что въ будущемъ въ 1833 году имѣю надежду исполнить“ (*А. Е.* II, 338 об.).

Для внесенія же въ годичный отчетъ Академіи о дѣйствіяхъ Археографической Експедиціи въ 1832 году, Строевъ прислалъ къ Секретарю Академіи слѣдующую краткую записку: „Съ образованія Археографической Експедиціи (въ 1829 году) по настоящее время осмотрѣно восемь губерній. Въ 1832 работа производилась въ Москвѣ, въ Новгородской, Псковской и Тверской губерніяхъ. Подробный разборъ библіотекъ Патріаршей (въ Москвѣ) и Софійской (въ Новгородѣ), вмѣщающихъ въ себѣ до 3000 рукописей, занялъ наиболѣе времени и былъ особенно плодоносенъ. Губернскіе и уѣздные архивы въ вышеозначенныхъ губерніяхъ равно осмотрѣны. Въ Москвѣ начаты разборы бумагъ бывшаго Пушкарскаго Приказа, обѣщающія проявить подробности военнаго управленія и законодательства прежней Россіи. Изъ портфелей Археографической Експедиціи наиболѣе обогатились содержащіе въ себѣ матеріялы для исторіи литературы Славяно-россійской. Подробная рецензія сихъ матеріаловъ будетъ напечатана въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* въ январѣ 1833 года. Къ четыремъ томамъ актовъ историко-юридическихъ, кои удостоены были Всемилостивѣйшаго воззрѣнія Его Императорскаго Величества, присоединенъ пятый (1366—1700 г.), не уступающій онымъ въ многочисленности и важности матеріаловъ разнаго рода. И прочіе предметы археографическихъ занятій получили въ 1832 году значительное приращеніе.

Въ слѣдующемъ 1833 году предполагается окончить осмотръ Сѣверо-Востока Европейской Россіи. Тогда ученый свѣтъ узнаетъ обстоятельно о числѣ, достоинствѣ и недостаткахъ историческихъ матеріаловъ отъ Пскова до Уральскихъ горъ и отъ Москвы до Бѣлаго моря“ (*А. Е.* II, 345).

XIII.

Въ началѣ 1833 года, П. М. Строевъ, по установившемуся обычаю, пріѣхалъ въ С. Петербургъ. На этотъ разъ, онъ представилъ Президенту Академіи Наукъ С. С. Уварову слѣдующую примѣчательную Записку о Славянскихъ рукописяхъ въ библіотекахъ Духовнаго Вѣдомства: „Въ библіотекахъ Духовнаго Вѣдомства: Сунодальной (въ Москвѣ), Академическихъ (въ Александроневской и Троице-Сергіевой лаврахъ), Семинарскихъ, Консисторскихъ, Монастырскихъ, Соборныхъ и проч. лежатъ тысячи славянскихъ рукописей, хартій и старинныхъ книгъ. Ихъ было еще болѣе, но *нерадѣніе* и *невѣжество*, въ разныхъ видахъ постоянно содѣйствуютъ ихъ уменьшенію.

Сіи рукописи, хартіи и книги суть главнѣйшія пособія Отечественной Исторіи: государственной, церковной, народной и всѣхъ ея отраслей.

Писатели, занимавшіеся отечественными древностями, испытывали важнѣйшее неудобство: *недостатокъ матеріаловъ*. Сей недостатокъ, при нынѣшнемъ состояніи и управленіи духовныхъ книгохранилищъ, современемъ долженъ дойти до крайности: многіе документы, незадолго предъ симъ цѣлые, уже не существуютъ.

По плану учебныхъ курсовъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, оныя рукописи, хартіи и книги *безполезны* для сихъ училищъ: преподаватели и студенты, не умѣя ими пользоваться, презираютъ и не берегутъ ихъ. Настоятели монастырей, соборовъ и проч. по той же и инымъ (нелучшимъ) причинамъ распоряжаются ими *своевольно*: отчуждаютъ, портятъ, даже истребляютъ. Въ немногихъ духовныхъ библіотекахъ, памятники славянской письменности приведены въ нѣкоторую извѣстность; въ наибольшей части они образуютъ груды, покрытыя прахомъ, и въ описяхъ показаны *счетомъ*. Требовать ученыхъ каталоговъ отъ нынѣшнихъ (духовныхъ) стражей сихъ памятниковъ есть дѣло *невозможное*: Археографія, Палеографія и прочее суть науки внѣ состава Россійской Духовной учености и очень часто духовные библіотекари въ славянскихъ письменахъ видятъ Египетскую грамоту.

Сборъ славянскихъ рукописей, хартій и старинныхъ книгъ, въ С. Петербургъ и Москву, въ библіотеки государственныя, есть дѣло *крайне необходимое*. Только въ столицахъ существуютъ ученые, способные ими пользоваться. Только свѣтскіе писатели и критики принесли пользу Отечественной Исторіи.

Единой воли Его Императорскаго Величества преизбудетъ къ совершенію сего важнаго и для отечественныхъ древностей благотворнаго подвига.

Но, будемъ откровенны, распоряженіями Духовнаго Правительства достигнуть сего невозможно. Обыкновенныя формулы Св. Сѵнода (какъ и всегда) произведутъ результатъ отрицательный *). Только разборъ ученый, тщательный, con amore, можетъ извлечь изъ грудъ вышеуказанныхъ книгохранилищъ примѣчательности Отечественной Исторіи, Русскаго права, Славянской литературы, незамѣтныя для нынѣшнихъ хранителей ихъ. На арену Россійской Духовной учености не выступали еще Монфоконы, Дюканжи и проч.; а посему не удивительно, если указы Великаго Петра и Великой Екатерины относительно историческихъ документовъ не нашли исполнителей.

Составленію въ С. Петербургѣ и Москвѣ государственныхъ собраній рукописей, хартій, старинныхъ книгъ и прочихъ матеріаловъ Отечественной Исторіи (въ обширномъ смыслѣ) и Литературы Славянскаго міра можетъ преимущественно содѣйствовать Археографическая Экспедиція Императорской Академіи Наукъ, странствующая по Россіи. Для сего необходимо уполномочить Археографа всѣ примѣчательности, встрѣчаемыя имъ въ библіотекахъ духовнаго вѣдомства, назначать къ отсылкѣ въ мѣста государственныхъ хранилищъ древностей, кои будутъ указаны Высочайшею волею Его Императорскаго Величества“ (*А. Е.* III, 2, 3).

Чтó было сдѣлано по этой запискѣ, представленной также и Министру Народнаго Просвѣщенія Князю К. А. Ливену, не извѣстно. По крайней мѣрѣ, въ бумагахъ Строева сохранилось только письмо его къ Уварову, отъ 22-го марта 1833 года, въ которомъ онъ любопытствуетъ узнать объ успѣхѣ „патріотическаго старанія Его Превосходительства (Уварова) о собраніи воедино древнихъ рукописей“ (*А. Е.* III, 9). Отвѣта же Уварова въ бумагахъ Павла Михайловича не находимъ.

Между тѣмъ, Строевъ, извѣстивъ Академію Наукъ, что въ теченіе 1833 года, Археографическая Экспедиція будетъ дѣйствовать въ губерніяхъ: Владимірской, Нижегородской, Казанской, Пермской и Вятской, въ концѣ февраля уѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ прожилъ мартъ и апрѣль мѣсяцы, занимаясь въ теченіе этого времени окончаніемъ разбора бумагъ бывшаго Пушкарскаго Приказа. Кромѣ того, Строевъ продолжалъ свои изысканія въ Патріаршей библіотекѣ, гдѣ, между

*) Т. е. отовсюду будутъ отвѣтствовать: «у насъ нѣтъ достопамятныхъ древностей» и т. под.

прочимъ, „привелъ въ порядокъ большой сундукъ“ съ разными бумагами, остававшійся до сего времени не разобраннымъ (*А. Е.* III, 9). Объ этомъ *большомъ сундукѣ* скажемъ нѣсколько словъ: Много лѣтъ спустя, а именно въ 1852 году, вотъ что писалъ Московскій Митрополитъ Филаретъ къ А. Н. Муравьеву: „Не вѣроятно мнѣ, чтобы Ризничій *) подарилъ Строеву сундукъ, хранившихся при Ризницѣ, хотя не вошедшихъ въ опись, бумагъ. Что довѣрчиво далъ разобрать ихъ, это могло быть“. Письмо это было напечатано въ числѣ другихъ писемъ Филарета къ А. Н. Муравьеву, который въ примѣчаніяхъ къ нимъ, слѣдующимъ образомъ объясняетъ это дѣло о загадочномъ сундукѣ: „Извѣстный археологъ Строевъ, будучи коротко знакомъ съ Ризничимъ Синодальной библіотеки въ Москвѣ, сколько мнѣ извѣстно, получилъ отъ него сундукъ въ полное его распоряженіе, со свитками старыхъ дѣлъ, которые почитали не нужными. Но между свитками Строевъ нашелъ все драгоцѣнное подлинное дѣло о судѣ Никона Патріарха, въ столбцахъ, за подписью всѣхъ Патріарховъ и Архіереевъ, бывшихъ на судѣ. Онъ отдѣлилъ эти свитки, и просилъ хранить ихъ бережно въ Сvнодальной ризницѣ“ (*Письма М. М. Филарета* къ *А. Н. М.* Кіевъ 1869, стр. 389, 390). Такимъ образомъ это „драгоцѣнное дѣло“, благодаря П. М. Строеву, спаслось отъ погибели и нынѣ по порученію Археографической Коммиссіи приготовляется къ изданію въ свѣтъ Членомъ ея Г. Ѳ. Штендманомъ.

Въ концѣ апрѣля 1833 года, Строевъ оставилъ Москву, и 3-го мая онъ уже былъ во Владимірѣ. Хранилищъ старины въ этомъ городѣ оказалось не много и Павелъ Михайловичь успѣлъ осмотрѣть ихъ меньше чѣмъ въ двѣ недѣли (*А. Е.* III, 35). Оставаясь во Владимірѣ до половины іюня, Строевъ отправилъ своего спутника Бередникова на Археографическіе поиски въ города: Переяславль Залѣсскій, Александровъ и Юрьевъ. Справедливость требуетъ сказать, что мѣстная администрація отнеслась съ большимъ вниманіемъ къ Путешествующей Экспедиціи. Самъ Начальникъ губерніи С. С. Ланской (въ послѣдствіи Министръ Внутреннихъ Дѣлъ) порученіемъ, даннымъ Бередникову, показалъ себя просвѣщеннымъ любителемъ старины. Вотъ что читаемъ въ отношеніи, полученномъ Бередниковымъ: „Близь города Переславля хранится, въ особо здѣланномъ строеніи, ботикъ, памятникъ Государя Императора Петра I-го, и другія вещи временъ его. Владимірскій Гражданскій Губернаторъ покорно проситъ г. Бередникова, въ бытность въ городѣ Переславлѣ, осмотрѣть всѣ означенныя вещи и составить всѣмъ имъ подробное описаніе, то

*) Іеромонахъ Порфирій.

есть: относительно монумента, изъ какого оный матеріала, какого вида и величины, неизвѣстно ли времени сооруженія его и случая, по коему онъ поступилъ въ сіе мѣсто, такъ равно и прочихъ вещей, находящихся при ботикѣ" (*А. Е.* III, 33).

Изъ Владиміра Строевъ отправился въ Нижній Новгородъ, куда пріѣхалъ и Бередниковъ, привезя съ собою нижеслѣдующій списокъ рукописей, открытыхъ во Флорищевой пустынѣ: № 10 Представленіе о Лазарѣ богатомъ, № 41 Временникъ, № 53 Грамоты Святѣйшихъ патріарховъ, № 88 Исторія о зачатіи царя Іоанна Васильевича, № 108 Катихисисъ, № 155 О исправленіи печатныхъ книгъ, № 159 Обличеніе на Соловецкую челобитную, № 227 Службу св. Софіи Суздальской и № 246 Сборникъ (*А. Е.* III, 49, 50). Такъ какъ рукописи эти требовали тщательнаго разсмотрѣнія, то Строевъ обратился съ слѣдующею просьбою къ Владимірскому Епископу Парѳенію: „Археографическая Експедиція была удостоена столь милостивымъ покровительствомъ отъ васъ, Преосвященнѣйшій Іерархъ! что и въ настоящемъ случаѣ смѣло уповаю на милость Вашего Преосвященства. Въ половинѣ августа, возвращаясь изъ Казани въ Москву, я буду въ Владимірѣ. Если бы Вашему Преосвященству благоугодно было оныя девять рукописей приказать изъ Флорищевой пустыни доставить къ себѣ, я имѣлъ бы возможность въ нѣсколько дней сдѣлать изъ нихъ нужныя извлеченія".

Изъ того же письма Строева къ Преосвященному Парѳенію, мы узнаемъ, что „Нижегородская епархія представила ему весьма мало предметовъ археографическихъ" (*А. Е.* III, 49 об.).

Съ чувствомъ неудовлетвореннаго „Археографическаго любостяжанія", Строевъ выѣхалъ, 13-го іюля, изъ Нижняго и направился въ предѣлы стариннаго Казанскаго царства. По пріѣздѣ въ Казань, Павелъ Михайловичь обратился къ Губернскому Прокурору Солнцову съ просьбою указать ему „тѣ архивы Казанскихъ присутственныхъ мѣстъ, въ коихъ находятся старинные столпцы". Въ Солнцовѣ Строевъ нашелъ просвѣщеннаго пособника Археографической Экспедиціи. Изъ письма его мы почерпаемъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о состояніи архивовъ въ Казанской губерніи и епархіи: „По случаю бывшаго, въ 1815 году сентября 3-го числа, въ губернскомъ городѣ Казани, ужаснаго пожара, въ которой всѣ, какъ губернскія, такъ и уѣздныя мѣста города Казани и съ находящимися при нихъ архивами подверглись совершенному истребленію, теперь старинныхъ свитковъ и рукописей въ нынѣшнихъ Казанскихъ присутственныхъ мѣстъ—архивахъ, вовсе неимѣется; а есть многія подлинныя царскія грамоты со временъ Іоанна Васильевича Грознаго, и также древній

любопытный Сунодикъ въ Илантовскомъ или Зилантовскомъ мужескомъ монастырѣ, по Казанской губерніи изъ всѣхъ древнѣйшемъ, также въ Казанскомъ Каѳедральномъ Благовѣщенскомъ Соборѣ имѣлись нѣкоторыя древнія помѣстныя грамоты и въ числѣ оныхъ царственное письмо Іоанна Васильевича Грознаго, за его подписаніемъ въ лѣто 7065 апрѣля 5-го, къ Святителю Гурію Чудотворцу, бывшему тогда Казанскому Архіепископу, по случаю устроенія имъ разныхъ монастырей и о проч., хранившееся вмѣстѣ съ ризою сего Святителя и двумя рукописными Евангеліями; въ бывшемъ Казанскомъ Адмиралтействѣ хранятся и понынѣ въ цѣлости многіе указы Императора Петра І-го и разныя сего Великаго Государя распоряженія, до устройства и усовершенствованія сего Адмиралтейства относящіяся, вмѣстѣ съ архивомъ другихъ дѣлъ весьма любопытныхъ; въ Казанскомъ Губернскомъ Правленіи хранятся и понынѣ въ особомъ ковчегѣ, спасенные отъ пожара, подлинные новыхъ временъ рескрипты Государынь Императрицъ, въ особенности Государыни Императрицы Екатерины II, по содержанію своему относительно къ Казани весьма достопримѣчательные. Въ городѣ Свіяжскѣ, въ тамошнемъ мужскомъ первоклассномъ Богородицкомъ монастырѣ, хранятся также многія царскія грамоты со временъ Іоанна Васильевича Грознаго и одна Епископская грамота Святителя Гермогена, бывшаго Казанскаго Архіепископа, за его подписомъ и съ приложеніемъ собственной его Святителя печати; сверхъ того, въ Свіяжскѣ при Уѣздномъ Судѣ хранится древній архивъ, весьма сильно тлѣнію подверженный; въ семъ архивѣ хранятся дѣла, до бывшей Провинціальной Свіяжской Канцеляріи относящіяся, и частію документы на старинные помѣстные оклады разнымъ служилымъ людямъ въ разныя времена розданные; сей архивъ велѣно мѣстнымъ губернскимъ начальствамъ по возможности привести въ порядокъ. Есть также нѣкоторые списки съ старинныхъ грамотъ и монастырскихъ записей въ Чебоксарской Спасо-Геронтіевской мужеской заштатной пустыни, неподалеку отъ города Чебоксаръ лежащей, равно были таковые же документы и въ Семіозерной пустыни, въ Казанскомъ уѣздѣ лежащей, основанной въ 1615 году. Впрочемъ, сіи документы относятся болѣе до самихъ пустынь. Вотъ все, что могу сказать вамъ, Милостивый Государь, относительно предмета, ученому розыску вашему предлежащаго, съ присовокупленіемъ таковымъ, что списки со всѣхъ почти древнихъ Царскихъ грамотъ, въ Казанской губерніи обрѣтенныхъ, напечатаны частію въ *Прибавленіяхъ, къ Казанскому Вѣстнику*, Императорскимъ Казанскимъ университетомъ издаваемому, и частію въ журналѣ подъ названіемъ

Заволжскаго Муравья, гг. адьюнктами здѣшняго Университета Рыбушкинымъ и Полиновскимъ издаваемомъ“ (*А. Е.* III, 53, 54).

Не смотря, однако, ни на усердіе просвѣщеннаго Солнцова, ни на благосклонное содѣйствіе Архіепископа Казанскаго Филарета *), Путешествующій Археографъ долженъ былъ въ скоромъ времени оставить Казань, такъ какъ, вслѣдствіе обнаружившейся скудости тамошнихъ архивовъ, столица Казанскаго Царства не представляла уже никакого интереса для Экспедиціи.

Строевъ поспѣшилъ въ Свіяжскъ. Почтенный архимандритъ тамошняго Богородицкаго монастыря, Іеронимъ, встрѣтилъ его радушно. Изъ Монастырскаго архива въ портфели Экспедиціи поступило семь грамотъ (1576—1675). Когда Строевъ окончилъ осмотръ архива, Отецъ Іеронимъ, по порученію семейства Геркеныхъ, пригласилъ Строева пріѣхать, вмѣстѣ съ Бередниковымъ, къ празднику, въ имѣніе Геркеновъ, село Юматово. Поѣздка была не безплодною и въ археографическомъ отношеніи. Строевъ получилъ отъ гг. Геркеновъ нѣсколько любопытныхъ столпцовъ изъ домоваго архива гг. Кольцовыхъ, коимъ село Юматово нѣкогда принадлежало (*А. Е.* III, 70). Въ это же время Строева приглашалъ къ себѣ въ деревню другой Казанскій помѣщикъ, почтенный историкъ Арцыбашевъ, отъ котораго получено было слѣдующее обязательное письмо: „Лестная надежда засвидѣтельствовать въ уединенной хижинѣ моей то истинное уваженіе, которымъ преизполнена во мнѣ душа къ человѣку столь знаменитому, какъ вы, есть для меня даръ неоцѣненный. Прошу покорнѣйше совершить волю вами объявленную, что и для васъ будетъ не безполезно: ибо дорога изъ Казани въ Нижній, черезъ Цывильскъ, прямѣе верстами 30-ю. Я просилъ нашего исправника (и онъ далъ мнѣ вѣрное слово) заготовить для васъ лошадей въ селѣ Тоисяхъ, за 17 верстъ отъ Цывильска и не болѣе какъ 15 отъ моей деревни *Мамина*. Такимъ образомъ изъ Тюрлемы, первой станціи отъ Свіяжска — вы проѣдете въ Тоиси; остановитесь для перемѣны лошадей въ тамошнемъ Волостномъ Правленіи; а оттуда пожалуете прямо ко мнѣ. Касательно же до путешествія изъ моей деревни далѣе, то оно (до Чугуновъ, почтовой станціи) и скорѣе и беззаботнѣе для васъ будетъ, чѣмъ по настоящей Московской дорогѣ: я возьму къ тому самыя надежныя и дѣятельныя мѣры. На пути вы встрѣтите городъ Ядринъ и найдете, можетъ статься, въ немъ вниманія достойное, а особенно къ бунту Пугачева относящееся. Ядринскіе граждане твердо противились сему злодѣю и одинъ изъ нихъ — Василій Засыпкинъ —

*) Впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

получилъ за храбрость серебренную шпагу отъ Императрицы Екатерины II“ (*А. Е.* III, 60).

Воспользовался ли Строевъ приглашеніемъ Арцыбашева, не извѣстно. Вообще, говоря, Казанскій край, въ археографическомъ отношеніи, оказался весьма скуднымъ, какъ, впрочемъ, и ожидалъ Павелъ Михайловичъ, который изъ Казани писалъ Фусу: „Убѣдясь въ безплодіи археографическомъ здѣшняго края, я почти рѣшился не продолжать безполезнаго странствованія далѣе на Востокъ, но перенести дѣйствія Экспедиціи ближе къ Москвѣ, гдѣ остается еще довольно мѣстъ неосмотрѣнныхъ. Собранныя свѣдѣнія о городахъ Вятскихъ не болѣе подаютъ надежды. Въ Пермской, только отдаленные Соликамскъ и Верхотурье за нѣсколько лѣтъ предъ симъ имѣли архивы. Монастырей въ обѣихъ губерніяхъ весьма мало, и тѣ новые и незначительные“ (*А. Е.* III, 58).

Ѣхать же самому въ эти отдаленные города Пермской губерніи, по позднему времени года, не было никакой возможности, а потому Строевъ рѣшился обратиться къ Пермскому губернатору Селастенику, съ просьбою оказать содѣйствіе „въ дѣлѣ, съ Высочайшаго соизволенія, предпринятомъ Академіею Наукъ для пользы Отечества“. Онъ писалъ губернатору, между прочимъ, слѣдующее: „Подлинники актовъ, напечатанныхъ г. Берхомъ, равно и другія грамоты изъ уѣздныхъ архивовъ Соликамска, Верхотурья, Чердыни и Кунгура, могутъ быть удобно истребованы Пермскимъ губернскимъ Правленіемъ и препровождены въ Москву въ Губернское жъ Правленіе, или прямо въ Археографическую Експедицію, по зимамъ имѣющую помѣщеніе на Большой Дмитровкѣ, въ д. Селивановскаго. Въ 1829 г., при подобной невозможности быть въ отдаленныхъ городахъ Архангельской губерніи, тамошнее губернское начальство симъ же способомъ доставило Експедиціи возможность имѣть правильные списки съ многихъ актовъ, кои иначе были бы недоступны и навсегда укрылись отъ историковъ“ (*А. Е.* III, 61, 62).

Все было исполнено по желанію Строева. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ его, отправленномъ къ Фусу, въ концѣ 1833 года, читаемъ: „На дняхъ я получилъ, по благорасположенію Пермскаго Гражданскаго Губернатора, множество весьма любопытныхъ бумагъ изъ стариннаго архива города Соликамска“ (*А. Е.* III, 124). За тѣмъ, изъ бумагъ Строева видно, что около того-же времени онъ получилъ ящикъ съ старинными бумагами изъ архива Кунгурскаго уѣзднаго суда (*А. Е.* III, 145). Чердынскій же архивъ, по наведеннымъ справкамъ, оказался сгорѣвшимъ еще въ 1792 году; а въ Верхотурскомъ архивѣ, по донесенію Пермскаго Губернскаго Правленія, „древнихъ

грамотъ, наказныхъ памятей и челобитень неимѣется" (*А. Е.* III, 120 и 214).

Для обозрѣнія же Вятскихъ архивовъ, Строевъ отправилъ Бередникова, предписавъ ему осмотрѣть городовые архивы отъ Арска до Вятки и оттуда до Козмодемьянска, а потомъ слѣдовать въ Москву (*А. Е.* III, 67).

Въ Свіяжскѣ Бередниковъ и Строевъ разстались: первый направилъ свой путь на Востокъ, къ Вяткѣ, а второй — на Западъ, къ Москвѣ.

Въ первыхъ числахъ сентября, Строевъ вернулся въ Москву, гдѣ его ожидало слѣдующее письмо Устрялова, отъ 10-го іюля: „Не зная, гдѣ вы теперь трудитесь, я посылаю для васъ вторую часть Курбскаго къ Ширяеву. Сергѣй Семеновичь Уваровъ говорилъ мнѣ, что онъ давно уже не получалъ отъ васъ никакого извѣстія и надѣется получить *вдругъ и много.* Для меня очень было бы любопытно свѣдать о вашихъ поискахъ. Думаю, что вы теперь въ краяхъ Минина и Пожарскаго: помоги вамъ Боже что нибудь открыть изъ нихъ. Я здѣсь перерылъ въ Публичной Библіотекѣ всѣ хронографы, надѣясь найти что нибудь новое о сихъ лицахъ, и не нашелъ почти ничего. Страшно подумать, не ужели мы не узнаемъ объ нихъ ничего новаго. Вся надежда на васъ" (*А. Е.* III, 80, 81). На первыхъ же порахъ, по возвращеніи въ Москву, Строевъ получилъ извѣстіе отъ Я. И. Бередникова, который къ 17-му августу 1833 года, уже успѣлъ обозрѣть въ Археографическомъ отношеніи два города Вятской губерніи: Малмыжъ и Уржумъ. Въ послѣднемъ онъ нашелъ „нѣсколько бумагъ" упраздненнаго Цѣпочкина монастыря. Въ Малмыжѣ Бередниковъ представлялся Вятскому Губернатору Е. Е. Ренкевичу, осматривавшему въ то время мѣстныя присутственныя мѣста. Губернаторъ обѣщалъ „самый радушный покровъ Археографической Експедиціи". Къ несчастію, въ Уржумѣ съ Бередниковымъ случился лихорадочный припадокъ, и какъ нарочно въ то время, когда единственный Уржумскій докторъ уѣхалъ въ Нолинскій уѣздъ, по случаю открывшагося между тамошними жителями эпидемическаго криваваго поноса съ судорожнымъ кашлемъ (*А. Е.* III, 82). Полубольной Бередниковъ принужденъ былъ переѣхать въ Вятку. Здѣсь онъ представлялся Преосвященному Іоанникію, который принялъ его „отмѣнно милостиво" и благословилъ ему помѣститься въ Успенскомъ Трифоновомъ монастырѣ, лежащемъ въ самомъ средоточіи города. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Вятку, Бередниковъ „впалъ въ тяжкую болѣзнь, сопровождавшуюся совершеннымъ изнуреніемъ силъ" (*А. Е.* III, 94). Онъ всетаки нашелъ возможнымъ извѣстить Строева, что „города,

на трактѣ отъ Казани лежащіе, осмотрѣны. Жатва археографическая ничтожна. Причиной несуществованія старыхъ бумагъ по большей части полагаютъ пожары, ибо присутственныя мѣста всегда помѣщались въ деревянныхъ строеніяхъ" (*А. Е.* III, 83).

Болѣзнь Бередникова очень безпокоила Строева и онъ письменно просилъ Вятскаго Преосвященнаго приказать кому либо увѣдомить его о положеніи больнаго. Епископъ Іоанникій не замедлилъ исполнить эту просьбу и въ письмѣ, отъ 25-го октября, писалъ слѣдующее: „Г. Бередниковъ, дѣйствительно, съ самаго пріѣзда сюда сдѣлался боленъ, сперва лихорадкою, а потомъ горячкою и отчаянъ былъ въ жизни. Но нынѣ при помощи Божіей и пособіи врача выздоровѣлъ и принимается за дѣла свои. Я третьяго дня видѣлся съ нимъ и сказывалъ ему о вашей относительно его заботливости. Вѣроятно, съ сею же почтою онъ отъ себя отзовется къ вамъ" (*А. Е.* III, 109). Дѣйствительно, въ тотъ же самый день и самъ Бередниковъ увѣдомлялъ Строева, что хотя выздоровленіе его совершается медленно, однакоже, мало по малу, онъ приступаетъ къ трудамъ археографическимъ, и что до зимы онъ опасается выѣхать изъ Вятки (*А. Е.* III, 110). Тѣмъ временемъ, Бередниковъ нашелъ въ архивѣ Вятской Казенной Палаты старинные акты, примѣчательные въ археографическомъ отношеніи. „Акты эти, писалъ Бередниковъ къ Строеву, отъ 1-го ноября, касаясь средняго періода исторіи нашего права, обильнаго въ то время постановленіями, къ общей государственной реформѣ относящимися, составляютъ дополненіе къ собраннымъ уже Археографическою Экспедиціею памятникамъ законодательства сего рода" (*А. Е.* III, 118).

Въ концѣ ноября, Бередниковъ уже былъ въ Москвѣ и вскорѣ уѣхалъ въ отпускъ къ себѣ въ Тихвинъ (*А. Е.* III, 141, 144 об.). Самъ же Павелъ Михайловичъ расположился на нѣкоторое время въ Москвѣ, посвящая послѣдніе мѣсяцы 1833 года: приведенію въ порядокъ Археографическихъ пріобрѣтеній сего года, работамъ въ Московскихъ хранилищахъ старины, имъ еще не посѣщенныхъ, и сочиненію большой статьи *о Матеріалахъ къ Исторіи Литературы Славяно-Россійской, ихъ важности, недостаткахъ, и предлежащемъ обработываніи*. Эту статью Строевъ намѣревался помѣстить въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, а также прочитать ее въ предстоявшемъ собраніи Академіи, какъ отчетъ занятій своихъ по Археографической Экспедиціи. Въ письмѣ къ Фусу, отъ 14-го октября, Строевъ выражалъ надежду, что настоящая статья будетъ любопытна обильнымъ указаніемъ источниковъ нашей Исторіи, присовокупляя, что

указанные въ ней матеріалы наполняютъ пять большихъ портфелей Экспедиціи (*А. Е.* III, 102).

П. Н. Фусъ, письмомъ отъ 3-го ноября, отвѣтилъ Строеву: „Вашъ вызовъ къ изготовленію и прочтенію въ нынѣшнемъ публичномъ засѣданіи Отчета *о Матеріалахъ*, Академія приняла съ особеннымъ удовольствіемъ и поручила мнѣ объявить вамъ, что симъ предупредили вы собственное ея желаніе. Предметъ, вами избранный, конечно займетъ Отечественную публику, которой и давно пора дать отчетъ объ успѣхѣ предпріятія столь сильно возбуждающаго всеобщее участіе" (*А. Е.* III, 113).

Изъ послѣдующей переписки видно, что Фусъ торопилъ Строева, упрашивая его пріѣхать съ обѣщанною статьею въ Петербургъ къ 15-му декабря. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ его къ Фусу, отъ 3-го декабря, читаемъ слѣдующее: „Я ускорилъ писаніемъ обѣщанной мною статьи о *Матеріалахъ* и пр.; но многочисленныя справки, своды и соображенія изнурили меня такъ, что до сего времени могъ дойти только до половины, а потому, при всемъ желаніи моемъ, никакъ не успѣю явиться съ нею, къ 15-му декабрю, какъ вы изволили требовать. Употреблю возможное стараніе окончить къ святкамъ; если же, паче чаянія, не успѣю, то статья моя ничего не потеряетъ бывъ напечатана просто въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, имѣющихъ столь обширный кругъ читателей" (*А. Е.* III, 124). Самъ Президентъ Академіи С. С. Уваровъ былъ очень заинтересованъ статьею Строева и желалъ, чтобы она была прочитана въ торжественномъ собраніи Академіи. Узнавъ же отъ Фуса содержаніе, вышеприведеннаго письма Строева, Уваровъ писалъ послѣднему: „очень сожалѣю, что многотрудныя, полезныя ваши занятія были причиною разстройства вашего здоровья, и что вы не можете сюда пріѣхать. Я бы очень желалъ васъ видѣть здѣсь хотя къ 29-му декабрю, дню торжественнаго собранія Академіи, въ которомъ прочитали бы приготовляемую статью о *Матеріалахъ*. Если же ни коимъ образомъ нельзя вамъ будетъ къ этому времени сюда пріѣхать, то постарайтесь къ 29-му декабрю прислать упомянутую статью, которая и можетъ быть прочтена въ собраніи Академіи, кѣмъ нибудь по моему назначенію" (*А. Е.* III, 140).

Но Строевъ, при всемъ желаніи, не могъ исполнить просьбы Уварова и въ письмѣ къ нему, отъ 19-го декабря, объяснилъ, что „не предвидитъ возможности доставить статьи къ 29-му декабрю: множество справокъ и соображеній сему причиною". Павелъ Михайловичъ пообѣщалъ при этомъ лично пріѣхать съ статьею въ началѣ будущаго генваря (*А. Е.* III, 144).

Въ январѣ новаго 1834 и послѣдняго года бытія Археографической Экспедиціи, Строевъ, согласно данному имъ обѣщанію, пріѣхалъ въ Петербургъ, и 10-го числа, по обычаю, представилъ на благоусмотрѣніе С. С. Уварова *планъ дѣйствій Археографической Экспедиціи въ 1834 году*. Въ запискѣ этой Строевъ объясняетъ слѣдующее: „Ревматизмъ и геморроидальные припадки, особенно усилившіеся въ прошедшемъ году, дѣлаютъ для меня, по совѣту врачей, необходимымъ курсъ минеральныхъ водъ въ Москвѣ; а какъ архивы въ сей столицѣ представляютъ еще весьма много матеріаловъ археографическихъ, то, лѣчась, буду заниматься ими; потомъ могу сдѣлать нѣсколько поѣздокъ въ ближнія губерніи: Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую. Въ теченіе 1834 года, будетъ возможность приготовить къ *печатанію* собранные доселѣ матеріалы разнаго рода. Между тѣмъ, сотрудникъ мой, Бередниковъ, который своими знаніями, трудолюбіемъ и опытностію заслуживаетъ *полное* довѣріе, осмотритъ губернію Олонецкую и Соловки; потомъ, присодинясь ко мнѣ, можетъ дѣйствовать въ замосковныхъ губерніяхъ. Такимъ образомъ, къ началу 1835 года, Археографическое обозрѣніе губерній Великороссійскихъ будетъ окончено. Я могу переселиться въ С. Петербургъ и приступить къ печатанію собранныхъ матеріаловъ; а Бередникову можно будетъ поручить осмотръ архивовъ въ Малороссіи, Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи“ и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Строевъ просилъ отпустить слѣдующую ему на путешествіе сумму „въ полное и *безотчетное* распоряженіе“ (*А. Е.* III, 160).

Вышеприведенная записка представлена была Уварову при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Осмѣливаюсь безпокоить Ваше Высокопревосходительство повтореніемъ всепокорнѣйшей просьбы: о принятіи меня въ *полное* вѣдомство Императорской Академіи Наукъ. Удостоясь сей чести, я привелъ бы, въ теченіе сего 1834 года, домашнія дѣла мои въ такое положеніе, чтобы въ 1835 году, возможно было мнѣ переселиться сюда съ семействомъ: иначе, дѣйствовать при изданіи трудовъ Археографической Експедиціи будетъ для меня весьма затруднительно. Съ моей стороны, я употреблю возможное стараніе сдѣлаться достойнымъ милостиваго покровительства вашего. Равнымъ образомъ, благоволите, Ваше Высокопревосходительство, обратить благотворное вниманіе ваше на труды спутника моего Бередникова, четыре гора дѣятельно и съ усердіемъ мнѣ содѣйствовавшаго“ (*А. Е.* III, 159).

Письменнаго отвѣта Уварова на письмо Строева не послѣдовало. Полученъ былъ только отвѣтъ Фуса, да и то отрицательный, на

просьбу Строева объ отпускѣ ему суммы „въ полное и безотчетное распоряженіе“ (*А. Е.* III, 197).

Черезъ два дня послѣ подачи записки съ планомъ, Строевъ лично представилъ Уварову свое *Хронологическое указаніе домашнихъ матеріаловъ Отечественной Исторіи*, *Литературы*, *Филологіи и проч.*, *до начала XVIII столѣтія*. Этотъ трудъ долго служилъ, да и теперь служитъ, главнымъ пособіемъ при изученіи Русскихъ Древностей. Высказанное въ этомъ сочиненіи мнѣніе, что наши лѣтописи не такъ древни, какъ мы полагали, и что извѣстные подъ этимъ именемъ сборники принадлежатъ къ XIV столѣтію, послужило для Погодина, этого „новаго паломника Несторовой повѣсти“ *), поводомъ войны его съ Скептиками (Погодинъ. *Изслѣд.*, *Замѣч. и Лекціи*. М. 1846 г. I, V, VI).

„Хронологическое указаніе“ Уваровъ приказалъ напечатать въ журналѣ *Министерства Народнаго Просвѣщенія*, но съ тѣмъ, чтобы изъ окончанія этой статьи составлена была особая статейка для *Смѣси*, въ видѣ извѣстія объ Археографической Экспедиціи. Объ этомъ желаніи графа извѣстилъ автора редакторъ журнала К. С. Сербиновичъ. Строевъ приспособилъ конецъ своей статьи согласно желанію Уварова и не замедлилъ прислать Сербиновичу слѣдующій отрывокъ:

„Исторія Славянороссійской литературы—поле почти невоздѣланное. Въ немногихъ, занимавшихся ею, находимъ болѣе догадокъ, недоразумѣній и погрѣшностей, нежели свѣдѣній положительныхъ. Между тѣмъ, предметъ слишкомъ важенъ и необходимъ. Возможно-ли Бытописаніе *истинное* безъ изслѣдованія матеріаловъ, безъ точнаго опредѣленія *времени*, *духа* и *степени достовѣрности* каждаго изъ нихъ? Археографическая Експедиція, шестой годъ обозрѣвающая архивы и библіотеки Имперіи, успѣла между прочимъ собрать пять большихъ портфелей матеріаловъ къ исторіи нашей литературы до временъ Петра Великаго. Въ свое время они представятся публикѣ въ видѣ *Словаря Библіологическаго*, возможно обстоятельнаго и критическаго. Помѣщенное Хронологическое Указаніе Матеріаловъ извлечено изъ сихъ портфелей“ (*А. Е.* III, 201).

Но возвратимся къ Бередникову. Изъ Тихвина онъ поздравилъ своего начальника съ новымъ годомъ и при этомъ выражалъ желаніе, „чтобы нынѣшняя поѣздка его въ Петербургъ была благопріятна цѣли Археографической Экспедиціи, и чтобы ревностные труды ихъ были увѣнчаны распространеніемъ способовъ къ вящшимъ пріобрѣтеніямъ матеріаловъ для Отечественной Исторіи“ (*А. Е.* III, 187). Строевъ

*) Выраженіе покойнаго М. А. Максимовича.

опять вызывалъ Бередникова въ Петербургъ, объясняя, что по случаю перемѣны въ дѣйствіяхъ Археографической Експедиціи 1834 г., онъ намѣренъ дать ему „не маловажное порученіе“ (*А. Е.* III, 188). Но Бередниковъ, по болѣзни, прибылъ въ Петербургъ только 5-го февраля, и здѣсь узналъ, что вновь возлагаемое на него порученіе заключается въ „Археографическомъ обозрѣніи старинныхъ библіотекъ и архивовъ въ губерніи Олонецкой и монастырѣ Соловецкомъ“ (*А. Е.* III, 199). Павелъ Михайловичъ, посылая Бередникову предписаніе на счетъ этого порученія, приложилъ къ нему печатный экземпляръ своего Хронологическаго Указателя. Бередниковъ, письменно поблагодаривъ Строева за приложеніе, замѣтилъ по поводу *Указанія* слѣдующее: „Какъ *выводъ* Каченовскаго гармонируетъ съ вашимъ! Lux ex luce!“ (*А. Е.* III, 207, 225).

Изъ Петербурга Путешествующіе Археографы опять разъѣхались въ разныя стороны. Строевъ возвратился въ Москву и тамъ продолжалъ осмотръ нѣкоторыхъ изъ Московскихъ хранилищъ старины и разборъ бумагъ Соликамскаго и Кунгурскаго уѣздныхъ архивовъ, а Бередниковъ 4-го марта направился въ Зеленецкій монастырь, С.-Петербургской епархіи, и этой поѣздкой началъ, такъ называемую, Сѣверную Археографическую Експедицію (*А. Е.* III, 209).

Въ Зеленецкомъ монастырѣ Бередниковъ нашелъ *старый* архивъ Ладожскаго Николаевскаго монастыря, перевезенный по случаю приписки сего монастыря къ Зеленецкому, въ исходѣ XVII вѣка. Изъ этого архива онъ извлекъ „нужныя свѣдѣнія“ объ уничтоженныхъ въ Олонецкомъ краѣ монастыряхъ и составилъ списки настоятелей ихъ. Между тѣмъ, наступила распутица и Бередниковъ принужденъ былъ вернуться въ Тихвинъ и, такимъ образомъ, отложить дальнѣйшую поѣздку свою на Сѣверъ до Ѳоминой недѣли, когда съ нимъ обѣщалъ ѣхать до Соловковъ „одинъ бывалый дворянинъ Тихвинскаго уѣзда“ (*А. Е.* III, 224).

По окончаніи весенней распутицы, Бередниковъ тронулся въ путь и въ началѣ мая былъ уже въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, гдѣ нашелъ немалый архивъ и библіотеку, содержавшую въ себѣ до сотни рукописей, по большей части принадлежавшихъ Кожеозерскому монастырю (*А. Е.* III, 235). Изъ Александро-Свирскаго монастыря Бередниковъ переѣхалъ въ г. Олонецъ, гдѣ оставался на нѣсколько дней для разбора стараго архива тамошняго уѣзднаго суда. Кромѣ не многихъ частныхъ дѣлъ, Бередниковъ нашелъ въ этомъ архивѣ грамоты о постройкѣ города Олонца, о состояніи деревянныхъ его укрѣпленій и пр., а также любопытныя данныя, относящіяся къ исторіи мѣстнаго раскола XVII вѣка, а именно: извѣстія объ овладѣніи

раскольниками Палеостровскимъ монастыремъ и Пудожскимъ погостомъ, о гоненіи ихъ, казни, самосожженіи и пр.

19-го мая Бередниковъ пріѣхалъ въ Петрозаводскъ и на другой день познакомился съ Преосвященнымъ Игнатіемъ *), „мужемъ доблестнымъ и разумнымъ". Вотъ что пишетъ о немъ Бередниковъ въ своемъ донесеніи Строеву: „Полное усердіе, пламенное соучастіе и отчасти оправданное на дѣлѣ содѣйствіе пользѣ Археографической Экспедиціи,—вотъ черты, коими уже ознаменовались недавнія отношенія ко мнѣ Его Преосвященства!" Преосвященный увѣрялъ Бередникова, что въ Олонецкомъ и Поморскомъ краяхъ Экспедицію встрѣтитъ жатва обильная. Въ одномъ книгохранилищѣ старообрядческой Выговской пустыни хранится (втайнѣ) *до тысячи рукописей*, хотя доступъ къ нимъ, весьма труденъ и почти не возможенъ, по обыкновенному официальному порядку. Преосвященный, однакожъ, видѣлъ эту завѣтную библіотеку. Что же касается до Соловковъ, то Архимандритъ Досифей писалъ къ Преосвященному, что, кромѣ находящагося въ семъ монастырѣ богатаго собранія древнихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ и архивскихъ бумагъ, онъ недавно открылъ еще гдѣ-то въ своемъ монастырѣ до трехъ сотъ рукописей, относящихся по большой части къ исторіи старовѣрства и проч.

Преосвященный собралъ изъ Олонецкихъ упраздненныхъ монастырей много грамотъ и стяжалъ большое собраніе старообрядческихъ книгъ, коими, въ утѣшеніе за могущую быть неудачу въ доступѣ къ литературнымъ сокровищамъ Выга, онъ позволилъ Бередникову, во время пребыванія въ Петрозаводскѣ, пользоваться.

Хотя Олонецкая земля, пишетъ далѣе Бередниковъ, видимо привѣтлива и гостепріимна, за то здѣшнее небо, несмотря на весеннее время, грозно и сурово неумолимо. Вообразите! сегодня 20-е мая, а здѣсь дуетъ холодный, рѣзкій вѣтеръ: временами перепадаетъ снѣгъ; термометръ упалъ на точку замерзанія. Вотъ вамъ картина атмосферы нашего угрюмаго желѣзнаго Сѣвера, которой вы—жители Москвы благодатной—конечно не позавидуете"! (*А. Е.* III, 236).

28-го мая Бередниковъ разстался съ гостепріимнымъ Петрозаводскомъ и 31-го числа пріѣхалъ въ Каргополь по Пудожскому тракту. Этотъ путь Бередниковъ избралъ для монастырей Мурманскаго и Челмогорскаго, изъ коихъ въ послѣднемъ (по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ) долженствовала храниться грамота о ссылкѣ туда великихъ княгинь Софіи Витовтовны и Софіи Ѳоминишны. Однако грамоты этой не нашлось; по объясненію мѣстнаго священника, она взята была

*) Впослѣдствіи Архіепископъ Воронежскій.

благочиннымъ для составленія какихъ-то историческихъ епархіальныхъ записокъ. Впрочемъ, Бередниковъ не даромъ проѣхался въ Челмогорскій монастырь; онъ нашелъ тамъ *Житіе преподобнаго Кирилла Челмогорскаго*, писанное въ половинѣ XVII вѣка, іереемъ Іоанномъ Каргопольскаго Лядинскаго погоста (*А. Е.* III, 241).

Въ Каргополѣ, въ числѣ старыхъ бумагъ мѣстнаго Магистрата, нашлась: уставная (харатейная) грамота великаго князя Іоанна IV-го Онежанамъ, 1534 г., а въ тамошнемъ Спасскомъ монастырѣ—нѣсколько общихъ постановленій, и любопытное челобитье, касающееся до дѣлъ *смутнаго періода*.

6-го іюня Бередниковъ пріѣхалъ въ Онегу, а 8-го отправился въ Соловецкій монастырь, куда и прибылъ 12-го числа. На морѣ, по пути къ Соловкамъ, судно, на которомъ ѣхалъ Бередниковъ, выдержало сильную бурю и за противнымъ вѣтромъ стояло у гранитной луды, близь Кондострова, около сутокъ.

Архимандритъ Соловецкаго монастыря Досиѳей, еще въ 1833 году, прислалъ въ Академію Наукъ разныя свѣдѣнія о знаменитомъ Троицкомъ келарѣ Аврааміи Палицынѣ, добытыя имъ изъ манускриптовъ Соловецкаго архива. Такъ, по *Общей Описи царскимъ грамотамъ*, составленной въ 1733 году, оказалась грамота царя Михаила 1627 года къ Соловецкому игумену Макарію о погребеніи въ тамошнемъ монастырѣ Авраамія. Въ монастырскихъ *Кормовыхъ книгахъ*, найдена запись о томъ, что „по старцѣ Аврааміи установлено было ежегодное 13-го сентября, поминовеніе и на братію въ этотъ день поставляли праздничный столъ съ бѣлымъ хлѣбомъ“. Поминовеніе это продолжалось до 1764 года. Кромѣ того, въ монастырскомъ книгохранилищѣ нашлась принадлежавшая Авраамію *Псалтирь*, писанная превосходнымъ уставомъ и съ великолѣпнымъ на заглавномъ листѣ украшеніемъ. На Псалтирѣ сохранилась слѣдующая надпись: „Псалтирь старца Авраамія Палицына, пожившаго здѣ, въ обители на Соловкахъ, на своемъ обѣщаніи, идеже постриженъ, по трудѣхъ, на покоѣ лѣтъ седмь. Преставися о Господѣ лѣта 7135. По смерти отказалъ въ казну на поминъ свой въ вѣки“. Архимандритъ Досиѳей прислалъ еще въ Академію *Уставъ Торговый* 1646 года. Все присланное изъ Соловковъ, препровождено было Конференціею къ Строеву, который уже отъ себя благодарилъ архимандрита Досиѳея, письмомъ отъ 11-го сентября 1833 года, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Обстоятельства не дозволили мнѣ въ 1829 году, вступить съ вашимъ высокопреподобіемъ въ личное знакомство, а потомъ я кочевалъ въ областяхъ удаленныхъ отъ Поморія, и на дняхъ возвратился сюда изъ Низоваго Приволжія. Въ будущемъ 1834 году, надѣюсь посѣтить бла-

гословенную вашу обитель, или пришлю, вмѣсто себя, помощника моего г. Бередникова, человѣка весьма опытнаго и свѣдущаго" (*А. Е.* III, 86—88, 92).

По прибытіи въ Соловецкій монастырь, Бередниковъ началъ свои археографическіе поиски съ мѣстнаго архива, который, по его донесенію Строеву, отъ 21-го іюня 1834 года, „изобилуетъ важными старинными актами, восходящими до XVI вѣка и простирающимися въ непрерывномъ порядкѣ до начала XVIII вѣка". Кромѣ того, Бередникову предлежала обильная жатва въ монастырской библіотекѣ, содержавшей въ себѣ 1004 рукописи и 2532 печатныя книги (*А. Е.* III, 250). Строевъ одобрилъ начало работъ своего помощника. „Вы весьма хорошо поступили, писалъ онъ Бередникову, отъ 23-го іюня, что начали съ архива". Изъ рукописей библіотеки, Строевъ совѣтовалъ обратить „особенное вниманіе на сборники, житія святыхъ, и т. под., и на тѣ мѣста, гдѣ упоминается объ авторахъ и вообще относительно исторіи литературы". Онъ совѣтовалъ также Бередникову, на обратномъ пути, въ случаѣ если поѣдетъ Архангельской дорогой, съѣздить въ упраздненный Богословскій Важскій монастырь (*А. Е.* III, 254),

Къ 20-му іюлю, Бередниковъ окончилъ разборъ Соловецкаго архива и коллекціи подлинныхъ грамотъ, хранящихся въ монастырской ризницѣ, при чемъ оказались слѣдующіе „*особенно примѣчательные*" акты: 1) Двѣ уставные грамоты царя Іоанна Керетчанамъ и Ковдянамъ, 1542. 2) Нѣсколько грамотъ его же Соловецкому игумену Варлааму, о войнѣ съ Поляками и Ливонцами. 3) Географическій отрывокъ XVI вѣка (Роспись Государевой Украйнѣ отъ Нѣмецкаго рубежа Каинскіе украйны). 4) Соборное посланіе Соловецкому игумену Филиппу, о Троицкомъ игуменѣ Артеміи, впадшемъ въ ересь Матвея Башкина, 1554 января 24. 5) Соборное возраженіе на вопросы дьяка Ивана Висковатаго, исповѣданіе его и соборная епитимія за неправыя умствованія о иконахъ. 6) Двѣ челобитныя Московскаго Благовѣщенскаго собора поповъ Сильвестра и Симеона, по сему жъ дѣлу, 1554 года. 7) Двѣ уставныя грамоты Соловецкаго игумена Филиппа монастырскимъ крестьянамъ 1548 и 1564. 8) Уставная грамота его же 1561 года. 9) Таможенная грамота царя Ѳеодора Іоанновича о сборѣ на Соловецкій монастырь пошлинъ 1591. 10) Отписки пограничныхъ Шведскихъ воеводъ къ Соловецкому игумену Антонію, по дѣламъ Смутнаго періода. 11) Писцовый наказъ стольнику Бутурлину о переписи Кольскаго уѣзда, XVII в. 12) Дѣло о Соловецкомъ мятежѣ. 13) Наказныя статьи о раскольникахъ 1685. 14) Наказы Переяславскому и Бѣлгородскому воеводамъ, и многія любопытныя бумаги изъ

архива князей Волконскихъ, хранящагося, по неизвѣстному случаю, въ Соловецкомъ монастырѣ и 15) Большая коллекція юридическихъ актовъ съ XV по XVIII в. нужныхъ для знанія старинныхъ формъ дѣлопроизводства (*А. Е.* III, 257, 258).

Находки Бередникова въ монастырской Библіотекѣ тоже немало важны, а именно: 1) Нѣсколько посланій митрополита Кипріана, касающихся до тогдашнихъ смутныхъ дѣлъ Церкви. 2) Жалобница князей Андрея и Бориса Васильевичей, писанная въ Великихъ Лукахъ, о притѣсненіяхъ великаго князя Іоанна III. 3) Сказаніе объ убіеніи Астраханскаго митрополита Іосифа 1671 года. Изъ старопечатныхъ книгъ особенно примѣчательны: *Herbar gmak Bylinar.* Wytesstieno w Starém miestie Prazském letha Panie 1562. 2) Апостолъ. М. 1564. 3) Апостолъ Львовъ 1574. 4) Статутъ княжества Литовскаго 1586. 5) Тріодь постная. М. 1589 и 6) Василія Великаго о постничествѣ, Острогъ 1594 (*А. Е.* III, 259).

Въ началѣ сентября 1834 года, Бередниковъ, съ полными портфелями Сѣверной Экспедиціи, возвратился въ Москву и, сдавши собранные матеріалы своему начальнику, уѣхалъ отдохнуть отъ трудовъ къ роднымъ въ Тихвинъ.

Самъ же Павелъ Михайловичь, окончивъ въ это время обработку матеріаловъ Пермскихъ архивовъ, хлопоталъ чрезъ С. С. Уварова о дозволеніи ему осмотрѣть Архивъ Оружейной Палаты (*А. Е.* III, 275).

Читатель видѣлъ, что мы, описывая дѣянія П. М. Строева на поприщѣ Археографіи, не пропускали случая упоминать объ его личныхъ отношеніяхъ, разумѣется, на сколько эти отношенія имѣли связь съ предметомъ его занятій. Мы сообщали, по возможности, хотя краткія свѣдѣнія о современныхъ Строеву любителяхъ и собирателяхъ памятниковъ древней письменности. Въ ряду этихъ достопочтенныхъ лицъ, очень видное мѣсто занималъ Александръ Дмитріевичь Чертковъ, издавшій въ описываемое нами время, т. е. въ 1834 году, замѣчательное сочиненіе, подъ заглавіемъ *Описаніе Древнихъ Русскихъ монетъ* (М. 1834, 8°).

Павелъ Михайловичь Строевъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Чертковымъ, но такъ какъ оба они жили постоянно вмѣстѣ въ одномъ городѣ, Москвѣ, а потому понятно, почему въ бумагахъ Строева находится такъ мало письменныхъ свидѣтельствъ объ этихъ сношеніяхъ.

Съ именемъ Черткова невольно воспоминается его знаменитая *Всеобщая Библіотека Россіи*, которой начало почти одновременно съ первыми пріобрѣтеніями знаменитыхъ собирателей Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова, Графа Ѳ. А. Толстаго, И. Н.

Царскаго, П. М. Строева, М. П. Погодина и др. (*Русск. Арх.* 1864 I, 2). Но всеобщую извѣстность какъ въ Россіи, такъ и за границей, эта библіотека получила уже по смерти собирателя, въ концѣ 1858 года, когда сынъ его, Григорій Александровичь Чертковъ, открылъ ее для общаго пользованія, и библіотекаремъ ея сдѣлался Издатель Русскаго Архива Петръ Ивановичь Бартеневъ, который во время своего библіотекарства, умѣлъ сдѣлать изъ частной библіотеки, дѣйствительный центръ духовной дѣятельности, куда появлялись во множествѣ не только Москвичи, но и посѣщавшіе Москву соотечественники и иностранцы. Съ 1863 года, г. Библіотекаремъ предпринято изданіе *Русскаго Архива*, еще болѣе поднявшаго значеніе Чертковской Библіотеки. Кромѣ того, существованіе Библіотеки на Мясницкой сопровождалось цѣлымъ рядомъ изданій и множество ученыхъ трудовъ по русской старонѣ исполнено было посѣтителями. Такимъ образомъ, процвѣтаніе Библіотеки продолжалось до 1873 года, т. е. до того времени, когда владѣлецъ Библіотеки пожертвовалъ это отцовское книгохранилище городу Москвѣ: библіотекарь принужденъ былъ растаться съ учрежденіемъ, на которое онъ, въ теченіе почти четырнадцати лѣтъ, положилъ много труда, энергіи и знанія. Люди, посѣщавшіе библіотеку въ періодъ ея процвѣтанія на Мясницкой, съ грустью находятъ ее теперь въ двухъ уединенныхъ комнатахъ обширнаго Румянцовскаго Музея.

Мы не знаемъ, когда Строевъ познакомился съ А. Д. Чертковымъ. Знаемъ только, что 25-го февраля 1833 года, въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, „Господинъ Дѣйствительный Членъ П. М. Строевъ“, какъ гласитъ журналъ засѣданія Общества, „письменно предложилъ въ Дѣйствительные Члены Полковника и Кавалера А. Д. Черткова“. Предложеніе было принято и новому члену доставленъ дипломъ (*Тр. и Лѣт. Общ.* М 1837, VIII, 206). Въ это-то время Чертковъ и приготовлялъ къ печати свое *Описаніе Древнихъ Русскихъ Монетъ*, которое вышло въ свѣтъ, какъ мы видѣли, въ слѣдующемъ въ 1834 году. Эта работа особенно сблизила Черткова съ Строевымъ и къ этому времени относится, сохранившееся въ бумагахъ Павла Михайловича, нижеслѣдующее письмо къ нему Черткова изъ Ярополььца *) (отъ 7-го августа 1834): „Приношу мою искреннѣйшую благодарность за пріятнѣйшее письмо ваше отъ 27-го іюля. Здѣсь въ (Ярополцѣ) столько дѣла и бездѣлья, что я даже до сихъ поръ не удосужился съѣздить въ свою деревню, въ

*) Село Волоколамскаго уѣзда, принадлежавшее графинѣ Чернышевой-Кругликовой, своячени цѣ Черткова.

15-ти верстахъ отъ Клина находящуюся. Двѣ свадьбы, раздѣлъ имѣнія, пріѣздъ брата жены моей и будущаго зятя Муравьева, разъѣзды по сосѣдямъ, званые обѣды и даже Spectacles de societé, разумѣется, въ саду, на французскомъ языкѣ! Вотъ наши важныя занятія! Препоручить достать 5 экземпляровъ изображеній монетъ для Цензурнаго Комитета никакъ не могу, ибо, сбираясь на скоро изъ Москвы, совершенно не знаю куда засунулъ готовыя гравюры и куда положилъ ключи отъ комодовъ и бюра (sic), но въ концѣ сего мѣсяца я надѣюсь совсемъ возвратиться на жительство въ Москву, а потому прошу покорно обождать еще недѣли двѣ и быть увѣрену, что неисправность сія съ моей стороны невольная и происходитъ отъ обстоятельствъ, не зависящихъ отъ меня. Погода у насъ прекрасная. Свидѣтельствую мое почтеніе вашей супругѣ" (*Письма*, II, № 253).

Когда сочиненіе А. Д. Черткова о *Монетахъ* вышло въ свѣтъ, то П. М. Строевъ, въ *Телескопѣ* 1834 года, написалъ рецензію, въ которой между прочимъ читаемъ: „Древняя Русская Нумизматика еще въ совершенномъ младенчествѣ. Знаемъ нѣсколько минцъ-кабинетовъ, довольно богатыхъ, но они не описаны; сочиненій же нумизматическихъ не являлось. Привѣтствуемъ первенца на семъ поприщѣ, юнаго, робкаго, но заслуживающаго вполнѣ вниманія и благодарность просвѣщенныхъ соотечественниковъ". По поводу *кожаныхъ денегъ*, Строевъ въ этой рецензіи сказалъ рѣшительно: „Пора отдѣлить *вѣрное* отъ хламу вымысловъ"! И вслѣдъ за симъ приводитъ весьма важное мѣсто изъ одного *Соловецкаго Сборника* (№ 67. 4⁰ л. 302), написаннаго въ 7002 (1494) году: „*Паметь какъ торговали доселѣ Новгородци*: пять лобцовъ четверетца, а десять лобцовъ двѣ четверетци, ино то мротка; а ногата полторы мротки, три четверетци; а двѣ вѣкши лбець, а лбецовъ пять за четверетцу. Новая гривна три гривны; а куна двѣ денги, а ногата семь денегъ; а гривна серебра рубль". „Вотъ лобцы, мротки, ногаты, куны, вѣкши, въ ихъ истинномъ значеніи", продолжаетъ Строевъ, „какъ монеты серебряныя и во взаимной цѣнности! Не утаимъ и того, что въ новѣйшее время лоскуты старыхъ переплетовъ, ремешки четокъ и т. под. отъ смышленыхъ торгашей, преважно поступили въ минцъ-кабинетъ подъ фирмою: *кожаныя деньги*. Мѣха дѣйствительно имѣли цѣнность монетную; но *кожаныя деньги* (лоскуты съ клеймами) разлетѣлись по вѣтру отъ розысканій г. Каченовскаго, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ вносящаго хоругвь высшей критики въ темные удѣлы нашей исторіи" (Ч. XXIII, стр. 285—290).

Заговоривъ о личныхъ сношеніяхъ Строева, нельзя не выразить удивленія объ отсутствіи этихъ отношеній съ Александромъ Ивановичемъ

Тургеневымъ, который, въ теченiи многихъ лѣтъ, ревностно занимался собиранiемъ древнихъ Русскихъ письменныхъ памятниковъ въ архивахъ Западной Европы. Результатомъ трудовъ Тургенева было два объемистыхъ тома, изданные Археографическою Коммиссiею, подъ заглавiемъ: *Historica Russiae Monumenta* *). Тургеневъ занимался въ Европѣ тѣмъ же, чѣмъ Строевъ въ Россiи, т. е. собиранiемъ источниковъ. Такая общность занятiй, казалось бы, могла дать много пищи для обмѣна мыслей, но, къ сожалѣнiю, мы ихъ видимъ постоянно вдали другъ отъ друга, и въ бумагахъ Павла Михайловича сохранился единственный письменный памятникъ ихъ сношенiй, въ видѣ черноваго письма его къ Тургеневу, отъ 5-го iюня 1834 года, слѣдующаго содержанiя: „Поспѣшаю возвращенiемъ ввѣренной мнѣ отъ Вашего Превосходительства тетради Monumenta Russiam, которую просмотрѣлъ я съ большимъ удовольствiемъ. Относительно папскаго влiянiя на Россiю, наиболѣе Западную, покойный Карамзинъ пользовался Рейнальдовымъ Annales. Изъ помѣщенныхъ въ вашемъ Спискѣ Ватиканскихъ бумагъ, весьма немногiя были извѣстны покойному Исторiографу. Какъ не пожелать, чтобы всѣ сiи акты, старанiемъ нашего попечительнаго Правительства, были списаны и потомъ изданы *ученымъ* образомъ“ (*А. Е.* III, 240).

Сдѣлавъ это невольное отступленiе, вернемся къ послѣднимъ днямъ бытiя Археографической Экспедицiи и пропоемъ ей „исходное пѣнiе“.

Осенью 1834 года, воспослѣдовало Высочайшее соизволенiе на допущенiе Экспедицiи къ занятiямъ въ архивѣ Оружейной Палаты. Но въ то время въ архивѣ этомъ уже приспособлялся къ работамъ академикъ Гамель, который обязательно вызвался отдѣлять для Экспедицiи, подходящiе къ ея цѣлямъ матерiалы. По крайней мѣрѣ, въ донесенiи Строева къ Президенту Академiи Уварову, отъ 17-го октября, читаемъ слѣдующее: „По приказанiю Вашего Высокопревосходительства, я осматривалъ старинный архивъ мастерской Оружейной

---

*) Въ ноябрѣ 1839 года, А. И. Тургеневъ доставилъ въ Археографическую Коммиссiю акты на иностранныхъ языкахъ, собранные имъ въ библiотекахъ и архивахъ Западной Европы. Для изданiя этихъ актовъ назначенъ былъ въ Коммиссiю особый редакторъ. Выборъ министра палъ на знаменитаго Востокова; но вотъ что писалъ Бередниковъ Строеву о томъ, какъ Востоковъ исполнилъ это порученiе: «Вы не повѣрите, что за народъ наши Русскiе (прославленные) антикварiи; напримѣръ, Востоковъ, котораго Нѣмцы и Чехи называютъ гелертеромъ (Gelerther Russe exclusive)? Какъ онъ испортилъ (до невѣроятности) изданiе Иностранныхъ Актовъ, которые издавать гораздо легче Славянскихъ! Что если бы его допустить до изданiя Лѣтописей и Грамотъ?... Вы не вѣрите?... Прiѣзжайте, представлю улику на лицо... Я самъ дивлюсь и недоумѣваю... (*Письма*, II, № 331).

Палаты. Столпцы, въ немъ находящіеся, не приведены въ порядокъ: на сіе требуется нѣсколько мѣсяцевъ, иначе невозможно знать, что тамъ любопытство заслуживаетъ. Академикъ Гамель, занимающійся симъ архивомъ, сказывалъ мнѣ, что сіи столпцы важны только въ техническомъ отношеніи, будутъ имъ всѣ пройдены, и онъ охотно принимаетъ на себя трудъ отдѣлять такіе акты, кои важны для археологіи вообще" (*А. Е.* III, 281).

Само собою разумѣется, предложеніе это было принято съ глубокою благодарностью, и Строевъ воспользовался непредвидѣннымъ досугомъ, для окончанія послѣдняго 10-го тома Актовъ Историко-юридическихъ, собранныхъ въ археографическія поѣздки прошлыхъ годовъ. А по окончаніи этого тома—приведеніемъ въ порядокъ остальныхъ бумагъ Экспедиціи. Между тѣмъ, секретарь Академіи Фусъ, письмомъ отъ 8-го декабря, напомнивъ Строеву о приближающемся днѣ публичнаго собранія Академіи, увѣдомилъ его о желаніи Президента, чтобъ въ этотъ день прочитанъ былъ общій отчетъ о шестилѣтнихъ дѣйствіяхъ Археографической Экспедиціи.

Въ отвѣтъ на это Строевъ, черезъ десять дней (18-го декабря), послалъ къ Фусу требуемый *Отчетъ*, для прочтенія въ торжественномъ собраніи Академіи, но при этомъ выражалъ сожалѣніе, „что жестокая простуда, удерживающая его многіе дни дома", не позволяетъ ему самому пріѣхать въ Петербургъ (*А. Е.* III, 289).

Вотъ полный текстъ посланнаго Строевымъ отчета:

„Императорской Академіи Наукъ, въ 1829 году, угодно было отправить меня въ Археографическое путешествіе по Европейской Россіи. Цѣль сего предпріятія: обстоятельное познаніе *всѣхъ* (буде возможно) письменныхъ памятниковъ Отечественной Исторіи, Дипломатики, Законовѣдѣнія и проч., скрывающихся въ старинныхъ книгохранилищахъ и архивахъ.—Полное окончаніе сего дѣла предполагалось въ *десять лѣтъ*.

Сѣверовостокъ и часть средней Россіи осмотрѣны совершенно. Въ Москвѣ еще довольно архивовъ, въ коихъ работать не достало времени. По сей причинѣ и С.-Петербургскія хранилища старины мнѣ почти неизвѣстны. Въ степныхъ губерніяхъ нѣтъ жатвы археографической, по недавнему ихъ заселенію; остаются: Малороссія, Волынь, Литва и Бѣлоруссія.

Многія неудобства стѣсняли меня въ шесть лѣтъ путешествія, особенно недостатокъ писцовъ, способныхъ *правильно* копировать рукописи: сколько времени на сіе потеряно! Я обязанъ засвидѣтельствовать предъ Академіею отличное трудолюбіе, способности и заслуги

г. Бередникова, съ 1830 года раздѣлявшаго со мною труды и трудности.

Главнѣйшія изъ осмотрѣнныхъ книгохранилищъ: Патріаршее (въ Москвѣ), Софійское (въ Новгородѣ), Троицко-Сергіевой лавры, Соловецкаго, Кирилы Бѣлозерскаго, Іосифова и другихъ монастырей. Прочія библіотеки и архивы (числомъ болѣе двухъ сотъ) доставили болѣе или менѣе достопамятностей. Настоящее положеніе хранилищъ старины заставляетъ опасаться, что въ недолгое время многіе изъ нихъ изчезнутъ или гораздо умалятся. Какъ часто я не находилъ того, что лѣтъ за нѣсколько предъ симъ существовало.

Письменные памятники всѣхъ вѣтвей Отечественной Исторіи дѣлятся на два разряда: I. *Акты*, II. *Писанія*.

1. *Акты* суть: a) государственные и дипломатическіе, b) юридическіе. Къ первымъ принадлежатъ: договоры (взаимные) князей великихъ и удѣльныхъ, съ половины XIII вѣка; сношенія Двора Московскаго съ иноземными государями до конца XV вѣка; грамоты, уставы, указы относительно внутренняго управленія, судопроизводства и проч. въ XV—XVII столѣтіяхъ. Вторые суть многообразныя бумаги, обезпечивавшія (въ свое время) частныя привиллегіи, собственность и пр. На иждивеніи покойнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова издано въ Москвѣ *Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ* (4 тома), князь Щербатовъ, Карамзинъ, Новиковъ и другіе напечатали также многіе акты; но число неизданныхъ несравненно великое. Юридическими еще никто не занимался, хотя безъ нихъ старинное правовѣдѣніе не возможно. Археографическая Експедиція успѣла собрать (въ десяти фоліантахъ) списки до трехъ тысячъ *Актовъ Историко-юридическихъ* (съ 1340 по 1700 годъ), кои теперь находятся у Его Высокопревосходительства Господина Министра Народнаго Просвѣщенія.

II. *Писанія*: a) лѣтописи (разныхъ формъ) болѣе или менѣе полныя, общія и частныя; b) повѣсти и сказанія (наиболѣе чудословныя) о событіяхъ, побѣдахъ, осадахъ городовъ, аскетическія о праведникахъ и проч.; c) посланія владыкъ къ своимъ паствамъ, переписки разныхъ лицъ, слова и отрывки разнаго содержанія и проч. и проч. Много писаній уже издано (частію неисправно), но наиболѣе они остаются въ рукописяхъ; нѣкоторыя только въ одномъ, двухъ или трехъ экземплярахъ. Исторической критикѣ здѣсь довольно хлопотъ и весьма важныхъ: утвердить степень *достовѣрности* каждаго, иначе невозможно употреблять ихъ въ дѣло. „Въ средніе вѣки простодушные труженики переиначивали авторовъ и съ терпѣніемъ писали то, чего

(иногда) не въ силахъ выразумѣть голова человѣческая" *). Многочисленные списки книгъ библійскихъ, патристическихъ, каноническихъ, церковнаго круга и проч., коими наполнены хранилища рукописей, ожидаютъ также трудолюбивыхъ дѣлателей относительно церковной исторіи, права каноническаго, Славянской филологіи, чѣмъ еще почти у насъ не занимались. Да и что обслѣдовано, доказано, утверждено на основаніи твердомъ? Рукописная литература Славяно-русская — *море великое*, въ средину его никто не пускался. Портфели Археографической Експедиціи съ матеріалами для исторіи сей литературы до XVIII столѣтія, немаловажны: онѣ указываютъ гдѣ, что и какъ находится. Очеркъ сихъ портфелей напечатанъ въ журналѣ *Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1834 г. № 2).

Въ настоящее время отъ благоусмотрѣнія Императорской Академіи Наукъ зависитъ: a) продолжить Археографическую Експедицію въ остальныхъ областяхъ Имперіи, дабы утвердить рѣшительно: *болѣе сего нѣтъ*; или b) начать печатаніе *актовъ историко-юридическихъ*, почти приготовленныхъ, и *собраніе разныхъ писаній* по моимъ указаніямъ?—Всякое начинаніе предполагаетъ конецъ вожделенный.

Но подвигъ самый важный и первой необходимости былъ бы: собрать воедино письменные памятники быта, дѣлъ и литературы нашихъ предковъ, разбросанные, наиболѣе безъ пользы, по пространству Имперіи и день за день отъ многихъ причинъ умаляющіеся. Наша ученость витаетъ въ столицахъ: только тамъ ученые, кои могли бы употребить на пользу отечественной Кліо и акты и писанія. Воля Его Императорскаго Величества—и здѣсь можетъ образоваться *Государственное хранилище* изъ нѣсколькихъ тысячъ рукописей. Не суждено-ли Академіи Наукъ содѣйствовать сему подвигу?

Тогда, никакъ не прежде, опытные археологи, соединеннымъ трудомъ и усиліями, возмогутъ издать полное *собраніе источниковъ и пособій Отечественной Исторіи* въ обширномъ смыслѣ. Горнило критики искуситъ ихъ и очиститъ. Наконецъ, да явится прагматизмъ, коего съ такимъ нетерпѣніемъ жаждутъ просвѣщенные соотечественники!

Заключаю словами моего учителя: „Мы стоимъ на прагѣ неожиданныхъ перемѣнъ въ понятіяхъ нашихъ о ходѣ происшествій на Сѣверѣ въ минувшіе вѣки. Наступитъ время, когда мы будемъ удивляться тому, что съ упорствомъ и такъ долго оставались во мглѣ предубѣжденій почти невѣроятныхъ" **) (*А. Е.* III, 290—293).

---

*) Каченовскій въ *Вѣстникѣ Европы* 1826 г. № 21, стр. 105.

**) *Вѣстн. Евр.* 1828, № 13, стр. 47.

Накануне того самаго дня, когда въ стѣнахъ Академіи торжественно читался этотъ отчетъ, въ Департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія писалась на имя Автора отчета и Начальника Археографической Экспедиціи бумага, доселѣ изумляющая своею неожиданностью. Содержаніе этой бумаги, отъ 28-го декабря 1834 года, подписанной директоромъ Департамента Министерства Князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, слѣдующее:

„Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго представленія Министра Народнаго Просвѣщенія, Его Императорское Величество, въ 26-й день сего декабря, Высочайше соизволилъ на опредѣленіе меня предсѣдателемъ, учрежденной при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія коммиссіи, для изданія собранныхъ Археографическою Экспедиціею актовъ о Россіи, членами же оной г. Министръ назначилъ на основаніи § 3 Высочайше утвержденныхъ 24-го декабря, правилъ: *васъ*, милостивый государь, надворнаго совѣтника Сербиновича, профессора Устрялова и коллежскаго Секретаря Бередникова" (*А. Е.* III, 295).

А на другой день самъ Уваровъ увѣдомилъ Строева, что Государь Императоръ, во вниманіе къ отличнымъ трудамъ его и успѣшному выполненію возложеннаго на него порученія въ качествѣ начальника Археографической Экспедиціи, Всемилостивѣйше соизволилъ въ 26-й деня сего декабря, пожаловать его кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й степени Императорскою короною украшеннаго. Въ заключеніе Уваровъ выражаетъ надежду, что Строевъ „будучи признателенъ къ сей Монаршей милости и впредь потщится съ тѣмъ же стремленіемъ исполнять всѣ возлагаемыя на него начальствомъ порученія" (*А. Е.* III, 296).

Такимъ образомъ, дѣло, созданное Строевымъ и доведенное имъ до блестящихъ результатовъ, не смотря на всѣ трудности, сопряженныя съ тогдашними путешествіями по Россіи, передавалось другому лицу, ничѣмъ доселѣ не заявившему о своей компетентности въ области Археографіи. Императовская Академія Наукъ, которой слишкомъ хорошо было извѣстно достоинство трудовъ Строева, разумѣется, осталась въ сторонѣ и только когда Строевъ обратился къ Непремѣнному Секретарю Академіи П. Н. Фусу съ просьбою о назначеніи ему и помощнику его Бередникову денежнаго пособія изъ „сбереженной имъ" отъ Археографическаго путешествія шеститысячной суммы,— Фусъ, въ отвѣтномъ письмѣ своемъ, самымъ слабымъ намекомъ далъ понять обойденному Археографу, что Академія недовольна распоряженіемъ Министра Народнаго Просвѣщенія. „Хотя Академія, писалъ Фусъ, и находитъ сію просьбу справедливою, однако не почитаетъ себя въ правѣ употребить предстательство свое по *сему дѣлу*, *ко-*

торое вслѣдствіе учиненныхъ г-номъ Министромъ распоряженій, уже болѣе до нея не касается“ (*А. Е.* III, 317).

Строевъ, во все время своего путешествія, велъ образцовую отчетность въ употребленіи ввѣренной ему суммы и къ послѣднему отчету, онъ приложилъ нижеслѣдующую таблицу „Издержекъ Археографической Экспедиціи въ шесть лѣтъ путешествія“:

	1829.	1830.	1831.	1832.	1833.	1834.
I. *Жалованья*: Археографу, его сотрудникамъ, писцамъ и прислужникамъ	2988	2865	3155	3755	3975	3690
II. *Ремонтъ* принадлежностей ученыхъ, канцелярскихъ и хозяйственныхъ	848—37	457—79	442—10	175—65	363—45	149—85
III. *Прогоны и разъѣзды* въ городахъ. . .	2749—76	1721—61	1284—97	2582—87	1827—58	1589—63
IV. *Квартиры и продовольствіе*	3299—27	3156—77	2817—61	3446—45	3468—95	2827— 7
За пересылку денегъ .	76—25	109	13—25	53	78—25	32—50
Итого. . . .	9961—65	8310—17	7712—93	10012—97	9713—23	8289— 5
	Всего въ шесть лѣтъ: *54,000 руб. асс.*					

Много лѣтъ спустя, Строевъ писалъ А. А. Кунику: „Археографическую Експедицію очень скоро забыли, постарались извратить ходъ дѣла, и потомъ совсѣмъ затемнили“. (*Вх.* и *Исх.* III, 36 об.). Но за то память о Путешествующемъ Археографѣ надолго сохранилась въ монастыряхъ, имъ посѣщенныхъ, хотя и не суждено было сбыться предреченію одного изъ иноковъ: „. . .Вы, монахи, послѣ смерти Строева заживете припѣваючи: въ одномъ монастырѣ будутъ показывать пыльную шляпу Строева, въ которой онъ рылся въ архивѣ; въ другомъ его сюртукъ пыльный, въ третьемъ сапоги и т. д. и какой нибудь путешествующій Англичанинъ будетъ платить большіе деньги; а у васъ никогда не переведется поношенная шляпа Строева“ (*Письма*, II, № 349).

XIV.

И такъ, предсѣдателемъ вновь учрежденной Археографической Коммиссіи назначенъ былъ директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія Князь Платонъ Александровичь Ширинскій-Шихматовъ. Напомнимъ нынѣшнимъ читателямъ, хотя въ краткихъ чертахъ, объ этомъ государственномъ мужѣ, нѣкогда державшемъ въ своихъ рукахъ судьбы Русскаго Просвѣщенія, и посмотримъ въ какой степени онъ былъ подготовленъ къ тому, чтобы сдѣлаться преемникомъ Начальника Археографической Экспедиціи.

Князь Платонъ Александровичь Ширинскій-Шихматовъ родился въ 1790 году, въ сельцѣ Дерновѣ, Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи, и четырехъ лѣтъ остался сиротою. Въ 1804 году, онъ былъ опредѣленъ въ Морской Кадетскій Корпусъ. Главнымъ руководителемъ его былъ старшій братъ его, князь Сергій, поступившій въ тотъ же Корпусъ офицеромъ. Строгое благочестіе и благотворительность князя Сергія Александровича, имѣли особенное вліяніе на младшаго его брата Князя Платона, который въ три года окончилъ кадетскій курсъ, и, въ 1807 году, выпущенъ въ мичманы. По свидѣтельству біографа, Князь Платонъ Александровичь, находясь въ Корпусѣ, велъ себя „тихо и степенно". Послѣ Отечественной войны, когда Русское оружіе перенесено за границу, учебная флотилія, подъ начальствомъ адмирала Грейга, отправлена была къ Данцигу. Князь Платонъ, въ чинѣ лейтенанта, находился въ этомъ отрядѣ, и участвовалъ въ сраженіяхъ на водѣ и на сушѣ. Морская служба произвела на него сильное впечатлѣніе. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, разсуждая объ опасностяхъ моря, онъ говоритъ: „Нельзя не сознаться, что ничто такъ не располагаетъ къ Богомыслію, какъ морскія плаванія. Самая неограниченность пространства, непрерывно представляющаяся взорамъ, устремленнымъ на небо, невольно соединяется съ мыслію о вѣчности и какъ бы видимо живописуетъ образъ ея. На сѣдомъ, угрюмомъ, но величественномъ челѣ гнѣвнаго Океана приpаженіемъ палящихъ молній начертываются слова Вѣнценоснаго Пророка: *дивны высоты морскія, дивенъ въ высотахъ Господь*! Съ другой стороны, сильно возжигаютъ и питаютъ пламень молитвы многоразличныя опасности сихъ плаваній, при которыхъ жизнь отдѣляется отъ смерти одною только утлою доскою, способною всякую минуту содѣлаться гробовою". Разстроенное здоровье не позволило Князю Платону оставаться въ трудной и тяжелой службѣ во флотѣ, и, въ началѣ 1816

года, онъ вышелъ, по болѣзни, въ отставку, съ чиномъ капитанъ-лейтенанта. Года за два предъ тѣмъ, именно въ 1814 году, онъ женился на Пелагеи Николаевнѣ Спичинской. По оставленіи службы, онъ отправился въ имѣніе жены, Ветлужскаго уѣзда Костромской губерніи, и здѣсь занялся „изученіемъ Натуры“. Четырехлѣтняя спокойная жизнь въ деревнѣ, возстановила здоровье Князю Платону, и, въ 1820 году, онъ поѣхалъ въ Петербургъ искать должности. Истощивъ всѣ средства въ напрасныхъ поискахъ, онъ готовъ уже былъ возвратиться въ деревню, но нечаянная встрѣча съ начальникомъ отдѣленія въ Инженерномъ Департаментѣ Военнаго Министерства К. А. Случевскимъ, проложила ему путь въ этотъ Департаментъ. Служба въ инженерномъ вѣдомствѣ доставила ему случай быть лично извѣстнымъ Великому Князю Николаю Павловичу, бывшему тогда Генералъ-Инспекторомъ по Инженерной части. Въ 1824 году, почти одновременно съ назначеніемъ А. С. Шишкова на должность Министра Народнаго Просвѣщенія, Князь Платонъ Александровичь получилъ приглашеніе занять мѣсто директора Казанскаго Университета. Нужно замѣтить, что его старшій братъ, князь Сергій, былъ пламеннымъ почитателемъ Шишкова и, въ одномъ своемъ стихотвореніи, обращаясь къ нему, вовсе не въ шутку, а, по свидѣтельству Князя П. А. Вяземскаго, „съ добросовѣстною страстью“, говорилъ между прочимъ:

И знай—что звукомъ чужеземнымъ
Твой Русскій не пронзится слухъ,
А есть ли бы кого изъ званныхъ,
(Находитъ зло и на избранныхъ),
Лукавый врагъ и соблазнилъ:
Гнусить Французомъ при сосѣдяхъ,
То, вспомнивъ о твоихъ побѣдахъ,
Языка Русскаго Ахиллъ!
Узрѣвъ лицо твое сурово,
Онъ дрожь почувствуетъ и страхъ
И Галловъ дерзостное слово,
Умретъ на трепетныхъ устахъ.

Чрезъ Князя Сергія, Шишковъ узналъ объ его братѣ, Князѣ Платонѣ, и пожелалъ „употребить способности его на пользу просвѣщенія“. Приблизивъ къ себѣ Князя Платона Александровича, Шишковъ уговорилъ его отказаться отъ предложенной ему должности Директора Казанскаго Университета и, 16-го ноября 1824 года, опредѣлилъ его Директоромъ Канцеляріи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ 1826 году, Князь Платонъ Александровичь, оставаясь на должности Директора Канцеляріи, принялъ на себя еще управленіе дѣ-

лами Комитета объ Устройствѣ Учебныхъ заведеній. Не мало потрудился онъ и надъ вопросомъ о цензурныхъ учрежденіяхъ. Напряженныя канцелярскія занятія, разстроили здоровье Князя Платона Александровича и онъ, въ октябрѣ 1827 года, просилъ Министра уволить его отъ должности Директора Канцеляріи, съ назначеніемъ на другую болѣе легкую; вслѣдствіе чего былъ назначенъ Членомъ Главнаго Правленія Училищъ. Въ 1830 году, на Князя Платона Александровича возложено было предсѣдательствованіе въ Комитетѣ Цензуры Иностранной и въ то же время, по настоятельному желанію Митрополита Серафима, Князь принялъ на себя надзоръ за учебною частію въ заведеніяхъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. За тѣмъ, въ 1833 году, по указанію Императора Николая I, Князю Платону Александровичу поручено было управлять Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія. Почти одновременно съ этимъ, Уваровъ былъ назначенъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Въ заключеніе замѣтимъ, что Князь Ширинскій - Шихматовъ достаточно потрудился и на литературномъ поприщѣ. Вотъ списокъ литературныхъ произведеній Князя, составленный его біографомъ: 1) Единоборство Челубея и Пересвѣта (1822); 2) Ода на Честолюбіе (1823); 3) Кораблекрушеніе, вольный переводъ начала Англійской поэмы Бидлека (1824); 4) Измѣненіе природы или слѣдствіе паденія человѣка (1824); 5) Общее предначертаніе опеки для бѣдныхъ, переводъ съ французскаго (1825). 6) Опыты духовныхъ стихотвореній (1824); 7) Ода на кончину Князя Кутузова Смоленскаго (1829); 8) Ночи Юнга (1829—1832); 9) Преложеніе 12-го Псалма (1830); 10) Суета (1830); 11) На смерть дочери (1830); 12) Ода на миръ, заключенный въ 1829 году, съ Оттоманскою Портою (1830); 13) Ода на рожденіе Великаго Князя Михаила Николаевича (1832); 14) Похвальное слово Императору Александру; 15) Слово о вспомоществованіи страждущему человѣчеству (1832) и 16) Похвальное слово Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (1833). (Елагинъ. *Очеркъ жизни и трудовъ Кн. П. А. Ширинскаго Шихматова. Спб. 1855).*

И такъ, съ назначеніемъ на должность предсѣдателя Археографической Коммиссіи, Князь Платонъ Александровичъ вступалъ въ совершенно новую для него сферу дѣятельности. И мы, преклоняясь предъ совершившимся фактомъ, будемъ продолжать слѣдить за жизнью и трудами Павла Михайловича Строева, не упавшаго духомъ и при неожиданно измѣнившихся для него обстоятельствахъ, и продолжавшаго съ несокрушимою энергіею трудиться на поприщѣ, разъ на всегда имъ избранномъ.

Наканунѣ Рождества Христова 1834 года, Высочайше утверж-

дены нижеслѣдующія *Правила Коммиссіи для изданія собранныхъ Археографическою Экспедиціею Актовъ*:

§ 1. Для изданія въ свѣтъ собранныхъ Археографическою Экспедиціею Актовъ и Матеріаловъ, относящихся къ Исторіи и Древностямъ Россійскаго Государства, учреждается особая Коммиссія при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Министра Народнаго Просвѣщенія.

§ 2. На издержки Коммиссіи, по изданію сихъ Актовъ, опредѣляется на первый случай имѣющаяся при С.-Петербургской Академіи Наукъ сумма, пожертвованная покойнымъ Государственнымъ Канцлеромъ Графомъ Румянцовымъ для таковыхъ издержекъ, до 40 тыс. руб. простирающаяся. По издержаніи сей суммы, Министръ Народнаго Просвѣщенія войдетъ къ Его Императорскому Величеству съ особымъ по сему предмету представленіемъ.

§ 3. Предсѣдатель Коммиссіи назначается Его Императорскимъ Величествомъ, по докладу Министра Народнаго Просвѣщенія, Члены Министромъ, а Письмоводитель Предсѣдателемъ. Число членовъ зависитъ отъ усмотрѣнія Министра.

§ 4. Коммиссія обязана разсмотрѣть и привести въ возможно-удобнѣйшую систему собранные Акты, изготовить ихъ къ печати и въ то же время, избравъ приличные для сего шрифты, бумагу, и пр., немедленно приступить къ самому изданію.

§ 5. Коммиссія раздѣляетъ сіи занятія свои между Членами, которые въ каждое засѣданіе представляютъ на общее усмотрѣніе все то, что каждымъ изъ нихъ со времени предшедшаго засѣданія сдѣлано.

§ 6. Предсѣдатель, послѣ каждаго засѣданія, докладываетъ Министру объ успѣхахъ трудовъ Коммиссіи и о предметахъ, требующихъ его разрѣшенія. Онъ же сносится съ Начальствомъ Типографіи по дѣламъ изданія.

§ 7. Сношенія Министра по дѣламъ Коммиссіи принадлежатъ къ предметамъ занятій Секретарскаго Стола Департамента Народнаго Просвѣщенія.

§ 8. Члены Коммиссіи получаютъ за свои труды, по изданію Актовъ, изъ назначенной для сего суммы вознагражденіе, опредѣляемое Министромъ Народнаго Просвѣщенія по числу листовъ, напечатанныхъ подъ надзоромъ каждаго изъ нихъ.

§ 9. Письмоводитель Коммиссіи пользуется за исполненіе сей должности, по представленію Предсѣдателя и съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, жалованьемъ изъ той же суммы, независимо

отъ оклада, получаемаго имъ по другому настоящему мѣсту его служенія.

§ 10. Сумма, назначенная для изданія Актовъ, хранится въ Казначействѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія. Издержки изъ оной производятся по представленію Коммиссіи Министру Народнаго Просвѣщенія и съ его разрѣшенія, и Письмоводитель Коммиссіи ведетъ онымъ особый счетъ.

§ 11. Коммиссія сія, сверхъ вышеизложенныхъ обязанностей, исполняетъ и всѣ порученія Министра по предметамъ, относящимся вообще до Русской Исторіи и Древностей".

Первымъ дѣлопроизводителемъ Коммиссіи былъ назначенъ ратоборецъ Скептической школы Сергѣй Михайловичь Строевъ *), извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Скромненко*. Считаемъ не лишнимъ здѣсь замѣтить, что въ періодъ учрежденія Археографической Коммиссіи въ нашей Литтературѣ еще существовала такъ называемая *Скептическая школа*, имѣвшая во главѣ Каченовскаго. Школа эта представляетъ интересное явленіе въ исторіи нашей Исторіографіи. Ея господство и процвѣтаніе продолжалось съ 1830 по 1835 годъ. Въ это время, по свидѣтельству М. П. Погодина, всѣ студенты писали свои разсужденія въ ея духѣ, награждались медалями и получали почетное мѣсто въ *Ученыхъ Запискахъ* Московскаго Университета. Журналисты назвали школу *Скептическою* и провозгласили ея побѣду. Ученые восклицали, что мы „стоимъ на прагѣ преобразованій въ Русской Исторіи"; а пріятели Погодина, встрѣчаясь съ нимъ, уже „улыбались сострадательно". Ученіе этой школы проникло и во вновь учрежденную Археографическую Коммиссію, гдѣ представителемъ ея былъ, какъ мы уже сказали, С. М. Строевъ. Скептицизмъ, напримѣръ, Я. И. Бередникова доходилъ даже до того, что онъ не вѣровалъ въ древность знаменитаго *Остромирова Евангелія* и по этому поводу писалъ П. М. Строеву: „Если увидите Михайла Трофимовича Каченовскаго, то скажите ему, что онъ чутьемъ впередъ знаетъ то, что впослѣдствіи открывается на опытѣ. Пресловутое *Остромирово Евангеліе* никакъ не относится къ той древности, какую ему приписывали. Боюсь сказать, что оно новѣйшая поддѣлка, и даже едвали не XVIII вѣка; а есть на то резоны. Посмотрите сами. Я увѣренъ, что и бородатые антикваріи не признаютъ его древности" (*Письма*, II, 260).

Когда слухъ, о возникшемъ въ Петербургѣ новомъ ученомъ учрежденіи, достигъ Вильны, то извѣстный тамошній Профессоръ Лобойко,

*) Единокровный братъ Павла Михайловича.

давній цѣнитель трудовъ П. М. Строева, привѣтствовалъ его слѣдующимъ задушевнымъ письмомъ: „Во время служенія вашего въ Москвѣ, пріѣзды ваши въ Петербургъ были столь рѣдки, что я при всемъ моемъ стараніи—пріобрѣсти драгоцѣнное ваше знакомство, не успѣлъ въ томъ. Нынѣ пребывая въ Вильнѣ, я еще менѣе имѣю къ тому удобства; но при настоящемъ для отечественной филологіи достославномъ событіи, коего вы виновникъ, не могъ я оставаться безмолвнымъ и охотно послѣдовалъ внушенію моего сердца—поздравить васъ съ Монаршею наградою, Членомъ Коммиссіи и торжественнымъ одобреніемъ трудовъ вашихъ со стороны Академіи Наукъ. И такъ, двадцатилѣтнее постоянное стремленіе ваше къ сей знаменитой цѣли увѣнчано наконецъ успѣхомъ. Да возрадуются о васъ всѣ чистіи сердцемъ! Отъ дальнѣйшихъ подвиговъ вашихъ зависитъ судьба древней нашей словесности. Занимаясь ею отъ юности моея, я чувствую, сколько она до сихъ поръ была безпомощна и сколь во многомъ она нуждается. Желая обратить вниманіе ваше и на нашъ край, я прилагаю при семъ записку. Я сердечно желаю заслужить ваше ко мнѣ благорасположеніе“ (*А. Е.* III, 331).

Въ приложенной къ письму запискѣ, выражена старая мысль, но за которую у насъ принялись только въ шестидесятыхъ годахъ, когда Поляки стали предъявлять свои незаконныя требованія: „Россійскій языкъ“, пишетъ Лобойко въ этой запискѣ, „простирается въ предѣлы нынѣшняго Польскаго Царства по черту, идущую отъ Сѣвера на Югъ; начиная отъ Райгорода по рѣкѣ Бобрѣ, чрезъ Нуръ, Венгровъ до рѣки Ливецъ на рубежѣ Мазовіи, чрезъ Луковъ, Пяски, Замосць. Билгорай и Тарногродъ въ Галицію и Лодомирію. Посему Русскія племена населяютъ здѣсь: древнее Подлѣсье, или Подляхію, коей одну часть составляетъ Бѣлостокская область, нынѣшнюю Виленскую губернію отъ рѣки Виліи на югъ и всю Гродненскую губернію. Господство письменнаго Россійскаго языка въ сихъ странахъ, также на Волыни и Подолѣ, Галиціи и напослѣдокъ въ воеводствахъ, принадлежавшихъ къ Великому Княжеству Литовскому, было съ древнѣйшихъ временъ до Брестскаго Уніатскаго Собора въ 1596 году. Совершенное же паденіе его послѣдовало при окончательныхъ успѣхахъ Уніи и установленіи Базиліанскаго ордена въ 1720 году, на Соборѣ Замойскомъ. Сей Русскій языкъ состоялъ изъ нѣсколькихъ областныхъ нарѣчій, между коими Бѣлорусское было образцовымъ, точно такъ, какъ у насъ Московское, съ коимъ оно въ ближайшей связи. Вмѣстѣ съ народнымъ языкомъ шелъ въ рядъ, какъ и въ Россіи, языкъ Церковнословенскій; но со времени соединенія Литвы съ Польшею (въ 1569), онъ болѣе и болѣе мѣшался съ письменнымъ

Бѣлорускимъ нарѣчіемъ, сдѣлавшимся здѣсь господствующимъ и, напослѣдокъ имъ совершенно вымѣщенъ. Здѣшніе ученые увѣряли меня, что Татары, поселенные въ Виленской губерніи, со времени Витолда, сохраняютъ и понынѣ въ семейственномъ обращеніи языкъ удѣльныхъ нашихъ княжествъ, что не трудно бы было повѣрить. Все сіе вмѣстѣ объясняетъ, отъ чего Россійскій языкъ въ показанныхъ предѣлахъ сохраняется и понынѣ въ разныхъ нарѣчіяхъ—Подлѣсскомъ или Подляхскомъ, Черноруссскомъ, Червоно-Русскомъ, Украинскомъ и Бѣлорусскомъ, и не смотря на примѣсь Польскаго, разительно отличается отъ онаго; также и то, отчего здѣшніе приватные и общественные архивы наполнены актами, писанными на Русскомъ языкѣ, а монастыри Уніатскіе Славенскими книгами и рукописями. Посему достойно бы было обратить вниманіе археографовъ и на западныя области Россіи. Профессорамъ Даниловичу и Онацевичу извѣстны здѣшніе важнѣйшіе архивы и монастыри. Хотя архивъ Эдукаціоннаго Фундуша и Метрика Литовская, перевезенные въ Петербургъ, заключаютъ много подобныхъ достопамятностей; но несравненно болѣе и въ большемъ разнообразіи онѣ здѣсь и въ Варшавѣ, гдѣ находится государственный архивъ" (*А. Е.* III, 332).

Читая эту записку, невольно пожалѣешь о томъ административномъ распоряженіи, которое такъ неожиданно прервало дѣйствія Археографической Експедиціи.

Первое засѣданіе вновь учрежденной Коммиссіи было 7-го января 1835 года. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этого засѣданія, не смотря на присутствіе П. М. Строева, былъ его ученикъ Я. И. Бередниковъ. Ему поручено было приведеніе актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею, въ хронологическій порядокъ и на него же возложено было продолжать дѣло Экспедиціи въ С. Петербургскихъ библіотекахъ и архивахъ (*Проток.* Засѣд. I). Строевъ же, отбывъ и второе засѣданіе Коммиссіи, только въ качествѣ безмолвнаго слушателя, подалъ, наконецъ, Уварову слѣдующій рапортъ, отъ 31-го января: „Коммиссія, Высочайше учрежденная для изданія въ свѣтъ Актовъ, собранныхъ Археографическою Експедиціею, поручила члену своему Бередникову привести ихъ въ должный порядокъ и изготовить къ напечатанію. До того времени покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство позволить мнѣ отправиться въ Москву, для окончанія тамъ дѣлъ Археографической Експедиціи" (*А. Е* III, 321). Просьба эта была исполнена и Министръ „соизволилъ" на откомандированіе Павла Михайловича въ Москву на два мѣсяца (*А. Е.* III, 327).

Возвратясь въ Москву, Строевъ принялся за снятіе списковъ съ нѣкоторыхъ актовъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министер-

ства Иностранныхъ Дѣлъ; но „при всѣхъ усиліяхъ“, не предвидѣлъ возможности пріѣхать въ С. Петербургъ къ назначенному ему сроку (*А. Е.* III, 341, 342). Съ этого времени начинается любопытная переписка Павла Михайловича съ С. М. Строевымъ и Я. И. Бередниковымъ, которые сообщали ему все, что дѣлалось какъ въ стѣнахъ Коммиссіи, такъ и за стѣнами ея. Касательно писемъ Бередникова замѣтимъ, что тонъ ихъ совершенно измѣнился съ того времени какъ онъ вышелъ „изъ-подъ начальства“ Строева и отличаются крайнею рѣзкостью; но, тѣмъ не менѣе, весьма животрепещущи и увлекательны. „Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда“, писалъ къ брату Сергѣй Строевъ, отъ 11-го марта, „Коммиссія получила смѣту изъ Типографіи Второго Отдѣленія: изданіе Актовъ будетъ стоить болѣе 25 тысячь. Слѣдовательно сумма Коммиссіи не вся истощится и можно будетъ положить хорошее вознагражденіе гг. Членамъ за печатаніе. Яковъ Ивановичъ Бередниковъ, кажется, труситъ не окончить своей работы, къ назначенному сроку; онъ былъ вчера у меня и просилъ меня помочь ему. Я согласился на его просьбу, чтобы имѣть предлогъ не ходить въ Департаментъ“ (*Письма*, II, № 258). Рядомъ, встрѣчаемъ письмо Бередникова, отъ 23-го марта, въ которомъ пишетъ: „Я живу здѣсь не такъ спокойно, какъ вы. Тружусь въ Императорской Публичной Библіотекѣ и Румянцовскомъ Музеѣ и начинаю приниматься за библіотеку Академическую. Мы ожидаемъ васъ сюда въ концѣ апрѣля“ (*Письма*, II, № 259). Въ томъ же письмѣ Я И. Бередниковъ, сообщаетъ Строеву, что „Г. Погодинъ былъ здѣсь, и гдѣ только могъ лаялъ на Каченовскаго. А. Н. Оленинъ, съ которымъ я часто видаюсь въ Библіотекѣ, также сильно предупрежденъ противъ нашего Московскаго ученаго; сѣтуетъ и на *Скромненку* *) и жалѣетъ, что не найдется ему противникъ опытнѣйшій Погодина. Вообще вашъ братецъ своею полемикою сдѣлался весьма извѣстенъ; дай Богъ, чтобы только ето было къ добру. Но онъ вредитъ Каченовскому во мнѣніи многихъ старыхъ и новыхъ дилеттантовъ, можетъ быть и Высшихъ; система же не подвигается. Не худо бы ему помолчать до времени! Естьлибъ вы знали *нѣчто* про г. Погодина, то расхохотались бы. Но... умолчу! Коммиссія наша ни разу не собиралась“ (*Письма*, II, № 259).

Между тѣмъ, П. М. Строевъ не торопился въ Петербургъ и доносилъ Директору Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія *М. П. Новосильскому*, что онъ не имѣетъ возможности „отдѣлаться здѣсь въ Москвѣ и пріѣхать въ С.-Петербургъ ближе половины будущаго мая 1835 года“. Въ то же время, Строевъ просилъ Новосиль-

*) С. М. Строева.

скаго доложить С. С. Уварову, что Графъ Владиміръ Алексѣевичь Мусинъ Пушкинъ, „имѣющій у себя коллекціи Новгородскихъ и Двинскихъ грамотъ, коими пользовался Карамзинъ, находится теперь въ Петербургѣ: слѣдовательно, есть возможность получить ихъ для списанія чрезъ посредство сестры его, г-жи Хитрово, какъ С. С. Уварову угодно было предполагать прежде“ (*А. Е.* III, 341).

Отсрочка отпуска Павла Михайловича очень огорчила его брата. „Безъ васъ“, писалъ онъ къ Павлу Михайловичу, „у насъ ничего не начинается. Сербиновичь не возвращался. Устряловъ ровно ничего не дѣлаетъ и даже глазъ не кажетъ намъ. Вся работа лежитъ на Яковѣ Ивановичѣ и на мнѣ. Меня назначили для разбора бумагъ Берха, которыя находились въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ. Благодаря Анастасевичю, я скоро привелъ ихъ въ порядокъ. Мы хорошо познакомились съ этимъ старичкомъ, который, мимоходомъ, держится *нашей ереси* *). Кажется, Князь докладывалъ Министру, что я работаю на равнѣ съ Членами, ибо, бывши въ послѣдній разъ въ Департаментѣ, Министръ подходилъ къ моему столу, распрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ и былъ весьма благосклоненъ. Вы, вѣроятно, посмѣиваетесь надъ моимъ честолюбіемъ, но что жъ дѣлать: я чиновникъ! Вы бывали въ Петербургѣ и знаете, что такое чиновникъ“ (*Письма*, II, 261).

Мая 6-го 1835 года, было засѣданіе Коммиссіи. Въ протоколѣ этого засѣданія, между прочимъ, опредѣлено было: „приступить къ печатанію издаваемыхъ Коммисіею актовъ въ началѣ іюня, по пріѣздѣ изъ Москвы члена коллежскаго ассессора Строева, имѣющаго доставить, для предлагаемаго изданія, акты, найденные имъ въ Московскихъ книгохранилищахъ“. Противъ этой статьи опредѣленія, С. С. Уваровъ положилъ слѣдующую собственноручную резолюцію: „Согласенъ. О возвращеніи г. Строева отнестись къ нему немедленно“ (*Прот.* 3-й). На основаніи этой резолюціи Князь Ширинскій писалъ къ Павлу Михайловичу, отъ 28-го мая: „По желанію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, покорнѣйше прошу васъ увѣдомить Коммиссію, будутъ ли доставлены въ оную, найденные вами акты. Г. Министръ, находя необходимымъ безъ замедленія приступить къ предполагаемому Коммиссіею изданію, желалъ бы для сего скорѣйшаго возвращенія вашего изъ Москвы“ (*А. Е.* III, 343). Вслѣдъ затѣмъ, и Сергѣй Строевъ писалъ брату: „Мы ждали васъ, какъ ждутъ Жиды Мессію. Министръ просилъ увѣдомить васъ, что остановка за вами; все готово. Князь спрашивалъ, когда вы будете? Я отвѣчалъ: 20-мая. Князь не велѣлъ мнѣ писать къ вамъ о приказа-

*) Скептической школы.

нія Министра, въ надеждѣ, что вы скоро будете. Наконецъ, получивъ извѣстіе о болѣзни папеньки, я доложилъ Князю. Князь успокоился, видя „законную“ причину вашей отсрочки; однакожъ велѣлъ мнѣ написать къ вамъ отношеніе, которое, вѣроятно, вы уже получили. Все готово къ печати; ждутъ только васъ; а посему не худо было бы вамъ поспѣшить, хотя бумаги ваши и не приведены въ порядокъ. Вчера мы отправили къ Нечаеву*) акты, касающіеся до Церкви: я заранѣе пою имъ requiem. Муравьевъ сказалъ, что они достанутся Филарету Московскому“ (*Письма*, II, 263).

Въ отвѣтъ на эти вызовы, Строевъ отправилъ въ Коммиссію собранное имъ *Дополненіе къ Актамъ Историко-юридическимъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ Князя Ширинскаго, отъ 7-го іюня, что „по горестнымъ событіямъ въ семействѣ нашемъ, мнѣ необходимо пробыть въ Москвѣ недѣли полторы“ (*А. Е.* III, 345). Князь передалъ присланную рукопись Бередникову, который, 20-го іюня, послалъ слѣдующее письмо Павлу Михайловичу: „Душевно сожалѣю о постигшихъ васъ горестяхъ. Князь получилъ ваше письмо и передалъ мнѣ присланный вами манускриптъ. Печатаніе Актовъ Археографической Експедиціи начнется не прежде августа. Я полагаю, что вы проживете въ Москвѣ до августа; впрочемъ хорошо бы вамъ пріѣхать сюда въ половинѣ іюля: съ вами нужно о многомъ, по части изданія, посовѣтоваться“ (*Письма*, II, № 264). Далѣе Бередниковъ, сообщая бывшему начальнику о своихъ занятіяхъ по должности библіотекаря Императорской Академіи Наукъ, пишетъ между прочимъ: „Я тружусь по цѣлымъ днямъ надъ устройствомъ Академической Библіотеки, доставшейся въ мои руки въ большемъ безпорядкѣ. Покойный Соколовъ (прежній библіотекарь), entre nous soit dit, былъ великій невѣжда; еслибы вы взглянули на наши каталоги рукописей и старопечатныхъ книгъ, то вашъ археологическій гуморъ былъ бы расшевеленъ до зенита. Монастырскіе библіографы съ своими каталогами древнихъ хартій, приводившими насъ въ отчаяніе, могутъ поспорить въ безсмыслицѣ съ старымъ ученымъ сѣверной столицы и—едва ли первенство не останется за старымъ ученымъ“ (*Письма*, № 264). Наконецъ, въ самомъ концѣ іюня, Строевъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ первое же засѣданіе Коммиссіи (4-го іюля), ему поручено было, вмѣстѣ съ Бередниковымъ, окончательно разсмотрѣть акты, подлежащіе исключенію и раздѣлить всѣ манускрипты, собранные Экспедиціею, на четыре тома по числу членовъ, составлявшихъ Ком-

---

*) Степанъ Дмитріевичь Нечаевъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода (1833—1836).

миссію (*Протоколъ* 4-й). Въ слѣдующемъ засѣданіи, бывшемъ 16-го іюля, Строевъ и Бередниковъ представили свои предположенія о раздѣленіи всѣхъ актовъ историко-юридическихъ на четыре тома. По этимъ предположеніямъ, первый томъ долженъ былъ начаться 1294 годомъ и окончиться смертью царя Іоанна Грознаго; вторый довести до восшествія на престолъ царя Михаила; въ третьемъ помѣстить царствованіе царя Михаила; четвертый кончить началомъ XVIII столѣтія. Коммиссія одобрила эти предположенія. За тѣмъ Бередниковъ изъявилъ желаніе взять на себя печатаніе перваго тома; Устряловъ—втораго; Сербиновичь—третьяго; но когда очередь дошла до Павла Михайловича, то онъ объявилъ Коммиссіи, что „по домашнимъ своимъ обстоятельствамъ, онъ будетъ просить увольненія отъ дальнѣйшихъ занятій по изданію Актовъ Археографической Експедиціи“ (*Проток.* 5-й); а на другой день, представилъ Уварову слѣдующій рапортъ: „Имѣя въ Москвѣ семейство, довольно многочисленное, и по обстоятельствамъ домашиимъ, находясь внѣ возможности жить въ С. Петербургѣ, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство уволить меня отъ должности Члена Коммиссіи. Архивы, находящіеся въ Москвѣ, суть весьма обильные рудники для археографическаго разработыванія. Если Вашему Высокопревосходительству угодно оставить при мнѣ званіе Археографа Императорской Академіи Наукъ и хотя половину жалованья, назначеннаго мнѣ изъ Государственнаго Казначейства, я съ великою охотою пріемлю на себя трудъ сей. Въ противномъ случаѣ, да позволено будетъ мнѣ: подать прошеніе о совершенномъ увольненіи изъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Впрочемъ, какъ корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, я буду почитать особенною честію и обязанностію содѣйствовать успѣхамъ Отечественной Археографіи, сообщеніемъ нужныхъ свѣдѣній и отвѣтами на запросы Академіи“ (*А. Е.* III, 351).

Какъ видно, Строева не удерживали, и не далѣе какъ 5-го августа, въ засѣданіи Коммиссіи, было уже объявлено „объ увольненіи Члена Коммиссіи коллежскаго ассессора Строева, согласно прошенію его, изъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (*Протоколъ* 7-й). Мѣсто Строева занялъ чиновникъ редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* Андрей Александровичь Краевскій, которому и поручено было издавать четвертый томъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею Актовъ (*Протоколъ* 6-й). Послѣ увольненія Строева, Предсѣдатель Коммиссіи Князь Ширинскій, по приказанію Уварова, обратился къ нему съ оффиціальнымъ запросомъ, который заключался такимъ образомъ:

„Г. Министру Народнаго Просвѣщенія угодно было приказать мнѣ обратиться къ вамъ, милостивый государь, съ просьбою объ увѣдомленіи меня, для доклада Его Превосходительству, какія въ слѣдствіе принятыхъ вами на себя обязанностей, собраны были Археографическою Экспедиціею историческіе матеріалы, свѣдѣнія, извлеченія, древности и проч., кромѣ актовъ, переданныхъ въ Коммиссію, гдѣ они нынѣ находятся, и приняты-ли были мѣры къ составленію *Общей росписи всѣхъ рукописныхъ пособій Отечественной Исторіи и Древней Словесности*? (*А. Е.* III, 358—360). На это Строевъ отвѣчалъ пространною запискою, въ которой, между прочимъ, читаемъ:

„Проэктъ Археографическаго Путешествія, въ 1828 году, представленный въ Комитетъ гг. Министровъ, сочиненъ *мною*. При составленіи его я имѣлъ въ виду все, что̀ должно сдѣлать для возможнаго усовершенствованія нашей Исторіи, и предполагалъ, что будутъ доставлены средства обширныя. Опытъ вскорѣ показалъ противное...

Представляя Академіи отчетъ за первый годъ путешествія, я заключилъ его такъ: разсматривая мои дѣйствія (по обыкновенію) *строго*, должно имѣть въ виду и сіе обстоятельство: я совершалъ ихъ не въ роскошномъ кабинетѣ, полномъ удобствъ жизни и учености, но *испытуя костьми* измѣненія стихій, дорогъ и тяжкихъ пріютовъ, весьма нерѣдко въ бореніи съ невѣжествомъ, лѣнью и подозрительностію, столь обыкновенною въ областяхъ дальнихъ; замѣчу мимоходомъ, что доступъ къ иному хранилищу старины былъ для меня многократно труднѣе и продолжительнѣе, нежели разборъ скрывавшихся тамъ документовъ... Сколько требовалось терпѣнія, настойчивости, искусства истинно дипломатическаго, чтобы получать доступъ въ хранилища старины, по разнымъ, нерѣдко весьма страннымъ, причинамъ возбраняемый. Объ удобствахъ при работѣ и говорить нечего. Я извѣщалъ о семъ г. Конференцъ-Секретаря Академіи, но наконецъ, опасаясь наскучить, оставилъ и принужденъ былъ довольствоваться тѣмъ, *что было возможно*.

При такомъ, почти безпрерывномъ бореніи съ препонами и лишеніями всякаго рода, вспомоществуемый однимъ дѣятельнымъ г. Бередниковымъ, дорожа временемъ, чтобы посѣтить какъ можно болѣе мѣстъ, я не имѣлъ возможности класть всего на бумагу, и долженъ былъ ввѣрять одной памяти. Могу сказать рѣшительно: я изучилъ Отечественную Исторію, по ея памятникамъ, въ малѣйшихъ подробностяхъ. Г. Бередниковъ также.

Между тѣмъ, и *списано* и *выписано* весьма довольно, даже весьма много въ отношеніи къ средствамъ и времени. Сіи матеріалы, по мѣрѣ ихъ накопленія, въ разныя эпохи, я располагалъ въ разныхъ поряд-

кахъ. Наконецъ въ 1834 году, призналъ за самое простое и лучшее составить два отдѣла: a) списки, переплетенные въ 10-ти толстыхъ фоліантахъ, представлены подъ названіемъ *Актовъ Историко-Юридическихъ*, b) *выписки*, большею частію вчернѣ, находятся у меня въ 6-ти большихъ портфеляхъ. Изъ сихъ-то послѣднихъ будетъ составленъ *Словарь библіологической Славяно-Русской литературы* (до XVIII вѣка)... То, что по необходимости ввѣрено памяти, проявится, современемъ и при обстоятельствахъ лучшихъ, въ разныхъ сочиненіяхъ, или вмѣстѣ со мною погибнетъ.

„Его Высокопревосходительство г. Министръ Народнаго Просвѣщенія благоволилъ изъявить свое согласіе, чтобы оные 6-ть портфелей остались у меня, для составленія вышесказаннаго словаря, а быть можетъ, и другихъ сочиненій: какъ черновыя бумаги для всякаго иного онѣ hors d'oeuvre. Я употреблю возможное стараніе не умедлить представленіемъ сего Академіи, для напечатанія; но опредѣлить точно времени не могу, ибо, обязанный содержать семейство довольно многочисленное, при средствахъ недостаточныхъ, долженъ буду заниматься въ Москвѣ иными работами, а здоровье мое, отъ излишнихъ напряженій въ продолженіе Археграфической Экспедиціи, довольно разстроено. Смѣю припомнить Вашему Сіятельству, что по проекту Археографическаго путешествія, предполагалось два или три года на обработываніе собраннаго, и я имѣлъ полную надежду на десятилѣтнее денежное обезпеченіе отъ Академіи. Судьба рѣшила иначе". (*А. Е.* III, 362—364).

Отповѣдь отставнаго Археографа, по видимому, тронула Уварова, ибо вслѣдъ за симъ онъ началъ ходатайствовать о дарованіи Строеву приличной пенсіи. Ходатайство это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и, въ ноябрѣ 1835 года, Строевъ получилъ отъ С. С. Уварова слѣдующее увѣдомленіе: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, во изъявленіе Всемилостивѣйшаго вниманія къ заслугамъ вашимъ по части Отечественной Археографіи и въ поощреніе дальнѣйшихъ трудовъ, во 2-й день сего ноября, Высочайше пожаловать соизволилъ вамъ, въ пенсію, по двѣ тысячи рублей въ годъ. Пріятною обязанностію поставляя объявить вамъ сію Монаршую милость, нужнымъ считаю присовокупить, что при ходатайствѣ моемъ объ оной я имѣлъ счастіе докладывать Его Императорскому Величеству, что обезпеченіе по возможности содержанія подастъ вамъ, и внѣ службы, возможность продолжать занятія ваши и представить со временемъ ученому свѣту любопытные результаты полезныхъ изысканій вашихъ" (*А. Е.* III, 380).

Чувства благодарности Строева за эту Монаршую милость вы-

ражены въ письмѣ его къ Уварову: „Съ невыразимымъ чувствомъ всеподданническаго благоговѣнія къ Его Императорскому Величеству щедролюбивому Монарху, я прочиталъ увѣдомительное предписаніе Вашего Высокопревосходительства о Всемилостивѣйше пожалованной мнѣ пенсіи. Излишнимъ почитаю высказывать, сколько Ваше Высокопревосходительство, благотворнымъ ходатайствомъ у Монаршаго престола, обезпечили меня въ содержаніи семейства, и какою признательностью я преисполненъ: согласно волѣ вашей постараюсь всевозможно явить сіе на дѣлѣ“ (*А. Е.* III, 385).

XV.

Оставивъ государственную службу, П. М. Строевъ занялся „отдѣлкою“ *Словаря Библіологическаго Словяно-Россійской литературы до XVIII вѣка.* „Еслибъ“, писалъ онъ Уварову, „я имѣлъ обезпеченіе къ приличному содержанію семейства, сія работа была бы единственственнымъ моимъ занятіемъ: приведенное уже въ порядокъ приноситъ мнѣ несказанное наслажденіе. Будущее изданіе сего словаря, безъ всякаго сомнѣнія, ускоритъ ходъ и направленіе нашей Исторіи“ (*А. Е.* III, 378). Важность этого труда вполнѣ сознавалъ и Я. И. Бередниковъ, когда писалъ Строеву: „Отдѣлывайте, ради Бога, Словарь Библіологическій: за это скажутъ вамъ всѣ *Славянофилы* спасибо“ (*Письма*, II, № 267) и въ другомъ письмѣ (отъ 8-го апрѣля 1836 г.): „Радуюсь успѣху вашихъ ученыхъ занятій; только ради Бога, не оставляйте Библіологическаго Словаря: онъ важнѣе всего другаго“ (*ibid.* № 271). Другія занятія отвлекли Павла Михайловича отъ окончанія этого труда, и, по смерти его, въ Императорскую Академію Наукъ были представлены, наслѣдниками его, пять большихъ портфелей матеріаловъ, собранныхъ Строевымъ, для Исторіи Славяно-Россійской литтературы. Знакомствомъ съ содержаніемъ этихъ портфелей, я обязанъ благосклонности Академика А. Ѳ. Бычкова *), который сообщилъ мнѣ въ корректурѣ свое Предисловіе къ *Матеріаламъ Библіологическаго Словаря.* Портфели эти содержатъ: частію совершенно обработанныя статьи, въ видѣ библіологическаго словаря, отъ буквы А до Е,

---

*) Изданіе въ свѣтъ этихъ матеріаловъ, Академія Наукъ поручила Аѳанасію Ѳедоровичу.

частію статьи, оставшіяся еще въ сыромъ видѣ, и сверхъ того *Смѣсь*, названную такъ самимъ П. М. Строевымъ. Послѣднюю составляютъ: I. Снимки съ подписей митрополитовъ и патріарховъ Всероссійскихъ; II. Снимки съ подписей Ростовскихъ архіепископовъ XVI вѣка; III. Снимки съ подписей Новгородскихъ Архіепископовъ и Митрополитовъ; IV. Снимки съ подписей Епископовъ и Архіепископовъ Пермскихъ и Вологодскихъ; V. Снимки съ подписей Архіереевъ: Суздальскихъ, Казанскихъ, Сарскихъ, и Тверскихъ; VI. Три листа снимковъ изъ хранящагося въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ Евангелія, написаннаго въ 6847 (1339) году, на Двину, къ Св. Богородицѣ, повелѣніемъ чернца Ананіи, дьяками Мелентіемъ и Прокопіемъ, въ Москвѣ; VII. Выписки и замѣчанія, къ Славянской библіографіи относящіяся (описаніе библейскихъ книгъ, переведенныхъ Фр. Скориною; описаніе Славянской грамматики, напечатаной въ Вильнѣ, 1596 году; списокъ Славянскихъ печатниковъ и книгъ, ими изданныхъ; списокъ Русскихъ граверовъ и ихъ произведеній, находящихся въ печатныхъ книгахъ; хронологическая роспись старопечатныхъ Церковно-Славянскихъ книгъ съ 1491 по 1730 годъ включительно); VIII. Библіографія XVIII вѣка. Рукописи и печатныя книги (описаны нѣкоторыя рукописи библіотекъ: графа Ѳ. А. Толстова, Московской Духовной Академіи, Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Владимірской семинаріи); IX. Небольшіе гравированные рисунки и пр.; X. Выписки изъ хронографовъ (событій касающихся Россіи; эти событія извлечены изъ рукописнаго Хронографа Воскресенскаго монастыря; текстъ этого Хронографа сличенъ съ текстомъ трехъ хронографовъ бывшей библіотеки графа Толстова и совершенно приготовленъ къ печати. Трудъ былъ начатъ 9-го марта 1821 года); XI-го нумера на лицо не оказалось; XII. Manuscripta memorabilia bibliothecae Solovianae. Достопримѣчательныя рукописи Соловецкой обители (описаніе рукописей, сдѣланное Я. И. Бередниковымъ во время пребыванія его въ Соловецкомъ монастырѣ, съ 30-го іюня до 29-го іюля 1834 года. Всѣхъ рукописей описано 95-ть); XIII. „Всякія въ разное время сдѣланныя выписочки, которыя разобрать слѣдуетъ“.

Здѣсь находятся: а) *О Печерскомъ трусѣ* въ Нижнемъ Новгородѣ, бывшемъ 18-го іюня 7105 года; б) Грамота великаго патріарха Луки ко князю Ондрею Ростовскому Боголюбскому; в) О наводненіи въ Неаполѣ, бывшемъ 11-го октября 1523 года; г) Надпись на воротахъ упраздненнаго Возминскаго монастыря, въ Волоколамскѣ; д) Соборное опредѣленіе 26-го февраля 7055 года о праздновaніи новымъ чудотворцамъ въ Русской землѣ; е) О взятіи стольникомъ Мещериновымъ Соловецкаго монастыря 31-го января 7184 года;

ж) Выписки изъ краткихъ Кирилловскихъ лѣтописцевъ въ новгородской Софійской библіотекѣ; з) *Рѣчь патріяршеская* къ царю съ приглашеніемъ вести осля „на свѣтлое воскресеніе входъ Іерусалимъ“; и) Надписи на Спасскихъ воротахъ въ Московскомъ Кремлѣ; і) Перечень 20-ти новыхъ чудотворцевъ, которымъ сочинены каноны; к) Критическія замѣчанія о жизни и кончинѣ преподобнаго Нила Сорскаго; л) Родъ Романовыхъ, съ означеніемъ времени кончины тѣхъ его членовъ, которые погребены въ Новоспасскомъ монастырѣ; м) Выписки изъ вкладной книги Троицкія Сергіевы лавры; н) Выписки изъ кормовой книги Спасо-Ярославскаго монастыря; о) Выписка изъ кормовыхъ книгъ Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря; п) Списокъ Крымскихъ хановъ; р) Выборка изъ L'art de vérifier les dates о короляхъ Венгерскихъ; с) Послѣсловіе пергаментнаго сборника № 836 (въ 4 д. л., 186 листовъ): „Въ лѣто 6804 кончаны быша книгы сія мѣсяца іюля въ 11, на память святой мученицы Еуфимьи. Того жь лѣта бысть пооскуду хлѣба, а въ Суждальской земли голодъ бяше, мнози худіи идяху въ Новгородьскую волость кормиться; тоже бяше все по грѣхомъ нашимъ, не имѣяхомъ бо любъви межи собою, нъ завистію, якоже рече пророкъ: снѣдающе люди моя въ хлѣба мѣсто Господа не призваша“; т) Описаніе пергаментныхъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Вологодской семинаріи и Спасо-Прилуцкаго монастыря; у) Послѣсловіе, находящееся въ концѣ пергаментной Псалтыри, хранящейся въ библіотекѣ Крестнаго монастыря: „Въ лѣто ҂ѕ҃м҃г свершеніе книзѣ сей мѣсяца февраля въ 1 рукою грѣшнаго инока Лукы Смолнянина. Аже ли же кто въсхощетъ сію книгу преписувати смотря и не приложити или отложити едино нѣкое слово или тычку едину или крючкы, иже суть подъ строками въ рядѣхъ; ниже премѣнити слогню нѣкоторую или приложити отъ обычныхъ, ихже первіе привыкъ или пакы отложити, но съ великимъ вниманіемъ прочитати учитися. А писана бысть книга сія грѣшному иноку Алексію, и аще Богъ благоволитъ въ коегождо отъ отець быти сей книзѣ, и азъ грѣшный Олекса того молю: поминаніе створи о мнѣ грѣшномъ въ святыхъ своихъ молитвахъ“; ф) Предисловіе къ Винограду Российскому, сочиненному Симеономъ Денисовымъ; х) Выборка нѣкоторыхъ хронологическихъ данныхъ, относящихся къ жизни Московскаго князя Даніила Александровича и его сыновей; ц) Выписки изъ разныхъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой лавры. Такъ въ одномъ изъ сборниковъ (№ 62, въ 4-ую д. л.), помѣщено въ концѣ житіе св. Аѳанасія Аѳонскаго, а впереди онаго на бѣломъ листѣ, греческимъ почеркомъ, написано: „Въ лѣто 6939 списася книга сіа въ Святой горѣ Аѳонсцѣй обители въ цртѣ въ лаvрѣ

великаго Аѳанасіа подъ криліемъ святаго Григоріа Паламы и преподобнаго отца нашего Петра Аѳонскаго, въ кущи святаго и славнаго пророка Илія преписася (рукою?) многогрѣшнаго и смиреннаго инока Аѳанасія Русина. Послѣдь же повелѣніемъ господина Зиновіа игумена Сергѣева монастыря списася грѣшнымъ Іоною игумномъ Угрѣшскимъ"; такъ въ Минеи Четіи, мѣсяцъ августъ (№ 7, въ л.) замѣчено, что въ пожаръ 1548 года апрѣля 12, сгорѣли въ Кремлевскихъ соборахъ въ Москвѣ, въ числѣ прочихъ драгоцѣнностей, „многія мощи святыхъ и святыя многія книги, греческія и рускія, дивно преизрядно украшенныя"; ч) Описаніе Псалтыри, Часословца и Послѣдованія церковнаго собранія вселѣтнаго, изданныхъ въ Вильнѣ, Скориною, въ 1525 году; ш) Выписка изъ хронографа, хранящагося въ Юрьевскомъ Архангельскомъ монастырѣ, о смерти думнаго дворянина Козьмы Минина и выписка изъ Суздальскихъ писцовыхъ книгъ 136—138 годовъ о вотчинахъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго; щ) Описаніе рукописи: Виноградъ Россійскій; ъ) Описаніе книги: Кѵновіон или изображеніе еѵаггелского іноческого общого житія, вышедшей въ 1618 году; ы) Небольшія выписки изъ рукописей и разныя замѣтки, числомъ восемь. XIV. Von der Wappenkunst (переводъ геральдики на Русскій языкъ). Безъ нумера: Родословная таблица Воронцовыхъ, составленная по поводу извѣстнаго процесса князя Воронцова съ княземъ Долгоруковымъ и перечень числа дѣлъ и книгъ, находящихся въ Сѵнодальномъ Правленіи, Коллегіи Экономіи и въ приказахъ: Дворцовомъ, Монастырскомъ, Патріаршемъ и Печатномъ. Всѣ эти матеріалы, за небольшими исключеніями, являются однимъ изъ результатовъ Археографической Экспедиціи. По объясненію А. Ѳ. Бычкова, *Библіологическій словарь* и матеріалы расположены въ азбучномъ порядкѣ именъ и фамилій писателей и переводчиковъ. Въ первомъ при каждомъ лицѣ сначала сообщаются нѣкоторыя біографическія о немъ данныя, а за тѣмъ исчисляются его сочиненія и переводы, иногда съ подробнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, а иногда и съ присовокупленіемъ критической ихъ оцѣнки, и почти всегда съ указаніемъ лучшихъ списковъ и мѣстъ ихъ храненія. Въ *Матеріалахъ* же только указаны рукописи, въ которыхъ П. М. Строевъ во время своего археографическаго путешествія и при другихъ библіографическихъ работахъ находилъ то или другое сочиненіе извѣстнаго автора, и весьма рѣдко приведены біографическія и другія данныя.

О способѣ же изданія *Матеріаловъ*, А. Ѳ. Бычковъ въ своемъ предисловіи говоритъ слѣдующее: „чтобы дать полное понятіе о составѣ *Словаря* и *Матеріаловъ*, я перечисляю всѣ статьи, въ нихъ входящія, сохраняя данный имъ П. М. Строевымъ азбучный поря-

докъ расположенія. Изъ этихъ статей однѣ печатаются цѣликомъ, и таковыя означены звѣздочкою, другія же, содержащія данныя, частію уже напечатанныя, частію же представляющія интересъ только по разнымъ своимъ подробностямъ, сокращенно; наконецъ, при статьяхъ, не заключающихъ ничего новаго, оставлены лишь имя и фамилія лица и сдѣланы ссылки на вышеупомянутыя сочиненія, въ которыхъ можно найти все, въ нихъ находящееся. Подобныя же ссылки сдѣланы и при другихъ статьяхъ, когда или исключено изъ нихъ уже извѣстное, или когда свѣдѣнія, въ нихъ помѣщенныя, пополняются данными, находящимися въ сочиненіяхъ, на которыя ссылаются; отсутствіе же ссылокъ при статьяхъ служитъ указаніемъ, что этихъ статей нѣтъ ни въ *Словарѣ* митрополита Евгенія, ни въ *Обзорѣ* архіепископа Филарета. Пересмотрѣнный такимъ образомъ трудъ П. М. Строева можно надѣяться, будетъ не излишенъ въ ряду пособій для изученія исторіи нашей древней литературы и дастъ понятіе о томъ, какое значеніе онъ имѣлъ бы для своего времени".

Теперь обратимся къ тѣмъ „другимъ занятіямъ" Павла Михайловича, которыя помѣшали ему окончить и самому издать *Библіологическій Словарь* (*А. Е.* III, 378).

Много лѣтъ, въ портфеляхъ Строева лежала совсѣмъ оконченная работа, по истинѣ Египетская, изданіе въ свѣтъ которой, по справедливому отзыву Пушкина, долженствовала до невѣроятной степени облегчить изученіе Русской Исторіи. Рѣчь ведемъ о знаменитомъ *Ключѣ* къ *Исторіи Государства Россійскаго.* Молва объ этомъ трудѣ давно ходила по міру, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали выхода его въ свѣтъ. И вотъ, въ концѣ 1834 года, Павелъ Михайловичъ получаетъ отъ своего брата Владиміра письмо, въ которомъ читаемъ слѣдующее: „Н. И. Гречь просилъ меня написать къ вамъ, что онъ имѣетъ намѣреніе купить у васъ *Указатель* къ Карамзину, котораго вы сами вѣроятно никогда не издадите. Николай Ивановичъ предлагаетъ Вамъ за него три тысячи рублей" (*Письма*, II, 254). Но Строевъ не воспользовался этимъ предложеніемъ, и 9-го февраля 1835 года, обратился къ С. С. Уварову съ слѣдующимъ просительнымъ письмомъ: „Исторіографъ, посвящая свой трудъ въ Бозѣ почивающему Государю Императору, написалъ: *Исторія народа принадлежитъ Царю.* Мой *Ключъ*, какъ я думаю, есть необходимая принадлежность сей Исторіи.

Въ семъ предположеніи, я просилъ бывшаго Г. Министра Народнаго Просвѣщенія: поднести Его Императорскому Величеству мою книгу. Его Свѣтлость передалъ ее на предварительное разсмотрѣніе бывшему Члену Главнаго Правленія Училищъ Г. Мартынову, кото-

рымъ она и одобрена къ поднесенію. Тогда жъ сдѣлана была смѣта во что обойдется напечатаніе.

Это было въ началѣ 1829 года; въ теченіи тогожъ года, вышелъ въ свѣтъ послѣдній томъ Исторіи. Мнѣ поставили въ обязанность дополнить мою книгу, и я получилъ ее въ генварѣ 1830 года. При безпрерывныхъ занятіяхъ дѣломъ Археографической Експедиціи, мнѣ недоставало на сіе времени. Теперь я совершенно окончилъ.

Смѣю надѣяться, что Ваше Высокопревосходительство не отрините всепокорнѣйшей просьбы моей; поднести мой трудъ Его Императорскому Величеству и тѣмъ доставить мнѣ способъ видѣть его напечатаннымъ. Исчисленная Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія сумма не превосходитъ 6000 рублей.

Обязанностію поставляю добавить, что принадлежащія къ сей книгѣ Родословныя таблицы князей вчернѣ составлены, но не переписаны; къ концу печатанія и онѣ будутъ готовы. Сіи таблицы суть самыя полныя и исправнѣйшія изъ всѣхъ изданныхъ нашими Историками" (*А. Е.* III, 325).

Просьба имѣла успѣхъ и, по предложенію С. С. Уварова, Россійская Академія опредѣлила: напечатать *Ключъ* въ числѣ 1200 экземпляровъ, на счетъ Академіи, „въ пользу" составителя (*А. Е.* III, 337).

Печатаніе *Ключа* требовало корректуры самой тщательной, и не иначе какъ подъ личнымъ надзоромъ, а потому Строевъ испросилъ у Россійской Академіи дозволеніе печатать его въ одной изъ Московскихъ типографій (*А. Е.* III, 352, 369, 370, 381, 387).

„И такъ, наконецъ, печатается вашъ указатель къ Карамзину. Слава Богу"! (писалъ Кеппенъ къ Строеву, отъ 12-го августа 1836 года). „Не взирая на то, что я при чтеніи Карамзина отъ доски до доски, выписывалъ для себя все, что казалось мнѣ нужнымъ, для моихъ работъ, — я не менѣе того однакоже часто желалъ бы справиться кой о чемъ—но не тутъ то было" (*Письма*, II, № 272).

Печатаніе *Ключа* кончилось въ октябрѣ 1836 года. По крайней мѣрѣ, самъ Строевъ, въ письмѣ къ Д. И. Языкову, отъ 13-го октября, пишетъ: „Наконецъ, послѣ девятимѣсячныхъ тяжелыхъ трудовъ, я окончилъ печатаніемъ составленную мною книгу: *Ключъ* къ Исторіи Карамзина" (*А. К.* I, 414 об.).

Строевъ совершенно справедливо сказалъ въ своемъ предисловіи къ *Ключу*: „На мою книгу должно смотрѣть съ сей точки: здѣсь *основаніе* Словарей, Историческаго, Генеалогическаго, древне Географическаго, и проч., коихъ недостаетъ въ нашей Литературѣ. Рано или поздно должно-жъ ихъ составить. Не буду разсказывать какихъ трудовъ, терпѣнія и постоянства стоило мнѣ долговременное

составленіе и изданіе сего *Ключа*: знающіе поймутъ сами, незнающіе пусть называютъ *механизмомъ*" (стр. IV, V).

Пушкинъ, съ ясновидѣніемъ истиннаго поэта, такъ опредѣлилъ значеніе труда Строева: „Издавъ сіи два тома, г. Строевъ оказалъ болѣе пользы Русской Исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые. Тѣ изъ нихъ, которые не суть еще закоренѣлые верхогляды, принуждены будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе Русской Исторіи" (*Современ.* т. IV. Спб. 1836, стр. 306).

Выходъ въ свѣтъ *Ключа*, привѣтствовалъ и Бередниковъ въ слѣдующемъ письмѣ къ его составителю: „Я не могу наглядѣться на этотъ *Ключъ*, не могу довольно имъ налюбоваться: онъ у меня отпираетъ всѣ замки. Впрочемъ надо, чтобы *практическій знатокъ* оцѣнивалъ такія вещи; иначе, чего и требовать? Я понимаю, какъ трудно было, при составленіи *Ключа*, разобрать генеалогію бояръ; вы распутали славно этотъ клубокъ. А кто цѣнитель и судья? Просто, я въ восторгѣ отъ *Ключа*: я готовъ парировать, что въ теченіи 15-ти лѣтъ не выходило у насъ столь необходимой, дѣльной и отчетисто составленной книги по исторической части. Но, вѣдь ето мое частное мнѣніе" (*Письма*, II, 283). Для поясненій этой оговорки, слѣдуетъ замѣтить, что Строевъ представлялъ свой трудъ на соисканіе Демидовской преміи. Разсматривалъ Кругъ и преміи не присудилъ (*ibid*).

Нашлись и прямые хулители *Ключа*, о которыхъ мы узнаемъ изъ другаго письма Бередникова: „У насъ нѣкто отзывался весьма дурно объ Указателѣ къ Исторіи Карамзина. Господи Боже! Гдѣ же у насъ мастера, хоть бы на указатели? Не смыслятъ сочинить заглавія для рукописи, или грамоты, несмыслятъ ничего издать съ толкомъ, даже читать древнихъ почерковъ, а бранятъ и осуждаютъ все. Я спросилъ строгаго судью: какой же лучшій Указатель? Онъ промолчалъ" (*Письма*, II, 320).

Въ одинъ годъ съ *Ключемъ* къ Исторіи Государства Россійскаго, П. М. Строевъ выпустилъ въ свѣтъ и другой свой трудъ: Описаніе старопечатныхъ книгъ купца И. Н. Царскаго.

Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ изданіи, помянемъ добрымъ словомъ почтеннаго собирателя Русскихъ Древностей Ивана Никитича Царскаго.

„Во всю свою жизнь", свидѣтельствуетъ М. П. Погодинъ, „И. Н. Царскій удѣлялъ часть своихъ избытковъ не на мраморныя стѣны, не на бархатныя подушки, не на золотые карнизы, не на лихихъ рысаковъ и златокованную сбрую, но на собраніе и сохраненіе драго-

цѣннѣйшихъ отечественныхъ памятниковъ, въ славу Отечества" (*Москвит.* 1849, № 2).

Строевъ познакомился съ Царскимъ около 1832 года. По окончаніи Строевымъ Археографическаго путешествія, Царскій убѣдилъ его составить и напечатать каталогъ своего собранія старопечатныхъ книгъ, „на манеръ" каталога Графа Толстаго (*Русск. Арх.* 1865, стр. 513). Само собою разумѣется, что Павелъ Михаиловичь съ охотою принялъ это предложеніе, и въ началѣ 1836 года, выпустилъ въ Москвѣ *Описаніе старопечатныхъ книгъ Славянскихъ, находящихся въ библіотекѣ Московскаго первой гильдіи купца И. Н. Царскаго.* Трудъ этотъ составляетъ какъ бы одно *цѣлое* съ *Описаніемъ* старопечатныхъ книгъ библіотеки Графа Толстаго: „Что тамъ изложено подробно", говорится въ предисловіи, „на то здѣсь указанія; чего нѣтъ тамъ, то здѣсь обстоятельно". Говоря о значеніи выписокъ изъ предисловій и послѣсловій описанныхъ книгъ, Строевъ замѣчаетъ мимоходомъ, что „наши ученые, не углубляясь въ источники, *повторяютъ* очень многое на перекоръ истинѣ". О самомъ же владѣльцѣ, И. Н. Царскомъ, Строевъ говоритъ такъ: „Скромность почтеннаго собирателя возбраняетъ мнѣ похвалы его ревности, пожертвованіямъ и знанію дѣла, при составленіи сего собранія. Да будетъ оно *цѣло* и еще пріумножится" (стр. III, IV, VII, VIII).

По поводу *Описанія* старопечатныхъ книгъ Царскаго, Бередниковъ писалъ Строеву, что онъ „такъ взманилъ его своими библіографическими трудами, что съ наступленіемъ теплой погоды, онъ и самъ примется за составленіе каталога рукописей и старопечатныхъ книгъ хранящихся въ Академической библіотекѣ" (*Письма*, II, 271).

Описаніе это очень порадовало и Академика Кеппена, какъ это онъ объяснилъ въ письмѣ къ Строеву, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Свѣдѣніями, тутъ (въ Описаніи) изложенными, я воспользуюсь при 2-мъ изданіи моего *Списка Первопечатнымъ книгамъ.* Щастливецъ Царскій былъ столько ласковъ, что прислалъ мнѣ экземпляръ чрезъ И. М. Снѣгирева. Но не рѣшится-ли онъ пожертвовать нѣсколькими экземплярами для моихъ Словенъ въ Прагѣ, Вѣнѣ, Пестѣ, да и для Императорской библіотеки въ Вѣнѣ и Музея въ Прагѣ? Ф. И. Кругъ подарилъ мнѣ экземпляръ Исторіи Карамзина для Праги, Д. И. Языковъ и А. С. Шишковъ даютъ по пяти экземпляровъ своихъ сочиненій, хорошо бы и отъ г. Царскаго получить экземпляровъ пять или шесть, чтобы ими порадовать соплеменниковъ" (*Письма*, II, № 272).

Впрочемъ, противъ вновь выпущеннаго *Описанія* ополчился съ своимъ обычнымъ остроcловіемъ Полевой, и по этому Бередниковъ

замѣчаетъ: „А *нашъ* почтенный издатель *Библіотеки* всякую нелѣпость печатаетъ, только бы перекинуть острое словцо" (*Письма*, № 274).

Въ библіотекѣ Царскаго, кромѣ старопечатныхъ книгъ, было множество древнихъ рукописей, въ числѣ коихъ находились и акты историческаго и юридическаго содержанія, относящіеся къ XV, XVI и XVII столѣтіямъ. Эти акты владѣлецъ собранія, чрезъ А. А. Краевскаго, принесъ въ даръ вновь учрежденной въ Петербургѣ Коммиссіи. Я. И. Бередниковъ, разсматривавшій, по порученію Коммиссіи, присланные акты, нашелъ, что около 60-ти изъ нихъ, „по разнымъ уваженіямъ, могутъ войти въ издаваемое Коммиссіею собраніе, но что они должны быть помѣщены въ концѣ онаго, въ видѣ дополненія, ибо заключаютъ въ себѣ собственно дѣловыя бумаги, важныя для знанія формъ древняго дѣлопроизводства. Коммиссія, согласившись съ мнѣніемъ Бередникова, поручила С. М. Строеву переписать акты правильнымъ образомъ и приготовить къ печати" (*Прот.* 13, 14). Но совершенно противоположное этому своему отзыву, Бередниковъ писалъ Строеву (отъ 8-го октября 1835 года): „Юридическіе акты г. Царскаго, сходно съ предчувствіемъ вашимъ, напечатаются въ нашемъ изданіи, въ видѣ дополненія, вмѣстѣ съ актами церковными. Мои настоянія о маловажности этихъ бумагъ, никого не убѣдили" (*Письма*, II, № 265).

Между тѣмъ, П. М. Строевъ въ это время самъ приготовлялъ къ изданію собраніе юридическихъ актовъ, а потому, когда получилъ извѣстіе объ опредѣленіи Коммиссіи касательно актовъ Царскаго, то написалъ С. С. Уварову слѣдующее письмо (отъ 12-го іюля 1836 г.): „Въ намѣреніи познать и обслѣдовать всѣ судебныя формы стариннаго судопроизводства, я составлялъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ, коллекцію юридическихъ актовъ, коихъ теперь у меня около шести сотъ, съ XV по исходъ XVII вѣка. Въ прошломъ 1835 году, приводя въ порядокъ мою коллекцію, я отбросилъ цѣлую сотню сугубыхъ дублетовъ и плохихъ копій и, какъ излишнее, уступилъ купцу Царскому, дабы онъ могъ пожертвовать ими юридической каѳедрѣ какого-либо университета. Отъ г. Царскаго сія сотня отбросковъ моей коллекціи дошла до Коммиссіи печатанія грамотъ, собранныхъ Археографическою Експедиціею. Коммиссія, найдя ихъ интересными, положила напечатать при концѣ четвертаго тома своего изданія, какъ мнѣ извѣстно по слухамъ.

По сей причинѣ, я вмѣняю себѣ въ непремѣнный долгъ предувѣдомить Ваше Высокопревосходительство, о намѣреніи моемъ относитильно той коллекціи и о томъ, что печатать выброски изъ нее

при четвертомъ томѣ актовъ Археографической Експедиціи, безъ сомнѣнія, неумѣстно. Не благоугодно-ли будетъ Вашему Высокопревосходительству приказать Коммиссіи оставить свое предположеніе? Изданіе списковъ съ юридическихъ актовъ моей коллекціи по программѣ, которую буду имѣть честь представить будущею зимою, и съ примѣчаніями объяснительными, можетъ составить особую книгу, весьма важную и любопытную" (*А. К.* I, 409).

Уваровъ передалъ это письмо на разсмотрѣніе Коммиссіи, которая, въ засѣданіи своемъ 29-го іюля 1836 года, опредѣлила: представить на благоусмотрѣніе Министра, что находя изданіе собранной Строевымъ Коллекціи Юридическихъ Актовъ необходимымъ для узнанія формъ стариннаго дѣлопроизводства, она полагаетъ съ признательностью принять предложеніе Строева. На это опредѣленіе Коммиссіи послѣдовала слѣдующая, собственноручная резолюція Уварова: „*Согласенъ съ тѣмъ, чтобъ Коммиссія вошла въ сношенія съ г. Строевымъ*" (*Проток.* 37). На канунѣ этаго засѣданія, Бередниковъ написалъ Строеву письмо, которое опять поставило его въ противорѣчіе съ самимъ собою: „Письмо ваше къ Министру измѣнило судьбу Юридическихъ актовъ Царскаго. Впрочемъ, Коммиссія никогда не думала печатать ихъ въ своихъ изданіяхъ, что свидѣтельствуютъ ея протоколы. Я въ свое время извѣщалъ ее о большой коллекціи такихъ же актовъ, у васъ находящейся" (*Письма*, II, № 274). О самомъ же засѣданіи Коммиссіи, 29-го іюля, Сергѣй Строевъ сообщаетъ брату слѣдующія любопытныя подробности: „Чтобы заключеніе Коммиссіи не удивило васъ, я долженъ сказать, что Я. И. Бередниковъ отрекся отъ своего прежняго мнѣнія. Ето былъ довольно комическій случай. Когда я докладывалъ Коммиссіи письмо ваше къ Министру, Яковъ Ивановичь, во время самаго чтенія, остановилъ меня, говоря, что такого „глупаго" мнѣнія относительно печатанія *Актовъ* Царскаго, Коммиссія никогда не имѣла; но я тотчасъ же отыскалъ ему протоколъ, сентября прошлаго года, и его представленіе, въ которомъ онъ говоритъ, что весьма полезно издать *Акты* Царскаго въ видѣ дополненія къ 4-му тому. Члены засмѣялись, Яковъ Ивановичь на меня разсердился, а Князь приказалъ написать въ протоколъ то, что вы найдете въ отношеніи. Вотъ вамъ вся исторія. Съ Яковомъ Ивановичемъ подобные случаи бываютъ нерѣдко. Впрочемъ, мы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Я снабжаю его разными книгами и журналами. Теперь просилъ меня достать *Сборникъ Муханова*, который, не видавъ еще, сбирается разругать. Якову Ивановичу хотѣлось бы все одному издать" (*Письма*, II, № 275).

Между тѣмъ, Строевъ, не получая изъ Коммиссіи оффиціальнаго

извѣщенія по своему предложенію, отъ 12-го іюля, и прождавъ болѣе полутора мѣсяца, рѣшился уступить свою коллекцію Царскому, давно уже желавшему пріобрѣсти ее покупкою. О чемъ Строевъ и увѣдомилъ Князя Ширинскаго письмомъ, отъ 6-го сентября, присовокупивъ, что Царскій „какъ просвѣщенный любитель отечественной старины, съ усердіемъ изъявляетъ готовность передать оную коллекцію для напечатанія въ Коммиссію, при первой возможности, и едва ли оную не пожертвуетъ“ (*А. К.* I, 412).

Письмо это было представлено Уварову и, отъ 18-го сентября, Строеву послана слѣдующая бумага за подписью Князя Ширинскаго: „Его Высокопревосходительство изволилъ отозваться, что не касаясь до распоряженій вашихъ о юридическихъ актахъ, собственно вамъ принадлежащихъ и пріобрѣтенныхъ вами, какъ частнымъ человѣкомъ, онъ не можетъ оставить безъ вниманія весьма значительную, какъ извѣстно, коллекцію подобныхъ актовъ, собранную вами въ званіи Археографа Академіи Наукъ во время Экспедиціи, совершенной на ея иждивеніи. Имѣя въ виду, что всѣ акты и разныя археографическія свѣдѣнія, замѣчанія и соображенія, собираніе и составленіе коихъ входило въ вашу обязанность, по смыслу данной вамъ инструкціи, есть собственность Академіи, Господинъ Министръ приказалъ требовать, чтобъ вышепомянутая коллекція, если вы не намѣрены заняться приготовленіемъ ея къ изданію сами, была, какъ принадлежность Правительства, немедленно представлена Его Высокопревосходительству“ (*А. К.* I, 413).

Строеву оставалось только отвѣтить, что „приказаніе Его Высокопревосходительства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія будетъ исполнено со всею точностію“ (*А. К.* I, 415), и за тѣмъ, отъ 30-го ноября, онъ донесъ С. С. Уварову: „Окончивъ въ теченіе сего 1836 года, приведеніемъ въ порядокъ разнаго рода подлинные акты, собранные мною въ шесть лѣтъ Археографической Експедиціи, и присоединяя къ нимъ пріобрѣтенные прежде и послѣ оной, имѣю честь представить ихъ Вашему Высокопревосходительству... Изданіе въ свѣтъ *Актовъ Юридическихъ*, съ необходимыми примѣчаніями (объяснительными), охотно принимаю на себя и произведу въ теченіе 1837 года, если будутъ доставлены денежныя средства. За симъ принадлежащаго Археографической Експедиціи остается у меня: а) Матеріалы словаря *Библіологическаго*, надъ обработываніемъ котораго тружусь; б) Списки архіереевъ и настоятелей монастырей, кои составятъ особую книгу, почти уже готовую“. Рапортъ этотъ Строевъ представилъ Уварову лично въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ, въ декабрѣ 1836 года, для „продажи“ *Ключа* къ Карамзину. Уваровъ вы-

разилъ желаніе, чтобы Строевъ переговорилъ объ изданіи Юридическихъ Актовъ съ Княземъ Ширинскимъ, который и пригласилъ его „пожаловать къ нему на домъ, 5-го декабря, въ 10 часовъ утра" (*А. К.* I, 419). Результатомъ всѣхъ этихъ переговоровъ было то, что „по предложенію Предсѣдателя, Коммиссія возложила на Члена Устрялова приготовленіе къ печатанію *Юридическихъ Актовъ*, представленныхъ въ Коммиссію коллежскимъ ассессоромъ Строевымъ. Въ помощь г. Устрялову, дозволено Коммиссіею Члену Московскаго Историческаго Общества, Коркунову, въ видѣ опыта, приступить къ снятію копій съ Юридическихъ Актовъ" (*Прот.* 54).

Словомъ сказать, нашему Археографу не везло ни съ какой стороны. Въ бумагахъ Павла Михайловича сохранилась слѣдующая собственноручная его замѣтка о послѣднемъ пребываніи его въ Петербургѣ: „Весь декабрь 1836 года, я провелъ въ С. Петербургѣ: раздѣлывался съ Коммиссіею за прежнюю неосторожность и излишнюю довѣрчивость къ тѣмъ, кто этого не стоилъ и принаравливался, какъ вести себя впредь, въ отношеніи Коммиссіи" (*Вх. и Исх.* II, 167).

Между тѣмъ, П. М. Строева не оставляла мысль продолжать свои труды на пользу Русской исторіи, подъ сѣнію Императорской Академіи Наукъ, и когда послѣдняя, въ концѣ 1836 года, напечатала въ газетахъ вызовъ желающихъ занять праздное мѣсто адъюнкта Россійской Исторіи, то Строевъ написалъ П. Н. Фусу: „Удостоиться сего званія было бы для меня весьма лестно и я употребилъ бы возможныя усилія заслужить трудами сей выборъ, еслибы получаемая мною пенсія была при мнѣ же оставлена: иначе однимъ жалованьемъ адъюнкта, съ многочисленнымъ семействомъ, невозможно существовать въ С. Петербургѣ. Я полагаю, что начальство Академіи, за прежніе труды мои въ званіи Археографа, могло бы о семъ ходатайствовать" (*А. К.* I, 416). Но и это желаніе Строева не исполнилось и онъ, не дождавшись торжественнаго Собранія Академіи Наукъ, 29-го декабря, уѣхалъ въ Москву, прося Фуса, письмомъ отъ 22-го декабря, исключить его изъ списка кандидатовъ на адъюнктство.

Къ тому же и обратное путешествіе Строева изъ Петербурга въ Москву сопровождалось какими-то дорожными непріятностями, по поводу которыхъ извѣстный содержатель Петербургскихъ дилижансовъ, почтенный Ѳедоръ Серапинъ, отъ 15-го января 1837 года, писалъ къ Павлу Михайловичу слѣдующее: „Искренно благодарю васъ за почтенное письмо ваше отъ 3-го января, и за благорасположеніе ваше ко мнѣ и къ первоначальному заведенію дилижансовъ; произшествіе, причинившее вамъ непріятность на станціи Едрово, мнѣ тотчасъ было извѣстно,

и я предвидѣлъ оное, отдавъ преимущество Хотиловскимъ ямщикамъ въ подрядѣ возить дилижансы. Изыскивая Русскія Древности, вы конечно наблюдаете и характеръ народа, населяющаго пространство отъ Ижоры до Москвы. Мнѣ кажется, что оный весьма похожъ на древнихъ, буйныхъ Новгородцевъ. Не только надзиратели мои, но часто и государственные знатные чиновники терпятъ грубости ямщиковъ. Я все дѣлаю, что могу, но не все могу отвратить, что вредно заведенію истинно общеполезному. И о поступкахъ съ вами Едровскихъ ямщиковъ я писалъ и къ г. исправнику и къ г. гражданскому губернатору, прося пособія, на основаніи Имяннаго Высочайшаго указа о нашемъ заведеніи. Слышу, что исправникъ уже былъ въ Едровѣ и утишилъ ямщиковъ, но не совсѣмъ. Дѣлаю настоянія и ожидаю отъ времени, что все успокоится, и дилижансы будутъ возимы Хотиловцами исправнѣе Едровцовъ. Что касается до надзирателей, то я принялъ строжайшія противъ нихъ мѣры. Однако и тутъ нужно снисхожденіе, ибо отличные люди вездѣ рѣдки, а пассажиры также бываютъ несносные“ (*Письма*, II, 277).

П. М. Строевъ, и по удаленіи отъ дѣлъ, продолжалъ вести самую оживленную переписку съ Я. И. Бередниковымъ, предметомъ которой были не одни дѣла Коммиссіи. Бередниковъ зорко слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ въ словесномъ мірѣ, и объ его явленіяхъ не медлилъ отзываться своимъ рѣзкимъ запальчивымъ словомъ. Гнѣвъ Бередникова обрушивался на многихъ и въ особенности на М. П. Погодинѣ. Мы уже знаемъ, что Погодинъ, въ 1835 году, поѣхалъ на воды за границу, и вотъ Бередниковъ въ письмѣ своемъ, отъ 8-го октября, пишетъ: „Гдѣ г. Погодинъ? Напитывается, какъ воздушный насосъ, шарлатанствомъ въ Нѣметчинѣ, чтобы потомъ морочить насъ бѣдныхъ Русскихъ европейскимъ жеманствомъ. Богъ съ ними, съ етими доморощенными Европейцами!“ (*Письма*, II, 265). Погодинъ, въ своей *Автобіографіи*, такъ отвѣчаетъ на вопросъ Бередникова, о томъ гдѣ онъ былъ: „Въ Берлинѣ слушалъ лекціи Риттера, Стеффенса, Бека, Ранке, Савиньи и пр. Посѣтилъ Лейпцигъ, гдѣ слушалъ Ваксмута. Изъ Праги ѣздилъ черезъ Ниренбергъ, по Рейну, въ Боннъ, гдѣ было собраніе натуралистовъ. Оттуда въ Гейдельбергъ, гдѣ посѣтилъ Крейцера и Шлоссера, былъ въ Швейцаріи, ѣздилъ нарочно въ Шафгаузенъ, чтобъ поклониться тамъ въ библіотекѣ фоліантамъ выписокъ историческихъ Миллеровыхъ, познакомился съ историкомъ Гуртеромъ. Въ Минхинѣ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе Шеллингу. Въ Вѣнѣ дополнилъ Славянскія свои знакомства, и вмѣстѣ съ Д. М. Княжевичемъ, Н. И. Надеждинымъ, П. В. Кирѣевскимъ, чрезъ Брюнъ,

Львовъ, Радзивиловъ, Кіевъ, возвратился въ отечество“ (*Біограф. Слов. Моск. Унив.*, II, стр. 258).

Доставалось отъ Берездникова и извѣстному Дерптскому профессору Крузе, да и вообще Нѣмцамъ. „Mais je reviens toujours à mes moutons“,—пишетъ Бередниковъ въ одномъ изъ писемъ къ Строеву,— „а каковъ Крузе? Какіе шарлатаны Нѣмцы! думаютъ преобразовать нашу исторію, сами въ ней ни зги не видятъ; ѣздятъ лѣчиться отъ слѣпоты, а насъ простяковъ (даже въ *Сѣверной Пчелѣ*) увѣряютъ, что путешествуютъ для лингвистическихъ открытій, въ странѣ, коей языковъ вовсе не знаютъ и проч. и проч. Вообразите, что Крузе публично осмѣлился сказать, что Русскіе ничего не въ состояніи сдѣлать для исторической критики, что наши лѣтописи надобно перевести по нѣмецки (Нѣмцы въ подлинникѣ читать ихъ не умѣютъ), и что потомъ ети шарлатаны обработуютъ ихъ по своему. Каково! Дерптскій иллюминатъ грозитъ намъ еще розысканіемъ о Рурикѣ *) и Русской Правдѣ. Quousque tandem Catilina abutere patientia nostra? Я такъ сердитъ на Нѣмцевъ, что кажется, у меня скоро разольется желчь“ (*Письма*, II, 265).

Но оставимъ эти сѣтованія на Нѣмцевъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Строевъ, находившійся постоянно въ дружескихъ отношеніяхъ съ такъ называемою Нѣмецкою партіей нашей Академіи, не могъ раздѣлять подобныхъ мнѣній о Нѣмцахъ. Возвратимся къ Археографической Коммиссіи. „Кругъ дѣйствія нашей Коммиссіи“,—писалъ Сергѣй Строевъ къ брату, отъ 5-го ноября 1835 г.,—„часъ отъ часа расширяется: работы прибавляется болѣе и болѣе. Печатаніе *Актовъ* идетъ довольно успѣшно: листовъ болѣе 30-ти уже готово. Хваленая типографія Втораго Отдѣленія не очень оправдываетъ хорошую о ней молву. Столбцы Царскаго я почти приготовилъ къ печати. Акты церковнаго содержанія до сихъ поръ еще не возвращены изъ Синода. Серафимъ, увидавшись съ Княземъ, сказалъ ему: „на что вамъ ету дрянь“. За то Министръ Двора и Вице-Канцлеръ со всевозможною скоростью удовлетворяютъ нашимъ просьбамъ: первый позволилъ намъ рыться сколько угодно въ Ермитажной библіотекѣ, а вторый обѣщалъ вытребовать изъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ дѣло о Максимѣ Грекѣ. Я думаю, Малиновскому ето не очень пріятно; но что же дѣлать. По приказанію Министра, внесено къ намъ дѣло о разборѣ Архива Астраханскаго Губернскаго Правленія, Матвѣе-

*) Крузе исполнилъ свое обѣщаніе и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣстилъ статью: «О происхожденіи Рюрика, преимущественно по Французскимъ и Нѣмецкимъ лѣтописямъ» (ч. IX, стр. 43).

вымъ, который предлагаетъ свои услуги для разбора и другихъ архивовъ Восточной Россіи. Вотъ все, что у насъ есть новаго. Можетъ быть, всѣ эти подробности вамъ покажутся скучны, но какъ быть? Откуда взять болѣе интересныя? Что дѣлаютъ Московскіе ученые и издатели: Оболенскій, Мухановъ и другіе"? (*Письма*, II, № 266).

Но Бередниковъ, видимо, былъ не совсѣмъ доволенъ ходомъ дѣлъ. „Мы отпечатали *Актовъ Археографической Экспедиціи* 10 листовъ (писалъ онъ, отъ 18-го ноября 1835 г.), но окончимъ не прежде какъ черезъ годъ. По промахамъ касательно оглавленій, Устрялова можно назвать неподражаемымъ. Я радуюсь одному, что, по крайней мѣрѣ, текстъ печатается вѣрно и что наше изданіе не будетъ походить на *Вивліоѳику* Полеваго" (*Письма*, II, 267).

Мы уже знаемъ, что Бередниковъ продолжалъ дѣло Археографической Експедиціи въ Петербургскихъ архивахъ и библіотекахъ. Въ Ермитажной библіотекѣ онъ нашелъ до 500 рукописей, въ числѣ которыхъ до 50-ти лѣтописцевъ (бо́льшая часть новѣйшія копіи); въ числѣ рукописей найдено много хорошихъ и въ особенности Сборниковъ" (ibid). Прочтя сочиненіе Гизо *Histoire de la Civilisation en France*, Бередниковъ совѣтуетъ прочесть его и Строеву, особенно о Церковной литературѣ съ V по VIII вѣкъ, и объ институціяхъ монашества на Западѣ. „Мы", пишетъ онъ, „знающіе Русскую рукописную словесность XV и XVI в. и уставы монастырскіе, увидимъ въ Гизо многое, чего ни Полевой, ни Погодинъ, при всѣхъ *высшихъ взглядахъ*, не увидятъ. Ради Бога, прочтите! Пишите ко мнѣ", заключаетъ Бередниковъ письмо свое къ Строеву, отъ 18-го ноября, „мнѣ очень пріятно получать письма ваши: отъ нихъ пахнетъ *пріятнымъ давно прошедшимъ*, которое уже не воротится" (*Письма*, II, № 267).

Бередниковъ не оставлялъ увѣдомлять своего бывшаго начальника обо всемъ, что только могло интересовать его. Такъ, въ письмѣ отъ 14-го февраля 1836 года, онъ сообщилъ Строеву о письменныхъ сокровищахъ, привезенныхъ А. С. Норовымъ, возвратившимся, въ началѣ 1836 года, изъ своего путешествія по Востоку. „Извѣстный Норовъ (читаемъ въ письмѣ Бередникова) вывезъ изъ Палестинскихъ монастырей нѣсколько Славянскихъ харатейныхъ рукописей (богослужебныхъ), изъ коихъ одна относится къ 14 вѣку; всѣ они писаны на Аѳонѣ и въ Сербскихъ монастыряхъ, совершенно похожи на тѣ, какія находятся въ нашихъ монастырскихъ и другихъ библіотекахъ. Ясно, что и мы, въ свое время, богослужебныя пособія почерпали изъ одного и того же кладязя: южно-словянскаго" *).

*) Описаніе привезенныхъ Норовымъ рукописей составлено Востоковымъ и

Какъ ни удалялся Строевъ отъ непосредственнаго участія въ занятіяхъ Коммиссіи, но отсутствіе его живо чувствовалась и Предсѣдателемъ и всѣми членами Коммиссіи. Потребность въ его содѣйствіи сознавалась всѣми. И вотъ въ апрѣлѣ 1836 года, Князь Ширинскій обратился къ Павлу Михайловичу съ просьбою доставить Коммиссіи выписки изъ составляемаго имъ *Библіологическаго Словаря* „о всѣхъ существующихъ, извѣстныхъ ему Русскихъ Лѣтописяхъ, съ показаніемъ мѣстъ, гдѣ оныя хранятся, и съ поименованіемъ лучшихъ списковъ“. Свѣдѣнія эти, какъ сказано въ письмѣ, необходимы „для приготовленія Коммиссіи къ будущимъ ея занятіямъ“ (*А. К.* I, 394). На этотъ запросъ, Строевъ отвѣчалъ слѣдующее: „Наибольшая часть *Лѣтописей* и *Лѣтописцевъ* находится въ С. Петербургскихъ библіотекахъ. Г. Бередниковъ можетъ доставить о нихъ самыя подробныя свѣдѣнія, почему я здѣсь и умалчиваю. Въ Библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ есть нѣсколько Лѣтописей, подробныхъ и краткихъ. О нихъ я не имѣю еще обстоятельнаго свѣдѣнія. Въ Патріаршей ризницѣ находятся Лѣтописцы подъ слѣдующими №№: 144, 147, 149 (въ двухъ книгахъ), 152, 153, 154 въ листъ; 485, 645, 786, 788, 789, 790, 793, 938, 939, 940, 941, 963, 964, 965 въ 4° и 8°. Большая часть ихъ очень хороши. При отборѣ, для отсылки въ С. Петербургъ (когда потребуются), я охотно готовъ содѣйствовать. Въ Библіотекѣ Духовной Академіи въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ *шесть* лѣтописцевъ № 85, 97, 181, 182, 195, 196. И тутъ есть очень *хорошіе*. Въ Софійской Новгородской Библіотекѣ: № 66 (изъ Ѳерапонтовскихъ), № 440 (изъ Кирилловскихъ) подробные. Есть и краткіе въ Сборникахъ: № 454, 561, 733 и 820; но сіи, кажется, будутъ не нужны. Въ Библіотекѣ Флорищевой пустыни № 77. Болѣе сего нѣтъ нигдѣ лѣтописей, ибо въ прошедшемъ столѣтіи, Высочайшими указами, ихъ неоднократно отбирали въ С. Петербургъ. Предпріятіе издать *полное* собраніе Лѣтописей и Лѣтописцевъ Русскихъ, собравъ ихъ *всѣ* и напередъ *разложивъ по родамъ*, есть дѣло по истинѣ великое и для исторіи Отечественной несказанно важное. Да совершится оно съ вожделѣннымъ успѣхомъ! Весьма сожалѣю, что обстоятельства отчуждили меня отъ соучастія въ семъ подвигѣ“ (*А. К.* I, 399).

Сообщенными въ этомъ письмѣ свѣдѣніями, воспользовался Бередниковъ, для своей *Записки объ изданіи Русскихъ Лѣтописей*, поданной имъ, 15-го іюля 1836 года, Уварову.

помѣщено въ сентябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1836 г., стр. 529—551.

За тѣмъ, когда Я. И. Бередникову, при изданіи актовъ, понадобились, для справокъ, списки настоятелей Сергіевой Лавры и монастырей Кирилло-Бѣлозерскаго и Ѳерапонтова, Коммиссія опять обратилась къ Строеву „съ покорнѣйшею просьбою доставить эти списки“ (*А. К.* I, 404). На этотъ разъ Строевъ отвѣчалъ Князю Ширинскому: „Сіи списки, принадлежащіе къ большому сочиненію моему объ іерархической исторіи, которое, по совершенной отдѣлкѣ, будетъ предоставлено Академіи Наукъ, находятся еще въ черновомъ состояніи, и на приведеніе его въ порядокъ потребно довольно времени, котораго, при теперешнихъ моихъ работахъ, не достаетъ мнѣ. Г. Бередникову нужны хронологическія справки, какъ я полагаю, изъ временъ XVI столѣтія, то покорнѣйше прошу его, написавъ на листкѣ имена настоятелей, доставить ко мнѣ по почтѣ. Я выставлю противъ сихъ именъ годовыя числа, и на другой же день отправлю обратно по почтѣ жъ. Подобными справками я вмѣню себѣ въ честь содѣйствовать и прочимъ гг. членамъ Коммиссіи“ (*А. К.* I, 408).

Бередниковъ поспѣшилъ послать Строеву списокъ настоятелей XV и XVI вѣка, время настоятельства которыхъ ему нужно было знать, при чемъ писалъ, между прочимъ: „У васъ ученые ратоборствуютъ: въ *Наблюдателѣ* и *Телескопѣ* спорятъ о томъ, что́ внѣ понятія нашей младенчествующей Словесности; напримѣръ, полемика Надеждина съ Шевыревымъ о западныхъ литературахъ. Подъ силу ли намъ? Обработаніе древней Словено-Русской словесности, что по видимому должно бы особенно насъ занимать, кто на него обращаетъ вниманіе? Кто знаетъ въ етомъ толкъ? Право, въ Русской Исторіи мы пятимся назадъ: Яковкина у насъ замѣняетъ Погодинъ и вскорѣ поступитъ на вакансію Устряловъ, а Емина-Полевой“ (*Письма*, II, № 724).

Въ это же время П. М. Строевъ занимался разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ, вытребованныхъ къ нему еще въ 1833 году, актовъ Соликамскаго и Кунгурскаго архивовъ, для представленія ихъ, по приказанію Уварова, въ Археографическую Коммиссію. „Сіи столбцы“, писалъ Строевъ по поводу этихъ актовъ къ Князю Ширинскому, отъ 9-го февраля 1837 года, „находились въ большомъ безпорядкѣ, по сему и работа шла нѣсколько медленно. Мнѣ желалось бы совершенно облегчить Коммиссію снятіемъ списковъ съ тѣхъ актовъ, кои должно напечатать: списываніе здѣсь подъ моимъ надзоромъ гораздо удобнѣе, нежели въ С.Петербургѣ; въ этомъ, надѣюсь, не попротиворѣчатъ и гг. члены Коммиссіи; но для сего мнѣ необходимъ экземпляръ изданныхъ Коммиссіею Актовъ, дабы знать, что должно списывать“ (*А. К.* I, 435).

Въ отвѣтъ на это Князь Ширинскій, при письмѣ отъ 7-го февраля, препроводилъ къ Павлу Михайловичу требуемый экземпляръ Актовъ Археографической Экспедиціи, „совершившей шестилѣтнее путешествіе по Россіи подъ его начальствомъ". За тѣмъ и предложеніе Строева касательно Соликамскихъ и Кунгурскихъ Актовъ было охотно принято Коммиссіею, которая положила: „испросить разрѣшеніе г. Министра на то, чтобы всѣ издержки по перепискѣ Актовъ были возвращены Строеву изъ суммъ Коммиссіи" (*Прот.* 60). Объ этомъ извѣстилъ Павла Михайловича братъ его Сергѣй, въ письмѣ котораго, отъ 13-го апрѣля, между прочимъ, читаемъ: „Коммиссія съ величайшею радостію приняла ваше предложеніе на счетъ переписки актовъ изъ Соликамскаго и Кунгурскаго архивовъ. Что скажете вы объ изданіи *Актовъ Экспедиціи*, которое, вѣроятно, если не прочли, то пробѣжали? Читали-ли вы критику, написанную въ *Библіотекѣ* Полевымъ? Видно, что етотъ человѣкъ вовсе ничего не понимаетъ въ этихъ *Актахъ* и вообще въ томъ, что важно для нашей Исторіи. И въ одинъ мѣсяцъ можно-ли прочесть всѣ четыре тома съ толкомъ и дѣльно? Воображаю Каченовскаго надъ *Актами Экспедиціи*" (*Письма*, II, 278).

Въ бумагахъ Строева сохранились свѣдѣнія о работахъ его надъ упомянутыми Соликамскими и Кунгурскимъ актами. Такъ, отъ 14-го іюня 1837 года, Павелъ Михайловичь писалъ къ князю Ширинскому:

„Полугодовые труды мои для Коммиссіи приходятъ къ вожделѣнному концу: Соликамскихъ, Кунгурскихъ и иныхъ любопытства заслуживающихъ актовъ изготовлено 220, остается еще съ десятокъ". А на другой день, именно 15-го іюня, Строевъ писалъ Устрялову: „Не поскупитесь въ вознагражденіи меня за сей полугодовой, тяжелый трудъ. Вообразите, что никакъ не могъ добыть писцовъ для переписки старины: прежніе извелись, новыхъ нѣтъ годныхъ" (*А. К.* I, 554 на об.). Наконецъ, 28-го іюня 1837 года, пять длинныхъ переплетовъ съ актами Соликамскаго и Кунгурскаго архивовъ, окончательно приведенными въ порядокъ, были отправлены въ Коммиссію.

18-го февраля 1837 года, Высочайше утверждены правила для руководства Коммиссіи, которой присвоено было названіе *Археографической.* Правила эти были прочтены въ засѣданіи 22-го февраля. Послѣ чего Предсѣдатель Коммиссіи Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ произнесъ слѣдующее: „По случаю удостоенія Высочайшаго утвержденія правилъ, для руководства Археографической Коммиссіи, которыми, во первыхъ, упрочено ея полезное существованіе, а во вторыхъ, предоставлены новыя преимущества принадлежащимъ къ ней лицамъ, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія поручилъ мнѣ, милостивые

государи, объявить вамъ, что онъ считаетъ себя въ полномъ правѣ надѣяться, что мы, недавно еще награжденные лестными знаками Монаршаго благоволенія, не будемъ щадить никакихъ усилій, чтобъ заслужить столь щедро изліянныя на насъ милости Государя Императора, усерднымъ и совокупнымъ стремленіемъ къ достиженію цѣли учрежденія Археографической Коммиссіи. Его Высокопревосходительство станетъ слѣдить занятія каждаго изъ насъ, и думаетъ, что онъ будетъ дѣлать это всегда съ удовольствіемъ, потому что отнюдь не предполагаетъ въ комъ либо замѣтить развлеченія, медленности, или холодности при исполненіи высокаго нашего назначенія. Мнѣ остается присовокупить съ своей стороны, что вы найдете во мнѣ, какъ и прежде, дѣятельное орудіе просвѣщеннаго и благонамѣреннаго Министра, ревностнаго сотрудника и безпристрастнаго цѣнителя трудовъ вашихъ" (1 *Прот. Арх. Ком.*).

По утвержденіи новаго устава Археографической Коммиссіи, Павелъ Михайловичъ Строевъ, согласно его прошенію, былъ почтенъ званіемъ корреспондента Коммиссіи. Князь Ширинскій, увѣдомивъ объ этомъ Строева, присовокупилъ, въ письмѣ отъ 18-го мая: „Археографическая Коммиссія остается увѣренною, что она пріобрѣтаетъ въ немъ весьма дѣятельнаго и просвѣщеннаго сотрудника" (*Арх. Ком.* I, 535).

XVI.

Высочайше утвержденными въ 18-й день февраля 1837 года, правилами возложено было на Археографическую Коммиссію, между прочимъ, и систематическое изданіе Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Приступая къ этому великому дѣлу, Коммиссія заявила П. М. Строеву о своемъ „желаніи имѣть изъ матеріаловъ составляемаго имъ *Библіологическаго Словаря* поименный списокъ всѣхъ лѣтописей, хранящихся въ библіотекахъ и архивахъ, осмотрѣнныхъ Археографическою Экспедиціею, равно и имѣющихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ обозначеніемъ, гдѣ хранится каждая лѣтопись и подъ какимъ нумеромъ". При чемъ пояснено было, что полное ихъ заглавіе необходимо при востребованіи списковъ въ Коммиссію. Строевъ отвѣчалъ, что онъ сносился съ начальствомъ Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ

и получилъ въ отвѣтъ, что въ библіотекѣ Архива находится нѣсколько десятковъ Лѣтописцевъ; въ подробномъ же каталогѣ ему отказано, „какъ лицу безъ офиціальнаго кредита“. Что касается до другихъ лѣтописцевъ разныхъ библіотекъ, то они, по объясненію Строева, отличительныхъ заглавій не имѣютъ, а называются иные *Лѣтописями*, иные *Лѣтописцами*; относительно же номеровъ, подъ коими они состоятъ въ каталогахъ, сослался на свое письмо отъ 6-го іюня 1836 года *). Коммиссія этимъ отвѣтомъ неудовольствовалась, и въ засѣданіи 5-го апрѣля, положила снова отнестись къ Строеву „съ покорнѣйшею просьбою относительно Лѣтописцевъ, хранящихся въ различныхъ библіотекахъ и архивахъ Имперіи, посѣщенныхъ Археографическою Экспедиціею“ (*Прот.* 4-й *А. К.* I, 495). Атакованный въ упоръ, Строевъ отписывался какъ могъ. „Я долженъ признаться, писалъ онъ, отъ 26-го апрѣля, къ Князю Ширинскому,— что во время Археографической Експедиціи, бывъ заваленъ дѣломъ, какъ говорятъ, по горло (свидѣтельствуюсь Я. И. Бередниковымъ), не могъ я обработывать всѣхъ предметовъ тотчасъ, а записывалъ у себя на скоро, предполагая впослѣдствіи обратиться къ иному опять, и обслѣдовать подробнѣе; но какъ Археографическая Экспедиція кончилась прежде своего конца, то и многія предположенія мои остались недоконченными. По сей причинѣ, и въ отношеніи къ Лѣтописцамъ, къ сожалѣнію, не могу служить Археографической Коммиссіи инымъ чѣмъ кромѣ указанія нумеровъ, что мною и сдѣлано. Впрочемъ, сіи нумера записаны у меня аккуратно и при высылкѣ рукописей недоразумѣній быть, кажется, не можетъ“.

Еще ранѣе того, Бередниковъ, въ засѣданіи Коммиссіи 31-го января 1837 года, возбудилъ вопросъ о томъ, „куда дѣвались Лѣтописи, отобранныя изъ монастырей на основаніи указовъ 1720, 1722 и гдѣ они нынѣ находятся?“ Онъ предложилъ Коммиссіи просить Министра Народнаго Просвѣщенія снестись съ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, о сдѣланіи распоряженія къ отысканію въ Синодальномъ Архивѣ, или Московской Конторѣ, подлинныхъ дѣлъ, объ отобраніи изъ монастырей Лѣтописей около 1780 и въ 1791 г.? Но возбужденный Бередниковымъ вопросъ, и предложеніе его были разрѣшены слѣдующею резолюціею Уварова: „Это ни къ чему не поведетъ. Слѣды указа 1720 года давно простыли, а Лѣтописи, собранныя въ 1791 году, какъ извѣстно, поступили въ библіотеку покойнаго Графа А. И. Пушкина и сгорѣли съ нею вмѣстѣ въ Москвѣ въ 1812 году“ (*Прот.* 24-й).

При всемъ томъ въ Археографическую Коммиссію, мало по малу, со

*) Стр. 309.

всѣхъ сторонъ стекались лѣтописи. „Жаль, что работать не кому“, писалъ Сергѣй Строевъ къ брату, въ Москву. „Я вовсе почти не имѣю времени, потому что у меня образовалась цѣлая канцелярія, съ тѣхъ поръ какъ я получилъ мѣсто Правителя Дѣлъ Коммиссіи. Одинъ Яковъ Ивановичь Бередниковъ трудится. Устряловъ гонится какою-то невидимою силою къ храму безсмертія: на дняхъ его сдѣлали ординарнымъ профессоромъ. Вы помните, въ Москвѣ, Коркунова: онъ опредѣлился къ намъ *чиновникомъ* и будетъ заниматься перепискою актовъ. На дняхъ поступаетъ также къ намъ Григоровичь (братъ священника, издавшаго *Бѣлорусскій Архивъ*) въ ето же званіе“ (*Письма*, II, 278).

Археографическая Коммиссія, приступая къ многотрудному дѣлу изданія *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*, на первыхъ же порахъ встрѣтилась съ затрудненіями весьма серьезнаго свойства. „Къ сожалѣнію“, — писалъ Я. И. Бередниковъ къ Строеву, отъ 10-го декабря 1837 года,—„здѣсь мало сотрудниковъ и даже *чернорабочихъ*. Для успѣшнаго изданія *Лѣтописей* нужно приготовить опытныхъ писцовъ и даже не безполезно было бы учредить *Археографическую Школу*, хотя ето, съ моей стороны, только pia desideria! А все таки, безъ етаго, нельзя ожидать скораго и удовлетворительнаго успѣха. Можно печатать какъ нибудь, въ родѣ академическихъ изданій вѣка Екатерины, или въ родѣ Погодина съ братіею; но не желательно ли имѣть такое изданіе Русскихъ Лѣтописей, на которое мы могли бы съ гордостію указывать Нѣмцамъ. Нѣтъ ли у васъ желающихъ опредѣлиться къ намъ въ Коммиссію писцами или, если ето покажется низкимъ, *палеографами?*“ (*Письма*, II, № 284).

Къ Строеву продолжали обращаться съ запросами о рукописяхъ. Князь Ширинскій писалъ къ нему, что Археографической Коммиссіи, для соображенія при изданіи *Русскихъ Лѣтописей*, понадобились слѣдующія свѣдѣнія: 1) въ какихъ библіотекахъ, осмотрѣнныхъ Археографическою Экспедиціею, хранятся списки Хронографовъ и Степенныхъ книгъ, и гдѣ находится древнѣйшій списокъ Георгія Амартола? 2) Гдѣ находятся древнѣйшіе и лучшіе списки Патерика Печерскаго, также слова о Борисѣ и Глѣбѣ? и 3) подъ какими №№-ми хранятся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ немногіе краткіе лѣтописцы?“ (*А. К.*, I, 663). На эти запросы Строевъ отвѣчалъ (отъ 15-го іюля): „Хронографовъ и Степенныхъ находится очень значительное число въ разныхъ библіотекахъ, и большая часть ихъ почти одинаковаго достоинства: по сему я не считалъ за нужное записывать нумера ихъ отдѣльно, полагая помѣстить въ *Библіологическомъ Словарѣ* общее о нихъ сужденіе. Степенная книга издана Миллеромъ довольно исправно

и, при новомъ изданіи ея, достаточно руководствоваться списками, находящимися въ С. Петербургѣ. Георгія Амартола извѣстно мнѣ семь списковъ. Самый лучшій привезенъ изъ Аѳонскаго Павлова монастыря въ 1655 году, Арсеніемъ Сухановымъ, и теперь въ Патріаршей библіотекѣ, подъ № 148. Къ сему необходимо принять въ соображеніе экземпляры Русскіе: Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря № 637, Костромскаго Богоявленскаго № 817, Чудова № 3. Патерики Печерскіе, обыкновенно XVI вѣка, очень не рѣдки въ разныхъ библіотекахъ. Смѣю рекомендовать Патерикъ Синодальной библіотеки № 216, бывшей нѣкогда въ составѣ Минеи-Четьи Макарьевской, мѣсяца маія, и отъ нее, не знаю кѣмъ, отдѣленный въ особый переплетъ; также Новгородской Софійской библіотеки № 410 и 503 (изъ Кирилловскихъ) и въ библіотекѣ Графа Толстаго есть хорошій списокъ. Но особенное вниманіе должно обратить на пергаминную рукопись Новгородской Софійской библіотеки, которая весьма важна во многихъ отношеніяхъ. Слышалъ я, что у одного купца въ Твери есть пергаминный Патерикъ 1405 года: подробное свѣдѣніе о семъ можетъ сдѣлать г. профессоръ Погодинъ, имѣвшій его въ рукахъ нѣкоторое время. Хорошихъ списковъ Слова о Борисѣ и Глѣбѣ мнѣ неизвѣстно; да едва ли они есть? Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ нѣтъ краткихъ лѣтописцевъ: всѣ они въ прошломъ столѣтіи взяты въ Патріаршую библіотеку, или въ Новгородскую Софійскую. За вѣрное означеніе нумеровъ книгъ въ библіотекахъ монастырскихъ невозможно ручаться. Настоятели и книгохранители могутъ всегда измѣнять ихъ по своей волѣ. На дняхъ, я видѣлъ одинъ Лѣтописецъ съ картинами, принадлежащій Патріаршей библіотекѣ: не знаю почему его не выслали въ Коммиссію вмѣстѣ съ прочими? Теперь онъ у Князя М. А. Оболенскаго. Я желалъ бы имѣть каталогъ краткій Лѣтописцевъ, доставленныхъ въ Коммиссію, дабы удостовѣриться не укрылось ли гдѣ, что либо извѣстное мнѣ по сей части“ (*А. К.* I, 664, 665).

Строеву поспѣшили выслать потребованный имъ краткій каталогъ, рукописей, поступившихъ въ Коммиссію изъ библіотекъ Московскихъ, и онъ сталъ сличать его съ своими *Записками*, причемъ оказалось, что изъ Синодальной библіотеки не выслано №№ 149, 153, 786 и 788. Изъ нихъ, по объясненію Строева, № 149 состоитъ въ двухъ книгахъ: одну изъ нихъ онъ видѣлъ у Князя Оболенскаго и потому она безъ нумера. Подъ № 786 — харатейный подлинникъ Новгородскаго Лѣтописца, *необходимый* при изданіи онаго. „Я полагаю“,—писалъ Строевъ къ Князю Ширинскому,—“что при высылкѣ рукописей, означенныхъ нумеровъ не было на лицо, или ризничій спутался по

неопытности: красные нумера въ Синодальной библіотекѣ дурно приклеены и иногда отпадаютъ, а ризничіе отправляли всегда должность хранителей манускриптовъ какъ поденщики. Библіотекарь Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (хорошій мой пріятель) завѣрилъ меня, что оттуда все выслано, кромѣ Хронографа, поступившаго изъ Библіотеки Императрицы Екатерины къ Безбородкѣ, отъ него въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, а оттуда, въ 1821 году, въ Архивъ. Сей Хронографъ необходимъ для соображеній: со времени покойнаго Калайдовича, новѣйшіе археологи Московскіе придаютъ ему много важности, которую при полномъ изданіи Лѣтописцевъ должно или отринуть, или утвердить рѣшительно“ (*Арх. Ком.* I, 685). Въ свою очередь, Бередниковъ просилъ Строева „радушно удовлетворить его любопытство“ отвѣтомъ на слѣдующіе вопросы, нужные, по его объясненію, для изданія Лѣтописей: 1) У насъ въ Академіи есть списокъ Воскресенской лѣтописи. Карамзинъ (VI, прим. 629) говоритъ, что вы гдѣ-то отыскали еще списокъ. Что это за списокъ и гдѣ онъ? 2) Карамзинъ (II, прим. 425) указываетъ на Синодальную Харатейную Кормчую, № 82, въ которой помѣщенъ *Краткій Русскій лѣтописецъ* XIII вѣка. Важенъ-ли этотъ лѣтописецъ? 3) Гдѣ лучшіе списки Слова о Борисѣ и Глѣбѣ и о Ѳеодосіи Печерскомъ? 4) Гдѣ лучшій списокъ Георгія Амартола и Патерика Печерскаго? Первый, кажется, въ Троицкой Лаврѣ. 5) Карамзинъ (I, 455) упоминаетъ о харатейномъ житіи Владиміра: не одно-ли это съ словомъ монаха Ѳеодосія? Гдѣ намъ искать его? Этими рукописями“, — говоритъ далѣе Бередниковъ, въ письмѣ своемъ къ Строеву,—„исправятся параллельныя мѣста; а это дѣло такъ близко вашему сердцу“ (*Письма*, II, № 290).

Изъ бумагъ, оставшихся послѣ Павла Михайловича, вообще видно, что между имъ и Бередниковымъ не прекращался самый живой обмѣнъ мыслей, даже и послѣ того, какъ обстоятельства разлучили ихъ. „Честь имѣю поздравить васъ“, пишетъ Бередниковъ Строеву, отъ 23 апрѣля 1837 года, „съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ и душевно желаю на праздникахъ веселиться по Московски, т. е. беззаботно предаваться наслажденію... Здѣшнія новости: Археографическая Коммиссія готовитъ къ печати еще томъ Актовъ Историко-юридическихъ; онъ составляется изъ разныхъ источниковъ, особенно изъ бумагъ, поступившихъ изъ Новгородской Казенной Палаты и изъ вашихъ длинныхъ фоліантовъ, въ которыхъ много находится дѣльнаго. Кстати: сюда доставлены изъ Государственнаго Архива Старыхъ Дѣлъ нѣкоторыя подлинныя грамоты XV и XVI вѣка; тутъ обрѣлись подлинники тарханныхъ, уставныхъ и губныхъ грамотъ, выписанныхъ

вами изъ *Троицкаго Сборника*. Кажется, въ етотъ архивъ, находящійся нынѣ въ Москвѣ, попали бумаги Монастырскаго Приказа? *Формы* для познанія стариннаго дѣлопроизводства также почти приготовлены къ печатанію, подъ наблюденіемъ почтеннѣйшаго Николая Герасимовича Устрялова, viri doctissimi per excellentiam". Въ заключеніе письма Бередниковъ пишетъ: „Какая историческая дѣятельность! Quousque tandem? Сахаровъ издаетъ *Путешествія Русскихъ въ чужіе краи*; архимандритъ Досифей, чужими руками, составляетъ книги, дѣлаетъ ученыя открытія и печатаетъ древности *); иные тискаютъ позднѣйшія рукописи, со всѣми поправками и помарками писцовъ, въ видѣ facsimile **). Тайна сокровенная Русской Археологіи: ӂ да ꙃ да ѱ! Припомните „Ψα Μαομεθα". И все то благо, все добро! Но, пріятная новость! Востоковъ приступаетъ къ печатанію *Описанія рукописей, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеумѣ*, составленнаго подробно и отчетисто. Ето довольно обширныя рецензіи на Рукописи Румянцовскаго Музеума" (*Письма*, II, № 279).

Въ Археографической Коммиссіи того времени, имѣли самое смутное понятіе о Московскихъ Архивахъ. Чтобы не показался нашъ приговоръ голословнымъ, мы сошлемся на слова самого Бередникова, въ письмѣ его къ Строеву (отъ 23-го іюня 1837): „Нельзя ли вамъ дать мнѣ знать: какъ называются „офиціально" Московскіе Сенатскіе архивы, въ которыхъ хранятся столбцы? Судя по отмѣткамъ на описяхъ, кажется, ихъ три" (*Письма*, II, № 281). Послѣ этого понятно, какъ важно было для Коммиссіи имѣть въ Москвѣ такого корреспондента кахъ Строевъ.

Между тѣмъ, въ срединѣ 1837 года, въ личномъ составѣ Археографической Коммиссіи произошла перемѣна. Правитель дѣлъ ея С. М. Строевъ, отправляясь путешествовать по библіотекамъ Западной Европы, подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности правителя дѣлъ. Мѣсто его занялъ Михаилъ Андреевичъ Коркуновъ, который оставался на этой должности до дня своей кончины. Скажемъ и о немъ нѣсколько словъ.

Михаилъ Андреевичъ *Коркуновъ*, сынъ берггешворена, родился 2-го сентября 1806 года, въ городѣ Перми. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Пермской семинаріи. Родные прочили его въ горную службу, но мысли и чувства юноши стремились къ Московскому Университету.

---

*) Знакомый намъ по Археографической Экспедиціи архимандритъ Соловецкаго монастыря.

**) Здѣсь разумѣется изданная П. А. Мухановымъ рукопись Патріарха Филарета.

Приготовленная имъ по-тихоньку просьба на имя Вѣнценоснаго Покровителя наукъ, о принятіи его въ университетъ, была открыта родными и уничтожена на семейномъ совѣтѣ. Тогда Коркуновъ обратился къ извѣстному Свиньину, бывшему, въ 1824 году, въ Перми, который, съ помощію бергъ-инспектора Булгакова, выхлопоталъ молодому Коркунову позволеніе дѣда и отца его на отправленіе въ университетъ. Въ Москвѣ, Свиньинъ представилъ молодаго человѣка И. И. Дмитріеву, и при этомъ примолвилъ: „Онъ пѣшкомъ, какъ Ломоносовъ, пришелъ въ Москву и пишетъ стихи“. Впрочемъ, это было сказано только для краснаго словца, потому что самъ Коркуновъ свидѣтельствуетъ, что онъ ѣхалъ изъ Перми въ Москву на долгихъ. Дмитріевъ, въ отвѣтъ на рекомендацію Свиньина, совѣтовалъ Коркунову заниматься въ университетѣ Исторіею, особенно Русскою, а не стихами. Совѣтъ знаменитаго писателя подѣйствовалъ на будущаго археографа. Въ 1827 году, Коркуновъ, по окончаніи университетскаго курса, получилъ медаль за историческое сочиненіе, изъ рукъ И. И. Дмитріева, который при этомъ случаѣ опять повторилъ Коркунову свой совѣтъ: не писать стиховъ, а заниматься исторіею. Въ томъ же 1827 году, Коркуновъ былъ удостоенъ званія соревнователя Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; въ августѣ слѣдующаго 1828 года, онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ Арабскаго языка въ Московскомъ Университетѣ съ жалованьемъ по 85 р. въ годъ! Въ послѣдующіе годы до 1836, онъ, кромѣ Арабскаго языка, преподавалъ еще Древнюю Географію и Всеобщую исторію. Въ 1836 году, Коркуновъ переѣхалъ въ Петербургъ; а въ 1837 году, вступилъ, наконецъ, въ Археографическую Коммиссію, гдѣ и занялъ должность правителя дѣлъ (*Біограф. Слов, Проф. Моск. Универс.*, I, 423—425).

Бередниковъ очень сожалѣлъ о прежнемъ правителѣ дѣлъ С. М. Строевѣ. Въ письмѣ къ Павлу Михайловичу, отъ 23-го іюня, онъ писалъ: „Сергѣй Михайловичъ въ прошлую субботу, отправился на пароходѣ въ Гамбургъ. Я потерялъ въ немъ дѣятельнаго сотрудника, добраго знакомаго, и сержусь на него, что онъ насъ оставилъ“. Въ томъ же письмѣ, Бередниковъ, говоря о приготовленіи къ печатанію юридическихъ актовъ, весьма недружелюбно отнесся къ новому правителю дѣлъ: „Г. Коркуновъ списалъ коллекцію юридическихъ актовъ, но такъ небрежно, что мнѣ стоитъ величайшаго труда провѣрить ихъ съ подлинниками, и сдѣлать *удобочтомыми* для наборщиковъ. По каждой литерѣ списка, снятаго съ торопливостью, должно снова водить перомъ. Переписчикъ слылъ *антикваріемъ Московскимъ*, но видно по всему, что онъ въ *вашей школѣ* не былъ“ (*Письма*, II, № 281). Въ другомъ письмѣ Бередни-

кова читаемъ: „Что ето за адская работа, когда копіи сняты скверно, по милости *Московскаго антикварія*, который ad ultimum orationis годенъ развѣ въ ваши ученики ab infimo“ (№ 282).

Между тѣмъ, Павелъ Михайловичь продолжалъ служить Коммиссіи и совѣтомъ и дѣломъ. 28-го іюня 1837 года, онъ отправилъ въ Коммиссію кромѣ актовъ Соликамскихъ и Кунгурскихъ, еще слѣдующее: 1) Книгу in fol.: дополненіе къ актамъ Археографической Експедиціи, составленную имъ по согласію Археографической Коммиссіи. 2) Двѣ книги in fol: матеріалы къ Исторіи и Статистикѣ Россійскаго Сѣвера. 3) Акты Николаевскаго Корельскаго монастыря, и 4) Нѣсколько списковъ въ особой оберткѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Строевъ прислалъ Письма Петра Великаго къ адмиралу Апраксину, числомъ до 350. „Письма эти,—объясняетъ Строевъ,—находились въ библіотекѣ адмирала Нагаева, которую здѣсь распродали по частямъ, и я купилъ ее вмѣстѣ съ другими книгами. Покорнѣйше прошу препроводить сіе любопытное собраніе писемъ Великаго Преобразователя Россіи г. Министру: не угодно ли будетъ поднести сію книгу Государю Императору или пріобрѣсть для какого нибудь государственнаго книгохранилища? Такъ какъ они куплены мною *дешево*, то, не назначая цѣны, я останусь всѣмъ доволенъ“ (*А. К.* I, 556, 557). Присланныя письма, по порученію Министра Народнаго Просвѣщенія, препровождены были Княземъ Ширинскимъ въ Россійскую Академію съ тѣмъ, не признаетъ ли она за нужное пріобрѣсти ихъ для своей библіотеки (*А. К.* I, 565). Строевъ, съ своей стороны, поспѣшилъ сообщить секретарю Россійской Академіи Д. И. Языкову, что означенныя письма онъ пріобрѣлъ за 75 р. ас., и что если Академіи не угодно будетъ что либо прибавить къ сей суммѣ, то онъ согласенъ получить только то, что самъ заплатилъ. При этомъ Строевъ присовокупилъ слѣдующее: „Императорской Россійской Академіи, полагаю, весьма прилично имѣть сей памятникъ дѣятельности великаго государя; мнѣ же, какъ частному человѣку, имѣющему житейскія потребности, лучше деньги чѣмъ рукопись“ (*А. К.* I, 630).

Въ отвѣтъ на это сообщеніе, Языковъ писалъ Строеву: „Академія, разсмотрѣвъ рукопись, нашла, что всѣ письма неподлинныя, а снимки съ подлинныхъ, и что они уже напечатаны Голиковымъ и Берхомъ. По сему Академія поручила мнѣ увѣдомить васъ, что она не находитъ никакой важности въ пріобрѣтеніи ихъ для академической библіотеки“ (*А. К.* I, 639).

Послѣ разбора Кунгурскихъ и Соликамскихъ актовъ, Павелъ Михайловичь началъ приводить въ порядокъ Хронологическіе списки епархіальныхъ владыкъ и настоятелей монастырей, отъ временъ древ-

нѣйшихъ до начала XVIII вѣка, что̀, по объясненію Строева, долженствовало „составить весьма важное пособіе для изслѣдователей нашихъ Древностей и чего добивался еще знаменитый Шлецеръ". Этотъ трудъ, Строевъ намѣренъ былъ окончить къ 1838 году, и представить Коммиссіи для напечатанія. Увѣдомляя объ этомъ Коммиссію, Строевъ писалъ, между прочимъ, что предварительно ему нужно пересмотрѣть: „1) въ Государственномъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ подлинныя грамоты, числомъ нѣсколько тысячъ, коихъ реестры недавно находились въ Археографической Коммиссіи; 2) въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, дѣла бывшаго Монастырскаго Приказа; 3) въ Конторѣ Св. Синода старинные столпцы (остатокъ Патріаршаго архива), коихъ, какъ ему сказывали, очень довольно. Безъ сего тройнаго пересмотра,—пишетъ въ томъ же письмѣ Строевъ,—мой трудъ останется недостаточенъ, невѣренъ и весьма не полонъ, хотя и много сдѣлано. Я полагаю, что, въ званіи Корреспондента Археографической Коммиссіи, я могъ бы имѣть доступъ въ означенные три архива, еслибъ Министру благоугодно было доставить оный сношеніемъ съ Министромъ Юстиціи, Иностранныхъ Дѣлъ и съ Оберъ Прокуроромъ Св. Синода. Кромѣ пополненія труда моего, я не преминулъ бы извлечь и все то, что необходимо для предполагаемаго Коммиссіею новаго собранія старинныхъ актовъ" (*А. К.* I, 560, 561).

По ходатайству Археографической Коммиссіи, Строеву разрѣшенъ былъ свободный входъ въ названные архивы и кромѣ того Коммиссія препроводила къ нему списокъ монастырскихъ настоятелей съ XIV по XVIII в., составленный Бередниковымъ, по подлиннымъ грамотамъ, поступившимъ изъ Министерства Финансовъ и изъ Государственнаго Архива Старыхъ Дѣлъ (*Прот.* 12-й; *А. К.* I, 568).

Строевъ немедленно приступилъ къ работѣ въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ къ 6-му сентября, успѣлъ пересмотрѣть столпцы Монастырскаго Приказа (числомъ до 700). Въ Архивѣ Старыхъ дѣлъ при Сенатѣ просмотрѣно имъ къ тому же времени до 800 подлинныхъ актовъ и двѣ книги. „Здѣсь",—писалъ онъ къ Князю Ширинскому,—„совершенная бездна: кромѣ тѣхъ актовъ, кои внесены въ реестры, находится неописанныхъ (примѣрно) до десятка тысячъ; есть надъ чѣмъ потрудиться. Мои Каталоги архіереевъ и настоятелей пополняются и исправляются съ каждымъ днемъ" (*А. К.* I, 570). Продолжая ежедневно работу въ этомъ Архивѣ, Строевъ къ началу 1838 года, пересмотрѣлъ слишкомъ *одиннадцать тысячь* актовъ. Но Строеву казалось все мало, и отъ 7-го января, онъ, не безъ горечи, писалъ Князю Ширинскому, что „непрерывный холодъ въ декабрѣ, и потомъ праздники попрепятствовали бо̀льшимъ успѣхамъ въ раз-

борѣ“ (*Арх. Ком.* I, 623). Въ исходѣ февраля 1838 года, оконченъ былъ, наконецъ, пересмотръ *семнадцати тысячной* громады старинныхъ актовъ Архива Старыхъ Дѣлъ. По собственному свидѣтельству Строева, „ревматическая боль въ составахъ рукъ не рѣдко заставляла меня покидать сіи, зимою нестерпимо холодныя, бумаги; вѣковая пыль ихъ, сильно вредя зрѣнію, истребила пару почти новаго платья“.

Отъ 17-го марта 1838 года, Павелъ Михайловичъ отправилъ къ Князю Ширинскому слѣдующее любопытное и во многихъ отношеніяхъ поучительное письмо, по поводу разобранныхъ имъ актовъ Архива Старыхъ Дѣлъ: „Сіи акты находились въ Коллегіи Економіи и, по упраздненіи ея, сданы въ Государственный Архивъ. Во времена оны ими обезпечивалось обладаніе огромныхъ имѣній архіерейскихъ домовъ, монастырей, соборовъ и церквей; теперь это чистая собственность Археологіи, едвали годная въ иныхъ отношеніяхъ. Наибольшая часть сихъ бумагъ принадлежатъ XVII вѣку, особенно концу, довольно изъ XVI-го, сотни три—четыре изъ XV-го, древнѣе нѣтъ; много подленниковъ, несравненно болѣе списковъ. Въ 1812 году, Французы выкидали весь архивъ въ Кремлевскій ровъ: и сіи акты подверглись тогда растратѣ, поврежденіямъ и сырости. Подобно архивамъ, уцѣлѣвшимъ въ монастыряхъ, сіе собраніе заключаетъ въ себѣ три главные разряда актовъ: А) *Грамоты жалованныя и тарханныя* на недвижимую собственность духовныхъ, кои (до XVII вѣка) вымаливали ихъ у Государей почти на каждый лоскутъ земли, и на всѣ льготы отъ повинностей земскихъ. До разгрома въ междоцарствіе, сихъ грамотъ были многія десятки тысячь; въ началѣ царствованія Михаила ихъ возобновили *новыми*, прописывая въ одной содержаніе нѣсколькихъ, иногда десятковъ до пяти, погибшихъ. И теперь тѣхъ и другихъ еще довольно въ архивахъ. Б) *Выписки Писцовыя*, преимущественно исхода XVII вѣка: то же, что нынѣшнія Межевыя книги. В) *Записи купія*, *вкладныя*, *списки судные* (приговоры), *кабалы* и проч. Іерархическое и церковное стяжаніе увеличивалось и укрѣплялось ими, не смотря на указы царя Іоанна Грознаго и его преемниковъ, до императора Петра I-го. Я списалъ и доставилъ въ Археографическую Коммиссію всѣ акты, примѣчательные по *новости* содержанія: списывать жалованныя грамоты *извѣстныхъ формъ*, разнствующія одна отъ другой только *мѣстностію*, мнѣ не доставало времени, ни способовъ. Кажется, сихъ актовъ напечатано уже довольно. Но почитаю необходимымъ слѣдующее замѣтить: подлинники жалованныхъ грамотъ и иныхъ актовъ, особенно ранѣе царя Іоанна Грознаго, съ ихъ скрѣпами, утвержденіями, печатями, поучительны самою наружностію, весьма важны въ отношеніяхъ дипломатическомъ,

палеографическомъ и пр. У насъ недостаетъ *полныхъ* собраній подобныхъ дипломовъ, расположенныхъ въ системѣ и доступныхъ для ученыхъ изслѣдователей. Зачѣмъ держать ихъ въ такихъ архивахъ, каковъ Архивъ Старыхъ Дѣлъ, въ безобразныхъ грудахъ разнаго старья, подъ присмотромъ едва умѣющихъ разбирать ихъ? Покамѣсть сіи акты не будутъ *на виду*, Дипломатики и другихъ отдѣловъ науки нашихъ Древностей быть не можетъ. Если бы Правительству угодно было образовать *коллекцію старинныхъ актовъ*, приличную для помѣщенія въ одной изъ государственныхъ библіотекъ, я охотно принялъ бы на себя хлопоты: чиновникамъ архива нельзя успѣть въ семъ дѣлѣ" (*А. К.* I, 644 об., 645). Это письмо было прочитано въ засѣданіи Археографической Коммиссіи, 14-го марта 1838 года, при чемъ положено было: „возобновить разсужденіе по этому вопросу въ то время, когда Коммиссія приступитъ къ составленію проекта объ учрежденіи въ Россіи специальнаго училища, для чтенія древнихъ хартій".—На протоколѣ, въ которомъ помѣщено это письмо, рукою Уварова написано: „весьма любопытно—читалъ" (*Прот.* 27-й).

Двѣ недѣли спустя, Бередниковъ писалъ къ Строеву: „Трудамъ вашимъ, сколько полезнымъ, столько же и обширнымъ, я удивляюсь. Кажется, вы работаете для насъ изо всѣхъ силъ... Мы затѣваемъ Археографическую школу, на подобіе Парижской l'Ecole des chartes. Сергѣй Михаиловичь доставилъ въ журналъ *Министерства Народнаго Просвѣщенія* подробное описаніе этой школы *). Ето побуждаетъ къ учрежденію подобной и въ Петербургѣ, хотя, впрочемъ, окончательно еще ничего не рѣшено. Для этого не безполезна будетъ и обѣщанная вами коллекція подлинниковъ. Однакожъ прошу, до времени объ этомъ сюда никому не писать. Ето покамѣсть тайна... Вашими актами, выписанными изъ Московскихъ архивовъ, и доставленными въ Коммиссію, я восхищался. *Дѣло Романовыхъ*—актъ преважный" (*Письма*, II, № 288).

Въ послѣдующихъ письмахъ, Бередниковъ неоднократно возвращался къ предполагаемому Археографическому училищу. Такъ, въ письмѣ, отъ 3-го августа 1838 года, онъ пишетъ Строеву: „Археографическое училище откроется, думаю, будущимъ лѣтомъ и, можетъ быть, хоть нѣсколько двинетъ впередъ Русскую Дипломатику. Черезъ нѣсколько времени вы прочтете уставъ его. Вашимъ мнѣніемъ дорожимъ". Въ другомъ письмѣ Бередниковъ говоритъ: „Надо исподоволь приготовлять молодыхъ людей, чтобы порода дѣльныхъ Русскихъ

---

*) Въ Архивѣ Археографической Коммиссіи, объ этой школѣ хранится любопытное письмо М. М. Стасюлевича къ А. С. Норову.

Археологовъ не переводилась; чего, при нынѣшнемъ направленіи литературы, весьма опасаться надлежитъ" (*Письма*, II, № 290).

Хотя Коммиссія, судя по словамъ Бередникова, и дорожила мнѣніемъ Строева объ Археографическомъ училищѣ, но офиціально не обращалась къ нему съ этимъ вопросомъ; а потому мы и не знаемъ каково было мнѣніе Строева по этому предмету. Впрочемъ, мы имѣли уже случай указывать, что мысль объ устройствѣ Археографическаго училища занимала Строева еще въ 1828 году, когда онъ предлагалъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ присоединить къ Археографической Экспедиціи „одного любознательнаго студента Московскаго Университета, а по прошествіи двухъ лѣтъ смѣнить его другимъ и потомъ третьимъ, для образованія изъ нихъ практическихъ археологовъ" (*А. Е.* I, 55). Выше было сказано, что ни Общество, ни Университетъ не обратили никакого вниманія на это предложеніе Строева *).

Послѣ Архива Старыхъ Дѣлъ, Строеву необходимо было пересмотрѣть, для пополненія своихъ Списковъ Настоятелей и Владыкъ, и дѣла бывшихъ Приказовъ Монастырскаго и Патріаршаго, хранившіяся въ томъ же Архивѣ. Но тутъ встрѣтилось непредвидѣнное препятствіе: начальство Архива и г. оберъ-прокуроръ Сената Морозъ не допускали Строева до этихъ дѣлъ, ссылаясь на то, что о нихъ не упомянуто въ предписаніи Министра Юстиціи. По новому ходатайству Уварова, препятствія были устранены и стража отворила предъ нашимъ Археографомъ двери Монастырскаго и Патріяршаго Приказовъ.

Домашнія хлопоты не дозволили, однако, Строеву вступить въ эти катакомбы прежде половины мая.

Весною 1838 года, П. М. Строевъ купилъ себѣ домъ на Садовой, въ приходѣ церкви Св. Панкратія, близь Сухаревой башни. Тѣнистый садъ окружалъ это новое жилище Археографа. „Душевно поздравляю васъ",—писалъ къ нему Бередниковъ, отъ 18-го іюня 1838 года,—„съ пріобрѣтеніемъ дома, и желаю вамъ на новосельѣ новаго счастія. Думаю, что вамъ новое помѣщеніе понравится, потому что все то, что принадлежитъ намъ и дѣйствительно хорошо, нравится вдвое. Какъ только буду въ Москвѣ (а я въ этомъ не отчаиваюсь), непремѣнно отыщу ваше новое жилище и, съ вашего позволенія, прямо явлюсь къ вамъ" (*Письма*, II, № 289).

Окончательно размѣстившись на новосельѣ, Строевъ возобновилъ свои Археографическія занятія. Отъ 4-го іюля 1838 года, онъ уже писалъ къ князю Ширинскому: „Усугубя дѣятельность въ Государственномъ

*) Стр. 159—163.

Архивѣ Старыхъ Дѣлъ, я успѣлъ *кончить* занятія свои въ немъ пересмотромъ бумагъ Монастырскаго и Патріаршаго Приказовъ съ 1702—1723 годы, числомъ до шести тысячъ нумеровъ. Ето малые и жалкіе остатки отъ дѣлъ тѣхъ Приказовъ, собранные въ связки и частію описанные послѣ разгрома архива, въ 1812 году, Французами; выкиданныя ими въ ровъ, и оставаясь цѣлую зиму подъ снѣгомъ, сіи дѣла подверглись жестокому истребленію вмѣстѣ съ прочими. Кромѣ именъ нѣсколькихъ духовныхъ особъ, пополнившихъ мои *Списки*, я не могъ почерпнуть тутъ ничего дѣльнаго". Вслѣдъ за симъ, Строевъ обратился, письменно, къ Прокурору Московской Синодальной конторы, о дозволеніи заняться въ архивѣ ея; но изъ отвѣта Прокурора Строевъ узналъ, что въ архивѣ конторы имѣются дѣла только съ 1732 года, столпцевъ же никакихъ не имѣется. Послѣ того Строевъ намѣренъ былъ сдѣлать кое-какія извлеченія для Археографической Коммиссіи и для своихъ *Списковъ* въ Патріаршей библіотекѣ, но и туда не попалъ, по случаю передѣлки библіотечныхъ комнатъ (*А. К.* I, 658, 659 на об., 660).

Благодаря Я. И. Бередникову, Строевъ не переставалъ получать самыя свѣжія извѣстія о дѣлахъ Археографической Коммиссіи, и о разныхъ явленіяхъ литтературнаго и ученаго міра: „Вотъ новости по части Археографіи здѣшней",—писалъ Бередниковъ, отъ 18-го іюня 1838 года,—„а) окончены печатаніемъ Акты Юридическіе; б) приготовляется I томъ Полнаго Собранія Лѣтописей; в) поступаетъ въ типографію I томъ Актовъ Историческихъ. Между тѣмъ журналисты о трудахъ нашихъ молчатъ; Полевой не любитъ насъ за что-то, и Булгаринъ даже бранитъ не печатно. Но журнализмъ въ сторону. Во всей нашей Литературѣ является какая-то мертвенность. И какія мнѣнія господствуютъ? Полевой, Погодинъ и даже Максимовичъ матадоры. По русской исторической критикѣ мы не двигаемся впередъ. Право, настало время Мальгина... Прочтите извѣстія Кіевскаго Археолотическаго Музея объ отысканіи вещицъ времени Рюрика и древнихъ вратъ Святослава; прочтите Крузе, съ нѣмецкимъ ученымъ шарлотанствомъ запѣвающаго пѣсню „О Варягахъ"; прочтите Максимовича, проповѣдывающаго съ неслыханнымъ незнаніемъ дѣла о началѣ земли Русской и пр. и пр. Пріѣзжайте ради Бога въ Петербургъ, въ искренней бесѣдѣ съ вами о наукѣ, я гораздо развязнѣе; вѣдь и для Археологіи необходимъ душевный и во всякомъ случаѣ умственный откликъ". Далѣе Бередниковъ сообщаетъ Строеву, что Коммиссія вскорѣ приступитъ къ изданію I-го тома *Дополненій къ Актамъ* Археографической Экспедиціи, въ которомъ помѣстятся исключительно грамоты XV и XVI вѣка, и при этомъ проситъ Павла

Михайловича доставить въ Коммиссію чего нибудь изъ этого времени. Въ замѣнъ обѣщаетъ прислать ему списки Рязанскихъ настоятелей, начиная съ XIV вѣка, составленныя самимъ Бередниковымъ по подлиннымъ документамъ, присланнымъ изъ Рязани. „Эти документы",—пишетъ Бередниковъ,—„немногочисленны, но каталогъ Богословскихъ и Солотчанскихъ настоятелей вышелъ порядочный. Изъ актовъ Рязанскихъ пять или шесть восходятъ къ концу XV вѣка. Столбцы Богословскаго монастыря, видѣнные нѣкогда Калайдовичемъ, совершенный вздоръ: исключая одного акта XVI вѣка, все прочее хламъ, никуда негодный XVII вѣка". Въ томъ же письмѣ Бередниковъ сообщаетъ, что Отецъ Протоіерей Іоаннъ Григоровичь взялся составить для Строева списки настоятелей Малороссійскихъ и, по возможности, всѣхъ Западно-Русскихъ монастырей (*Письма* II, 289).

Питомецъ и сподвижникъ Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова, достопочтенный Протоіерей Іоаннъ Григоровичь вступилъ въ число членовъ Археографической Коммиссіи 30-го декабря 1837 года, и ему поручено было заняться приготовленіемъ къ печати древнихъ актовъ Западной Россіи (*Проток.* 22). Занимаясь этимъ дѣломъ, онъ, между прочимъ, составилъ каталогъ настоятелей нѣкоторыхъ Кіевскихъ монастырей, который онъ отправилъ Строеву при слѣдующемъ письмѣ (отъ 14-го ноября 1838 года): „Исполняя сіе порученіе и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя теперь пріятный случай рекомендовать вамъ себя, покорно прошу васъ принять и меня въ сословіе почитателей вашихъ. Весьма радъ буду, если вы удостоите меня порученіями своими, и исполненіемъ ихъ постараюсь доказать вамъ, сколь лестно для меня ваше вниманіе и тѣмъ заслужить дружбу вашу. Кажется, мы оба давно должны были бы скрѣпить этотъ священный союзъ между собою, во имя незабвеннаго Мецената нашего. Но, думаю, вамъ извѣстно, какъ недавно еще я сталъ въ пристани, послѣ многихъ треволненій жизни моей. Что касается до каталога моего, пожалуйте не ищите въ немъ полноты. Онъ составленъ по не многимъ коллекціямъ Кіевскихъ актовъ, бывшихъ у меня въ рукахъ. Впрочемъ, я постараюсь дополнить его изъ другихъ, кои остаются еще не разсмотрѣнными.

Естьли для васъ нужно, я доставилъ бы каталогъ настоятелей Бѣлорусскихъ монастырей, который нѣкогда составленъ былъ мною, по порученію Св. Синода, въ дополненіе къ Исторіи Россійской Іерархіи. Съ братцемъ вашимъ я имѣлъ удовольствіе недавно познакомиться, и вмѣстѣ съ нимъ уже принялись за работу. Вполнѣ надѣюсь, что онъ и по усердію къ дѣлу, и по опытности своей въ дѣлѣ, облегчить меня при обширныхъ и многотрудныхъ теперешнихъ занятіяхъ моихъ по Коммиссіи" (*А. К.* I, 689).

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Бередникова, именно отъ 3-го августа 1838 года, читаемъ извѣстіе о странномъ и непонятномъ предпріятіи Археографической Коммиссіи. Это—объ изданіи медальоновъ, сочиненныхъ Графомъ Ѳ. П. Толстымъ. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ Бередниковъ умываетъ руки: „Мое дѣло сторона,—пишетъ онъ къ Строеву,—я по художественной части профанъ". Далѣе Бередниковъ умоляетъ Строева пріѣхать въ Петербургъ: „Пріѣзжайте хоть на минуту, не съ кѣмъ порадоваться и потужить о судьбахъ хартій и столбцевъ". Изъ того же письма узнаемъ, что въ Коммиссіи получена была присланная отъ Строева тетрадь, въ которой заключались слѣдующія грамоты: 1) *1441* года. Посланіе великаго князя Василія Васильевича Цареградскому патріарху объ отступленіи отъ православія Митрополита Исидора. 2) *1509* года. Посланіе Новгородскаго архіепископа Серапіона митрополиту Симону, о распрѣ его съ Іосифомъ Волоцкимъ. 3) *Половины XV вѣка.* Посланіе Святогорцевъ великому князю Василію Васильевичу, о ереси Латинской. 4) *1554* года. Посланіе Грознаго Максиму Греку, о ереси Матѳея Бакшина. 5) *1582* года. Царская грамота на Двину земскимъ судьямъ, по жалобѣ Чухченемской волости крестьянъ. 6) *1612 года іюля 4-го.* Грамота бояръ и воеводъ и князя Димитрія Пожарскаго Двинскому воеводѣ кн. Ивану Долгорукому, по жалобѣ Троицко-Сергіева Монастыря. 7) *1613 года іюля 29-го.* Царская грамота Холмогорскому воеводѣ Никитѣ Пушкину, объ освобожденіи отъ платежа податей и оброковъ крестьянъ Чухченемскаго монастыря. 8) *1618 года мая 16-го.* Тарханная грамота Вожеостровскому монастырю. 9) *1620 года іюля 20-го.* Жалованная грамота Вологодскому архіепископу Корнилію, о припискѣ къ тамошнему Софійскому Собору пустаго монастыря на рѣкѣ Сухонѣ, называемаго Мокрая пустынь. 10) *1462—1473 годовъ.* Правая грамота Симонову монастырю на владѣніе Спасовымъ монастыремъ на Медвѣжьемъ озерѣ" (*Прот.* 37).

Въ описываемое нами время, т. е. въ 1838 году, просвѣщенный и любимый Начальникъ Москвы Свѣтлѣйшій Князь Димитрій Владиміровичь Голицынъ былъ озабоченъ мыслію составить описаніе Москвы. Но кто же лучше П. М. Строева могъ осуществить эту благую мысль. Это сознавалъ и самъ Князь Голицынъ, когда просилъ М. П. Погодина познакомить его съ Археографомъ Строевымъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая записка Погодина, писанная въ апрѣлѣ 1838 года: „Князь Дмитрій Владиміровичь желаетъ познакомиться съ вами, милостивый государь Павелъ Михайловичь, и просилъ меня сдѣлать для него это удовольствіе. Самое удобное для него время—обѣдъ, къ которому онъ и приглашаетъ васъ во втор-

никъ или въ середу, вмѣстѣ со мною. Вторникъ нынѣ, а я не имѣлъ случая васъ предупредить, слѣдовательно обѣдъ лучше отложить до завтра. Если вы согласны, то я къ вамъ заѣду завтра въ 3 часа, а къ Князю пошлю сказать нынѣ. Онъ хочетъ потолковать что-то о Москвѣ" (*Письма*, II, 287). И дѣйствительно, по объясненію самого Строева, дѣло шло объ описаніи Москвы, отъ котораго онъ отказался, и которое поручено было И. М. Снегиреву (*Вх.* и *Исх.* II, 281).

Между тѣмъ, какъ Павелъ Михайловичъ продолжалъ неустанно трудиться надъ разборомъ столпцевъ Монастырскаго Приказа, и приведеніемъ въ систематико-хронологическій порядокъ Списка іерарховъ и настоятелей монастырей, Бередниковъ хлопоталъ въ Петербургѣ объ устройствѣ положенія своего бывшаго начальника, на основаніяхъ наиболѣе для него выгодныхъ. „По совѣту Князя Платона Александровича",—пишетъ Бередниковъ къ Строеву,—„я покорнѣйше прошу увѣдомить меня: не угодно ли вамъ быть членомъ Археографической Коммиссіи (отсутствующимъ)? Васъ опредѣлятъ и откомандируютъ въ Москву, для обозрѣнія тамошнихъ библіотекъ и архивовъ, на неопредѣленное время. Вы можете проживать тамъ постоянно и заниматься, по возможности, древностями, что̀ вы и теперь дѣлаете. Васъ во вѣки сюда ни зачѣмъ не потребуютъ, по крайней мѣрѣ, при теперешнемъ порядкѣ дѣлъ, который довольно проченъ. Вотъ выгоды, которыхъ, кажется, вы не отвергнете! Не знаю, что еще сказать? вы сами обсудить можете. Съ моей стороны, я не вижу тутъ для васъ ничего худаго; разумѣется, если оставятъ при васъ пенсію. Етимъ же отстранятся и всѣ затрудненія по чинопроизводству. Тогда откроется вамъ чистый путь, и къ чинамъ, и къ наградамъ. Если вы согласны на ето предложеніе, то, по желанію Князя Платона Александровича, безъ дальнѣйшаго замедленія, оффиціально пишите къ нему, что вы желаете быть членомъ Коммиссіи, не упоминая въ немъ ни о какихъ условіяхъ, кромѣ оставленія за вами пенсіи. Обо мнѣ не упоминайте ни слова, даже и партикулярно. Скажу вамъ *за тайну*, что здѣсь расположены услужить вамъ... потому что справедливы... Быть можетъ, дадутъ и чинъ. Коммиссія отчасу расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій. Мнѣ ето очень не нравится. Ето до насъ съ вами не коснется: мы остаемся въ *Русскомъ мірѣ*" (*Письма*, II, № 291). Строевъ не съ разу поддавался на это предложеніе. „Изъ содержанія письма вашего", писалъ къ нему Бередниковъ, „я не замѣтилъ достаточныхъ причинъ, почему бы вамъ не вступить въ число членовъ Археографической Коммиссіи. Вступя въ Коммиссію, вы могли бы получать, по мѣрѣ трудовъ, времяннаго вознагражденія, примѣрно, отъ 1000 до 1500 рублей, а можетъ быть бо-

лѣе; можно поручиться за тысячу. Тѣмъ же фактомъ открылся бы широкій путь вашей служебной и ученой дѣятельности: зная васъ, можно не сомнѣваться въ успѣхахъ?.. Князь очень расположенъ къ вамъ, какъ человѣкъ безпристрастный и воздающій каждому достодолжное“ (*Письма*, II, № 293). Въ томъ же письмѣ, Бередниковъ весьма зло говоритъ о профессорѣ Гельсингфорскаго университета Соловьевѣ, которому Коммиссія поручила совершить Археографическое путешествіе по Швеціи: „Къ вамъ (т. е. въ Москву) ѣдетъ путешествующій по Швеціи Археографъ. Онъ читаетъ столбцы по складамъ, какъ Митрофанушка читалъ: „азъ же есмь червь“; а мыслитъ о себѣ высоко. Существо въ родѣ вашихъ... съ „высшими и оригинальными взглядами“ и съ порядочнымъ запасомъ археологическаго незнанія“ (ibid). Въ это время, вернулся въ Петербургъ, изъ заграничнаго путешествія, братъ Павла Михайловича, знакомый читателю, Сергѣй Михайловичъ Строевъ и, по увѣренію Бередникова, „настоящимъ Парижаниномъ“ (*Письма*, II, № 291). Сергѣй Михайловичъ не замедлилъ отписать къ своему брату въ Москву и въ письмѣ, отъ 2-го ноября, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Князя нашелъ я какъ нельзя лучше расположеннымъ къ вамъ: онъ мнѣ сказалъ, что у него осталось бы на совѣсти, если бы вы не были награждены за труды ваши въ Москвѣ. Я объяснилъ ему ваши предложенія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что для Коммиссіи вы были бы здѣсь неоцѣненны, но что Министръ едва ли согласится представлять Государю объ оставленіи вамъ пенсіи и о назначеніи жалованья изъ Государственнаго Казначейства, ибо Коммиссія сама не имѣетъ суммъ, а сдѣлать васъ отсутствующимъ членомъ, съ оставленіемъ пенсіи и со считаніемъ въ службѣ, можно будетъ. Если вы опасаетесь, что васъ могутъ потребовать въ Петербургъ, то ето пустое опасеніе: въ такомъ случаѣ вы подадите въ отставку. Вамъ кланіется Халчинскій“ (*Письма*, II, № 293).

Но какъ только П. М. Строевъ заявилъ Бередникову о своемъ желаніи, „въ званіи члена Археографической Коммиссіи“, заняться изданіемъ Лѣтописей, то тотчасъ же Бередниковъ перемѣняетъ тонъ и съ явнымъ неудовольствіемъ пишетъ Строеву (отъ 23-го ноября, 1838 года) слѣдующее: „по письму вашему я докладывалъ Князю Платону Александровичу. Его Сіятельство находитъ затрудненіе въ производствѣ жалованья вмѣстѣ съ пенсіономъ, что̀ по нынѣшнимъ постановленіямъ едва ли возможно; при томъ Коммиссія, не имѣя суммъ, кромѣ нужныхъ на необходимыя ея издержки, встрѣтитъ препятствіе и въ назначеніи онаго, по поставленнымъ условіямъ“. Въ томъ-же письмѣ Бередникова читаемъ: „Списки лѣтописей еще не всѣ поступили

въ Коммиссію, и изданіе ихъ пріостановлено до времени. Высочайше утвержденными правилами повелѣно печатать лѣтописи *систематически*; а какъ до собранія *всѣхъ* списковъ безполезно было бы приступить къ приведенію въ порядокъ наличныхъ, разложенію на разряды, сличенію и проч., то Коммиссія, надѣясь пріобрѣсть еще нѣсколько важныхъ списковъ, рѣшилась пообождать, и неизвѣстно скоро ли начнетъ работу, которою вы исключительно желаете заняться" (*Арх. Ком.* I, 690 и об.).

На это письмо, Строевъ, отъ 2-го декабря 1838 года, отвѣчалъ Бередникову: „Письмо ваше, по тону и формѣ, кажется—оффиціальное, я имѣлъ честь получить: если изданіе Лѣтописей отложено до времени, и Коммиссія ожидаетъ неизвѣстныхъ доселѣ списковъ — это дѣло иное" (*Арх. Ком.* I, 695).

Это была первая и, къ сожалѣнію, послѣдняя попытка знаменитаго издателя *Софійскаго Временника* принять непосредственное участіе въ дѣлѣ, которое, по выраженію самого же Бередникова, было „близко его сердцу", и на успѣшное веденіе котораго онъ имѣлъ всѣ данныя.

Между тѣмъ, дѣло объ опредѣленіи П. М. Строева въ Члены Археографической Коммиссіи шло своимъ чередомъ. „Я надумался",— писалъ онъ къ Бередникову въ декабрѣ 1838 года, — „и соглашаюсь вступить въ Члены Археографической Коммиссіи на тѣхъ условіяхъ, о коихъ было писано въ прежнихъ ко мнѣ письмахъ вашихъ. Съ сею же почтою я отправилъ просительное письмо къ Князю: вамъ предлежитъ теперь окончить ваши за меня хлопоты съ тѣмъ же радушіемъ, съ какимъ начали. Одно условіе: пенсія" (*А. К.* I, 695). Вмѣстѣ съ тѣмъ Строевъ писалъ и къ Князю Ширинскому: „Желая снова быть въ службѣ и принять дѣятельнѣйшее участіе въ трудахъ Археографической Коммиссіи, я осмѣливаюсь предложить: неблагоугодно ли будетъ удостоить меня званіемъ члена той Коммиссіи съ единственнымъ условіемъ оставленія при мнѣ, Всемилостивѣйше пожалованной мнѣ, за прежнюю службу мою пенсіи" (*А. К.* I, 694).

Въ концѣ декабря, Строевъ былъ порадованъ слѣдующимъ письмомъ Бередникова: „Теперь все кончено, кажется, къ удовольствію и по желанію вашему. Вы скоро получите письмо Князя по сему предмету. Послѣднее мое письмо показалось вамъ *оффиціальнымъ*, вѣроятно, потому что я старался въ немъ передать извѣстный вамъ отзывъ точными словами. Не стану увѣрять васъ въ неизмѣнности моего къ вамъ расположенія: вашъ умъ и душа въ состояніи оцѣнить мои побужденія. Я отъ души желалъ, чтобы все обратилось въ вашу

пользу; по крайней мѣрѣ, сдѣлано что нибудь. Кстати: вы получите подарокъ, но какой—еще неизвѣстно“ (*А. К.* I, 696, 697).

Но Бередниковъ слишкомъ торопился съ своими радостными извѣщеніями. Дѣло не такъ спорилось, какъ бы онъ желалъ. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ, полученномъ Павломъ Михайловичемъ отъ брата Сергѣя, читаемъ слѣдующее: „Я отправился въ департаментъ для узнанія о вашемъ опредѣленіи; но о немъ никто ничего не знаетъ. Я нарочно пошелъ къ Князю; но онъ объ опредѣленіи не говорилъ мнѣ ни слова. Оно весьма возможно, ибо, какъ я писалъ вамъ еще въ октябрѣ, на ваши первыя условія были согласны; однакоже офиціальнаго ничего нѣтъ. Вѣроятно, Князь ждетъ удобнаго случая для представленія Министру; а Бередниковъ слишкомъ поторопился написать вамъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что ето не есть его выдумка, ибо такой фокусъ былъ бы слишкомъ грубъ и, къ тому же, не принесъ бы ему никакой пользы... Перстень вашъ уже отправленъ въ Москву: вы получите его изъ Канцеляріи Гражданскаго Губернатора. Къ пріѣзду вашему все готово; привезите съ собою только чайную и столовую ложку“ (*Письма*, II, № 295).

Въ письмѣ, отъ 18-го января 1839 года, Сергѣй Михайловичь Строевъ совѣтовалъ брату самому пріѣхать въ С. Петербургъ: „Все дѣло можетъ быть улажено только личнымъ переговоромъ между Министромъ, Княземъ и вами“ (*Письма*, II, № 296). При этомъ приложено было слѣдующее письмо Князя Ширинскаго къ Павлу Михайловичу, отъ 17-го января: „Обремененный множествомъ дѣлъ, которыя не терпѣли отлагательства, я не могъ доселѣ выбрать свободной минуты отвѣчать на письмо ваше, отъ 2-го декабря 1838 года. Отдавая полную справедливость обширнымъ свѣдѣніямъ вашимъ въ Отечественной Исторіи и Древностяхъ и уважая усердіе, съ какимъ вы подвизаетесь на этомъ поприщѣ, я не могу не радоваться вашему полезному намѣренію. Но какъ здѣсь, въ С. Петербургѣ, по настоящему кругу дѣйствій Коммиссіи, имѣется уже достаточное число членовъ и межъ ними два главныхъ редактора, между тѣмъ какъ въ Москвѣ остается еще обширное поле для вашей дѣятельности: то, прежде доклада Министру, я почелъ нужнымъ спросить васъ, не угодно ли вамъ будетъ принять званіе члена Археографической Коммиссіи на изложенномъ вами основаніи, съ оставленіемъ васъ для занятій въ Москвѣ. Въ такомъ случаѣ, кромѣ окончательнаго приготовленія къ изданію *Библіологическаго Словаря и Каталога Владыкъ и Настоятелей*, вамъ надлежало бы: 1) Продолжать розысканія въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 2) Окончить осмотръ Синодальной библіотеки. 3) Осмотрѣть архивы: Вотчинный, Оружейной

Палаты и нѣкоторыхъ Московскихъ монастырей; также библіотеки Кремлевскихъ соборовъ" (*А. К.* II, 1, 2).

На письмо Князя, Строевъ, отъ 30 января 1839 года, отвѣчалъ: „Обязательнымъ письмомъ Вашего Сіятельства, я предупрежденъ въ желаніи моемъ, сдѣлавшись членомъ Археографической Коммиссіи, остаться въ Москвѣ, гдѣ дѣйствительно представляется великое поле для археологическихъ розысковъ. Я не смѣлъ выразить этого желанія въ письмѣ моемъ отъ 2-го декабря, почитая приличнымъ на первый случай ввѣриться совершенной волѣ начальства; постоянное пребываніе въ С.-Петербургѣ было главнымъ поводомъ къ оставленію службы моей въ 1835 году. Теперь позвольте мнѣ, Сіятельнѣйшій Князь, представить вамъ *откровенно* мой ultimatum: 1) Я вступаю въ службу и дѣлаюсь Членомъ Археографической Коммиссіи только съ оставленіемъ при мнѣ Всемилостивѣйше пожалованной за прежнюю службу пенсіи. Большое семейство и ограниченные способы содержанія возбраняютъ мнѣ поступить иначе. 2) Я не пощажу трудовъ при подробномъ осмотрѣ здѣшнихъ хранилищъ старины. 3) Для сего необходимо исходатайствовать новыя предписанія высшихъ начальствъ съ обширнѣйшимъ полномочіемъ; ибо прежнія предписанія были очень не точны и ставили меня въ утомительное положеніе длинныхъ и пустыхъ толковъ съ начальниками здѣшнихъ архивовъ. 4) Для дѣйствій моихъ необходимо получить полную инструкцію, дабы въ послѣдствіи времени не подвергнуться какому нареканію. 5) Такъ какъ мѣсто жительства моего удалено отъ центра города и помѣщеній архивовъ, ходить пѣшкомъ туда нѣтъ возможности безъ изнуренія, а лошадей я не имѣю, то весьма справедливо будетъ назначить мнѣ нѣкоторую сумму на разъѣзды (примѣрно до 50 р. въ мѣсяцъ). 6) За труды мои при розыскахъ я не требую ничего; но за копіи Археографическая Коммиссія благоволитъ уплачивать, считая за каждый листъ по одному рублю, какъ то было и прежде; также и за почтовую пересылку. 7) Въ полной увѣренности на неограниченную милость г. Министра, я просилъ бы, чтобъ за двулѣтніе исключительно для Археографической Коммиссіи труды мои, время корреспондентства было зачтено мнѣ въ дѣйствительную службу; но, повторяю, этого прошу только какъ милость отъ Его Высокопревосходительства и, въ случаѣ невозможности, оставляю сіе послѣднее условіе. Такимъ образомъ, предавая и себя, и служебную участь мою, благодѣтельному покровительству вашему, Сіятельнѣйшій Князь, осмѣливаюсь ожидать благопріятнаго о семъ увѣдомленія вашего" (*А. К.* II, 4, 5).

Между тѣмъ, въ это время, произошла какая-то размолвка между Я. И. Бередниковымъ и С. М. Строевымъ. „Яковъ Ивановичь Беред-

никовъ",—писалъ Сергѣй Строевъ къ брату,—„сталъ смѣшонъ до крайности. Его олицетворенная посредственность, только не золотая. Онъ хотѣлъ бы все сдѣлать одинъ и ему досадно видѣть, что и другіе способны работать. Совѣтую вамъ быть осторожнѣе съ етимъ человѣкомъ. Прочтите его предисловіе къ Актамъ Юридическимъ: оно прошло еще до моего вступленія въ Коммиссію, иначе ему бы не быть напечатану. Въ рецензіи на *Акты*, которую я написалъ для журнала нашего Министерства, я старался распутать дѣло и показать какимъ образомъ составилась эта коллекція; не знаю пропустятъ ли?" Вѣроятно, подъ вліяніемъ этого сообщенія, Павелъ Михайловичь написалъ рѣзкое письмо Бередникову, который отъ 24-го января отвѣчалъ ему: „Изъ письма вашего я съ горькимъ прискорбіемъ замѣчаю, что вы недовольны мною, хотя я никакой вины за собою и не знаю. Тяжко потерять, и при томъ безъ всякой причины, благорасположеніе человѣка здравомыслящаго, честнаго и благороднаго; но тяжелѣе заслужить неудовольствіе того, съ кѣмъ союзъ скрѣпленъ десятилѣтнею давностью. Я виноватъ, что, желая услужить вамъ, завязалъ переписку (съ согласія Князя) о томъ, что, по крайнему моему разумѣнію, находилъ для васъ полезнымъ, но на дальнѣйшій ходъ этого дѣла я не могъ имѣть никакого вліянія; при томъ же вы *третьимъ* письмомъ вашимъ дали ему направленіе другое... Ради Бога, простите меня въ томъ, въ чемъ я кажусь вамъ виновнымъ; надѣюсь, однакожъ, совершенно оправдаться предъ вами" (*Письма*, II, № 297).

Какъ бы тамъ ни было, но 23-го февраля 1839 года С. С. Уваровъ утвердилъ П. М. Строева въ званіи Члена Археографической Коммиссіи, о чемъ послѣдній, вслѣдъ за оффиціальнымъ увѣдомленіемъ Князя Ширинскаго, получилъ слѣдующее письмо отъ Бередникова: „Поздравляю васъ съ званіемъ Члена Коммиссіи. Вы, кажется, уволили меня отъ подробнаго объясненія причинъ, замедлившихъ ходъ этого дѣла: лучше оставить его до личнаго свиданія, котораго я жду нетерпѣливо. Я нисколько не роптал на васъ: мнѣ только больно было замѣтить въ послѣднихъ вашихъ письмахъ (такъ мнѣ показалось) недовѣрчивость ко мнѣ. Совѣсть моя чиста: когда она обнажится передъ вами, при свиданіи, тогда вы отдадите мнѣ справедливость и увидите, что въ поступкахъ моихъ не было ничего предосудительнаго" (*Письма*, II, № 298).

XVII.

Съ 4-го апрѣля 1839 года, П. М. Строевъ началъ свои работы въ Московскихъ Архивахъ, въ качествѣ члена Археографической Коммиссіи, и къ 28-му маю окончательно осмотрѣлъ Архивъ Старыхъ Дѣлъ. „Кромѣ бумагъ Патріаршаго Приказа и Коллегіи Экономіи,—писалъ онъ къ Князю Ширинскому,—коими я занимался въ 1837—1838 годахъ, все прочее новое съ 1718 года. Этотъ Архивъ содержитъ въ себѣ слѣдующіе 16 отдѣловъ дѣлъ: 1) Патріаршаго Приказа, 2) Коллегіи Экономіи, 3) Статсъ-Конторы, 4) Каммеръ Коллегіи, 5) Ревизіонъ Коллегіи, 6) Главнаго Магистрата, 7) Полицмейстерской Канцеляріи, 8) Канцеляріи Конфискаціи, 9) Суднаго Приказа, 10) Сибирскаго Приказа, 11) Банковой Конторы, 12) Каменнаго Приказа, 13) Ямской Канцеляріи, 14) Губернской Канцеляріи, 15) Московскаго Магистрата, 16) Статнаго и Остаточнаго Казначействъ“.

По свидѣтельству Строева, Архивъ Старыхъ Дѣлъ, разстроенный въ 1812 году Французами, въ 1839 году, хотя и заключалъ въ себѣ не болѣе третьей части того, что находилось въ немъ до нашествія Французовъ, все-таки расположенъ былъ во многихъ огромныхъ залахъ, съ верху до низу уставленныхъ книгами и безчисленными связками дѣлъ. Кромѣ того, Строевъ нашелъ въ этомъ Архивѣ много запечатанныхъ сундуковъ, наполненныхъ секретными дѣлами о бунтахъ стрѣлецкихъ. Главное затрудненіе для Строева заключалось въ пріисканіи писцовъ, способныхъ копировать старинные столпцы, „въ которыхъ нынѣшніе приказнослужители видятъ іероглифы“ (*А. К.* II, 32, 39).

Нужно замѣтить, что въ то время, какъ Строевъ осматривался въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ, Военный Министръ Генералъ-Адъютантъ Чернышовъ сообщилъ Министру Народнаго Просвѣщенія Высочайшую волю, чтобы при осмотрѣ старинныхъ архивовъ было обращаемо вниманіе не на одни только акты историческаго и юридическаго содержанія, но также и на документы, относящіеся къ военной исторіи и чисто дипломатическіе. Археографическая Коммиссія, въ исполненіе сей Высочайшей воли, поручила Строеву, при осмотрѣ Московскихъ архивовъ, обращать вниманіе на тѣ и на другіе акты (*А. К.* II, 36). Но это не было новостью для Строева. „Матеріалы для военной исторіи“,—писалъ онъ по этому поводу отъ 30-го іюня 1839 года, „были у меня всегда въ виду и съ сею-то цѣлію было испрошено въ 1833 году, позволеніе пересмотрѣть остатки бумагъ Пушкарскаго При-

каза. Етотъ Приказъ, какъ и всѣ Приказы, раздѣлялся на *столы* (отдѣленія, експедиціи): оставшіяся бумаги принадлежали большею частію столу, вѣдавшему *засѣки*, или пограничные лѣса въ нынѣшнихъ губерніяхъ Калужской, Тульской и Рязанской; все прочее растрачено въ 1812 году, или сгнило. Впрочемъ, что попалось полюбопытнѣе было списано и напечатано въ Актахъ Археографической Экспедиціи. Дѣла о Донскихъ Казакахъ находятся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ въ томъ порядкѣ, въ какой приведены мною въ 1824 и 1825 годахъ" (*Арх. Ком.* II, 54).

Для пополненія Списковъ Владыкъ и Настоятелей, Строевъ просмотрѣлъ, разумѣется, только тѣ бумаги Патріаршаго Приказа, которыя еще не были въ его рукахъ. Такихъ бумагъ оказалось до 2,500 нумеровъ. Для той же цѣли Строевъ пересмотрѣлъ въ Архивѣ дѣла бывшаго въ прошломъ столѣтіи, Управленія Синодальной области, о которыхъ отозвался такъ: „Здѣсь много интереснаго для исторіи церкви въ XVIII вѣкѣ, которою, къ сожалѣнію, никто не занимается" (*А. К.* II, 61).

Павелъ Михайловичь, по заведенному обычаю, отъ времени до времени, представлялъ по начальству отчетъ о своихъ занятіяхъ. Такъ, отъ 3-го октября 1839 года, онъ увѣдомилъ Князя Ширинскаго, что, продолжая заниматься дѣлами бывшаго Управленія Синодальной Области, онъ „успѣлъ дойти до двадцать седьмой тысячи нумеровъ ихъ. Но такъ какъ хранящіяся въ томъ же Архивѣ дѣла Дворцоваго Синодскаго Приказа, прежде имъ незамѣченныя, однородны съ ними, то нашелъ необходимымъ просмотрѣть и ихъ. Къ сожалѣнію, всѣ сіи синодальныя дѣла много потерпѣли въ 1812 году отъ Французовъ" (*А. К.* II, 67). При всѣхъ усиліяхъ, Строевъ не могъ, однако, окончить къ концу 1839 года, разборъ дѣлъ этого Приказа. По его объясненію, „работа въ архивахъ зимою весьма затруднительна и даже опасна для здоровья, отъ сильнаго и жгучаго холода бумагъ, приносимыхъ изъ покоевъ неотопленныхъ" (*Арх. Ком.* II, 82 об., 83). Къ 19-му мая 1840 года, П. М. Строевъ окончилъ, наконецъ, разборъ бумагъ Синодальнаго Дворцоваго Приказа и принялся въ томъ же Архивѣ Старыхъ Дѣлъ за просмотръ *Приходо-расходныхъ* книгъ Патріаршаго Приказа, начиная съ 1624 года. О важномъ значеніи этихъ книгъ, онъ писалъ Князю Ширинскому: „*Приходо-расходныя книги* Патріаршаго Приказа, источникъ повидимому ничтожный, оказались весьма важны для полноты составляемыхъ мною Списковъ Іерарховъ и Настоятелей. Кромѣ сего, историкъ Москвы, изслѣдователь церковныхъ обрядовъ, іерарппескаго управленія, юриспрунденціи, системы старинныхъ финансовъ, даже нравовъ и обычаевъ, могутъ извлечь отсюда много со-

вершенно для насъ новаго и интереснаго. Новое доказательство, что антикварій ничѣмъ не долженъ пренебрегать. Я указалъ г. профессору Снѣгиреву, занимающемуся, по волѣ здѣшняго начальства, историческимъ описаніемъ царственнаго града, и онъ, при всей своей дѣятельности, утомляется обиліемъ сего источника" (*А. К.* II, 114).

Къ декабрю 1840 года, Строевъ окончилъ всѣ свои занятія въ Государственномъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ и, по желанію Князя Ширинскаго, составилъ *Обзоръ дѣйствій* своихъ въ этомъ Архивѣ. Вотъ полный текстъ этой любопытной записки, отъ которой такъ и вѣетъ свѣжестью источниковъ: „Патріархи Московскіе и всея Русіи, кромѣ общихъ обязанностей, лежавшихъ на нихъ какъ на главахъ Церкви и хранителяхъ Православія, имѣли въ непосредственномъ управленіи такъ называемую *Патріаршую область* (собственную ихъ епархію), которая доставляла финансовыя средства къ приличному содержанію Патріаршаго Дома и Двора, довольно многочисленнаго, особенно при послѣднихъ Патріархахъ. Ету область составляли: царствующій градъ Москва (кромѣ Кремля), Московскій уѣздъ, обнимавшій нѣсколько нынѣшнихъ уѣздовъ, приписные къ Патріаршему Дому монастыри съ ихъ имѣніями и множество приходовъ въ разныхъ епархіяхъ, надъ которыми мѣстные архіереи не имѣли власти. Все, что называлось *Патріаршее*, судилось въ Москвѣ, только въ Домѣ Патріарха, и, кромѣ винъ уголовныхъ, не было подчинено никакой расправѣ мѣстной. Ето происходило отъ *тарханства* или *тарханнаго права*, общаго въ прежней Россіи и, разумѣется, очень вреднаго для государственнаго управленія. Тарханы были: патріархъ, архіереи, монастыри, князья, бояре, однимъ словомъ—всѣ, кому удавалось получить царскую *тарханную* или *безсудную* (несудимую) грамоту. Нѣкоторые были полные тарханы, всѣ другія подчинялись только одному (которому нибудь) изъ царскихъ приказовъ, въ Москвѣ, означенному въ ихъ грамотѣ. Ету *безсудность* или *несудимость* на мѣстѣ видимъ по актамъ еще въ XV вѣкѣ; въ XVI она очень умножилась, а въ XVII кто и что не было *отарханено*? Воеводамъ и расправѣ мѣстной оставались только вины уголовныя и черносошные (государевы) крестьяне. Даже и многія волости сихъ послѣднихъ пользовались правомъ тарханнымъ. Слишкомъ легко представляются намъ всѣ неудобства въ судѣ, въ правежѣ долговъ, въ торговлѣ, промыслахъ, и проч., когда вообразимъ огромное пространство Московскаго государства, въ XVII вѣкѣ, и на немъ безчисленныхъ тархановъ, которые, по ихъ жалованнымъ грамотамъ, обязывались являться въ Москву только на одинъ или два (очень рѣдко три) срока въ году и *искать* и *отвѣчать* по всѣмъ претензіямъ многихъ мѣсяцевъ. Ети *сроки*

обыкновенно были *зимніе*, предъ большими праздниками, конечно по удобству времени и дорогъ. Тогда Московскіе приказы едва успѣвали въ разбирательствѣ исковъ. А сколько тархановъ не являлось на сроки, за которыми должно было посылать *зазывныя*, *ослушныя* и т. под. грамоты. Въ XVII в., не разъ пытались ограничить тарханное право, но оно продолжалось и послѣ Уложенія, кажется, до 1676 года, когда указомъ царскимъ уничтожены всѣ тарханныя грамоты. Ето уничтоженіе, чрезвычайно важное, какъ бы не замѣчено новыми историками: благоустройству Россіи оно содѣйствовало, если не болѣе, то нисколько не менѣе упраздненія *Мѣстничества*, о которомъ такъ много толковали и теперь толкуютъ. Такимъ образомъ, патріархъ, какъ судія духовный въ цѣлой Русіи и полный тарханъ въ своей Области, имѣлъ обширную власть административную и судную, слѣдовательно, и множество обязанностей и занятій, для которыхъ необходимо было имѣть помощниковъ около своей особы. Ето подало поводъ къ устройству патріаршихъ приказовъ, и постепенному ихъ увеличенію къ исходу XVII вѣка. Тогда было самое блистательное время Патріаршества и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хлопотливое: преслѣдовали Расколы, появившіеся во всѣхъ предѣлахъ Царства въ разныхъ видахъ. Еще мало издано документовъ этого періода церковной исторіи, но ихъ очень довольно въ разныхъ библіотекахъ и архивахъ. Оными приказами завѣдывали патріаршіе бояре, или домовые (крестовые) іеромонахи, по волѣ патріарха. Они раздѣлялись на *столы* (отдѣленія), имѣли *дьяковъ* (секретарей), *подьячихъ съ приписью* (столоначальниковъ) и *подьячихъ старыхъ* и *молодыхъ* (канцелярскихъ служителей писцовъ). Внутреннее устройство, ходъ и образъ производства дѣлъ, формы бумагъ, были совершенно тѣ же, что и въ приказахъ царскихъ. Патріархъ *билъ челомъ* государю царю, посылалъ *памяти* въ царскіе приказы, *указывалъ* мѣстамъ и лицамъ, ему подсудимымъ, давалъ *жалованныя грамоты* дворянамъ и крестьянамъ своего Дома. Патріаршихъ приказовъ было четыре. Первый Приказъ *Духовный*, всегда въ вѣденіи одного изъ крестовыхъ іеромонаховъ: здѣсь судились преступленія противъ Православія, разбирались дѣла совѣсти, степени родства при бракахъ, и т. п. Второй приказъ *Казенный*, въ вѣденіи казначея; сюда поступали всѣ дани съ церквей, священнослужителей и причетниковъ, оброки съ крестьянъ, съ земель, соляныхъ и рыбныхъ промысловъ, печатныя пошлины съ разнаго рода грамотъ, и вообще всѣ доходы *Патріаршей Области*. Ети доходы расходовались по указамъ патріарха, письменнымъ и словеснымъ; остатки обращались изъ *домовой* казны въ *келейную*. Сею послѣднею патріархъ распоряжалъ самъ: по кончинѣ его она не по-

ступала къ его преемнику, а издерживалась на постройки церквей, вклады и ручныя милостыни, назначаемыя подробно въ *духовныхъ* и *изустныхъ памятяхъ* патріарховъ. Третій Приказъ *Дворцовый*, въ вѣденіи *дворецкаго*. Здѣсь дѣлались всѣ заготовленія и расходы по постройкамъ и продовольствію Патріаршаго Дома и Двора, наблюдалось за исправнымъ доставленіемъ разныхъ припасовъ изъ домовыхъ селъ и заведеній, имѣлся надзоръ за служителями и рабочими, и проч. Четвертый Приказъ *Разрядъ*, всегда въ вѣденіи патріаршаго боярина. Въ военное время дворяне и дѣти боярскіе Патріаршаго Дома несли всѣ обязанности государственной службы наравнѣ съ царскими, надѣлялись помѣстьями и отчинами отъ патріарха, а домовыя имѣнія и приписныхъ монастырей ставили извѣстное число (по расчету) *людей даточныхъ*: слѣдовательно обязанности и занятія Патріаршаго Разряда были почти тѣ же, что и Разряда Царскаго. Дѣла тяжебныя входили въ ети же четыре Приказа, смотря по свойству ихъ и лицамъ тяжущихся, или *кому Патріархъ прикажетъ*: извѣстная формула жалованныхъ патріаршихъ грамотъ. По крайней мѣрѣ нигдѣ не замѣтилъ я слѣдовъ существованія особаго Приказа *Суднаго* (для тяжебъ и исковъ), но судопроизводства *тяжебныя* видны по всѣмъ патріаршимъ приказамъ. При тогдашней системѣ состояній и правъ иначе и быть не могло: патріархъ былъ полный тарханъ въ своей *области*, все рѣшалось его *словомъ* безъ аппеляцій; только дѣла уголовныя тотчасъ отдавались судьямъ и приказамъ царскимъ. Даже иски людей стороннихъ на патріаршихъ предоставлены были, по тарханнымъ грамотамъ, разбирательству патріарха или его *приказныхъ*. По кончинѣ Адріана (1700 г. октября 15-го) выборъ новаго патріарха былъ пріостановленъ *на время*. Петръ I-й приказалъ боярину Мусину Пушкину вѣдать приказы патріаршіе (кромѣ *Духовнаго*) и монастырскій. Преемникомъ его былъ князь Прозоровскій. *Духовный* приказъ находился въ вѣденіи *Блюстителя Патріаршаго Престола*, Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго. Составъ Патріаршаго Дома и Двора подвергся тогда измѣненію, но порядокъ дѣлъ въ приказахъ и економическій остался тотъ же; даже къ бумагамъ прикладывалась печать послѣдняго Патріарха, почти до 1721 года.

Доходы Патріаршей области были тѣ же, но ихъ расходовали иначе: во время Шведской войны большая часть ихъ поступила на чрезвычайныя издержки государства; ими устроены по указамъ царскимъ, и содержались въ Москвѣ гошпиталь и 50 богадѣленъ. Въ 1721 г. учрежденъ *Духовный Коллегіумъ*, вскорѣ переименованный въ *Святѣйшій Правительствующій Синодъ*. Духовная администрація Россійской церкви приняла иной видъ. Патріаршество упразднено

навсегда, Область патріаршая переименована *Сгнодальною*; но экономическая часть осталась почти безъ измѣненій. Приказы *Казенный* и *Дворцовый* продолжали существовать до 1739 года, на прежнемъ основаніи, только не назывались патріаршіе и были подчинены *Экономическому управленію Сгнодальной Области*, въ Москвѣ, составленному изъ однихъ свѣтскихъ членовъ. Въ правленіе Императрицы Анны главный директоръ былъ генералъ-лейтенантъ Волковъ. Только Патріаршаго *Розряда* не видимъ уже въ началѣ XVIII вѣка: конечно, онъ уничтожился при общемъ переобразованіи военной части Петромъ Великимъ, когда и Розрядъ Царскій оказался ненужнымъ. Между тѣмъ патріаршіе дворяне и дѣти боярскіе, подъ названіемъ синодальныхъ, доживали свой вѣкъ: ихъ видимъ управителями синодальныхъ имѣній и въ разныхъ посылкахъ, какъ екзекуторовъ. Послѣ они вошли въ общій составъ Дворянства Россійской Имперіи. При Императрицѣ Елисаветѣ, съ учрежденіемъ новыхъ епархій, церкви Синодальной (бывшей Патріаршей) области перешли постепенно въ вѣдомство мѣстныхъ архіереевъ, а для управленія всѣми вообще монастырскими и церковными имѣніями учреждена (послѣ 1740 г.) *Коллегія Економіи*, которую неоднократно переобразовывали. Названіе *Патріаршей* Области исчезло; исчезъ и Патріаршій Дворъ, хотя домъ Синодальный въ Кремлѣ и теперь на томъ же мѣстѣ. Послѣ извѣстныхъ Штатовъ 1764 года все монастырское и церковное пошло инымъ порядкомъ. Лѣтъ черезъ 20 упразднена и Коллегія Экономіи.

Такимъ образомъ, дѣла двухъ Патріаршихъ Приказовъ *Казеннаго* и *Дворцоваго*, вмѣстѣ съ приказомъ Монастырскимъ, поступившихъ въ 1701 году, въ вѣденіе боярина Мусина-Пушкина, послѣ переданы въ *Управленіе Сгнодальной Области*, а наконецъ, въ *Коллегію Экономіи.* По упраздненіи ея, ихъ сдали въ 1787 году, въ Государственный Архивъ Старыхъ Дѣлъ при Московскомъ Сенатѣ.

Патріаршій *Духовный* Приказъ, подчиненный въ 1701 году, митрополиту Стефану Яворскому, по учрежденіи Святѣйшаго Синода, кажется, переобразованъ въ *Московскую Духовную Дикастерію.* Гораздо послѣ, епархіальныя *дикастеріи* наименованы *консисторіями.* Дѣла этого Приказа, безъ сомнѣнія, любопытныя и очень важныя для исторіи церкви, еще мало обработанной, ужели навсегда потеряны? Они должны быть въ Архивѣ Московской Консисторіи, который, какъ мнѣ сказывали, очень обширенъ и имѣетъ старыя бумаги. Со временемъ я буду ходатайствовать о позволеніи порыться въ этомъ Архивѣ.

Дѣлъ Патріаршаго *Разряда* я не вижу нигдѣ въ здѣшнихъ архивахъ: по упраздненіи его, въ началѣ XVIII вѣка, они были куда нибудь сданы и, безъ сомнѣнія, погибли въ ужасный пожаръ 1737 года,

превратившій большую часть Москвы въ пепелъ. Впрочемъ, потеря этихъ дѣлъ не можетъ быть очень важною.

Должно также замѣтить, что и приказы *Казенный* и *Дворцовый*, въ тотъ же пожаръ 1737 года, потеряли большую часть своихъ бумагъ. Это видно изъ тогдашнихъ протоколовъ Управленія Синодальной Области. Оставшіяся книги и дѣла, переданныя въ 1787 году, обще съ дѣлами сего Управленія и Коллегіи Экономіи въ Государственный Архивъ при Московскомъ Сенатѣ, снова подверглись гибели въ 1812 году. Непріятели, чтобы очистить полки въ этомъ архивѣ для своихъ поклажъ, выкидали десятки тысячь связокъ въ ровъ Кремлевскій, нынѣ уже заваленный. По приведеніи, послѣ того, въ нѣкоторый возможный порядокъ, эти остатки представляютъ большею частію неполноты и отрывки; но уцѣлѣло и много очень любопытнаго.

Всѣ эти бумаги, двухъ Патріаршихъ приказовъ, Казеннаго и Дворцоваго, Приказа Монастырскаго, Управленія Синодальной области и Коллегіи Экономіи, составляютъ въ Государственномъ Архивѣ при Московскомъ Сенатѣ одно отдѣленіе, извѣстное тамъ подъ общимъ названіемъ: *Дѣла Коллегіи Экономіи*, такъ какъ они поступили изъ сей послѣдней въ 1787 году, по ея упраздненіи. Это отдѣленіе занимаетъ огромную высокую залу съ сплошными полками по всѣмъ стѣнамъ, отъ низу до верху уставленными въ два ряда книгами и связками. Число нумеровъ, т. е. книгъ, тетрадей, столпцовъ, доходитъ до 100,000. Три четверти ихъ, до 1766 года, пройдены мною обстоятельнымъ образомъ; остальные (1766—87 годовъ) просмотрю въ болѣе свободное время, если найду это нужнымъ. Главная цѣль при пересмотрѣ всѣхъ этихъ грудъ бумагъ была: приведеніе въ возможную полноту составленныхъ мною хронологическихъ списковъ архіереевъ и настоятелей монастырей отъ временъ древнѣйшихъ до настоящаго. Трудъ необходимый для нашей исторіи: его требовалъ еще Шлёцеръ, но въ объемѣ меньшемъ, нежели какой я предположилъ себѣ.

Самый примѣчательный и старый изъ отдѣловъ, на которые въ Государственномъ Архивѣ при Московскомъ Сенатѣ раздѣлены книги, дѣла и бумаги, поступившія изъ Коллегіи Экономіи, составляетъ собраніе (до 17 тысячь) *подлинниковъ и старинныхъ списковъ*: жалованныхъ и тарханныхъ грамотъ, писцовыхъ выписей и разнаго рода актовъ, нѣкогда обезпечивавшихъ недвижимую собственность архіерейскихъ домовъ, монастырей, соборовъ и церквей. Древнѣйшіе изъ нихъ XV вѣка. Всѣ эти документы были представлены отъ мѣстъ и лицъ, кому они принадлежали, по тяжбамъ или другимъ случаямъ; послѣ Штатовъ 1764 года, они остались въ Коллегіи Экономіи и, по упразд-

ненiи ея въ 1787 году, сданы въ Государственный Архивъ. Обзоръ ихъ я имѣлъ честь представить въ донесенiи моемъ Археографической Коммиссiи 7-го марта 1838 года.

Не менѣе важны *Приходорасходныя* книги (числомъ до 500) Патрiаршаго и потомъ Синодальнаго Казеннаго Приказа съ 1624 по 1739 годъ. Много ихъ утрачено въ пожаръ 1737 и разгромъ 1812 годовъ. Для главнаго моего предмета (о которомъ сказано выше) важнѣйшимъ пособiемъ изъ нихъ были *Записныя книги печатныхъ пошлинъ* съ актовъ, выдаваемыхъ всѣми патрiаршими приказами; къ сожалѣнiю, число ихъ невелико, остальныя потеряны.

Старыя дѣла Патрiаршихъ приказовъ, до 1701 года, почти всѣ утрачены; съ того времени по 1739 годъ осталось: Казеннаго приказа до 6,000, Дворцоваго болѣе 15,000, Управленiя Синодальной области слишкомъ 20,000, Монастырскаго приказа до 6,000. Дѣлъ собственно Коллегiи Экономiи я просмотрѣлъ еще немного.

Для церковной исторiи XVIII вѣка, для насъ еще очень неясной, *Дѣла Управленiя Синодальной Области* могутъ быть довольно полезны: въ нихъ встрѣчалъ я факты, неизвѣстные или теперь совсѣмъ забытые. Ни время, ни способы, не позволили мнѣ воспользоваться ими во всѣхъ отношенiяхъ; я слѣдилъ только главный предметъ своихъ изысканiй. Самыя мелочныя, утомительныя и безполезныя бумаги суть Дворцоваго приказа: я долженъ былъ просмотрѣть и ихъ.

Между тѣмъ, по открытiи въ Москвѣ *Синодальной Канцелярiи* (около 1731 г.), переименованной послѣ въ *Контору*, изъ Патрiаршихъ приказовъ отдѣлились туда нѣкоторые предметы ихъ занятiй. По сдѣланной мною справкѣ, дѣла въ Архивѣ Московской Конторы Святѣйшаго Синода дѣйствительно начинаются съ 1732 года. Для полноты труда моего, мнѣ будетъ необходимо просмотрѣть въ этомъ Архивѣ всѣ бумаги до шестидесятыхъ годовъ прошедшаго вѣка.

Съ 1837 года, я доставилъ въ Археографическую Коммиссiю довольно списковъ съ актовъ самыхъ примѣчательныхъ, какiе мнѣ встрѣчались. Я не долженъ однакоже скрыть, что могъ бы доставить ихъ гораздо болѣе, еслибъ имѣлъ писцовъ; все мною доставленное я долженъ былъ переписывать самъ. Впрочемъ, мнѣ прiятно и то, что я истощилъ открытые мнѣ источники въ отношенiи главнаго предмета, для котораго *единственно* испрашивалъ тогда доступъ въ Архивъ Старыхъ Дѣлъ, т. е. для возможнаго усовершенствованiя Хронологическихъ Списковъ архiереевъ и настоятелей" (*А. К.* II, 142—149).

Для Археографической Коммиссiи, П. М. Строевъ былъ, по истинѣ, источникомъ неоскудѣвающимъ, изъ котораго черпала она всевозможныя свѣдѣнiя по предмету Русскихъ Древностей. Ни одного пред-

пріятія не начинала Коммиссія безъ того, чтобы предварительно не обратиться къ этому источнику.

Протоіерей Іоаннъ Григоровичъ, приготовляя къ изданію 1-й томъ *Актовъ Историческихъ*, заявилъ, въ засѣданіи Коммиссіи (19-го декабря 1838 г.), о необходимости имѣть ему свѣдѣнія: въ какихъ архивахъ и библіотекахъ лучшіе списки такъ называемыхъ Русскихъ Правилъ: 1) Отвѣтовъ Новгородскаго Епископа Нифонта на вопрошанія Кирикова; 2) Правила церковныя Іоанна митрополита; 3) Кирилла митрополита; 4) Вопрошаній Ѳеогноста епископа Сарайскаго Цареградскому собору и 5) Правила Максима митрополита Кіевскаго о постахъ. Кромѣ того, Коммиссіи нужно было имѣть свѣдѣніе о спискахъ съ Актовъ Кенигсбергскаго Архива. За свѣдѣніями этими обратились, по обыкновенію, къ Строеву, который, отъ 8-го февраля 1839 года, отвѣчалъ слѣдующее: „1) Въ здѣшнемъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находится большое собраніе (во многихъ портфеляхъ) списковъ съ Актовъ Кенигсбергскаго Архива, поступившее сюда по волѣ Императора Александра I-го и сдѣланное весьма тщательно, кажется, на иждивеніе Остзейскаго Дворянства. 2) Всѣ лучшіе списки Кормчей Книги рецензированы въ извѣстномъ сочиненіи барона Розенкампфа. Я могу только прибавить прекрасный списокъ XV вѣка (съ Русскими Правилами) въ библіотекѣ Троицко-Лаврской Академіи. 3) Отвѣты епископа Нифонта и Правила митрополитовъ Іоанна и Кирилла находятся въ разныхъ спискахъ Кормчей; но которые изъ нихъ лучшіе, утверждать не смѣю, ибо ето требуетъ тщательнѣйшаго разсмотрѣнія; древнѣйшій, въ Номоканонѣ Синодальномъ харатейномъ, былъ употребленъ Калайдовичемъ при изданіи ихъ въ свѣтъ. 4) Вопрошаній епископа Ѳеогноста знаю пять списковъ: въ библіотекѣ Троицко-Лаврской Академіи, Волоколамскаго монастыря, Графа Толстаго. 5) Правила митрополита Максима извѣстны мнѣ только по списку Новгородской Софійской библіотеки изъ Кирилловскихъ“ (*А. К.* II, 8).

Въ 1838 году, Археографическая Коммиссія выпустила въ свѣтъ Акты Юридическіе, которые, однако, не получили должной оцѣнки отъ современной критики, на что горько жаловался Бередниковъ въ письмѣ своемъ къ Строеву: „Прочтите критику на Акты въ *Сынѣ Отечества*: ее писалъ пресловутый Полевой; но что за невѣжество? Въ историческомъ дѣлѣ, не смотря на хвалебные возгласы нашему просвѣщенію, мы попятились; лѣтъ за двадцать было совсѣмъ иначе. Каченовскій, Калайдовичъ, вы, разобрали бы и оцѣнили подобное изданіе, по его достоинству“... (*Письма*, II, № 298). Самъ-же Строевъ, по поводу выпущенныхъ Актовъ, писалъ къ Князю Ширинскому (отъ 22-го мар-

та 1839 г.) слѣдующее: „Прочитавъ съ жадностію *Акты*, изданные весьма отчетливо, я увидѣлъ, что хотя сіе собраніе и казалось мнѣ въ свое время очень полнымъ; но недостатокъ актовъ временъ прежде XVI вѣка и удѣльной системы довольно ощутителенъ. При разборѣ здѣшнихъ архивовъ, я буду имѣть ето въ виду и постараюсь содѣйствовать дополненіемъ нужнаго“. Далѣе Строевъ пишетъ о *Судебникѣ Царя Іоанна Васильевича*, новое изданіе котораго онъ предлагалъ въ то время Коммиссіи: „Судебникъ Царя Іоанна Васильевича— актъ несказанно важный въ безчисленныхъ отношеніяхъ, не былъ до сего времени изданъ *вѣрно*: причина—неисправность рукописей. Желая исправить сей недостатокъ, и пріобрѣтя покупкою три довольно хорошіе списка, я употребилъ мѣсяца три—четыре на сводъ ихъ между собою, съ изданіями Башилова (1767) и моимъ (1819). Результатъ сего труда долгомъ поставляю при семъ представить, для помѣщенія въ Дополненія къ Актамъ Археографической Экспедиціи“. При этомъ же письмѣ Строевъ отправилъ, для представленія въ Коммиссію, любопытную грамоту Московскаго Патріарха Іосифа Суздальскому Архіепископу Серапіону о мощахъ великой княгини Софіи, въ мірѣ Соломоніи 1650 года (*А. К.* II, 17).

Князь Ширинскій, выразивъ Строеву искреннюю признательность какъ отъ себя, такъ и отъ Коммиссіи, за доставленіе Судебника, просилъ его указать на другіе списки этого акта, хранящіеся въ Московской Синодальной и въ другихъ библіотекахъ, внѣ С.-Петербурга (*А. К.* II, 27). Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ Строеву препровождены были изъ Коммиссіи списки съ пяти актовъ (въ Польскомъ переводѣ) 1587 года, коими царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, послѣ кончины Короля Стефана Баторія, предлагаетъ Польскимъ и Литовскимъ вельможамъ избраніе себя на Польскій престолъ. Коммиссія поручила справиться: не имѣется-ли въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ подлинника сихъ актовъ (*А. К.* II, 28).

Въ отвѣтъ на эти запросы, Строевъ, отъ 28-го мая 1839 года, донесъ Коммиссіи: „Хорошіе списки Судебника находятся въ библіотекахъ: Новгородско-Софійской (изъ Кирилловскихъ) in 4°, 8°; Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; Антоніево-Сійскаго. Болѣе ничего рекомендовать для свода не могу“. При этомъ Строевъ присовокупилъ, что по его мнѣнію, было бы весьма полезно помѣстить въ Актахъ Археографической Коммиссіи посланіе царя Іоанна Кирилловскому игумену Козмѣ, „столь любопытное въ многоразличныхъ отношеніяхъ и очень не исправно напечатанное въ Исторіи Россійской Іерархіи IV, 420“. Строеву было извѣстно шесть списковъ этого посланія: 1) Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, № 16/813, 4°, 2) библіотеки Новгородско-

Софійской № 733, 814 и 973 (изъ Кирилловскихъ), 4°; въ 3) библіотеки Троицкой Сергіевой Лавры № 36, при житіи Митрополита Филиппа, 4°; въ послѣдней рукописи еще два посланія тогожъ Царя; 4) Саввино-Сторожевскаго монастыря № 202, 4°. Кромѣ того, Строевъ обѣщается прислать въ Коммиссію два *неизвѣстныя* посланія Царя Іоанна изъ рукописей Синодальной Библіотеки: къ мощамъ Черниговскихъ чудотворцевъ и въ Троицко-Сергіевъ монастырь 1562 года. При истребованіи изъ Новгородской Софійской библіотеки въ Археографическую Коммиссію указанныхъ рукописей, Строевъ совѣтовалъ выписать оттуда также рукопись № 751 (изъ Кирилловскихъ), въ которой помѣщены два посланія Патріарха Іова въ Грузію, 1587 года, нигдѣ не напечатанныя.

Во исполненіе же порученія Коммиссіи, относительно списковъ съ Польскихъ актовъ, Строевъ сообщилъ Князю Ширинскому: „Въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, между Посольскими книгами, или Статейными списками посольствъ, Двора Польскаго, подъ № 17, находится полная книга посольства дворянина Еліазара Ржевскаго и дьяка Захара Свіязева, 1587 года: въ ней помѣщены всѣ грамоты, посланныя съ ними къ разнымъ духовнымъ, магнатамъ и шляхтѣ Польскимъ и Литовскимъ. Присланныя ко мнѣ Польскія копіи суть только сокращенія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ грамотъ и, по моему мнѣнію, не заслуживаютъ вниманія. Изданіе дипломатическихъ сношеній составляетъ предметъ занятій Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ“ (*А. К.* II, 32).

Въ іюнѣ 1839 года, П. М. Строевъ указалъ Коммиссіи на весьма важную рукопись. „Нечаянно пришла мнѣ на память (пишетъ Строевъ) одна рукопись Троицко-Сергіевой Лавры № 2, на пергаминѣ, 1406 года: тамъ, кажется, источникъ Космографіи Несторовой. Теперь, при начинающемся печатаніи Лѣтописей, Археографической Коммиссіи необходимо ее выписать; равно и изъ библіотеки Ярославскаго Архіерейскаго дома не безполезно истребовать рукопись подъ № 765, безъ сомнѣнія, *подлинникъ* сочиненій митрополита Фотія“ (*А. К.* II, 54).

Около того-же времени, И. Н. Царскій, пріобрѣтя историческій Сборникъ XV вѣка, передалъ его на разсмотрѣніе Строеву, который, найдя этотъ Сборникъ „очень замѣчательнымъ“, началъ выписывать изъ него интереснѣйшія статьи для Археографической Коммиссіи; но какъ при ежедневныхъ занятіяхъ въ Государственномъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ, работа эта не могла идти быстро, то Строевъ, отъ 17-го октября 1839 года, обратился къ Князю Ширинскому съ запросомъ: какого времени печатаются теперь акты въ Археографической Коммиссіи? „По полученіи отзыва“, пишетъ Строевъ, „я могъ бы рас-

порядиться своевременнымъ доставленіемъ списковъ изъ означеннаго Сборника, отложивъ на время посѣщеніе архива“ (*А. К.* II, 67 на об.). На это Павелъ Михайловичь получилъ слѣдующее оффиціальное извѣщеніе Коммиссіи (отъ 20-го октября): „Въ типографіи уже набранъ 24-й листъ Историческихъ Актовъ, заключающій въ себѣ акты съ 1518 по 1526 годъ, и при этомъ Коммиссія просила его не замедлить доставленіемъ тѣхъ документовъ, которые относятся къ XVI и XVII столѣтіямъ, равно и посланій изъ Сборника Царскаго (*А. К.* II, 69). Отъ 31-го октября, Строевъ отвѣчалъ Князю Ширинскому: „За совершенною невозможностію имѣть писцовъ, умѣющихъ копировать старинныя рукописи, я принужденъ списывать акты самъ, посѣщая Архивъ Старыхъ Дѣлъ ежедневно, а потому и трудъ идетъ медленно“ (*А. К.* II, 72).

При подробномъ разсмотрѣніи Строевымъ вновь открытаго Сборника Царскаго оказалось, что листы въ немъ перемѣшаны, а нѣкоторыхъ и не достаетъ и что онъ имѣетъ большое сходство съ Сборникомъ Синодальной библіотеки № 562, который находится въ Археографической Коммиссіи. По этой причинѣ, Строевъ, находясь въ большомъ затрудненіи касательно снятія списковъ изъ Сборника Царскаго, просилъ Князя Ширинскаго прислать ему тѣ изъ отпечатанныхъ листовъ историческихъ актовъ, въ коихъ содержатся грамоты XV столѣтія, дабы онъ имѣлъ возможность знать, что изъ Сборника Царскаго должно списывать, и также для означенія варіантовъ, какіе при сличеніи окажутся“. (*А. К.* II, 73). За тѣмъ, когда требуемые листы актовъ были присланы, Строевъ сличилъ ихъ съ Сборникомъ Царскаго и нашелъ только 15 грамотъ одинакихъ и то съ варіантами. „Кромѣ сего (пишетъ Строевъ къ Князю Ширинскому), въ Сборникѣ оказалось неизвѣстныхъ грамотъ митрополитовъ: Кипріана 3, Фотія 2, Іоны болѣе 10, Ѳеодосія 3, Филиппа 6, Симона 1 и пр., всего до 30-ти. Я началъ уже спысывать ихъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Строевъ отправилъ въ Коммиссію тюкъ съ слѣдующими документами: 1) Посланіе Митрополита Кипріана къ игумену Аѳанасію, отвѣтное на предложенные отъ него вопросы—нигдѣ не напечатано. 2) Чинъ поставленія во Епископы между 1645—54 годами. Въ Актахъ Археографической Экспедиціи помѣщены два такіе чина 1456 и 1539 годовъ: посылаемый теперь составляетъ переходъ отъ оныхъ къ употребляемому въ настоящее время. 3) Постановленіе Патріарха Іоакима о ставленическихъ пошлинахъ и проч., 1675 года, весьма важное для подробностей Патріаршескаго управленія. 4) Соборные отвѣты на вопросы Царскіе въ 1681 году, о разныхъ предметахъ, до сего времени неизвѣстные. 5) Опись дѣлъ Патріаршаго Приказа, составленная въ

1697 году, чрезвычайно любопытная: оныхъ дѣлъ, кажется, уже не существуетъ, а время второй половины XVII вѣка, отмѣнно важно въ церковной исторіи. (*А. К.* II, 82, 83).

Археографическая Коммиссія, приступая къ печатанію III-го тома Актовъ Историческихъ, заключающаго въ себѣ документы царствованія Царя Михаила (1613—1645), спрашивала Строева, не имѣется ли у него въ виду грамотъ, относящихся къ этому царствованію? (*А. К.* II, 74). „Изъ актовъ временъ Царя Михаила,—писалъ Строевъ къ Князю Ширинскому, отъ 6-го декабря 1839 года,—я долженъ обратить вниманіе Археографической Коммиссіи на двѣ подлинныя грамоты 1616 декабря и 1617 февраля въ Новгородъ, тотчасъ по замиреніи съ Шведами, и возвращеніи его подъ державу царскую. Сіи огромныя грамоты весьма любопытны и находятся въ Библіотекѣ здѣшняго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Вамъ, Сіятельный Князь, необходимо отнестись къ А. Д. Черткову, чтобы оныя двѣ грамоты ввѣрены были мнѣ для снятія списковъ, равно и рукопись подъ заглавіемъ *Старая Образцовая книга*, подаренная покойнымъ Епископомъ Пензенскимъ Амвросіемъ, изъ которой многіе акты должно выписать для изданій Коммиссіи. Я могъ бы адресоваться и самъ, но мнѣ (безъ всякаго сомнѣнія) отвѣтятъ: *мы издадимъ*; хотя до сихъ поръ никто не обращаетъ вниманія какъ на тѣ акты, такъ и на всѣ другія рукописи, въ библіотекѣ Общества находящіеся" (*А. К.* II, 81). Къ 12-му февраля 1840 года, Строевъ окончилъ снятіе списковъ съ грамотъ изъ Сборника И. Н. Царскаго и, прибавя къ нимъ четыре изъ рукописей, ему принадлежащихъ, отправилъ все это въ Археографическую Коммиссію, для напечатанія, въ видѣ *дополненія* къ I-му тому Актовъ Историческихъ. При этомъ онъ счелъ нужнымъ предварить Редактора, которому отданы будутъ посылаемые имъ акты, о нижеслѣдующемъ: „Необходимо прочитать самымъ внимательнымъ образомъ изъ напечатанныхъ Коммиссіею Актовъ Историческихъ тѣ, кои относятся къ 1450 — 58 годамъ, и потомъ, съ неменьшимъ вниманіемъ, посылаемые мною, особенно-жъ находящіяся въ концахъ ихъ мои замѣчанія. Только тогда будутъ видны: *важность* всѣхъ етихъ актовъ для церковной исторіи, *совокупность* извлеченныхъ изъ Сборника Царскаго съ напечатанными изъ Синодальнаго № 562 и *яркій свѣтъ*, какой они проливаютъ на состояніе дѣлъ Русской Митрополіи въ означенномъ, до сего времени, темномъ періодѣ. Безъ Сборника, по счастію доставшагося въ руки Царскаго, все ето оставалось бы въ полусвѣтѣ, а можетъ быть, и въ нѣкоторомъ мракѣ. Теперь рядъ фактовъ открывается слѣдующій: Знаменитый Митрополитъ Исидоръ, по возвращеніи съ собора Флорентій-

скаго, не принятъ въ Москвѣ, ушелъ оттуда въ Западную Русь и въ 1442 былъ уже въ Римѣ; въ Москвѣ управленіе Церковію поручили Рязанскому епископу Іонѣ, какъ кандидату митрополіи съ 1433 года; въ Литвѣ признали Исидора, но, по отсутствію его, дѣла были въ замѣшательствѣ. Великій Князь Василій Василіевичь, сносясь безуспѣшно съ едва державшимся противъ Турковъ Царьградомъ, рѣшился (въ 1448 г.) хиротонисать Іону въ митрополита своими епископами. Іона вступилъ въ переговоры съ Королемъ Казимиромъ, успѣлъ преклонить на свою сторону и, актомъ 1451 года генваря 31-го, Казимиръ призналъ его главою и Литовскихъ епархій. Такъ соединилась паки Митрополія *Кіевская и всея Русіи*, расторженная на двѣ, въ ноябрѣ 1415 года, когда Западно-Русскіе владыки должны были хиротонисать Цамблака. Цѣлость митрополіи и миръ церкви, подъ управленіемъ Іоны, котораго (какъ видно изъ актовъ) Казимиръ весьма уважалъ, продолжались только восемь лѣтъ. Тутъ опять важное событіе, совсѣмъ неожиданное: въ 1458 явился въ Литвѣ ученикъ Исидоровъ, Григорій, посвященный въ Римѣ въ Митрополита вся Руси. Казимиръ принялъ его и Западно Русскія епархіи отторгнулись отъ духовнаго подчиненія Москвѣ. Тщетно Іона оказалъ необыкновенную дѣятельность; тщетны были его усилія водворить миръ и единство; тщетно посылалъ онъ своихъ агентовъ съ грамотами, и къ владыкамъ, и къ вельможамъ, и къ православнымъ Западной Руси: Григорій утвердился. Странно, что и въ самой Москвѣ должно было созвать соборъ и обязать владыкъ Великорусскихъ присягою оставаться вѣрными Іонѣ; сильно опасались за Новгородъ и Тверь, имѣвшихъ какое-то влеченіе къ Литвѣ. Намъ неизвѣстна участь Тверскаго Епископа Моисея, медлившаго ѣхать на соборъ въ Москву; но едва ли его не смѣнили? Наконецъ, среди безпокойствъ, престарѣлый и немощьми удрученный Іона (какъ самъ упоминалъ въ посланіяхъ) скончался 1461 марта 31-го. Избрали Ѳеодосія, но онъ остался Митрополитомъ только Москвы и Восточной Руси; западная отдѣлилась совершенно. Осмилѣтняя цѣлость митрополіи Кіевской и всея Руси (въ 1451 — 58 г.), при благоразумномъ и въ послѣдствіи святомъ Іонѣ, есть *новый фактъ* въ нашей церковной исторіи, только теперь проявившійся изъ совокупности грамотъ Сунодальнаго Сборника и Сборника № 562 Царскаго. Посланія Митрополита Всероссійскаго Филиппа къ Новгородцамъ и къ великому князю Іоанну III, передъ походомъ на Новгородъ, въ 1471 году, взятыя изъ того же Сборника Царскаго и доселѣ неизвѣстныя, освѣщаютъ также событія важной эпохи, къ коей они принадлежатъ. Прочіе акты, въ коллекціи мною

посылаемой, можетъ легко оцѣнить всякій любознательный испытатель исторіи“ (*А. К.* II, 91, 92).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Павелъ Михайловичь писалъ къ отцу протоіерею Іоанну Григоровичу: „Третьяго дня, я отправилъ къ Его Сіятельству Князю Платону Александровичу довольно большую коллекцію актовъ. Долгомъ поставляю рекомендовать ее въ вашу благосклонность, ибо отъ степени вашего ко мнѣ благорасположенія будетъ зависѣть участь труда моего, довольно тяжелаго по ежедневно замѣчаемому мною ослабленію зрѣнія. Какъ страстный любитель отечественнаго бытосказанія, надѣюсь, вы раздѣлите восторгъ мой при открытіи новаго факта въ нашей церковной исторіи“. Въ томъ же письмѣ Строевъ благодаритъ Отца Іоанна за присланные имъ Каталоги Настоятелей Малороссійскихъ монастырей, но „къ сожалѣнію“,—пишетъ онъ въ концѣ того письма,—„изъ каталоговъ я воспользовался не болѣе какъ десяткомъ чиселъ; все прочее оказалось уже въ моей книгѣ: она преогромная, ибо заимствована изъ безчисленнаго (въ полномъ смыслѣ) множества актовъ и источниковъ; надѣюсь, не далѣе какъ въ 1841 году, подарить ею Испытателей Исторіи“ (*А. К*, II, 93 об.)

5-го марта 1840 года, присланная Строевымъ коллекція грамотъ была представлена Археографической Коммиссіи, при чемъ Я. И. Бередниковъ, по поводу грамотъ, относящихся къ войнѣ великаго князя Іоанна III съ Великимъ Новгородомъ, между прочимъ, высказалъ въ засѣданіи Коммиссіи слѣдующее: „Грамоты эти дополняютъ изображеніе тогдашнихъ политическихъ происшествій. Изъ нихъ видно, что въ Москвѣ, въ 1470 году, еще не помышляли о скоромъ завоеваніи Новгорода, дѣйствовали осторожно, и, кажется, по прежнимъ примѣрамъ, хотѣли только заставить Новгородъ уважать право великокняжеское. Роковая посылка въ Литву, для заключенія союзнаго договора съ Казиміромъ, плодъ необузданной политики аристократовъ и опрометчивости народной, рѣшили тогдашнюю войну и довершили погибель Новгорода. Іоаннъ III-й, по рѣдкому стеченію обстоятельствъ, къ счастію Россіи, успѣлъ утвердить свое единодержавіе на Сѣверѣ и дать современнымъ событіямъ направленіе иное“ (*Прот.* 78).

Въ благодарность И. Н. Царскому за сообщеніе новыхъ источниковъ, открывшихъ новый фактъ въ бытописаніи нашей Церкви, П. М. Строевъ просилъ Князя П. А. Ширинскаго Шихматова удостоить его, господина Царскаго, званія Корреспондента Археографической Коммиссіи, объясняя, что „отъ сего ревностнаго и просвѣщеннаго Любителя Старины можно ожидать многихъ пожертвованій въ пользу

нашей исторіи", и что онъ во всякомъ случаѣ достоинъ „столь лестнаго для него званія" (*Арх. Ком.* II, 92 и на об.).

Князь Ширинскій, находя и съ своей стороны, что купецъ Царскій, по выставленнымъ Строевымъ причинамъ, заслуживаетъ званія Корреспондента Коммиссіи, просилъ, однако, Павла Михайловича „доставить, для нѣкоторыхъ соображеній, свѣдѣніе: не принадлежитъ ли купецъ Царскій къ какому нибудь расколу, и если принадлежитъ, то къ какому именно" (*А. К.* II, 95).

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя сообщилъ Строевъ о нашемъ ревностномъ и почтенномъ Собирателѣ Старины: „Почетный гражданинъ И. Н. Царскій принадлежитъ къ *чистымъ старообрядцамъ*, т. е. къ той сектѣ, которая держится книгъ, напечатанныхъ при патріархѣ Іосифѣ и вообще до исправленія ихъ при патріархѣ Никонѣ. Зная его довольно давно, *мнѣ кажется*, что онъ остается въ етой сектѣ только потому, что рожденъ въ ней и считаетъ за стыдъ (разумѣется, ложный) въ преклонныхъ лѣтахъ подвергнуться церемоніи обращенія; впрочемъ, онъ любитъ читать *гражданскія книги*, выписываетъ Петербургскіе журналы, часто посѣщаетъ театръ, членъ Купеческаго клуба, жена его носитъ нѣмецкое платье, сынъ студентъ въ университетѣ. Онъ имѣетъ двѣ или три медали, содѣйствуетъ приношеніями Тюремному и Нищенскому комитетамъ и другимъ благотворительнымъ заведеніямъ и, *какъ кажется*, у здѣшнихъ властей на счету очень хорошемъ. Въ Москвѣ много такихъ *старообрядцевъ*. Почитаю не неумѣстнымъ припомнить, что въ концѣ прошлаго вѣка, Холмогорскій купецъ Василій Крестининъ, былъ корреспондентомъ Академіи Наукъ и притомъ весьма дѣятельнымъ" (*А. К.* II, 100).

Въ концѣ концовъ, ходатайство Строева было уважено, и 10-го мая 1840 года, Князь Ширинскій увѣдомилъ его, что „Почетный гражданинъ, Московскій купецъ 1-й гильдіи Царскій удостоенъ званія Корреспондента Археографической Коммиссіи" (*Арх. Ком.* II, 113).

Мы уже знаемъ, что П. М. Строевъ, предъ вступленіемъ своимъ въ Члены Археографической Коммиссіи, выразилъ желаніе заняться изданіемъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Отсюда понятно, какъ интересовали его свѣдѣнія о ходѣ этого важнаго дѣла и вообще о занятіяхъ Коммиссіи. Свѣдѣнія эти сообщалъ ему все тотъ-же Я. И. Бередниковъ. „Душевно радъ", — писалъ онъ Строеву, отъ 10-го ноября 1839 года, — „что вы вспомнили обо мнѣ и почтили меня пріятнѣйшимъ письмомъ вашимъ отъ 31-го октября. Читая его, я думалъ, скоро ли дождусь той минуты, когда стану лично съ вами бесѣдовать. Вотъ наступаетъ зима: возмите-ка мѣстечко въ дилижансѣ и — маршъ въ нашу Финляндію. Кстати скажу вамъ, что мы печатаемъ

и что̀ хотимъ печатать: 1) Печатаются: а) *Третій томъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*: всѣ Новгородскія Лѣтописи въ одномъ томѣ; б) Акты Историческіе томъ первый; в) Собраніе медалей съ рисунками. 2) Предположено печатать: а) III-й томъ Актовъ Историческихъ; б) О состояніи Россіи при Царѣ Алексѣѣ, сочиненіе дьяка Селицкаго или Кошихина, снятаго съ подлинника (не знаю исправно ли) Гельсингфорскимъ профессоромъ Соловьевымъ, inter nos dictum, плохимъ, но заносчивымъ антикваріемъ; и б) *Первый томъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*, гдѣ помѣстится прославленный Временникъ Нестора, объ изданіи котораго у насъ хлопочутъ такъ, что, кажется, для него и лѣтописи издаютъ; а, по моему, *свѣтъ возсіяетъ не отсюда*. Изданіе Нестора важно, но только въ относительномъ смыслѣ: имъ разрѣшится вопросъ *современный* для не многихъ и посреди поколѣнія, вообще неготоваго еще, по степени своей образованности, ни къ историческимъ открытіямъ, ни даже къ правильному изданію матеріаловъ. Продолжатели Нестора важнѣе и то при пособіи другихъ матеріаловъ и иностранныхъ писателей, современныхъ и послѣдующихъ. Надо прежде, филологически открыть: какъ составлены временники — и отсюда идти къ дальнѣйшимъ заключеніямъ. Вся бѣда въ томъ, что у насъ доселѣ дѣлалось на оборотъ и что нашу исторію взяли къ себѣ подъ опеку Нѣмцы" (*Письма*, II, № 305).

Въ дѣлѣ науки Строевъ былъ чуждъ личнаго честолюбія и самолюбія, а потому, какъ только прочелъ въ газетахъ, что Археографическая Коммиссія *рѣшительно* приступаетъ къ изданію Лѣтописей, то онъ, имѣя въ своей библіотекѣ до полдюжины Лѣтописцевъ, изъ коихъ одинъ очень хорошій Новгородскій пріобрѣтенъ имъ въ 1837 году „довольно дорого", предложилъ Князю П. А. Ширинскому-Шихматову доставить ихъ въ Коммиссію „на все время, необходимое для сличенія" (*Арх. Ком.* II, 92 об.). И дѣйствительно, въ апрѣлѣ 1840 года, онъ прислалъ въ Коммиссію слѣдующіе принадлежащіе ему лѣтописцы: № 1 *Новгородскій*, отъ начала Руси до 1477 года, in 4°, начала XVI вѣка; № 2-й *Псковскій*, отъ 1230 до 1568 г., in 4°. Списокъ современный. № 3-й *Краткій*, отъ начала Руси до 1395 г., in 4°, XVI вѣка. № 4-й. *Новый* (такъ именуемый), съ 1584 по 1630 г. in f°. Исхода XVII вѣка. № 5-й. *Извлеченный* изъ большаго лѣтописца (кажется, Новгородскаго) до 1682 г., in f°. XVIII вѣка (*А. К.* II, 105).

Вообще Строевъ, по видимому, былъ доволенъ ходомъ дѣла по изданію Лѣтописей. По крайней мѣрѣ, Бередниковъ, въ письмѣ къ нему, отъ 7-го марта 1840 года, пишетъ слѣдующее: „Я восхищенъ вашимъ отзывомъ объ изданіи Русскихъ Лѣтописей. Слышать похвалу изъ устъ вашихъ есть для меня верхъ удовольствія. Впрочемъ, честь

исполненія этого дѣла принадлежитъ и вамъ, потому что я вышелъ изъ вашей школы и могу по справедливости сказать, что я вашъ ученикъ. Увѣряю васъ, что прошлогодняя переписка наша не имѣла, и не могла имѣть, никакой связи съ изданіемъ лѣтописей. У насъ обыкновенно *спѣшатъ*, а ето, какъ вамъ извѣстно, портитъ, и очень портитъ, дѣло. Такъ и съ моими лѣтописями! Я началъ печатать всю коллекцію со втораго тома, въ которомъ помѣстится *Ипатіевская лѣтопись*, потому что одинъ томъ лѣтописей (какой нибудь) долженъ *непремѣнно* выдти въ концѣ 1840 года. Ету лѣтопись легче приготовить и напечатать, чѣмъ прочія. Лѣтописи надобно всемѣрно поберечь отъ слишкомъ скорой *ѣзды*. Замѣтьте, что, во первыхъ, мы *здѣшніе* обременены многими должностями; а во вторыхъ, негдѣ работать. Какъ, напримѣръ, разложить 53 списка Нестора и выписывать варіанты, въ департаментѣ, въ общемъ залѣ, гдѣ расхаживаютъ посѣтители, производятся торги, толпятся чиновники и курьеры, и пр. и пр.? Вы знаете дѣло: скажите, ради Бога, въ натурѣ ли ето вещей? По этой причинѣ, я былъ принужденъ отложить печатаніе Нестора до будущаго времени, и дѣлаю что могу. Пока не выхлопочу себѣ особой конуры, для редакціи, окончательно приготовить къ изданію 1-й томъ Лѣтописей рѣшительно невозможно" (*Письма*, II, 307).

Въ концѣ 1838 года, М. П. Погодинъ, проѣздомъ въ чужіе края, былъ въ С. Петербургѣ и, разумѣется, посѣтилъ Археографическую Коммиссію, о чемъ отмѣчено въ *Дорожномъ Дневникѣ* его слѣдующее: „Одно утро провелъ я въ святилищѣ Археографической Коммиссіи. Не знаю, какое впечатлѣніе произведетъ во мнѣ храмъ Св. Петра, Флорентійская трибуна, Альпійскія горы, Швейцарскія озера, но видъ пятидесяти списковъ лѣтописи Несторовой съ харатейнымъ Лаврентьевскимъ, сотни Хронографовъ и историческихъ сборниковъ, тысячи грамотъ, поразили меня, и я едва переводилъ дыханіе, смотря съ благоговѣніемъ на уставленныя книгами полки, которыя блестѣли въ глазахъ моихъ серебромъ, золотомъ, изумрудами, яхонтами и всѣми камнями самоцвѣтными. Сколько было у насъ памятниковъ, если послѣ такого множества нашествій непріятельскихъ, домашнихъ, пожаровъ, грабежей разнаго рода, и невѣжественнаго обращенія, которое продолжается до сихъ поръ, сохранилось еще такое огромное количество во владѣніи Правительства и въ рукахъ частныхъ людей. Сколько еще не описано, и остается въ неизвѣстности! Какова грамотность была въ этомъ народѣ, который невѣжи дерзаютъ ругать и поносить! Судя по видѣннымъ мною образцамъ, изданіе лѣтописей будетъ имѣть много отличныхъ качествъ, хоть я и не одобряю плана.

По моему, для удовлетворенія текущей потребности, надо бы издать три-четыре списка, какъ они есть, т. е. Лаврентьевскій, Ипатьевскій; лѣтописи: Кіевскую, Волынскую, Новгородскую, а изданіе со всѣми варіантами—трудъ, требующій много знанія, времени, опыта, искусства,—могло бы послѣдовать послѣ. Понятіе о варіантахъ измѣнилось со временъ Шлецера, который натолковалъ намъ объ нихъ столько! Впрочемъ, каково бы ни было изданіе, оно принесетъ величайшую пользу Русской Исторіи, не изворотитъ ея, но подтвердитъ, уяснитъ, дополнитъ. Имя нынѣшняго Министра *) останется безсмертнымъ въ лѣтописяхъ Русскаго Просвѣщенія даже за одно это національное, и вмѣстѣ Европейское, предпріятіе, которое ему обязано своимъ началомъ, существованіемъ и движеніемъ" (*Годъ въ Чужихъ краяхъ.* М. 1844, I, 7—9).

Подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣннаго въ Коммиссіи, Погодинъ толковалъ въ Парижѣ съ Гизо о „состояніи ученыхъ въ Россіи", объяснялъ Историку Франціи, что его „разсужденіямъ недостаетъ цѣлой половины, то есть Восточной Европы, государствъ Славянскихъ, кои представляютъ важныя видоизмѣненія всѣхъ Западныхъ учрежденій" (*Годъ въ Чужихъ краяхъ*, III, 105). Это было 26-го мая 1839 года, и въ этотъ же самый день, Бередниковъ, по поводу вышедшаго въ свѣтъ Погодинскаго *Русскаго Историческаго Сборника*, писалъ изъ Петербурга къ Строеву: „Диво дивное! Все стремится къ совершенству, а мы пятимся. Русская Исторія новымъ умникамъ не дается. Не помогаетъ и странствованіе къ Чехамъ, на поклоненіе Шафарику. Доказываемъ достовѣрность Нестора и вдаемся въ высшія историческія соображенія, а не знаемъ старинной азбуки и не умѣемъ читать подлинниковъ: ето обнаружила новопечатная *Псковская Лѣтопись* **). Татищевъ и Щербатовъ оставили далеко за собою новѣйшихъ шарлатановъ, которыхъ племя, на бѣду Русской исторіи, плодится годъ отъ году. Вездѣ общества археологическія — а что проку?" Умоляя Строева пріѣхать въ С. Петербургъ, Бередниковъ пишетъ: „Скоро ли *мы* дождемся васъ въ Петербургѣ? Подъ *мы* разумѣю легіонъ археологовъ, которые нынче родятся какъ грибы, только вторымъ изданіемъ: первое вышло подъ штемпелемъ Голиковыхъ, Крекшиныхъ, Крестининыхъ, Татищевыхъ, Мусиныхъ-Пушкиныхъ, и еще кое-кого изъ Нѣмцовъ. Нѣмцы хотя и учились въ школѣ Михаелиса, однакожъ были пресмѣшные *Русскіе* Археологи; а Русскіе ни

*) С. С. Уваровъ.

**) Напечатана Погодинымъ.

у кого не учились. „Изъ устъ младенцевъ совершилъ еси хвалу“ (*Письма*, II, № 301, 303).

Но въ это время въ Москвѣ готовилась новая схватка съ скептиками. Отъ 6-го іюня 1839 года, М. Т. Каченовскій, препровождая Строеву диссертацію Профессора Демидовскаго Лицея Ѳедотова: *О главнѣйшихъ трудахъ по части Критической Русской Исторіи* (М. 1839, 8°), приглашалъ Павла Михайловича пожаловать въ залу Пашковскаго дома. „Представляется случай“,—писалъ Каченовскій,—„замолвить словцо за святую истину“ (*Письма*, II, № 302).

О направленіи сочиненія Ѳедотова можно судить по выставленнымъ авторомъ тэзисамъ: „Достовѣрность Несторовой Лѣтописи не подлежитъ сомнѣнію. Договоры Олега и Игоря можно почитать дѣйствительными.

Лѣтописи наши, писанныя на родномъ языкѣ, и непрерывно продолжающіяся отъ XI до XVII вѣка, составляютъ такое сокровище, какимъ не многіе изъ Европейцевъ могутъ похвалиться“.

Въ то самое время, когда Профессоръ Ѳедотовъ, съ высоты каѳедры Московскаго Университета, торжественно защищалъ свои тэзисы, М. П. Погодинъ, въ Мюнхенѣ, въ тамошнемъ анатомическомъ театрѣ, открываетъ фактъ изъ царства природы, подтверждающій, по его мнѣнію, достовѣрность Нестора. Дѣло въ томъ, что въ нашей древнѣйшей Лѣтописи, подъ 6572 (1064) годомъ описывается слѣдующее необычайное явленіе природы: „Въ си же времена бысть дѣтищь вверьженъ въ Сѣтомль*), сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же *позоровахомъ до вечера*, и пакы ввергоша и̓ въ воду, бяшеть бо сиць: на лици ему срамніи удове, иного нельзя казати срама ради“ (*П. С. Р. Лѣтоп.* I, 71). Еще въ своемъ *Несторѣ*, Погодинъ замѣтилъ по поводу этого мѣста Лѣтописи: „Мы смотрѣли до вечера— кто можетъ говорить такъ кромѣ очевидца?“ (*Изслѣдов. Замѣч. и Лекціи* I, 26, 27). Но одинъ изъ скептиковъ, а именно С. М. Строевъ, въ сочиненіи своемъ *О недостовѣрности древней Русской Исторіи и лживости мнѣнія касательно древности Русскихъ Лѣтописей* (Спб. 1834) возразилъ на это: „Говоритъ-ли о такихъ дѣтищахъ Исторія Медицины? Возможно ли такое перемѣщеніе членовъ тѣла нашего? Словомъ, описанное дѣтище не есть ли плодъ воображенія лѣтописца? Но такого урода столь же легко могъ выдумать лѣтописецъ XIV вѣка, какъ и лѣтописецъ XI-го. И такъ, г. Погодинъ, можно ли доказывать, что лѣтописи писаны въ XI столѣтіи *дѣтищемъ*, имѣв-

*) Часть Днѣпра у самаго Кіева (Арцыбашевъ. *Повѣствованіе о Россіи.* М. 1838 г. I, стр. 18).

шемъ на лицѣ то, что нельзя сказать „срама ради“ (стр. 19). И вотъ такого-то именно урода, Погодинъ отыскалъ, 12-го августа 1839 года, въ Мюнхенѣ въ одной изъ банокъ тамошняго анатомическаго театра и объ этомъ открытіи записалъ въ своемъ *Дорожномъ Дневникѣ*: „Послѣ обѣда обошли кабинетъ натуральной исторіи. Я никакъ не могъ отыскать того знаменитаго Несторовскаго урода, о которомъ сказывалъ мнѣ П. В. Кирѣевскій лѣтъ восемь тому назадъ; наконецъ, добился толку и узналъ отъ смотрителя, что есть особенное собраніе при анатомическомъ театрѣ. Отправились туда съ Шевыревымъ, спросилъ у прозектора, чего ищу, и что же? Онъ показалъ мнѣ тотчасъ урода въ спиртѣ, точь-въ-точь какъ описанный въ нашей Лѣтописи. Еслибъ описывать его теперь, такъ нельзя бы описать иначе. А одинъ опрометчивый юноша находилъ *въ этомъ нелѣпомъ извѣстіи* доказательства подложности лѣтописи: *такого-де примѣра Исторія Медицины не знаетъ*. Къ счастію истины, природа оставила намъ удивительный образчикъ,—и въ немъ доказательство подлинности извѣстія, писаннаго съ натуры: лѣтопись, не моглабъ выдумать такой несообразности съ общими законами, коей отказывается вѣрить воображеніе, еслибъ не имѣла ея предъ глазами. Мы не можемъ сказать только: *его же позоровахомъ до вечера и паки ввергоша въ воду*, потому что онъ остался въ спиртѣ. Что до меня, я смотрѣтилъ на этого урода съ такимъ удовольствіемъ какъ на Кановина Купидона, и воротясь домой тотчасъ написалъ торжественное донесеніе г. Министру Народнаго Просвѣщенія“ (*Годъ въ Чужихъ Краяхъ* IV, 95, 96).

Въ то время какъ въ Москвѣ выступилъ противъ скептиковъ г. Ѳедотовъ, въ Петербургѣ П. Г. Бутковъ выставилъ свою *Оборону Лѣтописи Русской Несторовой отъ навѣта скептиковъ* (Спб. 1840). По поводу выхода въ свѣтъ этой книги, главный редакторъ полнаго собранія Русскихъ Лѣтописей, издаваемаго по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіею, Я. И. Бередниковъ (отъ 5-го мая 1840 года) писалъ къ П. М. Строеву: „Г. Бутковъ вышелъ на арену и хочетъ начать кулачный бой—съ *скептиками*. Но гдѣ скептики? Что они писали? Гдѣ изложили основныя начала? Сказали ли они, въ чемъ состоитъ ихъ система? Ничего не бывало. Ergo, г. Бутковъ сражается съ призракомъ. Вѣрю, что въ новыхъ идеяхъ, вполнѣ не развитыхъ, таится то, что со временемъ явится въ свѣтъ и измѣнитъ въ нашихъ понятіяхъ многое; что доселѣ у насъ ходъ исторіи былъ превратный, и что люди, которые ею занимались, были по большей части *рѣшительные* профаны: но выйти изъ ихъ колеи, слѣдить истину по памятникамъ самобытнымъ, разрушить то, что выдумали и утвердили своимъ *авторитетомъ* нѣмецкіе парики и русскіе грамо-

тѣи *временъ Очаковскихъ*—развѣ это скептицизмъ? Развѣ ето ересь? О tempora!... Мы сворачиваемъ съ прямаго пути и бредемъ въ болото историческихъ заблужденій. Благодарю васъ за книжку Срезневскаго" (*А. К.* II, № 38).

21-го мая 1840 года, П. М. Строева постигло семейное горе: онъ лишился брата своего Сергѣя Михайловича. 26-го февраля, онъ, въ послѣдній разъ, писалъ къ Павлу Михайловичу: „Вы не повѣрите, какъ скучно быть больнымъ; все какъ-то не такъ дѣлается, какъ бы хотѣлось. Только, когда бываешь болѣнъ, чувствуешь всю цѣну здоровью" (*Письма*, II, № 306). Въ маѣ мѣсяцѣ, Сергѣй Михайловичь полуживой переѣхалъ въ Москву. „Больной братъ мой,—писалъ Павелъ Михайловичь, отъ 19-го мая, къ Князю Ширинскому,—сюда пріѣхалъ въ великой слабости: состояніе здоровья его приводитъ насъ въ недоумѣніе и опасеніе. Жаль будетъ и для науки, если онъ не выздоровѣетъ" (*А. К.* II, 114 на об.). Опасенія оправдались не далѣе какъ на вторыя сутки: 21-го мая, Сергѣй Михайловичь уснулъ навсегда. Извѣстіе о присужденіи ему Демидовской преміи за *Описаніе памятниковъ Славяно-Русской Литературы, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи*, дошло въ Москву наканунѣ его кончины.

„Разбирая бумаги покойнаго Сергѣя",—писалъ Владиміръ Строевъ къ брату Павлу Михайловичу, отъ 28-го мая,—„я нашелъ ваши письма, и спѣшу доставить ихъ вамъ. Можетъ статься, они будутъ вамъ нужны для какихъ нибудь соображеній. Во всякомъ случаѣ, вы будете увѣрены, что письма ваши не въ чужихъ рукахъ. Кончина Сергѣя огорчила меня такъ, что я и сказать вамъ не умѣю. Онъ былъ для меня все: и другъ, и совѣтникъ, и покровитель. Добрый Бередниковъ почти такъ же огорченъ; онъ посѣщалъ Сергѣя, во время болѣзни, почти всякій день, и доставлялъ ему самое сладкое развлеченіе своими разговорами, о рукописяхъ, старыхъ бумагахъ и трудахъ Коммиссіи. Когда будете писать къ нему, поблагодарите за участіе въ Сергѣѣ; такіе добрые люди нынче очень рѣдки" (*Письма*, II, № 309).

Бередниковъ, узнавъ о кончинѣ Сергѣя Строева, писалъ къ Павлу Михайловичу: „Горестную потерю Сергія Михайловича чувствуемъ всѣ мы—его сослуживцы. Археографическая Коммиссія потеряла въ немъ дѣятельнаго сотрудника, и Русская Литтература лишилась ревностнаго дѣлателя, подававшаго прекраснѣйшія надежды. Миръ праху его, для всѣхъ насъ драгоцѣнному! Я ѣздилъ въ отпускъ въ Тихвинъ... Покойный братъ вашъ хотѣлъ сказеть вамъ что-то на единѣ, но не успѣлъ. Я знаю, о чемъ онъ хотѣлъ съ вами говорить: писать объ этомъ и долго, и *рановато*. Соберитесь-ка въ Петербургъ: я со-

общу вамъ изустно то, что унесъ съ собою въ могилу добрый Сергій Михайловичь" (*Письма*, II, № 312).

Но ни семейныя утраты и никакія скорби и печали, не могли оторвать П. М. Строева отъ любезной ему Археографіи и не смущали духа его. Имѣя передъ глазами умирающаго брата, за два дня до его кончины (19-го мая), онъ съ одушевленіемъ излагалъ Князю Ширинскому о важномъ значеніи Патріаршихъ приходорасходныхъ книгъ (*Арх. Ком.* II, 114), и въ тотъ же день, написалъ весьма бодрое письмо въ Одессу къ Н. И. Надеждину, изъ котораго видно, что между ними существовали пріятельскія отношенія. Павелъ Михайловичь, прося Надеждина похлопотать о взысканіи съ Ришельевскаго Лицея слѣдующихъ ему за Ключь къ Исторіи Карамзина денегъ, между прочимъ пишетъ: „Попомните старую пріязнь, почтеннѣйшій Николай Ивановичь, и не откажите покорнѣйшей просьбѣ моей: похлопотать гдѣ и какъ слѣдуетъ о присылкѣ мнѣ означенныхъ денегъ. Дороговизна здѣсь необыкновенная, а денегъ скудно. Мнѣ очень жаль, что въ проѣздъ вашъ чрезъ Москву не удалось видѣться съ вами. Интересно было бы для меня облобызать васъ послѣ Устьсысольской годины. Я теперь совершенный Москвичь, хотя и служу въ Питерѣ. Живу въ собственномъ домѣ, противъ Спасскихъ казармъ на Садовой улицѣ" (*А. К.* II, 115).

5-го іюня 1840 года, П. М. Строевъ получилъ отъ Непремѣннаго Секретаря Академіи Наукъ П. Н. Фуса отношеніе (отъ 31-го мая) и при немъ увѣнчанную наградою рукопись покойнаго брата, Сергѣя. Въ отношеніи Фуса между прочимъ сказано: „Конференція, полагая, что вы примите на себя изданіе сочиненія покойнаго брата вашего, не столько для содѣланія онаго достойнымъ полученія преміи, сколько для того, чтобы не лишить ученый свѣтъ достойнаго произведенія, и желая, чтобы при изданіи были приняты въ соображеніе сдѣланныя А. Х. Востоковымъ исправленія, поручила мнѣ препроводить таковыя замѣчанія къ вамъ вмѣстѣ съ самою рукописью; по представленіи печатнаго экземпляра, Академія не преминетъ назначить въ выдачу наслѣдникамъ положенную премію" (*А. К.* II, 118).

Изъ дружбы къ брату, Павелъ Михайловичь тотчасъ же приступилъ къ печатанію его посмертнаго труда, который и появился въ свѣтъ въ началѣ марта 1841 года, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Описаніе памятниковъ Славяно-Русской Литературы, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Франціи и Германіи.*

Отправляя шесть экземпляровъ этого *Описанія* въ Академію Наукъ, Строевъ писалъ Фусу: „Разсмотрѣвъ присланную мнѣ рукопись самымъ тщательнымъ образомъ, я нашелъ, что она очень не исправна,

и что г. Востоковъ замѣтилъ только самую малую часть погрѣшностей: слѣдовательно, пустить ее въ свѣтъ въ такомъ видѣ значило бы обезславить память покойнаго автора, оказать литературѣ очень мало пользы и не имѣть должнаго уваженія къ порученію Конференціи Академіи, столь для меня лестному. Хотя все мое время посвящено здѣсь на исполненіе обязанностей, возложенныхъ на меня Археографическою Коммиссіей, но я не осмѣлился оскорбить Конференцію отказомъ и принялся за изданіе *должнымъ* и *добросовѣстнымъ* образомъ. Теперь книга совсѣмъ готова. Я свято сохранилъ всѣ положенія и мнѣнія покойнаго автора, хотя во многомъ съ нимъ несогласенъ; исправлены только явныя погрѣшности и слогу дана окончательная отдѣлка, приличная ученому произведенію. Поступить иначе, какъ я сказалъ выше, запрещала мнѣ совѣсть и издавать *какъ нибудь* я не умѣю. Теперь эта книга можетъ занять приличное ей мѣсто въ библіотекѣ каждаго изъ нашихъ археографовъ“ (*А. К.* II, 168). Изъ Послѣсловія къ книгѣ, мы узнаемъ тѣ измѣненія, которыя издатель сдѣлалъ противъ подлинника: I) „Изъ шести отдѣленій сдѣлалъ пять. II) Уничтожилъ огромную выписку изъ Парижской лѣтописи (№ 37) о походѣ великаго князя Іоанна III-го въ Новгородъ въ 1478 г. При сличеніи съ другими лѣтописями въ ней оказалось все точно то же. Равнымъ образомъ, укорочены разныя выписки изъ рукописей XVII вѣка, ни по чему не интересныя. III) Исправилъ нѣсколько *ошибокъ* и *неточностей*, происшедшихъ отъ малой опытности въ Археографіи, какъ замѣтилъ А. Х. Востоковъ и въ чемъ откровенно сознается самъ авторъ (Предисл., стр. XIII). IV) Далъ окончательную отдѣлку слогу и *сжатость*, необходимую въ трудахъ точныхъ: молодость невольно плодовита, опредѣленность выраженій есть удѣлъ знаній и опытовъ многочисленныхъ. V) Составилъ и присоединилъ Алфавитный Указатель. Конечно (объясняетъ Павелъ Михайловичъ въ Послѣсловіи) и братъ мой сдѣлалъ бы то же, еслибы приступилъ къ печатанію самъ; но его уже нѣтъ съ нами. Иной чести я не желаю, кромѣ должной *тщательному* и *добросовѣстному* издателю“ (*Описан. Памятн.*, стр. 174, 175).

Когда книга получила цензурное одобреніе, Строевъ отправилъ въ Конференцію Императорской Академіи Наукъ прошеніе отца своего и мачихи, о высылкѣ къ нимъ Демидовской преміи въ 2500 р. ас., присужденной въ 1840 году, покойному Сергію Михайловичу. Какъ письмо самого Строева по этому предмету, посланное 28-го апрѣля П. Н. Фусу, такъ и прошеніе отца его бросаютъ яркій свѣтъ на семейный бытъ кореннаго русскаго дома Строевыхъ. „Семейство наше“,— пишетъ Павелъ Михайловичъ, — „по совершенному согласію всѣхъ чле-

новъ его, при глубокомъ уваженіи къ родоначальнику, престарѣлому отцу моему, извѣстно здѣсь какъ одно изъ примѣрныхъ“ (*А. К.* II, 180 на об.). Въ прошеніи же отца, Строева, читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „По опредѣленію Конференціи, препровождена была (увѣнчанная наградою рукопись) къ единокровному брату покойнаго, бывшему Археографу Академіи Павлу Михайловичу Строеву, для напечатанія. Павелъ Михайловичь, не имѣя денежныхъ средствъ на изданіе, адресовался къ намъ и мы, по любви родительской къ покойному Сергію Михайловичу, согласились употребить на то свое иждивеніе и вознаградили также издателя приличнымъ по труду возмездіемъ. Покорнѣйше просимъ Конференцію присужденную премію переслать къ намъ по почтѣ; раздѣлить же остатокъ ея и напечатанные экземпляры между дѣтьми нашими, по всегдашнему неограниченному ихъ къ намъ почтенію, будетъ уже дѣло домашнее“ (*А. К.* II, 181). Въ то же время, П. М. Строевъ, посылая къ Князю Ширинскому экземпляръ *Описанія*, писалъ къ нему: „Простите великодушно, Сіятельнѣйшій Князь, смѣлость, съ какою рѣшаюсь безпокоить Ваше Сіятельство слѣдующею, быть можетъ, слишкомъ откровенною просьбою: книги, подобныя (*Описанію Памятниковъ*), при всемъ достоинствѣ ихъ содержанія, покупаются очень мало, люди ученые получаютъ ихъ даромъ, или въ обмѣнъ своихъ сочиненій; такимъ образомъ, напечатаннымъ экземплярамъ суждено пролежать въ домѣ родителя моего цѣлыя десятилѣтія, между тѣмъ на изданіе употреблено довольно иждивенія. Рекомендательный циркуляръ отъ Департамента гг. Попечителямъ могъ бы не мало содѣйствовать распродажѣ“ (*А. К.* II, 182).

Получивъ удовлетворительный отвѣтъ отъ Князя Ширинскаго (*А. К.* II, 188), Строевъ обратился съ тою же просьбою и къ Директору Канцеляріи Оберъ Прокурора Св. Синода К. С. Сербиновичу; но получилъ отъ него весьма уклончивый отвѣтъ, такъ что принужденъ былъ написать ему слѣдующее: „Обременять письмомъ Г. Оберъ Прокурора Св. Сѵнода, которому я не имѣю лестной чести быть извѣстнымъ лично, для того, чтобы продать экземпляровъ полсотни семинаріямъ, было бы искательство слишкомъ мелочное, несообразное съ моимъ характеромъ; а потому это дѣло покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предать забвенію“ (*А. К.* II, 323 на об.)

Когда книга покойнаго Сергія Михайловича вышла въ свѣтъ, то М. П. Погодинъ, забывъ свои личныя отношенія къ покойному автору, сказалъ о немъ слѣдующее теплое слово въ своемъ *Москвитянинѣ*: „Въ 1835 году, въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета,

по случаю исполнившагося семидесятипятилѣтія, говоря рѣчь объ ученомъ сословіи, я сказалъ въ обращеніи своемъ къ студентамъ:

Я вижу между вами нѣкоторыхъ, надѣленныхъ особливыми способностями, запечатлѣнныхъ высшею печатію. И къ нимъ обращусь теперь исключительно: о, сохраните навсегда это чистое пламя, которое горитъ теперь въ груди вашей, дайте ему пищу благородную, посвятите себя ученому званію, и вы принесете честь Русскому имени. Я почту себя счастливымъ, если не обманулся въ своей надеждѣ, и этими словами предрекъ вамъ успѣхъ и славу.

Я имѣлъ въ виду въ особенности Станкевича, Строева, Бодянскаго *).

Слова мои оказались отчасти предсказаніемъ; всѣ трое начали блистательно ученое поприще, но шли по оному недолго: умеръ Станкевичь, умеръ С. Строевъ, Бодянскій другой годъ лежитъ на одрѣ тяжкой болѣзни, который едва было не сдѣлался одромъ смерти.

Станкевичъ, надежда науки, надежда отечества, предался философіи, и въ два года, пріуготовленный, пріобрѣлъ такія познанія, что знаменитые Берлинскіе профессора поклонялись его свѣтлой и ясной головѣ, его блистательнымъ способностямъ. Злая чахотка низвела его въ Генуѣ въ могилу прошлаго года.

С. Строевъ занимался Русскою исторіею, и выступилъ прежде всего противъ меня, разбирая мои разсужденія о Несторѣ. Молодому человѣку хотѣлось пріобрѣсти поскорѣе извѣстность, а возражать, отрицать, предлагать сомнѣніе, гораздо легче, нежели утверждать, или имѣть свое мнѣніе, и онъ написалъ нѣсколько статей, въ коихъ, кромѣ двухъ—трехъ неприличныхъ выходокъ, показалъ свои діалектическія способности, живость ума, познаніе языка; правое дѣло нельзя почти было запутывать лукавѣе, ловчѣе, фектовать на словахъ искуснѣе. Я былъ увѣренъ однакожъ, что занявшись пристальнѣе, и не полагаясь на пристрастныя и недостаточныя слова учителя **), котораго былъ эхомъ, онъ увидитъ истину, и сознается въ своихъ заблужденіяхъ, сколько то позволитъ самолюбіе. Такъ и случилось, какъ я имѣлъ честь слышать отъ самого Господина Министра, который, отыскивая вездѣ людей способныхъ, помѣстилъ молодаго Строева въ Археографическую Коммиссію. „Я снова начинаю учиться“ говорилъ ему юноша. Въ 1837 и 1838 годахъ молодой Строевъ отправился въ чужіе краи, и сдѣлалъ описаніе Славянскихъ рукописей, которое теперь по его тетради издано братомъ его, П. М. Строевымъ: авторъ

*) Къ этому курсу принадлежали еще: Красовъ, Ефремовъ и прочіе.

**) Каченовскаго.

скончался злой чахоткою въ Москвѣ, на 25 году отъ рода (1840 мая 21-го), на другой день по полученіи извѣстія о половинной Демидовской преміи, которою увѣнчано его сочиненіе.

Поблагодаримъ покойнаго за эту почтенную работу, которая останется навсегда памятникомъ его трудолюбія и любви къ Археологическимъ занятіямъ, и помня, что молодому ученому не было еще 25 лѣтъ отъ рода, извинимъ нѣкоторыя поспѣшныя заключенія, нѣкорыя неточныя извѣстія и невѣрные снимки или выписки".

Обращаясь за тѣмъ къ самому издателю, Погодинъ замѣтилъ: „Издатель, знаменитый своими трудами по этой части, исполнилъ свое дѣло какъ нельзя лучше. Попеняемъ ему только, зачѣмъ онъ не дополнилъ описаній новыми изслѣдованіями, напр. Копитара о Словарѣ Греко-Словянскомъ с. III, Ганки и Ястржембскаго о Реймскомъ Евангеліи." (*Москвит.* 1841, № 6).

Преутружденный старецъ Михаилъ Трофимовичь Каченовскій не многимъ пережилъ своего любимаго ученика Сергѣя Строева. По свидѣтельству С. М. Соловьева, онъ окончилъ „труженическую жизнь честнаго человѣка, тихою смертію праведника". Кончина Каченовскаго послѣдовала въ Москвѣ 19-го апрѣля 1842 года (*Біограф. Словарь Профес. Моск. Универс.* I, 403). Я. И. Бередниковъ, оплакивая смерть Каченовскаго, къ которому онъ питалъ съ ранней молодости благоговѣйное чувство уваженія,—писалъ П. М. Строеву, отъ 12-го мая 1842 года, между прочимъ слѣдующее: „Жаль Каченовскаго: ето *послѣдній* исчезнувшій, благородный памятникъ минувшаго времени; представитель ученой и литературной нашей честности; труженикъ на поприщѣ Русской Исторіи, никѣмъ незамѣнимый, предварившій свое время и, по обыкновенію, непонятый современниками и забрызганный грязью клеветниками. Да будетъ миръ его праху: sit eo terra lenis" (*Письма*, II, № 341).

Два года спустя послѣ кончины Каченовскаго, именно въ іюнѣ 1844 года, П., М. Строевъ, послалъ Бередникову недопечатанныя диссертаціи Кочановскаго и Бередниковъ по поводу этой присылки написалъ: „Не знаю какъ и благодарить васъ за присылку. Что съ ними дѣлать? Въ разсужденіи о *Русской Правдѣ* многаго недостаетъ: нельзя ли дополнить его изъ бумагъ покойнаго? Можно допечатать эти разсужденія здѣсь или въ Москвѣ. Если вы согласны и пріобрѣтете на то право отъ родственниковъ, я готовъ былъ бы ети листы даже перепечатать на свой счетъ особою книжкою. Вотъ было бы кстати и полезно: во 1-хъ) какъ антидотъ противнымъ мнѣніямъ, получившимъ сильный перевѣсъ въ пользу норманизма; а во 2-хъ какъ сохраненіе отъ забвенія творческой, въ существѣ своемъ спра-

ведливой, мысли Каченовскаго о началѣ происхожденія Руси. Ето мысль неразвитая, но исторически вѣрная; съ нею въ симпатіи и ей сочувствуетъ каждый, кто глубоко изучалъ нашу Славянскую Исторію; она оправдывается достовѣрными памятниками. Норманизма не приклеешь ко многому, какъ порожденія нѣмецкихъ головъ, и какъ произведенія полузнанія, или, лучше сказать, незнанія многаго, что нужно знать для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса" (*Письма*, II, № 382).

XVIII.

Въ декабрѣ 1840 года, Археографическая Коммиссія доставила Строеву, изданное ею сочиненіе Кошихина *О Россіи при Царѣ Алексіи Михайловичѣ*. Павелъ Михайловичъ, по прочтеніи этого знаменитаго сочиненія, далъ о немъ слѣдующій отзывъ: „Чтеніе сочиненія Кошихина доставило мнѣ несказанное услажденіе. Будучи коротко знакомъ съ этимъ періодомъ, по оставшимся дѣламъ тогдашнихъ приказовъ, особенно Посольскаго, могу сказать, не обинуясь, что эта книга сколько *любопытна*, столько же и *вѣрна*, и даже *очень вѣрна*, въ томъ, что касается до государственаго управленія; есть мѣста истинно классическія. Кошихинъ былъ человѣкъ, какъ видно, умный и притомъ *добросовѣстный* писатель; лжи умышленной я не замѣтилъ нигдѣ. Археографическая Коммиссія сдѣлала великую услугу нашей Исторіи, издавъ ето произведеніе и притомъ очень вѣрно, кромѣ не многихъ погрѣшностей, происшедшихъ, кажется, отъ списывавшаго съ подлинной рукописи.

Теперь остается будущимъ историкамъ воспользоваться этою книгою *какъ должно*; но напередъ необходимо запастись обширными свѣдѣніями изъ дѣлъ архивскихъ всякаго рода, безъ чего многія мѣста останутся почти не вразумительны. Не могу не повторить, что трудъ Котошихина *очень добросовѣстенъ и вѣренъ*; я прочиталъ его два раза и черезъ годъ еще прочитаю" (*А. К.* II, 159).

Извѣстный Профессоръ Московскаго Университета Ѳ. Л. Морошкинъ написалъ въ *Москвитянинѣ* критику на это сочиненіе, въ которой между прочимъ сказалъ: „Не только въ XVIII, но даже въ XIX вѣкѣ едва ли сыщется юридическое сочиненіе, которое бы обиліемъ содержанія, знаніемъ дѣла и чистотою изложенія, могло рав-

няться съ сочиненіемъ подьячаго Кошихина о Россіи. Неоспоримое доказательство той истины, что наши чиновники, со временъ преобразованія, оскудѣли мыслію, расточили силы своей души на снисканіе несвязной массы обширныхъ, но безплодныхъ знаній, и погасили въ себѣ національный духъ вѣдѣнія. Подъячій обнимаетъ всѣ отрасли государственнаго управленія, исключая церковнаго, повѣствуетъ о самыхъ существенныхъ обычаяхъ Русской земли, и бросаетъ смѣлый взглядъ на внутреннее устройство народнаго духа. Онъ не останавливается на одной буквѣ законовъ, но излагаетъ самую сущность отечественныхъ учрежденій, проводитъ рядъ сихъ учрежденій параллельно къ иностраннымъ" (*Москвит.* 1841, № 3, стр. 151, 152). Но эта критика почему-то не понравилась Бередникову и онъ писалъ къ Строеву (отъ 18-го апрѣля): „Какова критика на Кошихина *Θеодора Морошкина*? Какъ етакихъ людей учтивѣе назвать? У насъ называютъ ихъ *мыслителями* (*Письма*, II, № 320)

Но возвратимся къ Строеву. Поиски его въ Московскихъ Архивахъ шли своимъ чередомъ. Въ Разрядномъ Архивѣ при Сенатѣ, онъ открылъ новый источникъ особенно важный „для совершенствуемыхъ" имъ Списковъ Владыкъ и Настоятелей: это *Пошлинныя книги*, въ которыя записывались пошлины съ грамотъ и всякаго рода актовъ, выдававшихся изъ *Приказа Большаго Дворца*. „Этотъ Приказъ",—пишетъ Строевъ къ Князю Ширинскому, отъ 31-го марта 1841 года,—„имѣлъ обширное поле дѣйствій, и пошлинныхъ книгъ его, кромѣ погибшихъ въ разгромѣ 1812 года, считаютъ въ Архивѣ до осмисотъ; онѣ начинаются съ 1613 года, и продолжаются чрезъ все XVII столѣтіе. При учрежденіи, во времена Петра Великаго, *Печатной Конторы* ихъ передали туда; а по упраздненіи ея, въ 1763 году,—въ Архивъ Сенатскій, соединенный послѣ съ Разряднымъ. Такъ въ нынѣшнихъ Архивахъ Московскихъ, книги и дѣла древнихъ Приказовъ закрыты названіями Коллегій и Конторъ, куда онѣ при учрежденіи сихъ были передаваемы, что я почиталъ всѣ ихъ на всегда потерянными; теперь отыскался Приказъ Большаго Дворца, надѣюсь отыщутся и всѣ другіе Приказы. Въ Сенатскихъ Архивахъ таится еще много стараго, по крайней мѣрѣ XVII вѣка; но, какъ я замѣтилъ выше, подъ новыми названіями" (*А. К.* II, 170, 171).

Въ письмѣ, отъ 8-го мая 1841 года, Строевъ обращаетъ вниманіе Князя Ширинскаго на слѣдующее обстоятельство: „Въ 1630 году, Царь Михаилъ, готовясь къ разрыву и войнѣ съ Польшею, возъимѣлъ намѣреніе пригласить изъ иностранныхъ *Лютеранскихъ* земель офицеровъ и рядовыхъ, по найму, и сформировать регулярные полки. Недостатки національной *посохи* были слишкомъ явны въ войнѣ

1610—1612 годовъ. Это намѣреніе Царя и отца его, Патріарха Филарета, было отчасти приведено въ дѣйствіе полковниками Фонъ-Дамомъ и Лесліемъ, *прилучившимися* въ Москвѣ: Нѣмцы были наняты, прибыли въ Москву, участвовали въ Польскомъ походѣ, и потомъ частію остались здѣсь навсегда, частію опять уѣхали за границу. Вотъ *начальная* эпоха образованія регулярнаго войска въ Государствѣ Московскомъ; всѣмъ извѣстно, что Царь Алексѣй, особенно въ послѣдніе годы своего царствованія, имѣлъ уже цѣлые полки *солдатъ* (пѣшіе) и *рейтаръ* (конные), которые хотя и состояли уже изъ Русскихъ, но были образованы Нѣмцами и офицеры были большею-жъ частію Нѣмцы, особенно въ рейтарахъ. Для военной исторіи второй половины XVII вѣка, матеріалы не початы въ Розрядномъ Архивѣ. Петру Великому предоставлено было Провидѣніемъ *преобразованіе* или лучше сказать *дообразованіе* регулярныхъ войскъ въ Россіи, а отнюдь *не начало* ихъ, какъ утверждаютъ новѣйшіе историки на перекоръ документамъ архивскимъ. Такимъ образомъ, важный фактъ 1630 и 1631 годовъ, наемъ Нѣмцовъ и впослѣдствіи образованіе по образцу ихъ и ими регулярныхъ войскъ въ Царствѣ Московскомъ и всея Русіи выясняется дѣлами Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, извѣстными подъ названіемъ *Выѣзды*. Изъ этихъ дѣлъ были напечатаны въ Румянцовскомъ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ (Ч. III, № 81—89, 104) отрывки, безъ связи и не совсѣмъ ясные; самыя же дѣла, въ ноябрѣ 1835 года, по Высочайшему повелѣнію вытребованы изъ Архива г. Вице-Канцлеромъ и послѣ переданы для храненія въ Главный Штабъ. Теперь. когда III-й томъ Актовъ Историческихъ еще не оконченъ, Археографической Коммиссіи нельзя пропустить столь важнаго факта (какъ сказано выше) и необходимо, просмотрѣвъ въ Главномъ Штабѣ означенныя дѣла, напечатать изъ нихъ все недостающее для полноты и ясности отрывковъ, помѣщенныхъ въ Румянцовскомъ Собраніи“ (*А. К.* II, 185 на об. 186).

Вслѣдствіе этого письма Строева, Министръ Народнаго Просвѣщенія входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору, относительно пересмотра хранящихся въ Генеральномъ Штабѣ дѣлъ, и трудъ этотъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ возложенъ на капитана Висковатаго, занимавшагося историческимъ описаніемъ нашихъ войскъ (*А. К.* II, 245).

Продолжая занятія свои въ Разрядомъ Архивѣ, Строевъ открылъ тамъ „нѣчто подобное Выходнымъ книгамъ или, лучше сказать, Дворцовымъ запискамъ. Это записныя книги Московскаго стола, бывшаго

Разряднаго Приказа. Онѣ очень пострадали въ 1812 году, и только малая часть уцѣлѣла“ (*А. К.* II, 295).

Не изъ однихъ архивовъ извлекалъ Строевъ источники нашей Исторіи. Многолѣтнія сношенія его со всевозможными антикваріями, также давали обильную пищу его „Археографическому любостяжанію“. Такъ, еще въ 1840 году, онъ извѣщалъ Князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, что ему принесъ одинъ торговецъ старины цѣлый ворохъ старыхъ тетрадей и столбцевъ. Тутъ оказалась изрядная коллекція актовъ нашихъ сѣверныхъ монастырей и, между прочимъ, нѣсколько актовъ, относящихся до извѣстнаго Соловецкаго мятежа, о которомъ, по замѣчанію Строева, „кромѣ пристрастной *Исторіи Отцевъ Соловецкихъ*, извѣстнаго Симеона Денисова, мы почти ничего не знаемъ, тогда какъ многолѣтняя осада Соловецкаго монастыря—фактъ очень важный въ исторіи церковной XVII вѣка“ (*А. К.* II, 104).

Весьма странно, что Бередниковъ, которому Коммиссія поручила разсмотрѣть присланные Строевымъ Соловецкіе акты, призналъ ихъ *не важными*. Строевъ, получивъ изъ Коммиссіи отпечатанные листы IV и V томовъ актовъ Историческихъ *), и увидѣвъ, что доставленные имъ Соловецкіе акты отпечатаны не вполнѣ, жаловался Князю Ширинскому на редакторовъ этихъ томовъ: „Напрасно“, пишетъ онъ, „господамъ редакторамъ не угодно было помѣстить очень многихъ актовъ, доставленныхъ отъ меня въ разное время: въ особенности вмѣняю себѣ въ обязанность вступиться за коллекцію, относящуюся къ многолѣтней (въ 1668 — 75 г.) осадѣ Соловецкаго монастыря, которую я отправилъ въ Коммиссію 1-го апрѣля 1840 года; тамъ было сорокъ актовъ, а помѣщено два или три. Упорство Соловецкихъ монаховъ есть важный фактъ въ церковной исторіи XVII вѣка, а долговременная осада монастыря была до сихъ поръ вещь загадочная. Получивъ, по благопріятному случаю, Сборникъ всѣхъ актовъ Соловецкихъ того времени, которыхъ нѣтъ и въ самомъ Архивѣ монастыря, я не полѣнился выписать изъ него *все* любопытное и *масса* етихъ выписокъ представила дѣло въ ясномъ свѣтѣ и во всѣхъ подробностяхъ; а гг. редакторы, помѣстивъ только два или три акта, и то на удачу, оставили его (т. е. дѣло обороны Соловецкихъ иноковъ) въ прежнемъ мракѣ. Между тѣмъ, въ обоихъ томахъ включено столько мелочнаго и маловажнаго, что на напечатаніе Соловецкихъ актовъ, по моему мнѣнію, не слѣдовало бы жалѣть бумаги. Не угодно-ли будетъ Вашему Сіятельству приказать: присланные отъ меня

---

*) Редакторами этихъ томовъ были М. А. Коркуновъ и О. Протоіерей Іоаннъ Григоровичь.

акты Соловецкіе, не говорю о другихъ, напечатать въ прибавленіи всѣ *сполна*; я увѣренъ, что будущій историкъ XVII вѣка, поблагодаритъ за то Археографическую Коммиссію. Вообще, я не посылаю и не смѣю посылать ничего такого, что не имѣетъ положительнаго *интереса* въ какомъ нибудь отношеніи; стоитъ только *усмотрѣть* етотъ интересъ, иногда нѣсколько скрытый. Я просилъ бы гг. Редакторовъ имѣть совершенное довѣріе къ моей опытности, пріобрѣтенной двадцатипятилѣтнею безпрерывною дѣятельностію, и не слишкомъ браковать присылаемые мною акты; иначе невольнымъ образомъ можно охладить самое жаркое усердіе" (*А. К.* III, 55). Письмо это было прочитано въ засѣданіи Археографической Коммиссіи 23-го іюня 1842 года. Вслѣдъ затѣмъ, Коммиссіи было предъявлено слѣдующее объясненіе Главнаго Редактора Государственныхъ Актовъ О. Протоіерея Іоанна Григоровича: „Прочитавъ со вниманіемъ донесеніе г. Строева, долгомъ поставляю представить Археографической Коммиссіи въ оправданіе свое: 1) Присланные отъ П. М. Строева акты, относящіеся къ осадѣ Соловецкаго монастыря (1668—1675), по множеству матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ тома IV-го отложены редакціею для помѣщенія въ Дополненіяхъ; впрочемъ, изъ этой коллекціи, составляющей цѣлое и при томъ огромное дѣло, ни одинъ актъ не отдѣленъ для IV-го тома, но всѣ, числомъ 40 или болѣе, переданы мною, въ свое время, М. А. Коркунову, на котораго возложено приготовленіе къ изданію Дополненій. 2) Что же касается до того, что въ IV-мъ томѣ напечатаны нѣкоторые документы, по мнѣнію г. Строева, маловажнаго содержанія, на сіе нужнымъ считаю замѣтить, что тамъ помѣщены только тѣ акты, которые угодно было Коммиссіи одобрить къ напечатанію; и хотя нѣкоторые могутъ казаться мелочными, но объ нихъ также можно сказать, что они имѣютъ интересъ, иногда нѣсколько скрытый" (*Прот.* 124-й). Князь Ширинскій не замедлилъ отписать Строеву: „Акты Соловецкіе напечатаются въ *Дополненіяхъ*, и впредь присылаемые, по разсмотрѣніи Коммиссіи, и полагаясь на вашъ выборъ, будутъ помѣщаемы въ изданіяхъ ея. Къ сему Коммиссія не излишнимъ считаетъ присовокупить, что доставленныя вами прежде грамоты, кромѣ документовъ объ осадѣ Соловецкаго монастыря и тѣхъ, которые не одобрены къ печатанію Духовною Цензурою, всѣ безъ исключенія помѣщены въ Актахъ Историческихъ" (*А. К.* III, 69).

Между тѣмъ, Бередниковъ, по поводу тѣхъ же Соловецкихъ актовъ, которые онъ считалъ *не важными*, писалъ къ Строеву слѣдующее: „По извѣщенію вашему о недостаткахъ изданія IV и V томовъ Актовъ Историческихъ, я потребовалъ печатный оригиналъ къ себѣ —

и чтожъ нашелъ? Цѣлая тетрадь вашихъ Соловецкихъ актовъ не напечатана и много пропущено актовъ, относящихся къ другимъ коллекціямъ. При етомъ я замѣтилъ еще такой грѣхъ, за который попъ подлежитъ примѣрному наказанію... На Соловецкихъ актахъ, списанныхъ вами, но не напечатанныхъ, находятся поправки карандашемъ, сдѣланныя его рукою; въ двухъ или трехъ мѣстахъ измѣнены знаки препинанія, а въ одномъ даже подновленъ слогъ. Въ грамотѣ (№ 1) 1668 года апрѣля 5-го, сказано: „изъ той монастырской службы... кормить и на обувь и на одежду... по надобно давать"; — подновлено: „на той монастырской службѣ" и пр. Впрочемъ, ета единственная поправка на вашей тетради, а на другихъ еще нѣкоторыя. Скажите, ради Бога, какое понятіе етотъ человѣкъ составилъ себѣ объ Археологіи? Поправляетъ древній текстъ, потому что такъ не писали въ семинаріяхъ, и потому что древнее выраженіе не согласуется съ новѣйшими грамматическими выводами бывшей Россійской Академіи, Греча, Востокова, и пр. Каковъ Археологъ? По доведеніи объ етомъ до свѣденія Князя, онъ приказалъ: Соловецкіе акты напечатать въ *Дополненіяхъ*; впредь же всѣ, поступающіе отъ васъ акты, подвергать разсмотрѣнію Коммиссіи и безъ собственнаго ея разрѣшенія не исключать. Еще до полученія вашего письма сдѣлано распоряженіе, чтобы впредь попъ занимался Литовскою метрикою. *Дополненія* я взялъ подъ свое наблюденіе; печатать ихъ будетъ *Абдеритъ* (Коркуновъ). Я давно примѣчалъ продѣлки попа, подновлявшаго старинный слогъ и дѣлавшаго другія *непростительныя* вещи; а потому радехонекъ, что онъ оставилъ въ покоѣ Русскія грамоты— давно родныя намъ и составляющія любимый предметъ нашъ. *На основаніи сего*, не безпокойтесь и не разстроивайтесь! Въ нынѣшнее время плуты и дураки не оторвутъ намъ головы; а когда наступитъ хотя малая опасность, я подамъ вамъ сигналъ" (*Письма*, II, № 342).

Мы вполнѣ убѣждены, что достопочтенный Протоіерей Григоровичь, и по своимъ нравственнымъ качествамъ, и ученымъ заслугамъ, не нуждается въ нашемъ оправданіи; но для объясненія источника негодованія на него Бередникова, считаемъ нужнымъ указать на черту его характера, отмѣченную еще покойнымъ С. М. Строевымъ: *Бередниковъ хотѣлъ бы все сдѣлать одинъ и ему досадно видѣть, что и другіе способны работать.* Протоіерей Григоровичь, при самомъ вступленіи своемъ въ Коммиссію, снискалъ отъ всѣхъ своихъ сочленовъ любовь и уваженіе. По свидѣтельству С. М. Строева, „Отецъ Протоіерей былъ прекрасный человѣкъ, очень трудолюбивый, безъ затѣй" (*Письма*, II, № 294).

Теперь, по поводу названія *Абдерита*, даннаго Бередниковымъ

почтенному Коркунову. Строеву понадобились однажды выписка изъ Лѣтописи о монастырѣ Св. Иліи. Съ этимъ онъ обратился къ Бередникову, который, по болѣзни, не выходя изъ дома, поручилъ ее сдѣлать Коркунову. Увѣдомляя объ этомъ Строева, Бередниковъ писалъ, между прочимъ: „на Коркунова нельзя положиться: онъ небреженъ и еслибы былъ древнимъ Грекомъ, то родился бы въ Абдерѣ“ (*Письма*, II, № 341). Извѣстно, что городъ Абдеры у Древнихъ имѣлъ очень дурную славу: на него смотрѣли, какъ на всегдашнее мѣстопребываніе легкомыслія и глупости, и имя его вошло въ пословицу.

Чтобы заглушить въ читателяхъ непріятное чувство, производимое напраснымъ злословіемъ Бередникова, остановимъ вниманіе ихъ на радостномъ извѣщеніи Строева о появленіи на поприщѣ Археологіи Ивана Егоровича Забѣлина, извѣстнаго, впослѣдствіи автора *Быта нашихъ Царей и Царицъ*. Въ письмѣ, отъ 1-го іюня, Строевъ пишетъ о немъ къ Князю Ширинскому слѣдующее: „Я почти завербовалъ одного молодаго человѣка трудиться вмѣстѣ со мною надъ выписками для Археографической Коммиссіи. Онъ имѣетъ уже столько знаній и навыка въ дѣлѣ археографическомъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ мѣстѣ его службы, притомъ столько прилеженъ и любознателенъ, что я не обинуясь предвижу въ немъ отличнаго археолога. Его можно будетъ принять въ чиновники Археографической Коммиссіи и прикомандировать ко мнѣ; но это, кажется, едва-ли возможно прежде, нежели онъ получитъ чинъ коллежскаго регистратора, къ которому представленъ начальствомъ еще въ сентябрѣ. Въ свое время не примину ходатайствовать предъ Вашимъ Сіятельствомъ о семъ достойномъ чиновникѣ, съ которымъ надѣюсь сдѣлать въ здѣшнихъ архивахъ счастливые поиски“ (*А. К.* III, 55 об. 56). Радостнымъ привѣтствіемъ откликнулся на это извѣщеніе даже Бередниковъ: „Радуюсь появленію на поприщѣ свѣта молодаго, вами открытаго археолога. Подобныя явленія бываютъ только въ Москвѣ: изъ вашей школы можетъ выйти нѣчто очень порядочное. Свѣтильникъ Русской Археологіи когда-то зажженъ былъ у васъ въ Москвѣ, и съ тѣхъ поръ передается изъ рукъ въ руки; надобно только, чтобы руки были *чистыя*. Мы когда-то говорили съ вами объ этомъ, и вы, конечно, знаете, что мнѣ извѣстны происхожденіе и ходъ Русской Археологіи, созданной не Нѣмцами и которая ничѣмъ не обязана и Погодину съ братіею. Нынѣшнихъ археологовъ я раздѣляю на слѣдующіе классы, исключая Востокова, который ни къ какому не принадлежитъ; а) на добросовѣстныхъ, но незнающихъ азбуки; б) шарлатановъ, имѣющихъ *злохудожную* душу; в) шарлатановъ тщеславныхъ. Напримѣръ, од-

нажды, одинъ изъ таковыхъ (*Устряловъ*), съ ученою важностью, надувшись какъ лягушка, по порученію ученаго общества, разсматривалъ старинный крестикъ (довольно примѣчательный, съ историческими явными для знатока датами) и чтожъ отвѣчалъ? Подивитесь: „поелику де на семъ древнемъ крестѣ года не означено, то и нельзя опредѣлить къ какому именно времени онъ относится; впрочемъ, крестикъ довольно любопытенъ и можетъ храниться вмѣстѣ съ другими рѣдкостями“. Вотъ подлинно ученое объясненіе! И сей мужъ сидитъ на сѣдалищѣ учителей, произведенъ на дняхъ въ екстраординарные и, конечно, будетъ главою Русской Исторіи въ Академіи. О tempora, o mores! (*Письма,* II, об. 342).

Еще въ 1841 году, въ Археографической Коммиссіи возникла мысль образовать нѣчто въ родѣ Археографической Экспедиціи, которой дѣйствія были бы обращены исключительно на Московскіе Архивы. Возникновенію этой мысли, само собою разумѣется, способствовали донесенія П. М. Строева. И вотъ, 15-го іюня 1841 года, Я. И. Бередниковъ пишетъ Строеву: „Что бы вамъ разсмотрѣть сенатскіе архивы такъ, какъ нѣкогда монастырскіе. Я увѣренъ, что вы совершили бы подвигъ не менѣе того, какой совершенъ въ бывшую Экспедицію. Право, *акты* первый матеріалъ историческій; чѣмъ ихъ больше, тѣмъ больше свѣта... Посмотрите, какъ иногда одинъ актъ освѣщаетъ темноту, какіе лучи бросаетъ вокругъ себя... Мы съ вами въ етомъ увѣрены. Вотъ что говоритъ объ Актахъ (Urkunde) Ранке: *Я вижу, наступитъ время, когда Исторію перестанутъ основывать на извѣстіяхъ современныхъ писателей, если только ети извѣстія не почерпнуты ими изъ оригинальныхъ источниковъ, но станутъ составлять ее изъ сказаній очевидцевъ и изъ подлинныхъ документовъ.* — Еще: *Не жалѣйте о томъ, кто занимается етимъ, по видимому, сухимъ трудомъ (Архивскою работою) и отъ того лишаетъ себя въ жизни нѣкоторыхъ наслажденій... Правда, етѣ бумаги мертвы; но въ нихъ тлѣетъ остатокъ жизни. Смотрите пристальнѣе: изъ нихъ возрождается жизнь столѣтій.* Не правда ли, сказано вѣрно, и мы съ вами чувствуемъ ето болѣе, чѣмъ кто нибудь?.. Рѣшитесь на мое предложеніе. Представьте проектъ, какъ нѣкогда объ учрежденіи Археографической Експедиціи... Коммиссія должна будетъ дать вамъ вознагражденіе и сотрудника, т. е. писца“ (*Письма,* II, № 322).

Я. И. Бередниковъ не переставалъ настаивать въ этомъ дѣлѣ, и когда узналъ, что Строевъ собирается въ Петербургъ, писалъ ему, отъ 28-го января 1842 года. „Привезите съ собою проектъ о разборѣ Московскихъ Архивовъ: здѣсь на это согласится, а—вамъ без-

смертная слава". А въ другомъ письмѣ, отъ 18-го іюня: „Не выпускайте изъ головы Московской Археографической Експедиціи. Посмотрите какія вещи, и какъ грубо обходится съ ними Ивановъ въ *Описаніи Разряднаго Архива*" (*Письма*, II, № 333 и 342). Бередниковъ представилъ даже въ Археографическую Коммиссію свое особое мнѣніе, объ осмотрѣ Московскихъ Архивовъ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ поручить исполненіе этого дѣла Строеву, но С. С. Уваровъ далъ на это слѣдующую резолюцію: „Я не думаю, чтобъ г. Строевъ могъ одинъ исполнить это порученіе и едва-ли возмется онъ за этотъ трудъ" (*Прот.* 120). Археографическая Коммиссія послала Строеву запросъ: согласенъ ли онъ принять на себя это порученіе и какія нужны ему для этого средства (*А. К.* III, стр. 110 — 113). На это Павелъ Михайловичъ отвѣтилъ: „И я съ моей стороны могу удостовѣрить, что изъ Московскихъ Архивовъ можно извлечь очень многое, и принять на себя ето порученіе готовъ; но теперь, къ сожалѣнію, не тѣ обстоятельства, какія благопріятствовали мнѣ во время бывшей Археографической Експедиціи. Силы мои слабѣютъ, семейство умножилось и выросло, доходовъ достаетъ только на половину необходимаго содержанія, остальное я принужденъ добывать работами приватными: принявъ на себя порученіе Коммиссіи, отъ сихъ послѣднихъ должно отказаться. По таковымъ прачинамъ осмѣливаюсь представить слѣдующія рѣшительныя условія; 1) Независимо отъ получаемой мною пенсіи, какъ награды за прежніе труды и прежнюю службу, должно назначить мнѣ жалованье по 500 р. с. въ годъ и 150 руб. ежегодныхъ, на письменныя принадлежности, почтовые расходы и извощиковъ, потому что я живу довольно отдаленно отъ архивовъ. 2) При мнѣ состоять двумъ чиновникамъ или писцамъ; одного прислать изъ С. Петербурга, другимъ можетъ быть служащій въ Оружейной Палатѣ г. Забѣлинъ, о которомъ я упоминалъ: онъ соглашается на 250 р. с. ежегоднаго жалованья" (*А. К.* III, 116). Одновременно съ запросомъ отъ Археографической Коммиссіи, Строевъ получилъ письмо отъ Бередникова, который умолялъ его закончить „великій проектъ собранія и изданія полнаго *Русскаго Дипломатаріума*. Безъ васъ", пишетъ далѣе Бередниковъ, „ето останется неисполненнымъ, можетъ быть, на цѣлое столѣтіе. Будьте нашимъ Монфокономъ" (*Письма*, II, № 350).

Археографическая Коммиссія, полагаясь „на извѣстную опытность Строева въ Русской Археографіи", согласилась на его условія; но спрашивала его: когда именно онъ можетъ приступить къ полному осмотру Московскихъ Архивовъ? Строевъ отвѣчалъ: „По должномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, имѣю честь отвѣтствовать, что къ

исполненію сего предпріятія можно приступить немедленно; но такъ какъ Московскіе архивы зимою не отопляются и у меня нѣтъ еще помощниковъ, то работать одному было бы слишкомъ трудно и неуспѣшно, а гораздо лучше отложить до будущаго марта. Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что въ исходѣ февраля, весьма не безполезно было бы вызвать меня въ С. Петербургъ; находясь лично въ Коммиссіи, я содѣйствовалъ бы къ устройству сего предпріятія, огромнаго и несравненно труднѣйшаго бывшей Археографической Експедиціи по разнымъ отношеніямъ, — гораздо успѣшнѣе, нежели чрезъ письменные отвѣты“ (*А. К.* III, 125).

Когда Князь Ширинскій доложилъ Уварову о содержаніи этого письма, послѣдній поручилъ сообщить Строеву, что онъ „находитъ, въ настоящее время, неудобнымъ приступить къ подробному осмотру Московскихъ Архивовъ и по тому уваженію, что этотъ трудъ можетъ отвлечь Строева отъ теперешнихъ занятій по составленію Указателя и Предисловія къ Выходнымъ книгамъ Царей и замедлитъ выпускъ въ свѣтъ сего изданія, и что потому всѣ распоряженія о предположенномъ осмотрѣ Московскихъ Архивовъ, г. Министръ приказалъ отложить впредь до окончательнаго отпечатанія Выходныхъ Книгъ Царей“ *) (*А. К.* III, 129). Въ апрѣлѣ 1843 года, Строевъ былъ въ Петербургѣ и убѣдился, что дѣло о разборѣ Московскихъ Архивовъ есть ничто иное „какъ пуфъ“ (*Вх.* и *Исх.* II, 193 об.). А между тѣмъ, Бередниковъ, и за симъ, продолжалъ толковать ему о Московской Экспедиціи: „Проектъ о Московской Коммиссіи, подъ вѣдѣніемъ вашимъ (писалъ онъ Строеву въ концѣ 1843 года) отнюдь не оставленъ; о предварительныхъ предположеніяхъ, по этому случаю, доведено до свѣдѣнія Государя въ *Отчетѣ* за прошедшій годъ. Когда пріѣдете въ Петербургъ, проэктъ етотъ, съ согласія вашего, будетъ приведенъ въ исполненіе. Я докладывалъ Князю и пишу вамъ съ его словъ. Ваши будущіе Московскіе поиски должны издаваться особо, въ видѣ отдѣльнаго Дипломатарія, и, мнѣ казалось бы, подъ вашимъ вѣдѣніемъ“ (*Письма*, II, № 374).

Въ апрѣлѣ 1843 года, къ Строеву былъ прикомандированъ, для занятій въ Московскихъ Архивахъ, чиновникъ Археографической Коммиссіи Николай Васильевичъ Калачовъ, оказавшій впослѣдствіи столько услугъ Русской Археологіи. Окончивъ, въ 1840 году, курсъ въ Московскомъ Университетѣ, Николай Васильевичъ, по рекомендаціи М. П. Погодина, былъ опредѣленъ С. С. Уваровымъ въ Археографическую Коммиссію. Полученное въ Университетѣ „направленіе къ историко-

*) Объ этомъ трудѣ Строева, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

юридическимъ наукамъ“, побуждало Калачова продолжать начатыя теоретическія занятія по этой части. Разбирая древніе Русскіе памятники, онъ сталъ въ то же время готовиться для полученія степени магистра по юридическому факультету. Для этой цѣли Калачовъ въ 1843 году, поѣхалъ въ Москву и оттуда подалъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія прошеніе, объ откомандированіи его въ Москву къ П. М. Строеву, для занятій въ тамошнихъ архивахъ. Начальство нашло возможнымъ исполнить просьбу Калачова и вмѣстѣ съ тѣмъ отношеніемъ, отъ 6-го апрѣля 1843 года, увѣдомило Строева, что „находящійся нынѣ въ отпуску въ Москвѣ, чиновникъ Археографической Коммиссіи коллежскій секретарь Калачовъ, съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, откомандированъ къ нему для занятій, по усмотрѣнію его, въ Московскихъ Архивахъ“ (*Біограф. Слов.* I, 368; *А. К.* III, 145, 148 об.) Посѣдѣлый въ дѣлахъ Археографіи, Строевъ установилъ на первыхъ же порахъ самыя добрыя отношенія къ юному Археографу, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившееся въ бумагахъ Павла Михайловича письмо къ нему отъ бывшаго сослуживца Калачова, Н. В. Елагина, писанное 25-го сентября 1843 года: „Непредвидѣнныя обстоятельства — смерть отца и продолжительная болѣзнь матери—заставили *Н. В. Калачова*, противъ желанія, оставить службу и лишиться въ васъ добраго начальника, не смотря на всѣ облегченія, которыя вамъ угодно было, по расположенію къ намъ, допустить для устройства семейныхъ дѣлъ бывшаго товарища моего. Я вмѣстѣ съ нимъ, считаемъ долгомъ, не въ первый разъ, сказать предъ вами искренюю благодарность за готовность, удостовѣренную опытомъ, содѣйствовать прежнимъ видамъ г. Калачова, чтобы оставаться на службѣ въ Москвѣ“ (*Письма,* II, 367).

Намъ пріятно внести этотъ фактъ, пропущенный въ біографіи Н. В. Калачова, помѣщенной въ *Біографическомъ Словарѣ Профессоровъ* и *Преподавателей Императорскаго Московскаго Университета. М.* 1855 г. I, 366—374.

XIX.

Еще до выхода въ свѣтъ третьяго тома Полнаго Собранія Русскимъ Лѣтописей, Главный Редакторъ этого изданія Я. И. Бередниковъ забилъ тревогу по поводу могущихъ быть нападковъ на него

со стороны современной журналистики. Особенное вниманіе Редактора устремлено было на *Москвитянинъ* только что основанный, въ 1841 году, М. П. Погодинымъ. Отъ 18-го апрѣля этого года, Бередниковъ писалъ Строеву: „Читалъ *Москвитянинъ*, и сердцемъ сокрушался. Угадываю пресловутаго Антикварія Профессора, которому ненравится издатель Русскихъ Лѣтописей. *Онъ* виноватъ, а не изданіе. Будь издатель *ихъ прихода*, дѣло пошло бы совсѣмъ иначе: А. А. Орлова съ братіею (предположимъ, что издатель былъ бы также глупъ), въ нужномъ случаѣ, выдали бы за Монфокона. Я тружусь изъ всѣхъ силъ, а гроза виситъ надъ головой. Таково наше время! tales mores! Знаю, что эти цѣнители нынче *очень сильны*. Я, однакожъ, въ свое время, попрошу начальство отобрать мнѣніе объ изданіи Лѣтописей отъ такихъ судей, которые въ етомъ дѣлѣ посмышленнѣе гг. Погодина и Шевырева... Главное: надо подружиться съ журналистами; а у меня на ето недостаетъ духу. Да *мы* же Полеваго не сдѣлали членомъ, а онъ подавалъ формальную просьбу Министру. Жди бѣды, со всѣхъ сторонъ, какъ выдетъ третій томъ Русскихъ Лѣтописей“ (*Письма*, II, 320); А въ другомъ письмѣ, посланномъ 18-го іюня того же года, т. е. послѣ того какъ вышелъ въ свѣтъ третій томъ Лѣтописей, Бередниковъ пишетъ: „Московскіе злые языки, изъ которыхъ на одного вы мнѣ намекнули, конечно, изощрятъ свое жало и постараются, при семъ удобномъ случаѣ, зачернить и уничтожить мой трудъ. Я на ето имѣю доказательства и знаю кто мои доброжелатели: голосъ ихъ нынче силенъ, сѣти раскинуты далеко. Защитите отъ нихъ въ случаѣ нужды: если вашего мнѣнія не уважатъ, то кому же повѣрятъ? Разсмотрите изданіе и скажите, по совѣсти, что̀ вы думаете о немъ. Етотъ томъ *первый опытъ въ дѣлѣ еще новомъ и трудномъ*. Разумѣю систематическое изданіе Лѣтописей въ полномъ ихъ составѣ; впередъ буду смышленѣе. Не откажите признать, что тутъ труда много и нѣсколько умѣнья, т. е. поболѣе, чѣмъ у Полеваго и Погодина съ братіею. Семейство мое отправилось, на лѣто, въ Тихвинъ. Дѣти зачахли въ здѣшней сырости и духотѣ. Живу отшельникомъ“. (*Письма*, II, № 322). Тревога и опасенія Бередникова объясняются слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ описываемое время, Уваровъ предложилъ М. П. Погодину занять мѣсто директора своей министерской канцеляріи. По поводу этого предложенія, Погодинъ написалъ Уварову огромное письмо, отъ 28-го февраля 1841 года, которое начинается словами: „Такъ угодно Богу, я рѣшаюсь“. Въ этомъ письмѣ, Погодинъ, „въ образчикъ своей искренности“, говоритъ, между прочимъ: „Какъ вашъ директоръ, какъ охранитель вашей истинной славы, я не буду допускать грубой лести, которую вы иногда допускаете до себя, вслѣдствіе пылкости

характера. Я не могу одобрить въ этомъ отношеніи многихъ донесеній въ протоколахъ Археографической Коммиссіи, исполненныхъ шарлатанства, слишкомъ непріятнаго для ученыхъ и знатоковъ, помрачающаго ея труды, истинно дѣльные и полезные. Я не понялъ, что вы изволили сказать мнѣ объ ней. Быть ея предсѣдателемъ я считаю себя въ полномъ правѣ, и гораздо тверже убѣжденъ въ пользѣ моего предсѣдательства, чѣмъ директорства, если Князь Ширинскій обременяется этою несогласною съ его занятіями должностію. Если же нѣтъ, то я могу назваться первенствующимъ членомъ, товарищемъ предсѣдателя, директоромъ или какъ угодно. . Помѣщеніе мое въ Коммиссіи подъ какимъ нибудь *особеннымъ* титуломъ необходимо для меня въ отношеніи къ публикѣ, и, каюсь въ моей слабости, въ отношеніи къ моимъ врагамъ, которымъ тяжело было бъ для меня дать предлогъ къ обвиненію, хоть и ложному, въ измѣнѣ Исторіи". Изъ этого письма, по совершенно справедливому замѣчанію самого Погодина, Министръ увидѣлъ, разумѣется, что онъ хочетъ быть его *совѣтникомъ и даже нянькою*; между тѣмъ, Уваровъ хотѣлъ найти въ немъ *только вѣрнаго, безпрекословнаго и способнаго исполнителя его распоряженій и выразителя его мыслей.* Отсюда понятно, что Уваровъ въ отвѣтномъ письмѣ, отъ 14-го марта, представилъ Погодину затрудненія въ исполненіи его желанія. Что же касается до Археографической Коммиссіи, то Уваровъ въ этомъ письмѣ говоритъ: „Археографическая Коммиссія состоитъ, по учрежденію, изъ предсѣдателя и членовъ. Съ самаго начала, Князь Шихматовъ занимаетъ должность предсѣдателя къ полному моему удовольствію и съ неутомимымъ усердіемъ къ успѣхамъ Коммиссіи, къ успѣхамъ, доказаннымъ трудами Коммиссіи, извѣстными публикѣ и самому Государю. Въ Коммиссіи предлагалъ я вамъ быть членомъ. Я не имѣю ни права, ни прямаго побужденія учреждать въ оной новыя званія, коими моглибы оскорбиться прежніе члены, и тѣмъ нарушиться согласіе между ними водворенное; да и самое вступленіе ваше въ Коммиссію встрѣтили бы, вѣроятно, для васъ самихъ много частныхъ непріятностей (коихъ я не могъ бы даже отвратить), еслибъ вы сначала явились не въ качествѣ члена, а съ какимъ-то особымъ, доселѣ не бывалымъ званіемъ. Genus irritabile не только *поэтовъ*, какъ говоритъ Горацій, но даже и *антикварієвъ*". На это Погодинъ отвѣчалъ: „Я желалъ только невозвратно и безъ помѣхи пользоваться матеріалами Коммиссіи. Объ особомъ титулѣ упомянулъ относительно. Впрочемъ, такимъ титломъ обидѣться не кому: какъ профессоръ, съ двадцати лѣтнею службою по этой части, и сотнею напечатанныхъ разсужденій,

я старше всѣхъ ея членовъ *), которые извѣстны только какъ издатели" (*Русск. Арх.*, 1871 г., стр. 2083, 2090, 2091, 2094).

Въ то самое время, когда шли эти любопытные переговоры, Князь Ширинскій увѣдомлялъ (отъ 30-го мая 1841 г.) П. М. Строева о намѣреніи С. С. Уварова отправиться въ Москву. По поводу этихъ обычныхъ лѣтнихъ поѣздокъ Уварова, Погодинъ помѣстилъ слѣдующую замѣтку въ № 8-мъ *Москвитянина* за 1841 годъ: „Министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ проѣзжаетъ почти ежегодно черезъ Москву, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ свой Тускулумъ, село Порѣчье, Можайскаго уѣзда, отдыхать отъ трудовъ государственныхъ, среди любезной ему древности, въ обществѣ представителей Классической Словесности, которые находятся въ его библіотекѣ въ такомъ собраніи, какихъ мало въ Европѣ. Впрочемъ и Русская Словесность и Русская Исторія въ Москвѣ, получаетъ отъ него, впродолженіе этого проѣзда, ободреніе и оживленіе: г. Кубаревъ посвятилъ ему свое изслѣдованіе о Несторѣ и его сочиненіяхъ; г. Дубенскій Услѣдованіе о Словѣ о́ Полку Игоревѣ; г. Тромонинъ Очерки съ примѣчательныхъ произведеній искусства, преимущественно русскаго. Всѣ эти труды выйдутъ вскорѣ въ свѣтъ. Профессоръ Русской Исторіи и Редакторъ *Москвитянина* Погодинъ отправленъ въ ученое путешествіе по сѣверной части Россіи. При изслѣдованіяхъ о Новгородскомъ княжествѣ, ему нужно было обозрѣть сѣверные его предѣлы. Сверхъ того онъ имѣлъ нѣсколько другихъ цѣлей, о коихъ извѣщено будетъ впослѣдствіи. Вообще сѣверная часть Европейской Россіи, наименѣе подверженная вліянію Татарскому и Польскому, а равно и нововведеніямъ такъ называемой Европейской цивилизаціи, безъ фабрикъ и военныхъ постоевъ, должна представить наблюдателю много любопытныхъ наблюденій" (*Моск*., 1841 г. № 8).

Въ тоже лѣто 1841 года, въ Москвѣ, имѣлъ свиданіе съ Уваровымъ и П. М. Строевъ, о чемъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма Бередникова, отъ 13-го августа 1841 г.: „Покорнѣйше благодарю васъ за пріятнѣйшее письмо, отъ 2-го іюля, и за сообщеніе Московскихъ вѣстей. Меня крайне утѣшила бесѣда ваша съ Министромъ; но мнѣ нужна была

---

*) Не можемъ понять: какимъ счетомъ руководствовался М. П. Погодинъ, признавая себя *старше* всѣмъ членовъ Археографической Коммиссіи? Мы же знаемъ только, что русской Исторіи онъ первоначально учился по учебнику П. М. Строева, изданному въ 1814 году; а когда Погодинъ былъ еще гимназистомъ (1814—1818), Строевъ, по порученію Государственнаго Канцлера, уже въ качествѣ Археографа путешествовалъ по монастырямъ, открывалъ и издавалъ знаменитые памятники нашей Древности.

бы помощь ваша противъ *литературныхъ враговъ*, въ томъ отношеніи, что ваше мнѣніе, какъ знатока, имѣетъ особенный вѣсъ. Изданія наши поднесены Министромъ Государю Императору и удостоились Высочайшаго одобренія". Подъ *литературными врагами* Бередниковъ разумѣлъ, конечно, Погодина, о которомъ въ томъ же письмѣ говоритъ: „Погодинъ ѣдетъ на Сѣверъ, повѣрять дѣйствія Археографической Експедиціи: желаю ему успѣха. Нынче онъ кричитъ громко, и можетъ кричать, потому что *его слушаютъ*" (*Письма*, II, № 326). Бередниковъ не ошибся. Погодинъ, по его выраженію, „изощрилъ свое жало" и написалъ злую критику на третій томъ Полнаго Собранія русскихъ Лѣтописей; но критика эта, написанная въ 1841 году, для *Москвитянина*, увидѣла свѣтъ не ранѣе 1857 года, въ *Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ*. Въ примѣчаніи Погодинъ ограничился только слѣдующимъ краткимъ объясненіемъ: „Слѣдующее мнѣніе объ изданіи написано было мною въ томъ же году, т. е. 1841, но не напечатано было по особымъ обстоятельствамъ, о коихъ когда нибудь послѣ" (*Изв.* т. VI. в. III, 1857, стр. 209).

Между тѣмъ, Бередниковъ, окончивъ изданіемъ Новгородскія Лѣтописи, вошедшія въ изданный имъ III-й томъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, приступилъ къ Ипатіевской Лѣтописи, которая должна была составить II-й томъ Собранія. „Я занимаюсь"—писалъ Бередниковъ къ Строеву, отъ 16-го декабря 1841 года,—„приготовленіемъ къ изданію Ипатіевской Лѣтописи... Манускриптъ Анастасевича не служитъ ни къ чему; да я не заглядываю въ него. Въ немъ правописаніе графическое, въ родѣ снимка съ *Ипатіевскаго*; а варіанты воспроизведеніе *Хлѣбниковскаго* и *Ермолаевскаго* списковъ. Послѣдній списокъ дрянной... Такъ *дѣлали* дѣды и отцы наши; но въ етомъ большаго толку не вижу, вѣдь и у меня въ рукахъ тѣ же списки. Къ чему снимокъ Анастасевича, когда я гляжу въ подлинники? Ревизіи текста, примѣчаній, объясненій, даже знаковъ препинанія, нѣтъ: Анастасевичь идолопоклонствовалъ буквамъ. Я исполняю заповѣдь: не сотвори себѣ кумира. У насъ доселѣ во всемъ слушаются Нѣмца Шлецера; но вѣдь графическая часть (снимки) еще не все при изданіи древнихъ рукописей" (*А. К.*, II, 331).

Въ составъ втораго тома Лѣтописей вошла, какъ „Прибавленіе къ Ипатіевской", такъ называемая *Густинская Лѣтопись*, на которую указалъ Археографической Коммиссіи П. М. Строевъ: „При семъ препровождается", — писалъ онъ Князю Ширинскому, отъ 1-го іюня 1842 года,—„рукопись, принадлежащая Императорскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ: въ ней содержится неизвѣстная до сихъ поръ Кроника игумена Авксентія Іоакимовича и Лѣто-

писецъ Густинскаго монастыря. Въ началѣ Лѣтописца столько вѣрныхъ *чиселъ* для Исторіи Кіевской Іерархіи первой половины XVII вѣка, еще очень темной, что съ годъ назадъ я хотѣлъ напечатать етотъ отрывокъ въ *Трудахъ Общества* и для того велѣлъ списать; но за недосугомъ не успѣлъ. Прилагаю и списокъ, но долженъ предварить, что онъ очень ошибоченъ и его должно выправить" (*А. К.* III, 55 об.).

Оставимъ на время Археографическую Коммиссію, и займемся теперь собственною библіотекою П. М. Строева.

Библіотека нашего Археографа славилась богатымъ собраніемъ рукописей, и мы предоставимъ самому владѣльцу объяснить значеніе и цѣль своего собранія.

„При составленіи этого собранія рукописей", — пишетъ П. М. Строевъ, „главною цѣлію было собрать все, что относится собственно къ Отечественной Исторіи, гражданской, церковной и литтературной. Здѣсь нѣтъ ни одной Богослужебной книги и очень мало переводовъ Отцевъ Церкви: ими преисполнены всѣ извѣстныя наши собранія рукописей, и все это полезно для однихъ филологовъ. Харатейныя книги очень дороги и замѣчательны только въ отношеніи филологическомъ.

Историческая литтература нашихъ предковъ, кромѣ лѣтописей, хронографовъ и другихъ книгъ сего рода, преизобилуетъ отдѣльными сочиненіями, извѣстными подъ названіями *сказаній*, *повѣстей* и *отрывковъ историческихъ*.

Ни одна библіотека не представляетъ полнаго собранія ихъ; онѣ разсѣяны всюду и до сихъ поръ мало оцѣнены. *Историческіе сборники* этаго собранія заключаютъ въ себѣ до 1,100 такихъ статей, которыя исчислить здѣсь подробно не позволило время; ибо это увеличило бы каталогъ по крайней мѣрѣ въ десятеро. На бѣлыхъ листахъ въ началѣ каждаго сборника онѣ исчислены подробно.

„Житія Святыхъ Русскихъ, въ разныя времена сочиненныя, передѣланныя, дополненныя, представляютъ богатый и почти непочатый запасъ для исторіи общежитія, мнѣній и повѣрьевъ прежней Руси, и даже въ нихъ есть много фактовъ, незамѣченныхъ бытописателями. При сокращеніи ихъ для Миней-Четіихъ Святителя Димитрія, всѣ эти любопытныя черты изчезли совершенно. Святый мужъ имѣлъ одну цѣль представить въ трудѣ своемъ школу христіянскихъ добродѣтелей. Кто соберетъ всѣ Житія Святыхъ Русскихъ, сказанія объ иконахъ и крестахъ, отдѣльныя описанія чудесъ, и т. под. и прочтетъ все это со вниманіемъ и критикою, тотъ удивится богатству этихъ историческихъ источниковъ. Карамзинъ воспользовался только тѣмъ, что случайно попалось ему подъ руки; но чего не из-

влекъ бы этотъ великій мужъ, еслибы приготовлено было напередъ полное собраніе? Наше заключаетъ въ себѣ уже болѣе половины.

„Здѣсь собрано также очень довольно памятниковъ для исторіи литтературы. Еще болѣе по части законовѣдѣнія.

„Очень много сочиненій полемическихъ, pro et contra, относительно ересей, вкравшихся въ нашу Церковь, и для другихъ отдѣловъ литтературы положены прочныя начала. Стоитъ только приращать это собраніе и оно съ каждымъ днемъ будетъ полнѣе и драгоцѣннѣе. Нѣкоторыхъ статей едва-ли сыщутся когда и гдѣ другіе экземпляры.

„Собиратель предполагалъ приращать свое собраніе до конца жизни, собственно для себя и въ своей системѣ. Накупить рукописей богослужебныхъ и духовныхъ очень легко и довольно скоро; но *историческое* попадается рѣдко, и чѣмъ идешь далѣе, тѣмъ менѣе пріобрѣтаешь недостающаго".

Вотъ что̀ заключаетъ въ себѣ Строевское собраніе *):

№ 1. **Лѣтописецъ** Русскій, наиболѣе Новгородскій и Псковскій, отъ начала Руси до 1547 года, писанъ крупною скорописью, исхода XVI вѣка, въ листъ, на 354 листахъ.

№ 2. **Лѣтописецъ** Русскій, извлеченный изъ большаго Новгородскаго, до 1682 года. Списокъ XVIII в., въ листъ, на 134 л.

№ 3. **Лѣтописецъ** Русскій, именуемый Новый, съ 1584 по 1600 годъ, писанъ скорописью XVII в., въ листъ, на 244 л.

№ 4. **Лѣтописецъ** Новгородскій отъ начала Руси до 1477 г., писанъ мелкимъ полууставомъ, въ началѣ XVI в., въ 4°, на 309 л.

№ 5. **Лѣтописецъ** Псковскій, съ 1230 по 1568 годъ. Списокъ современный, въ 4°, на 252 л.

№ 6. **Лѣтописецъ** Краткій, отъ начала до 1395 г., писанъ полууставомъ въ XVI в., въ 4°, на 153 л.

№ 7. **Хронографъ**, оканчивающійся взятіемъ Царяграда Турками въ 1452 году. Русскія событія до того же времени. Писанъ полууставомъ въ XVI в., въ л., на 510 л.

№ 8. **Хронографъ** въ двухъ книгахъ, въ которомъ, кромѣ Русскихъ событій вставлены разныя отдѣльныя историческія статьи до 1620 года. Писанъ крупною скорописью въ XVII в., въ л., на 1075 л.

№ 9. **Хронографъ** съ прибавленіями Русскихъ событій до временъ царя Михаила. Писанъ полууставомъ XVII в., въ л., на 1009 л.

№ 10. **Хронографъ** сокращенный съ Русскими событіями до 1657 г. Писанъ скорописью въ исходѣ XVII в., въ 4°, на 506 л.

---

*) Каталогъ рукописей П. М. Строева, мы печатаемъ со списка В. М. Ундольскаго. (Викторовъ. *Славяно-Русскія Рукописи В. М. Ундольскаго.* М. 1870. Прилож., стр. 30).

№ 11. **Хронографъ** сокращенный до 1605 г. Писанъ скорописью въ XVII в. въ 4°, на 323 л.

№ 12. **Выписки изъ Хронографа** до 1619 года. Писанъ скорописью XVII в., въ 4°, на 262 л.

№ 13. **Сокращеніе Хронографа** Монемвасійскаго митрополита Доroѳея, составленное 1692 года, въ 4°, на 255 л.

№ 14. **Хронографъ** съ Русскими событіями до временъ царя Михаила. Писанъ крупною скорописью XVII в., въ л., на 443 л.

№ 15. **Космографія**, перев. Епифанія Славяницкаго. Списокъ исхода XVII в., скорописный, въ л., на 784 л.

№ 16. **Степенная книга** въ 17-ти степеняхъ, писана скорописью XVII вѣка, въ л., на 702 л.

№ 17. **Прологъ** цѣлаго года, въ двухъ книгахъ. Писанъ полууставомъ, въ началѣ XVI в., въ л., 476 и 459 л.

№ 18. **Князя Курбскаго** всѣ сочиненія, Гванини о царѣ Иванѣ Васильевичѣ, Стриковскаго о Славянорусcахъ, скорописью XVII в., въ л., на 402 л.

№ 19. **Икона** или изображеніе дѣяній Патріаршаго Престола при Іоакимѣ и Адріанѣ. Списокъ 1700 г., въ л., на 574 л.

№ 20. **Остенъ** Патріарха Всероссійскаго Іоакима, писанъ въ исходѣ XVII в., скорописью, въ л., на 104 л.

№ 21. **Мелетіа Сирига** на Кальвиновъ, съ приложеніемъ сочиненія Лихудовъ. Писано полууставомъ въ исходѣ XVII в., въ л., на 360 л.

№ 22. **Московская исторія** Трейера, перев. С. Плаутина 1741 г., въ л., на 182 л.

№ 53. **О бунтахъ Стрѣлецкихъ**, скорописью начала XVIII в., въ 4°, 82 л.

№ 56—60. **Патерики Печерскіе** XVI в.

№ 61—63. **Патерики Соловецкіе** XVI и XVII в.

№ 64. **Патерикъ** Сербскій, самый полный, полууставомъ XVI в., въ 4°, 332 л.

№ 65. **Патерикъ** Скитскій, полууставомъ начала XVI в., въ 4°, на 485 л.

№ 66. **Патерикъ** Псковскій, въ шести статьяхъ, полууставомъ начала XVII в., въ 4°, 138 л.

№ 68. **Объ осадѣ Пскова** и Печеръ Поляками, въ 1581 году. Сп. XVII в., въ 4°, 83 л.

№ 69. **Авраамія Палицына** исторія, съ прибавленіемъ Исторіи Смутнаго времени, неизвѣстнаго автора, скороп. XVII в., въ 4°, на 390 л.

№ 70. **Лѣтописецъ Казанскій**, скороп. XVII в., въ л., 78 л.

№ 71. **Лѣтописецъ Казанскій**, скороп. XVII в., въ л., 78 л.

№ 72. **Лѣтописецъ Казанскій**, скороп., въ XVII в., въ 4°, 235 л.

№ 73. **Авраамія Палицына** исторія, скороп., въ XVII в., въ 4°, 265 л.

№ 74. **Хроника** Ѳеодосія Софоновича, игумена Кіевскаго, сочин. въ 1672 г. Списокъ современный, въ 4°, на 335 л.

№ 75. **Космографія** сокращенная, скороп. XVII в., въ 4°, на 501 л.

№ 76. **Родословная** книга князей и дворянъ, въ 59 главахъ, полууставомъ XVII в., въ 4°, 139 л.

№ 77. **Родословная** книга въ 60 главахъ, скороп. XVII в., въ 4°, на 208 л.

№ 78. **Максима** Грека творенія, числомъ 112, скороп. исх. XVI в., въ 4°, на 572 л.

№ 79. **Проскинитарій** Арсенія Суханова. Списокъ Поморскій, въ 4°, 282 л.

№ 80. **Прохладный Вертоградъ**, перевед. въ 1672 г. Списокъ современный, въ 4°, на 279 л.

№ 81. **Просвѣтитель** Іосифа Волоцкаго, скороп. XVII в., въ л., на 154 л.

№ 82. **Исторія Петра Великаго**, неизвѣстнаго автора, списокъ XVIII в., въ листъ, на 65 л.

№ 83. **Титулярникъ**, составленъ въ Посольскомъ Приказѣ 1677 года. Списокъ начала XVIII в., въ л., на 98 л.

№ 84. **Исторія Малороссіи**, неизвѣстнаго автора, списокъ XVIII в., въ л., на 75 л.

№ 85. **Исторія Скиѳская** Андрея Лызлова, списокъ XVIII в., въ л., на 88 л.

№ 86. **О Калмыкахъ**, сочин. Василія Бакунина въ 1761 г. Списокъ современный, въ л., на 118 л.

№ 87. **Жизнь Александра Македонскаго**, неизвѣстнаго автора, скоропись XVI в., въ 4°, 139 л.

№ 88. **Жизнь Александра Македонскаго**, соч. Аріана, скороп. XVII в., въ 4°, на 130 л.

№ 89. **Жизнь Александра Македонскаго**, неизвѣстнаго автора, скороп. XVII в. въ 4°, на 89 л.

№ 90. **Жизнь Александра Македонскаго**, тожъ, скоропись исхода XVI в., въ 8°, на 113 л.

№ 101. **Сборникъ** Россійскихъ Соборовъ, XVI и XVII в., въ двухъ книгахъ, 23 статьи. Писанъ разными почерками, въ 4°, 165 и 167 л.

№ 102. **Стоглавъ** 1551 года. Списокъ скорописный, XVII в., въ 4°, на 335 л.

№ 103. **Стоглавъ**, писанъ скорописью, XVII в., въ 4°, на 250 л.

№ 104. **Судебникъ**, уставныя грамоты и прочія, 6 статей, писанъ скорописью, въ началѣ XVII в., въ 4°, 153 л.

№ 105. **Судебникъ** съ дополнительными указами, писанъ въ началѣ XVII в., въ 4°, на 116 л.

№ 106. **Судебникъ** безъ указовъ. Списокъ 1682 г., съ подлиннаго, скорописный, въ 4°, на 60 л.

№ 107. **Чины** поставленія въ Митрополиты и Епископы, писанъ полууставомъ XVI в., въ 4°, 64 л.

№ 108. **Палея**, писана полууставомъ, въ XVI в., въ 4°, на 305 л.

№ 109. **Житіе** Св. Митрополита Алексія, въ множествѣ картинъ очень искусно сдѣланныхъ, писано уставомъ въ началѣ XVII в., въ л., на 74 л.

№ 110. **Житіе** Св. Митрополита Алексія, сочин. монахомъ Пахоміемъ, писанъ полууставомъ, XVII в., въ 4°, 76 л.

№ 111. **Житіе** Св. Павла Обнорскаго, соч. неизвѣстнымъ, писано полууставомъ XVII в., въ 4°, на 117 л.

№ 112. **Житіе** Св. Саввы Вишерскаго, соч. монахомъ Маркелломъ, писано полууставомъ XVII в., въ 4°, на 30 л.

№ 113. **Житіе** святыхъ Іоанна и Логина Яренскихъ, соч. архимандрита Сергія, писано полууставомъ XVII в., въ 4°, на 67 л.

№ 114. **Житіе** Св. Гурія и Варсонофія Казанскихъ, соч. митрополита Гермогена, писано полууставомъ, начала XVII в., въ 4°, на 95 л.

№ 115. **Житіе** Св. Александра Невскаго, соч. монаха Михаила, писано полууставомъ, въ началѣ XVII в., въ 4°, на 113 л.

№ 116. **Житіе** Св. Кирилла Бѣлозерскаго, соч. монахомъ Пахоміемъ, писано полууставомъ XVI в., въ 4°, на 110 л.

№ 117. **Житіе** Св. Кирилла Бѣлозерскаго и Житіе Св. Стефана Махрищскаго, соч. Іоасафомъ. Списокъ 1615 г., полууставный, въ 4°, на 165 л.

№ 118. **Житіе** Св. Корнилія Комелскаго, соч. неизвѣстнаго, писано полууставомъ XVII в., въ 4°, на 159 л.

№ 119. **Житіе** Св. Варлаама Хутынскаго, соч. монаха Пахомія, писанъ полууставомъ въ 1645 г., въ 4°, на 180 л.

№ 120. **Житіе** Св. Адріана Пошехонскаго, соч. неизвѣстнаго, писано въ XVIII в. въ 4°, на 59 л.

№ 121. **Житіе** Св. Иринарха Ростовскаго, соч. неизвѣстнаго. Списокъ начала XVIII в., въ 4°, 38 л.

№ 122. **Житіе** Св. Саввы Вишерскаго, соч. монахомъ Пахоміемъ, писано скорописью XVII в., въ 4°, 19 л.

№ 123. **Житіе** Св. Александра Свирскаго, соч. монаха Иродіона, писано полууставомъ XVII в., въ 4°, 142 л.

№ 124. **Тожъ** съ измѣненіями, писано скорописью XVII в., въ 4°, на 133 л.

№ 125. **Тожъ**, списокъ XVII в., въ 4°, на 139 л.

№ 126. **Житіе** Св. Антонія Сійскаго, соч. монахомъ Іоною, писано полууставомъ XVII в., въ 4°, 227 л.

№ 127. **Тожъ**, списокъ полууставный, XVII в., въ 4°, 124 л.

№ 128. **Житіе** Св. Царевича Димитрія, убіеннаго въ Угличѣ, соч. неизвѣстнаго. Списокъ полууставный, XVII в., въ 4°, на 79 л.

№ 129. **Житіе** Св. Діонисія Глушицкаго, соч. неизвѣстнаго, пис. полууставомъ, въ исх. XVI в., въ 4°, на 72 л.

№ 130. **Житіе** Св. Нила Столбенскаго, соч. неизвѣстнаго, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, на 168 л.

№ 131. **Житіе** Св. Андрея Переяславскаго, соч. неизвѣстнаго, пис. уставомъ, въ исх. XVII в., въ 4°, 115 л.

№ 132. **Житіе** Св. Мартиніана Бѣлозерскаго, соч. неизвѣстнаго, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, 66 л.

№ 133. **Житіе** Св. Василія Блаженнаго, соч. неизвѣстнаго, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, 90 л.

№ 134. **Житіе** Св. Митрополита Филиппа, соч. неизвѣстнаго, и Житіе Св. Германа Соловецкаго. Списокъ полууставный XVII в., въ 4°, на 142 л.

№ 135. **Житіе** Св. Сергія и Никона Радонежскихъ, соч. монахомъ Пахоміемъ, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, на 195 л.

№ 136. **Житіе** Св. Макарія Желтоводскаго, соч. неизвѣстнаго, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, на 98 л.

№ 137. **Житіе** Св. Макарія Желтоводскаго, соч. неизвѣстнаго, съ прибавленіями, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, на 73 л.

№ 138. **Житіе** Св. Прокопія и Іоанна Устюжскихъ, соч. неизвѣстнаго, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, 155 л.

№ 139. **Житіе** Св. Варлаама Важескаго, соч. монахомъ Іоною, 1589 г. Списокъ современный, въ 4°, 55 л.

№ 140. **Житіе** Св. Іоанна и Логгина Яренгскихъ, соч. Архимандритомъ Сергіемъ, пис. полууставомъ въ XVII в., въ 4°, 52 л.

№ 141. **Житіе** Св. Иринарха Ростовскаго, соч. монаха Александра, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, 63 л.

№ 142. **Житіе** Св. Макарія Калязинскаго, соч. монахомъ Макаріемъ, писано полууставомъ исхода XVI в., въ 4°, на 66 л.

№ 143. **Житіе** Св. Михаила Клопскаго, соч. неизвѣстнаго, списокъ 1653 г., въ 4°, на 61 л.

№ 144. **Житіе** Св. Ефрема Новоторжскаго, соч. въ 1691 году. Списокъ современный, въ 4°, на 111 л.

№ 145. **Житіе** Св. Авраамія Городецкаго, соч. монахомъ Протасіемъ, пис. скорописью въ XVII в., въ 4°, 70 л.

№ 146. **Житіе** Св. Димитрія Прилуцкаго, соч. игум. Макаріемъ, пис. полууставомъ, въ XVII в., въ 4°, на 42 л.

№ 147. **Житіе** Св. Троицкаго Архимандрита Діонисія, соч. келаремъ Симономъ. Списокъ XVII в., въ 4°, на 119 л.

№ 148. **Житія** Св. Митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны, разныхъ авторовъ, пис. скорописью, въ XVII в., въ 4°, на 62 л.

№ 149. **Житія** Ростовскихъ Святыхъ, числомъ 12. Списокъ XVII в., въ 4°, на 134 л.

№ 150. **Житія** разныхъ Святыхъ Русскихъ, числомъ 7, писаны полууставомъ, въ исходѣ XVI в., въ 4°, 90 л.

№ 151. **Житія** разныхъ Святыхъ Русскихъ, пис. полууставомъ, въ XVII в., въ 4°, 210 л.

№ 152. **Житія** Ростовскихъ Святыхъ, числомъ 6, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, 66 л.

№ 153. **Житія** разныхъ Святыхъ, числомъ 4, пис. скорописью XVII в., въ 4°, на 102 л.

№ 154. **Житія** Святыхъ краткія, числомъ 33, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, 136 л.

№ 155. **Житіе** Св. Князя Ѳеодора Ярославскаго, соч. монахомъ Антоніемъ, пис. полууставомъ, въ исходѣ XVI в., въ 4°, на 59 л.

№ 156. **Житіе** Св. Антонія Римлянина, соч. игуменомъ Андреемъ, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, 40 л.

№ 157. **Житіе** Св. Герасима Болдинскаго, соч. неизвѣстнаго, пис. XVII в., въ 4°, на 26 листахъ.

№ 158. **Житія** Св. Геннадія Любимоградскаго, соч. игум. Алексѣемъ, письма полууставнаго XVII в., въ 4°, на 31 л.

№ 159. **Житія** Св. Прокопія и Іоанна Устюжскихъ, соч. неизвѣстнаго. Списокъ исх. XVII в., въ л., на 237 л.

№ 160. **Житія** Св. Димитрія Прилуцкаго, Митрополита Алексѣя и проч., пис. полууставомъ XVI в., въ л., на 94 л.

№ 161. **Житія** разныхъ Святыхъ, числомъ 17, пис. полууставомъ XVI в., въ л., на 186 л.

№ 162. **Житіе** Іоанна Златоустаго, соч. Метафраста, Сербская рукопись, нач. XV в., въ л., на 38 л.

№ 163. **Житіе** Св. Григорія Омиритскаго, пис. полууставомъ XVI в., въ л., 117 л.

№ 164. **Житіе** Св. Геннадія Любимоградскаго, пис. полууставомъ, въ XVIII в., въ л., на 32 л.

№ 165. **Житіе** Св. Епифанія Кипрскаго, пис. полууставомъ, въ началѣ XVI в., въ 4°, на 64 л.

№ 166. **Житіе** Св. Ѳеодора Едесскаго, пис. скорописью начала XVII в., въ 4°, 136 л.

№ 167. **Житіе** Св. Андрея Юродиваго, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, 314 л.

№ 168. **Житіе** Св. Василія Новаго, пис. скорописью, въ XVII в., въ 4°, 111 л.

№ 169. **Житія** разныхъ Святыхъ, числомъ 6, пис. скорописью XVII в., въ 4°, на 145 л.

№ 170. **Житія** разныхъ Святыхъ, числомъ 7, пис. полууставомъ, въ началѣ XVII в., въ 4°, на 66 л.

№ 171. **Житіе** Св. Артемія Веркольскаго, соч. неизвѣстнаго, пис. полууставомъ, въ XVII в., 8°, 112 л.

№ 172. **Житіе** Св. Козмы Яхромскаго, соч. монаховъ Григоріемъ, пис полууставомъ, въ исходѣ XVII в., въ 8°, на 123 л.

№ 173. **Исторія и чюдеса Тихвинскія иконы Богоматери**, самая полная, пис. полууставомъ въ исходѣ XVII в., въ 4°, на 268 л.

№ 174. **Звѣзда пресвѣтлая** (чюдеса Богоматери), пис. скорописью, въ исходѣ XVII в., въ 4°, на 186 л.

№ 175. **Сказаніе объ иконѣ Казанскія Богоматери**, соч. Митрополита Гермогена, пис. полууставомъ въ началѣ XVII в., въ 4°.

№ 176. **Сказаніе объ иконѣ Владимірскія Богоматери**, пис. полууставомъ XVI в., въ 4°, на 90 л.

№ 177. **Сказаніе объ иконѣ Ѳеодоровской Богоматери**, пис. полууставомъ, въ началѣ XVIII в., въ 4°, 80 л.

№ 178. **Сказаніе объ иконѣ Грузинскія Богоматери**, соч. патріарха Никона, пис. полууставомъ, въ началѣ XVIII в., въ 4°, на 49 л.

№ 179. **Сказаніе объ иконѣ Тихвинской Богоматери**, въ 39 главахъ, пис. полууставомъ, въ исходѣ XVII в., въ 4°, на 112 л.

№ 180. **Сказаніе объ иконахъ Цывильской и Иверской Богоматери**, пис. въ началѣ XVIII в., въ 4°, 44 л.

№ 181. **Сказаніе объ иконѣ Великорѣцкой**, пис. скорописью, въ исходѣ XVII в., въ 4°, на 103 л.

№ 182. **Сказаніе объ иконѣ Влахернской**, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, 52 л.

№ 183. **Сказаніе о разныхъ иконахъ**, числомъ 6, пис. полууставомъ, въ началѣ XVIII в., въ 4°, на 109 л.

№ 184. **О всѣхъ иконахъ Богородичныхъ**, вкратцѣ, съ ихъ изображеніями, пис. въ XVIII в., въ 4°, на 53 л.

№ 185. **Исторія Хитона** или Ризы Господней, въ 6 статьяхъ, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°. на 133 л.

№ 186. **Правила иконописанія** древняго, составленныя въ 1679 г. Списокъ начала XVIII в., въ 4°, на 287 л.

№ 187. **Мѣсяцословъ** самый полный, съ краткими Житіями Святыхъ, писанъ скорописью XVII в., въ 4°, 489 л.

№ 188. **Пасхалія** полная, отлично написанная, со множествомъ таблицъ, пис въ началѣ XVII в., въ листъ, 113 л.

№ 189. **Святцы** и Пасхалія въ таблицахъ, XVI в., въ 4°, на 14 л. Образецъ калиграфіи.

№ 190. **Святцы**, написанныя очень четко въ 1736 году, въ 8°, на 42 л.

№ 191. **Книга Григорія и Петра Бесѣдовника**, пис. полууставомъ, въ XVI в., въ л., на 123 л.

№ 192. **Маргаритъ** Іоанна Златоустаго, пис. полууставомъ, въ началѣ XVI в., въ л., на 386 л.

№ 193. **Видѣнія пророка Даніила**, съ толкованіемъ, пис. полууставомъ въ XV в., въ л., на 27 л.

№ 194. **Нила Сорскаго** уставъ, пис. четкою скорописью XVI в., въ 4°, 81 л.

№ 195. **Максима Грека**, переводъ Псалтыри, алфавитъ и пасхалія, пис. мелкою скорописью, въ исходѣ XVI в., въ 4°, на 67 л.

№ 196. **Діоптра**, переводъ съ Греческаго, пис. полууставомъ въ XV в., въ 4°, на 278 л.

№ 197. **Пчела**, переводъ съ Греческаго, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, на 330 л.

№ 198. **Поученія** праздничныя, переводъ съ Греческаго въ 1407 г. Списокъ полууставный 1482 г., въ 4°, на 360 л.

№ 199. **Литургіи толкованіе**, пис. полууставомъ XVI в., въ 4°, 56 л.

№ 200. **Іоанна Екзарха Болгарскаго** переводъ, пис. скорописью XVII в., въ 4°, на 287 л.

№ 201. **Книга Іоанна Лѣствичника**, пис. полууставомъ, въ началѣ XVI в., въ 4°, на 419 л.

№ 202. **Катихизисъ** Лаврентія Зизанія и его пренія въ Москвѣ. Списокъ начала XVIII в., въ л., на 350 л.

№ 203. **Тожъ** сокращенный, пис. скорописью, въ исходѣ XVII в., въ л., на 196 л.

№ 204. **Библейская исторія**, изложенная въ 122 главахъ, неизвѣстнаго автора, пис. въ концѣ XVII в., въ 4°, на 143 л.

№ 205. **Синодикъ** со множествомъ раскрашенныхъ картинокъ, въ 1688 году принадлежалъ Князю Ю. И. Пожарскому, въ л., на 122 л.

№ 206. **Синодикъ**, написанный прекрасно уставомъ въ XVI в., въ 4°, 40 л.

№ 207. **Макарія Египетскаго** слово объ исходѣ души, съ множествомъ раскрашенныхъ картинокъ, начала XVIII в., въ 4°, на 64 л.

№ 208. **Тожъ** съ раскрашенными картинками, въ 4°, на 24 листахъ; не полно.

№ 209. **Притчи Сиѳа Антіоха**. Переводъ писанъ скорописью XVII в., въ 4°, на 112 л.

№ 210. **Правила монашескія**, Сборникъ полууставный 1730 г., въ 4°, на 230 л.

№ 211. **Луцидаріусъ** или златый бисеръ. Переводъ; писанъ скорописью, въ исходѣ XVII в., въ 4°, 81 л.

№ 212. **Гисторія философская**. Переводъ съ Польскаго, писанъ скорописью XVII в., въ 8°, 172 л.

№ 213. **Описаніе Китая**, кажется, Николая Спафарія, въ 1677 году. Списокъ начала XVIII в., въ 4°, на 206 л.

№ 214. **Странникъ** (въ Святыя мѣста), монаха Іоны Маленькаго въ 1649 г. Списокъ современный, въ 4°, 25 л.

№ 215. **Странникъ** (въ Палестину), неизвѣстнаго монаха, въ началѣ XVIII в., подлинникъ, въ 4°, на 220 л.

№ 216. **Странникъ** неизвѣстнаго автора, пис. полууставомъ XVII в., въ 4°, на 45 л.

№ 217. **Путешествіе** въ Россію Датскаго посланника отъ короля Фридриха II, переводъ, на 94 л., въ 4°.

№ 218. **Журналъ путешествія** боярина Б. П. Шереметева въ 1696—99 годахъ. Списокъ современный, въ 4°, 203 л.

№ 219. **Лечебникъ**, писанъ скорописью въ XVII в., въ 4°, 91 л.

№ 220. **Календарь** 1706—8 годовъ, переводъ съ Нѣмецкаго, писанъ очень тщательно, въ 4°, на 75 л.

№ 221. **Ариѳметика**, писана неизвѣстнымъ въ 1691 году, въ 4°, 287 л.

№ 222. **Ивана Посошкова** предложеніе Петру Великому. Списокъ XVIII в., въ л., на 134 л.

№ 223. **Проблемматика,** переводъ съ Латынскаго. Списокъ 1701 года, въ л., на 164 л.

№ 224. **Письма Петра Великаго** къ генералъ-адмиралу Апраксину, числомъ до 350. Списокъ XVIII в., въ л., на 225 л.

№ 225. **Исторія цесаря Оттона,** соч. сказочное. Списокъ XVIII в., въ 4°, на 128 л.

№ 226. **Жизнь патріарха Никона,** соч. Иваномъ Шушеринымъ, съ разными прибавленіями. Списокъ исхода XVII в., въ 4°, на 319 л.

№ 227. **Отвѣтъ королевича Волдемара** патріарху Іосифу, 1644 г. Списокъ 1732 года, въ 8°, 56 л.

№ 228. **Лѣствица** Исаіи Копинскаго, списокъ полууставный 1679 г., въ 8°, на 368 л.

№ 229. **Поученія** митрополита Даніила, числомъ 7, писано въ исходѣ XVI в., въ 12°, 248 л.

№ 230. **Алфавитъ** (Словарь), составленный въ 1596 году. Списокъ начала XVII в., въ 4°, на 174 л.

№ 231. **Алфавитъ** и разныя статьи грамматическія, числомъ 8, писанъ скорописью XVII в., въ 4°, 209 л.

№ 232. **Алфавитъ** Бесѣдный, скорописью въ XVII в., въ 4°, на 243 л. Рукопись очень рѣдкая.

№ 233. **Словарь** Русско-Латинскій, составленный въ концѣ XVII в., въ 4°, на 318 л.

№ 234. **Грамматика** Греческая, соч. Лихудами. Списокъ современный, въ 8°, на 96 л.

№ 235. **Риторика** Лихудовъ; современный прекрасный списокъ, въ 8°, л.

№ 237. **Сборникъ житій** краткихъ и словъ, пис. скорописью XVII в., въ 4°, на 119 л.

№ 247. **Притчи** Зерцала великаго, переводъ, пис. скорописью въ концѣ XVII в., въ 4°, на 328 л.

№ 248. **Исторія о Варлаамѣ и Іоасафѣ,** пис. скорописью въ концѣ XVII в., въ 4°, на 340 л.

№ 249. **Службы** общія Святымъ, пис. въ XVI в., полууставомъ, въ 4°, 115 л.

№ 250. **Разныя церковныя пѣнія** на крюковыхъ нотахъ, XVI в., въ 4°, 85 л.

№ 251. **Молитвинникъ,** пис. скорописью, въ 1623 г., въ 8°, 315 л.

№ 254. **Стефана попа книжка** въ защиту Православія отъ Уніятовъ, пис. скорописью XVII в., въ 8°, на 210 л.

№ 255. **Князя Хворостинина** возраженія еретикамъ, пис. полууставомъ XVII в., въ 8°, на 189 л. Книжка весьма рѣдкая.

№ 256. **Возраженіе папистамъ и уніатамъ,** спис. съ печат. 1588 г. полууставный, начала XVII в., въ 4°, на 267 л.

№ 257. **Евангеліе** (мнимое) Никодима, пис. въ началѣ XVI в., въ 4°, 40 л. Рукопись чрезвычайно рѣдкая.

№ 258. **Собраніе Лже-Евангелій,** перев. XVII в., въ 4°, 72 л.

№ 259. **Два сочиненія мистико-сказочныя,** безъ заглавій, пис. скорописью, въ, исходѣ XVII в., въ 4°, 164 л.

№ 260. **Вѣра правая,** въ 30 главахъ, пис. скорописью XVII в., въ 4°, на 360 л.

№ 261. **Мечецъ духовный**, Лихудовъ. Очень чистый списокъ, начала XVIII в., въ 4°, на 162 л.

№ 262. **Сборникъ** возраженій отъ противниковъ православія, въ двухъ книгахъ, въ 30 статьяхъ, разныхъ почерковъ исхода XVII в., въ 4°, 218 и 232 л. Собраніе рѣдкое.

№ 263. **Исторія Соловецкая** и челобитная. Списокъ XVIII в., въ 4°, 103 л.

№ 264. **Отвѣты поморскіе** іеромонаху Неофиту. Списокъ очень красивый, въ 4°, на 326 л.

№ 265. **Отвѣты Нижегородскіе** архимандриту Питириму. Списокъ тщательно сдѣланный, въ 4°, на 308 л.

№ 266. **Спиридона Потемкина**, діакона Феодора и другихъ старовѣрцевъ творенія. Списокъ полууставный, XVIII в., въ 4°, 422 л.

№ 267. **Житія** старовѣровъ праведниковъ, соч. Симеона Денисова. Рукопись Поморская, въ 4°, на 282 л.

№ 268. **Церковное утвержденіе**, соч. какого-то Василія; четкій списокъ 1768 г., въ 4°, на 214 л.

№ 269. **Зеркало суемудрія** расколнича; рукопись начала XVIII в., въ 4°, 228 л.

№ 270. **Два посланія старообрядческія**, неизвѣстныхъ авторовъ, XVIII в., въ 4°, 128 л.

№ 271. **Жизнь Мемнона**, старовѣрца; рукопись Поморская, въ 8°, 74 л.

№ 272. **Страсти Христовы**, пис. полууставомъ, въ началѣ XVIII в., въ 4°, на 94 л.

№ 273. **Грамоты Важской области**, числомъ 12, пис. скорописью XVII в., въ 8°, на 42 л.

№ 274. **Списки съ грамотъ** Соловецкаго монастыря, 1666—76 годовъ, рукопись современная, въ 4°, на 507 л.

№ 275. **Списки съ грамотъ** Саввы Сторожевскаго монастыря, пис. скорописью, XVII в., въ 4°, на 203 л.

№ 276. **Списки съ грамотъ** разныхъ Сѣверныхъ монастырей; пис. скорописью въ XVII в., въ 4°, на 178 л.

№ 277. **Списокъ грамотъ** Махрищскаго монастыря, пис. скорописью, XVII в., въ 4°, на 133 л.

№ 278. **Списки съ грамотъ** Псковскихъ монастырей, пис. скорописью, въ началѣ XVII в., въ 4°, на 195 л.

№ 279. **Списки съ актовъ** разныхъ монастырей, списокъ скорописный XVII в., въ 4°, 139 л.

№ 280. **Книга переписная** Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1615 г.; скорописный подлинникъ, въ 4°, на 254 л.

№ 281. **Книга переписная** Іосифова монастыря 1655 г.; скорописью, подлинная, въ 4°, на 187 л.

№ 282. **Переписки** 11-ти монастырей, приписныхъ къ Саввино-Сторожевскому, 1655—1701 годовъ; подлинники скорописные.

№ 283. **Акты судные** 1558—59 годовъ; современный списокъ, въ 4°, 130 л.

№ 284. **Акты** юридическіе, XV и XVI столѣтій; списокъ скорописный, въ 4°, на 85 л.

№ 285. **Статьи новоуказныя** 1669 г. Списокъ современный, скорописный, въ 4°, на 93 л.

№ 286. **Писцовый межевый наказъ** 1683 г. съ дополненіями; современный скорописный списокъ, въ 4°, 51 л.

№ 287. **Наказы:** писцовый 1684 и бурмистрамъ 1700 г.; списокъ современный, скорописью, въ 4^0, на 102 л.

№ 288. **Писцовые наказы** и плакатъ. Списокъ начала XVIII в., въ л., 84 л.

№ 289. **Сборникъ** указныхъ грамотъ 1686—1700 годовъ, списокъ современный, скорописью, въ 4^0, на 70 л.

№ 300. **О гривнѣ Черниговской,** соч. профессора Моргенштерна, переводъ всѣхъ статей, въ л., 85 л.

№ 301. **Возраженіе на книгу Молотокъ,** списокъ XVIII в., въ л., 156 л.

Библіотека П. М. Строева была также богата Сборниками: историческими № 23—52, 54, 55, 91—98 XVI и XVII вѣка; историко-юридическими № 99, 100; краткихъ Житій Святыхъ и словъ № 236, 237, 239—244 XVI—XVII; поученій № 245, 246 XVI—XVII; житій Русскихъ Святыхъ № 292, 253 XVI—XVII; законовъ (съ 1654—1770) № 290—299. XVIII вѣка.

Кромѣ того въ Строевской библіотекѣ находились книги печатныя, дополняющія коллекцію рукописей:

1) **Увѣтъ** духовный. М. 1682 г., въ 4^0.
2) **Слово** увѣщательное Патріарха Іоакима. М. 1682 г., въ 4^0.
3) **Розыски** о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ и царицѣ Евдокеѣ. Спб. 1718 г., въ л., очень рѣдкій.
4) **Правда** воли монаршей. М. 1726 г., въ л.
5) **Исторія Соловецкая,** изд. въ Супраслѣ, въ 4^0.
6) **Зонаръ** напечатанъ тамже, въ 4^0.
7) **Страсти Христовы,** тамже, въ 4^0.
8) **Память** новыхъ чудотворцовъ. Гродно, 1786 г., въ 8^0.
9) **Пращица**
10) **Обличеніе**
11) **Розыскъ**
12) **Увѣщаніе**

} Книги, изданныя противъ старообрядцевъ.

Понятно, что на такое драгоцѣнное собраніе не могъ взирать равнодушнымъ окомъ М. П. Погодинъ, собиравшій въ то время свое знаменитое *Древлехранилище.* Къ тому же житейскія обстоятельства сложились такъ неблагопріятно для Строева, что онъ находился вынужденнымъ продать свое собраніе—„плодъ долголѣтнихъ поисковъ и не малаго иждивенія“. Еще въ ноябрѣ 1840 года, Погодинъ писалъ Павлу Михайловичу: „Я слышалъ стороною, что вы не прочь отъ уступки вашего собранія. Меня разобрала охота, и я осмѣливаюсь предложить вамъ — будьте благодѣтелемъ и обогатителемъ моей библіотеки. Вы знаете, что у меня собралось уже много драгоцѣнностей. Вы согласитесь, что ваши рукописи у меня принесутъ пользы болѣе, чѣмъ у кого другаго. Притомъ они будутъ находиться въ полномъ вашемъ распоряженіи, какъ и всѣ прочія. Надѣюсь, что вы положите съ меня,

какъ съ своего брата-рудокопателя, цѣну собственную. Въ нынѣшнемъ году я поиздержался, но въ январѣ надѣюсь разбогатѣть. Благоволите прислать мнѣ каталогъ, хоть съ г. Тромонинымъ. Просьба: пришлите мнѣ посланія Сильвестровы, списать или прочесть, какъ позволите. Употребленія никакого кромѣ лекціи, безъ вашего позволенія, я не сдѣлаю" (*Письма*, II, № 313). Въ другомъ письмѣ Погодинъ сообщаетъ Строеву свой разговоръ съ Тромонинымъ. „Въ отвѣтъ на вопросъ г. Тромонина о библіотекѣ я отвѣчалъ: *мнѣ сказали* (*т. е. прежде, нежели я видѣлъ ваше собраніе, ваши знакомые*), *что вы уступите оное тысячи за двѣ или за три*. Съ этими данными я отнесся къ вамъ съ просьбою. *Узнавъ же о цѣнѣ теперь положительно, я не могу поднять ее. Если журналъ* *) *пойдетъ хорошо и денегъ у меня будетъ много, тогда я войду въ переговоры съ Павломъ Михайловичемъ*. Мнѣ кажется, г. Тромонинъ не такъ понялъ и передалъ мои слова. Возстановляя ихъ текстъ, я повторяю ихъ снова, прибавляя, что журналъ пошелъ, кажется, хорошо, и я не упущу драгоцѣннаго случая" (*Письма*, II, № 315).

4-го октября 1841 года, Погодинъ обѣдалъ у Строева, и часа четыре посвятилъ на осмотръ его библіотеки. Возвратясь домой, онъ написалъ Строеву: „Возвращаю вамъ каталогъ. Библіотека ваша мнѣ очень нравится, хотя я и не узналъ ея порядочно, осмотрѣвъ вскользь и боясь васъ разспрашивать. Мнѣ хочется пріобрѣсть ее, но я прошу васъ подождать до января. Теперь же, если вы непремѣнно хотите знать мой отвѣтъ, я не могу предложить вамъ, вмѣстѣ съ сочиненіемъ каталога, 6 т. р. асс. Продавать своей библіотеки я не намѣренъ, а безпрестанно собирать ее, и оставить въ наслѣдство дѣтямъ вмѣсто богатаго села. Не осердитесь на меня, это дѣло полюбовное: всякой руководствуется своими разсчетами... Повторяю—не сердитесь на меня: я сказалъ вамъ свое мнѣніе, потому что вы именно хотѣли имѣть его немедленно" (*Письма*, II, № 329).

Письмо это не понравилось Павлу Михайловичу, и онъ написалъ рѣзкій отвѣтъ, о содержаніи котораго мы можемъ судить изъ слѣдующаго письма къ нему Погодина: „Хорошо, что я нрава тихаго и спокойнаго: иначе, изъ-за вашего письма должна бы возникнуть большая непріятность. Теперь я разберу его для дополненія къ вашимъ запискамъ: „*Я напередъ зналъ, что вы хотите не купить, а надуть*. Оставляю все неприличіе (чтобы не сказать болѣе), выраженія, неупотребляемаго между порядочными людьми, и обращу ваше вниманіе только на то, что въ дѣлѣ библіографіи и библіотекскомъ вы мой учитель,

*) *Москвитянинъ*, начавшій выходить съ 1-го января 1841 года.

а я ученикъ; вы знаете вдесятеро болѣе меня—какимъ же образомъ могу я хотѣть надуть васъ? Надувать можетъ только тотъ, кто знаетъ больше. Ето просто противъ логики. Кто, напримѣръ, можетъ надуть, (употребляю съ крайнимъ неудовольствіемъ ваше выраженіе), покупая у меня мое собраніе печатныхъ книгъ, слишкомъ мнѣ извѣстное? Никто на свѣтѣ.

„*А не воображайте, чтобъ вамъ удалось, и проч.* Для воображенія моего есть право занятія не только лучше, но даже выгоднѣе какой нибудь тысячи рублей. Я цѣню ее слишкомъ мало, ибо увѣренъ, что могу имѣть всегда столько, сколько хочу. *Удалось*! Да Богъ съ вами и со всѣмъ. Не средство же къ царству небесному, заключается въ вашей библіотекѣ. Еслибъ я зналъ, что получу письмо отъ васъ съ такими выраженіями, я не начиналъ бы переговоровъ даже въ надеждѣ получить ее въ подарокъ. Вы знаете меня очень мало!

„*Если вы думаете, что обстоятельства заставятъ меня и* пр. Если обстоятельства заставятъ васъ, такъ вы спрашивайте у меня просто денегъ; а я не отказывалъ еще ни одному своему знакомому. Еслибъ вы по такимъ обстоятельствамъ продавали вашу библіотеку, такъ я не сталъ бы покупать ее. Видите, что я кротокъ и смиренъ и пропускаю ваше письмо безъ дуели, такъ же какъ пропустилъ вашу бранную приписку на оффиціальной бумагѣ, и многія ваши выходки въ этомъ родѣ. Я уважаю васъ за многое и — считаю недостойнымъ человѣка въ нашихъ лѣтахъ и ученаго считаться такими мелочами. Теперь о дѣлѣ въ поясненіе, чего вы по горячности не поняли. Вы требовали отвѣта теперь: я и далъ его, прибавивъ, что желалъ бы лучше торговаться въ январѣ, когда буду знать свои доходы. Я не говорю вамъ, что библіотека ваша не стоитъ болѣе; а только, что я не могу дать больше. Въ январѣ пойдетъ журналъ мой хорошо, и тогда мнѣ легко будетъ дать болѣе. Такъ поступалъ я и прежде: получилъ неожидая Демидовскую премію, и отдалъ ее сполна на книги; а безъ нее на то же дѣло не далъ бы болѣе 2000 руб. Понимаете ли вы меня? Труда вамъ не предстоитъ много, ибо вашъ каталогъ почти готовъ, мой печатныхъ также, а для письменныхъ много подготовлено; я предполагалъ избавить васъ совершенно отъ большей части механической работы. Заключаю. Теперь я не могу по своимъ обстоятельствамъ предложить болѣе, а въ январѣ можетъ быть представятся другія соображенія. И такъ: мою записку можете вы помѣстить въ вашихъ мемуарахъ, но совѣтую вамъ попросить меня, чтобъ я уничтожилъ вашу. Впрочемъ, я теперь шучу: я давно знаю вашу угловатость и она не мѣшаетъ питать къ вамъ

искреннее уваженіе.., Продержалъ письмо нарочно пять дней, чтобъ взглянуть безпристрастнѣе, и хладнокровнѣе. Остаюсь при прежнемъ. Все такъ—умѣренно и справедливо! Пріѣзжайте же вечеромъ ко мнѣ, на полюбовную сдѣлку. Предоставляю третейскій судъ вашей Супругѣ и увѣренъ, что она обвинитъ васъ, за что я впередъ ее благодарю" (*Письма*, II, 330). Строевъ не поѣхалъ къ Погодину и этимъ письмомъ переговоры на время прекратились.

Не сговорившись съ Погодинымъ, Строевъ обратился по тому же дѣлу къ Князю Ширинскому. „Милостивое расположеніе Вашего Сіятельства" (писалъ онъ, отъ 6-го ноября 1841 года), „знаки котораго я имѣлъ случай видѣть неоднократно, осмѣливаетъ меня и теперь обременять благосклонное вниманіе ваше изложеніемъ нижеслѣдующихъ обстоятельствъ, быть можетъ, слишкомъ подробныхъ, и подаетъ совершенную надежду на содѣйствіе Вашего Сіятельства, если только будетъ возможно; въ противномъ случаѣ да простите мнѣ великодушно излишнюю смѣлость.

Семейство мое состоитъ изъ меня, жены моей, престарѣлой тещи, шестерыхъ дѣтей и пяти человѣкъ наемной прислуги. Содержаніе столь немалолюдной семьи, при своемъ домѣ, безъ лошадей, съ платою кой-какимъ учителямъ дѣтей, при крайней економіи, превышаетъ 8 тыс. р. ас. ежегодно. Доходы мои состоятъ изъ 2 т. пенсіи и оброка съ небольшаго родоваго имѣнія, въ Саратовской губерніи, который въ урожайные годы, не превышаетъ 3 т. р. ас.; недостающіе слишкомъ 3 т. р. должно добывать собственными руками. На небольшое приданое жены моей, купленъ домъ въ отдаленной части города: иначе здѣсь нельзя жить, квартиры очень дороги и неудобны. Кой-какіе остатки прежнихъ счастливыхъ лѣтъ, издержаны въ 1839 и 40 годахъ, когда дороговизна необходимыхъ потребностей превышала здѣсь вѣроятіе; и теперь все еще не прежняя дешевизна. Учеными и литературными трудами здѣсь ничего не добудешь. Оттого наши литераторы переселяются въ С. Петербургъ. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, я рѣшился продать лучшую часть моей библіотеки, *собраніе рукописей*, которое собиралъ съ 1817 года, съ такимъ раченіемъ и издержками (сколько сообразить могу до 8,000 р.); намѣреніе мое было пріумножать до конца жизни. Во времена графовъ Румянцовыхъ, Толстыхъ, я могъ бы продать это собраніе съ немалымъ барышомъ; но теперешніе Московскіе любители Древностей люди коммерческіе, узнали, что я разстаюсь съ моимъ собраніемъ по нуждѣ, и хотятъ пріобрѣсти за полцѣны, если не менѣе. Требовалось много времени, труда и усилій, чтобы составить такое собраніе. Мои рукописи въ отличномъ порядкѣ, въ началѣ каждой полное ея оглав-

леніе. Число всѣхъ продаваемыхъ мною, съ немногими старопечатными, простирается до 325. Новообразованное Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности при новыхъ предметахъ занятій, ему предписанныхъ, и при неразрывной связи съ Археографическою Коммиссіею, въ которую оно поставлено, по моему мнѣнію, должно имѣть собственное хорошее собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ; оно владѣетъ уже прекрасною коллекціею сихъ послѣднихъ, которую Российская Академія пріобрѣла покупкою отъ Ширяева. Не угодно ли будетъ Вашему Сіятельству довести до свѣдѣнія Его Высокопревосходительства Г. Министра Просвѣщенія главное изъ вышеизложенныхъ мною обстоятельствъ? Быть можетъ, мое собраніе рукописей найдетъ мѣсто въ библіотекѣ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности; а я получу возможность содержать мое семейство еще года три — четыре, не прибѣгая къ послѣднему средству—залога имѣнія въ банкъ, и чрезъ то полную свободу дѣйствовать на поприщѣ, однажды на всегда мною избранномъ. Великодушіе Вашего Сіятельства заставляетъ меня вѣрить, что просьба моя о ходатайствѣ, въ семъ случаѣ у Его Высокопревосходительства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія не будетъ вами, Сіятельный Князь, отринута“ (*А. К.* II, 325, 326).

Когда переписка о библіотекѣ съ Княземъ Ширинскимъ кончилась ничѣмъ, Строевъ, въ февралѣ 1842 года, возобновилъ переговоры поэтому предмету съ Погодинымъ, который, отъ 2-го февраля 1842 года, писалъ Строеву: „Если угодно, милостивому государю Павлу Михайловичу, я готовъ вступить теперь въ новые переговоры о библіотекѣ“ (*Письма*, II, № 334). На это Строевъ, вѣроятно, написалъ примирительное письмо; ибо въ слѣдующемъ письмѣ Погодина читаемъ: „Ну вотъ, давно бы такъ, почтеннѣйшій Павелъ Михайловичъ; такія письма читать пріятно, и отвѣчать на нихъ весело. Я не помню никогда... Ну, да писать съ лекцій некогда. Теперь бѣда только та, что у меня въ домѣ скарлатина: я не ѣзжу и не принимаю, опасаясь причинить опасеніе и неудовольствіе. Я думаю, что мы можемъ сговориться, при соблюденіи вашихъ же условій и безъ посредника. Впрочемъ, не прочь и отъ него. Кого же? Назначьте сами: Шевырева, Давыдова, Вельтмана, Пассека? Словомъ, кого хотите, и пришлите отвѣтъ въ мою контору, нынѣ во *вторникъ*“ (*Письма*, II, об. 335).

Получивъ это письмо, Строевъ, въ тотъ же *вторникъ*, на Масляницѣ, 24-го февраля (1842), отправился вечеромъ къ Погодину. Продажа состоялась. При перевозкѣ рукописей возникли опять неудовольствія, хотя впрочемъ и легкія. На другой или на третій день *по договорѣ*, Погодинъ писалъ: „Охота пуще неволи, любезнѣйшій

Павелъ Михайловичь, мнѣ не спится по ночамъ, и потому прошу васъ, взваливъ шкапы на ломовыхъ лошадей, прислать мнѣ библіотеку теперь. Я думаю всего лучше и удобнѣе перевязать ихъ толстыми веревками, чтобъ не вывалились спинки и проч. Въ такомъ случаѣ избавимся отъ выниманья и поставленья. Впрочемъ, какъ знаете. Только нынче, нынче" (*Письма*, II, № 336). Изъ этой записки Строевъ заключилъ, что Погодинъ ему не довѣряетъ, а потому опять написалъ ему колкое письмо, на которое Погодинъ отвѣчалъ (27-го или 28-го февраля): „Могу ли я ѣхать отъ больной жены? Боитесь ли вы Бога? И не сказали-ль вы сами, что пріѣдете? Объ томъ прошу васъ и теперь. Денегъ я вамъ отдамъ съ прежними 5000 р., да по пренятіи съ Петербургскимъ каталогомъ 1500; а 2000, какъ вы сами говорили, удержу до изданія каталога. Коли хотите дѣлать формально, то благоволите написать условіе. Мое *слово* возьмутъ на биржѣ, не только обязательство, которое я вамъ дамъ, пожалуй хоть за какими угодно двадцатью поруками. Вы требуете, чтобы я купилъ коробовъ и веревокъ. Павелъ Михайловичь! Павелъ Михайловичъ! Ну, да я смолчу. Велите пожалуйста купить моему кучеру, да обвязать шкапы, въ которыхъ и привезутъ книги. Мнѣ хочется, чтобъ они, безъ дальнихъ хлопотъ съ вашей и моей стороны, стали у меня въ комнатѣ, какъ стояли въ вашей. Такъ мнѣ будетъ легче обозрѣніе. Я купилъ у васъ библіотеку почти не смотря—неужели это не знакъ *довѣренности*? Я принялъ ваше слово и не сталъ торговаться—неужели это не знакъ *довѣренности*? Я далъ задатокъ, не думая о вашей роспискѣ—неужели это не знакъ *довѣренности*? Не повѣрилъ ли я вамъ также, что вы отдаете всѣ рукописи сполна? А вы грозно спрашиваете и проч. Божусь вамъ, что писать эту записку и гонять въ другой разъ къ вамъ человѣка—великая утрата для меня. Дѣло могло обойтиться любовно, ладно, а вы все шершавите его, и изъ ничего. Такъ обойдется и теперь. Увѣряю васъ, что вы не раскаетесь; только успокойте меня. Предполагаю ваше возраженіе: зачѣмъ удерживать двѣ тысячи, а не одну? Затѣмъ, что я ваше изданіе ставлю дорого; ну, какъ вы откажетесь, по срединѣ дѣла, по какимъ бы то ни было причинамъ? Повторяю мою *покорнѣйшую просьбу*: кончите нынче, безъ дальней переписки, и пожалуйте ко мнѣ съ книгами. Увѣренъ, что ваша Супруга присовѣтуетъ вамъ то же. Что я сказалъ, то свято" (*Письма*, II, 337). Въ концѣ эгаго письма Погодинъ приписалъ: „человѣкъ мой оказался пьянымъ — слѣдовательно поручать ему ничего нельзя". Но Строевъ не сдавался. „Съ вами не сговоришь (писалъ къ нему Погодинъ) — приходится уступать. Деньги готовы будутъ, когда угодно. Мнѣ пріѣзжать нельзя, ибо жена больна.

Привозите уже съ каталогомъ, ибо стоять запечатаннымъ (*т. е. книгамъ*) у меня до каталога все равно, что и у васъ" (*Письма*, II, № 338). Кончилось все-таки тѣмъ, что Погодинъ самъ привезъ Строеву семь тысячъ рублей ассигн.; а въ субботу 7-го марта 1842 года, Строевъ съ грустью отправилъ къ Погодину свои рукописи съ кучеромъ его, „въ присланномъ отъ него же ларѣ".

По полученіи рукописей, Погодинъ, отъ 9-го марта, писалъ къ Строеву: „Изините, милостивый государь Павелъ Михайловичь, что не увѣдомилъ васъ въ субботу: я воротился домой поздно, а вчера ни имѣлъ ей Богу ни минуты. Библіотеку получилъ, и тронутъ былъ вашими словами. Почитайте ее своею, ибо она столько же въ вашемъ распоряженіи, какъ и моемъ" (*Письма*, II, № 339).

Пріобрѣтя, такимъ образомъ, Строевское собраніе рукописей, М. П. Погодинъ на радостяхъ, писалъ П. И. Савваитову (отъ 5-го марта 1842 г.). „Купилъ я библіотеку Строева за 8,500 руб. ассигн. Богатство рукописное!"

Въ 1851 году, какъ извѣстно, Погодинъ продалъ свое Древлехранилище въ казну за полтараста тысячъ рублей серебромъ, и многоцѣнное Строевское собраніе, войдя въ составъ Погодинскаго Древлехранилища, поступило вмѣстѣ съ нимъ въ Императорскую Публичную библіотеку. Такимъ образомъ, исполнилось желаніе П. М. Строева, чтобы собраніе его „навсегда упрочилось тамъ, куда будетъ куплено".

XX.

Однимъ изъ блестящихъ результатовъ архивныхъ поисковъ П. М. Строева представляетъ классическое изданіе его, носящее заглавіе: *Выходы государей царей и великихъ князей, Михаила Θеодоровича, Алексія Михаиловича, Θеодора Алексіевича, всея Русіи самодержцевъ.*

Въ числѣ тысячи трехъ сотъ осмнадцати книгъ, хранящихся въ Архивѣ Московской Оружейной Палаты, особенное вниманіе П. М. Строева обратили на себя книги *Выходныя* и *Расходныя.* Съ необыкновенною ясностью объяснилъ Строевъ значеніе этихъ книгъ, въ письмѣ своемъ Князю П. А. Ширинскому, отъ 26-го ноября 1840 года: „Главная цѣль Выходныхъ книгъ: ежедневная записка платья, какое надѣвалъ Царь. Дѣло, казалось бы, не важное, но выходитъ совсѣмъ напротивъ. Во первыхъ, онѣ чрезвычайно важны въ отношеніи *хронологическомъ*,

представляя самыя вѣрныя числа событій государственныхъ, церковныхъ, дворцовыхъ, Московскихъ. Во вторыхъ, изъ нихъ видимъ вполнѣ *этикетъ и обычаи Двора*, при пріемѣ пословъ, въ церковныхъ и другихъ празднествахъ, особенно *частную жизнь царей*, чего не представляютъ намъ ни лѣтописи, ни грамоты, ни другіе источники сего рода. Для топографіи Москвы, сердца старинной Руси, онѣ равно необходимы. Въ числѣ церковныхъ торжествъ XVII вѣка является по Выходнымъ книгамъ *Дѣйствіе Страшнаго Суда*: неизвѣстно какъ оно совершалось, но происходило всенародно, на площади у Пречистой за олтарями (противъ нынѣшней Ивановской гауптвахты); Царь присутствовалъ тамъ въ платьѣ *перваго наряда*, во всѣхъ регаліяхъ. Объ этомъ я до сихъ поръ нигдѣ не читывалъ. На утріе поставленія архіереевъ они подносили Царю огромные и богатые дары, не сообразные съ доходами ихъ епархій, еще менѣе съ ихъ собственными; но ети дары, дня за два до хиротоніи, отпускались имъ изъ казны царской, слѣдовательно поднося ихъ Царю, они только возвращали *Кесарева Кесареви*. Етотъ секретъ открываютъ *Расходныя книги Двора*. У Царицы было особое отдѣленіе во дворцѣ, своя золотая палата; на другой или третій день родинъ Царь принималъ въ ея передней патріарха, владыкъ, бояръ, чиновниковъ, даже торговыхъ мужиковъ (sic), приходившихъ съ поздравленіемъ и дарами. У Царицы жъ бывали приватныя собранія, на масляницѣ и въ другіе праздники, изъ боярынь, куда приходилъ только Царь. Изъ разныхъ мѣстъ Выходныхъ и Расходныхъ Дворцовыхъ книгъ, вмѣстѣ сведенныхъ, видимъ: разныя увеселенія при Дворѣ, потѣхи свадебныя, травли звѣрей, и проч. Царю Алексѣю пускали кровь изъ руки не ланцетомъ, а пробивалъ жилу соколъ, къ тому пріученный. Я исписалъ бы много бумаги, еслибъ захотѣлъ представить любопытнѣйшія черты частнаго быта царей, только изъ этихъ книгъ видимаго. До 1812 года существовали всѣ Выходныя книги царей: Михаила, Алексѣя, Ѳеодора, Іоанна и Петра. Теперь ихъ пятнадцать. Остальныя пропали. *Расходныхъ книгъ* царей Дома Романовыхъ въ Оружейной Палатѣ множество".

Не довольствуясь этими указаніями, Строевъ изыскалъ и средства къ изданію Выходныхъ книгъ. „Осмѣливаюсь вызваться на ето дѣло" (пишетъ онъ Князю Ширинскому), „которое постараюсь исполнить съ ревніемъ и *какъ должно*. Книги слѣдуетъ напечатать въ тотъ же форматъ in 4°, какъ печатаются теперь при Археографической Коммиссіи Лѣтописи, и онѣ могутъ служить позднѣйшимъ къ нимъ дополненіемъ. По предварительной смѣтѣ, ето изданіе будетъ состоять изъ четырехъ изрядныхъ томовъ. Зная, что Археографическая Коммиссія не имѣетъ суммъ достаточныхъ на изданіе *всѣхъ* историческихъ

источниковъ и пособій, я предложилъ И. Н. Царскому, принять на себя издержки печатанія и необходимое возмездіе мнѣ за трудъ: онъ, какъ ревностный патріотъ и любитель старины, охотно на это согласился„ (*А. К.* II, 142, 143).

20-го декабря 1840 года, Я. И. Бередниковъ извѣщалъ Строева, что донесеніе его объ изданіи Выходныхъ книгъ поступило въ Коммиссію и доведено до свѣдѣнія Министра. „Все будетъ, кажется, сдѣлано", пишетъ Бередниковъ, „къ совершенному удовольствію вашему. Пріѣзжайте ради Бога къ намъ, т. е. къ тѣмъ исключительнымъ людямъ, которые васъ душевно любятъ и уважаютъ. Я радъ прыгать отъ радости, какъ услышу, что вы въ Петербургѣ" (*Письма*, II, № 316).

Окончательную санкцію на изданіе Строевъ получилъ изъ Археографической Коммиссіи 21-го января 1841 года.

Такъ какъ Московскіе архивы, въ зимнее время, почти не отапливались, и Строевъ давно уже чувствовалъ „ревматическую боль въ составахъ рукъ и плечь", то приступая къ изданію *Выходовъ Царей*, онъ просилъ Князя Ширинскаго исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе на выдачу ему на домъ, подъ росписку, всѣхъ Выходныхъ книгъ и нѣкоторыхъ изъ Расходныхъ; но ходатайство Князя не увѣнчалось успѣхомъ (*А. К.* II, 161).

При всемъ томъ, работа пошла быстро. 31-го марта 1841 года, Строевъ писалъ къ Князю Ширинскому слѣдующее: „Я трудился очень ревностно надъ приготовленіемъ къ изданію Выходныхъ книгъ царей; а Царскій не жалѣетъ издержекъ, чтобы наружность была достойна высокаго предмета. Въ будущій понедѣльникъ начнется наборъ, и печатаніе пойдетъ быстро. По отпечатаніи каждыхъ пяти листовъ, я буду имѣть честь доставлять Вашему Сіятельству по екземпляру каждаго. Особенно историческое, археологическое и филологическое *Вступленіе*, надѣюсь, будетъ очень любопытно: я раскажу много новаго о государственной и частной жизни царей, обрядахъ Двора, регаліяхъ, платьѣ, утваряхъ и проч., руководствуясь бумажными и вещественными пособіями Оружейной Палаты" (*А. К.* II, 170 на об.). Въ началѣ мая, Строевъ отправилъ уже въ Коммиссію первые восемь отпечатанныхъ листовъ Выходовъ, и при этомъ объяснилъ, что намѣренъ „украсить свое изданіе литографированнымъ листомъ съ разными вокругъ аттрибутами, съ регалій и вещей Оружейной Палаты, и портретами царей Михаила, Алексѣя и Өеодора, которые будутъ налитографированны съ современныхъ" (*А. К.* II, 185). Но С. С. Уваровъ, сомнѣваясь, чтобы въ Москвѣ могли приготовить съ желаемымъ совершенствомъ литографированый листъ, поручилъ сообщить Строеву, что онъ признаетъ за лучшее отпечатать

простой заглавный листъ, по примѣру изданій Археографической Коммиссіи; а Князь Ширинскій, боясь, чтобы *Вступленіе* не замедлило выходъ въ свѣтъ изданія, спѣшилъ предупредить Строева, что всѣ вообще предисловія къ изданіямъ Археографической Коммиссіи предварительно разсматриваются Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Такимъ образомъ изданіе явилось въ свѣтъ безъ украшенія и безъ *обширнаго Вступленія*.

Въ началѣ 1841 года, Строевъ собрался было въ Петербургъ и получилъ уже отпускъ. „Я въ восхищеніи", писалъ къ нему Бередниковъ, „что скоро увижусь съ вами! Есть о чемъ и потолковать и посмѣяться. Я полагаю, что и Олимпіада Петровна пріѣдетъ когда нибудь взглянуть на Петровъ градъ: теперь это затруднительно, но если откроется желѣзная дорога, то будетъ также легко и удобно, какъ напримѣръ путешествіе къ Троицѣ, особенно пѣшкомъ. Тогда у Московскихъ почтеннѣйшихъ дамъ не останется никакого уважительнаго предлога не видать юной Сѣверной столицы, и не оставить въ ней неизгладимыхъ воспоминаній о своемъ умѣ, любезности и добродушіи" (*Письма*, II, № 319 и 320). Но домашнія обстоятельства не позволили Строеву воспользоваться отпускомъ, что очень огорчило Бередникова. „Какъ жаль", писалъ онъ Строеву, „что вы неудосужились, побывать въ Петербургѣ! Право, вамъ нужно бы заглянуть въ нашу Археографическую атмосферу" (*Письма*, II, № 320).

17-го февраля 1842 года, Строевъ отправилъ въ Археографическую Коммиссію послѣдніе листы отпечатаннаго текста и приступилъ къ главнѣйшей части своего изданія,—къ составленію Объяснительнаго Алфавита, безъ котораго, по его собственному выраженію, „*Выходныя книги* были бы не вразумительны".—Тогда же Строевъ писалъ къ Князю Ширинскому, что, по первоначальному плану, онъ полагалъ *Выходныя книги* и *Выписки изъ дворцовыхъ Расходныхъ книгъ*, нераздѣльную связь имѣющія, издать въ четырехъ томахъ. Послѣ оказалось, что Выходныя книги раздѣлить на два тома не возможно, а потому онъ рѣшился заключить ихъ въ одинъ довольно толстый томъ. Въ томъ же письмѣ Строевъ пишетъ: „Выписки изъ Расходныхъ книгъ составятъ такой же томъ, подъ особымъ заглавіемъ, съ особымъ предисловіемъ и также съ алфавитомъ. Къ нимъ будутъ присоединены нѣкоторыя пояснительныя статьи изъ рукописей Оружейной Палаты и Патріаршаго Приказа. Оба изданія вмѣстѣ представятъ во всей полнотѣ Дворъ Московскій XVII столѣтія" (*А. К.* III, 27).

С. С. Уваровъ очень торопилъ Строева. „Его Высокопревосходительство", — писалъ ему Князь Ширинскій, отъ 29-го октября 1842

года,—„желая знать, въ какомъ положеніи находится печатаніе Указателя къ Выходнымъ книгамъ, поручилъ мнѣ предложить вамъ о доставленіи свѣдѣнія, къ какому времени можетъ быть окончено печатаніе Указателя, и просить о присылкѣ приготовляемаго вами Предисловія, если оно уже приготовлено“ (*А. К.* III, 109). Строевъ отвѣчалъ „Мой Указатель не простой алфавитъ, но объяснительный, составленіе жъ объясненій требуетъ безчисленныхъ справокъ и розысканій, потому что въ нашей археологіи мало что обработано. Совершенное окончаніе изданія, для выпуска въ свѣтъ, можетъ послѣдовать не прежде августа 1843 года“ (*А. К.* III, 116). Странно, что и Бередниковъ, хорошо знавшій взглядъ Строева на *поспѣшность* въ дѣлѣ науки, совѣтовалъ ему *поспѣшить* окончаніемъ Выходныхъ книгъ. „Нѣсколько томовъ“ (пишетъ онъ къ Строеву) „готовится къ выпуску о Святой недѣлѣ; вотъ тутъ хорошо бы присоединить и Выходныя книги. Тогда изданіе будетъ имѣть болѣе цѣны въ глазахъ Начальства, потому что увеличитъ коллекцію, къ выпуску назначенную“ (*Письма*, II, № 354). А между тѣмъ самъ же Бередниковъ писалъ когда-то съ благороднымъ негодованіемъ: „У насъ обыкновенно спѣшатъ, а это, какъ вамъ извѣстно, портитъ и очень портитъ дѣло... Насъ губитъ излишняя поспѣшность! Мы не помнимъ золотаго правила: festina lente... Надобно всемѣрно поберечь Лѣтописи отъ слишкомъ скорой *ѣзды*“ (*Письма*, II, № 307).

Въ мартѣ 1842 года, Строевъ ѣздилъ на короткое время въ Петербургъ. Предъ самымъ отъѣздомъ, онъ получилъ оттуда слѣдующее письмо отъ стараго пріятеля Ярцова: „Позволь тебя спросить, что это значитъ, что ты Петербургъ совсѣмъ забылъ, бросилъ. И мы сколько лѣтъ другъ съ другомъ не видались. Только по одной почтѣ души наши гармонически отзываются раза по два въ годъ. И долго ли это продолжится. До окончанія чугунныхъ дорогъ, когда мы скорѣе птицъ будемъ налетать на ваши кулебяки и наливки. Правда, ты спокойный семьянинъ, послужившій Отечеству, обществу, съ умомъ запасшій кусочикъ, хотя и не богатый, но не бѣдный, и отдыхающій теперь на плодахъ трудовъ своихъ. Ты въ кругу семьи своей доволенъ и счастливъ. А я, любезный Павелъ, до сихъ поръ безщастенъ и только съ Дервишами Манусухи ожидаю когда плоть моя вступитъ въ общую реторду міра, чтобы, переработавшись химически, чрезъ 33,333 года вновь явиться въ этомъ свѣтѣ“ (*Письма*, II, № 340)

По возвращеніи въ Москву, Павелъ Михайловичь принялся самымъ дѣятельнымъ образомъ за свой Алфавитъ къ Выходамъ. „Работая надъ Алфавитомъ, писалъ онъ къ Князю М. А. Оболенскому, при объясненіи разныхъ частей Двора Государева въ XVII в,. мнѣ

предстоитъ крайняя необходимость взглянуть попристальнѣе на нѣкоторыя картины въ Книгѣ избранія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича. Такъ какъ эта книга въ домѣ Вашего Сіятельства, то, опасаясь обезпокоить васъ внезапнымъ пріѣздомъ, принимаю смѣлость покорнѣйше просить Ваше Сіятельство: назначить мнѣ день и полчаса времени на просмотръ означенныхъ рисунковъ. Податель сего, сынъ мой, можетъ передать мнѣ отвѣтъ вашъ" (*Бумаги Московск. Публичн. и Румянцовск. Музеевъ*). А. Князю Ширинскому, отъ 2-го августа 1843 года, писалъ: „Какъ ни трудна корректура, но главная работа въ *приготовленіи* Алфавита. Теперь оканчиваю букву П., самую большую изъ всѣхъ. Въ исходѣ сентября весь Алфавитъ будетъ напечанъ непремѣнно" (*А. К.* III, 174).

За тѣмъ Строеву понадобилась, хранящаяся въ Вязниковскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ *Книга Чиновная царскихъ и патріаршихъ Выходовъ*, и когда онъ получилъ ее чрезъ посредство Археографической Коммиссіи, то писалъ къ Князю Ширинскому: „Разсмотрѣвъ внимательно рукописный Сборникъ, присланный изъ Вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря, я нашелъ помѣщенные въ немъ Выходы Царя Алексѣя и патріарха Іосифа *чрезвычайно* любопытными, тѣмъ болѣе, что о платьѣ тутъ ни слова и очень много подробностей. Я рѣшился присоединить ети Выходы къ издаваемымъ мною въ видѣ прибавленія. При такой большой книгѣ, какова печатаемая мною, мѣсяцъ появленія ея въ свѣтъ ранѣе, или позже, ничего не значитъ. Если пропустить теперешній случай, гдѣжъ и когда будетъ возможность помѣстить Выходы изъ Вязниковскаго Сборника, не могу не повторить, чрезвычайно любопытные". Что же касается до Предисловія, то Строевъ, въ томъ же письмѣ къ Князю, такъ объясняетъ причину его замедленія: „Принужденный искать денежныхъ средствъ къ содержанію моего семейства, я не могъ не принять на себя составленіе подробнаго каталога библіотеки здѣшняго Историческаго Общества, мнѣ предложенное. Это заставило меня сосредоточить всѣ силы на такомъ трудномъ дѣлѣ и работать цѣлые дни, чтобы къ праздникамъ получить деньги, которыхъ мнѣ недоставало" (*А. К.* III, 217, 218).

Бередниковъ былъ въ восторгѣ отъ составляемаго Строевымъ Указателя. „Удосужившись на дняхъ",—писалъ онъ ему, отъ 20-го ноября 1843 года,—„я взялъ изъ Коммиссіи вашъ *Указатель* къ Выходамъ и прочелъ его внимательно. Богатство свѣдѣній, въ немъ содержащихся, меня изумляетъ. Такого указателя на Руси не было. Мнѣ даже кажется, что мы находимся именно на томъ пунктѣ обработки нашей исторіи, когда подобный трудъ становится необходимостью по самому

существу вещей.., Еслибъ у насъ были указатели, въ родѣ вашего, къ лѣтописямъ и грамотамъ: одно ето уже составило бы екзегетико-критику. Въ литературѣ, имѣющей подобные матеріалы, останется додѣлать немного. Съ высокимъ уваженіемъ преклоняюсь передъ вами, и признаю въ васъ великаго мастера. Вы дѣлаете въ Россіи то, что сдѣлалъ Яковъ Гриммъ въ Германіи (См. Deutsche Rechts-Alterthümer). Ето не комплиментъ: спросите *знающихъ*. Впрочемъ, кажется, ето *золото* для не многихъ. Г. Погодина и его крестоваго похода противъ меня не боюсь: вѣдь онъ не можетъ отдѣлить *ваше* жемчужное зерно отъ сора навозной кучи" (*Письма*, II, № 374),

Трудъ Строва вышелъ въ свѣтъ въ 1844 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Выходы Государей Царей и Великихъ Князей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича, Ѳеодора Алексѣевича, всея Русіи Самодержцевъ* съ 1632 по 1682 годъ (М. 1844 in 4°). „Исторія Царей благодатнаго Дома Романовыхъ", говоритъ Строевъ въ предисловіи,—„отъ Михаила до Петра, поле почти невоздѣланное: оба Русскіе Исторіографа (Князь Щербатовъ и Карамзинъ) не достигли до грани 1613 года, попытка ревностнаго Берха продолжить ихъ труды слишкомъ слаба; послѣ того занимались болѣе Варягами.

Между тѣмъ Исторія Россіи въ XVII столѣтіи неоспоримо важнѣе всей предшествующей: подъ конецъ правленія Царя Алексія и при державныхъ сыновьяхъ его Царство Московское и всея Русіи было въ полномъ развитіи *своихъ* стихій, этотъ-то періодъ собственно *Русскій*; коренныя преобразованія Петра Великаго дали жизни государственной и быту народному иное направленіе.

Будущій Исторіографъ сказаннаго періода, при необходимомъ талантѣ писателя, долженъ быть мужъ терпѣнія и труда въ высочайшей степени: какая бездна матеріаловъ *необработанныхъ* предстанетъ ему!

Архивъ бывшаго Посольскаго Приказа заключаетъ въ себѣ громады сношеній почти съ цѣлою Европою и съ сосѣдними народами Азіи, многочисленные остатки другихъ Московскихъ Приказовъ изобилуютъ свѣдѣніями о внутреннемъ состояніи и управленіи Царства, Литература того времени обнаружитъ многія событія въ Церкви, почти незамѣченныя.

Съ воцареніемъ Дома Романовыхъ прекратились Лѣтописи. При необъятномъ множествѣ документовъ *оффиціальныхъ* можно и не слишкомъ скорбѣть о писаніяхъ *частныхъ*, особенно въ родѣ тѣхъ, на которыхъ по преимуществу основана наша Исторія до XVII столѣтія. Будемъ дорожить Лѣтописями, за неимѣніемъ иныхъ источни-

ковъ, но современемъ благоразумная критика ограничитъ безотчетное къ нимъ довѣріе.

Все это общее, государственное, частная жизнь Государей предметъ не менѣе любопытный. Европейскіе послы и другіе чужестранцы, посѣщавшіе Москву въ XVI и XVII столѣтіяхъ, передали намъ описаніе этикета Двора, образа жизни Царей, церковныхъ и другихъ обрядовъ: они подробны, но во многомъ не вразумительны, только чрезъ обработаніе домашнихъ источниковъ можемъ выяснить ихъ какъ должно. Исторія Москвы, *града богоспасаемаго*, въ связи самой тѣсной съ бытописаніемъ Царства: въ ней совершились всѣ главныя событія, ея соборы и церкви — святыня и памятники государственные, жители областей только подражали Москвитянамъ.

Въ послѣднихъ отношеніяхъ очень важенъ Архивъ нынѣшней Оружейной Палаты: остатки бумагъ разныхъ Дворцовыхъ приказовъ, уцѣлѣвшіе при ужасныхъ пожарахъ *1737* и *1812* годовъ, когда цѣлая Москва превращалась въ пепелъ; пересмотръ этихъ бумагъ знатокомъ *опытнымъ* необходимъ" (стр. III—V).

На страницахъ *Москвитянина* 1844 года, появился грубый отзывъ объ этомъ классическомъ трудѣ Строева, принадлежащій перу покойнаго профессора Московскаго Университета И. Д. Бѣляева. „Не понимаемъ" (говоритъ онъ, между прочимъ) „какимъ образомъ авторъ не нашелъ ничего полезнѣе для изданія? Пересмотря столько библіотекъ, можнобъ это сдѣлать, имѣя хоть небольшую способность выбирать. Для г. Строева какъ будто не существуетъ разницы между документами. Онъ смотритъ на нихъ только какъ на нумера въ каталогѣ".

Справедливо говорилъ Бередниковъ Строеву еще въ 1841 году, когда онъ только что познакомился съ первыми листами изданія: „*Выходы* любопытны и указываютъ на многіе предметы; надо только острый глазъ. Новѣйшіе историческіе невѣжды врядъ ли оцѣнятъ ихъ по достоинству". Самъ М. П. Погодинъ, помѣстившій въ *1844 году*, въ своемъ *Москвитянинѣ*, критику Бѣляева, тридцать лѣтъ спустя, именно *въ 1874 году*, за годъ до смерти своей, писалъ къ Строеву: „Недавно понадобилось мнѣ справиться въ вашемъ Указателѣ къ *Выходамъ*. Да вѣдь тутъ готовый матеріалъ для 20, 30 новомодныхъ диссертацій". А между тѣмъ, въ 1844 году, Бѣляевъ не нашелъ въ этомъ самомъ Указателѣ *ничего новаго, кромѣ ошибокъ* (*Москвит.* 1844, № 9, стр. 154—164).

Нашлись, однако, и такіе, которые умѣли въ свое время оцѣнить трудъ Строева. Такъ, почтенный П. И. Кеппенъ писалъ Павлу Михайловичу: „Спѣшу принесть какъ вамъ, такъ и И. Н. Царскому, отличную благодарность за доставленный мнѣ экземпляръ Выходовъ

Царскихъ. Это богатый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшный матеріалъ для исторіи XVII вѣка. Присовокупленный вами Указатель заслуживаетъ особенную благодарность и *имъ воспользуются конечно и любители Русскаго языка* — преимущественно лексикографы" (*Письма*, II, № 387). Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ Кеппена, вотъ что писалъ *великій художникъ слова* Гоголь, къ другу своему поэту Языкову: „А если хочешь быть еще понятнѣе всѣмъ, то, набравшись духа библейскаго, опустись съ нимъ, какъ со свѣточемъ, во глубину Русской старины. Стихъ твой не будетъ вялъ, не бойся; старина дастъ тебѣ краски и уже одною собою вдохновитъ тебя! Она такъ живьемъ и шевелится въ нашихъ Лѣтописяхъ. На дняхъ попалась мнѣ книга: *Царскіе Выходы*. Тутъ уже одни слова и названія царскихъ убранствъ, дорогихъ тканей и каменьевъ — сущія сокровища для поэта; всякое слово такъ и ложится въ стихъ. Дивишься драгоцѣнности нашего языка: что ни звукъ, то и подарокъ; все зернисто, крупно, какъ самъ жемчугъ, и, право, иное названіе еще драгоцѣннѣе самой вещи. Да если только уберешь такими словами стихъ свой—цѣликомъ унесешь читателя въ минувшее. Мнѣ, послѣ прочтенія трехъ страницъ изъ этой книги, такъ и видѣлся вездѣ царь старинныхъ, прежнихъ временъ, благоговѣйно идущій къ вечернѣ въ старинномъ царскомъ своемъ убранствѣ" (*Полн. Собр. Сочин. Н. В. Гоголя*. М. 1862. III, 390). Бѣляевъ же, впрочемъ, тогда еще молодой человѣкъ, съ смѣшною важностью поучалъ Строева: „Кажется безъошибочно можно сказать, что не всѣ памятники древности требуютъ подобнаго изданія; для изслѣдователя драгоцѣнна не старая буква, но жизнь, которую она выражаетъ" (*Москвит*. 1844, № 9, стр. 157, 158).

За два года до выпуска въ свѣтъ Выходныхъ книгъ, П. М. Строевъ напечаталъ въ Москвѣ любопытнѣйшія *Записки Артиллеріи маіора М. В. Данилова, написанныя имъ въ 1771 году* (М. 1842, 8°). „Простодушный разсказъ автора о своей жизни", — пишетъ Строевъ въ Предисловіи къ этимъ Запискамъ, — „картины общежитія, нравовъ и службы дворянъ, во времена Императрицъ Анны и Елисаветы, милые анектоды: все это любопытно и не совсѣмъ безполезно для исторіи" (стр. III, IV).

Вскорѣ послѣ объявленія въ газетахъ о выходѣ въ свѣтъ *Записокъ* Данилова, Строевъ получилъ изъ Арзамаса отъ маститаго полковника Василья Васильевича Баженова подписныя деньги, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдующее письмо: „Бывъ самъ 68-ми лѣтъ, очень цѣню дорого, когда вижу ровесника себѣ и вспомня съ нимъ младенчество и юность свою кажется на время забываешь скорбь свою и всѣ житейскія не-

пріятности. Вы, милостивый государь, обещаете, намъ старичкамъ въ книжкѣ или запискахъ маіора М. В. Данилова, большое удовольствіе? Здѣлайте милость удѣлите экземпляръ на мой удѣлъ и въ самой вещи можетъ и наша лепта будетъ полезна для кого нибудь въ Казани" *) (*Письма*, II, № 348).

Записки Данилова живо заинтересовали Академика Д. И. Языкова. „Я прочелъ ихъ",—писалъ онъ Строеву,—„съ величайшимъ удовольствіемъ, ибо онѣ перенесли меня въ тотъ вѣкъ, котораго конецъ я еще живо помню. Дѣйствительно, какъ теперь вижу себя, сидящаго за часословомъ, съ указкою въ рукѣ, подъ надзоромъ деревенскаго дьячка... Вотъ первая книга, въ которой описанъ бытъ нашихъ дѣдушекъ" (*Письма*, II, 352).

По поводу тѣхъ же Записокъ возникла не безъинтересная переписка между Строевымъ и рясофорнымъ Оптиной пустыни Петромъ Александровичемъ Григоровымъ, извѣстнымъ въ нашей литературѣ изданіемъ *Писемъ Затворника Задонскаго Георгія.*

„Я прочелъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*",—пишетъ Григоровъ,—„что вы стряхнули пыль съ Записокъ маіора Данилова, и уже издали въ свѣтъ оныя съ благонамѣренною цѣлью пособить погорѣвшимъ жителямъ Казани. Похвальный подвигъ вашъ заслуживаетъ признательности каждаго Россіянина". О самомъ же содержаніи Записокъ Григоровъ пишетъ въ другомъ письмѣ: „Еслибъ поднять бы Шувалова и дать ему прежнюю силу—думаю и сочинитель и издатель поѣхалибъ безъ прогоновъ къ льдистымъ тундрамъ Сибири" (*Письма*, II, № 351).

Въ концѣ концовъ, Григоровъ, въ знакъ своего уваженія къ особѣ П. М. Строева, „какъ человѣку, который трудами своими прославляетъ любезное отечество", препроводилъ къ нему *Лѣтопись о Петрѣ Великомъ* при слѣдующемъ объясненіи: „Чья эта лѣтопись? не знаю... Какъ видно писано лицемъ духовнаго званія, ибо тутъ помѣщено пророчество Кирилла Бѣлозерскаго о рожденіи Петра. Есть и другія статьи касательно Стрѣлецкихъ бунтовъ. У меня есть нѣсколько писемъ Князя П. В. Лопухина къ игумену Ювеналію Воейкову по случаю составленія имъ родословія Лопухиныхъ. Ежели угодно, я могу служить ими, а если не желаете, то отошлю къ Погодину" (*А. К.* II, № 347).

Одновременно съ Записками Данилова, Владиміръ Михайловичъ Строевъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: *Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Путевыя записки и замѣтки* (Спб. 1842). Эта книга дала по-

*) Записки были изданы въ пользу погорѣльцевъ города Казани.

водъ къ забавному недоразумѣнію. „Съ особеннымъ удовольствіемъ“,— пишетъ Григоровъ Павлу Михайловичу, — „прочелъ вашъ *Парижъ*“. Строевъ объяснилъ ему, что *Парижъ* не его, а его брата Владиміра; тогда Григоровъ, стараясь объяснить свою ошибку, писалъ слѣдующее: „Одинъ изъ моихъ знакомыхъ предлагаетъ мнѣ прочесть книгу *Парижъ*... Я спрашиваю: не романъ-ли? Помилуй, братецъ, ее писалъ Строевъ—вашъ монастырскій работникъ—книга чисто литературная и историческая. И такъ я взялъ книгу безъ заглавнаго листа, въ половину оторваннаго, гдѣ только виднѣлось: *сіе видѣ око мое*, и я принялъ ее по всѣмъ признакамъ за ваше сочиненіе... Знаете ли вы какъ въ уѣздныхъ городкахъ читаютъ книги? Одинъ выпишетъ: а всѣ къ нему лезутъ съ просьбою, и читаютъ съ неопрятностью—рвутъ ихъ! Охота къ чтенію доходитъ до того, что какой нибудь полуграмотный купчина, котораго спросишъ: позвольте узнать изъ какого вы города? Преважно и подбочинясь будетъ отвѣчать: мы батюшка не изъ города, а изъ Болохова! Этотъ грамотѣй проситъ для своей Аннушки новой вычюрной книжечки и не читая ея только рветъ. Вотъ мнѣ какая книга досталась—я повѣрилъ на слово и остался въ дуракахъ! А чтобъ и впредь я не дѣлалъ глупостей, то за вину свою я долженъ заплатить пеню, а потому и выпросилъ у одного изъ монастырской братіи книгу *Писемъ Затворника*, которую при семъ препровождаю. Радъ, что могу служить вамъ ею. Вмѣстѣ съ симъ прилагаю еще три книги нашего почтеннаго старца Іеросхимонаха Іоанна, коего я сотрудникъ, ибо изъ книги его *Духъ Мудрованія* увидите, кто онъ таковъ и чистосердечную исповѣдь. Раскольники говорятъ, что ее писалъ Московскій митрополитъ; ибо онъ писалъ такимъ слогомъ: *Къ глаголемому старообрядцу*. Изъ этого вышла престранная исторія: Одна изъ этихъ книгъ подарена была знакомому мнѣ Армянину, дабы вразумить его; тотъ разсердился, отнесъ ее къ своему попу, коего 16, 17 и 18 страницы взбѣсили: они тамъ названы треклятыми. Попъ кинулся къ Лазареву, который обратился въ Петербургѣ къ своему покровителю; но кажется объяснили, что они на трехъ соборахъ кляты и потому названы треклятыми! Армяне разсердились и говорили: насъ Государь жалуетъ крестами, какъ же мы треклятъ!... Мало етаго, не знаю кто, а должно думать не Лазаревъ-ли, отправилъ книгу къ Армянскому патріарху, который подалъ прошеніе къ Императору; но Святѣйшій Синодъ доказалъ правильность и самому патріарху. И такъ, прошу не прогнѣваться и принять посланныя книги. Счастливымъ себя почту, если такой достойный человѣкъ приметъ съ благосклонностію признательность соотече-

ственника, умѣющаго почитать людей, не потому что предки ихъ Римъ спасли“ (*Письма*, II, № 349).

Въ благодарность за полученныя книги, Строевъ послалъ Григорову *Описаніе памятниковъ Славяно-Русской литературы* Сергія Строева. По поводу присылки Григоровъ пишетъ: „Чюдное дѣло—три брата и всѣхъ Господь надѣлилъ дорогими талантами.—Изъ письма вашего вижу, что вы *не любите религіозной полемики*—помилуйте; я что-то сумнѣваюсь—неужели полемика покойнаго *Московскаго Телеграфа* для васъ интереснѣе? Что дѣлать, у всякаго свой вкусъ! Вы желаете, чтобы я писалъ къ вамъ. Вамъ нравются мои любопытныя письма, но въ сущности они мало любопытны—въ сравненіи еслибъ прочли *Записки Конно-Артиллерійскаго Офицера*, которыя не могутъ быть изданы при жизни моей; онѣ доведены до вступленія моего въ монастырь“... Въ заключеніе письма Григоровъ пишетъ: „Мнѣ пріятно всегда будетъ читать ваши письма; ибо страничка отъ такого почтеннаго мужа—исторія для потомства“. (*Письма*, II, № 351).

XXI.

Въ 1841 году, П. М. Строевъ вмѣстѣ съ Як. И. Бередниковымъ были избраны въ Адъюнкты вновь учрежденнаго Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Засѣданія Отдѣленія начались разсужденіями о различіи нарѣчій чисто Русскаго и Церковно-Славянскаго. „Простите меня за долгое молчаніе“, писалъ Бередниковъ Строеву, отъ 12-го мая 1842 года. Я былъ обремененъ разными не интересными занятіями по Отдѣленію, которое имѣетъ направленіе вовсе противоположное моимъ понятіямъ. Не ожидайте ничего дѣльнаго отъ *обновленнаго святилища Русскаго Слова*“ (*Письма*, II, № 341).

Самъ же П. М. Строевъ назначенъ былъ Членомъ Московской Коммиссіи, на которую Второе Отдѣленіе возложило приготовленіе къ изданію Русской Грамматики по плану, какой признанъ будетъ ею удобнѣйшимъ, и который долженъ быть предварительно разсмотрѣнъ и одобренъ Отдѣленіемъ. Кромѣ Строева, членами этой Коммиссіи были: Академики И. И. Давыдовъ, Погодинъ и адъюнктъ Шевыревъ. Въ бумагахъ Павла Михайловича сохранился протоколъ 1-го засѣданіи этой Коммиссіи, бывшаго 4-го іюля 1842 года. Въ этомъ засѣданіи постановили: 1) Грамматика можетъ быть изложена или

въ видѣ учебника, необходимаго для первоначальнаго изученія языка, или какъ народная книга, важная для каждаго Россіянина, хранилище одного изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ, завѣщанныхъ намъ отъ предковъ, языка Отечественнаго. Составленіе Грамматики перваго рода едва ли относится къ занятіямъ Академіи Наукъ: учебники должны согласоваться съ мѣстомъ, для котораго назначаются. Дѣло Академіи составить Грамматику, которая заключала бы раціональное возсозданіе Отечественнаго языка и служила бы какъ завѣтомъ отъ предковъ, такъ и канономъ для современниковъ. Таковая книга, согласно съ мыслію г. Президента Академіи, *хранила бы и утверждала языкъ.* Если въ Словарѣ содержатся всѣ сокровища языка въ первоначальныхъ его формахъ, то Грамматика должна показать всю жизнь народнаго слова, всю судьбу его, неразлучную съ судьбами народа. 2) Каждый языкъ состоитъ изъ двухъ елементовъ: общихъ законовъ слова человѣческаго и частныхъ особенностей, свойственныхъ тому или другому языку или одной какой-либо отрасли языковъ. По етому и изслѣдованія по части языка могутъ быть двухъ родовъ: *философскія*, относящіяся къ приложенію законовъ общей Грамматики къ Отечественному языку, и *историческія*, составляющія предметъ Сравнительной Грамматики и основывающіяся на письменныхъ его памятникахъ. Изданныя доселѣ Русскія Грамматики, не исключая труда Ломоносова, не выполняютъ етихъ требованій, при всѣхъ достоинствахъ, какими они отличаются какъ учебники. 3) Московская Коммиссія принимаетъ на себя разработку матеріаловъ для Академической Русской Грамматики со стороны философской и исторической, какъ существенныхъ елементовъ для составленія не учебника, но книги всенародной. Образцомъ въ етомъ трудѣ она поставляетъ себѣ грамматику Гримма. Приготовительные труды въ первомъ отношеніи будутъ академика Давыдова, во второмъ отношеніи академика Погодина и адъюнкта Шевырева. Сводомъ Русскихъ грамматикъ займется адъюнктъ Строевъ, сколько позволятъ ему занятія по Коммиссіи Археографической. 4) Коммиссія не имѣетъ ни помѣщенія, для своихъ засѣданій, ни актуаріуса, для письмоводства, ни сторожа, для посылокъ. Необходимо покорнѣйше просить Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ: не благоугодно ли будетъ исходатайствовать у г. Министра Народнаго Просвѣщенія предписаніе начальству Московскаго Университета объ оказаніи Коммиссіи содѣйствія: предоставленіемъ ей приличной залы съ освѣщеніемъ въ зимнее время, назначеніемъ въ потребныхъ случаяхъ письмоводителя изъ канцелярскихъ чиновниковъ и командировать одного изъ нижнихъ служителей. 5) Испросить у Отдѣленія присылки для

адъюнкта Строева, по одному экземпляру всѣхъ замѣчательнѣйшихъ Русскихъ Грамматикъ, необходимыхъ для предпринимаемаго свода. 6) Собраніямъ Коммиссіи быть еженедѣльно, по субботамъ, послѣ полудня, безъ предварительныхъ повѣстокъ" (*А. К.* III, 74, 75).

Отъ 1-го сентября 1842 года, Бередниковъ писалъ Строеву: „Я еще не видалъ протокола засѣданія Московской Коммиссіи Отдѣленія Русскаго языка и Словесности, и потому не могу сказать вамъ своего мнѣнія о ея занятіяхъ. Я, подобно вамъ, не имѣю никакого расположенія *къ трудамъ*, изъ которыхъ, по всему видно, выдетъ пузырь. Во первыхъ, дѣло идетъ *не такъ*. Во вторыхъ, мы съ вами никогда не приспособляли себя хлопотать о правилахъ языка, неустановившагося, необработаннаго, необогащеннаго писателями, и котораго мѣста и значенія въ области Славянскихъ нарѣчій не понимали, и до нынѣ не понимаютъ, всѣ наши литературные корифеи. Будьте увѣрены: пока не будутъ смотрѣть на Русскій языкъ съ настоящей точки зрѣнія, т. е. пока не разгадаютъ его исторіи, неизслѣдуютъ его въ связи съ другими Славянскими нарѣчіями и не отдѣлятъ новѣйшаго, послѣ Петровскаго, языка отъ церковнаго, съ которымъ онъ, какъ и прежній Русскій языкъ, столь знакомый намъ (по грамотамъ), не имѣетъ ничего общаго, или отъ котораго, по крайней мѣрѣ, существенно рознится, до тѣхъ поръ гг. старые и новые академики пусть понизятъ свои *высшіе* взгляды; право, не сдѣлаютъ *порядочной* учебной книги Русскаго языка. Попомните мои слова! Вы правы: при слабомъ состояніи приготовительныхъ работъ, чего ожидать, кромѣ исправленія Грамматики бывшей Россійской Академіи? Станемъ покамѣсть подновлять то, что обвѣтшало; но отложимъ попеченіе о закладкѣ новаго, стройнаго зданія по правиламъ *науки*. Мы не тѣ люди, мы еще вѣримъ, что языкъ церковный, грамотъ и Регламента, есть одинъ и тотъ же, изъ котораго будто естественнымъ путемъ, какъ бывало индѣ, развился новѣйшій; двоякость и троякость однозначащихъ словъ мы считаемъ богатствомъ и преимуществомъ его, и забываемъ, что мы смѣшали въ новѣйшемъ языкѣ нѣсколько нарѣчій, и етому смѣшенію силимся дать законы a priori, не зная исторіи литературнаго столпотворенія. Надо признаться, что мы доселѣ, по етому пути ходимъ въ большой темнотѣ. Невѣденіе, что есть Русскій языкъ, какъ онъ образовался и чѣмъ отличается отъ другихъ родственныхъ ему нарѣчій, неумѣнье, въ теченіи полутораста лѣтъ, разрѣшить вопросъ, какое направленіе должно дать Русскому слову, имѣющему всѣ родовые признаки самостоятельности, но потрясенному умственно-общественнымъ переворотомъ въ началѣ XVIII вѣка,—направленіе, которое приспособило бы его къ выраже-

нію новѣйшей умственности, но не истребило бы въ немъ формъ коренныхъ—кладетъ яркое пятно на несмѣтливость нашихъ писателей, начиная отъ Ломоносова до Греча, и дѣлаетъ литературу нашу жалкою компиляцією" (*Письма*, II, 345).

За тѣмъ, по прочтеніи протокола Московской Коммиссіи, Бередниковъ писалъ слѣдующее: „Читалъ я мнѣніе вашей Коммиссіи объ изданіи Грамматики. Что необходимо сдѣлать предварительно, такъ это сводъ Русскихъ грамматикъ, въ этомъ я согласенъ. Что же далѣе хочетъ дѣлать Коммиссія, и что значитъ *Историческая или Сравнительная Грамматика Русскаго языка*, основывающаяся на письменныхъ памятникахъ — етого я не понимаю. По крайней мѣрѣ не понимаю того, что подъ етимъ разумѣютъ Гг. члены Коммиссіи. Развѣ письменные памятники языка нашего всѣ извѣстны и изслѣдованы ими? Да и что разумѣть собственно подъ Русскими памятниками? Надѣюсь, что подъ ними нельзя разумѣть памятниковъ Церковно-Славянскихъ? Еще: какъ смѣшать Русскій старинный языкъ съ новѣйшимъ, въ одной грамматикѣ, да и время ли теперь? Давно ли наши филологи узнали, что есть какое-то нарѣчіе (языкъ грамотъ или юридической письменности) отдѣльное отъ Церковно-Славянскаго и не похожее на нынѣшній Русскій? Полноте, господа, пыль въ глаза пускать; оставьте высшіе свои взгляды и смотрите на вещи просто, какъ онѣ есть. Вотъ аксіома: въ наше время возможна грамматика только новѣйшаго Русскаго языка, на которомъ, въ сей именно моментъ, мы говоримъ и пишемъ. Приступомъ къ дѣлу—сводъ грамматикъ существующихъ. Такъ вездѣ начинали: сперва грамматика практическая, потомъ, если угодно, сравнительная, предшествуемая однакожъ спеціальными, чтобъ было изъ чего сравнить. Но, послѣ свода грамматикъ, что дальше? Ето задача, которой ни г. Погодинъ, ни г. Шевыревъ, конечно, не разрѣшатъ" (*Письма*, II, 346).

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, при самомъ своемъ учрежденіи обратило „силы и способы свои" къ изданію *Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка*. П. М. Строевъ, желая, и съ своей стороны, внести лепту въ это великое предпріятіе, отправилъ двѣ тетради къ Князю Ширинскому, при слѣдующемъ письмѣ, отъ 14-го сентября 1842 года: „Много лѣтъ назадъ, я имѣлъ намѣреніе составить Словарь старинная языка нашего *), или собраніе такихъ словъ и выраженій, которыя уже не существуютъ или перемѣнили свое значеніе: я записывалъ все, что встрѣчалъ при чтеніи старинныхъ памятниковъ, большею частію на лоскуткахъ; но въ послѣдствіи вре-

*) Стр. 101—102.

мени, отвлеченный другими трудами, большую часть сихъ записокъ растратилъ. Недавно въ бумагахъ своихъ я нашелъ еще двѣ тетради уцѣлѣвшія, въ которыхъ записано довольно словъ, съ указаніемъ, гдѣ они мнѣ встрѣтились. Такъ какъ въ составляемый Вторымъ Отдѣленіемъ Словарь предположено вносить и слова старинныя, то я почелъ не совсѣмъ безполезнымъ препроводить при семъ означенныя тетради, съ тѣмъ, если найдется въ нихъ что либо годное для гг. Редакторовъ Словаря, то можно употребить въ дѣло; въ противномъ случаѣ возвратить мнѣ для уничтоженія" (*А. К.* III, 88).

Князь Ширинскій передалъ присланныя тетради во Второе Отдѣленіе, которое, разумѣется, съ благодарностью приняло ихъ (*А. К.* III, 106).

Въ 1844 году, скончался давній доброжелатель Строева, знаменитый Академикъ Филиппъ Ивановичь Кругъ, много лѣтъ занимавшій кафедру Русской исторіи Императорской Академіи Наукъ.

По свидѣтельству Я. И. Берѣдникова, послѣ покойника осталось „столько академическихъ разсужденій, что ими можно наполнить порядочный томъ". Съ занятіемъ осиротѣвшей кафедры Аристомъ Аристовичемъ Куникомъ, извѣстнымъ авторомъ *Die Berufung der Schwedischen Rodsen* (St. Petersburg. 1844. 8°), поднялись, по выраженію Бередникова, *новые споры о Варягахъ*. Вотъ что писалъ о новомъ академикѣ тотъ-же Бередниковъ: Аристъ Аристовичъ Куникъ „поднялъ знамя противъ системы Каченовскаго и Венелина, которыхъ онъ смѣшиваетъ. Все старое — въ родѣ Погодина, кромѣ нѣмецкой лингвистической учености и историко-филологической діалектики, которыхъ у Погодина, какъ у *доморощеннаго*, вовсе не достаетъ. Куникъ очень и очень переросъ Московскихъ критиковъ: Погодину съ братьею мѣсто на студентской скамьѣ въ аудиторіи Куника, онъ обѣщаетъ замѣнить собою Лерберга, Круга и т. п." (*Письма*, II, № 379).

П. М. Строевъ, одновременно съ избраніемъ въ адъюнкты Академіи, былъ избранъ, 27-го сентября 1841 года, въ библіотекари Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (*Арх. Ком.* II, 323). Еще въ 1839 году, онъ обратился въ Общество съ просьбою оказать ему пособіе для изданія въ свѣтъ приготовленнаго имъ библіографическаго труда. Въ просьбѣ той онъ писалъ: „Исторія Славянскаго Книгопечатанія у насъ, въ Отечествѣ, до меня почти не обработывалась: въ 1829 года, я издалъ *Описаніе Старопечатныхъ книгъ библіотеки Графа Толстаго*, въ 1836 году такоежъ *Описаніе* принадлежащихъ *И. Н. Царскому*, теперь я довершилъ третій етажъ сего зданія, которое затѣмъ можетъ быть почти кончено; я пригото-

вилъ *Дополненіе библіографическое* къ обоимъ помянутымъ выше *Описаніямъ*, въ которомъ съ тою же подробностію разсматриваю до двухъ сотъ рѣдкихъ изданій, въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ лицъ мною видѣнныхъ. Книга моя совсѣмъ готова къ печати; но подобныя ей книги, принося большую пользу наукѣ, обращаются въ чистый убытокъ издателямъ и я, за недостаткомъ денегъ, не могу приступить къ напечатанію труда, столько великихъ хлопотъ и времени мнѣ стоившаго. Императорское Общество Исторіи пользуется отъ щедротъ Всемилостивѣйшаго Монарха ежегоднымъ значительнымъ пособіемъ. Къ нему-то я осмѣливаюсь обратиться съ покорнѣйшею просьбою: удѣлить мнѣ *тысячу* руб. ас. на напечатаніе вышеозначенной книги, въ частной типографіи, къ чему я приступлю тотчасъ по выдачѣ мнѣ денегъ. Если потребуется на изданіе болѣе сей суммы, я дополню собственнымъ коштомъ. По отпечатаніи я готовъ предложить сто, и если нужно, болѣе екземпляровъ, почтеннѣйшимъ господамъ сочленамъ, безъ всякой платы. Я остаюсь въ полной увѣренности, что Императорское Общество Исторіи, подкрѣплявшее до сего времени полезныя предпріятія къ обработыванію нашихъ Древностей, не откажется пособить и мнѣ" (*А. К.* II, 81).

Общество не отказало Строеву въ просимомъ пособіи и въ 1841 году, онъ издалъ свой трудъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Описаніе Старопечатныхъ книгъ Славянскихъ, служащее дополненіемъ къ Описаніямъ библіотекъ Графа Ѳ. А. Толстаго и купца И. Н. Царскаго.*

Въ этой книгѣ описаны Строевымъ изданія, большею частію видѣнныя имъ во время Археографическаго путешествія по Россіи. Въ Предисловіи мы читаемъ: „Исторія книгопечатанія у народовъ Западной Европы обработана окончательно: на всѣхъ языкахъ изданы подробныя библіографіи, руководства библіотекарямъ и книгопродавцамъ, и многіе ученые трудами по етой части заслужили должную извѣстность. Слявянское книгопечатаніе, хотя началось очень скоро послѣ первыхъ изобрѣтателей на Западѣ, не вошло въ составъ означенныхъ библіографій и только въ наше время стали обращать нѣкоторое вниманіе на старинные его памятники. Между тѣмъ, должножъ наполнить етотъ пробѣлъ въ общей ученой Исторіи Европы. Долгъ за нами, Русскими. Въ 1829 году, я положилъ прочное начало библіографіи Славянской изданіемъ въ свѣтъ *Описанія старопечатныхъ книгъ*, бывшихъ въ знаменитой библіотекѣ Сенатора Графа Ѳ. А. Толстаго. Въ 1836 году, случай доставилъ мнѣ возможность издать такоежъ *Описаніе* старопечатныхъ книгъ, находящихся въ не менѣе важной библіотекѣ Московскаго купца Царскаго. Обѣ сіи книги составляютъ одно цѣлое. Съ того времени я продолжалъ описывать

старопечатныя книги Славянскія, которыя встрѣчалъ въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ лицъ. На издаваемое теперь *Дополненіе* должно смотрѣть *не отдѣльно*, но въ *общемъ ихъ составѣ*: всѣ три вмѣстѣ они образуютъ богатую житницу матеріаловъ для библіографіи, ученой исторіи, филологіи, и проч. Стоитъ только умѣть пользоваться выписками, мною представленными. Я не остановлюсь въ библіографическихъ поискахъ и современемъ, если буду имѣть средства, составлю и издамъ еще дополненіе. Кому не извѣстно, что подобные труды и изданія суть *чистая* жертва наукѣ. Будущіе преемники мои на поприщѣ Славянской библіографіи могутъ соединить вмѣстѣ сіи отдѣльныя описанія и составить *общую Славянскую библіотеку*, по примѣру подобныхъ изданій въ литературахъ западныхъ" (стр. III—VIII).

Вновь вышедшее *Описаніе* Строева, И. П. Сахаровъ привѣтствовалъ безъимяннымъ памфлетомъ (напечатанномъ въ *Литературной газетѣ*), который возбудилъ справедливое негодованіе В. М. Ундольскаго. „Нельзя равнодушно вспомнить",—говоритъ онъ,—„съ какою неблагодарностію встрѣтили этотъ трудъ достопочтеннаго библіографа нѣкоторые изъ Петербургскихъ рецензентовъ. Критикъ *Литературной газеты* бился изо всѣхъ силъ, доказывая, что г. Строевъ ошибался и что всѣ книги, описанныя въ дополненіи, давно извѣстны были прежде его" (*Библіограф. Разыск.*, стр. 21—23).

Строевъ, при самомъ вступленіи своемъ въ библіотекари Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, встрѣтилъ разныя затрудненія. Библіотеку пришлось принимать отъ Е. Ѳ. Корша, который, не окончивъ сдачи, уѣхалъ въ С.-Петербургъ. Такъ что Павелъ Михайловичъ былъ поставленъ въ недоумѣніе: „какимъ образомъ долженъ онъ докончить пріемъ общественной библіотеки?" (*Арх. Ком.* II, 323). Вообще библіотекарство это принесло ему много непріятностей и огорченій.

31-го января 1843 года, Общество, имѣя въ виду, что „Библіотека его еще не описана, несмотря на многократные вызовы многихъ членовъ, опредѣлило: отнестись къ г. Библіотекарю Общества П. М. Строеву оффиціальною бумагою и просить его приступить къ описанію въ скорѣйшемъ времени, объяснивъ, что Общество не можетъ по многимъ причинамъ оставить ее въ такомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые члены, какъ напримѣръ, г. Бодянскій, требуютъ неотлагательно доступа къ библіотекѣ" (*А. К.* III, 138). Опредѣленіе это было послано Строеву, за подписью секретаря Погодина, который, кромѣ того, написалъ ему слѣдующее письмо: „Общество хотѣло непремѣнно послать къ вамъ бумагу. Долгомъ поставляю подать вамъ пріятельскій совѣтъ: отвѣчайте, что теперь, по окончаніи вашихъ

дѣлъ спѣшныхъ, примитесь за Описаніе немедленно.—Ну много ли времени нужно вамъ на Описаніе! Рукописей вѣдь не гибель какая? А дѣло тянется объ описаніи уже нѣсколько лѣтъ“ (*Письма* II, 358).

М. П. Погодину хотѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ привлечь Строева къ описанію и своего собственнаго Древлехранилища, а также къ оцѣнкѣ своихъ новыхъ пріобрѣтеній. „Прошу васъ покорнѣйше“—писалъ онъ Павлу Михайловичу, въ февралѣ того-же года,—„оказать мнѣ помощь: Н. П. Филатовъ продаетъ свое Собраніе—взгляните на оное (нельзя-ли нынѣ или завтра), сдѣлайте одолженіе, и подайте мнѣ благой совѣтъ, чего оно стоитъ по вашему мнѣнію. Филатова лавка на Варваркѣ, близь угла къ Василію Блаженному“ (*Письма*, II, 355). Не получивъ отвѣтъ на этотъ вызовъ, Погодинъ опять писалъ: „Г. Филатовъ предлагаетъ мнѣ купить его Собраніе. Я попрошу васъ сказать объ ономъ ваше мнѣніе, а такъ какъ для этого вамъ нужно знать, что есть у меня, то не благоволите ли вы пожаловать ко мнѣ *завтра* съ утра, пораньше; вмѣстѣ и откушаете хлѣба-соли. Кстати мы разберемъ все собраніе (оно уже подготовлено), соединными силами, и такимъ образомъ приготовимъ окончательно къ Описанію вашему“ (*Письма*, II, 356);

П. М. Строевъ, однако, „не былъ ни у Погодина, ни у Филатова, которые сторговались сами собою“. (*Вх. и Исх.* II, 285 об.).

Въ апрѣлѣ 1843 года, Строевъ собрался въ Петербургъ и Погодинъ, узнавъ объ этомъ, письменно просилъ его исполнить слѣдующее порученіе: „Поговорите съ Графомъ Толстымъ: не уступитъ ли онъ мнѣ свое Собраніе. Въ такомъ случаѣ прошу васъ покорнѣйше прислать хоть краткій каталогъ и цѣну. Вы можете ему сказать, что библіотека моя, по завѣщанію, никогда не разрознится и не будетъ принадлежать по моей смерти никому, кромѣ Правительства. Постарайтесь устроить это дѣло, если у Графа есть вещи хорошія“. (*Письма*, II, № 359).

Это порученіе М. П. Погодина даетъ намъ поводъ сказать прощальное слово о человѣкѣ, находившемся долгое время въ близкихъ сношеніяхъ съ П. М. Строевымъ. Впрочемъ, собственно письменныя сношенія прекратились у нихъ еще въ 1837 году. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ Графъ Ѳ. А. Толстой благодаритъ Строева за присланную *книгу перевода его предка*. „Послѣ этого письма“, — свидѣтельствуетъ самъ П. М. Строевъ,—„Графъ постепенно слѣпъ иослѣпъ. Въ 1842, 43, 44 годахъ, пріѣзжая въ С.Петербургъ, я желалъ повидаться съ Его Сіятельствомъ, но никакъ сего не добился: Графъ Закревскій, въ домѣ котораго онъ жилъ, сдѣлалъ его комнату недоступною для посѣтителей, подобныхъ мнѣ, боясь чтобы тесть его не расточалъ оставшихся у него денегъ на что либо (по выраженію его) без-

полезное. Въ 1847 году, находясь въ С.-Петербургѣ, я слышалъ, что Графъ Ѳедоръ Андреевичь еще живъ, но въ состояніи младенческомъ. Въ 1849 году (кажется, на Ѳоминой недѣлѣ) онъ скончался".

Такимъ образомъ, Строевъ, если бы даже и желалъ, не могъ исполнить вышеупомянутаго порученія Погодина.

По возвращеніи въ Москву, у Строева возобновились непріятные переговоры съ Погодинымъ и по Обществу и по Древлехранилищу. „По распоряженію Университетскаго Начальства",—пишетъ къ нему Погодинъ, — „въ нашей залѣ должно передѣлать полы. Благоволите принять мѣры для переноски книгъ. Неудовольствія жестоко продолжаются, въ слѣдствіе того, что вы не принимаетесь за описаніе, и я не понимаю, почему вамъ хочется накупаться на оныя. По моему, вамъ надо или приняться, или отказаться" (*Письма*, II, 364).

Въ другомъ письмѣ Погодинъ пишетъ: „Наконецъ терпѣніе мое истощилось, и я рѣшаюсь написать къ вамъ письмо; будьте сами судьею. Вы требовали отъ меня деликатности и обѣщали показать себя стоикомъ. Я исполнилъ ваше требованіе: прислалъ вамъ деньги безъ книгъ, получилъ ихъ безъ каталога; вмѣсто двухъ или трехъ тысячъ, кои разсчитывалъ оставить у себя за сочиненіе каталога и напечатаніе, удержалъ только одну, по вашему желанію; ждалъ годъ, не говоря ни слова, ждалъ еще полгода; вы обѣщались пріѣхать въ воскресенье, если не будетъ дождя; ждалъ три или четыре воскресенья, изъ коихъ въ два не было и дождя; отъ васъ все нѣтъ ни одного слова. Сочиненіе и напечатаніе каталога я цѣнилъ слишкомъ дорого, не въ тысячу рублей, и по дѣйствительному труду (ибо описать обстоятельно 1500 рукописей и книгъ не бездѣлица), а по вашему знанію дѣла (ибо библіотеку свою считаю общеполезнымъ достояніемъ), и наконецъ по вашему имени и извѣстности въ публикѣ, которыя придали бы цѣну самой библіотекѣ. Слишкомъ важна также для меня скорость въ исполненіи этого дѣла, ибо напримѣръ нынѣ, и за полтора года, находясь въ такихъ-то отношеніяхъ къ начальству, я могъ и могу пристроить ее согласнѣе съ моимъ желаніемъ, нежели завтра, или черезъ годъ, когда отношенія мои измѣнятся и самое начальство перемѣнится. Надѣюсь, что вы понимаете дѣйствительность и справедливость моихъ причинъ? Если вы употребляете на сборы около двухъ лѣтъ, то описаніе пропорціально возметъ сколько же времени, и сколько министровъ и попечителей успѣютъ оставить свои портфели? И такъ, говорю вамъ безъ всякаго сердца, хладнокровно и безпристрастно: или 1) благоволите немедленно приняться, или 2) скажите мнѣ по пріятельски: обстоятельства мои перемѣнились, я получилъ новую должность и занятъ слишкомъ, мнѣ нельзя описы-

вать ваши рукописи и книги, какъ предполагалъ; освободите меня отъ этого труда, и вотъ вамъ, за ваше терпѣніе и полагаемый вами убытокъ, еще нѣсколько важныхъ рукописей. Если нѣтъ у васъ ничего, для моихъ собраній, скажите: я доставлю вамъ, когда нибудь, и наверстаю. Не хотите и етого сдѣлать, откажитесь просто. Я приму другія мѣры, потерплю убытокъ, ибо за оставленную сумму мудрено найдти описателя, даже по механическому труду; понесу самъ трудъ, пособляя ему (ибо описателя такого, какъ вы, здѣсь нѣтъ и я долженъ буду принять участіе въ работѣ); по крайней мѣрѣ неизвѣстность моя прекратится и я буду знать что̀ дѣлать. Повторяю, что пишу къ вамъ хладнокровно, не сердясь, и вы поступите также. Зная впрочемъ вашъ тяжелый характеръ, я нисколько не увѣренъ, чтобъ вы не нашли и въ этомъ простомъ, прямомъ и пріятельскомъ письмѣ, какого-либо повода къ неудовольствіямъ и избираю вашу Супругу посредницею: пусть она скажетъ, право ли я написалъ? Мы знакомы двадцать лѣтъ, кромѣ добраго вы отъ меня ничего не видали и не слыхали; разница въ ученыхъ мнѣніяхъ, гдѣ я противъ васъ говорилъ и говорить буду—ето дѣло другое, ибо о Лѣтописяхъ и Несторѣ я отцу родному не спущу говорить, что онъ захотѣлъ бы, безъ протеста" (*Письма*, II, № 365).

Отъ собственнаго Древлехранилища, Погодинъ снова обращается къ Библіотекѣ Общества. „Повторяю",—пишетъ онъ Строеву,—„что вы накупаетесь на непріятности, и въ этомъ случаѣ я долженъ буду говорить тверже, ибо мнѣ прохода нѣтъ: *вы секретарь, профессоръ Русской Исторіи, можете дѣлать что хотите въ Обществѣ, и оно у васъ въ безпорядкѣ, вы не знаете, что̀ у васъ есть*. Теперь, напримѣръ, пріѣхалъ профессоръ Русской Исторіи Казанскій Ивановъ и спрашиваетъ у меня осмотрѣть рукописи: что̀ отвѣчать мнѣ ему? А спрашивается, что я могъ дѣлать, когда Библіотека была десять лѣтъ у Каченовскаго, а послѣ Каченовскаго вы не давали никому приниматься за нее, а теперь и не принимаетесь: вотъ прошли и вакаціи, и все ничего не сдѣлано! Вы просто, говорю вамъ откровенно, какъ будто хотите, чтобъ вамъ говорили грубости, и эти грубости въ первое собраніе вамъ скажутъ такія лица, съ какими перебраниваться не ловко; я васъ предупреждаю. Либо описывайте, либо откажитесь—вотъ мой совѣтъ въ пятый разъ" (*ibid*). Но Павелъ Михайловичь спокойно выдержалъ всѣ эти отчаянные приступы Погодина. Все дѣло кончилось тѣмъ, что съ Обществомъ заключено было, 16-го октября 1843 года, условіе описать библіотеку и напечатать каталогъ за три тысячи рублей ассигн.; а Погодинъ удоволь-

ствовался тѣмъ, что удержалъ тысячу рублей, которые онъ не доплатилъ Строеву за рукописи (*Вх.* и *Исх.* II, 287).

Между членами Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ было нѣсколько заклятыхъ враговъ Строева, и одинъ изъ нихъ, Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ *), въ письмахъ къ И. П. Сахарову силится представить образъ дѣйствія Строева, его ученыя заслуги въ самомъ черномъ видѣ. „Библіотекарь Строевъ", пишетъ онъ (22-го октября 1843 года), — „предложилъ Обществу свои услуги составить каталогъ, а въ возмездіе себѣ 2000 рублей. Поднялся шумъ и гвалтъ Что каталоги его пошлы, что и сидѣльцы-книжники на прилавкахъ могутъ выписывать предисловія и послѣсловія. Что буде онъ представитъ каталогъ подобный Востоковскому, то и пр. Строевъ—молодецъ, тотчасъ смѣкнулъ дѣло—и предложилъ составить каталогъ еще лутше Востоковскаго, но съ прибавкою еще тысячи рублей. Здѣсь наши сенаторы разинули рты и стали въ тупикъ. Въ самомъ дѣлѣ—каталогъ лутше Востокова! Дѣлать было нѣчего (sic)—прибавили еще тысячу. Теперь остается намъ съ вами ожидать чудесъ отъ Строева. Подождемъ, а между тѣмъ подивимся съ одной стороны безстыдству одного, съ другой—безумію многихъ. Одно только въ этомъ дѣлѣ утѣшительно, что высказали Строеву *правду*, что его каталоги никуда не годятся"! Но вотъ что забавно: въ томъ же письмѣ Кубарева мы читаемъ слѣдующее о самомъ Востоковѣ: Начиная съ того, что „разбирать Черткова нѣчего (sic) бояться. А развѣ только *пощадить его потому*, *что* ето *занимающійся баринъ*. Востокова также щадить бы не должно, особенно за недоглядки: по припискамъ судить о спискахъ, какъ онъ сдѣлалъ съ Патерикомъ. Ученому должно быть извѣстно, что приписки вмѣстѣ со списками списываются изъ рода въ родъ". (Кн. 2, 287 об. 288).

Въ другомъ письмѣ Кубарева (отъ 25-го ноября) читаемъ: „О Строевѣ недавно услышалъ вотъ что: торговля его была такъ не деликатна, что онъ, дабы вынудить Общество на скорѣйшее согласіе, рѣшительно объявилъ, что *буде ему теперь не опредѣлятъ за каталогъ 3000*, *то въ слѣдующее засѣданіе*, *онъ набавитъ еще 500 руб.* Скажите ради Бога, на что ето похоже. А въ Обществѣ былъ и Графъ Строгановъ" (Кн. 2 стр. 284 об.), Злословіе почтеннаго Латинскаго профессора, разумѣется, не помѣшало П. М. Строеву при-

*) А. М. Кубаревъ родился въ Москвѣ 1796 года. Съ 1826 по 1839 г. преподавалъ въ Московскомъ Университетѣ Римскую Словесность. Въ литературѣ извѣстенъ *Разсужденіями* о Патерикѣ Печерскомъ и Несторѣ.

ступить, въ началѣ 1844 года, къ печатанію Каталога библіотеки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. (*Арх. Ком.* III, 219).

Приступая къ составленію втораго отдѣленія этаго каталога, заключающаго въ себѣ книги Русскія гражданской печати, Строевъ встрѣтилъ немаловажныя затрудненія, не позволявшія ему продолжать печатаніе. Объ этомъ онъ писалъ Погодину, отъ 20-го апрѣля: „До 1820 года, покойный П. П. Бекетовъ снабдилъ библіотеку Общества *почти всѣмъ*, что издано до того времени по части Русской Исторіи, Географіи и проч. Послѣ того у насъ много необходимаго недостаетъ. Слѣдовательно, въ Каталогѣ будетъ дизгармонія, которой едвали кто не замѣтитъ. Не странно ли будетъ видѣть, въ Библіотекѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, изъ изданій Археографической Коммиссіи только одни Акты Экспедиціи, присланные ею въ подарокъ; изъ прочихъ изданій ни одного. Еще страннѣе: у насъ нѣтъ Исторіи Карамзина, которую имѣетъ всякій студентъ. Имѣетъ почти всѣхъ путешественниковъ по Россіи и нѣтъ Лепехина, который наиболѣе прочихъ занимался Древностями. Нѣкоторые авторы подарили первый томъ своихъ изданій, слѣдующихъ потомъ не прислали. Какъ показать въ Каталогѣ: Несторъ Шлецеровъ, переводъ Языкова, томъ первый? Исторія Медицины Рихтера томъ первый? Есть и еще другіе. Неужели не пополнить дефектовъ? Напримѣръ, Дѣянія Петра Великаго безъ четырехъ томовъ, и т. под. Что за библіотека *историческая* безъ Остромирова Евангелія, Каталога Румянцовскаго Музея, и другихъ подобныхъ изданій? Общество назначивъ 3 т. р. на изданіе роскошнаго Каталога своей библіотеки, ужели поскупится истратить сотню цѣлковыхъ (если не менѣе) на устраненіе вышесказанныхъ недостатковъ и даже *безобразія* библіотеки“ (*А. К.* III, 237).

Отвѣтъ на это письмо послѣдовалъ не ранѣе 19-го іюня. Въ это время съ Погодинымъ случилось несчастіе: онъ упалъ съ дрожекъ и переломилъ себѣ ногу: „Лежу пять недѣль неподвижно! Книги нужныя, по вашему мнѣнію, считайте сущими“ (*Письма*, II, № 377).

Къ 22-му іюлю, Строевъ окончилъ послѣднее отдѣленіе Каталога: книги на иностранныхъ языкахъ. Здѣсь также оказались *неполныя* изданія. (*Письма*, *А. К.* III, 266).

Погодинъ просилъ Строева прислать ему реестръ недостающимъ книгамъ и рукописямъ съ означеніемъ, когда и кѣмъ онѣ взяты изъ библіотеки „и тогда“, присовокупляетъ Погодинъ,—„я отнесусь къ гг. членамъ отъ Общества оффиціальнымъ церкуляромъ“ (*А. К.* III, 271). Этимъ и прекратились сношенія Строева съ Погодинымъ какъ съ Секретаремъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Въ 1844 году, въ то самое время, какъ П. М. Строевъ печаталъ Каталогъ Библіотеки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ Москвѣ, по Высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ Графа С. Г. Строганова, Комитетъ для Изданія Описанія Древностей Россійскаго Государства, членомъ котораго назначенъ былъ, между прочимъ, и Строевъ. Графъ С. Г. Строгановъ, увѣдомляя Павла Михайловича объ этомъ назначеніи, сообщилъ ему, что засѣданія Комитета начнутся не прежде сентября 1844 года, когда пріѣдетъ въ Москву Академикъ Солнцевъ, изготовившій для покойнаго А. Н. Оленина рисунки, составляющіе предметъ Описанія Древностей Россійскаго Государства. Кромѣ Строева, въ члены Комитета были назначены слѣдующія лица: М. Н. Загоскинъ, И. М. Снегиревъ, А. Ѳ. Вельтманъ, М. П. Погодинъ и С. П. Шевыревъ.

Въ іюнѣ 1844 года, по Высочайшему повелѣнію, въ Комитетъ препровождены, для разсмотрѣнія: *Описаніе Оружейной Палаты*, составленное Вельтманомъ и отзывъ объ этомъ трудѣ Графа Блудова Дѣло въ томъ, что Графъ Блудовъ не соглашался съ мнѣніемъ Вельтмана относительно принадлежности Владиміру I, а не Владиміру Мономаху, регалій, хранящихся въ Оружейной Палатѣ, подъ именемъ Мономаховыхъ. Члены Комитета „принимая въ разсужденіе, что хотя мнѣніе Вельтмана и основывается на нѣкоторыхъ историческихъ выводахъ и соображеніяхъ, и что таковое же предположеніе, о принадлежности помянутыхъ регалій Великому Князю Владиміру I, помѣщено уже, въ изданной отъ учрежденной при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія Археографической Коммиссіи, книгѣ *Выходы* Царей, на стр. 54 Указателя; но какъ описаніе Вельтмана, издаваемое по Высочайшему повелѣнію, должно будетъ составлять какъ бы оффиціальный документъ находящимся въ Оружейной Палатѣ Отечественнымъ Достопамятностямъ, слѣдственно въ немъ не слѣдуетъ излагать ученыхъ изысканій, не имѣющихъ неоспоримыхъ современныхъ доказательствъ, то Комитетъ, раздѣляя мнѣніе по сему предмету Графа Блудова, положилъ поручить Вельтману вновь пересмотрѣть составленное имъ Описаніе и исправить указанныя Графомъ Блудовымъ статьи, относящіяся къ сказаннымъ регаліямъ, которыя и назвать *извѣстными подъ именемъ Мономаховыхъ*“ (*А. К.* III, 261).

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Комитета, въ бумагахъ П. М. Строева, сохранилась составленная имъ записка слѣдующаго содержанія: „Засѣданій Комитета въ домѣ Предсѣдателя было четыре *): въ пер-

*) 1844 года сентября 27-го и октября 20-го, 1845 года генваря 12 го и марта 18-го

выхъ двухъ находился и художникъ Солнцевъ. Въ Москвѣ нѣтъ искусныхъ граверовъ и литографовъ, здѣшніе фабриканты не въ состояніи сдѣлать особенно хорошей бумаги. Разсужденіе о томъ, въ какомъ видѣ составить и издать Описаніе къ рисункамъ, произвело рѣшительное разномысліе и разногласіе въ сужденіяхъ членовъ Комитета; согласились только въ одномъ, испытать искуство литографа, рекомендованнаго А. Ѳ. Вельтманомъ. Протоколовъ всѣхъ четырехъ засѣданій составлено не было. На завтрее послѣдняго Г. Предсѣдатель отправился въ С. Петербургъ и возвратился, кажется, въ мѣсяцѣ маіѣ. 1845 г. апрѣля 25-го, Канцелярія Попечителя Московскаго Учебнаго Округа препроводила къ каждому изъ членовъ Комитета копію съ отношенія г. Министра Двора, къ нему г. Попечителю, въ которой сказано: *Его Императорское Величество удостоивъ Высочайшаго одобренія представленную литографію Астраханской Короны, соизволилъ утвердить мнѣніе Комитета объ изданіи рисунковъ Древностей Россійскаго Государства съ пояснительнымъ текстомъ къ оnымъ* (образцы коего также удостоились Высочайшаго одобренія) *и повелѣлъ, исчисленные на сіе изданіе, 98,600 р. с. отпускать изъ Кабинета частями, по мѣрѣ надобности, въ распоряженіе Комитета, по требованію его*". Въ чемъ состояло упомянутое здѣсь мнѣніе Комитета, кто вычислилъ сумму издержекъ и каковы образцы пояснительнаго текста, мнѣ совершенно неизвѣстно: Государю Императору благоугодно было все утвердить, слѣдовательно долгъ вѣрноподданнаго повиноваться. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я возобновленія засѣданій Комитета, чтобы узнать свои обязанности и будущій ходъ дѣлъ; но до сего времени (то есть до 7-го января 1846) не было ни одного засѣданія и, какъ сказываютъ, не будетъ. Г. Предсѣдатель Комитета поручилъ составленіе текста, присмотръ за литографіею и вообще все изданіе книги *Древностей Россійскаго Государства*, членамъ Вельтману и Снегиреву, назначивъ первому 900 р., второму 600 р. сер. ежегодно; а на г. Загоскина возложилъ обязанность казначея, хранить получаемыя изъ Кабинета деньги и заносить въ шнуровую книгу расходы. До сего времени получено 12,000 руб. сер. Все это мнѣ извѣстно по дошедшимъ слухамъ. Г. Предсѣдатель хранитъ молчаніе и въ засѣданія не приглашаетъ, члены дѣйствующіе отъ вопросовъ о дѣлахъ Комитета уклоняются рѣшительно. Положеніе мое совершенно странное: я членъ Комитета, отъ совѣщаній и занятій его отстраненъ, въ случаѣ же какой либо отвѣтственности подвергаюсь ей на равнѣ съ участвующими. Согласенъ что ничего подобнаго не произойдетъ, но человѣку съ малымъ состояніемъ и большимъ семействомъ всякая боязнь извинительна: 98,600 руб. сер. приводятъ въ

трепетъ невольно. Професоръ Шевыревъ, при свиданіи со мною, очень недавно, сказывалъ, что положеніе его, какъ члена Комитета, совершенно такое же" (*Вход.* и *Исх.* I, 1 об.—2 об.).

По обстоятельствамъ, изъясненнымъ въ запискѣ, П. М. Строевъ просилъ уволить его отъ званія члена Комитета для изданія Древностей Россійскаго Государства (*Вх. Исх.* I, 1).

Тѣмъ временемъ, въ личномъ составѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ произошла важная перемѣна. Въ 1845 году, М. П. Погодинъ, удрученный несчастіями, его постигшими, сложилъ съ себя званіе секретаря Общества. Объ этомъ мы находимъ слѣдующія весьма любопытныя свѣдѣнія въ письмѣ его друга А. М. Кубарева *) къ И. П. Сахарову (отъ 15-го февраля 1845 года): „Погодинъ явился въ послѣднемъ собраніи съ прошеніемъ объ увольненіи. Президентъ **), разумѣется, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, просилъ его не оставлять этого поста, представляя и то и то. Какъ водится, впрочемъ съ исключеніемъ, буде . . . и пр. И такъ дѣло шло довольно хорошо. Только не знаю, какой злой духъ внушилъ Погодину сгрустнуться и попѣнять Обществу, что *онъ такъ мало награжденъ, тогда какъ Общество въ его секретарство такъ много сдѣлало.* Пѣня вовсе неумѣстная. Ибо, кромѣ того, что Общество печатало его изданія на свой щетъ и дарило ихъ ему, онъ еще получалъ за корректуру Сборника 25 р. съ листа, если не болѣе. Къ большому промаху вздумалось ему вычислять при сей оказіи всѣ сплошь сборники, памятники, лѣтописи и пр. и пр., приписывая все это себѣ. Всѣ слушали такой панегирикъ въ молчаніи, пока панегиристъ на бѣду свою не напомнилъ о послѣднемъ Каталогѣ старопечатныхъ книгъ Строева. А Строевъ тутъ былъ! Вотъ тутъ-то поднялась тревога. *Какъ? — воскликнулъ Строевъ—и мой Каталогъ вы приписываете себѣ? По какому праву? Какъ, труды членовъ принадлежатъ только вамъ? Это самохвальство, безстыдство и пр. и пр. Наконецъ, что такое вы, вы сами, господинъ Погодинъ? Вы сами не черезъ мои ли руки* (подлинныя слова) *перешли въ общество? Откуда такое диктаторство? Не отъ того ли всѣ оставили Общество? Я самъ послѣ сего ни ногой сюда болѣе и пр.* Президентъ, который давно уже, и весьма справедливо, жаловался на равнодушіе членовъ, не безъ удовольствія слу-

*) Кубаревъ былъ связанъ узами дружбы съ Погодинымъ еще съ университетской скамьи, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ Михаилъ Петровичъ въ своей *Автобіографіи*, и Кубаревъ первый указалъ ему на Шлецеровы коментаріи къ Нестору (*Біогр. Слов.* II, 237, 238).

**) Графъ С. Г. Строгановъ.

шалъ этотъ споръ, который обнаружилъ для него внутреннія чувства, скрываемыя прежде маскою приличія. Наконецъ, когда буря утихла, приступлено къ избранію секретаря. Представились три кандидата: Строевъ, Вельтманъ и Бодянскій. Въ первый еще разъ, сколько я помню, приступлено къ выбору законнымъ образомъ, т. е. баллами. Строевъ получилъ шесть черныхъ и два бѣлыхъ, Вельтманъ пять черныхъ и три бѣлыхъ, Бодянскій шесть бѣлыхъ и два черныхъ и утвержденъ. За симъ приступлено было къ разсужденію о средствахъ усилить соревнованіе членовъ и ввести болѣе порядка въ дѣйствія Общества, котораго доселѣ вовсе не было. Бодянскій обратилъ вниманіе на недостатки устава. Любимая и давнишняя моя мысль. И такъ, положено въ слѣдующемъ засѣданіи заняться разсмотрѣніемъ его" (стр. 304, 305).

Вскорѣ послѣ, описаннаго въ письмѣ Кубарева, столкновенія съ Погодинымъ, П. М. Строевъ, кажется написалъ къ нему примирительное письмо; это можно заключить изъ слѣдующаго отвѣта Погодина (отъ 7-го ноября 1845 года). „Эти дни—дни моей скорби смертной болѣзни покойницы *). Вотъ почему я не отвѣчалъ вамъ, почтеннѣйшій Павелъ Михайловичь, на вашу записку. Еслибы всегда вы такъ говорили, какъ въ послѣдней запискѣ, то ни отъ кого бы не услышали ни одного худаго слова. Но Богъ знаетъ, смѣю сказать вамъ откровенно, что иногда съ вами случается, и какъ вы иногда говорите! Примите мой совѣтъ доброй: мы на пятомъ десяткѣ, лучше искать мира, чѣмъ брани" (*Письма*, II, № 413).

Съ этого времени, миръ между ними долго не нарушался.

Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ засѣданіи своемъ 6-го февраля 1845 года, разсуждало о крайней необходимости пересмотрѣть уставъ свой и сдѣлать въ немъ нужныя поправки, отмѣны и добавленія. Объ этомъ представили свои мнѣнія письменно слѣдующіе дѣйствительные члены: Г. И. Спасскій, А, Ѳ. Вельтманъ, Ѳ. Л. Морошкинъ, М. П. Погодинъ, О. М. Бодянскій, А. М. Кубаревъ, А. Т. Ярославовъ и Н. Н. Басалаевъ. Для оцѣнки представленныхъ мнѣній Общество учредило особый Комитетъ, въ который были избраны: П. М. Строевъ, А. Ѳ. Вельтманъ и Ѳ. Л. Морошкинъ (*Чтенія*, 1846, № 1. Протоколы, стр. X и XI). „Посылаю вамъ",—писалъ Бодянскій Строеву,—„*восемь* мнѣній гг. Членовъ нашего Историческаго Общества, объ его уставѣ и прошу васъ покорнѣйше, если можно будетъ прочесть ихъ недѣли въ полторы, чтобы намъ можно было

*) Въ ноябрѣ 1844 года, скончалась первая супруга М. П. Погодина.

собраться, по крайней мѣрѣ, въ Вербную пятницу, въ залѣ Общества, и потолковать, еже лѣть есть и еже не лѣть" (*Письма*, II, № 399).

6-го апрѣля 1845 года, Строевъ произнесъ въ Комитетѣ нижеслѣдующую рѣчь *), въ которой изобразилъ бытіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей съ самаго его основанія до 1845 года включительно: „Милостивые Государи! Вамъ извѣстенъ поводъ къ составленію нашего Комитета, причины теперешняго собранія [1]), цѣль для чего мы собрались, слѣдовательно объ етомъ и упоминать нечего.

Чтобы какое нибудь учрежденіе поставить на основаніе прочное и указать цѣль вѣрную и ему свойственную, необходимо изучить прежній ходъ дѣлъ и путемъ историческимъ дойти до выводовъ точныхъ и очевидныхъ: ети выводы сами собою укажутъ что̀ дѣлать.

Основаніе Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ положено въ началѣ 1804 года. Поводъ къ учрежденію подалъ знаменитый А. Л. Шлецеръ, цѣлію *единственною* предположено изданіе Русскихъ Лѣтописей, устава и руководства не дано. Въ теченіе семи лѣтъ Общество имѣло нѣсколько засѣданій, напечатало полдюжины [2]) листовъ Несторовой Лѣтописи (которые до насъ не дошли) и неожиданно подверглось преобразованію. Изъ кого состояло ето Общество, много ли было членовъ—не извѣстно; знаемъ только, что предсѣдательствовалъ профессоръ Чеботаревъ (*Тр. Общ.* I, XXXVI, XLIV). Слѣдовательно эти семь лѣтъ безгласныхъ образуютъ періодъ первый, темный, какъ всѣ начальныя періоды Исторій, и только одно слишкомъ ясно: совершившееся преобразованіе.

По сказанію Лѣтописи Общества, поводомъ къ такому преобразованію было „неусыпное желаніе начальства Московскаго Университета привести всѣ подвѣдомственныя ему заведенія въ вящшее совершенство (тамъ-же XXXVII). Етому должно вѣрить, потому что напечатано; но я слыхалъ отъ людей того времени, что поводъ былъ гораздо важнѣе и ето подтверждаютъ послѣдующіе факты.

Уставъ Общества утвержденъ Императоромъ Александромъ, 21-го января 1811 года, первое засѣданіе происходило марта 13-го: етотъ

---

*) Эта *Рѣчь* въ бумагахъ П. М. Строева сохранилась въ двухъ *автографическихъ* спискахъ: черновомъ и бѣловомъ. Послѣдній неоконченъ. По сличеніи черноваго съ бѣловымъ оказались варіанты, которые мы отмѣтили и помѣщаемъ ихъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

[1]) «И чего ожидаетъ отъ насъ Общество, чтобы колеблющееся учрежденіе утвердить на основаніи прочномъ».

[2]) «сколько-то».

день положено праздновать ежегодно *торжественнымъ* собраніемъ, къ которому предполагали приглашать и просвѣщенную публику.

Число членовъ дѣйствительныхъ ограничивалось *тридцатью*, ни болѣе, ни менѣе; члены почетные, благотворители, соревнователи, корреспонденты, голоса не имѣли, въ засѣданіяхъ не присутствовали, слѣдовательно могли содѣйствовать только извнѣ. Правила для избранія въ члены начертаны самые строгіе: кромѣ извѣстности въ ученомъ свѣтѣ сочиненіями, или *отличными* свѣденіями въ Россійской Исторіи и Древностяхъ, надлежало „быть извѣстну по трудолюбію и жизни неразсѣянной, дающей время и возможность быть дѣятельнымъ". Членъ не могъ отлучиться изъ Москвы, не давъ знать Обществу [1]), и—только на три мѣсяца; не прибытіе трехъ разъ сряду въ засѣданія подвергало исключенію; все возлагаемое Обществомъ должно было исполнять безпрекословно, и проч. и проч. (См. Уставъ § 9-й слѣд.).

Изъ сохранившагося списка первобытныхъ членовъ (*Тр. Общ.* I. XXV) видимъ, что въ числѣ *тридцати* было: два дѣйствительные тайные совѣтника, два тайные совѣтника (въ томъ числѣ попечитель Университета), два дѣйствительные статскіе совѣтника, пять статскихъ совѣтниковъ, коллежскій совѣтникъ Карамзинъ, остальные чиновъ низшихъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, люди извѣстные, какъ сочиненіями, такъ трудолюбіемъ и жизнію неразсѣянною (sine qua non).

Сіи сановники и люди [2]) ученые, на основаніи § 24 Устава, избрали въ Предсѣдатели Общества П. П. Бекетова, *отставнаго маіора* и (всѣмъ извѣстно) человѣка небогатаго. Явленіе для нынѣшняго поколѣнія загадочное, и теперь въ старшины клубовъ избираютъ большею частію генераловъ.

Послѣдующія явленія еще болѣе загадочны, даже мифы, еслибъ совершились во время не такъ къ намъ близкое. Протоколы засѣданій Общества 1811 и первой половины 1812 годовъ напечатаны и изъ нихъ видимъ:

1. Какой-то *ентузіазмъ* одушевилъ и членовъ и людей стороннихъ, быть можетъ, его раздѣляли всѣ просвѣщенные Москвитяне.

2. Членъ Р. Ѳ. Тимковскій, ученикъ извѣстнаго Гейне, мужъ достойнѣйшій, принялъ на себя изданіе Сводной Лѣтописи (очень трудное), безъ всякой платы, печаталъ отчетисто и скоро [3]).

3. Членъ К. Ѳ. Калайдовичь, ученикъ Тимковскаго, впослѣдствіи антикварій значительный, началъ издавать *Русскія Достопамятности*,

---

[1]) «Предсѣдателю».

[2]) «мужи».

[3]) «слѣдовательно трудился съ любовію».

сборникъ очень любопытный, также безъ *платы*, также отчетливо и скоро.

4. Секретарь напечаталъ первую часть Трудовъ Общества, довольно хорошо по тогдашнему состоянію типографій, равномѣрно безъ *платы*. Въ етой части, кромѣ протоколовъ засѣданій, помѣщено *десять* сочиненій разныхъ членовъ, которымъ предложить возмездіе за трудъ (по понятію того времени) значило бы оскорбить ихъ.

5. Предсѣдатель подарилъ Обществу большое количество книгъ, почти все, что составляло тогда литературу Отечественной Исторіи и отчасти географіи.

6. Извѣстный Грекъ З. П. Зосима принялъ на себя издержки *всѣхъ* изданій Общества, которое имѣло слишкомъ скудный капиталъ, составлявшійся изъ проношеній членовъ въ первыя засѣданія.

7. Другіе благотворители внесли изрядныя суммы денегъ и огромное число книгъ, цѣлыя свои библіотеки.

8. *Неизвѣстная особа* украсила залу собранія не только прилично, но съ роскошью даже излишнею. Слѣдующее мѣсто въ одномъ изъ писемъ ея весьма замѣчательно: „Я счастливъ буду, ежели Общество, вопреки завиствующимъ зоиламъ, процвѣтать и возвышаться будетъ; ежели мой поступокъ и строгое храненіе неизвѣстности докажутъ, что существуютъ истинные сердцемъ Россіяне, кои, не изъ наградъ и не изъ тщеславія, истинной пользѣ Историческаго Общества содѣйствовать готовы" (*Тр. Общ.* I, LXVII).

Кто была ета *неизвѣстная особа* я не могъ узнать отъ старинныхъ членовъ: очевидно ее одушевляло самое высокое чувство усердія, непонятное тогдашнимъ зоиламъ.

Ужели дѣйствительно всѣ етѣ явленія произошли отъ одного [1]) желанія начальства Университета привести подвѣдомственныя заведенія въ вящшее совершенство? Если такъ, то оно [2]) имѣло въ рукахъ жезлъ магиковъ.

Такое одушевленное начало, особенная дѣятельность, трудолюбіе и безкорыстіе дѣятелей, указывали на успѣхи самые блистательные. Въ первые дни сентября 1812 года сгорѣла Москва, зданіи Университета превратились въ развалины, погибло все достояніе Общества; только въ отдаленномъ сараѣ типографіи уцѣлѣли отпечатанные листы его изданій.

Послѣ ужаснаго бѣдствія, казалось, Общество уничтожилось на-

---

[1]) «неусыпнаго».

[2]) «то Попечитель того времени владѣлъ жезломъ магиковъ: sit ei terra levis».

всегда, но оно возстало: дѣятельный Предсѣдатель, въ началѣ 1815 года, возобновилъ засѣданія, положилъ основаніе библіотекѣ пожертвованіемъ множества книгъ, благотворители и нѣкоторые изъ членовъ ему послѣдовали, даже поступили денежные взносы; но исчезъ прежній ентузіазмъ, остыло трудолюбіе самыхъ ревностныхъ дѣятелей; причины должно отыскивать въ разстроенномъ состояніи Москвичей послѣ ужасной катастрофы. Выдали на скоро *неоконченный* I-й томъ Трудовъ и Записокъ Общества и *неконченную* I-ю часть Русскихъ Достопамятностей; Лѣтопись Тимковскаго пущена въ продажу гораздо послѣ. Между тѣмъ въ первые три года (1815—1817) засѣданій было девятнадцать, въ слѣдующіе два не было ни одного; 1820 года февраля 10-го, Секретарь объявилъ собравшимся членамъ, что Предсѣдатель „по болѣзни и слабости зрѣнія не можетъ заниматься дѣлами Общества, и проситъ на его мѣсто выбрать другаго". Еще два года бездѣйствія; 1821 года декабря 11-го, выбрали въ Предсѣдатели Сенатора А. Ѳ. Малиновскаго, но онъ отказался; слѣдующій 1822 годъ, также прошелъ въ бездѣйствіи. Здѣсь оканчивается второй періодъ нашего Общества. Слишкомъ ясно, что душею и двигателемъ во все ето время былъ безпредѣльный въ ревности Предсѣдатель П. П. Бекетовъ, жившій послѣ того еще долго. Мнѣ кажется, въ залѣ нашихъ собраній, портретъ етаго достойнаго мужа могъ бы имѣть мѣсто.

Въ чрезвычайномъ засѣданіи 1823 года апрѣля 12-го, избрали въ Предсѣдатели отставнаго генералъ-маіора А. А. Писарева (впослѣдствіи попечителя Московскаго Университета), двѣнадцать новыхъ членовъ, и двухъ переименовали изъ соревнователей; всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ, по напечатанному вскорѣ списку (*Тр. Общ.* II, 91) было 45, слѣдовательно цѣлою половиною болѣе противъ Устава. Въ самомъ Уставѣ, еще въ 1816 году, сдѣланы немаловажныя перемѣны, утвержденныя тогдашнимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія; впослѣдствіи вошли сами собою, безъ всякаго утвержденія, разныя отступленія отъ кореннаго Устава и вообще имъ уже не слишкомъ руководствовались [1]).

Въ числѣ двѣнадцати новыхъ членовъ былъ и я [2]), только что

[1]) «и первобытная строгость мало по малу исчезла».

[2]) «посѣщать засѣданія и не дѣйствовать казалось мнѣ странно. Неподвижность Общества, въ послѣдніе годы, происходила отъ слишкомъ тѣснаго круга занятій; надлежало указать поприще обширное и, разставшись съ мелочами, идти прямо къ цѣли предположенной: привесть въ ясность Россійскую Исторію (*Уст. Общ.* § 5)».

оставившій должность Главнаго Смотрителя Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ при Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и окончившій изданія, порученныя мнѣ Государственнымъ Канцлеромъ Графомъ Н. П. Румянцовымъ. Тѣсный кругъ занятій Общества Исторіи и Древностей и неподвижность его въ послѣдніе годы мнѣ не нравились: будучи совершенно свободенъ, я рѣшился представить планъ обширный, по которому Общество, дѣйствуя постепенно, могло бы достигнуть главной своей цѣли: „привесть въ ясность Россійскую Исторію“ (Уст. § 5). Въ первое засѣданіе, *) я прочиталъ *Рѣчь, о средствахъ удобнѣйшихъ къ открытію памятниковъ Отечественной Исторіи и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обработывать оные.* Ета рѣчь не произвела ожиданнаго дѣйствія: одни отозвались, что къ исполненію предложеннаго мною надобны большія средства, другіе почли многое за химеры, а нѣкоторые (теперь покойники) даже оскорбились, что молодой человѣкъ при самомъ вступленіи въ Общество [1]) принялъ на себя роль учителя. Въ протоколѣ того засѣданія о моемъ предложеніи упомянуто очень неясно, Рѣчь я долженъ былъ напечатать самъ въ журналѣ *Сѣверный Архивъ* и уже черезъ лѣтъ шесть ее перенесли въ *Труды* Общества (IV, 277).

Въ 1828 году, я изложилъ тѣ же предположенія о скорѣйшемъ и удобнѣйшемъ обработываніи памятниковъ Отечественной Исторіи и Древностей гораздо подробнѣе и, вмѣстѣ съ означенною рѣчью, представилъ г. Президенту Императорской Академіи Наукъ. Его Высокопревосходительство предложилъ Академіи, ученое сословіе одобрило планъ, доставило денежныя средства, послѣдовало Высочайшее утвержденіе и образованная подъ моимъ начальствомъ Експедиція Археографическаго Путешествія по Россіи дѣйствовала шесть лѣтъ. Въ декабрѣ 1834 учреждена Археографическая Коммиссія, въ 1837 году она получила Уставъ и съ того времени кругъ дѣйствій ея самый обширный. Находясь подъ близкимъ надзоромъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, руководимая дѣятельнѣйшимъ Предсѣдателемъ, Коммиссія (изъ немногихъ членовъ) собрала изъ всѣхъ библіотекъ Имперіи лѣтописи и историческіе сборники и получила изъ разныхъ архивовъ огромное количество актовъ всякаго рода. Ежегодно выходятъ томы ея изданій, мы ихъ имѣемъ, мы ими пользуемся, слѣдовательно распространяться объ етомъ не нужно.

Возвратимся къ нашему Обществу. Генералъ-маіоръ А. А. Пи-

*) «1823 года іюня 14-го».

[1]) «съ дерзостью разыгрываетъ роль учителя».

саревъ предсѣдательствовалъ до 1830 года: уволенный отъ должности Попечителя Университета и возведенный въ званіе Сенатора, февраля 18-го, онъ отказался отъ Общества. Въ теченіе семи лѣтъ, при немъ, выданы въ свѣтъ Трудовъ части II, III, IV и V и нѣсколько брошюръ, частію переводныя; въ *Трудахъ* статей около 70-ти, но онѣ объема и достоинства разнаго, нѣкоторыя болѣе затемняютъ, нежели объясняютъ Древности; впрочемъ, за нихъ не платили, одинъ секретарь получалъ по 20 р. асс. съ печатнаго листа за изданіе. Въ спискѣ членовъ 1828 года показано дѣйствительныхъ 67-мь, слѣдовательно слишкомъ вдвое противъ Устава; впослѣдствіи число ихъ увеличилось.

При преемникѣ, сенаторѣ А. Ѳ. Малиновскомъ, въ теченіе шести лѣтъ изданы VI и VII части *Трудовъ* Общества: статей въ обѣихъ 15, главная (двѣ трети VI-й части) *Историческія доказательства о желаніи Польскаго народа присоединиться къ Россіи*, цѣлая книга, которую и издать надлежало бы книгою; еще шесть того же Предсѣдателя, большею частію изъ другой его книги *Жизнеописанія Канцлеровъ*; остальныя восемь, довольно короткія, написаны разными членами. Платежа за статьи не было, секретарю выдавалось по прежнему 20 р. за листъ. Часть VIII [1]), изданная по *особому* настоянію (*Тр.* Общ. VIII, 222, 296), содержитъ *извлеченія* изъ протоколовъ 1828 — 35 годовъ: еще отступленіе отъ Устава, протоколы печатались прежде вполнѣ, со всѣми приложеніями, что весьма облегчало слѣдовать за дѣйствіями Общества. Тогда же начато изданіе двухъ небольшихъ лѣтописей (Псковской и Супрасльской), которыя пущены въ свѣтъ уже въ 1837 году. Сенаторъ А. Ѳ. Малиновскій сложилъ съ себя званіе предсѣдателя 1836 года января 25-го.

Тринадцать лѣтъ обоихъ предсѣдательствъ образуютъ третій періодъ нашего Общества. При А. А. Писаревѣ члены доставляли статьи еще охотно (круглымъ числомъ по десяти въ годъ); преемникъ его вынужденъ былъ пополнять недостатокъ самъ, опредѣливъ на то двѣ въ прежнее время сочиненныя имъ книги. При первомъ издано четыре части *Трудовъ*, довольно объемныя; при второмъ двѣ части, объемомъ противъ одной изъ прежнихъ (протоколы напечатаны особо). Число засѣданій было неравное, иногда по пяти и шести, иногда по одному, въ годъ: причинъ такого неравенства протоколы не открываютъ. Главная цѣль Общества (Уст. § 5) казалась уже невозможною, издавали что̀ случилось, особенно старались объ умноженіи членовъ, но число посѣщавшихъ засѣданія годъ отъ года умень-

[1]) «напечатана по моему настоянію».

шалось. Небольшій капиталъ Общества наросталъ процентами, были нѣкоторые взносы, библіотека и собраніе монетъ сдѣлались значительны отъ приношеній [1]); но особеннаго *движенія* не было замѣтно *).

Съ 1836 года періодъ четвертый, послѣдній. Февраля 22-го „по предложенію А. Ѳ. Малиновскаго, всѣ члены упросили г. Попечителя Московскаго Университета, Графа С. Г. Строганова, принять на себя званіе Предсѣдателя“ (*Сб. Истор.* I, 114). Тогда-же, по предложенію Его Сіятельства, избранъ непремѣнный вице-президентъ и утвержденъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія (тамъ же, 119). Вскорѣ составленъ временный Комитетъ изъ четырехъ членовъ, для указанія „новыхъ ученыхъ занятій, которыя могли бы быть предприняты сообразно съ цѣлію Общества“ (тамъ же 115); етотъ Комитетъ остался непремѣннымъ до сего времени и все, что входило въ Общество, долженствовало получать его аппробацію (ч. III, 401). Утверждена такса за всякій трудъ, по 40 р. асс. съ печатнаго листа (тамъ же, 118). Прежній секретарь **) испросилъ увольненіе декабря 12-го; по предложенію г. Предсѣдателя, выбранъ М. П. Погодинъ (тамъ же, 125).

Въ послѣдніе восемь или девять лѣтъ напечатано: *Русскій Историческій Сборникъ*, томовъ семь (восьмый и девятый печатаются), *Русскія Достопамятности*, часть II и III (два отдѣльныя изданія Д. Дубенскаго подъ оберткою *Русскія Достопамятности*), *Повѣствованіе о Россіи Арцыбашева* и *Посольская книга метрики Великаго Княжества Литовскаго*. Кромѣ того выданы денежныя пособія (безъ возврата Обществу): М. П. Погодину на четыре книги, мнѣ на одну, Караджичу на изданіе Сербскихъ пѣсенъ, Крузе на археологическія изысканія и Пассеку на разрытіе кургановъ. Свѣдѣнія объ етомъ я заимствую изъ послѣдняго отчета М. П. Погодина. Съ 1837 года, по Высочайшему повелѣнію, отпускается Обществу изъ Государственнаго Казначейства, по 5,000 р. ассиг. ежегодно. (*Сб. Истор.* III, 402); слѣдовательно, со взятыми въ ето же время изъ прежняго капитала въ Сохранной Казнѣ, Общество израсходовало слишкомъ 40 т. р. асс. Изъ одного мѣста въ Отчетѣ М. П. Погодина я заключаю, что *движенію* Общества во все ето время онъ особенно содѣйствовалъ: въ январское засѣданіе мы признали его заслуги и выразили общую нашу признательность.

---

[1]) «кѣмъ одушевлялось и двигалось въ этотъ періодъ Общество неизвѣстно».

*) Здѣсь кончается бѣловой списокъ, который П. М. Строевъ началъ переписывать въ 1852 году. Въ концѣ находимъ слѣдующую его замѣтку: «*Далѣе передѣлывать показалось мнѣ безполезно*; *но въ такомъ размѣрѣ должно* передѣлать. *іюня 15, 1852*» (А. *К.* IV, 336).

**) М. Т. Каченовскій.

Показанныя изданія были книги готовыя: Общество назначило сумму на напечатаніе, авторы или издатели читали корректуру сами, или корректоры университетской типографіи, которымъ платили. Представитель трудовъ собственно гг. Членовъ неоспоримо *Русскій Историческій Сборникъ*. Етотъ Сборникъ заступилъ мѣсто прежняго изданія *Труды* и *Лѣтописи* Общества: „въ составъ его назначались разсужденія, прочитанныя въ засѣданіяхъ, документы и извѣстія, доставленныя членами“ (Т. I, предисловіе); конечно, подразумѣвались такіе, кои по своему объему не могли назваться книгою, потому что книги, издаваемыя отъ Общества, имѣютъ свои заглавные листы или (съ недавняго времени) обертку *Русскія Достопамятности* (часть такая-то). Годовое изданіе *Сборника* предполагалось въ четыре *книжки*, каждая отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ, чрезъ каждые три мѣсяца непремѣнно, слѣдовательно въ видѣ Журнала. И дѣйствительно, томъ I раздѣленъ на 4 книжки, но онѣ выданы вмѣстѣ, года черезъ полтора послѣ 1837 года марта 19-го (епохи начала Сборника) съ извѣстіемъ *отъ Редактора*, подписаннымъ 1838 года октября 12-го: въ етомъ томѣ статей отъ членовъ около двѣнадцати, большею частію небольшаго объема, посмертные труды Ходаковскаго, переводы изъ Шафарика, двѣ выписки изъ дѣлъ какого-то архива и извлеченія изъ протоколовъ; слѣдовательно, и въ полтора года Редактору невозможно было собрать болѣе, въ противномъ случаѣ онъ поступилъ бы иначе. Томъ II (безъ раздѣленія на книжки): „Дѣла по мѣстничеству, собранныя П. Ивановымъ“ цѣлая книга (460 стр.), которую можно было бы выдать отдѣльно соединивъ съ томомъ V (см. ниже); слѣдовательно, тома втораго Сборника недостаетъ. Томъ III (на книжки раздѣленъ, выданъ 1840 года): сочиненій членовъ Общества четыре, старинныхъ сказаній пять, еще трудъ Ходаковскаго и извлеченіе изъ протоколовъ. Томъ IV (книжекъ три, выданъ 1842 года): статей отъ членовъ пять, Исландская сага съ переводомъ, преобширный „Взглядъ на древнее образованіе Польскихъ городовъ“ (переводъ) и „Несторъ“ А. Кубарева; обѣ статьи особыя книги, послѣдняя даже съ отдѣльнымъ заглавіемъ и дедикаціею, только подъ оберткою *книжка 4*; слѣдовательно, тома 4-го Сборника почти нѣтъ. Томъ V (безъ раздѣленія, выданъ 1842 года): опять „Дѣла по мѣстничеству, собранныя П. Ивановымъ“ (398 стр.); слѣдовательно, тома пятаго Сборника нѣтъ. Томъ VI (также безъ раздѣленія, выданъ 1843 года); „О переводѣ Манасіиной Лѣтописи“, А. Черткова; ето сочиненіе издано самимъ авторомъ in 4°, въ томъ же 1843 году, не понимаю, зачѣмъ было его перепечатывать? Слѣдовательно, и шестаго тома Сборника нѣтъ. Томъ VII (объемомъ вполовину прежнихъ, безъ раздѣленія, выданъ 1844

года): трудъ Ходаковскаго, которому придано заглавіе малосоотвѣтствующее содержанію; слѣдовательно, и седьмый томъ Сборника не существуетъ. Что будутъ содержать томы VIII и IX, я не знаю, кажется, и вамъ неизвѣстно.

Съ намѣреніемъ я распространился объ етомъ *Русскомъ Историческомъ Сборникѣ*, потому что (какъ замѣтимъ выше), въ немъ-то собственно плоды восьмилѣтнихъ трудовъ нашего Общества. Съ 1837 года, епохи его начала, слѣдовало бы выдать книжекъ *тридцать*: томы I, III и IV представляютъ менѣе *десяти*, слѣдовательно, около трети предположеннаго въ планѣ; очевидно, что Редакторъ находился въ затруднительномъ положеніи, не имѣя матеріаловъ, которыми могъ бы наполнять книжки. Неужели въ самомъ дѣлѣ гг. Члены во всѣ восемь или девять лѣтъ ничего не писали и ничего не представили? Нѣтъ, въ протоколахъ засѣданій записаны многія статьи и въ разное время: напримѣръ, г. Соревнователь Бѣляевъ читалъ два разсужденія, по заглавіямъ очень любопытныя, почему же ихъ нѣтъ въ Сборникѣ? Другія статьи (не помню какія), кажется, напечатаны въ какомъ-то журналѣ. Вѣроятно Комитетъ четырехъ Членовъ, надзиравшій надъ редакціею *Русскаго Историческаго Сборника*, руководствовался правилами слишкомъ строгими; иначе бóльшая часть представленныхъ статей неоспоримо нашли бы мѣсто въ етомъ изданіи. Странно однакожъ и загадочно: разсматривая пристально томы II и V Сборника, я не вижу никакой строгости. „Дѣла по мѣстничеству", списаны съ подлинниковъ весьма неисправно, не вездѣ доберешся до смысла и я недоумѣваю, какъ отозвались бы объ етихъ томахъ наши ученые и до мѣлочей точные Издатели 1811 и 12 годовъ. Въ перепечатаніи VI тома *) я усматриваю даже особенную вѣжливость, а для сочиненія Ходаковскаго въ VII томѣ слишкомъ не трудно было придумать заглавіе поприличнѣе. Я хотѣлъ замѣтить еще кой-что, но о дѣлахъ современныхъ должно судить съ осторожностію, какъ говорятъ, благоразумною.

Путемъ историческимъ дошли мы, наконецъ, до выводовъ *точныхъ* и *очевидныхъ*:

1-е) Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, утвержденное въ 1811 году, на основаніи довольно прочномъ, по несчастнымъ обстоятельствамъ, вскорѣ пришло въ разстройство; старанія обратить его къ предположенной цѣли (*Уст.* § 5), въ 1823 году, не имѣли успѣха; въ настоящее время цѣль ета призракъ.

2-е) Археографическая Коммиссія собрала изъ всѣхъ библіотекъ

---

*) Сочиненія Черткова.

Имперіи лѣтописи и важнѣйшіе историческіе сборники, сводитъ и издаетъ ихъ, слѣдовательно, главное занятіе наше ускользнуло отъ насъ.

3-е) Она издаетъ и акты разнаго рода, и имѣетъ ключь ко всѣмъ архивамъ; мы не много успѣемъ, если удастся намъ получить изъ нихъ кой что, въ родѣ „Дѣлъ о Мѣстничествѣ".

4-е) Члены никогда не доставляли сочиненій и статей въ изобиліи, едва возможно было въ два года издавать по небольшому тому, аппробаціонный Комитетъ 1837 года, уничтожилъ и послѣднее усердіе.

5-е) Назначеніе платы за трудъ (40 р. асс.), не повело ни къ чему, самолюбіе авторовъ ищетъ обширнаго круга читателей и потому весьма естественно, что статьи, прочтенныя въ засѣданіяхъ, напечатаны послѣ на сторонѣ.

6-е) Намъ нѣтъ никакой возможности издавать журнала, если бы даже энтузіазмъ, трудолюбіе и безкорыстіе 1811 года къ намъ возвратились, доказательство *Русскій Историческій Сборникъ.*

Что же мы будемъ дѣлать? Такой или почти такой вопросъ обратилъ къ намъ многоуважаемый нами г. Предсѣдатель, въ засѣданіи февраля 6-го текущаго года, когда М. П. Погодинъ, по разстроенному здоровью и постигшей его горестной утратѣ, выпужденъ былъ отказаться отъ должности секретаря. Предположенія, толки, пренія, вамъ еще памятны: выразилось общее желаніе измѣнить Уставъ Общества, въ которомъ предположили корень неудачь и недовольной дѣятельности. Въ слѣдующее засѣданіе представлено восемь писменныхъ мнѣній о перемѣнахъ и многое изложено словесно, въ заключеніе составленъ Комитетъ, который, сообразивъ написанное, могъ бы представить проектъ новаго Устава, сообразнаго съ нынѣшнимъ положеніемъ Общества. Балотировка указала на насъ, нашъ Комитетъ въ собраніи. Милостивые государи! вамъ угодно было, разсмотрѣвъ сказанныя мнѣнія, прислать ихъ ко мнѣ: цѣлые три дня я читалъ, перечитывалъ, сводилъ, соображалъ, извлекалъ современные требованія. Я прожилъ почти полвѣка, въ такіе лѣта воображеніе слабѣетъ, но я все еще мечтатель, полагаю отъ того, что въ юныхъ лѣтахъ писалъ стихи и чуть-чуть не началъ ими литературнаго поприща. Вмѣсто проекта новаго Устава, мнѣ представилось зданіе обширное, въ современномъ вкусѣ, съ современными удобствами и украшеніями, жильцовъ было *тридцать*: въ глазахъ моихъ оно сгорѣло и два года оставалось въ полуразвалинахъ. Возвратились жильцы, но не всѣ, старымъ желѣзомъ съ прибавкою новаго покрыли кровлю, внутри отстроили небольшое отдѣленіе, объ остальномъ не позаботились. Черезъ многіе годы число жильцовъ умножилось, отстроили еще часть, отломали грозившія паденіемъ ко-

лонны, обили золоченые карнизы, заклали огромныя двери, надѣлали перегородокъ; потомъ и вся остальная внутренность была также отстроена. Жильцовъ считалось уже до *восьмидесяти*, но обыкновенно помѣщались только 10 или 12, и то набѣгомъ, не одни и тѣ же. Лѣтъ черезъ тридцать пять оказалась необходимость перестроить зданіе: наружности дать приличный фасадъ, внутренности гармонію цѣлаго. Призванный зодчій осмотрѣлъ всѣ части зданія, всходилъ на чердакъ и, не боясь простуды, спускался въ подвалы и подземелья. Вотъ что сказалъ онъ жильцамъ: „господа, чего нельзя сдѣлать? угодно фасадъ *прежній*, возстановимъ; угодно *современный*, дадимъ по-возможности, только вотъ углы и впадины, съ ними не сладишь. Всѣ перегородки вонъ, эти и эти двери пробьемъ, залу и парадные покои распишемъ по нынѣшнему, въ окны вставимъ разноцвѣтные стекла; въ прочихъ покояхъ позатремъ щекатурку, выкрасимъ травянкой, охрой, и проч., вотъ тутъ слишкомъ черно отъ давнишней сырости, раза три-четыре пройти клеевымъ мѣломъ и будетъ опрятно". Жильцы согласились. „Но вотъ, господа, самое важное, эти трещины идутъ до самаго низу, эти своды угрожаютъ паденіемъ; я осматривалъ фундаментъ, онъ очень не надеженъ, въ то время, когда строили, видно плохо бутили. Да на что вамъ такое огромное строеніе, не сломать ли его совсѣмъ? Можно построить домикъ, помѣстительный, покойный, со всѣми удобствами современными". Жильцы призадумались.

Но фантазія слишкомъ далеко увлекла меня отъ настоящаго предмета; обращаюсь къ нашимъ *восьми* письменнымъ мнѣніямъ: изъ нихъ *три* проекта полнаго Устава, остальные относятся къ нѣкоторымъ параграфамъ.

Сочинитель проекта перваго (почтенный сочленъ, которому я дружески пожимаю руку) любитъ пофантазировать какъ „язъ грѣшный": проектъ его всеобъемный, стройный, прекрасный, но Общество, для котораго онъ написанъ, чистая фантазія, особенно въ нашей Златоглавой Москвѣ; ни Отдѣленіе Второе, ни Отдѣленіе Третіе Академіи Наукъ, ни Археографическая Коммиссія, ни всѣ онѣ вмѣстѣ, не имѣютъ средствъ, ни возможности, дѣйствовать по етому проекту.

И сочинитель проекта *втораго*, великодушный и сознательный, да не оскорбится моимъ замѣчаніемъ: проектъ въ исполненіи *невозможенъ*, вся дѣятельность и всѣ обязанности сосредоточиваются въ секретарѣ, не непремѣнномъ, но избираемомъ на трехлѣтіе, необходима слишкомъ счастливая послѣдовательность секретарей, чтобы гармонія не нарушилась.

Въ проектѣ *третьемъ* не вижу ни фантазіи, ни увѣренности въ талантахъ секретарей, тутъ что-то особенное, какъ назвать не при-

думаю. Сочинитель оставляетъ Общество въ теперешнемъ составѣ и при тѣхъ же 5000 рубляхъ, которые ежегодно отпускаются изъ Государственнаго Казначейства, но полагаетъ необходимымъ: швейцара и служителей „для соблюденія комнатной чистоты“ *съ жалованьемъ*, у секретаря нѣсколькихъ письмоводителей *съ жалованьемъ*, у казначея одного бухгалтера и двухъ писцовъ *съ жалованьемъ*, у библіотекаря помощниковъ безъ жалованья. Въ деньгахъ не будетъ недостатка: кто (изъ какого бы сословія ни былъ) захочетъ поставить въ залѣ Общества свой портретъ, да вноситъ ежегодно по 1000 р. асс.; перестанетъ вносить, портретъ отдадутъ назадъ. Члены ревностные чрезъ девять (почему же не десять?) лѣтъ награждаются похвальными дипломами, неисполняющимъ обязанностей предсѣдатель трижды дѣлаетъ замѣчанія, далѣе они низводятся въ соревнователи; но всякій соревнователь, „ежели воспламенится любовію къ историческимъ познаніямъ“, поступаетъ въ дѣйствительные члены. Собранія Общества никакъ не могутъ быть въ Рождественскій Сочельникъ, ни 1-го маія. Всероссійскій гербъ долженъ быть на пуговицахъ у членовъ, на вывѣскахъ и издѣліяхъ рѣщиковъ, переплетчиковъ, столарей, если они сработали что нибудь для Общества и проч., и проч. Всѣ етѣ *особенности* вамъ уже извѣстны.

Мнѣніе *четвертое* относится только, какъ выражаются въ департаментахъ, къ *редакціи* Устава: нѣкоторые параграфы уничтожаются, другіе поясняются, слова старыя замѣнены новыми, и т. под. Ето мнѣніе ближе всѣхъ къ сущности нашего Комитета, но отчетливая редакція Устава не разрѣшитъ приведеннаго выше вопроса: „что мы будемъ дѣлать?“

Мнѣнія *пятое*, *шестое* и *седмое* въ той же категоріи, но они слишкомъ коротки и относятся къ немногимъ параграфамъ; шестое указываетъ только § 10.

Мнѣніе *восьмое*, добродушный совѣтъ не трогать Устава и издавать готовыя книги, какія случаться: на первый случай предлагается четвертый томъ *Повѣствованія о Россіи* Арцыбашева, безспорно, если изданы три тома, то необходимо напечатать и конечный.

Прибавлю-жъ къ восьми мнѣніямъ и мое *девятое*, безъ фантазіи и аллегорій:

Въ С. Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, нѣкогда существовали многія Общества, подъ наименованіями разными и для предметовъ разныхъ, но составъ ихъ былъ одинакій съ нашимъ: предсѣдатель, секретарь, члены. Одни держались дѣятельностью предсѣдателя, другія секретаря, иногда того и другаго; члены пользовались свободою присутствовать и не присутствовать, заниматься и не за-

ниматься; выходили въ свѣтъ труды, изданія, книжки, иногда дѣйствительно замѣчательныя; никто не закрывалъ этихъ обществъ, они разошлись сами собою.

Въ большей части лежащихъ передъ нами мнѣній, я усматриваю *намеки* довольно ясные: необходимо усилить власть предсѣдателя, поубавить число членовъ и ограничить свободу дѣйствовать и недѣйствовать; говорится о мундирѣ, вицмундирѣ, гербовыхъ пуговицахъ, представленіяхъ, наградахъ; во всемъ етомъ не высказывается ли идея *начальникъ* и *подчиненные*?

Въ самомъ дѣлѣ войти въ близкое отношеніе съ Коммиссіею Археографическою было бы не дурно; она собрала и имѣетъ въ виду множество матеріаловъ, въ изданіи и обработаніи ихъ пройдутъ десятилѣтія. Усвоимъ ту же методу печатанія, примемъ одинакій форматъ и шрифтъ, Коммиссія удѣлитъ намъ участокъ богатствъ историческихъ и наши изданія примкнутъ къ ея изданіямъ: будущіе изслѣдователи и историки воспользуются тѣми и другими безъ различія и коренная цѣль нашего Общества не будетъ потеряна.

Само собою разумѣется, что Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ переобразовать въ Отдѣленіе Археографической Коммиссіи (въ комитетъ изъ шести или восьми членовъ, изъ нихъ два редактора) не въ нашей возможности: путь единственный, посредствомъ г. Предсѣдателя, просить о томъ Высшее начальство; тогда дадутъ намъ Уставъ, сообразный съ новымъ составомъ и назначеніемъ" (*Вход.* и *Исход*. I, 325—336).

Въ томъ-же 1845 году, 7-го іюня, П. М. Строевъ имѣлъ, наконецъ, удовольствіе довести до свѣдѣнія сочленовъ, что Библіотека Общества приведена въ порядокъ и Каталогъ печатаніемъ оконченъ. Этотъ новый библіографическій трудъ Строева вышелъ въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Библіотека Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* (М. 1845 года, 8°).

Законный судія въ дѣлѣ Библіографіи В. М. Ундольскій, занялся обстоятельнымъ разборомъ вновь вышедшей книги, и разборъ этотъ, по отзыву знающихъ дѣло, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Ундольскаго.

„Слишкомъ двадцать лѣтъ тому",—говоритъ, между прочимъ, Ундольскій,—„какъ извѣстный нашъ Археографъ П. М. Строевъ, вмѣстѣ съ незабвеннымъ К. Ѳ. Калайдовичемъ, издали *Обстоятельное описаніе рукописей Графа Ѳ. А. Толстаго*—и вотъ наконецъ, послѣ многихъ ученыхъ трудовъ, Павелъ Михайловичъ подарилъ ученую публику, давно ожидаемымъ описаніемъ библіотеки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Изъ нашего очерка библіографиче-

скихъ трудовъ въ Россіи, читатель видѣлъ, какъ много г. Строевъ содѣйствовалъ въ разработкѣ этой науки. Едва ли кто больше его дѣлалъ и имѣлъ къ этому больше средствъ. Но не одними рукописями занимался г. Строевъ. Онъ описалъ знаменитыя собранія старопечатныхъ книгъ Графа Толстаго и Царскаго, и потомъ издалъ къ нимъ особое дополненіе. Какой же археологъ можетъ о себѣ сказать, что онъ видѣлъ если не болѣе, то по крайней мѣрѣ столько, сколько видѣлъ г. Строевъ?“ (*Библіогр. Разъисканія*, стр. 27, 28).

Послѣ самаго тщательнаго, самаго строгаго, и, во многихъ мѣстахъ, даже придирчиваго разбора новаго сочиненія Строева, Ундольскій далъ такое заключеніе: „Мы не даромъ обратили особенное вниманіе на ученое описаніе библіотеки Общества и откровенно высказали наше мнѣніе о нѣкоторыхъ его недостаткахъ. Такія изданія рѣдки, они совершенствуютъ науку. Не будь П. М. Строевъ однимъ изъ первыхъ нашихъ библіографовъ, мы не рѣшились бы такъ подробно рецензировать трудовъ его. Мы увѣрены, что и онъ самъ приметъ наши посильныя разъисканія не иначе, какъ за знакъ уваженія къ его полезнымъ занятіямъ“ (стр. 105).

Ундольскій не ошибся. П. М. Строевъ съ полнымъ уваженіемъ отнесся къ труду своего критика и оттолѣ, по свидѣтельству А. Е. Викторова, сталъ признавать въ немъ „великаго мастера своего дѣла“.

Послѣ всего этого, болѣе чѣмъ забавно читать нижеслѣдующія строки А. М. Кубарева къ И. П. Сахарову, писанныя еще въ то время, когда Строевъ только что приступалъ къ Описанію библіотеки Общества: „Вы боитесь, чтобы Строевъ не увлекъ толпы безграмотной? Вотъ была бы опасность, еслибы грамотные къ нему пристали. Впрочемъ, онъ такъ *ничтоженъ*, что я ни мало не боюсь за него“ *).

И вотъ при рукоплесканіи такихъ-то цѣнителей и судей, завязалась въ Обществѣ Исторіи и Древностей интрига, имѣвшая цѣлію свергнуть П. М. Строева съ должности Библіотекаря Общества. Для сего пущены были въ ходъ всѣ дозволенные и недозволенные способы. Добились даже того, что Предсѣдатель Общества Графъ С. Г. Строгановъ, 31-го декабря 1847 года, написалъ слѣдующее письмо Строеву: „Еще въ прошломъ году, вы сами лично мнѣ обѣщались бывать въ Библіотекѣ Общества два раза въ недѣлю въ извѣстные дни и часы, для удовлетворенія гг. Членовъ Общества и, кромѣ того, по обязан-

---

*) Не смотря на это, И. П. Сахаровъ, однако, не убоялся, въ 1842 году, выдать Описаніе Ново Іерусалимской библіотеки, составленное въ 1818 году, П. М. Строевымъ, за свое собственное. См. стр. 38 нашего труда.

ности Библіотекаря, являться въ засѣданія Общества съ ключами отъ шкафовъ; но между тѣмъ, и до нынѣ не исполнили своего обѣщанія, а Члены Общества непрестанно жалуются на такое стѣсненіе съ вашей стороны. А потому Общество, въ прошломъ засѣданіи (28-го декабря 1846 года) опредѣлило: просить васъ покорнѣйше: представить въ слѣдующее засѣданіе свои объясненія по этому предмету, чтобы, разсмотрѣвъ ихъ, можно было принять ему свои мѣры для устраненія такого стѣсненія въ пользованіи членовъ Библіотекою Общества (*Вход.* и *Исход.* I, 37).

Какъ бы возраженіемъ на эту оффиціальную бумагу, могутъ служить слѣдующія строки изъ письма М. П. Погодина къ Строеву: „Что за обязанность взяли вы на себя, и для чего сидѣть въ Библіотекѣ? Развѣ не могутъ нуждающіеся относиться записками?“ (*Письма*, II, № 412).

Но Павелъ Михайловичъ хорошо понималъ, что дѣло вовсе не въ стѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ, будто бы, членами Общества. Нужно было во что бы то ни стало очистить мѣсто Библіотекаря, и Строеву оставалось покориться необходимости. По полученіи вышеприведенной бумаги Графа Строганова, онъ, къ радости враговъ своихъ, просилъ увольненія отъ званія библіотекаря.

Въ ближайшемъ засѣданіи Общества (25-го января 1847 года) на мѣсто Строева въ библіотекари избранъ былъ В. М. Ундольскій, которому и поручили принять библіотеку, въ присутствіи депутата П. В. Хавскаго. По видимому, Павелъ Михайловичъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ своимъ преемникомъ; они дружески переписывались между собою, не смотря на то, что жили въ одномъ городѣ и чуть ли не по сосѣдству: „Почтеннѣйшій обладатель Фабриція и всѣхъ тайнъ Греческой Библіографіи“ — писалъ Строевъ къ Ундольскому,—„не поскучайте навести справочку для вашего покорнѣйшаго слуги: Симеонъ, новый Богословъ, игуменъ обители св. Маманта, въ какое время жилъ, какъ называется его книга, и изъ сколькихъ главъ или словъ состоитъ она? Другъ друга тяготы носите, говоритъ Апостолъ; на семъ основаніи и я адресуюсь къ вамъ“ (*Бумаги Московскаго Публичнаго и Румянц. Музеевъ*). И Ундольскій тотчасъ же сообщилъ Строеву требуемую справку, даже „гораздо болѣе нежели сколько ему было нужно“. Въ свою очередь и Ундольскій неоднократно обращался къ Строеву съ просьбою, выдать ему изъ библіотеки Общества разныя нужныя ему книги и рукописи (*Письма*, II, № 424).

Не смотря, однако, на эти отношенія, Ундольскій, вспомоществуемый заклятымъ врагомъ Строева, Бодянскимъ, былъ душею интриги;

сдача библіотеки Общества сопровождалась для Строева большими непріятностями, причиною которыхъ былъ именно В. М. Ундольскій. Не успѣли еще подписать протокола 25-го января, о сдачѣ библіотеки Общества, какъ П. М. Строевъ получаетъ грозное письмо отъ Графа Строганова, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „такъ какъ Общество *по сію пору* не видитъ съ вашей стороны никакого начала, то я, желая какъ можно скорѣе доставить Обществу свободное пользованіе его библіотекою, рѣшаюсь *самъ* присутствовать при сдачѣ вами оной". (*Вход.* и *Исход.* I, 45). Письмо это было отправлено 4-го марта, а 18-го А. М. Кубаревъ съ восторгомъ писалъ И. П. Сахарову: „Графъ Сергѣй Григорьевичь самъ принимаетъ библіотеку у Строева. Чтожъ дѣлать съ человѣкомъ, который говоритъ: *Не отдаю библіотеки, не даю никому читать книгъ, библіотека моя, не даю никому ключей* и пр. Но пишу вамъ хотя слышанное, ибо самъ не былъ доселѣ въ Обществѣ, но достовѣрное" (*Переписка*, кн. 2, стр. 277 об.).

Но Строева не устрашило грозное письмо Графа Строганова, и онъ спокойно отвѣчалъ ему: „На письмо Вашего Сіятельства (отъ 4-го марта), мною сего утра полученное, имѣю честь отвѣтствовать: Протоколъ засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 25-го января, о сдачѣ библіотеки Общества г. Ундольскому, подписанъ только 28-го февраля и напечатанъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* вчера: слѣдовательно, къ сдачѣ нельзя было приступить ранѣе нынѣшняго дня. Библіотека въ порядкѣ, и я готовъ сдавать хоть сейчасъ: сдачу можно произвести въ четыре пріема, но ето будетъ зависѣть отъ степени расторопности новаго библіотекаря, въ которой я не такъ-то увѣренъ. Намѣреніе Ваше, Сіятельный Графъ, присутствовать лично при сдачѣ библіотеки, я принимаю не только съ живѣйшимъ удовольствіемъ, но съ особенною Вашему Сіятельству благодарностью и осмѣливаюсь за такое вниманіе нижайше вамъ поклониться. Въ пятницу 7-го марта, чтобы упредить пріѣздъ Вашего Сіятельства въ библіотеку, я явлюсь въ 12½ часовъ и потомъ совершенно готовъ приходить къ сдачѣ хоть ежедневно" (*Вход.* и *Исход.* I, 46).

21-го мая 1847 года, П. М. Строевъ, покончивъ сдачу библіотеки, развязался навсегда съ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Погодинъ, слыша о происходящемъ, писалъ Строеву: „*А что припоминаете ли меня въ Обществѣ*" (*Письма*, II, № 419).

Впослѣдствіи, самъ В. М. Ундольскій разсказывалъ, не безъ раскаянія, близкимъ къ нему людямъ, что ему *велѣно* было произвести пріемъ библіотеки *самый строгій*, что онъ и исполнилъ съ точностію.

Такъ печально закончилъ П. М. Строевъ свою почтенную дѣятельность въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, вѣчнымъ памятникомъ которой остается составленное имъ *Описаніе Библіотеки Общества*.

Ундольскій, на первыхъ же порахъ своего библіотекарства, получилъ слѣдующее письмо отъ Бодянскаго: „У насъ, кажется, *Строевщина* по прежнему, и члены не могутъ быть завѣрены, идя въ субботу въ библіотеку, что найдутъ въ ней въ законные часы библіотекаря. Право, Вуколъ Михайловичь, ето я не знаю даже какъ назвать. Въ другое время вы отзываетесь *службой*, а въ положенное васъ не бываетъ въ Обществѣ. Не рыскать же намъ за вами“.

А годъ спустя, когда Общество постигло крушеніе, за напечатаніе Флетчера, при которомъ слетѣлъ Бодянскій и уцѣлѣлъ Ундольскій, тотъ же Кубаревъ *пишетъ тому и другому и третьему такой панегирикъ*: „Графъ Строгановъ до такой степени былъ ослѣпленъ Бодянскимъ, что далъ ему власть дѣлать, что онъ хочетъ. Вѣрьте мнѣ, что нельзя было противорѣчить, чтобы не подвергнуться гнѣву Графа. Объяснить себѣ такое пристрастіе можно только тѣмъ, что Графъ, по незнанію дѣла, видя какъ Бодянскій тискаетъ всякій мѣсяцъ по толстой книгѣ, считалъ его чудомъ учености... Я ошибся въ *пуделѣ* *). Я не зналъ его до сего времени. Теперь онъ есть, если не единственный, то главный, поборникъ и заступникъ *гнуснаго* Бодянскаго. Пудель принятъ Ивановымъ **) недавно, и я увѣренъ, что по невѣдѣнію о его прекрасныхъ качествахъ. Это очень жаль. Ибо Ивановъ человѣкъ весьма добродушный и не знаетъ какого гостя онъ къ себѣ принялъ. Что пудель злокозничаетъ противъ васъ ***) въ этомъ я не сомнѣваюсь“ (307).

XXII.

Въ 1843 году, въ Московскомъ Кремлѣ, противъ Константино Еленинской церкви, подъ горою, при рытіи ледниковъ, найденъ въ землѣ мѣдный, наполненный водою сосудъ съ пергаминными и бу-

*) Ундольскомъ.

**) Въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи.

***) И. П. Сахарова.

мажными свертками и двумя кусками желѣзной руды; а также глиняная фляга, въ которой оказалось небольшое количество ртути. Императоръ Николай I-й повелѣлъ всѣ эти древности передать на разсмотрѣніе Академіи Наукъ, которая поручила это дѣло Я. И. Бередникову. Изъ открытыхъ древностей, по мнѣнію Бередникова, заслуживаютъ наиболѣе вниманіе письменные памятники, относящіеся ко второй половинѣ XIV вѣка, ко времени великаго князя Димитрія Іоанновича. Они раздѣляются на *грамоты*, *дѣловодственные акты*, *записки памятныя* и *печати* (*А. К.* III, 206—215). По разсмотрѣніи, всѣ эти Акты и другія древности были отправлены въ Москву, для храненія въ Оружейной Палатѣ. Между тѣмъ, Императоръ Николай повелѣлъ, изъ числа найденныхъ въ Кремлевской горѣ древностей, двѣ грамоты великаго князя Димитрія Іоанновича напечатать въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, а съ прочихъ Актовъ снимки помѣстить въ бюллетенѣ Академіи Наукъ, или въ журналѣ *Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Во исполненіе Высочайшей воли, Археографическая Коммиссія предоставила П. М. Строеву пріискать въ Москвѣ искуснаго художника для снятія снимковъ съ документовъ и печатей (*А. К.* III, 205). Выборъ Строева остановился на „очень искусномъ и въ древностяхъ свѣдущемъ Тромонинѣ“, который къ концу февраля 1844 года, и окончилъ порученные ему снимки съ пергаминныхъ лоскутковъ, найденныхъ въ Кремлевской горѣ. Строевъ, препровождая въ Археографическую Коммиссію работу Тромонина, писалъ Князю Ширинскому: „Замедленіе въ окончаніи снимковъ произошло отъ того, что художникъ, варя масло для своей литографіи, обжегъ себѣ руки и недѣли три не могъ работать. Приступая къ снятію снимковъ, г. Тромонинъ мочилъ чѣмъ-то лоскутки и, растянувъ на гвоздки, выправилъ ихъ: многія буквы, которыхъ нельзя было видѣть, оказались ясно, особенно въ грамотѣ великаго князя Димитрія съ позолоченною печатью. Я посовѣтовалъ сдѣлать то же съ двумя лоскутками изъ тѣхъ, которые въ С.-Петербургѣ найдены рѣшительно неудобочитаемыми: по выправкѣ вышло наружу множество буквъ. Копіи, хотя еще несовершенныя, прилагаются въ концѣ портфели собственно для любопытства Вашего Сіятельства“ (*А. К.* III, № 219).

Издательская дѣятельность Археографической Коммиссіи продолжалась непрерывно. По обнародованіи, въ 1841 — 1842 годахъ, пяти томовъ собранія памятниковъ древняго законодательства, управленія и дѣловодства, подъ заглавіемъ *Актовъ Историческихъ*, Коммиссія приступила къ печатанію *Дополненій къ Актамъ Историческимъ*. Это громадное изданіе, заключающее въ себѣ двѣнадцать томовъ, закончилось только въ 1872 году. Надъ этимъ изданіемъ не мало по-

трудились: Я. И. Бередниковъ, М. А. Коркуновъ, Н. В. Калачовъ и А. И. Тимоѳеевъ, послѣдній и завершилъ изданіе двѣнадцатымъ томомъ.

Въ тотъ періодъ, когда дѣло изданія *Дополненій* было въ рукахъ М. А. Коркунова (1843—1857), въ работѣ принималъ дѣятельное участіе и П. М. Строевъ, который съ первымъ же слухомъ о приготовленіяхъ Археографической Коммиссіи къ печатанію 1-го тома *Дополненій*, указалъ Коммиссіи (2-го августа 1843 года) на необходимость выписать слѣдующія рукописи: 1) Изъ *Кириллова Бѣлозерскаго монастыря*— № 28/842 in 4⁰, на 344 листахъ. Въ этой рукописи, л. 35—47 помѣщенъ „Чинъ и уставъ о вѣнчаніи и о поставленіи царскомъ. Переводилъ на Москвѣ митрополитъ Егрипьскій Іасафъ, съ патріарша потребника Царьградскаго, лѣта 7070 мѣсяца декабря 13-й день; а прислалъ тотъ Потребникъ ко царю и великому князю патріархъ Царьградскій Іасафъ съ митрополитомъ Егрипьскимъ Іасафомъ же, со благословенными грамотами на царство царю и великому князю Ивану". За тѣмъ, л. 47—58 „О поставленіи патріарха, или деспота, или кесаря". Царь Іоаннъ Грозный посылалъ въ Царьградъ нарочно, архимандрита Ѳеодорита; актъ весьма важный, прототипъ всѣхъ послѣдующихъ Чиновниковъ царскаго вѣнчанія. Въ томъ же монастырѣ, № 39/438, in 4⁰, л. 306—315, въ которой находится „Поученіе ко всѣмъ крестіаномъ владыки Матѳея Сарайскаго". Етотъ іерархъ жилъ въ второй половинѣ XIV вѣка, въ Сараѣ, а не въ Москвѣ. Грамота интересна. 2) Изъ *Соловецкаго монастыря*—№ 55, in 4⁰: Чинъ вѣнчанія на царство Бориса Годунова: откуда помѣщенъ только отрывокъ въ Актахъ Археографической Экспедиціи V, 8. 3) Изъ *Новгородской Софійской библіотеки*—№ 58 in 4⁰: Рукопись состоитъ вся изъ грамотъ. 4) Изъ *Волоколамскаго Іосифова монастыря*—№ 361 и 407 in 4⁰, также сборникъ Актовъ" (*Арх. Ком.* III, 174).

Въ дополненіе къ этому сообщенію, Строевъ счелъ полезнымъ (19-го августа 1843 года) обратить вниманіе Коммиссіи на слѣдующее: „Новиковъ издалъ такъ названную имъ *Исторію о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева*: я имѣю второе изданіе (М. 1785, in 8⁰), но первое лучше. Ета книга сдѣлалась рѣдка. Она состоитъ изъ трехъ огромныхъ челобитенъ, посланныхъ Матвѣевымъ царю Ѳеодору Алексѣевичу, изъ Пустозерска, въ 1677, 79 и 81 годахъ, и разныхъ его писемъ. Челобитныя весьма любопытны: въ нихъ находимъ событія и обстоятельства въ правленіе царя Алексія, о которыхъ нигдѣ не упоминается. Въ *Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ*, полагаю, не лишнимъ будетъ перепечатать эти челобитныя. Новиковъ печаталъ по четыремъ спискамъ, главный полученъ

имъ изъ Ермитажа; теперь, конечно, всѣ они пропали, а другихъ я не знаю. Впрочемъ, изданіе Новикова исправно, только интерпункція не вѣрна; стоитъ ее поисправить" (*Арх. Ком.* III, 175 об.).

Между тѣмъ, Археографическая Коммиссія, собираясь помѣстить въ 1-мъ томѣ Дополненій къ Актамъ Историческимъ извѣстую грамоту великаго князя Всеволода, данную церкви Св. Іоанна на Опокахъ въ Новгородѣ, и его же Уставъ о церковныхъ судахъ и мѣрилѣхъ, обратилась (отъ 13-го октября 1843 г.) къ Строеву съ просьбою доставить ей свѣдѣнія, не извѣстны ли ему рукописи XV и XVI вѣка, въ которыхъ помѣщены какъ первый, такъ и второй актъ (*Арх. Ком.* III, 186). „О Грамотѣ князя Всеволода", — отвѣчалъ Строевъ,—„къ сожалѣнію, не могу доставить никакихъ свѣдѣній: въ запискахъ моихъ ничего не оказалось, слѣдоватльно я ее едвали встрѣчалъ въ рукописяхъ; справки въ здѣшнихъ библіотекахъ были также безплодны. Нѣтъ ли въ собраніи профессора Погодина"? (*Арх. Ком.* III, 193).

Въ іюлѣ 1844 года, П. М. Строевъ представилъ въ Коммиссію три документа, которымъ, по его мнѣнію, „можно дать мѣсто въ *Дополненіяхъ*: 1) Книга расходная вещей Казеннаго двора, по указанію царя Өеодора Ивановича, 7093 (1584—85) года, любопытная многими подробностями и *единственная* изъ расходныхъ дворцовыхъ книгъ XVI вѣка; всѣ прочія погибли невозвратно. Сберечь ее необходимо. 2) Настольная грамота Новгородскаго митрополита Варлаама, избраннаго въ 1592 году; подобныхъ грамотъ XVI вѣка не было еще напечатано, и 3) Жалованная грамота царя Өеодора Алексѣевича гостю Никифору Третьякову 1681 года; ему позволено было торговать за границею" (*Арх. Ком.* III, 262). Кромѣ того, Строевымъ указаны были: *Дѣянія* Московскихъ Соборовъ: а) 1620 года декабря 16-го, при патріархѣ Филаретѣ, о томъ, кого изъ Бѣлорусцевъ должно крестить въ три погруженія и помазывать мνромъ, и кого изъ нихъ допускать къ общенію съ христіанами безъ совершенія обряда крещенія и мνропомазанія, и б) 1667 года 1-го іюня, при Восточныхъ патріархахъ Паисіи и Макаріи, и Московскомъ Іоасафѣ, объ отмѣнѣ постановленія 1503 года, запрещавшаго отправлять священнослуженіе вдовымъ попамъ и діаконамъ. Нынѣ это Дѣяніе имѣетъ законную силу.—Чинъ поставленія въ патріархи Новгородскаго митрополита Питирима (1672 года іюля). Напечатанный въ древней Вивліофикѣ (VI, 352—357), краткій и другаго состава, кажется заимствованъ изъ Дворцовыхъ разрядовъ; Чинъ избранія въ патріархи Казанскаго митрополита Адріана (1690 года августа 24-го). Любопытно исповѣданіе вѣры,

говоренное патріархомъ, чего при поставленіи прежнихъ патріарховъ не наблюдалось. (*Прот.* 146).

За тѣмъ 14-го марта 1845 года, П. М. Строевъ прислалъ въ Археографическую Коммиссію слѣдующее: 1) Судебникъ короля Казимира Ягелончика съ дополненіями короля Владислава. 2) Окружное посланіе Всероссійскаго митрополита Макарія Новгородскому архіепископу Пимену, 7065 (1557 года февраля 27-го) по случаю неурожая и голода, доселѣ неизвѣстное и не напечатанное. 3) Три описи стѣнъ Московскихъ (Кремля, Китая и Бѣлаго города), 1646 года. 4) Двѣ указныя выписки, 1680 года іюля 7-го, о городовыхъ строеніяхъ въ Москвѣ, любопытныя и также не напечатанныя (*Арх. Ком.* III, 297).

Независимо отъ сего, Строевъ въ письмѣ къ Князю Ширинскому, отъ 17-го февраля 1845 года, излагаетъ свои предположенія о будущихъ занятіяхъ Археографической Коммиссіи. Въ этомъ письмѣ онъ указываетъ на архивъ Оружейной Палаты, находящійся въ такъ называемомъ Запасномъ Дворцѣ у Красныхъ воротъ, независимо отъ состоящаго при самой Палатѣ. „Архивъ этотъ",—пишетъ Строевъ,—„мало еще разобранъ; но по бѣглому взгляду моему, въ 1832 году, долженъ заключать въ себѣ много любопытнаго. Помѣщеніе его холодное и сырое, слѣдовательно работу можно начать не прежде мѣсяца мая. Къ тому времени не угодно ли будетъ Вашему Сіятельству исходатайствовать отъ г. Министра Императорскаго Двора позволеніе мнѣ осмотрѣть его, и что нужно для изданій Археографической Коммиссіи выписать? Снятіемъ копій, подъ моимъ надзоромъ, можетъ заняться Забѣлинъ, которому по окончаніи можно дать приличное вознагражденіе" (*А. К.* III, 295).

Послѣ долгаго ожиданія, Строевъ, наконецъ, былъ увѣдомленъ, что Министръ Двора предложилъ Президенту Московской Дворцовой Конторы оберъ-гофмейстеру Князю Урусову, допустить его къ осмотру Архива Московской Оружейной Палаты въ Запасномъ Дворцѣ, съ дозволеніемъ дѣлать выписки (*А. К.* III, 310).

Въ сентябрѣ 1845 года, Строевъ писалъ Князю Ширинскому: „Долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства результатъ поверхностнаго обозрѣнія того отдѣленія Архива Московской Дворцовой Конторы, гдѣ помѣщаются столпцы, перевезенные туда изъ Архива Оружейной палаты: за нѣсколько лѣтъ предъ симъ Академикъ Гамель, находящійся теперь въ Англіи, желая привести въ порядокъ сіи столпцы, расклеилъ ихъ, но сшить не успѣлъ; листки переложены газетною бумагою и составляютъ 200 связокъ разнаго объема. Архиваріусъ, опасаясь разстроить порядокъ г. Гамеля, дѣйствовавшаго по Высочайшему повелѣнію, съ трудомъ даетъ къ нимъ

доступъ. Въ показанныхъ 200 связкахъ остатки приказовъ: Казеннаго, Конюшеннаго, Оружейнаго, Мастерскихъ палатъ; наибольшая часть столпцевъ относятся къ тяжбамъ казенныхъ мастеровыхъ. Между подобными бумагами находятся однакоже очень любопытныя: выдача, въ 1611 году, вмѣсто жалованья, Польскимъ войскамъ драгоцѣнностей царской казны съ оцѣнкою; распоряженія, въ 1654 году, во время сильнаго мора въ Москвѣ; письма къ патріарху Никону Хмельницкаго, и пр. Я поручилъ чиновнику Забѣлину сдѣлать нѣсколько списковъ для изданій Археографической Коммиссіи, но онъ очень занятъ службою" (*А. К.* III, 327).

Изъ Архива Московской Дворцовой Конторы П. М. Строевъ извлекъ для Археографической Коммиссіи нижеслѣдующія любопытнѣйшіе документы, найденные имъ „въ состояніи разбитомъ", а потому потребовавшіе много труда, для приведенія ихъ въ порядокъ: 1) Расчетъ въ жалованьи съ Нѣмцами, бывшими подъ начальствомъ Петра Борковскаго, съ 1610 года сентября 23-го по 1611 августа 15-го. 2) Три счета съ депутатами Польскихъ войскъ, въ заслуженномъ ими жалованьи 1611 года въ іюнѣ. 3) Роспись царской рухляди, проданной на Купецкомъ дворѣ въ Москвѣ, для платежа Полякамъ, 1611 года, послѣ 18-го марта. 4) Расходы и потери царской казны, послѣ разгрома Москвы въ 1611 году, выписка оффиціальная, съ отмѣтками какого-то знатнаго въ то время лица, для составленія перечня. 5) Роспись по объявленію Александра Гонсѣвскаго, сколько царскихъ вещей и церковной утвари передѣлано въ деньги, для платежа Нѣмцамъ съ 1611 года августа 10-го по 1612 мая 10-го. 6) Оцѣнка двухъ вѣнцовъ царскихъ и двухъ роговъ единорожныхъ, для платежа Полякамъ, которые увезли ихъ въ 1612 году. 7) Выдача жалованья Польскимъ ротамъ, большею частію вещами царской казны, 1612 г. въ августѣ и сентябрѣ. 8) Пять актовъ о разсылкѣ по городамъ печатныхъ книгъ церковныхъ, 1622, 26 и 27 годовъ.

По объясненію Строева, изъ этого Архива „можно было бы извлечь еще много любопытныхъ извѣстій, но разныя затрудненія и недостатокъ писцовъ причиною, что онъ принужденъ былъ ограничиться самымъ важнѣйшимъ" (*А. К.* III, 339).

М. А. Коркуновъ, приготовляя къ изданію III-й томъ *Дополненій* къ Актамъ Историческимъ, заключающій въ себѣ царствованіе Алексія, 23-го апрѣля 1846 года, обратился къ П. М. Строеву съ просьбою о сообщеніи *любопытныхъ* актовъ (*Вход.* и *Исход.* I, 14). Строевъ, принявъ это письмо Коркунова *за приватное*, а потому счелъ возможнымъ „откровенно" объяснить ему слѣдующее: „Въ теченіи десяти лѣтъ, я не пропускалъ случаевъ доставлять въ Археографическую Коммиссію

копіи съ актовъ, какіе *удавалось* мнѣ находить въ здѣшнихъ архивахъ и библіотекахъ, и какіе *казались* мнѣ любопытными, для помѣщенія въ ея изданіяхъ; но принять поставку извѣстнаго числа документовъ, въ извѣстное время и извѣстнаго періода, какъ вы предлагаете въ означенномъ письмѣ вашемъ, для меня рѣшительно невозможно. Изложу главныя причины: 1) Наши Архивы слишкомъ далеки отъ того порядка, чтобы можно было требовать изъ нихъ *положительно*; надобно искать самому и довольствоваться тѣмъ, что попадется случайно. 2) Прежде я переписывалъ большею частію самъ, слабость зрѣнія и гемороидальные недуги заставили меня отказаться отъ сего занятія; писцы съ старинныхъ рукописей здѣсь рѣдкость, въ виду такихъ не имѣю. 3) Мнѣ неизвѣстно, какіе акты временъ царя Алексѣя Археографическая Коммиссія уже имѣетъ и какого рода необходимы ей для составленія III-го тома *Дополненій*. 4) Я даже не могу составить себѣ опредѣленіе: что такое *документы любопытные*? За нѣсколько лѣтъ назадъ отправлена мною въ Археографическую Коммиссію большая коллекція грамотъ, объясняющихъ *вполнѣ* десятилѣтнюю осаду Соловецкаго монастыря при царѣ Алексѣѣ: въ IV-мъ томѣ Актовъ Историческихъ помѣстили изъ этой коллекціи двѣ-три грамоты на выдержку, а прочія неизвѣстно почему бросили. Прошедшею осенью я послалъ акты временъ Междоцарствія, которые казались мнѣ *слишкомъ* любопытными: въ I-мъ томѣ *Дополненій* ихъ не помѣстили, хотя на концѣ было много мѣста и напечатаны тамъ не какія либо отмѣнныя рѣдкости. Еще нѣсколько подобныхъ промаховъ совсѣмъ меня сбили: я рѣшительно не знаю, что такое *любопытное* въ нашей исторіи. 5) Чтобы содержать прилично себя и семейство и воспитывать дѣтей по возможности, мнѣ необходимо, къ обыкновеннымъ доходамъ, выработать ежегодно не менѣе 2500 р. асс. Сами можете судить: могу ли я посвятить все мое время и всѣ труды Археографической Коммиссіи, отъ которой высылается мнѣ слишкомъ маловажная сумма на необходимыя издержки. 6) Членъ Коммиссіи г. коллежскій совѣтникъ Бередниковъ, въ 1841 году, представлялъ о необходимости усилить мое денежное вознагражденіе: было много переписки объ етомъ и кончилось ничѣмъ. Съ нѣкотораго времени меня занимаетъ мысль: не оставить ли совсѣмъ службу и поселиться въ деревнѣ? Полвѣка прожито, здоровье ослабѣло, прежняя энергія почти исчезла, честолюбіе было мнѣ всегда чуждо" (*Вход.* и *Исход.* I, 15).

Не смотря на эти объясненія, Павелъ Михайловичъ все-таки отправилъ въ Коммиссію для III-го тома Дополненій нижеслѣдующіе акты при письмѣ (отъ 30-го сентября 1846 года) къ Князю Ширин-

скому: „Четыре акта *о бунтѣ во Псковѣ 1650 г.* Мятежи 1648—50 годовъ, вначалѣ царствованія Алексѣя (поясняетъ Строевъ), факты темные и еще не объявленные: всякій документъ, относящійся къ нимъ, по мнѣнію моему, любопытенъ. Шесть актовъ о *моровомъ повѣтріи 1654 г.* Выписаны какъ образчики. Я намѣревался списать ихъ гораздо болѣе, чтобы означить предѣлы, въ которыхъ свирѣпствовала язва: но, не будучи увѣренъ въ ихъ интересѣ, оставилъ. *Выходы Патріарховъ Московскихъ* 1666 — 1674 годовъ. Они тѣмъ любопытны, что только ихъ и уцѣлѣло" (*Вх.* и *Исх.* I, 20). Коркуновъ написалъ Строеву (отъ 22-го ноября 1846 года), что „акты о моровой язвѣ 1654 года могутъ войти въ составъ III-го тома *Дополненій*, и будутъ его украшеніемъ". Вслѣдствіе чего Павелъ Михайловичь въ февралѣ 1847 года, отправилъ въ Археографическую Коммиссію семьдесятъ актовъ, относящихся къ этому событію, при слѣдующемъ донесеніи: „Лѣтомъ 1654 года, когда царь Алексѣй ратовалъ подъ Смоленскомъ, въ Москвѣ обнаружилось моровое повѣтріе, опустошило ее и перешло во всѣ города и уѣзды ближайшіе. Семейство царское выѣхало въ Троицкій Сергіевъ монастырь, оттуда въ Колязинъ: намѣревались пробраться въ Кирилловъ Бѣлозерскій, или въ Новгородъ и Псковъ, но повсемѣстное явленіе заразы тому воспрепятствовало. Въ Колязинѣ монастырѣ сидѣли взаперти до глубокой осени. Патріархъ Никонъ находился тамъ же и, какъ извѣстно, руководствовалъ распоряженіями, оттуда исходившими. По взятіи Смоленска (сентября 23-го) царь Алексѣй основалъ пребываніе въ Вязьмѣ; семейство его прибыло туда же въ исходѣ октября, а въ февралѣ слѣдующаго года всѣ были опять въ Москвѣ по прежнему. Подробности моровыхъ событій оставались доселѣ почти неизвѣстны: Жизнеописатель Никона упоминаетъ вскользь, у Рихтера (въ *Исторіи Медицины*) даже въ годовыхъ числахъ изрядная путаница.

Московское Царство и прежде опустошалось *язвами* и *повѣтріями*, но какъ поступало Правительство въ такихъ гибельныхъ случаяхъ, лѣтописцы молчатъ. Въ 1654 году видимъ слѣдующія мѣры: пресѣченіе сообщеній, карантины (заставы), оцѣпленія (засѣки и обломы), недоставало только окуриваній. Вообще тогдашнія распоряженія благоразумны и очень строги (*подъ смертною казнью*), но исполнять ихъ было трудно по недостатку ратныхъ людей, бывшихъ изо всѣхъ городовъ подъ Смоленскомъ: въ слѣдующіе два года зараза проникла въ области дальнія, такъ ли свирѣпствовала тамъ, какъ въ столицѣ, покамѣстъ неизвѣстно. Центромъ правительственныхъ распоряженій къ прекращенію мороваго повѣтрія, былъ Колязинъ монастырь, потомъ Вязьма городъ: изъ перваго повелѣвали именемъ

царевича Алексѣя Алексѣевича, Наслѣдника Всероссійскаго Престола. Часть бумагъ Колязинской канцеляріи уцѣлѣла, Вяземскія почти всѣ истлѣли или совсѣмъ погибли. Оставшіеся документы находятся теперь въ Архивѣ Московской Оружейной Палаты, куда перешли, кажется, изъ Приказа Большаго Дворца въ послѣдующее время. Я переписалъ важнѣйшіе изъ нихъ (около 70-ти) и при семъ препровождаю для напечатанія въ *Дополненіяхъ*. Дѣлопроизводство обѣихъ сказанныхъ выше канцелярій, я нашелъ въ видѣ разбитомъ и частію полуистлѣвшемъ отъ сырости: надлежало подобрать листки расклеенные и привести акты въ порядокъ послѣдовательный. Отписки изъ городовъ почти всѣ въ копіяхъ, частію переписаны плохо, самые подлинники тогда же сожжены на заставахъ; отпуски отвѣтныхъ и распорядительныхъ грамотъ и наказовъ, за недостаткомъ бумаги, на мелкихъ лоскуткахъ, писаны наиболѣе рукою дьяка И. Взимкова очень связно, со множествомъ крыжей и сокращеній: только совершенное знаніе тогдашнихъ канцелярскихъ формъ и терминовъ, дали мнѣ возможность переписать этѣ бумаги какъ должно. Времени на переписку я употребилъ довольно, а потому и опоздалъ присылкою въ обѣщанный мною срокъ. Относительно порядка, въ какомъ напечатать акты, Коммиссія можетъ удержать мой, или привести въ иный приличный, все равно, только-бъ всѣ акты были напечатаны: тутъ нѣтъ ничего лишняго или маловажнаго" (*Вход.* и *Исход.* I, 40, 41).

Археографическая Коммиссія „съ искреннею признательностью" приняла этотъ цѣнный вкладъ въ ея изданія, и опредѣлила напечатать присланное Строевымъ въ III-мъ томѣ *Дополненій къ Актамъ Историческимъ* (*Вх.* и *Исх.* I, 51).

Въ это-же время П. М. Строевъ былъ обрадованъ слѣдующимъ извѣщеніемъ Князя П. А. Ширинскаго-Шихматова (отъ 12-го апрѣля 1847 года):

„Успѣшные и весьма полезные труды ваши по части Отечественной Исторіи и Русскихъ Древностей, обратили на васъ особенное вниманіе Втораго Отдѣленія и Общаго Собранія Императорской Академіи Наукъ, которое, въ засѣданіи 6-го февраля сего года, избрало васъ экстраординарнымъ академикомъ по означенному Отдѣленію.

Государю Императору благоугодно было утвердить васъ въ этомъ званіи. Съ истиннымъ удовольствіемъ, поспѣшаю увѣдомить васъ о семъ, *справедливо* заслуженномъ вами, Академическомъ повышеніи" (*Вх.* и *Исх.* I, 47).

Павелъ Михайловичь, съ обычною своею скромностію, благодаритъ Князя въ такихъ выраженіяхъ: „Труды мои были слабы, и въ повы-

шеніи моемъ я вижу только новый знакъ милостиваго покровительства, коимъ Ваше Сіятельство изволили всегда меня удостоивать" (*Вх.* и *Исх.* I, 49).

Это торжественное признаніе ученыхъ заслугъ П. М. Строева, со стороны почтеннаго сословія Императорской Академіи Наукъ, было какъ нельзя болѣе кстати именно въ описываемое время, въ виду оскорбительнаго пренебреженія, съ которымъ относились къ нему въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Дѣло изданія *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*, по прежнему, составляло предметъ наиболѣе интересовавшій Строева. Послѣ II-го тома этого изданія, вышедшаго въ 1843 году, Главный Редакторъ Лѣтописей Я. И. Бередниковъ приступилъ къ печатанію I-го, въ который вошелъ, между прочимъ, „древній текстъ Лѣтописи Нестора". Просмотрѣвъ II-й томъ, П. М. Строевъ, въ письмѣ къ Князю Ширинскому, просилъ обратить вниманіе Главнаго Редактора на 39 страницу изданной Новиковымъ книги: *Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева* (М. 1785. 8°), замѣтивъ при этомъ слѣдующее: „Всѣ Лѣтописцы съ большими картинами составляли одинъ сборникъ и составлены въ Посольскомъ Приказѣ при бояринѣ Матвѣевѣ; Князь Щербатовъ въ предисловіи къ *Лѣтописцу Царственному*, догадывался ошибочно" (*Арх. Ком.* III, 175 об.)

На стр. 34, 35 названной *Исторіи* бояринъ Матвѣевъ, обращаясь къ Царю Өеодору Алексѣевичу, говоритъ: „А служа вамъ великимъ государемъ, и желая вашея государскія къ себѣ милости, сдѣлалъ книги съ товарищи своими, и съ приказными людьми, и съ переводчики, въ Посольскомъ Приказѣ, какія не бывали, и нынѣ на свидѣтельство мое, холопа твоего, и ихъ работы въ Посольскомъ Приказѣ. *Первая книга*: всѣхъ Великихъ Князей Московскихъ и всея Россіи Самодержцевъ персоны, и титла и печати, какъ они, великіе государи, сами себя описывали; также и всѣхъ государей христіянскихъ и бусурманскихъ, которые имѣютъ ссылки съ вами, великимъ государемъ, персоны ихъ и титла и печати. *Другая книга* въ лицахъ же съ реченіемъ: Избраніе и посылка на Кострому, и о прошеніи, и о приходѣ къ Москвѣ, и о вѣнчаніи на царство Московское дѣда твоего государева, блаженныя памяти великаго государя царя и великаго Князя Михаила Өеодоровича, всея Россіи Самодержца *). *Третія Книга* всѣхъ предковъ твоихъ, благочестивыхъ великихъ государей князей, и благочестивыхъ великихъ государей царей и самодерж-

*) По свидѣтельству Новикова, копіи съ этихъ двухъ книгъ находились «въ книгохранительницѣ Князя Г. Г. Орлова.

цевъ, славныхъ въ ратныхъ побѣдахъ, въ лицахъ съ исторіями; и тое книгу поднесъ тебѣ, великому государю, при отцѣ твоемъ государевѣ, великомъ государѣ, я холопъ твой. *Четвертая книга* въ лицахъ и съ реченіемъ, перевода Спатаріева, а письмо старца Маркела, что въ Тіунской; а переводилъ книгу Святѣйшаго Макарія, Патріарха Антіохійскаго".

Князь же Щербатовъ, въ Предисловіи къ изданной имъ Царственной Книгѣ (Спб. 1769, in 4⁰), говоритъ: „Предстоитъ еще вопросъ, кто сію книгу сочинялъ? На сіе отвѣтствовать весьма трудно; ибо ни малыхъ знаковъ сочинителя, или собирателя оной не обрѣтается. Что же касается до времени, то является, что оная была сочиняема въ началѣ царствованія Царя Ѳеодора Ивановича: понеже обрѣтается въ нѣкоторыхъ перемѣшенныхъ, и для сего невмѣщенныхъ здѣсь листахъ Коронація сего Царя; а можетъ быть, что сія книга не бывъ докончена сего Государя, во время царствованія Годунова и престала быть продолжаема. Ибо, естьли бы оная была сочиняема въ позднѣйшія времена, тобъ царь Іоаннъ только похваляемъ не былъ, и строгости бы его яснѣе были описаны; или бы не толь непослушаніе и заговоры боярскіе, дабы самимъ править, были изъяснены; каковые способы употребилъ Государь, дабы взоити на Престолъ, и которые были потомъ причиною разоренія Россіи".

Теперь, для полнаго уразумѣнія вышеприведеннаго мѣста изъ письма Строева къ Князю Ширинскому, выслушаемъ объясненіе Главнаго Редактора Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей Бередникова:

„Въ письмѣ вашемъ Князю"—писалъ онъ Строеву,—„вы указывали издателю Лѣтописей на книги съ картинами, составленныя въ Посольскомъ Приказѣ при бояринѣ Матвѣевѣ. У насъ въ Коммиссіи находятся пять фоліантовъ, въ лицахъ, принадлежащихъ Синодальной библіотекѣ, Публичной и Академической; но это не тѣ, потому что послѣдніе, т. е. *наши*, по почерку, несомнѣнно относятся къ XVI вѣку. Если не вѣрить палеографическимъ признакамъ и подъ словомъ *составленныя* разумѣть то, что Лѣтопись, заключающаяся въ фоліантахъ, составлена при бояринѣ Матвѣевѣ, то этого принять нельзя, потому что она сходна слово въ слово съ *Патріаршимъ спискомъ* XVI вѣка, принадлежащимъ Академіи и находящимся въ Коммиссіи. Сія Лѣтопись имѣетъ до десяти списковъ, въ числѣ коихъ и такъ называемый Никоновскій, напечатанный Шлецеромъ и Башиловымъ. Царственная книга, Царственный лѣтописецъ и Древній Лѣтописецъ, изданные Щербатовымъ, суть ничто иное, какъ перепечатка *нашихъ* фоліантовъ и тоже Никоновская лѣтопись. Изъ любопытства потрудитесь сравнить печатную Никоновскую съ Щербатовскими изда-

піями: вы увидите, что ето одно и то же. Сегодня я нашелъ еще одинъ списокъ XVI вѣка, in 4°, принадлежащій Новгородской Софійской библіотекѣ и простирающійся съ конца XV вѣка до 1550 года. Замѣтить должно, что большая часть Русскихъ лѣтописей разлагается на три, или четыре главныя редакціи. Основные списки суть: Лаврентьевскій, Софійскій, Воскресенскій, Патріаршій. Остаются краткіе лѣтописцы, XV и XVI вѣка, которыхъ много и къ которымъ ключа я еще не отыскалъ; они составляютъ важную часть нашего лѣтописанія и изъ нихъ ни одинъ не напечатанъ. Результатъ: составленныя въ Посольскомъ Приказѣ, при Матвѣевѣ, книги съ картинами не то, что намъ извѣстно подъ именемъ фоліантовъ въ лицахъ, съ которыхъ печаталъ Щербатовъ. *Въ Исторіи о невинномъ заточеніи Матвѣева* упомянуты четыре книги, сдѣланныя въ Посольскомъ Приказѣ (стр. 34, 35). Первая нынче въ Ермитажѣ; вторая не въ Архивской ли Библіотекѣ; третія можетъ быть *наши* фоліанты, вновь списанные, а вѣрнѣе, судя по оглавленію *новому*, что нибудь иное; четвертая неизвѣстна ли вамъ? Пріѣзжайте, ради Бога, сюда, хоть зимою. Есть о многомъ съ вами переговорить" (*Письма*, II, 370).

Въ маѣ 1844 года, П. М. Строевъ ѣздилъ въ Петербургъ, и прожилъ тамъ три недѣли. Въ это время, по собственному его свидѣтельству, онъ „разузналъ секреты Коммиссіи и разочаровался совершенно" (*Вх.* и *Исх.* II, 195 об.). Не смотря на это, переписка Строева съ Бередниковымъ не прекращалась. „Ваши писанія", — изъяснялъ Бередниковъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ нему, — „приносятъ не только удовольствіе, онѣ доставляютъ мнѣ истинное наслажденіе. Согласіе понятій въ наукѣ соединяетъ людей тѣснымъ союзомъ; а я, сказать по правдѣ, ни съ кѣмъ такъ не согласенъ въ историческихъ мнѣніяхъ, какъ съ вами. Да иначе и быть не можетъ. Дайте людямъ, бродящимъ въ историческомъ мракѣ, тѣ *данныя*, которыя, какъ лучи солнца, освѣщаютъ етотъ мракъ, ето темное поприще преданій, ету многосложную и запутанную истину, чрезъ которую прошла и изъ которой выдѣлалась ткань исторіи въ настоящемъ ея видѣ, — и они, ети недогадливые смертные, прозрятъ и поймутъ то, что имъ теперь кажется непонятнымъ. Они смотрятъ на исторію, какъ на представленіе драмы; видятъ ее одѣтую, обутую, подрумяненную и украшенную новѣйшими писателями. Но загляните за кулисы, добрые люди: тамъ вы узнаете, изъ чего и какъ составлены декораціи, машины, полеты и превращенія сценическаго дѣйствія, которое такъ поражаетъ ваши взоры. *Постановку* Русской Исторіи на сцену Шлецеромъ, Ломоносовымъ, Татищевымъ, Щербатовымъ, Карамзинымъ, мы знаемъ лучше васъ, не занимавшихся *ма-*

теріалами. А какъ чистая логика всегда ведетъ къ однимъ результатамъ, то согласіе нашихъ мнѣній не диво: ибо въ исторіи (наукѣ положительной) есть своего рода аксіомы, которыхъ никто, одаренный здравымъ смысломъ, отвергать не можетъ" (*Письма*, II, № 404).

За тѣмъ, когда печатаніе I-го тома Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей приходило къ концу, именно въ концѣ декабря 1845 года, Бередниковъ опять пишетъ Строеву-же: „Въ январѣ (1846 г.) выпустится въ продажу: первый томъ Собранія Лѣтописей. Прошу васъ разсмотрѣть изданіе Лаврентіевской Лѣтописи, съ свойственнымъ вамъ вѣрнымъ взглядомъ на дѣло, съ безпристрастіемъ и относительною строгостью. Знаю, что лѣтописи могутъ быть изданы лучше; но ето первый опытъ въ полномъ видѣ; притомъ начальство меня торопитъ. Позволяю себѣ утѣшаться надеждою, что я исполняю свою обязанность добросовѣстно, безъ новѣйшаго шарлатанства и вліянія школы, отличающейся юношескою заносчивостью и невѣжествомъ. Кажется, я понимаю, что такое Русскія Лѣтописи и съ какой точки, покамѣстъ, надобно смотрѣть на такъ называемый *Временникъ Нестора*. Предисловіе коротко, но для *знающихъ* я высказалъ въ немъ (кромѣ одной фразы, которая мнѣ не принадлежитъ) то, что должно думать о Несторѣ. Многое вы сказали уже прежде, или дали почувствовать, въ предисловіи къ Софійскому Временнику. Пусть какъ хотятъ разсматриваютъ наши лѣтописи; но самый вѣрный выводъ, критическій point culminant, есть то, что мы предполагаемъ. Предисловіе я хотѣлъ бы написать подробнѣе, но меня торопили; я не имѣлъ времени обработать его".

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что Предисловіе Я. И. Бередникова къ I-му тому Лѣтописей отнюдь не можетъ быть поставлено рядомъ съ Строевскимъ предисловіемъ къ Софійскому Временнику, которое, какъ мы уже сказали, есть цѣлый трактатъ о составѣ нашихъ Лѣтописей и, которое, по справедливому приговору И. И. Срезневскаго, „принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній своего рода въ Русской Литературѣ и достойно быть гораздо болѣе извѣстно, чѣмъ доселѣ было" (*Зап. Акад.* 1864. VI, кн. 1, стр. 116). Впрочемъ, Предисловіе Бередникова нашло себѣ вѣрную оцѣнку въ слѣдующемъ отзывѣ о немъ М. П. Погодина: „Вмѣсто безполезнаго велерѣчія о *Священной книгѣ народа* и пр. (стр. XIX), мы желали бы лучше найдти ученое, критическое описаніе списковъ Несторовой Лѣтописи, вмѣсто котораго нашли самое поверхностное, недостаточное для науки, въ настоящемъ ея состояніи" (*Изслѣд., Зам. и Лекціи.* М. 1846, I, 469).

XXIII.

Въ іюнѣ 1847 года, П. М. Строевъ пріѣхалъ въ С. Петербургъ и вступилъ въ переговоры съ Я. И. Бередниковымъ объ *Алфавитѣ къ Лѣтописямъ* (*Вх.* и *Исх.* II, 200). Въ это же время, онъ представилъ лично Князю П. А. Ширинскому нижеслѣдующій проэктъ задуманнаго труда: „Изъ предисловія къ I-му тому Собранія Русскихъ Лѣтописей видно, что четвертымъ томомъ окончатся *Лѣтописи древнія*, а за ними послѣдуютъ *Лѣтописи среднихъ* временъ; слѣдовательно, сіи четыре тома можно принимать за нѣчто цѣлое и отдѣльное. Чтобы облегчить справки съ этими книгами, необходимъ указатель алфавитный, составленный *тщательно*; иначе онѣ будутъ мало употребительны. Составитель такого указателя, или указателей, долженъ быть знатокъ княжескаго родословія, топографіи, древностей всякаго рода, и притомъ *практикантъ*: люди *неопытные* и дѣлающіе *наскоро*, могутъ только порядочно понапутать, а отнюдь не выяснить. Неугодно ли Археографической Коммиссіи поручить мнѣ ето, повидимому пустое, но въ сущности очень важное и необходимое дѣло? Условія мои будутъ слѣдующіе: 1) Указатель къ четыремъ первымъ томамъ можетъ поспѣть въ три года: Коммиссія заплатитъ мнѣ за каждый годъ по 600 р. с. 2) Если я проработаю болѣе трехъ лѣтъ, то, за излишнее сверхъ срока время, ничего не потребую; еслижъ трудомъ усиленнымъ, успѣю окончить нѣсколько прежде трехлѣтія, Коммиссія выплатитъ всѣ деньги сполна, ничего не удерживая. 3) Совершенно готовый оригиналъ поступитъ на разсмотрѣніе Коммиссіи: печатаніе можетъ быть поручено одному изъ членовъ ея, или мнѣ; въ послѣднемъ случаѣ, за чтеніе тяжкой корректуры, необходимо особое возмездіе съ каждаго печатнаго листа“ (*Вход.* и *Исх.* I, 57).

28-го іюля 1847 года, Павелъ Михаиловичь, получилъ оффиціальное увѣдомленіе отъ Князя П. А. Ширинскаго объ утвержденіи означеннаго проэкта. Въ этой бумагѣ, мы, между прочимъ, читаемъ: „Археографическая Коммиссія, имѣя въ виду указатели, составленные вами къ Исторіи Государства Россійскаго и къ изданнымъ вами Выходнымъ Книгамъ Царей, просила разрѣшеніе Его Сіятельства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія на порученіе вамъ составленія Алфавитнаго Указателя къ первымъ четыремъ томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей и Г. Министръ изъявилъ свое согласіе. Увѣдомляя васъ о семъ, покорнѣйше прошу приступить къ составленію означеннаго Указателя и по третямъ доносить мнѣ

о вашихъ по сему занятіяхъ, въ отчетливо-ученомъ исполненіи которыхъ я вполнѣ увѣренъ" (*Вх.* и *Исход.* I, 62 об. 63).

Такъ началось дѣло, имѣвшее свою длинную исторію.

1-го октября 1847 года, П. М. Строевъ уже писалъ къ Князю Ширинскому: „Работая самымъ усиленнымъ образомъ, я успѣлъ окончить *выборъ* для Алфавита изъ всего тома перваго и прошелъ полсотни страницъ втораго. Къ концу истекающаго года, надѣюсь окончить томъ второй, а мѣсяца черезъ три послѣ того и третій. Къ тому времени, томъ четвертый едва ли будетъ готовъ вполнѣ, а потому и буду просить высылать мнѣ листами, по мѣрѣ отпечатыванія ихъ: иначе произойдетъ остановка работы. Съ окончаніемъ выбора, изъ послѣдняго листа тома четвертаго, начнется *формированіе* Алфавита, главная часть предпринятаго мною труда. Къ концу Алфавита я присоединю Родословныя таблицы, безъ которыхъ нѣтъ возможности уяснить хаосъ временъ Удѣловъ; также росписи князей по удѣламъ и владыкъ по епархіямъ, въ порядкѣ хронологическомъ, дабы читатели Лѣтописей имѣли возможное облегченіе въ пониманіи мѣстъ сбивчивыхъ и темныхъ, по множеству лицъ, часто одинакихъ именъ и отечествъ" (*Вход.* и *Исход.* I, 70),

Въ томъ же октябрѣ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго донесенія, Строевъ заболѣлъ, но, не смотря на это, продолжалъ работать съ утра до ночи, и успѣлъ (къ 19-му октября) пройти всю Ипатіевскую Лѣтопись, которая, по собственному выраженію Павла Михайловича, „облегчила мои недуги своимъ особеннымъ разсказомъ" (*Вход.* и *Исх.* I, 73).

Болѣзнь Строева продолжалась два мѣсяца, но она не остановила работы. Напротивъ того, въ письмѣ, по поводу этого болѣзненнаго состоянія, къ Князю Ширинскому (отъ 2-го декабря 1847 г.), Павелъ Михайловичъ говоритъ слѣдующее: „слишкомъ непріятное положеніе весьма содѣйствовало успѣху Алфавитнаго Указателя; я дошелъ до 175 страницы III-го тома, остальнаго недостанетъ и на три недѣли. Такимъ образомъ, благодаря холерному времени, менѣе пяти мѣсяцевъ употреблено мною на тяжелый трудъ, требовавшій по крайней мѣрѣ мѣсяцовъ восемь" (*Вх.* и *Исх.* I, 75).

Между тѣмъ, медики присовѣтовали Строеву оставить на время „излишнюю усидчивость и имѣть болѣе движенія", и нашъ труженикъ, не желая перечить медикамъ, прошедъ Вторую Новгородскую Лѣтопись съ приложеніями къ ней до страницы 201, прервалъ работу. Увѣдомляя объ этомъ Князя Ширинскаго, онъ пишетъ, между прочимъ: „четвертаго тома Собранія Лѣтописей такъ еще мало напечатано, что мнѣ не трудно будетъ окончить выборъ всего Алфа-

вита къ тому времени, когда Археографическая Коммиссія отпечатаетъ послѣдній листъ этого тома; остановки не послѣдуетъ" (*Вх.* и *Исх.* I, 81).

Пользуясь этимъ невольнымъ перерывомъ, мы займемся разсмотрѣніемъ другихъ трудовъ П. М. Строева, которыя шли почти одновременно съ Алфавитомъ къ Лѣтописямъ. Начнемъ съ *Дополненій къ Актамъ Историческимъ.*

Занимаясь описаніемъ библіотеки И. Н. Царскаго, П. М. Строевъ извлекъ изъ его коллекціи нижеслѣдующіе акты, которые онъ препроводилъ (17-го августа 1847 года) въ Археографическую Коммиссію для помѣщенія въ *Дополненіяхъ*: 1) Двѣ памяти указныя, чтобы дѣтей поповъ, дьяконовъ, посадскихъ и черныхъ людей, въ приказные подьячіе не принимать (1640 года ноября 27-го и декабря 7-го). 2) Перепись кузницъ въ Москвѣ (1640 года декабря 28-го), 3) Двѣ росписи пушекъ и пищалей, находящихся въ Кремлѣ, на Московскихъ городовыхъ стѣнахъ и въ подгородныхъ монастыряхъ (1641 года генваря 10-го). 4) Память указная, изъ Помѣстнаго Приказа въ Разбойный по запросу о старыхъ и новыхъ отчинахъ и пр. (1644 года августъ). 5) Двѣ грамоты Звенигородскому воеводѣ Никитѣ Боборыкину, о поимкѣ Сенки Матвѣева, кажется важнаго колодника (1651 года августа 27—29-го). 6) Поученіе патріарха Никона, иноческому и священническому чину, о храненіи благочинія и порядка (1652). 7) Грамота патріарха Никона, проѣзжая, Черногорскаго монастыря старцу, отправленному въ Сибирь для сбора подаяній (1653 года, марта 14-го). 8) Грамота царевича Алексѣя Алексѣевича, въ Новгородъ, о дворѣ и дворовыхъ мѣстахъ умершаго гостя Семена Стоянова (1656 года августа 22-го). 9) Двѣ памяти указныя, въ Пушкарскій Приказъ, о городовыхъ въ Москвѣ воротахъ и воротникахъ (1658 года, февраля 15-го и 24-го). 10) Грамота царя Алексія князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому, жалованная (1661 года сентября 11-го). 11) Выпись изъ полоняничной книги, выданная изъ Холопья Приказа, стольнику И. Ѳ. Волынскому, на владѣніе холопомъ (1664 года ноября 3-го). 12) Отписка Новгородскаго воеводы въ Тихвинъ Успенскій монастырь, съ прописаніемъ указа о Шведскихъ плѣнныхъ (1673 года іюня 13-го). 13) Грамота ввозная, изъ Помѣстнаго Приказа, стольнику И. Б. Комынину, на отказанную ему пустошъ (1674 года августа 6-го). 14) Наказъ Галицкимъ выборнымъ цѣловальникамъ, посланнымъ для покупки свиныхъ мясъ и масла коровьяго на Государевъ дворцовый обиходъ (1675 года, декабря 23-го). Препровождая въ Коммиссію поименованные акты, Строевъ въ заключеніи препроводительнаго донесенія сообщилъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: „Акты, *открытые*

Нижегородскимъ епископомъ Іаковомъ въ подвалахъ тамошняго Печерскаго монастыря, о которыхъ столько писано въ журналахъ (даже въ Journal des Debats), были разсмотрѣны мною еще въ 1833 году (*Вход. и Исход.* I, 67).

Вскорѣ послѣ того (2-го декабря 1847 года), П. М. Строевъ прислалъ князю Ширинскому слѣдующую весьма замѣчательную и важную записку, которую просилъ передать гг. издателямъ Дополненій къ Актамъ Историческимъ: „Въ библіотекѣ Воскресенскаго монастыря, именуемаго Новый Іерусалимъ, находится рукопись № $^{37}/_{354}$ in f^{0} подъ заглавіемъ: *Книга соборныхъ дѣяній о разныхъ дѣлахъ и о нуждныхъ церковныхъ винахъ вопросы и отвѣты, яже быша при державѣ благочестивѣйшаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексіа Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, при его Царскомъ присутствіи, святѣйшихъ патріарховъ православныхъ, Паисіа Александрійскаго, папы и судіи вселенскаго, и Макарія Антіохійскаго и всего Востока, и Іоасафа Московскаго и всеа Россіи, и многихъ архіереевъ Греческихъ и всѣхъ Россійскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ же и игуменовъ и всего освященнаго собора, за руками, мірозданія въ лѣто 7175 и 76-го.* Списокъ полууставный сдѣланъ для Синодальнаго совѣтника И. П. Топильскаго, въ 1729 году. Самый подлинникъ хранится въ Патріаршей библіотекѣ (кажется № 914): на него ссылается Карамзинъ (IV, пр. 360). Напечатана только выписка, при Служебникѣ Московскомъ 1668 года, подъ названіемъ *Свитокъ Сборный.* Сіи Дѣянія собора 1667—68 годовъ, какъ основа нынѣ существующаго въ Россійской церкви порядка, должны быть напечатаны въ *Дополненіяхъ.* Въ Патріаршей библіотекѣ въ 1832 году, я видѣлъ тетради, въ коихъ содержатся, частію въ подлинникахъ, соборныя постановленія 1667, 74, 76 и др. годовъ, еще не напечатанныя; ихъ также должно вытребовать. Означенныя тетради послѣ того переплетены въ книги и статься можетъ, что Синодальный ризничій, затруднясь пріисканіемъ ихъ, будетъ отвѣчать: „не имѣется“; въ такомъ случаѣ не излишне было бы написать г. Прокурору Московской Синодальной Конторы, чтобы онъ пригласилъ меня для указанія. Я. И. Бередниковъ, въ 1833 году, видѣлъ въ Флорищевой пустыни рукопись подъ № 88-мъ in f^{0}, имѣющую заглавіе *Книга, обдержитъ въ себѣ грамоты святѣйшихъ патріарховъ Вселенскихъ и Московскихъ и иные разные предѣлы соборные.* И я разсматривалъ ету рукопись, нѣсколько послѣ, въ Владимірскомъ Архіерейскомъ домѣ, куда она, по просьбѣ моей, была выслана изъ той пустыни. Археографическая Коммиссія можетъ, не безъ пользы для себя, потребовать и сію любопытную книгу церков-

ныхъ уложеній. Также полезно было бы перепечатать Соборное Дѣяніе 1675 года (разумѣется съ подлинника), помѣщенное въ *Исторіи Россійской Іерархіи* изд. 1-е, ч. I, стр. 321. При составленіи сей записки меня руководствовало искреннее желаніе сдѣлать *Дополненія* къ *Актамъ Историческимъ* сколь возможно полнѣе и интереснѣе важностью документовъ" (*Вх. и Исх.* I, 76).

Теперь намъ слѣдуетъ сказать о другомъ важномъ трудѣ Строева, на поприщѣ Библіографіи, которымъ онъ уже нѣсколько лѣтъ занимался. Мы разумѣемъ составляемое имъ *Описаніе* рукописей И. Н. Царскаго. Печатаніе этой книги началось въ 1846 году. Отдѣльные листы, по мѣрѣ отпечатанія, посылались къ Я. И. Бередникову, который по этому поводу писалъ Строеву (отъ 23-го декабря 1846 года): „Тридцать семь листовъ новаго каталога библіотеки Царскаго я получилъ и приношу вамъ за то душевную мою благодарность. Вы напрасно отвергаете во мнѣ сочувствіе къ полезному и достохвальному; съ етими чувствами я рожденъ; такъ всегда смотрѣлъ на всѣ ваши литературные труды и никогда не оставался холоденъ при встрѣчѣ съ новыми" (*Письма*, II, № 432).

Наконецъ въ 1848 году вышла въ свѣтъ полновѣсная и многоцѣнная книга, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Рукописи Славянскія и Россійскія, принадлежащія И. Н. Царскому. Разобраны и описаны Павломъ Строевымъ. М. 1848, 8⁰*. Этимъ трудомъ П. М. Строевъ завершилъ свое библіографическое поприще, на которомъ принесъ столько *неоцѣненной* пользы. Въ предисловіи къ названной книгѣ, Строевъ объясняетъ: „Я держался правилъ библіографіи самыхъ строгихъ: въ каталогахъ рукописей выписки, особенно длинныя, не могутъ имѣть мѣста; замѣтки филологическія и грамматическія, безъ связи и доказательства, малополезны; сравненіе между собою книгъ огромныхъ (Хронографовъ, Прологовъ и проч.) выйдетъ только поверхностное; всѣ подобные предметы, въ полномъ ихъ развитіи, принадлежатъ къ области ученыхъ трактатовъ и монографій". Въ заключеніе Строевъ выражаетъ слѣдующее желаніе, раздѣляемое съ нимъ *всѣми патріотами просвѣщенными*: „Ревностный и почтенный собиратель да упрочитъ свое собраніе навсегда *цѣлымъ* и да не погибнетъ оно подобно многимъ частнымъ библіотекамъ, отъ которыхъ остались только каталоги или безкаталожная не долговѣчная память" (стр. IV, V).

Эти пожеланія сказаны въ добрый часъ. Къ великой радости ревнителей просвѣщенія, драгоцѣнное собраніе рукописей Царскаго, въ полномъ составѣ, пріобрѣтено графомъ Алексѣемъ Сергіевичемъ Уваровымъ и хранится въ его селѣ Порѣчьѣ.

Препровождая экземпляръ только что вышедшаго каталога къ князю Ширинскому, Строевъ между прочимъ пишетъ ему, отъ 30-го декабря: „Царскій изготовилъ приличные екземпляры для поднесенія Государю Императору, Великому Князю Цесаревичу и Великому Князю Константину Николаевичу. Если Его Сіятельству графу Сергію Семеновичу угодно будетъ принять милостивый для насъ трудъ поднести означенные экземпляры, по извѣщеніи меня о семъ, они могутъ быть доставлены". Чрезъ посредство Уварова экземпляры были поднесены и Строевъ съ Царскимъ получили Высочайшее благоволеніе отъ Государя и благодарность отъ Ихъ Высочествъ (*Вход. и Исход.* I, 134, 157, 158).

По выходѣ въ свѣтъ Каталога Царскаго, М. П. Погодинъ прислалъ Строеву слѣдующую записочку: „Не напишете ли вы, почтеннѣйшій Павелъ Михайловичь, коротенькой статейки о примѣчательнѣйшихъ рукописяхъ въ Библіотекѣ г. Царскаго, для *Москвитянина*; а я воздамъ хвалу Египетскому труду въ особомъ извѣстіи. Потрудитесь-ка, вамъ ето легко и сподручно" (*Письма*, II, № 453). Къ этому письму Строевъ сдѣлалъ слѣдующее собственноручное примѣчаніе: „На ету наглую записку я не отвѣчалъ. Послѣ того длинная пауза" (*Вход.* и *Исход.* II, 289).

Не смотря на это, въ *Москвитянинѣ* появилась слѣдующая статья М. П. Погодина о Строевскомъ каталогѣ: „*Тысяча почти страницъ*! Тѣни Монфоконовъ и Мураторіевъ возрадуетесь: и на далекомъ сѣверѣ являются вамъ достойные подражатели, послѣдователи и преемники! Написалось имя Монфокона и подало мнѣ новую мысль. Монфоконъ издалъ Библіотеку Библіотекъ (Bibliotheca Bibliotecarum). Что еслибы г. Строевъ, посвятивъ тридцать лѣтъ трудамъ, по большей части библіографическимъ, описавъ библіотеку Толстаго, Царскаго, Московскаго Общества и многихъ монастырей, получилъ средства и возможность описать библіотеки Софійскую, Патріаршую, Кирилловскую... Вотъ тогда воздвигнулъ бы онъ себѣ памятникъ, вотъ тогда наука поставила бы его изображеніе въ своемъ святилищѣ! Мнѣній г. Строева о древней Русской Исторіи я не только не раздѣляю, но всегда осуждалъ и осуждать буду, если онъ отъ нихъ не откажется, готовъ преслѣдовать при всякомъ случаѣ, ревнуя пользѣ науки,—слѣдовательно голосъ мой въ этомъ отношеніи совершенно безпристрастенъ, и произносится во имя той же науки. Г. Строевъ можетъ сдѣлать это дѣло лучше всѣхъ. Скажу болѣе: Русская Исторія становится теперь на такую степень, что не можетъ довольствоваться поверхностнымъ знакомствомъ съ своими источниками. Бредни нѣкоторыхъ молодыхъ людей позабудутся, прозвучавъ въ воздухѣ, и

явятся достойные дѣлатели, даже изъ нихъ, для которыхъ необходимы полныя указанія, гдѣ что они могутъ найдти для своихъ основательныхъ изслѣдованій.

„Но возвратимся къ Каталогу.

„Я прочелъ и просмотрѣлъ его отъ доски до доски. Прочесть его—трудъ! Что-же стоило написать его? Что стоило его напечатать? И какой скучный, утомительный, неблагодарный трудъ! Только особаго рода, особаго темперамента, особаго характера, труженики могутъ посвятить ему себя. Вообразите какой нибудь Сборникъ въ тысячу и болѣе листовъ, съ 200 статьями. Каково выписать одни начала изъ этихъ статей!... Только тридцать лѣтъ постоянныхъ занятій могутъ нѣсколько облегчить это, научивъ разнымъ пріемамъ, о коихъ новичекъ, не только верхоглядъ, и не можетъ имѣть понятія.

„Каталоги Строевскіе обвиняютъ въ сухости, сравнительно съ Каталогами Востокова. Вотъ краткое и совершенно полное его оправданіе, съ коимъ я вполнѣ согласенъ: „Я держался правилъ библіографіи самыхъ строгихъ: въ каталогахъ рукописей выписки, особенно длинныя, не могутъ имѣть мѣста; замѣтки филологическія и грамматическія, безъ связи и доказательствъ, мало полезны; сравненіе между собою книгъ огромныхъ (Хронографовъ, Прологовъ, и проч.) выйдетъ только поверхностное; всѣ подобные предметы, въ полномъ ихъ развитіи, принадлежатъ къ области ученыхъ трактатовъ и монографіи". Каталогъ Востокова читать пріятнѣе, поучительнѣе, это правда, но потому, что Востоковъ вышелъ изъ предѣловъ библіографіи, и не только описывалъ свои рукописи, но и прилагалъ изслѣдованія объ нихъ. Рукописи расположены по алфавиту названій. „Всякое другое распредѣленіе не возможно", говоритъ Строевъ. Но я докажу ему, что возможно, когда выйдетъ мой Каталогъ. А когда онъ выйдетъ— увы! не могу сказать навѣрное. Г. Бѣляевъ трудится, трудится усердно, но, какъ Востоковъ, онъ не можетъ удерживаться отъ изслѣдованій". Эту рецензію свою Погодинъ заключаетъ „изъявленіемъ глубочайшей благодарности, отъ имени науки и ея служителей, достопочтенному собирателю. Возблагодаримъ и достопочтеннаго ученаго, который посвящаетъ свое время съ такимъ самоотверженіемъ и съ такою ревностію этой *Египетской работѣ*" (*Москвит.* 1849, № 2).

Надо замѣтить, что въ 1846 году, П. М. Строевъ возобновилъ свои переговоры съ Погодинымъ объ описаніи его *Древлехранилища*. О результатѣ этихъ переговоровъ свидѣтельствуетъ слѣдующая записочка Погодина: „Много и премного я виноватъ предъ вами, Милостивый Государь Павелъ Михайловичь! Хотѣлъ пріѣхать къ вамъ

тотчасъ послѣ полученія вашего послѣдняго любезнаго письма и предложенія, но—рѣшительно запечатался во всѣхъ типографіяхъ и не улучилъ свободной минуты. Извините великодушно! Опасаясь, что я опять не скоро смогу быть у васъ, потому что все еще не кончилъ своихъ печатаній, объясняюсь письменно: г. *Бѣляевъ* *) работалъ два года, описалъ до 500 рукописей, исписалъ до 200 листовъ. Судите сами — могу ли я вдругъ отказать ему, и погубить трудъ молодаго человѣка, который надѣется пріобрѣсть имъ честь и имя? Справедливо ли это будетъ съ моей стороны? Мнѣ очень жаль, что дѣло не состоялось за вами, особенно теперь, какъ число рукописей возрасло въ два года такъ значительно;—но не я виноватъ, а судьба! Повторяя вамъ мою усердную благодарность за ваше предложеніе, въ коемъ я услышалъ голосъ друга науки. Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю новаго счастья, если не довольны старымъ" (*Письма*, II, № 419).

Въ бумагахъ Строева сохранилась слѣдующая замѣтка его на послѣднее письмо Погодина: „Предложеніе относилось къ составленію Каталога Библіотеки и Собраній Михаила Петровича, такъ какъ онъ дѣйствовалъ студентами, отъ которыхъ нельзя было ожидать *и не вышло* ничего дѣльнаго" (*Вх.* и *Исх.* II, 288).

Между тѣмъ, рецензія М. П. Погодина на Каталогъ Царскаго вызвала въ *Современникѣ* любопытную статью, въ которой, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Г. Погодинъ говоритъ, *что еслибы г. Строевъ, посвятивъ тридцать лѣтъ трудамъ библіографическимъ, получилъ средства и возможность описать библіотеки Софійскую, Патріаршую, Кирилловскую... Вотъ тогда воздвигнулъ бы онъ себѣ памятникъ, вотъ тогда наука поставила бы его изображеніе въ своемъ святилищѣ*!.. Помилуйте! да это изъ рукъ вонъ! Людей судятъ тогда, когда они могли сдѣлать что нибудь, да не сдѣлали. Поставилъ ли г. Строевъ свое изображеніе въ какомъ-то святилищѣ науки, какъ выражается г. Погодинъ, не знаю; но память г. Строева всегда будетъ драгоцѣнна для ученыхъ благодарныхъ. Бездѣлица! тридцать лѣтъ труженически работать! Описать такое множество библіотекъ, какое описалъ г. Строевъ—да кто же у насъ описалъ ихъ больше? Конечно не авторъ *Черной Немочи* **) и не издатель переводовъ, сдѣланныхъ студентами. Самъ же говоритъ онъ, что прочесть каталогъ г. Строева — трудъ! Что̀ же стоило написать его? Что стоило

*) Иванъ Дмитріевичь, написавшій, между прочимъ, рецензію на изданіе Строева: *Выходы Царей*, напечатанной въ *Москвитянинѣ*. См. стр. 398 и 399 нашего труда.

**) Повѣсть М. П. Погодина.

его напечатать? Какихъ же памятниковъ вамъ нужно, какихъ изображеній въ какомъ-то святилищѣ, созданномъ воображеніемъ? Наука требуетъ истины и не терпитъ пустыхъ метафоръ! Не понимою, какъ не дрогнула рука г. Погодина, когда писалъ онъ свои фразы; тогда какъ черезъ нѣсколько строкъ самъ же онъ долженъ сознаться, что его (!!!) Каталогъ, надъ которымъ усердно трудится г. Бѣляевъ, выйдетъ—увы! неизвѣстно когда" (*Соврем.* 1849 т. XIII, смѣсь, 208).

Императорская Академія Наукъ, „обративъ особенное вниманіе на послѣдній трудъ П. М. Строева, избрала его въ ординарные академики" (*Вх.* и *Исх.* I, 164).

Еще до полученія оффиціальнаго извѣщенія объ этомъ, Я. И. Бередниковъ писалъ Строеву: „въ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности составляется записка о вашихъ ученыхъ трудахъ, по поводу выбора ординарнаго академика, на мѣсто, упразднившееся смертію генерала Михайловскаго-Данилевскаго" (*Письма*, II, № 451). Въ этой запискѣ мы съ удовольствіемъ читаемъ правдивый отзывъ о Строевѣ почтеннаго Плетнева: „Во всѣхъ ученыхъ произведеніяхъ П. М. Строева, обнаруживающихъ глубокія знанія его Русской Исторіи и библіографіи, виденъ яркій слѣдъ труда добросовѣстнаго и отдѣлки строго-отчетливой. Обладая опытнымъ и многообъемлющимъ взглядомъ, онъ, безъ сомнѣнія, занялъ бы почетное мѣсто въ ряду лучшихъ нашихъ историковъ, если бы вполнѣ не чувствовалъ надобности въ предварительномъ обработываніи источниковъ и вспомогательныхъ наукъ, которое предшествуетъ прагматическому изложенію исторіи, и которому онъ исключительно посвящаетъ свои силы и дарованія" (*Отч. И. А. Н.* 1852, стр. 243).

Невозможно пройти молчаніемъ страшнаго 1848 года, когда бичь Божій—холера опустошалъ Россію. „Въ этомъ году",—писалъ Бередниковъ Строеву,— „мы жили посреди поразительныхъ сценъ смертей и страданій невѣроятныхъ". Еще ярче изображены бѣдствія этой ужасной годины въ письмѣ Ярцова къ Строеву, отъ 27-го іюля. „Наконецъ и нашимъ Петербургскимъ грѣхамъ не потерпѣлъ Богъ, и наказалъ жестокою холерою. Съ 12-го іюня она явилась какъ жестокій ураганъ и начала вырывать людишекъ и людей со всею свирѣпостію язвы, въ особенности въ мѣстахъ тѣсныхъ, удушливыхъ, именно у меня на Сѣнной площади, и кажется, изъ первыхъ жертвъ ея былъ мой человѣкъ, молодой малый, 26 лѣтъ, здоровый, свѣжій, сильный Тверитянинъ, котораго свернуло въ продолженіи 10-ти часовъ: а потомъ черезъ два дни заболѣла женщина моя Авдотья. Болѣзнь ея началась въ глазахъ моихъ, и никакія средства мои ея спасти не могли. Вслѣдъ за

ними изъ каждаго этажа нашего дома — вырвало по два человѣка. Въ сосѣднемъ домѣ, гдѣ занимались свободныя дѣвушки вольною практикою — вырвало пятьдесятъ ..... Признаюсь, другъ, вся крѣпость духа моего меня оставила, и я потерянъ. Но счастливо поданная мною помощь въ нашемъ же домѣ двоимъ мастеровымъ, а потомъ и другимъ, возвратила нѣсколько прежнее мое спокойствіе... Теперь, благодареніе Всевышнему, у насъ и на Сѣнной и въ Петербургѣ водворилась прежняя дѣятельность" (*Письма*, II, № 446).

Но Строевъ не упадалъ духомъ и въ это страшное время. Онъ спокойно продолжалъ свою работу надъ Указателемъ къ Лѣтописямъ, и велъ ее такъ успѣшно, что къ 8-му ноября не только окончилъ *выборку* изо всѣхъ четырехъ томовъ Лѣтописей, но и составилъ цѣлую тетрадку, содержащую въ себѣ поправки и поясненія неточностей и ошибокъ, встрѣченныхъ имъ въ этихъ томахъ. Отправляя эту тетрадку въ Археографическую Коммиссію, и щадя самолюбіе Я. И. Бередникова, онъ писалъ Князю Ширинскому: „къ чести издателя, при самой строгой повѣркѣ, при составленіи мною Указателя, ошибокъ оказалось очень не много, а въ отношеніи къ огромному числу исправленныхъ имъ текстовъ почти ничтожно; къ тому-жъ тутъ вмѣщены и тѣ поправки, которыя сдѣланы имъ самимъ, на концѣ каждаго тома, и которыя *необходимо* собрать въ одно мѣсто. Я хотѣлъ было припечатать эти поправки къ Указателю, но ето было бы что-то въ родѣ критики; по моему мнѣнію, гораздо приличнѣе самому издателю, или отъ лица Коммиссіи, пояснить означенные недосмотры. Ученые издатели древнихъ писателей не постыдились исправлять свои ошибки: Шлецеръ, въ концѣ каждаго тома своего *Нестора*, пріобщилъ по нѣскольку страницъ поправокъ и поясненій. Errare humanum est. Я ожидаю присылки остальныхъ листовъ IV тома Собранія Лѣтописей, чтобы окончить *выборку*; тогда приступлю немедленно къ *составленію* Указателя, главной и тягостной работѣ. Мнѣ желалось бы представить совсѣмъ готовый Указатель къ 1-му генваря 1850 года, но едва-ли ето удастся, трудъ огроменъ" (*Вход.* и *Исход.* I, 125).

По видимому, тетрадка эта принята была Бередниковымъ благодушно. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ его къ Строеву, отъ 26-го ноября, читаемъ: „Вчера я получилъ, въ Департаментѣ, пріятнѣйшее письмо ваше, которое меня очень обрадовало. По какимъ-то обстоятельствамъ, переписка наша, на время, прекратилась и я душевно сожалѣлъ объ етомъ. Люди, совершенно сочувствующіе другъ другу (по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ Русской Исторіи, а можетъ быть, и во многомъ другомъ); люди, которыхъ умственныя и сердечныя струны въ такомъ

ладу, что звуки ихъ тотчасъ находятъ сродныя себѣ отзвучія; люди съ однимъ взглядомъ на науку и съ одинакимъ о ней сужденіемъ— не только не должны чуждаться другъ друга, но должны быть соединены тѣснѣйшими узами. Жизнь коротка, особенно наша; не будемъ же помрачать солнца, приближающагося къ закату; не будемъ отравлять ни одною каплею горечи чашу, въ которой не много осталось напитка. Если я виноватъ, простите меня: *любы долготерпитъ, милосердствуетъ.* Благодарю васъ душевно за *поправки*: объ этомъ я давно хотѣлъ обратиться къ вамъ съ благодарностію. Я никогда не принадлежалъ къ числу литературныхъ недотрогъ. Знаю, что при изданіи Лѣтописей (начальномъ) не можетъ быть безъ многихъ погрѣшностей; я и самъ открылъ нѣсколько. Примѣчаній вашихъ еще не прочиталъ, но сегодня вечеромъ приступаю къ нимъ съ жадностью. Изданіе IV-го тома, по приказанію начальства, уже закончено и даже нѣсколько экземпляровъ переплетено для представленія Государю и Высочайшей Фамиліи, 6-го декабря: поэтому ваши поправки приложатся къ V-му. Да я совѣтовалъ бы вамъ и *Указатель* составлять не на четыре, а на пять томовъ... Вы писали ко мнѣ о томъ, что въ І-мъ томѣ Лѣтописей приличнѣе было бы помѣстить Ипатьевскую, а не Лаврентьевскую лѣтопись, такъ какъ текстъ первой подробнѣе, а послѣдняя оказывается сокращеніемъ первой. Я и самъ такъ бы думалъ. Но, во первыхъ, на такое распредѣленіе лѣтописей была воля начальства; а во вторыхъ текстъ Нестора, который у насъ больше всего уважается, гораздо исправнѣе въ Лаврентьевскомъ спискѣ и, кажется, древнѣе" (*Письма*, II, № 451).

За тѣмъ, по поводу самыхъ поправокъ, Бередниковъ писалъ Строеву, отъ 19-го декабря 1848 года: „Генеалогическую часть ихъ (т. е. поправокъ) я нахожу превосходною, равно и историческія примѣчанія. Догадка о названіи, въ Псковской лѣтописи, Московскихъ воеводъ князями—до очевидности вѣрна и обличаетъ вашъ историческій тактъ, почти вдохновеніе. Только съ истолкованіемъ слова *дрянь* я не согласенъ; не названіе ли ето какой либо рѣчки, впадающей въ Шелонь, ибо оно никакъ не можетъ значить: *вдругъ*, *внезапно*? Лѣтописцы не всегда выражались отчетливо. Языкъ Псковской Лѣтописи по мѣстамъ небреженъ и некрасивъ, хотя и довольно опредѣлителенъ. Можетъ быть, что нибудь не договорено? Спеціальная карта Шелони съ протоками одна можетъ разрѣшить эту задачу. Ваши примѣчанія составятъ превосходный комментарій къ изданію Лѣтописей и облегчатъ ихъ употребленіе. Я печаталъ по листу въ недѣлю: такъ начальство требовало. Отъ этого я не могъ пускаться въ генеалогическія и другія изслѣдованія; впредь однакожъ постараюсь; тѣмъ

болѣе, что въ среднихъ и новыхъ Лѣтописяхъ, въ которыхъ писцы *мудрили*, ошибокъ етого рода встрѣтится еще болѣе... Что еще сказать вамъ? Противъ словъ вашихъ: *я прозябаю въ Москвѣ*—нельзя не протестовать. Здѣсь васъ отнюдь не считаютъ прозябеніемъ: ето свидѣтельствуютъ факты. Для меня же, вы дороже всѣхъ Московскихъ литературныхъ знаменитостей" (*Письма*, II, 452).

Для формировки выбраннаго изъ лѣтописей матеріала для Алфавитнаго Указателя, П. М. Строеву понадобилось знать, что будетъ заключаться въ V-мъ томѣ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Отъ 29-го декабря 1848 года, онъ просилъ Археографическую Коммиссію увѣдомить, будетъ ли въ слѣдующихъ томахъ средній текстъ Нестора—при Софійскомъ Временникѣ, или напечатается при другой какой лѣтописи? „Однимъ словомъ",—писалъ Строевъ,—„мнѣ нужна *грань*, которою предполагается отдѣлить Лѣтописи древнія отъ Лѣтописей среднихъ временъ, дабы опредѣлить положительно на четыре, на пять, или болѣе томовъ долженъ быть составленъ Указатель, коимъ теперь я занимаюсь. Переходомъ 2-й Псковской Лѣтописи изъ IV-го въ V-й томъ, прежняя система изданія нарушена: если Софійскій Временникъ будетъ въ разрядѣ Лѣтописей среднихъ, которыя продолжатся въ VI и VII томахъ, то въ Алфавитный Указатель, ограниченный четырмя томами, не попадетъ Псковская вторая Лѣтопись (одной категоріи съ первою); а сдѣлавъ Указатель къ пяти томамъ, безъ слѣдующихъ (гдѣ будутъ тоже Лѣтописи среднія) не разрушить бы гармоніи Полнаго Собранія? Покорнѣйше прошу Археографическую Коммиссію, въ разрѣшеніе моего недоумѣнія, сообщить мнѣ означенное свѣдѣніе" (*Вход. и Исход*. I,134 об.).

Археографическая Коммиссія поручила Я. И. Бередникову представить требуемыя свѣдѣнія. Вотъ содержаніе донесенія Бередникова по этому предмету, препровожденнаго къ Строеву: „На запросъ П. М. Строева имѣю честь отвѣчать: 1) въ V-мъ томѣ будутъ помѣщены Псковская вторая и Софійская Лѣтописи. Въ VI-й томъ войдетъ Воскресенская Лѣтопись, а въ VII, VIII и IX томы такъ называемая Никоновская. Съ X-го тома и далѣе будутъ слѣдовать Московскіе, Западнорусскіе (Литовскіе и Малороссійскіе), Сибирскіе и—наконецъ такъ называемые Краткіе Лѣтописцы, обильные событіями средняго времени и въ этомъ отношеніи драгоцѣнныя. Софійская Лѣтопись въ V-мъ томѣ начнется среднимъ текстомъ Лѣтописи Нестора. Грань между Лѣтописями древними и средними провести трудно. Мнѣ кажется, Софійскую Лѣтопись можно причислить къ первымъ, тѣмъ болѣе, что въ большей части извѣстныхъ мнѣ спискахъ, она прекращается началомъ XV столѣтія" (*Вход. и Исход.* I, 150). Не ограничиваясь этимъ,

Я. И. Бередниковъ писалъ Строеву, отъ 27-го января 1849 года: „Я полагаю, что вамъ нужно будетъ составлять Указатель на пять томовъ. О рапортѣ моемъ, вѣроятно, собщится вамъ оффиціально безъ промедленія времени.... Ваша замѣтка, что новѣйшее поколѣніе насъ не уважаетъ и что меня бранятъ, въ Москвѣ, за изданіе Лѣтописей, для меня не новость. На меня нападалъ печатно Погодинъ: но я ему не отвѣчалъ, потому что отвѣчать такъ, чтобы ети *молодцы* поняли и чтобы выдти изъ дѣла побѣдителемъ (предъ нашею не довольно зрѣлою публикою), надобно было бы написать порядочную книгу. Когда же вдаваться въ ету полемику и стоитъ-ли отвѣчать? Мы съ вами объясняемся намекомъ, и совершенно понимаемъ другъ друга; для антагонистовъ нашихъ должно читать лекціи: ихъ должно сначала *научить*, а потомъ разсуждать съ ними о вопросѣ. Ваши юные Москвичи-археологи и на васъ скалятъ зубы; боятся только выдти на единоборство съ вами, зная, что у васъ подъ полою палица Геркулеса на случай нужды; помнятъ, какъ вы однажды отдѣлали Полеваго. Михаилу Петровичу не совѣтую задориться: кромѣ *пустыхъ* лекцій, у него есть еще слабое мѣсто на панцырѣ—изданіе Псковской Лѣтописи. Замѣтьте-ка, вѣрно-ли читалъ онъ оригиналъ? Понялъ-ли что читалъ? А каковы *Чтенія* Московскаго Общества Исторіи? Ето — фабрика превращенія древнихъ хартій въ макалатуру. Главнымъ мастеромъ на ней, кажется, былъ Бодянскій. Что ето за человѣкъ? Кажется тоже, чѣмъ нѣкогда называли членовъ Россійской Академіи: Варяго-Россъ, судя по его слогу и сужденіямъ“ (*Письма*, II, № 454).

По прочтеніи письма Бередникова и его донесенія, П. М. Строевъ писалъ (20-го февраля 1849 г.) Князю П. А. Ширинскому: „Теперь очевидно, что составляемый мною Алфавитный Указатель долженъ обнимать не четыре (какъ предполагалось), а пять томовъ; къ VI-му (Воскресенской Лѣтописи) необходимъ Указатель *особый*, къ VII, VIII и IX (Никоновскому Сборнику) также *особый*; о прочихъ томахъ говорить нечего, врядъ ли доживемъ до выхода ихъ въ свѣтъ; а потому трудъ печатанія и составленія указателей достанется другимъ людямъ, коимъ суждено довершить начатое нами дѣло. Необходимостію составить Указатель на пять томовъ, а не на четыре, принятый мною на себя трудъ увеличится цѣлою третью; но въ семъ случаѣ, я хочу подражать оному Вождю въ Древности, который не спрашивалъ сколько непріятельскаго войска, а только гдѣ оно? Покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство приказать листы V-го тома присылать ко мнѣ по мѣрѣ отпечатыванія. Между тѣмъ, я уже началъ (съ прошлаго декабря) приводить въ порядокъ все выбранное: пишу на бумагѣ

половинчатой, чтобы впослѣдствіи удобно было вмѣстить то, что выберется изъ V-го тома“ (*Вход.* и *Исход.* I, 151).

А Бередникову, въ отвѣтъ на его письмо, Строевъ, въ тотъ-же день, написалъ слѣдующее: „Какъ вы намѣрены начать Софійскую Лѣтопись? Ужели съ ея начала, т. е. съ такъ называемаго Нестора? Я совѣтывалъ бы *начало* отбросить, такъ какъ вы сдѣлали съ Новгородской 4-ю Лѣтописью: иначе выйдетъ дисгармонія. По моему мнѣнію, Новгородскую 1-ю Лѣтопись надлежало напечатать съ *началомъ* (по Толст. IX отступя отъ корня, какъ вы поступили на концѣ), Новгородскую 4-ю также, Софійскую также: тогда мы имѣли бы три *средніе* текста Нестора съ ихъ *измѣненіями* и *вставками*, а *одного* такого текста недостаточно, потому что многіе переписчики хлопотали каждый по своему объ его искаженіи (или, пожалуй, поясненіи). Теперь, когда у Новгородской 4-й начало отрѣзано, а къ Новгородской 1-й оно не прибавлено, само собою выходитъ, что и у Софійской его не должно быть; особенно выйдетъ безобразна вставка, о которой вы справедливо замѣтили въ Предисловіи къ III-му тому (стр. VII). Я увѣренъ, что вы сами понимаете ето не хуже меня, а потому отбросьте начало Софійской Лѣтописи, не боясь никакихъ критиковъ. Пусть представителемъ средняго текста Нестора въ Полномъ Собраніи Лѣтописей, будетъ Воскресенская Лѣтопись, позднѣйшій же текстъ предъявитъ Никоновскій Сборникъ. Я сижу *плотно* надъ Указателемъ къ Лѣтописямъ: двѣ первыя буквы готовы и третья доведена почти до половины. Трудъ тяжелый, незанимательный. Теперь я удивляюсь прежнему своему терпѣнью (и даже здоровью, которое уже часто измѣняетъ) сколько нужно было имѣть его, составляя такую громаду мелочныхъ изслѣдованій, каковъ *Ключь* къ Исторіи Карамзина, пренебрегаемый нынѣшними молодыми Археологами. При пособіи *Ключа* настоящая моя работа идетъ какъ по маслу“ (*Вход.* и *Исход.* I, 152).

На это письмо Бередниковъ отвѣчалъ Строеву: „Средніе тексты Нестора, кромѣ *общаго*, могутъ быть только въ спискахъ Толст. IX и Софійскомъ; въ Новгородской IV Лѣтописи текстъ рѣшительно сходенъ съ общимъ. По етому, согласно вашему опытному и весьма благоразумному совѣту, я полагалъ бы напечатать гдѣ либо въ Полномъ Собраніи Лѣтописей, Толстовскій IX съ Академическимъ спискомъ (см. III томъ) вполнѣ (оба списка сходны), а Нестора по Софійскому списку отдѣльно, если вы желаете. Лучше было бы Новгородскую 1-ю Лѣтопись напечатать отдѣльно, не сливая ее съ Толстовскимъ IX и Академическимъ списками; но сдѣлано не такъ. Посмотрю и, можетъ быть, по совѣту вашему, издамъ Софійскую Лѣтопись отбросивъ *начало*; въ такомъ случаѣ ето начало, сходное болѣе нежели въ десяти

спискахъ и, слѣдовательно, одной редакціи, повторяю, должно напечатать особо; оно разнится, какъ вамъ извѣстно, отъ Толстовскаго IX, который я признаю настоящимъ *Софійскимъ Временникомъ.* Гдѣ же напечатать Толстовскій IX вполнѣ и Нестора по Софійской Лѣтописи? Безъ сомнѣнія, вслѣдъ за Воскресенскою, къ которой относится средній текстъ Нестора, долженствующій предшествовать позднѣйшему (по Никоновскому). Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть три среднихъ текста Нестора и, за тѣмъ, новѣйшій... Погодинъ звѣремъ смотритъ на мое изданіе. Я же, имѣя въ виду ваше одобреніе, остаюсь при убѣжденіи, что мысль издавать лѣтописи списокъ за спискомъ (какъ есть), чего требуютъ Московскіе археофилы, родилась отъ младенческой неопытности" (*Письма*, II, № 456).

Въ 1848 году, въ Археографической Коммиссіи возбужденъ былъ, между прочимъ, вопросъ объ изданіи *Писцовыхъ книгъ.* Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе Записки объ этомъ предметѣ, переданной въ Коммиссію, по приказанію Министра Народнаго Просвѣщенія. Записку эту разсматривалъ Я. И. Бередниковъ и представилъ о ней такое мнѣніе: „Я давно обдумывалъ планъ изданія Писцовыхъ книгъ, и не разъ совѣщался объ этомъ съ извѣстнымъ Археологомъ П. М. Строевымъ. Окончательнымъ выводомъ разсужденій нашихъ было слѣдующее: 1) Писцовыя книги надлежитъ издать въ видѣ извлеченій, или таблицъ. 2) Способъ изданія можетъ быть двоякій: *хронологическій* и *синхронистическій.* По первому способу извлеченія, или таблицы, расположатся по времени составленія самыхъ книгъ, т. е. изъ каждой книги выпишутся названія городовъ, селеній, урочищъ и проч. въ томъ порядкѣ, въ какомъ они находятся въ самыхъ книгахъ. Изъ совокупности отдѣловъ составится историческая Русская географія съ XV по XVIII вѣкъ. По второму способу берутся во вниманіе мѣстности, т. е. области съ городами и селеніями; географія каждой изъ нихъ извлечется изъ Писцовыхъ книгъ въ хронологическомъ порядкѣ; напримѣръ, если Новгородскихъ Писцовыхъ книгъ разнаго времени сохранилось десять, а Московскаго Княжества пять, то подъ заглавіемъ Новгородъ и Москва, мы будемъ имѣть столько же географическихъ описаній этихъ областей. 3) Въ извлеченіи должно вносить всѣ географическія данныя, но личныя имена исключить изъ нихъ, показывая однакожь общій счетъ народонаселенія подъ статьями. Само по себѣ слѣдуетъ, что издатель Писцовыхъ книгъ долженъ отличаться свѣдѣніями въ Русской Исторіи, Исторической Статистики и Древностяхъ; здѣсь разумѣются не тѣ познанія, которыя легко почерпнуть изъ новѣйшихъ сочиненій, и которыя можетъ имѣть каждый педагогъ, но тѣ, которыя снискиваются долговременнымъ изуче-

ніемъ источниковъ, не приведенныхъ въ ясность, неизданныхъ и отчасти малодоступныхъ для употребленія. Сомнѣваюсь, чтобы г. Строевъ, составляющій Указатель къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей, могъ въ настоящее время заняться приготовленіемъ къ изданію Писцовыхъ книгъ" (*Прот.* 159).

Вопросъ объ изданіи Писцовыхъ книгъ окончательно разрѣшенъ былъ Коммиссіею не ранѣе, какъ черезъ десять лѣтъ, а именно въ 1858 году. Для обозрѣнія Писцовыхъ книгъ, хранящихся въ Московскихъ архивахъ, командированъ былъ въ Москву Членъ Коммиссіи П. И. Савваитовъ, которому и поручено было ихъ изданіе. Въ 1859 году, вышелъ I-й томъ, заключающій въ себѣ Переписную Оброчную книгу Деревской Пятины около 1495 года. Хотя при изданіи Писцовыхъ книгъ, Коммиссія руководствовалась правилами совершенно противоположными тѣмъ, какія предлагали, въ 1848 году, Строевъ и Бередниковъ, т. е. издавали ихъ цѣликомъ, безъ всякихъ сокращеній, но П. М. Строевъ и въ 1858 году остался вѣренъ своему взгляду объ изданіи Писцовыхъ книгъ. Вотъ что писалъ онъ, 22-го апрѣля 1858 года, Н. В. Калачову: „Относительно изданія Писцовыхъ книгъ, Коммиссіею предположеннаго, не скажу ни pro ни contra; но опасаюсь, чтобы изъ этого предпріятія не вышло того же, что послѣдовало съ изданіемъ Статейныхъ Списковъ и Разрядовъ: въ 1849 году накричали и насудили цѣлыя горы, а выдано не много болѣе Гораціевой мыши. Въ Вотчинномъ Архивѣ Писцовыхъ книгъ не увезешъ на десяткѣ телѣгъ, слѣдовательно, есть ли возможность всю эту громаду напечатать? Издавать Писцовыя книги *цѣликомъ* совершенно безполезно, но извлеченія изъ нихъ, сдѣланныя искусно, были бы очень желательны; особенно *валовые итоги*, въ концахъ находящіеся. Я полагаю, что г. Савваитовъ и самъ не посвятился еще во всѣ тайны этихъ громадныхъ, хотя однообразныхъ книгъ. Въ 1849 году, я предсказывалъ участь изданія Статейныхъ Списковъ, потому что очень хорошо зналъ ихъ; теперь очень ясно предвижу судьбу Писцовыхъ книгъ въ будущей печати" (*Вход.* и *Исход.* III, 47).

Къ сожалѣнію, предсказаніе П. М. Строева исполнилось. Изданіе Писцовыхъ книгъ Археографическою Коммиссіею прекратилось на третьемъ томѣ.

Въ 1849 году, Археографическая Коммиссія пріобрѣла новаго члена, въ лицѣ Ариста Аристовича Куника, занявшаго мѣсто Главнаго Редактора Актовъ на иностранныхъ языкахъ. Новый членъ, съ самаго вступленія въ Археографическую Коммиссію, вошелъ въ дружескія, ученыя сношенія съ старѣйшимъ ея представителемъ П. М. Строевымъ.

Въ то время, Куника занимали *Бесѣды* знаменитаго Константинопольскаго Патріарха Фотія, произнесенныя имъ въ Св. Софіи по случаю нашествія Русовъ на Константинополь и составляющія, какъ извѣстно, первыя страницы нашей исторіи. По этому поводу, Куникъ писалъ Строеву (отъ 23-го ноября): „Г. Бередниковъ сообщилъ мнѣ, что вы убѣждены въ томъ, что извѣстныя бесѣды Фотіевы находятся въ Москвѣ. Я потерялъ было почти всю надежду, что онѣ найдутся, хотя полагалъ, что онѣ сохранились еще въ XVIII столѣтіи подъ заглавіемъ: *Orationis Catecheticae.* Судя по извѣстіямъ, сообщаемымъ Паисіемъ, западнымъ ученымъ, списокъ этихъ бесѣдъ привезенъ изъ Аѳонской горы, весьма старинный и почеркъ его довольно труденъ для чтенія. Вы меня весьма обяжете, если сообщите мнѣ то, что вамъ извѣстно объ этихъ бесѣдахъ. Если онѣ дѣйствительно уцѣлѣли, то Академія не замедлитъ ихъ издать съ точнымъ Русскимъ переводомъ. Кстати было бы прибавить полный текстъ (съ Русскимъ переводомъ) жизни Георгія Амастритскаго. Авторъ ея пользовался окружнымъ посланіемъ Патріарха. Для біографіи Паисія, я собралъ разныя Русскія и иностранныя свѣдѣнія. Объ его письмахъ я слегка упомянулъ въ своихъ *Аналектахъ.* Съ благодарностью пріиму всѣ дополнительныя извѣстія, какія вы сообщите, и изъявлю ее вамъ публично". Далѣе въ томъ же письмѣ Куникъ пишетъ: „Мнѣ случилось отдать свое мнѣніе о названіяхъ Датчанъ въ Русскихъ источникахъ. Слѣдующія формы мнѣ извѣстны:

Данъ по Новгородской Лѣтописи XII вѣка.

Доньская земля въ началѣ XIV вѣка.

Дацкій съ конца XV вѣка.

Датчане по грамотамъ 1629 и 1634 г.

Эта форма, по моему мнѣнію, самая новая. До сихъ поръ мнѣ удалось встрѣтить ее только въ этихъ двухъ грамотахъ. Можетъ быть, вамъ извѣстны и другіе источники, въ которыхъ она встрѣчается до Петра. Названія: Датскіе люди, Датскіе Нѣмцы, Нѣмецкіе Датскіе, Датская земля, такъ обыкновенны въ XVI и XVII вѣкахъ, что не стоитъ приводить примѣра. *Данія* употребляется, какъ кажется, только со времени Петра. Литовско-Русскія формы Дунчики и пр. для меня не важны" (*Вход.* и *Исход.* I, 188, 189).

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ содержанія отвѣтнаго письма Строева, о которомъ лишь вскользь упоминаетъ Бередниковъ въ одномъ изъ писемъ своихъ: „Съ Куникомъ еще не видался, а потому не могъ передать ему вашихъ любопытныхъ замѣчаній о посланіяхъ Фотія и о продѣлкахъ Паисія Лигарида" (*Письма*, II, № 462).

Четыре Бесѣды Патріарха Фотія и разсужденіе о нихъ, въ на-

стоящее время, изданы нашимъ путешественникомъ по Востоку Преосвященнымъ Порфиріемъ. „Я нашелъ ихъ“, — пишетъ Преосвященный въ своемъ *Разсужденіи* (Спб. 1864, in 4⁰, стр. 51 и 52) — „въ богатой рукописями библіотекѣ Аѳоноиверскаго монастыря, и весьма обрадовался этой находкѣ. Это было въ 28-й день декабря мѣсяца 1858 года“.

XXIV.

Октября 20-го 1849 года, Графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ вышелъ въ отставку. Событіе не маловажное въ исторіи Русскаго Просвѣщенія. „Увольненіе Графа Сергія Семеновича“,—писалъ Бередниковъ, отъ 15-го ноября 1849 года,—„по поданному имъ прошенію, послѣдовало совсѣмъ неожиданно; конечно, оно произведетъ важныя послѣдствія по министерству, но я не думаю, чтобы Археографическая Коммиссія прекратилась, или потерпѣла радикальное преобразованіе, особенно пока останется Предсѣдателемъ Князь Платонъ Александровичъ. Новый Министръ еще не опредѣленъ и, не смотря на множество слуховъ, до сихъ поръ дѣла идутъ по прежнему. Князь управляетъ Министерствомъ въ качествѣ товарища министра. Мы ждемъ, однакожъ, съ часу на часъ назначенія новаго министра“ (*Письма*, II, № 462). До сего времени, Строевъ по своимъ дѣламъ сносился прямо съ Княземъ Ширинскимъ какъ Предсѣдателемъ Археографической Коммиссіи; но теперь Коркуновъ написалъ ему, что „бумаги, посылаемыя вами въ Коммиссію, можно въ настоящее время адресовать на мое имя: о содержаніи ихъ я буду каждый разъ доводить до свѣдѣнія Его Сіятельства Г. Предсѣдателя“ (*Вход.* и *Исход.* I, 195).

28-го января 1850 года, Бередниковъ увѣдомлялъ Строева, что Князь Платонъ Александровичъ утвержденъ въ званіи Министра Народнаго Просвѣщенія. „Знаю (писалъ Бередниковъ), что эта вѣсть васъ обрадуетъ и потому спѣшу извѣстить васъ объ этомъ радостномъ для насъ событіи (*Письма*, II, № 464).

Князь П. А. Ширинскій Шихматовъ, съ назначеніемъ на должность Министра Народнаго Просвѣщенія, не удержалъ за собою званія Предсѣдателя Археографической Коммиссіи. „Изъ газетъ я увѣдомился“,—писалъ Строевъ къ Коркунову, отъ 22-го февраля 1850 года,—

что Предсѣдателемъ Археографической Коммиссіи назначенъ В. Д. Комовскій *): покорнѣйше прошу васъ принести Его Превосходительству, отъ лица моего, усерднѣйшее съ симъ поздравленіе" (*Вх.* и *Исх.* I, 199).

Въ томъ же письмѣ Строева читаемъ: „Въ ноябрѣ 1848 года, представлена мною въ Археографическую Коммиссію тетрадь поправокъ и поясненій на четыре тома *Собранія Русскихъ Лѣтописей*, для помѣщенія въ концѣ V-го или VI-го тома сего изданія. Съ тѣхъ поръ число ошибокъ и неточностей, усмотрѣнныхъ мною въ означенныхъ томахъ, при обработкѣ Указателя къ нимъ, удвоилось и даже слишкомъ. Сдѣлайте одолженіе, перешлите мнѣ сказанную тетрадь: по передѣлкѣ, я не замедлю возвратить ее въ полномъ видѣ (*Вход.* и *Исход.* I, 199).

Получивъ изъ Коммиссіи свою тетрадь и дополнивъ ее новыми, замѣченными ошибками, Строевъ отправилъ ее обратно въ Археографическую Коммиссію и опять повторилъ о необходимости напечатать эти поправки въ концѣ V или VI тома (*Вход.* и *Исход.* I, 207 об.).

Въ іюнѣ 1850 года, П. М. Строевъ предпринялъ поѣздку въ С. Петербургъ, главнымъ образомъ для „обстоятельнаго объясненія" относительно Указателя къ Лѣтописямъ. Онъ заблаговременно увѣдомилъ объ этомъ предпріятіи своего Петербургскаго пріятеля Я. О. Ярцова, который 14-го іюня отвѣтилъ слѣдующимъ шутливымъ извѣщеніемъ: „Самое число показываетъ, какое мнѣ удовольствіе доставитъ твой пріѣздъ; такъ скоро и поспѣшно я никому не отвѣчалъ. Въ ознаменованіе его приказано выместь полы, обтереть грязь съ дверей, вымыть спальный халатъ и вычинить, 23-го числа приготовить обѣдъ къ тремъ часамъ, съ замѣчаніемъ, чтобы былъ всегда въ урочное время. Поживемъ, повеселимся на старости" (*Письма*, II, 465); но Строевъ пріѣхалъ въ Петербургъ не 23-го, какъ ожидалъ его пріятель, а 25-го іюня. Ниже увидимъ, однако, что на этотъ разъ Петербургъ мало доставилъ удовольствія нашему Московскому гостю.

30-го іюня было засѣданіе Археографической Коммиссіи, въ которомъ Строевъ читалъ слѣдующую записку: „1847 года, въ іюлѣ, Археографическая Коммиссія удостоила меня порученіемъ: составить Алфавитный Указатель къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей, на четыре первые тома, въ которыхъ предполагалось помѣстить всѣ *древнія* Лѣтописи, отдѣливъ ихъ отъ *среднихъ*, которыми долженъ былъ начаться томъ V-й. Етотъ Указатель я обязался тогда изготовить къ 1-му іюля 1850 года. Археографическая Коммиссія, въ вознагражденіе за пору-

---

*) Правитель Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія.

ченный трудъ, положила производить мнѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ, по 600 р. с. ежегодно, включивъ въ то число и 150 р., производившіеся мнѣ ежегодножъ на разъѣзды, корреспонденцію и т. п. расходы. Того же года, октября 1-го, донесено мною Коммиссіи, что къ Алфавитному Указателю будутъ присоединены родословныя таблицы, которыя я составлю, для выясненія хаоса княжескихъ именъ, въ времена удѣловъ, и росписи князей по удѣламъ, также владыкъ по епархіямъ, Новгородскихъ и Псковскихъ посадниковъ, въ хронологическомъ порядкѣ, дабы читатели лѣтописей имѣли возможное облегченіе въ пониманіи мѣстъ темныхъ и сбивчивыхъ, по множеству лицъ одинакихъ именъ и часто и отечествъ. Особаго вознагражденія за все означенное я не требовалъ и не требую. Въ 1849 году, вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ планѣ изданія Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, по которымъ 2-я Псковская Лѣтопись перенесена изъ IV-го тома въ V-й, Софійская Лѣтопись причислена къ древнимъ, и проч., Археографическая Коммиссія предписала мнѣ составлять Алфавитный Указатель не къ четыремъ, а къ пяти томамъ, заключивъ предписаніе (отъ 7-го іюля) словами: „касательно прибавочнаго вознагражденія за трудъ, Коммиссія войдетъ въ свое время съ представленіемъ къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія. Съ тѣхъ поръ листы V-го тома высылаются ко мнѣ по мѣрѣ отпечатыванія, и я обдѣлываю ихъ. Изъ Предисловія къ Софійской Лѣтописи оказывается, что ета лѣтопись дѣлится на два разряда: *первая* и *вторая*; послѣдняя изъ нихъ займетъ VI-й томъ *Полнаго Собранія* и ею заключатся Лѣтописи древнія. Слѣдовательно, Алфавитный Указатель должно составлять не къ пяти, а къ шести томамъ? Тѣмъ лучше, тѣмъ полезнѣе: онъ будетъ полнѣе, яснѣе и удовлетворительнѣе для всякихъ справокъ; но первоначально предпринятый трудъ чрезъ то едва ли не удвоится. Отъ работы я не прочь и за что взялся, сработаю какъ должно; къ сожалѣнію, относительно денежнаго вознагражденія, недостаточные доходы и большое семейство заставляютъ меня сдѣлать Коммиссіи невольное, быть можетъ докучливое, представленіе: я желалъ бы, чтобъ отпускаемое мнѣ вознагражденіе, по шестисотъ рублей серебромъ ежегодно, продолжено было до совершеннаго окончанія Алфавитнаго Указателя на шесть томовъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, тѣмъ самымъ порядкомъ, какъ оно производилось до сего времени“ (*Вх.* и *Исх.* I, 208).

Главнаго Редактора Лѣтописей, Бередникова, въ это время не было въ Петербургѣ. Лѣтніе мѣсяцы онъ проводилъ въ своемъ Тихвинѣ, откуда написалъ Строеву письмо (отъ 30-го іюня 1850 г.), въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Крайне сокрушаюсь, что меня

нѣтъ теперь въ Петербургѣ и что временная отлучка моя воспрепятствовала нашему свиданію. Какъ бы я желалъ етого—и Богъ знаетъ когда исполнится это желаніе! Мнѣ надобно прожить въ Тихвинѣ до исхода іюля; можетъ быть я выѣду отсюда и прежде, если болѣзнь моя прекратится отъ свѣжаго воздуха, распространяемаго здѣшними лѣсами и песчанымъ грунтомъ земли. Покорнѣйше прошу написать нѣсколько строчекъ ко мнѣ въ Тихвинъ о вашихъ Петербургскихъ дѣлахъ, если сочтете нужнымъ; во всякомъ случаѣ, письма ваши для меня драгоцѣнны. Сочувствіе между нами таково, что оно, по крайнему моему убѣжденію, и ограничивается только нашими индивидуальностями: всей *юной* исторической учености мы не по нутру, да и она намъ не по вкусу... Какъ смотрѣть на ето *скорописаніе*? Незрѣлость и шарлатанство можно ли уважать? Ето ли двигатели наукъ и распространители истинныхъ понятій?" (*Письма*, II, № 466).

Въ томъ же письмѣ Бередниковъ извѣщаетъ Строева о нижеслѣдующей запискѣ своей относительно составленія Указателя къ шести томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, которая отправлена была имъ къ М. А. Коркунову и, за тѣмъ, включена въ протоколъ Коммиссіи 30-го іюня: „На счетъ предположенія П. М. Строева составлять Указатель къ Полному Собранію Лѣтописей не на четыре, а на шесть томовъ, имѣю честь изложить слѣдующее: какъ въ шестомъ томѣ означеннаго собранія будутъ помѣщены вторая и третья редакціи Софійской Лѣтописи, которыя служатъ продолженіемъ сего Временника, оканчивающагося (въ большей части списковъ) началомъ XV вѣка и, слѣдовательно, принадлежащаго къ лѣтописямъ древнимъ, то я полагаю полезнымъ составить и Указатель на шесть томовъ. Притомъ, чѣмъ болѣе объемъ лѣтописныхъ событій, къ которымъ относится Указатель, тѣмъ лучше. Только надобно имѣть въ виду слѣдующее: если второй и третьей редакціи Софійской Лѣтописи для наполненія VI-го тома будетъ недостаточно, то въ добавокъ къ ней, въ видѣ приложенія, необходимо будетъ въ VI-мъ томѣ напечатать отрывки изъ Новгородскихъ Лѣтописей, изъ которыхъ двѣ я уже и имѣю въ виду, печатаніе же Воскресенской Лѣтописи начать въ седьмомъ томѣ. Послѣднюю тѣмъ болѣе прилично помѣстить въ началѣ тома, что при ней будетъ находиться вторая или средняя редакція Временника Нестора, о чемъ упомянуто въ общемъ предисловіи къ Полному Собранію Лѣтописей. Если П. М. Строевъ берется за составленіе Указателя къ шести томамъ, тѣмъ лучше: зачѣмъ Коммиссіи его останавливать? Два или три года отсрочки изданія Указателя ничего не значатъ: лучше издать не скоро, но дѣльно и сообразно съ системою печатанія Полнаго Собранія Лѣтописей.

Коммиссія находитъ, въ настоящее время, совершенно неудобнымъ выдать въ свѣтъ отдѣльный Алфавитный Указатель на четыре первые тома Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, такъ какъ IV-й томъ состоитъ въ связи съ началомъ V-го, содержащимъ въ себѣ вторую Псковскую Лѣтопись, а въ шестомъ томѣ будутъ заключаться вторая и третья Софійскія Лѣтописи, непосредственно присоединяющіяся къ первой, находящейся въ томѣ V-мъ".

Записка эта была совершенно согласна съ запискою, прочтенною Строевымъ, а потому Коммиссія опредѣлила: „испросить разрѣшеніе Его Сіятельства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, поручить члену ея Строеву, составленіе Алфавитнаго Указателя на V-й и VI-й томы сего Собранія, съ выдачею ему за сей трудъ по шести сотъ рублей въ годъ, начиная съ 1-го іюля сего года, впредь до отпечатанія означенныхъ томовъ и окончанія Указателя, тѣмъ самымъ порядкомъ, какъ производилось подобное вознагражденіе до сего времени, т. е. по третямъ года" (*Проток.* 166).

Іюля 6-го, П. М. Строевъ, подписалъ протоколъ этого засѣданія и, не дождавшись резолюціи Министра Народнаго Просвѣщенія, 8-го іюля 1850 года, уѣхалъ въ Москву. Вскорѣ послѣ того, В. Д. Комовскій увѣдомилъ Строева, что, по его дѣлу, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ написалъ слѣдующую резолюцію: „Согласенъ за составленіе Указателя къ V-му и VI-му томамъ Лѣтописей назначить г. Строеву по 600 р. с. за каждый, включивъ въ то число и 150 р. с., производившіеся ему ежегодно, съ тѣмъ чтобы выдача означеннаго вознагражденія распредѣлена была по мѣрѣ успѣховъ въ его занятіяхъ" (*Вход.* и *Исход.* I, 217).

Само собою разумѣется, эта резолюція оскорбила Строева и онъ откровенно писалъ В. Д. Комовскому (отъ 28-го іюля): „Въ письмѣ отъ 12-го іюля, Ваше Превосходительство сообщили мнѣ резолюцію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, на протоколѣ Археографической Коммиссіи 30-го іюня, и изволите требовать у меня отвѣта по сему дѣлу. Еслибы въ означенной резолюціи излагались причины, по которымъ Его Сіятельству угодно было не утвердить представленіе Археографической Коммиссіи и опредѣляемое мнѣ вознагражденіе за Алфавитный Указатель къ V и VI томамъ уменьшить почти на половину, я могъ бы представить необходимыя поясненія; но какъ побудительныя причины неизвѣстны, то составленіе приличнаго отвѣта, по требованію Вашего Превосходительства, заставило меня призадуматься и оттого невольно промедлить. Въ Отчетѣ Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1849 годъ, сказано: „На всѣхъ ученыхъ произведеніяхъ П. М. Строева, обнаруживающихъ глубокія знанія его

Русской Исторіи, видѣнъ яркій слѣдъ труда добросовѣстнаго и отдѣлки строго—отчетливой". Отзывъ очень лестный для моего самолюбія, но убійственный въ существенномъ отношеніи: еслибъ я работалъ *какъ нибудь*, что въ настоящее время затрудняетъ не многихъ, и умѣлъ дѣйствовать половчѣе, нѣтъ сомнѣнія, деньги доставались бы мнѣ легко и въ нихъ не было бы всегдашняго недостатка. Къ сожалѣнію, въ тридцать пять лѣтъ рабочей жизни, я постигъ только горькую истину: спеціальнымъ, *чисто*-ученымъ трудомъ существовать не можно; многостороннія знанія и великая опытность не спасутъ отъ бѣдности. Не будь у меня небольшаго наслѣдственнаго имѣнія, которое постепенно проживается, при большомъ семействѣ, я давно былъ бы почти нищій: въ полученіи денегъ всегда являлись мнѣ преграды. Послѣ перемѣнъ, происшедшихъ въ предположенномъ сначала планѣ изданія Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, шесть первыхъ томовъ его должны составлять *нераздѣльное*, *никоимъ образомъ недѣлимое*, *цѣлое*: ето аксіома. Къ концу VI-го тома, въ видѣ Дополненій, надлежитъ *непремѣнно* присоединить: начало Новгородской 1-й Лѣтописи, важное во многихъ отношеніяхъ; Русскую Правду и другія вставки Академическаго II-го списка, потому что тоже самое напечатано въ Софійской Лѣтописи по другой редакціи; Новгородскіе лѣтописные отрывки, о коихъ упоминаетъ г. Бередниковъ въ письмѣ, включенномъ въ протоколъ 30-го іюня; замѣчанія, сдѣланныя мною на неисправные тексты и т. п. въ четырехъ начальныхъ томахъ, равно поправки сего же рода въ V-мъ и, безъ сомнѣнія, въ VI-мъ томѣ, хотя редакторъ употребляетъ возможную осмотрительность. Отрицать *нераздѣльность* шести томовъ и *необходимость пополнить* ихъ (указанными предъ симъ статьями) значило бы идти на перекоръ слишкомъ очевидной истины: въ дѣлахъ ученыхъ всякіе извороты неумѣстны. Если шесть первыхъ томовъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей нераздѣльное цѣлое, то само собою разумѣется, и Алфавитный Указатель долженъ быть *непремѣнно* ко всѣмъ же шести томамъ: напечатать составляемый мною, на четыре тома, и предполагать впослѣдствіи издать *особый* для V и VI, была бы такая странность, которой нельзя оправдать никакими доводами, еще менѣе денежными расчетами. Всякое дѣло, особенно дѣла наукъ, должно упрощать до нельзя, а не запутывать безъ всякой необходимости: къ чему служитъ излишняя торопливость? Я готовъ составить Алфавитный Указатель къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей въ *полнотѣ* необходимой, т. е. на всѣ шесть томовъ, съ родословными таблицами и другими приложеніями. Такая книга можетъ принести много пользы и не въ одномъ отношеніи справокъ; но трудъ великъ, требуетъ вре-

мени и нѣкотораго обезпеченія въ необходимыхъ житейскихъ потребностяхъ. Вознагражденіе, назначенное г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія (въ резолюціи 11-го іюля), такъ не велико и условія полученія слѣдующихъ денегъ такъ стѣснительны, что при всемъ желаніи моемъ повиноваться волѣ начальника, всегда мною чтимаго и любимаго, я нахожусь внѣ возможности удовольствоваться имъ. Лишеніе ежегодной суммы (округленной въ 150 р. с.), которая производилась мнѣ съ 1839 года, независимо отъ составленія Указателя, я почитаю штрафомъ незаслуженнымъ. Въ словахъ резолюціи, „чтобы выдача вознагражденія распредѣлена была по мѣрѣ успѣховъ въ занятіяхъ", по моему мнѣнію, выражается недовѣрчивость къ моимъ поступкамъ и труду, хотя до сего времени, кажется, я не подалъ никакого, достаточнаго, къ сомнѣнію повода. Мнѣ остается одно средство выдти изъ затруднительнаго положенія, въ какое поставили меня неблагопріятныя обстоятельства: предаюсь великодушію г. Министра Народнаго Просвѣщенія и всепокорнѣйше прошу Его Сіятельство утвердить представленіе Археографической Коммиссіи, относительно назначаемаго ею мнѣ денежнаго вознагражденія, безъ ограниченія. Въ случаѣ отказа (отчего Господь Богъ да избавитъ), я буду просить позволенія поступить въ настоящемъ дѣлѣ такимъ образомъ: возвращу Археографической Коммиссіи сумму, полученную мною въ три года за составленіе Алфавитнаго Указателя, и почти готовый трудъ мой положу подъ спудъ, а впослѣдствіи вѣроятно и совсѣмъ уничтожу; издать его *неполнымъ* (т. е. къ четыремъ, а не къ шести томамъ) было бы безобразно, предосудительно и малополезно. Конечно, такая жертва для меня слишкомъ значительна, но дѣлать нечего: поступить иначе запрещаетъ мнѣ ученая совѣсть, противиться убѣжденіямъ ея не возможно" (*Вход. и Исход.* I, 218, 219).

По поводу этой же резолюціи вотъ что писалъ Строеву Я. И. Бередниковъ: „На счетъ Указателя имѣю честь увѣдомить васъ, что Министръ Народнаго Просвѣщенія затрудняется исполнить желаніе ваше.—Главное время: неизвѣстно когда отпечатается VI и даже V томы Лѣтописей, потому что глазная болѣзнь препятствуетъ мнѣ заниматься изданіемъ съ прежнею дѣятельностью. Можетъ быть, даже, я скоро принужденъ буду оставить званіе главнаго редактора. Тогда изданіе Лѣтописей неминуемо замедлится, или вовсе остановится, до пріисканія другаго способнаго издателя. Я совѣтовался съ людьми уважающими ваши знанія и заслуги, и сочувствующими вамъ въ дѣлѣ Русской Исторіи: они (и съ ними я) не видятъ для васъ другаго лучшаго исхода изъ *настоящихъ обстоятельствъ*, какъ или согласиться съ резолюціею Его Сіятельства на счетъ суммы за составле-

ніе Указателя, или издать Указатель на четыре тома Лѣтописей, согласно прежнему вашему предположенію. Что за дѣло, что маленькая Псковская Лѣтопись перешла въ V-й томъ? Всежъ Указатель составитъ драгоцѣнное пособіе для древнихъ Лѣтописей, заключающихся въ четырехъ первыхъ томахъ. Софійская Лѣтопись, слѣдующая за Псковскою второю (въ V т.), до XV вѣка не вся ли извлечена изъ древнихъ Лѣтописей? Не принадлежитъ ли она къ разряду среднихъ (по времени составленія), подобно Воскресенской и Никоновской, которыя, въ изданіи Коммиссіи, должны слѣдовать за нею? Настоящая грань Указателя (такъ мы всегда думали) четыре первые тома: бѣда случилась отъ того, что Псковская вторая перешла въ V-й томъ. Но препятствіе ли ето, когда надобно выдти изъ *затруднительнаго* обстоятельства?“ (*Вх. и Исх.* I, 220). Само собою разумѣется, что это письмо не только не понравилось П. М. Строеву, но даже возмутило его, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее лаконическое примѣчаніе, сдѣланное имъ къ этому письму: „Какъ на безсовѣстное—я не отвѣчалъ“ (*Вх. и Исх.* II, 207).

Въ томъ же письмѣ, Бередниковъ, извѣщая Строева о выѣздѣ Министра Народнаго Просвѣщенія въ Москву, выражалъ увѣренность, что Павелъ Михайловичъ представится ему. Дѣйствительно, 16-го августа 1850 года, въ Москвѣ, состоялось свиданіе Строева съ Министромъ, названное имъ *достопамятнымъ* (*Вход. и Исход.* II, 207). „Въ Москвѣ, въ гостинницѣ Варгина“, писалъ Строевъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ, „Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ принудилъ меня составлять Указатель на всѣ шесть томовъ, образомъ *ексцентричнымъ*, въ то время совершенно возможнымъ, теперь едва вѣроятнымъ“ (*Вход. и Исход.* III, 158).

Вскорѣ послѣ этого свиданія, именно 24-го октября 1850 года, В. Д. Комовскій писалъ Строеву: „По приказанію г. Министра Народнаго Просвѣщенія покорнѣйше прошу увѣдомить меня, согласны ли вы принять на себя составленіе Алфавитнаго Указателя на V-й и VI-й томы Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей на изложенномъ въ резолюціи г. Министра Народнаго Просвѣщенія основаніи: ибо условія, предложенныя въ отзывѣ вашемъ отъ 28-го іюля, допущены быть не могутъ. Въ случаѣ же несогласія вашего, покорнѣйше прошу приступить къ печатанію Указателя на первые четыре тома“ (*Вход. и Исход.* I, 223). На это Строевъ отвѣтилъ: „Продолжать составленіе Указателя къ первымъ шести томамъ, на основаніи резолюціи г. Министра, отъ 11-го іюля, я согласенъ. На будущей недѣлѣ я буду имѣть честь представить въ Археографическую Коммиссію десятка

два *поправокъ*, сдѣланныхъ мною послѣ представленія цѣлой тетради ихъ“ (*Вход. и Исход.* I, 24).

Такимъ образомъ, П. М. Строевъ принужденъ былъ приняться за продолженіе своей Египетской работы по составленію Указателя къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей, и къ апрѣлю 1851 года имъ была уже окончена выборка изъ V-го тома Лѣтописей (*Вх. и Исх.* I, 247).

Между тѣмъ, переписка Строева съ Я. И. Бередниковымъ, пріостановившаяся было на нѣкоторое время, возобновилась въ февралѣ 1851 года, когда Бередниковъ первый отозвался Строеву слѣдующимъ письмомъ: „Давно я не имѣлъ счастія получать отъ васъ писемъ и не зналъ ничего о васъ: вы вспомнили меня, въ письмѣ къ М. А. Коркунову, и я спѣшу собственноручно отозваться на пріятнѣйшее для меня ваше воспоминаніе. Теперь я очень занятъ окончаніемъ V-го тома Лѣтописей. Такъ какъ меня торопятъ и необходимо окончить все къ 15-му марта, то я рѣшаюсь завершить Софійскую первую Лѣтопись началомъ XV вѣка, такъ какъ здѣсь большая часть списковъ прекращается. Конецъ Царскаго и Бальзерова списковъ, а равно и Приложенія перейдутъ въ VI-й томъ. Можетъ быть, онъ будетъ и великъ, но тѣмъ лучше. Впрочемъ, кажется я, оставлю званіе редактора по причинѣ болѣзни. Въ концѣ VI-го тома, въ видѣ комментаріевъ, присоединятся ваши примѣчанія къ шести томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Не оставьте меня вашимъ отвѣтомъ. Письма ваши для меня драгоцѣнный подарокъ. Презираю крики моихъ противниковъ, если вы считаете труды мои сколько нибудь полезными и не раздѣляете ихъ мнѣній“ (*Письма*, II, 471).

Въ это время въ Москвѣ разнесся слухъ, что Я. И. Бередникова назначаютъ Директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. Строевъ, желая удостовѣриться въ справедливости этого слуха, обратился съ вопросомъ объ этомъ къ самому Бередникову, который, отъ 3-го апрѣля, отвѣтилъ, что „слухъ этотъ есть Московскій пуфъ или епиграмма. Вы совершенно знаете меня; скажите, по совѣсти, способенъ ли я занять это мѣсто?“ Далѣе, въ томъ же письмѣ Бередникова читаемъ: „Я восхищаюсь вашими комментаріями къ изданію Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Мои тексты, которые по крайней мѣрѣ вѣрностію съ подлинниками лучше Псковской Лѣтописи Погодина, и ваши комментаріи сдѣлаютъ изданіе Лѣтописей, въ наше время, явленіемъ замѣчательнымъ... Скажите, что вы думаете о современномъ состояніи нашей историко-критической литературы? Мнѣ кажется, что, не умудрившись опытомъ прошедшаго столѣтія, мы все продолжаемъ дѣлать скачки. Теперь, по моему мнѣнію, только настала

пора истолкованія (екзегетики) текстовъ; а мы дразнимъ Вольфовъ и Нибуровъ. Я увѣренъ, что многіе изъ высшихъ нашихъ мыслителей стали бы въ тупикъ, еслибы ихъ заставить нѣкоторыя мѣста лѣтописей и грамотъ перевести съ древняго на нынѣшній языкъ. А между тѣмъ, вездѣ преобразователи Русской Исторіи, вездѣ бумагомаратели, презирающіе благородный трудъ и ищущіе молвы и житейскихъ благъ" (*Письма*, II, № 472).

На этомъ письмѣ снова оборвалась переписка двухъ археологовъ-путешественниковъ.

Заслуги П. М. Строева на поприщѣ Отечественной Исторіи не могли не быть замѣченными Директоромъ Императорской Публичной Библіотеки Барономъ (впослѣдствіи графомъ) М. А. Корфомъ, которому Библіотека, какъ извѣстно, обязана своимъ обновленіемъ. Баронъ счелъ своимъ долгомъ, причислить почтенное имя Строева къ почетному сословію Библіотеки и, 14-го марта 1851 года, писалъ ему: „Императорской Публичной Библіотекѣ предоставлено право избирать въ почетные члены особъ, извѣстныхъ достоинствами и заслугами на поприщѣ просвѣщенія и библіографіи. Любовь ваша къ Отечественной библіографіи и многіе важные труды, совершенные вами на пользу Русской Исторіи, побудили Императорскую Публичную Библіотеку украсить списокъ своихъ почетныхъ членовъ вашимъ именемъ. Вслѣдствіе сего, съ утвержденія г. Министра Императорскаго Двора, прося васъ принять сіе почетное званіе, долгомъ считаю увѣдомить, что оно не налагаетъ никакихъ особенныхъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя внушитъ носящему оное собственное его сочувствіе къ преуспѣянію сего главнѣйшаго книгохранилища въ Имперіи" (*Вх.* и *Исх.* I, 240).

Строевъ, охлажденный лѣтами и опытностію, принялъ это почетное званіе довольно равнодушно, и только 20-го апрѣля собрался отвѣтить Барону: „Отвѣтомъ замедлилъ я невольно, выжидая присылки диплома, въ чемъ покорнѣйше прошу извинить меня. Принимая оказанную мнѣ честь съ должною признательностью, я надѣюсь, по переселеніи моемъ въ С. Петербургъ, принести нервому книгохранилищу въ Имперіи посильныя услуги, если Вашему Превосходительству угодно будетъ принять ихъ; въ настоящее же время, находясь въ Москвѣ, я принужденъ оставаться членомъ безполезнымъ" (*А. К.* I, 247 об.)

По полученіи диплома, Павелъ Михайловичъ писалъ Барону (отъ 28-го декабря 1851 года): „Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы принести Вашему Превосходительству усерднѣйшее поздравленіе съ наступающимъ новымъ годомъ, съ котораго, подъ благотворнымъ ва-

шимъ начальствомъ, должна начаться новая эра существованія перваго въ Россіи книгохранилища“ (*Вход.* и *Исх.* I, 319).

Въ вышеприведенномъ письмѣ къ Барону Корфу, Строевъ впервые выражаетъ намѣреніе переселиться въ Петербургъ; но намѣреніе это осталось неосуществленнымъ. Будучи кореннымъ москвичомъ, Строевъ, при всемъ желаніи, никогда не могъ сдѣлаться петербуржцемъ. Почти одновременно съ изъявленіемъ намѣренія переселиться въ Петербургъ, онъ получилъ отъ своего брата, Н. М. Строева *), изъ Петербурга письмо (отъ 11-го мая 1851 г.), въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Истинно, какъ вы пишете, настоящая пучина наша Сѣверная столица и пучина пространная, неспособная нашему брату москвичу, гдѣ все основано на видахъ и расчетахъ и гдѣ эгоизмъ предъ каждымъ движущимъ идетъ впереди, какъ свѣчка предъ иконою въ духовной процессіи“ (*Письма*, № 474).

Вскорѣ послѣ избранія П. М. Строева въ почетные члены Императорской Публичной Библіотеки, М. П. Погодинъ продалъ въ казну свое знаменитое Древлехранилище. Незадолго до этой сдѣлки, у него, послѣ „длинной паузы“, возобновились сношенія съ Строевымъ, по слѣдующему обстоятельству. Въ 1848 году скончался въ Москвѣ извѣстный намъ по Археографической Экспедиціи Николай Степановичь *Лебедевъ.* Послѣ него остались бумаги, которыя продавала его мать (*Вх.* и *Исх.* II, 289 об.). И вотъ, по поводу-то этихъ бумагъ, М. П. Погодинъ писалъ Строеву (отъ 18-го іюня 1851 года): „А кстати. Ко мнѣ толкнулся вашъ сынъ, который навѣщаетъ иногда меня потолковать о словесности. И вотъ отвѣтъ скорый съ усердною благодарностію за предложеніе: оцѣните сами, какъ вамъ угодно, и черкните мнѣ ваше мнѣніе. Если я могу дать назначенную вами цѣну, то пришлю деньги и лошадь за сундукомъ; а если нѣтъ, ибо я весьма теперь въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, то откажусь... На дняхъ я ѣду въ деревню, къ Сергію Семеновичу Уварову, гдѣ долго останусь“ (*Письма*, II, № 477).

Въ другомъ письмѣ по этому поводу, отъ 28-го іюля, пущеннымъ изъ Порѣчья, Погодинъ пишетъ: „Я уѣхалъ въ Порѣчье, не успѣвъ получить отъ васъ отвѣта о бумагахъ Николая Степановича Лебедева. Повторяю мою просьбу о назначеніи имъ цѣны и увѣдомленіи, на что немедленно я представлю вамъ свое согласіе или несогласіе. Я отдыхаю здѣсь отъ журнальныхъ хлопотъ за списками формулярными князей“ (*Письма*, II, № 478).

*) Николай Михайловичь Строевъ въ это время былъ вызванъ въ Петербургъ Княземъ П. П. Гагаринымъ по дѣламъ службы.

Дѣло однако не состоялось. Бумаги Лебедева купилъ Строевъ, который ихъ разобралъ, переплелъ, и черезъ годъ потомъ уступилъ Царскому (*Вх.* и *Исх.* II, 289 на об.)

Въ 1852 году, Императору Николаю I-му благоугодно было пріобрѣсти Древлехранилище Погодина, котораго часть (книги и рукописи) поступила въ Императорскую Публичную Библіотеку. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Древлехранилищемъ Погодина, переселялось въ Петербургъ лучшее достояніе П. М. Строева—его рукописи. „Завтра (въ пятницу)",—писалъ ему М. П. Погодинъ, отъ 30-го октября 1852 года,—„въ два часа, служится у меня дорожный молебенъ и кропятъ святою водою мои любезныя древности, отправляющіяся въ путь: не угодно ли будетъ вамъ, какъ ихъ всегдашнему доброжелателю, принять участіе въ молитвѣ, да прибудутъ онѣ благополучно на мѣсто; а послѣ молебна откушать у меня хлѣба-соли". На этомъ письмѣ Строевъ отмѣтилъ своею рукою: „отправленъ былъ мною сынъ, Петръ Павловичь, который въ мое мѣсто и присутствовалъ на торжествѣ, впрочемъ не великолѣпномъ" (*Вх.* и *Исход.* II, 290).

XXV.

15-го іюня 1851 года, скончался предсѣдатель Археографической Коммиссіи Василій Дмитріевичь Комовскій, а 14-го августа того же года, по всеподданнѣйшему докладу Князя П. А. Ширинскаго Шихматова, на мѣсто покойнаго назначенъ былъ Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія Авраамъ Сергѣевичь Норовъ.

Въ это время, благопріятный случай доставилъ въ распоряженіе П. М. Строева большое собраніе актовъ, замѣчательныхъ по своему историческому интересу. Все собраніе онъ раздѣлилъ на четыре отдѣленія, и по мѣрѣ изготовленія актовъ къ печати посылалъ ихъ въ Археографическую Коммиссію для помѣщенія въ *Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ*. *Первое* отдѣленіе было отправлено 6-го сентября 1851 года, и заключало въ себѣ: „1) Описанія, *кажется* офиціальныя, Московскихъ смутъ 1648 и 1662 гг.; 2) Двѣнадцать актовъ, относящихся къ возмущенію Стеньки Разина и его клевретовъ. До сихъ поръ, кромѣ нѣсколькихъ богомольныхъ грамотъ, почти ничего не было напечатано о семъ, въ свое время слишкомъ безпокойномъ событіи; 3) Царская грамота Двинскому воеводѣ Несте-

рову, 1671 года, іюля 19-го, о корабельныхъ вожахъ (лоцманахъ), въ Архангельскѣ, по просьбѣ торговыхъ иноземцевъ; 4) Семнадцать актовъ 1674—76 годовъ, о рудныхъ пріискахъ: въ то время, вслѣдствіе предоставленныхъ привиллегій, люди всякихъ сословій усердно принялись искать руды и минералы; объ етомъ также ничего не было напечатано; 5) Три проѣзжія грамоты, 1675 и 76 годовъ, Виніусу, Марселису и Меркульеву, выданныя по челобитьямъ ихъ, относительно тѣхъ же рудоисканій" (*Вх.* и *Исх.* I, 283).

По поводу этой присылки А. С. Норовъ поручилъ Коркунову сообщить Строеву, что ему „весьма пріятно, что онъ, независимо отъ занятій по составленію Алфавитнаго Указателя къ Полному Собранію Лѣтописей, нашелъ время для другаго ученаго и не менѣе полезнаго труда и что всѣ доставленные имъ акты онъ находитъ весьма любопытными по содержанію и проситъ о продолженіи подобныхъ присылокъ" (*Вход.* и *Исход.* I, 296).

Ровно черезъ мѣсяцъ (5-го октября), П. М. Строевъ отправилъ въ Археографическую Коммиссію второе отдѣленіе актовъ: 1) Жалованная грамота Голландцу Филимону Акемѣ, 1665 года декабря 25-го, въ которой изложена исторія Тульскихъ и Каширскихъ желѣзныхъ заводовъ, первоначальныхъ въ Московскомъ Царствѣ; 2) Предписаніе Леонтію Марселису, желѣзному заводчику, 1667 года іюля 20-го, изготовить немедленно ручныя гранаты и отправить ихъ въ стрѣлецкіе приказы, выступившіе въ походъ къ Астрахани; 3) Челобитная дворянъ Отрепьевыхъ, 1671 года маія 9-го, чтобы позволено было перемѣнить прозвище, наносящее имъ общій укоръ и поношеніе. Приказано называть ихъ *Нелидовыми*; 4) Три акта, относящіеся къ пожалованію Голландца Томаса Кельдермана *гостинымъ именемъ*, 1672 года въ маѣ. Тутъ любопытны подробности о тогдашнихъ *службахъ* иноземцевъ; 5) Три грамоты о приготовленіяхъ къ походу противъ Турецкаго Султана, завладѣвшаго Каменцомъ-Подольскимъ, 1672 года въ октябрѣ и ноябрѣ. Тутъ же два описанія, какъ Царь Алексѣй смотрѣлъ войско и артиллерію, въ 1673 году, очень любопытныя; 6) Жалованная Грамота Кольскому Печенскому монастырю 1675 года іюня 15-го, въ которой прописаны всѣ прежнія грамоты, во время пожара утратившіяся. Печенскіе иноки обратили Лопарей въ христіанство и сдѣлали ихъ монастырскими крестьянами. Для исторіи Русской Лапландіи драгоцѣнна; 7) Грамота Новгородскому воеводѣ, 1677 года апрѣля 10-го, и по ней отписка (въ ноябрѣ) отвѣтная: о жителяхъ Солецкой слободы съ деревнями, обязанныхъ отъ временъ Царя Ѳеодора Іоанновича, дѣлать подъ пушки станки, колесы и пр. Подробности сего тягла совершенно новы и довольно любопытны; 8) Докладная

выписка, составленная въ Пушкарскомъ Приказѣ, и по ней царскій указъ 1678 года іюня 25-го, о приведеніи въ прежнее устройство засѣкъ, тогда уже опущенныхъ. О засѣкахъ почти ничего не напечатано, а подробности о *Чертѣ Украинской* важны въ разныхъ отношеніяхъ; 9) Двѣ грамоты главнымъ предводителямъ войскъ, собранныхъ на Украйнѣ для отраженія Турецкихъ и Крымскихъ ордъ 1677 года сентября 23-го; 10) Указъ царскій о воеводахъ, 1679 года ноября 21-го; 11) Грамота Двинскому воеводѣ, 1680 года, декабря 8-го, о переписи ратныхъ людей, показывающая тогдашній составъ и устройство войскъ въ областяхъ дальныхъ; 12) Память изъ Пушкарскаго Приказа въ Новгородскій Приказъ 1686 года, сентября 3-го о награжденіи двухъ мастеровъ, отлившихъ большія пушки: *Новый Персъ* и *Новый Троилъ*; 13) Акты о сдѣланіи, по указу царьскому, великолѣпной рѣзной и золоченой кровати: она предназначалась въ Верхъ, въ хоромы царевны Екатерины Алексѣевны, а по отдѣлкѣ подарена боярину Князю В. В. Голицыну. Происходило въ 1687 году, когда царевна Софія Алексѣевна соправительствовала. 14) Акты о позолотѣ иконостаса въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Спасской церкви надъ воротами, въ 1687 году. Царевна Софія Алексѣевна благотворила этой обители, во время своего соправительствованія, и потомъ жила тамъ до самой кончины; 15) Акты о сдѣланіи богатаго кіота на Богородиченъ образъ, въ церкви Всемилостиваго Спаса на Сѣняхъ у царевенъ, 1688 году въ генварѣ. Сею иконою Никонъ Патріархъ благословилъ Царя Алексѣя и его семейство; она привезена изъ Греціи; 16) Докладная записка объ иконостасѣ, строившемся по указу царьскому въ селѣ Измайловѣ, въ церкви царевича Іоасафа, на совершеніе котораго въ Устюжскомъ Приказѣ недоставало денегъ, въ исходѣ 1689 года; 17) Память изъ Посольскаго Приказа въ Приказъ Большой Казны, о жалованной грамотѣ Голландцу Францу Тимерману на право строить морскіе корабли и завести фабрику парусныхъ полотенъ. Въ апрѣлѣ 1693 года; 18) Отписка Новгородскаго воеводы Князя Б. И. Прозоровскаго, о бывшемъ 1696 году маія 22-го въ Новгородѣ при жестокомъ вихрѣ пожарѣ, во время котораго вся Торговая сторона обращена была въ пепелъ" (*Вх.* и *Исх.* I, 289, 290).

При отправленіи въ Археографическую Коммиссію *третьяго отдѣленія* актовъ, П. М. Строевъ, между прочимъ, писалъ: „Долгомъ поставляю обратить вниманіе Археографической Коммиссіи на актъ, при семъ прилагаемый. Ето просто *Опись наряда* (артиллерійскихъ орудій), стоявшаго въ Смоленскѣ, на башняхъ, по стѣнѣ и въ сараяхъ; но изъ сей Описи, достаточно обстоятельной, просвѣчиваются историческія свѣдѣнія о пушечномъ дѣлѣ въ Московскомъ Царствѣ

и выступаетъ цѣлый рядъ литейщиковъ, до сего времени почти неизвѣстныхъ. Смоленскъ былъ твердыня, въ политическихъ соотношеніяхъ Москвитянъ и Поляко-Литовцевъ очень важная (Кар. X, 211): кто владѣлъ имъ, на той сторонѣ былъ и перевѣсъ. Его укрѣпляли и Русскіе и Поляки. Въ военной нашей исторіи XVII столѣтія, Смоленскія осады 1611, 1633 и 1655 годовъ, знамениты: дѣла первой величины, всѣ другіе факты невольно уступаютъ имъ первенство. На грозныхъ укрѣпленіяхъ Смоленска, во второй половинѣ XVII вѣка, находились пищали: Русскія, Польскія, Литовскія, Шведскія, Голландскія, Нѣмецкія; ихъ было много. Русскія пищали назывались *Старый Смоленскій нарядъ* и примѣчательны по времени ихъ отлитія, именамъ литейщиковъ и разнообразію отдѣлки. Польскія и разныя иностранныя, наставленныя Сигизмундомъ III и Владиславомъ IV, большею частію современны имъ. Изъ пищалей *стараго наряда*, *Русскаго литья*, шестнадцать вылиты при Великомъ Князѣ Іоаннѣ III, въ Москвѣ, въ 1483, 1498 — 1501 годахъ, Яковомъ Фрязиномъ, котораго самое имя для насъ неизвѣстно. Изъ Московскихъ литейщиковъ открываются: Булгакъ Ноугородовъ 1513 г., Степанъ Петровъ 1553 г., Богданъ 1554, 1568 годовъ, Пятой, Богдановъ ученикъ, Кашпиръ Ганусовъ 1564 г., Андрей Чеховъ, ученикъ Кашпира 1568, 69, 75 годовъ, Ѳедоръ Савельевъ, ученикъ Чехова, 1594, 95 годовъ, и еще десятка два другихъ, XVI и XVII столѣтій, большею частію вовсе неизвѣстныхъ. Когда Петръ I, въ 1702 году, заложилъ въ Москвѣ Цейхгаузъ (Арсеналъ нынѣшній), данъ былъ имянный указъ, чтобы отовсюду перевезены были и помѣщены въ немъ „для памяти на вѣчную славу“ всѣ иностранныя и примѣчательныя нашего литья пушки и мортиры. Въ 1704 году, на основаніи этого указа, знатную часть артиллеріи изъ Смоленска отправили въ Москву, какъ видно изъ современныхъ актовъ. Теперь въ Москвѣ нѣтъ ни одного Смоленскаго орудія и вообще древнихъ очень не много. Самъ ли Петръ I, въ *крайнее* время Шведской войны, когда передѣланы были въ пушки колокола, монастырскіе котлы и кубы, приказалъ перелить и Смоленскія пищали, или онѣ исчезли въ другое позднѣйшее время, покамѣсть мнѣ неизвѣстно. Нельзя не пожалѣть и вмѣстѣ не подивиться, что столькихъ любопытныхъ памятниковъ Русскаго литейнаго искусства Археологія лишилась уже послѣ того указа, которымъ повелѣно было хранить ихъ *на вѣчную славу*. Изъ вышеписаннаго очевидно, что дошедшая до нашего времени Опись Смоленскихъ пищалей, 1671 или 72 года, довольно важна и очень любопытна“ (*Вх.* и *Исх.* I, 309).

Кромѣ того, Строевымъ препровождены въ Коммиссію еще слѣдующіе акты: 1) 1632 г., о пушкахъ, подаренныхъ царю Михаилу

отъ Голштинскаго князя. 2) 1634 г., о ядрахъ пушечныхъ, купленныхъ за моремъ; 3) 1635 г., о засѣкахъ пограничныхъ, которыя устроивались тогда нарочно отправленными дворянами и инженерами. 4) 1637 и 38 годовъ, распоряженія къ предстоявшей войнѣ съ Крымцами, быть могло и съ Турками, отъ взятія Азова Донскими казаками; 5) 1644 г. февраля 9-го, объ отсрочкѣ военнымъ людямъ въ приказахъ, по тяжебнымъ дѣламъ ихъ, по случаю предстоявшей съ Крымцами войны; 6) 1646 года, распоряженія къ отраженію Крымскаго хана, котораго приходъ къ самой Москвѣ считался тогда возможнымъ и вѣроятнымъ; 7) 1647 года генваря 15-го, наказъ боярину князю М. М. Темкину-Ростовскому, на котораго возложено было верстаніе новиковъ, въ службу поспѣвшихъ; 8) 1647 года маія 14-го, объ инженерѣ Корниліи Клаусѣ, голландцѣ, укрѣплявшемъ Терекъ, Ростовъ и просившемъ о дачѣ отпуска; 9) 1651 года апрѣля 25-го, сказка стольнику князю Өедору Ромодановскому, котораго люди и самъ онъ обличены были въ дѣланіи фальшивыхъ денегъ; 10) 1652 года октября 20-го, запросъ изъ Разряда во всѣ приказы, о служилыхъ людяхъ, которые были въ нихъ вѣдомы; 11) 1653—55 годовъ, приготовленія къ войнѣ съ Поляками и самая та война до взятія Вильны, Литовской столицы; 12) 1655 и 56 годовъ, пожалованіе Любчанина Іогана фанъ Горна въ *гости. Горнъ* оказалъ въ поимкѣ извѣстнаго Самозванца Анкудинова и въ наймѣ иностранныхъ офицеровъ для царской службы, значительныя услуги; 13) 1656 — 58 годовъ, предложенія полковника *Бовмана*, приглашеннаго Горномъ въ царскую службу и прибытіе его въ Москву, гдѣ онъ провелъ около 14 лѣтъ. Этотъ полковникъ, пожалованный отъ царя Алексѣя въ генералъ-порутчики, потомъ въ генералы, лице знаменитое: онъ переобразовалъ бывшее уже въ Москвѣ регулярное войско по новому образцу, улучшилъ артиллерію, инженерство, и оказалъ весьма важныя услуги, впослѣдствіи совершенно забытыя; 14) 1656 и 58 годовъ, объ инженерѣ Кушеронѣ и полковникѣ Трафертѣ. Письмо послѣдняго, къ боярину И. Д. Милославскому, изображающее тогдашнее состояніе Европы воюющей, очень любопытно; 15) 1656 или 57 года, опись Кіевскихъ укрѣпленій, при продолжавшейся Польской войнѣ, исправленныхъ сколько было можно; 16) 1657 года, наемъ полковникомъ Бовманомъ въ царскую службу офицеровъ; 17) 1658 года, донесеніе А. Ордина-Нащокина, бывшаго въ Ливоніи, какой вредъ успѣхамъ войны наносилъ дозволенный тогда грабежъ; 18) 1661 года генваря 13-го, указъ Горну о наймѣ рудознатцовъ и плавильныхъ мастеровъ; 19) 1665 года маія 18-го, отпускъ Француза Дегиляра, мастера латнаго дѣла; 20) 1668 года, о вывозѣ купленнаго Горномъ оружія об-

ратно за море, о покупкѣ Голландцемъ Сведеномъ паруснаго полотна, и протч. 21) 1668 года, о желѣзныхъ заводахъ Петра Марселиса; 22) 1670—71 года, о посылкѣ въ Малороссію пушекъ; 23) 1671 г., отпускъ генерала Бовмана и полковника Падберга, уѣзжавшихъ въ Данію, ихъ отечество; 24) 1676 года генваря 24-го, опись пушекъ, находившихся въ Соловецкомъ монастырѣ".

„Исчисленные акты и документы", — пишетъ Строевъ въ своемъ донесеніи, отъ 18-го ноября 1851 года,—„не были еще изданы: нѣкоторые изъ нихъ важны, другіе очень важны, а всѣ вообще любопытны. Сею посылкою заключается *третіе* Отдѣленіе историческихъ документовъ, обѣщанныхъ мною; теперь приступаю къ обработкѣ *четвертаго* (послѣдняго)" (*Вх.* и *Исх.* I, 310, 311).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, П. М. Строевъ написалъ М. А. Коркунову слѣдующее конфиденціальное письмо, отъ 22-го ноября 1851 года: „Завтра по тяжелой почтѣ отправлено будетъ третіе отдѣленіе документовъ, предназначаемыхъ мною для помѣщенія въ *Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ*, вами издаваемыхъ. Всѣ посылаемые документы замѣчательны и любопытны, въ разныхъ отношеніяхъ, и скроютъ ту *спеціальность* послѣднихъ томовъ Дополненій, которую придало имъ множество Сибирскихъ актовъ Миллера. За ету спеціальность косятся на васъ Московскіе ученые. Конечно, вы не забудете помѣстить въ V томѣ и акты, относящіеся къ Соловецкой осадѣ, которые нѣкогда я доставилъ въ Коммиссію, а отецъ протоіерей забраковалъ: ета осада фактъ очень замѣчательный въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ трехъ отдѣленіяхъ документовъ, отправленныхъ мною въ Археографическую Коммиссію, ихъ наберется сотни полторы. Какъ цѣнить ихъ? По числу, по объему, по достоинству? Еслибъ не случай благопріятный доставилъ мнѣ столько актовъ, въ спискахъ готовыхъ или надежныхъ, по интересу историческому примѣчательныхъ, этой работы не произвесть бы въ два года. Много ли доставили Князь Оболенскій и Калачовъ, сидящіе у того *кладязя*, откуда почерпнуты доставшіеся мнѣ и отъ меня въ Коммиссію переданные акты? Похлопочите у г. предсѣдателя, чтобы мнѣ заплатили пощедрѣе. Я самъ заплатилъ, и заплаченное должно возвратить. Въ *крайнемъ* случаѣ, потому что Коммиссія слишкомъ расчетлива, къ полученнымъ уже 30 р. сер., менѣе 70 р. сер. взять мнѣ будетъ убыточно" (*Вх.* и *Исх.* I, 313, 314).

Четвертое и послѣднее отдѣленіе П. М. Строевъ отправилъ въ Археографическую Коммиссію 11-го февраля 1852 года. „Представляемое отдѣленіе",—писалъ Строевъ въ своемъ донесеніи,—„состоитъ изъ цѣлой сотни документовъ, вообще интересныхъ. Исчислю важ-

нѣйшіе: 1) 1673—84 года, объ устройствѣ въ Москвѣ Новомѣщанской слободы, по указу царя Алексѣя, населенной Литовскими и Бѣлорусскими полоняниками. 2) 1677 года генваря 30-го, двѣ описи Кіевскихъ укрѣпленій и огнестрѣльныхъ орудій, на нихъ стоявшихъ. Кіевъ приводили тогда въ оборонительное состояніе, надписи на пищаляхъ любопытны. 3) 1678 года октября 9-го, о сборѣ даточныхъ людей. Акты особенно важные: процессъ наборовъ и число даточныхъ выражаютъ тогдашнее состояніе Московскаго Царства, въ періодъ крайней его силы, и рѣшаютъ много вопросовъ о временахъ предыдущихъ. Напримѣръ: могъ ли Димитрій Донской вывести противъ Мамая стотысячное ополченіе, какъ завѣряютъ историки новѣйшіе? Какое войско и великоль по числу могло быть съ царемъ Іоанномъ подъ Казанью? и пр. и пр. 4) 1680 года апрѣля 26-го, пріѣздъ въ Москву маіора Людвига Любераса съ товарищи. Тутъ открывается, что, въ исходѣ XVII столѣтія, въ царскую военную службу принимали уже не всѣхъ выѣзжихъ иноземцевъ безъ разбора, дѣлали имъ *опытъ* (екзаменъ): маіора и его спутниковъ, наградивъ пристойно за путевыя издержки, отпустили обратно во свояси. 5) 1680 г. ноября 12-го и 15-го, два царскіе указа о ратныхъ людяхъ: въ устройствѣ, ихъ обязанностяхъ служебныхъ, подчиненіи разнымъ приказамъ, и т. под. сдѣланы были тогда значительныя перемѣны. 6) 1680 года, опись укрѣпленій Нижняго Новгорода и огнестрѣльныхъ орудій. 7) 1681 года генваря 23-го, Смоленскій пушечный нарядъ. Эта опись поясняетъ и дополняетъ доставленную отъ меня прежде, которая относится къ 1672 году октября 17-го. 8) 1683 года января 25-го, Двинскій пушечный нарядъ. 9) 1688 года февраля 5-го, объ отлитіи въ Псковѣ огромной Раномышской пищали: виденъ процессъ тогдашняго литія пушекъ. 10) 1696 года, пріѣздъ Бранденбургскихъ инженеровъ и бомбардировъ. Царь Петръ выписалъ ихъ для осады Азова и, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, овладѣлъ этою важною крѣпостью. 11) 1697 года марта, посылка Григорія Островскаго въ Склавонію. Петръ I предполагалъ вызвать изъ Цесарскихъ Славянскихъ областей, нужныхъ ему для образованія войска и флота, офицеровъ и потомъ уже набралъ Нѣмцевъ и Голландцевъ и пр. 12) 1697 года октября 26-го, о Великоновгородскихъ огнестрѣльныхъ орудіяхъ. 13) 1697 года ноября, контракты иноземныхъ пушкарей и дѣло по челобитью Готфрида Самуеля, жестяныхъ дѣлъ мастера, сдѣлавшаго въ Москвѣ первыя пожарныя трубы и пр. 14) 1698 — 99 г., о пушкахъ, купленныхъ въ Любекѣ, Стохгольмѣ и др. городахъ; о Новгородскихъ орудіяхъ починенныхъ; о надписяхъ на пушкахъ *костельнымъ щетомъ*, и протч. 15) 1699 года, объ укрѣпленіи Новобогородицка и тамошнемъ гарни-

зонѣ. Ета крѣпость была устроена на Самарѣ рѣкѣ, у Крымскихъ границъ, и потомъ оставлена. 16) 1700 года, приготовленіе къ осадѣ Ругодива (Нарвы). Несчастная Ругодивская осада служитъ рубежемъ *старины* Московскаго царства; за нею начинается *новое*, полуевропейское" (*Вх.* и *Исх.* II, 5, 6).

Археографическая Коммиссія, по изданіи VI-го тома *Дополненій*, предполагала напечатать и *Общее прибавленіе* ко всѣмъ томамъ *Актовъ Историческихъ* и *Дополненій* къ нимъ. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія П. М. Строева, который для этого-то *Общаго Прибавленія*, послалъ въ Коммиссію тетрадь, содержащую въ себѣ три документа XVI столѣтія; изъ нихъ, Новгородскій нарядъ людей подъ Казань, 1545 года, особенно любопытенъ, показывая Новгородъ въ тогдашнемъ его состояніи, достатокъ жителей, число ихъ, и проч. и проч. (*Вход.* и *Исх.* II, 6).

Отправляя за тѣмъ въ Коммиссію *четвертое* и послѣднее отдѣленіе собранныхъ актовъ, Строевъ писалъ: „Этимъ кончается шестимѣсячный трудъ мой для полноты Дипломатическаго Сборника, Коммиссіею начатаго и близкаго къ окончанію. Трудъ не головоломный, но тяжкій для здоровья, особенно для слабыхъ моихъ глазъ. Quid potui feci, faciant meliora potentes. Надѣюсь, что Археографическая Коммиссія не поскупится назначить и выслать мнѣ еще 70 р. с., что съ полученными мною, въ два раза, составитъ *двѣсти* р. с. Впрочемъ ето только желаніе, а не домогательство" (ibid.).

Хотя Археографическая Коммиссія и вознаградила Строева, согласно съ его желаніемъ, но онъ, въ письмѣ своемъ къ Коркунову, откровенно говоритъ: „За исключеніемъ денегъ, употребленныхъ на пріобрѣтеніе пересланныхъ отъ меня четырехъ отдѣленій актовъ, мнѣ очистится за шестимѣсячный трудъ *цѣлковыхъ полтораста*, что можно было бы выработать и инымъ гораздо легчайшимъ образомъ" (*Вход. и Исход.* II, 13 об.). А между тѣмъ, акты, доставленные Строевымъ въ Археографическую Коммиссію, до такой степени важны, что біографъ М. А. Коркунова, говоря о дѣятельности послѣдняго въ Археографической Коммиссіи по изданію Дополненій къ Актамъ Историческимъ, замѣчаетъ: „Составитель подобныхъ изданій, ежели они вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ историковъ, по праву занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ученой литературѣ, обнаруживая проницательный взглядъ при выборѣ матеріаловъ". При этомъ біографъ для примѣра указываетъ на слѣдующіе акты, вошедшіе въ изданіе Коркунова: О походѣ противъ Стеньки Разина, Отрывки изъ Патріаршихъ выходовъ, Документы объ осадѣ Соловецкаго монастыря, Акты о пріискѣ рудъ при Царѣ Алексіѣ и пр. (*Біограф. Словарь*

Профессор. Импер. Моск. Универ. I, 428). Но намъ извѣстно, что всѣ эти акты отысканы и доставлены въ Археографическую Коммиссію П. М. Строевымъ.

Въ 1851 году, извѣстный Галицкій ученый Діонисій Зубрицкій представилъ въ Археографическую Коммиссію составленную имъ Родословную Таблицу Русскихъ Князей. Коммиссія, въ засѣданіи своемъ 20-го октября, положила препроводить эти таблицы, для разсмотрѣнія къ П. М. Строеву, котораго и увѣдомила объ этомъ 14-го декабря 1851 года (*Вх. и Исх.* I, 317). Результатъ своего разсмотрѣнія Строевъ представилъ, 15-го февраля 1852 года, въ видѣ особой записки слѣдующаго содержанія: „Въ исходѣ минувшаго декабря, я имѣлъ честь получить Родословную Таблицу Русскихъ Князей, составленную корреспондентомъ Коммиссіи Д. Зубрицкимъ, съ объяснительнымъ къ ней текстомъ. Я разсмотрѣлъ таблицу и тетрадку объясненій съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ, потому что Родословная часть Русской Исторіи предметъ очень важный, а для меня въ особенности интересный. Немалаго и утомительнаго труда стоило мнѣ обозрѣніе Таблицы во всѣхъ ея подробностяхъ: огромный, можно сказать чудовищный, форматъ и не совсѣмъ ловкая установка квадратовъ, при слабомъ моемъ зрѣніи, затрудняли меня до крайности. Не знаю, какъ эту громадную Таблицу будетъ употреблять и изучать Львовское юношество, для котораго собственно она предназначена? До выхода въ свѣтъ (въ 1818 году) Карамзина Исторіи Государства Россійскаго, къ которой приложены девять Родословныхъ росписей Русскихъ Князей владѣльныхъ, имѣвшихъ удѣлы, Родословіе находилось въ запутанномъ, почти жалкомъ, состояніи. Только Стриттеровы таблицы, въ нѣкоторыхъ родахъ, были довольно сносны. Карамзинскіе Росписи положили Княжескому Родословію основаніе прочное и уничтожили запутанность вообще, но въ частностяхъ онѣ не совсѣмъ вѣрны и очень неполны: ето извѣстно всякому, кто когда либо долженъ былъ съ ними справляться. Самъ Карамзинъ вызывалъ Родослова опытнаго для исправленія и дополненія своего очерка. Въ 1836 году, я издалъ Ключь къ Исторіи Карамзина, всѣмъ извѣстный, и приложилъ къ нему пятнадцать Росписей Русскихъ Князей *владѣтельныхъ*, коихъ происхожденіе одного отъ другаго *несомнѣнно* и *очевидно*: Князья сомнительнаго происхожденія и не владѣтельные, т. е. служилые, помѣстные, *холопы* Великихъ Князей и Царей Московскихъ, какъ они сами себя называли, въ XV и XVI столѣтіяхъ, разумѣется, въ Таблицахъ моихъ не могли имѣть мѣста. Въ епоху изданія *Ключа* Родословныя Росписи, приложенныя къ етой книгѣ, были самыя полныя и по возможности вѣрныя; только обнародованіе новыхъ источни-

ковъ и подробныхъ извѣстій могло указать и исправить ихъ недостатки. Даже и теперь Родословными Росписями Русскихъ Князей, по приглашенію Карамзина мною составленными, можно *очень надежно* и *довольно удобно* пользоваться во всякихъ случаяхъ. Родослововъ послѣ меня не было. Самъ г. Зубрицкій, по собственному его признанію, въ объяснительномъ текстѣ, безъ моихъ Росписей, не былъ бы въ состояніи составить свою *Картину Рюриковыхъ потомковъ*: онъ только соединилъ пятнадцать Росписей *Ключа*, *удобныхъ* для справокъ, въ таблицу громадную, *неловкую* при употребленіи; прибавилъ нѣсколько десятковъ лицъ, большею частію ненужныхъ и сомнительныхъ, и дополнилъ двумя сотнями Великокняжескихъ холоповъ, которые принадлежатъ собственно къ Родословію дворянъ Московскаго Царства. Еще недавно г. Головинъ сдѣлалъ то же, только иначе: его *Родословная Роспись* потомковъ Рюрика *въ графахъ*, съ ссылками и разными затѣями, тѣже пятнадцать Росписей *Ключа*, приведенныя въ запутанность, вмѣсто обработки, неизвѣстно для какой цѣли. У Головина князей—холоповъ еще болѣе, чѣмъ у Зубрицкаго; нѣкоторыя родовыя претензіи его смѣшны до крайности. Sat sapienti. Съ 1836 года, когда *Ключь* къ Исторіи Карамзина вышелъ первымъ изданіемъ, напечатаны и пущены въ свѣтъ Лѣтописи, Акты разнаго рода во множествѣ, и открылись новые источники, Карамзину не извѣстные. Не должно забывать, что *Ключь* сдѣланъ къ Исторіи, чего нѣтъ въ ней, того не могло быть и въ немъ. Отъ етаго нѣсколько княжескихъ лицъ пропущены въ *Росписяхъ* по неволѣ. Изъ вышесказанныхъ новыхъ источниковъ, напечатанныхъ и еще неизданныхъ, я заимствовалъ довольно поправокъ и дополненій, которыми испестрилъ Родословныя Росписи Ключа въ екземплярѣ моей библіотеки, для будущаго *полнѣйшаго* и *возможно исправнаго* ихъ изданія. Въ 1843 году, когда Эйнерлингъ напечаталъ *Ключь* вторично, *Родословныя Росписи* при немъ остались въ прежнемъ ихъ видѣ, безъ поправокъ, по причинѣ, о которой разсказывать здѣсь неумѣстно. Археографическая Коммиссія припомнитъ, что при Алфавитномъ Указателѣ, который я составляю къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей, выйдутъ въ свѣтъ и Родословныя Росписи Князей владѣтельныхъ со включеніемъ лицъ женскихъ (княжескихъ супругъ, дочерей, невѣстокъ и проч.): эти-то Росписи должны быть, въ свое время, самыя полныя, подробныя и возможно исправныя. Между тѣмъ, нельзя не сознаться, что не смотря на прочное основаніе, Карамзинымъ положенное, и на обработку, мнѣ принадлежащую, которая ясна для Археолога опытнаго, когда онъ справляется съ Росписями *Ключа*, Родословія Владѣтельныхъ Князей нѣкоторыхъ родовъ (Полоцкихъ, Рязанскихъ, Муромскихъ, и другихъ) еще не совсѣмъ

опредѣлительно во многихъ случаяхъ: ета неопредѣленность происходитъ отъ недостаточныхъ и отрывочныхъ извѣстій, въ Лѣтописяхъ напечатанныхъ. Для наибольшей *вѣрности* и *полноты* Родословныхъ Княжескихъ Росписей, мною приготовляемыхъ, необходимо пересмотрѣть всѣ Лѣтописи рукописныя и Родословныя книги, въ Археографической Коммиссіи собранныя; а нѣкоторые случаи предложатся отъ меня на совокупное разсужденіе опытныхъ ея членовъ. Для сего собственно, въ будущемъ августѣ, я намѣреваюсь предпринять нарочную въ С.-Петербургъ поѣздку.

Обращусь къ Таблицѣ Д. Зубрицкаго, которую я получилъ для безпристрастнаго разсмотрѣнія. Нельзя не отдать полной справедливости и должной похвалы его *трудолюбію*, *добросовѣстности*, *тщательности* и *знанію дѣла*, съ какими его *Картина* отработана, при всѣхъ ея недостаткахъ вольныхъ и невольныхъ, о которыхъ писать подробно я не имѣю времени, ни причинъ обязательныхъ: ето составило бы порядочную книжку. Замѣчу мимоходомъ, что авторъ *Картины*, слагая въ нее пятнадцать Росписей *Ключа*, слишкомъ пунктуально имъ слѣдовалъ и Полнымъ Собраніемъ Лѣтописей, у него находящимся, не вполнѣ воспользовался. Напримѣръ: *Ключа* въ Росписи IX, степ. 10-я, у Смоленскаго Князя Давида Ростиславича, *по ошибкѣ*, показанъ одинъ сынъ Мстиславъ, а етого имени было у него два сына: первый Мстиславъ (старшій) умеръ 1187 года, вторый Мстиславъ-Ѳеодоръ (младшій) умеръ въ 1230 году. Въ *Картинѣ* Зубрицкаго Мстиславъ только одинъ († 1230), слѣдовательно Лѣтописи не всегда его руководствовали: ето тѣмъ страннѣе, что въ Лѣтописяхъ же онъ удачно замѣтилъ и употребилъ въ дѣло такія случаи, которыя читатель, менѣе его догадливый и проницательный, пропустилъ бы очень легко. Отъ родоваго порядка Полоцкихъ Князей въ *Ключѣ*, въ нѣкоторыхъ степеняхъ, я готовъ отказаться, если не найду подтвержденія въ Лѣтописяхъ неизданныхъ, которыя изучать собираюсь: г. Зубрицкій, слѣдуя за мною pas à pas, принялъ етотъ порядокъ безпрекословно; ему можно было бы предложить разные вопросы и сомнѣнія, которыя, въ настоящее время, я разрѣшить не въ состояніи. Но довольно въ етомъ родѣ. Отъ души желаю, чтобы *Картина* г. Зубрицкаго не смотря на ея *неудобство* (разумѣется невольное) и *недостатки* (неизбѣжные для Львовскаго жителя), была издана въ свѣтъ литографіею или напечатана: предлагаю себя первымъ, на одинъ екземпляръ, подписчикомъ, если будетъ подписка“ (*Вх.* и *Исх.* II, 7, 8).

Теперь мы остановимъ вниманіе нашихъ читателей на одномъ замѣчательномъ трудѣ П. М. Строева, которому не суждено было,

однако, узрѣть свѣта Божія, и прослѣдимъ его судьбу отъ самаго возникновенія до того времени, когда онъ, совершенно оконченный, по смерти трудившагося, принесенъ былъ, его наслѣдниками, въ даръ Археографической Коммиссіи, которая нашлась вынужденною поручить приготовленіе его къ печати и изданіе въ свѣтъ другому лицу. Мы разумѣемъ приготовленную Павломъ Михайловичемъ къ печати рукопись, содержащую въ себѣ такъ называемую *Тверскую Лѣтопись*.

Въ числѣ рукописей Погодинскаго Древлехранилища, находился Лѣтописецъ, въ которомъ заключалось неизвѣстное дотолѣ описаніе Тверскихъ событій. Познакомившись съ содержаніемъ этой рукописи, Строевъ пожелалъ приготовить ее къ изданію, и съ этою цѣлію въ 1851 году, обратился къ М. П. Погодину съ просьбою доставить ему эту рукопись. Погодинъ, разумѣется, исполнилъ желаніе Строева и отъ 18-го іюня 1851 года писалъ ему: „Тверское дополненіе я нашелъ, перебравъ всѣ рукописи, ибо библіотекарь привелъ было ихъ въ безпорядокъ, и теперь посылаю; по минованіи надобности благоволите возвратить“ (*Письма*, II, 1477). Работа Строева надъ этою рукописью шла такъ успѣшно, что 20-го ноября того же 1851 года, онъ сдѣлалъ о ней слѣдующее представленіе А. С. Норову: „Пользуясь случаемъ, чтобы довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, какъ любителя и знатока отечественныхъ достопамятностей, о рукописи, которую я получилъ на время изъ рукъ частныхъ, въ прямомъ смыслѣ драгоцѣнной. Ето лѣтопись, выбранная въ 1534 году какимъ-то Ростовскимъ селяниномъ, который самъ называетъ себя *невѣжда* (и совершенно справедливо), изъ Лѣтописи жъ, которая была списана, кажется также не цѣликомъ, а по выбору, съ третьей, служившей въ отдаленное время источникомъ для Новгородской 1-й (такъ названной г. Бередниковымъ) и вмѣстѣ Лаврентьевской (тоже) Лѣтописямъ, до Батыева на Русь нашествія; послѣ того повѣствуются *Тверскія событія*, почти исключительно, въ XV столѣтіи особенно любопытныя и совершенно неизвѣстныя, даже до 1499 года: слѣдовательно тутъ и *Тверская Лѣтопись*, которой въ исторической литтературѣ нашей недоставало. Заинтересованный, быть можетъ черезъ чуръ, особенною важностію етой рукописи, я рѣшился на подвигъ утомительный: переписать всю ее *своеручно*, иначе никакъ нельзя. Ростовецъ—невѣжда, не замѣтивъ, что въ его оригиналѣ листы перебиты, писалъ все сплошь, какъ въ одномъ изъ списковъ Кіевской Лѣтописи (по изданію Археографической Коммиссіи); а переплетчикъ, новѣйшаго времени, снова перепуталъ листы, которые впрочемъ поставить на своихъ мѣстахъ не слишкомъ трудно. Надѣюсь, что мое терпѣніе, испытанное въ столькихъ случаяхъ, не оста-

витъ меня и теперь и всѣ препятствія преодолѣны будутъ. Соблазненный примѣромъ Князя М. А. Оболенскаго, который, съ годъ назадъ, издалъ *Лѣтопись Переславль Залѣсскую*, любопытную и очень замѣчательную во многихъ отношеніяхъ (кромѣ нѣсколько-шарлатанскаго предисловія къ ней), я намѣренъ находящуюся у меня рукопись напечатать, если не встрѣтится споспѣшествователь богатый, на свой счетъ, какъ памятникъ, для исторіи нашей драгоцѣнный. Изданіе Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей идетъ медленно и, по принятому плану, развѣ чрезъ десятокъ лѣтъ выйдетъ изъ колеи сборниковъ, большею частію слишкомъ извѣстныхъ: слѣдовательно Лѣтописями *специальными*, какъ источниками сборниковъ, пренебрегать не должно отнюдь, а обнародывать ихъ по мѣрѣ открытій" (*Вход.* и *Исход.* I, 312). На это важное донесеніе Строева отвѣта не послѣдовало, и только изъ письма М. А. Коркунова, отъ 28-го марта 1852 года, мы узнаемъ, что А. С. Норовъ спрашивалъ у него: не согласится ли Строевъ уступить Археографической Коммиссіи Тверскаго Лѣтописца „за приличное денежное вознагражденіе, для напечатанія?" (*Вход.* и *Исход.* II, 19). Коркуновъ сообщилъ объ этомъ Строеву, который писалъ по этому поводу, отъ 12-го апрѣля 1852 года: „Лѣтописецъ съ Тверскимъ прибавленіемъ, хотя находится у меня съ годъ, но мнѣ не принадлежитъ; а потому, само собою разумѣется, мнѣ нельзя уступить его Археографической Коммиссіи ни подъ какимъ видомъ. Я переписываю его дѣятельно и уже около двухъ третей готовы. Со временемъ мнѣ предстоитъ возможность напечатать его въ *Временникѣ*. Тогда, въ приличномъ предисловіи, я намѣренъ бросить взглядъ на Русскія лѣтописи вообще, изложить мое мнѣніе о ихъ составѣ и переобразованіяхъ, и потолковать о способѣ издавать ихъ, разумѣется, для издателей будущаго времени" (*Вход.* и *Исход.* II, 22).

Ровно черезъ три мѣсяца послѣ этого письма, именно 13-го іюня, Строевъ извѣщалъ Коркунова: „Наконецъ, послѣ долгаго и утомительнаго труда, Лѣтопись съ Тверскими дополненіями мною переписана: копія сдѣлалась важнѣе оригинала, вся путаница простофили писца, о которой я извѣщалъ прежде, приведена въ порядокъ, а на поляхъ выставлены указанія на Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей и другія изданія и сдѣлано довольно хронологическихъ выкладокъ". Въ томъ же письмѣ Строевъ пишетъ: „Сильные жары сдѣлали меня совершенно неспособнымъ къ ученой работѣ: я принялся за передѣлки и поправки въ ветхомъ составѣ моего дома, убиваю время въ толкахъ съ мастеровыми и изучаю техническій языкъ ихъ" (*Вход.* и *Исход.* II, 43). Отвѣчая на это письмо, Коркуновъ повто-

рилъ Строеву желаніе Норова „купить для Коммиссіи не старинную рукопись, а списокъ, приготовленный имъ къ печатанію“ (*Вход.* и *Исход.* II, 48, 49). Строевъ не отказывался уступить свой трудъ Археографической Коммиссіи. „Но теперь“—писалъ онъ Коркунову отъ 13-го сентября,—„я не могу етаго сдѣлать. Для Родословныхъ таблицъ къ *Алфавитному Указателю*, которымъ я занимаюсь, необходимо выбрать довольно чиселъ и именъ княжескихъ, не встрѣчающихся въ другихъ, извѣстныхъ мнѣ, лѣтописяхъ: ето хлопотливо и требуетъ времени“ (*Вход.* и *Исход.* II, 51).

Между тѣмъ Бередниковъ, узнавъ объ открытіи Строева, писалъ ему (отъ 25-го февраля 1852 года): „Прекрасно! Въ лѣтописной литературѣ подобныя открытія драгоцѣнны и они-то, въ настоящую пору, должны возбудить живой интересъ. Новыхъ списковъ Нестора не найдутъ, а хорошо, если отыщутся и дополненія лѣтописцевъ XIV — XV вѣковъ. Надобно сознаться, что лѣтописи етого періода времени крайне скудны извѣстіями объ удѣльныхъ княжествахъ, игравшихъ важную роль въ тогдашнихъ событіяхъ, и исторія XIV и XV столѣтій едва ли превосходитъ обиліемъ матеріаловъ древнюю, до нашествія Татаръ? Поздравляю васъ съ драгоцѣнною находкою и убѣдительнѣйше прошу увѣдомить меня, обстоятельнѣе слуховъ, о ея содержаніи“ (*Вход.* и *Исход.* II, стр. 16).

Въ *Ученыхъ Запискахъ* Академіи (за 1854 годъ), А. А. Куникъ помѣстилъ замѣчательное изслѣдованіе *о Калкской битвѣ* *). Строевъ очень заинтересовался этимъ изслѣдованіемъ, по поводу котораго писалъ къ Коркунову (отъ 9-го апрѣля 1855 года). „При свиданіи съ А. А. Куникомъ покорнѣйше прошу сообщить ему: его изслѣдованіе о Калкской битвѣ я прочиталъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Историческая (т. е. наша) литература не представляетъ ничего подобнаго. У меня есть Лѣтопись, подтверждающая многіе г. Куника выводы, между прочимъ, что Калкская битва происходила мая 30-го (чит. 31-го) на память св. Ермія, а Владиміръ Рюриковичъ прибѣжалъ въ Кіевъ іюня 16-го и сѣлъ въ немъ; также и замѣчаніе его относительно перемѣщенія годовъ въ Новгородской Лѣтописи, чтобы исправить лѣтосчисленіе, запутанное позднѣйшими компиляторами и писцами. Я хотѣлъ ету рукопись переслать г. Кунику по почтѣ, но не успѣлъ; такъ какъ въ исходѣ мая, или въ іюнѣ, намѣреваюсь быть въ С. Петербургѣ, то привезу самъ и лично сообщу мое мнѣніе еще о кой какихъ предметахъ“ (*Вход.* и *Исход.* II, 220). На

---

*) *О признаніи 1223 года временемъ битвы при Калкѣ* (т. II, вып. 5, стр. 765—787).

это Коркуновъ отвѣчалъ (отъ 3-го мая, 1855 года): „А. А. Кунику я сообщилъ вашъ отзывъ объ изслѣдованіи его и обѣщаніе ваше привезти Лѣтопись, подтверждающую его выводы: онъ чрезвычайно радъ тому и другому“ (*Вход.* и *Исход.* II, 222 об. 223). Въ другомъ письмѣ (отъ 5-го сентября 1855 года) Коркуновъ пишетъ: „А. А. Куникъ съ нетерпѣніемъ ждетъ отъ васъ присылки *Лѣтописи*, о которой въ маѣ вы писали ко мнѣ. Мы полагали, что въ августѣ вы сами пріѣдете въ Петербургъ. Нельзя ли, хотя на короткое время, прислать эту лѣтопись въ Археографическую Коммиссію?“ (*Вход.* и *Исход.* II, 246 об.) Между тѣмъ, въ это время ѣздилъ въ Петербургъ В. М. Ундольскій, и Куникъ, при свиданіи съ нимъ, просилъ передать Строеву, чтобы онъ прислалъ къ нему обѣщанную Лѣтопись чрезъ посредство Непремѣннаго Секретаря Академіи Наукъ, „его сосѣда“ *). Строевъ просилъ Коркунова увѣдомить Ариста Аристовича, что „Лѣтопись будетъ отправлена вскорѣ при особомъ письмѣ, въ которомъ я укажу на что именно онъ долженъ обратить вниманіе какъ хронологъ“. Въ томъ же письмѣ, Строевъ такъ объясняетъ и причину замедленія въ присылкѣ Лѣтописи: „Доселѣ я не могъ исполнить своего обѣщанія по непрерывному почти нездоровью, и находясь подъ вліяніемъ обстоятельствъ, неблагопріятствующихъ ни хронологіи, ни ученымъ розысканіямъ “(*Вх.*и *Исход.* II, 249 об). Наконецъ, 8-го ноября 1855 года, Строевъ отправилъ Кунику, приготовленную имъ къ печати, рукопись, при слѣдующемъ письмѣ (отъ 12-го октября): „Въ будущій вторникъ отправится отсюда, на имя Непремѣннаго Секретаря Академіи Наукъ, копія съ *Лѣтописи*, давно вамъ мною обѣщанная. Оригиналъ находится теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ; но копія моя дороже оригинальной рукописи, а почему—увидите сами. Я хотѣлъ было написать, по поводу етой *Лѣтописи*, обстоятельное къ вамъ письмо, которое могло бы имѣть мѣсто въ *Ученыхъ Запискахъ* вашихъ; но постоянное нездоровье и обстоятельства, не совсѣмъ благопріятныя, отнимаютъ у меня способность къ ученымъ занятіямъ. Держите посылаемую рукопись у себя и берегите ее тщательно; а по минованіи надобности, хотя мѣсяца черезъ два или три, возвратите мнѣ. Совѣтую вамъ одно: займитесь ею *пристально*, а не *поверхностно*; только тогда можно достигнуть результатовъ, очень не маловажныхъ, относительно состава

*) А. А. Куникъ живетъ въ томъ же домѣ, принадлежащемъ Акадаміи Наукъ на Васильевскомъ Островѣ, на углу 7-й линіи и набережной Невы, гдѣ имѣетъ помѣщеніе и Непремѣнный секретарь Академіи.

и хронологіи нашихъ Лѣтописныхъ Сборниковъ, составителей ихъ и бозпрерывной путаницы" (*Вход.* и *Исход.* II, 252).

Самъ же Павелъ Михайловичь давно уже занимался хронологіей нашихъ лѣтописей *). Еще въ 1853 году, онъ писалъ къ Коркунову: „При свиданіи съ г. Куникомъ потрудитесь сказать ему, что статья его о Генрихѣ Латышѣ (въ Ученыхъ Записокъ) прочтена мною съ большимъ удовольствіемъ. Съ нѣкотораго времени я самъ пустился въ хронологическій лабиринтъ Русскихъ Лѣтописей и успѣлъ уже уловить кое-что примѣчательное" (*Вход.* и *Исход.* II, 130).

Преемникомъ П. Н. Фусса, по званію Непремѣннаго Секретаря Академіи Наукъ, былъ назначенъ А. Ѳ. Миддендорфъ и Строевъ, отправляя на его имя Тверскую лѣтопись, между прочимъ, писалъ новому секретарю (отъ 8-го ноября 1855 года): „Судьба еще не сводила насъ лицомъ къ лицу, а потому долгомъ поставляю рекомендовать себя въ ваше благорасположеніе и привѣтствовать васъ, какъ Ученаго Секретаря Академіи и сочлена, заочно" (*Вход.* и *Исход.* II, 258). А. Ѳ. Миддендорфъ не замедлилъ отвѣтить на это привѣтствіе: „Спѣша увѣдомить васъ о полученіи рукописныхъ книгъ, переданныхъ, согласно съ указаніемъ вашимъ, А. А. Кунику, не могу не поблагодарить васъ за привѣтливое слово истиннаго сотоварища на поприщѣ науки, на которомъ мы, какъ сочлены, столько же нуждаемся во внутреннемъ согласіи и единодушіи, сколько чисто-ученыя стычки и пренія блигодѣтельны для разрѣшенія ученыхъ вопросовъ" (*Вход.* и *Исход.* II, 259). Удостовѣрясь изъ этого письма, что Тверская Лѣтопись находится уже въ рукахъ Куника, Строевъ писалъ послѣднему: „Разбирайте ее и пользуйтесь ею въ волю, только, повторяю сказанное, *пристально*, а *не поверхностно*; опытный глазъ вашъ долженъ открыть въ ней не мало любопытнаго" (*Вход.* и *Исход.* II, 260). На это письмо Куникъ отвѣчалъ отъ 15-го ноября: „Только что окончивъ большой рапортъ (Объ Изданіи Ученыхъ Записокъ съ 1852 по 1855 годъ) для конференціи, спѣшу васъ поблагодарить, за присылку Тверской Лѣтописи, изъ которой, кажется, можно будетъ извлечь много хорошаго. Жаль, что Академія не отпускаетъ почти никакихъ экстренныхъ суммъ на ученыя предпріятія. Иначе я сдѣлалъ бы вамъ особенное предложеніе объ изданіи Тверской Лѣтописи съ вашими примѣчаніями, которыя существенно облегчаютъ ея разборъ. Впрочемъ, посмотримъ, кого Государь дастъ намъ въ президенты" (*Вход.* и *Исход.* II, 261). Между тѣмъ Графъ А С. Уваровъ, въ письмѣ отъ 8-го декабря 1855 года, писалъ Строеву: „Я

*) См. стр. 110 нашего труда.

занимаюсь теперь нумизматикою Тверскаго Княжества, и очень бы желалъ знать не было ли гдѣ нибудь помѣщено или описаніе Твери и Тверской губерніи, или описаніе древностей Тверской губерніи Не можете ли вы мнѣ сообщить объ этомъ предметѣ какія нибудь свѣдѣнія" (*Вход.* и *Исход.* II, 266). „На запросъ вашъ", отвѣчалъ Строевъ, „о Тверской топографіи и археологіи принимаю смѣлость замѣтить: въ настоящее время Петербургскимъ ученымъ не слѣдъ вопрошать о чемъ либо насъ Москвичей-бѣдняковъ: въ Питерѣ Императорская Публичная Библіотека, во всякое время и для всѣхъ открытая; въ Питерѣ легіонъ молодыхъ библіографовъ, которые безпрерывно насъ стариковъ щелкаютъ по носу. Впрочемъ, о Тверскихъ древностяхъ едва ли есть что либо печатное (т. е. дѣльное), да и въ Твери древностей очень мало. Если Вашему Сіятельству нужны Тверскія „даты", то адресуйтесь къ академику Кунику: у него мой списокъ Тверской Лѣтописи и оттуда можете заимствовать, что нужно" (*Вход.* и *Исход.* II, 268 об.)

Графъ Уваровъ, познакомившись съ трудомъ Строева, сдѣлалъ ему, въ письмѣ отъ 19-го марта 1856 года, слѣдующее предложеніе: „У Академика Куника находится вашъ списокъ съ Тверскаго лѣтописца, бывшаго въ Книгохранилищѣ М. П. Погодина. По содержанію своему и по отмѣченнымъ на поляхъ ссылкамъ на другія Лѣтописи, весьма было бы полезно издать эту рукопись. Хотите мнѣ препоручить это изданіе, я съ радостію приму всѣ расходы" (*Вход. и Исход.* II, 276). Но Строевъ, къ сожалѣнію, не воспользовался этимъ предложеніемъ, и отъ 27-го марта 1856 года, писалъ Графу слѣдующее: „Отъ великодушнаго предложенія вашего, принять на себя издержки изданія Лѣтописца Тверскаго, я не отрекаюсь; но только прошу нѣсколько повременить. Къ етому изданію частію приготовлено, частію набросано, довольно примѣчаній объяснительныхъ, которыя увеличатъ интересъ книги и облегчатъ пользованіе ею; къ тому же изданіе необходимо должно совершиться подъ моимъ надзоромъ. Такъ какъ я намѣренъ переселиться въ С.-Петербургъ (одною своею персоною) въ непродолжительномъ времени, оставивъ здѣсь семейство, состоящее изъ четырехъ взрослыхъ и уже служащихъ сыновей (кромѣ послѣдняго, студента), то, въ свое время, мы успѣемъ лично уладить дѣло изданія" (*Вх. и Исх.* II, 278).

Строевъ въ Петербургъ не переселился, и изданіе Тверской Лѣтописи несостоялось.

Отъ 6-го іюня 1856 года, Строевъ писалъ Коркунову: „Скажите г. Кунику (при свиданіи), что лѣтописью съ Тверскими прибавленіями, безъ сомнѣнія, онъ напользовался до сыта и не пора ли мнѣ полу-

чить ее обратно съ обѣщанными имъ хронологическими изъ ней выводами? Вслѣдъ за симъ, онъ написалъ и къ самому Кунику: „Уже безъ малаго годъ, какъ Лѣтопись Тверская, мною списанная, гоститъ у васъ и, безъ сомнѣнія, вы напользовались ею до сыта: не пора ли возвратить ее мнѣ? или, по крайней мѣрѣ, извѣстить меня, цѣла ли она, если вы еще имѣете въ ней нужду? За вещь дорогую и которая стоила большаго труда какъ-то невольно робѣешь“ (*Вх. и Исх.* II, 307). Куникъ отвѣчалъ (отъ 20-го августа 1856 года): „Признаюсь, что нѣкоторымъ образомъ передъ вами виноватъ, но не въ такой степени, какъ вы полагаете. Съ вашего дозволенія, я передалъ Тверскую Лѣтопись Графу А. С. Уварову, который довольно долго держалъ ее у себя. Впрочемъ, зимою и весною мнѣ было не до того, чтобы взяться за такой напряженный трудъ: только въ послѣдніе мѣсяцы я успѣлъ возстановить свое разстроенное здоровье. Вашъ драгоцѣнный списокъ цѣлъ, и теперь могу увѣрить васъ, что онъ въ первыхъ числахъ сентября будетъ мною вамъ возвращенъ съ искренною благодарностью. Сожалѣю только, что вы не согласились на предложеніе, сдѣланное вамъ мною и Графомъ—именно на изданіе этого замѣчательнаго лѣтописнаго свода“ (*Вх. и Исх.* II, 313).

Прошелъ, однако, сентябрь и еще два мѣсяца, а Лѣтопись все еще гостила у Куника. Тогда Строевъ прибѣгнулъ къ посредничеству Коркунова, который, воспользовавшись симъ случаемъ, предложилъ ему уступить Лѣтопись Коммиссіи за какое либо вознагражденіе. Но Строевъ не уступилъ своего труда „ни за какое вознагражденіе“, и по полученіи отъ Куника, похоронилъ его въ ящикѣ, въ которомъ лежали его бумаги и неоконченные труды.

По смерти П. М. Строева, въ январѣ 1876 года, наслѣдники его принесли Тверскую Лѣтопись въ даръ Археографической Коммиссіи, самый же оригиналъ, съ котораго она списана Строевымъ, поступилъ, въ концѣ 1852 года, вмѣстѣ съ Древлехранилищемъ Погодина, въ Императорскую Публичную Библіотеку. Здѣсь этою рукописью пользовался С. М. Соловьевъ и ссылается на нее въ третьемъ и четвертомъ томахъ своей *Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ.*

Въ 1863 году означенная библіотечная рукопись была, наконецъ, издана Археографическою Коммиссіею и составила пятнадцатый томъ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей.* Главный редакторъ Лѣтописей А. Ѳ. Бычковъ, трудившійся надъ ея изданіемъ, въ предисловіи своемъ къ этому тому, вотъ что пишетъ о самой рукописи: „Во многихъ мѣстахъ рукописи не только нѣтъ послѣдовательности въ происшествіяхъ, но даже и смысла, вслѣдствіе того, что лицо, переписывавшее сборникъ, не обративъ вниманія на то, что въ ори-

гиналѣ листы перемѣшаны, переписало ихъ сплошь. П. М. Строевъ трудился надъ приведеніемъ въ порядокъ ея содержанія и замѣтки его, написанныя на ея поляхъ, во многомъ облегчили трудъ изданія" (стр. VI, VII).

Такимъ образомъ, вслѣдствіе необъяснимой уклончивости П. М. Строева принять на себя трудъ издать такъ называемую Тверскую Лѣтопись, пришлось и другому лицу заниматься надъ приведеніемъ въ порядокъ рукописи.

Покончивъ съ Тверскою Лѣтописью, возвратимся назадъ къ прерванной хронологической нити повѣствованія.

Въ концѣ 1851 года, М. А. Коркуновъ, по порученію Императорской Академіи Наукъ, обратился къ Строеву за свѣдѣніями объ его ученой дѣлятельности за истекающій годъ для внесенія въ годичный академическій отчетъ. По этому поводу Строевъ написалъ слѣдующія замѣчательныя строки, ярко рисующія его характеръ: „Вы требуете отъ меня свѣдѣній, что я дѣлалъ въ 1851 году, для внесенія въ Отчетъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Откровенно скажу вамъ, еслибъ въ Отчетѣ можно было совсѣмъ не упоминать обо мнѣ, я остался бы очень доволенъ: работать обратилось для меня въ необходимость, *но работать для Науки Исторіи*, *а не для Отчетовъ*. Впрочемъ, вамъ извѣстны мои труды, какъ члена Археографической Коммиссіи; въ журналахъ я не сотрудничаю, брошюрокъ ненавижу; то что работаю или приготовляю для обнародованія въ свое время— моя тайна, можетъ быть издамъ, можетъ быть нѣтъ". (*Вход. и Исх.* I, 313, 314).

Въ одномъ изъ декабрьскихъ писемъ 1851 года, Строевъ писалъ Коркунову: „Исходящій годъ было для меня довольно тяжелъ: между прочимъ, въ ноябрѣ, у меня въ деревнѣ умерло отъ епидемической жабы, 40 душъ мужскихъ и женскихъ, что составляетъ 10% всего населенія" (*Вх. Исх.* I, 320).

XXVI.

7-го февраля 1852 года, Предсѣдательствующій Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ И. И. Давыдовъ представилъ свое мнѣніе о новомъ изданіи *Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка*,—труда, ознаменовавшаго дѣятельность Отдѣленія за пер-

выя шесть лѣтъ его существованія (*Извѣстія Импер. Акад. Наукъ* 1852 года I, 207—233).

Ровно черезъ два мѣсяца, именно 7-го апрѣля, П. М. Строевъ получилъ изъ Академіи оффиціальную бумагу за подписью Коркунова, въ которой читаемъ: „Второе Отдѣленіе, въ засѣданіи 28-го февраля, опредѣлило: представленное г. Предсѣдательствующимъ мнѣніе препроводить къ вамъ на разсмотрѣніе и просить васъ о сообщеніи вашихъ замѣчаній по сему предмету *къ будущему маю мѣсяцу*" (*Вх. и Исх.* II, 21).

Такая поспѣшность не понравилась Строеву. „Согласитесь сами"— писалъ онъ Коркунову, отъ 12-го апрѣля,—„что о такомъ важномъ, обширномъ и исполненномъ подробностей предметѣ, каково переизданіе Словаря Церковнаго Русскаго языка, еще не слишкомъ давно пущеннаго въ свѣтъ, нѣтъ возможности (по крайней мѣрѣ для меня) написать что либо *дѣльное* и *обстоятельное* въ двѣ или три, остающіяся до майскаго срока, недѣли. Я не отказываюсь представить Отдѣленію, какъ о Словарѣ помянутомъ, такъ и о Словарѣ неправильно названномъ *Областный*, которые въ новомъ изданіи должны быть непремѣнно слиты въ одно цѣлое, безпристрастное, по возможности, мнѣніе. Поспѣшность безграничная не ведетъ къ совершенству и часто только портитъ; а отъ втораго изданія всякій вправѣ ожидать гораздо болѣе, нежели отъ перваго, почти всегда не вполнѣ удачнаго" (*Вх.* и *Исх.* II, 22). Не смотря на предостереженіе Строева относительно „поспѣшности", Академія продолжала спѣшить и 22-го сентября того же года, Павелъ Михайловичь получилъ оттуда отношеніе, въ которомъ читаемъ: „Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, приступая къ приготовленію матеріаловъ для новаго изданія Русскаго Словаря, въ засѣданіи 4-го сего сентября, положило пригласить къ участію въ семъ трудѣ отсутствующихъ академиковъ, и просить васъ принять на себя разсмотрѣніе, дополненіе и объясненіе словъ на букву *К*" (*Вх.* и *Исход.* II, 52); а вслѣдъ за тѣмъ, полученъ былъ печатный экземпляръ *Правилъ, утвержденныхъ Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ, для новаго изданія Академическаго Словаря* (*Вх.* и *Исх.* II, 53).

Отъ 12-го декабря 1852 года, Строевъ писалъ И. И. Давыдову слѣдующее: „Замѣчанія па букву *К* въ Русскомъ Словарѣ Академіи Наукъ я доставлю, когда успѣю ихъ составить. Если бы Ваше Превосходительство приказали листы, содержащіе сказанную букву, *проклеить* и ко мнѣ прислать, дѣло пошло бы несравненно успѣшнѣе: на поляхъ печатныхъ листовъ гораздо легче дѣлать замѣтки, нежели писать ихъ отдѣльно и потомъ переписывать. Мимоходомъ замѣчу,

что я крайне слабъ зрѣніемъ и со временемъ опасаюсь совсѣмъ ослѣпнуть; уже года съ два не могу работать по вечерамъ, а утренняго времени не довольно на всѣ занятія при моемъ состояніи" (*Вход.* и *Исход.* II, 61).

На требованіе же, сообщить Отдѣленію свѣдѣнія объ ученыхъ и литературныхъ трудахъ въ 1852 году, для помѣщенія въ Отчетѣ, Строевъ отвѣчалъ: „Я желалъ бы въ Отчетѣ за 1852 годъ видѣть слѣдующее: Академику Строеву порученъ пересмотръ буквы *К* въ Русскомъ Словарѣ и онъ занимается етимъ предметомъ по мѣрѣ силъ и возможности. Хотя уже третій годъ я занятъ однимъ большимъ трудомъ, который въ исторической литтературѣ будетъ не безполезенъ *); но Богъ вѣсть, доведу ли его до конца, а скромность во всякомъ дѣлѣ и случаѣ лучше ранновременной огласки. Кромѣ сего, я продолжалъ обработывать Алфавитный Указатель къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей, который долженъ начаться печатаніемъ по выходѣ въ свѣтъ VI тома Собранія; но объ етомъ Указателѣ уже было не одинъ разъ упомянуто въ отчетахъ за прежніе годы; а потому гораздо лучше умолчать о немъ въ настоящемъ Отчетѣ" (*Вх.* и *Исх.* II, 61).

Между тѣмъ въ *Извѣстіяхъ* Втораго Отдѣленія стали появляться мнѣнія разныхъ членовъ и корреспондентовъ о новомъ изданіи Словаря **). По поводу этихъ мнѣній, Строевъ писалъ Коркунову, отъ 18-го февраля 1853 года: „Мнѣнія я прочиталъ съ большимъ любопытствомъ и узнавалъ львовъ по когтямъ. Крѣпко сомнѣваюсь въ успѣхѣ предпринятаго новаго изданія *Словаря*; даже полагаю, что ето *укороченное* изданіе придастъ цѣны прежнему, которое сгоряча, кажется, слишкомъ опорочили. Лексикографомъ не можетъ быть всякій, по произволу; надобно имѣть призваніе, особенную снаровку и опытность долговременную. Пышныя програмы, многорѣчіе, особенно частыя измѣненія въ планѣ, обличаютъ заранѣе неопытность програмирующихъ" (*Вх.* и *Исх.* II, 77).

Въ августѣ 1853 года, Строевъ, посылая къ Коркунову 19—30 листы втораго тома Словаря Академическаго, содержащіе въ себѣ букву *К*, извѣщалъ о постигшей его семейной утратѣ: „Несчастная дочь моя Софія (22-хъ лѣтъ) отошла въ вѣчность и погребена на Пятницкомъ Кладбищѣ. Потрудитесь сказать, кому слѣдуетъ, чтобы изъ моего формулярнаго списка ее исключили. Погребеніе истощило

*) Здѣсь вѣроятно идетъ рѣчь объ Указателѣ къ Разрядамъ, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

**) Шевырева, Розберга, Буслаева, Грота, Греча, Даля, Павскаго и др.

мои финансы, къ тому жъ 15-го іюля, скончался отъ холеры Иванъ Никитичь Царскій, много помогавшій мнѣ строильными матеріалами на кредитъ; такимъ образомъ, неизбѣжныя поправки въ ветхомъ моемъ домѣ почти совсѣмъ остановились". О трудѣ своемъ по разсмотрѣнію буквы *К* для Словаря Академическаго, Строевъ, въ томъ же письмѣ, писалъ слѣдующее: „Прилагаемые при семъ листы, содержащіе въ себѣ букву *К*, покорнѣйше прошу представить Его Превосходительству г. Предсѣдателю Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. Я проходилъ эти $11\frac{1}{2}$ листовъ *шесть* разъ отъ начала до конца со всевозможнымъ вниманіемъ: исправилъ недосмотры и неточности, снабдилъ замѣчаніями на поляхъ и сколько смогъ пополнилъ; редакція была довольно плоха, многія слова помѣщены въ двухъ мѣстахъ (например: кащей и кощей, каравай и коровай, и пр.) и объяснены не одинаково, къ тому же занимавшійся редакціею не очень силенъ въ *експрессіи*, необходимой при объясненіи словъ ясно и коротко. На основаніи Устава Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ, § 26, я имѣю право на вознагражденіе; но не знаю, имѣю ли право просить его или домогаться лично? Хорошо, если бы назначили хотя 200 цѣлковыхъ. Буква *К* одна изъ самыхъ плодовитыхъ, а труда было много. Благоволите переговорить о семъ съ Его Превосходительствомъ Иваномъ Ивановичемъ. Я намѣревался приложить также мнѣніе мое о новомъ изданіи Словаря Академическаго и о такъ названномъ, Словарѣ Областномъ, который, безъ сомнѣнія, необходимо почти весь включить и слить во едино; но на сей разъ такъ разстроенъ, огорченъ и озабоченъ житейскими предметами, что по необходимости отлагаю до другаго времени, когда буду въ состояніи обдумать все какъ слѣдуетъ и написать въ духѣ спокойномъ" (*Вх.* и *Исх.* II, 115). Но И. И. Давыдовъ въ письмѣ своемъ къ Строеву, отъ 5-го сентября 1853 года, ограничился только слѣдующими словами: „Отдѣленіе, въ засѣданіи 20-го августа, предоставило мнѣ изъявить вамъ, милостивый государь, *искреннѣйшую признательность*, что я исполняю съ особеннымъ удовольствіемъ" (*Вх.* и *Исх.* II, 120). На это Строевъ отвѣчалъ отъ 5-го октября: „Изъ благодарности, хотя и искреннѣйшей, не шубу шить, говоритъ извѣстная пословица. Порученная мнѣ, въ прошломъ году, волею и неволею, буква Словаря Академическаго занимаетъ 11 съ $\frac{1}{2}$ листовъ in 4°, почти сто страницъ мелкой печати: ето порядочная книга. Я проходилъ присланные мнѣ листы *шесть* разъ, дополнилъ и исправилъ все, *какъ казалось мнѣ лучше*, и употребилъ на етотъ трудъ не менѣе полугода. Отъ академика не получающаго жалованья, обязаннаго другими работами и содержаніемъ большаго семейства, конечно, нельзя требовать *даромъ* подоб-

ныхъ усилій. На основаніи §§ 26 и 27 Устава Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ, Ваше Превосходительство, въ исходѣ текущаго года, уполномочены представить академиковъ, по мѣрѣ годичныхъ трудовъ ихъ, къ денежному вознагражденію изъ суммы, на то опредѣленной, восьми тысячъ руб. сер. Принимаю смѣлость покорнѣйше просить Ваше Превосходительство *приватно*: при семъ дѣлежѣ благостыни, не забыть вашего стариннаго ученика, который своими посильными трудами, кажется, не унижаетъ учителя и отъ всей души былъ, есть и будетъ ему нелицемѣрно преданъ. Мѣриломъ вознагражденія Ваше Превосходительство, конечно, не затруднитесь принять вышеприписанныя обстоятельства. Я обѣщалъ Вашему Превосходительству представить мое мнѣніе о новомъ изданіи Словаря Академическаго, даже набросалъ на бумагу около двухъ-трехъ листовъ; но разсудилъ за благо оставить. Новое изданіе уже начато, производится усердно, и мои замѣчанія ни къ чему не послужатъ; присланные мнѣ образцы Словаря далеки отъ совершенства, сдѣланы на скоро, необстоятельны; но ето не мое дѣло, гусей сердить не слѣдуетъ" (*Вх.* и *Исх.* II, 122). На это „приватное" письмо, Строевъ получилъ отъ Давыдова нижеслѣдующее оффиціальное и обидное письмо (отъ 31-го октября): „Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, вслѣдствіе предложенія моего назначить вамъ вознагражденіе за исправленіе листовъ Церковно-Славянскаго и Русскаго Словаря на букву *К*, подробно разсмотрѣло исправленные вами листы и нашло, что они не приготовлены вами въ такомъ видѣ, чтобы могли быть, по разсмотрѣніи Отдѣленія печатаемы, за каковый только трудъ Отдѣленіе считаетъ себя въ правѣ назначать денежное вознагражденіе лицамъ занимающимся редакціею Словаря" (*Вх.* и *Исх.* II, 129). Письмо это, само собою разумѣется, не могло не огорчить Строева и эта горечь выражается въ слѣдующемъ письмѣ его къ Коркунову по поводу затребованныхъ отъ него свѣдѣній объ ученыхъ трудахъ Строева за 1853 годъ, для Академическаго Отчета (*Вх.* и *Исх.* II, 127): „Къ слѣпотѣ моей присоединились разные недуги, происходящіе отъ сидячей жизни, которыхъ прежде я почти не чувствовалъ; кажется скоро совсѣмъ одряхлѣю. Ето-то безпрерывное нездоровье и житейскія хлопоты были причиною, что я не доставилъ еще, по вашему требованію, записки о годичныхъ моихъ занятіяхъ и не отвѣчалъ на письмо И. И. Давыдова" (*Вх.* и *Исх.* II, 130).

Наконецъ, собравшись съ силами, Строевъ отвѣтилъ Давыдову, отъ 22-го ноября 1853 года: „Въ офиціальномъ письмѣ Вашего Превосходительства, отъ 18-го сентября 1852 года, № 587, написано: *Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, приступая къ*

приготовленію матеріаловъ (sic) для новаго изданія Русскаго Словаря, положило пригласить къ участію въ семъ трудѣ отсутствующихъ Академиковъ и просить васъ (т. е. меня) принять на себя разсмотрѣніе, дополненіе и объясненіе словъ на К букву. Слѣдовательно, мнѣ предложено было пересмотрѣть одиннадцать съ половиною печатныхъ листовъ Словаря Академическаго, дополнить пропущенное, объяснить неясное и исправить погрѣшности; просто: доставить въ Отдѣленіе замѣчанія, какія я въ состояніи буду сдѣлать. За припятіе на себя етаго труда, доступнаго моимъ силамъ и знаніямъ, мнѣ объявлено, чрезъ посредство Вашего Превосходительства, искреннѣйшая признательность. Я имѣлъ терпѣніе перечитать всѣ 11 съ $^1/_2$ листовъ *шесть разъ*, указалъ вкравшіеся недосмотры и промахи, дополнилъ чѣмъ смогъ и исправилъ какъ съумѣлъ; трудился около полугода. Слѣдовательно, съ моей стороны, исполнено все, чего отъ меня требовали и могли требовать: около ста страницъ in 4^0 разсмотрѣны и поля исписаны дополненіями, поясненіями, указаніями. Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, по полученіи отъ меня вышеозначенныхъ листовъ, въ засѣданіи своемъ, 20-го августа текущаго года, поручило Вашему Превосходительству изъявить мнѣ искреннѣйшую признательность; что и исполнено вами съ особеннымъ удовольствіемъ. Ето меня порадовало: вторая признательность! Офиціальнымъ письмомъ отъ 31-го октября, Вашему Превосходительству благоугодно было сообщить мнѣ, что Второе Отдѣленіе Академіи, по подробномъ разсмотрѣніи доставленныхъ отъ меня листовъ, нашло, что они не приготовлены въ такомъ видѣ, чтобы, по разсмотрѣніи Отдѣленіемъ, могли быть печатаемы; а потому и предложеніе Вашего Превосходительства назначить мнѣ денежное вознагражденіе за трудъ не имѣло успѣха: *только де лица, занимающіеся редакціею Словаря, награждаются деньгами.* Слѣдовательно, двѣ искреннѣйшія признательности были просто канцелярская форма писемъ? Eheu, eheu, sic transit gloria mundi. Требовать отъ академиковъ отсутствующихъ, чтобы они обработали порученныя имъ Отдѣленіемъ на разсмотрѣніе буквы Словаря въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ должны явиться въ печати: вещь несбыточная и чисто невозможная. Смѣю увѣрить, что прочіе литераторы, коимъ роздана работа внѣ С.-Петербурга, представятъ замѣчанія, дополненія и поправки точно такія-жъ, какія мною уже представлены. Что такое гг. Редакторы? Ихъ обязанность непремѣнная: привесть въ порядокъ наши замѣчанія, дать имъ надлежащій видъ, приличное мѣсто и взаимную гармонію; иначе, вмѣсто Редакторовъ, достаточно было бы одного, обыкновеннаго въ типографіяхъ, корректора. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, я исписалъ поля девяноста

двухъ страницъ квартныхъ одними пустяками? Ужели лица, занимающіяся редакціею Словаря, и одни вознаграждаемые за трудъ деньгами, не позаимствуютъ изъ всѣхъ моихъ замѣчаній и поясненій ни одного словечка? Не могу покамѣсть вообразить и представить себѣ ясно что либо подобное. Ожидать и надѣяться денежнаго вознагражденія за шестимѣсячный трудъ, особенно тягостный при слабомъ моемъ зрѣніи, я имѣлъ *законное* право: ето право выражено очень ясно въ §§ 26—27 Устава Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Законодатель имѣлъ самую благую цѣль: вознаграждать всякаго академика и литератора, за усердіе и содѣйствіе трудамъ Отдѣленія, *соразмѣрно* и *уравнительно*, изъ ассигнуемой ежегодно суммы восьми тысячъ пяти сотъ р. с.; для лицъ, занимающихся редакціею Словаря не предоставлено имъ никакихъ особыхъ преимуществъ. Что сдѣлаютъ Редакторы безъ тружениковъ, подготовляющихъ матеріалы? Претендовать на вознагражденіе, равное съ Редакторами Словаря, мнѣ не приходило и въ голову. Очень помню (Коринѳ. XV, 41): *ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слова звѣздомъ, звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ.* Притомъ Московскіе академики издавна привыкли держать себя въ тѣни, какъ то извѣстно Вашему Превосходительству, если изволите припомнить то время, когда вы предсѣдательствовали въ Московскомъ Комитетѣ и были нашимъ главою. Вышеприведенный § 27 Устава уполномочиваетъ Ваше Превосходительство *непосредственно* дать мнѣ славу звѣзды, хотя бы величины восьмой или девятой: нужна только добрая воля и наклонность вознаграждать труды, совершенные съ усердіемъ, согласно предварительному требованію и по мѣрѣ возможности. Впрочемъ, я уже не смѣю безпокоить Ваше Превосходительство чѣмъ либо въ родѣ просьбы и отрывать ваше вниманіе отъ предметовъ важнѣйшихъ: le jeu ne vaut pas la chandelle. Единственная цѣль настоящаго письма такова: снять съ себя, по возможности, упрекъ (слѣдовательно *обиду*), будто бы данное мнѣ въ прошедшемъ году порученіе Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ *разсмотрѣть, дополнить и пояснить* слова на *К* букву, въ Словарѣ Академическомъ, исполнено мною нерадиво. Ничего и никогда я не дѣлалъ съ нерадѣніемъ; ошибался, ошибаюсь, буду ошибаться, отъ незнанія: ето другое дѣло. Свидѣтельствуюсь отзывомъ самаго Втораго Отдѣленія, которое въ отчетѣ 1849 года благоволило напечатать: *На всѣхъ ученыхъ произведеніяхъ Павла Строева видѣнъ яркій слѣдъ труда добросовѣстнаго и отдѣлки строго-отчетливой.* Съ 1849 года я остаюсь тотъ же, и нѣтъ никакой причины отчего можно было бы мнѣ перемѣнить направленіе, издавна принятое: старость особенно упорна. Невольно повторяю сказанное выше:

я исполнилъ все, чего отъ меня первоначально требовали и могли требовать“ (*Вх.* и *Исх.* II, 131, 132). При этомъ же письмѣ Строевъ представилъ и записку о своихъ ученыхъ трудахъ въ 1853 году, въ которой читаемъ: „Академикъ Строевъ, въ 1853 году, занимался слѣдующимъ: *первое* разсмотрѣлъ $11^1/_2$ листовъ Академическаго Словаря, заключающіе въ себѣ К. букву, дополнилъ, пояснилъ и исправилъ въ нихъ все, что казалось ему недостаточнымъ и неисправнымъ; *второе*, привелъ къ окончанію Алфавитный Указатель къ (такъ названнымъ) Дворцовымъ Разрядамъ, начатый въ 1851 году, и намѣренъ представить его во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи; *третіе*, изготовилъ къ изданію (на свой счетъ) Лѣтописецъ съ Тверскими прибавленіями, любопытный многими, доселѣ неизвѣстными событіями; *четвертое*, занимается составленіемъ родословныхъ таблицъ, принадлежащихъ къ Алфавитному Указателю на шесть вышедшихъ томовъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. По окончаніи сей, очень трудной работы, можно будетъ приступить къ печатанію самаго Указателя къ Лѣтописямъ“ (*Вх.* и *Исх.* II, 133).

Результатомъ вышеприведеннаго письма Строева къ Давыдову было то, что, 6-го февраля 1854 года, онъ получилъ изъ Академіи Наукъ увѣдомленіе, что г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе представленія Предсѣдателя Втораго Отдѣленія, назначилъ ему восемьдесятъ рублей серебромъ за трудъ его по исправленію словъ на букву К, находящихся въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка (*Вх.* и *Исх.* II, 137).

Въ концѣ концовъ исполнилось предсказаніе Строева объ успѣхѣ, предпринятаго Вторымъ Отдѣленіемъ Академіею Наукъ, новаго изданія Словаря. Предпріятіе это не состоялось и объявлено было печатно, что „Словарь въ настоящее время не исправимъ и должно отложить исправленіе до того времени, когда Русскій языкъ устоится, окрѣпнетъ и обработается будущими писателями“ (*Вх.* и *Исх.* III, 149).

XXVII.

Теперь вернемся къ изданію Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей и поговоримъ объ отношеніяхъ Строева къ этому дѣлу, а также и къ Главному Редактору Лѣтописей Я И. Бередникову, въ теченіе 1852 и 1853 годовъ.

29-го февраля 1852 года, Строевъ получилъ слѣдующее письмо отъ Бередникова: „Простите ли вину мою, что я больше десяти мѣсяцевъ не отвѣчалъ на почтеннѣйшее письмо ваше? Я даже отчаяваюсь въ этомъ, хотя пословица говоритъ, что повинную голову и мечь не рубитъ. Во всякомъ случаѣ однако-жъ, *смѣя* и не *смѣя*, по стереотипному выраженію старыхъ нашихъ эпистолъ, рѣшаюсь побезпокоить васъ слѣдующимъ письмомъ, и отвѣчать на ваши вопросы: 1) Всѣ ваши поправки и замѣчанія на изданіе Полнаго Собранія Лѣтописей приняты мною съ благодарностію, и безъ изъятія будутъ напечатаны въ концѣ VI-го тома. 2) При опредѣленіи дня памяти св. Фотиніи (т. I, стр. 203, годъ 6766) я руководствовался *старопечатными* мѣсяцословами. Потрудитесь заглянуть въ *Полный Мѣсяцословъ*, напечатанный съ Синодальнаго дозволенія въ Москвѣ 1806 года. Св. Фотиніи Самарянины празднуется и 26-го февраля и 20-го марта. Если Олегъ умеръ въ среду *страстныя недѣли*, то онъ погребенъ въ тотъ же день, какъ въ старину и дѣлывалось. Въ Лаврентьевкской *мая* вмѣсто *марта* явная описка. 3) Въ предисловіи къ Софійской лѣтописи (V, 80) сказано, что ета лѣтопись издана была вами по Толстовскому списку, и содержится въ 1-мъ томѣ *Софійскаго Временника*, какъ вы ее назвали, до 452 стр. Кажется, сказано вѣрно? Софійская I Лѣтопись идетъ сходно съ вашимъ изданіемъ до окончанія Толстовскаго списка (т. е. до 1418 года); Архивскій же, хотя начинается съ 1397 года, но съ нею не во всемъ сходствуетъ, и потому будетъ напечатанъ въ сводѣ списковъ другой редакціи. Я хотѣлъ только сказать, что ваше изданіе почти буквально сходно съ моимъ до 452 стр. 1-го тома печатнаго *Софійскаго Временника*, но далѣе разнится. 4) Софійская I-я лѣтопись такъ названа мною потому же, почему вы назвали изданный вами Толстовскій списокъ Софійскимъ Временникомъ, т. е. или по вставкѣ заглавія на стр. 10, или по принадлежности Новгородской Софійской Библіотекѣ списка, напечатаннаго въ 1795 году Академіею. Главное состояло въ отличіи етаго Лѣтописнаго Сборника отъ другихъ. Софійскимъ Временникомъ я не могъ назвать его по причинѣ, объясненной въ Предисловіи къ Новгородской I Лѣтописи (III, VII). Списка, съ котораго печатала Академія ету лѣтопись, не существуетъ".

Въ томъ же письмѣ, Бередниковъ выражаетъ слѣдующія чувства по поводу заявленнаго Строевымъ намѣренія переселиться въ Петербургъ: „Ничто такъ не радуетъ меня, какъ ваше обѣщаніе переселиться въ Петербургъ. Здѣсь откроется обширное поле для вашей дѣятельности, а для меня ето настоящій подарокъ. Вы и я, въ нынѣшнее время, стоимъ между двумя поколѣніями, старымъ и моло-

дымъ: въ первомъ рѣдко встрѣчаются люди, которые бы трудились надъ Русской Исторіею съ такою цѣлію и такимъ образомъ, какъ мы; а послѣднее, кажется, идетъ не надлежащимъ путемъ. Хотя въ немъ и есть даровитые люди, но они намъ не сочувствуютъ; да и мы, не признавая прочности въ ихъ трудахъ и не ожидая полезныхъ результатовъ отъ ихъ худо направленной дѣятельности, также остаемся чуждыми етому шумному и не всегда добросовѣстному движенію. Мы, по мнѣнію юношей, стары, а юноши, по нашему убѣжденію, не зрѣлы. Сколько заблужденій, парадоксовъ и недоумѣній, въ послѣднее время, распространилось въ Исторической нашей Литературѣ! Сколько терній и волчцовъ для будущаго историка!... Сдѣлайте одолженіе: скорѣе, скорѣе въ вагонъ и пріѣзжайте въ Петербургъ“ *). (*Вх.* и *Исх.* 11, 15, 16).

Не дождавшись отвѣта, Бередниковъ написалъ Строеву другое письмо, отъ 27-го марта, которое было уже и послѣднимъ: „Съ чувствомъ душевнаго удовольствія имѣю честь поздравить васъ и милостивую государыню Олимпіаду Петровну съ наступающимъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія.

У насъ погода стоитъ прекрасная: воздухъ дышетъ весеннею свѣжестью и Нева готова сбросить свой льдистый покровъ. На дняхъ мнѣ дали казенную квартиру, и я переѣхалъ на Васильевскій Островъ, въ извѣстный вамъ домъ Академіи Наукъ, на Невской набережной, возлѣ Благовѣщенскаго моста, въ 7 линіи. Отдѣленіе наше въ Академіи приступаетъ къ изданію *Извѣстій*, подъ редакціею Срезневскаго. Я работаю надъ VI-мъ томомъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей и Коркуновъ, подъ моимъ наблюденіемъ, напечаталъ уже 20 листовъ Дополненій къ Актамъ Историческимъ. Жаль, что дѣйствія Археографической Коммиссіи замедляются множествомъ другихъ занятій, возлагаемыхъ на редакторовъ. Отецъ Протоіерей Іоаннъ Григоровичь взялся составить, для Отдѣленія Академіи, Словарь Западно-Русскаго Нарѣчія; а Куникъ трудится, по званію Академика, надъ разными вопросами и розысканіями на пространномъ историческомъ полѣ. Что касается до меня, то, предпочитая пользу для Русской Исторіи отъ изданія памятниковъ, я по прежнему предаюсь Археографическимъ работамъ исключительно, хотя силы мои слабѣютъ и я вскорѣ долженъ буду оставить не только ихъ, но и службу, если здоровье мое не поправится“ (*Письма*, II, № 485). Въ бумагахъ Павла Михайловича сохранилась слѣдующая замѣтка его по поводу этого пись-

---

*) То мѣсто въ письмѣ, гдѣ Бередниковъ говоритъ о старомъ и молодомъ поколѣніяхъ и отношеніяхъ ихъ къ тому и другому, Строевъ отмѣтилъ нотабеною.

ма Бередникова: „На это письмо сдѣланъ былъ очень вѣжливый и въ томъ же духѣ отвѣтъ. Г. Бередниковъ не разсудилъ болѣе переписываться со мною и ето письмо было послѣднее“ (*Вход.* и *Исх.* II, 209 об.).

Между тѣмъ, Строевъ просилъ Коркунова (въ письмѣ отъ 13-го іюня 1852 года) передать Бередникову нижеслѣдующую записку: „Изъ плана Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, нѣсколько разъ измѣненнаго, и изъ печатныхъ листовъ VI тома сего изданія, ко мнѣ доставленныхъ, нѣтъ возможности заключить: сколько редакцій предполагается въ Софійской Лѣтописи? всѣ ли онѣ будутъ напечатаны? Войдетъ ли въ составъ VI тома *все*, безъ исключенія, заключащееся въ *Софійскомъ Временникѣ*, мною изданномъ? или допустится выборъ, ad libitum, судя по времени, къ которому долженъ выдти въ свѣтъ оный томъ? Предполагая, что для совершенства изданія, названнаго *полное*, ничто не будетъ опущено, чего вмѣстѣ со мною вправѣ желать всякій любитель лѣтописей, непосвященный въ тайну дѣленія томовъ Полнаго Собранія, я считаю необходимымъ предложить заблаговременно замѣчаніе слѣдующее: Въ *Софійскомъ Временникѣ* (II, 145—163), изданія 1820 года, помѣщено Аѳанасія Тверитина *Хожденіе въ Индію*, безспорно слишкомъ замѣчательное, а по мнѣнію Карамзина (VI, 366) очень важное. Будетъ ли ето *Хожденіе* въ VI томѣ Собранія Лѣтописей, у котораго въ началѣ и въ концѣ, по необходимости, должны быть *приложенія*, которыя, по старой методѣ, мы привыкли видѣть только въ концахъ изданій? Въ *Софійскомъ Временникѣ* ета статья напечатана съ *Воскресенской* рукописи, другихъ списковъ не было; но въ *Воскресенской* рукописи, въ разныхъ мѣстахъ, утрачены три или четыре листа и встрѣчаются погрѣшности и описки немаловажныя. Отъ одного изъ здѣшнихъ библіомановъ, прошлою зимою, я имѣлъ превосходный списокъ XVI столѣтія Аѳанасіева хожденія, совершенно полный; я сличилъ его съ напечатаннымъ мною изданіемъ. Очень возможно снять съ етого екземпляра вѣрную копію и доставить ее въ Коммиссію въ свое время, но я не знаю будетъ ли то нужно и угодно? Третій списокъ, найденный Карамзинымъ (VI, прим. 629), вѣроятно находится теперь въ Коммиссіи, въ числѣ рукописей, изъ Троицкой Лавры доставленныхъ; въ противномъ случаѣ его должно вытребовать и употребить для сличенія“ (*Вх.* и *Исх.* II, 43—44).

Бередниковъ черезъ Коркунова же отвѣчалъ Строеву: „Въ VI томѣ Полнаго Собранія Лѣтописей будетъ напечатанъ *Софійскій Временникъ* вполнѣ съ 1392 года, подъ именемъ Софійской второй лѣтописи; начало этого *Временника*, какъ вамъ извѣстно, вошло въ со-

ставъ Софійской первой. Этимъ окончатся редакціи означеннаго *Временника*, ибо хотя въ Коммиссіи и находятся три списка, заключающіе въ себѣ краткія выписки изъ него, но они относятся къ лѣтописцамъ краткимъ, которые будутъ напечатаны въ концѣ изданія, вслѣдъ за лѣтописями и лѣтописными сборниками средняго времени. Съ VII тома Полнаго Собранія Лѣтописей начнется изданіе Воскресенской; за нею будетъ слѣдовать Никоновская, послѣдняя имѣетъ списки XVI вѣка, а потому Яковъ Ивановичь полагаетъ, что ее надобно будетъ назвать иначе. Путешествіе Аѳанасія, котораго списокъ съ Троицкой рукописи отправленъ прошлою зимою въ Лондонъ, войдетъ въ составъ VI тома Собранія Лѣтописей какъ находящееся въ Спискахъ *Софійскаго Временника*. Воскресенскій списокъ потребованъ, и весьма желательно, чтобы и вы сообщили въ Коммиссію списокъ этого путешествія, снятый вами съ рукописи XVI вѣка" (*Вх.* и *Исх.* II, 48).

На это Строевъ объяснилъ, что рукопись, въ которой содержится *Хожденіе*, принадлежитъ Ундольскому и что онъ убѣдилъ его послать ее въ Археографическую Коммиссію въ личное распоряженіе Редактора (*Вх.* и *Исх.* II, 51).

Въ бумагахъ Строева мы нашли нижеслѣдующую собственноручную замѣтку его: „Бередниковъ, печатая VI томъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, не упускалъ случая дѣлать привязки къ моему изданію Софійскаго Временника, даже съ натяжками и какъ бы выказывая превосходство своихъ познаній; а между тѣмъ, втихомолку заимствовалъ оттуда указанія текстовъ св. Писанія и удачныя поправки испорченныхъ мѣстъ, выдавая мое за свое. Я молча наблюдалъ эти продѣлки. Такъ прошелъ *1852* годъ" (*Вход.* и *Исх.* II, 210).

Съ марта 1853 года, разразилась война между Строевымъ и Бередниковымъ, хотя, по свидѣтельству Строева, они „не писали ничего одинъ противъ другаго" (*Вход.* и *Исх.* II, 210).

23-го марта, Строевъ получилъ изъ Археографической Коммиссіи оффиціальное отношеніе за подписью Коркунова, о томъ, что Главный Редакторъ Лѣтописей Я. И. Бередниковъ, „предполагая помѣстить *поправки*, сдѣланныя Строевымъ къ издаваемымъ Лѣтописямъ, въ концѣ VI-го тома, проситъ о сообщеніи ему этихъ поправокъ" (*Вх.* и *Исх.* II, 80). На это отношеніе Строевъ отвѣчалъ Коркунову: „Требуемая вами тетрадь *поправокъ* находится въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ возвращена мнѣ въ маѣ 1851 года, т. е. обнимаетъ только четыре тома Полнаго Собранія Лѣтописей, и то не вполнѣ, потому что послѣ открылось еще нѣсколько мѣстъ, требующихъ исправленія;

къ тому же должно прибавить замѣчанія на V-й томъ, которыхъ довольно, и на VI-й томъ, еще неоконченный. Слѣдовательно, въ настоящее время, я не могу никакъ исполнить вашего требованія.

Пріемъ, довольно равнодушный, оказанный моимъ *поправкамъ* отъ г. Редактора Собранія Лѣтописей въ 1848 и 50 годахъ, когда онѣ были сообщены мною на его усмотрѣніе, не представлялъ мнѣ большой надежды, чтобы въ концѣ VI-го тома ихъ напечатали; а потому я не имѣлъ особой надобности спѣшить переработкою вышепомянутой тетради послѣ ея возвращенія. Мои *поправки* (безъ которыхъ нельзя-жъ обойтися) я предполагалъ даже помѣстить въ началѣ Алфавитнаго Указателя. Теперешнее требованіе ваше, отъ лица г. Редактора Лѣтописей, признаюсь откровенно, меня очень удивило и, такъ сказать, застигло врасплохъ, неожиданно. Чтобы требуемую тетрадь привести въ надлежащую полноту, недостаточно будетъ цѣлаго мѣсяца: теперь я не свободенъ, потомъ наступитъ пора говѣнія, а за нею седмица праздная, слѣдовательно, приступить къ работѣ не удастся ранѣе 1-го мая, окончить ближе половины іюня. При семъ необходимо замѣтить, что по причинѣ большой слабости глазъ, изъ которыхъ на лѣвомъ не приминетъ, кажется, образоваться бѣльмо, я могу работать только по утрамъ и не болѣе пяти—шести часовъ; отъ вечернихъ занятій, уже слишкомъ два года, я принужденъ былъ рѣшительно отказаться, чтобы совсѣмъ не ослѣпнуть. Итакъ, покорнѣйше прошу васъ снестись съ г. Редакторомъ Лѣтописей и меня увѣдомить: можетъ ли выпускъ VI-го тома замедлиться до половины іюня, или послѣдуетъ то скорѣе, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ? Въ первомъ случаѣ мои *поправки* можно будетъ припечатать къ VI-му тому, чего съ моей стороны я очень желалъ бы; въ послѣднемъ — мнѣ придется начать ими Алфавитный Указатель, хотя это не совсѣмъ ловко и будетъ походить на критику преднамѣренную. Г. Редактору несравненно приличнѣе исправить свои недосмотры и промахи самому, нежели допустить къ тому кого либо другаго: такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. При семъ случаѣ примите на себя трудъ довести до свѣдѣнія г. Редактора Полнаго Собранія Лѣтописей слѣдующее замѣчаніе, внушенное мнѣ желаніемъ видѣть это изданіе полнымъ до возможности. Ипатіевская Лѣтопись (т. е. Кіевская и Волынская правильнѣе) напечатана по тремъ спискамъ, но всѣ сіи списки какъ бы одинъ списокъ: искаженія разныхъ немаловажныхъ мѣстъ одинаковы во всѣхъ трехъ, ошибки и описки почти тѣ же, пропуски равномѣрно тѣ же. Въ послѣднее время М. П. Погодинъ пріобрѣлъ списокъ четвертый, который скрывался гдѣ-то на югѣ и историкамъ нашимъ не былъ извѣстенъ; мнѣ не удалось

его видѣть, но видѣвшіе библіофилы увѣряли меня, что онъ XV столѣтія и очень четкій. Теперь эта рукопись поступила въ Императорскую Публичную Библіотеку, откуда Археографическая Коммиссія можетъ удобно получить ее на нѣкоторое время. Согласитесь, что весьма интересно было бы Погодинскую рукопись свести съ печатнымъ Ипатіевскимъ изданіемъ и результатъ свода присовокупить къ VI тому въ видѣ прибавленія: тамъ, вѣроятно, окажутся важные варіанты и мѣстъ искаженныхъ протографы. Надѣюсь, что и начало Новгородской *первой* Лѣтописи, съ Правдою Русскою и пр. также помѣстится въ концѣ того жъ *заключительнаго* тома?

Здѣсь открылась холера. Начальство приняло нужныя мѣры и публиковало правила, какъ должно вести себя, чтобы избѣжать отъ знакомства съ етой гостьей, которая была прежде азіатская, а теперь петербургская. Авось переживемъ и въ третій разъ сію заразу; однакожъ я привелъ свои бумаги въ такое положеніе, чтобы, въ случаѣ смерти, недоконченные труды мои были отосланы въ Археографическую Коммиссію въ должномъ порядкѣ: быть можетъ, вамъ придется ихъ доканчивать" (*Вх.* и *Исх.* II, 82, 83).

Прежде чѣмъ приведемъ отвѣтъ Коркунова на это письмо Строева, замѣтимъ, что объ указываемомъ въ письмѣ Павла Михайловича новомъ спискѣ Ипатіевской Лѣтописи, владѣлецъ его М. П. Погодинъ довелъ до свѣдѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія еще въ іюлѣ 1852 года. По приказанію Министра, донесеніе Погодина было передано на заключеніе Главнаго Редактора Бередникова. Въ засѣданіи Археографической Коммиссіи, 2-го октября 1852 года, Я. И. Бередниковъ прочиталъ свою записку, въ которой отражалъ нападенія Погодина по поводу взведенныхъ названій Лѣтописей, по именамъ списковъ: *Лаврентьевская*, *Ипатіевская*. „Г. Погодинъ", говоритъ Бередниковъ въ своей запискѣ, „купленную имъ рукопись называетъ Лѣтописью Нестора, Кіевскою и Волынскою, присовокупляя, что она писана въ XVI вѣкѣ, начала не имѣетъ и оканчивается четырьмя страницами *раньше* печатной, т. е. въ ней недостаетъ четырехъ страницъ противъ текста Ипатіевской Лѣтописи, изданной Археографическою Коммиссіею. Называть эту лѣтопись Кіевскою и Волынскою, вмѣсто Ипатіевской (т. е. напечатанной по основному Ипатіевскому списку), въ чемъ упрекалъ меня г. Погодинъ, не слѣдуетъ, потому что она собственно заключаетъ въ себѣ двѣ лѣтописи, изъ которыхъ въ первой описываются событія не только Кіева и Волыни, но и другихъ южныхъ и западныхъ княжествъ, и даже Княжества Суздальскаго, а во второй повѣствуются происшествія Чермной Руси, или

Галицкаго Княжества; слѣдовательно, эта лѣтопись ни Кіевскою, ни Волынскою исключительно назваться не можетъ. Карамзинъ, а не я первый, назвалъ ее Ипатіевскою, по списку, принадлежащему Ипатіевскому монастырю, чтобы отличить отъ другихъ Лѣтописныхъ Сборниковъ, каковы: Лаврентіевскій, Софійскій, Воскресенскій и проч. Если Ипатіевскую лѣтопись называть Кіевскою и Волынскою, то какъ назвать Лаврентіевскую, въ которой также содержатся происшествія кіевскія, суздальскія и другія, Кіевскою или Суздальскою, что въ послѣднемъ случаѣ и сдѣлалъ Князь Оболенскій. Г. Погодину не нравятся названія: Ипатіевская и Лаврентіевская Лѣтописи; но заглавія Воскресенской, Никоновской, Софійской, употребляются имъ безъ спора, хотя онѣ составляютъ также компиляцію первобытныхъ хроникъ и представляютъ собраніе фактовъ разныхъ мѣстностей, отчего и называются Лѣтописными сборниками: каждая изъ этихъ лѣтописей, подобно Ипатіевской и Лаврентіевской, имѣетъ по нѣскольку списковъ, но названія этимъ Лѣтописямъ даны по основнымъ спискамъ, Воскресенскому по имени монастыря, Никоновскому по имени владѣльца, Софійскому—собора, которымъ эти списки принадлежали. Ученымъ свѣтомъ принято за правило называть древніе кодексы по мѣстамъ, гдѣ они найдены или хранятся, по авторамъ, переписчикамъ, владѣльцамъ и проч. Такъ доселѣ назывались и наши Лѣтописи, а тѣ, которыхъ событія ограничиваются одною страною, или городомъ, отмѣчались по именамъ ихъ (Новгородскія, Псковскія, Двинскія, Сибирскія). Здѣсь главное дѣло не въ указаніи содержанія, а въ томъ, чтобы по заглавію отличать одну лѣтопись отъ другой, и не смѣшивать списковъ одного разряда съ другимъ. Если мы, вопреки Карамзину, будемъ называть лѣтописи каждый по своему, то не только запутаемъ нашу исторіографію, но и дойдемъ до того, что въ ссылкахъ нашихъ на древніе кодексы не будемъ понимать другъ друга.

Выраженіе Погодина: *рукопись писана отчасти съ разрозненныхъ тетрадей*, кажется мнѣ довольно не яснымъ. Значитъ ли это, что писецъ XVI вѣка перепуталъ тетради своего подлинника, и въ такомъ видѣ приготовилъ списокъ, или что въ рукописи нѣсколькихъ тетрадей не достаетъ? Въ первомъ случаѣ не легко будетъ справиться съ нею будущему издателю. Мнѣ кажется однакожь, что рукопись г. Погодина не въ такомъ дурномъ состояніи, но что листы ея просто перемѣшаны при переплетѣ, особенно если она переплетена въ недавнее время.

Варіанты числомъ два, указанные г. Погодинымъ, не такъ важны какъ ему кажутся: первый о Малушѣ, названной *милостницей*, нахо-

ходится въ Ипатьевскомъ спискѣ (1, 29); второй варіантъ *) есть позднѣйшая поправка книжниковъ XV или XVI вѣка.

Несмотря на неважность такихъ варіантовъ, попавшихся г. Погодину, какъ онъ говоритъ, нечаянно на глаза, я никакъ не считаю купленной имъ рукописи не заслуживающею вниманія. Ипатьевская Лѣтопись есть основный камень нашей исторіографіи. Желательно, чтобы Археографическая Коммиссія обратилась къ Погодину съ просьбою о доставленіи въ оную на время означеннаго списка" (*Проток. Арх. Ком.* 171, ст. VI).

Все дѣло ограничилось, кажется, этою запискою и предлагаемаго Строевымъ *свода* Погодинской рукописи съ печатнымъ Ипатіевскимъ, для приложенія къ VI-му тому, сдѣлано не было.

Теперь возвратимся къ перепискѣ, завязавшейся между Коркуновымъ и Строевымъ, по поводу *поправокъ* послѣдняго.

Коркуновъ, получивъ письмо Строева, отъ 28-го марта 1853 года, сообщилъ о содержаніи онаго Бередникову и въ то же время писалъ Строеву: „По докладѣ Абраму Сергѣевичу Норову, что вы затрудняетесь доставить въ Коммиссію ранѣе іюня *поправки* ваши къ Лѣтописямъ, и что выпускъ новыхъ изданій надо отложить до осени, онъ рѣшился самъ написать къ вамъ и просить о доставленіи поправокъ. Я, съ своей стороны, не могу не сказать при семъ нѣсколько словъ отъ себя собственно: написанныя вами поправки, даже въ томъ видѣ, какъ онѣ были въ Коммиссіи, требовали отъ васъ, кромѣ обширной учености, продолжительныхъ трудовъ и времени, и я думаю, что вамъ слѣдуетъ, чтобы труды ваши не пропали даромъ — или прямо просить Абрама Сергѣевича о денежномъ за нихъ вознагражденіи, или написать ко мнѣ объ этомъ, уполномочивъ меня ходатайствовать о назначеніи слѣдующаго вамъ вознагражденія. Я пишу коротко и не совсѣмъ складно, но повѣрьте, что все, что я написалъ здѣсь, написалъ по искреннему желанію, чтобы труды ваши не остались безъ слѣдующаго за нихъ вознагражденія" (*Вх.* и *Исх.* II, 92).

Это участіе Коркунова тронуло Строева и онъ писалъ къ нему (отъ 2-го мая): „Отъ души благодарю васъ за радушные хлопоты о моихъ интересахъ; скажу по истинѣ, что мало встрѣчалъ я особъ, столько расположенныхъ ко мнѣ, какъ вы, и я всегда вполнѣ ето чувствовалъ и оцѣнивалъ" (*Вх.* и *Исх.* II, 95).

Почти одновременно съ письмомъ Коркунова, Строевъ получилъ предписаніе Норова, отъ 28-го апрѣля 1853 года, *о немедленномъ* до-

*) Вмѣсто: *Половци пришли селе лугомъ* написано: *Половци пришли ҂З луковъ* (т. е. 7000 луковъ).

ставленіи въ Коммиссію поправокъ къ первымъ четыремъ томамъ Полнаго Собранія Рускихъ Лѣтописей, въ томъ видѣ, какъ онѣ приготовлены; замѣчанія же къ V и VI томамъ предписывалось доставить не позже исхода мая, „такъ какъ по волѣ Министра Князя Ширинскаго VI-й томъ долженъ быть оконченъ къ 1-му іюню". (*Вх.* и *Исх.* II, 93).

На это предписаніе, Строевъ отвѣчалъ Норову (отъ 2-го мая): „Къ исполненію желанія вашего, въ опредѣленные сроки, я готовъ употребить всѣ силы; но, по крайней слабости зрѣнія, рѣшительно сомнѣваюсь даже въ половинномъ успѣхѣ. Поправлять *Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей* никто и никогда мнѣ не поручалъ: изданіе почиталось совершеннымъ, а во мнѣ едвали предполагали столько свѣдѣній, чтобы ожидать какого-либо исправленія; самое составленіе Алфавитнаго Указателя ввѣрено мнѣ послѣ немалыхъ сомнѣній. Представленная мною, въ 1850 году, тетрадь поправокъ, самыхъ очевидныхъ, на четыре вышедшіе тогда тома, было дѣло съ моей стороны чисто произвольное и безмездное; ее приняли очень равнодушно и, какъ мнѣ казалось, неохотно. Ета тетрадь состоитъ листовъ изъ десяти, мелкаго письма, заключаетъ въ себѣ двѣсти поправокъ, повторяю, самыхъ очевидныхъ; надъ нею я хлопоталъ мѣсяца полтора, и утромъ, и вечеромъ. Послѣ того, случайно и не случайно, открылось еще нѣсколько десятковъ мѣстъ, въ тѣхъ же четырехъ томахъ, которыя требуютъ непремѣнно исправленія, да и нѣкоторыя изъ прежнихъ поправокъ необходимо передѣлать, все же вмѣстѣ переписать на бѣло: ету работу я едвали успѣю произвести въ мѣсяцъ (къ 15-му маія не возможно), потому что могу заниматься не болѣе пяти часовъ въ день. Поправокъ на V и VI-й томы наберется болѣе сотни, ихъ должно обработать: эту работу совершить къ исходу маія я рѣшительно отказываюсь. Помѣстить въ концѣ VI-го тома поправки на четыре первые тома, а поправки на V и VI совсѣмъ оставить, это едвали можетъ быть допущено въ изданіи ученомъ, предназначенномъ для употребленія всегдашняго, наиболѣе для будущихъ изслѣдователей и писателей, а не для какого-либо минутнаго результата, который и нѣсколько позже, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ одинъ и тотъ же. Еслибы можно было предвидѣть, что *поправки*, сдѣланныя мною добровольно, не по обязанностямъ службы, изъ одного побужденія къ интересамъ науки и истины, поставятъ меня въ теперешнее положеніе, довольно щекотливое, я не подумалъ бы, въ 1850 году, навязывать ихъ Археографической Коммиссіи; помѣстить при Алфавитномъ Указателѣ мнѣ никто не могъ бы воспретить, а ето было бы выгоднѣе для ученаго самолюбія, еслибъ я лю-

билъ сплетать вѣнки изъ всякихъ былинокъ. Напротивъ того, я убѣжденъ совершенно, что Редактору лѣтописей приличнѣе всѣхъ насъ исправить, при теперешнемъ случаѣ, собственные свои недосмотры и промахи я охотно жертвую моими замѣчаніями въ его пользу, безъ всякихъ авторскихъ претензій.—Принимаю смѣлость представить Вашему Превосходительству рѣшительное средство, какъ привести настоящее дѣло къ желаемому концу, то-есть выдать VI-й томъ Полнаго Собранія Лѣтописей перваго іюня, если то совершенно необходимо, и убѣдительнѣйше прошу благосклоннаго вашего содѣйствія. Петербургъ и Москва находятся въ 16-ти часовомъ разстояніи, путь покойный и пріятный; издержки проѣзда, сюда и обратно, не превышаютъ 30 р. с., квартира и столовое продовольствіе у Москвичей не цѣнятся, оказалось бы только желаніе воспользоваться предлагаемымъ. Археографиская Коммиссія, безъ сомнѣнія, не поскупится на 30 цѣлковыхъ. Благоволите, Ваше Превосходительство, согласить Я. И. Бередникова занять мѣсто въ вагонѣ, втораго разряда, и прикатить сюда съ экземпляромъ Полнаго Сабранія Лѣтописей. Въ теченіе недѣли мы легко пройдемъ съ нимъ всѣ мѣста, требующія непремѣннаго исправленія: готовыя поправки онъ получитъ въ полное свое распоряженіе съ правомъ собственности, а все прочее отмѣтитъ *на скоро* на поляхъ привезеннаго имъ экземпляра и, по возращеніи въ Петербургъ, обработуетъ самъ камъ какъ слѣдуетъ. Съ моей стороны, я воспользуюсь его совѣтами, относительно нѣкоторыхъ недоумѣній въ Алфавитномъ Указателѣ, о которыхъ въ свое время должно-жъ будетъ представлять Археографической Коммиссіи, а онъ тамъ главный дѣятель. Такимъ образомъ, услуга и польза могутъ быть взаимныя" (*Вход. и Исх.* II, 94, 95).

Отправляя это письмо, Строевъ просилъ Коркунова склонить Якова Ивановича „на рѣшительное средство" имъ предлагаемаго, къ выдачѣ перваго іюня VI-го тома и тѣмъ избавить его „отъ утомительной работы, которую онъ не прошенно и безмездно навязалъ на себя, въ чемъ теперь очень раскаивается" (*Вх. и Исх.* II, 95 об.).

Не дождавшись отвѣта на это письмо, Строевъ писалъ Коркунову, отъ 22-го мая: „Я сдѣлалъ генеральное обозрѣніе мѣстъ въ Полномъ Собраніи Лѣтописей, требующихъ *непремѣнно* исправленія, и употребилъ на то цѣлую недѣлю. Число поправокъ во всѣхъ шести томахъ доходитъ до пяти сотъ: изъ нихъ только двѣ пятыхъ готовы, прочія требуютъ тщательнаго изложенія и множества справокъ. Если VI-й томъ положено непремѣнно поднести Государю Императору 1-го іюня, то я убѣждалъ бы выпускомъ его въ публику удержаться до сентября: къ тому времени *поправки* будутъ готовы въ полномъ числѣ и

въ чисто написанномъ экземплярѣ; ихъ можно припечатать къ концу означеннаго тома и тогда уже пустить въ свѣтъ совокупно. Въ противномъ случаѣ, мнѣ придется *поправки* помѣстить въ началѣ Алфавитнаго Указателя, что, какъ я объяснялъ неоднократно, будетъ не совсѣмъ умѣстно и неловко" (*Вх.* и *Исх.* II, 100).

Въ отвѣтномъ письмѣ Куркунова, полученномъ 31-го мая, читаемъ: „Письмо ваше отъ 22-го мая, представлено было мною Абраму Сергѣевичу немедленно по полученіи и тогда же передано, по его приказанію, Я. И. Бередникову для прочтенія. Яковъ Ивановичь самъ хотѣлъ писать къ вамъ и увѣдомить, что, въ настоящее время, не хожетъ ѣхать въ Москву по причинѣ слабаго; своего здоровья; полагаю, что вы получили отъ него это письмо. Поднести Лѣтописи Государю Императору, въ іюнѣ, безъ вашихъ поправокъ, съ тѣмъ, чтобы напечатать ихъ послѣ въ сентябрѣ, и отложить выпускъ въ свѣтъ изданій Коммиссіи до осени—едвали рѣшатся. Теперь же позвольте спросить васъ, не могу ли, вмѣсто Якова Ивановича, я явиться къ вамъ въ Москву и предложить свои услуги, и главное—могутъ ли быть полезны мои услуги? *Вы не знаете меня такъ коротко, какъ Якова Ивановича, и притомъ я не знакомъ съ лѣтописями какъ онъ* *), и потому покорнѣйше прошу писать откровенно и, въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія въ моей способности къ означенной работѣ, отвѣчать отрицательно. Кромѣ того, я долженъ предувѣдомить васъ, что могу явиться къ вамъ не болѣе, какъ на недѣлю, и что я ни слова не говорилъ обо всемъ этомъ Абраму Сергѣевичу; а безъ позволенія его, какъ вы изволите знать, я не могу ѣхать, хотя бы и хотѣлъ" (*Вх. и Исх.* II, 101).

Между тѣмъ 3-го мая 1853 года, скончался Министръ Народнаго Просвѣщенія Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, настаивавшій на томъ, чтобы VI-й томъ Лѣтописей былъ оконченъ къ 1-му іюня.

Отъ 1-го іюня, Строевъ написалъ слѣдующее конфиденціальное письмо къ Коркунову: „Приведеніе въ *надлежащее* устройство слишкомъ пятисотъ *поправокъ* требуетъ времени. Дайте приличный срокъ, не далѣе 1-го сентября, и все будетъ сдѣлано какъ должно; скорость въ ученыхъ трудахъ, ни къ чему не ведетъ; для публики все равно, выйдетъ ли VI-й томъ въ началѣ іюля или въ сентябрѣ; а *Поправки*, согласитесь сами, вещь необходимая и очень небезполезная. Послѣдуетъ мнѣ за етотъ трудъ вознагражденіе, скажу спасибо; не послѣдуетъ, и такъ ладно. Покойный Князь П. А. Ширинскій-Шихма-

---

*) При этихъ словахъ, въ подлинномъ письмѣ, рукою П. М. Строева замѣчено: «почемужъ такъ?»

товъ, въ 1850 году, *принудивъ* меня (въ Москвѣ) съ угрозою согласиться на резолюцію Его Сіятельства отъ 11-го іюля *), ни на чемъ неоснованную, поразилъ прежнюю мою енергію; но de mortuis nil nisi bene—sit eo terra levis!

Приглашеніе Главнаго Редактора Лѣтописей въ Москву, было просто невольное средство отдѣлаться отъ настоятельныхъ домогательствъ невозможнаго. Я напередъ былъ увѣренъ, что онъ не согласится, и дѣйствительно такъ случилось; письма отъ него я не получилъ. Скажу откровенно (по вашему собственному желанію), пріѣздъ вашъ въ Москву будетъ рѣшительно безполезенъ: и вамъ нужно время, вѣроятно болѣе продолжительное, и предметы *поправокъ* для васъ несовершенно знакомы, особенно въ качествѣ повѣреннаго.

Однакожъ садитесь въ вагонъ и пріѣзжайте сюда, хотя дня на два, на три; издержка 30 цѣлковыхъ для Археографической Коммиссіи ничего не значитъ. Вы увидите трактуемыя вещи въ настоящемъ ихъ видѣ, убѣдитесь въ несомнѣнной необходимости времени, для *надлежащаго* исполненія извѣстнаго дѣла, и убѣдите другихъ лучше, нежели всякія мои письмы. Въ замѣнъ обязательнаго посѣщенія, я въ состояніи сообщить вамъ многое, надѣюсь, не совсѣмъ безполезное для успѣшнаго продолженія Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей и собранія Актовъ, вами собственно издаваемаго; да и при будущихъ моихъ представленіяхъ, относительно Алфавитнаго Указателя, вы будете вполнѣ разумѣть мною представляемое. Садитесь въ вагонъ и пріѣзжайте! Я прошелъ всѣ, присланные вами, тридцать девять листовъ шестаго тома; ожидаю нетерпѣливо конечныхъ. Масса *поправокъ* увеличивалась на каждомъ листѣ, потому что Новоіерусалимская рукопись наполнена погрѣшностями, а издатель не принялъ въ помощь какую либо однородную рукопись (наприм. *Архивскую*, трехтомную (Карамз. I, XXXI), изъ немалаго числа въ Коммиссіи собранныхъ.

Малоопытный юноша (каковъ въ 1821 году былъ я) могъ *буквально* напечатать въ *Софійскомъ Временникѣ* II, 403, 404, слишкомъ искаженное мѣсто: *Въ тоже время пріиде на Рязань... Таизымъ Касыма царя*; но искусный въ дѣлѣ Редакторъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей едва ли былъ въ правѣ оставить (т. VI 304, строки 16—18) ету нелѣпицу безъ исправленія. Извѣстно, что *Искиркаръ* не есть имя Крымскаго хана (Карамз. VII, прим. 301; VIII, 25); Девлетъ Гирей не *Мансупъ Киреевъ сынъ* (тамъ же VIII, пр. 255), а Таизымъ Касымъ не султанъ Турецкій (тогда былъ Со-

*) См. стр. 468—471 нашего труда.

лиманъ II), а нѣчто въ родѣ *Искиркаръ*, или тутъ очевидный чего то пропускъ. Какъ же подобные тексты, а ихъ цѣлыя сотни, оставить безъ поправокъ? Не честь ли Издателя и достоинство изданія требуютъ етаго? Необходимость выдавать томы къ урочному времени, впрочемъ не слишкомъ обязательная, не есть причина для всѣхъ ученыхъ убѣдительная. Замѣчу мимоходомъ: нѣсколько прежде (VI, 299 строки 15) десятилитеріе „нгвѳгвдгви" разгадать было бы не слишкомъ трудно, когда бъ не ускоряли печатанія; ето „*Неѳедей*" (гв поставлено трижды вмѣсто е, г *три*, в *два*, 3 + 2 = 5, или е буква), Меѳодій, быть можетъ самъ Лѣтописатель, попъ, недовольный назначенною ему ругою, а потому придавшій Великому ряду, въ Новгородѣ, епитетъ *корыстнаго*. Не понимаю, отчего г. Редакторъ Полнаго Собранія Лѣтописей, истинолюбивый и наукѣ преданный, уклоняется, при настоящемъ слишкомъ удобномъ случаѣ, отъ возможности сравнить Погодинскую рукопись съ печатнымъ изданіемъ Кіево-Волынской лѣтописи, названной имъ Ипатіевская Лѣтопись? Варіанты етой рукописи, пріобщенные къ VI-му тому въ видѣ особаго прибавленія, были бы очень полезны; я уже писалъ объ етомъ прежде и готовъ подкрѣпить необходимость десятками примѣровъ" (*Вход.* и *Исх.* II, 102, 103).

Вслѣдъ за симъ Строевъ отправилъ въ Археографическою Коммиссію записку, при слѣдующемъ письмѣ къ Коркунову (отъ 3-го іюня 1853 года): „Прилагаемую при семъ записку покорнѣйше прошу внести въ Археографическую Коммиссію. Изъ сей записки гг. Члены, и вы собственно, легко усмотрятъ: *первое*, сколь необходимо приложеніе *Поправокъ* къ концу VI тома, какъ заключительнаго первой серіи Лѣтописцевъ; *второе*, сколько требуется времени на составленіе пяти сотъ *Поправокъ*, когда для двухъ замѣчаній на обстоятельство 1484 года апрѣля 8-го и 1485 года маія 29-го, которые слѣдуетъ огласить *несвоемѣстно двойными*, потребовалось исписать прилагаемый листъ и еще должно справиться съ лѣтописями неизданными; *третіе*, ошибочность, какая неизбѣжно послѣдуетъ въ Алфавитномъ Указателѣ отъ неисправленія подобныхъ текстовъ лѣтописей, и совершенную невозможность внести въ Родословныя Росписи, гдѣ все должно быть положительно и опредѣленно, вмѣсто трехъ княженъ—сестеръ пять. Такихъ изслѣдованій и вопросовъ будетъ очень довольно. Такъ какъ, при всемъ моемъ разглагольствіи VI томъ Лѣтописей безъ всякаго сомнѣнія, будетъ вскорѣ выпущенъ и *поправки* должно будетъ помѣстить въ началѣ Алфавитнаго Указателя, то я просилъ бы г. Редактора объ одномъ, что ему не трудно сдѣлать: припечатать (по гречески) Роспись Константинопольскихъ епар-

хій, взятую изъ Кодина и помѣщенную въ Шлецеровомъ Несторѣ (III, 99). Етимъ предупредится необходимость обременять Алфавитъ безчисленными варіантами въ переводѣ сказанной Росписи въ Полномъ Собраніи Лѣтописей т. V, 90" (*Вх.* и *Исх.* II, 105).

Вотъ текстъ приложенной къ письму *Записки о дочеряхъ Великаго Князя Іоанна III Васильевича*:

„Карамзинъ, въ Исторіи упоминаетъ о пяти дочеряхъ великаго князя Іоанна III Васильевича; но темно, сбивчиво, почти безъ всякаго указанія источниковъ. Щербатовъ принималъ ихъ тоже пять, и Мальгинъ пять; послѣдніе разногласятъ въ именахъ и еще болѣе путаютъ.

По Карамзину:

1) *Елена* старшая, род. 1474 года, апрѣля 18-го (т. VI, прим. 204); умерла, кажется, въ 1476 году (тамъ же).

2) *Өеодосія* старшая, род. 1475 въ маѣ (т. VI, прим. 204); въ 1488 сватали за нее Нѣмецкаго принца (VI, 211).

3) *Елена* младшая, род. 1476 года мая 9-го (т. VI, прим. 204); въ февралѣ 1495 году выдана за великаго князя Литовскаго Александра (т. VI, 249—254) и въ Вильнѣ скончалась вдовою 1513 года генваря 24-го (VII 54, прим. 96).

4) *Өеодосія* младшая, род. 1485 года (т. VI, прим. 206); болѣе не упоминается.

5) *Евдокія*, когда родилась неизвѣстно (т. VI, прим. 206); въ 1506 году генваря 25-го вышла за Казанскаго царевича Петра Куйдакула (VII, 8 прим. 8); скончалась въ 1513 году въ февралѣ (тамъ же прим. 383).

Въ 1500 году февраля 13-го выдана за Василія Даниловича, князя Холмскаго, великая княжна Өеодосія, но старшая или младшая не упомянуто (т. VI, 365, прим. 628). Она скончалась въ 1501 году февраля 19-го (см. тамъ же).

Въ Розрядной выпискѣ объ этой свадьбѣ (Древн. Вивл. XIII, 1—5) великая княжна названа „Софія". Щербатовъ и Мальгинъ принимаютъ это имя, но это явная описка; Карамзинъ даже не замѣтилъ этого.

Выписываю изъ *Полнаго Собранія Лѣтописей* всѣ мѣста, гдѣ говорится о дочеряхъ великаго князя Іоанна III, кромѣ касающихся до Елены Литовской во время пребыванія ея въ Вильнѣ, какъ непричастныхъ нашему предмету подробностей, въ порядкѣ хронологическомъ.

Въ 1474 апрѣля 18-го, Т. VI стр. 16: „Въ лѣто 6982 году апрѣля 18-го, въ 7 часъ нощи, родися великому князю дщи *Елена* отъ Софьи".

Т. VI стр. 32: „Въ лѣто 6982 тое же весны апрѣля 18-го, въ 7 часъ нощи, родися великому князю дщи *Елена* отъ Софьи".

Въ 1475 году, мая 28-го. Т. VI стр. 32: „Въ лѣто 6983 того же лѣта (между мартомъ и iюнемъ) родися великому князю дщи *Ѳеодосія.* Это мѣсто нигдѣ не повторяется. Въ Никоновскомъ VI, 60: „Мѣсяца мая 28-го, нощи, родилась великому князю дщи Ѳеодосія, иже и бысть за Холмскимъ".

Въ 1484 году, апрѣля 8-го. Т. IV стр. 155: „Въ лѣто 6992 тое же весны, апрѣля 8-го, родися великому князю Ивану Васильевичу княжна *Елена* въ 1 часъ дни". То же самое VI, 36 г. 6992, *гдѣ ссылка на это мѣсто.*

Т. VI стр. 235: „Въ лѣто 6992 тое же весны, апрѣля въ 8-й день, родися великому князю Ивану Васильевичу дочь княжна *Елена*, въ 1 часъ дни". Въ Никоновскомъ (печатн.) подъ 6992 годомъ VI, 118 нѣтъ никакого подобнаго извѣстія.

Въ 1485 году мая 29-го. Т. VI стр. 278: „Въ лѣто 6993, маія въ 29 день, родися великому князю Ивану Васильевичу княжна *Ѳедосья*, въ 3-й часъ нощи".

Т. VI стр. 36: „Въ лѣто 6993 тое же весны (безъ означенія мѣсяца) 29-го, родися великому князю Ивану Васильевичу княжна *Ѳеодосія* въ 3-й часъ нощи". Въ Никоновскомъ (печатн, VI, 119) маія въ 29-й день, тоже самое буквально.

Въ 1500 году, февраля 13-го. Т. VI стр. 44: „Въ лѣто 7008, февраля 13-го, въ четвертокъ, князь великій Иванъ Васильевичь далъ дочерь свою *Ѳеодосію* за князя Василья Даниловича Холмскаго и вѣнчалъ ихъ митрополитъ Симонъ въ церкви Пречистыя". То же самое VI, 243 годъ 7008, гдѣ ссылка на это мѣсто.

Въ 1501 году, февраля 19-го. Т. VI стр. 46: „Въ лѣто 7009, февраля 19-го, преставися дщерь великаго князя Ивана Васильевича благовѣрная княгиня *Ѳеодосія*, княжъ Васильева Даниловича Холмского и положиша ее въ церкви Вознесенія на Москвѣ". То же самое VI, 243, годъ 7009, гдѣ ссылка на это мѣсто.

Въ 1506 году, генваря 25-го. Т. VI стр. 51. „Въ лѣто 7014, генваря въ 25 въ недѣлю, пожаловалъ князь великій Василій Ивановичь всеа Русіи царевича новопросвѣщеннаго Петра, далъ за него сестру свою, княжну *Евдокѣю* и вѣнчалъ ихъ архимандритъ Спасской Аѳанасій" и проч. Тоже самое VI, 245, годъ 7009, гдѣ ссылка на это мѣсто, по обыкновенію.

Т. IV стр. 136 разсказывается иными словами, но почти то же. Великая княжна названа „Ѳеодосья". Это явная ошибка.

Въ 1513 году, февраля 8-го. Т. VI, 253: „Въ лѣто 7021, фев-

раля, преставися благовѣрная великая княжна *Евдокія*, Петрова жена царевичева, во вторникъ на Өедоровѣ недѣли (слѣд. февраля 8-го по пасхаліи); и положиша тѣло ея въ Вознесеніи внутри града, на Москвѣ". Параллельнаго мѣста нѣтъ. См. Никоновскую (печ.) лѣтопись VI, 194.

Уже ли дѣйствительно у великаго князя Іоанна III Васильевича могло быть пять дочерей отъ второй супруги? Двѣ Елены, двѣ Өеодосіи, Евдокія? Приведенныя выписки не гармонируютъ съ мнѣніемъ Щербатова, Мальгина и Карамзина; послѣдній кажется руководствовался предшественниками. Я убѣжденъ совершенно, что дочерей Іоанна и Софіи было всего на все три:

Елена, род. 6982 (1474) апрѣля 18-го, вышла за великаго князя Александра Литовскаго 1495 въ февралѣ (почти 21 года отъ роду); скончалась въ Вильнѣ 1513 генваря 24-го.

Өеодосія род. 6983 (1475) маія 28-го или 29-го; вышла за боярина князя В. Д. Холмскаго 1500 года февраля 13-го (почти 25 лѣтъ отъ роду), сконч. 1501 года февраля 19-го, очевидно отъ родовъ.

Евдокія, годъ рожденія неизвѣстенъ (по лѣтописямъ печатнымъ), въ 1506 генваря 25-го повѣнчана съ Петромъ Царевичемъ; скончалась 1513 года февраля 8-го. Слѣдовательно семи лѣтъ.

Мѣста въ лѣтописяхъ подъ 6992 (о рожденіи Елены) и 6993 (о рожденіи Өеодосіи), приведенныя выше, должно заподозрить и отнести къ небрежности сборщиковъ и переписчиковъ позднѣйшаго времени: эти извѣстія явно не на своихъ мѣстахъ, ровно десятью годами позже поставлены. Такъ точно VI тома на 236 страницѣ вмѣсто мнимой Өеодосіи младшей является небывалый Іоаннъ, сынъ того же великаго князя Іоанна Василіевича. При изданіи лѣтописныхъ издѣлій сборщиковъ XVII вѣка надобно, какъ говорится, держать ухо востро и не спѣшить печатаніемъ. Главный Редакторъ Полнаго Собранія Лѣтописей знаетъ это не хуже меня, но поспѣшность все губитъ.

Покорнѣйше прошу Археографическую Коммиссію поручить кому либо изъ чиновниковъ, составляющихъ ея канцелярію, навести обстоятельныя и вѣрныя справки въ Московскихъ лѣтописяхъ, отовсюду въ нее собранныхъ; печатныя изданія для сего явно недостаточны. Замѣчу мимоходомъ, что къ Московскимъ же принадлежитъ и вторая часть *Временника Софійскаго*, мною въ 1821 году изданнаго; не знаю, почему г. Редакторъ Лѣтописей наименовалъ ее *Софійская вторая*. Полныя справки о прописанномъ выше необходимы мнѣ для родословныхъ таблицъ къ *Алфавитному Указателю*, въ которыхъ, какъ извѣстно, нельзя фантазировать" (*Вх.* и *Исх.* II, 105, об. 106).

Когда VI томъ Полнаго Собранія Лѣтописей былъ уже отпечатанъ, Строевъ написалъ Коркунову слѣдующее *ироническое* письмо (отъ 28-го іюня 1853 года): „И такъ, дѣло, о которомъ мы столько переписывались, приведено къ концу предположенному: VI томъ отпечатанъ и, вѣроятно, скоро будетъ пущенъ въ свѣтъ; минутный результатъ, конечно, уже полученъ, или не замедлится; по минованіи скоропроходящихъ восторговъ успѣха, неминуемо послѣдуетъ сожалѣніе объ излишней до nec plus ultra торопливости и пренебреженіи существенныхъ интересовъ изданія. *Поправки* въ концѣ были бъ очень умѣстны; сводъ новаго списка Кіево-Волынской лѣтописи и проч. невольно вызвалъ бы благодарность, изданіе сдѣлалось бы совершеннѣе. Собственно поправки, при Алфавитномъ Указателѣ, мнѣ придется переработать и изложить въ иномъ видѣ". Въ томъ же письмѣ Строевъ сообщаетъ о ходѣ своихъ работъ по Алфавитному Указателю: „По выборѣ изъ послѣдне - присланныхъ листовъ шестаго тома всей номенклатуры, а въ сказаніи Аѳанасія Тверитина ее очень довольно, я приступлю къ составленію Родословныхъ Росписей, которыя необходимо напередъ всего обработать и установить тщательно: ето *фундаментъ* Алфавитнаго Указателя. Послѣ того мнѣ, вѣроятно, придется предстать лично въ С. Петербургъ, чтобы устроить дѣло о печатаніи Указателя и пр." (*Вх.* и *Исх.* II, 113).

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 10-го августа 1853 года, Строевъ писалъ Коркунову: „Если Яковъ Ивановичь, за VI томъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, получилъ уже слѣдующую ему награду, покорнѣйше прошу поздравить его съ полученіемъ Монаршей милости" (*Вх.* и *Исх.* II, 115 об.). Но Бередниковъ, по свидѣтельству Строева, „получивъ Владиміра на шею, уже и не думалъ о немъ" (*Вх.* и *Исх.* II, 210).

Въ іюньской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1853 года, Я. И. Бередниковъ напечаталъ статью, подъ заглавіемъ: *О нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ монастырскихъ и другихъ библіотекахъ.* По этому поводу, Строевъ написалъ нижеслѣдующую *Промеморію*, сохранившуюся въ его бумагахъ: „Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщена статья Я. И. Бередникова, которой начало таково: „Во время путешествія по Россіи, въ качествѣ сотрудника г. Археографа Строева, съ 1830 по 1834 годъ, я видѣлъ много Славянскихъ и Русскихъ рукописей въ библіотекахъ 12 губерній, посѣщенныхъ Археографическою Експедиціею. Главныя библіотеки, на основаніи инструкціи Императорской Академіи Наукъ, описаны г. Строевымъ; но въ тѣхъ, которыхъ осмотръ возложенъ былъ на меня, описанія составлялись мною и доставлялись

г. Строеву для пріобщенія къ общимъ библіографическимъ матеріаламъ. По закрытіи Археографической Експедиціи въ 1834 году, ети матеріалы отдѣлены были отъ прочихъ и оставлены въ вѣдѣніи г. Строева для составленія изъ нихъ Словаря или Указателя сочиненій, извѣстныхъ въ нашей литературѣ до начала XVIII вѣка. Етотъ трудъ, требующій многихъ справокъ и соображеній, донынѣ не приведенъ къ окончанію. Между тѣмъ, при собраніи матеріаловъ для сказаннаго Словаря, во время археологическаго путешествія, я велъ по возможности постоянный дневникъ моихъ занятій; изъ етаго составился значительный запасъ выписокъ и замѣчаній, смѣю думать не безполезный для Исторіи Русской Литтературы". Я хотѣлъ было писать Якову Ивановичу, что можно лгать, да должно знать мѣру, какъ Грибоѣдовъ написалъ въ своей комедіи; но оставилъ и бросилъ кое что изложенное на бумагѣ. Соломонъ не велитъ раздражать безумныхъ, да не возненавидятъ тебя еще болѣе" (*Вх.* и *Исх.* II, 116).

Но въ то время, когда писались эти строки, дни Якова Ивановича Бередникова были изочтены. По свидѣтельству Плетнева, „онъ не былъ надѣленъ отъ природы крѣпкимъ сложеніемъ и вѣрнымъ здоровьемъ. Воспріимчивость души и особенная живость характера, доходившая иногда до раздражительности, не могли способствовать къ сбереженію физическихъ силъ его. Но такъ животворны благадоставляемыя намъ первоначальною простотою жизни и послѣдующею за тѣмъ умѣренностію въ желаніяхъ, что этотъ явно разслабленный труженикъ до шестидесяти лѣтъ находилъ въ себѣ силы противоборствовать тѣлеснымъ недугамъ, и не усумнился съ рѣшительностію приступить къ совершенію тяжкихъ трудовъ для пользы общей. Бередниковъ никогда ни на что не жаловался. Всю жизнь свою провелъ онъ въ бѣдности, не замѣчая того... Въ своей семьѣ нашелъ онъ миръ и утѣшеніе. Тамъ до малѣйшей подробности знали, чѣмъ онъ утѣшенъ, кто ему пришелся по сердцу, въ чемъ онъ разочарованъ, и куда готовы направиться его надежды. Своимъ примѣромъ и наставленіями своими онъ привилъ къ дѣтямъ своимъ всѣ лучшія качества ума своего и сердца. Успѣхи ихъ образованія радуютъ всѣхъ, кто знаетъ это смиренное семейство" (Плетневъ. *Извѣстія.* Т. III, 351, 352).

Смерть похитила Бередникова 28-го сентября 1854 года. Добрый Коркуновъ трогательно описалъ Строеву кончину его, въ письмѣ отъ 24-го октября 1854 года: „Я. И. Бередниковъ прошедшее лѣто проводилъ въ Павловскѣ, и до половины августа былъ совершенно здоровъ, но въ это время, возвращаясь изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ, онъ попалъ въ карету, гдѣ всѣ окна были отворены; сквоз-

ной вѣтеръ сильно прохватилъ его, и онъ пріѣхалъ домой, на дачу, больной. Вскорѣ силы его совершенно ослабли, и онъ слегъ въ постель. Доктора, у котораго Яковъ Ивановичь обыкновенно лечился, не было въ Петербургѣ; призванный на помощь полковой врачъ, мало знавшій больнаго, призналъ нужнымъ давать ему слабительныя и вдосталь его ослабилъ. Въ сентябрѣ перевезли Якова Ивановича изъ Павловска въ С. Петербургъ, въ каретѣ Министра *), и пригласили доктора, который всегда его пользовалъ. Этотъ врачъ хотѣлъ подкрѣпить совершенно-ослабѣвшія силы больнаго, но старанія его остались безъ успѣха и безъ пользы для больнаго. Передъ смертію Яковъ Ивановичь сталъ заговариваться, и рѣдко приходилъ въ память. Болѣзнь его доктора называли сначала лихорадкой просто, а потомъ лихорадкой изнурительной. Отпѣваніе тѣла покойнаго происходило на Васильевскомъ Островѣ, въ церкви Андрея Первозваннаго, а похороны въ Тихвинѣ, въ тамошнемъ монастырѣ. Жена и дѣти, провожавшіе тѣло, возвратились въ Петербургъ, и теперь мы хлопочемъ о пенсіи вдовѣ; по закону пенсія пустая, но мы не теряемъ надежды на милость Государя. Министръ еще не назначилъ преемника Якову Ивановичу, и печатаніе Лѣтописи Воскресенской пріостановилось на время. Корфъ и Блудовъ рекомендуютъ Бычкова; Неволинъ и Никитенко— Калачова. Полагаю, что Бычковъ будетъ назначенъ Редакторомъ Лѣтописей, а Калачову оставятъ теперешнее его занятіе: Акты Юридическіе. Заговоривъ объ Археографической Коммиссіи, я не могу не спросить васъ, когда и гдѣ, т. е. въ Москвѣ или Петербургѣ, можно удобнѣе, по вашему мнѣнію, печатать Указатель вашъ къ Лѣтописямъ? Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, лучше немедленно приступить къ изданію Указателя, а по окончаніи его будетъ легко, если вы захотите принять на себя новое порученіе Коммиссіи, съ новымъ вознагражденіемъ. Яковъ Ивановичь послѣднее время своей жизни былъ, кажется, холоденъ къ вамъ: можетъ быть, его раздражили ваши *поправки* къ изданнымъ имъ Лѣтописямъ или что нибудь другое, мнѣ неизвѣстное. Но de mortuis aut bene aut nihil... Къ тому же недостатки Якова Ивановича выкупаются его заслугами и двадцати лѣтними неусыпными трудами. Душевно желаю, чтобы здоровье ваше возстановилось совершенно и чтобы вы, по прежнему, могли заниматься вашими учеными трудами: такихъ дѣятелей, какъ вы, у насъ очень и очень немного" (*Вх.* и *Исх.* II, 156, 157).

По свидѣтельству Плетнева, „всѣ двадцать четыре года, въ про-

*) Норова, который сохранилъ за собою званіе и предсѣдателя Археографической Коммиссіи.

долженіе которыхъ Бередниковъ дѣйствовалъ какъ членъ Археографической Коммиссіи и академикъ, представляютъ какъ бы безостановочное свершеніе одной любимой мысли. Гдѣ ни былъ онъ, чѣмъ ни наполнялъ свое время, главная, сердечная забота — одна. Въ тихомъ своемъ кабинетѣ, или въ собраніяхъ Академіи, въ дальнихъ путешествіяхъ, или въ тѣсномъ кругу семейномъ, въ Петербургѣ, средоточіи должностей его и связанныхъ съ нимъ безпокойствъ, или подъ кровомъ короткаго отдохновенія лѣтняго въ Тихвинѣ, либо въ Павловскѣ — онъ постоянно думалъ объ Отечественной Исторіи, и разнымъ ея отраслямъ посвящалъ неутомимую свою дѣятельность" (*Извѣстія*, стр. 351).

XXVIII.

Наступилъ 1855 годъ. „Истекшаго февраля 20-го", писалъ Строевъ къ генералъ-адъютанту Назимову, „объявленъ, въ здѣшней столицѣ, Высочайшій Манифестъ о возшествіи на Всероссійскій Престолъ Государя Императора Александра Николаевича и открыта присяга въ церквахъ всѣмъ вѣрноподданнымъ безъ исключенія. На слѣдующее утро, февраля 21-го, я былъ въ приходской церкви Св. Панкратія, у Сухаревой башни, отслушалъ заупокойную обѣдню и панахиду по Почившемъ въ Бозѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ и присягнулъ на вѣрноподданство нынѣ Царствующему Государю Императору и Наслѣднику Его Величества, вмѣстѣ съ многими другими прихожанами, бывшими въ той церкви, и, какъ старшій изъ нихъ, подписался на присяжномъ листѣ первый" (*Вход.* и *Исход.* II, 227).

Въ томъ-же году, сентября 4-го, „тихо" скончался въ Москвѣ, въ наемномъ домѣ *), Графъ Сергій Семеновичь Уваровъ. „Погребеніе его", писалъ Строевъ къ Коркунову, „было довольно пышно; но до мѣста погребенія, села Холма **), провожали только сынъ да дочь, Погодинъ да Грудевъ; прежніе пилигриммы въ Порѣчье не тронулись отсюда. Sic transit gloria mundi! Кто-то Президентомъ Академіи будетъ? Странное дѣло! Ужели я такъ старъ? Со времени столѣтняго юбилея Академіи, когда Погодинъ и я удостоились званія

*) Въ домѣ Тучковой, на Арбатѣ, въ Николо-Плотницкомъ переулкѣ.

**) Село Холмъ, Смоленской губерніи, родовое имѣніе Уваровыхъ.

корреспондентовъ, почти вся Академія вымерла. Самые старые (четверо) академики только съ 1828 года" (*Вх.* и *Исх.* II, 245, 250).

Вскорѣ послѣ кончины Графа С. С. Уварова, у Строева возникли письменныя сношенія съ сыномъ его, Графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, жившимъ тогда въ Петербургѣ. „Цѣлое лѣто", — писалъ онъ Графу отъ 16-го октября 1855 года, — „я надѣялся встрѣтить васъ, въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ, но судьба какъ-то не свела насъ; нынѣ знакомые ваши сказывами мнѣ, что вы въ С.-Петербургѣ останетесь на постоянномъ житьѣ. И такъ обращаюсь къ вамъ письменно. Я открылъ у себя такія рѣдкости, какихъ нѣтъ еще ни въ одномъ *Древлехранилищѣ* и о которыхъ я совершенно запамятовалъ, хотя онѣ принадлежатъ мнѣ очень давно: ето межевые планы XVII вѣка и видъ части Кремлевской стѣны, у Никольскихъ воротъ, съ Земскимъ Приказомъ и ближайшею мѣстностію, рисованный въ исходѣ того же столѣтія. Не угодно ли будетъ Вашему Сіятельству пріобрѣсти ети памятники стариннаго землемѣрія и черченія? Въ вашемъ собраніи древностей они будутъ не лишни. Мнѣ желалось бы угодить вамъ ими. При отвѣтѣ отрицательномъ, я обращусь съ предложеніемъ (о покупкѣ) въ Императорскую Публичную Библіотеку. Извѣстите меня, сдѣлайте одолженіе, точно ли вы остаетесь въ Невской столицѣ, или заглянете еще въ Москву бѣлокаменную? И разбираетъ ли Ваше Сіятельство охота пріобрѣсти вышепомянутыя древности"? (*Вх. и Исх.* II, 257).

На это письмо Графъ А. С. Уваровъ отвѣчалъ Строеву, отъ 8-го декабря: „Все откладывалъ мой отвѣтъ, полагая въ скоромъ времени пріѣхать въ Москву, и изустно поблагодарить васъ за ваше предложеніе, но такъ какъ я по видимому долго еще останусь въ Петербургѣ, то спѣшу вамъ сообщить съ какимъ нетерпѣніемъ желаю пріобрѣсти межевые планы XVII вѣка и видъ Кремля, о которыхъ вы мнѣ писали. Сообщите мнѣ условія покупки и примите увѣреніе моей искренней благодарности" (*Вх. и Исх.* II, 266).

Содержаніе отвѣтнаго письма Строева слѣдующее: „Письмо ваше я имѣлъ честь получить и поспѣшаю удовлетворить нетерпѣливое желаніе (какъ вы сами выразились) пріобрѣсти покупкою межевые планы XVII вѣка. Ихъ шесть: надписанный мною № 1-й, самый длинный и лучше другихъ сдѣланный, стоитъ 50 р. с., каждый изъ прочихъ (на выборъ) по 15 р. с.; но если Вашему Сіятельству угодно будетъ купить всѣ вмѣстѣ, то я готовъ уступить ихъ за 100 р. с. Въ послѣднемъ случаѣ вамъ предлежитъ планы оставить у себя, какъ пріобрѣтенную собственность, а слѣдующія деньги выслать ко мнѣ по почтѣ; адресъ мой вамъ извѣстенъ. Что касается до вида

части Кремля и Китай города у Никольскихъ и Воскресенскихъ (Иверскихъ) воротъ, на оборотѣ котораго рукою мастера выставлено *знаменилъ чертещикъ Аѳонасей Ѳоминъ* (въ Пушкарскомъ Приказѣ, въ исходѣ XVII вѣка), то ето рисунокъ покамѣсть единственный въ своемъ родѣ, очень отчетливо и красиво (по тогдашнему) сдѣланный, и слѣдовательно дорогая рѣдкость. Я поопасся, въ чемъ прошу извинить меня, отправить его теперь, вмѣстѣ съ планами, потому что не знаю навѣрное: согласны ли вы будете заплатить за етотъ рисунокъ (около квадратнаго аршина) 150 р. с.; а за меньшую цѣну уступить я никакъ не могу. По полученіи отъ Вашего Сіятельства положительнаго отвѣта, должно будетъ отправить ету дорогую рѣдкость, еще не виданную, въ пакетѣ, какъ письмы большаго размѣра, съ платою двойныхъ вѣсовыхъ и застраховавъ въ полной суммѣ стоимости. Согласитесь, что еслибы я послалъ рисунокъ теперь, а вамъ неугодно былобъ купить его, вѣсовыя и страховыя деньги потратились бы даромъ. Впрочемъ я увѣренъ, что, увидя рѣдкость, Ваше Сіятельство останетесь ею довольны“ (*Вх. и Исх.* II, 268).

Не дождавшись отвѣта, Строевъ написалъ, уже въ 1856 году, къ Графу Уварову еще слѣдующія два письма (отъ 23-го января): „Пользуясь отъѣздомъ въ С.-Петербургъ брата моего дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Михаиловича Строева, я вручилъ ему планъ части Кремля и Китай города XVII вѣка. Цѣна етому плану, *отдѣльно* отъ прочихъ, 150 р. с.; но *вмѣстѣ* со всѣми планами, прежде посланными могу уступить за 230 р. с., впрочемъ никакъ не менѣе. Смѣю увѣрить, что вамъ никогда не удавалось, и едвали удасться, сдѣлать столь дешевую, по *истинному* достоинству, покупку.

Братъ мой остановится у Директора Канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. А. Гвоздева, квартирующаго у Чернышова моста: заѣзжайте къ нему, или пригласите его къ себѣ записочкою, ad libitum“ (*Вх. и Исх.* II, 272 об.). Въ другомъ письмѣ, отъ 20-го февраля, Строевъ пишетъ: „По письму вашему, отъ 8-го декабря 1855 года, я имѣлъ честь отправить къ Вашему Сіятельству, по почтѣ, свертокъ съ межевыми планами; но увѣдомленія отъ васъ о полученіи ихъ еще не имѣю. При другомъ письмѣ, отправленномъ съ братомъ моимъ Николаемъ Михаиловичемъ, препровожденъ мною къ Вашему Сіятельству планъ части Кремля и Китай города; о полученіи его вами я также не извѣстенъ. По смыслу извѣстной пословицы (кто молчитъ, тотъ соглашается) и по большой рѣдкости чертежей, особенно послѣдняго, я убѣжденъ, что Ваше Сіятельство у меня ихъ купили; иначе они были бы мнѣ возвращены. Въ такомъ предположеніи принимаю смѣлость безпокоить Ваше Сіятельство покорнѣйшею

просьбою: не замедлить высылкою мнѣ 230 р. с., какъ крайнюю цѣну, менѣе которой я уступить никакъ не могу. Адресъ мой вамъ извѣстенъ" (*Вх. и Исх.* II, 273).

Наканунѣ Благовѣщенія, 1856 года, Строевъ получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ Графа Уварова: „Съ повинною головою обращаюсь къ вашему доброму ко мнѣ расположенію, чтобы извинить мнѣ мое долговременное молчаніе; но ежедневныя заботы и дѣла совершенно отвлекли меня. Еще разъ простите и не упрекайте. Вы совершенно вѣрно угадали и еще вѣрнѣе приложили пословицу: кто молчитъ, тотъ соглашается. Я вамъ очень благодаренъ за присланные чертежи и при семъ препровождаю мой долгъ 230 р. с." (*Вх. и Исх.* II, 276).

За смертью Я. И. Бередникова, М. А. Коркуновъ остался единственнымъ лицомъ въ Археографической Коммиссіи, съ которымъ П. М. Строевъ велъ постоянную переписку.

По возвращеніи съ юбилейнаго торжества Московскаго Университета, Коркуновъ писалъ Строеву (отъ 3-го мая 1855 года): „Позвольте поблагодарить васъ и супругу вашу за радушный пріемъ меня въ вашемъ домѣ. Я теперь занимаюсь, по немногу, описаніемъ Академическихъ рукописей. Калайдовичь, въ *Екзархѣ Болгарскомъ*, говоритъ, что Филиппъ пустынникъ, сочинитель *Діоптры*, былъ въ Россіи и что Калинникъ, для котораго онъ написалъ *Діоптру*, жилъ въ Смоленскихъ предѣлахъ. Подъ Смоленскими предѣлами надо, кажется, понимать не наше Смоленское княжество, а область Македонскую. Кромѣ того я до сихъ поръ не отыскалъ ничего, чтобы подтверждало, что Филиппъ былъ въ Россіи. Не извѣстно ли вамъ, на чемъ Калайдовичь основывалъ свое мнѣніе о пребываніи Филиппа въ Россіи? Не на Смоленскихъ ли предѣлахъ, въ которыхъ жилъ Калинникъ? Замѣчательно, что Латинскій переводъ Діоптры, напечатанный въ 1604 году, во многомъ отличается отъ Русскаго; вторая книга (слово) соотвѣтствуетъ первой Латинскаго перевода, третья — второй и т. д. Кромѣ предисловія Михаила Пселлоса, есть еще въ Латинскомъ переводѣ предисловіе Фіалита, которымъ и была передѣлана *Діоптра*. Не видали ли вы рукописей съ предисловіемъ Фіалита и въ которыхъ бы *плачевное слово* было помѣщено въ концѣ пятаго слова, т. е. послѣдняго"? (*Вх. и Исх.* II, 223).

На этотъ запросъ Строевъ отвѣчалъ: „По вашему вопросу о Діоптрѣ я толковалъ съ первымъ здѣшнимъ библіофиломъ и библіографомъ Ундольскимъ: онъ обѣщалъ составить записку объ етомъ предметѣ и принести ко мнѣ вчера (въ воскресенье); но у меня не былъ. Я видѣлъ многіе десятки списковъ *Діоптры*, но, сколько припомню, всѣ они на одинъ ладъ; большая часть безъ послѣсловія пе-

реводчика. Калайдовичъ, какъ вамъ извѣстно, вѣрилъ етому послѣсловію и на немъ все основалъ; другихъ доводовъ у него не было. Ваша догадка, о Смоленскихъ (въ Македоніи) предѣлахъ, должна быть справедлива. Въ Смоленскѣ—нашемъ (въ 1095 году) могли ли быть ученые люди?—Впрочемъ, относительно Латинской *Діоптры*, не забудьте перевода Дубенскаго игумена Виталія (кажется не съ греческаго, а съ латинскаго), который въ XVII вѣкѣ, въ Вильнѣ, Кутейнѣ, и проч., былъ неоднократно печатанъ. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ всѣ эти изданія находятся“ (*Вход. и Исход.* II, 228).

Коркуновъ, въ приведенномъ письмѣ, отъ 3-го мая 1855 года, коснулся также и вопроса о печатаніи Указателя къ Лѣтописямъ. „Надѣюсь“,—писалъ онъ Строеву,—„вы привезете съ собою въ Петербургъ и Ключь къ Русскимъ Лѣтописямъ, чтобы рѣшить, гдѣ печатать его, въ Москвѣ или Петербургѣ“? (*Вход.* и *Исход.* II, 223 об.). На это Строевъ отвѣчалъ (отъ 23-го мая 1855 года): „Единственная, оставшаяся въ живыхъ, изъ трехъ дочерей моихъ, Анна (26 лѣтъ), около пяти недѣль лежитъ на одрѣ болѣзни, съ котораго, вѣроятно, уже не встанетъ. Медицина оказалась слаба и безсильна въ отношеніи къ ней. Уже три раза, съ часу на часъ, ожидали ея кончины. Можете представить себѣ, въ какомъ положеніи мы находимся, особенно жена моя! По симъ горестнымъ обстоятельствамъ я никакъ не могу пріѣхать въ Петербургъ, въ будущемъ мѣсяцѣ. Не соберусь ли развѣ въ августѣ, по окончаніи Академическихъ каникулъ, когда вы всѣ начнете переселяться съ дачь въ городъ.

О *Ключѣ* или *Указателѣ* къ Полному Собранію Лѣтописей, какъ видится, вы судите слишкомъ легко: онъ совсѣмъ еще не близокъ къ выходу въ свѣтъ. Теперь я не въ силахъ изложить вамъ это дѣло въ подробности: умирающая дочь не выходитъ изъ головы моей. Къ тому же: inter arma silent musae. Придется, вскорѣ, продать домъ или деревню: затрудненія къ поддержанію прежняго хода домашнихъ дѣлъ уже слишкомъ близки; доходовъ мало, расходы и долги умножаются ежедневно. Покойный Князь Платонъ Александровичъ пріучилъ Археографическую Коммиссію работать, какъ говорится, съ плеча, лишь бы поспѣвало къ сроку двугодичныхъ наградъ, которыхъ и Его Сіятельство схватилъ не мало; оттого-то такое множество промаховъ въ Коммисскихъ изданіяхъ, а Указатели ея (между нами будь сказано) никуда не годятся. Мнѣ желается издать трудъ мой для пользы Исторіоиспытателей, въ возможно отдѣланномъ видѣ; наградъ мнѣ не нужно, потому что я слабъ здоровьемъ и едва ли проживу далеко за 60 лѣтъ, которые уже близки къ исходу“ (*Вход.* и *Исход.* II,

227 об., 228). Въ слѣдующемъ письмѣ Строева къ Коркунову, отъ 20-го августа 1855 года, читаемъ слѣдующее: „Нещастная дочь моя, въ исходѣ іюня, встала было съ одра болѣзни и, казалось, начала поправляться; но въ концѣ прошлаго мѣсяца снова слегла и уже не вставала: она скончалась 7-го августа, а 10-го похоронена на Пятницкомъ кладбищѣ. Потеря 26-ти лѣтней дочери повергла меня, жену мою и все семейство, въ крайнюю скорбь; тѣмъ болѣе, что одинъ изъ моихъ сыновей *), вступившій въ ополченіе, недовольно сильный здоровьемъ, въ половинѣ іюля, отправился въ походъ, на югъ, и Богъ вѣсть воротится ли когда по здорову! Въ устройствѣ семейства моего должна вскорѣ произойти перемѣна: я рѣшился продать домъ и стѣсниться въ расходахъ. Я почти ослѣпъ и разные недуги меня удручаютъ: врядъ ли удастся пережить зиму, чтобы 27-го іюля 1856 года, достигнуть шестидесяти лѣтъ отъ роду. Прошедшая зима была для меня очень тяжела; тогда я былъ годомъ моложе“ (*Вх.* и *Исх.* II, 235).

На это печальное письмо Строева, Коркуновъ съ участіемъ отвѣчалъ: „Соболѣзную о вашей потерѣ; видѣть, какъ угасаетъ жизнь, какъ умираетъ дитя, и не имѣть возможности возвратить прежнее здоровье больному, очень тяжело“. Но и самому Коркунову было въ то время не легче. Въ томъ же письмѣ онъ писалъ Строеву: „Нынѣшнее лѣто для меня было очень тяжело. Въ маѣ я переѣхалъ изъ Петербурга въ деревню Волынкину, и думалъ поотдохнуть отъ зимнихъ занятій и хлопотъ разнаго рода: но съ переѣздомъ въ деревню занемогла жена моя, а потомъ дочь малютка и, затѣмъ, двѣ дѣвки, составляющія мою прислугу. Десятимѣсячную дочку свою схоронилъ 28-го іюля, дѣвки выздоровѣли, а жена до сихъ поръ не можетъ совершенно поправиться“. Далѣе, Коркуновъ, поблагодаривъ Строева за присылку замѣтки Ундольскаго о *Діоптрѣ* и выразивъ сожалѣніе, что не видѣлъ Ундольскаго въ Москвѣ, пишетъ: „Говорятъ, что у Ундольскаго много рукописей; мнѣ хотѣлось бы покупать для Академической библіотеки по немногу и рукописи; но здѣсь ихъ очень, очень мало въ продажѣ“ (*Вх.* и *Исх.* II, 246).

Строевъ отвѣчалъ Коркунову: „Вы очень хорошо дѣлаете, стараясь пополнить Академическое собраніе рукописей; дай Богъ вамъ денегъ на покупки! Въ Москвѣ эту операцію можно было бы производить выгоднѣе и успѣшнѣе. Впрочемъ и здѣсь *хорошее* цѣнно. Прошло то время, когда Михаилъ Петровичъ **) покупалъ древности во-

*) Николай Павловичъ.

**) Погодинъ.

зами; но каковыжъ бывали часто и покупки? Собраніе рукописей Ундольскаго очень порядочное; вотъ, такую-то *оптовую* покупку Академіи не дурно было бы сдѣлать! Впрочемъ, собиратель еще далекъ отъ намѣренія продать; впослѣдствіи, безъ всякаго сомнѣнія, онъ долженъ будетъ рѣшиться поневолѣ. Погодинъ и Царскій были покапитальнѣе его“ (*Вх.* и *Исх.* II, 246 об., 249 об.).

Между тѣмъ, Коркуновъ не переставалъ отъ времени до времени напоминать Строеву объ Указателѣ къ Лѣтописямъ: „Не придумаете ли вы“,—писалъ онъ ему 5-го сентября 1855 года,—„какъ бы окончить и напечатать Указатель вашъ къ Лѣтописямъ? Не увидитесь ли вы съ А. С. Норовымъ сами, теперь или на обратномъ пути его чрезъ Москву? Или не пріѣдете ли сами въ Петербургъ, или не сообщите ли мнѣ, чего желали бы вы отъ Коммиссіи за окончательную отдѣлку и за напечатаніе вашего Указателя, котораго съ нетерпѣніемъ всѣ ожидаютъ“. Въ томъ же письмѣ Коркуновъ пишетъ Строеву: „Крестный ходъ изъ Казанскаго Собора въ Невскій монастырь, въ день имянинъ Государя Императора, былъ нынѣ великолѣпный, такой же, какой бывалъ при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ. Государь съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и свитою, ѣхалъ верхомъ. Императрицы въ золотой каретѣ въ 8-мь лошадей, цугомъ. За этой каретой слѣдовали другія, тоже золотыя кареты, но только въ шесть лошадей. Духовенство шло въ бѣлыхъ глазетовыхъ ризахъ. Изъ войскъ ѣхали гусары, въ новыхъ бѣлыхъ ментикахъ“ (*Вх.* и *Исх.* II, 247).

На многократныя напоминанія объ Указателѣ, Строевъ отвѣчалъ *рѣшительно* въ письмѣ, отъ 28-го сентября: „Послѣ потери обѣихъ дочерей и по отпускѣ одного изъ сыновей въ Ополченіе (къ Одессѣ), семейство мое порядочно уменьшилось и домъ оказывается великонекъ для насъ; къ тому жъ городскія повинности, постои, пожертвованія, содержаніе двухъ дворниковъ, и пр., въ настоящее время очень начётисто—а что будетъ еще далѣе? Въ Саратовскомъ имѣніи прошлаго года уродилось плохо и въ оброкѣ была недоимка (невозвратимая), а нынѣ совершенный неурожай и ожидаемаго оброка едва ли достанетъ на платежъ процентовъ по займу въ Опекунскомъ Совѣтѣ; къ тому жъ Ополченіе, съ 1-го октября, должно ставить пятерыхъ, расходовъ будетъ цѣлковыхъ полтораста. Отъ общаго, въ степныхъ губерніяхъ, неурожая хлѣбовъ, цѣны съѣстныхъ припасовъ вообще, въ наступающую зиму, и здѣсь должны сдѣлаться высокй. Все ето, вмѣстѣ взятое, заставляетъ меня сдѣлать въ домашнемъ быту радикальную реформу: предлежитъ разстаться съ собственнымъ домомъ, для семейства нанять небольшое помѣщеніе, ограничить издержки продовольствія; а самому отправиться въ Питеръ искать работы. Тогда,

пріютясь гдѣ нибудь, можно будетъ приняться за переработку и печатаніе Указателя къ Лѣтописямъ, котораго, какъ вы пишите, ждутъ отъ меня съ нетерпѣніемъ; къ тому жъ здѣшнія типографіи въ настоящее время, неудобны для изданія подобныхъ *аккуратныхъ* и *мѣлочныхъ* книгъ. Итакъ, до весны объ Указателѣ и говорить нечего".

Въ томъ же письмѣ Строевъ, упомянувъ о доставленіи къ нему академическихъ изданій, дѣлаетъ слѣдующій отзывъ о *С. Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ*: „*С. Петербургскія Вѣдомости* я получаю исправно. Между нами будь сказано: *велика Ѳедора да дура*: читаешь, читаешь, насилу нумеръ осилишь, а кромѣ оффиціальныхъ извѣстій большею частію пустошь. *Московскія Вѣдомости*, какъ берущія безъ труда матеріалы изъ всѣхъ источниковъ, гораздо интереснѣе, хотя подъ часъ и безтолковы. Главный недостатокъ всѣхъ газетъ: плодовитость излишняя, и слѣдовательно болтовня" (*Вход.* и *Исход.* II, 249 об.).

Въ описываемое время, В. М. Ундольскій занимался предметомъ, который съ давнихъ, „Румянцовскихъ" временъ привлекалъ къ себѣ ученое вниманіе Строева. Въ 1855 году, Ундольскій окончилъ свое изслѣдованіе *О Временникѣ Георгія Амартола въ отношеніи къ Несторовой Лѣтописи*. Это изслѣдованіе, какъ извѣстно, было удостоено Демидовской преміи, съ назначеніемъ кромѣ того автору суммы на покрытіе издержекъ по печатанію своего труда (Куникъ *25-е присужденіе Демидовскихъ наградъ*, стр. 73—84).

По свидѣтельству А. Е. Викторова, Ундольскій, приступивши къ печатанію своего изслѣдованія, сталъ подвергать его новымъ передѣлкамъ, а съ половины принялся передѣлывать его совершенно по новому плану. Кончилось тѣмъ, что сочиненіе такъ и не явилось въ свѣтъ и вмѣстѣ съ собраніемъ рукописей Ундольскаго поступило въ Московскій Публичный и Румянцовскій Музей (Викторовъ. *Рукописи Ундольскаго*. М. 1870 прилож. стр. 55—56).

Еще предъ отправленіемъ сочиненія своего въ Академію Наукъ, Ундольскій написалъ слѣдующее письмо къ П. М. Строеву (отъ 13-го октября 1855 года): „Въ прошлое воскресенье не пришлось мнѣ быть у васъ и передать поклонъ отъ г. Куника. Не бывъ съ нимъ лично знакомъ, я отнесся къ нему объ *Амартолѣ* и получилъ самое обязательное содѣйствіе въ моемъ давнемъ трудѣ. Не угодно ли будетъ и вамъ, достоуважаемый Павелъ Михайловичь, пособить мнѣ въ этомъ полезномъ дѣлѣ, въ разъясненіи того, что не одинъ, а *двое* было *Грековъ* хронистовъ *Георгіевъ*, одинъ собственно Амартолъ (по 867 г.), другой Георгій, тоже называвшій себя грѣшнымъ, писавшій отъ сотворенія міра по 839 годъ. Первый переведенъ на Болгарское, вто-

рой на Сербское нарѣчіе. Списки перваго многочисленны. Старшій— Московской Духовной Академіи № 100 съ изображеніями; *Лѣтовника же Георгіева* старше Синодальнаго № 142 мнѣ неизвѣстно. И вообще, кромѣ другаго Списка Румянцовскаго я не знаю. Нельзя ли вамъ справиться и указать мнѣ рукописи Амартола и Лѣтовника Георгіева и нѣтъ ли изъ сего послѣдняго выписокъ. Я имѣю отъ С. П. Шевырева выписки изъ Греческаго кодекса Амартола Мюнхенской библіотеки. Неужели жь вы откажете мнѣ въ выпискахъ изъ нашихъ рукописей? Викторъ Ивановичъ Григоровичъ сообщилъ мнѣ выписки изъ *Вѣнской* Словянской пергаминной рукописи. Все это будетъ представлено мною въ Академію, которая, какъ извѣстно, поручила Муральту издать нашъ *Синодальный* Греческій кодексъ. Вопросъ о Георгіяхъ, единогласно смѣшиваемыхъ всею ученою Европою, касается не только Русскихъ, но и всѣхъ Фило-еллиновъ, —всѣхъ Византинистовъ. Съ одной стороны мы убѣдимся, что Греческій Синодальный кодексъ не Амартолъ; съ другой—что *Сербская* редакція Амартола есть переводъ новаго Византійца Георгія, коего подлинникъ въ Синодальной библіотекѣ окрещенъ Маттеемъ Симеономъ Логоѳетомъ — моимъ патрономъ и благодѣтелемъ *)—Амартоломъ. Понятно, что до времени нельзя огласить моихъ результатовъ, въ чемъ я и надѣюсь, на вашу испытанную скромность.

Въ слѣдующій разъ я постараюсь быть у васъ и показать письмо г. Куника и мое грѣшное маранье.

Вы первый изъ Русскихъ подали обстоятельное изслѣдованіе объ Амартолѣ и хотѣли подробно описать его въ особой брошюрѣ. Значитъ у васъ есть запасы для этого. Предъупреждаю васъ, что сообщите ли вы мнѣ что, или нѣтъ — отъ этого *нисколько неизмѣнятся мои выводы.* Главное мнѣ нужны выписки изъ *Синодальной* рукописи № 142, изъ Лѣтовника Георгіева, который при всемъ моемъ желаніи не могу получить въ свои руки. Все что ни получу я отъ васъ не присвою ни іоты. Выписки могу сдѣлать у себя, или у васъ, какъ найдете удобнѣе. Время тоже назначите сами. Легко можетъ случиться, что и я въ свою очередь чѣмъ нибудь могу быть для васъ полезнымъ. Во всякомъ случаѣ, я очистилъ свою совѣсть: сдѣлалъ для своего труда все что могъ; а что будетъ съ нимъ извѣстно Богу“ (*Вх.* и *Исх.* II, 253—254). На этомъ письмѣ Павелъ Михайловичъ

---

*) Княземъ М. А. Оболенскимъ, въ его изслѣдованіи: *О Греческомъ кодексѣ Георгія Амартола, хранящемся въ Московской Синодальной библіотекѣ и о Сербскомъ и Болгарскомъ переводахъ его Хроники.* Москва. 1847.

собственноручно отмѣтилъ карандашомъ: „Выписки etc, что имѣлъ объ *Амартолѣ*, даны г. Ундольскому лично" (*Вход.* и *Исх.* II, 253, 254).

Въ Перепискѣ Ундольскаго, хранящейся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ, находится письмо къ нему Билярскаго, отъ того же числа, т. е. отъ 13-го октября 1855 года, въ которомъ читаемъ: „Вашимъ рецензентомъ будетъ, безъ сомнѣнія, Куникъ и, пожалуй, Строевъ, если онъ будетъ въ Петербургѣ".

Въ это же время Строева очень заинтересовала статья А. А. Куника, подъ заглавіемъ *Хронологическая Таблица*, помѣщенная въ *Ученыхъ Запискахъ* Академіи Наукъ (Т. III, вып. 5, Спб. 1855). Въ этой статьѣ почтенный Академикъ, говоря о Хавскомъ, объясняетъ между прочимъ: „Осенью 1846 года г. Хавскій представилъ въ Академію на Демидовскій конкурсъ свои хронологическія таблицы, которыя поручено было разсмотрѣть покойному Я. И. Бередникову, какъ издателю Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Бередниковъ, точно также какъ и другіе историки, не углублялся въ хронологическія изслѣдованія. Онъ призналъ хронологическія таблицы г. Хавскаго достойными награды. Изъ рецензіи Бередникова видно, что онъ, увлекшись сочиненіемъ г. Хавскаго, рѣшительно призналъ старшинство мартовскаго года предъ сентябрскимъ; но во всякомъ случаѣ надобно принять въ соображеніе, что до тѣхъ еще ни одно хронологическое сочиненіе не было увѣнчано на Демидовскомъ конкурсѣ, и Академія основательно могла расчитывать, что присудивъ сочиненію г. Хавскаго *поощрительную* премію, она тѣмъ побудитъ другихъ къ дальнѣйшей разработкѣ этого предмета. Правда, съ этой точки зрѣнія, не менѣе заслуживало бы поощренія и сочиненіе А. Петрова (*Руководство къ уразумѣнію указателей и пасхалій.* Спб. 1847), въ тоже время бывшее на конкурсѣ. Надобно впрочемъ и то сказать, что Бередниковъ въ своемъ отзывѣ о таблицахъ г. Хавскаго, отнюдь не выдаетъ ихъ за совершенство. Поэтому нельзя читать безъ удивленія слѣдующій отзывъ г. Хавскаго о Бередниковѣ: *Мнѣ представляется, что никто болѣе Бередникова не роптал̂ъ на выходки прямыя и косвенныя о старшинствѣ сентябрскаго года предъ мартовскимъ.* Члены Академіи, съ своей стороны, не могутъ припомнить ничего подобнаго. Я же, напротивъ, могу засвидѣтельствовать, что въ послѣднее время Бередниковъ вовсе не ручался за взглядъ г. Хавскаго. За нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, когда онъ, для поправленія своего здоровья, отъѣзжалъ изъ города, на прощаньи я замѣтилъ ему, что намъ нужно объясниться другъ съ другомъ на счетъ спорнаго вопроса о мартовскихъ годахъ Русскихъ Лѣтописей. На это покойный нисколько не изъявилъ увѣренности въ своемъ прежнемъ мнѣніи, но откровенно

сказалъ, что и онъ желаетъ порѣшить дѣло вмѣстѣ и отложилъ это лишь до своего выздоровленія. Ему не суждено было исполнить своего желанія. Я же считаю за обязанность публично высказать мое убѣжденіе въ томъ, что покойный Яковъ Ивановичъ, при своемъ правдолюбіи, нисколько не затруднился бы прямо сознаться въ своей ошибкѣ на счетъ старшинства мартовскаго года, какъ скоро замѣтилъ бы ее. Это убѣжденіе раздѣляютъ всѣ, близко знавшіе покойнаго" (стр. 753—754).

По поводу этой замѣтки, П. М. Строевъ писалъ А. А. Кунику, отъ 16-го ноября 1855 г. „Въ вашемъ объясненіи, кажется, недостаетъ *документа* о томъ, какъ понималъ хронологію Я. И. Бередниковъ, увѣнчавшій Московскаго шарлатана Демидовскимъ вѣнкомъ въ угодность И. И. Давыдову, на сестрѣ котораго Хавскій былъ женатъ. Прилагаю при семъ выписку изъ письма ко мнѣ Якова Ивановича, отъ 15-го ноября 1849 года: тутъ очень ясно выражено мнѣніе его о мартовскомъ и сентябрскомъ лѣтосчисленіи и вся сбивчивость понятій объ етомъ предметѣ. Я увѣренъ, что г. Хавскій не оставитъ васъ въ покоѣ своею полемикою, въ которой онъ порядочно безстыденъ; тогда быть можетъ, выписка изъ собственноручнаго г. Бередникова письма вамъ на что либо пригодится" (*Вход. и Исход.* II, 260 об.)

Въ приложенной выпискѣ изъ письма Бередникова читаемъ: „Статьею Ундольскаго о Пасхальныхъ выкладкахъ я не имѣлъ еще времени „насладиться". Но правы ли Московскіе хронологи, считающіе сентябрьское лѣтосчисленіе предшествующемъ мартовскому? На какомъ основаніи? Оба лѣтосчисленія должны идти единицею впередъ противъ январскаго года, одно съ марта, другое съ сентября, по январь. Отчего же послѣднее, явившееся не за долго до Рождества Христова (фактъ историческій) опередило въ семъ отношеніи первое, употреблявшееся съ древнихъ временъ Евреями и Римлянами? Отъ чего годъ отъ Рождества Христова идетъ второй съ сентября, по хронологіи отъ Сотворенія Міра, а съ марта продолжится тотъ же, и даже въ январѣ и февралѣ двумя мѣсяцами отстанетъ отъ январскаго, ибо эти мѣсяцы въ слѣдующемъ году составятъ второй годъ отъ Рождества Христова, а по мартовскому лѣтосчисленію все еще первый? Недоумѣваю. Ето можетъ рѣшить только Исторія Хронологіи Римлянъ и Византійцевъ. На наши Лѣтописи нечего надѣяться: тутъ вѣрнаго ничего не откроешь. Кажется Московскихъ Хронологовъ сбила съ толку Ипатьевская Лѣтопись, подъ годомъ, гдѣ говорится въ первый разъ о Москвѣ. Объ етомъ надобно толковать много" (*Вх. и Исх.* II, 205).

На это Куникъ отвѣтилъ Строеву: „Я самъ сожалѣю, что намъ помѣшали напечатать нашъ подробный разборъ системы пресловутаго донощика Хавскаго“ (*Вх. и Исх.* II, 313 об.).

XXIX.

Въ мартѣ 1856 года, зять П. М. Строева, библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки Аркаій Аѳанасьевичь Стойковичь, имѣя надобность получить отъ Павла Михайловича свѣдѣнія для разрѣшенія нѣкоторыхъ библіотечныхъ вопросовъ, и опасаясь личными объясненіями обезпокоить его, обратился съ просьбою о посредничествѣ по сему предмету къ сестрѣ его Екатеринѣ Михайловнѣ Строевой, пославъ къ ней слѣдующее письмо: „Года, кажется, три тому назадъ, Павелъ Михайловичь, разговаривая со мною о лучшемъ способѣ установки книгъ въ библіотекахъ, сообщилъ мнѣ, что удобнѣйшею въ етомъ случаѣ считаетъ онъ установку не систематическую и не алфавитную, а по форматамъ, т. е. такую, вслѣдствіе коей мѣсто нахожденія книгъ оставалось бы уже на всегда неизмѣннымъ. Если я не ошибаюсь, Павелъ Михаиловичь присовокупилъ тогда же, что онъ писалъ гдѣ-то объ етой установкѣ. Въ то время предметъ етотъ не могъ интересовать меня такъ какъ теперь и, сознаюсь, я не очень ясно понималъ тогда и самую идею подобной установки; но поступя въ Императорскую Публичную Библіотеку, я нашелъ ету идею приведенною въ исполненіе въ одномъ изъ ея отдѣленій (у г. Собольщикова), сдѣлался ревностнымъ ея защитникомъ и содѣйствовалъ всѣми мѣрами введенію ея въ другія отдѣленія библіотеки. Послѣдніе полтора года проведены мною въ трудѣ такой установки книгъ въ Историческомъ Отдѣленіи, т. е. въ томъ, гдѣ я нахожусь, и успѣхъ оправдалъ вполнѣ всѣ наши ожиданія. Етого, кажется, довольно, чтобы имѣть право сказать вамъ, что всѣ выгоды и всѣ пріемы этой установки извѣстны мнѣ какъ свои пять пальцевъ. Но теперь дѣло въ томъ, что нашъ Баронъ *) поручилъ мнѣ написать брошюру объ етой установкѣ, и такъ какъ въ этой брошюрѣ я желалъ бы отдать должную честь изобрѣтателю установки, которая въ нашей библіотекѣ приписывается г. Собольщикову, то я желалъ бы знать: когда

*) М. А. Корфъ.

именно и гдѣ Павелъ Михаиловичь писалъ объ етомъ предметѣ и его ли собственная идея ета? Я бы сдѣлалъ самъ и письменно этотъ вопросъ почтенному Павлу Михаиловичу, но, не желая отнимать у него драгоцѣннаго времени на письменный отвѣтъ, предпочитаю просить васъ и прошу: съѣздить къ нему и объясниться на словахъ, а меня потомъ о результатѣ письменно увѣдомить" (*Вход. и Исход.* II, 277).

Прочтя это письмо, Строевъ письмомъ, отъ 24-го марта, отвѣтилъ Стойковичу слѣдующее: „Катерина Михайловна передала мнѣ письмецо ваше къ ней, и чтобы не затруднять ее перепискою о предметѣ ей незнакомомъ, беру перо и пишу вамъ слѣдующее: Идея установки книгъ по форматамъ, въ большихъ книгохранилищахъ, родилась въ головѣ моей нечаянно сама собою, въ то время, когда я завѣдывалъ библіотекою покойнаго Графа Ѳ. А. Толстаго, т. е. не одною тою частью ея, которая поступила въ Императорскую Публичную Библіотеку, но въ полномъ ея составѣ; тамъ были книги на всякихъ языкахъ и по всякимъ частямъ, хотя и не въ слишкомъ большомъ количествѣ. О подобной установкѣ я ничего не читалъ, даже до сего времени. Водвореніе етой простой системы въ Императорской Публичной Библіотекѣ обрадовало меня несказанно. Я толковалъ объ етомъ предметѣ, въ свое время, съ А. Н. Оленинымъ, съ Цеплинымъ, съ Рейсомъ и съ другими книгохранителями, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; но идея моя казалась всѣмъ *дика* и *невѣжественна*, хотя вообще сознавали ея удобства. Только Князь М. А. Оболенскій, лѣтъ десятокъ назадъ, по совѣту библіотекаря Лебедева, взялся было привести въ такое устройство Библіотеку Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; но и тамъ ето дѣло почему-то не состоялось. Въ 1827 году, когда я сотрудничалъ въ *Сѣверномъ Архивѣ*, я набросалъ статейку *о простомъ и удобномъ способѣ располагать библіотеки большаго объема*, для помѣщенія въ етомъ журналѣ; но такъ какъ мое сотрудничество (по 100 р. въ мѣсяцъ), по обстоятельствамъ, не долго продолжалось, то и статейка моя осталась не напечатанною. По счастію, она сохранилась въ моихъ бумагахъ, только въ видѣ читаемомъ однимъ мною: на лоскуткахъ и съ безчисленными помарками. Я перепишу ее, въ томъ видѣ, въ какомъ она есть, и отошлю къ вамъ, для удовлетворенія вашего любопытства, и буду покорнѣйше просить васъ представить ее Барону М. А. Корфу, также для удовлетворенія одного любопытства. Такъ какъ г. Собольщиковъ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, привелъ уже въ дѣло идею разстановки книгъ по форматамъ и вы сами, понявъ всѣ выгоды и удобства етой методы, сдѣлались (какъ пишете) ревностнымъ и дѣя-

тельнымъ ея защитникомъ, то по справедливости вамъ обоимъ принадлежитъ пальма первенства и заслуги опытной; тѣмъ болѣе, что г. Собольщиковъ, не будучи знакомъ со мною и вѣроятно не слыхавъ ничего о стародавныхъ предложеніяхъ моихъ А. Н. Оленину и другимъ, дошелъ до своего полезнаго нововведенія самъ собою. Впрочемъ я вижу, что ваша и моя системы, хотя обѣ *форматныя* имѣютъ одно рѣзкое различіе между собою: у васъ она по отдѣленіямъ, у меня нѣтъ ни отдѣленій, ни подраздѣленій—она *валовая*, всѣ книги должны быть смѣшаны и раздѣлены по форматамъ; отдѣленія, классы, и т. п. должны быть въ каталогахъ, а не въ натурѣ“ (*Вх.* и *Исх.* II, 277, 278).

Въ апрѣлѣ 1856 года, Строевъ отправилъ къ Стойковичу обѣщанную статью и при этомъ увѣдомляетъ его, что въ концѣ праздниковъ къ нему явится за нею М. А. Коркуновъ, которому поручено прочесть ее во Второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ и потомъ напечатать. „Тогда“,—пишетъ Строевъ Стойковичу,—„вы можете уже сослаться на печатное и пожалуй побранить меня, если найдете что-либо слишкомъ ексцентричное; только не забывайте, что статья написана въ 1827 году“ (*Вх. и Исх.* II, 291).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Строевъ написалъ Коркунову: „Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ числѣ библіотекарскихъ помощниковъ, служитъ зять мой А. А. Стойковичъ, и бываетъ тамъ ежедневно. У него находится теперь, написанная мною статья: *О простомъ и удобномъ способѣ располагать большія библіотеки.* Примите на себя трудъ зайти въ Библіотеку и получить сказанную статью: покорнѣйше прошу прочитать ее въ первомъ засѣданіи нашего Втораго Отдѣленія и, если она негодится для *Извѣстій*, то пристройте ее въ *Отечественныя Записки* или въ *Современникъ*, гдѣ выгоднѣе дадутъ вознагражденіе“.

Вскорѣ, Коркуновъ, увѣдомляя Строева, что статья его прочитана въ Отдѣленіи и будетъ помѣщена въ *Извѣстіяхъ*, сдѣлалъ, съ своей стороны, слѣдующее замѣчаніе на эту статью: „Мысль ваша чрезвычайно практическая и удобная для библіотекарей, только противъ общаго валоваго нумера возстаютъ мои помощники по Библіотекѣ академической. При Яковѣ Ивановичѣ Бередниковѣ составленъ каталогъ систематическій; большіе отдѣлы, напримѣръ: Богословіе, Исторія, имѣютъ каждый свои особые нумера, но большіе отдѣлы подраздѣлены на малые, напримѣръ, по исторіи: источники, изслѣдованія, исторія и проч., и эти малые отдѣлы не имѣютъ особыхъ нумеровъ: поэтому книги, поступившія послѣ составленія каталога, приписывались сначала такъ: 59а, 59б, а потомъ, по видимому неудоб-

ству и за недостаткомъ мѣста, вовсе не вписывались въ систематическій каталогъ". Далѣе Коркуновъ пишетъ: „Извѣстна ли вамъ Геральдика Лакіера? Н. Г. Устряловъ представилъ ее къ полной Демидовской преміи, потому, кажется, что Лакіеръ зять П. А. Плетнева. Часть, извѣстная мнѣ, очень слаба, но противъ меня возстали только не историки и присудили Лакіеру половинную премію" (*Вх.* и *Исход.* II, 297, 298). По поводу этого письма Строевъ писалъ Коркунову, отъ 6-го іюня: „Странно, что въ статьѣ моей *валовые* нумера форматовъ показались помощникамъ вашимъ неудобоисполнимыми, вѣроятно я выразился неясно, на дѣлѣ показать и исполнить очень легко" (*Вход.* и *Исход.* II, 299).

Наконецъ въ третьемъ выпускѣ V-го тома *Извѣстій Императорской Академіи* (1856 года) появилась статья Строева, но съ значительными пропусками противъ оригинала.

Приведемъ текстъ этой статьи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была написана Строевымъ въ 1827 году:

„Письмена изобрѣтены очень давно, книги существовали въ древнемъ мірѣ у всѣхъ образованныхъ народовъ, слѣдовательно и библіотеки также; но библіологія и библіографія суть порожденія новѣйшей, такъ названной, учености. До насъ не дошло вѣрныхъ преданій, въ какомъ порядкѣ Варронъ или Юлій Цезарь разставляли свои коллекціи папирусовъ и пергаментовъ, а варваръ Омаръ, истребивъ Александрійскія сокровищницы древняго ума, покрылъ мракомъ неизвѣстности и системы тогдашней классификаціи книгъ, быть можетъ простыя, быть можетъ затѣйливыя; первое кажется вѣроятнѣе. Во всякомъ случаѣ немного потери! Нынѣшніе форматы книгъ, особенно мѣлкихъ размѣровъ, не похожи нисколько на своихъ древнихъ прародителей; а книгохранилища Грековъ, Римлянъ и проч. въ сравненіи съ новѣйшими, какъ пигмеи предъ исполинами. Слѣдовательно библіотекари настоящаго времени мало чѣмъ поживились бы отъ древнихъ своихъ собратій, еслибъ ихъ системы размѣщенія книгъ и дошли до насъ въ своемъ видѣ. Книгопечатаніе произвело великій и благодѣтельный переворотъ въ учености, литературѣ и вообще въ просвѣщеніи народовъ; но оно же и вина книжнаго наводненія, съ которымъ уже трудно управляться, говоря библіотекарски. Съ XV столѣтія послѣ средневѣковыхъ одиночекъ ученыхъ образовался цехъ авторовъ и литераторовъ: для помѣщенія ихъ произведеній стали необходимы обширныя залы, громадные шкапы и толпы книгохранителей; вязки печатныхъ листовъ всякихъ видовъ и формъ, умножаясь ежедневно, сдѣлали бы мудрость человѣческую недоступною. еслибъ не явилась на помощь наука библіологіи, ключь премудрости. До

настоящаго времени сколько издано системъ этой Науки, ученыхъ и слишкомъ ученыхъ? Еще въ свѣжей памяти та Библіологическая Енциклопедія, отъ которой вострепетали Россійскіе книгохранители! Чего не произведетъ затѣйливый педантизмъ, если ему дана свобода дѣйствовать? Чуждому предразсудковъ, хотя бы очень ученыхъ, и смѣшно и жалко, когда немногія прямыя дороги силятся превратить въ лабиринтъ, будто бы для удобствъ сообщенія.

Кто не бывалъ въ библіотекахъ большихъ, въ хранилищахъ человѣческой мудрости возможно-полнаго объема? Залы, кругомъ и посрединѣ уставленныя шкапами, кажутся тѣсны, хотя и очень обширны; на полкахъ шкаповъ, со створами и безъ створовъ, покоятся книги, иногда въ два-три ряда, большія и малыя, въ великолѣпномъ сафьянѣ, въ простой кожѣ и пергаментѣ, большею частію въ бумажномъ рубищѣ; пыль покрываетъ чёла книгъ, тля пятнитъ переплеты, моль и червячки гнѣздятся внутри ихъ. По карнизамъ шкаповъ, въ высотѣ подпотолочной, едва досягаемой глазомъ, начертаны надписи „отдѣленій", „раздѣловъ", „подраздѣловъ", плодъ ученой техники, частію педантскаго шарлатанства; иногда и переплеты усѣяны іероглифами, изъ всѣхъ извѣстныхъ азбукъ, удобопонятными однимъ Шамполіонамъ библіологіи; въ нѣкоторыхъ подраздѣлахъ книгъ десятокъ, даже три-четыре книжки, но и они съ подобающими надписями и іероглифами. Нерѣдко тусклыя стекла шкаповъ, или мѣдною окисью покрытая сѣтка, особенно въ верхнихъ етажахъ, куда подставляются гигантскія лѣстницы, гармонируютъ етой очень странной картинѣ. Къ чему, спросите вы, етотъ безпорядокъ, ето безобразіе, неизбѣжная пыль и проч. и проч.? Вамъ отвѣтятъ библіотекари: *библіотека расположена систематически, по библіологіи самой ученой и подробной.*

Не всѣ, конечно, имѣли случай и потребность изучать библіологію какъ науку, разсматривать каталоги библіотекъ королевскихъ, университетскихъ, національныхъ, и проч., для узнанія всѣхъ тайнъ ученаго ихъ расположенія, а потому обращаюсь къ непрофанамъ библіологіи и спрашиваю: Есть ли постоянная, обще принятая, система классификаціи книгъ? возможна ли такая система? и не слишкомъ ли справедлива, въ этомъ дѣлѣ, поговорка: *всякой молодецъ на свой образецъ*? Слышу гг. систематиковъ, возражающихъ единогласно: *Несовершенства не доказываютъ невозможности, а гдѣ есть начало и опыты, тамъ со временемъ должно быть и совершеніе.* Вѣрю. Но, пока не дойдутъ до постоянной, ничѣмъ неизмѣняемой, классификаціи книгъ, не беззаконно ли осуждать библіотекарей (не рѣдко слаботѣлыхъ, тучныхъ, пожилыхъ лѣтъ) на вѣчную возню съ книгами,

по необходимости, изъ угожденія причудамъ ученаго своенравія, по рабскому подражанію модной системѣ. Въ учености, какъ въ костюмахъ, прическѣ, и т. под., есть свои моды, иногда слишкомъ кратковременныя: библіологъ самый неутомимый не можетъ угнаться за модами книжнаго производства техники. Сколько такъ называемыхъ наукъ исчезло вовсе, или слилось вмѣстѣ, и сколько ихъ продолжаетъ образоваться, благодаря педантизму и глубокомыслію цѣховыхъ ученыхъ? Оттого-то непостоянство библіологическихъ системъ, дробность и безконечныя измѣненія классификацій: вѣчная работа библіотекарямъ, перемѣщать книги изъ одного шкапа въ другой, съ одной полки на другую, иногда огромной нумераціи. Дожидаясь терпѣливо неизмѣнной системы библіологіи и желая ей полныхъ успѣховъ, не лучше ли покамѣсть отвратить тѣ немаловажныя неудобства, кои вредятъ благоустройству книгохранилищь, хотя бы по наружности, т. е. нарушаютъ економію помѣщенія, постоянство нумераціи, благообразіе, и проч. и проч.?

Я не въ состояніи понять отчетливо: для чего, или ради какихъ удобствъ, библіологическую систему, классификацію книгъ, дробность раздѣловъ и подраздѣловъ, какъ бы они ни были превосходно придуманы, удерживать въ библіотекахъ „въ натурѣ", то есть самыя книги ставить въ шкапахъ и на полкахъ въ томъ именно порядкѣ и съ разнообразною буквоцыфирною нумераціею, какъ онѣ въ каталогахъ (разнаго рода) слѣдуютъ одна за другою? Собранія предметовъ естественной исторіи, анатомическихъ препаратовъ, всего, что „поучаетъ своею наружностію", неоспоримо должны быть располагаемы по принятой системѣ; но массы книгъ, какъ бы ни располагали ихъ, могутъ ли „поучать наружно"? Говорятъ, будто бы обозрѣвающему библіотеку, или ищущему въ ней пособій по какой либо наукѣ, части или предмету, легче и удобнѣе окинуть глазомъ „всѣ" книги, относящіяся къ той наукѣ, части или предмету, когда онѣ и стоятъ вмѣстѣ. Но знакомиться съ книгами гораздо удобнѣе въ каталогахъ и едва ли кто придетъ въ библіотеку глазѣть на книги: каталоги должно непрерывно совершенствовать, упрощать, снабжать „алфавитами", „указателями", и т. под. Самыя книги должны быть нѣмы и недвижимы, т. е. не заманивать своими ярлычками и стоять на мѣстѣ, однажды на всегда имъ назначенномъ. Въ библіотеки приходятъ читать, выписывать, справляться: ищущему свѣдѣній, пособій, справокъ, неоспоримо все равно, изъ того или другаго шкапа, съ той или другой полки, подадутъ требуемую имъ книгу, дѣло въ томъ, что она въ рукахъ его и можно пользоваться ею. Взглядъ на шкапы или полки съ сотнями и тысячами книгъ, по одной наукѣ, части или

предмету изученія, можетъ только постигнуть сколько напечатано бумаги, въ какихъ форматахъ напечатанное, въ кожѣ ли оно, въ папкѣ, или просто въ бумажкѣ. Быть можетъ, слой пыли на обрѣзѣ книгъ поучителенъ: по немъ можно судить, которая изъ нихъ чаще и которая рѣже была читаема, или просто снимаема съ своего мѣста. Другой пользы и выгоды, отъ разстановки книгъ по ихъ порядку въ каталогахъ, я не вижу; да едвали кому и видѣть удастся. Но сколько невыгодъ и затрудненій? Укажемъ самыя главныя:

a) Размѣщеніе книгъ по библіологической системѣ, въ порядкѣ каталожномъ, уничтожаетъ „равенство форматовъ (переплетовъ)", а неравенство ихъ заставляетъ по необходимости пространство между полками дѣлать такимъ, чтобы фоліанты, по-крайней-мѣрѣ средственные, могли удобно входить и помѣщаться стоймя; а mag. folio должно класть поверхъ мѣлкихъ книгъ плашмя, или подъ ними, или сзади ихъ бокомъ, или отдѣлять въ особые шкапы, нарочно для такихъ фоліантовъ устроенные. Не трудно удостовѣриться сколько пропадаетъ мѣста отъ того, что большіе форматы помѣщаются подлѣ малыхъ, и на оборотъ, и сколько пыли ложится на обрѣзы книгъ, которыя не могутъ доходить плотно до низовъ верхнихъ полокъ (надъ ними)?

b) Помѣщеніе книгъ въ два (Боже избави, въ три) ряда на одной полкѣ, а это почти неизбѣжно при систематической установкѣ, въ порядкѣ каталожномъ, уничтожающей равенство переплетовъ, гибельно для цѣлости библіотекъ и сущая каторга для библіотекарей. Такъ какъ взаимное разстояніе полокъ, во всѣхъ шкапахъ, по необходимости одинакое (т. е. равное среднему фоліанту), то только фоліанты и могутъ занять всю ширину полки; всѣ другіе форматы, поставленные наряду съ ними въ одинъ рядъ, оставятъ слишкомъ много порожняго мѣста: какъ же не помѣстить тутъ другаго ряда? Иначе, сколько лишнихъ шкаповъ, пожалуй и цѣлыхъ залъ, потребуется для книгохранилища большаго объема. Когда же книги поставлены не въ одинъ рядъ, на верхахъ малыхъ форматовъ покоятся большіе фоліанты, а нѣкоторые изъ нихъ засунуты позади бокомъ: можетъ ли библіотекарь свободно, или хотя безъ немалаго затрудненія, вынимать требуемое и потомъ ставить на прежнее мѣсто? Послѣднее неудобство заставляетъ прибѣгать къ способу, почти общему въ большихъ библіотекахъ: книги, возвращаемыя чтецами, кладутъ въ запасные (порожніе) шкапы до удобнаго времени; а какъ это удобство большею частью нескоро приходитъ, то означенные шкапы всегда полны, даже черезъ чуръ, и библіотекари въ вѣчной и безпрерыв-

ной featurelessвознѣ съ книгами: оттого-то нѣкоторые изъ нихъ бываютъ брюзгливы и недоступны.

c) Когда только фоліанты и большаго размѣра квартанты могутъ подпирать своими верхами низы полокъ, (надъ ними), а поверхъ малыхъ квартъ и октавъ (не говорю о 12°, 16°, etc) болѣе или менѣе промежутка, то какими средствами предохранить бо̀льшую часть книгъ отъ пыли, всегда неизбѣжной, хотя бы шкапы были со створами? Пыль покрываетъ и переплеты и обрѣзы, пробирается постепенно внутрь книгъ, и въ соединеніи съ тонкою влагою, также неизбѣжною въ огромныхъ залахъ, уставленныхъ по стѣнамъ шкапами, содержитъ въ себѣ всегдашній разсадникъ моли и червячковъ. При равенствѣ форматовъ было бы въ библіотекахъ несравненно менѣе пыли, слѣдовательно нечистоты и безобразія также.

Если устранимъ затѣи и хитрости вычурнаго педантизма и будемъ смотрѣть на библіотеки какъ на собранія и хранилища книжнаго богатства (ни болѣе, ни менѣе), не приписывая наружности книгъ магической силы дѣйствовать на умъ и наглядно возбуждать его дѣятельность (см. выше), то устроить книгохранилища „въ натурѣ“, хотя бы въ милліонъ волюмовъ, „сообразно истинному его назначенію“, слишкомъ легко, просто и удобно. Вотъ мое мнѣніе.

Классификація книгъ систематическая, порядокъ алфавитный (по авторамъ, предметамъ, и проч.), библіологія всѣхъ возможныхъ видовъ, пусть преобладаютъ „на бумагѣ“, т. е. въ каталогахъ. Пусть каждый библіотекарь составляетъ каталогъ порученнаго ему отдѣленія по своему усмотрѣнію, разумѣнію, какъ признаетъ лучше, и совершенствуетъ его ежедневно, т. е. по мѣрѣ знакомства съ содержаніемъ книгъ (одни заглавія, какъ извѣстно, не достаточны), переноситъ ихъ изъ отдѣла въ отдѣлъ, изъ класса въ классъ, вымарывая въ одномъ мѣстѣ и вписывая въ другомъ: работа нескончаемая, но не тяжелая и благодарная. Въ натурѣ, т. е. въ шкапахъ и на полкахъ, книги должны быть неподвижны, на одномъ и томъ же мѣстѣ, подъ нумеромъ однажды на всегда наклееннымъ или, еще лучше, оттиснутомъ на переплетѣ инструментомъ. Способъ для сего самый легкій: разобрать всѣ книги по форматамъ, не обращая никакого (sic, sic) вниманія на ихъ содержаніе, приладить по нимъ полки и каждый увражъ *) занумерить въ порядкѣ послѣдовательномъ, отъ 1 до сотенъ-тысячь, пожалуй до милліона, если милліонная библіотека возможна.

Какъ? форматное расположеніе библіотекъ, въ XIX столѣтіи, при

*) Томы, составляющіе увражъ (хотя ихъ было бы до сотни и болѣе), должны быть подъ однимъ №, но его слѣдуетъ на каждомъ томѣ вытиснуть.

гигантскихъ прогрессахъ наукъ и просвѣщенія? Такое предложеніе достойно хранителя девяти-сотъ волюмовъ Лувра, при Францискѣ I, или простодушнаго книгохранителя какого-нибудь монастыря въ среднихъ вѣкахъ!!—Да, гг. библіологи и систематики многоуважаемые: „веревка, вервіе простое"; въ настоящемъ-то вѣкѣ и должно сдѣлать подобное предложеніе, освободить библіотекарей отъ ига педанства, для нихъ слишкомъ тягостнаго, и водворить (говоря затѣйливо) романтизмъ библіотечный.

И такъ порядокъ „форматный"—единственно сей простый порядокъ—и самая огромная въ свѣтѣ библіотека будетъ устроена отлично: всегда цѣла (повѣрять можно, пожалуй, еженедѣльно), неподвижна и готова для всевозможныхъ каталоговъ (ихъ можетъ быть въ одно время три, пять, десять—разнообразныхъ), красива по наружности и займетъ по крайней мѣрѣ одною третью менѣе помѣщенія, какое до того занимала. Библіотекари останутся при каталогахъ и будутъ удовлетворять чтецовъ указаніями на книги, совѣтами, самыми книгами. Для приноса книгъ и обратнаго помѣщенія ихъ на мѣсто (по командѣ: „принеси изъ шкапа CXXII № 64,589" и т. под.; „поставь на свои мѣста нумера такіе-то") слишкомъ достаточно человѣкъ десять грамотѣевъ, знающихъ твердо цыфирь; пожалуй отставныхъ солдатъ—они бывали на штурмахъ, имъ не привыкать лазить по лѣстницамъ. Отдыхайте гг. библіотекари.

Возьмемъ аршинъ, или лучше англійскій футъ, съ самымъ дробнымъ дѣленіемъ: измѣримъ переплеты и опредѣлимъ точно все разнообразіе величины ихъ (фоліанты огромные, большіе, средніе, малые, и проч. проч.); количество шкаповъ и взаимное разстояніе въ нихъ полокъ окажется само собою. Низы полокъ необходимо подбить чѣмъ нибудь пухлымъ, чтобы между верхнимъ обрѣзомъ книгъ и деревомъ не было промежи — обрѣзы будутъ всегда чисты отъ пыли. Переплетчикъ долженъ вытиснуть золотомъ нумера на корняхъ переплетовъ: на фоліантахъ отъ 1 до... (сколько окажется), тоже на квартантахъ, на октавахъ, и т. д.; порядокъ нумеровъ для каждаго формата особый, но только для форматовъ главныхъ, происходящихъ отъ типографскаго дѣленія бумажнаго листа, а не для всѣхъ оттѣнковъ величины. Самыя книги должны быть размѣщены такъ: въ отличныхъ и хорошихъ переплетахъ на мѣстахъ видныхъ, противъ входа, на свѣту; въ посредственныхъ въ полусвѣтѣ, въ тѣни; самые простые и худшіе въ углахъ, и т. под. Форматы большихъ размѣровъ займутъ мѣсто на нижнихъ полкахъ; далѣе, чѣмъ выше, тѣмъ мѣлче. На карнизѣ каждаго шкапа нумеръ, Римскою цыфирью, и ничего болѣе. Какъ просто, удобно, пожалуй, изящно!

Гг. библіотекари, составляйте каталоги, какъ и по какой системѣ вамъ угодно: всѣ библіологіи и библіографіи, старыя, новыя, новѣйшія, въ вашемъ распоряженіи, не понравилась система, исправьте, бросьте совсѣмъ, начинайте снова: не туда записали книгу, замарайте въ одномъ мѣстѣ и впишите въ другомъ; дѣлайте что хотите „на бумагѣ", но не касайтесь „натуры". Уставленная разъ на всегда библіотека должна быть недвижна, нумера одни и тѣже на цѣлые вѣки; таскать и переставлять книги не потребуется. Только при каждомъ увражѣ, въ какомъ бы ни было изъ вашихъ каталоговъ (въ систематическомъ, алфавитномъ, по авторамъ, предметамъ, и проч.) не забывайте выставлять точно и вѣрно: зала (такая-то), шкапъ (такой-то), нумеръ такой-то. Пусть библіотека умножается новыми пріобрѣтеніями (десятками, сотнями, тысячами томовъ); несите книги въ залы, ставьте въ шкапы по форматамъ, тискайте на переплетахъ продолженіе нумеровъ, и дѣло сдѣлано; въ каталоги можно внести заглавія книги въ свободное время, ознакомясь съ содержаніемъ ихъ, справясь съ библіологіями, учеными журналами и проч. и проч.

Довольно. Да здравствуетъ XIX вѣкъ! Да здравствуютъ прогрессы наукъ. Да здравствуетъ романтизмъ библіотечный!!" (*Вх.* и *Исх.* II, 292—295).

Когда выпускъ *Извѣстій*, въ которомъ напечатана была означенная статья съ чужою редакціею, дошелъ до Строева, то вотъ что онъ написалъ къ Коркунову отъ 24-го іюля, 1856 года: „На дняхъ я получилъ послѣдній выпускъ *Извѣстій*, въ которомъ увидѣлъ статью, *О расположеніи библіотекъ*, подъ моимъ именемъ, и не узналъ ее. Какое г. Издатель *Извѣстій* имѣлъ право передѣлать, общипать, даже исказить, сочиненіе академика, ему равнаго, но только отсутствующаго. Въ Уставѣ Академіи Наукъ етого права никому не предоставлено; да и вѣжливость ничего подобнаго допустить не можетъ. Къ И. И. Давыдову, яко президенту Отдѣленія, я напишу особое письмо съ протестомъ, хотя разумѣется, ето ни къ чему не поведетъ. Какъ жаль, что вамъ не угодно было защитить моихъ авторскихъ правъ, въ етомъ странномъ случаѣ, или увѣдомить меня предварительно о терзаніи, на которое осудили статью мою" (*Вх.* и *Исх.* II, 303).

Недѣлю спустя, Строевъ отправилъ къ И. И. Давыдову слѣдующее оффиціальное письмо: „Въ 1827 году, по выходѣ въ свѣтъ Рейсова *Ordo Bibliothecae Universitatis Caesareae Mosquensis*, я набросалъ статью *о простомъ и удобномъ способѣ располагать большія библіотеки*, для помѣщенія въ *Сѣверномъ Архивѣ* Булгарина. Всѣ признавали простоту и удобство моего способа, но высказывали, что

идти противъ Европейскихъ системъ библіологіи и расположенія по нимъ библіотекъ намъ *Россіянамъ* слишкомъ отважно и (пожалуй) невѣжественно. Совершенно нежданный случай заставилъ меня вынуть изъ стараго портфеля давно набросанную мною статью, пообдѣлать ее и почистить: само собою разумѣется въ духѣ того времени, когда ета статья написана; когда были въ ходу романтизмъ, игривость слога, невинныя остроты и т. п. Ету статью я намѣревался помѣстить въ *Отечественныхъ Запискахъ* или въ *Современникѣ*, журналахъ солидныхъ и имѣющихъ обширный кругъ читателей, и вѣроятно получилъ бы какое-нибудь денежное вознагражденіе. Когда статья была готова къ отправленію въ С.-Петербургъ, въ одинъ изъ помянутыхъ журналовъ, мнѣ пришло на мысль: предметъ довольно важенъ, теперь въ ходу, и изложеніе статьи прилично; не прочесть-ли прежде въ Академіи Наукъ и пожалуй уступить для напечатанія въ *Извѣстіяхъ*. Хотя *Извѣстія* читаются очень не многими и внѣ столицы почти неизвѣстны, но журналъ ученый и сочиненію Академика быть тамъ приличнѣе, нежели въ частныхъ журналахъ (такъ мнѣ казалось). Вздумано—сдѣлано. М. А. Коркуновъ принялъ статью отъ г. Стойковича (моего зятя) и 31-го мая увѣдомилъ меня, что во Второмъ Отдѣленіи она прочитана, набрана для *Извѣстій* и вскорѣ будетъ отпечатана. Оставалось ожидать выхода въ свѣтъ напечатаннаго. И что же?.. Напечатана подъ моимъ именемъ и съ моею внизу ремаркою, но въ какомъ видѣ? Какъ мнѣ признать ее своею и отвѣчать за нее предъ публикою? Издатель, или кто другой, принявшій на себя трудъ быть моимъ учителемъ стилистики, разсудилъ за благо статью мою переработать по своему, обрѣзать, общипать, даже въ мѣстахъ двухъ-трехъ исказить. Примѣръ едва-ли виданный въ ученыхъ обществахъ заграничныхъ? Въ уставѣ нашей Академіи я также не нашелъ, чтобы издатель или секретарь отдѣленія, ни даже кто-либо изъ академиковъ наличныхъ, имѣлъ право передѣлывать сочиненіе соакадемика отсутствующаго, безъ его вѣдома и согласія; еще менѣе поступить съ статьею, присланною соакадемикомъ для прочтенія въ засѣданіи академическомъ, какъ съ упражненіемъ ученика, которое учитель имѣетъ полное право марать и перемарывать.

Самому Второму Отдѣленію, въ полномъ его составѣ, предлежало *законно* одно изъ трехъ: 1) принять и напечатать присланную мною статью вполнѣ, или 2) возвратить назадъ для передѣлки (еслибъ я на то согласился), или 3) вовсе отринуть. Передѣлка и маранье произвольное, безъ вѣдома и согласія автора, равнаго во всѣхъ правахъ съ своими сочленами (академиками), никакъ не могутъ быть допущены; ето противно здравому смыслу. На семъ основаніи я протестую

противъ поступка г. издателя *Извѣстій*, или того лица, которое, безъ моего вѣдома и прошенія, приняло на себя трудъ быть моимъ учителемъ стилистики, какъ бы оно умно и учено ни было suum cuique. Знаю, что протестъ мой походитъ на протестъ Орлеанскихъ принцевъ и принцессы Клементины противъ Луи Наполеона (сила солому ломитъ, пословица); но все-таки протестую. Вмѣстѣ съ симъ я считаю себя въ правѣ статью (мою) въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ-подъ моего пера и въ Академію доставлена, помѣстить въ одномъ изъ столичныхъ журналовъ, съ приличною о причинѣ и существѣ помѣщенія оговоркою и вѣроятно ето сдѣлаю“ (*Вход. и Исход.* II, 303 об.—304).

Коркуновъ, въ оправданіе свое, писалъ къ Строеву, отъ 3-го августа: „Относительно статьи вашей въ *Извѣстіяхъ* скажу, что она прочтена была сначала въ Отдѣленіи и назначена къ печатанію безъ измѣненій; но по вторичномъ чтеніи, въ корректурномъ листѣ, сдѣланы измѣненія, по выраженію Ивана Ивановича, цензурныя. Я возражалъ противъ всякихъ измѣненій въ вашей статьѣ, но меня не послушали и отвѣчали, что цензурныя измѣненія допускаются во всякой статьѣ и указывали на статью К. И. Арсеньева, которая лежала съ 1841 года не напечатанною, по строгости прежней цензуры, и объ которой я столько хлопоталъ, чтобы она явилась въ свѣтъ. Если вы считаете меня виноватымъ и послѣ настоящихъ объясненій, то простите мою неточность въ исполненіи вашего порученія. Я дорожу много вашей главною мыслью о расположеніи библіотекъ, и знаете-ли, что такой порядокъ былъ въ теченіи 200 лѣтъ наблюдаемъ въ библіотекѣ Александровскаго Университета. Его ввелъ, кажется, Портанъ“ (*Вх. и Исх.* II, 308).

На это Строевъ отвѣчалъ Коркунову: „Письмо ваше убѣдило меня въ понятіи, которое я сдѣлалъ себѣ по прочтеніи моей несчастной статьи, истерзанной въ *Извѣстіяхъ*, еще не зная ничего о сообщенныхъ вами теперь обстоятельствахъ: Иванъ Ивановичъ, *) всегдашній педагогъ, бывшій профессоръ стилистики и нынѣ начальникъ педагогическаго училища, видѣлъ передъ собою всегда тетрадки учениковъ и привыкъ ихъ марать и перемарывать; а какъ *привычка вторая натура*, то немудрено, что и статья соакадемика показалась ему ученическимъ упражненіемъ, съ которымъ онъ властенъ былъ дѣлать все, что ему пришло въ голову. Цензурныя измѣненія, какъ вы пишете, позвольте сказать, слишкомъ не хитрая и нелѣпая оговорка: вы сами ето чувствуете и понимаете. Очень жа-

*) Давыдовъ.

лѣю, что васъ утруждалъ и не отослалъ просто моей статьи въ какой нибудь журналъ частный: напечаталибъ охотно, да еще далибъ и деньги. При етомъ случаѣ я вспомнилъ двухъ Москвичей, которые помѣстили свои статьи въ *Извѣстіяхъ* и послѣ жаловались на своевольство редакціи; поступокъ со мною какъ съ академикомъ, почти не вѣроятенъ“ (*Вх. и Исх.* II, 310).

Вслѣдъ за тѣмъ Строевъ получилъ письмо отъ самого И. И. Давыдова (отъ 7 августа): „Вы сѣтуете на редактора *Извѣстій* за то, что статья ваша напечатана сокращенно. Обвиняемый вами ни мало не виноватъ: вполнѣ напечатать статью вашу не соглашался исправляющій должность Непремѣннаго Секретаря Академіи, на которомъ лежитъ отвѣтственность за всѣ Академическія изданія. Я раздѣлялъ его мнѣніе, и полагалъ не помѣщать статьи вашей въ *Извѣстіяхъ* по причинамъ, представленнымъ исправляющимъ должность Непремѣннаго Секретаря; но Редакторъ находилъ статью любопытною и замѣчательною, и, желая украсить листы *Извѣстій* вашимъ именемъ, напечаталъ ее сокращенно, съ удержаніемъ всего существеннаго. Исключены изъ статьи ироническія указанія на *ученыхъ*, въ изданіи ученаго сословія безъ сомнѣнія не приличныя. Этому желанію, со стороны Редактора самому благонамѣренному, я уступилъ—и статья ваша, написанная за 30 лѣтъ юмористически, для журналовъ, явилась въ ученомъ изданіи степенною. По пословицѣ: въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, авторы не могутъ требовать отъ издателя сохраненія въ статьяхъ своихъ каждаго слова, тѣмъ менѣе отъ изданія, печатаемаго отъ имени ученаго сословія. Всѣ члены Отдѣленія подвергаются цензурѣ *сціентифической*. Что касается до намѣренія вашего перепечатать статью вашу въ *Отечественныхъ Запискахъ* или въ *Современникѣ*, то напечатаніе вполнѣ, если только издатель на это согласится, вѣроятно, безъ всякой излишней оговорки, послужитъ доказательствомъ тому, что нельзя помѣщать въ изданіи ученаго сословія всего того, что годится для частнаго журнала. По предлагаемой вами системѣ еще за нѣсколько лѣтъ была расположена библіотека Гельсингфорскаго Университета; но профессоры скоро увидѣли неудобство расположенія, въ которомъ помѣстительность выигрываетъ на счетъ научной системы, и теперь библіотека этого Университета расположена по общепринятому порядку“ (*Вход. и Исход.* II, 311, 312).

Письмо это не могло понравиться Строеву и онъ вынужденъ былъ написать И. И. Давыдову слѣдующее:

„На письмо Вашего Превосходительства, коимъ вы *поспѣшили* отвѣтить на мое письмо, я замедлилъ отвѣтомъ до сего времени, въ

чемъ прошу великодушнаго извиненія. Хотѣлъ было совсѣмъ не писать, но говорятъ: кто молчитъ, тотъ (будто бы) соглашается.

Я протестовалъ противъ того лица, которое съ моею статьею поступило какъ съ тетрадкою ученика, которую учитель имѣетъ полное право марать какъ угодно. Въ уставѣ Академіи Наукъ въ отношеніи Ординарнаго Академика, етаго права никому не предоставлено, да и предоставить не можно: что-либо подобное было бы не въ гармоніи съ званіемъ академика, съ общепринятыми приличіемъ и вѣжливостію. На всѣ доводы (изложенныя въ предъидущемъ письмѣ Строева къ Давыдову), кои мнѣ казались очень ясные и убѣдительные, Ваше Превосходительство, въ письмѣ своемъ изволили, отвѣтствовать: *Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, авторы не могутъ требовать отъ издателя (Академическихъ Извѣстій?) сохраненія въ статьяхъ своихъ каждаго слова, тѣмъ менѣе отъ изданія печатаемаго отъ имени ученаго сословія; всѣ члены Отдѣленія, т. е. Втораго (Академіи Наукъ) подвергаются цензурѣ сціентифической.*—Ето для меня вовсе новое; въ Уставѣ Академіи Наукъ я не нашелъ ничего подобнаго; винюсь въ своемъ невѣденіи. Я имѣю честь принадлежать къ Академіи почти 30-ть лѣтъ (съ столѣтняго 1826 юбилея), около семи лѣтъ былъ ея *Путешествующимъ Археографомъ*, мои донесенія и статьи печатались отъ нея всегда вполнѣ, *сціентифическихъ* цензоровъ въ то время не было и о *сціентифической* цензурѣ доселѣ слышать мнѣ не доводилось; отвѣтственность за написанное лежала всегда на одномъ авторѣ. Осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство объяснить мнѣ, или приказать кому-либо изъ вашихъ подчиненныхъ: что такое цензура *сціентифическая*, каковы ея правила, и кто у насъ *сціентифическіе* цензоры? Если что постановлено, то, согласитесь, лучше обнародовать, нежели держать въ тайнѣ; при совершенномъ знаніи своихъ обязанностей можно быть увѣрену, что не сдѣлаешь промаха.

Впрочемъ, въ отношеніи вышесказанной статьи, скажу необинуясь, что она такого рода и такъ была написана (хотя еще въ 1827 году), что я не убоялся бъ не только *сціентифической* цензуры, но и *сціентифической* инквизиціи, которой ее подвергнули, еслибы судъ надъ нею происходилъ при мнѣ; заочно можно осудить и изуродовать какое угодно сочиненіе, потому что защищать и объясняться нѣкому. Что касается до аргумента, въ томъ же вашемъ письмѣ, будто *исключены изъ статьи только ироническія указанія на ученыхъ, въ изданіи ученаго сословія безъ сомнѣнія не приличныя*—я не постоялъ бы за такія указанія, еслибъ инквизиторство коснулось ихъ однихъ; напротивъ, вся статья истерзана, оборвана и мѣстахъ въ двухъ-трехъ

искажена, о чемъ я имѣлъ уже честь довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства и получилъ въ отвѣтъ: *въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ* Замѣчу мимоходомъ, что и *ироническія указанія на ученыхъ*, какъ вамъ угодно было выразиться, не могутъ касаться ученыхъ истинныхъ, а тѣмъ менѣе оскорблять ученое сословіе, какова Академія Наукъ, потому что иронія моя была направлена исключительно на педантство и шарлатанство лже-ученыхъ; дѣло шло о *библіологахъ* педантахъ, особенно шарлатанахъ, которые, сколько бы Ваше Превосходительство не защищали ихъ, всегда будутъ и смѣшны и жалки.

Что касается до замѣчанія вашего собственно о предложенной мною системѣ расположенія большихъ библіотекъ, будто бы она не годится вовсе, потому что *помѣстительность выигрываетъ на счетъ научной системы*, то вступать въ преніи я не намѣренъ: всякій воленъ думать по своему и убѣдить противъ воли едвали можно. Желалось бы мнѣ только уразумѣть одно мѣсто, въ томъ же письмѣ Вашего Превосходительства; но за объясненіемъ, вѣроятно, мнѣ должно будетъ обратиться къ одному изъ лицъ, участвовавшихъ въ терзаніи несчастной статьи моей. *Я полагалъ* (*сказано тамъ*) *не помѣщать статьи вашей въ Извѣстіяхъ, но Редакторъ находилъ ее любопытною и замѣчательною и, желая украсить листы вашимъ именемъ, напечаталъ ее сокращенно.* Слѣдовательно, въ цензурѣ *сціентифической* тутъ выходило разногласіе: редакторъ перемогъ, потому что *желалъ украсить листы Извѣстій моимъ именемъ.* Какоежъ украшеніе ученому журналу могло доставить имя автора, когда самая статья трактовала о пустякахъ, подобныхъ *выигрышу помѣстительности на счетъ научной системы*?.. Темна вода во облацѣхъ небесныхъ" (*Вход. и Исход.* II, 316, 317).

Объ этомъ письмѣ къ Давыдову Строевъ писалъ къ Коркунову: „Къ г. Предсѣдателю Втораго Отдѣленія я отправилъ вторичное оффиціальное посланіе; вѣроятно Его Превосходительство положитъ его подъ спудъ и не предъявитъ въ собраніи Отдѣленія, какъ то было съ первымъ письмомъ моимъ" (*Вх. и Исх.* II, 319).

Между тѣмъ статья Строева, поднявшая всю эту переписку, вызвала слѣдующія замѣчанія спеціалиста библіотечнаго дѣла В. И. Собольщикова, напечатанныя въ тѣхъ же *Извѣстіяхъ* подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя замѣчанія по поводу статьи П. М. Строева о простомъ и удобномъ способѣ располагать библіотеки большаго размѣра.* Вотъ полный текстъ этихъ замѣчаній:

„Въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ (1856, т. V, выпускъ 3, стр. 187 и слѣд.), помѣщена весьма любопытная статья

П. М. Строева о простомъ и удобномъ способѣ располагать библіотеки большаго объема. При устройствѣ большихъ библіотекъ размѣщеніе книгъ представляетъ всегда трудную задачу. Было время, когда библіотекари, любители книгъ по преимуществу, смотрѣли на нихъ какъ на нѣчто живое, мыслящее, и устанавливая на полки, старались групировать ихъ по содержанію, сближать авторовъ, трактующихъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Имъ какъ будто казалось, что это не книги, а сами авторы, которымъ будетъ пріятно находиться въ знакомомъ обществѣ. Въ новѣйшее время хранители библіотекъ стали смотрѣть на книги иначе. Они охладѣли къ систематической разстановкѣ, въ которой, кромѣ нагляднаго порядка, нѣтъ никакого проку, а уразумѣли, что библіотека есть не что иное, какъ большая книга. Справляясь въ большей книгѣ мы не роемся въ текстѣ на удачу, чтобъ отыскать нужную намъ главу, а обращаемся къ оглавленію, которое указываетъ весьма обстоятельно часть книги и страницу, на которой находится то, чего мы ищемъ. Библіотекари, стали поступать точно такъ же съ библіотеками: перенумеровали книги, какъ страницы, и стали составлять въ опредѣленномъ порядкѣ каталоги, въ которыхъ, какъ въ оглавленіяхъ, показаны нумера книгъ.

По непостижимымъ законамъ умственной жизни человѣчества новый взглядъ на размѣщеніе книгъ въ библіотекахъ родился почти въ одно время въ двухъ, а можетъ быть и болѣе, мѣстахъ. П. М. Строевъ написалъ свою статью въ 1827 году, а въ 1829 подбибліотекарь Мюнхенской королевской библіотеки Мартинъ Шреттингеръ напечаталъ въ двухъ, довольно большихъ томахъ Versuch eines vollständigen Lehrbuches der Bibliothek-Wissenschaft, oder Anleitung zur vollkommenen Geschäftsführung eines Bibliothekars. Въ этой книгѣ развита совершенно та же мысль, которою подѣлился теперь съ нами П. М. Строевъ. Такъ какъ статья г. Строева оставалась до сихъ поръ въ его портфелѣ, то нельзя предполагать, что ею воспользовался Шреттингеръ. Но метода, выраженная обоими авторами, примѣненная къ дѣлу, сохраняетъ только главныя свои основанія, т. е. установку книгъ по форматамъ, а не по содержанію; что же касается до нумерованія и составленія каталоговъ, то на практикѣ метода эта представляетъ нѣкоторыя довольно важныя затрудненія. Г. Строевъ предлагаетъ, напримѣръ, перенумеровать однимъ рядомъ цифръ всю библіотеку и находитъ удобнымъ требовать изъ шкафа CXII книгу подъ № 64589-й. Въ теоріи это прекрасно, но на практикѣ можетъ встрѣтиться слѣдующее:

1. Въ перенумерованной окончательно библіотекѣ найдется дублетный экземпляръ подъ № 125 и, какъ на бѣду, экземпляръ этотъ

окажется въ 10 или, даже, 20 томахъ. Вынувъ этотъ дублетъ, нельзя оставить мѣсто незанятымъ. Подобрать такого же объема книгу новую, т. е. такую, которой нѣтъ еще въ библіотекѣ, также невозможно. Поставить одинъ или два тома, чтобъ пополнить порядокъ чиселъ, а слѣдующія книги придвинуть, чтобъ сомкнуть рядъ, это значитъ — нужно передвинуть нѣсколько десятковъ тысячъ томовъ. Если это не совсѣмъ невозможно, то по крайней мѣрѣ очень затруднительно. Мнѣ скажутъ, что нужно прежде вынуть дублеты и потомъ уже нумеровать книги. Но развѣ можно въ большой библіотекѣ вынуть всѣ дублеты окончательнó?

„2. Нѣтъ ничего легче, какъ ошибиться въ нумерѣ, состоящемъ изъ пяти, а если библіотека возрастаетъ за милліонъ сочиненій, то изъ семи цифръ. Такой нумеръ и сказать и написать одинаково трудно. Наконецъ и отыскивать его въ десяткахъ залъ также неудобно.

„3. Представимъ себѣ, что во всѣхъ залахъ большой библіотеки стоитъ MCMLXXXVIII шкафовъ, въ нихъ помѣщено болѣе милліона перенумерованныхъ книгъ, и для новыхъ приращеній нѣтъ больше шкафовъ, а между тѣмъ въ одной изъ залъ, гдѣ стоятъ шкафы CDVII до CDLXXXIX, съ книгами имѣющими нумера отъ 220,000 до 290,000, есть возможность помѣстить еще нѣсколько шкафовъ, то спрашивается: какіе нумера ставить на новыхъ шкафахъ и новыхъ книгахъ?

„4. Представимъ себѣ еще, что мы перенумеровали по методѣ П. М. Строева библіотеку, вмѣщающую 1.000,000 сочиненій. Какъ же поступить намъ съ приращеніями? Какъ поставить и какъ перенумеровать 100 вновь поступившихъ книгъ различной величины отъ огромнаго фоліанта до крошечной книжечки въ 16 долю листа? Въ этомъ случаѣ метода П. М. кажется рѣшительно непримѣнимою.

„Ставить книги на полки по величинѣ переплетовъ весьма удобно, но въ нумерованіи ихъ необходимо принять мѣры противъ тѣхъ неудобствъ, о которыхъ было говорено выше. Для этого нужно перенумеровать залы, шкафы, полки и книги на полкахъ все особыми рядами цифръ. Тогда каждая книга получитъ четыре небольшихъ нумера, которые и сказать и написать очень удобно. Вотъ примѣръ съ натуры: зала 13-я, шкафъ VII, полка 4-я, № 91. Нумера эти на книгахъ и въ каталогахъ устанавливаются въ слѣдующую формулу 13 VII$^{4}/_{91}$.

„Перейдемъ къ другому совѣту Павла Михайловича *подбить полки чѣмъ нибудь пухлымъ*, чтобъ предохранить книги отъ пыли. Я имѣю честь служить и работать въ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ книги занимаютъ около 30 верстъ протяженія. Я не могу вообразить себѣ чтобъ можно было предпринять приготовленіе тюфяковъ

на такое необъятное протяженіе. И изъ чего сдѣлать ихъ? Шерсть привлечетъ моль, а мочалка скоро потеряетъ упругость. Это потребовало бы страшной суммы денегъ, а не принесло бы существенной пользы. Пухлый подбой полки трудно и почти невозможно сдѣлать такимъ чувствительнымъ, чтобы онъ могъ защитить отъ пыли обрѣзъ книги, т. е. чтобы онъ могъ прогнуться между папки и прильнуть повсемѣстно къ обрѣзу. Противъ пыли есть другія болѣе простыя и болѣе возможныя средства: это досчечки или рейки, которыя можно привѣшивать на петляхъ къ полкамъ и такимъ образомъ прикрывать промежутокъ между книгами и полками. Въ Британскомъ музеумѣ вмѣсто этихъ реекъ повѣшена кожа; она отстраняетъ пыль до нѣкоторой степени, но не совсѣмъ. Пыль есть элементъ библіотекъ, но элементъ совершенно почти безвредный, когда книги хорошо поставлены. Мнѣ случалось снимать съ полокъ старыя изданія библіи, къ которымъ библіотекарь не прикасался болѣе 50 лѣтъ. Слой пыли на этихъ книгахъ былъ такъ толстъ, что при наклоненіи книги онъ падалъ на полъ отъ собственной тяжести, но раскрывъ книгу я не находилъ внутри слѣдовъ присутствія этого толстаго слоя на обрѣзѣ. Библіотекѣ вредитъ сырость и вредитъ разрушительно. Книгу, остававшуюся около 50 лѣтъ въ одномъ мѣстѣ, нѣтъ никакой возможности раскрыть: она ломается какъ гнилое дерево. Но противъ этого есть весьма вѣрное и дѣйствительное средство—вентиляція. Императорская Публичная Библіотека отапливается пневматическими печами, которыя дѣйствуютъ изъ подвальныхъ этажей, нагрѣваютъ всѣ залы и производятъ настоящую и сильную вентиляцію. Во всемъ зданіи Библіотеки нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ сырости.

„Предложенія П. М. Строева нумеровать книги однимъ рядомъ чиселъ и дѣлать пухлый подбой подъ полками не совсѣмъ, какъ мы видѣли, удобопримѣнимы, и потому едва ли кто рѣшится испытать эти средства на дѣлѣ; но когда опытный библіотекарь вдумается въ совѣтъ Павла Михаиловича, чтобъ библіотекари составляли каталоги порученныхъ имъ отдѣленій по своему усмотрѣнію, и разумѣнію какъ признаютъ лучше, то онъ рѣшительно возстанетъ противъ этой библіотечной анархіи, и потребуетъ чтобъ библіотекари ни подъ какимъ видомъ не дѣлали съ каталогами ничего по своему усмотрѣнію и разумѣнію. У всѣхъ людей на свѣтѣ, а въ числѣ ихъ и у всѣхъ библіотекарей разумѣніе весьма неодинаково, а усмотрѣніе измѣнчиво до безконечности. Бываютъ умы и характеры, при которыхъ убѣжденія людей въ самое короткое время измѣняются какъ въ калейдоскопѣ. Признавая возможность присутствія такихъ способностей въ библіотекаряхъ и разсматривая отдѣленія большой библіотеки, какъ части од-

ного цѣлаго, нельзя, мнѣ кажется, допустить свободное разумѣніе и усмотрѣніе въ дѣлѣ составленія каталоговъ, — нельзя потому, чтобы въ цѣлой библіотекѣ не было разнородно-каталогированныхъ частей. Библіотекари должны работать единообразно по заранѣе обдуманному и опредѣленному плану и въ составленіи каталоговъ соблюдать строго всѣ правила, предписанныя наукою. Единства должно требовать отъ библіотекарей не только во внутреннемъ порядкѣ каталоговъ, но оно должно быть соблюдаемо и во внѣшнихъ формахъ библіографическихъ карточекъ, инвентарей и проч.

„Прослуживъ при Императорской Публичной Библіотекѣ 23 года, я видѣлъ многихъ библіотекарей, дѣйствовавшихъ по своему соображенію. Знанія и способности многихъ изъ бывшихъ моихъ сослуживцевъ признаны ученымъ міромъ; но работы ихъ по Библіотекѣ, веденныя съ большимъ усердіемъ, но безъ предварительнаго плана, далеко не принесли той пользы, какую могли бы принести. Сообразивъ достоинства и недостатки всего видѣннаго мною, я составилъ сводъ правилъ для внутренняго устройства библіотекъ и веденія каталоговъ. Текущія занятія мои по Императорской Публичной Библіотекѣ не дозволяютъ мнѣ теперь довершить начатое, впрочемъ я надѣюсь, въ непродолжительномъ времени, напечатать мой небольшой трудъ, плодъ наблюденій моихъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Удовлетворяя требованіямъ публики, я ежедневно испытываю удобство принятой у насъ методы. На полкахъ нашихъ нѣтъ ни систематическаго, ни азбучнаго порядка; но всякая наличная книга и самая мелкая брошюра въ одну минуту выдается требующему, и это дѣлается не одними старыми библіотекарями: вновь поступающіе въ Библіотеку сотрудники наши въ нѣсколько дней знакомятся съ нашимъ простымъ и удобнымъ устройствомъ, и получаютъ возможность удовлетворять всѣмъ требованіямъ публики“.

Строевъ не возражалъ на *Замѣчанія* Собольщикова печатно, а ограничился только слѣдующимъ приватнымъ письмомъ (отъ 23-го декабря 1856 года) къ автору ихъ:

„Давно я сбирался написать къ вамъ, но плохое здоровье и недосуги тому препятствовали. Во *первыхъ*, искренно благодарю васъ за вниманіе, съ какимъ вы разсмотрѣли статью мою и снабдили ее вашими замѣчаніями. Мнѣніе знатока всегда важно, и противорѣчія практика гораздо полезнѣе пустыхъ разглагольствій, какія въ журналахъ нынѣ въ большой модѣ. Одно только мнѣ очень не понравилось: для чего мое *нѣчто пухлое* вамъ захотѣлось назвать *тюфяками* дорого стоющими? Такая иронія не въ гармоніи съ благороднымъ тономъ всѣхъ прочихъ замѣчаній. Нынѣ время дивныхъ (какъ гово-

рятъ) прогрессовъ, и *нѣчто пухлое* можетъ быть сдѣлано не изъ одной шерсти, мочалъ и т. под.; что же касается до издержекъ, то, конечно, (по пословицѣ) по одежкѣ протягивай ножки—извѣстно, что Императорская Публичная Библіотека очень небогата доходами. Во *вторыхъ*, да будетъ вамъ извѣстно и вѣдомо (выраженіе патентовъ), что статья моя, написанная въ 1827 году, напечатана теперь не въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ-подъ пера моего; по несчастію, ей суждено было попасть въ такъ называемую, во Второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ, *сціентифическую цензуру*, о которой до сего времени я не имѣлъ никакого понятія. Г. цензоръ Его Превосходительство И. И. Давыдовъ цѣлый вѣкъ свой возился въ школахъ съ ученическими тетрадками и маралъ ихъ безъ возможной со стороны учениковъ аппелляціи; вообразилъ также, что и съ статьею академика, равнаго ему во всѣхъ правахъ етаго званія, а въ 1827 году бывшаго уже члена-корреспондента той же Академіи, должно поступать поучительски; не затрудняясь ничѣмъ, онъ оторвалъ у статьи начало, измаралъ ее по произволенію и даже, въ торопяхъ, въ двухъ-трехъ мѣстахъ изуродовалъ. По сему случаю у насъ произошла довольно курьезная переписка, только недавно прекратившаяся: я хотѣлъ было напечатать мою статью снова, въ прежнемъ ея видѣ, въ одномъ изъ Питерскихъ журналовъ съ *приличною оговоркою*; но Его Превосходительство, кажется, принялъ надлежащія по своему сану мѣры, чтобы журналистовъ поставить въ невозможность дать ей у себя мѣстечко, что очень видно изъ послѣдняго письма его,—и мнѣ пришлось ето дѣло предать забвенію. Слѣдовательно, по обстоятельствамъ изложеннымъ, мнѣ слишкомъ нелегко вступить въ печатный бой, хотя бы съ вами, благороднѣйшимъ моимъ противникомъ, не задѣвъ Академіи Наукъ, ея *сціентифическаго цензора* и, быть можетъ, еще чего-либо очень щекотливаго. Нападеніе сдѣлано не на мою статью, въ 1827 году написанную, а на своевольную редакцію ея И. И. Давыдова, подъ моимъ именемъ напечатанную. Въ *третьихъ*, не смотря на ваши практическіе доводы, основанные на четверть-вѣковомъ исправленіи библіотекарской должности въ Императорской Библіотекѣ, я убѣжденъ въ полной возможности установить библіотеку большаго объема по способу мною предложенному: ваши *карточки* и т. под. плохая охрана отъ утратъ, и онѣ никогда не могутъ замѣнить собою печатныхъ каталоговъ, какими съ давняго времени въ Европѣ проявлялось и обезпечивается существованіе библіотекъ, извѣстныхъ своими книжными богатствами.

„Будущею весною я буду непремѣнно въ Петербургѣ, и тогда, если вамъ будетъ угодно, мы вступимъ въ словесное состязаніе, на

обширной аренѣ Публичной Библіотеки и, весьма вѣроятно, согласимъ наше разномысліе взаимными уступками (какъ водится у дипломатовъ); тогда намъ предстанетъ, какъ и подобаетъ, пріятная возможность пожать взаимно руку для единодушнаго стремленія по пути истинныхъ любителей учености и просвѣщенія" (*Вход.* и *Исход.* II, 330 об. 331).

На приведенное письмо Собольщиковъ, отъ 8-го января 1857 года, отвѣчалъ Строеву слѣдующее:

„Письмо ваше я имѣлъ честь получить и съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ отзывъ вашъ о моихъ замѣчаніяхъ на вашу статью. Жаль только, что слово *тюфяки вамъ очень не понравилось.* Говоря печатно о предметѣ наукъ, я никогда не позволю себѣ ироніи, а когда говорилъ о вашей статьѣ, то я еще меньше былъ способенъ низойти до шутокъ. Словомъ *тюфяки* я желалъ выразить необычайность, по моему убѣжденію, предложеннаго вами средства сохранять книги отъ пыли. Письмо ваше я представлялъ почтенному моему начальнику барону Модесту Андреевичу. Ваша статья и мое на нее замѣчаніе были извѣстны Его Высокопревосходительству, и я видѣлъ, что онъ искренно удивился вашему неудовольствію. Что же касается до шерсти и мочалъ, упомянутыхъ въ моихъ замѣчаніяхъ, то я считаю необходимымъ сказать вамъ, что, сверхъ должности библіотекаря, я состою еще архитекторомъ при Императорской Публичной Библіотекѣ, по праву данному мнѣ Академіею Художествъ, слѣдовательно, обязанный знать если не все, то почти все, изъ чего можетъ быть дѣлаемо что нибудь пухлое, я упомянулъ о шерсти и мочалахъ, какъ о двухъ единственныхъ матеріалахъ, которые могли бы быть употреблены для сдѣланія большаго количества подбоя подъ полками. Все прочее, пригодное на этотъ предметъ, стоило бы еще бо́льшихъ денегъ и представило бы еще большую невозможность подбивать полки. Коснувшись денегъ, я, въ качествѣ казначея библіотеки, позволяю себѣ сказать вамъ, милостивый государь, что извѣстія о доходахъ библіотеки, дошедшія до васъ, не совсѣмъ вѣрны. На предметы полезные она довольно достаточно снабжена средствами. Попеченіемъ Правительства она доведена до возможности истрачивать на однѣ книги отъ 12-ти до 15-ти тысячъ рублей. И это она дѣлаетъ изъ текущихъ своихъ доходовъ, а если встрѣчается надобность въ коренныхъ улучшеніяхъ, какъ напримѣръ увеличеніе помѣщенія, усовершенствованія въ внутреннемъ устройствѣ и т. п., то она можетъ дѣлать и гораздо значительнѣйшіе расходы. Такъ въ 1851 году на внутреннюю передѣлку одной старой половины зданія библіотеки употреблено было 20-ть тысячъ рублей. Но дѣланіе подъ полками

пухлаго подбоя едвали когда нибудь можетъ быть предпринято библіотекою, если бы даже она и преизобиловала средствами.

„Льщу себя надеждою, что наступающая весна доставитъ мнѣ удовольствіе встрѣтить васъ въ залахъ нашей библіотеки и побесѣдовать о предметѣ для обоихъ насъ интересномъ“ (*Вход.* и *Исход.* II, 337, 338).

Этимъ письмомъ и кончилось все дѣло.

XXX.

„У васъ скоро празднество“, писалъ Строеву Я. О. Ярцовъ, отъ 8-го мая 1856 года, — „торжество изъ торжествъ. Вся Москва озарится тридцатью слишкомъ золотыми каретами, турниромъ военнымъ, въ которомъ вмѣсто Монголъ новые друзья Турки будутъ играть роль; чего не говорятъ, но все ли будетъ? Въ заключеніе поздравляю и съ миромъ“ (*Письма*, II, № 498). Въ свою очередь и П. М. Строевъ писалъ М. А. Коркунову, отъ 6-го іюня того же 1856 года: „Въ ожиданіи августовскихъ праздниковъ, мы украшаемъ наши домы: красимъ, подштукатуриваемъ, чинимъ мостовую, etc... Не располагаетесь-ли вы пріѣхать къ этому времени въ Москву? Въ случаѣ надобности у меня въ домѣ нашлась бы для васъ приличная комната и посильная хлѣбъ-соль“ (*Вх. и Исх.* II, 300). Въ отвѣтъ на это приглашеніе Коркуновъ писалъ Строеву отъ 3-го августа: „Всѣ собираются къ вамъ въ Москву на праздникъ коронаціи, но я при всемъ моемъ желаніи едвали рѣшусь оставить Петербургъ въ августѣ“. Въ заключеніе Коркуновъ благодаритъ Строева за оказанное ему гостепріимство, во время бытности его въ Москвѣ, въ 1855 году, на юбилейскомъ торжествѣ Московскаго Университета (*Вх. и Исх.* II, 309). На это Строевъ отвѣчалъ: „Все *гостепріимство*, сколько припомню, заключалось въ стаканѣ чая, который жена моя предложила вамъ, когда съ великолѣпнаго обѣда Графа Закревскаго вы заѣхали къ намъ; какое-жъ тутъ гостепріимство? Въ разные годы, въ бытность

мою въ С.-Петербургѣ, я бывалъ у васъ не одинъ, а много разъ: и завтракалъ, и пилъ чай, и ужиналъ, даже игрывалъ въ карты;—вотъ ето прямое гостепріимство. Желая съ своей стороны также погостепріимствовать, какъ подобаетъ, я сдѣлалъ вамъ предложеніе, въ письмѣ моемъ отъ *6-го іюня*; но такъ какъ вы въ Москвѣ быть не располагаетесь, то объ етомъ предметѣ и писать нечего" (*Вход.* и *Исход.* II, 310).

Но Коркуновъ все-таки пріѣхалъ въ Москву, на коронацію, вмѣстѣ съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норовымъ и остановился въ Университетѣ, въ помѣщеніи, отведенномъ для Министра. По возвращеніи Коркунова въ Петербургъ, Строевъ писалъ ему (отъ 21-го сентября): „Съ недѣлю послѣ вашего визита (14-го августа), мы васъ каждый день поджидали, и комната была приготовлена, потому что вы сказали на-двое; потомъ я полагалъ, что вы еще хотя разъ меня посѣтите; самъ же я, болѣзнуя холериною, которая насилу отъ меня отвязалась, до самаго сентября почти не выходилъ со двора. Наконецъ, прочитавъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ о вашемъ повышеніи, я отправился отыскать васъ и поздравить какъ новаго генерала; но, увы, мнѣ сказали, что Министръ выѣхалъ изъ Москвы 4-го числа, а вы еще за три дня ускользнули въ Питеръ. Очень жаль, что все ето такъ случилось: мы слишкомъ мало съ вами бесѣдовали; въ 1855 году было тоже самое.

„И такъ, мнѣ остается письменно поздравить Ваше Превосходительство съ полученіемъ чина и отъ души желать, чтобы сія Монаршая милость была только преддверіемъ къ дальнѣйшимъ наградамъ по вашей службѣ. Я совершенно увѣренъ, что вы не усомнитесь въ искренности моего поздравленія".

Въ заключеніе письма своего, Строевъ говоритъ: „Наконецъ празднества кончились, высокіе посѣтители уѣхали и уѣзжаютъ. Москва скоро опустѣетъ, пойдетъ все обычнымъ порядкомъ. Я нигдѣ не былъ, никуда не втирался, сидѣлъ дома почти безвыходно" (*Вход.* и *Исход.* II, 319).

Коркуновъ, въ письмѣ отъ 14-го октября, объяснилъ Строеву: „Послѣ свиданія моего съ вами, я отправился изъ Москвы съ Княземъ Вяземскимъ, въ деревню его Остафьево, и воротился оттуда къ 25-му августа. Съ 26-го числа сего мѣсяца до выѣзда моего изъ Москвы въ Петербургъ, 1-го сентября, былъ въ большихъ хлопотахъ и почти не имѣлъ свободнаго времени; по случаю болѣзни вице-директора Департамента Народнаго Просвѣщенія Кисловскаго, долженъ былъ по большей части сидѣть дома или быть у Министра, и по дѣламъ, и безъ дѣла. Мнѣ даже не удалось ни разу заглянуть въ Глав-

ный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и я изъ Москвы привезъ только Требникъ 1677 или 1679 года и два того же времени столбца. Приношу искреннюю благодарность за поздравленіе ваше съ чиномъ, наградою для меня неожиданною и довольно убыточною. Въ представленіи къ Президенту, которое я самъ писалъ, испрашивалась мнѣ денежная награда“ (*Вход.* и *Исход.* II, 322, 323).

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ трудѣ Строева, который какъ бы канулъ въ море, не увидѣвъ свѣта Божія: это *Алфавитный Указатель къ Дворцовымъ Разрядамъ*, изданнымъ, въ 1850—52 годахъ, Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной его Императорскаго Величества Канцеляріи. Изданіе это было предпринято по волѣ Императора Николая Павловича, который въ бытность свою въ Москвѣ, приказалъ привести въ точную извѣстность всѣ дошедшія до насъ рукописи разрядовъ и по сличеніи и повѣркѣ всѣхъ списковъ, издать въ свѣтъ. Для подготовительныхъ работъ къ изданію, при Второмъ Отдѣленіи учреждена была особая Коммиссія.

Въ 1852 году выпущенъ былъ III томъ Дворцовыхъ Разрядовъ, а въ Отчетѣ Императорской Академіи Наукъ, за 1853 годъ, уже читаемъ: „Академикъ Строевъ привелъ къ окончанію *Алфавитный Указатель къ такъ названнымъ Дворцовымъ Разрядамъ*, начатый имъ въ 1851 году, и намѣренъ представить его во Второе Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи“ (*Вх.* и *Исх.* II, 133). Въ такой же мѣрѣ точное указаніе о существованіи этого труда Строева мы находимъ и въ слѣдующемъ письмѣ его къ П. И. Кеппену (отъ 22-го сентября 1856 года). „Въ началѣ текущаго мѣсяца меня извѣстили косвенно, что отъ Графа Д. Н. Блудова, по вашей обязательной рекомендаціи, прибудетъ ко мнѣ А. Н. Поповъ *), вамъ, конечно, извѣстный, а мнѣ еще нѣтъ, для трактованія объ уступкѣ составленнаго мною *Указателя къ Дворцовымъ Разрядамъ*, для напечатанія; но уполномоченный не явился и, сказываютъ, уѣхалъ уже въ С.-Петербургъ. Съ октября я примусь за четвертый, послѣдній, томъ Разрядовъ, и около февраля Указатель къ этому изданію будетъ вполнѣ готовъ; великимъ постомъ я надѣюсь быть въ Питерѣ и привезу его съ собою. Тогда будетъ видно, какъ поступать успѣшнѣе. Сообщаю вамъ теперь все вышеписанное для того, если Графъ Блудовъ когда нибудь загово-

*) Недавно скончавшійся историкъ 1812 года.

Примѣчаніе: Помѣщаемъ здѣсь автографъ черноваго письма П. М. Строева къ Н. В. Калачову, отъ 22-го апрѣля 1858 года (*Вход.* и *Исход.* III, 47), въ которомъ, между прочимъ, упоминается объ изданіи *Разрядовъ*.

№ 22.

Милостивый Государь

Николай Васильевичъ!

Письмо Ваше отъ 18 и письмецо А. А. Куника отъ 8-го текущаго мѣсяца мною получены и съ любопытствомъ прочитаны; но, говоря откровенно, оба они показались мнѣ недосказывающими чего-то о будущемъ направленіи и ходѣ занятій Археографической Коммиссіи. Выйдетъ ли она изъ подъ гнёта канцелярскихъ формъ и т. под. [redacted]? Быть можетъ Вы оба незнаете [redacted] еще ничего опредѣленнаго?

За обѣщанныя книжки усерднѣйше Васъ благодарю и, по полученіи, переплету и поставлю на полку къ I тому, стоявшему до сего времени въ одиночествѣ.

Относительно изданія Писцовыхъ книгъ, Коммиссіею предположеннаго, не скажу ни pro ни contra; но опасаюсь, чтобы изъ этого предпріятія не вышло того же, что послѣдовало съ изданіемъ Статейныхъ Списковъ и Розрядовъ: въ 1849м году накричали и насулили цѣлыя горы, а выдано немногимъ больше Гораціевой мыши. Въ Вотчинномъ Архивѣ Писцовыхъ книгъ не умѣстишь на десяти телѣгахъ, слѣдовательно есть ли возможность всю эту громаду напечатать? Издавать Пис. книги _цѣликомъ_ совершенно безполезно, но извлеченія изъ нихъ (если сдѣланныя искусно) были бы очень желательны; особенно _валовые итоги_, въ концахъ находящіеся. Я полагаю, что Г. Калачовъ и самъ не посвященъ еще во всѣ тайны этихъ громадныхъ, хотя однообразныхъ, книгъ; а безъ предварительнаго изученія предмета едва ли можно приступать къ обрабатыванію съ полною увѣренностію въ несомнѣнномъ успѣхѣ? Въ 1849м году я предсказывалъ участь изданія Ста-

писцовыхъ Списковъ, потому что очень хорошо знаю ихъ;
теперь очень ясно предвижу судьбу Писцовыхъ
книгъ въ будущей печати.

Замѣчанія на „Акты Юридическіе" я сообщу
Вамъ въ свое время, когда, по слабому здоровью моему,
успѣю ихъ вполнѣ обработать. Припечатать ихъ Вы можете къ концу втораго тома, который, вѣроятно,
въ годъ, если не больше, пропечатается. Въ настоящее
время, признаюсь, мнѣ не до работъ ученыхъ: гнетутъ
два вопроса жизненныхъ, отъ рѣшенія которыхъ
зависитъ будущее существованіе. Какъ помѣщикъ,
Вы понимаете очень хорошо первый вопросъ;
второй заключается въ томъ, что Высочайше
учрежденная Коммиссія присудила намъ домъ, по
прошествіи десяти лѣтъ, сломать для постройки
каменнаго: продать его необходимо, а при такомъ
условіи, кто же купитъ иначе, какъ не за безцѣнокъ

Мой усерднѣйшій поклонъ А. А. Кунику и А. Ѳ. Бычкову, когда въ собраніи Археографич. Коммиссіи ихъ увидите.

[illegible]

Апрѣль 22, 1858.
Москва

Н. В. Калачеву

ПОДПИСЬ П. М. СТРОЕВА.

Павелъ Строевъ

ритъ съ вами объ етомъ дѣлѣ, вы будете знать достаточно, что покамѣсть должно отвѣтствовать (*Вх.* и *Исх.* II, 320).

Къ сожалѣнію въ бумагахъ, оставшихся послѣ П. М. Строева не сохранилось и слѣдовъ этого Указателя, и гдѣ онъ теперь находится, намъ неизвѣстно.

Въ 1856 году, въ достопамятную эпоху Священнаго Коронованія Государя Императора, въ Москвѣ возникла мысль о возстановленіи и приведеніи въ первоначальный видъ древнихъ палатъ бояръ Романовыхъ, гдѣ родился первый Русскій царь изъ благословеннаго Дома Романовыхъ. Ревностнымъ поборникомъ этой мысли явился Князь М. А. Оболенскій. И вотъ, въ ноябрѣ 1856 года, Строевъ получилъ отъ Князя слѣдующую оффиціальную бумагу за № 629-мъ: „Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго мнѣ г. Министромъ Императорскаго Двора, объ изысканіи данныхъ, при содѣйствіи извѣстныхъ Русскихъ Археологовъ, въ удостовѣреніе того, что постройка стариннаго дома, принадлежащаго къ Знаменскому монастырю, что на Государевомъ старомъ дворѣ, на Варварской улицѣ, дѣйствительно со времени рожденія царя Михаила и что домъ сей составлялъ если не самое обиталище рода Романовыхъ, то по крайней мѣрѣ часть онаго,—обращаюсь къ вамъ какъ старѣйшему изъ Русскихъ Археологовъ, съ покорнѣйшею просьбою сообщить мнѣ извѣстныя вамъ свѣдѣнія объ означенномъ монастырѣ и о находящемся при ономъ старинномъ домѣ, а равно и ваше мнѣніе по сему любопытному вопросу. для представленія сихъ данныхъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору“ (*Вх. и Исх.* II, 325).

Но участіе Строева въ этомъ предпріятіи, ограничилось только слѣдующимъ письмомъ его къ Князю Оболенскому (отъ 22-го ноября, 1856 года): „Такъ какъ Ваше Сіятельство, не довольствуясь моими указаніями и свѣдѣніями, изложенными вамъ изустно, непремѣнно желаете имѣть письменный отвѣтъ на письмо ваше отъ 7-го сего мѣсяца, то поспѣшаю васъ симъ удостовѣрить, что онъ будетъ изготовленъ и доставленъ въ возможно-скоромъ времени. Ревматическіе приливы къ головѣ сильно безпокоятъ меня, не даютъ спать по ночамъ и отнимаютъ возможность писать. Ктомужъ отвѣтъ на запросъ по Высочайшему повелѣнію, долженъ быть, какъ и сами согласитесь, зрѣло обдуманъ и раціонально изложенъ; а что скоро (какъ говоритъ пословица), то не здорово“ (*Вх. и Исх.* II, 330).

Года три производились работы по возстановленію древняго Романовскаго дома, и наконецъ, 22-го августа 1859 года, совершено было, по особому чину, въ Высочайшемъ присутствіи, митрополитомъ

Филаретомъ обновленіе палатъ. При чемъ Владыка произнесъ слѣдующее слово:

„Благочестивѣйшій Государь! Осуществилась Твоя знаменательная мысль о Домѣ Твоихъ предковъ. Онъ вызванъ изъ мрака забвенія, облеченъ древнимъ и древлеподражательнымъ узорочіемъ; окомъ прошедшихъ вѣковъ смотритъ на будущее, и призываетъ ихъ къ размышленіямъ.

Вотъ скромный древній домъ, который можетъ считать своими потомками великолѣпные дворцы, и это потому, что въ немъ обитали, благочестіе, правда, любовь къ отечеству.

Вотъ не высокія храмины, изъ которыхъ вышли высокія души. Романовы доблестно дѣйствовали для отечества, великодушно страдали для отечества, и всеправедный Отецъ, *изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется*, судьбами Своими устроилъ то, что родъ Романовыхъ привился къ древнему роду царей и произвелъ отцевъ отечества.

Сіи воспоминанія встрѣчать будетъ каждый сынъ Россіи, при воззрѣніи на Романовскій домъ, и сердце его скажетъ ему: честь и слава Царю, чтущему доблестныхъ предковъ! Научимся отъ него и мы чтить и хранить древнюю доблесть, которую можетъ украсить, но не замѣнить новый блескъ".

Съ 1860 года, установлено ежегодно совершать въ Знаменскомъ монастырѣ, въ день памяти преподобнаго Михаила Малеина (12-го іюля), литургію съ панахидою архіерейскимъ священнодѣйствіемъ (Преосвящ. Савва. *Воспомин. о Высокопреосв. Леонидѣ. Харьковъ, 1877 г.* стр. 138, 139).

Возвратимся, однако, къ стародавнему труду Строева, который уже десятый годъ тяготѣлъ надъ нимъ.

Отъ 31-го мая 1856 года, Коркуновъ писалъ Строеву: „Министръ поручилъ мнѣ, поговорить съ вами объ *Указателѣ къ Лѣтописямъ*, и я бы просилъ васъ прислать его сюда или напечатать въ Москвѣ: первое, по случаю выхода въ свѣтъ новыхъ изданій Коммиссіи, было бы по моему гораздо лучше лично для васъ; вы бы могли быть представлены къ Высочайшей наградѣ. Въ Москвѣ вы напечатаете нескоро, а изданія готовятся къ концу осени. Присылайте, право не останетесь въ накладѣ" (*Вх. и Исх.* II, 298).

На это предложеніе Строевъ отвѣчалъ: „Относительно Указателя къ Лѣтописямъ нечего и толковать до переселенія моего въ С.-Петербургъ. Дѣло ето вы трактуете слишкомъ легко и поверхностно. Изданіе Я. И. Бередникова, по странному расположенію и важнымъ недостаткамъ не можетъ быть снабжено *валовымъ* Указателемъ; а

Родословныя таблицы (безъ которыхъ ему быть невозможно) требуютъ огромной *критической* обработки, справокъ и дополненій изъ Лѣтописей еще неизданныхъ. Ктому же я очень хилъ здоровьемъ, почти слѣпъ и работать усидчиво по прежнему не могу; выпустить же въ свѣтъ что-нибудь и какъ-нибудь не мое дѣло. Что касается до представленія къ *Высочайшей наградѣ*, то въ 60 лѣтъ, при разстроенномъ здоровьѣ и очень недостаточномъ состояніи подобныя награды не слишкомъ лестны. Ученый долженъ работать только для успѣховъ Науки, имъ избранной; а истинные успѣхи не скоро и не легко добываются. Пора отступить отъ Шихматовской методы, который ученыхъ превращалъ въ чиновниковъ и дѣла ученыя въ канцелярскія: Его Сіятельство очень хлопоталъ о томъ, чтобы въ извѣстное время и къ дню торжественному напечатано было опредѣленное число томовъ; результаты подобныхъ хлопотъ, какъ вамъ извѣстно, не всегда бывали блистательны и между прочимъ исказили и обезобразили Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, много обѣщавшее при своемъ началѣ". (*Вх. и Исх.* II, 299 об.).

Въ торжественный день Академіи Наукъ, 29-го декабря 1856 года, Строевъ привѣтствовалъ Коркунова слѣдующимъ письмомъ: „Привѣтствую васъ съ наступающимъ новымъ 1857 годомъ и искреннѣйше желаю, какъ въ теченіи онаго, такъ и во всю жизнь вашу, наслаждаться паче всего добрымъ здоровьемъ, котораго цѣну я теперь только постигаю, сдѣлавшись болѣзненнымъ и полузрячимъ старикомъ... У насъ погода зимняя кажется установилась: до сего времени была страшная распутица, снѣгъ выпадалъ и таялъ нѣсколько разъ, рѣка стала и разошлась, переходы отъ холода къ теплу и обратно, были необыкновенные, дороговизна дровъ и съѣстныхъ припасовъ все еще непомѣрная. О странахъ по ту сторону Оки разсказываютъ чудеса небывалые. Дописывая письмо я вспомнилъ, что сегодня, безъ всякаго сомнѣнія, вы сидите въ Конференцъ-Залѣ Академіи Наукъ и наслаждаетесь вполнѣ слушаніемъ ежегоднаго отчета. Минуло ровно тридцать лѣтъ, когда на столѣтнемъ юбилѣе 29-го жъ декабря, я удостоился избранія въ корреспонденты; какъ мало осталось изъ присутствовавшихъ тогда академиковъ"! (*Вход. и Исход.* II 335 об. 336).

На это письмо Коркуновъ отвѣтилъ лишь 22-го мая, 1857 года: „Я передъ вами кругомъ виноватъ и прежде всего прошу униженно извинить и простить меня, что на письмо ваше не отвѣчалъ въ свое время: сначала не могъ взяться за перо за нездоровьемъ и нездоровьемъ весьма страннымъ; *я страдалъ головными болями и, странно сказать, не выносимою хандрою.* Если вѣрить докторамъ, то всему

виной геморой и Петербургскій климатъ. Въ Москвѣ я думалъ отдохнуть отъ хлопотъ, но болѣзнь Кисловскаго, да поѣздка съ Княземъ Вяземскимъ въ Остафьево, не дали мнѣ времени ни для отдыха, ни для своихъ занятій. По этому не видался передъ отъѣздомъ изъ Москвы и съ вами. Мы все также съ Куникомъ толкуемъ о томъ, чтобы Академіи слѣдовало пріобрѣсти у васъ составленныя вами: Библіографическій Указатель рукописныхъ сочиненій и Списки монастырскихъ настоятелей. Если вы рѣшитесь на что-нибудь, то увѣдомьте или меня или Куника, который какъ Нѣмецъ, вѣрно аккуратнѣе, хотя тоже не можетъ похвастаться своимъ здоровьемъ... Очень любопытно было бы для меня знать ваше мнѣніе о статьѣ моей относительно Мѣстничества, напечатанной въ *Извѣстіяхъ*. Погодину были извѣстны нѣкоторые изъ этихъ актовъ, но онъ относилъ ихъ ко временамъ Донскаго и Василія Димитріевича. Съ замѣчаніемъ Соловьева относительно предлога *за* я согласенъ; но два другія замѣчанія не могу принять. Въ настоящее время, меня занимаетъ Тмутараканская надпись; никакъ не могу убѣдиться въ ея подлинности. Вторично прошу извинить меня за мое долгое молчаніе ивпредь постараюсь быть исправнѣе въ отвѣтахъ, чтобы загладить свою вину" (*Вх. и Исх.* III, 4, 5).

Это было послѣднимъ письмомъ Коркунова.

13-го января 1858 года, послѣ пятнадцати дневной болѣзни, не стало Михаила Андреевича. 18-го числа, тѣло его было предано землѣ на Волковомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ. При чемъ О. Протоіерей Строкинъ въ надгробномъ своемъ словѣ сказалъ слѣдующее: „*Не можемъ, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати* (Дѣян. IV, 20); не можемъ не возвѣстить всѣмъ и каждому, что усопшій былъ благочестивый изъ христіанъ, благороднѣйшій изъ людей".

А. А. Куникъ, отправляя Строеву Рѣчи, сказанныя при погребеніи Коркунова, писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдующее:

„Послѣ смерти М. А. Коркунова г. Министръ Народнаго Просвѣщенія поручилъ покамѣсть мнѣ и особенно Н. В. Калачову завѣдывать текущими дѣлами Археографической Коммиссіи. Между прочимъ, Авраамъ Сергіевичъ приказалъ мнѣ отнестись къ вамъ на счетъ печатанія *Указателя къ Лѣтописямъ*. Вслѣдствіе такого приказанія покорнѣйше васъ прошу, милостивый государь, увѣдомить меня *въ скорѣйшемъ времени*, когда вы полагаете приступить къ печатанію упомянутаго Указателя? Какъ вамъ извѣстно, празднуетъ Археографическая Коммиссія въ будущемъ году свое двадцатипятилѣтіе. Г. Министръ желаетъ, чтобы до того времени были бы окон-

чены нѣкоторыя предпріятія Коммиссіи, между прочимъ и вамъ *порученное*.

Считаю лишнимъ увѣрить васъ, что я съ своей стороны вполнѣ готовъ содѣйствовать вамъ при изданіи Указателя на сколько это отъ меня зависитъ (*Вход.* и *Исход.* III, 30).

На это письмо Строевъ отвѣчалъ, отъ 14-го марта 1858 года: „Письмецо ваше подъ адресомъ *на Тверской* (*чит. Садовой*) *противъ Спасскихъ казармъ*, хотя и странствовало по разнымъ улицамъ, однакожъ дошло до меня 2-го марта. Тогда и болѣе недѣли послѣ я страдалъ грипомъ (или гриппою), болѣзнію здѣсь повальною; наконецъ повыздоровѣлъ и принимаюсь за перо, чтобы вамъ отвѣтствовать. Совсѣмъ неожиданная кончина М. А. Коркунова, о которой я прочиталъ нечаянно въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* вечеромъ 16-го января, рѣшительно поразила меня: мы были всегда въ дружескихъ отношеніяхъ, а онъ, какъ извѣстно, не упускалъ случаевъ быть обязательнымъ; и давно ли я бесѣдовалъ съ нимъ такъ пріятно въ моемъ кабинетѣ? Все высказанное въ *Рѣчахъ* вами присланныхъ, объ етомъ рѣдкомъ человѣкѣ, поистинѣ справедливо и я не знаю что еще можно было бы прибавить. Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ и Археографическая Коммиссія лишились въ немъ самаго полезнаго, дѣятельнаго, и притомъ очень сметливаго дѣлопроизводителя. И такъ изъ членовъ Археографической Коммиссіи, видѣвшихъ ея начало, остаются Н. Г. Устряловъ и вашъ покорный слуга. Николай Герасимовичъ мало участвовалъ въ ея занятіяхъ и давненько, кажется, совсѣмъ ее оставилъ, чтобы подвизаться на другомъ поприщѣ, гдѣ ожидаетъ его всякое преуспѣяніе. Прочіе сочлены отошли ad patres и притомъ въ такое короткое время. Очередь за мною, какъ старшимъ по лѣтамъ. Быть можетъ и недалеко до того, когда въ газетахъ будетъ напечатано: *Академикъ Строевъ* (*вѣроятно въ Москвѣ, а кто знаетъ гдѣ?*) *такого то мѣсяца и числа переселился въ вѣчность*. Что будетъ сказано далѣе—не знаю. Дѣйствительно, если вы представляете себѣ меня такимъ, какимъ видали въ С. Петербургѣ въ послѣднюю мою тамъ бытность (1850 лѣтомъ), то очень и очень ошибаетесь. Хотя мнѣ не болѣе 62 лѣтъ, но я уже слишкомъ плохой здоровьемъ старикъ: почти слѣпъ, начинаю глохнуть и, что всего хуже, память часто измѣняетъ мнѣ; а етотъ недостатокъ очень важенъ для археолога. Заниматься писаніемъ по вечерамъ, уже давненько, я вынужденъ былъ оставить, читаю еще понемногу, и то съ промежутками, иначе на слѣдующее утро слѣпну; днемъ я въ состояніи писать не болѣе двухъ-трехъ часовъ сряду, дѣлаются приливы чего-то къ головѣ и, если пофорсировать, можно дойти до обмо-

рока; кромѣ того геморой и другіе старческіе недуги. Mens sana in corpore sano. Я уже распорядился, а современемъ и помѣщу въ духовномъ завѣщаніи, чтобы всѣ портфели моихъ бумагъ, неоконченные труды, выписки и проч., тотчасъ послѣ смерти отосланы были въ Академію Наукъ, какъ въ такое ученое мѣсто, къ которому во всю жизнь я имѣлъ особенную симпатію и которое оказало необходимое содѣйствіе важнѣйшему изъ моихъ предпріятій. Вы, достопочтенный и многоуважаемый Аристъ Аристовичъ, оказали огромную услугу незабвенному Ф. И. Кругу, нашему благодѣтелю, выразивъ, частію обработавъ и прилично обставивъ, все, что онъ произвелъ (или успѣлъ произвести) истинно дѣльнаго въ теченіе своей трудолюбивой жизни; между тѣмъ, объ етомъ знаменитомъ Академикѣ только и было слышно *ничего не дѣлаетъ, ничего не печатаетъ*, потому что въ отчетахъ Академіи имя его не часто встрѣчалось, а отчетамъ всякаго рода, должно замѣтить, въ прежнее время придавали несравненно менѣе важности, нежели въ настоящее. Не откажите-жъ и мнѣ, разумѣется когда меня не будетъ на бѣломъ свѣтѣ, и мои портфели дойдутъ до рукъ вашихъ, оказать подобную услугу, если будетъ то можно: постарайтесь выставить Археографическую Експедицію, мною предложенную и мною доведенную до зависѣвшихъ отъ меня результатовъ, въ истинномъ ея видѣ со всѣми немаловажными послѣдствіями, которыхъ безъ нее, конечно, еще долго не было бы и въ виду. Експедицію очень скоро забыли, постарались извратить ходъ дѣла, и потомъ совсѣмъ затемнили, даже въ предисловіи къ *Актамъ Експедиціи* и въ *Академическомъ Календарѣ*, гдѣ, лѣтъ десятокъ назадъ, помѣщена была статья о всѣхъ Академіею Наукъ снаряженныхъ ученыхъ експедиціяхъ и путешествіяхъ ея членовъ. Въ неоконченныхъ трудахъ моихъ вы увидите, разумѣется въ свое время, и, надѣюсь, удостовѣритесь, что я нѣкогда что нибудь дѣлалъ, хлопоталъ; но, къ сожалѣнію, не могъ кончить и выдать. Ars longa vita brevis. Теперь обращаюсь къ письмецу вашему, отъ котораго горестное воспоминаніе о покойномъ сочленѣ нашемъ увлекло меня нѣсколько въ сторону и къ предметамъ, быть можетъ, здѣсь не совсѣмъ умѣстнымъ. По приказанію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ помянутомъ письмецѣ, вы предлагаете мнѣ вопросъ: *когда я полагаю приступить къ печатанію Указателя къ Лѣтописямъ*? и присовокупляте: *Археографическая Коммиссія въ будущемъ году намѣрена праздновать свое двадцатипятилѣтіе и г. Министръ желаетъ чтобы къ тому времени были окончены нѣкоторыя предпріятія Коммиссіи, между прочимъ и вамъ (т. е. мнѣ) порученное.* Еслибы М. А. Коркуновъ въ настоящее время здравствовалъ, то онъ,

какъ давнишній дѣлопроизводитель и, такъ сказать, хранитель всѣхъ тайнъ Археографической Коммиссіи, притомъ два раза (въ Москвѣ, 1855 и 1856 гг.) разсматривавшій *Указатель къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей* и подобно мнѣ недоумѣвавшій что съ нимъ дѣлать, вѣроятно, не затруднился бы, въ нынѣшнемъ случаѣ, отвѣчать Его Высокопревосходительству за меня и не назвалъ бы *порученіемъ мнѣ даннымъ* дѣло, предложенное мною самимъ, принятое на себя-жъ къ исполненію условнымъ (контрактнымъ) образомъ и до сихъ поръ недоведенное до окончанія по разнымъ препятствіямъ, кои побѣдить я совершено не въ силахъ. Такъ какъ вы не могли еще ознакомиться со всѣми архивскими бумагами Археографической Коммиссіи и, вѣроятно, не читывали прежнихъ моихъ донесеній и писемъ о семъ предметѣ, а Н. В. Калачову еще менѣе все ето извѣстно, то я почитаю неизбѣжною необходимостію составить подробный и ясный *Отчетъ о составленіи Указателя къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей* и препроводить его къ вамъ, милостивый государь, для представленія Г. Министру и Предсѣдателю Коммиссіи; нѣкоторыя приготовленія уже сдѣланы. Отчетъ мой будетъ изложенъ въ письмахъ (въ трехъ, быть можетъ, въ четырехъ) на имя ваше, съ небольшими промежутками для отдыха, потому что по хворому моему положенію я не могу писать много разомъ. Первое изъ сихъ отчетныхъ писемъ, надѣюсь, вы можете получить въ срединѣ Св. недѣли; послѣ завтра я намѣренъ говѣть и свободныхъ часовъ, по утрамъ, будетъ очень немного. Остальныя письмы будутъ доходить до васъ гораздо скорѣе. Тогда можно будетъ судить основательно: есть ли какая возможность *Указателю къ Полному Собранію Лѣтописей* явиться на двадцатипятилѣтнемъ юбилеѣ вмѣстѣ съ другими изданіями, къ тому приготовляемыми. Кстати о юбилеѣ. Вамъ, милостивый государь Аристъ Аристовичъ, какъ хронологу по преимуществу, не слѣдовало бы потворствовать ошибкѣ, допущенной въ Академическій Календарь неосмотрительно. Истинное двадцатипятилѣтіе Археографическая Коммиссія можетъ праздновать (если только необходимо праздновать?) въ 1862 году въ апрѣлѣ или маѣ (не помню, но справлюсь). Объ етомъ *вѣрномъ* счисленіи и о томъ, что можно было бы приготовить къ юбилею раціонально-ученаго и важнаго въ истинномъ интересѣ науки археологіи, я коснусь въ одномъ изъ моихъ писемъ. Коммисскія изданія, до сего времени, отличались наиболѣе (если не единственно?) тщательностію корректуры, но и ето достоинство мало по малу начало изчезать видимымъ образомъ. Археографическая Коммиссія, достигая 25 лѣтъ своего существованія, такъ сказать, вступая въ совершеннолѣтіе, должна оставить прежнее тѣсное поприще и выдти

на новое, истинно ученое, не подчиненное канцелярскимъ и инымъ стѣснительнымъ формамъ. На етомъ-то поприщѣ готовъ и я, хотя хворый старикъ, работать посильнымъ образомъ. Свидѣтельствую усерднѣйшій поклонъ Н. В. Калачову и привѣтствую какъ достойнаго преемника М. А. Коркунова, желая ему отъ искренняго сердца проходить избранное имъ поприще столь же успѣшно и любви достойно, какъ проходилъ его покойный предшественникъ". Далѣе, въ томъ же письмѣ Строевъ, между прочимъ, пишетъ: „Г. Кене (вѣроятно вашъ знакомецъ) предложилъ мнѣ письменно генеалогическіе вопросы, на которые прилагаемое при семъ письмо къ нему служитъ отвѣтомъ. Такъ какъ трактуемое дѣло можетъ вступить въ Археографическую Коммиссію, то потрудитесь прочитать мое письмо, для предварительнаго свѣдѣнія" (*Вход.* и *Исход.* III, 36—38).

Дѣло въ томъ, что Б. В. Кене обратился къ Строеву съ слѣдующимъ оффиціальнымъ письмомъ, отъ 24-го февраля 1858 года: „Занимаясь по порученію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича генеалогическою работою, мнѣ необходимо знать годъ рожденія Патріарха Филарета. Въ различныхъ книгахъ, относящихся до этого предмета, находящихся въ С.-Петербургѣ, а также и въ рукописяхъ Графа А. С. Уварова, я не могъ найти времени рожденія Патріарха, а также и свѣдѣнія—былъ ли онъ сынъ перваго брака или втораго. Если онъ дѣйствительно былъ рожденъ отъ втораго брака Никиты Романова, съ Суздальскою Княжною, то Романовы, по женской линіи, вѣроятно, происходятъ прямо отъ Рюрика. Не предвидя надежды отыскать въ Петербургѣ удовлетворительныхъ матеріаловъ по сему предмету, имѣю честь обратиться къ Вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою увѣдомить меня о томъ: нѣтъ ли у васъ свѣдѣній о матери Патріарха Филарета, и если онъ сынъ втораго брака, то не имѣется ли у васъ также какихъ-либо свѣдѣній о княгиняхъ дома Суздальскихъ Князей, потому что въ родословныхъ необходимо упоминать также и женъ". (*Вх.* и *Исх.* III, 29). На письмо Кёне, Строевъ отвѣчалъ (отъ 12-го марта 1858 г.): „Письмо ваше я имѣлъ честь получить, но, по болѣзни моей, до сего времени не могъ отвѣтствовать, въ чемъ покорнѣйше прошу извинить меня. Неоспоримо, что ученые и литераторы всѣхъ странъ, хотя бы лично не знакомые другъ съ другомъ, могутъ безъ всякаго затрудненія, въ случаяхъ нужныхъ, относиться взаимно и вопрошать, въ интересахъ наукъ, литературы и просвѣщенія, а ученая и свѣтская вѣжливость налагаетъ на вопрошаемаго обязанность отвѣчать и содѣйствовать достиженію искомыхъ результатовъ, поколику дозволяютъ его знанія и опытность; но таковые отношенія

и вопросы должны быть чисто приватные и имѣютъ въ виду одну истину, выводимую логически, и безъ всякой напередъ заданной мысли (arrière pensée). Ваше письмо, по своему предмету, началу и концу, носитъ на себѣ явные признаки оффиціальнаго отношенія, а потому осторожность, быть можетъ и лишняя, обязываетъ меня удержаться, на сей разъ, отъ отвѣта, на слѣдующемъ основаніи: я не начальникъ какого-либо архива, не академикъ или профессоръ исторіи, просто диллетантъ археологіи; какъ же давать мнѣ оффиціальные отвѣты по предмету, порученному вамъ Высокимъ Лицомъ Царственной Фамиліи? Конечно, я много занимался Родословіемъ княжескихъ и отчасти дворянскихъ родовъ и, въ интересѣ науки, не имѣю никакого повода скрывать отъ васъ посильныхъ знаній, пріобрѣтенныхъ мною трудомъ цѣлой жизни; въ такомъ только случаѣ я готовъ быть вашимъ усерднымъ слугою. Археографическая Коммиссія, по силѣ Устава своего, Высочайше утвержденнаго, обязана разрѣшать всѣ вопросы, подобные вами мнѣ предложенному, и на оффиціальныя отношенія отвѣчать оффиціально. Въ настоящемъ случаѣ вамъ необходимо туда обратиться. Если Коммиссія признаетъ нужнымъ поручить мнѣ, какъ своему члену, дать отвѣтъ на вопросъ вашъ и даже на будущее время вспомоществовать вамъ въ нужныхъ случаяхъ: вы получите, по колику я буду въ силахъ, все вамъ необходимое; но не иначе какъ тѣмъ же путемъ, то-есть чрезъ Коммиссію, а не иначе. Считаю неизлишнимъ заключить письмо мое небольшимъ замѣчаніемъ: вамъ необходимо сдѣлать вопросъ вашъ нѣсколько яснѣе, напримѣръ: на чемъ основано двоебрачіе Никиты Романова, какіе для сего имѣются у васъ данные (источники, документы) и, если ето не тайна, для чего необходима *натяжка*, чтобы Филаретъ Никитичъ, личность сама по себѣ великая и до сихъ поръ необрисованная какъ должно, непремѣнно происходятъ отъ Рюрика, хотя бы по женской линіи? Какъ ученику Шлецера (разумѣется, по его сочиненіямъ), признаюсь откровенно, послѣднее обстоятельство для меня вовсе непонятно, хотя, быть можетъ, оно и очень нужное“ (*Вх.* и *Исх.* III, 38).

Между тѣмъ въ это время произошла важная перемѣна въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

„Въ концѣ Страстной недѣли, писалъ Строевъ Кунику, я опять простудился и Праздники почти всѣ прохворалъ: въ ето время пронесся слухъ о перемѣнахъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, а вчера въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ я прочиталъ, что Аврамъ Сергѣевичь отъ должности Министра, по прошенію, уволенъ. Слѣдовательно, приказаніе Его Высокопревосходительства, въ письмѣ вашемъ отъ 25-го февраля мнѣ сообщенное, не имѣетъ уже очень обязательной силы и не

требуетъ поспѣшности въ моемъ отвѣтѣ. Такъ какъ мнѣ неизвѣстно, будетъ ли новый Министръ и Предсѣдатель Археографической Коммиссіи, или въ званіе Предсѣдателя облечется иное лицо, какъ было до 1853 года, то я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, извѣстить меня о семъ обстоятельствѣ.

Нельзя не пожелать, чтобы при новомъ начальникѣ нашемъ *), о которомъ въ публикѣ носятся вообще очень благопріятные и радостные отзывы, но съ которымъ, къ сожалѣнію, я не имѣлъ случая здѣсь познакомиться, Археографическая Коммиссія освободилась отъ цѣпей канцелярскихъ формъ и всякихъ стѣсненій подобнаго рода: Князь Ширинскій-Шихматовъ, какъ чистый бюрократъ, не былъ способенъ понимать интересовъ наукъ, ученыя затрудненія разрѣшалъ самовластіемъ и былъ, такъ сказать, олицетворенная канцелярская форма; о бывшемъ преемникѣ его нельзя сказать ничего опредѣленнаго, потому что дѣйствія его какъ-то не совсѣмъ выяснялись или выражались. Повторяю покорнѣйшую просьбу: увѣдомьте меня, какъ можно скорѣе, о назначеніи Предсѣдателя Археографической Коммиссіи. Будетъ ли то ученый истинный, или, подобно прежнимъ, бюрократъ?“ (*Вх.* и *Исх.* III, 40).

Наконецъ, 10-апрѣля, Строевъ получилъ отъ А. А. Куника слѣдующее письмо (отъ 8-го апрѣля).

„Прежде всего считаю долгомъ выразить вамъ, милостивый государь, мою искреннюю признательность за довѣріе, которымъ вы почтили меня въ вашемъ письмѣ, отъ 14-го марта. Будьте увѣрены, что я постараюсь оправдать это лестное для меня довѣріе, точно такъ какъ считалъ за обязанность добросовѣстно исполнить обѣщаніе, данное мною покойному Кругу.

Ваше письмо на имя Г. Кене я сообщилъ сперва, согласно вашему желанію, Коммиссіи, члены которой собирались у Аврама Сергѣевича 18-го марта. Разумѣется, всѣ смѣялись. Въ упомянутомъ засѣданіи мы просили Аврама Сергѣевича утвердить Н. В. Калачева въ званіи Правителя Дѣлъ Коммиссіи и я, съ своей стороны, по прежнему, настаивалъ на необходимости изданія *Писцовыхъ книгъ*. И это предпріятіе, кажется, состоится.

Недѣлю тому назадъ мы узнали неожиданно, что Аврамъ Сергѣевичь остается по прежнему Предсѣдателемъ Археографической Коммиссіи. Но, такъ какъ онъ скоро поѣдетъ за границу на шесть мѣсяцевъ или, можетъ быть, на годъ, то нынѣшній Министръ возьметъ Коммиссію подъ свое собственное покровительство, чему нельзя

*) Евграфѣ Петровичѣ Ковалевскомъ.

не порадоваться, тѣмъ болѣе, что теперь серьезно идетъ дѣло о возвышеніи скуднаго штата Коммиссіи, которая до сихъ поръ смогла существовать только милостынями Академіи и отчасти Департамента.

Желалъ бы еще побесѣдовать съ вами о предметахъ, которые обоимъ намъ дороги; но заваленный разнообразными дѣлами, — подъ моимъ надзоромъ печатается теперь пять сочиненій, не говоря о Демидовскихъ засѣданіяхъ,—я долженъ прекратить свое письмо, чтобы исполнить разныя просьбы Непремѣннаго Секретаря" (*Вх.* и *Исх.* III, 43,44).

Въ тоже время Строевъ обмѣнялся письмами съ Н. В. Калачовымъ. Отъ 4-го апрѣля 1858 года, Павелъ Михайловичъ писалъ Калачову:

„Въ письмѣ моемъ къ А. А. Кунику, отъ 14-го марта, я уже привѣтствовалъ васъ поздравленіемъ на новомъ поприщѣ, какъ достойнаго преемника М. А. Коркунова; въ настоящемъ письмѣ вмѣняю себѣ въ особенное удовольствіе повторить тамъ сказанное. Надѣюсь, что вы, милостивый государь, будете ко мнѣ столь же благосклонны и, въ нужныхъ случаяхъ, обязательны, какимъ бывалъ всегда незабвенный для меня вашъ предмѣстникъ.

Лѣтъ семь—восемь назадъ вамъ угодно было подарить мнѣ ваше изданіе: *Архивъ*; я переплелъ его въ то же время. Впослѣдствіи вы выдали продолженіе, кажется, въ двухъ или трехъ книгахъ; одну я бралъ у кого-то попользоваться, а прочихъ не видалъ; отъ покупки до сихъ поръ удерживался, надѣясь, что со временемъ вы укомплектуете первоначальный подарокъ; потомъ, къ сожалѣнію, я не имѣлъ ни одного случая съ вами встрѣтиться. Не поскупитесь, многоуважаемый Николай Васильичь, пополнить вашъ подарокъ, для меня очень обязательный. Въ замѣнъ я доставлю вамъ въ свое время замѣчанія на 1-й томъ *Юридическихъ Актовъ* *), вами изданныхъ: тамъ находятся такіе промахи, которые *необходимо* исправить въ слѣдующихъ томахъ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, вы также на свой счетъ издадите. Напримѣръ: кол. 82, актъ V, жалованная грамота царя Ивана Васильевича дана Новоспасскому монастырю, гдѣ всегда была архимандрія и въ 1554—58 годахъ точно архимандритъ Никифоръ, а не Новинскому (Введенія Пресвятой Богородицы на Прѣснѣ), *приписному* или *домовому* митрополитовъ, а потомъ патріарховъ, гдѣ настоятельствовали игумены и въ то время, кажется, Онуфрій. На первый разъ и

*) Акты, относящіеся до юридическаго быта Древней Россіи. Изданы Археографическою Коммиссіею подъ редакціею Члена Коммиссіи Николая Калачова. Томъ первый. Спб. 1857 года 4°.

сего довольно: sapienti sat. Изданіе ваше вообще хорошо, но, признаюсь откровенно, *Предисловіе* не много странно: не ужели въ самомъ дѣлѣ я (вашъ покорнѣйшій слуга) и Бередниковъ (покойный) не умѣли давать актамъ *приличныя* имъ названія? Подобныя сей выходки ни къ чему не ведутъ. Вы, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ, человѣкъ даровитый, свѣдущій, на хорошей дорогѣ, слѣдовательно вамъ нѣтъ, по моему мнѣнію, никакой надобности бросать по пусту перчатку людямъ, изъ которыхъ одинъ васъ уважаетъ по вашимъ достоинствамъ, а другой спитъ въ могилѣ сномъ непробуднымъ.

Меня очень занимаютъ вопросы, въ настоящее время, немаловажные: кто будетъ Предсѣдатель Археографической Коммиссіи? Да избавитъ Господь Богъ отъ канцелярскихъ формъ и прочихъ принадлежностей, коими князь Шихматовъ такъ щедро обставилъ Археографическую Коммиссію"! (*Вх.* и *Исх.* III, 41).

На письмо Строева, Н. В. Калачовъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, отъ 18-го апрѣля 1858 года:

„Позвольте принести вамъ искреннюю благодарность за вниманіе ваше ко мнѣ и за поздравленіе меня съ полученіемъ новаго мѣста. Принявъ его лишь по особенному желанію г. предсѣдателя, я самъ не надѣюсь замѣнить во всѣхъ отношеніяхъ незабвеннаго и для меня Михаила Андреевича; но во всякомъ случаѣ готовъ употребить всѣ зависящія отъ меня средства, чтобъ быть полезнымъ Гг. Членамъ Коммиссіи. Съ большимъ удовольствіемъ готовъ сообщить вамъ два нумера моего *Архива*. Для полученія ихъ потрудитель послать къ г. Филимонову *).

За обѣщанныя вами, многоуважаемый Павелъ Михаиловичь, замѣчанія на І-й томъ *Юридическихъ Актовъ* приношу вамъ глубочайшую благодарность. Тѣмъ драгоцѣннѣе для меня будутъ замѣчанія ваши, что я не только вѣрю, но и вполнѣ сознаю, что есть *промахи* въ етомъ изданіи. Не хочу скрывать, что у меня не доставало и не достаетъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, необходимыхъ для того, чтобъ избѣжать ошибокъ, подобныхъ вами указанной, и потому если вы будете такъ снисходительны сообщить мнѣ въ скоромъ времени ваши поправки, то я напечатаю ихъ въ слѣдующемъ томѣ актовъ. Кстати не могу не изъявить сожалѣнія моего о томъ, что вы не такъ поняли смыслъ замѣчанія, сдѣланнаго мною въ Предисловіи къ этимъ Актамъ относительно ихъ названій. Нисколько не отрицая умѣнья такихъ археографовъ какъ вы и какимъ былъ покойный Яковъ Ивановичь, опредѣлять акты приличными названіями, я почелъ, однако,

*) Дмитрію Дмитріевичу.

не излишнимъ обратить вниманіе и на термины нашихъ древнихъ юристовъ и на значеніе, какое они могутъ имѣть для насъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я указалъ на то, что эти названія иногда неопредѣленны, и потому не всегда могутъ дать точное понятіе о содержаніи и значеніи акта. Изъ письма къ вамъ А. А. Куника вы уже знаете, что предсѣдателемъ Коммиссіи остался Авраамъ Сергѣевичь. По случаю отъѣзда его за границу, новый Министръ разрѣшилъ мнѣ относиться прямо къ нему по всѣмъ дѣламъ Коммиссіи. Такимъ образомъ, въ отсутствіе Авраама Сергѣевича, у насъ не будетъ ни президента, ни вице-президента; но мы будемъ собираться ежемѣсячно, т. е. А. А. Куникъ, А. Ѳ. Бычковъ, я и новый членъ, назначенный для изданія Писцовыхъ книгъ, П. И. Савваитовъ. Отъ васъ же, многоуважаемый Павелъ Михайловичь, Коммиссія съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждетъ *Указателя къ Лѣтописямъ*, столь драгоцѣннаго для насъ и по вашему имени, и по важности изданія, къ коимъ онъ относится" (*Вх.* и *Исх.* III, 45, 46).

На это письмо, Строевъ отвѣчалъ Калачову, отъ 22-го апрѣля 1858 года: „Письмо ваше и письмецо А. А. Куника мною получены и съ любопытствомъ прочтены; но, говоря откровенно, оба они показались мнѣ недосказывающими чего-то о будущемъ направленіи и ходѣ занятій Археографической Коммиссіи. Выйдетъ ли она изъ-подъ гнета канцелярскихъ формъ и т. под. шихматовщины? Быть можетъ вы оба не знаете еще ничего опредѣленнаго? Замѣчанія на *Акты Юридическіе* я сообщу вамъ въ свое время, когда, по слабому здоровью моему, успѣю ихъ вполнѣ обработать. Въ настоящее время, признаюсь, мнѣ не до работъ ученыхъ: гнетутъ два вопроса жизненныхъ, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ будущее существованіе. Какъ помѣщикъ, вы понимаете очень хорошо первый вопросъ; второй заключается въ томъ, что Высочайше учрежденная Коммиссія присудила нашъ домъ, по прошествіи десяти лѣтъ, сломать для постройки каменнаго: продать его необходимо, а при такомъ условіи, кто же купитъ иначе, какъ не за безцѣнокъ? Мой усерднѣйшій поклонъ А. А. Кунику и А. Ѳ. Бычкову, когда въ собраніи Археографической Коммиссіи ихъ увидите" (*Вх.* и *Исх.* III, 47).

Со смертію Михаила Андреевича Коркунова, видѣвшаго начало Археографической Коммиссіи, почти прекратилось и участіе П. М. Строева въ дѣлахъ Коммиссіи... *Дрєвняя мимо идóша, сѐ быша вся новá.*

XXXI.

Въ апрѣлѣ 1858 года, Строевъ писалъ Н. В. Калачову: „Въ настоящее время, мнѣ не до работъ ученыхъ: гнетутъ два вопроса жизненныхъ, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ будущее существованіе. Какъ помѣщикъ, вы понимаете очень хорошо первый вопросъ“ (*Вх.* и *Исх.* III, 47 об.).

Объясненіемъ этихъ словъ служитъ нижеслѣдующее письмо, отъ 12-го числа того-же апрѣля, полученное Строевымъ отъ Сердобскаго предводителя дворянства Н. С. Ознобишина: „Государь Императоръ, снисходя на просьбу Саратовскаго дворянства, Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имя г-на начальника Саратовской губерніи, изволилъ разрѣшить открытіе Комитета въ городѣ Саратовѣ, для составленія проэкта объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Спѣшу васъ увѣдомить, какъ владѣльца населеннымъ имѣніемъ въ Сердобскомъ уѣздѣ, о столь лестномъ для Саратовскаго дворянства дозволеніи Его Императорскаго Величества, и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣю надѣяться, что вы, милостивый государь, примите участіе въ великомъ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ вашихъ или лично, пожаловавъ, мая 6-го числа сего 1858 года, въ городъ Сердобскъ, для избранія депутатовъ въ Комитетъ, или удостоивъ меня письменнымъ изложеніемъ вашего просвѣщеннаго мнѣнія, которое я сочту долгомъ представить па усмотрѣніе открывающагося Комитета“ (*Вх.* и *Исх.* III, 85).

На это письмо Строевъ отвѣтилъ Предводителю лишь 31-го января 1859 года: „Такъ какъ письмо ваше дошло до меня 11-го мая, а подъ *улучшеніемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ* разумѣется совсѣмъ иное, т. е. уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, то я не могъ ни пріѣхать въ Сердобскъ къ назначенному сроку, ни изложить письменно моего мнѣнія, котораго и до сего времени не умѣю составить: воля Монарха, безъ всякаго сомнѣнія, разрѣшитъ всѣ наши недоразумѣнія. Въ половинѣ сентября я получилъ отъ своего старосты печатныя формы, подъ заголовками: *Свѣдѣнія и Дополнительныя Свѣдѣнія*, которыя даны были ему (неизвѣстно кѣмъ) для отсылки ко мнѣ, въ Москву, и въ которыя я долженъ былъ внести все касающееся до моего Сердобскаго имѣнія, вѣроятно, для пріобщенія къ подобнымъ *Свѣдѣніямъ* о всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ Саратовской губерніи. Составленіе сихъ *Свѣдѣній* требовало сбора во едино разныхъ доку-

ментовъ и ожиданія отвѣтовъ изъ деревни на мои запросы по такимъ предметамъ, о коихъ я не имѣлъ надлежащаго понятія: только теперь могу ихъ вамъ представить; ранѣе не было возможности. Я сдѣлался Сердобскимъ помѣщикомъ въ 1803 году, по кончинѣ моей матери *), слѣдовательно съ тѣхъ поръ прошло *55* лѣтъ лѣтъ. Въ старые годы управлялъ имѣніемъ покойный мой родитель, сначала какъ попечитель малолѣтнаго, потомъ по письменной моей довѣренности. Въ 1828 году, по раздѣльному акту, мнѣ досталось въ деревнѣ Новинкѣ три ея части, а четвертая отошла къ брату моему Николаю Михайловичу; въ моихъ трехъ частяхъ было тогда, по седьмой ревизіи, 116 мужскихъ душъ, у брата 39 душъ; земля, какъ чрезполосная съ другими владѣльцами, не была еще размежевана. Въ 1839 году, по акту полюбовнаго раздѣла, опредѣлилось и количество земли и всякихъ угодьевъ; въ 1843 году, выданы намъ и особые планы; у меня оказалось $799^1/_2$ десятинъ, у брата моего—$266^1/2$ десятинъ. Въ настоящее время, по минованіи тридцати съ небольшимъ лѣтъ послѣ седьмой ревизіи, по десятой народной переписи состоитъ въ деревнѣ Новинкѣ, у меня 226 мужскихъ душъ, у брата моего—80 душъ, да еще есть новорожденные; слѣдовательно, народонаселеніе въ полномъ смыслѣ удвоилось. При крѣпостномъ состояніи крестьянъ, такая, не совсѣмъ обыкновенная, прибыль населенія могла быть выгодна; теперь ето тягость немаловажная. Какой бы надѣлъ земли, по душамъ или тягламъ, ни предположилъ Губернскій Комитетъ, я долженъ буду, кажется, всю владѣемую мною землю предоставить крестьянамъ; да и дача въ такомъ видѣ, что ее разбивать на части нѣтъ никакой возможности. Конечно, крестьяне мои, какъ всегда оброчные, находятся въ очень порядочномъ состояніи и въ послѣдствіи, въ нѣсколько лѣтъ, могли бы выкупить всю мою вотчину въ полное свое владѣніе; но гдѣ гарантія помѣщика? Воля Монарха, повторяю, разрѣшитъ недоумѣнія, въ настоящее время кажущіяся неудоборѣшимыми“ (*Вх. и Исх.* III, 100).

Наступило 19-е февраля 1861 года. Учредились Мировые Посредники и, 24-го сентября того же года, Строевъ получилъотъ Сердобскаго Мироваго Посредиика М. А. Устинова слѣдующее письмо:

„Временно обязанные крестьяне ваши, деревни Новинокъ, бывшіе въ 1855 году въ ратникахъ, принесли мнѣ жалобу слѣдующаго содержанія: Когда собиралось Ополченіе, то въ числѣ шести человѣкъ поступили въ то время и они и положено было собрать съ міру въ пользу ратниковъ по три рубля серебромъ на каждаго и выдать

*) Варвары Николаевны, рожденной Мельгуновой.

имъ; означенные деньги были собраны старостою Ѳедоромъ *Канаевымъ*, но онъ же имъ, вмѣсто 18 р., далъ только рубль на всѣхъ, объ чемъ они узнали по возвращеніи, о каковомъ поступкѣ Ѳедора Канаева жаловались вамъ, но чѣмъ рѣшено это дѣло мнѣ неизвѣстно".

На это Строевъ отвѣчалъ (отъ 30-го *сентября* 1861 года): „Мнѣ весьма пріятно познакомиться съ вами хотя заочно и письменно, потому что личное свиданіе въ етомъ мірѣ едвали возможно: я старъ, болѣзненъ, и не имѣю надежды, хотя и желалъ бы, посѣтить вашъ отдаленный край, гдѣ въ теченіи 58-ми лѣтъ имѣю счастіе быть помѣщикомъ. Исполняю не медля вами требуемое: Староста Ѳедоръ Кононовъ (по мужицки Коняевъ), завѣдующій моимъ имѣніемъ, былъ выбранъ въ 1842 году крестьянами и утвержденъ мною. До исхода 1854 года, деревня состояла подъ надзоромъ обязательнаго Семена Васильевича Богданова, помѣщика въ селѣ Дуровкѣ, который благотворилъ и мнѣ и моимъ крестьянамъ. Когда г. Богдановъ впалъ въ тяжкій и неизлѣчимый недугъ, и крестьяне чрезъ то осиротѣли, я предложилъ Новинскому міру: или выбрать новаго старосту, или оставить Ѳедора по прежнему, потому что онъ тогда просилъ увольненія; крестьяне упросили его остаться, слѣдовательно были имъ совершенно довольны. Ѳедоръ Кононовъ мужикъ честный, старательный и расторопный; въ тогдашнее военное время, при частыхъ рекрутскихъ наборахъ и безпрерывныхъ почти неурожаяхъ, ему было много хлопотъ, и я долженъ замѣтить безпристрастно, что онъ всегда болѣе льготилъ крестьянъ, нежели угождалъ мнѣ, отчего въ то время мнѣ приходилось нести ущербы. Такъ какъ у всякаго администратора есть недоброжелатели и во всякомъ обществѣ интриганы, то и въ Новинкѣ горлодралы и кляузники (именъ ихъ не называю во избѣжаніе смутъ) не долюбливали Кононова и я не разъ разбиралъ его здѣсь съ ними лично: оканчивалось всегда видимымъ примиреніемъ, но кляузы (по мужицки насёрдки) продолжались, потому что Русскіе крестьяне, особенно зажиточные, какъ и вамъ извѣстно, очень склонны къ раздорамъ и сплетнямъ. Исторія о просьбѣ ратниковъ 1855 года (не шестерыхъ, а только четырехъ: двое не участвовали) принадлежитъ къ такимъ же кляузамъ и сплетнямъ: по прошествіи трехъ лѣтъ послѣ возвращенія ратниковъ въ имѣніе (въ началѣ 1859 года) ихъ подбили недоброжелатели Кононова прислать ко мнѣ на него жалобу, объ извѣстныхъ вамъ 18 р. с.: по разсмотрѣніи просьбы, и тогда, и чрезъ годъ послѣ, когда староста былъ здѣсь, я нашелъ ее неимѣющею никакого основанія и отказался на чисто. Замѣчательно, что исковая жалоба 1859 года послѣдовала въ то самое время, когда я числившуюся на ратникахъ оброчную недоимку прежнихъ лѣтъ (рублей до

200 ассигн.), не видя возможности получить вскорѣ, сбросилъ совсѣмъ со счета и извѣстилъ о томъ письменно: вмѣсто благодарности, они вздумали, послѣ трехъ-лѣтняго молчанія, искать на старостѣ и не могли, какъ сказано выше, доказать своего иска. Таковъ, къ сожалѣнію, характеръ Русскаго крестьянина, ничѣмъ недовольнаго, вообще склоннаго къ выпрашиванію не дѣльнаго и пустымъ претензіямъ. Мнѣ извѣстно, что въ скоромъ времени, быть можетъ, поступитъ къ вамъ еще претензія на Ѳедора Кононова, отъ крестьянина Елизара Семенова, въ 5 р. с., тоже стародавняя и кляузная: поддайтесь только на разбирательство—недостатка въ тяжбахъ не будетъ. Впрочемъ, по *Положенію*, гг. Мировые Посредники освобождены совершенно отъ заботы принимать и обсуживать просьбы и жалобы крестьянъ на помѣщичье управленіе до Высочайшаго Манифеста 19-го февраля сего года; просьба, поданная вамъ ратниками, хотя относится къ старостѣ, косвенно направлена на помѣщика (т. е. на меня), два года назадъ отказавшаго въ искѣ. Я остаюсь въ полной увѣренности, что вы, руководствуясь *Положеніемъ*, какъ сію, такъ и другія подобныя, если они послѣдуютъ, на прежнія мои распоряженія, оставите, говоря технически, безъ всякихъ послѣдствій" (*Вх. и Исх.* III, 176).

Между тѣмъ, еще 28-го іюня 1861 года, староста Ѳедоръ Коняевъ извѣщалъ своего бывшаго господина о безпорядкахъ происходившихъ въ его деревнѣ отъ бунтовщиковъ и о затруднительномъ его положеніи, объ ожидаемомъ пріѣздѣ Посредника М. А. Устинова и о невѣрности будущаго сбора оброка и проч. Вслѣдствіе сего Строевъ отправилъ посланіе къ Новинскому міру, отъ 29-го іюля, самое кроткое и ласковое и предлагалъ крестьянамъ своимъ подумать о будущемъ миролюбивомъ устройствѣ взаимныхъ отношеній, наипаче-жъ о выкупѣ, какъ лучшемъ способѣ совершенно прекратить ихъ и сдѣлаться полными собственниками. На это посланіе, Строевъ получилъ (въ исходѣ сентебря 1861 года), *отвѣтъ*, написанный отъ цѣлаго деревенскаго общества, въ которомъ крестьяне изъясняли, что „такъ какъ они завсегда были ему покорнѣйшіе слуги, то и въ настоящее время и впередъ могутъ служить до послѣднихъ дней жизни". Въ заключеніи *отвѣта* сказано: „и такъ должно опредѣленіе Божіе происходить между нами". О будущемъ же пріѣздѣ къ помѣщику, для общаго составленія уставной грамоты и о выкупѣ умолчено (*Вх. и Исх.* III, 178).

Вскорѣ послѣ того Строевъ получилъ увѣдомленіе отъ старосты, что волостной старшина Дуровской волости и сельскій староста цѣлой деревни Новинки, выбраны изъ его крестьянъ; но оба выборные даже не сочли нужнымъ что либо написать ему. (*Вх. и Исх.* III, 184).

Въ половинѣ декабря прежній староста, Өедоръ Коняевъ, увѣдомилъ своего господина, что г. Посредникъ отставилъ его отъ должности, „чему онъ очень радъ", что онъ не можетъ охранять господскихъ интересовъ, и чтобы Строевъ благоволилъ на счетъ предстоящаго сбора и привоза къ нему оброка отнестись къ новымъ сельскимъ властямъ, вступившимъ уже въ отправленіе ихъ должностей. (*Вх. и Исх.* III, 185, 186).

Строевъ написалъ второе *посланіе*, волостному старшинѣ, сельскому старостѣ и всему деревенскому міру. Посланіе это отправлено было чрезъ Мироваго Посредника, которому Строевъ, между прочимъ, писалъ (отъ 16-го декабря): „Такъ какъ у крестьянъ нашихъ, какъ вообще въ цѣлой Россіи у крестьянъ обязанныхъ, есть затаенная мысль, что чрезъ два года будетъ *новая воля* и будутъ *новыя льготы*, и вообще крестьяне перестали имѣть какую либо довѣренность къ помѣщикамъ, хотя прежде ее имѣли, то я усерднѣйше и покорнѣйше прошу васъ внушить Новинскому міру, что составленіемъ уставной грамоты медлить не для чего и имъ необходимо прислать ко мнѣ довѣренныхъ или депутатовъ, по той причинѣ, что по старости и частымъ недугамъ я ѣхать къ нимъ не могу. Крестьяне Новинскіе съ незапамятныхъ временъ самоуправлялись, всею землею пользовались, оброкъ, ими платимый, ниже казенной (по *Положенію*) нормы, лѣсъ мы готовы уступить имъ за нѣкоторую прибавку оброка, или совсемъ продать: слѣдовательно нѣтъ никакого повода къ несогласію (*Вх. и Исх.* III, 187).

Вотъ полный текстъ втораго посланія Строева къ своимъ крестьянамъ: „*Сердобскаго уѣзда, деревни Новинки, временно обязаннымъ крестьянамъ моимъ, волостному старшинѣ, прежнему и нынѣшнему старостамъ, и всѣмъ отъ велика до мала, привѣтствіе и всякихъ благъ искреннее пожеланіе.*

„На Посланіе мое къ вамъ, отъ 29-го іюля, вы прислали мнѣ отвѣтъ, отъ 11-го сентября, и я его въ свое время получилъ. Въ етомъ отвѣтѣ вы завѣряете меня, что вы мнѣ преданы по прежнему и готовы служить до послѣднихъ дней вашей жизни, относя дошедшіе до меня, лѣтомъ, неблагопріятные слухи къ недоброжелательству старосты Өедора Коняева, который будто бы хотѣлъ васъ со мною поссорить. Ладно, словамъ вашимъ я покамѣсть вѣрю и за преданность вашу, выраженную въ письмѣ 11-го сентября, премного благодарю; но одни слова ничего не значатъ, пустословіе теперь не ко времени, и необходимо увѣренія въ преданности высказать на самомъ дѣлѣ.

Теперь неотложное время составленія уставной грамоты, для

собственнаго вашего блага и для моего по возможности спокойствія; откладывать далѣе и отнѣкиваться нельзя, срокъ уже близокъ.

По старости и болѣзненнымъ недугамъ я ѣхать къ вамъ не могу, хотябы очень желалось на послѣдяхъ каждаго изъ васъ обнять и со всѣми вами проститься, точно также, какъ слишкомъ тридцать лѣтъ назадъ, ходя по вашимъ избамъ, съ дѣдами и отцами вашими и ихъ семействами я здоровался; надлежитъ принять другую мѣру, звать васъ къ себѣ въ гости.

Въ будущемъ январѣ мѣсяцѣ, срокъ годичнаго платежа вами оброка: вы всегда его привозили, надѣюсь и теперь тоже будетъ. И такъ, избирите крестьянъ умныхъ и добросовѣстныхъ и такихъ, которымъ вы совершенно можете вѣрить, и пришлите ихъ съ оброкомъ: здѣсь мы потолкуемъ, согласимся, напишемъ сообща уставную грамоту; выборные ваши, возвратясь въ деревню, предъявятъ ее міру и представятъ г. Мировому Посреднику на утвержденіе, тогда все дѣло будетъ съ концомъ.

Прежде всего должно заявить вамъ, что я и братъ мой Николай Михайловичъ, желали бы всѣхъ васъ, крестьянъ Новинской деревни, сдѣлать полными собственникамя всѣхъ угодій усадебныхъ и полевыхъ, посредствомъ выкупа. Правительство въ *Положеніи* обѣщаетъ вамъ помощь; если вы не сможете внести слѣдующую отъ васъ часть взноса вдругъ, можно и разсрочить. Планы на всѣ Новинскія угодья, какъ вамъ извѣстно, у насъ безспорные и чистые. Подумайте! Если же вы, гг. крестьяне, почему-либо не захотите быть землевладѣльцами-собственниками и предпочтете еще остаться крестьянами обязанными, то къ составленію уставной грамоты съ общаго согласія у насъ нѣтъ, кажется, особыхъ препятствій: вы пользуетесь всею принадлежащею намъ землею, оброкъ платите меньше въ *Положеніи* назначеннаго, привозимый до сего времени хлѣбъ, неотмѣненный *Положеніемъ*, можно замѣнить деньгами по вашей оцѣнкѣ, за холстину вы уже три года платите бездѣлицу; остается согласиться въ лѣсѣ, хотите его купить, продадимъ; хотите только имъ пользоваться, условимся въ платежѣ за пользованіе. Обдумайте все это хорошенько и пришлите повѣренныхъ въ январѣ: мысль, что будтобы чрезъ три года будетъ *новая воля* и будутъ *новыя льготы*, должно выкинуть изъ головы; Государевъ приказъ объ этомъ вамъ, нѣтъ сомнѣнія, уже чрезъ г. Мироваго Посредника объявленъ.

Прошу васъ, обязанные крестьяне, по полученіи сего посланія, тотчасъ же извѣстить меня, что вы намѣрены сдѣлать; медлить и откладывать вдаль болѣе не приходится. Вашъ Помѣщикъ" (*Вход. и Исход.* III, 187 об., 188).

Въ началѣ февраля 1862 года, Строевъ получилъ отъ Новинскаго общества отвѣтъ, съ подписью сельскаго старосты Терентія Петрова (безграмотнаго), совершенно въ иномъ духѣ, нежели отвѣтъ сентябрьскій, довольно заносчивый и дерзкій, написанный не деревенскимъ слогомъ, но почеркомъ бойкимъ и смѣлымъ, что указываетъ на вліяніе какого нибудь грамотѣя—баломута, какихъ въ то время было много. Въ этомъ *отвѣтѣ* сказано, что общество не считаетъ нужнымъ посылать къ Строеву выборныхъ для переговоровъ, хотя бы и нашлись таковые, потому что крестьяне ожидаютъ всего отъ Его Императорскаго Величества, что переговаривать не о чемъ и подписываться не къ чему, что половина лѣса и другихъ угодій имъ почему-то принадлежитъ и т. под., чтожъ касается до оброка за истекшій 1861 годъ, то крестьяне заплатить по 45 р. ас. съ тягла были согласны, но писали, что не знаютъ сколько тяголъ, потому что у нихъ реестра не имѣется. (*Вх. и Исх.* III, 190, 191).

По полученіи такого страннаго отзыва, Строевъ отправилъ (14-го февраля 1862 года), чрезъ Посредника же, третье *посланіе* къ своимъ временно-обязаннымъ; а самому Посреднику написалъ особое письмо, слѣдующаго содержанія: „За предъявленіе *посланія* моего крестьянамъ премного благодаренъ; но не могу не замѣтить, что мои временно-обязанные при томъ предъявленіи, прикинувшись добряками, васъ нагло обманули. За недѣлю до полученія вашего обязательнаго письма дошелъ до меня отвѣтъ Новинскаго общества. Онъ написанъ съ какимъ-то на меня озлобленіемъ, небывалою заносчивостію, и довольно невѣжливъ, но въ настоящее *переходное* время письмами безграмотныхъ старостъ и крестьянъ, составляемыми писцами—баломутами, Богъ знаетъ откуда явившимися, много оскорбляться было бы слишкомъ странно. Я хотѣлъ было общественное письмо отъ 18-го января препроводить къ вамъ, какъ Посреднику нашему, подлинникомъ, для надлежащаго разсмотрѣнія, но оставилъ его у себя по слѣдующей причинѣ: въ настоящее время въ большой модѣ гласность, газетчики и журналисты охотно помѣщаютъ въ своихъ изданіяхъ статьи о крестьянской глупости, присылаемыя изъ провинцій, и щедро за нихъ платятъ; попробую написать что нибудь, въ етомъ родѣ, и напечатаю, какъ Академикъ, въ Академическихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ; быть можетъ статья моя заинтересуетъ не одинъ помѣщичій міръ. Оброкъ за 1861 годъ мнѣ слѣдовало, по обыкновенію, получить въ истекшемъ генварѣ; но до сихъ поръ я не получилъ его. Въ общественномъ крестьянскомъ письмѣ, между прочимъ, написано: *мы де согласны, по прежнему, заплатить вамъ по 45 р. ас. съ тягла, но не знаемъ сколько у насъ тяголъ, потому что реестра не*

имѣется. Ето грубая и наглая ложь. Отпуская отсюда, 2-го февраля прошлаго года, старосту Ѳедора Коняева, я вручилъ ему, при бывшихъ съ нимъ у меня крестьянахъ, по изстари заведенному порядку, *роспись тяголъ и оброка на 1861 годъ*, мною писанную и подписанную своеручно. Ѳедоръ Коняевъ, при смѣнѣ, обязанъ былъ ету *роспись* передать сельскому старостѣ Терентію Петрову... Убѣдительнѣйше прошу васъ обратить должное вниманіе на этотъ грубый и дерзкій крестьянскій крючекъ и въ силу данной вамъ отъ Правительства власти, понудить временно обязанныхъ моихъ къ немедленной присылкѣ оброка. Мои крестьяне, добряки и простяки, придумали штуку еще наглѣе: на предложеніе мое купить у меня лѣсъ, которымъ они никогда не пользовались, они объявили мнѣ въ заносчивыхъ выраженіяхъ, что если не весь лѣсъ, то половина его, почему-то имъ принадлежитъ. Послѣ такого отзыва я ожидаю, что они объявятъ право и на рытье плитняка и извести, которыхъ въ нашей почвѣ изобиліе, и будутъ торговать ими. Въ прежнее время промышленники предлагали мнѣ за рытье деньги, но я заглазно не позволялъ портить дачи. Я приступилъ къ составленію уставной грамоты на Новинку. Меня затрудняютъ разсчеты выкупной суммы за усадьбы и т. под., потому что крестьяне, живучи всегда вдалекѣ отъ меня и пользуясь землею во всемъ составѣ дачи, расширяли какъ хотѣли поселеніе, огороды, конопляники, и проч., и даже выгонъ обратили въ пашню, о чемъ я узналъ только въ недавнее время. Такою-то свободою въ дѣйствіяхъ и такими-то льготами они пользовались при крѣпостномъ правѣ, и въ возмездіе за мои всегдашнія милости начинаютъ платить озорничествомъ и грубостями" (*Вх.* и *Исх.* III, 193).

Приводимъ текстъ и третьяго *Посланія* Строева къ крестьянамъ:

Деревни Новинки сельскому старостѣ Терентію Петрову и всѣмъ временно-обязаннымъ моимъ крестьянамъ.

„На Посланіе мое къ вамъ, отъ 16-го декабря, отвѣтъ вашъ дошелъ до меня 4-го числа текущаго февраля: онъ написанъ совсѣмъ въ другомъ духѣ, нежели страховое письмо ваше, отъ 11-го сентября, которымъ я тогда остался очень доволенъ. Я писалъ къ вамъ кротко и простодушно, а вы отвѣчаете мнѣ съ какою-то злобою, запальчивостью, и не совсѣмъ вѣжливо: чѣмъ же вдругъ я противъ васъ провинился? Въ долговременное мое владѣніе вами я всегда слыхалъ, что во всемъ околоткѣ никто изъ помѣщичьихъ крестьянъ не живетъ привольнѣе и лучше васъ, что я вашъ отецъ, покровитель, милостивецъ и проч.: отчегожъ вдругъ вы на меня ожесточились? Ты, Терентій, неграмотенъ, а отвѣтъ вашъ, какъ кажется, писалъ человѣкъ не деревенскій; писакъ—баломутовъ развелось на Руси теперь очень до-

вольно; слѣдовательно, обижаться слишкомъ письменнымъ невѣжествомъ мнѣ не слѣдуетъ. Господъ Богъ, по милосердію своему, да проститъ васъ!

Я писалъ вамъ, теперь повторяю, и всегда буду повторять, что самое лучшее средство прекратить наши взаимныя отношенія, есть выкупъ усадебъ и всѣхъ полевыхъ угодій, послѣ чего вы сдѣлаетесь крестьянами собственниками. Казна заплатитъ мнѣ за васъ $^4/_5$ частей выкупа; вамъ слѣдуетъ внести $^1/_5$ часть. По моему разсчету вамъ пришлось бы заплатить тысячи четыре сер.: половину етой суммы я готовъ подарить вамъ. Неужели ето для васъ тяжело и неужели у васъ не нашлось бы такой небольшой суммы? Кажется, милостивѣе и простѣе такого отъ меня предложенія и быть не можетъ. Подумайте, погадайте.

Для такого же условія съ вами, я и предложилъ вамъ выбрать три или четыре депутата, людей честныхъ, добросовѣстныхъ, сговорчивыхъ, и въ минувшемъ генварѣ прислать ихъ ко мнѣ съ оброкомъ и для уговора: мы согласились бы и написали договоръ и дѣло великое приведено было бы къ концу миролюбивому. Вы поняли все это иначе и Богъ васъ знаетъ какъ: ожесточились, закорячились и наневѣжничали.

Въ отвѣтѣ вашемъ сказано: *у васъ и нашлись бы нѣкоторые старики, на которыхъ вы могли положиться, но они бунтовщики или дураки, а Ѳедору Коняеву довѣрить такого дѣла вы не можете.* Что все это значитъ и зачѣмъ тутъ вплетенъ Ѳедоръ Коняевъ—я, право, не понимаю. И бунтовщиковъ, и дураковъ, и кого бы то ни было, какъ депутатовъ вашихъ, я принялъ бы гостепріимно, радушно, вѣжливо, и толковалъ бы съ ними прямо, безъ всякой лжи и хитрости, къ которымъ я отнюдь не способенъ, что и самимъ вамъ очень хорошо извѣстно. Время еще не ушло, присылайте кого вамъ угодно: выкупъ, выкупъ и выкупъ, вотъ что можетъ доставить вамъ счастіе на будущія времена до вѣка. Въ концѣ отвѣта прибавлено: *Общество деревни Новинки ни на какія права не согласно, подписываться не къ чему, а вы будете ожидать Его Императорскаго Величества* (чего? указу, милости, *недописано*). Изъ этого видно, что въ головахъ вашихъ сидитъ общее всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ ожиданіе, въ будущемъ 1863 году, *новой воли, новыхъ льготъ* и не вѣсть еще чего-то; но Государь Императоръ, чрезъ гг. Посредниковъ, приказалъ объявить народу положительно, что ничего новаго отнюдь не послѣдуетъ, кромѣ того, что въ *Положеніи* напечатано. Изъ всѣхъ льготъ напечатанныхъ я предлагаю вамъ самое выгодное: выкупъ. Если бы, вы помнили и вполнѣ понимали всѣ прежнія долго-

временныя мои милости и льготы, когда еще года за три я могъ увеличить оброкъ по своей волѣ и не сдѣлалъ этого, то на послѣдяхъ постыдились бы утягивать у меня должное и, вмѣсто того, чтобы укрываться отъ меня, сами поспѣшили бы прислать депутацію съ благодареніемъ за прошлое. Видно такова мужичья натура: вздорить, невѣжничать, прекословить, тянуться за пустяками; а настоящихъ своихъ выгодъ (въ выкупѣ) не видѣть, о нихъ не заботиться, и даже убѣгать, когда предлагаютъ.

О лѣсѣ, который я предлагалъ вамъ купить, вы пишете, что покупать его не намѣрены, потому что половина его и безъ того вамъ принадлежитъ: доказательства ваши ни на чемъ не основаны, фальшивы и незаконны. Такъ какъ между нами шесть сотъ верстъ и я за лѣсомъ смотрѣть не могу, то, конечно, вы уже дѣлаете въ немъ порубки и его не оберегаете: вспомните, что ето воровство, а за всякое преступное дѣло Божескіе и Государевы законы караютъ. . .

Высказавши вамъ, любезные мои временно-обязанные, все откровенно, безпристрастно и безъ малѣйшаго озлобленія, я, какъ христіянинъ, прощаю вамъ неприличныя и грубыя слова ваши и отъ души желаю, чтобы вы пребывали во всякомъ благополучіи, а паче всего во взаимномъ согласіи и со мною и межъ себя, отъ котораго и происходитъ всегда благополучіе". (*Вх.* и *Исх.* III, 194, 195).

Г. Посредникъ не счелъ нужнымъ отвѣчать Строеву, а крестьяне не разсудили за благо высылать оброкъ.

Между тѣмъ, срокъ подачи уставныхъ грамотъ приближался и Строевъ, составивъ грамоту, препроводилъ ее къ Мировому Посреднику при письмѣ (отъ 7-го марта 1862 года), убѣждая и прося его понудить временно-обязанныхъ къ немедленной высылкѣ прошлогодняго оброка и вывести его изъ очень непріятнаго положенія. Посредникъ и на это письмо не отвѣчалъ Строеву. Наконецъ, терпѣніе Строева истощилось и онъ рѣшился обратиться къ Сердобскому предводителю дворянства А. А. Степанову съ письмомъ, отъ 22-го апрѣля 1862 года, въ которомъ между прочимъ читаемъ:

„Милостивый государь! Вы глава Сердобскихъ дворянъ и предсѣдатель Мироваго Съѣзда, власть способная оказать законное покровительство и защиту; о благородномъ образѣ мыслей вашихъ я столько наслышанъ отъ Сердобскихъ помѣщиковъ, здѣсь проживающихъ. Всепокорнѣйше и убѣдительнѣйше прошу васъ, средствами отъ правительства вамъ данными, вывести меня изъ весьма непріятнаго, даже тягостнаго, положенія: побудить моихъ временно-обязанныхъ къ немедленной присылкѣ оброка за истекшій 1861 годъ (около 1200 р. с.). Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ совершенно, что вы не оставите удо-

стоить меня отвѣтомъ, котораго, къ сожалѣнію, я не могъ получить отъ г. Посредника".

Въ тотъ же вечеръ, по написаніи этаго письма къ предводителю, Строевъ получилъ, наконецъ, слѣдующее письмо отъ Мироваго Посредника М. А. Устинова: „По полученіи вашего письма отъ 1-го марта, немедленно мною было предписано собрать съ крестьянъ деревни Новинокъ оброкъ весь сполна, что и было исполнено. Но́ такъ какъ по случаю распутицы и разлива рѣкъ никакой возможности не было доѣхать до города и переслать къ вамъ эти деньги, то крестьяне представили мнѣ ихъ на храненіе, въ чемъ и дана имъ мною росписка. Такъ какъ нынѣ отправляется первая почта, то и спѣшу препроводить къ вамъ 1128 руб. 57 коп." (*Вх.* и *Исх.* III, 219—221).

Затѣмъ, у Строева завязалась безконечная переписка съ мировыми посредниками и сельскими старостами объ оброкѣ, о недоимкахъ, о выкупѣ и т. п. Все это вывело его, наконецъ, изъ терпѣнія и онъ написалъ мировому посреднику П. В. Слѣпцову, отъ 22-го апрѣля 1865 года, слѣдующее: „Такъ какъ относительно добровольнаго выкупа крестьянами усадьбъ и угодій, я едва ли достигну какого результата вскорѣ, а отъ принужденнаго выкупа долженъ понесть огромный убытокъ, то я намѣренъ объявить въ газетахъ: не угодно ли кому, особенно изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, купить у меня имѣніе, хотя бы за низкую цѣну, и расчитываться съ крестьянами какъ угодно; пусть убытки мои доставятъ выгоду какому нибудь равнаго мнѣ сословія, нежели послужатъ баловствомъ для крестьянъ, забывшихъ всѣ прежнія мои благодѣянія" (*Вх.* и *Исх.* III, 360 об.). Но Строевъ раздумалъ осуществить это предположеніе, и село Новинки донынѣ находится во владѣніи его почтенныхъ наслѣдниковъ.

Другой вопросъ жизненный, о которомъ упоминалъ Строевъ въ вышеприведенномъ письмѣ къ Н. В. Калачову (отъ 22-го апрѣля 1858 года), заключался въ томъ, что Высочайше учрежденная Коммиссія опредѣлила Московскій домъ его, по прошествіи десяти лѣтъ, сломать для постройки каменнаго. „Продать домъ необходимо",—писалъ Строевъ Калачову,—„а при такомъ условіи, кто же купитъ иначе, какъ не за безцѣнокъ?" (*Вх.* и *Исх.* III, 47 об.).

Въ маѣ 1859 года, Павелъ Михайловичъ продалъ, наконецъ, свой домъ, а въ іюлѣ уже переѣхалъ на наемную квартиру, въ приходѣ церкви Св. Панкратія, у Сухаревой башни, въ домѣ священника. При переѣздѣ на квартиру произошла незамѣнимая утрата для Княжескаго Родословія. Объ этомъ печальномъ событіи мы узнаемъ изъ слѣдующаго объявленія, которое Строевъ напечаталъ въ *Вѣдомостяхъ Московской Городской По-*

лиціи № 163: „Іюля 13-го, при переѣздѣ изъ своего проданнаго дома, на Садовой, противъ Спасскихъ казармъ, въ квартиру, утратилась коробка картонная, оклеенная мраморною бумажкою и завязанная краснымъ снуркомъ, въ коей находились бумаги, листоваго формата, большею частію черновыя, относящіяся къ изслѣдованіямъ о предметахъ отечественной исторіи и княжескаго родословія; поверхъ бумагъ, для наполненія пустоты, лежалъ сигарный ящичекъ. Нашедшему и имѣющему доставить ко мнѣ утраченныя бумаги будетъ выдано, по мѣрѣ цѣлости ихъ, отъ 10 до 25 р. сер.“ (*Вх.* и *Исх.* 114, 115). Но, увы! Что̀ съ возу упало, то пропало.

Съ переѣздомъ на квартиру, Строевъ началъ распродавать и свою драгоцѣнную библіотеку. По счастію, бо̀льшую часть ея пріобрѣлъ, впослѣдствіи изъ другихъ рукъ, генералъ-фельдмаршалъ Князь Александръ Ивановичь Барятинскій.

XXXII.

Въ концѣ 1860 года, снова поднятъ былъ давній вопросъ, который теперь разрѣшился окончательно. 9-го декабря 1860 года, Археографическая Коммиссія опредѣлила приступить къ безотлагательному печатанію составленнаго Строевымъ *Алфавитнаго Указателя къ шести томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей.* Вслѣдствіе этого опредѣленія, предсѣдатель Коммиссіи А. С. Норовъ просилъ Строева прислать *Указатель* въ Коммиссію. „Имѣя въ виду“,—писалъ онъ въ своемъ отношеніи по сему предмету,—„что въ будущемъ году Коммиссія представитъ свои новыя изданія Государю Императору, я немедленно, по полученіи отъ васъ Указателя, распоряжусь о напечатаніи онаго, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ быть представленъ вмѣстѣ съ другими изданіями и чтобы я могъ ходатайствовать о вознагражденіи васъ за труды, какъ и прочихъ членовъ Коммиссіи“ (*Вход.* и *Исход.* III, 147).

Мы уже хорошо знакомы со взглядомъ Строева на подобныя „отношенія“, которыя многократно онъ получалъ и всегда отвѣчалъ на нихъ въ одномъ духѣ. Какъ прежде, такъ и теперь, онъ не торопился отвѣтомъ. На оффиціальное письмо Норова, отъ 19-го декабря 1860 года, онъ отвѣтилъ 24-го января 1861 года:

„Письмо Вашего Высокопревосходительства, отъ 19-го декабря минувшаго года, № 120, дошло до меня 24-го числа; но я не былъ въ состояніи вскорѣ на него отвѣтствовать. Шестидесятилѣтній возрастъ, кромѣ слѣпоты, глухоты и головокруженій, надѣлилъ меня еще такимъ старческимъ недугомъ, который изнуряетъ по недѣлямъ: такъ было и на святкахъ; потомъ, при наступившихъ жестокихъ морозахъ (ртуть въ термометрѣ замерзала), въ квартирѣ недостаточно теплой, я простудился и пришелъ въ лихорадочное состояніе, которое и теперь не совсѣмъ прекратилось; писать для меня трудновато.

Въ означенномъ письмѣ, Ваше Высокопревосходительство, по положенію Археографической Коммиссіи, изъявляете желаніе, чтобы *Указатель къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей*, будто бы мною совершенно изготовленный, былъ доставленъ въ Коммиссію немедленно для напечатанія и выпуска въ свѣтъ; а въ заключеніе указываете на награду, которую, въ концѣ наступившаго года, можно было бы исходатайствовать и мнѣ, вмѣстѣ съ прочими членами Археографической Коммиссіи.

Было бы слишкомъ невѣжливо не принести должнаго благодаренія Вашему Высокопревосходительству, за милостивое ко мнѣ расположеніе, въ чемъ я нимало не сомнѣвался; но, говоря чистосердечно, къ чему мнѣ награда? Жить остается немного, а умереть все равно, въ настоящемъ ли чинѣ, или съ нѣкоторымъ прилагательнымъ, которое, по заведенному порядку, поведетъ только къ излишнимъ издержкамъ при погребеніи; на награду денежную я не имѣю никакого права.

Если бы *Указатель къ Полному Собранію Лѣтописей*, предложенный и начатый мною въ 1847 году, могъ быть оконченъ и составленъ какъ слѣдуетъ (а не кое-какъ), то, безъ всякаго сомнѣнія, давнымъ-давно я постарался бы о напечатаніи его и выпускѣ въ свѣтъ: затягивать и отлагать вдаль было бы не выгодно прежде всего мнѣ-жъ самому. *Указатель* написанъ и довольно толстъ, но, должно признаться, почти не годенъ, хотя и стоилъ мнѣ труда огромнаго и добросовѣстнаго: успѣхъ не всегда въ нашей волѣ.

Бередникова томы, первые шесть, Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей—изданіе безъ всякаго плана и предварительныхъ соображеній, совершенное, такъ сказать, ощупью, ученически, и притомъ неуклюже въ разныхъ отношеніяхъ; все это высказано отчасти и не однимъ мною. *Указатель* къ такому изданію, какъ и слѣдовало ожидать, не могъ быть составленъ удачно; а у меня онъ вышелъ совершенный monstrum, хотя я и довольно опытенъ въ составленіи алфавитовъ. Еще въ 1850 году, пораженный такою странною неудачею,

я отказывался продолжать работу и все сдѣланное хотѣлъ бросить; но князь Платонъ Александровичъ, смотрѣвшій на ученыхъ и на все ученое съ своей *приказной* точки зрѣнія, принудилъ меня къ тому въ полномъ смыслѣ этого слова. Покойный М. А. Коркуновъ, въ бытностью свою въ Москвѣ (въ 1855 и 56 годахъ), бесѣдовалъ со мною по цѣлымъ часамъ, какъ бы составленный *Указатель* сдѣлать маломальски сноснымъ для напечатанія; но всѣ разсужденія наши, къ сожалѣнію, не повели ни къ чему.

Въ настоящее время я принялся за составленіе *Отчетной Записки* обстоятельной и по возможности ясной, въ которой будетъ изложенъ весь ходъ неудачнаго, четырнадцатилѣтняго занятія моего *Указателемъ къ Полному Собранію Лѣтописей*: по какимъ причинамъ Бередниковскіе томы не могутъ быть снабжены алфавитами, удобными къ безтрудному употребленію, что̀ должно предшествовать *Указателю* относительно Княжескаго Родословія, и проч. проч. Ета записка будетъ приложена къ рукописи *Указателя* и вмѣстѣ съ нею отправится въ Археографическую Коммиссію, въ будущемъ февралѣ, непремѣнно. Тогда Ваше Высокопревосходительство и гг. члены Коммиссіи, надѣюсь, убѣдятся на дѣлѣ, что составленнымъ мною Указателемъ можно пользоваться домашнимъ образомъ, но къ выпуску въ свѣтъ, хотя и больно признаться, онъ отнюдь негодится" (*Вх.* и *Исх.* III, 148, 149).

Письмо это произвело неблагопріятное впечатлѣніе въ Коммиссіи.

„Не могу скрыть отъ васъ",—писалъ Строеву А. С. Норовъ, отъ 11-го марта,—„что какъ меня, такъ и членовъ Коммиссіи письмо ваше крайне удивило. Не имѣя до сихъ поръ никакихъ свѣдѣній о встрѣченныхъ вами затрудненіяхъ къ исполненію порученнаго вамъ труда, мы полагали, что чѣмъ долѣе вы занимались имъ, тѣмъ тщательнѣе онъ будетъ составленъ и тѣмъ менѣе потребуетъ со стороны Коммиссіи какихъ либо измѣненій въ немъ или передѣлокъ, ибо мы были вполнѣ увѣрены, что никто не въ состояніи лучше васъ составить означенный *Указатель*. Въ этомъ убѣжденіи Коммиссія не усомнилась выдать вамъ впередъ за труды ваши, именно по сему предмету, денежную сумму, весьма для нея значительную, по недостаточности ея средствъ. Убѣдившись же теперь изъ вашего письма, что у васъ составлены лишь матеріалы къ этому труду, я долженъ просить васъ о скорѣйшемъ доставленіи въ Коммиссію всего сдѣланнаго вами съ предположенною цѣлію. Коммиссія остается въ убѣжденіи, что и одни собранные вами матеріалы для *Указателя* будутъ ей очень полезны при его составленіи, медлить же долѣе изданіемъ его въ свѣтъ она

не въ правѣ, ибо польза науки требуетъ этого настоятельно“ (*Вх.* и *Исх.* III, 155, 156).

Строевъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, отъ 26-го марта: „Исполняя желаніе гг. членовъ Археографической Коммиссіи, препровождаю при семъ рукопись *Алфавитнаго Указателя къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей* въ томъ видѣ, въ какомъ она есть, и совершенно увѣренъ, что сказанное мною въ письмѣ отъ 24-го января будетъ признано справедливымъ; составленіе *Указателя* стоило мнѣ огромнаго труда, но, къ сожалѣнію, онъ вышелъ чудовищенъ и къ изданію въ свѣтъ едва ли годится; для домашняго жъ употребленія въ Коммиссіи удобенъ и очень полезенъ. Прибавлю: Бередниковы томы, какъ изданіе сбивчивое и неуклюжее, не могутъ быть снабжены однимъ *указателемъ* общимъ, необходимо ихъ до полдюжины частныхъ; въ теченіе долгаго времени я обдумывалъ, какъ бы разложить сдѣланное мною на части, но работа предстояла египетская, а успѣхъ оказывался мало надеженъ.

Обѣщанная мною *Отчетная Записка* еще не готова: отъ слѣпоты и головокруженій, въ старости лѣтъ, писать для меня трудно; къ Пасхѣ надѣюсь ее кончить и доставить. Она будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ изложится весь ходъ составленія *Указателя* и въ концѣ разсчетъ суммы, полученной мною собственно за составленіе, которая гг. Членамъ Археографической Коммиссіи представляется *очень значительною* при нынѣшнемъ недостаткѣ денежныхъ ея средствъ; во второмъ будутъ изложены всѣ недостатки Бередниковыхъ томовъ, неудобства къ составленію къ нимъ порядочнаго указателя, что должно сдѣлать прежде, нежели пустить въ свѣтъ, и есть ли возможность обойтись безъ родословныхъ таблицъ для отличія десятковъ одноименныхъ князей и проч. По слабости памяти, также отъ старости, мнѣ предстоитъ много перелистывать означенные томы, чтобы представить на все сказанное обстоятельныя доказательства и примѣры. При всемъ желаніи обработать 2-е отдѣленіе какъ можно полнѣе, я сомнѣваюсь, чтобы для неспеціалистовъ было въ немъ все достаточно ясно; личныя поясненія были бы удобнѣе: что̀ можно объяснить въ четверть часа на словахъ, того иногда не выразить на цѣлыхъ листахъ бумаги. Кажется, послѣ Пасхи, я рѣшусь предпринять поѣздку въ С. Петербургъ; желательно, чтобы состояніе здоровья и финансовъ мнѣ то позволило.

Какъ необходимое поясненіе нѣкоторыхъ выраженій въ полученномъ мною письмѣ, за № 21, и для успокоенія гг. членовъ Археографической Коммиссіи, *пришедшихъ въ удивленіе* при чтеніи моего

письма отъ 24-го января, принимаю смѣлость, за неизготовленіемъ еще *Отчетной Записки*, изложить вкратцѣ слѣдующіе пункты:

Первое: Археографическая Коммиссія (назову *старая*), съ которою въ 1847 году я вошелъ въ условное соглашеніе составить *Алфавитный Указатель къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей* въ четырехъ томахъ, долженствовавшихъ заключать въ себѣ всѣ древнія лѣтописи, уже не существуетъ: оба Предсѣдателя *) и всѣ члены ея отошли въ вѣчность (въ чемъ я имъ завидую). Изъ присутствовавшихъ, въ полномъ составѣ, въ засѣданіи *1850 года іюня 30-го*, и подписавшихъ знаменитый (для моего дѣла) протоколъ, остался одинъ А. А. Куникъ, тогда еще новичокъ. Ета старая Коммиссія признавала меня екcпертомъ въ составленіи алфавитныхъ указателей и знатокомъ Княжескаго Родословія, неизбѣжнаго при указателѣ къ Лѣтописямъ; при томъ, по прежнимъ моимъ работамъ, ей было очень извѣстно, что я дѣлецъ добросовѣстный и кое-какъ не сдѣлаю; по сему неудивительно, что она никогда не требовала предъявленія сдѣланнаго и, въ опредѣленные по условному соглашенію сроки, высылала мнѣ деньги аккуратно. Единственное желаніе ея состояло въ томъ, чтобы *Алфавитный Указатель* былъ *моей* работы и мною изданъ, хотя на послѣднее, безъ особой платы, я не соглашался.

Второе. Въ 1849 году, передъ 6-мъ числомъ декабря, Я. И. Бередникову пришла неожиданно фантазія (онъ нерѣдко фантазировалъ) оторвать *Вторую Псковскую Лѣтопись* отъ IV-го тома и перенести въ V-й, которымъ (по его-жъ собственному плану) долженствовала начаться серія *Среднихъ Лѣтописей*, и объявить, что *Софійская Лѣтопись* принадлежитъ также къ древнимъ: условное соглашеніе со мною 1847 года оказалось необходимымъ распространить на V-й и VI-й томы; вышли недоразумѣнія, путаница, суматоха, по поводу которыхъ и было созвано экстраординарное собраніе членовъ Археографической Коммиссіи, *1850 года іюня 30-го*, о которомъ упомянуто выше. Пользуясь тѣмъ случаемъ, такъ какъ составленный уже мною *Алфавитный Указатель* на четыре тома выходилъ неудовлетворителенъ и самому мнѣ не нравился, я предложилъ Князю Платону Александровичу все сдѣланное мною уничтожить, а полученную сумму (по тогдашнему разсчету 1350 р. сер.) позволить мнѣ возвратить. Его Сіятельство на письменное мое предложеніе отвѣтствовалъ, письменною жъ резолюціею, отказомъ; а при словесномъ объясненіи нашемъ 16-го августа (въ Москвѣ, въ гостинницѣ Варгина) принудилъ меня составлять *Указатель* на всѣ шесть томовъ,

*) Князь П. А. Ширинскій Шихматовъ и В. Д. Комовскій.

образомъ эксцентричнымъ, въ то время совершенно возможнымъ, теперь едва вѣротнымъ. Князь Платонъ Александровичъ, какъ извѣстно, очень экономный, даже скупой, на денежныя выдачи, трактуя меня по своей *приказной* системѣ неповинующимся чиновникомъ, не затруднился назначить тотчасъ же новую сумму (за V и VI томы), которая къ іюлю 1853 года была выплачена мнѣ, въ опредѣленные сроки, сполна и аккуратно. Такимъ образомъ и настойчивое приказаніе Князя, и желаніе Я. И. Бередникова, и вѣроятно другихъ членовъ Археографической Коммиссіи, клонилось единственно къ тому, чтобы *Указатель* былъ моей работы и мною же изданъ; денежныя выдачи оставались на отдаленномъ планѣ и о нихъ не было помину.

Третіе: Въ 1854 — 55-хъ годахъ Отечеству грозила опасность, въ Петербургѣ было не до *алфавитныхъ указателей* и Археографическая Коммиссія, кажется, почти не собиралась; чтожъ касается до меня, то сколько я ни старался, въ это время, отработать принятое на себя, хотя и противъ воли, дѣло, успѣха не оказывалось и даже не предвидѣлось—оно мнѣ опротивѣло, а безъ энергіи работать и успѣвать невозможно. При послѣднемъ свиданіи (1856 г. въ августѣ) съ покойнымъ М. А. Коркуновымъ, который былъ дѣлопроизводитель Коммиссіи, живой архивъ ея и, въ то время, фактотумъ, я просилъ его по возвращеніи въ С.-Петербургъ исходатайствовать мнѣ позволеніе оставитъ безплодную работу и возвратить полученныя за нее деньги (1,650 р. сер.): онъ, по обыкновенію своему, отшучивался и увѣрялъ меня, что я непремѣнно преодолѣю препятствія и окончу все дѣло съ успѣхомъ; однакожъ принялъ отъ меня, на память, коротенькую записку. Послѣ того, до самой его смерти, я получилъ отъ него только одно письмо (1857 г. мая 22-го): онъ убѣждалъ меня, отъ своего лица и отъ Г. Куника, *продать* Академіи Наукъ другія (неоконченныя) мои книги, которыя я ему показывалъ у себя дома; но объ *Указатель* и о порученномъ ему отъ меня ходатайствѣ не упомянулъ ни слова. Такимъ образомъ и вторая моя попытка раздѣлаться съ Археографическою Коммиссіею денежно и бросить надоѣвшія мнѣ передѣлки осталась, къ сожалѣчію, безъ успѣха.

Четвертое: Между тѣмъ я перешелъ за Рубиконъ шестидесяти лѣтъ (1856 г. іюля 27-го), явились недуги старчества и быстро сдѣлали меня негоднымъ для ученыхъ работъ: я предположилъ, и теперь въ этомъ увѣренъ, что жить остается не долго. Послѣ смерти, еслибъ она уже послѣдовала, всѣ неоконченныя мною книги, а въ числѣ ихъ и *Указатель*, были бы теперь трудами посмертными (oeuvres posthumes); участь же такихъ трудовъ, какъ извѣстно, самая завидная. Въ изданіяхъ посмертныхъ все извиняется, обработанное полу-

чаетъ похвалу и успѣхъ, а недостатки, недодѣлки, промахи, и все необработанное проходятъ молчаніемъ; искусный издатель можетъ придѣлать и начало и конецъ, и что нужно въ срединѣ, и произведеніе нерѣдко выходитъ несравненно лучше, нежели могъ бы сдѣлать самъ авторъ. Для примѣра укажу на *Изслѣдованія* Ф. И. Круга, столь удачно обработанныя и рельефно выставленныя ученымъ и искуснымъ издателемъ *). Къ сожалѣнію, я еще живъ!

Пятое: Археографическая Коммиссія *новая* (въ нынѣшнемъ ея составѣ), какъ видно изъ письма за № 21-мъ, смотритъ на дѣло Указателя иначе и гораздо благосклоннѣе ко мнѣ, нежели старая Коммиссія: она прямо указываетъ на денежную сумму, выданную мнѣ въ прежнія времена, и называетъ ее *значительною* въ отношеніи къ нынѣшнимъ ея денежнымъ средствамъ; слѣдовательно, какъ я понимаю, не прочь отъ пріема въ возвратъ, этой значительной суммы, которая, замѣчу мимоходомъ, при разсчетѣ въ настоящее время (еслибъ онъ былъ мнѣ дозволенъ) составляетъ 900 р. с. Такимъ образомъ мнѣ представляется третій случай предложить Археографической Коммиссіи, вмѣсто *Указателя*, полученныя мною за составленіе его деньги: принимаю смѣлость предложить этотъ способъ удовлетворенія обоюдныхъ интересовъ. Къ чему Указатель, еслибъ онъ и удался, на шесть томовъ, когда самое изданіе состоитъ уже изъ восьми томовъ? Въ случаѣ согласія Вашего Высокопревосходительства и гг. членовъ Коммиссіи на мое предложеніе, я покорнѣйше прошу посылаемую при семъ рукопись возвратить или сохранить до времени неприкосновенною. Присоединивъ эту рукопись къ другимъ (недоконченнымъ) моимъ рукописнымъ книгамъ, я намѣренъ всѣ ихъ передать въ Академію Наукъ, которой я обязанъ премного за доставленіе мнѣ (нѣкогда) средствъ къ совершенію Археографическаго Путешествія по Россіи, мною ей предложеннаго, котораго результаты (также въ свое время) были признаны очень удовлетворительными: тамъ доставленныя мною рукописи будутъ памятниками моего трудолюбія, усердія къ пользамъ Отечественной Исторіи, и вѣроятно, очень пригодны для справокъ.

Какъ человѣкъ добросовѣстный, готовый перейдти за предѣлы гроба, я не могу утаить отъ вниманія Вашего Высокопревосходительства и гг. членовъ Археографической Коммиссіи слѣдующее обстоятельство: въ 1850-мъ году, еслибы покойный Князь Платонъ Александровичъ изъявилъ свое согласіе сдѣлать со мною денежный разсчетъ, я могъ бы внести тотчасъ же всю сумму, ибо тогда у меня

*) А. А. Куникомъ.

не было недостатка въ деньгахъ; въ 1856-мъ году, когда я убѣждалъ покойнаго-жъ М. А. Коркунова исходатайствовать мнѣ позволеніе разсчесться съ Археографическою Коммиссіею денежно-жъ, я былъ помѣщикъ и имѣлъ покупщика на имѣніе, стоило продать его и, по совершеніи купчей, внести деньги; въ настоящее время, послѣ Манифеста 19-го февраля, я землевладѣлецъ (Саратовской Губерніи, въ Сердобскомъ уѣздѣ) 800 десятинъ, на которыхъ живутъ 226 душъ по 10-й ревизіи, вся земля слѣдуетъ въ надѣлъ крестьянамъ, которые при пособіи благодѣтельнаго Правительства, вѣроятно, будутъ въ состояніи выкупить ее въ свою собственность. Такимъ образомъ Археографической Коммиссіи необходимо будетъ подождать времени вождѣленнаго выкупа: тогда, если я останусь въ живыхъ, мнѣ будетъ очень легко предложить сумму 900 р., въ видѣ пожертвованія, въ удвоенномъ числѣ, и даже болѣе; на томъ свѣтѣ деньги не нужны, а мои дѣти сами для себя ихъ добудутъ" (*Вх. и Исх.* III, 157—159).

На это письмо отвѣчалъ Строеву Правитель Дѣлъ Археографической Коммиссіи Н. В. Калачовъ, письмомъ отъ 18-го апрѣля 1861 года: „Считаю долгомъ увѣдомить васъ, что препровожденный вами Указатель къ первымъ шести томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей Коммиссіею въ свое время полученъ и вслѣдъ за симъ былъ переданъ на разсмотрѣніе Главному Редактору Лѣтописей А. Ѳ. Бычкову, а 12-го числа сего апрѣля былъ представленъ въ засѣданіе Археографической Коммиссіи вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ къ Аврааму Сергѣевичу. Коммиссія нашла трудъ вашъ, какъ и ожидала, заслуживающимъ полнаго вниманія, и остается въ убѣжденіи, что онъ будетъ ей существенно полезенъ при составленіи общаго указателя ко всѣмъ восьми вышедшимъ доселѣ томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. По сему, имѣя въ виду четвертую статью предложенныхъ вами черезъ Я. И. Бередникова и утвержденныхъ Коммиссіею условій для составленія *Указателя* къ первымъ четыремъ томамъ этого собранія, въ которой сказано: *Приготовленный къ изданію оригиналъ Указателя, на бѣло переписанный, поступитъ въ свое время на разсмотрѣніе Коммиссіи и можетъ быть напечатанъ ею въ С.-Петербургѣ, или имъ (г. Строевымъ) въ Москвѣ, по ея благоусмотрѣнію*, — Коммиссія опредѣлила присланный вами *Указатель* принять въ свое вѣдѣніе, и, за уплатою вамъ всѣхъ слѣдующихъ за составленіе его денегъ, ни въ какіе новые счеты по сему предмету не входить. Но какъ въ доставленномъ вами оригиналѣ *Указателя* не достаетъ нѣкоторыхъ статей, которыя, какъ вы замѣчаете, находятся у васъ въ черновомъ видѣ, то Коммиссія поручила мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою о доста-

вленіи этихъ статей, по полученіи которыхъ она будетъ считать все дѣло поконченнымъ" (*Вход.* и *Исх.* III, 165, 166). Въ отвѣтѣ своемъ Н. В. Калачову, отъ 2-го мая 1861 г., Строевъ указываетъ на то что Археографическая Коммиссія, въ засѣданіи своемъ 12-го апрѣля 1861 года, основала свое опредѣленіе на статьѣ четвертой условнаго соглашенія съ нимъ 1847 года, хотя одной указанной статьи для такого опредѣленія было недостаточно. „Впрочемъ",—присовокупилъ Строевъ,—„я не протестую".

Въ томъ же отвѣтномъ письмѣ Строева, мы читаемъ: „Въ письмѣ моемъ, отъ 26-го марта, я выразилъ, что *старая* Археографическая Коммиссія настаивала на томъ, чтобы Указатель былъ не только составленъ мною, но мною-жъ изданъ: словамъ моимъ, кажется, не дали вѣры. Для огражденія отъ сомнѣнія, будто бы сказанное мною не имѣетъ никакого основанія, слѣдовательно лживо, считаю необходимымъ обратить вниманіе гг. членовъ Археографической Коммиссіи на отношеніе ко мнѣ покойнаго В. Д. Комовскаго (1850 г. октября 24-го), гдѣ, отъ лица Князя Платона Александровича, требовалась отъ *меня записка объ издержкахъ* на изданіе Указателя (на четыре тома) въ Москвѣ, для немедленнаго приступа къ напечатанію. Изъ письма Вашего Превосходительства явствуетъ, что Археографическая Коммиссія, находя неудавшійся трудъ мой заслуживающимъ вниманія, намѣревается составить *общій указатель* ко всѣмъ вышедшимъ доселѣ восьми томамъ Лѣтописей: отъ души желаю полнаго успѣха, но совершенно увѣренъ, что подобное предпріятіе невозможно; причины сего недовѣрія только мнѣ одному извѣстны, потому что я одинъ изучилъ неуклюжее изданіе Бередникова во всѣхъ тайникахъ его и совершенно понимаю невозможность. Впрочемъ, нынѣ вѣкъ прогресса: быть можетъ, для составленія алфавитныхъ указателей, придуманы паровыя машины, или въ родѣ машинъ". Въ заключеніе письма Строевъ выражаетъ надежду „пріѣхать въ Питеръ, вѣроятно въ послѣдній разъ въ жизни" (*Вход.* и *Исход.* III, 67).

По поводу намѣренія Строева пріѣхать въ Петербургъ, Н. В. Калачовъ писалъ ему (отъ 18-го *мая* 1861 года): „Всѣ члены Коммиссіи узнали съ большимъ удовольствіемъ о вашемъ намѣреніи и въ засѣданіи 6-го мая опредѣлили: по пріѣздѣ вашемъ собраться въ особо назначенное засѣданіе, въ которомъ просить васъ объ изложеніи вашихъ соображеній касательно изданія *Указателя къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей*". (*Вх.* и *Исх.* III, 170).

Но предположенная Строевымъ поѣздка въ Петербургъ не состоялась.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о присланной Строевымъ, при

письмѣ, отъ 26-го марта 1861 года, рукописи и о дальнѣйшей судьбѣ ея.—Это толстѣйшая листовая тетрадь вся исписанная бисернымъ строевскимъ почеркомъ. На заглавномъ листѣ ея читаемъ: „*Алфавитный Указатель къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей, изданныхъ Археографическою Коммиссіею 1854*. Oleum et operam perdidi. Всѣхъ статей 12,580, за каждую статью заплачено мнѣ (по разсчету) *восемь* коп. сер. Правду сказать, было изъ чего хлопотать". А въ предисловіи, подъ заглавіемъ *Необходимое*, написанномъ 26-го марта 1861 года, т. е. въ день отправленія рукописи, сказано: „Процессъ составленія алфавитныхъ указателей состоитъ изъ трехъ операцій: 1-е *Выборка* словъ, черновыя тетради составляли $^1/_2$ пуда вѣсу; 2-е *Формировка* и обработка большихъ статей и повѣрка всѣхъ статей вообще снова; отдѣльные листы етой операціи составляли порядочную груду; 3-е *Переписка* на бѣло въ порядкѣ азбучномъ.

Етотъ Указатель былъ готовъ на четыре тома и *совершенно вѣренъ* и *провѣренъ*. Все написанное на поляхъ, изъ V и VI томовъ включено послѣ того, какъ я былъ *принужденъ* дѣлать Алфавитный Указатель на шесть томовъ; все ето въ первой операціи, должно быть подвергнуто формировкѣ и повѣркѣ; недостающія статьи (гдѣ пробѣлы) находятся у меня въ черновомъ видѣ; не посылаются для того, что вся рукопись, быть можетъ, будетъ возвращена мнѣ и потребуются назадъ деньги. Онѣ могутъ быть присланы по требованію.

* (звѣздочка) означаетъ, что упоминаемое находится не въ текстѣ, а въ нотахъ.

При Княжескихъ именахъ (въ скобкахъ) *Росп.*, *ст.* суть ссылки на Родословныя таблицы, которыя были сдѣланы на черно, но по случаю всѣ пропали; онѣ были полнѣе тѣхъ, что при *Ключѣ* къ Карамзину, но большею частію тѣже и могутъ быть замѣнены ими, только по прилежномъ сличеніи".

Археографическая Коммиссія нашла, что *Указатель къ Лѣтописямъ*, состоящій только изъ именъ и цифръ, не принесетъ желаемой пользы, а потому, и имѣя въ виду, что ею уже было въ то время издано восемь томовъ Лѣтописей, опредѣлила: 1) составить указатель къ VII-му и VIII-му томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей; 2) раздѣлить весь Указатель къ осьми томамъ на три части: указатель лицъ, указатель географическій и указатель предметовъ; 3) начать изданіе съ указателя лицъ; 4) при каждомъ лицѣ сжато излагать событіе, въ которомъ оно принимало участіе или по случаю котораго оно упоминается, съ ссылкою на томъ и страницу тома; 5) передъ каждымъ событіемъ ставить годъ, въ который оно совершилось; 6) замѣчаемыя при составленіи Указателя ошибки въ текстѣ Лѣтописей оговаривать

и исправлять, и 7) Указателемъ, составленнымъ г. Строевымъ, воспользоваться какъ матеріаломъ.

Этотъ громадный трудъ былъ возложенъ Коммиссіею на А. Ѳ. Бычкова (*Указатель къ Осьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Спб. 1875.* I, стр. V—VI).

Но прежде чѣмъ приступить къ составленію Указателя по вышеизложенному плану, надлежало: 1) составить указатели къ 7 и 8-му томамъ Полнаго Собранія Лѣтописей; 2) обработать большія статьи, какъ, напримѣръ, Кіевъ, Москва, Новгородъ и др., которыя не были въ то время доставлены Строевымъ, и 3) составить родословную таблицу, для приложенія къ Указателю.

Всѣ эти предварительныя работы, по предложенію А. Ѳ. Бычкова, Археографической Коммиссіи благоугодно было поручить пишущему эти строки.

По окончаніи означенныхъ работъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ представилъ, 26-го февраля 1866 года, на утвержденіе Коммиссіи образецъ составляемаго имъ къ Полному Собранію Лѣтописей указателя личныхъ именъ, который и былъ ею одобренъ. (*Лѣтоп. Занят. Археогр. Коммиссіи.* Спб. 1868. IV, 21).

Въ 1868 году вышелъ первый выпускъ *Указателя*, и А. Ѳ. Бычковъ, тогда Правитель Дѣлъ Археографической Коммиссіи, при оффиціальномъ письмѣ отъ 19-го апрѣля 1868 года, № 50, препроводилъ къ Строеву этотъ выпускъ вмѣстѣ съ другими изданіями Коммиссіи. „Письмо Вашего Превосходительства",—отвѣчалъ ему Строевъ, отъ 3-го мая,—„и при немъ пять книгъ, новыхъ Археографической Коммиссіи изданій, я имѣлъ честь получить исправно. Не знаю какъ и благодарить васъ, что вспоминаете меня старика, отъ лѣтъ и недуговъ пришедшаго въ несостояніе чѣмъ либо служить всегда—дорогой для меня Археографической Коммиссіи.

Да поможетъ Господь Богъ вамъ, и вашему даровитому сотруднику продолжать начатый съ успѣхомъ Указатель къ осьми томамъ Полнаго Собранія Лѣтописей; на совершенное окончаніе сего гигантскаго труда потребуется, конечно, лѣтъ пятнадцать, а я, безъ сомнѣнія, не доживу и до выхода втораго выпуска. Очень жаль, что въ Предисловіи къ Указателю сочтено нужнымъ упомянуть о недоставленныхъ мною *обширныхъ* статьяхъ: читатель подумаетъ, что я не выбиралъ ихъ вовсе. Лучше и удачнѣе было бы напередъ отнестись ко мнѣ: онѣ всѣ цѣлы, хотя въ черновомъ видѣ, и я поспѣшилъ бы прислать ихъ; признаюсь откровенно, съ 1861 года, я совсѣмъ про нихъ запамятовалъ. Кромѣ того у меня есть довольно поправокъ къ тексту Лѣтописей, которыя вамъ могутъ быть не совсѣмъ безполезны. Не бу-

детъ-ли г. Барсуковъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, опять въ Москвѣ? Или г. Тимоѳеевъ *), который нерѣдко сюда ѣздитъ? Я могъ бы передать имъ всѣ статьи и поправки, разсказавъ подробно какъ употребить ихъ въ дѣло" (*Вх. и Исх.* III, 74).

На это письмо Строевъ получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ г. Бычкова (отъ 27-го мая 1868 года): „Письмо Вашего Превосходительства, отъ 3-го сего мая, было мною получено наканунѣ моей поѣздки въ Финляндію. Позвольте принести вамъ искреннюю благодарность за вашъ лестный отзывъ объ Указателѣ къ Лѣтописямъ и за обѣщаніе подѣлиться вашими замѣтками на Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей. Благоволительный отзывъ такого знатока и мастера дѣла, какъ вы, ободряетъ и поощряетъ къ продолженію труда, не легкаго и мало цѣнимаго, и вслѣдствіе того въ іюлѣ или въ августѣ я буду имѣть честь представить вамъ второй выпускъ Указателя. Полагаю, что въ два или три года успѣю его кончить. Что же касается обѣщанной вами передачи статей и поправокъ къ тексту Полнаго Собранія Лѣтописей, то, пользуясь отъѣздомъ А. И. Тимоѳеева въ Москву, я просилъ его зайти къ вамъ за полученіемъ какъ вашихъ замѣтокъ, такъ и наставленій какъ ими пользоваться. Этотъ новый знакъ вашего вниманія къ Археографической Коммиссіи, всегда дорогой для васъ, какъ вы сами изволили выразиться въ письмѣ, будетъ ею, безъ всякаго сомнѣнія, принятъ съ должною признательностію" (*Вход. и Исход.* III, 75).

30-го мая 1868 года, письмо это было доставлено г. Тимоѳеевымъ Строеву, который по этому поводу писалъ г. Бычкову, отъ 5-го іюня: „Черновыя статьи Указателя, мною недосланныя, вручилъ г. Тимоѳееву; жаль только, что не все необходимое могъ ему выяснить, потому что Александръ Ильичь спѣшилъ на званный обѣдъ, а отъ вторичнаго меня посѣщенія отказался за скорымъ въ С.-Петербургъ отъѣздомъ" (*Вх. и Исх.* III, 77).

---

*) Александръ Ильичь Тимоѳеевъ, нынѣшній Правитель Дѣлъ Археографической Коммиссіи.

XXXIII.

Въ послѣдній періодъ своей жизни, П. М. Строевъ почти прекратилъ всякія сношенія съ столичнымъ ученымъ міромъ. Изрѣдка только сносился онъ съ Археографическою Коммиссіею; иногда присутствовалъ въ засѣданіяхъ Общества Любителей Россійской Словесности, о которомъ скажемъ нѣсколько словъ въ заключеніе этой главы; а сношенія его съ Академіею Наукъ происходили только по поводу неисправно получаемыхъ имъ изданій Академіи. Объ этомъ писалъ онъ и къ К. С. Веселовскому, и къ И. И. Срезневскому и къ А. А. Кунику. Въ одномъ изъ подобныхъ писемъ къ г. Срезневскому (отъ 15-го февраля 1859 года), Павелъ Михайловичъ писалъ, между прочимъ: „Статейку вашу *Слѣды глаголицы въ памятникахъ X-го вѣка*, я прочиталъ съ наслажденіемъ и нетерпѣливо ожидаю обѣщаннаго вами продолженія: если и не было тутъ вліянія глаголицы, чего однакожъ совершенно отрицать нельзя, то все-таки ваши исправленія текста въ *Договорахъ* весьма убѣдительны и неоспоримы. Я раскольникъ, въ такъ называемую Лѣтопись Нестора не вѣрю, всегда полагалъ, что етотъ лѣтописный памятникъ совсѣмъ инаго происхожденія и инаго времени, а потому въ замѣчаніяхъ вашихъ нахожу нѣчто на свой ладъ, о чемъ здѣсь распространяться было бы длинно. Продолжайте, продолжайте ваши изслѣдованія: съ точки вами отысканной, вы приподняли завѣсу мрака, поднимайте-жъ ее совсѣмъ“. (*Вх. и Исх.* III, 105).

На это г. Срезневскій отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ, отъ 25-го февраля: „Очень радъ, что мои предположенія относительно нѣкоторыхъ мѣстъ Договоровъ съ Греками обратили на себя вниманіе ваше, и что вы считаете ихъ не совсѣмъ несправедливыми.—Не знаю впрочемъ навѣрно, о нихъ-ли или о томъ, что случайно тутъ замѣчено было касательно Лѣтописи Русской, сказали вы свое доброе слово. Еще болѣе занимаетъ меня вашъ взглядъ на Лѣтопись, о которомъ вы упоминаете. Думая найдти что-нибудь болѣе для себя опредѣлительное, я обратился къ вашимъ сочиненіямъ, заглянувши въ нихъ, увлекся — и по этому замедлилъ отвѣтомъ. Впрочемъ, съ удовольствіемъ повторивши въ памяти вами высказанныя соображенія, я не нашелъ опредѣлительнаго отвѣта на свой вопросъ. А между тѣмъ, привыкши издавна дорожить вашими мнѣніями, не могу остаться равнодушнымъ къ замѣчанію вашему объ особенности происхожденія Лѣтописи, называемой Несторовою. Сдѣлайте одолженіе, сообщите ва-

шу мысль въ болѣе обширномъ видѣ—и, если можно, не для одного меня, а для напечатанія. Этимъ бы вы одолжили и Академію и всѣхъ, цѣнящихъ ваши заслуги. Быть въ числѣ ихъ было для меня всегда долгомъ сердца" (*Вх. и Исх.* III, 109).

Остальныя письма Строева къ Срезневскому исключительно касались только до неисправно получаемыхъ имъ изданій Академіи. Въ одномъ изъ отвѣтныхъ писемъ, Срезневскій, по опискѣ, назвалъ Строева *Сергѣемъ* Михайловичемъ. Эту описку Строевъ отмѣтилъ карандашомъ въ подлинномъ письмѣ Срезневскаго, и она ему очевидно была непріятна, и онъ не безъ нѣкоторой досады писалъ къ Веселовскому: „Какъ Академикъ Императорской Академіи Наукъ я получаю, издавна, нѣкоторыя изъ періодическихъ ея изданій; по временамъ присылались мнѣ и книги по исторической части. Въ секретарство П. Н. Фуса Bulletins и Извѣстія Академіи доходили до меня, по почтѣ, весьма исправно, потому что на пакетахъ означали аккуратно и мое имя и мой адресъ; впослѣдствіи М. А. Коркуновъ выхлопатывалъ и высылалъ недошедшіе до меня нумера; въ настоящее время, операція пересылки ни на что не походитъ и мнѣ не къ кому обратиться съ покорнѣйшею просьбою. Въ Адресъ-Календарѣ стоитъ правильно: *Ординарный Академикъ Строевъ, Павелъ Михайловичъ*; между тѣмъ на пакетахъ, получаемыхъ мною изъ Академіи, почти всегда *Петръ Михаиловичъ*, иногда *Михаилъ Петровичъ*; даже Его Превосходительство И. И. Срезневскій, минувшею весною, отвѣтствуя мнѣ на мою просьбу, наименовалъ меня *Сергѣй Михайловичъ*, отчего письмецо его, прошедъ чрезъ нѣсколько рукъ, дошло до меня почти черезъ мѣсяцъ и едва не затерялось" (*Вх.* и *Исх.* III, 173).

Съ просьбой о доставленіи недоставленныхъ изданій, Строевъ обращался и къ А. А. Кунику и въ письмѣ своемъ (отъ 14-го марта 1861 года) писалъ ему: „По кончинѣ М. А. Коркунова, бывшаго ко мнѣ весьма обязательнымъ, я не имѣю въ Академіи Наукъ такого члена, котораго могъ бы смѣло назвать своимъ корреспондентомъ; но совершенно увѣренъ, что вы не поскучаете исполнить нижеслѣдующую мою просьбу". Изложивъ сущность своей просьбы, Строевъ продолжаетъ: „Очень недавно я пріобрѣлъ покупкою изданную вами книгу *О Русско-Византійскихъ монетахъ Ярослава Владиміровича* и прочиталъ ее съ жадностію, наслажденіемъ и не малою для себя пользою; но если позволите снисходительно замѣтить, вы представляете Русь временъ Ярослава I-го, даже предшественниковъ его, въ слишкомъ грандіозномъ и великолѣпномъ видѣ; съ нѣкоторыми предположеніями вашими согласиться едва ли можно. Писать, по слабости зрѣнія, для меня очень нелегко, а потому бесѣду съ вами о разныхъ предметахъ

той книги оставляю до личнаго свиданія: послѣ Пасхи, по наступленіи теплаго времени, я намѣренъ предпринять путешествіе въ Питеръ, если тѣлесныя немощи и финансовыя обстоятельства тому не воспрепятствуютъ. Что касается до г. Кене, то такого противника уничтожить было не трудно, но трудно заставить его сознаться въ пораженіи; я не воображалъ, чтобы у насъ, на Руси, ... " (*Вх.* и *Исх.* III, 153).

Въ 1863 году, Предсѣдатель Археографической Коммиссіи А. С. Норовъ, занимаясь приготовленіемъ къ изданію Путешествія Игумена Даніила по Святой Землѣ, встрѣтился съ родословными недоразумѣніями. За разрѣшеніемъ обращались къ разнымъ ученымъ, при чемъ не забыли и Строева, которому Н. В. Калачовъ писалъ (отъ 12-го декабря 1863 года): „А. С. Норовъ поручилъ мнѣ обратиться къ вамъ съ слѣдующею покорною просьбою: Въ *Хожденіи Даніила игумена*, въ числѣ князей, упоминаемыхъ въ этомъ памятникѣ, встрѣчается (впрочемъ, по двумъ только спискамъ) *Андрей Мстиславъ Всеволодовичъ*. Коммиссія затрудняется въ опредѣленіи родственной связи этого князя съ другими извѣстными князьями. Изъ князей, современныхъ Даніилу, былъ Андрей (сынъ Мономаха), но назывался ли онъ также Мстиславомъ — неизвѣстно; при томъ онъ былъ бы уже не сынъ, а внукъ Всеволодовъ; былъ также Мстиславъ Всеволодовичъ (внукъ Мстислава—Ѳеодора), но назывался ли онъ Андреемъ также неизвѣстно. Вы такъ много занимались родословіями нашихъ князей, что очень можетъ быть, что при вашихъ розысканіяхъ вамъ удалось встрѣтить въ началѣ XII вѣка имя Князя Андрея Мстислава Всеволодовича, и въ такомъ случаѣ вы оказали бы Коммиссіи большую услугу указаніемъ отъ какого именно Всеволода онъ происходитъ, и должно ли считать его сыномъ этого Всеволода или же болѣе отдаленнымъ потомкомъ" (*Вх.* и *Исх.* III, 280).

На этотъ запросъ, Строевъ отвѣтилъ Калачову слѣдующимъ письмомъ, отъ 15-го января 1864 года:

„Коробка съ генеалогическими моими изслѣдованіями, какъ вамъ извѣстно, въ 1859 году, при переѣздѣ изъ своего дома на квартиру, утратилась; библіотеку мою, въ 1862 году, я долженъ былъ продать одному библіофилу; а потому, чтобы рѣшить предложенный мнѣ вопросъ, о Князѣ Андреѣ—Мстиславѣ Всеволодовичѣ, XII столѣтія, мнѣ предстояло обратиться за справками въ другія библіотеки, что̀ по старости и дряхлости моей было для меня не легко.

Хожденіе къ Св. мѣстамъ Палестинскимъ Черниговскаго игумена Даніила, какъ извѣстно, дошло до насъ въ спискахъ XVI и преимущественно XVII вѣка, самый старый, кажется, при Кенигсберг-

ской Лѣтописи: писцы не только подновляли слогъ, но и переиначивали по своему; есть даже совершенная передѣлка текста (въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ), 1747 года, гдѣ Даніилъ прямо названъ „архимандритомъ Корсунскимъ въ Малой Россіи“. Упоминаемые Даніиломъ (для записки въ синодики) Князья Русскіе Карамзинымъ пріурочены по возможности, но и на его объясненія не совсѣмъ можно положиться. Если тамъ нѣтъ Андрея—Мстислава Всеволодовича, то, вѣроятно, ето произволъ или ошибка переписчика; впрочемъ, необходимо видѣть самыя рукописи, чтобы судить основательно: онѣ у васъ передъ глазами. Болѣе сего я не въ состояніи сообщить на предложенный мнѣ вами вопросъ, хотя бы и очень хотѣлось показаться знатокомъ дѣла“ (*Вх.* и *Исх.* III, 283).

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, засѣданія котораго, какъ сказано выше, изрѣдка посѣщалъ Строевъ.

Общество это, заглохшее съ тридцатыхъ годовъ, было снова призвано къ жизни въ 1858 году, и 27-го мая было первое его засѣданіе, на которое собралось, впрочемъ, только шесть членовъ: Масловъ, Погодинъ, Кубаревъ, Хомяковъ, Максимовичь и Вельтманъ. Члены избрали предсѣдателемъ Общества Хомякова, а секретаремъ Максимовича. Мы уже знаемъ, что Строевъ съ 1827 года состоялъ членомъ этого Общества; а потому 8-го ноября 1858 года, онъ получилъ отъ М. А. Максимовича слѣдующее извѣщеніе: „Общество Любителей Россійской Словесности будетъ имѣть свое засѣданіе сего ноября 10-го (въ понедѣльникъ), въ часъ пополудни, въ старомъ зданіи Университета. Въ засѣданіи семъ будутъ производимы выборы въ дѣйствительные Члены Общества“ (*Вход.* и *Исход.* III, 96).

Въ бумагахъ Строева сохранились любопытныя замѣтки его объ Обществѣ и его засѣданіяхъ. Замѣтки эти, написанныя Строевымъ на пригласительныхъ повѣсткахъ, мы приводимъ всѣ сполна:

„Въ Засѣданіи ноября 10-го я не былъ; а января 21-го 1859 года—былъ. Хотя Общество и удержало прежнее названіе *Любителей Россійской Словесности*, но цѣль будущихъ дѣйствій, кажется, совсѣмъ иная. Будущее покажетъ яснѣе“ (*Вх.* и *Исх.* III, 96—98).

О засѣданіи 10-го іюля, замѣчено: „Въ етомъ засѣданіи толковали о печатаніи изданій Общества безъ цензуры, ссылаясь на давнишнее право, будто бы Обществу предоставленное. Пошло въ Петербургъ на разрѣшеніе Министра Народнаго Просвѣщенія“ (113).

На повѣсткѣ 21-го октября означено: „приглашаются .... для сужденія по самому нужному дѣлу: о правахъ цензурныхъ, въ коихъ было отказано“ (119).

На повѣсткѣ 19-го декабря означены предметы засѣданія: 1) „Окончательное сужденіе по дѣлу о правѣ Общества на цензуру. 2) Выборы временнаго Предсѣдателя и Секретаря и Членовъ приготовительнаго Собранія. Изготовлена была просьба на Высочайшее имя о цензурныхъ правахъ Общества и подписана многими Членами. Я не подписалъ" (120).

Въ засѣданіи 30-го мая 1862, разсуждали объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія, коимъ Обществу вновь предоставлено право собственной цензуры на изданія онаго. Строевъ замѣтилъ на повѣсткѣ: „Я былъ. Кромѣ безтолковыхъ преній ничего не совершилось" (225).

Засѣданіе 10-го января 1863 года состоялось по случаю заявленія Г. Предсѣдателемъ, Секретаремъ и Казначеемъ просьбы объ увольненіи ихъ отъ должностей. Строевъ замѣчаетъ: „Тревога фальшивая. Государь пожаловалъ единовременно три тысячи р. с. и пошло по прежнему. Члены Правленія остались всѣ на мѣстахъ своихъ" (243).

О засѣданіи по поводу юбилея Карамзина (10-го ноября 1865 гога), замѣчено: „Столѣтній юбилей Карамзина отложенъ до 1-го декабря 1866 года, потому что найдено, что онъ родился не въ 1765, а въ 1766 году. Объ етомъ было много печатныхъ толковъ въ газетахъ" (399).

XXXIV.

Въ 1864 году, исполнилось пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности П. М. Строева. Объ этомъ событіи онъ самъ напомнилъ Н. В. Калачову, въ письмѣ, отъ 15-го января 1864 года: „Въ февралѣ исполнится *пятидесятилѣтіе* вступленія моего на ученое поприще; въ 1814 году я издалъ *Краткую Россійскую Исторію для юношества*, которая имѣла (особенно при второмъ изданіи 1819 года) не малый успѣхъ, и въ то же время началъ писать въ журналахъ статьи историческія. Въ февралѣ же (23-го числа) исполнится *двадцатипятилѣтіе* вступленія моего въ Археографическую Коммиссію, когда въ 1839 году, какъ вамъ извѣстно, я принялъ званіе члена ея съ сохраненіемъ Высочайше пожалованнаго мнѣ за Археографическую Експедицію по Россіи, шесть лѣтъ продолжавшуюся, 2000 р. ас. пансіона. Я намѣренъ, при семъ двойномъ юбилеѣ, совсѣмъ оставить служебное поприще и спокойно ожидать близкаго конца жизни. Быть можетъ, уволь-

няя меня въ отставку, мнѣ прибавятъ что нибудь къ получаемой пенсіи, которая по нынѣшнему очень незначительна; *болѣе сего я не желаю.* Сдѣлайте одолженіе переговорите съ Его Высокопревосходительствомъ Авраамомъ Сергѣевичемъ и благоволите сообщить мнѣ: куда я долженъ подать прошеніе о полной отставкѣ?" (*Вх.* и *Исх.* III, 283 об.).

На это Калачовъ объяснилъ Строеву: „А. С. Норовъ вполнѣ согласенъ ходатайствовать объ увеличеніи, при отставкѣ, получаемой вами пенсіи, для чего впрочемъ, по новымъ нашимъ правиламъ, мы предполагаемъ сдѣлать особое опредѣленіе въ ближайшемъ засѣданіи Археографической Коммиссіи. Чтобы по этому успѣть представить въ срокъ Министру опредѣленіе Коммиссіи, благоволите немедленно прислать на имя Авраама Сергѣевича прошеніе" (*Вх.* и *Исх.* III, 287, 288).

Строевъ отвѣчалъ: „Многообязательное ваше письмо получено мною; но я не могъ тотчасъ отвѣчать, потому что съ недѣлю почти лежалъ въ постели: слабость и головокруженія нерѣдко меня мучатъ. Написать *потитульное*, какъ выражаются приказные, прошеніе въ Департаментъ, по извѣстной формѣ, я бы не затруднился; но признаюсь откровенно, составить таковое на имя Авраама Сергѣевича, для предварительнаго обсужденія въ Археографической Коммиссіи, съ прописаніемъ моихъ въ 1864 году юбилеевъ, мастерства моего не хватаетъ: отъ серіознаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Не доведете ли вашу обязательность до конца, не напишите ли и пришлете ко мнѣ *черненькое* отъ лица моего прошеніе? Я перепишу на бѣло. По моему разсчету, въ концѣ года, мнѣ слѣдуетъ получить пряжку за 50 лѣтъ: слѣдовательно вотъ третій юбилей, служебный; но до него еще дожить слѣдуетъ" (*Вх.* и *Исх.* III, 289).

И эта просьба П. М. Строева была исполнена. Калачовъ отправилъ къ нему *черненькое прошеніе* для переписки.

Между тѣмъ, въ засѣданіи Археографичесской Коммиссіи, 15-го февраля 1864 года, Калачовъ заявилъ о наступающемъ двадцатипятилѣтіи со времени вступленія въ Коммиссію П. М. Строева съ званіемъ члена ея, и пятидесятилѣтія служебной и литературной дѣятельности его. Вслѣдствіе этого заявленія, А. С. Норовъ обратился (10-го марта) къ Министру Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнину съ представленіемъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Г. Строева по справедливости можно назвать вмѣстѣ съ К. Ѳ. Калайдовичемъ основателями у насъ Археографіи, какъ науки, и Археографическая Коммиссія обязана ему своимъ началомъ. Совершенное имъ Археографическое путешествіе, въ 1830—34 годахъ, было у насъ первое;

въ продолженіи онаго имъ собраны тѣ матеріалы, для изданія коихъ и была первоначально учреждена Археографическая Коммиссія. Кромѣ того, онъ былъ самымъ ревностнымъ исполнителемъ ученыхъ плановъ Графа Н. П. Румянцова и однимъ изъ редакторовъ его знаменитаго Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Г. Строевъ, находясь нынѣ въ преклонныхъ лѣтахъ и обремененный большимъ семействомъ, имѣетъ самыя незначительныя средства къ своему существованію. Все содержаніе его основано на пенсіи въ 571 р. 43 к., которую онъ получаетъ за вышеупомянутую Археографическую Експедицію; а потому А. С. Норовъ находилъ весьма справедливымъ увеличить получаемую Строевымъ пенсію до тысячи рублей (т. е. пятью стами рублями).

На это представленіе, отъ 10-го марта, Министръ Народнаго Просвѣщенія отвѣтилъ 3-го апрѣля, о содержаніи же отвѣта скажемъ потомъ.

Нужно сказать, что въ то самое время, когда П. М. Строевъ напомнилъ Археографической Коммиссіи о своихъ юбилеяхъ, братъ его, Николай Михаиловичь, сообщилъ о томъ же своему университетскому товарищу М. П. Погодину, который по этому поводу, съ свойственнымъ ему пыломъ, началъ „дѣйствовать и хлопотать“ въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

По свидѣтельству М. П. Погодина, въ Москвѣ съ такимъ же усердіемъ „дѣйствовали и хлопотали“ В. М. Ундольскій и А. А. Котляревскій (*Вх.* и *Исх.* III, 307 об.). И вотъ, на Ундольскаго посыпались знаменитые Погодинскіе летучіе листки.

„Да что же творится съ вами. Столько времени ни слуху ни духу. Здоровы ли вы? А Строевскій обѣдъ?“ (*Бумаги Ундольскаго, хранящ. въ Московск. Публ. и Румянц. Муз.*).

„Посылаю вамъ подписку. Надо дѣйствовать скорѣе. Передайте по принадлежности Хлудову, Солдатенкову, и пр., а потомъ возвратите. Другой экземпляръ я послалъ къ Лонгинову. Пошлемъ ее и въ Петербургъ. Я писалъ Норову о лентѣ, чинѣ и пенсіи. Музыка не начто, а надобно пѣвчихъ, и выбрать имъ приличные канты! (ibid).

„Увѣдомьте о подпискѣ вашей. У меня собралось на подарокъ около 130 р. (Графъ Уваровъ, Лихачевъ, Соловьевъ, Лонгиновъ и пр.) Обѣдающихъ у меня 12“ (ibid).

Наконецъ, Погодинъ поѣхалъ въ Петербургъ и оттуда писалъ Н. М. Строеву (отъ 24-го февраля): „Пишу къ вамъ два слова, многоуважаемый Николай Михайловичь, изъ Петербурга. Дѣла по извѣстному вопросу идутъ отлично: обѣщаютъ всѣ три вещи, о которыхъ я вамъ говорилъ. О чинѣ идетъ представленіе немедленно, какъ увидите изъ прилагаемаго письма отъ Грота. О прочихъ двухъ сказали

мнѣ, что будутъ, только не вдругъ, а съ промежутками. Увеличеніе пенсіи обѣщаютъ, впрочемъ, приготовить ко дню юбилея. Это принимаетъ на себя Археографическая Коммиссія (а чинъ отъ Академіи). Затрудненіе теперь въ назначеніи дня. О масленицѣ, какъ полагалъ я прежде, и думать нечего, потому что времени не осталось. Я пріѣхалъ въ субботу, нечаянно, и думаю воротиться въ четвергъ. Первая недѣля не для праздниковъ. Наугадъ я сказалъ о четвергѣ на 2-й недѣлѣ, потому что надо ковать желѣзо пока горячо. Прошу васъ посовѣтоваться о дѣлѣ съ Павломъ Михаиловичемъ (къ нему вѣдь не знаешь какъ и приступить): нѣтъ ли какого числа, которое опредѣлить было бы благовиднѣе и приличнѣе. Мы справлялись здѣсь о числѣ первой подписанной имъ статьи, но не нашли ничего. Даже какое ея заглавіе, гдѣ она напечатана, не знаемъ навѣрное. Съ Ундольскимъ я не успѣлъ переговорить. Всѣ эти вопросы благоволите разрѣшить и прислать отвѣты въ домъ ко мнѣ (къ пятницѣ), такъ чтобъ я немедленно могъ дать знать сюда. Если четвергъ на второй недѣлѣ почему либо окажется неудобнымъ, то пусть Павелъ Михайловичъ назначитъ самъ другой день. Академія опредѣлила еще прислать къ нему собраніе семи новыхъ изданій. Устроиваемъ здѣсь подписку для поднесенія ему чего нибудь на память. Вы не можете себѣ представить, какъ я радъ успѣху. Вы знаете, что студентомъ еще какъ уважалъ его труды, а онъ, чудакъ, Богъ знаетъ что думалъ, ну да Богъ съ нимъ, это нисколько не измѣняетъ моей . . ., потому то я не смѣю писать къ нему прямо, а прошу васъ разузнать поделикатнѣе, чтобъ не возбудить его щекотливости“ (*Вх.* и *Исх.* III, 294).

Возвратившись въ Москву, Погодинъ продолжалъ хлопотать и дѣйствовать неутомимо, и 4-го марта писалъ Ундольскому: „Вы совѣтуете сдѣлать заявленіе. Посылаю проектъ. Но непремѣнно нужно разрѣшеніе Павла Михайловича. Спросите, не медля“.

Вотъ текстъ приложеннаго къ запискѣ проекта: „Московскіе ревнители Отечественной Исторіи намѣрены дать обѣдъ и поднести почетный знакъ благодарности заслуженному Археологу Русскому П. М. Строеву, по случаю исполнившагося *пятидесятилѣтія* его ученой дѣятельности, сего марта 17-го дня 1864 года. Распространяться о правахъ г. Строева на общественную признательность едвали нужно. Такъ они общеизвѣстны. Мы исчислимъ здѣсь главнѣйшія его изданія:.. Первые четыре тома актовъ Археографической Коммиссіи, коей былъ онъ основателемъ... Царскіе выходы съ примѣчательнымъ указателемъ, составляющимъ основаніе для нашихъ древностей и проч., и проч.“.

Въ бумагахъ Ундольскаго сохранились также составленные въ то время два списка:

Первый списокъ: *Имена особъ, благоволившихъ подписаться на поднесеніе П. М. Строеву почетнаго подарка въ знакъ благодарности за его пятидесятилѣтніе труды для Русской Исторіи и Библіографіи въ день его юбилея*: М. Погодинъ 50 р., Лобковъ 25 р., Хлудовъ 25 р., Солдатенковъ 25 р.

Второй списокъ: *Имена особъ, участвующихъ въ обѣдѣ въ честь П. М. Строева въ день его юбилея 1864 года.*

Мѣсто: Портретная галлерея Русскихъ писателей въ домѣ Погодина, на Дѣвичьемъ Полѣ. Цѣна по 3 р. съ особы: Аксаковъ Иванъ, Аласинъ, Аѳанасьевъ, Бѣляевъ Иванъ, Бѣляевъ Илья, Бѣляевъ Ѳедоръ, Бодянскій, Безсоновъ, Брыкинъ, Баронъ Боде, Бартеневъ, Большаковъ С., Викторовъ, Вельтманъ, Владиміровъ, Гиляровъ, Голубинскій, Губерти, Головинъ, Гезенъ, Дювернуа, Даль, Ѳ. М Дмитріевъ, Долгорукій сенаторъ, Егоровъ, Забѣлинъ, Закревскій, Зиновьевъ, Ивановъ Петръ, Иловайскій, Карповъ, Котляревскій, Кубаревъ, Коршъ Е. Ѳ., Кошелевъ, Коробка, Киселевъ, Кокоревъ, Лонгиновъ, Лобковъ, Мартыновъ, Масловъ, Медынцовъ, Невоструевъ, Некрасовъ, Ошмянецъ, Оболенскій, Одоевскій, Погодинъ, Полуденскій, Поповъ Нилъ, Поповъ Андрей, Побѣдоносцовъ, Ровинскій, Румянцовъ, Соловьевъ, Снегиревъ, Соболевскій, Солдатенковъ, Субботинъ, Сушковъ, Севастьяновъ, Сидоровъ, Смирновъ, Солнцевъ, Тихонравовъ, Толстой графъ М. В., Графъ Уваровъ, Ундольскій, Филимоновъ, Хлудовъ, Чертковъ, Чичеринъ, Штейнбергъ Д. Н., Ѳерапонтовъ, А. Н.“.

Слухъ о Московскихъ приготовленіяхъ къ юбилею дошелъ и до Петербурга, откуда К. С. Сербиновичь писалъ Погодину: „У васъ празднуется юбилей пятидесятилѣтней ученой дѣятельности почтеннаго и заслуженнаго ветерана нашихъ Археографовъ П. М. Строева. Имя его пребудетъ въ потомствѣ неразлучно съ учрежденіемъ Археографической Коммиссіи, которой изданія—неистощимый матеріалъ для разъясненія древняго быта нашего отечества: онъ положилъ основаніе этимъ изданіямъ своимъ ученымъ, имъ же задуманнымъ, путешествіемъ по Россіи. Онъ всѣмъ намъ облегчилъ употребленіе классическаго творенія Карамзина и обязалъ насъ благодарностію за этотъ многополезный трудъ. Съ живѣйшимъ участіемъ радуюсь настоящему празднику достойнѣйшаго Павла Михаиловича и покорнѣйше прошу васъ заявить ему мое сердечное при этомъ случаѣ поздравленіе“ (*Вх. и Исх.* III, 311, 312).

Между тѣмъ, по ходатайству Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ, Строевъ пожалованъ былъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. Первымъ вѣстникомъ

этой награды былъ Погодинъ: „Спѣшу поздравить Ваше Превосходительство“,—писалъ онъ Строеву, отъ 2-го марта. „Сію минуту получилъ отъ Министра Народнаго Просвѣщенія извѣщеніе: *Г. Строевъ сегодня* (*27-го февраля*) *произведенъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.* Археографическая Коммиссія желала, чтобъ прежде было сдѣлано представленіе по ея ходатайству объ увеличеніи пенсіи; но останавливать первое представленіе казалось неудобнымъ. Впрочемъ, авось Богъ дастъ, устроится и второе дѣло также благополучно. Радъ, что могу при этомъ случаѣ засвидѣтельствовать мое неизмѣнное уваженіе къ вашимъ трудамъ, почтеннѣйшій, но несправедливый ко мнѣ, Павелъ Михайловичъ“ (294 об.).

Кромѣ того, Академія Наукъ почтила юбиляра нижеслѣдующимъ адресомъ, который былъ препровожденъ къ нему при оффиціальномъ письмѣ Я. К. Грота (отъ 10-го марта 1864 года): „Господину Ординарному Академику Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Павлу Михайловичу Строеву. По случаю истекающаго пятидесятилѣтія со времени появленія въ печати перваго ученаго труда вашего, Императорская Академія Наукъ, высоко цѣня важныя и незабвенныя услуги, оказанныя вами Отечественной Исторіи, поздравляетъ Ваше Превосходительство съ совершеніемъ полувѣковаго поприща полезной дѣятельности и присовокупляетъ усердное желаніе, чтобы Русская наука и впредь еще много лѣтъ продолжала обогащаться вашими трудами. Вмѣстѣ съ симъ Академія поставляетъ себѣ въ особенное удовольствіе предложить вамъ препровождаемые при семъ труды членовъ Отдѣле- Русскаго Языка и Словесности“ (III, 300).

О томъ, какъ отнесся самъ П. М. Строевъ къ полученной имъ наградѣ и вообще къ приготовляемымъ въ честь его празднествамъ, мы узнаемъ изъ переписки его, возникшей по этому поводу, съ М. П. Погодинымъ и съ Я. К. Гротомъ.

„Къ удивленію моему“, писалъ Строеву М. П. Погодинъ (отъ 16-го марта 1864 года),—„я узналъ, что вы на меня въ неудовольствіи. Долго я не могъ постичь причины. Наконецъ г. Ундольскій объяснилъ мнѣ, что виною тому мои два письма. Сколько мнѣ помнится—я писалъ къ вамъ одно, извѣстительное изъ Петербурга о производствѣ, писалъ надѣясь принесть вамъ удовольствіе, получивъ извѣщеніе отъ Министра о васъ и о г. Глинкѣ. Точно также извѣстилъ я и г. Глинку, отъ котораго тотчасъ получилъ горячій отвѣтъ. Точно также и самъ я благодарилъ Министра за его любезное предъувѣдомленіе о лицахъ, которыхъ я, какъ знаетъ онъ, уважаю и принимаю участіе. Мнѣ кажется, это все въ порядкѣ вещей. Не употребилъ ли я въ своемъ письмѣ къ вамъ какого-нибудь оскорбитель-

наго выраженія? Оборони Боже! Съ какою же бы это было цѣлію? Помню, что я приписалъ между строками *хотя и не справедливаго ко мнѣ*, что вамъ непріятно, какъ объяснилъ мнѣ также г. Ундольскій. Этимъ выраженіемъ я хотѣлъ только замѣтить вамъ, что ваше предъубѣжденіе противъ меня, замѣченное мною въ разныхъ случаяхъ, о неуваженіи къ вашимъ трудамъ, не имѣло основанія. Я уважалъ ихъ всегда одинаково, что кажется и прибавилъ въ подписи. Если вы все-таки не довольны этимъ выраженіемъ, то я прошу у васъ извиненія, увѣряя въ неумышленности.

И такъ, мое письмо очищено; второе письмо къ вашему брату, а моему товарищу сорокапятилѣтнему, писано вслѣдствіе разговора съ нимъ передъ 12-мъ января, и отвѣчено имъ слѣдующимъ образомъ: *вотъ все, что я могу сообщить на обязательное письмо ваше, что братъ мой благодаритъ васъ за участіе, которое вы принимаете въ его юбилеѣ, но что тѣ свѣдѣнія, о коихъ вы пишете, сообщитъ онъ чрезъ Ундольскаго.* На основаніи этого письма, удостовѣрясь въ вашемъ согласіи, я и началъ *дѣйствовать и хлопотать*, ибо безъ хлопотъ не только юбилея, но и простѣйшаго никакого дѣла, устроить нельзя.

Г. Ундольскій отъ 24-го февраля писалъ ко мнѣ также: *по общему отзыву обѣдъ надо устроить на 2-й недѣлѣ великаго поста, но не на масленицѣ. Это мнѣніе раздѣляетъ и самъ юбилянтъ, у котораго былъ я вечеромъ 19-го сего февраля. Онъ весьма вамъ благодаренъ за публичное заявленіе объ его 50-тилѣтіи въ Обществѣ Любителей Русской Словесности. Не мѣшало бы тиснуть статейку коротенькую въ Московскихъ или другихъ какихъ вѣдомостяхъ. Этимъ значительно подвинулось бы и дѣло впередъ.*

Поѣхавъ въ Петербургъ (а прежде писалъ туда письма), я и приступилъ ко всѣмъ съ требованіями, чтобъ они все предположенное поспѣшили исполнить ко второй недѣлѣ. Касательно пенсіи, ваше желаніе было прописано вами самими, какъ сказалъ мнѣ г. Норовъ или Калачовъ. Всѣ обѣщались, предъ моими глазами начали исполнять, и Министръ извѣстилъ меня. Я было спѣшилъ сообщить вамъ... Вотъ и все. За что же вы меня ругаете?

Вамъ неугодно мое участіе и мои хлопоты. Извиняюсь передъ вами, умываю руки и предаю все забвенію, о чемъ и васъ прошу. Можете прислать ко мнѣ довѣренное лице за присланными ко мнѣ для юбилейнаго праздника бумагами и книгами *). Остаюсь всетаки

*) Изъ Академіи Наукъ.

съ прежнимъ почтеніемъ къ вашимъ историческимъ трудамъ" (*Вход. и Исход.* III, 307, 308).

На другой же день, по полученіи этого письма, Строевъ отвѣчалъ: „Письмо ваше до меня дошло и я *третично* свидѣтельствую полную признательность за С. Петербургскія ваши хлопоты, хотя не могу скрыть отъ васъ (по совѣсти), что они оказались очень неудачны, что, само собою разумѣется, произошло не отъ васъ, а отъ той поспѣшности, съ какою вы принялись за дѣло, уклонясь отъ личнаго со мною свиданія. Не вдаваясь въ безполезную переписку, не могу не обратить вашего вниманія на одную фразу вашего длиннаго письма, которая (признаюсь откровенно) для меня оскорбительна. Ета фраза: *За что же вы меня ругаете?* Я на столько благовоспитанъ и знаю приличіе, чтобы не унизиться до ругательства, особенно такого почтеннаго человѣка, какъ Ваше Превосходительство, въ добавокъ за меня хлопотавшаго. Къ тому же, по нездоровью, въ три прошлыя недѣли, я только однажды выѣзжалъ изъ дому: передъ кѣмъ же я могъ, по вашему, ругать васъ? Быть можетъ г. Ундольскій передалъ вамъ, что я замѣтилъ, въ интимномъ съ нимъ разговорѣ, что вы какъ-то несчастливы въ стараніяхъ вашихъ о комъ или о чемъ либо, и въ доказательство привелъ нѣсколько тому примѣровъ; развѣ ето ругательство? Ето совершенная правда, которую я незапнусь повторить вамъ лично при свиданіи. Въ этомъ виновна ваша звѣзда (если вѣрить астрологіи), а не какіе либо недостатки нравственныхъ качествъ, которымъ я отдавалъ и отдаю полную справедливость. Такъ какъ въ силу *емансипаціи*, я лишился порядочнаго имѣнія и вскорѣ найдусь въ затрудненіи прилично содержать себя, то въ началѣ нынѣшняго года, пользуясь моимъ *пятидесятилѣтіемъ*, я началъ хлопотать, чрезъ посредство г. Калачова, у президента Археографической Коммиссіи: нельзя ли при семъ благопріятномъ случаѣ, выдти мнѣ въ отставку и получить какую нибудь прибавку къ получаемой мною, съ 1835 года, пенсіи? Отъ всякой, кромѣ сего, награды, какъ безполезной, я рѣшительно отказывался. А. С. Норовъ удостовѣрилъ меня, что ето дѣло весьма возможное и требовалъ немедленной присылки прошенія объ увольненіи; даже черновую форму прошенія мнѣ прислали. Если бы, передъ началомъ вашихъ за меня хлопотъ, вы со мною свидѣлись, я показалъ бы вамъ всю переписку по етому дѣлу, и вы тотчасъ увидѣли бы о чемъ именно слѣдуетъ хлопотать въ С. Петербургѣ лично, и такимъ образомъ, доставили бы мнѣ, безъ сомнѣнія, истинную помощь, за которую я не усомнился бы поблагодарить васъ не менѣе горячо, какъ и Ѳ. Н. Глинка, за пожалованную ему ленту, котораго вы мнѣ ставите въ образецъ признательно-

сти. Наши обоюдныя недоразумѣнія и письменныя объясненія запутаются и разрастутся сильнѣе Шлезвигъ-Голстинскаго вопроса, если мы не постараемся о личномъ свиданіи и личныхъ объясненіяхъ. Центральное мѣсто свиданія, Англійскій Клубъ, открытъ для насъ обоихъ и въ обѣденные дни я почти всегда тамъ бываю: лучше интимное объясненіе, нежели затаенная непріязнь, которая, ни въ васъ, ни во мнѣ, существовать и долго держаться не можетъ. За книгами и бумагами, о коихъ упомянуто въ вашемъ письмѣ, прислать въ настоящее время мнѣ некого; оставивъ покамѣсть у себя книги, бумаги можете переслать ко мнѣ чрезъ моего брата. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію къ особѣ Вашего Превосходительства имѣю честь быть и проч.“ (*Вх.* и *Исх.* III, 308, 309).

По поводу производства въ чинъ и адреса, присланнаго изъ Академіи Наукъ, Строевъ писалъ Я. К. Гроту слѣдующее: „Официальное письмо Вашего Превосходительства, отъ 10-го марта, № 17, и при немъ приложенія я имѣлъ честь получить около 25-го числа того-жъ мѣсяца; но слѣпота, старческія немощи и другія причины попрепятствовали мнѣ вамъ отвѣтствовать до сего времени.

Неожиданное производство въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (скажу откровенно) изумило меня, даже поразило: я всегда опасался этого производства. Высокіе чины лестны при обезпеченномъ положеніи и удобствахъ жизни; но при слишкомъ ограниченныхъ доходахъ и безпрерывно увеличивающейся дороговизнѣ на все необходимое, согласитесь сами, по истинѣ тягость. Чтобы уплатить требуемые съ меня, за повышеніе, 108 р. с., я долженъ, въ теченіи остальныхъ восьми мѣсяцевъ текущаго года, всячески экономить, чтобы покрыть значительный дефицитъ въ моихъ скудныхъ финансахъ.

Поздравительный адресъ гг. Членовъ Императорской Академіи Наукъ несказанно меня обрадовалъ: такая истинная почесть способна заставить забыть на время всѣ невзгоды и матеріальные недостатки. Я читалъ и перечитывалъ адресъ съ особеннымъ наслажденіемъ и далъ ему почетное мѣсто между дипломами и разными актами, относящимися къ долговременной служебной и ученой моей дѣятельности. Изъявленія „благодарности“ въ теченіи вѣковъ такъ избились и опошлились, что я нахожусь въ крайнемъ затрудненіи, какъ достойно выразить Почтеннѣйшимъ Сочленамъ Академіи чувства искреннѣйшей моей признательности и принужденъ покорнѣйше просить Ваше Превосходительство въ семъ случаѣ заступить мое мѣсто и быть моимъ краснорѣчивымъ органомъ.

Присланные мнѣ отъ Втораго Отдѣленіи книги находятся еще у М. П. Погодина: онъ потребовалъ, чтобы я за ними прислалъ; но

прислуга моя состоитъ изъ двухъ старыхъ бабъ солдатокъ; а ѣхать за ними самому, при ужасной испорченности мостовыхъ въ весеннее время, была бы истинная пытка, отъ Сухаревой башни до Дѣвичьяго поля и обратно, конечно, верстъ 15-ть. Москва—дистанція огромнаго размѣра. Присланныя книги послужатъ основаніемъ моей библіотеки, потому что все книжное, собранное мною въ теченіи цѣлой жизни, я принужденъ былъ распродать, въ послѣдніе пять лѣтъ, для удовлетворенія насущнымъ потребностямъ" (*Вход.* и *Исход.* III, 314).

Тогда же Строевъ написалъ слѣдующее отношеніе Комитету Правленія Академіи Наукъ: „Увѣдомленіе Комитета, отъ 11-го марта, о производствѣ меня въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники и необходимомъ взносѣ за чинъ 107 р. съ коп. сер., я имѣлъ честь получить въ свое время. Требуемой суммы въ настоящее время у меня нѣтъ, и едвали будетъ; а потому Комитетъ благоволитъ отнестись въ Московское уѣздное Казначейство о вычетѣ изъ получаемой мною тамъ, съ 1835 года, пенсіи по 560 р. въ годъ" (*Вх.* и *Исх.* III, 315).

Нѣсколько времени спустя, Строевъ получилъ отъ Грота отвѣтное письмо, въ которомъ читаемъ: „Сколько меня порадовало впечатлѣніе, произведенное на васъ адресомъ Академіи, столько же было тяжело узнать, что производство ваше въ чинъ затрудняетъ васъ. Представленіе о томъ было слѣдствіемъ слуха, что вашъ юбилей будетъ праздноваться очень скоро и надобно было дѣйствовать не теряя времени. Вотъ почему невозможно было успѣть снестись съ вами предварительно. Впрочемъ, что касается до слѣдующаго съ Вашего Превосходительства взысканія, то Отдѣленіе поручило мнѣ просить васъ не безпокоиться объ этомъ: оно съ радостью беретъ эту издержку на себя и сожалѣетъ, что Комитетъ Правленія напрасно потревожилъ васъ. Между тѣмъ Археографическая Коммиссія хлопочетъ объ увеличеніи вамъ пенсіи. Дай Богъ, чтобы это удалось. Съ истиннымъ удовольствіемъ принимаю ваше порученіе передать конференціи Академіи ваши чувства" (*Вход.* и *Исход.* III, 316).

Но вслѣдъ за тѣмъ Гротъ писалъ Строеву: „Отдѣленіе встрѣтило неожиданное препятствіе въ своемъ желаніи внести за васъ слѣдующую за чинъ сумму: по закону, это совершенно личное взысканіе, и употребленіе на это суммъ Отдѣленія повлекло бы за собой замѣчаніе Контроля. И такъ дѣло теперь въ томъ, чтобъ доставить намъ возможность исполнить желаніе Отдѣленія въ другой формѣ. Оно имѣетъ право назначать своимъ сочленамъ вознагражденіе за ученые труды. И такъ, не пришлете-ли вы намъ что нибудь для напечатанія въ Запискахъ Академіи, такъ чтобы вышло въ печати листа два? Тогда

Отдѣленіе не замедлитъ выслать вамъ соотвѣтствующій гонорарій. Намъ очень больно, что мы не можемъ поступить такъ какъ желали. Одна совершенная необходимость заставляетъ насъ утруждать васъ этимъ предложеніемъ“ (*ibid* л. 317).

На приведенныя письма Грота, Павелъ Михайловичъ отвѣчалъ: „Два письма Вашего Превосходительства дошли до меня въ свое время. Не отвѣчать на нихъ было бы невѣжливо, но опасаюсь, чтобы отвѣтъ мой не вышелъ также невѣжливъ: такова сущность самаго дѣла.

Ожидать отъ старика почти семидесяти-лѣтняго, полуслѣпаго, подверженнаго частымъ приливамъ и головокруженію, статьи (о чемъ?) извѣстнаго размѣра, дабы гонораріемъ заплатить за чинъ (откровенно сказать мнѣ навязанный), согласитель сами, есть дѣло рѣшительно неудобоисполнимое. Время, когда я исписывалъ цѣлыя дести, не имѣя въ виду ни премій, не гонораріевъ, уже слишкомъ давно прошедшее: въ настоящемъ я поддерживаюсь однимъ спокойствіемъ, чтобы какъ нибудь прожить не многіе остающіеся мнѣ годы земнаго поприща.

Очень благодаренъ Вашему Превосходительству за увѣдомленіе о хлопотахъ Археографической Коммиссіи объ увеличеніи получаемой мною пенсіи; повторяю ваши слова: *Дай Богъ, чтобы удалось*! Но кажется по всему, надежда плоха и необходимо примириться съ неудачами.

Повторяю покорнѣйшую просьбу о передачѣ въ Комитетъ Правленія моего *Отзыва*. Казначейство вычтетъ изъ моей пенсіи, въ теченіи наступающей трети, слѣдующія за чинъ деньги и поступитъ съ ними на законномъ основаніи“ (*Вх. и Исх.* III, 318).

Къ сожалѣнію, предчувствіе Строева оправдалось касательно результата хлопотъ Археографической Коммиссіи объ увеличеніи ему пенсіи. Вотъ какой отвѣтъ получилъ А. С. Норовъ отъ Министра Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнина (отъ 3-го апрѣля): „Ваше Высокопревосходительство изволили сообщить мнѣ о ходатайствѣ Археографической Коммиссіи. По этому предмету я входилъ въ сношеніе съ г. Министромъ Финансовъ, который нынѣ увѣдомилъ меня, что на основаніи 99—709 ст. Пенсіоннаго Устава, пенсіи внѣ закона назначаются только за особенныя и отличныя государственныя заслуги. Полагая, что полезная дѣятельность г. Строева въ области нашей археографіи уже достаточно вознограждена производствомъ ему на службѣ пенсіи по 571 р. 43 к. въ годъ, и имѣя въ виду, что увеличеніе сей пенсіи за долговременную службу г. Строева подало бы поводъ и другимъ лицамъ, получающимъ въ извѣстномъ размѣрѣ на

службѣ пенсіи, просить на подобномъ же основаніи о прибавкѣ къ онымъ, Тайный Совѣтникъ Рейтернъ съ своей стороны не находитъ возможнымъ согласиться на удовлетвореніе означеннаго ходатайства. За таковымъ отзывомъ г. Министра Финансовъ не считаю себя въ правѣ повергнуть ходатайство Археографической Коммиссіи на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе“ (*Дѣла Археографической Коммиссіи*).

Въ отвѣтъ на это Норовъ собственноручно написалъ Головнину слѣдующее: „Не посѣтуйте, милостивый государь Александръ Васильевичъ, на объемъ прилагаемой у сего записки о дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Строевѣ. Я виню себя, что не довольно подробно изъяснилъ существо дѣла въ моемъ оффиціальномъ отношеніи. Позвольте мнѣ надѣяться, что дѣло это, имѣющее особое вліяніе на наше *отечественное* ученое сословіе, при тепломъ участіи вашемъ, не войдетъ въ разрядъ вульгарныхъ бумагъ“.

Вотъ текстъ приложенной къ письму *Записки*: „Не смотря на скромное, повидимому, поприще, на которомъ дѣйствовалъ Строевъ, заслуга, принесенная имъ не только наукѣ, но и государству—огромная. Наука признала уже за несомнѣнный фактъ, что безъ изданій Археографической Коммиссіи, изученіе нашей Исторіи и Исторіи Русскаго Законодательства не имѣло бы надлежащаго направленія и тѣхъ успѣховъ, которыхъ оно достигло. Но и въ средѣ различныхъ учрежденій, занимавшихся въ послѣднее время проектами по преобразованію разныхъ частей Государственнаго управленія и судопроизводства, выражена положительно мысль, что безъ знанія историческаго развитія той части, которая подлежитъ преобразованію, законодательные проекты были бы лишены твердой основы, почему и принято за правило предпосылать имъ историческія соображенія. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи самые живые государственные вопросы приводятся въ тѣснѣйшую связь съ скромными трудами нашей Коммиссіи, которой дѣятельность имѣетъ важное значеніе и для государственныхъ цѣлей *)! Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что лицо, безъ котораго не существовало бы, можетъ быть, доселѣ это учрежденіе, оказало *особенныя и отличныя государственныя заслуги*, которыя, на основаніи статей 99 и 709 Устава о пенсіяхъ, требуются для назначенія пенсіи внѣ закона. Впрочемъ, если бы даже, по строгому смыслу закона, оказывалось какое либо затрудненіе въ увеличеніи пенсіи, получаемой Строевымъ, то Ваше Высокопревосходительство можете легко усмотрѣть, что незначительная эта пенсія (по 571 р. 43 к. въ годъ) при

*) См. стр. 212, 213, 214, 230, 231, 232 нашего труда.

его настоящихъ преклонныхъ лѣтахъ, при семействѣ, которымъ онъ обремененъ, и при нынѣшней дороговизнѣ, далеко для него недостаточна, такъ какъ онъ сверхъ того жалованья не получалъ и не получаетъ. Поэтому ему было бы оказано величайшее и, конечно, вполнѣ заслуженное имъ благодѣяніе, если бы, къ получаемой имъ пенсіи, ему было назначено еще ежегодное содержаніе въ видѣ пособія, примѣрно до 500 р., что тѣмъ болѣе, кажется, возможно, что такое содержаніе, по преклонности его лѣтъ, не можетъ долго продолжаться. Въ заключеніе считаю долгомъ остановиться еще на одномъ соображеніи. По случаю совершившагося нынѣ пятидесятилѣтія ученой и служебной дѣятельности Строева, всѣ наши Археографы крайне заинтересованы его судьбою. Московскіе ученые съ жаромъ ходатайствовали передъ Археографическою Коммиссіею объ увеличеніи скуднаго содержанія, имъ получаемаго. Поэтому отказъ въ семъ увеличеніи произвелъ бы непріятное впечатлѣніе не только на скромныхъ тружениковъ науки, которые весьма часто жертвуютъ ей и своимъ здоровьемъ и всѣми благами земной жизни, но и на публику, которая уже начинаетъ справедливо цѣнить истинныя заслуги ученаго сословія. Вмѣстѣ съ симъ не излишнимъ считаю прибавить, что въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Николай Павловичъ былъ непосредственнымъ основателемъ Археографической Коммиссіи и всегда обращалъ свое особенное милостивое вниманіе на ея труды и изданія“ (*Дѣла Археогр. Ком.*).

Записку эту А. В. Головнинъ препроводилъ къ Министру Финансовъ при слѣдующемъ письмѣ: „Ваше Превосходительство изволили увѣдомить, что не находите возможнымъ согласиться на увеличеніе пенсіи Основателю Археографической Коммиссіи Академику Строеву. Содержаніе этого отношенія я не замедлилъ сообщить А. С. Норову, который вслѣдствіе сего препроводилъ мнѣ нынѣ приложенную записку съ просьбою сообщить оную на ваше усмотрѣніе“.

Но Министръ Финансовъ и по прочтеніи доставленной записки оставался непреклоненъ. Онъ писалъ Головнину: „Какъ въ упомянутой запискѣ не представлено новыхъ уваженій для назначенія г. Строеву показаннаго пожизненнаго пособія, кромѣ тѣхъ, по коимъ предполагалось испросить ему добавочную пенсію, то я не могу согласиться и на назначеніе ему сего пособія по тѣмъ же причинамъ, по которымъ я, въ отношеніи къ Вашему Превосходительству, не призналъ возможнымъ производство ему упомянутой пенсіи. Впрочемъ, къ сему долгомъ считаю присовокупить и то, что назначеніе дѣйствительному статскому совѣтнику Строеву предполагаемаго пособія было бы не согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшемъ 2-го мая

1863 г., по мнѣнію Государственнаго Совѣта, коимъ постановлено соблюдать крайнюю осторожность въ испрошеніи сверхсмѣтныхъ кредитовъ и допускать ихъ только на предметы неотложной надобности" (*Дѣла Арх. Ком.*).

О послѣднемъ отзывѣ Рейтерна Головинъ увѣдомилъ Норова, чѣмъ и кончилось все дѣло.

Годъ спустя, Строевъ писалъ къ А. Ѳ. Бычкову: „Очень жаль, что прошлогоднія хлопоты Археографической Коммиссіи, объ увеличеніи моей пенсіи, не имѣли желаннаго успѣха: я одряхлѣлъ, почти ослѣпъ, не могу работать; все, что можно было продать, продалъ; остается прибѣгнуть къ займамъ, если только будутъ вѣрить; что послѣдуетъ далѣе, боюсь и думать" (*Вх.* и *Исх.* III, 389).

Въ октябрѣ 1864 года, К. С. Сербиновичь, поднося составленную имъ Таблицу древнихъ Княжествъ Западно-русскаго Края въ даръ Строеву, просилъ его сообщить о недостаткахъ этой таблицы. Въ письмѣ Сербиновича, при которомъ препровождена была эта таблица, между прочимъ, читаемъ: „Михаилъ Петровичъ, безъ сомнѣнія, передалъ вамъ привѣтствіе мое въ день празднованія юбилея вашей пятидесятилѣтней ученой дѣятельности, о которомъ пріятно было слышать каждому, кому только извѣстны ваши историческія заслуги" (*Вх.* и *Исх.* III, 335).

На это Строевъ отвѣчалъ, отъ 10-го января 1865 года: „*Таблицу Княжествъ Западно-Русскаго Края* я имѣлъ честь получить, чрезъ М. П. Погодина, ноября 12-го числа. Въ то время меня постигла нежданная болѣзнь (думалъ, въ родѣ паралича), отъ которой и понынѣ еще не совсѣмъ оправился; а потому долженъ просить васъ великодушно простить мнѣ невѣжливость, что такъ долго замедлилъ отвѣтомъ и не поблагодарилъ за прекрасный вашъ подарокъ; впрочемъ, по пословицѣ, лучше поздно нежели никогда. Чтожъ касается до поправокъ въ *Таблицѣ*, коихъ вамъ угодно ожидать отъ меня, я долженъ откровенно признаться, что совсѣмъ одряхлѣлъ, ослѣпъ и память крѣпко мнѣ измѣняетъ; пора костямъ и на мѣсто (69 лѣтъ).

За поздравленіе Вашего Превосходительства съ пятидесятилѣтнимъ моимъ юбилеемъ приношу нижайшую благодарность; но не могу удержаться, чтобы не замѣтить, что пятидесятилѣтіе точно минуло, но празднованія и т. под. ничего не было; кромѣ непріятностей разнаго рода на долю мою едва ли что̀ досталось. Праздновать юбилеи товарищей, особенно въ Россіи, умѣютъ только Нѣмцы; къ сожалѣнію, соотечественники наши къ тому неспособны, накричатъ, насулятъ, хорошо еще если не перессорятся, и потомъ отступятся отъ всего и

васъ же осмѣютъ. Извините за откровенность, быть можетъ, слишкомъ ребяческую" (*Вх.* и *Исх.* III, 347).

Но не одними непріятностями сопровождался и заключился юбилейный годъ Строева. По прекрасной мысли И. И. Срезневскаго, въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ (т. VI, кн. 1. Спб. 1864 года) перепечатаны были нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ стародавнихъ трудовъ Строева, не утратившихъ своей цѣнности и въ настоящее время, а именно: 1) О древнихъ Лѣтописныхъ Сборникахъ и о Софійскомъ Временникѣ и 2) О Византійскомъ источникѣ Нестора. Кромѣ того, Измаилъ Ивановичь написалъ записку о *Трудахъ П. М. Строева*, въ которой не обинуясь сказалъ: „Заслуги Строева незабвенны: трудами своими онъ въ числѣ немногихъ содѣйствовалъ дѣйствительнымъ успѣхамъ Русской исторической науки" (стр. 113).

По поводу этой записки, Павелъ Михайловичь писалъ г. Срезневскому: „Я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ статью о моихъ трудахъ, вами составленную, и даже удивился какъ вы могли припомнить и схватить удачно все до меня касающееся въ теченіи цѣлаго полувѣка. Правда, кой-что не совсѣмъ такъ, какъ было, иное темно выражено, есть и пропуски; но поправить не трудно. Я постараюсь сколько силы позволятъ, въ непродолжительномъ времени, написать и вамъ доставлю *поправки и дополненія*, которыя быть можетъ скоро вамъ пригодятся. Вѣроятно, по моей смерти, вамъ же придется составить *очеркъ моей жизни и трудовъ* для академическаго ежегоднаго отчета.

Покорнѣйше прошу васъ при свиданіи съ Я. К. Гротомъ, передать Его Превосходительству усерднѣйшій мой поклонъ и благодарность за выраженное имъ ко мнѣ участіе и вниманіе къ трудамъ моимъ въ Отчетѣ, читанномъ 29-го минувшаго декабря" (*Вход. и Исход.* III, 346).

XXXV.

Съ наступленіемъ новаго 1865 года, Строевъ, послѣ долгаго молчанія, снова завязалъ переписку съ Погодинымъ. Отъ 6-го числа онъ писалъ къ нему: „Усерднѣйше поздравляю Ваше Превосходительство съ новымъ, 1865 годомъ, при возможнѣйшихъ благихъ пожеланіяхъ, хотя, еще въ царствованіе Елисаветы Петровны, одинъ изъ знамени-

тыхъ тогда проповѣдниковъ, въ присутствіи Императрицы, доказывалъ что поздравлять съ новымъ годомъ безтолочь.

Мы давно не видались, когда-то увидимся, быть можетъ етого вовсе не будетъ. Въ половинѣ ноября со мной случился параксизмъ, до того времени небывалый: думалъ, что кондрашка (по просторѣчію), медики завѣрили меня, что только сильный приливъ крови къ головѣ; съ тѣхъ поръ не могу поправиться: безпрерывныя головокруженія, слабость, съ трудомъ хожу, и т. под. Пожалуй въ одно прекрасное утро и въ самомъ дѣлѣ хватитъ параличь.

Не отвергните покорнѣйшей просьбы и напишите откровенно, и безъ всякихъ загадокъ, иначе лучше не принимайте на себя труда писать. Въ послѣдней вашей запискѣ, присланной ко мнѣ изъ С. Петербурга, отъ 10-го іюня, сказано: *Въ нынѣшнемъ (1864) году по всѣмъ вѣдомствамъ были отказы, но дѣло ваше (т. е. о пенсіи) только отложено и пустится въ новый ходъ при первой возможности. Такъ увѣряли меня люди вѣрные.* Кто отказывалъ: Министръ, Комитетъ Министровъ, или выше? Кто отложилъ мое дѣло: Министръ или Археографическая Коммиссія? Когда, гадательно, можетъ быть благопріятное время для представленія и кому? Кто такіе *вѣрные люди* (я удержу ихъ въ секретѣ), васъ увѣрявшіе? Въ наступившемъ году мнѣ предстоитъ: быть или не быть; зналъ эту фразу по англійски, да забылъ; говорю безъ преувеличенія. Хочу возобновить хлопоты объ увеличеніи мнѣ пенсіи, потому и нужно объясненіе словъ вашихъ.

Не могу утерпѣть, чтобы не замѣтить: каковы Нѣмцы, каково у нихъ взаимное согласіе, настойчивость? Какъ Нѣмецкіе академики отпраздновали пятидесятилѣтній юбилей докторства М. К. Бера? А мы, Русскіе сочлены, въ прошломъ году, въ подобномъ случаѣ, чуть не перессорились, по крайней мѣрѣ, кромѣ непріятнаго, ничего не вышло изъ затѣяннаго. Кстати: я просилъ г. Викторова, съ мѣсяцъ назадъ, когда онъ отправлялся отъ меня прямо къ вамъ, довести до вашего свѣдѣнія, что покойный Ундольскій, собиравшій, по порученію вашему, съ купцовъ и старообрядцовъ деньги на предполагавшееся празднованіе моего юбилея, хвастался мнѣ неоднократно, что онъ не допускаетъ просто подписываться, а тотчасъ и деньги беретъ, и съ торжествомъ показывалъ мнѣ подписный листъ, гдѣ, между прочими, я видѣлъ лица, мнѣ совсѣмъ неизвѣстныя. Ето обстоятельство можетъ меня компрометировать; жертвователи могутъ подумать, что деньги ихъ дошли до меня въ видѣ подарка и т. под., а я только и зналъ объ етомъ по тому, что Ундольскій не упускалъ случая похвастать передо мною своими связями. Потрудитесь переговорить съ г. Хлудовымъ, съ которымъ я не знакомъ: таковыя денежныя при-

ношенія, конечно, необходимо возвратить кому слѣдуетъ, потому что юбилейное празднество не состоялось или слишкомъ перешло за срокъ.

Не отягощайте брата моего пересылкою черезъ него вашего отвѣта, который надѣюсь получить непремѣнно, а пошлите письмо прямо ко мнѣ по городской почтѣ: ето стоитъ пять копеекъ и пріемная лавочка отъ васъ недалеко“ (*Вх.* и *Исх.* III, 343).

На это письмо Погодинъ отвѣтилъ въ тотъ же день: „Сію минуту получилъ ваше письмо и отвѣчаю. Отказъ былъ отъ Министра Финансовъ, отказывавшаго въ то время всѣмъ. Потому меня и завѣрили, что дѣло только что отлагается—Куникъ и Калачовъ. Калачовъ назначенный Сенаторомъ и Директоромъ Архивовъ, какъ увидѣлъ я во вчерашнихъ газетахъ, долженъ вѣроятно быть скоро въ Москву. Съ нимъ и слѣдуетъ посовѣтоваться. Я думаю всего лучше будетъ вамъ написать Министру, поблагодарить его за участіе и готовность, и просить о ходатайствѣ. А представленіе должна написать опять Археографическая Коммиссія. Юбилей былъ устроенъ очень хорошо, но воспрепятствовали вы ему сами. Загадокъ я никогда никому не писалъ, и терпѣть ихъ не могу, а вы въ простыхъ словахъ ищете часто другаго смысла, и потому они кажутся вамъ загадками. Мнѣ самому уже 65-й годъ, и право не хочется думать ни о чемъ, кромѣ предлежащей дороги. Пожили, поработали, потерпѣли—довольно!

Книги ваши золотообрѣзныя *) у меня все зимуютъ. Какъ поправится дорога пріѣду навѣстить васъ, а почеркъ вашъ, по прежнему твердый, меня ободряетъ касательно вашего здоровья. Почта отъ меня полторы версты. Я посылалъ чрезъ вашего брата для вѣрности“ (*Вх.* и *Исх.* III, 345).

Погодинъ, дѣйствительно, пріѣзжалъ навѣстить Павла Михайловича. На этотъ разъ его очень прельстилъ шкафъ стоящій въ кабинетѣ Строева. И вотъ, нѣсколько дней спустя, именно 13-го февраля 1865 года, онъ пишетъ владѣльцу завѣтнаго шкафа: „Вчера поѣхалъ къ вамъ я съ тысячью рублями и предложеніемъ, но съ дороги воротился, въ опасеніи, чтобъ не получить отъ васъ какого нибудь непріятнаго отказа; а теперь о томъ пишу: съ письмомъ это перенесется легче. Вотъ въ чемъ дѣло: труды ваши огромные и намъ полезные, но вы сами преграждаете имъ путь. Я предлагаю вамъ теперь тысячу рублей (получивъ нечаянно нѣкоторую сумму), за вашъ шкапъ съ исходящими фоліантами, списками духовенства, исправленными экземплярами, письмами и проч., за весь

*) Доставленныя изъ Академіи Наукъ ко дню юбилея П. М. Строева.

сполна. А съ своей стороны, вотъ что обѣщаюсь сдѣлать: разсмотрѣть, и разсмотрѣвши придумать, что съ ними сдѣлать, напримѣръ приговорить или нанять двухъ-трехъ работниковъ для дополненій, подъ вашимъ руководствомъ, или поискать средствъ къ напечатанію, объявивъ въ предисловіи: *Я увидѣлъ... они списки сдѣланы... польза великая... П. М.* *) *предоставилъ мнѣ... печатается... напр. въ Обществѣ Л. Р. С.* **)... *и дополненія всѣмъ можно дѣлать и присылать туда-то.* Можетъ быть встрѣтятся другія мысли. Ничего не будетъ сдѣлано безъ вашего разрѣшенія. Точно такъ не будетъ употреблено ни строки вашей безъ вашего имени. Если успѣется сдѣлать что нибудь, то, кромѣ общей пользы, получится польза и для васъ; а я ничего не имѣю въ виду, какъ только содѣйствовать ей. Ваши фоліанты мнѣ все мерещутся и мнѣ грустно думать, что вы послѣ такихъ трудовъ нуждаетесь. Повѣрьте искренности моихъ словъ" (*Вх.* и *Исх.* III, 350).

Но Строевъ скептически отнесся къ этому предложенію, что можно заключить изъ нижеслѣдующаго отвѣтнаго письма Погодина (отъ 14-го февраля): „Въ томъ-то и дѣло! Мое предложеніе ученое и пріятельское, доброжелательное, а вы отвѣчаете мнѣ въ такомъ тонѣ, какъ бы я торговалъ у васъ домъ. Вотъ что и называю я непріятнымъ отзывомъ безъ всякаго *прогнѣвленія.* Я заваленъ собственными дѣлами, печатая 2-ю часть Историко-Критическихъ Отрывковъ, Кирилловскій Сборникъ и древнюю Русскую Исторію, да работая надъ біографіей Карамзина. Выѣзжаю по разу въ мѣсяцъ: такъ и третьяго дни выѣхалъ, чтобъ переговорить съ Попечителемъ о публичномъ курсѣ, договориться съ Синодальною Типографіею о печатаніи, навѣстить вдову Шевырева, посмотрѣть картины Айвазовскаго, и оттуда завернуть къ вамъ, да и убоялся.

Послѣднее свиданіе наше было очень пріятное, съ удовольствіемъ я слушалъ, говорилъ и смотрѣлъ, а потомъ все думалъ и придумалъ; а вамъ, вижу, представляется что-то другое и вы не можете отнестись къ дѣлу просто, прямо, предполагаете все какія-то загадки. Ну, я отъ такихъ негоціацій, не въ моемъ характерѣ, отказываюсь. Если надумаетесь, то пріѣзжайте и потолкуемъ. Не нравится мой планъ, начертите свой, а надо что нибудь сдѣлать и устроить вамъ свою жизнь поспокойнѣе и попріятнѣе. Вотъ не только пріятельское, но дружеское по наукѣ, мнѣніе. За тѣмъ, день прощальный, прошу прощенія и прощаю" (*Вх.* и *Исх.* III, 350).

*) Павелъ Михайловичъ.

**) Любителей Россійской Словесности.

25-го февраля, Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ Строева: „Недугъ мой, о которомъ въ субботу, при васъ, я совѣтовался съ докторомъ, на другой день возвратился съ прежнею силою и мнѣ было досадно, зачѣмъ я пріѣзжалъ въ клубъ. Теперь гораздо легче, принимаюсь за перо, чтобы отвѣчать на двѣ ваши записки; но писать для меня тяжело, по слѣпотѣ и нездоровью; лучше было бы свидѣться и переговорить, но я никакъ не смѣю ожидать отъ васъ втораго визита. Несказанно тронуло меня ваше живое участіе въ тяжеломъ моемъ положеніи и великодушное желаніе помочь мнѣ, но (простите откровенность) мѣры, вами къ тому предложенныя, слишкомъ фантастичны, долговременны и едвали удобоисполнимы: объяснить въ письмѣ мнѣ *трудно*, а при личномъ свиданіи вы и сами легко бы въ томъ согласились. Если вамъ *мерещится* мой шкапъ, въ который вы случайно заглянули, то я готовъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, если успѣю его сдѣлать, отказать вамъ все, послѣ моей смерти, въ полное владѣніе: тогда съ моими фоліонтами, бумагами, письмами, и проч., вы можете сдѣлать что хотите, *мертвіи бо срама не имутъ*, а отъ oeuvres posthumes никто не въ правѣ требовать окончательной выработки, издается какъ осталось.

Тяжелое положеніе, въ которомъ я нахожусь, не произошло отъ меня собственно: при родовомъ имѣніи (Саратовской губерніи 230 душъ и 800 десятинъ чернозема) я воображалъ дожить до смерти безбѣдно; но вышло напротивъ. Въ подобномъ моему положеніи находятся многія тысячи душевладѣльцевъ (употребляю модное выраженіе). Государю угодно было потребовать отъ дворянъ пожертвованія, въ пользу крестьянъ, безъ чего, говорили, еманципація была невозможна: пожертвованія сдѣланы немалыя, но никому не приходило въ голову, еще менѣе мнѣ, обращавшемуся всегда съ крестьянами слишкомъ льготно, чтобы мало по малу помѣщиковъ довели до разоренія. Мнѣ нужна скорая помощь: если ее не будетъ, то мое имѣніе, за которое, лѣтъ десятокъ тому назадъ, предлагали мнѣ охотно болѣе 30 т. р. сер., мѣсяца черезъ два-три, за долгъ Опекунскому Совѣту, будетъ подвергнуто описи, а потомъ и продажѣ; аукціонный молотокъ совсѣмъ раздавитъ меня. Тогда ничего иного не остается, какъ воскликнуть съ однимъ изъ псевдо-классиковъ:

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est un opprobre et la mort un devoir!

Вмѣсто того, чтобы дарить мнѣ за шкапъ, въ который вы мелькомъ заглянули, и не понимаю чѣмъ онъ заинтересовалъ васъ, тысячу рублей сер., тратиться за наемъ двухъ-трехъ работниковъ, разу-

мѣется опытныхъ, слѣдовательно не дешевыхъ, чтобы они трудились подъ моимъ руководствомъ, которое я не въ силахъ принять на себя, и въ заключеніе издержать порядочную сумму на напечатаніе неоконченныхъ трудовъ, быть можетъ безполезныхъ; не лучше ли, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, просто, безъ всякихъ церемоній, ссудить меня тысячею р. сер., подъ законный долговый актъ и за указные проценты? Въ теченіи нынѣшняго года заплативъ недоимку Опекунскому Совѣту, я могу потребовать принужденнаго выкупа крестьянами усадебъ и угодій, единственное средство, которое мнѣ остается, хотя съ потерею около 7,000 р., получить выкупное свидѣтельство, и продать его, разумѣется съ убыткомъ; тогда занятыя у васъ деньги я буду въ состояніи возвратить вамъ съ такою благодарностію, какую едвали принесъ вамъ и Ѳ. Н. Глинка за полученныя имъ, вашимъ содѣйствіемъ, звѣзду и ленту. Если вы не прочь удовлетворить мою нижайшую просьбу, въ чемъ я не имѣю никакого повода сомнѣваться, послѣ благодушнаго вашего мнѣ предложенія, то потрудитесь извѣстить меня: когда и гдѣ вы можете передать мнѣ деньги; я изготовлю, по извѣщеніи, заемное письмо (первое въ моей жизни) и передамъ его вамъ. Ужасно утомился; не воображалъ, чтобы письмо вышло такъ длинно, хотя, кажется, ничего лишняго не написалъ“ (*Вх. и Исх.* III, 353).

М. П. Погодинъ, зная испытанную честность Строева, съ радостью согласился исполнить его просьбу и въ тотъ-же день написалъ ему слѣдующее дружеское письмо. „Вы не можете себѣ представить, какое удовольствіе я почувствовалъ, увидѣвъ возможность, по прочтеніи вашего письма, исполнить ваше желаніе. Я прислалъ бы вамъ сію минуту нужную для васъ тысячу, но у меня перехватилъ пріятель до 5-го марта. Все что у меня на лицѣ (sic) было. 5-го марта я получу это назадъ непремѣнно, и тотчасъ къ вамъ пришлю съ кѣмъ нибудь. Самъ я погруженъ теперь по уши въ біографію Карамзина, которую буду читать публично въ концѣ третьей недѣли. На пятой за тѣмъ же я поѣду въ Петербургъ, а потолкуемъ мы, если Богъ дастъ, по возвращеніи. Никакихъ актовъ не нужно, а достаточно будетъ и простой росписки. Впрочемъ, какъ вамъ угодно! Самъ я тружусь, и, между нами, смѣю считать свои труды не..... ну, да Богъ съ ними. Довольно сказать, что ваши труды кромѣ тѣхъ, которые я уважалъ всегда, открытые въ шкапу, меня поразили, и мнѣ грустно стало видѣть ихъ погребенными заживо. Представились мысли,— и теперь представляются, но перестану, некогда—повѣрите-ли, что я во снѣ вижу Карамзина. Г. Глинку я имѣлъ только случай увѣдомить, а въ прочемъ невиненъ“ (*Вх. и Исх.* III, 354).

Строевъ, разумѣется, былъ тронутъ готовностію Погодина помочь ему. Отъ 28-го февраля, онъ писалъ Михаилу Петровичу: „Оставляя всякое краснорѣчіе, скажу просто: спасибо, мой благородный другъ! Я желалъ бы, чтобы вмѣсто 5-го числа (слѣдующіе два дня неприсутственные) вы прислали мнѣ обѣщанное 8-го числа; я всегда былъ боязливъ на храненіи значительныхъ денегъ дома, тѣмъ болѣе теперь чужихъ. Если успѣю, приготовлю актъ; въ противномъ случаѣ воспользуюсь даваемою мнѣ вами льготою, послѣ можемъ размѣняться. Что касается до моихъ фоліантовъ и проч., которые вамъ, не знаю почему, такъ понравились, то, послѣ Св. Праздниковъ, я даже попрошу васъ принять ихъ къ себѣ на сохраненіе: надобно будетъ перемѣнить квартиру, на которой нынѣшнюю зиму мы съ трудомъ прожили, такъ она въ шесть лѣтъ обветшала. А какова будетъ еще новая?

Какъ бы я радъ былъ, еслибъ представилась возможность, передъ отъѣздомъ вашимъ въ Петербургъ, намъ свидѣться. Быть можетъ я и соберусь къ вамъ, въ далекую сторону, если будетъ потеплѣе, потому что у меня нѣтъ шубы и теплой обуви, которыхъ впрочемъ я никогда не имѣлъ и въ нихъ не нуждался: можете изъ сего заключить, каково было прежде, въ блаженныя времена, мое физическое здоровье.

Вчера, послѣ недѣльнаго сидѣнья дома, я попыталъ съѣздить въ клубъ для развлеченія: сегодня опять оглохъ, слѣдовательно новый приливъ къ головѣ: съ нетерпѣніемъ ожидаю весны, чтобы какъ нибудь бродить пѣшкомъ. Нынѣшняя зима для меня несказанно тяжела. Желаю вамъ добраго здоровья и всевозможнаго преуспѣянія въ подвигахъ вашихъ“ (*Вх. и Исх.* III, 355).

Погодинъ отвѣчалъ, по обыкновенію, коротенькою записочкою: „Буди по глагому вашему. Спѣшу. Въ работѣ по уши. Потому и не хлопочите пріѣхать ко мнѣ, а я самъ постараюсь по пути на желѣзную дорогу. Еще мысль: у меня нѣсколько прекрасныхъ флигилей съ двумя обширными липовыми садами. Выбирайте. Неудобство есть— далеко. Но здѣсь живетъ одинъ извощикъ, который возьмется васъ отвозить и привозить сходно, въ случаѣ нужды, а для здоровья вѣдь прелесть. Подумайте-ко“ (ibid. л. 356).

Съ апрѣля 1866 года,—когда Министромъ Народнаго Просвѣщенія назначенъ былъ Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, дѣятель исполненный Уваровскихъ преданій,—наступило, наконецъ, „благопріятное время“ и для П. М. Строева.

Автору *Исторіи Финансовыхъ Учрежденій Россіи* (Спб. 1848 г.) не было надобности объяснять: кто такой Строевъ, и какія его заслуги? „Не сознаніе собственныхъ силъ“,—писалъ Графъ Толстой въ

Предисловіи къ вышеупомянутому своему сочиненію,—„но необходимость исторіи Русскихъ финансовъ руководила мною при изданіи этого сочиненія. Всѣ просвѣщенные народы имѣютъ исторію финансовъ своего отечества, и я полагалъ, что и для насъ наступило время къ подобнымъ изысканіямъ, когда *Археографическая Коммиссія издала въ свѣтъ столь много новыхъ и важныхъ матеріаловъ по части Русской Исторіи*" (стр. VII).

И вотъ Погодинъ (отъ 27-го іюля 1866 года) пишетъ Строеву: „Я былъ въ деревнѣ у Графа Толстаго, и онъ вызвался исходатайствовать непремѣнно увеличенія вашей пенсіи, многоуважаемый Павелъ Михайловичь. *Я сочту обязанностію, сказалъ онъ, мимо всѣхъ формальностей, просить Государя.* Нужно только составить докладную записку о первыхъ трудахъ, путешествіи,... назначеніи пенсіи, о трудахъ послѣдовавшихъ. Прошу васъ приготовить эту записку и прислать ко мнѣ, чтобъ я могъ вручить ее Графу въ проѣздъ чрезъ Москву въ августѣ" (*Вх. и Исх.* III, 410).

На другой же день, Строевъ отвѣтилъ Погодину: „Любезное письмецо ваше получено мною вчера, въ день моего рожденія: стукнуло *семьдесятъ* лѣтъ, по глаголу Псалмопѣвца—предѣлъ человѣческой жизни, за которымъ послѣдуетъ *трудъ и болѣзнь.* Этотъ періодъ болѣзней для меня наступилъ еще прежде: едва хожу, съ трудомъ ѣзжу въ трясучкахъ, частыя головокруженія, постоянно слабость, и другіе старческіе недуги; ктому же отупѣлъ и оглупѣлъ; признаюсь, жизнь мнѣ въ тягость, *во всякомъ случаѣ* я не долго просуществую. Благодарю васъ, добрѣйшій Михаилъ Петровичь, за ваши хлопоты объ увеличеніи моей пенсіи; но, согласитесь сами, изъ подобныхъ хлопотъ выйдетъ опять мыльный пузырь... Съ какой стати Министръ будетъ представлять Государю о человѣкѣ, котораго онъ не видывалъ?—Иное дѣло было въ 1864 году: тогда предполагался юбилей, два ученыя мѣста представляли обо мнѣ; а тогдашній Министръ былъ одного ранга съ нынѣшнимъ. Да и стоитъ ли въ настоящее время, когда смерть па носу, добиваться ничтожной прибавки къ дрянному пенсіону?

Подите счастья прочь возможны,
Вы всѣ премѣнны, вы всѣ ложны,
Я въ дверяхъ вѣчности стою». (*Вх. и Исх.* III, 410).

Погодинъ спѣшилъ разсѣять сомнѣнія Строева: „Графъ Толстой выразилъ непремѣнное обѣщаніе, лишь только я заикнулся. Вамъ представляются все старые порядки, и чины, а нынѣ все не такъ. Толстой хорошо знаетъ ваши труды, самъ получивъ премію. Онъ

вызвался съ такимъ жаромъ, что даже тронулъ меня. А вы, Богъ дастъ, поживете еще, и еслибъ послушались меня въ прошломъ году, и переѣхали подъ липы, вмѣсто смраднаго вашего захолустья, то прибавили бы себѣ жизни лѣтъ на пять лишнихъ" (*Вход. и Исход.* III, 410 об.).

Но и это письмо не совсѣмъ разсѣяло сомнѣніе Строева, что видно изъ слѣдующаго его письма (отъ 31-го іюля): „Мнѣ неизвѣстно ничего о *новыхъ порядкахъ*, коими настоящее время изобилуетъ, а потому очень простительно, что покамѣсть нисколько ими не увлекаюсь; увижу на опытѣ, тогда перемѣню свое мнѣніе. Избави Богъ сомнѣваться въ благородныхъ и великодушныхъ свойствахъ и порывахъ новаго Министра; но ни онъ меня, ни я его, невидывалъ. Полагаю, что только такія заслуги и труды истинно важны, кои всѣми (разумѣется, въ спеціальныхъ кругахъ) за таковые признаются; но если о своихъ заслугахъ необходимо писать длинныя и хвастливыя записки, единственно для полученія награды, то на такой подвигъ едвали кто дерзнетъ: по крайней мѣрѣ я не способенъ. Впрочемъ г. Срезневскій напечаталъ довольно подробное извѣстіе о моей службѣ и трудахъ, хотя съ нѣкоторыми неточностями и пропусками: я послалъ ему поправки и, вѣроятно, онъ воспользуется ими при составленіи, по моей смерти, біографическаго извѣстія для годичнаго Отчета Академіи. Такъ какъ Его Сіятельству угодно что-нибудь сдѣлать, для облегченія теперешняго моего положенія, то, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, ему стоитъ только приказать подать себѣ дѣло 1864 года, о пенсіи: тамъ найдутся всѣ необходимыя данныя для совершенія предъ лицомъ Государя великодушнаго предстательства его въ мою пользу" (*Вх. и Исх.* III, 411).

Между тѣмъ, приближался день столѣтней годовщины Карамзина. Погодинъ, приготовляя къ этому дню біографію исторіографа, обратился къ Строеву съ слѣдующею просьбою: „Вы обѣщали мнѣ доставить копіи съ писемъ Карамзина къ вамъ. Прошу. Онѣ мнѣ нужны теперь, потому что я пишу главу объ отношеніяхъ Карамзина къ изслѣдователямъ. У васъ сыновья грамотѣи: что стоитъ имъ переписать двѣ-три страницы?" (*Вх. и Исх.* III, 418).

Строевъ, исполняя эту просьбу Погодина, писалъ ему: „Писемъ Карамзина оказалось у меня только одно; болѣе и быть не могло. Малиновскій не любилъ, чтобы мы архивскіе сносились съ исторіографомъ помимо его; но К. Ѳ. Калайдовичь, какъ человѣкъ самолюбивый, держался самостоятельности. Въ газетахъ было напечатано, что вы обладаете богатою коллекціею Русскихъ автографовъ, изъ которой, недавно, удѣлили и Американцамъ нѣчто. Прошу прилагае-

мый при семъ автографъ Карамзина пріобщить къ вашему собранію: тамъ онъ можетъ занять приличное мѣсто, а мнѣ вовсе не нуженъ. Я оставилъ у себя копію: присоединивъ необходимыя поясненія, можно будетъ ето письмо гдѣ нибудь и тиснуть (хоть у Бартенева). Помоги Богъ въ тяжеломъ трудѣ вашемъ. Карамзинъ рѣшительно упалъ, частію самъ собою, частію по современному направленію литературы нашей: необходимо, сколько возможно, приподнять его; но успѣете ли вы въ этомъ подвигѣ? Иное дѣло Я. К. Гротъ. Я дивился ловкимъ его пріемамъ, читая *Характеристику Державина*, недавно пущенную въ свѣтъ" (*Вх. и Исх.* III, 418).

1-го декабря 1866 года, Академія Наукъ отпраздновала столѣтній юбилей Карамзина. Погодинъ былъ въ числѣ ораторовъ. Не забыли и Строева. Наканунѣ праздника Погодинъ писалъ ему изъ Петербурга: „Спѣшу поздравить васъ съ исполненіемъ вашего желанія. Графъ Толстой извѣстилъ меня нынѣ о Высочайшемъ назначеніи увеличенной пенсіи. Я сказалъ ему вашъ адресъ и онъ тотчасъ отправилъ къ вамъ телеграмму. Онъ питаетъ къ вамъ особенное уваженіе, какъ я уже говорилъ вамъ. Министръ Финансовъ опять воспротивился, но онъ сдѣлалъ другое представленіе, объяснилъ лично Государю ваши заслуги и труды, воспользовавшись юбилеемъ Карамзина, къ которому составили вы Ключь, и Государь приказалъ передать Рейтерну его волю. Завтра собираемся творить тризну. Ложусь спать, чтобъ собраться съ силами, а чувствую себя не совсѣмъ хорошо, особенно вчера. Поклонитесь вашей супругѣ, которая любитъ меня, я знаю, больше вашего" (*Вх.* и *Исх.* III, 423).

Вслѣдъ за симъ Строевъ получилъ и отъ Графа Д. А. Толстаго слѣдующее оффиціальное увѣдомленіе: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, въ 30-й день сего ноября, Всемилостивѣйше соизволилъ: по случаю празднованія столѣтняго юбилея Карамзина, съ именемъ котораго тѣсно связано и ваше имя, производить вамъ ежегодно, сверхъ получаемой вами пенсіи, въ пособіе, по тысячѣ рублей въ годъ. О такой монаршей милости вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность увѣдомить Ваше Превосходительство".

Въ концѣ письма, Министръ собственноручно написалъ: *Искренній Вашъ почитатель*. (*Вх.* и *Исх.* III, 425).

Это справедливое воздаяніе благотворно подѣйствовало на преутружденнаго старца. Оно его успокоило и дало ему силы продолжать прерванныя, вслѣдствіе житейскихъ попеченій, занятія. Въ благодарственномъ письмѣ Графу Толстому, Строевъ объяснилъ: „Увѣдомительное письмо Вашего Сіятельства о Монаршей ко мнѣ милости, по случаю Карамзинскаго юбилея, я имѣлъ честь получить въ очень бо-

лѣзненномъ состояніи: я страдаю, нерѣдко, приливами къ головѣ и въ ето время былъ довольно сильный припадокъ; приняться за перо, чтобы отвѣтствовать, мнѣ не было возможности. Не знаю какъ благодарить Ваше Сіятельство за великодушное ходатайство Ваше предъ Государемъ Императоромъ. Изъявленія благодарности отъ времени такъ избились и опошлились, что я не въ состояніи придумать что-нибудь годное для выраженія чувствъ моихъ предъ Вашимъ Сіятельствомъ: благоволите сами выбрать самое лучшее изъ всѣхъ употребительныхъ выраженій. Нельзя не пожалѣть, что не долго придется мнѣ пользоваться пожалованною Государемъ пенсіею: семьдесятъ лѣтъ и очень разстроенное здоровье предвѣщаютъ близкую смерть. Позвольте, Ваше Сіятельство, надѣяться, что тогда вы не оставите вашимъ покровительствомъ вдову мою, также въ лѣтахъ очень преклонныхъ“ (*Вх.* и *Исх.* III, 427).

Между тѣмъ, по случаю передѣлки дома, въ которомъ жилъ Строевъ, ему необходимо было перемѣнить квартиру. Погодинъ узнавъ объ этомъ писалъ ему (отъ 13-го іюня 1867 года): „Судьба сама сжалилась надъ вами почтенный Павелъ Михаиловичь, и гонитъ васъ изъ Панкратьевской смрадной трущобы. Благоволитъ Олимпіада Петровна пожаловать къ намъ и осмотрѣть помѣщеніе у насъ, подъ липами. Два старика доживали бы свой вѣкъ вмѣстѣ. Я увѣренъ, что чистый воздухъ возстановилъ бы ваши силы, а выѣзжать вамъ вѣдь не нужно. Въ клубъ однажды въ недѣлю могли бы отправляться вмѣстѣ. Подумайте“.

Но Строевъ по характеру своему не могъ увлечься подобною идилліею, и не задумываясь отказался занять флигель подъ липами. (*Вх.* и *Исх.* IV, 10—11).

Панкратіевская слободка, которую такъ не долюбливалъ М. П. Погодинъ, навсегда останется для меня памятною. Здѣсь я въ первый разъ имѣлъ счастье представиться Павлу Михаиловичу, и, сознаюсь, воспоминанія мои нисколько не вяжутся съ представленіемъ о какой-то „смрадной трущобѣ“, какъ называлъ почему-то Погодинъ помѣщеніе, занимаемое Строевымъ у Церкви Св. Панкратія.

При семъ случаѣ позволю себѣ обратиться къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ.

Съ самаго вступленія на службу въ Археографическую Коммиссію, въ январѣ 1863 года, я почувствовалъ къ Строеву глубокое уваженіе, и желаніе лично засвидѣтельствовать ему воодушевлявшее меня чувство росло съ каждымъ годомъ по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ его трудами и писаніями. Съ 1863 до 1867 года, я безвыѣздно прожилъ въ Петербургѣ. Наконецъ, въ іюлѣ 1867 года, мнѣ представилась

возможность съѣздить къ родителямъ въ Тамбовскую губернію. Чтобы, проѣздомъ черезъ Москву, имѣть поводъ исполнить свое давнишнее желаніе посѣтить Знаменитаго Археографа, я упросилъ А. И. Тимоѳеева поручить мнѣ доставить ему только что вышедшій тогда въ свѣтъ Х-й томъ Дополненій къ Актамъ Историческимъ. 3 го іюля, я пріѣхалъ въ Москву и остановился у П. И. Бартенева, жившаго тогда на Мясницкой, у Николы Мясницкаго на церковномъ дворѣ. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, я отправился, съ Х-мъ томомъ въ рукахъ, къ Св. Панкратію. Признаюсь, не безъ робости я подъѣхалъ къ церковному двору, въ глубинѣ котораго жилъ Строевъ. Повторяю, ничего подобнаго „смрадной трущобѣ“ не представилось мнѣ на этомъ пустынномъ, заросшемъ травою дворѣ. „Здѣсь живетъ Строевъ?“ спросилъ я у попавшагося мнѣ на встрѣчу мальчика. — Здѣсь! отвѣтилъ мальчикъ, указывая на домъ. Потомъ мнѣ указали на старушку, служащую у Строевыхъ. „Дома ли Павелъ Михайловичъ?“ спросилъ я ее.—Дома! Я попросилъ доложить о себѣ, а самъ остался на дворѣ ждать отвѣта. Черезъ нѣсколько минутъ старушка вышла и объяснила, что баринъ по нездоровью не можетъ меня принять. Я рѣшился настаивать. „Нельзя ли сказать барину, что болѣе пяти минутъ я не намѣренъ обременять его“. — Пожалуйте, сказала мнѣ старушка и пошла отворять парадныя двери. Вхожу, по деревянной лѣстницѣ, въ совершенно пустую переднюю, а затѣмъ въ просторный залъ. На порогѣ гостинной меня встрѣтилъ самъ Строевъ въ сѣромъ халатѣ, съ выпущеннымъ воротникомъ бѣлой какъ снѣгъ рубашки. Это былъ свѣжій, бодрый старикъ небольшаго роста, съ быстрыми сѣрыми глазами, съ вьющимися, далеко не сѣдыми, волосами и съ саркастическою улыбкою на устахъ. По представленіи Х-го тома у насъ завязалась продолжительная бесѣда, и я старался не проронить ни одного его слова. „Вотъ какія времена пришли“,—началъ Павелъ Михайловичъ,—„я двадцать лѣтъ слишкомъ прожилъ съ видомъ, выданномъ мнѣ отъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, а теперь требуютъ отъ меня новаго вида. Въ Москвѣ вообще, а тѣмъ болѣе для полиціи, Императорская Академія Наукъ, Археографическая Коммиссія совершенно неизвѣстныя мѣста служенія, и полиціи непонятно, почему Петербургскій чиновникъ проживаетъ въ Москвѣ столь долгое время, и по какому поводу“. Я ему сообщилъ, что письмо его объ этомъ получено Бычковымъ и на дняхъ вышлютъ ему новый видъ. Заговоривши объ Лѣтописяхъ и объ Указателѣ къ нимъ, я спросилъ: — Почему не ему, а Бередникову поручена была редакція Лѣтописей?— „Меня оттерли! Да вотъ теперь, я и милліона не возьму, чтобы вступить куда нибудь на службу, а лѣтъ десять тому назадъ я съ охотою

взялся бы управлять Архивомъ Министерства Юстиціи". По поводу изданія Писцовыхъ книгъ, Строевъ замѣтилъ, что слѣдуетъ печатать только выводы изъ нихъ, „а остальное ни на что не надо", и что Разрядныя книги должно издавать тоже съ выборомъ. Далѣе онъ распрашивалъ объ изданіи Макаріевскихъ Миней. Я сообщилъ замѣчаніе Митрополита Московскаго Филарета, что слѣдуетъ сначала критически разсмотрѣть одинъ мѣсяцъ, а потомъ уже приступить къ изданію. Съ этимъ мнѣніемъ Митрополита Павелъ Михайловичь вполнѣ согласился. — Какъ жаль, сказалъ я, что вы не пожаловали на юбилей Карамзина.—„Да гдѣ же мнѣ, я едва ноги волочу и собираюсь умирать. Я прочелъ все, что писалось о немъ и не узнаю въ этихъ писаніяхъ Карамзина". Вы знакомы съ Норовымъ?... „Я съ нимъ вмѣстѣ воспитывался въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ и съ тѣхъ поръ не видался. Въ коронацію меня хотѣлъ повести къ нему покойный М. А. Коркуновъ, да они были въ то время отуманены". При прощаніи, я передалъ Строеву поклонъ отъ П. И. Савваитова. „Отъ чего же этотъ чудакъ не заѣхалъ ко мнѣ въ 1861 году, когда занимался въ Оружейной Палатѣ?" Замѣтно было, что маститый Археографъ зорко слѣдилъ за всѣмъ и все знаетъ: удивлялся выходу А. Н. Пыпина изъ Археографической Коммиссіи, спрашивалъ, отчего Н. И. Костомаровъ не принималъ участія въ Славянскомъ празднествѣ? На пріѣздъ Славянъ въ Москву смотрѣлъ неблагосклонно. Въ заключеніе, Павелъ Михайловичь, проводивъ меня до порога передней, пригласилъ заѣхать и на обратномъ пути. Въ обстановкѣ простота, но просторно, свѣтло, чисто и весело. У старухи, проводившей меня до двора я спросилъ, давно ли она живетъ у Строевыхъ? „Да сорокъ лѣтъ батюшка!" Такъ совершилось достопамятное для меня свиданіе съ Павломъ Михаиловичемъ. Съ того времени и до года его кончины я, бывая въ Москвѣ, считалъ своимъ долгомъ всякій разъ являться къ нему, и всегда пользовался его хлѣбосольствомъ и добрымъ словомъ.

Лѣтомъ, того же 1867 года, М. П. Погодинъ поѣхалъ въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню, и вернулся въ Москву глубокою осенью. Строевъ, узнавъ объ его возвращеніи писалъ къ нему отъ 13-го ноября: „Только вчера, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичь, я узналъ о вашемъ благополучномъ въ нашу бѣлокаменную возвращеніи. Иначе, еще въ пятницу, я не приминулъ бы поздравить васъ со днемъ вашего рожденія; теперь вамъ 67 лѣтъ, слѣдовательно разница между нашими возрастами съ небольшимъ четыре года? Чрезмѣрно любопытствую послушать вашихъ разсказовъ о Св. Землѣ, о пребываніи вашемъ въ Царьградѣ, о Болгарахъ, васъ тамъ осаждавшихъ, о Сербской скупчинѣ, о западныхъ козняхъ, и т. д. и т д.;

но къ сожалѣнію долженъ умѣрить и воздержать любопытство до радостнаго свиданія, которое Богъ вѣсть когда случится. Уже мѣсяца четыре я оставилъ Панкратіевскую слободку, или, какъ вы называли, смрадную трущобу. Теперь я занимаю очень порядочное помѣщеніе: пройдя, отъ прежней квартиры, сквозь Сухареву башню, на большой или первой Мѣщанской улицѣ, четвертый домъ на правой сторонѣ, зубнаго лѣкаря Бари, войдя въ вороты первый подъѣздъ на лѣво, и на лѣстницѣ тоже на лѣво, въ нижнемъ этажѣ. Кажется толковито. Съ іюля здоровье мое очень было поправилось, прошли слабость и головокруженіе и осенью я совершалъ пѣшехожденія въ клубъ. Спасибо доктору Рязанцову! Теперь опять начинаетъ меня коробить: около четырехъ недѣль не выхожу изъ дома; какъ бы наступившая зима меня опять не скрючила? Въ будущемъ мѣсяцѣ денежные разсчеты наши будутъ *навѣрно*, какъ я обѣщалъ, окончены: деньги почти готовы. Я привелъ также въ порядокъ всѣ мои неконченныя бумаги, на основаніи записки вашей отъ 7-го іюня, вамъ нетрудно будетъ выбрать изъ нихъ что нибудь для pendant'а къ бумагамъ Жихарева, Тургенева etc." (*Вх.* и *Исх.* IV, 22).

Въ концѣ 1867 года, Строевъ возвратилъ Погодину занятую у него тысячу съ процентами. Этотъ денежный долгъ былъ первымъ и послѣднимъ въ жизни Павла Михайловича, а потому онъ испыталъ радостное чувство когда сбросилъ съ себя „ето неудобоносимое иго" (*Вх.* и *Исх.* IV, 7).

XXXVI и послѣдняя.

Оказанная Правительствомъ помощь П. М. Строеву не пропала даромъ для науки: семидесятилѣтній старецъ, обезпеченный въ житейскихъ нуждахъ, принялся съ жаромъ обработывать свой давнишній трудъ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали всѣ трудящіеся надъ изученіемъ нашихъ древностей, и на необходимость котораго указывалъ еще знаменитый Шлецеръ. Мы разумѣемъ *Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія Церкви*. Съ трудомъ этимъ Строевъ не разставался до самой своей смерти.

„Не найдете ли вы возможнымъ", писалъ къ нему А. Ѳ. Бычковъ (27-го мая 1868 г.), „украсить *Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи* составленными вами Списками настоятелей монастырей.

Это было бы истинно дорогимъ пріобрѣтеніемъ и для изданія и для науки“ (*Вх.* и *Исх.* IV, 75 об.).

На это Строевъ отвѣчалъ: „Въ письмѣ Вашего Превосходительства упомянуто о какой-то *Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи*, для меня совершенно невѣдомой: ето, вѣроятно, журналъ, который Коммиссія издаетъ или издавать намѣрена? Жаль, что я не спросилъ у Александра Ильича *). Во всякомъ случаѣ отрывокъ изъ моихъ *Списковъ*, толстѣйшаго фоліанта, надъ которымъ корпѣю сорокъ лѣтъ и который долженъ выдти въ полномъ объемѣ не ранѣе моей смерти, чтобы быть полезнымъ для исторіоиспытателей, не можетъ имѣть мѣста въ періодическомъ изданіи; развѣ какъ образецъ?“ (*Вх.* и *Исх.* III, 77).

По поводу этихъ Списковъ у Строева завелась съ этого времени оживленная переписка съ провинціальнымъ ученымъ міромъ, которая свидѣтельствуетъ съ какимъ тщаніемъ онъ обработывалъ свой послѣдній трудъ. Изъ Петербургскихъ ученыхъ, Строевъ обращался только къ одному П. И. Савваитову и съ него-то и началась эта переписка. „Позвольте обезпокоить Ваше Превосходительство“, писалъ Строевъ Савваитову, отъ 5-го іюня 1868 года, „нижайшею и невольною просьбою: изъ какой-то цитаты я узналъ, что вы издали, много лѣтъ назадъ, историческое описаніе Архангельскаго Великоустюжскаго монастыря; я заказывалъ здѣшнимъ книжникамъ и поручалъ въ С. Петербургѣ купить для меня означенную книгу; но поиски остались безъ успѣха. Между тѣмъ, она для меня любопытна и даже необходима. Сдѣлайте одолженіе, снабдите меня екземпляромъ. Не припомните ли гдѣ нѣкогда было издано Описаніе Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря? Такъ какъ мнѣ уже слишкомъ семьдесятъ лѣтъ и я большею частію болѣзную, то спѣшу, сколько слабыя мои силы позволяютъ, привести въ окончательное по возможности состояніе мой слишкомъ сороколѣтній трудъ, который, назадъ тому десятокъ лѣтъ, я имѣлъ удовольствіе вамъ у себя въ домѣ показывать. Едва ли удастся окончить“ (*Вх.* и *Исх.* IV, 77 об.).

Въ бумагахъ Строева мы не нашли, однако, отвѣтнаго письма Савваитова, да, кажется, его и не было.

Изъ Костромы Строеву понадобилось получить: *Памятную книжку Костромской епархіи на 1868 годъ*, а также *Историческое описаніе Городецкаго Авраміева монастыря*. Тщетно разъискивая эти книги въ Москвѣ, Строевъ принужденъ былъ обратиться за ними къ своему Костромскому знакомому М. П. Альбицкому и черезъ посред-

---

*) Тимоѳеева.

ство послѣдняго вошелъ въ сношеніе съ составителемъ Костромской Памятной книжки В. А. Самаряновымъ, который писалъ Строеву (отъ 19-го августа 1868 года): „По вашей просьбѣ, Михаилъ Петровичъ Альбицкій пріобрѣлъ у меня для васъ экземпляръ Памятной книги для Костромской епархіи. Препровождая при семъ этотъ экземпляръ, имѣю честь увѣдомить, что Описаніе Городецкаго Аврааміева монастыря или по крайней мѣрѣ жизнеописаніе преподобнаго Авраамія дѣйствительно существуетъ въ печати и кажется можно пріобрѣсть это описаніе отъ настоятеля Городецкаго монастыря, іеромонаха Симеона. По поводу заявленія вашего о неудовлетворительномъ состояніи нашей книжной торговли, позволю себѣ съ своей стороны сказать нѣчто объ этомъ предметѣ. Во время Костромской ярмарки (въ началѣ іюня) я непосредственно обращался къ двумъ или тремъ книгопродавцамъ съ объявленіями о выходѣ въ свѣтъ своей книги; но не получилъ ни малѣйшаго поползновенія къ пріобрѣтенію ниже одного экземпляра. Съ другой стороны я не вижу надлежащаго содѣйствія своему предпріятію и со стороны гг. журналистовъ, къ которымъ я обращался съ просьбою о припечатаніи моего объявленія (разумѣется за деньги): одинъ изъ такихъ господъ въ три мѣсяца напечаталъ мое объявленіе только одинъ разъ, а другой въ четыре мѣсяца ни одного разу! Какой изъ этого можно сдѣлать выводъ въ пользу редакцій нѣкоторыхъ, по видимому, состоятельныхъ и солидныхъ журналовъ? Очень жаль и очень совѣстно за этихъ господъ. Если вамъ желательно имѣть понятіе объ авторѣ Памятной книги для Костромской епархіи, то потрудитесь найти 57 страницу во 2-мъ отдѣлѣ этой книги. Тамъ найдете нѣкоторыя свѣдѣнія и готовность къ услугамъ вашимъ“ (*Вх.* и *Исх.* IV, 85, 86).

На письмо Самарянова Павелъ Михайловичъ отвѣчалъ:

„Памятную книжку и письмецо ваше я получилъ, но вы поступили слишкомъ економно, вложивъ письмо въ посылку и тѣмъ ввели меня въ напрасный убытокъ: при выдачѣ въ Почтамтѣ, моему посланному посылки, по новымъ строгимъ правиламъ, ее вскрыли и нашедши письмо, потребовали штрафа 90 к.; предстояло или отказаться отъ принятія посылки или заплатить, что и исполнено. Книжка ваша составлена очень хорошо и интересно; желательно, чтобы въ другихъ епархіяхъ послѣдовали вашему примѣру. Присланныя вами печатныя объявленія я роздалъ по здѣшнимъ клубамъ, гдѣ они положены на столы въ газетныхъ комнатахъ: быть можетъ кто нибудь и выпишетъ, подобно мнѣ, вашу книжку. Еслибъ вы прислали побольше экземпляровъ, ихъ можно было бы роздать по публичнымъ библіотекамъ, кондитерскимъ и т. п.; книгопродавцы очень жадны,

ихъ не прельстишь и 20 процентами. Я имѣю намѣреніе писать къ строителю Чухломскаго монастыря и увѣренъ, что св. отецъ сдѣлаетъ мнѣ кредитъ высылкою *Описанія Авраамiева монастыря*, но боюсь, чтобы и онъ не вздумалъ положить письмо въ посылку, тогда кромѣ цѣны книжки должно будетъ также подвергнуться штрафу. Не пріѣдетъ ли когда нибудь его преподобіе въ Кострому: не забудьте сказать ему объ этомъ, чѣмъ меня весьма обяжете" (*Вх.* и *Исх.* IV, 89).

Этотъ отзывъ весьма „польстилъ авторскому самолюбію" г. Самарянова и онъ просилъ у Строева позволенія „воспользоваться, въ случаѣ надобности, его авторитетскимъ отзывомъ. Очень можетъ быть", писалъ онъ, „найдутся лица, которыя будутъ стараться уронить достоинства моей книги". Все это Самаряновъ излагалъ въ пространныхъ письмахъ, написанныхъ, къ сожалѣнію, почеркомъ связнымъ и неразборчивымъ. Чтеніе этихъ писемъ вѣроятно натрудило и безъ того слабое зрѣніе Строева. Впрочемъ это сознавалъ и самъ г. Самаряновъ, когда въ заключеніе послѣдняго письма своего писалъ Строеву:

„Мнѣ крайне жаль и очень совѣстно, что по своему невѣдѣнію законовъ о печати, я обременяю васъ многословными письмами вмѣсто того, чтобы кратко и ясно изложить пункты своей просьбы и тѣмъ избавить Ваше Превосходительство отъ напрасной траты времени на чтеніе пустой болтовни. Но что дѣлать? Народъ то мы, провинціалы, мало цивилизованный. Обласкала насъ высокая особа, и вотъ мы, какъ истинные дѣти природы, желая за ласку платить ласкою же, отъ избытка сердца даемъ полную волю своему языку, что почти забывая главный предметъ или только кружась около него, пускаемся въ дѣтскую болтовню, не сдерживаемую знаніемъ хорошаго тона и приличій! Простите мнѣ, Ваше Превосходительство, этотъ избытокъ чувствъ, который конечно, очень естественъ въ моемъ положеніи и едва-ли по этому предосудителенъ. Да благословитъ васъ Господь за вашу доброту! Но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи принесть вамъ снова мою искреннѣйшую благодарность за вашъ привѣтъ мнѣ и моему слабому труду. О, если бы вы позволили мнѣ напечатать его или лучше, научили меня, какое сдѣлать мнѣ употребленіе изъ вашего отзыва о моей книги. Позволяю себѣ сдѣлать еще маленькое прибавленіе. Прошу вѣрить искренности слѣдующихъ словъ: Не жажда извѣстности или славы, но желаніе имѣть кусокъ для семейства, заработанный собственнымъ трудомъ – вотъ что заставляетъ меня принимать всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы сбыть до безостатка книги, напечатанныя мною" (*Вх.* и *Исх.* IV, 94—97).

Въ это же время у Строева завязались сношенія съ исторіографомъ Московской епархіи Н. П. Розановымъ, которому онъ писалъ отъ (15-го октября 1868 г.) слѣдующее: „Съ неописаннымъ, въ полномъ смыслѣ, наслажденіемъ я прочиталъ на дняхъ статью вашу (Прав. Обозр., 1868 г.) о книгѣ *Описаніе Архива св. Синода* и узналъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ труда вашего *Исторія Московскаго епархіальнаго управленія*, котораго ожидаю съ великимъ нетерпѣніемъ. Занимаясь около сорока лѣтъ предметомъ, тоже относящимся къ Исторіи Россійской Іерархіи, и составивъ огромную (въ рукописи) книгу, но которую въ печати мнѣ неудастся уже видѣть, я, лѣтъ тридцать назадъ, ходилъ, въ теченіи пяти или шести лѣтъ, ежедневно въ Архивъ Старыхъ Дѣлъ, и всѣ остатки Патріаршихъ Приказовъ пересмотрѣлъ по *листку*; тамъ еще много относящагося къ предметамъ труда вашего; у меня есть кой какія замѣтки, для васъ не нелюбопытныя, которыя я готовъ предложить къ услугамъ вашимъ. Достигнувъ 73-хъ лѣтней старости, я почти потерялъ способность ходить и, съ трудомъ двигаясь по комнатѣ, лишенъ удовольствія къ вамъ пріѣхать; но еслибы вы посѣтили меня, свиданіе наше было бы не безполезно для насъ обоихъ и я принялъ бы васъ съ наивозможнымъ радушіемъ... Членамъ Консисторіи, *) отцамъ архимандритамъ Іакову и Сергію, покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать усерднѣйшій мой поклонъ и высокое почитаніе“ (*Вх.* и *Исх.* IV, 98).

Въ мартѣ 1869 года, съѣхались въ Москву ученые со всѣхъ концовъ Русскаго Царства для принятія участія въ первомъ у насъ Археологическомъ съѣздѣ. Творецъ и душа Археологическихъ съѣздовъ въ Россіи, Графъ А. С. Уваровъ не забылъ и Строева. Посылая къ Павлу Михайловичу программу съѣзда, Графъ собственноручно писалъ ему: „Позвольте мнѣ надѣяться, что вы не откажетесь принять участіе въ Археологическомъ съѣздѣ, которому ваша многолѣтняя опытность и многочисленные ваши труды по части отечественныхъ древностей могутъ принести столько пользы“ (*Вх.* и *Исх.* IV, 108).

По поводу этого приглашенія Строевъ писалъ Погодину: „Вамъ извѣстно, что уже полгода, съ послѣдняго свиданія нашего, я невольный сидѣнь, совсѣмъ измѣнили мнѣ ноги и едва двигаюсь по комнатѣ, которую и не знаю когда будетъ возможно оставить. Очень сожалѣю, что не могу участвовать въ Археологическомъ съѣздѣ, ни видѣть цѣлую сотню Археологовъ, съѣхавшихся со всей Россіи: можно было бы достать, чрезъ нихъ, много *Описаній монастырей*

---

*) Н. П. Розановъ занимаетъ должность секретаря Московской Духовной Консисторіи.

для меня необходимыхъ; такихъ книжекъ не продаютъ въ столицахъ, и большая часть ихъ валяется по угламъ монастырей, у издателей провинціальныхъ газетъ, или раздается только богомольцамъ. Просить васъ къ себѣ на подробное объясненіе о семъ предметѣ—дѣло невозможное; но не можете ли пособить мнѣ въ семъ случаѣ? Вамъ на съѣздѣ всѣ знакомы, и вамъ никто не откажетъ въ присылкѣ, разумѣется, за деньги. Впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ? Можетъ быть, и вы меня—сидяку посѣтите и заманите ко мнѣ кого либо изъ пріѣзжихъ, хотя Петербургскихъ" (*Вх.* и *Исх.* IV, 109).

Для большей части ученыхъ пріѣхавшихъ на съѣздъ, особенно для людей молодаго поколѣнія, имя Строева соединялось съ представленіемъ о такомъ давнопрошедшемъ, что вѣроятно очень немногихъ удивило, когда на собраніяхъ съѣзда почтенное имя Строева поминалось съ приснопамятными именами Митрополита Евгенія, Румянцова, Калайдовича и другими сошедшими уже въ могилу. Престарѣлый Археографъ могъ тогда сказать о себѣ словами Поэта:

И мы развалинамъ подобны
И на распутіи живыхъ
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный
Среди обителей людскихъ.

И вотъ какъ бы изъ гроба, этотъ погребенный, но еще живой въ области науки, Строевъ шлетъ письма къ именитымъ членамъ съѣзда. *И. И. Срезневскому*: „Перешедши за семдесятъ лѣтъ жизни, я подвергся всѣмъ недугамъ, свойственнымъ старости, но что хуже всего, ноги мнѣ измѣнили: уже цѣлые полгода не могу оставить комнаты, по которой едва двигаюсь. О посѣщеніи Археологическаго Съѣзда, или пріѣхать къ вамъ, мнѣ нельзя и думать. Между тѣмъ, мнѣ желалось бы васъ видѣть: я приготовилъ къ отсылкѣ въ Отдѣленіе Академіи Наукъ сорокалѣтніе труды мои (разумѣется далеко не оконченные и въ отрывкахъ) по Исторіи Славяно-Русской Литтературы; но не знаю, какъ ето сдѣлать. Несказанно обязали бы меня, Ваше Превосходительство, заѣхавъ ко мнѣ хотя на полчаса; наше свиданіе, вѣроятно, будетъ послѣднее въ моей жизни, которая не можетъ долго продолжиться".

— *А. Ѳ. Бычкову*: „Къ старческимъ недугамъ, свойственнымъ семидесяти-трехлѣтнему возрасту, присоединилась еще бѣда: мнѣ измѣнили ноги. Между тѣмъ, мнѣ желалось бы, и даже необходимо, васъ видѣть. Знаю, что вы очень заняты, и время вамъ дорого; но повторяю, мнѣ чрезвычайно радостно было бы свидѣться съ вами, быть можетъ, въ послѣдній разъ въ моей жизни" (*Вх.* и *Исх.* IV, 109).

Вотъ все, что сохранилось въ бумагахъ Павла Михаиловича касательно сношеній съ дѣятелями перваго въ Россіи Археографическаго Съѣзда. Извѣстно, что на этомъ Съѣздѣ Погодинъ произносилъ рѣчь о судьбахъ Археологіи въ Россіи. Писалъ онъ эту рѣчь, какъ самъ сознавался, по памяти, не имѣя время справляться; а потому сказанное въ рѣчи о Строевѣ не могло понравиться послѣднему. Это и было поводомъ къ новой и уже послѣдней ссорѣ Строева съ Погодинымъ. Здѣсь я опять долженъ прибѣгнуть къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ.

Въ сентябрѣ 1870 года, когда печатались Труды Съѣзда, мнѣ случилось быть въ Москвѣ, на обратномъ пути изъ деревни въ Петербургъ. М. П. Погодинъ, при свиданіи, спросилъ меня: „Вы конечно будете у Строева?“—Всенепремѣнно, отвѣчалъ я. „Такъ вручите ему вотъ эти листы. Пусть онъ прочтетъ и сознается, что я никогда о немъ не забываю и при всякомъ случаѣ воздаю должное его трудамъ“. При этомъ Михаилъ Петровичъ вручилъ мнѣ только что отпечатанную Рѣчь свою. Въ тотъ же вечеръ я отправился къ Строеву. Когда я ему представилъ Погодинскую Рѣчь, то онъ надѣлъ очки и сталъ читать вслухъ: *Вторымъ сотрудникомъ Графа Румянцова въ Москвѣ былъ Павелъ Михаиловичъ Строевъ, еще здравствующій, еще трудящійся*...—„А кто же первый“?... Спросилъ меня съ неудовольствіемъ Павелъ Михаиловичъ. Я замялся. Когда же прочелъ далѣе, что „*по порученію* Графа Уварова совершилъ Археографическое путешествіе“, то, по выраженію нашихъ лѣтописцевъ, „ражегся гнѣвомъ.., и бысть образъ лица его попустнѣлъ, и възострися на рать, и бысть готовъ“... Въ это время подошла ко мнѣ многоуважаемая Олимпіада Петровна и стала распрашивать о Погодинѣ; когда же я показалъ ей карточку его, только что полученную отъ него, и Олимпіада Петровна стала просить, чтобы я досталъ такую же и для нея, то Павелъ Михаиловичъ сказалъ ей: „Я, сударыня, начинаю съ Погодинымъ непріятную переписку, а вы изволите просить его карточку. Да на что она вамъ“? Дѣйствительно, Павелъ Михайловичъ написалъ Погодину по поводу его Рѣчи письмо, которое, къ сожалѣнію, не сохранилось въ Строевскихъ бумагахъ, но о содержаніи котораго можно судить изъ слѣдующихъ строкъ, которыя я получилъ отъ М. П. Погодина, по возвращеніи въ Петербургъ: „Не угадалъ ли я? Строевъ написалъ ко мнѣ ругательное письмо за отзывъ. Пишетъ о двухъ-трехъ оскорбленіяхъ, тамъ ему нанесенныхъ! Завтра ѣду спросить, что онъ хочетъ перепечатать. Это со мной не первый случай“. А въ другой записочкѣ, отъ 26-го октября 1870 года, Михаилъ Петровичъ писалъ мнѣ: „Еще здравствуйте! Только что разсчелся со

Строевымъ, вотъ вамъ новый гостинецъ отъ дочери Павскаго *). Не правда ли, что это моя спеціальность—получать огорченія такого рода? Хорошо еще что онѣ проходятъ по моему характеру безъ слѣда"? Вскорѣ послѣ того, я самъ подвергся гнѣву М. П. Погодина за то, что сообщилъ Строеву выписку изъ письма митрополита Евгенія о Калайдовичѣ **), въ которой говорится: „Хвастливость, досадливость и часто невѣрность сего любителя нашихъ древностей давно всѣмъ извѣстны" (*Русск. Арх.* 1870 г., прил., стр. 6—7). М. П. Погодинъ, прочитавъ въ корректурѣ мое письмо къ П. М. Строеву, написалъ къ П. И. Бартеневу: „Замѣтьте отъ меня г. Барсукову, что выписывать это для г. Строева, который нерасположенъ къ Калайдовичу, какъ извѣстно г. Барсукову,—не годится. Скажите, что я мою ему за это голову". Потомъ Погодинъ написалъ и ко мнѣ: „Я просилъ Петра Ивановича помыть вамъ голову за извѣщеніе Строева о дурномъ отзывѣ Евгенія о Калайдовичѣ, но считаю обязанностію, по образовавшимся нашимъ отношеніямъ, пожурить васъ еще. Движеніе нехорошее, котораго объ искорененіи источника помолитесь въ Казанскомъ соборѣ. Вы знаете неразположеніе Строева къ Калайдовичу. Что же—вы хотѣли принести ему удовольствіе бранью покойниковъ? Не хорошо, не хорошо! Покайтесь"! Вскорѣ я получилъ отъ Михаила Петровича другую записочку: „Что долго нѣтъ извѣстій отъ васъ? Не огорчились ли головомойкой! Если нѣтъ, то она уничтожается; а если да, то усугубляется".

Получивъ эту головомойку, я счелъ долгомъ объяснить Михаилу Петровичу, что не изъ дурнаго побужденія послалъ я Строеву выписку о Калайдовичѣ: „Журьбу же вашу",—писалъ я ему—„принялъ за ясное свидѣтельство вашего ко мнѣ расположенія, которое цѣню и храню какъ утѣшеніе. Но въ области науки и литературы для меня нѣтъ мертвыхъ, всѣ живы; а потому выписка сдѣлана не изъ желанія доставить живому удовольствіе *бранью покойниковъ*, а чтобы живаго вызвать на объясненіе. Читая переписку Евгенія, забываешь, что дѣло идетъ о мертвыхъ".

Года черезъ два послѣ этого, намъ съ П. И. Савваитовымъ выпалъ счастливый случай быть миротворцами между Погодинымъ и Строевымъ. Дѣло было такъ: въ концѣ іюля 1873 года, мнѣ посчаст-

---

*) Надо замѣтить, что въ это же время М. П. Погодинъ, введенный въ заблужденіе Лисицынымъ, весьма неудачно хлопоталъ за дочь протоіерея Г. П. Павскаго, г-жу Мальгину (*Русск. Арх.* 1871 г., стр. 1848—1951).

**) Это письмо я впервые тогда прочелъ въ *Путевыхъ Запискахъ* Я. К. Грота, напечатанныхъ въ *Вѣстникѣ Европы*, ноябрь 1870 г.

ливилось столкнуться въ Москвѣ съ П. И. Савваитовымъ, который, постигнутый семейною утратою, ѣхалъ съ семействомъ въ свою родную Вологду. Мы рѣшили ѣхать къ Строеву, который принялъ насъ необыкновенно радушно; оставилъ обѣдать, много разсказывалъ, показывалъ свои неоконченные гигантскіе труды и при прощаніи подарилъ Савваитову свой экземпляръ *Софійскаго Временника*, а мнѣ *Хронологическое указаніе матеріаловъ*. Отъ Строева мы поѣхали прямо къ Погодину и просидѣли у него цѣлый вечеръ. Мы съ такимъ чувствомъ говорили Погодину о Строевѣ, что растрогали его, и онъ, провожая насъ до границы своихъ владѣній на Дѣвичьемъ полѣ, рѣшилъ непремѣнно ѣхать къ Строеву для примиренія. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ нашего свиданія, Погодинъ поѣхалъ и заключилъ съ Павломъ Михаиловичемъ миръ, на этотъ разъ вѣчный.

Погодинъ, за годъ до своей смерти, посылая Строеву одинъ изъ предсмертныхъ своихъ трудовъ, а именно *Борьбу не на животъ, а на смерть*, писалъ ему (отъ 24-го ноября 1874 года): „Собирался я навѣстить васъ, многоуважаемый Павелъ Михайловичь, весною, предъ отъѣздомъ въ деревню, но не удалось. Собираюсь и по возвращеніи, но вотъ уже другой мѣсяцъ наступилъ, а все не приходится. Отяжелѣлъ. За письменнымъ столомъ работаю не уставая, а выѣхать куда, даже встать съ мѣста и подойти къ книжнымъ полкамъ—уже трудно. Посылаю вамъ *послѣднюю* „Борьбу“ съ историческими ересями. Грустно, грустно, намъ старикамъ смотрѣть на нашихъ преемниковъ: гдѣ Востоковъ, Кеппенъ, Языковъ, Евгеній, Калайдовичь, Бороздинъ, Ермолаевъ?... Они любили дѣло искренно и преданы были ему всецѣло. Недавно понадобилось мнѣ справиться въ вашемъ *Указателѣ къ Выходамъ*. Да вѣдь тутъ готовый матеріалъ для 20, 30 новомодныхъ диссертацій. Занимаюсь я теперь молодостію Петра 1672—1700. Ни одного слова живаго часто не нахожу у новыхъ писателей, которому повѣрить было бы можно безъ справки. Но довольно, боюсь заговориться. По первому пути постараюсь пріѣхать, а теперь примите заочно увѣреніе въ искреннемъ всегдашнемъ уваженіи“.

Этимъ письмомъ навсегда закончились сношенія Погодина съ Строевымъ, и въ концѣ концовъ они сошли въ могилу, все-таки, пріятелями.

Между тѣмъ, П. М. Строевъ продолжалъ неутомимо трудиться надъ обработываніемъ своихъ Іерархическихъ списковъ. „Лѣтъ десять передъ симъ“,—писалъ онъ къ архимандриту Боровскаго Пафнутьева монастыря, отъ 2-го мая 1869 года,—„издано было Описаніе Боровскаго Пафнутьева монастыря, вами настоятельствуемаго. Ета книжка необходима мнѣ для большаго сочиненія о монастыряхъ, коимъ въ на-

стоящее время занимаюсь. Уже болѣе года я искалъ ее; но всѣ старанія мои остались тщетны. Мнѣ осталось одно средство обратиться къ вашему высокопреподобію. Считаю не лишнимъ присовокупить, что слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ (въ 1820 году), я, по порученію покойнаго Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова, прожилъ подъ кровомъ Св. Павнутія около трехъ недѣль, составилъ для Его Сіятельства списокъ находившихся въ то время въ монастырѣ рукописныхъ книгъ; имѣю и теперь кое-какія замѣтки, не безполезныя для исторіи вашей обители, если онѣ не вошли въ составъ вышесказаннаго описанія" (*Вх. и Исх.* IV, 117 об.).

Архимандритъ Варлаамъ не замедлилъ исполнить просьбу Строева, выславъ ему *Описаніе* Пафнутьева монастыря (*Вх.* и *Исх.* IV, 139).

Особенное сочувствіе къ своему труду Строевъ встрѣтилъ въ почтенномъ Вологодскомъ ученомъ Николаѣ Ивановичѣ Суворовѣ. Онъ не скупился дѣлиться съ Строевымъ своими обширными свѣдѣніями по части Вологодскихъ церковныхъ древностей. Возникшая между ними переписка отличается особенною дѣловитостію.

Получивъ отъ Суворова нѣсколько книжекъ, заключающихъ въ себѣ Описаніе монастырей, соборовъ и церквей Вологодскаго края, Строевъ писалъ ему (отъ 26-го августа 1869 года): „Прочиталъ со вниманіемъ, и что нужно было, для сороколѣтняго труда моего о Русскихъ монастыряхъ, воспользовался; етотъ трудъ будетъ изданъ послѣ моей смерти: мнѣ уже 74-й годъ". Въ томъ же письмѣ Строевъ спрашиваетъ Суворова: „Будутъ ли когда составлены и напечатаны Описанія другихъ монастырей Вологодской епархіи: Глушицкаго, Арсеніева, Сольвычегодскаго Введенскаго, Гледенскаго, Коряжемскаго? Послѣдніе два упразднены, но были нѣкогда знамениты. Архивъ Коряжемскій былъ *мною* найденъ и спасенъ; гдѣ-то теперь спасенныя бумаги?

„Быть можетъ, вамъ неизвѣстно, что въ архивѣ Устюжскаго уѣзднаго суда находятся (т. е. находились въ 1829 году) многія книги копій съ документовъ всѣхъ монастырей Вологодской и Устюжской епархій, существующихъ и упраздненныхъ, выданныя изъ бывшей Коллегіи Економіи: цѣлы ли онѣ теперь? Находившіеся таковые жъ фоліанты въ Вологодской Казенной Палатѣ, вѣроятно, въ 1831 году, сгорѣли. Еще нижайшая просьба: не можно ли, по прилагаемой при семъ записочкѣ, навести справку въ Вологодской Консисторіи о семи послѣднихъ архимандритахъ Спасо-Прилуцкаго монастыря, и мнѣ доставить. *Описаніе* Савваитова оканчивается 44-мъ годомъ и Списокъ настоятелей у него безъ конца: нужно придѣлать хвостъ" (*Вх.* и *Исх.* IV, 145 об. 146). Вмѣстѣ съ тѣмъ Строевъ просилъ Суворова доста-

вить ему *Описаніе Спасо-Суморина монастыря*, присовокупивъ, что на Савваитова, обѣщавшаго ему это Описаніе, „по всему видно, надежда плохая“ (ibid).

Суворовъ въ отвѣтномъ письмѣ, отъ 17-го сентября 1869 года, между прочимъ, писалъ: „Случайно попалась мнѣ копія съ огромнѣйшей грамоты, жалованной царями Іоанномъ и Петромъ Григорію Дмитріевичу Строгонову въ 1692 году. Я свѣрялъ эту копію съ грамотою, напечатанною въ книгѣ Устрялова, и всѣ какія нашелъ разности отмѣтилъ. Такъ какъ книга г. Устрялова о Строгоновыхъ составляетъ теперь библіографическую рѣдкость, то есть у меня мысль—напечатать упомянутую Строгоновскую грамоту въ видѣ приложенія къ епархіальнымъ здѣшнимъ Вѣдомостямъ. Заготовлены у меня вчернѣ описанія всѣхъ монастырей здѣшнихъ.... Не мало есть и другихъ разныхъ матеріаловъ у меня для исторіи Вологодскаго края, но связанныя службою руки никакъ не доходятъ до надлежащаго ихъ разбора“ (*Вх.* и *Исх.* IV, 148, 149).

Павелъ Михайловичъ, по своему обыкновенію, не замедлилъ отвѣтомъ.

„Письмо Ваше“,—писалъ онъ Суворову,—„и при немъ выписку о настоятеляхъ Спасо-Прилуцкаго монастыря я получилъ и не знаю какъ благодарить Васъ за предпринятый для меня трудъ. Теперь у меня совершенно полный списокъ настоятелей Прилуцкихъ, полнѣе Савваитовскаго: въ семъ послѣднемъ, въ концѣ XVII вѣка изрядный пропускъ, есть и другія неисправности.... Принимаю смѣлость безпокоить васъ справкою съ формулярными списками означенныхъ на прилагаемомъ листочкѣ настоятелей, если сіе не слишкомъ затруднительно. Составляйте съ Богомъ и напечатайте поскорѣе „*Описанія*“ не описанныхъ еще монастырей: боюсь, что не доживу до ихъ выхода въ свѣтъ, началъ очень дряхлѣть, а хуже всего—слѣпну. Устряловъ пользовался подлинниками актовъ Строгоновыхъ, которыхъ въ домашнемъ ихъ архивѣ много: странно, что грамота 1692 года издана невѣрно. Напечатайте найденный вами офиціальный списокъ, но я совѣтовалъ бы предварительно снестись съ г. Устряловымъ. Помнится, что въ архивѣ Вологодской Удѣльной Конторы я видѣлъ большой подлинный столбецъ конца XVII вѣка, въ которомъ исчислены подробно всѣ тогдашнія Строгоновыхъ владѣнія; за давноминувшимъ временемъ ничего обстоятельнаго сообщить вамъ не могу“ (*Вх.* и *Исх.* IV, 153).

Суворовъ не только не тяготился порученіями Строева, но, напротивъ того, исполненіе ихъ вмѣнялъ себѣ въ особенную честь. „Мнѣ весьма пріятно“,—писалъ онъ Строеву,—„если я моими замѣт-

ками и выписками могу сколько нибудь содѣйствовать вашему прекрасному и громадному труду, которому желаю всевозможной полноты и совершенства. Покорно прошу васъ и впредь обращаться ко мнѣ съ подобными вопросами, на которые я вседушевно радъ сообщать вамъ посильные отвѣты" (*Вх.* и *Исх.* IV, 154—157).

Отъ 3-го ноября 1869 года, Строевъ писалъ Суворову: „По данному вами мнѣ дозволенію, я долженъ еще обезпокоить васъ двумя нижайшими просьбами: *первая*: по вашимъ записочкамъ оказывается, что Павелъ Поповъ, нынѣшній владыка Тотемскій, управляющій Спасо-Прилуцкимъ монастыремъ, былъ прежде въ монастыряхъ Сольвычегодскомъ, Арсеніевомъ и Глушицкомъ, гдѣ (сказано у васъ) находится и нынѣ. Мнѣ кажется, что здѣсь по ошибкѣ два Павла, изъ коихъ одинъ Поповъ, другой иной фамиліи. Разрѣшите, сдѣлайте одолженіе, сей гордіевъ узелъ: напишите о каждомъ отдѣльно.

Вторая. Только теперь, вписывая сообщенныя вами извѣстія о Глушицкихъ настоятеляхъ, я усмотрѣлъ, что въ моемъ *Спискѣ* порядочный промежутокъ: между Августомъ Албенскимъ, въ 1794 году декабря переведеннымъ въ Каменный Духовъ монастырь, и Пахоміемъ, опредѣленнымъ 1819 года іюля 20-го. Слѣдовательно, тутъ цѣлая четверть столѣтія; въ этотъ періодъ было по крайней мѣрѣ три настоятеля, о коихъ не имѣю никакихъ свѣдѣній. Въ 1830 году я неудачно пріѣхалъ въ Глушицкій монастырь въ то время, когда тогдашній игуменъ страдалъ запоемъ, въ самомъ безобразномъ видѣ, и я, пробывъ едва сутки, уѣхалъ, а потомъ вторично уже не попалъ въ ту сторону. Какъ бы я возрадовался, еслибъ вы помогли мнѣ замѣстить сей пробѣлъ.

Извиняюсь вторично въ моей докучливости и надѣюсь получить отъ васъ отвѣтъ, по возможности удовлетворительный" (*Вх.* и *Исх.* IV, 158).

На это письмо послѣдовалъ отъ Суворова самый обстоятельный отвѣтъ: „Прежде всего спѣшу разрѣшить ваше недоумѣніе касательно двухъ *Павловъ Поповыхъ*, настоятелей Вологодскихъ монастырей, современно (почти) постриженныхъ въ монашество и теперь управляющихъ монастырями: Спасо-Прилуцкимъ и Глушицкимъ. Одинъ изъ этихъ *Павловъ*, именно нынѣшній викарій вологодскій, управляющій Спасо-Прилуцкимъ монастыремъ, въ мірѣ именовался Алексѣй Яковлевичъ Поповъ, получилъ образованіе въ Московской Духовной Академіи, былъ довольно долго въ свѣтскомъ званіи наставникомъ Вологодской семинаріи, потомъ священникомъ при одной церкви г. Вологды, потомъ ректоромъ Вологодскаго духовнаго училища и затѣмъ, по постриженіи, ректоромъ Вологодской семинаріи и наконецъ—теперь онъ—Преосвя-

щенный викарій Вологодскій. Другой Павелъ, настоятель Глушицкаго монастыря, въ мірѣ назывался Стефанъ Васильевичь Поповъ, образованіе получилъ только семинарское, окончивъ курсъ въ здѣшней семинаріи вмѣстѣ со мною въ 1836 году, потомъ прямо съ семинарской скамьи поступилъ въ священники, овдовѣлъ и въ послѣдніе недавніе годы, постригшись въ монашество, былъ сперва настоятелемъ Сольвычегодскаго Введенскаго монастыря, а отсюда переведенъ въ игумены Глушицкаго монастыря. Поэтому въ доставленныхъ мною вамъ свѣдѣніяхъ нѣтъ никакой ошибки въ фамиліяхъ этихъ двухъ Павловъ-софамильцевъ. Настоятелемъ Арсеньева монастыря былъ Павелъ—викарій, а не Павелъ—другой.

При семъ, согласно вашему желанію, для наполненія пробѣла въ спискѣ вашемъ настоятелей Глушицкаго монастыря, посылаю свѣдѣнія о трехъ, неизвѣстныхъ вамъ настоятеляхъ этой обители; свѣдѣнія извлечены изъ оффиціальныхъ документовъ, т. е. изъ монастырскихъ вѣдомостей тѣхъ годовъ, которыя я бралъ въ здѣшней Консисторіи. Къ сожалѣнію, архиваріусъ не могъ отыскать этихъ вѣдомостей ранѣе 1800 года. Поэтому между Августомъ Албенскимъ и игуменомъ Сиѳомъ и теперь остается небольшой пробѣлъ около 5 годовъ. Если отыщу недостающее для этого пробѣла—доставлю.

При семъ же препровождаю дополненіе къ списку игуменій здѣшняго Горняго Успенскаго монастыря. У меня давно уже собрано не мало матеріаловъ для исторіи этого монастыря, но руки не доходятъ, чтобы привесть ихъ въ порядокъ и составить цѣлое оконченное. Впрочемъ, матеріалы у меня для этого монастыря довольно скудные; удосужившись я начеркну перечень ихъ и пошлю вамъ въ надеждѣ получить отъ васъ свѣдѣніе о вашихъ матеріалахъ. Можетъ быть, оказалось бы, что моими пополнятся ваши, а вашими—мои. Дѣло было бы обоюдно полезное. Шуринъ мой Павелъ Савваитовъ разъ писалъ мнѣ, что и у него собрано что-то для исторіи этого же дѣвичьяго монастыря, но сколько я ни просилъ у него свѣдѣній, что именно у него собрано, толку добиться не могъ“ (*Вх.* и *Исх.* IV, 155—156).

Для тѣхъ же *Списковъ* Строеву понадобились сочиненія покойнаго архіепископа Филарета: 1) Описаніе Харьковской епархіи, 2) Историко-статистическое Описаніе Черниговской епархіи, 4) Каѳедральные Черниговскіе монастыри и Описаніе нѣсколькихъ Харьковскихъ и Черниговскихъ монастырей. Павелъ Михайловичь обратился съ просьбою къ родственнику Преосвященнаго Ѳ. И. Дмитревскому о присылкѣ ему названныхъ сочиненій по назначенной цѣнѣ (*Вх. и Исх.* IV, 146).

Въ отвѣтѣ г. Дмитревскаго сообщены слѣдующія любопытныя

свѣдѣнія о судьбѣ посмертныхъ сочиненій Преосвященнаго: „Послѣ смерти Преосвященнаго остались неконченными изданіемъ во 1-хъ) огромное по объему и весьма ученое по существу дѣла, Историко-статистическое Описаніе уѣздовъ Черниговской епархіи и во 2-хъ) закрытые монастыри Черниговской епархіи; оба эти сочиненія печатались въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ. А что касается до оставшихся еще не напечатанныхъ, то конца его можно ожидать развѣ чрезъ пять лѣтъ. Такъ спѣшно оно печается. Но еще жалчѣе, смѣю выразить мое искреннее чувство",—пишетъ далѣе г. Дмитревскій,—„то обстоятельство, что мѣстною консисторіею у автора оныхъ сочиненій отнята даже честь составленія ихъ и приписана какому-то коллективному труду священниковъ всей епархіи. Правда, священники доставляли не мало матеріала Преосвященному; но могли-ли они привести въ единство и оживотворить его свѣтомъ науки? Для наслѣдниковъ, бѣдныхъ священниковъ, ближайшихъ родственниковъ Преосвященнаго не дороги означенныя сочиненія, какъ вещь, но честь автора должна быть дорога не только для нихъ, но и для всѣхъ знающихъ неутомимаго труженника. О семъ печальномъ случаѣ я помышлялъ было заявить печатно, но остановился единственно потому, что въ моемъ положеніи это не безопасно, что я могу навлечь на себя преслѣдованіе со стороны ближайшаго моего начальства. Извините, Ваше Превосходительство, за неумѣстное слово" (*Вход. и Исход.* IV, 150, 151).

Въ отвѣтномъ письмѣ, Строевъ выразилъ сожалѣніе, „что Историческіе труды преосвященнаго Филарета останутся не изданными, или издадутся не скоро: имѣя 73 года, мнѣ не дождаться ихъ выхода". (л. 153 об.).

Между тѣмъ, Археографическая Коммиссія въ засѣданіи 23-го декабря 1869 года, постановила приступить къ новому изданію первыхъ трехъ томовъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, съ тѣмъ чтобы предварительно разосланы были къ отечественнымъ ученымъ нѣсколько образцовъ пробнаго набора, съ цѣлію получить отъ нихъ совѣты и указанія, которыми Коммиссія могла бы воспользоваться, чтобы придать новому изданію возможную степень совершенства. Подобные образцы получилъ и Строевъ (л. 161 — 162); но какъ онъ отнесся къ этому предпріятію Коммиссіи—намъ неизвѣстно. Въ бумагахъ П. М. Строева сохранилось только письма къ нему по этому предмету А. Ѳ. Бычкова и П. И. Савваитова. Первый изъ нихъ писалъ, отъ 29-го мая 1870 года: „Сердечно соболѣзную, что ноги отказываются вамъ повиноваться. Силою воли заставьте ихъ быть въ послушаніи. Въ настоящее время идетъ у насъ перепечатка первыхъ

трехъ томовъ Собранія Лѣтописей. Сижу надъ первымъ томомъ и повторяю зады. Печатаніе указателя идетъ успѣшно; скоро появится третій его выпускъ. Обѣщаніе ваше подѣлиться съ Коммиссіею отрывкомъ изъ составляемаго вами списка настоятелей до сихъ поръ еще остается обѣщаніемъ" (*Вход. и Исход.* IV. 189).

Письмо же Савваитова, написанное имъ 26-го апрѣля 1870 года, дошло до Строева только 31-го августа того же года: „Исправляя свою неисправность, имѣю честь при этомъ препроводить къ Вашему Превосходительству нѣкоторыя изъ брошюрокъ, о которыхъ вы говорили мнѣ при свиданіи въ Бѣлокаменной, въ прошломъ году. Въ каждой изъ нихъ вы непремѣнно найдете хоть что нибудь для собираемыхъ вами списковъ настоятелей. Описаній Архангельскаго Великоустюжскаго съ Троицкимъ Гледенскимъ и Спасосуморино-Тотемскаго монастыря съ Дѣдовскою пустынею отыскать не могъ, за что и прошу простить меня великодушно. Съ нетерпѣніемъ ожидаю времени, когда списки ваши выйдутъ на свѣтъ Божій! При нашихъ занятіяхъ, какъ вы знаете по собственному опыту, такіе списки—пособіе драгоцѣнное и необходимое. Но дождемся ли мы въ самомъ дѣлѣ изданія вашихъ списковъ? или это удовольствіе хотите вы доставить лишь потомкамъ нашимъ? Жаль, очень жаль, если такъ...

Теперь мы принялись за новое изданіе Русскихъ Лѣтописей. Хотѣлось бы сдѣлать лучше прежняго изданіе, но будущее извѣстно Богу. На мою долю изъ первыхъ трехъ томовъ новаго изданія достались Новгородскія лѣтописи. Не откажите, многоуважаемый Павелъ Михайловичь, дать добрый вашъ совѣтъ въ этомъ дѣлѣ. Ваша извѣстная опытность въ дѣлѣ отечественнаго древле и дѣеписанія заставляетъ меня вполнѣ быть увѣреннымъ, что совѣтъ вашъ во всякомъ случаѣ былъ бы очень полезенъ. Изъ-за новаго изданія Лѣтописей пришлось, къ сожалѣнію, остановить (на долго ли Богъ вѣсть) начатое изданіе Великихъ Четіихъ Миней, за которыя принялся я съ любовію. Объ остальныхъ новостяхъ по нашей старописьменности разскажетъ вамъ все по ряду и подробно достоуважаемый сочленъ нашъ Аѳанасій Ѳедоровичь, который вручитъ вамъ и это мое посланіе" (*Вх. и Исх.* IV, 194).

Труды Строева по Іерархической исторіи сблизили его со многими духовными особами, а въ числѣ ихъ съ Муромскимъ Епископомъ Іаковомъ.

Переселившись изъ Москвы во Владиміръ, Преосвященный Іаковъ писалъ оттуда Строеву (отъ 2-го марта 1870 года): „Не удалось мнѣ прислать къ вамъ, какъ обѣщалъ, писца для скопированія именъ святителей Владимірскихъ и настоятелей Рождественскаго монастыря, гдѣ

нынѣ помѣщаюсь какъ викарій. Не удастся ли теперь что сдѣлать. Благословите. Кстати, Староладожскій игуменъ Іоаннъ, извѣстный изданіемъ нѣкоторыхъ изслѣдованій о монастыряхъ, долженъ составить, по порученію Преосвященнаго Павла, Староладожскаго епископа, описаніе Введенскаго Островскаго монастыря, гдѣ почиваютъ родители Преподобнаго Александра Свирскаго, и проситъ меня содѣйствовать ему къ пополненію списка настоятелей Введенскаго монастыря. Покорнѣйше прошу дозволить списать имена настоятелей этого монастыря. Жалѣю, что онъ не догадался прислать прежнее изданіе описанія этого монастыря; но онъ будетъ догадливѣй, когда напечатаетъ исправленное изданіе. На новосельѣ пока еще ничѣмъ стороннимъ не занимаюсь. То приводилъ въ порядокъ свою библіотеку, то принималъ прошенія разныхъ посѣтителей и разсматривалъ ихъ, то служилъ. Такъ время шло съ 7-го февраля и ушло почти безслѣдно. Надѣюсь, доставлена къ вамъ книга *Ѳеофанъ и его время* *). Радуюсь, что она не осталась за мной и благодарю васъ за нее, хотя и не пришлось мнѣ воспользоваться ею. Ничего. Другой воспользовался. Не даромъ долго гостила. Увѣдомьте, какихъ описаній монастырей Владимірской епархіи недостаетъ въ вашей библіотекѣ. Я что найду здѣсь, пришлю къ вамъ“ (*Вх. и Исх.* IV, 171).

При другомъ письмѣ, отъ 18-го апрѣля 1871 года, Преосвященный посылаетъ Строеву списокъ настоятельницъ Тамбовскаго Вознесенскаго монастыря, заимствованный имъ изъ рукописнаго описанія тамошняго монастыря, составленнаго монастырскимъ священникомъ Василіемъ Іонинымъ въ 1837 году. При чемъ Преосвященный просилъ Строева сообщить ему свѣдѣнія о первыхъ пяти начальницахъ этого монастыря: Александрѣ, Екатеринѣ, Аннѣ, Палладіи и Митрополіи. „Не излишнимъ считаю сказать“,—читаемъ въ томъ же письмѣ Преосвященнаго, — „что прошлымъ постомъ былъ я въ г. Суздалѣ, обозрѣвалъ всѣ монастыри и церкви, но по Спасо-Евфиміевскому монастырю не нашелъ списка настоятелей; заставилъ, впрочемъ, тамъ работать. Что добудутъ мои работники, о томъ долгомъ сочту сообщить вамъ“ (*Вх.* и *Исх.* IV, 214).

Строевъ отвѣчалъ Преосвященному Іакову: „Мой списокъ настоятельницъ Тамбовскаго Вознесенскаго монастыря былъ очень бѣденъ, потому что въ Тамбовѣ я не успѣлъ быть въ свое время; теперь изъ присланныхъ Вашимъ Преосвященствомъ свѣдѣній я пополнилъ его значительно. Пріимите, Преосвященнѣйшій, всепокорнѣйшую мою благодарность. Мнѣ извѣстно также, что въ исходѣ 1735 года скон-

*) Сочиненіе Чистовича.

чалась тамъ игуменія *Ѳекла*, а 1736 года февраля 23-го на ея мѣсто опредѣлена *Екатерина*, которая управляла и въ 1739 году. Она ли была въ теченіи слѣдующихъ десяти лѣтъ (1740—1749), или между нею и *Александрою* (вступившею въ 1749 году) была ли еще игуменья—не знаю. О пяти игуменьяхъ, о коихъ Ваше Преосвященство изволите меня спрашивать, нѣтъ у меня другихъ извѣстій, кромѣ годовъ управленія ихъ; такъ же что *Палладія*, переведенная въ 1772 году въ Московскій Новодѣвичій монастырь, была дворянка, по фамиліи *Дурова* и скончалась тамъ 1794 года марта 8-го. Такъ какъ архивы Суздальскихъ монастырей по порученію Вашего Преосвященства разбираются, то принимаю смѣлость препроводить при семъ списокъ настоятельницъ Суздальскаго Покровскаго монастыря, который не совсѣмъ исправенъ и полонъ. Въ 1833 году, въ монастырѣ хранилась еще громадная куча столбцевъ, которую въ теченіи двухъ недѣль я успѣлъ пересмотрѣть и извлечь что̀ нужно. Далѣе временъ Петра I, по тогдашнему плану, мнѣ идти было нельзя. Слѣдовательно, всю первую половину XVIII вѣка нужно провѣрить и пополнить. Тогда выйдетъ списокъ, за вѣрность котораго можно смѣло ручаться и который самой обители будетъ не безполезенъ“ (*Вход.* и *Исход.* IV, 215).

Пользуясь услугами другихъ, Строевъ и самъ не отказывалъ просящимъ у него свѣдѣній. Такъ, когда Д. Д. Благово поручено было отъ настоятеля Угрѣшскаго монастыря Пимена заняться собраніемъ матеріаловъ для составленія *Лѣтописца* Угрѣшскаго, то г. Благово, чрезъ посредство П. И. Бартенева, обратился къ Строеву (въ маѣ 1869 г.) и, разумѣется, не раскаялся въ этомъ; напротивъ того, самъ Благово свидѣтельствовалъ Павлу Михайловичу свою благодарность въ слѣдующихъ словахъ: „Вмѣняю себѣ въ долгъ и считаю за особое удовольствіе принести вамъ искреннюю мою благодарность за ласковый и отечески-привѣтливый пріемъ, сдѣланный мнѣ вами и за ту несомнѣнную пользу, которую мнѣ доставили ваши совѣты, безъ которыхъ я конечно блуждалъ бы по окольнымъ путямъ, не зная какъ взяться за порученное мнѣ дѣло. Вы стяжали право на признательность обители. Къ собраннымъ мною лептамъ вы прибавили златницы“ (*Вх.* и *Исх.* IV, 121, 122).

Изъ сохранившихся письменныхъ свидѣтельствъ мы узнаемъ, что къ Строеву также обращались за свѣдѣніями подобнаго рода: В. П. Титовъ, Московскіе викаріи Леонидъ и Игнатій, а также настоятели и настоятельницы почти всѣхъ Московскихъ и Замосковныхъ обителей.

Строевъ не разставался съ своими *Списками іерарховъ* почти до

самой своей смерти. Въ бумагахъ его, нашлось письмо къ нему П. П. Яковлева, писанное 29-го ноября 1875 года, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Простите великодушно, что обѣщанныя мною свѣдѣнія о трехъ настоятеляхъ Сергіевой пустыни нынѣ только имѣю честь препроводить къ Вашему Превосходительству“.

Письмо это получено было за мѣсяцъ, съ небольшимъ, до смерти Строева.

Отъ одра умирающаго Археографа почти не отходилъ старинный другъ дома Строевыхъ, воспитанница Авдотьи Петровны Елагиной, Елизавета Ивановна Попова *), отлично образованная, сердобольная и благочестивая. „На ней, по свидѣтельству П. И. Бартенева, отразились качества ея воспитательницы“ (*Русск. Архивъ* 1877, № 8, стр. 491).

Елизавета Ивановна трогательно описывала послѣдніе дни умирающаго въ своихъ письмахъ къ сыну Павла Михайловича, Александру Павловичу Строеву: „Маменька ваша“,—писала она (отъ 8-го декабря 1875 г.),—„просила меня сообщить вамъ общую нашу духовную радость. Папенька вашъ пріобщился Святыхъ Христовыхъ Таинъ въ четвертокъ, 4-го декабря. Папенька вашъ слегъ съ 1-го декабря и въ тотъ день ничего не кушалъ. Маменька ваша предлагала ему причаститься, убѣждала его тѣмъ, что въ теченіи пятидесяти лѣтъ ихъ супружеской жизни она ни разу его ни о чемъ не просила. Хотя папенька вашъ сначала и отказалъ, но потомъ сказалъ: *вѣдь тутъ много хлопотъ*. Священникъ приходскій **), узнавъ отъ діакона своей церкви ***) о болѣзненномъ состояніи вашего отца, явился самъ по себѣ въ 9 часовъ вечера. Маменька и люди молились; и Богъ благословилъ усердіе добраго пастыря: папенька вашъ со слезами на глазахъ повторилъ молитву: *Вѣрую Господи, и исповѣдую, яко ты еси воистинну Христосъ Сынъ Бога живаго*. Священникъ очень понравился больному“.

Въ другомъ письмѣ, отъ 30-го декабря, Елизавета Ивановна пишетъ: „Почти одинаково продолжалось состояніе дорогаго вамъ больнаго, любезный Александръ Павловичь, до 22-го декабря, то есть большею частію усыпленіе. Я удивляюсь терпѣнію вашего папеньки; дай Господи, чтобы оно его не оставляло до неизбѣжнаго конца, онъ лежитъ тихо, не охаетъ и не стонетъ, конечно иногда по старой при-

*) Дочь извѣстнаго книгопродавца и содержателя типографіи. Она скончалась въ Москвѣ, въ концѣ 1876 года.

**) Протоіерей Павелъ Ивановичъ Казанскій.

***) Матвѣй Ивановичъ Кротковъ.

вычкѣ, на предлагаемыя вашей маменькой средства отвѣчалъ нетерпѣливо: *что вы хотите меня учить?* но этимъ все и оканчивалось. Онъ узналъ отъ маменьки вашей о болѣзни Погодина и отдалъ ему должную справедливость какъ ученому, ибо сказалъ мнѣ: *Послѣ меня нѣкоторыя оставшіяся разныя мои бумаги и роспись архіереевъ могъ бы оцѣнить Михаилъ Петровичъ, воспользоваться ими и продолжать этотъ трудъ, но теперь онъ самъ такъ боленъ*! Папенька вашъ интересовался подробностями его кончины и погребенія, и просилъ вашу маменьку читать ему статьи о Погодинѣ въ *Петербургскихъ* и *Русскихъ Вѣдомостяхъ.* До сихъ временъ Богъ подаетъ силы маменькѣ.

Этимъ оканчивается скорбное повѣствованіе Елизаветы Ивановны.

Дальнѣйшее описалъ мнѣ Алексѣй Егоровичъ Викторовъ *): „Послѣдніе девять дней“,—писалъ Алексѣй Егоровичъ,—„Строевъ лежалъ безъ движенія, съ закрытыми глазами и ничего не говорилъ. Дня за два до смерти Олимпіада Петровна даже пришла къ мысли, не все ли кончено, и учинила какое-то испытаніе. Вдругъ умирающій, не открывая глазъ, поднялъ палецъ и погрозилъ“.

Наконецъ, 5-го января 1876 года, „приспѣ конецъ ему временьнаго сего и многомятежнаго житья, тихо и безмолвно преставися и приложися къ отцемъ и дѣдомъ своимъ“.

Слова нашихъ древнихъ лѣтописцевъ, которыми они, обыкновенно, оканчивали свои некрологи, какъ нельзя больше подходятъ къ изображенію тихой кончины Строева.

Отпѣваніе происходило въ церкви Адріана и Наталіи. Достопочтенный протоіерей тамошней церкви Павелъ Ивановичъ Казанскій, напутствовавшій Строева спасительными и животворящими Тайнами, произнесъ при его гробѣ слово, въ которомъ весьма кстати привелъ стихъ изъ книги Бытія: „*Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю*“ (3, 19). Послѣ молитвъ и пѣснопѣній церковныхъ, исполненныхъ чаяній любви и милосердія Божія, тѣло было предано землѣ на Пятницкомъ кладбищѣ. *Господня земля и исполненіе ея, вселенная, и вси живущіи на ней.* „На похоронахъ Строева“,—писалъ ко мнѣ Викторовъ,—„Протоіерей сказалъ приличное слово и отлично пѣли Сѵнодальные пѣвчіе. Но ученой братіи было мало: кромѣ насъ съ Бартеневымъ были: Соловьевъ, Забѣлинъ и Нилъ Поповъ. *Вы такъ любили Строева, напишите же о семъ П о д в и ж н и к ѣ*!“

---

*) Хранитель отдѣленія рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ.

Благородные наслѣдники усопшаго „Подвижника", тотчасъ же послѣ кончины его, передали всѣ посмертные труды его, составившіе цѣлыя книги, въ безусловное распоряженіе Императорской Академіи Наукъ и Археографической Коммиссіи.

Испытатели Русскихъ Древностей съ благодарностью уже пользуются предсмертнымъ трудомъ Строева, носящимъ заглавіе: *Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія Церкви*, изданнымъ Археографическою Коммиссіею въ 1877 году.

Въ полномъ сознаніи несовершенства моего труда, я заключаю его смиренными словами приснопамятнаго древняго инока Лаврентія, которыя онъ написалъ, въ 1377 году, окончивъ переписку древнѣйшей нашей Лѣтописи:

„Радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормьчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, такожде и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій.

И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите.

А со всѣми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашь, Сынъ Бога живаго, емуже слава и держава и честь и покланянье со Отцемъ и съ Пресвятымъ Духомъ, и ныня и присно въ вѣкы.

Аминь".

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЦЪ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ, МОНАСТЫРЕЙ, ЦЕРКВЕЙ,

И

РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ, ВЪ СЕЙ КНИГѢ УПОМИНАЕМЫХЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строки.	*Напечатано:*	*Нужно читать:*
3	5	сохринилось	сохранилось
19	6	Курботовы	Курбатовы
25	38	на	ни
244	30, 31	личному	личнымъ
273	14	старонѣ	старинѣ
321	30	купія	купчія
321	17	подленниковъ	подлинниковъ
337	23	привазамъ	приказамъ
396	12	напечанъ	напечатанъ
437	5	извѣстую	извѣстную
463	9	Orationis	Orationes
476	14	цродолженіи	продолженіи
490	23	блигодѣтельны	благодѣтельны
492	33	Нсторія	Исторія
493	27	было	былъ
512	17	исполпенія	исполненія
531	5	Аркаій	Аркадій
542	8	доставлена	доставлена
564	37	присовокупляте	присовокупляете
565	29	пе	не
577	37	нослапія	посланія
609	41	извѣтсномъ	извѣстномъ

Къ стр. 642 — 643.

—

ВОСПОМИНАНІЕ

бесѣды съ

П. М. СТРОЕВЫМЪ,

7-го августа 1875 г. въ Москвѣ *).

Истекшее трехъ-годичное время, въ особенности болѣзненное состояніе, ослабившее мою память, лишаютъ меня счастливой возможности изложить съ желаемою точностію бесѣду нашу.

Рѣшаюсь на изложеніе единственно по убѣжденію достоуважаемаго мною лица, съ искреннимъ сожалѣніемъ о многихъ недостаткахъ.

По прибытіи моемъ въ Москву для предположенныхъ изысканій историческихъ свѣдѣній въ архивахъ и послѣ полутора-мѣсячныхъ въ нихъ занятій, получилъ я приглашеніе отъ Павла Михайловича посѣтить его.

Пріятно мнѣ было это приглашеніе почтеннаго старца-труженика, къ которому я питалъ уваженіе съ 1830 года, когда онъ съ Высочайшаго разрѣшенія занимался археографическими изысканіями въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, по сосѣдству котораго было тогда мое пребываніе въ Кирилло-Новоозерской обители. Сюда Павелъ Михайловичъ командировалъ въ то время сотрудника своего, г-на Бередникова, для таковыхъ же изысканій.

Бесѣда наша состояла въ слѣдующемъ:

Распросивъ о цѣли занятій моихъ въ Московскихъ архивахъ, онъ тотчасъ предложилъ мнѣ къ разсмотрѣнію рукописную книгу трудовъ его „Списки Іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской Церкви“

*) Когда книга наша была уже совершенно отпечатана, мы получили отъ достопочтеннаго Павла Петровича Яковлева это воспоминаніе объ ученой бесѣдѣ, которая для Строева была предсмертною. *П. Б.*

дополнивъ, что сожалѣетъ очень о позднемъ прибытіи моемъ въ Москву, когда уже память ему во многомъ измѣняетъ; но если бы десять лѣтъ ранѣе, то несомнѣнно, что онъ доставилъ бы мнѣ историческихъ свѣдѣній съ обиліемъ.

Интересовался моими изысканіями въ архивахъ С.-Петербургскихъ, распрашивая о нихъ съ большими подробностями. Разсмотрѣвъ бывшія со мною нѣкоторыя бумаги XVII и XVIII вѣка, а также снятыя мною факсимиле съ древнихъ рукописей, онъ продолжалъ свою бесѣду:

„Теперь для занятій въ архивахъ“ говорилъ Павелъ Михайловичь „наступило лучшее время, въ сравненіи 1830-хъ годовъ, когда, въ бытность нашу въ Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ краяхъ, хранители древностей поступали такъ: едва заслышатъ за нѣсколько верстъ о нашемъ приближеніи, какъ все стараются спрятать, и иногда совершенно истребить.... Нынѣ, при развившемся сочувствіи къ историческимъ изслѣдованіямъ, остается только, если кто имѣетъ возможность, не жалѣть труда и времени“.

Когда я сообщилъ ему о слабости моего здоровья, то онъ, вѣроятно изъ желанія поощрить мой трудъ, чрезвычайно одобрялъ его и совѣтовалъ: „вооружиться терпѣніемъ и, не обращая вниманія на говоръ людей, толкующихъ иногда о нашихъ дѣйствіяхъ не въ нашу пользу, въ особенности не спѣшить, и отнюдь не спѣшить печатаніемъ, пока соберутся всѣ предначѣренные и доступные къ изысканію матеріалы, хотя замѣчено, что если собирателю не удастся при жизни осуществить вполнѣ труда своего, то посмертные издатели стараются иногда видѣть во всемъ большею частію одну черную сторону“.

При окончаніи бесѣды, Павелъ Михайловичъ просилъ препроводить къ нему изъ С.-Петербурга, для дополненія составленныхъ имъ „Списковъ Іерарховъ и настоятелей монастырей“, свѣдѣнія о трехъ оо. Архимандритахъ: *Іосифѣ*, *Палладіи* и *Антоніи*, которые были настоятелями Троицко-Сергіевой пустыни въ 1770, 1774 и 1788 годахъ.

Пріятное порученіе исполнено мною 29-го ноября того же 1875 года.

Павелъ Яковлевъ.

3-го іюля 1878 года,
С.-Петербургъ.